ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

А. АЗИМОВ

РОБОТЫ УТРЕННЕЙ ЗАРИ

Роботы утренней зари [Сборник]

Айзек Азимов

Аннотация
Айзек Азимов. Роботы утренней зари
Стальные пещеры
Обнаженное солнце
Роботы Утренней Зари
Роботы и империя

Аннотация

Без издательской аннотации.
Содержание:
Стальные пещеры
Обнаженное солнце
Роботы Утренней Зари
Роботы и Империя

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Айзек Азимов

РОБОТЫ УТРЕННЕЙ ЗАРИ

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

Айзек Азимов
Роботы утренней зари

Стальные пещеры

Едва Лайдж Бейли уселся за стол, как почувствовал на себе пристальный взгляд Р. Сэмми. Строгое вытянутое лицо Бейли застыло.

— В чем дело?

— Вы нужны боссу, Лайдж. Немедленно. Велел вам явиться, как только придете.

— Хорошо.

Р. Сэмми не двинулся с места.

— Я сказал, хорошо. Убирайся!

Р. Сэмми круто повернулся и пошел выполнять другие поручения.

«Будто человек не может делать все это!» — возмутился про себя Бейли.

Он стал не торопясь изучать содержимое своего кисета и прикинул, что если будет прикуривать по две трубки в день, то ему удастся дотянуть до выдачи новой порции. Затем он вышел из-за перегородки — он уже два года имел право на отгороженный угол — и через общую комнату направился к выходу. Его окликнул оператор ртутного запоминающего устройства Симпсон.

— Вас ждет босс, Лайдж.

— Знаю. Р. Сэмми уже приходил.

Испещренная кодом лента струилась из миниатюрного прибора. Он находил и анализировал данные своей памяти в поисках сведений, хранящихся в крохотных ячейках мерцающей внутри ртути.

— Я дал бы Р. Сэмми коленкой под зад, если бы не боялся сломать себе ногу, — сказал Симпсон. — На днях приходил Винс Бэррет.

— Ну и как?

— Хотел бы вернуться на старое место. Говорит, готов на любую работу у нас в управлении. Бедняга в отчаянии, но я ничем не мог его порадовать. Его место занял Р. Сэмми, и все тут. Парнишка нанялся на дрожжевую ферму. А ведь способный был малый и всем нравился.

Бейли пожал плечами и сказал строже, чем хотел на самом деле:

— Нам всем предстоит пройти через это.

Босс по своему положению имел отдельный кабинет. На матовом дверном стекле вытравлена красивая надпись: «ДЖУЛИУС ЭНДЕРБИ. Комиссар полиции города Нью-Йорка».

Бейли вошел в кабинет:

— Вы звали меня, комиссар?

Эндерби посмотрел на него. Он носил старомодные очки, так как его глаза не переносили

контактных линз. Только привыкнув к очкам, можно было разглядеть черты его заурядного, невыразительного лица. По твердому убеждению Бейли, комиссар отвергал контактные линзы только затем, чтобы выделяться среди других, а вовсе не из-за своих чувствительных глаз. Комиссар был явно чем-то встревожен. Он поправил манжеты рубашки, откинулся на спинку кресла и сказал как-то уж слишком тепло:

— Садитесь, Лайдж. Присядьте, пожалуйста.

Бейли сел и ждал в напряженной позе.

— Как Джесси? Как сын?

— Хорошо, — отозвался Эндерби. — Тоже нормально.

Начало было неудачным.

«Какое-то у него сегодня странное лицо», — подумал Бейли, а вслух сказал:

— Комиссар, могу я просить не посылать за мной Р. Сэмми?

— Вы знаете мое мнение на этот счет, Лайдж. Но раз он есть, должен же я его как-то использовать.

— С ним неприятно иметь дело, комиссар. Пришел сегодня, передал вашу просьбу и стоит как истукан. Таки будет стоять, пока его не отошлешь.

— О, это моя вина, Лайдж. Я велел ему позвать

вас, но забыл точно указать, что делать дальше.

Бейли вздохнул. Мелкие морщинки у его темно-карих глаз стали более отчетливыми.

— Ну ладно. Так вы хотели меня видеть?

— Да, Лайдж, — сказал комиссар, — и по весьма важному делу.

Он встал, подошел к стене позади стола, нажал какую-то кнопку — и тотчас же часть стены стала прозрачной. Бейли зажмурился от неожиданно хлынувшего потока сероватого света.

Комиссар улыбнулся:

— Это сделано по моему заказу в прошлом году. Я вам, кажется, еще не показывал. Подойдите поближе, Лайдж. В старые времена во всех комнатах были подобные штуки. Их называли окнами. Вы слышали об этом?

Бейли прекрасно об этом знал, так как читал не один исторический роман.

— Разумеется, — сказал он.

— Подойдите сюда.

Бейли слегка поежился, но все-таки подошел. Было даже что-то неприличное в том, что уединенность комнаты выставлялась напоказ внешнему миру. Комиссар временами доводил до крайности свое увлечение медиевистикой.

«Эти очки, например», — подумал Бейли.

Так вот в чем дело! Вот почему у него такое странное лицо!

— Простите за любопытство, комиссар, — сказал Бейли, — но у вас, кажется, новая оправа?

Комиссар взглянул на него с удивлением, снял очки, посмотрел на них, потом снова на Бейли. Сейчас его круглое лицо казалось еще более круглым, а подбородок — более заметным. И взгляд его стал беспомощным, потому что все расплывалось перед его глазами.

— Да, новая, — подтвердил он. Он снова надел очки и добавил со злостью: — Старые я разбил три дня назад. Дел было по горло, так что коте получил только сегодня утром. Лайдж, эти три дня были сущим адом.

— Из-за очков?

— Да. И по другим причинам. Но об этом потом.

Он повернулся к окну. Бейли последовал его примеру и был слегка поражен, обнаружив, что снаружи идет дождь. С минуту он молча наблюдал, как сверху лились потоки воды, в то время как комиссар горделиво взирал на эти явления природы, будто в этом была его личная заслуга.

— За этот месяц я третий раз смотрю, как идет дождь. Интересное зрелище, верно?

Бейли был вынужден согласиться, что зрелище, действительно, интересное. В свои сорок два года он почти не видел дождя, да и вообще никакого другого явления природы.

— По-моему, неразумно, что вода вот так, без всякой пользы, поливает город, — заметил он. — Ее место в резервуарах.

— Лайдж, — ответил ему комиссар, — вы модернист, вот в чем беда. В медиевальные века люди жили на открытом воздухе и не только на фермах. Даже в городах. Даже в Нью-Йорке. Когда шел дождь, им это не казалось неразумным, Они радовались этому, потому что жили близко к природе. Это и здоровее, и лучше. Все наши беды оттого, что мы оторваны от природы. Почитайте-ка на досугу об угольном веке.

Бейли довелось читать и об этом. Он слышал, как многие сетовали по поводу изобретения атомного реактора. Он и сам был не прочь поныть, когда что-нибудь не ладилось или когда одолевала усталость. Человек всегда чем-то недоволен. В угольном веке люди жаловались на паровую машину. А герой одной из пьес Шекспира возмущался тем, что кто-то изобрел порох. Лет через тысячу кому-нибудь не понравится создание позитронного мозга. К черту все это!

— Слушайте, Джулиус… — сказал он мрачно. (На работе он предпочитал держаться с комиссаром официально, даже если тот то и дело звал его по-приятельски Лайджем. Сейчас что-то подсказывало ему поступить иначе).

— Слушайте, Джулиус, вы говорите здесь о чем угодно, только не о том, зачем вы меня позвали. Меня это беспокоит. В чем все-таки дело?

— Я дойду до этого, Лайдж, — ответил комиссар. — Не подгоняйте меня. У нас неприятности, Лайдж.

— Еще бы! Здесь иначе и быть не может. Опять что-нибудь с роботами?

— В каком-то смысле да, Лайдж. Я вот стою здесь и думаю, что еще выпадет на долю нашей старушке Земле… Я сделал это окно не только чтобы иногда полюбоваться небом, а чтобы видеть город.

Смотрю *я* од его и думаю, каким-то он будет через сотню-другую лет?

Бейли не был сентиментальным, но и он поддался очарованию открывшегося перед ним вида. Несмотря на окутавшую его серую дымку, город представлял изумительное зрелище. Полицейское управление помещалось на одном из верхних этажей здания муниципалитета,

который господствовал над всем. Окно комиссара находилось над крышами соседних башен, устремившихся вверх подобно растопыренным пальцам чьей-то гигантской руки. Стены этих башен были совершенно гладкими и слепыми — наружные оболочки огромных человеческих ульев.

— Жаль, что идет дождь, — заметил комиссар, — Не виден Космотаун. Бейли посмотрел на запад. Комиссар был прав. Горизонта не было видно; башни Нью-Йорка тонули в серо-белой пелене дождя.

— Я знаю, как он выглядит, — отозвался Бейли.

— Мне нравится вид на него отсюда, — Его можно разглядеть между двумя секторами Брунсвика. Эти приземистые купола космонитов… В этом все различие между нами и ими: мы тянемся кверху и живем кучно, а у них каждая семья живет отдельно. На семью — по дому. А между ними земля. Вам доводилось когда-нибудь беседовать с космонитами, Лайдж?

— Несколько раз. Месяц назад я разговаривал с одним по-вашему селектору, — ответил Лайдж сдержанно.

— Да, да. Помню. Мне просто хочется пофилософствовать. Мы и они… Разные образы жизни…

У Бейли засосало под ложечкой. «Чем больше комиссар ходит вокруг да около, — подумал он — тем ужаснее может оказаться известие».

— Это верно, — сказал он. Но что в этом удивительного? На земле невозможно расселить восемь миллиардов людей в маленьких куполах. А космониты привыкли к простору. Так что пусть живут, как им нравится.

Комиссар подошел к столу и сел. Его глаза, искаженные выпуклыми стеклами очков, не мигая смотрели на Бейли.

— Не все так терпимы к различиям в образе жизни. Ни у нас, ни у них.

— Согласен. Ну и что?

— А то, что три дня назад умер один космонит.

Наконец-то дело сдвинулось с места. На узком, печальном лице Бейли не было и следа охватившего его волнения. Лишь едва дернулись уголки тонкого рта.

— Скверно, — только и сказал он. — Что-нибудь заразное, вероятно. Какой-нибудь вирус или простуда?

Комиссар недоуменно взглянул на него.

— Вы понимаете, что говорите?

Бейли не стал объяснять. Всем хорошо известно, что космониты искоренили болезни в своем

обществе. Еще лучше известно, как тщательно они стараются избегать контакта с заразными землянами. Что поделаешь, до комиссара сарказм вообще не доходит.

— Так, ничего… — сказал Бейли и отвернулся к окну. — Отчего же он умер?

— От того, что кто-то разворотил ему грудь. Бластером.

Бейли напрягся всем телом. Не оборачиваясь, он спросил:

— А вы понимаете, что говорите?

— Я говорю об убийстве, — мягко сказал комиссар. — Вы ведь детектив, и вам известно, что такое убийство.

— Но убит космонит! — повернулся к нему Бейли. — Три дня назад, говорите?

— Да.

— Кто это сделал? И как?

— Космониты считают, что кто-то из землян.

— Этого не может быть?

— Почему не мажет? Они не нравятся ни вам, ни мне и вообще никому на Земле. А кто-то их просто ненавидит, вот и все.

— Это так, но…

— На заводах Лос-Анджелеса возник пожар. В Берлине громят роботов. В Шанхае вспыхнули

беспорядки.

— Верно.

— Все это говорит о растущем недовольстве. Возможно, об организованном недовольстве.

— Комиссар, — проворчал Бейли, — до меня это не доходит. Вы что, проверить меня хотите?

— Проверить? Вас? — с искренним недоумением повторил комиссар.

Бейли не сводил с него глаз.

— Три дня назад совершено убийство космонита, и они винят в этом землян. До сих пор, — Бейли постукал пальцем по столу, — еще ничего не выяснено. Я вас правильно понял? Невероятно, комиссар! Да если бы это действительно произошло, они стерли бы Нью-Йорк с лица Земли.

Комиссар покачал головой.

— Все это не так просто. Слушайте, Лайдж. Я отсутствовал три дня. За это время я поговорил с мэром, побывал в Космотауне, съездил в Вашингтон. Я разговаривал с чиновниками из Всепланетного бюро расследований.

— Вот как! Ну и что эти чинуши?

— Говорят, что нам самим придется расхлебывать кашу. Мол, космониты живут в границах Нью-Йорка.

— Но они же пользуются правом экстеррито-

риальности.

— Я знаю. Но об этом потом., — Комиссар не выдержал сверлящего взгляда Бейли и отвел глаза в сторону. Он вел себя так, будто его внезапно разжаловали и он стал всего лишь помощником Бейли.

— Космониты сами могут повести дело, — заметил детектив.

— Не торопитесь, Лайдж, — продолжал комиссар. — Не подгоняйте меня. Давайте обсудим все по-дружески. Войдите в мое положение. Когда это произошло я был там. Я должен был встретиться с ними… с Роем Немменни Сартоном.

— С жертвой?

— С жертвой. — Комиссар тяжело вздохнул. — Окажись я там пятью минутами раньше, я бы первым обнаружил труп. Представляете, какой ужас? До чего жестоко и отвратительно! Меня встретили и рассказали о случившемся. Лайдж, этот кошмар продолжался целых три дня. А тут еще все расплывается перед глазами и некогда заменить очки. Но это больше не повторится: я заказал себе сразу три пары.

Бейли живо представил себе, как все происходило. Вот высокие, стройные космониты подходят к комиссару и бесстрастно, ничего не приукраши-

вая, сообщают ему об убийстве. Джулиус снимает очки и начинает их протирать. Взволнованный событием, он роняет очки и растерянно смотрит вниз на осколки стекол. Его мягкие, полные губы нервно подрагивают. Можно не сомневаться, что по меньшей мере минут пять комиссара больше беспокоили разбитые очки, чем убийство.

Комиссар продолжал:

— Положение чертовски скверное. Вы правы, у космонитов экстерриториальные права. Захотят — расследуют сами и доложат своим правительствам, что им вздумается. Внешние Миры воспользуются этим, чтобы потребовать с нас непомерную компенсацию. Вы представляете, как отнесется к этому население?

— Согласиться платить было бы для Белого дома равносильно политическому самоубийству.

— А не согласиться — тоже самоубийство, только другого рода.

— Можете мне не объяснять, — сказал Бейли.

Он был еще маленьким мальчиком, когда сверкающие космопланы высадили своих солдат в Вашингтоне, Нью-Йорке и Москве, чтобы получить с Земли то, что якобы причиталось космонитам.

— Как видите, уплатим мы или нет, неприятно-

стей не избежать. Единственный выход — самим разыскать убийцу и выдать его космонитам. Все зависит от нас.

— Почему бы не передать это дело ВБР? Допустим, что с юридической точки зрения мы обязаны им заняться, но вопрос о межпланетных отношениях…

— ВБР не хочет вмешиваться. Расхлебывать все это придется нам. Он поднял голову и внимательно посмотрел на своего подчиненного. — Плохи наши дела, Лайдж. Мы все рискуем остаться без работы.

— Ерунда! А кем они нас заменят? Ни у кого нет достаточной подготовки, — возразил Бейли.

— Кем? — повторил комиссар. — Вы забыли о роботах.

— Что?

— Р. Сэмми — только начало. Пока он выполняет мелкие поручения. Но подобные ему могут, например, патрулировать скоростные дороги. Черт побери, Лайдж, я лучше вас знаю космонитов и представляю, чем они сейчас занимаются. У них есть роботы, способные заменить и вас и меня. Нас могут просто деклассировать. Я говорю вполне серьезно. Не очень-то приятно в нашем возрасте остаться за бортом…

— Согласен, — проворчал Бейли.

— Простите, Лайдж, — смутился комиссар.

Бейли кивнул, стараясь не думать о своем отце. Комиссару, конечно, известно, как неудачно сложилась его судьба.

— А когда заварилась эта каша с заменой? — спросил он.

— Слушайте, не будьте наивным человеком, Лайдж. Это грозит нам каждый день вот уже не менее двадцати пяти лет, с тех пор как на Земле появились первые космониты. Вы это знаете. Просто сейчас обстановка ухудшается, вот и все. Если мы проморгаем расследование, то быстро, слишком быстро, окажемся там, где не радует мысль о пенсионной книжке. И наоборот, Лайдж, стоит нам его хорошо провернуть, и тогда это может случиться очень не скоро. А больше всего может повезти вам.

— Мне? — удивился Бейли.

— Вы поведете расследование, Лайдж.

— Но я не подхожу по классу. Ведь у меня всего С-5.

— Вы бы не отказались от С-6, не так ли?

Еще бы! Бейли знал, какие привилегии дает класс С-6. Кресло в экспрессе в часы пик, а не только с десяти до четырех, как сейчас. Лучшее меню

в столовой сектора. Может быть, даже удастся получить новую квартиру и абонемент на место для Джесси в солярии.

— Вы еще спрашиваете. Конечно, нет! — сказал Бейли. — А что будет, если я не справлюсь?

— Справитесь, Лайдж, я fr этом уверен, — льстиво добавил комиссар. — Ведь вы один из наших лучших сотрудников.

— У нас в отделе немало ребят с более высокими данными. Почему бы не поручить это дело кому-нибудь из них?

Хотя Бейли не сказал это вслух, по его лицу было видно, что он думает: только самый крайний случай может заставить комиссара нарушить установленный порядок.

— На это есть две причины. — Комиссар сложил руки. — Во-первых, вы для меня не просто один из детективов, Лайдж. Мы ведь друзья. Я не забыл, что мы учились вместе в колледже. Если я иногда и бывал с вами чересчур строг, то виной этому разница в положении. Я — комиссар, а вы знаете, что это значит. Тем не менее я считаю себя вашим другом и не хотел бы, чтобы вы упустили такую блестящую возможность проявить себя.

— Это одна из причин, — отозвался Бейли без теплоты в голосе.

— Вторая заключается в том, что, как мне кажется, вы тоже питаете ко мне дружеские чувства… Я прошу об одолжении.

— Вам придется взять в помощники космонита. Таково их условие. Они согласны пока не сообщать об убийстве и передать расследование нам. За это они требуют, чтобы их агент принял в нем участие от начала до конца.

— Похоже, что нам не доверяют?

— Вы правы, Лайдж. В случае неудачи многим из них придется нести ответ перед своими правительствами. Поверим им на слово. Хочется думать, что у них хорошие намерения.

— Я убежден в этом, комиссар. В том-то и вся беда.

Комиссар пропустил это мимо ушей.

— Итак, Лайдж, вы согласны, чтобы вашим партнером был космонит?

— Вы просили меня об одолжении, не так ли?

— Да, я прошу вас заняться этим делом на условиях, выдвинутых космонитами.

— Я согласен, комиссар.

— Спасибо, Лайдж. Но… ему придется жить у вас.

— Позвольте, позвольте…

— Я все понимаю, Лайдж. У вас ведь просторная

квартира. Три комнаты. Всего один ребенок, место найдется. Он не доставит вам много хлопот, поверьте мне. Потом, это необходимо.

— Джесси будет недовольна, я уверен.

— Скажите Джесси, — убеждал комиссар с таким старанием, что казалось, будто его напряженный взгляд просверлит отверстие в заслоняющих глаза стеклах, — скажите ей, что если вы сделаете это для меня, я постараюсь присвоить вам С-7, понимаете?

— Хорошо, комиссар, договорись.

Бейли привстал было со стула, но, заметив взгляд Эндерби, снова опустился. Что-нибудь еще?

— Еще один вопрос, — Комиссар медленно кивнул головой.

— Какой?

— Имя вашего партнера.

— Какое это имеет значение?

— Космониты, — заметил комиссар, — довольно странный народ. Вашим партнером будет не… В общем, он не…

Глаза Бейли широко раскрылись.

— Постойте, комиссар!

— Это необходимо, Лайдж. Просто необходимо. Другого выхода нет.

— В одной квартире? С этой штукой?

— Прошу вас, как друга прошу, — убеждал его комиссар. — Неужто вам надо все это разжевывать? Мы должны с ним работать. Мы должны выиграть, если хотим избежать новых контрибуций. А выиграть, пользуясь старыми методами, невозможно. Вашим партнером будет робот. Стоит ему самому раскрыть убийство, стоит ему сообщить о нашей беспомощности, и мы погибли. Я имею в виду наш отдел. Вам это ясно, Лайдж, не так ли? Положение очень щекотливое. Вы будете с ним сотрудничать, но нужно, чтобы дело раскрыли вы, а не он. Понятно?

— То есть полностью с ним сотрудничать и в то же время стараться перерезать ему глотку? Хлопать его по плечу одной рукой, а в другой держать нож?

— А что делать? Другого выхода у нас нет.

Бейли нерешительно встал:

— Не знаю, как к этому отнесется Джесси…

— Если хотите, я поговорю с ней.

— Не надо, комиссар. — Он тяжело вздохнул. — Как его зовут?

— Р. Дэниел Оливо.

— К чему эти увертки, комиссар, — произнес Бейли грустно. — Я берусь за расследование, так

что давайте называть этого типа полным именем: Робот Дэниел Оливо.

Как всегда, свободных мест на экспресс-транспортере было немного: ни внизу, где ехать можно было только стоя, ни на верхней площадке с креслами для привилегированных пассажиров. Непрерывный людской поток струился по обе стороны экспресса по замедляющимся дорожкам тротуаров к межсекторным линиям и неподвижным тротуарам, которые, ныряя под арки и взбираясь на мосты, вели в бесконечный лабиринт жилых кварталов-секторов. А с противоположной стороны к экспрессу стремился точно такой же поток пассажиров, пересекающих дорожки в обратном порядке — от медленных к быстрым. Кругом сияло море огней; стены и потолки излучали холодный фосфоресцирующий свет, всплески рекламы требовали к себе внимания; яркие цветные указатели не давали сбиться с пути: «К СЕКТОРАМ ДЖЕРСИ», «НАПРАВЛЕНИЕ К МАРШРУТНОЙ СЛУЖБЕ ИСТ-РИВЕР», «ВЕРХНИЙ ГОРИЗОНТ — ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ К СЕКТОРАМ ЛОНГ-АЙЛЕНДА». А над воем этим царил неясный шум, не отделимый от жизни стального города: говор, смех, кашель, выкрики, пение, дыхание Милюков, людей.

«Ни одного указателя к Космотауну», — подумал Бейли. Он переходил с дорожки на дорожку с непринужденностью человека, привыкшего делать это всю жизнь. Едва начав ходить, дети учились «скакать по лентам». Бейли почти не замечал увеличения скорости каждой новой дорожки. Через тридцать секунд он добрался до последнего тротуара, скорость которого достигла шестидесяти миль в час, и теперь мог перешагнуть на огражденную перилами и остекленную платформу экспресса.

«Ни одного указателя к Космотауну, — размышлял он. — Да они и не нужны. Тот, кто едет туда по делу, знает, как до него добраться. Если же он этого не знает, значит делать ему там нечего.» Когда двадцать пять лет назад возник этот поселок, толпы зевак осаждали его. Космониты положили этому конец. Вежливо (они всегда отличались вежливостью), но решительно, они отгородились от Нью-Йорка силовым барьером и учредили нечто среднее между пограничными постами и таможней. Убедившись, что вы идете по делу, они подвергали вас обыску и направляли на медицинский осмотр и дезинфекцию. Среди землян естествен но, росло недовольство. Однако оно приняло неоправданно широкий размах. А это,

в свою очередь, сказалось на программе модернизации. Бейли вспомнил барьерные бунты. Он был среди толпы недовольных, которые висели на перилах экспресса; не считаясь с привилегиями, занимал и кресла на верхней площадке; рискуя жизнью, носились по тротуарам и два дня осаждали Космотаун, выкрикивая лозунги и круша городскую собственность, При желании Бейли мог вспомнить песенки того времени. Вот, например, «Человек родился на Земле, ты слышишь?» на мотив старой народной песенки с тарабарским припевом «Хинки-динки-парле-ву».

Человек родился, на Земле, ты слышишь?
Мать-Земля, дала ему жизнь, ты слышишь?
Космонит, прочь с лица Земли
В свой космос.
Грязный космонит, ты слышишь?

Куплетов насчитывалось сотни. Некоторые из них были остроумными, но гораздо больше было куплетов глупых, а то и непристойных. И каждый из них оканчивался словами: «Грязный космонит, ты слышишь?» Грязный, грязный… Это была тщетная попытка землян отплатить космонитам за то, что они считали жителей Земли болезненными до отвращения. Разумеется, космониты не покинули Землю. Им даже не понадобилось

прибегать к помощи своего наступательного оружия. Земляне убедились, что всякая попытка приблизиться к космопланам пришельцев была равноценна самоубийству. Несколько старомодных самолетов, которые рискнули пролететь над территорией Космотауна еще в первые дни его основания, попросту исчезли. Единственное, что удалось впоследствии обнаружить, были лишь исковерканные обломки плоскостей. И едва ли можно привести толпу в такое неистовство, чтобы она забыла действие субэтерных «руколомок», применявшихся против землян прошлого столетия. Космониты отсиживались за барьером, разрушить который земными средствами было невозможно, и ждали, пока городские власти не утихомирят разбушевавшуюся толпу. Это удалось сделать, применив снотворный и рвотный газы, после чего городские исправительные тюрьмы были битком набиты до отказа вожаками недовольных, подстрекателями и просто теми, кто оказался под рукой. Когда страсти улеглись, всех их отпустили на свободу. Некоторое время спустя космониты стали снимать свои ограничения. Барьер убрали, а городские власти поручили полиции обеспечить охрану космонитов. Главная же их уступка заключалась в том, что медицин-

ский осмотр перестал был унизительным.

«Теперь, — размышлял Бейли, — дело может снова принять плохой оборот. Стоит им решить, что землянин проник в Космотаун и совершил убийство, как они, чего доброго, опять поставят свой барьер. Плохо дело.»

Он ступил на нижнюю площадку экспресса, протиснулся через толпу пассажиров и по узкой спиральной лестнице поднялся наверх. Он не торопился предъявлять свою карточку находившемуся поблизости проводнику. Класс С-5 не давал права на кресло в экспрессе восточнее Гудзона и западнее Лонг-Айленда, и хотя здесь были свободные места, его могли попросить сойти вниз. Люди все щепетильней относились к своим привилегиям, и Бейли отлично это знал. Воздух с характерным свистом обтекал изогнутые ветровые стекла, установленные на спинке каждого кресла. Разговаривать из-за шума было бы трудно, но думать, если к нему привыкнуть, он не мешал.

«Все мы медиевисты по натуре, — рассуждал про себя Бейли. — Особенно, если тебя влекут к себе старые добрые времена, когда Земля была единственным миром, а не одним из пятидесяти, как теперь, причем далеко не самым лучшим».

Бейли рывком повернул голову вправо, откуда донесся чей-то пронзительный вопль. Какая-то женщина уронила свою сумку, мелькнувшую мягким розовым пятном на скучном сером фоне дорожек. Спешащий с экспресса пассажир, должно быть, нечаянно отбросил ее в сторону медленных дорожек, и теперь владелицу уносило прочь от ее собственности. Бейли криво усмехнулся. Женщина сумеет вернуть свою сумку, если сообразит перейти на еще более медленную дорожку и если еще одна нога не толкнет сумку в другом направлении. Он так и не узнает, настигнет она ее или нет. Уже сейчас место происшествия отстало от него на полмили. Пожалуй, ей это не удастся. Высчитано, что в разных частях города пассажиры роняют на дорожках свои вещи в среднем раз в три минуты и не могут их достать. Отдел находок разросся до неимоверных размеров. И это тоже одна из сложностей современной жизни.

«Когда-то было проще, — думал Бейли. — Все было проще. Это и превращает людей в медиевистов».

Медиевизм принимает различные формы. Для лишенного воображения Джулиуса Эндерби — это такие атрибуты старины, как очки или окна.

Для Бейли прошлое — это история. В особенности обычаи разных народов. Взять, например, нынешний Нью-Йорк. Город, где он живет и работает. Эта громадина уступает по величине лишь Лос-Анджелесу. А население! Только в Шанхае живет больше народу. А ведь Нью-Йорку всего триста лет. Правда, на этом месте когда-то существовало нечто, также носившее название «Нью-Йорк». Тому примитивному поселению насчитывалось три тысячи, а не триста лет, и оно ничем не напоминало современный город. То, что тогда называлось городом, было лишь жалким скоплением больших и малых домов, построенных под открытым небом. Они чем-то напоминали куполообразные жилища космонитов, хотя, конечно, сильно от них отличались. Тысячи таких городов (в самом крупном жило не более десятка миллионов человек, а в большинстве — даже меньше) были в беспорядке разбросаны по всей планете. Сточки зрения современной экономики, каждый такой город был устроен крайне неразумно. С ростом населения возникла необходимость более разумного устройства городов. Ценой снижения жизненного уровня Земля могла прокормить два миллиарда человек, три и даже пять миллиардов. Однако, когда население достигло восьми

миллиардов, полуголодное существование стало почти неизбежным. В жизни человека должны были произойти коренные изменения, в особенности когда выяснилось, что Внешние Миры, тысячелетия назад бывшие лишь колониями Земли, намерены резко сократить приток переселенцев. За тысячу лет современной истории Земли на ней выросли огромные города. Даже в древние времена люди догадывались, быть может подсознательно, о выгодности укрупнения. Кустарное производство уступило место фабрикам, а фабрики и заводы — целым отраслям промышленности. Подумайте, насколько невыгодно содержать сотни тысяч домов для сотен тысяч семей по сравнению с одним сектором на сто тысяч квартир; сравните домашнюю библиотеку с централизованной книгофильмотекой; сравните индивидуальные телевизоры с системой видеопроводов. Наконец, возьмите такую простую вещь, как неоправданно глупое и бесконечное повторение одинаковых кухонь и ванных в каждой квартире в сравнении с блоками автоматизированных столовых и душевых, которые созданы современной городской цивилизацией. Новые города медленно, но верно поглощали погибавшие деревни, поселки и старые города.

Даже угроза атомной войны только замедлила этот процесс. Изобретение же силового щита дало ему новый толчок.

Современная городская культура означает целесообразное распределение пищевых продуктов и все возрастающее применение дрожжевых веществ и гипротоники. Нью-Йорк сейчас занимает площадь более двух тысяч квадратных миль, и по последней переписи в нем живет свыше двадцати миллионов человек. На Земле насчитывается около восьмисот городов с населением в среднем по десять миллионов человек в каждом. Каждый город обладает определенной автономией и способен обеспечить себя почти всем необходимым. Он возвел над собой крышу, оградился со всех сторон, вгрызся глубоко в землю. Он уподобился стальной пещере, громадной, всем обеспеченной пещере из стали и бетона. Внутренняя планировка города тщательно продумана. В центре его находится огромный комплекс административных учреждений. В строгом порядке разместились жилые секторы, соединенные друге другом переплетением межсекторных пассажирских лент и линией экспресс-транспортера. На окраине расположились заводы, гидропонные установки, дрожжевые чаны и энергостанции.

Во все уголки проникают трубы водопровода и канализации, линии энергопередачи и лучевой связи, везде школы, тюрьмы и магазины. Несомненно одно: именно создание такого города является вершиной победы человеческого гения над природой. Именно это, а не космические полеты, не пятьдесят освоенных миров, которые стали так вызывающе независимы. Почти все без исключения земляне живут в стальных городах. Между городами простирается незаселенное пространство и открытое небо, один вид которого приводит в растерянность любого горожанина. Но и эти пространства необходимы человеку. Именно здесь он добывает себе воду, а также уголь и древесину, которые идут на изготовление пластмасс и вечно растущих дрожжевых культур. (Нефть уже давно полностью израсходована, но ее полностью заменили богатые жирами штаммы дрожжей). Здесь все еще работают шахты, и лишь немногие из горожан представляют, как широко используются поля для выращивания злаков и что на них до сих пор пасется скот. Несмотря на необычайную дороговизну таких продуктов, как говядина, свинина и зерно, которые превратились в предмет роскоши, они все же находят себе сбыт и идут на экспорт на другие планеты.

Нужно очень мало людей, чтобы следить — да и то с расстояния — за работой шахт, ферм и водонасосных станций. Трудятся же там роботы, которые стоят меньше и работают лучше. Роботы) Какая ирония судьбы! Именно на Земле изобретен позитронный мозг, именно здесь роботы стали впервые использоваться в производстве. Здесь, а не на Внешних Мирах. Тем не менее космониты ведут себя так, будто роботов породила их цивилизация. Справедливости ради надо сказать, что они достигли поразительных успехов в области роботехники. Долгое время земляне использовали роботов только на шахтах и фермах. Лишь за последнюю четверть века они начали постепенно проникать в города, да и то под нажимом космонитов.

Жить в городах не плохо. Все, кроме медиевистов, понимают, что без городов не обойтись. Беда, однако, в том, что жизнь эта меняется к худшему. Население Земли постоянно растет. Наступит день, когда даже города, со всей их техникой, будут просто не в состоянии обеспечить людям минимум калорий, необходимых для существования. Положение осложняется тем, что потомки первых эмигрантов с Земли, космониты, живут в прекрасных условиях в малонаселен-

ных, набитых роботами космических мирах. С холодной решимостью оберегают они созданный на полупустынных планетах комфорт и с этой целью ограничивают как уровень рождаемости у себя, так и приток эмигрантов с переполненной Земли. Поэтому…

Скоро Космотаун! Бейли интуитивно почувствовал приближение секторов Нью-Арка. Помедли он еще немного, и экспресс унесет его на Юго - Запад, в глубь Трентонского района, теплый воздух которого насыщен кисло-горьким запахом дрожжей. Главное — правильно рассчитать. Не теряя времени, вниз по трапу протиснуться сквозь толпу недовольных пассажиров, проскользнуть вдоль перил к выходу, пересечь замедляющиеся дорожки. Проделав все это, он оказался как раз у того ответвления неподвижного тротуара, к которому стремился. Сознание не принимало в этом участия, иначе он наверняка бы промахнулся. Кругом — ни живой души. Только полицейский прогуливается по тротуару, и лишь жужжание экспресса нарушает гнетущую тишину. Полицейский подошел к нему и, мельком взглянув на удостоверение Бейли, поднял руку, разрешая ему пройти. Коридор сужался, делая резкие повороты то влево, то

вправо. Это, конечно, не случайно. Толпе землян здесь не развернуться и уж совсем невозможно совершить нападение. Бейли был рад, что встреча с напарником произойдет по эту сторону Космотауна. Ему вовсе не улыбалась мысль о медицинском осмотре, пусть они хоть сто раз вежливы. В глубине коридора, неподалеку от дверей, ведущих наружу и к жилищам Космотауна, стоял космонит. Он был одет по земной моде: на нем были узкие в бедрах и расклешенные книзу брюки, отделанные по бокам цветной тесьмой, и обычная текстроновая рубашка с открытым воротом, застежкой на молнии и собранными у кисти рукавами. И все же это был космонит. Трудно сказать, что именно отличало его от коренного жителя Земли: посадка ли головы, манера держаться, гладко зачесанные назад рыжеватые волосы или его широкоскулое лицо, холодное и невозмутимое. Бейли подошел к нему деревянной походкой и сказал невыразительным голосом:

— Я — детектив Илайдж Бейли, Полицейское управление города Нью-Йорка, класс С-5…

Он показал свои документы и продолжал:

— Мне поручено встретить здесь Р. Дэниела Оливо. — Бейли взглянул на часы. — Я прибыл

немного раньше времени. Можно попросить, чтобы обо мне доложили?

Ему было не по себе. Он привык, как и все люди, к земным роботам. Этот робот будет, вероятно, другим. До сих пор ему не приходилось их видеть, но по всей Земле ходили самые невероятные слухи о чудовищных роботах, которые решали непосильные для человека задачи в далеких, мерцающих Внешних Мирах. Бейли непроизвольно стиснул зубы.

— В этом нет необходимости, — вежливо ответил космонит. — Вас жду я.

Бейли было протянул руку, но тут же опустил ее. Его длинное лицо вытянулось еще больше. Он не нашелся, что сказать. Слова застряли у него в горле.

— Позвольте представиться, — продолжал космонит. — Мое имя — Р. Дэниел Оливо.

— Простите, может быть, я ослышался? Мне казалось, что «Р» означает…

— Вы не ошиблись. Я — робот. Разве вас не предупредили?

— Предупредили, — пробормотал Бейли и зачем-то провел вспотевшей рукой по волосам. Затем он протянул ее роботу. — Простите, мистер Оливо, я как-то не ожидал… Здравствуйте, меня

зовут Илайдж Бейли, я ваш напарник…

— Прекрасно… (Бейли почувствовал, как усиливается рукопожатие робота и, став, так сказать, дружеским, снова ослабевает). Но вы, кажется, чем-то встревожены? Можно просить вас быть со мной откровенным? В наших взаимоотношениях лучше всего знать как можно больше относящихся к делу фактов. Кроме того, у нас принято, чтобы сотрудники называл и друг друга по имени. Я полагаю, это не очень противоречит обычаям вашего мира?..

— Дело в том, что вы совсем не похожи на робота, — окончательно растерялся Бейли.

— И это вас беспокоит?

— Я понимаю, что это глупо, Дэ… Дэниел. Ваши роботы все такие, как вы?

— С индивидуальными различиями, Илайдж, как люди.

— Земные роботы… В общем, понимаете, у нас их можно сразу отличить от человека… А вы совсем, как космонит.

— А, понимаю… Вы ожидали увидеть довольно грубую модель, а теперь удивлены. Но разве нелогично, что в данном, конкретном случае, во избежание недоразумений робот должен обладать характерными человеческими чертами?

С этим нельзя было не согласиться. Обычный робот, разгуливающий по городу, сразу бы накликал на себя беду.

— Вы правы, — согласился Бейли.

— Тогда пойдемте, Илайдж.

Они направились к экспрессу. Р. Дэниел быстро понял назначение дорожек и без труда переходил с одной на другую. Вначале Бейли старался идти помедленнее, затем, рассердившись, увеличил скорость. Робот не отставал. Казалось, ему это вовсе не трудно… «Может, он умеет двигаться еще быстрее, но не подает виду», — подумал Бейли. Они добрались до бесконечной ленты экспресса, и Бейли совершил рискованный прыжок на одну из платформ. Робот и здесь не уступил ему. Бейли покраснел и нерешительно сказал:

— Я с вами останусь внизу.

— Внизу? — переспросил робот, на которого ни шум, ни ритмичное покачивание экспресса не произвели ни малейшего впечатления. — Неужели мои сведения неточные? Мне сказали, что в определенных условиях класс С-5 дает право на место в верхнем салоне.

— Совершенно верно. Я могу подняться туда, а вы нет.

— Но почему же?

— Нужно иметь класс С-5, Дэниел.

— Мне это известно.

— Но у вас его нет, — возразил Бейли.

На открытой нижней платформе из-за шипения воздуха разговаривать было трудно, а Бейли, по понятным причинам, не хотел особенно повышать голос.

— Вы ошибаетесь. Я ваш партнер, следовательно, права у нас одинаковые. Мне дали вот это.

Из внутреннего кармана рубашки он достал свое удостоверение и протянул его Бейли. Выдано оно было на имя Дэниела Оливо, класс владельца — С-5. Естественно, что инициал «Р» перед именем был опущен.

— Тогда пошли, — сухо сказал Бейли.

Бейли сидел, глядя прямо перед собой, и злился на свою недогадливость. Он попался дважды: во-первых, не признал в Дэниеле робота; во-вторых, не сообразил, что ему не могли не дать класс С-5. Беда в том, что по своему характеру Бейли не отвечал общепринятому представлению о детективе. В нем не было ни холодной невозмутимости, ни непроницаемого спокойствия, ни способности применяться к любым условиям, он не был ни идеалом сообразительности, ни хладнокровия. Он отдавал себе в этом отчет, но

никогда прежде не сетовал на отсутствие этих качеств. Но теперь он об этом жалел, и жалел не потому что, по всей видимости, Р. Дэниел Оливо был воплощением всего этого. Да и могло ли быть иначе? Ведь он — робот. Бейли стал искать себе оправдание. Он привык к таким роботам, как их Р. Сэмми. Он ожидал встретить существо с кожей из плотного и глянцевитого пластика мертвенно-белого цвета. Он ожидал увидеть лицо, на котором застыло выражение бессмысленного добродушия. Он ожидал, что движения робота будут резкими, слегка неуверенными. Ничего подобного у Р. Дэниела не было. Бейли исподтишка взглянул на своего соседа, но Р. Дэниел перехватил его взгляд и спокойно кивнул. Когда он разговаривал, его губы двигались естественно, а не оставались полуоткрытыми, как у земных роботов. Да что там губы! У него был даже артикулирующий язык.

«Сидит себе спокойно, — подумал Бейли. — Ведь здесь для него все совершенно новое. Шум, свет, толпы людей!»

Он вскочил и обогнал Р. Дэниела со словами «Не отставайте!» Они покинули экспресс и переходили с дорожки на дорожку.

«Боже правый, но что же я все-таки скажу

Джесси?»

Неожиданная встреча с роботом заставила его забыть обо всем другом, но теперь, когда межсекторная линия несла их прямо в нижний Бронкс, мысль о предстоящем объяснении с женой тревожно сверлила его мозг. Он заговорил:

— Все, что вы видите вокруг, Дэниел, — это одно здание, весь город. В нем живут двадцать миллионов человек. Круглые сутки со скоростью шестьдесят миль по нему несутся ленты экспресса. Их протяженность двести пятьдесят миль, а длина местных линий в несколько раз больше.

«Чего доброго, — замолчал Бейли, — придется соображать, сколько тонн дрожжевых продуктов Нью-Йорк съедает в день, сколько кубометров мы выпиваем воды и сколько потребляем мегаватт энергии.»

Однако робот опередил его.

— На инструктаже меня снабдили подробной информацией, — сказал он.

«Тем лучше. Значит, со всем этим покончено. Но чего ради я распинаюсь перед роботом?» — возмущался собой Бейли.

Они доехали до 182-й Восточной улицы. Отсюда на одном из лифтов, снующих вверх и вниз среди бесчисленного множества квартир, можно было

добраться и до квартиры Бейли. Он уж было направился к лифту, как его внимание привлекла небольшая группа людей, толпившихся у ярко освещенного силового барьера магазина, каких было множество на нижних горизонтах этого сектора.

— Что здесь происходит? — по привычке внушительным голосом спросил он одного из зевак.

Вытягиваясь на носках, тот ответил:

— Кто его знает. Сам только что подошел.

— У них здесь эти проклятые роботы, — раздался чей-то возбужденный голос. — Эх, вытащили бы их сюда. Вот позабавились бы!

Бейли нервно оглянулся на Дэниела, но тот либо не понял сказанного, либо не расслышал, во всяком случае вид у него был невозмутимый.

Бейли врезался в толпу:

— Позвольте, позвольте… Полиция!

Люди расступились. До Бейли донеслись обрывки фраз:

— ….разбирать по кусочку… Гайку за гайкой… Потихоньку распускать им швы…

Кто-то рассмеялся. У Бейли похолодело внутри. Город был совершенным творением, и это накладывало на его обитателей определенные обязательства, и прежде всего от них требовалось

подчиняться строгому, научно обоснованному порядку и соблюдать дисциплину. Временами сдерживаемые страсти прорывались наружу. Бейли вспомнил Барьерные бунты. Причин для недовольства роботами достаточно. Те, кто полжизни провел в труде и кому грозит теперь деклассирование, а значит, минимум средств существования, эти люди не могут решить хладнокровно, что роботы здесь ни при чем. Робота хоть ударить можно. Ведь нельзя же ударить то, что зовется «правительственной политикой», или стукнуть по призыву: «Роботы во имя производительности». Правительство называет это болезнью роста. Оно сочувственно покачивает своей «коллективной головой» и заверяет их, что, мол, все устроится, и для всех наступит новая и лучшая жизнь. Но движение медиевистов разрастается вместе с усилением процесса деклассирования. Люди приходят в отчаяние, а тогда очень легко перешагнуть границу между горьким разочарованием и диким буйством. Вот и сейчас… Кто знает, может считанные минуты отделяют сдерживаемую враждебность толпы от кровопролития и неистового мятежа.

Бейли отчаянно протискивался к силовому барьеру.

Внутри магазина было значительно просторнее, чем снаружи. Директор с похвальной предусмотрительностью вовремя опустил перед дверью силовой защитный барьер, не дав тем самым потенциальным смутьянам проникнуть внутрь. Это позволило также задержать зачинщиков спора, что, впрочем, было не так важно. Бейли прошел через барьер, открыв его офицерским нейтрализатором. К его удивлению, у Р. Дэниела тоже оказался такой же нейтрализатор, только меньших размеров и более аккуратно выполненный, чем обычный офицерский образец. К ним тотчас же подбежал директор.

— Господа полицейские, продавцов мне прислали городские власти, — начал он громким голосом, — и я не допускал никаких нарушений.

В глубине зала вытянулись в струнку три робота. У самого выхода стояла группа взволнованных женщин.

— Спокойно, пожалуйста, — сказал Бейли сухо. — Что здесь происходит? Что за шум?

— *Я* хотела купить туфли, — взвизгнула одна из женщин, — Почему меня не может обслужить нормальный продавец? Что я, выгляжу хуже других?

Ее одежда, в особенности шляпка, выглядели

достаточно вызывающе, чтобы оставить этот вопрос без ответа. Женщина покраснела от злости, а теперь на ее лице были видны следы обильного грима.

— Если нужно, я сам ее обслужу, — но не могу же я заниматься всеми сразу. С моими людьми все в порядке. Они зарегистрированы в качестве продавцов. У меня их свидетельства и гарантийные талоны…

— «Талоны»! — возмутилась женщина и, злобно рассмеявшись, повернулась к остальным покупательницам. — Подумать только: он называет их людьми. Да в своем ли он уме? Не люди они. Они ро-бо-ты! — Она протянула это слово. — Вам должно быть известно, чем они занимаются. Если нет — я вам скажу, Они отнимают у людей работу. Вот почему правительство защищает их. Хочет проехаться на дармовщинку! А наши семьи пусть живут в бараках и питаются дрожжевой похлебкой! Это мы-то рабочий люд! Будь я хозяином, мы бы живо покончили со всеми этими роботами. Уж это точно!

Ее вразнобой поддерживали остальные; снаружи нарастал шум толпы. Бейли буквально физически ощущал присутствие стоявшего рядом с ним Р. Дэниела Оливо. Он взглянул на продав-

цов. Этих роботов изготовили на Земле, причем это были далеко не самые дорогие модели. Они предназначались для относительно несложной работы; они разбирались в стилях обуви, знали цены и размеры, ориентировались в колебаниях цен на бирже и делали это лучше людей, так как, не извлекая выгоды для себя, они могли составлять заказ на следующую неделю и, если нужно, снять мерку с ноги покупателя. Сами по себе эти люди безобидны. В массе — чрезвычайно опасны. Сейчас Бейли сочувствовал женщине гораздо больше, чем мог бы сочувствовать вчера. Нет, даже два часа назад. Он ощущал присутствие Р. Дэниела, и его не покидала мысль о том, что этот высокоорганизованный робот может заменить его, рядового детектива класса С-5. Перед его глазами возникали бараки, он ощущал вкус дрожжевой похлебки, он вспоминал своего отца. Его отец был ядерным физиком и по своему классу принадлежал к высшему обществу города. На энергостанции произошел несчастный случай, и в этом обвинили его и деклассировали. Бейли не знал всех деталей: ему был всего год, когда это случилось. Но он помнил бараки своего детства, тяжкое, почти невыносимое существование. Свою мать он почти не помнил, она не долго про-

жила после этого. Отец хорошо сохранился у него в памяти: изможденный и мрачный человек, который иногда рассказывал о прошлом хриплым, отрывистым голосом. Отец умер, все еще деклассированный, когда Лайджу исполнилось восемь лет. Маленького Бейли и трех его сестер перевели в сиротский приют их сектора. Так называемый «детский горизонт». Брат его матери, дядя Борис, сам был слишком беден, чтобы помешать этому. Жизнь была по-прежнему трудной. Не легче приходилось и в школе, так как он не унаследовал от отца никаких привилегий. И вот теперь ему приходилось усмирять людей, которые, в сущности, лишь боятся деклассирования, также, как боится его он сам. Бесцветным голосом он обратился к первой женщине:

— Не надо скандалить, мадам. Продавцы ничего дурного вам не сделали.

— Конечно, не сделали! — взвизгнула женщина, — и сделать не посмеют! Думаете, я позволю их холодным, жирным пальцам коснуться меня? Как бы не так! Я живой человек и желаю иметь дело только с людьми. А потом, слушайте, у меня двое детей, и я не хочу, чтобы они ужинали без меня в столовой, как сироты. Выпустите меня отсюда.

— Ну, хватит! — сказал Бейли, начиная терять терпение. — Если бы выдали себя обслужить, то давно были бы дома. Вам просто хочется поскандалить. Ну, давайте быстро.

— Как так?! — с испугом воскликнула женщина, — Я не позволю со мной так разговаривать. Я вам не грязь под ногами. Пора бы правительству смекнуть, что, кроме роботов, на земле есть люди! Я простая рабочая женщина и у меня есть права… — Она уже не мота остановиться.

Бейли почувствовал себя в ловушке. Положение становилось критическим. Если даже скандалистка согласится, чтобы ее обслужили, то от толпы снаружи так быстро не отделаешься. За те несколько минут, что Бейли находился в магазине, она почти удвоилась, и сейчас у витрин находилось человек сто, не меньше.

— Как обычно поступают в подобных случаях? — внезапно обратился к нему Дэниел Оливо.

Бейли едва не подпрыгнул от удивления.

— Во-первых, случай весьма необычный, — начал он.

— Что говорит закон?

— Роботы находятся здесь в соответствии с установленным порядком. Они зарегистрированы, и нарушений закона не допущено.

Они переговаривались шепотом. Бейли напустил на себя важный и грозный вид. Лицо Оливо, как всегда ничего не выражало.

— В таком случае прикажите женщине дать себя обслужить или уйти, — предложил он.

Бейли слегка скривился:

— Нам придется иметь дело с толпой, а не с женщиной. Надо, видимо, вызвать полицейский патруль.

— Граждане должны беспрекословно подчиняться даже одному представителю закона, — ответил на это Оливо и, повернув к директору свое широкое лицо, сказал: — Откройте силовой барьер, сэр.

Бейли схватил было его за плечо, но вовремя остановился. Открытая ссора между ними лишит их последнего шанса утрясти инцидент мирным путем. Директор возразил и посмотрел на Бейли. Тот избегал его взгляда. Р. Дэниел повторил своим бесцветным голосом:

— Городу придется отвечать за порчу товаров и оборудования, — пролепетал хозяин магазина. — Официально заявляю, что делаю это по вашему приказу.

Защитный барьер опустился, и в зал набилось много народу. Толпа издала победный рев. Бейли

слышал о подобных беспорядках и даже был свидетелем одного из них. Он видел, как десятки рук хватались за тяжелые и покорные тела роботов, с трудом поднимали их и передавали из рук в руки, разрывая на куски это металлическое подобие людей. В ход шли молотки, силовые ножи, игольчатые пистолеты, и в результате роботы превращались в груду изуродованного металла и запутанных проводов. Дорогостоящий позитронный мозг — венец творения человеческого ума — перебрасывали подобно мячу и в мгновение ока приводили в негодность. Обычно после такого веселого начала толпа принималась крушить и громить все вокруг, пока не насытится ее страсть к разрушению. Роботы-продавцы, конечно, не могли знать всего этого, но и они при виде хлынувших в магазин людей пронзительно закричали и испуганно прикрыли лица руками, как бы пытаясь спрятаться. А женщина, затеявшая все это и не ожидавшая подобного поворота событий, лишь растерянно бормотала: «Что ж это такое? Что ж это такое?» Ее шляпка сбилась набок, и она лишь издавала какие-то нечленораздельные звуки.

— Остановите их, инспектор. Остановите их! — умолял хозяин.

Тут заговорил Р. Дэниел. Не прилагая видимых усилий, он перекрыл шум множества людских голосов.

«Конечно же, — в десятый раз подумал Бейли, — ведь он не…»

— Еще один шаг вперед, и я открою огонь! — сказал Р. Дэниел.

— Бей его! — крикнул кто-то из самых задних рядов, но на мгновение все застыли на месте.

Р. Дэниел тем временем легко вскочил на стул, а оттуда перебрался на транстексовую витрину. Холодный флуоресцирующий свет, струившийся сквозь полоски тонкой поляризованной молекулярной пленки, падал на его широкое бесстрастное лицо и придавал ему какой-то неземной вид.

«Неземной, еще бы», — подумал Бейли.

Никто не двигался с места, а Р. Дэниел ждал со спокойным, но грозным видом.

— Вы говорите себе, — решительно произнес Р. Дэниел. — «У него в руках нейтронная плеть или „щекоталка“, и если мы все бросимся на него, то пострадают один или двое, да и те потом придут в себя. А мы тем временем разнесем здесь все и пусть летят в космос закон и порядок». — Голос его не был ни суровым, ни злым, а авторитетным и уверенным. Он продолжал: — Вы ошибаетесь.

У меня бластер, причем весьма мощный. Я им воспользуюсь, причем не стану целить поверх голов. Пока вы до меня доберетесь, я поражу многих, причем, может быть, большинство из вас. Я говорю серьезно.

Где-то в задних рядах произошло движение, но толпа больше не росла. Кое-кто еще останавливался из любопытства, но у дверей толпа значительно поредела. Передние стояли, затаив дыхание, и отчаянно стараясь выдержать напор сзади.

Напряженную тишину прервали вопли женщины в шляпке.

— Он убьет нас! Я не виновата! Выпустите меня отсюда!.. - Она обернулась и оказалась лицом к лицу с плотной стеной набившихся в помещение мужчин и женщин. Она упала на колени.

Движение к выходу усилилось еще больше.

Р. Дэниел соскочил с витрины и сказал:

— Сейчас я пройду к выходу. Я уничтожу любого, кто прикоснется ко мне. Когда я дойду до двери, то застрелю любого, кто сунется не в свое дело. Что касается этой женщины…

— Нет, нет, — раздался ее пронзительный голос, — я уже сказала: я не виновата, не нужно мне никаких туфель! Мне нужно скорее домой…

— Эта женщина, продолжал Р. Дэниел, — останется здесь, пока ее не обслужат.

Он сделал шаг вперед. Толпа молча смотрела на него. Бейли закрыл глаза. «Я здесь ни при чем, — подумал он в отчаянии. — Сейчас совершится убийство и произойдет нечто непоправимое...» Но ведь ему навязали в партнеры робота. Роботу дал и равные с ним права.

Нет, это не оправдание. Это ясно. Он мог остановить Р. Дэниела в самом начале. Он мог вызвать полицейскую машину раньше. Вместо всего этого он разрешил Дэниелу действовать самостоятельно, а сам почувствовал трусливое облегчение. Когда же он признался себе, что просто-напросто в данной ситуации личность Р. Дэниела взяла верх, то стал противен самому себе. Ро — бот взял верх...

В магазине было тихо — ни криков, ни проклятий, ни стонов, ни жалоб. Он открыл глаза. Толпа расходилась. Хозяин магазина понемногу приходил в себя; он поправлял сбившийся пиджак, приглаживал волосы и посылал угрозы по адресу бунтовщиков. Снаружи донеслось характерное завывание сирены полицейской машины. «Как всегда, к шапочному разбору», — подумал Бейли.

Хозяин дернул его за рукав:

— Давайте уладим это дело, инспектор.

— Да уж все улажено, — сказал Бейли.

Отделаться от полицейских было нетрудно. Они прибыли, чтобы рассеять собравшуюся на улице толпу. Полицейские не знали, что здесь произошло, а к их приезду улица уже очистилась. Р. Дэниел с безразличным видом отошел в сторону, а Бейли представил происшедший инцидент как незначительный и совершенно не упомянул об участии в нем Р. Дэниела. Потом Бейли подвел Р. Дэниела к железобетонной стене какого-то здания.

— Слушайте, сказал он ему, — я вовсе не собираюсь отбивать у вас хлеб, понятно.

— Отбивать у меня хлеб? Что это значит?

— Я не сообщил о вашем участии.

— Мне не знакомы все ваши обычаи. В нашем мире положено давать полный отчет, у вас, возможно, это не так. Во всяком случае, беспорядки предотвращены, а это самое главное, не так ли?

— Не совсем. Выслушайте меня… Вынужденный говорить злым шепотом, Бейли тем не менее старался придать своим словам как можно больше убедительности. — Никогда больше не делайте этого.

— Никогда не настаивать на соблюдении зако-

на? В чем же тогда моя задача?

— Никогда не угрожайте человеку бластером.

— Я бы не выстрелил ни при каких обстоятельствах, Илайдж, и вы это прекрасно знаете. Я не могу причинить вреда человеку.

Но, как вы убедились сами, мне и не пришлось стрелять. И я знал, что так и будет.

— Вам просто здорово повезло, что не пришлось стрелять. И никогда больше не рискуйте. Я сам мог пустить им пыль в глаза.

— Пыль в глаза? Зачем?

— Неважно. Поймите суть того, что я вам втолковываю. Я бы и сам мог пригрозить им бластером. Тем более, что он у меня всегда с собой о Однако ни мне, ни вам нельзя ввязываться в подобные авантюры. Гораздо безопаснее вызвать машину, чем проявлять героизм в одиночку.

Р. Дэниел задумался. Он покачал голевой.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, Илайдж, и вы это прекрасно знаете. Меня информировали о том, что, кроме всего прочего, землян, в отличие от жителей Внешних Миров, с детства приучают подчиняться авторитетам. По-видимому, это результат вашего образа жизни. Как вы убедились, одного решительного человека вполне достаточно. А то, что вы вызвали полицейскую

машину, было в действительности лишь выражением вашего почти инстинктивного желания переложить ответственность на другого. Должен признаться, в нашем мире мой поступок не нашел бы себе оправдания.

Лицо Бейли покраснело от гнева.

— Если бы они узнали, что вы робот…

— Я был уверен, что не узнают.

— Во всяком случае, не забывайте, что вы все-таки робот. Робот, и ничего больше. Простой робот. Как те, что стоят у прилавка.

— Совершенно верно.

— И что вы не человеческое существо. — Бейли никак не мог совладать с охватившей его злостью.

Р. Дэниел задумался над его словами.

— Разница между человеком и роботом, — наконец сказал он, вероятно, не так важна, как разница между интеллектом и отсутствием интеллекта.

— Возможно, в вашем мире, но не на Земле.

Он взглянул на часы и с ужасом убедился, что опаздывает на час с четвертью. У него пересохло в горле при мысли, что Р. Дэниел выиграл первый раунд, выиграл, в то время, как он сам оказался совершенно беспомощным. Он вспомнил об этом

юноше, Винсе Бэрретс, которого может заменить Р. Дэниел. Отца, по крайней мере, выбросили из-за несчастного случая, из-за того, что погибли люди. Может быть, отец и был виновен, — Бейли этого не знает. Но с другой стороны, его могли выдворить, чтобы освободить место для физика-робота. Может быть, и так. И тут ничего не поделаешь.

— Пойдемте, — сказал он сухо. Я должен отвезти вас к себе.

— Понимаете, проводя сравнение, следует исходить лишь из наличия интел… — начал было Р. Дэниел.

Бейли повысил голос:

— Довольно, с этим покончено. Нас ждет Джесси. — И он направился к ближайшей межсекторной переговорной трубке. — Мне надо предупредить ее, что мы сейчас поднимемся.

— Джесси?

— Да, мою жену.

«О боже, подумал Бейли, — настроение у меня как раз для Джесси!»

Илайдж Бейли сначала обратил на нее внимание только из-за ее имени. Он познакомился с Джесси у чаши с пуншем во время рождественского вечера их сектора еще в…02 году. Бейли

лишь недавно закончил учебу, недавно получил назначение в городскую администрацию и недавно переехал в этот сектор. Он занимал один из альковов для холостяков в общежитии 122 А. Неплохое жилище для холостяка.

— Меня зовут Джесси, — сказала она, угощая его пуншем. — Джесси Наводны. Я с вами не знакома.

— Бейли, — ответил он. — Лайдж Бейли. Я только-только поселился в этом секторе.

Он взял рюмку и вежливо улыбнулся. Ему понравился ее веселый нрав и приветливость, так что он решил держаться к ней поближе. Он никого здесь не знал, а когда не мажешь принять участия в общем веселье, тобой поневоле овладевает чувство одиночества. Быть может, потом алкоголь сделает свое дело и станет веселее. А пока он не отходил от чаши с пуншем и смотрел по сторонам, задумчиво потягивая напиток. — Я помогала готовить пунш. — Голос девушки вывел его из задумчивости. — Так что рекомендую попробовать еще. Хотите?

Оказалось, что его маленькая рюмка пуста. Он улыбнулся и сказал:

— Да.

Овальное лицо девушки можно было бы

назвать красивым, если бы не чуть-чуть великоватый нос. На ней было скромное платье. Ее светло-каштановые волосы колечками падали на лоб.

Она выпила с ним следующую рюмку, и ему стало лучше.

— Джесси… — Он с удовольствием произнес ее имя. — Хорошее имя. Вы не против, если я буду обращаться к вам по имени?

— Конечно, нет. Пожалуйста. А вы знаете мое полное имя?

— Джессика?

— Ни за что не догадаетесь.

— Больше я ничего не могу придумать.

Она рассмеялась и сказала лукаво:

— Мое полное имя — Джезебел.

Вот тут-то он по-настоящему заинтересовался ею. Он поставил свою рюмку и сдержанно сказал:

— Не может быть.

— Честное слово. Я не шучу. Джезебел. Во всех моих бумагах стоит именно это имя. Моим родителям нравилось, что оно такое звучное.

Она явно гордилась своим именем, хотя едва ли во всем мире найдется менее подходящая Джезебел.

— Вы знаете, а меня зовут Илайдж, — серьезно сказал он. — То есть это мое полное имя.

Это не произвело на нее впечатления.

— Илайдж, по библии — Илия, был злейшим врагом Джезебел-Иезавели, — сказал он.

— Правда?

— Конечно.

— Вот как? А я и не знала. До чего интересно!.. Но ведь это же не значит, что в жизни вы тоже должны стать моим врагом.

Это было исключено с самого начала. Сперва благодаря именно такому совпадению она перестала быть для него просто милой разливальщицей пунша. А потом оказалось, что она и жизнерадостна, и добра, и, наконец, даже миловидна. Особенно ему пришелся по душе ее веселый нрав. Его собственный скептицизм нуждался в противоядии. А Джесси, по-видимому, ничего не имела против его серьезного, вытянутого лица.

— О боже, — говорила она, — а вдруг ты и в самом деле ужасно нудный? Нет, не может быть. И вообще если бы ты вечно улыбался, как заводной, вроде меня, на двоих это было бы слишком много. Оставайся самим собой, Лайдж, и не давай мне слишком отрываться от земли.

Она же помогала Лайджу Бейли держаться на поверхности. Он подал заявление на небольшую квартирку для новобрачных и получил разрешение въехать в нее после женитьбы. Он показал ей ордер и сказал:

— Хочешь устроить так, чтобы я выехал из общежития, Джесси? Мне там не нравится.

Это было далеко не самое романтическое предложение в мире, но Джесси оно пришлось по душе. Бейли припоминает только один случай, когда присущая Джесси веселость начисто изменила ей, и это тоже было связано с ее именем. Это произошло на первом году их совместной жизни, еще до рождения ребенка. «Быть может, — вспоминал Бейли, — она стала такой раздражительной, потому что ждала Бентли?» У нее портилось настроение оттого, что Бейли постоянно задерживался на работе.

— Мне неудобно каждый вечер ходить одной в столовую. — сказала однажды она ему.

Бейли устал и был не в духе.

— С чего бы это? — сказал он. — Там ведь немало интересных холостяков.

Тут уж она вскипела:

— Уж не думаешь ли ты, что я не способна нравиться мужчинам, Лайдж Бейли?

Возможно, это случилось только потому, что он устал; возможно, потому, что его соученик Джулиус Эндерби обошел его еще на одну ступеньку по служебной лестнице. А может быть, ему просто надоело смотреть, какова подделывается под свое имя, хотя у нее нет ни малейшего сходства с Иезавелью. Во всяком случае, он едко заметил:

— Конечно, способна, но вряд ли станешь это делать. И вообще забудь-ка ты свое имя и оставайся сама собой.

— Это уж мое дело.

— Это ни к чему не приведет. И если хочешь знать, она вовсе не была такой, как ты думаешь. Библейская Джезебел старалась быть верной и хорошей женой и вообще не дозволяла себе лишнего.

Джесси сердито посмотрела на него:

— Ничего подобного. О ней говорят «нарумяненная Джезебел». Я знаю, что это значит.

— Тебе это только кажется. Вот послушай. Когда муж Иезавели, царь Ахав, умер, царем стал ее сын. Один из его военачальников восстал против него, убил его и отправился в Израиль, где жила старая царица. Она узнала об этом и поняла, что он хочет убить ее тоже. В своей гордыне и отваге она нарумянила лицо и оделась в свои лучшие одежды,

чтобы встретить его как подобает надменной и непокорной царице. Он приказал выбросить ее из окна дворца, и она погибла; по-моему, она умерла достойно. Именно это и имеют в виду люди, когда говорят «нарумяненная Джезебел», — знают ее историю или нет.

На следующий вечер Джесси негромко сказала:

— Я читала библию, Лайдж.

— Что? — Бейли даже не сразу понял, о чем идет речь.

— Те места, где говорится о Джезебел.

— О Джесси! Извини, если я тебя обидел. *Я* поступил, как мальчишка.

— Нет, нет. — Она не дала ему обнять себя и со строгим видом села на кушетку поодаль от него. — Я теперь знаю всю правду и не желаю, чтобы меня дурачили. Поэтому я и прочитала о ней. Все-таки она была испорченной женщиной, Лайдж.

— Понимаешь, эти главы написаны ее недругами. Мы не знаем ее версии.

— Она убила всех пророков господа, какие попались ей в руки.

— Ей это приписывают. — Бейли полез в карман за жевательной резинкой. (Несколько лет спустя

он оставил эту привычку, потому что Джесси сказала, что с его длинным лицом и грустными карими глазами он напоминает старую корову, жующую неприятную жвачку, которую она не может проглотить, но не хочет выплюнуть.) — А если хочешь знать ее версию, то я могу кое-что тебе рассказать. Она уважала религию своих предков, которые жили на этой земле еще задолго до прихода иудеев. У иудеев был свой бог, больше того — это был особый, единственный бог. Они хотели, чтобы ему поклонялись все без исключения. Джезебел была консервативной по натуре и придерживалась старой веры. В конце концов, если новая вера отличалась более высокой моралью, старая приносила ей большое эмоциональное удовлетворение. Тот факт, что она истребила пророков, лишь подтверждает, что она была детищем своего времени. В те дни именно таким способом и обращали в свою веру. Если ты читала «Книгу царств», то должна помнить, что Илия — по-нашему Илайдж (на этот раз тезка) — состязался с восемьюстами пятьюдесятью пророками Ваала в том, кто сумеет вызвать небесный огонь. Илайдж победил и тут же приказал толпе убить восемьсот пятьдесят ваалитов. Что и было сделано.

Джесси прикусила губу.

— Как насчет виноградника Навуфея, Лайдж? Жил себе этот Навуфей, никого не трогал, а лишь отказался продать царю свой виноградник. Тогда Джезебел устроила так, что люди нарушили клятву и обвинили Навуфея в богохульстве или еще в чем-то.

— Кажется, он «хулил бога и царя», — заметил Бейли.

— Да. Поэтому его казнили и конфисковали его имущество.

— Они поступили несправедливо. В наше время с Навуфеем было бы легко справиться. Если бы городу понадобилась его собственность и даже если бы это случилось в медиевальные времена, суд приказал бы ему освободить ее, а то и применил бы силу и уплатил бы ему разумную сумму. У царя Ахава не было другого выхода. И все же решение Джезебел было неверным. Ее единственное оправдание в том, что Ахав был тогда ужасно расстроен, и ей казалось, что ее любовь к мужу важнее благополучия Навуфея. Так вот я и говорю, она была образцом преданной же…

Джесси рванулась от него, раскрасневшаяся и рассерженная.

— Ты просто низкий и вредный человек.

Он посмотрел на нее в полном недоумении:

— Что я такого сделал? Что с тобой?

Она ушла, не сказав ни слова, и весь вечер до поздней ночи провела в субэтерных видеозалах, в раздражении переходя из зала в зал и расходуя двухмесячную норму (а кстати, и норму мужа). Когда Джесси вернулась домой, Бейли все еще не спал, но она не стала с ним разговаривать.

Гораздо позднее Бейли сообразил, что он нанес ей сокрушительный удар. Ей прежде казалось, что ее имя таит в себе что-то интригующе порочное. Оно было как бы приятным вознаграждением за ее чопорное, слишком уж респектабельное прошлое. Оно несло в себе аромат безнравственности, и Джесси его обожала. Но этому пришел конец. Она больше никогда не называла себя полным именем ни Лайджу, ни своим друзьям, ни, как он догадывался, даже самой себе. Ее звали Джесси, и она стала подписываться этим именем.

Через несколько дней она снова начала разговаривать с ним, неделю спустя между ними установились прежние отношения. И как бы они потом ни ссорились, они никогда не касались этого больного места. Только однажды, да и то косвенным образом, об этом зашла речь. Джесси

скоро должна была стать матерью. Она оставила свое место помощника диетолога в столовой А-23 их сектора и от вынужденного безделья развлекалась тем, что занималась приготовлениями к рождению ребенка.

Как-то вечером она сказала:

«А как насчет Бентли?»

— Прости, дорогая, не понял? — Бейли оторвался от работы, которую взял на дом. (Если учесть, что скоро появится еще один рот, и что Джесси перестала получать жалованье, и что перспектива его выдвижения на административный пост остается, как всегда, неопределенной, лишняя работа на дому не помешает.)

— Ну, если ребенок окажется мальчиком… Тебе нравится имя «Бентли»?

Бейли скорчил недовольную мину:

— Бентли Бейли? Не слишком ли похоже друг на друга?

— Не думаю. Мне кажется, в нем что-то есть. И потом мальчик, когда подрастет, подберет себе второе имя на свой вкус.

— Ну что ж, я не возражаю.

— Ты серьезно? То есть… Может, ты хочешь, чтоб его звали Илайдж?

— Илайдж-младший? По-моему, это не очень

удачная мысль. Если захочет, он может назвать так своего сына.

— Дело вот в чем... — начала Джесси и остановилась.

После короткой паузы он спросил: — В чем?

Она словно избегала его взгляда, но все же достаточно твердо сказала: — «Бентли» ведь не библейское имя, верно?

— Нет, не библейское, — ответил Бейли. — Я в этом вполне уверен.

— Тогда прекрасно. Хватит с меня всяких библейских имен.

Они больше никогда к этому не возвращались с того самого времени и до дня, когда Илайдж Бейли появился дома с роботом Дэниелом Оливо.

Бейли остановился у большой двойной двери, на которой светилась крупная надпись: «ТУАЛЕТНЫЙ БЛОК — МУЖЧИНЫ». Буквами поменьше было написано: «Секция 2А — IE». А над замочной скважиной стояла мелкая надпись: «В случае потери ключа немедленно сообщите по N 27–101-51». Мимо них проскользнул мужчина, вставил в замочную скважину алюминиевую пластину и вошел внутрь. Он закрыл за собой дверь, даже не сделав попытки придержать ее для Бейли. Поступи он иначе, Бейли воспринял

бы это как серьезное оскорбление. По прочной традиции мужчины совершенно игнорировали присутствие друг друга внутри или в непосредственной близости от туалетных. Джесси как-то сказала, что в женских туалетах дело обстоит совсем по-другому. Она, бывало, говорит: «Встретила в туалетной Джозефину Грили, а та и говорит…»

Один из недостатков прогресса проявился в том, что, когда семья Бейли получила разрешение на установку небольшого умывальника в своей спальне, от этого пострадала светская жизнь Джесси.

Бейли сказал, не успев скрыть свое смущение:

— Пожалуйста, подождите здесь, Дэниел.

— Вы будете умываться? — спросил Р. Дэниел.

Бейли недовольно поежился и подумал: «Чертов робот! Уж если его напичкали сведениями о нашем стальном колпаке, то почему не научили манерам? Ведь мне отвечать, если он обратится к кому-нибудь с чем-то подобным».

— Я приму душ, — сказал он. — Вечером будет слишком много народу. Я только потеряю время. Если я сделаю это сейчас, весь вечер у нас будет свободным.

Лицо Р. Дэниела не меняло своего спокойного

выражения.

— По вашим обычаям, я должен ждать снаружи?

Бейли смутился еще больше.

— Но ведь вам там нечего делать…

— О, я вас понял. Да, конечно. Однако, Илайдж, мои руки тоже становятся грязными, и я хочу вымыть их.

Он протянул ему руки ладонями кверху. Они были розового цвета, полные, совсем как у человека. Они могли служить образцом безупречного и тонкого мастерства и были чистыми ровно настолько, насколько необходимо.

— Между прочим, у нас дома есть умывальник, — заметил Бейли небрежно. Снобизм все равно дойдет до робота.

— Благодарю вас за любезность. Но все-таки я предпочел бы воспользоваться этим местом. Поскольку мне предстоит жить среди вас, жителей Земли, будет лучше, если я усвою как можно больше ваших обычаев и привычек.

— Тогда пойдемте.

Внутри было светло и радостно, в отличие от серого утилитаризма большинства других частей города, но сейчас Бейли не обратил на это внимания.

Он прошептал Р. Дэниелу: — Я провожусь около получаса. Подождите меня. — Он отошел, но затем вернулся и добавил: — Слушайте, ни с кем не разговаривайте и ни на кого не смотрите. Ни слова, ни взгляда! Таков обычай.

Бейли быстро огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто не заметил этот короткий монолог и что на него не устремлены шокированные взгляды. К счастью, в вестибюле никого не было, и потом, это же только вестибюль, в конце концов. Испытывая какое-то неприятное чувство, он быстро прошел мимо общих залов к индивидуальным кабинам. Прошло уже пять лет с тех пор, как он пользуется этим благом — просторной комнатой с душем, прачечной и другими удобствами. Здесь даже есть небольшой проектор, который можно настроить на передачу киноновостей.

— Дом вне дома, — пошутил он, когда впервые увидел эту кабину.

Сейчас он часто задумывался, трудно ли было бы ему вновь привыкнуть к спартанским условиям общих залов, если бы он вдруг лишился привилегии пользоваться кабиной. Он нажал кнопку прачечной, и гладкая поверхность счетчика засветилась.

Р. Дэниел терпеливо ждал, когда Бейли возвратился чисто вымытый и в свежей сорочке; сейчас он чувствовал себя гораздо бодрее.

— Все в порядке? — спросил Бейли, как только они вышли наружу и уже могли разговаривать.

— В полном порядке, Илайдж, — ответил Р. Дэниел.

Джесси встретила их у двери, натянуто улыбаясь. Бейли поцеловал ее и неуверенно произнес:

— Джесси, это мой новый напарник — Дэниел Оливо.

Джесси протянула руку, и Р. Дэниел подержал ее и отпустил.

Затем она повернулась к мужу и, робко взглянув на Дэниела, сказала:

— Присядьте, пожалуйста, мистер Оливо. Мне нужно поговорить с мужем о семейных делах. Это займет не больше минуты. Надеюсь, вы не обидитесь?

Она потонула Бейли за рукав в соседнюю комнату.

— Ты не пострадал, Лайдж? — прошептала она торопливо. — Я так волновалась после этого ужасного сообщения...

— Какого сообщения?

— По радио, час назад. О скандале в обувном

магазине. Передавали, что два детектива их утихомирили. Я знала, что ты идешь домой со своим напарником, а это произошло совсем рядом с нами и как раз в то время, когда ты должен был там проходить, и я подумала, что все гораздо серьезнее, чем сообщили, и что…

— Успокойся, Джесси. Ты же видишь, я в полном порядке.

Ей с трудом удалось овладеть собой, и она спросила, все еще нервничая:

— А он из твоего отдела?

— Нет, — ответил Бейли, смутившись. — Он… не из наших.

— Как его принимать?

— Да как всех. Он — мой напарник, вот и все.

Он сказал это так нерешительно, что Джесси насторожилась снова.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет же. Хватит, пойдем в гостиную, а то неудобно.

Лайдж Бейли испытывал сейчас какую-то неуверенность относительно своей квартиры. До самого последнего времени он был вполне ею доволен. Сейчас же, когда гостем Бейли было существо из Внешних Миров, он вдруг засомневался. Квартира казалась ему тесной и неуютной.

— Лайдж, вы с мистером Оливо, наверное, здорово проголодались? — с наигранной веселостью спросила Джесси.

— Между прочим, — поспешно ответил Бейли. — Дэниел не будет с нами питаться. А я бы перекусить не отказался.

Джесси спокойно восприняла это известие. При нынешнем жестком контроле над распределением продуктов отказаться от угощения в чужом доме не считалось дурным тоном.

— Надеюсь, вы нас извините, мистер Оливо. Мы с мужем и сыном Бентли обычно ходим обедать в столовую. *Это* удобнее, да и выбор лучше, и, между нами, порции там побольше, чем дома. Кстати, нам с Лайджем разрешили трижды в неделю питаться дома, если мы захотим, конечно. Лайдж на хорошем счету у себя на работе, и у нас очень прочное положение. Так вот, я подумала, что, если бы вы к нам присоединились, мы бы могли немного попировать дома, хотя, признаюсь, я не одобряю тех, кто злоупотребляет своими личными привилегиями. *Это* просто антиобщественно.

Р. Дэниел вежливо слушал.

Бейли незаметно подавал ей знаки, чтобы она замолчала.

— Джесси, я проголодался, — сказал он.

— Нарушу ли я ваш обычай, миссис Бейли, — обратился Р. Дэниел к Джесси, — если буду называть вас по имени?

— Что вы, конечно, нет. — Джесси опустила скрытый в стене обеденный стол и к углублению в его крышке подключила подогреватель тарелок. — Пожалуйста, э-э… Дэниел, не смущайтесь: зовите меня просто Джесси.

Она захихикала. Бейли был вне себя от гнева. Положение становится все нелепей. Джесси принимает Р. Дэниела за человека. Он, конечно, будет темой для болтовни в женской туалетной. К тому же лицо у него по-своему интересное, и Джесси польстила его вежливость. Это сразу видно.

«Интересно, — подумал Бейли, — какое впечатление на Р. Дэниела произвела Джесси?» За восемнадцать лет, что они женаты, она почти не изменилась, так, по крайней мере, казалось ему. Конечно, она пополнела немного, и ее движения утратили девическую порывистость. *В* уголках рта появились складки, а щеки потеряли былую свежесть. Прическа стала более строгой, а волосы потемнели.

«А впрочем, — мрачно размышлял Бейли, — это все ерунда. На Внешних Мирах женщины выше

ростом и такие же стройные и горделивые, как мужчины. Во всяком случае, такими изображают их в книгофильмах, и Р. Дэниел привык, видимо, именно к такому типу женщин».

Как бы то ни было, Р. Дэниел совершенно спокойно отнесся к болтовне Джесси, ее внешности и к тому, что она назвала его по имени.

— Вы уверены, что это правильно? Ведь «Джесси» — это, видимо, уменьшительное имя, и так вас, наверное, зовут близкие вам люди. Быть может, мне надлежит называть вас полным именем?

Джесси вдруг чересчур сосредоточенно стала вскрывать упаковку их обеденного пайка.

— Ничего, — сказала она отрывисто. — Меня все так зовут. Другого имени у меня нет.

— Очень хорошо, Джесси.

Открылась дверь, и в комнату осторожно вошел мальчик. Его взгляд почта сразу остановился на Р. Дэниеле.

— Папа?.. — сказал мальчик неуверенно.

— Это мой сын Бентли, — негромко сказал Бейли. — Это мистер Оливо.

— Он твой напарник, да пап? Здравствуйте, мистер Оливо. — Глаза его блестели от возбуждения. — Слушай, пап, а что произошло в магазине?

По радио говорили…

— Сейчас никаких вопросов, Бен! — резко прервал его отец.

Лицо Бентли вытянулось от огорчения, и он посмотрел на Джесси, которая молча указала ему на стул.

— Ты сделал все, что я велела, Бентли? — спросила Джесси, когда мальчик сел за стол.

Она погладила его по голове. У него были такие же темные волосы, как у отца, и роста он будет отцовского, все же остальное у него от нее. То же овальное лицо, карие глаза, тот же беспечный нрав.

— Конечно, мама, — ответил Бентли и подался немного вперед, чтобы разглядеть, что было в накрытом крышкой блюде, из которого уже поднимался пахучий пар. — Что у нас на обед? Опять зимовил, а, мам?

— А чем плох зимовил? — ответила Джесси и сердито поджала губы. — Ты будешь есть то, что тебе дадут, и, пожалуйста, без разговоров.

Было совершенно ясно, чем их будут кормить. Бейли занял свое место за столом. Он тоже съел бы что-нибудь другое вместо зимовила с его резким запахом и неприятным привкусом. Но у них с Джесси уже был разговор на эту тему.

— Нет, я не могу этого делать, Лайдж, — объяснила она ему. — Я верчусь здесь целый день и не хочу наживать себе врагов. Все наши соседи знают, что я работала помощником диетолога, и стоит мне теперь раз в неделю брать на дом бифштекс или курицу, так начнутся лишние разговоры. Тем более, что многие из наших соседей не имеют права питаться дома даже по воскресеньям. Между прочим, зимовил и протовег не так уж плохи. Это очень питательные вещества и полностью усваиваются организмом. К тому же в них много витаминов и минеральных солей, да и всего остального, что необходимо человеку. А курицу мы можем есть каждый вторник в столовой.

Бейли легко сдался. Джесси права: самое главное в жизни — избегать трений с людьми, которые со всех сторон окружают тебя. Убедить в этом Бентли было несколько трудней.

— Слушай, мам, — сказал он по этому поводу, — а можно мне одному пойти в столовую по папиному талону? Можно, а, мам?

Джесси раздраженно покачала головой и ответила:

— Ты меня удивляешь, Бентли. Что скажут люди, если увидят, что ты ешь один, будто у тебя

нет ни семьи, ни дома?

— А ну их, это их не касается.

— Не смей спорить с мамой, Бентли, — вмешался отец с нотками раздражения в голосе.

Бентли грустно пожал плечами и замолк. В это время с другого конца донесся голос Р. Дэниела:

— Можно мне посмотреть эти книгофильмы, пока вы едите?

— Конечно! — воскликнул Бентли, вскочив со стула, и его лицо засветилось от интереса. — Это мои книги. Я взял их в библиотеке по специальному разрешению из школы. Сейчас я вам дам фильмоскоп. Он довольно хороший. Папа подарил мне его в прошлом году в день рождения.

Он принес фильмоскоп и спросил:

— Вы интересуетесь роботами, мистер Оливо?

У Бейли из рук выпала ложка, и он наклонился за ней.

— Да, Бентли. Очень интересуюсь.

— Тогда вам понравится. Здесь все о роботах. Я готовлюсь к сочинению на эту тему. А тема довольно сложная, — добавил он солидно. — Я лично против роботов.

— Сядь на место, Бентли, — не выдержал Бейли, — и не мешай мистеру Оливо.

— Он мне совершенно не мешает, Илайдж. Я

бы очень хотел поговорить с тобой на эту тему, Бентли. К сожалению, сегодня вечером мы с твоим отцом будем очень заняты.

— Спасибо, мистер Оливо.

Бентли уселся за стол и, бросив на мать недовольный взгляд, ковырнул вилкой розовый, рыхлый кусок зимовила.

«Заняты сегодня вечером?» — подумал Бейли.

И тут он вспомнил о своем задании. Он с отвращением подумал о том, что в Космотауне лежит труп космонита и что, занятый своими собственными делами, он начисто позабыл о совершенном убийстве.

Джесси попрощалась с ними. На ней была вечерняя шляпка и жакет из кератофибра.

— Извините меня, пожалуйста, мистер Оливо, — обратилась она к Р. Дэниелу, — но я знаю, что вам с мужем надо о многом поговорить.

Открыв дверь, она подтолкнула сына вперед.

— Джесси, когда вы вернетесь? — окликнул ее Бейли.

Она помолчала. — А когда нужно вернуться?

— Да как сказать… Допоздна не задерживайся. Приходи, как обычно, не позже двенадцати.

Он вопросительно взглянул на Р. Дэниела. Тот кивнул.

— Извините, что я выживаю вас из дому.

— Ничего подобного, мистер Оливо. Вы вовсе меня не выживаете. Я всегда провожу этот вечер с подругами. Пошли, Бен.

Но мальчик заартачился.

— Мне-то зачем уходить? Я не буду мешать. Правда!

— Перестань, Бен.

— Тогда почему мне нельзя пойти с тобой в этерекс?

— Потому, что я иду со своими друзьями, а у тебя есть другие дела…

Дверь закрылась за ними. И вот теперь наступил тот момент, который Бейли все старался оттянуть. Вначале он думал: «Сперва познакомлюсь с роботом, посмотрю, что это такое». Потом решил: «Поговорю лучше с ним дома», а дома подумал: «Надо сперва поесть». Теперь все это позади, «откладывать больше нельзя. Он наконец оказался лицом к лицу с проблемами убийства, межпланетных отношений, возможного повышения по службе или столь же вероятного позора. Но начать расследование он мог, лишь обратившись за помощью к роботу. Задумавшись, он отбивал ногтями дробь по крышке стола, который не убрали в углубление в стене.

Р. Дэниел прервал молчание:

— Вы уверены, что нас здесь не подслушивают?

Бейли взглянул на него с удивлением. — Никому в голову не придет подслушивать разговоры в чужой квартире.

— То есть у вас это не принято?

— Конечно, нет, Дэниел. Это все равно, что, ну скажем, заглядывать в чужую тарелку.

— Или совершить убийство?

— Что?

— Убивать у вар тоже не принято, так ведь, Илайдж?

Бейли начал злиться.

— Слушайте, если хотите быть моим партнером, не напускайте на себя космонитскую спесь. Вам это не под стать, Р. Дэниел. — Он подчеркнуто произнес „Р. Дэниел“.

— Простите, если я вас обидел, Илайдж. Я лишь хотел указать, что, поскольку люди вопреки их обычаям способны совершить убийство, они тем более могут заниматься подслушиванием.

— Квартира хорошо изолирована, — ответил Бейли, все еще хмурясь. — Вы ведь не слышите, что происходит у соседей слева и справа от нас? Вот и они нас не слышат. Кроме того, откуда им

знать, чем мы собираемся заняться?

— По-моему, не следует недооценивать противника.

Бейли пожал плечами. — А по-моему, пора приступать к делу. Я располагаю весьма отрывочными сведениями и могу без труда выложить все, что знаю. Мне известно, что человек, по имени Рой Немменни Сартон, гражданин планеты Аврора, житель Космотауна, был убит неизвестным лицом или лицами. Насколько я знаю, космониты не считают это случайным убийством. Я прав?

— Вы совершенно правы, Илайдж.

— Они связывают это с недавними попытками саботировать предложенный космонитами план превращения нас в единое общество людей и роботов, наподобие цивилизаций, существующих на Внешних Мирах, и полагают, что убийство было осуществлено хорошо организованной террористической группой.

— Да.

— Отлично. Тогда для начала, предположим, что космониты ошибаются. Почему убийство не может быть делом рук какого-нибудь одинокого фанатика? На Земле многие недовольны роботами, однако нет ни одной партии, которая бы проповедовала насилие подобного рода.

— В открытую, возможно, и нет.

— Даже подпольная организация, цель которой — уничтожение роботов и роботехники, — не пошла бы на такой крайне рискованный шаг, как убийство космонита. Вероятнее всего, это поступок неуравновешенного человека.

Р. Дэниел внимательно выслушав, сказал: — „Фанатическая“ версия кажется мне маловероятной. Жертва выбрана тщательно, время для убийства тоже. Ясно, что все было заранее подготовлено организованной группой.

— В таком случае, вам известно больше, чем мне, и незачем играть в прятки!

— Я не знаю этого выражения, но смысл его, кажется, понял. Рассмотрим общую ситуацию. По нашему мнению, отношения между Космотауном и Землей складываются неудовлетворительно.

— Хуже некуда, — проворчал Бейли.

— Мне известно, что при основании Космотауна подразумевалось, что земляне создадут у себя объединенное общество, так хорошо зарекомендовавшее себя на Внешних Мирах. Поэтому нам казалось, что первые вспышки недовольства — это всего лишь проявление страха землян перед чем-то новым, непривычным… Однако, — продолжал Р. Дэниел, — время показало, что это не

так. Несмотря на полное содействие Внеземного Правительства и правительств большинства городов, мы наталкивались на постоянное сопротивление, и добиться нам удалось немногого. Естественно, нас беспокоит положение на Земле.

— Из чистого альтруизма, я полагаю, — .вставил Бейли.

— Не совсем, — ответил Р. Дэниел. — Хотя очень любезно, что вы так хорошо о нас думаете. По нашему убеждению, здоровая и обновленная Земля принесет пользу всей Галактике. По крайней мере, таково мнение жителей Космотауна. Должен, однако, признать, что на Внешних Мирах имеются силы, противостоящие этому.

— Как? Разногласия среди космонитов?

— Разумеется. Кое-кто считает, что обновленная Земля станет опасней и агрессивней. Эту точку зрения разделяют те миры, которые расположены ближе к Земле и где еще хорошо помнят первые несколько столетий межпланетных путешествий, когда они находились в политической и экономической зависимости от Земли.

— Старая песня, — вздохнул Бейли. — Неужто их это в самом деле беспокоит? И когда им надоест попрекать нас тем, что произошло тысячу лет назад?

— Люди устроены по-особому, — заметил Р. Дэниел. — Во многом они не столь разумны, как мы, роботы, поскольку их цепи в меньшей степени запрограммированы. Говорят, что это имеет свои преимущества.

— Может, и имеет, — ответил Бейли сухо.

— Вам лучше знать, — продолжал Р. Дэниел. — Как бы то ни было, наши постоянные неудачи на Земле сплотили ряды противников сближения с вами. Они утверждают, что земляне отличаются от космонитов и поэтому не могут усвоить традиций последних. И если навязать им роботов, говорят они, Галактика окажется в опасности. Они постоянно помнят о том, что население Земли насчитывает восемь миллиардов человек, тогда как число обитателей всех пятидесяти Внешних Миров не превышает пяти с половиной миллиардов. Жители Космотауна, в особенности доктор Сартон...

— Так он был ученым?

— Он был доктором социологии, специализировался в роботехнике. Весьма талантливый человек.

— Ясно. Продолжайте.

— Так вот, доктор Сартон и его сторонники опасались, что наши постоянные неудачи положат

конец развитию Космотауна и всему, что с ним связано. Он пришел к выводу, что пора, наконец, постараться понять психологию эемлян. Говорить об их внутреннем консерватизме, повторять избитые фразы о „неменяющейся Земле“ или о „непостижимом уме“ эемлян — значит лишь уклоняться отрешения проблемы. Доктор Сартож считал, что это говорит наше невежество и что ни присказками, ни снотворным от эемлян не отделаться. Те космониты, говорил он, которые поставили задачу переделать Землю, должны отказаться от изоляции Космотауна и смешаться с землянами. Они должны жить как земляне, думать, как те, быть, как они.

— Космониты? Но это же невозможно! — воскликнул Бейли.

— Вы совершенно правы, — согласился с ним Дэниел. — Несмотря на эту теорию, сам доктор Сартон был не в силах поселиться в городе, и он знал это. Он бы не вынес его громадных размеров и такого скопления людей. Даже если бы под угрозой оружия его и вынудили жить среди вас, внешняя среда так довлела бы над ним, что он никогда бы не проник в сокровенные тайны, которые искал…

— Не забывайте, как космониты трясутся над

своим здоровьем, — прервал его Бейли. — Из-за одного этого они побоятся поселиться у нас.

— И это тоже. Внешние Миры не знают, что такое болезнь в земном смысле. А неизвестность всегда пугает. Доктор Сартон понимал все это и тем не менее настаивал на глубоком изучении землян и их образа жизни.

— Похоже, что он сам загнал себя в угол.

— Не совсем. Все эти трудности касаются лишь людей-космонитов. Роботы — совсем другое дело.

„Дьявольщина, все время забываю, что он робот“, — подумал Бейли, а вслух сказал: — Вот как?

— Да, — ответил Р. Дэниел. — Мы, естественно, более гибки. По крайней мере в этом отношении. Нас легче приспособить к жизни на Земле. Если внешне робот будет исключительно точной копией человека, земляне примут его и позволят ближе изучить свою жизнь.

— И вот вы… — осенило вдруг Бейли.

— …и есть такой робот, — подхватил Дэниел. — Целый год доктор Сартон разрабатывал проект и конструкцию новых роботов. Я первый и пока лишь единственный экземпляр. К сожалению, мое образование еще не закончено, так как из-за

убийства доктора Сартона меня решили использовать раньше намеченного срока.

— Значит, не все ваши роботы такие, как вы? То есть, они все-таки больше походят на роботов, чем на людей?

— Разумеется. Внешний вид робота зависит от его назначения. Именно поэтому я и являюсь точным подобием человека. Другие роботы отличаются от меня, хотя все они имеют человеческий облик. И, уж конечно, они выглядят лучше, чем те невероятно примитивные модели, которые мы встретили в магазине. Неужели все ваши роботы такие?

— Более или менее, — ответил Бейли. — Вам это не нравится?

— Конечно, нет — сказал Р. Дэниел. — Трудно заставить людей поверить в ум робота, пока внешне он лишь грубая пародия на человека. Разве ваши заводы не могут выпускать лучшие образцы?

— Я уверен, что могут, Дэниел. Но мы предпочитаем знать, когда имеем дело с роботом, а когда нет.

Бейли смотрел роботу прямо в глаза. Они были ясными и влажными, как у человека, однако Бейли показалось, что взгляд их был слишком

упорным и малоподвижным, в отличие от живого человеческого взгляда.

— Надеюсь, что со временем пойму эту точку зрения, — спокойно сказал Р. Дэниел.

Какое-то мгновение Бейли казалось, что он уловил сарказм в его словах, но тут же отбросил эту нелепую мысль.

— Во всяком случае, — продолжал Р. Дэниел, — доктор Сартон ясно себе представлял, что это одна из проблем C/Fe.

— Це-фе? Что это такое?

— Химические символы, обозначают элементы углерода и железа, Илайдж. Углерод составляет основу человеческой жизни, а железо — жизни робота. Поэтому символами C/Fe легко обозначить культуру, сочетающую в себе лучшие качества обоих на равной, но параллельной основе.

— Це-феррум. Это пишется через черточку или как?

— Нет, Илайдж. Между символами принято проводить диагональную линию. Тем самым предпочтение не отдается ни тому, ни другому, но подчеркивается слияние обоих.

Бейли вдруг спохватился, что с интересом слушает робота. Программа обязательного образования на Земле почти не дает знаний по

истории и социологии Внешних Миров после Великого Восстания, давшего им независимость. К тому же дешевые книгофильмы создали свою галерею образов пришельцев из Внешних Миров: промышленного магната, желчного и эксцентричного; его прекрасной наследницы, как правило пораженной чарами одного из землян и находящей утешение от всех невзгод в любви; надменного соперника-космонита, злобного и глупого неудачника. Эти романы приносят один только вред, потому что в них искажаются самые очевидные факты. Всем известно, что космониты никогда не появлялись в городах и покуда на Земле еще не высадилась ни одна представительница Внешних Миров. Впервые в своей жизни Бейли почувствовал какое-то странное любопытство. Как же все-таки живут космониты? С трудом он заставил себя вернуться к тому, что занимало сейчас их обоих.

— Кажется, до меня дошло куда вы клоните, — обратился он к Дэниелу. — Ваш доктор Сартон подошел к проблеме создания на Земле цивилизации C/Fe с новой и обнадеживающей позиции. Наши консерваторы, они еще называют себя медиевистами, забеспокоились. Они перепугались, что это ему удастся. Вот они и убили его. Отсюда

и ваша версия об организованном заговоре, а не случайном убийстве. Верно?

— Приблизительно так, Илайдж.

Бейли задумчиво и негромко присвистнул. Его длинные пальцы слегка барабанили по столу.

— Шито белыми нитками, — покачал он головой.

— Простите. Я вас не понял.

— Я пытаюсь представить себе картину убийства. Один из наших идет в Космотаун, находит Сартона, уничтожает его и уходит. Не получается) Вход в Космотаун охраняется.

Р. Дэниел кивнул.

— Я думаю, будет вернее сказать, что в Космотаун невозможно проникнуть через вход незамеченным, — заметил он.

— В таком случае, куда годится ваша теория?

— Она бы не годилась, если в Космотаун из Нью-Йорка можно было проникнуть только через вход.

Бейли задумчиво посмотрел на своего партнера.

— Не понимаю, — наконец сказал он. — Пока в Космотаун иного пути нет.

— Пути, который соединяет оба города напрямую, — заметил Р. Дэниел и замолчал. — Все еще

не понятно?

— Увы, нет.

— Тогда, если вы не обидитесь, я постараюсь объяснить. Не дадите ли вы мне лист бумаги и графер? Благодарю вас. Смотрите, партнер Илайдж. Я изобразил большой круг. Это Нью-Йорк. Круг поменьше — Космотаун. В точке их соприкосновения я начертил стрелку. Это — вход. Вы и теперь не видите никакого другого пути? — снова спросил Р. Дэниел.

— Не вижу. Другого пути нет.

— В каком-то смысле я рад, что вы так сказал и, — начал Р. Дэниел. — Это совпадает с тем, чему меня учили о земном мышлении. Барьер и проход в нем — единственная *прямая* связь между городами. Но ведь Нью-Йорк и Космотаун стоят на открытом пространстве. Кто-нибудь из землян мог свободно покинуть город, пересечь открытое пространство и беспрепятственно проникнуть в Космотаун.

Бейли облизал пересохшие губы и переспросил:

— Пересечь открытое пространство?

— Да.

— Пересечь открытое пространство? В одиночку?

— Почему бы и нет?

— Пешком?

— Несомненно. Так меньше всего опасности быть замеченным. Убийство произошло в начале рабочего дня, поэтому переход был осуществлен до рассвета.

— Невероятно! В городе не найдется человека, способного на это. Уйти из города? В одиночку?

— В обычных условиях, возможно, и не нашлось бы. Согласен. Мы, космониты, это знаем. Поэтому охраняется только вход. Даже во время Барьерного бунта земляне атаковали лишь барьер, защищавший вход к нам. Ни один из них не покинул город.

— Ну и что дальше?

— Перед нами необычная ситуация. Мы имеем дело не со стихийным нападением толпы, следующей по линии наименьшего сопротивления. Речь идет о попытке небольшой группы людей нанести удар с таким расчетом, чтобы застать нас врасплох. Вот вам и объяснение, как житель Земли, по вашим словам, мог проникнуть в Космотаун, найти доктора Сартона, убить его и скрыться. Нападение совершено из-за полной беспечности с нашей стороны.

Бейли покачал головой. — Слишком неверо-

ятно. Вы что-нибудь сделали для проверки этой версии?

— Да. Ваш комиссар полиции оказался на месте почти в самый момент убийства…

— Знаю. Он говорил мне.

— Вот, Илайдж, еще один пример того, как тщательно выбрано время убийства. Комиссар в прошлом сотрудничал с доктором Сартоном. На него-то и рассчитывал доктор Сартон, чтобы начать проникновение в город таких роботов, как я. В то утро он хотел обсудить свои планы с комиссаром. Убийство же приостановило их осуществление. Оттого, что в момент убийства на территории Космотауна находился ваш комиссар полиции, обстановка запуталась еще больше… Но я отвлекся, — продолжал Р. Дэниел. — Мы сказали вашему комиссару: „Человек, наверное, прошел по открытому пространству“. Как и вы, он ответил: „Невозможно“ или „Недопустимо“. Он, естественно, был очень расстроен, и это, вероятно, помешало ему разглядеть самое главное. Тем не менее мы потребовали от него немедленной проверки этой версии.

Бейли подумал о разбитых очках комиссара и, несмотря на свои мрачные мысли, даже слегка улыбнулся. Бедный Джулиус! Конечно, он был

расстроен. Вряд ли он стал делиться своей бедой с высокомерными космонитами, которые с особенным отвращением относятся ко всяким физическим недостаткам землян, не подвергающихся генетическому отбору. Едва ли он стал ронять перед ними свой престиж, которым он, комиссар полиции Джулиус Эндерби, так дорожил. Да, землянам нужно хоть в чем-то держаться друг друга. Во всяком случае, от Бейли робот никогда не узнает, что комиссар близорук.

Р. Дэниел продолжал: — Один за другим мы проверили все выходы. Знаете, сколько их?

Бейли покачал головой и произнес наугад:

— Двадцать?

— Пятьсот два.

— Не может быть!

— Вначале их был о еще больше. А сейчас только пятьсот два. Ваш город меняется медленно, Илайдж. Когда-то он стоял под открытым небом, и люди свободно выходили за его пределы.

— Конечно. Я это знаю.

— Потом, когда город накрыли куполом, выходов было довольно много. И сейчас их еще пятьсот два. Остальные застроили или закрыли. Кстати, мы не учитывали площадки для воздушного транспорта.

— Ну и что показала проверка?

— Безнадежно мало. Эти выходы не охраняются. Никто из ваших чиновников не считает это в своей компетенции. Создавалось впечатление, что они и не подозревают об их существовании. Поэтому можно выйти и вернуться в город совершенно незамеченным.

— Ну, что еще? Оружие, конечно, исчезло?

— Конечно.

— Какие-нибудь улики?

— Никаких. Мы тщательно обследовали все пространство вокруг Космотауна. Сельскохозяйственные роботы как потенциальные свидетели оказались совершенно бесполезными. Они ведь едва отличаются от машин, а людей там не было.

— Так, так… Что же дальше?

— Не обнаружив ничего у нас, в Космотауне, мы будем вынуждены продолжать расследование в Нью-Йорке. Сейчас наша задача — обнаружить подрывные организации, если они есть, тщательно проверить всех инакомыслящих… — Сколько вы собираетесь здесь пробыть? — прервал его Бейли.

— Сколько понадобится. Чем меньше, тем лучше.

— Понятно, — сказал Бейли задумчиво. — Жаль,

что вам не дали другого напарника.

— Что вы, — возразил робот, — комиссар высоко отозвался о вашей лояльности и способностях.

— Очень мило с его стороны, — сказал Бейли язвительно.

„Бедный Джулиус, — подумал он, — совесть его мучает, вот он и старается ради меня“.

— Но мы не ограничились одним лишь отзывом комиссара, — заметил Р. Дэниел, — и навели справки сами. Вы открыто выступали против использования роботов у вас в отделе.

— Ну и что? Вам это не по вкусу?

— Отнюдь. Вы, видимо, выражали собственное мнение. Однако пришлось тщательно проверить ваш психологический тип. Оказалось, что, несмотря на отвращение к роботам, по долгу службы вы стали бы сотрудничать с одним из них. У вас необычайно высоко развито чувство долга и уважение к законной власти. Это то, что нам нужно. Комиссар Эндерби правильно вас охарактеризовал.

— Вы лично ничего не имеете против моего отношения к роботам?

— Нет, если это не мешает вам работать со мной и помочь мне выполнить задание.

Бейли был обескуражен.

— Ну хорошо, скажем, я прошел тест, а как вы? — спросил он вызывающе. — Почему вы считаетесь детективом?

— Я вас не понимаю.

— Ваше назначение — сбор информации, так ведь? Вы человекоподобная машина, призванная снабжать космонитов фактами о жизни людей.

— Неплохое начало для расследователя, согласитесь? Быть машиной, накапливающей информацию?

— Для начала, быть может, и неплохо. Но это далеко не все, что нужно детективу.

— К тому же в последний момент мои электронные цепи были перестроены.

— Любопытно узнать, каким образом, Дэниел?

— Очень просто. Моим мотивировочным элементам было задано сильное стремление к справедливости.

— К справедливости! — воскликнул Бейли. Ирония слетела с его лица, уступив место выражению откровенного недоверия.

Р. Дэниел вдруг резко повернулся лицом к двери и сказал:

— Там кто-то есть.

Он не ошибся. Дверь отворилась, и в комнату вошла бледная, с поджатыми губами Джесси.

— В чем дело, Джесси? Что случилось? — забеспокоился Бейли.

— Простите, — тихо ответила Джесси, не глядя мужу в глаза. — Мне пришлось... — Она замолчала.

— Где Бентли?

— Он переночует в Детском зале.

— Как так? Ведь я велел вам вернуться.

— Ты сказал, что твой напарник останется здесь на ночь. Вот я и подумала, что ему понадобится комната Бентли.

— Не понадобится, Джесси, — вмешался Р. Дэниел.

Джесси подняла глаза на Р. Дэниела, всматриваясь ему в лицо.

Бейли углубился в созерцание кончиков своих пальцев, охваченный предчувствием того, что мажет сейчас произойти и чего он не в силах предотвратить. Наступила тишина, тяжесть которой он ощущал физически, а затем откуда-то издалека, словно сквозь слой пластекса, до него донесся голос жены:

— По-моему, вы — робот, Дэниел.

Спокойным, как всегда, голосом Р. Дэниел ответил.

— Вы правы.

На самых верхних этажах некоторых богатейших секторов города расположены естественные солярии. Их воздухонепроницаемые кварцевые окна, снабженные металлическими ставнями, пропускают внутрь потоки солнечного света. Здесь загорают жены и дочери самых высокопоставленных чиновников. Здесь каждый вечер происходит необычайное явление. Здесь наступает ночь. В остальной части горою (включая искусственные солярии, где миллионы горожан, по строгому расписанию, могут изредка подвергаться ультрафиолетовому облучению) смена дня и ночи — понятие весьма условное. Деловая жизнь города могла бы вестись непрерывно: в три восьмичасовые или четыре шестичасовые смены — и „днем“ и „ночью“. Время от времени за это ратуют некоторые любители гражданских реформ, ссылаясь на интересы развития экономики и производства. И каждый раз их идеи отвергаются. И так уже во имя этой экономики пришлось пожертвовать тем, к чему привыкли люди прежних времен: простором, уединенным образом жизни и даже отчасти личной свободой. Но эти привычки возникли вместе с цивилизацией — не более десяти тысяч лет назад, тогда как привычке укладываться спать с наступлением

ночи столько же лет, сколько самому человеку, — около миллиона, и избавиться от нее не так просто. Хоть самой ночи в городе не видно, ее можно узнать по тому, как гаснут в квартирах огни и замедляется ритм жизни. Пусть ни полуденное солнце, ни полночная луна не освещают крытых улиц, все же человечество следует молчаливым указаниям часовой стрелки. Экспрессы пустеют, затихает шум на улицах, тают толпы людей в громадных провалах между зданиями. Город Нью-Йорк погружается в сон.

Лайджу Бейли не спалось. В комнате было темно, и где-то рядом с ним в кровати притаилась Джесси. По ту сторону стены сидел, стоял, а может, и лежал — терялся в догадках Бейли — Р. Дэниел Оливо.

— Джесси, — прошептал Бейли. — Джесси!

— В чем дело? — Она зашевелилась под простыней.

— Джесси, мне и так трудно, а тут еще ты….

— Мог бы сказать мне.

— Да не мог я! Не знал, как… Слушай, Джесси!

— Ш-ш-ш…

Бейли снова перешел на шепот:

— Как ты догадалась? Скажи.

Джесси повернулась к нему. Он почувствовал

направленный на него сквозь темноту взгляд жены.

— Лайдж, — едва слышно выдохнула она, — он может нас услышать? Этот робот?

— Нет, если говорить шепотом.

— Почем знать. Может его уши различают малейший звук. Эти космонитские роботы способны на все.

Для Бейли это не секрет. Пропаганда роботехники превозносит чудодейственные свойства космонитских роботов: их неутомимость, совершенство органов чувств, те бесчисленные услуги, которыми они могут осчастливить человечество. Лично он считал, что здесь явно пересолили. Земляне стали еще больше ненавидеть роботов за их превосходство над собой.

— Дэниел не такой, — прошептал он. — Они нарочно сделали его похожим на человека. Поэтому он и слышит, как человек.

— Откуда ты знаешь?

— Было бы слишком опасно наделять его сверхчеловечески — ми чувствами: он мог бы случайно себя выдать. Он бы знал и умел слишком много.

— Что ж, возможно.

Опять наступила тишина.

Через минуту Бейли заговорил снова:! Джесси,

это только до тех пор, пока… В общем, прошу тебя, не надо сердиться.

— Сердиться? Ты чудак, Лайдж. Я вовсе не сержусь. Я боюсь. Я перепугалась до смерти.

Она всхлипнула и схватилась за ворот его пижамы.

Его охватил а тревога. — Не бойся, Джесси. Не волнуйся. Он совершенно безобидный, клянусь тебе.

— А ты не можешь избавиться от него, Лайдж?

— Ты ведь знаешь, что не могу. Ведь это задание управления. Как можно?

— Какое задание, Лайдж? Расскажи мне.

— Вот тебе и на. Ты меня удивляешь, Джесси. — Он протянул в темноту руку и погладил ее по мокрой от слез щеке. Рукавом пижамы он тщательно вытер ей глаза. — Слушай, — сказал он нежно, — не будь ребенком.

— Пусть поручат это задание кому-нибудь еще. Пожалуйста, Лайдж, попроси их.

Теперь его голос звучал не так нежно:

— Джесси, ты не первый год замужем за полицейским, и пора бы тебе знать, что задание есть задание.

Да, но почему именно ты?

— Джулиус Эндерби…

— Как это я не сообразила? — прервала она его. — Сказал бы своему Джулиусу Эндерби, чтобы он хоть раз избавил тебя от черной работы. Ты слишком покорный, Лайдж, а сейчас…

— Ну, не надо, не надо, Джесси, — успокаивал он ее.

Она замолчала, вся дрожа. Бейли подумал: „Ей никогда не понять“. С тех пор как они поженились, упоминание о Джулиусе Эндерби всегда вызывало у них споры. Эндерби шел на два года раньше Бейли в Городской административной школе. Они тогда были друзьями. Когда Бейли прошел комплексную проверку на склонности и невроанализ и оказалось, что он годен для службы в полиции, Эндерби опередил его и тут: он был уже зачислен в сыскной отдел. Бейли шел по стопам Эндерби, но все больше отставал от него. Вообще-то винить в этом некого. У Бейли вполне хватало и способностей, и рвения, но в одном Эндерби превосходил его. Эндерби был прирожденным руководителем и прекрасно ужился в бюрократическом аппарате. Комиссар не отличался большим умом, у него были свои странности, например, внезапные приступы показного медиевизма. Он был ровен с подчиненными, никого не обижал, спокойно выслушивал

приказы сверху и отдавал их сам без нажима, но достаточно твердо. Он даже ладил с космонитами. Пожалуй, он был слишком подобострастен с ними, но они ему доверяли, и городские власти высоко ценили за это комиссара. (В отношении себя Бейли был уверен, что не вынес бы и полдня общения с ними, хотя фактически ему пока не доводилось по-настоящему разговаривать с космонитом). Поэтому на гражданской службе, где общительность и умение ладить с людьми значат больше, чем личные способности человека, Эндерби быстро сделал карьеру и получил звание комиссара, тогда как Бейли застрял в классе С-5. Бейли не завидовав разнице их положения, хотя иногда, как всякий смертный, сетовал на судьбу. Однако Эндерби не забыл их прежней дружбы и старался как мог компенсировать свой успех. Это задание тому пример. Сотрудничать с роботом нелегко и неприятно. Несомненно, однако, что в задании заложены блестящие возможности. Комиссар ведь мог дать другому попытать счастье. Его просьба об одолжении была лишь прозрачным намеком на это. Но Джесси смотрела на это по-другому. В подобных случаях она, бывало, выговаривала ему: „Это все твоя глупая преданность делу. Мне так надоело слушать как все превозно-

сят твое чувство долга. Хоть раз о себе подумай. Что-то те, наверху, не очень-то часто вспоминают о своем индексе лояльности“.

Бейли лежал с открытыми глазами и ждал, пока она успокоится. Он должен был все обдумать. Проверить свои подозрения. Он перебирал в уме мельчайшие детали, складывая их в пока еще неясную картину.

Он почувствовал, как рядом зашевелилась Джесси.

— Лайдж? — прошептала она ему на ухо.

— Что?

— Может, тебе подать в отставку?

— Не сходи с ума.

— Я серьезно, — зашептала она возбужденно, — Зато ты избавишься от этого ужасного робота. Пойди и скажи Эндерби, что с тебя хватит.

Бейли холодно ответил:

— Я не могу подать в отставку в разгар важного расследования. Я не могу бросить все к черту, когда мне заблагорассудится. За такие штучки могут деклассировать.

— Ну и что? Ты снова пробьешься. Ты ведь можешь, Лайдж, тебя возьмут в любой отдел.

— Деклассированных за служебные проступки на гражданскую службу не принимают. Меня

могут поставить на черную работу, так же, как и тебя. А Бентли потеряет наследуемые привилегии. Ради бога, Джесси, ты даже не знаешь, что это значит.

— Я читала об этом. Я готова на все, — пробормотала она.

— Ты с ума сошла! Ты просто сошла с ума! — Бейли задрожал всем телом. Перед его мысленным взором вспыхнула знакомая картина: его отец. Отец, которого вынужденное безделье привело к смерти.

Джесси тяжело вздохнула.

Бейли в гневе стал думать о другом. Его ум снова стал рисовать картины убийства. Он сказал сдавленным голосом: — Джесси, ты должна сказать. Как ты узнала, что Дэниел робот? Как ты догадалась?

— Понимаешь… — начала она и тут же и осеклась. В третий раз она попыталась объяснить ему и почему-то не могла.

Он сжал ее руку, принуждая говорить.

— Пожалуйста, Джесси. Что тебя пугает?

— Я просто догадалась, что это робот, Лайдж, — ответила она.

— Ты не могла догадаться, Джесси. Ты не знала, что он робот, до того, как ушла. Ну, говори!:

— Н-нет, но я стала думать и…

— Продолжай, Джесси. Ну и что?

— Так вот… Понимаешь, приятельницы болтали в туалетной. Ну, ты знаешь, как обычно. Обо всем.

„О, женщины“, — подумал Бейли.

— В общем, — продолжала Джесси, — весь город полон слухов.

— Весь город? — Бейли почувствовал, как от восторга у него подпрыгнуло сердце. Еще одна деталь на месте!

— Во всяком случае, так мне сказали приятельницы. По их словам, в городе скрывается робот космонитов! Его, мол, не отличишь от человека, и он должен работать с нашей полицией. Они даже спросили об этом меня. Смеются и говорят: „А твой Лайдж об этом слышал, Джесси?“ Я тоже засмеялась и сказала, что, дескать, не валяйте дурака. Потом мы пошли смотреть фильмы в этерекс. Вот тут я и подумала о твоем партнере. Помнишь, ты принес домой снимки космонитов, которые Джулиус Эндерби сделал в Космотауне? Я все пыталась вспомнить, кого напоминает твой напарник, и вдруг сообразила, что их. И тут я сказала себе: „О боже, его, наверное, узнали в магазине, а он с Лайджем…“

— и тогда я сослалась на головную боль и помчалась…

— Постой, постой, Джесси, — прервал ее муж. — Спокойнее. Чего ты боишься? Ведь не самого же Дэниела? Согласись, что не его самого. Ты же прекрасно держалась, когда пришла. Прекрасно. Поэтому…

Он вдруг замолчал и сел в кровати, тараща глаза в темноте.

Он почувствовал, что его жена подвигается к нему. Рука Бейли метнулась к ней, нащупала ее рот и плотно зажала его. Она напряглась всем телом, пытаясь вывернуться и оттолкнуть его руку, но он прижал руку еще сильнее.

Потом он вдруг отпустил ее. Она всхлипывала.

— Извини, Джесси, — сказал он хриплым голосом. — Я прислушивался.

Он встал и натянул на ноги теплый пленкопласт.

— Лайдж, куда ты? Не оставляй меня.

— Ничего. Я только к двери.

Его ноги, обутые в пленкопласт, мягко шаркали по полу. Он обошел кровать, приоткрыл дверь в гостиную и застыл в ожидании. Но ничего не случилось. Было так тихо, что он слышал дыхание Джесси. Он слышал, как глухо стучит кровь у

него в ушах. Рука Бейли осторожно протиснулась в щель и безошибочно нашла выключатель потолочного освещения. Он только чуть-чуть к нему притронулся, и потолок тускло засветился, так тускло, что нижняя часть гостиной оставалась в полумраке. Он увидел, что наружная дверь закрыта, а в гостиной нет ни души. Он повернул выключатель и пошел в спальню, Итак, картина стала теперь полной. Все детали на своем месте.

— Что случилось, Лайдж? — испугалась Джесси.

— Ничего, Джесси, ровным счетом ничего. Его нет.

— Робота? Ты хочешь сказать, что он ушел? Насовсем?

— Нет, нет. Он вернется. Но пока ответь на мой вопрос.

— Какой вопрос?

— Чего ты боишься?

Джесси молчала.

— Ты сказала, что до смерти перепугалась, — настаивал Бейли.

— Его.

— Нет, мы уже говорили об этом. К тому же ты знаешь, что робот не опасен для человека.

— Я подумала, — с трудом начала она, — что,

если люди узнают, что это робот, начнется бунт. И нас убьют.

— Почему именно нас?

— Сам знаешь, как бывает во время беспорядков.

— Но ведь никому не известно, где он находится, верно?

— Они могут узнать.

— Значит, этого ты боишься — бунта?

— Понимаешь…

— Ш-ш-ш… — Он прижал Джесси к подушке. Потом наклонился к ее уху: — Он вернулся. Слушай меня и не произноси ни слова. Все в порядке. Он утром уйдет и больше не вернется. Никакого бунта не будет, никакого. Ему стало легко, совершенно легко. Он почувствовал, что теперь он заснет. Потом он сказал себе: „Никакого бунта, никакого. Никакого деклассирования“. Уже засыпая он повторил: „Ни бунта, ни даже самого расследования. Ничего. Разгадка найдена…“

Ион уснул.

Комиссар полиции Джулиус Эндерби с необычайной тщательностью протер стекла ст лов и не спеша надел их.

„Ловкий трюк, — подумал Бейли, — делаешь вид, что занят, а сам пока соображаешь, что ска-

зать. И денег не стоит, как, например, разжигание трубки“.

И уж поскольку эта мысль пришла ему в голову, он вынул свою трубку и погрузил ее в тощий кисет. Табак был одной из немногих дефицитных культур, которые пока еще выращивались на Земле, но этому вскоре должен был прийти конец. Сколько Бейли помнит, цены на табак все идут вверх, а не вниз, а нормы — вниз, а не вверх. Кончив возиться с очками, Эндерби протянул руку к выключателю на краю стола, и на короткое мгновенье дверь со стороны кабинета стала прозрачной.

— Так где он сейчас? — спросил комиссар.

— Попросил показать ему управление. Я поручил это почетное дело Джеку Тобину. — Бейли раскурил трубку и плотно прикрыл крышку.

Как большинство некурящих, комиссар терпеть не мог табачного дыма.

— Надеюсь, вы ему не сказали, что Дэниел робот.

— Конечно, нет.

Чувствовалось, что комиссар нервничает. Он бесцельно крутил рукой автоматический календарь на столе.

— Ну как дела? — спросил он, не глядя на Бей-

ли.

— Так себе.

— Извините, Лайдж.

— Могли бы предупредить, что он так похож на человека, — сказал Бейли твердо.

— Как, разве я не сказал? — удивился комиссар. — Черт возьми, вам следовало самому сообразить, — добавил он раздраженно. — Неужто вы думаете, я бы стал просить вас взять его на квартиру, если бы он был похож на Р. Сэмми?

— Все ясно, комиссар, но я никогда не видел такого робота, а вы видели. Я не представлял, что это возможно, Хоть бы предупредили, что ли.

— Ладно, Лайдж, это моя вина. Мне следовало сказать вам. Вы правы. Но я так закрутился со всеми этими делами, нервы буквально на пределе. И на людей кричу без причины… А этот Дэниел робот нового типа. Находится пока еще на экспериментальной стадии.

— Он мне все объяснил.

— Ну тогда с этим покончено.

Бейли напрягся. Теперь, пожалуй, пора. Он зажал трубку в зубах и сказал как бы между прочим:

— Р. Дэниел устроил для меня поездку в Космотаун.

— В Космотаун? — возмутился комиссар.

— Да. Это логично, комиссар. Я бы хотел осмотреть место преступления и задать несколько вопросов.

Эндерби решительно покачал головой.

— Мне не нравится эта затея, Лайдж. Мы все осмотрели, и вряд ли вы найдете там что-нибудь новое. К тому же космониты — странный народ. До того щепетильные… С ними надо уметь обращаться, а у вас нет опыта. — Он приложил свою пухлую руку ко лбу и добавил с неожиданной страстью: — Я их ненавижу!

— Черт побери, комиссар, — голос Бейли звучал враждебно, — раз робот пришел сюда — я должен побывать у них! Не хватает еще, чтобы этот тип обошел меня. Конечно, если вы думаете, что мне не справиться с заданием…

— Что вы, Лайдж! Дело не в вас — дело в космонитах. Вы совсем их не знаете.

Бейли нахмурился еще больше. — Тогда, комиссар, почему бы нам не поехать вместе? — Чтобы не сглазить, он незаметно скрестил средний и указательный пальцы правой руки.

Глаза комиссара широко раскрылись — Нет, Лайдж. Не поеду. И не просите… — Казалось эти слова вырвались у него помимо воли. Потом он

добавил более спокойно, с неуверенной улыбкой. — Понимаете, у меня масса дел. Запустил их ужасно.

Бейли задумчиво смотрел на него:

— Тогда вот что. Почему бы вам не использовать объемный видеофон. Ненадолго, на случай, если мне будет нужна помощь.

— Ну хорошо. Это я, наверное, смогу сделать, — нехотя согласился комиссар.

— Отлично! — Бейли взглянул на стенные часы, кивнул и встал. — Я буду держать с вами связь.

Выходя из кабинета, Бейли на секунду задержался в двери и оглянулся на комиссара. Он увидел, как его голова медленно опускалась на изгиб локтя, которым он опирался о стол. Детектив мог поклясться, что слышал, как тот всхлипнул.

„Господи!“ — молча изумился Бейли.

В общей комнате он присел на краешек ближайшего стола, не обратив внимания на его владельца, который взглянул на него, пробормотал какое-то приветствие и продолжал заниматься своими делами.

Бейли откинул крышку с трубки и продул ее. Потом он опрокинул трубку над небольшой вакуумной пепельницей в крышке столами она

поглотала белый рассыпчатый пепел. Он с сожалением посмотрел на пустую трубку, приладил крышку и убрал ее. Вот и еще одну выкурил! Он стал обдумывать свой разговор с комиссаром. С одной стороны, поведение Эндерби его не удивило. Он предполагал, что тот будет противиться его попытке поехать в Космотаун. Комиссар часто подчеркивал трудности общения с космонитами и нежелательность отправки туда неопытных людей для ведения переговоров даже по мелким вопросам. Однако Бейли не ожидал, что комиссар так быстро уступит. Он думал, что тот, по крайней мере, будет настаивать на совместной поездке. Ссылка на занятость теряет смысл по сравнению с важностью этого дела. Собственно Бейли и не хотел этого. Он получил то, чего добивался. Он добивался не личного присутствия Эндерби, а лишь его объемного изображения, чтобы тот мог следить за ходом расследования в полной для себя безопасности. Безопасность — вот, что главное. Бейли понадобится свидетель, которого нельзя будет быстро убрать с пути. В этом хоть какая-то гарантия его личной безопасности. На это комиссар согласился сразу. Бейли вспомнил, как тот всхлипнул — а может, ему это почудилось? — и подумал: „Боже, старик сыт по горло всем этим!“

Он вздрогнул от раздавшегося за его спиной бодрого, с хрипотцой голоса.

— Какого черта тебе надо? — возмутился Бейли.

На лице Р. Сэмми сияла глупая застывшая улыбка.

— Джек велел сказать вам, что Дэниел готов, Лайдж.

— Хорошо. А теперь убирайся.

Он хмурился вслед удаляющемуся роботу. Фамильярность этого неуклюжего сооружения из металла буквально выводила его из себя. Он было пожаловался комиссару, но тот лишь пожал плечами: „Ничего не поделаешь, Лайдж. Народ требует, чтобы городские роботы имели сильный контур дружбы. К тому же вы ему нравитесь, вот он и называет вас самым дружеским именем, какое только знает“.

Контур дружбы! Ни один робот, какой бы модели он ни был, не представляет опасности для человека. Первый закон роботехники гласит: „Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред“.

Первый закон закладывается в самые недра позитронного мозга, и, чтобы с ним ни произо-

шло, робот не в состоянии нарушить этот закон. Строго говоря, введение дополнительных „контуров дружбы“ — нелепая затея. И все же комиссар прав. Вопреки всякой логике земляне не доверяют роботам, вот и приходится конструкторам придумывать разные „контуры дружбы“, так же как и снабжать лица роботов глупой улыбкой. Речь идет о земных роботах, разумеется. Кстати, Р. Дэниел совсем не улыбается. Вздохнув Бейли встал со своего мота. Следующая остановка — Космотаун… Кто знает, быть может, это его последняя остановка…

Полицейским властям и крупным чиновникам до сих пор разрешается пользоваться служебными машинами для езды по городским коридорам и древним автотуннелям, вход в которые для пешеходов закрыт. Это дает повод либерально настроенным гражданам неустанно критиковать муниципалитет за его нежелание превратить туннели в детские площадки, или новые торговые центры, или, наконец, открыть их для пешеходов. Однако соображения общественного порядка всегда берут верх. При возникновении больших пожаров, которые нельзя погасить местными средствами, серьезных авариях энергосистемы и вентиляции и, главным образом, при крупных

вспышках недовольства блюстителям порядка важно быстро оказаться на месте происшествия. Автотуннели как раз и обеспечивают им такую возможность. Бейли несколько раз доводилось пользоваться туннелем, и всегда его неприятная пустота действовала на него угнетающе. Казалось, будто он находится где-то в тысяче миль от пульсирующей жизни города. Сейчас, когда он сидел за приборной доской машины, туннель извивался перед ним, подобно слепому, полому червю. После каждого плавного поворота его глазам открывались новые и новые участки туннеля. А позади, знал он, не глядя туда, еще один слепой и полый червь так же неизменно сокращался и закрывался. Туннель был хорошо освещен, но его пустота и молчание лишали свет всякого смысла. Р. Дэниел ничем не старался ни нарушить это молчание, ни заполнить эту пустоту. Он смотрел прямо перед собой, безразличный сейчас к монотонному виду туннеля, также как прежде был безразличен к переполненному экспрессу. Наконец под дикое завывание сирены они выскочили из туннеля на проезжую часть городского коридора. Из уважения к одной из традиций прошлого четкие линии обозначали проезжую часть всех главных коридоров. Так

как, кроме полицейских и пожарных машин, а также грузовиков технической службы, другие виды автомобильного транспорта не сохранились, пешеходы полностью игнорировали эти ограничения. Они с возмущением рассыпались в стороны от взвизгивающей сиреной машины Бейли. Он лишь ненадолго почувствовал себя веселее в привычной городской сутолоке, так как метров через двести машина свернула в одно из ответвлений, ведущих в Космотаун. У входа их ждал и. Часовые, вероятно, знали Р. Дэниела в лицо и, хоть сами были людьми, кивнули ему без тени превосходства. Один из часовых приблизился к Бейли и отдал ему честь по всем правилам военного протокола. Он был высокого роста, с серьезным выражением лица, но, в отличие от Р. Дэниела, не являл собой идеальный образец космонита.

— Пожалуйста, ваше удостоверение, сэр, — сказал он.

Часовой быстро, но тщательно проверил удостоверение. Бейли заметил, что на нем были перчатки телесного цвета, а ноздри прикрывали едва заметные фильтры. Возвращая удостоверение, часовой снова козырнул Бейли.

— Тут недалеко есть мужской туалетный блок,

который мы хотели бы вам предложить, если вы пожелаете принять душ.

Бейли хотел было отказаться, но почувствовал, что Р. Дэниел слегка потянул его за рукав.

— По нашему обычаю, партнер Илайдж, — сказал Р. Дэниел, — перед тем как войти в Космотаун, жители города обязаны принять душ. Я говорю это, так как знаю, что вы не хотели бы из-за недостатка информации ставить в неловкое положение ни себя, ни нас. Было бы также желательно, чтобы вы отправили здесь свои естественные потребности, так как в самом Космотауне для этого нет удобств.

— Нет удобств?! — сказал Бейли напряженно. — Но это невозможно.

— Точнее, они есть, — сказал Р. Дэниел, — но не для жителей Города.

На лице Бейли было написано явное неодобрение.

— *Я* сожалею об этом, — сказал Р. Дэниел, — но таков обычай.

Бейли молча вошел в туалетную. Он скорее почувствовал, чем увидел, что Р. Дэниел Оливо последовал за ним.

„Проверяет меня, — подумал Бейли. — Следит, чтобы я смыл с себя городскую пыль?“ У него

пронеслась злорадная мысль о том, какой удар он готовит Космотауну. Ему вдруг показалось неважным, что он фактически рискует подставить под бластер свою собственную грудь.

Туалетная не поражала размерами; она была хорошо оборудована и отличалась стерильной чистотой. В воздухе чувствовался какой-то резкий запах. На мгновение озадаченный, Бейли сообразил: „Озон!“ Комната облучается ультрафиолетовыми лучами. Помигав сначала несколько раз, засветилась небольшая надпись: „Просим посетителя снять с себя всю одежду, а так же обувь и положить в находящийся внизу приемник“. Бейли неохотно подчинился. Он отстегнул бластер с портупеей потом снова надел его прямо на голое тело. Он показался ему тяжелым и неудобным. Приемник с его одеждой закрылся и пропал из виду. Светящаяся надпись погасла. Впереди загорелся новый сигнал: „Просим посетителя отправить естественные потребности, а затем пройти в душ по направлению стрелки“. У Бейли было такое ощущение, будто его, как болванку, обрабатывают на автоматической линии силовые резцы с дистанционным управлением. Войдя в небольшую кабинку душевой, он прежде всего тщательно обернул кобуру бластера влагонепро-

ницаемым чехлом. Он по опыту знал, что менее чем за пять секунд сумеет выхватить оружие и пустить его в ход. Повесить бластер было не на что. Не было даже видно душевой воронки. Он положил бластер в противоположный от входа угол. Засветилась еще одна надпись: „Просим посетителя вытянуть руки в стороны и стать в круг посередине так, чтобы ноги заняли указанное положение“. Надпись погасла после того, как он поставил ноги в предназначенное для них углубления. И тотчас же с пола, потолка, со всех четырех сторон в него ударили жалящие пенистые струи воды. Он чувствовал, что вода бурлит даже под ступнями. Это длилось целую минуту; его кожа покраснела от горячих и сильных струй, а легкие жадно ловили воздух в этой влажной духоте. Потом еще минуту он стоял под прохладным легким душем, и еще минуту его обдавал теплый воздух, отчего он совершенно обсох и чувствовал себя обновленным. Он поднял бластер с портупеей, и оказалось, что он тоже был сухим и теплым. Он надел бластер и вышел из кабинки как раз в тот момент, когда из соседнего душа показался Р. Дэниел. Еще бы! Хоть Р. Дэниел и не жил в городе он принес на себе городскую пыль. Совершенно непроизвольно Бейли отвернулся от

него. Затем подумав, что, в конце концов, обычаи Р. Дэниела и обычаи города — это не одно и то же, он заставил себя бросить на него короткий взгляд. Его губы скривились в усмешке. Сходство Р. Дэниела с человеком не ограничивалось лицом и руками: все его тело до мельчайших подробностей было выполнено с такой же точностью. Бейли сделал шаг в том же направлении, в каком он двигался с тех пор, как вошел в туалетную. Его вещи были аккуратно сложены, и от них пахло теплой свежестью. Надпись гласила: „Просим посетителя одеться и положить руку в углубление“. Как только Бейли приложил руку к чистой, молочно-белой поверхности, он почувствовал укол в подушечку среднего пальца. Он поспешно отдернул руку и увидел в этом месте набухающую капельку крови. Она тут же перестала расти. Он стряхнул кровь и попытался выдавить еще. Но даже тогда крови больше не показалось. Значит, они делают ему анализ крови. Его охватила тревога. Он не сомневался, что врачи управления проводят ежегодный медицинский осмотр не с такой тщательностью и, пожалуй, не с таким знанием дела, как эти холодные роботопоклонники из космоса. Но он сомневался, так уж ли ему хочется снова проверять состояние своего здоровья.

Время ожидания показалось Бейли томительно долгим, но когда надпись вспыхнула снова, в ней говорилось: „Просим посетителя следовать дальше“. Бейли вздохнул с облегчением и направился было к выходу. Но тут путь ему преградили два металлических прута, а в воздухе повисла мерцающая надпись: „Просим посетителя не двигаться с места“.

— Какого черта! — воскликнул Бейли, забыв в гневе, что все еще находится в туалетной.

Над ухом раздался голос Р. Дэниела:

— Наверное детекторы обнаружили где-то источник энергии. Бластер у вас с собой, Илайдж?

Покраснев до корней волос, Бейли резко повернулся на каблуке и срывающимся голосом прорычал:

— Офицер полиции обязан постоянно иметь при себе бластер как во время несения службы, так и вне ее.

Лайдж с тех пор как ему минуло десять лет, впервые заговорил вслух, находясь в туалетном блоке. До этого как-то он в присутствии дяди Бориса всего лишь пожаловался, что ушиб палец ноги. Когда они вернулись домой, дядя Борис хорошенько его вздул и прочитал нотацию о том, как подобает вести себя на людях.

— Посторонним у нас не разрешается носить оружие, — спокойно ответил Р. Дэниел. — Даже ваш комиссар оставляет здесь свой бластер. Таков наш обычай, Илайдж.

При других обстоятельствах Бейли просто повернулся бы и ушел, ушел из Космотауна, ушел бы подальше от этого робота. Но сейчас им владело безумное желание осуществить свой план и досыта насладиться местью. В конце концов его не подвергали тому унизительному осмотру, какой существовал у них много лет назад. Как хорошо он понимал, быть может, слишком хорошо понимал то возмущение и гнев, которые привели к Барьерным бунтам в дни его детства. Помрачнев еще больше, Бейли отстегнул портупею с бластером. Р. Дэниел взял оружие у него из рук и положил в углубление в стене. Тонкая металлическая пластина тотчас же накрыла его.

— Если вы вставите сейчас в эту впадину большой палец руки, — пояснил Р. Дэниел, — то потом только ваш палец сможет открыть крышку.

Сейчас Бейли чувствовал себя более нагим, чем несколько минут назад в душевой. Он прошел до места, где его недавно остановили, и наконец оказался в коридоре за туалетной. Что-то необычное привлекло здесь его внимание: где-то впереди

мерцал странный свет. Затем он почувствовал на лице едва уловимое движение воздуха, словно невдалеке промчалась патрульная машина. Должно быть Р. Дэниел заметил его смущение, потому что тут же объяснил:

— Мы сейчас выйдем на открытый воздух, Илайдж. Здесь кондиционеры не применяются.

Бейли стало не по себе. Как могут космониты с такой опаской относиться к посетителям из города и в то же время дышать отвратительным наружным воздухом? Он зажал себе ноздри, словно это могло помочь очищать вдыхаемый воздух.

— *Я* полагаю, вы скоро убедитесь, что открытый воздух отнюдь не вреден для человеческого организма, — сказал Р. Дэниел.

— Возможно, — проворчал Бейли.

Потоки воздуха раздражали его. Они мягко обдували его лицо, но были какими-то неустойчивыми. И это действовало на нервы. Но худшее было впереди. Коридор открывался в голубизну яркого солнечного дня. Бейли знал, что это такое. Однажды по долгу службы ему пришлось побывать в естественном солярии. Но там солнечные лучи преломлялись в толще защитного стеклянного колпака, и диска самого солнца видно не

было. Здесь же все было открыто. Он невольно посмотрел вверх на солнце, но сразу отвел взгляд. Его ослепленные глаза заморгали и заслезились. К ним приближался космонит. Предчувствие беды на мгновенье овладело Бейли. Р. Дэниел выступил вперед и обменялся с подошедшим космонитом рукопожатием. Тот повернулся к Бейли и сказал:

— Пожалуйста следуйте за мной, сэр. Меня зовут Хэн Фастольф.

Внутри одного из куполообразных домов Бейли почувствовал себя спокойней. Он с удивлением озирался вокруг, поражаясь величине комнат и тому, как неразумно использовалась их площадь, но был рад, что воздух здесь кондиционированный.

Усевшись в кресло и скрестив свои длинные ноги, Фастольф сказал: „Вы, кажется, предпочитаете кондиционированный воздух наружному.“

Его голос звучал дружелюбно. Мелкие морщины перерезали его лоб, кожа под глазами и подбородком казалась дряблой и иссохшей. У него были редкие, но не седые волосы, его большие уши смешно оттопыривались, придавая ему вполне домашний вид, отчего Бейли невольно почувствовал к нему еще большее расположение.

Рано утром перед поездкой Бейли еще раз посмотрел на снимки, сделанные Эндерби в Космотауне. Р. Дэниел уже договорился о встрече в Космотауне, и Бейли старался привыкнуть к мысли, что скоро увидит космонитов во плоти. Как-никак это не то, что разговаривать с ними с расстояния в несколько миль.

С этих фотографий на него глядели высокие, рыжеволосые люди с красивыми, но холодными лицами, в общем, такие, какими их иногда изображают в книгофильмах. Такие, как, например, Р. Дэниел.

Р. Дэниел назвал имена этих космонитов, и когда Бейли, указав на одного из них, спросил: „А это вы, да, Дэниел?“ — Р. Дэниел спокойно ответил:

— Нет, Илайдж, это мой конструктор, доктор Сартон.

— Значит, вы сделаны по образу и подобию создателя? — спросил язвительно Бейли, на что ответа не последовало, да Бейли его и не ожидал: ведь на Внешних Мирах мало кто знаком с библией.

А теперь перед Бейли сидел Хэн Фастольф, который совсем не походил на обычный образ космонита, чему представитель Земли был искренне рад.

— Не желаете ли закусить? — спросил Фастольф.

При этом он указал на стол, который разделял их. На нем стояла ваза, полная разноцветных шаров. Бейли взглянул на нее с недоумением. Он принял эти предметы за украшение.

— Это естественные плоды, которые растут на Авроре, — объяснил ему Р. Дэниел. — Советую вам попробовать. Их называют яблоками и говорят, что они приятны на вкус.

— Р. Дэниел, разумеется, сам никогда их не пробовал, — улыбнулся Фастольф, — тем не менее он прав.

Бейли поднес яблоко ко рту. Его красновато-зеленая кожица была прохладной и издавала слабый приятный аромат. Он с усилием откусил кусочек и стал осторожно пережевывать терпкую мякоть, от которой у него заныли зубы. Рацион жителей города, разумеется, содержит определенное количество натуральных продуктов; Сам он часто ест натуральное мясо и хлеб. Но их продукты всегда подвергаются какой-нибудь обработке. Их подают либо в сваренном и перемолотом виде, либо смешивают или соединяют друг с другом. Строго говоря, из фруктов следует делать приправы или консервы. А то что у него

сейчас в руке, вышло, должно быть, прямо из грязного грунта планеты.

„Надеюсь, они догадались хотя бы помыть его“, — подумал он.

И снова он удивился своеобразному представлению космонитов о чистоте.

— Позвольте мне более подробно рассказать о себе, — начал Фастольф. — Я здесь возглавляю расследование обстоятельств убийства доктора Сартона, точно так же как у вас этим занимается комиссар Эндерби. Вы можете рассчитывать на мою помощь. Как и вы, мы стремимся уладить этот инцидент и не допустить его повторения в будущем.

— Благодарю вас, доктор Фастольф, — ответил Бейли. — Мы вам признательны за подобный подход к делу.

„Ну хватит обмениваться любезностями“, — подумал Бейли. Он решительно откусил от сердцевины яблока и, почувствовав во рту какие-то твердые продолговатые зернышки, поспешно выплюнул на пол. Одно зернышко едва не попало на ногу космониту, которую тот вовремя отдернул.

Бейли покраснел и наклонился к полу.

— Не беспокойтесь, мистер Бейли, — остановил

его космонит. — Пусть себе валяются.

Бейли выпрямился. Он осторожно положил яблоко на стол. У него было неприятное ощущение, что после его ухода эти предметы подберут пылесосом, вазу с фруктами сожгут или выбросят подальше от Космотауна, а комнату, в которой они сидят, подвергнут тщательной дезинфекции. Он постарался скрыть свое смущение нарочитой резкостью, с которой обратился к Фастольфу:

— Прошу вас разрешить комиссару Эндерби принять участие в нашей беседе при помощи объемного видеофона.

Брови Фастольфа взлетели вверх. — Пожалуйста, если вам это нужно. Дэниел, наладьте, пожалуйста, связь с городом.

Бейли сидел в напряженной позе, покуда блестящие стенки в углу комнаты не превратились в объемное изображение комиссара Эндерби и части его стола. При виде знакомого лица Бейли сразу почувствовал себя намного лучше; ему захотелось быть рядом с ним в его кабинете или все равно где, лишь бы в родном городе. Даже в самом непривлекательном районе — Джерси с его дрожжевыми фабриками. А теперь когда у него был свидетель, Бейли решил немедля приступить к делу.

— Мне кажется, — решительно сказал он, — что я проник в тайну, окружающую смерть доктора Сартона.

Краем глаза он заметил, как Эндерби резко вскочил на ноги, подхватив налету соскочившие с носа очки. Его лицо оказалось при этом за границами объемного экрана, так что он, покрасневший и лишенный дара речи, был вынужден снова сесть за стол.

Доктор Фастольф был не менее поражен этим известием, однако он только слегка склонил голову набок. Только Р. Дэниел оставался бесстрастным.

— Вы хотите сказать, — спросил Фастольф, — что обнаружили убийцу?

— Нет, — ответил Бейли. — Я хочу сказать, что никакого убийства не было и в помине.

— Что? — воскликнул Эндерби.

— Минутку, комиссар Эндерби. — Фастольф поднял руку. Не сводя глаз с Бейли, он сказал: — По-вашему, доктор Сартон жив?

— Да, сэр. И кажется, я знаю, где он.

— Где?

— Перед вами, — сказал Бейли и уверенно показал на Р. Дэниела Оливо.

Какое-то мгновение Бейли не ощущал ничего,

кроме бешеного сердцебиения. Казалось, время остановило свой бег. Как всегда Р. Дэниел не выражал никаких эмоций. Хэн Фастольф был явно удивлен, но, как хорошо воспитанный человек, сдерживал свои чувства. Но лишь реакция комиссара Джулиуса Эндерби по-настоящему интересовала Бейли. Объемный экран, из которого на него уставилось лицо комиссара, не давал совершенно четкого изображения. А потом это его слабое мерцание и не совсем идеальная разрешающая способность. В общем, из-за этих несовершенств, а также толстых стекол очков комиссара прочесть взгляд Эндерби было невозможно.

„Держись Джулиус, — подумал Бейли. — ты мне нужен“.

Он почти был уверен, что Фастольф не станет действовать в спешке или сгоряча. Он читал где-то, что космониты заменили религию холодным и флегматичным интеллектуализмом, возведенным в ранг философии. Он верил в это и рассчитывал на это. Они будут действовать не спеша, руководствуясь только здравым смыслом. Будь он здесь один, бёз свидетеля, и сделай он такое заявление, ему бы никогда не вернуться в город. Холодный рассудок подсказывал бы им

это. Они дорожат своими планами больше, чём жизнью одного из землян. Перед комиссаром Эндерби они как-нибудь оправдались бы. Возможно, даже доставили бы в город труп Бейли, объяснив убийство кознями заговорщиков-землян. Комиссар поверил бы им. Уж так он устроен. Если он и ненавидит космонитов, то потому, что боялся их. Он не посмел бы не поверить им. Вот почему Бейли просил комиссара быть лишь свидетелем, до которого не дотянутся руки расчетливых космонитов.

— Лайдж, вы ошибаетесь, — раздался прерывающийся голос комиссара. — Я видел труп доктора Сартона.

— Вы видели обуглившиеся останки того, что вам выдали за труп Сартона, — смело парировал Бейли. Он мрачно подумал о разбившихся очках Эндерби. Космонитам здорово повезло.

— Нет, нет, Лайдж. *Я* хорошо знал доктора Сартона, и его лицо не было повреждено. Это был он. — Комиссар неловко притронулся к очкам: он, видимо, тоже вспомнил о них. — Я очень близко наклонился к нему, очень близко.

— Как по-вашему, комиссар? — Бейли указал на Р. Дэниела. — Этот похож на доктора Сартона?

— Да, как статуя может походить на человека.

— Но человек может придать своему лицу бесстрастное выражение, комиссар. Предположим, что вы видели робота, а не труп человека. Вы говорите, что тщательно его осмотрели. Достаточно ли тщательно, чтобы отличить обгоревшую органическую ткань человеческого тела от ее искусной имитации?

Комиссар пришел в негодование: „Вы несете чушь, Бейли!“

Бейли повернулся к космониту:

— Вы согласитесь на эксгумацию трупа, доктор Фастольф?

Доктор Фастольф улыбнулся: „Разумеется, я бы не возражал против этого, мистер Бейли. Но беда в том, что мы не хороним умерших. У нас в обычае кремировать покойников.“

— Весьма удобный обычай, — буркнул Бейли.

— Скажите, мистер Бейли, — обратился к нему Фастольф. — Как *вы* пришли к столь неожиданному заключению?

„Не сдается, — подумал Бейли. — Теперь будет давить на меня“.

— Очень просто, — ответил он. — Чтобы сойти за робота, недостаточно придать лицу застывшее выражение и говорить штампами. Ваша беда в том, что вы, жители Внешних Миров, слишком

привыкли к роботам. Вы относитесь к ним как к человеческим существам. Вы уже не замечаете разницы. На Земле все по-другому. Для нас робот есть робот. Во-первых, Р. Дэниел слишком человечен для робота. Вначале я принял его за космонита. Мне было трудно заставить себя поверить его словам, что он робот. И дело все в том, что он и есть космонит, а вовсе не робот!

Р. Дэниел вмешался в разговор, нимало не смущенный тем обстоятельством, что сам был предметом спора:

— Как я уже говорил вам, партнер Илайдж, я создан для того, чтобы на время занять место в человеческом обществе. Меня умышленно наделили всеми человеческими чертами.

— Даже такими, как удивительно точная копия частей тела, обычно скрытых под платьем?

— Как вы об этом узнали? — неожиданно раздался голос Эндерби.

— Случайно… — покраснел Бейли, — в душевой.

Эндерби был явно шокирован.

— Вы, конечно, понимаете, что сходство должно быть полным, иначе бесполезно и начинать? — сказал Фастольф и добавил: — В осуществлении нашего проекта полумеры могут принести толь-

ко вред.

— Разрешите мне закурить? — резко отозвался Бейли.

Три трубки в день — недопустимое расточительство, но он отважился на очень рискованный шаг, и табак ему нужен, чтобы успокоить нервы. В конце концов, он пытается уличить во лжи не кого-нибудь, а космонитов, и он заставит их подавиться собственной ложью.

— Простите меня, — раздался голос Фастольфа, — но я бы предпочел, чтобы вы не куриям.

Его вежливая просьба прозвучала строже приказа. Поэтому Бейли безропотно сунул в карман трубку, которую он уже чуть было не разжег, полагая, что отказа не последует.

„Еще бы, — с горечью подумал он. — Комиссар ничего не сказал, потому что сам не курит, но это же ясно. Это само собой разумеется. Ведь чистюли с Внешних Миров не курят, не пьют и вообще не имеют никаких людских пороков. Не удивительно, что они признают роботов в своем чертовом — как, бишь, Дэниел назвал его? — обществе C/Fe! Не удивительно, что Дэниел так хорошо играет роль робота. По существу, все они не люди, а роботы“.

— Слишком полное сходство — только одна из

многих улик, — сказал он. — Когда мы шли с ним домой, в нашем секторе чуть было не вспыхнул бунт. — Бейли снова показал на своего напарника. Он не мог заставить себя называть его ни Р. Дэниелом, ни доктором Сартоном. — И вот он-то утихомирил недовольных, направив на толпу бластер.

— Боже правый, — воскликнул Эндерби, — в протоколе говорится, что это вы…

— Я знаю комиссар, — прервал его Бейли. — Протокол составлен по моим словам. Я не хотел, чтобы в официальных документах упоминалось, что робот угрожал людям бластером.

— Да, да. Разумеется, вы правы. — Эндерби был в отчаянии. Он наклонился в сторону, вглядываясь во что-то, находившееся за пределами экрана видеофона.

Бейли догадался, куда смотрел комиссар: он проверял, не подслушивают ли их.

— Итак, это тоже один из ваших аргументов? — спросил Фастольф.

— Конечно. Первый Закон роботехники гласит, что робот не может причинить человеку вреда.

— Но Р. Дэниел никому вреда не причинил.

— Согласен. Кстати, потом он сказал, что не выстрелил бы ни при каких обстоятельствах.

Однако я никогда не слышал, чтобы робот мог действовать вопреки духу Первого Закона, хотя бы угрожая бластером человеку. Пусть даже он не собирался пустить его в ход.

— Ясно. Вы специалист по роботехнике, мистер Бейли?

— Нет, сэр. Но я прослушал курс общей роботехники и позитронного анализа. Я не совсем невежда в этой области.

— Очень хорошо, — согласился с ним Фастольф, — но я, как специалист, могу вас заверить, что ум робота устроен таким образом, что способен воспринимать события лишь буквально. Он не признает духа Первого Закона — только его букву. Примитивные земные роботы, видимо, настолько застрахованы от нарушения Первого Закона, что, вероятно, вообще не могут угрожать человеку. Другое дело такой совершенный робот, как Р. Дэниел. Если я верно вас понял, он угрожал людям, чтобы предотвратить беспорядки. То есть он стремился к тому, чтобы людям не был причинен вред. Он следовал Первому Закону, а не нарушал его.

У Бейли внутри все сжалось, но внешне он сохранял напряженное спокойствие. Трудно ему придется, но он побьет этого космонита его же

оружием.

— Можете спорить по каждому пункту — результат будет один и тот же, — сказал он. — Вчера вечером, когда мы обсуждали так называемое убийство, ваш липовый робот заявил, что его превратили в детектива при помощи какого-то дополнительного устройства в позитронном мозге. Устройства, которое, видите ли, вызывает в нем стремление к справедливости.

— Готов поручиться за это, — ответил Фастольф. — Три дня назад я лично наблюдал за этой операцией.

— Но стремление *к* справедливости! Справедливость, доктор Фастольф, — это абстрактное понятие. Оно доступно только человеку.

— Если вы определяете „справедливость“, как абстрактное понятие, как стремление воздавать каждому по заслугам, как стремление к правде и тому подобное, то я согласен с вами, мистер Бейли. Человеческое понимание абстракции не может быть заложено в позитронный мозг, по крайней мере при нынешнем уровне наших знаний.

— Значит, вы это признаете… как специалист по роботехнике?

— Конечно. Вопрос лишь в том, что подразуме-

вал Р. Дэниел под словом „справедливость“?

— Он подразумевал именно то, что могли бы подразумевать вы, или я, или любой другой человек, но никак не робот.

— Почему бы нам, мистер Бейли, не попросить его дать свое определение справедливости?

На мгновение Бейли смешался, но тут же повернулся к Р. Дэниелу:

— Ну?

— Да, Илайдж?

— Каково ваше определение справедливости?

— Справедливость, Илайдж, — это полное соблюдение всех законов.

Фастольф кивнул.

— Для робота это хорошее определение, мистер Бейли. Р. Дэниелу задано стремление следить за соблюдением всех законов. Справедливость у Р. Дэниела — вполне конкретное понятие, поскольку оно основано на соблюдении законов, конкретных, недвусмысленных законов. Здесь нет никакой абстракции. Человеку же, который исходит из каких-то абстрактных категорий морального порядка, некоторые законы могут казаться плохими, а проведение их в жизнь — несправедливостью. Как по-вашему, Р. Дэниел?

— Несправедливый закон, — ответил спокойно

Р. Дэниел, — это терминологическое противоречие.

— Для робота — да, мистер Бейли. Так что, как видите, не следует смешивать его справедливость с нашей.

Бейли резко повернулся к Р. Дэниелу и сказал:

— Вчера ночью вы отлучались из моей квартиры.

— Да, — ответил Р. Дэниел, — и прошу извинения, если нарушил этим ваш сон.

— Куда вы ходили?

— В мужской туалетный блок.

Бейли был обескуражен. Он и сам был в этом уверен, он не ожидал, что Р. Дэниел сознается так легко. Он почувствовал себя немного неуверенно, но решил, что им все равно не удастся сбить его с толку. Комиссар напряженно следил за разговором, быстро переводя взгляд с одного на другого. Отступать некуда, надо держаться до конца, какие бы хитроумные доводы они ни приводили.

— Когда мы дошли до нашего сектора, — начал Бейли, — он захотел войти со мной в туалетную. Причем предлог для этого нашел неубедительный. Ночью же, как он сейчас это сам признал, он пошел туда снова. Будь он человеком, я бы сказал, что это вполне естественно. Это ясно. Роботу же

делать там нечего. Следовательно, вывод может быть один: он человек.

Фастольф согласно кивнул ему. Он по-прежнему сохранял свое вежливое спокойствие. — Весьма интересно, — сказал он. — Почему бы нам не спросить об этом самого Р. Дэниела?

Комиссар Эндерби подался вперед.

— Помилуйте, доктор Фастольф, — пробормотал он, — как можно?

— Не беспокойтесь, комиссар. — Губы Фастольфа скривились в нечто напоминавшее улыбку, но это не было улыбкой. — Я убежден, что ответ Дэниела не оскорбит ваших с мистером Бейли чувств. Так скажите же нам, Р. Дэниел: куда вы отлучались прошлой ночью?

— Покидая нас вчера вечером, жена Илайджа, Джесси, была уверена, что я человек, и это было видно по ее отношению ко мне. Вернулась она, уже зная, что я робот. Из этого явствует вывод, что эти сведения она получила вне квартиры. Следовательно, вчера вечером наш разговор на квартире у Илайджа был подслушан. Илайдж сказал мне, что их квартиры звуконепроницаемы. Мы разговаривали негромко. Значит, обычное подслушивание отпадает. Однако известно, что Илайдж работает в полиции, если в

городе существуют заговорщики, которые сумели организовать убийство доктора Сартона, они с таким же успехом могли узнать, что расследование убийства поручено Бейли. Поэтому вполне возможно, даже вероятно, что его квартира прослушивается лучевыми прослушивателями. После того как Илайдж и Джесси отправились спать, я как мог обыскал квартиру, но передатчика не обнаружил. Это усложнило задачу. Сдвоенный луч с фокусировкой прекрасно справляется и без передатчика, но устройство такого подслушивателя — дело довольно сложное. Анализ ситуации привел меня к следующему выводу. Единственным местом, где житель Земли может заниматься чем угодно, не опасаясь постороннего вмешательства, является туалетный блок. Он может даже установить там сдвоенный подслушиватель. Никто и не посмотрит в его сторону, настолько интимным считается у землян пребывание в туалетной. Квартира Илайджа находится недалеко от туалетных блоков их сектора, так что фактор расстояния значения не имеет. Здесь мог использоваться портативный аппарат. Поэтому я отправился в туалетный блок.

— Что же вы там обнаружили? — быстро спросил его Бейли.

— Ничего, Илайдж. Никаких признаков лучевого подслушивателя.

— Ну как, мистер Бейли, это звучит убедительно, не так ли? — обратился к нему Фастольф.

— Может быть, неубедительно, да только далеко от правды, — ответил Бейли с прежней уверенностью в голосе. — Чего он не знает, так это где и, главное, коша жена узнала об этом. А узнала она, что он робот, как только вышла из дома. Причем к тому времени слухи уже несколько часов ходили по городу. Поэтому слух, что он робот, не мог быть результатом подслушивания вчерашнего разговора.

— Тем не менее, — настаивал доктор Фастольф, — можно считать, что он объяснил причину своего посещения туалетной.

— Тогда пусть попытается объяснить следующее: когда, щей каким образом просочился этот слух? — возбужденно отозвался Бейли. — Как люди узнали, что в городе робот космонитов? Насколько мне известно, только двое знали об этом — комиссар Эндерби и я, и мы держали это в секрете… Комиссар, кто-нибудь еще в управлении был в курсе дела?

— Никто, — нервно ответил комиссар. — Даже мэра я не информировал. Только мы с вами и

доктор Фастольф.

— Да он, — указал Бейли на Р. Дэниела.

— Я? — спросил Дэниел.

— Разумеется.

— Я все время был с вами, Илайдж.

— Ничего подобного! — воскликнул Бейли свирепо. — До того, как мы пришли на квартиру, я полчаса, а то и дольше оставался в туалетной. На это время я потерял вас из виду. Тогда-то вы и связались со своими людьми в городе.

— С какими людьми? — удивился Фастольф.

— С какими людьми? — почти одновременно раздался голос Эндерби.

Бейли встал со стула и повернулся к экрану приемника.

— Комиссар, прошу вас внимательно меня выслушать. Нам сообщают об убийстве, и по любопытному стечению обстоятельств оно происходит именно в тот момент, когда вы направляетесь в Космотаун на свидание с жертвой. Вам показывают труп, который выдают за труп человека, и тут же его уничтожают, чтобы исключить возможность более тщательного осмотра. Космониты заявляют, что убийца — житель Земли, но единственное их объяснение того, как это могло произойти, звучит смехотворно: по их

версии человек должен был ночью, в одиночку, выйти из города и пересечь открытое пространство, чтобы попасть в Космотаун. Не мне вам говорить, как чертовски невероятно это звучит. Затем они посылают в город своего так называемого робота; фактически они навязывают нам его. Первое, что делает робот, попав в город, — он угрожает людям бластером. Затем он распускает слух о том, что в город проник робот космонитов. Между прочим, Джесси сказала, Что стали известны даже такие детали, как то, что, мол, робот сотрудничает с полицией. Это значит, что скоро люди узнают, кто угрожал им бластером. Быть мажет, уже сейчас слухи о роботе-убийце растекаются по дрожжевым фермам и гидропонным установкам Лонг-Айленда.

— Невероятно! Это невозможно! — простонал Эндерби.

— Нет, возможно. Именно это происходит, комиссар. Да, в городе существует заговор, но направляется он из Космотауна. Космонитам необходимо сообщение об убийстве. Им нужны беспорядки. Им нужно нападение на Космотаун. Чем серьезнее обернется дело, тем лучше для них, — тогда на нас обрушатся их корабли и оккупируют все города Земли.

— Но у нас был для этого повод двадцать пять лет назад — Барьерные бунты, — мягко возразил Фастольф.

— Тогда вы не были к этому готовы. Не то что сейчас. — У Бейли бешено колотилось сердце.

— Вы приписываете нам слишком сложный заговор, мистер Бейли. Если бы мы хотели оккупировать Землю, то сделали бы это более простым способом.

— Не тут-то было, доктор Фастольф. Ваш фальшивый робот проговорился, что на Внешних Мирах нет единодушия относительно Земли. Кстати, тогда он, видимо, говорил правду. Быть может, открытая оккупация была бы не по душе вашим народам. Быть может, для этого вам и понадобилось какое-то из ряда вон выходящее происшествие.

— Вроде убийства, да? Так ведь? Значит, мы должны были бы его инсценировать. Надеюсь, вы понимаете, что даже ради такого повода мы не стали бы убивать своих.

— Нет. Но вы создали робота — точную копию доктора Сартона, выстрелили в него из бластера и после этого показали комиссару Эндерби.

— А затем, — подхватил доктор Фастольф, — поручили доктору Сартону изображать Р. Дэниела в

спровоцированном нами расследовании инсценированного убийства.

— Совершенно верно, — подтвердил Бейли. — Я утверждаю это в присутствии свидетеля, которого вы не можете уничтожить и который достаточно важная персона, чтобы ему поверило городское правительство да и сам Вашингтон. Вы не застанете нас врасплох, и нам известны ваши намерения. Если будет необходимо, наше правительство обратится непосредственно к вашему народу и разоблачит вас. Сомневаюсь, чтобы он смирился с такой авантюрой межзвездного масштаба.

Фастольф покачал головой.

— Простите, мистер Бейли, но ваши слова лишены смысла. У вас поистине поразительные идеи. Давайте предположим, лишь допустим, что Р. Дэниел действительно Р. Дэниел. Допустим, что он в самом деле робот. Не следует ли из этого, что комиссар Эндерби видел труп доктора Сартона? Едва ли разумно полагать, что этот труп был еще одним роботом. Комиссар Эндерби видел, как создавался Р. Дэниел и может поручиться, что существует только единственный экземпляр.

— Если на то пошло, — упорствовал Бейли, — то комиссар не специалист по роботехнике. Может,

у вас дюжина таких роботов.

— Не уклоняйтесь, мистер Бейли, что, если Р. Дэниел действительно робот? Не рухнет ли вся система ваших рассуждений? Сможете ли вы и тогда отстаивать эту выдуманную вами версию мелодраматического и немыслимого межзвездного заговора?

— Если он робот! Я утверждаю, что это человек.

— И все же, мистер Бейли, вы не до конца изучили проблему, — возразил Фастольф. — Для того чтобы отличить робота, даже человекоподобного робота, от живого человека, вовсе не нужно делать заведомо шатких выводов из его реплик и поступков. Вы, например, пробовали кольнуть Р. Дэниела булавкой?

— Что? — У Бейли отвисла челюсть.

— Это простой опыт. Есть и более сложные. Его кожа и волосы выглядят как настоящие, но пробовали ли вы рассмотреть их при достаточном увеличении? Затем, кажется, что он дышит, особенно когда ему нужен воздух для произнесения слов. Но заметили ли вы, что его „дыхание“ неритмично, что по нескольку минут он вообще не производит дыхательных движений? Наконец, можно было бы провести анализ выдыхаемого

им воздуха на содержание в нем окиси углерода. Можно было бы попытаться взять анализ его крови, проверить его пульс или сердцебиение. Вы понимаете, к чему я клоню, мистер Бейли?

— Все это слова, — произнес Бейли сдавленным голосом. — Меня на пушку не возьмешь. Неужто вы думаете, что, если бы даже я и захотел, ваш липовый робот позволил бы мне приблизиться к нему со шприцем, стетоскопом или микроскопом?

— Конечно, да. Но не будем спорить, — ответил Фастольф и подал Р. Дэниелу какой-то знак.

Р. Дэниел притронулся к манжете правого рукава, и диамагнитный шов распался по всей его длине, обнажив гладкую мускулистую руку, на вид ничем не отличающуюся от человеческой. Она была покрыта короткими рыжеватыми волосами, совсем как у человека.

— Ну и что? — не сдавался Бейли.

Р. Дэниел проделал какую-то манипуляцию со средним пальцем правой руки, что именно, Бейли не успел заметить, и точно также как разошелся диамагнитный шов на рукаве, так его рука распалась надвое.

А внутри, под тонким слоем похожего на кожу материала, тускло поблескивали стальные тяги,

шарниры и провода.

— Не хотите ли вы более тщательно осмотреть внутренности Р. Дэниела, мистер Бейли? — вежливо спросил доктор Фастольф.

Бейли почти не слышал этих слов из-за шума в ушах и неожиданно раздавшегося истерического с подвыванием хохота комиссара Эндерби. Шум в ушах Бейли все нарастал, и вот в нем уже потонул хохот комиссара. Комната и все, что в ней было, закачалось у него перед глазами; он потерял ощущение времени. Хорошо, хоть он остался сидеть в прежней позе. Изображение комиссара исчезло; стенки объемного экрана больше не светились; рядом с ним сидел Р. Дэниел, зачем-то оттянувший участок кожи на его обнаженной выше локтя руке. Теперь Бейли различал медленно растворявшееся под кожей темное пятно на месте инъекции, исчезавшее у него на глазах. Он окончательно пришел в себя.

— Вам лучше, партнер Илайдж? — спросил его Р. Дэниел.

Ему было лучше» Он высвободил руку, опустил рукав и огляделся вокруг. Доктор Фастольф оставался на своем месте; легкая улыбка смягчала черты его невзрачного лица.

— Я потерял сознание? — спросил Бейли.

— Что-то в этом роде, — сказал Фастольф. — Боюсь, что вы пережили сильное потрясение.

И тут Бейли все вспомнил. Он схватил Р. Дэниела за руку, задрав рукав рубашки как можно выше. На ощупь рука казалась мягкой, как у человека, но под верхним слоем прощупывалось что-то более твердое, нежели кость. Р. Дэниел спокойно реагировал на действия детектива. А Бейли оглядывал его руку со всех сторон, ощупывал там, где у человека проходит срединная артерия. Вероятно, здесь должен быть незаметный шов. Логично предположить, что он должен проходить именно здесь. Такого робота, с искусственным кожным покровом и настолько похожего на человека, нельзя ремонтировать обычным способом. Нагрудная плита не может держаться у него на заклепках. И вряд ли его черепная коробка укреплена на обычных шарнирах. Вероятнее всего, различные части его механического тела соединяются по линии микромагнитных полей. Рука, голова, все его тело, должно быть, распадаются надвое от прикосновения в нужном месте и соединяются от прикосновения в другом.

Бейли бросил взгляд на экран.

— Где комиссар? — пробормотал он, сгорая от стыда.

— Неотложные дела, — ответил доктор Фастольф. — К сожалению, я посоветовал ему оставить нас и пообещал, что позабочусь о вас.

— Вы и так уже отлично обо мнё позаботились, благодарю вас, — мрачно отозвался Бейли. — С этим покончено.

Он устало выпрямился, внезапно почувствовав себя очень старым, Слишком старым, чтобы начинать все сначала. Не надо обладать большой проницательностью, чтобы угадать, что ждет его впереди. Комиссар в одинаковой степени и напуган и разгневан. Он холодно встретит Бейли и каждые пятнадцать секунд будет протирать свои очки. Тихим голосом — Джулиус Эндерби почти никогда не повышает голос на подчиненных — он будет втолковывать ему, как смертельно оскорблены космониты.

«С космонитами так разговаривать нельзя, Лайдж. Они этого не любят. — Голос Эндерби звучал у него в ушах со всеми оттенками интонации. — Я предупреждал вас. Ясно без слов, какой огромный ущерб вы нанесли нам. Но, учтите, я вас понимаю. Мне ясно, чего вы добивались. Будь это земляне — тогда другое дело. Я бы сказал: да, попытайтесь. Рискните. Выкурите их. Но космониты! Лайдж, надо было сказать мне.

Посоветоваться со мной. Ведь я знаю их. Я вижу их насквозь».

А что Бейли ответит на это? Что как раз ему он и не хотел доверить свой план. Что риск был слишком велик, тогда как комиссар — человек слишком осторожный. Что именно Эндерби подчеркивал невероятную опасность как полного провала, так и не рассчитанного успеха. Что избежать деклассирования можно было, лишь доказав вину космонитов…

Тогда комиссар скажет:

«Придется написать рапорт, Лайдж. Будут всякие неприятности. Я знаю космонитов. Они потребуют вашего отстранения, и мне придется подчиниться. Вы ведь понимаете, в чем дело, Лайдж, верно? Я постараюсь облегчить вашу участь. Можете рассчитывать на меня. Я как смогу буду отстаивать вас, Лайдж».

Именно так оно и будет. Комиссар выступит в его защиту… но лишь в известных пределах. Он побоится, например, навлечь на себя гнев мэра.

«Черт побери, Эндерби! — раскричится мэр. — Что за безобразие! Почему не посоветовались со мной? Кто в конце концов хозяин в городе? Кто разрешил этому роботу проникнуть в город? Какого дьявола вы поручили этому Бейли…»

И если положение самого комиссара окажется под угрозой, то ему будет не до Бейли. Собственно, Эндерби тут ни при чем. Лучшее, на что Бейли может теперь рассчитывать, — это разжалование — вещь довольно отвратительная. Условия жизни в современном городе таковы, что даже полностью деклассированным обеспечен прожиточный минимум. Но он слишком хорошо знает, как низок этот минимум. Лишь занимаемая должность обеспечивает скрашивавшие жизнь мелочи: будь то удобное место в экспрессе, лучшее блюдо в столовой или более короткая очередь еще где-нибудь. Можно подумать, что философскому уму присуще пренебрегать подобными мелочами. Но ни один человек, как бы философски настроен он ни был, не может без боли отказаться от привилегий, когда-то прежде им полученных. В этом все дело. Какое ничтожное бытовое удобство представляет собой индивидуальный умывальник, если учесть, что целых тридцать лет Бейли пользовался общими душевыми и это не казалось ему обременительным. Но если бы он лишился его, как унизительно и невыносимо стало бы снова ходить в душевые! С какой сладостной тоской вспоминал бы он о бритье у себя в спальне, как жалел бы об утраченной

роскоши! Среди современных публицистов стало модой с высокомерным осуждением толковать о меркантилизме прежних времен, когда экономикой правили деньги. Конкурентная борьба за существование, утверждают они, жестока. Ни одно по-настоящему сложное общество не может существовать без напряженных усилий, вызванных вечной борьбой за «чистоган». (Ученые по-разному толкуют слово «чистоган», однако общий его смысл сомнений не вызывает.) И наоборот, они высоко превозносят современный «коллективизм», сак наиболее продуктивную и просвещенную форму общества. Может, это и так. Одни произведения романтизируют прошлое, другие — полны сенсаций. Медиевисты же считают, что индивидуализм и инициатива расцвели благодаря именно меркантилизму. Как бы то ни было, сейчас Бейли терзала одна мысль: «Действительно, доставался ли когда-то человеку этот „чистоган“, чтобы он ни означал, тяжелее, чем жителю города достается его право съесть на воскресный ужин куриную ножку — мясистую ножку некогда живой птицы.

„За себя я не боюсь, — подумал Бейли. — Вот как быть с Джесси и Беном?“

В его мысли ворвался голос доктора Фастоль-

фа:

— Мистер Бейли, вы меня слышите?

Бейли вздрогнул:

— Да.

Как долго стоял он, застыв как истукан?

— Прошу вас присесть, сэр. Теперь, когда вы обдумали свои проблемы, быть может, вы пожелаете посмотреть пленку, снятую нами на месте преступления?

— Нет, благодарю вас. У меня дела в городе.

— Но ведь дело доктора Сартона важнее.

— Не для меня. Я уже, наверное, отстранен. — Тут он внезапно взорвался: — Черт возьми, если вы могли доказать, что Р. Дэниел робот, почему вы сразу этого не сделали? Зачем было устраивать какой-то фарс?

— Дорогой мистер Бейли, меня очень интересовали ваши выводы. Что касается отстранения, то я в этом сомневаюсь. Я уже просил комиссара оставить вас. Полагаю, что он согласится.

Бейли с неохотой опустился на стул.

— Чем вызвана ваша просьба? — спросил он недружелюбно.

Доктор Фастольф забросил ногу на ногу и вздохнул.

— Мистер Бейли, мне встречались только два

типа эемлян: бунтовщики и политиканы. Баш комиссар нам полезен, но он увлекается политикой. Он говорит нам то, что нам хочется услышать. Он нас обхаживает, так сказать. Вы же приходите сюда и обвиняете нас в чудовищных преступлениях и стараетесь доказать свою правоту. Мне это понравилось. Это отрадное явление.

— Отрадное ли? — с сарказмом переспросил его Лайдж Бейли.

— Определенно. Вы тот человек, с которым можно говорить откровенно. Вчера ночью, мистер Бейли, Р. Дэниел связался со мной по субэтеральному каналу. Кое-что в его сообщении о вас меня заинтересовало. Например, ваши книгофильмы.

— А что в них особенного?

— Большинство из них на исторические и археологические темы. Значит, вы интересуетесь человеческим обществом и кое-что знаете, об его эволюции.

— Даже полицейский, если пожелает, может посвящать свободное время книгофильмам.

— Совершенно верно. Но мне нравится их тематика. Ваш интерес к истории поможет мне объяснить вам кое-что. Прежде всего речь пойдет об исключительности жителей Внешних Миров. Вот мы живем в Космотауне, не бываем в горо-

де, очень редко и со всякими ограничениями общаемся с землянами. Мы дышим наружным воздухом, но при этом пользуемся фильтрами. И сейчас у меня в ноздрях фильтры, на руках — перчатки, и я стараюсь не подходить к вам очень близко. Как вы думаете почему?

— Нет смысла гадать, — угрюмо ответил Бейли. „Теперь его черед говорить“.

— Как многие земляне, вы могли бы ответить: потому что вы, мол, презираете землян и из опасения утратить свое превосходство не хотите, чтобы вас касалась даже их тень. Но это не так. Правильный ответ очевиден. Тот медицинский осмотр, который вы прошли, а также душ и прочее вовсе не часть ритуала. Они продиктованы необходимостью.

— Болезни?

— Да, болезни. Дорогой мистер Бейли, первые земляне, завоевавшие Внешние Миры, оказались на планетах, где полностью отсутствовали земные бактерии и вирусы. Они привезли своих, разумеется, но вместе с тем они обладали совершенными медицинскими и микробиологическими методами. Тем более, что им пришлось иметь дело с малым количеством микроорганизмов при полном отсутствии промежуточных

хозяев — кормильцев паразитов. Не было ни комаров — разносчиков малярии, ни улиток, распространяющих шистозоматоз. Поэтому разносчики болезней были скоро уничтожены, а полезные бактерии беспрепятственно размножались. Постепенно на Внешних Мирах болезни исчезли. Естественно, со временем к иммигрантам с Земли стали предъявляться все более строгие требования, так как Внешние Миры все больше и больше опасались заразных болезней.

— А вы когда-нибудь болели, доктор Фастольф?

— Да, но не инфекционными болезнями. Мы подвержены таким заболеваниям, как, например, атеросклероз, но у меня никогда не было того, что вы называете гриппом. Заразись я им, я бы наверное не выжил. У меня к нему нет никакой сопротивляемости. Вот в чем беда всех жителей Космотауна. И все мы очень рискуем. Ведь Земля кишит болезнями, от которых у нас нет защиты, естественной защиты. Вы сами являетесь носителями микробов почти всех известных болезней. Вы этого не чувствуете, поскольку постоянно контролируете их при помощи антител, выработанных вашим организмом за многие годы. В моем организме антител нет. Вы удивляетесь, почему я стараюсь держаться подальше от вас?

Поверьте мне, мистер Бейли, только в целях самозащиты.

— Если это так, почему не растолковать это землянам? — предложил Бейли. — Объяснить, Что дело не в вашей заносчивости, а в той реальной опасности, которая вам угрожает.

Космонит покачал головой. — Нас мало, мистер Бейли, к тому же нас не любят, как всех иностранцев. Мы сохраняем нашу безопасность, поддерживая в ваших людях шаткое представление о нас как о существах высшего порядка. Мы не можем уронить свой престиж, признав, что мы просто боимся приблизиться к жителю Земли. По крайней мере, до тех пор, пока земляне и космониты не научатся понимать друг друга.

— Если положение не изменится, это произойдет не скоро. Мы… они ненавидят вас как раз за это мнимое превосходство.

— В этом вся проблема. Не думайте, что мы этого не понимаем.

— Комиссар знает обо всем этом?

— Мы с ним никогда так откровенно не беседовали. Наверное, догадывается. Он ведь умный человек.

— В таком случае он должен был рассказать мне об этом, — как бы про себя произнес Бейли.

Доктор Фастольф удивленно поднял брови.

— И тогда вы не стали бы подозревать в Р. Дэниеле космонита. Так ведь?

Бейли только слегка пожал плечами.

— И вы были бы правы, — продолжал Фастольф. — Помимо психологических трудностей — влияния на нас ужасного шума и толп людей, — можно прямо сказать, что войти на территорию города для любого из нас равносильно самоубийству. Вот почему доктор Сартон предложил создать человекоподобных роботов, которые вместо людей могли бы общаться…

— Да, да. Р. Дэниел рассказывал мне.

— И вы это осуждаете?

— Послушайте, — сказал Бейли, — раз уж мы говорим откровенно, позвольте задать вам простой вопрос. Зачем вы, космониты, пришли на Землю? Почему бы вам не оставить нас в покое?

— Но и не хорошо. Нью-Йорк тратит массу усилий на то, чтобы добывать себе воду и удалять отбросы. Атомные электростанции работают на уране, запасы которого скудеют даже на других планетах солнечной системы, а потребности в нем все возрастают. Жизнь города зависит от того, вовремя ли прибудет древесная масса для дрожжевых баков или минеральные соли для

гидропонных установок. Наконец, проблема вентиляции. Иными словами, сохраняемое равновесие зависит от тысяч и тысяч разнообразных проблем, которые усложняются с каждым годом. Что произойдет с Нью-Йорком, если нарушить это равновесие хотя бы на час?

— Этого еще никогда не случалось.

— Но может случиться в будущем. В примитивные времена населенные центры были почти полностью независимы и потребляли продукцию близлежащих ферм. Только стихийное бедствие — наводнение, эпидемия или неурожай — могли причинить им вред. С ростом этих центров и развитием техники стало возможным преодолевать бедствия местного характера, привлекая помощь извне, издалека. В результате огромные территории Земли стали зависеть друг от друга. Города медиевальных времен, даже самые крупные, могли просуществовать на своих запасах, в том числе неприкосновенных, по крайней мере, в течение недели. Когда Нью-Йорк только стал современным городом, он мог прожить на своих запасах в течение дня. Сейчас он не продержится и часа. То бедствие, которое десять тысяч лет назад ощущалось бы как неудобство, тысячу лет назад — как серьезная помеха, сто лет назад —

как большая проблема, — сегодня такое бедствие было бы равносильно катастрофе.

Бейли заерзал на стуле.

— Я это слышал и раньше. Наши медиевисты хотят покончить с городами. Они призывают вернуться назад к природе и заняться возделыванием земли. Они просто рехнулись: это невозможно. Нас слишком много, и историю нельзя повернуть вспять. Конечно, если бы не ограничивалась эмиграция на Внешние Миры…

— Вы знаете, почему она ограничивается.

— Тогда что нам делать? Вы топчетесь на одном месте.

— Почему бы не освоить новые миры? Галактика насчитывает сотни миллиардов звезд. Предполагается, что сто миллионов планет годны или могут стать годными для жизни.

— Это нелепость.

— Почему? — горячо возразил Фастольф. — Почему нелепость? Земляне осваивали планеты в прошлом. Более тридцати из пятидесяти Внешних Миров, включая нашу Аврору, были освоены самими землянами. Разве теперь это невозможно?

— Ну знаете ли…

— Не можете ответить?! Тогда я вам скажу.

Если это и невозможно, то только потому, что на Земле процветает культ стальных городов. До их появления вы были свободнее и могли оторваться от Земли, чтобы начать все сначала на чужой планете. Вы делали это не менее тридцати раз. А сейчас земляне так изнежились, так увязли в своих стальных пещерах, что им не выбраться оттуда вовек. Вы сами, мистер Бейли, не могли представить, что горожанин способен пересечь открытое пространство на пути в Космотаун. Пересечь же космическое пространство к новому миру для вас должно быть труднее во сто крат. Урбанизм разъедает Землю, сэр.

— Даже если это и так, — рассердился Бейли, — какое вам до этого дело? Мы сами решим свои проблемы. А если не решим, значит, таким будет наш особенный путь в ад.

— Лучше свой собственный путь в ад, чем чужая дорога в рай? — съязвил Фастольф. — Однако я понимаю вас. Едва ли приятно слушать проповеди чужестранца. А вот мы не отказались бы от поучений со стороны, ибо у нас тоже есть проблемы, причем аналогичные вашим.

— Перенаселенность? — криво усмехнулся Бейли.

— Аналогичные, но не одинаковые. Мы стра-

даем от недостатка населения. Как вы думаете, сколько мне лет?

— Я бы сказал — шестьдесят, — умышленно завысил его возраст Бейли.

— А надо было сказать: сто шестьдесят.

— Неужели?

— А если быть точным, то скоро мне стукнет сто шестьдесят три года. Здесь нет никакого подвоха. Мой возраст исчисляется стандартным земным годом. Если мне повезет, и я буду за собой следить, и, самое главное, не подхвачу какую-нибудь земную болезнь, то доживу лет до трехсот. Многие жители Авроры достигают возраста трехсот пятидесяти лет. Причем средняя продолжительность жизни у нас постоянно растет.

Бейли оглянулся на Р. Дэниела, который за это время не проронил ни слова, будто за подтверждением.

— Но как это возможно? — недоуменно спросил он.

— В недонаселенном обществе большое внимание уделяется геронтологии — науке о старении организма. В вашем мире удлинение срока жизни было бы бедствием. Вы просто не можете себе позволить нового роста населения. На Авроре же хватает места и для трехсотлетних стариков. Чем

длиннее жизнь, тем больше человек дорожит ею. Умри вы сейчас, вы, возможно потеряли бы ну сорок, а то и меньше лет жизни. Я же потерял бы не меньше полутораста лет. Поэтому в нашей цивилизации важнейшую роль приобретает жизнь индивидуума. Уровень рождаемости у нас низок, а рост населения строго контролируется. И чтобы обеспечить наилучшие условия существования для каждого, мы поддерживаем определенное соотношение между количеством людей и роботов. Естественно, что мы тщательно отбираем умственно и физически неполноценных детей, не давая им достигнуть зрелого возраста.

Бейли прервал его: „Значит, вы их убиваете, если они не…“

— Если они не отвечают требованиям. Совершенно безболезненно, заверяю вас. Вас это шокирует, также как нерегулируемое развитие землян шокирует нас.

— Оно регулируется, доктор Фастольф. Каждой семье разрешается иметь определенное количество детей.

Доктор Фастольф снисходительно улыбнулся.

— Определенное количество любых детей, а не здоровых детей.

— Но кто решает, каким детям жить?

— Вопрос довольно сложный, и на него сразу не ответишь. Когда-нибудь мы с вами поговорим об этом поподробнее.

— Ну так в чем ваши трудности? Похоже, что вы довольны своим образом жизни.

— Он стабильный. Вот в чем беда. Он слишком стабильный.

— Вам не угодишь, — заметил Бейли. — Мы, по-вашему, стоим на пороге невообразимого хаоса, ваши же порядки слишком стабильны.

— Стабильность может быть чрезмерной. За два с половиной столетия ни один из Внешних Миров не пытался освоить новые планеты. Этого не предвидится и в будущем. Мы живем слишком долгой в слишком хороших условиях, чтобы рисковать.

— Быть может, это и так, доктор Фастольф. Но вы-то прилетели на Землю? Вы рискуете жизнью?

— Конечно. Среди нас есть люди, мистер Бейли, которые считают, что прогресс человечества стоит такого риска. К сожалению, нас пока мало.

— Ладно. Мы, кажется, подходим к самому главному. Какую роль в этом играет Космотаун?

— Пытаясь увеличить на Земле количество роботов, мы стремимся нарушить равновесие

вашей экономики.

— Так-то вы собираетесь нам помочь! — Губы Бейли дрогнули. — То есть вы хотите, чтобы становилось все больше смещенных из-за роботов и деклассированных?

— Отнюдь не из-за жестокости или бессердечия, поверьте мне, — убеждал его доктор Фастольф. — Эти смещенные, как вы их называете, составят ядро будущих переселенцев на новые планеты. Кстати, вашу древнюю Америку открыли корабли, экипажи которых были укомплектованы преступниками. Разве вы не видите, что город бросает смещенных на произвол судьбы. Терять им нечего, но, покинув Землю, они завоюют себе лучшую жизнь.

— Но из этого ничего не получается.

— Пока — нет, — грустно согласился Фастольф. — Что-то здесь не так. Всему виной отвращение землян к роботам. А ведь именно роботы могут сопровождать людей, помочь им устроиться на необжитых планетах, и наконец, освоить их.

— Ну и что потом? Новые Внешние Миры?

— Нет. Внешние Миры появились еще до возникновения на Земле стальных городов. Новые же колонии будут созданы людьми, которые жили в крытых городах и к тому же знакомы с

культурой C/Fe. Это будет синтез того и другого, своего рода гибрид. Если же оставить все по-старому, то вскоре начнет разрушаться земная цивилизация, а несколько позднее наступит черед, медленного зашивания и распада культуры Внешних Миров. Новые колонии внесут что-то свежее, так как будут сочетать в себе то лучшее, что есть в обеих цивилизациях. Их благотворное влияние на более старые миры, включая Землю, поможет и нам зажить новой жизнью.

— Не знаю, не знаю… Все это очень туманно, доктор Фастольф.

— Да, это мечта. Поразмыслите над этим. — С этими словами космонит резко встал на ноги. — *Я* провел с вами больше времени, чем намеревался. Кстати, больше, чем положено с точки зрения безопасности здоровья. Вы разрешите мне вас оставить?

Бейли и Р. Дэниел вышли наружу, и снова сверху, но под другим углом на них лились потоки солнечного света, теперь уже более желтого оттенка. У Бейли возникла неясная мысль: „Как выглядит солнечный свет на другой планете? Может быть, он не такой яркий и слепящий. Может, там он более приятный?“ Другой мир? Безобразный космонит с оттопыренными ушами

наполнил его ум странными мыслями. Интересно, пришлось ли однажды докторам с Авроры задуматься над тем, оставить жизнь ребенку, по имени Фастольф, или нет? Не слишком ли он безобразен? А может быть, внешность вообще не принимается в расчет? В каких случаях отталкивающий вид считается уродством и какие виды уродства…

Но как только исчез солнечный свет, и они вошли в первую дверь, ведущую к душевым, настроение у него изменилось. Бейли в отчаянии затряс головой. Все это чепуха. Заставлять землян эмигрировать и устраиваться на новом месте! Какая чушь! Чего они в действительности добиваются? *Ответ* на это найти ему не удалось. Служебная машина медленно катилась по проезжей части коридора. Бейли вновь почувствовал себя в реальном мире. На правом бедре он ощущал теплую, успокаивающую тяжесть своего бластера. Таким же теплом и спокойствием повеяло на него от шумной, бурлящей жизни огромного города. В тот момент, когда они въезжали ка его территорию, Бейли почувствовал какой-то странный, едва уловимый запах.

„Это пахнет город?“ — удивился он.

Он подумал о двадцати миллионах челове-

ческих существ, загнанных за стальные стены огромной пещеры, и в первый раз в жизни почуял их запах своими ноздрями, омытыми чистым наружным воздухом. Интересно, как будет на другой планете? Меньше народу и больше воздуха. Значит, чище? Но вокруг них шумел вечерний Нью-Йорк, а запах постепенно ослабевал и, наконец, исчез совсем, и Бейли стало неловко за свои мысли. Он медленно нажал на рычаг управления и увеличил подачу лучистой энергии в двигатель. Машина резко увеличила скорость и нырнула в пустоту автотуннеля.

— Дэниел, — сказал Бейли.

— Да, Илайдж?

— Зачем доктор Фастольф рассказывал мне все это?

— Вполне вероятно, Илайдж, что он хотел показать вам всю важность данного расследования. Мы с вами должны не только расследовать убийство, но и спасти Космотаун, а вместе с ним и будущее всей человеческой расы.

— Было бы больше проку, — сухо ответил Бейли, — если бы он показал мне место преступления и позволил допросить тех, кто обнаружил труп.

Сомневаюсь, чтобы вы узнали что-нибудь новое, Илайдж. Мы тщательно проверили все сами.

— Так ли уж тщательно? Вы ничего не нашли. У вас нет никаких улик. Вы не знаете, кого подозревать.

— Не знаем, вы правы. Ответ нужно искать в городе… Точнее говоря, мы подозревали одно лицо.

— Как так? Что же вы раньше не сказали?

— Я не считал это необходимым, Илайдж. Да и для вас не секрет, что подозрение могло автоматически пасть лишь на одного человека.

— На кого? Кто это, черт побери?

— Единственный житель Земли, кто оказался на месте преступления, — комиссар Джулиус Эндерби.

Служебную машину занесло в сторону, и она резко остановилась перед слепой бетонной стеной автотуннеля. Урчание мотора прекратилось, наступила мертвая тишина.

Бейли повернулся *к* сидящему рядом с ним роботу и неестественно спокойным голосом сказал: „Что вы сказали?“

Время растянулось, пока Бейли ждал ответа. Нарастал заунывный вибрирующий звук, который, достигнув своей невысокой вершины, стал постепенно затихать. Вероятно, в миле от них по каким-то своим делам пробиралась другая служебная машина. А может, это пожарная команда

спешила на встречу с огнем.

Где-то в уголке его мозга возникла отвлеченная мысль: „Найдется ли хоть один человек, который знает все автодороги, извивающиеся в чреве Нью-Йорка?“

Нет такой минуты ни днем, ни ночью, когда бы они совершенно пустовали. И все же там можно найти места, где в течение многих лет не ступала нога человека. Перед Бейли неожиданно с уничтожающей четкостью возник кинорассказ, который он видел еще в детстве. Местом действия были автодороги Лондона, и все начиналось, как и положено, с убийства. Убийца пытался скрыться в заранее подготовленном убежище на одной из автодорог, в пыли которой за сотню, лет отпечатались следы только его ботинок. В этом убежище он был бы в полной безопасности, покуда не закончатся розыски. Но он свернул не в ту сторону и в безмолвном унынии извилистых коридоров произнес безумную и богохульную клятву, что назло всем богам найдет свое убежище. С тех пор он ни разу не свернул в нужном направлении. Он бродил по нескончаемому лабиринту от Брайтонского сектора на Ламанше до Норвича и от Ковентри до Кентербери. Он пробирался, как крот, из одного конца громадного

лондонского подземелья в другой, по всей юго-восточной оконечности Старой Англии. Его одежда превратилась в лохмотья, а ботинки истрепались вконец, силы изменяли ему, но никогда не покидали его совсем. Он устал, очень устал, но не мог остановиться. Он мог лишь идти вперед и вперед, туда, где его ждали неверные повороты. Иногда до него доносился шум проезжавших машин, но они всегда оказывались в соседнем коридоре, и, как бы быстро он туда ни бросался (ибо теперь он бы с радостью сдался властям), коридоры всегда оказывались пустыми. Иногда он замечал далеко впереди выход, который мог вернуть ему жизнь и воздух, но, сколько бы он ни приближался к нему, выход мерцал еще дальше, а после очередного поворота исчезал вовсе. Некоторым лондонским чиновникам доводилось видеть издали на подземных дорогах расплывчатый силуэт человека, который бесшумно брел навстречу, с мольбой протягивая к ним руки и беззвучно шевеля губами. Когда к нему приближались, он словно растворялся и исчезал.

Это был один из тех рассказов, которые из области дешевой беллетристики перешли в царство фольклора. „Бродячего лондонца“ знал весь мир. В глубинах Нью-Йорка Бейли вспомнил этот рас-

сказ, и ему стало не по себе.

Р. Дэниел заговорил, и его голос повторяло слабое эхо.

— Нас здесь могут подслушать, — насторожился он.

— Здесь? Никогда в жизни. Так что вы сказали о комиссаре?

— Он был на месте преступления, Илайдж. Он житель города. Естественно, что мы подозревали его.

— Подозревали? А сейчас?

— А сейчас — нет. Его невиновность была быстро доказана. Прежде всего, у него не было бластера. И не могло быть. Он проник в Космотаун обычным путем; это установлено точно. Как вам известно, все оставляют свое оружие при входе в Космотаун.

— Кстати, удалось вам обнаружить орудие убийства?

— Нет, Илайдж. Мы осмотрели все бластеры в Космотауне, и оказалось, что в течение нескольких недель они не были в употреблении. Проверка радиационных камер не оставляет никакого сомнения в этом.

— Следовательно, убийца либо так хорошо спрятал оружие, что…

— На территории Космотауна оно не обнаружено. Мы тщательно все осмотрели…

— Я пытаюсь представить себе все возможности, — нетерпеливо прервал его Бейли. — Значит, убийца спрятал оружие или унес его с собой.

— Совершенно верно.

— И если вы признаете только вторую возможность, значит, комиссар вне подозрений.

— Да. Для большей уверенности мы подвергли его цереброанализу.

— Какому анализу?

— Под цереброанализом я подразумеваю расшифровку электромагнитных полей живых мозговых клеток.

— Ага… — протянул неуверенно Бейли. — А что это вам дает?

— Мы получаем данные о типе нервной деятельности данного человека. В отношении комиссара Эндерби мы узнали, что он не способен на убийство доктора Сартона. Совершенно неспособен.

— Верно, — согласился Бейли. — Не такой он человек. Я бы вам сразу это сказал.

— Лучше иметь объективные данные. Естественно, все жители Космотауна согласились пройти цереброанализ.

— И конечно, все вне подозрений.

— Несомненно. Поэтому мы убеждены, что убийца живет в городе.

— Что ж, давайте пропустим всех жителей через эту вашу штучку.

— Это было бы не очень практично, Илайдж. Возможно, лиц, способных по темпераменту на такой поступок, оказалось бы миллионы.

— Так уж и миллионы… — проворчал Бейли и подумал о том далеком дне, когда толпы людей всячески поносили „грязных космонитов“, и о недавней осаде обувного магазина не менее грозной толпой.

Бедный Джулиус. Подозреваемый! Бейли вспомнил, как комиссар рассказывал ему об убийстве. „Это было жестоко, жестоко“, — как сейчас слышал он его голос. Неудивительно, что от такого потрясения он уронил свои очки, а потом не хотел ехать с ним в Космотаун. „Я ненавижу их“, — процедил он тогда сквозь зубы. Несчастный Джулиус! Знаток космонитов. Человек, заслуга которого перед городом заключалась в том, что он умея с ними ладить. Интересно, помогало ли это ему делать карьеру? Не мудрено, что он поручил расследование Бейли. Преданный старина Бейли. Старый приятель! Уж он-то

попридержит язык за зубами, если докопается до правды. „Интересно, — подумал Бейли, — как проводится этот цереброанализ?“ Он представил себе огромные электроды, деловитые пантографы, вычерчивающие кривые на миллиметровке, автоматические устройства, со щелчком принимающие нужное положение.

Бедняга Джулиус! Если он сейчас в таком ужасном отчаянии, в каком у него есть все основания быть, значит, у него перед глазами стоит строгое лицо мэра, который держит в руках его заявление об уходе в отставку, а вместе с ним и конец его блистательной карьера. Тем временем машина скользнула в нижние этажи здания городского муниципалитета.

Было уже 14.30, когда Бейли добрался до своего письменного стола. Комиссара на месте не оказалось. Вечно улыбающийся Р. Сэмми не знал, куда комиссар отлучился.

Бейли некоторое время провел за размышлениями. Он даже не испытывал чувства голода.

В 15.20 к его столу подошел Р. Сэмми и сказал:

— Комиссар уже у себя, Лайдж.

— Спасибо, — поблагодарил его Бейли.

Впервые вид Р. Сэмми не вызывал у него раздражения. В конце концов у Р. Сэмми было что-то

общее с Р. Дэниелом, а Р. Дэниел отнюдь не такое существо — вернее, предмет, — который действует на нервы. „Интересно, — подумал Бейли, — как сложится жизнь на новой планете, где с самого начала у людей и роботов будут равные права?“ Эта мысль нисколько не вывела его из себя.

Комиссар просматривал какие-то бумаги, делая на полях пометки.

— Ну и дали же вы маху в Космотауне! — сказал он.

Длинное лицо Бейли вытянулось еще больше от досады.

— Вы правы, комиссар. Мне очень жаль…

Эндерби бросил на него пристальный взгляд. Сейчас, впервые за последние тридцать часов, он выглядел самим собой.

— Ничего страшного, — сказал он. — Похоже, что Фастольф не обозлился, так что забудем об этом. Странный народ эти космониты. Вам повезло, Лайдж, хоть вы этого не заслужили. В следующий раз посоветуйтесь со мной, прежде чем вздумаете изображать из себя героя-одиночку из субэтерикса.

Бейли молча кивнул. С его плеч свалилась огромная тяжесть. Он хотел с треском разоблачить космонитов, но у него ничего не вышло. Что

ж, ладно. Его слегка удивило, как безразлично он относится к этому сейчас, но факт остается фактом.

— Послушайте, комиссар, — сказал он. — Мне нужна квартира на двоих, для меня с Дэниелом. Я не поведу его сегодня к себе.

— Что это вдруг?

— Всем стало известно, что он робот, понимаете? Может, ничего и не случится, но я не хочу подвергать опасности семью, если начнутся беспорядки.

— Чепуха, Лайдж. Я проверил. В городе нет никаких слухов.

— Но Джесси откуда-то узнала, комиссар.

— То есть нет организованных слухов. Ничего серьезного. Я занимался проверкой с тех пор, как отключился от дома Фастольфа. Собственно, я поэтому и ушел. Чтобы оперативно проверить источник слухов. Вот сообщения. Судите сами. Дорис Гиллид побывала в женских туалетных разных районов города. Вы знаете Дорис, она способная девушка. Она ничего не обнаружила. Нигде.

— Тогда как об этом узнала Джесси, комиссар?

— Это можно понять. Р. Дэниел устроил спектакль в обувном магазине. Кстати, Лайдж, он

действительно вынул бластер или вы немножко увлеклись?

— Он вынул его в самом деле. И даже направил на толпу.

Комиссар покачал головой.

— Ну ладно. Кто-то узнал его. Признал в нем робота.

— Погодите! Его нельзя отличить от человека.

— Почему?

— Вы могли? Я вот не смог.

— Это не доказательство. Мы с вами не специалисты. Предположим, в толпе был роботехник с заводов в Уэстчестере. Профессионал — человек, который всю жизнь занимается постройкой и конструированием роботов. Он замечает что-то странное в Р. Дэниеле. То, как Р. Дэниел говорит, или его манеру держаться. У него возникают сомнения. Может, он делится ими со своей женой, а та рассказывает подругам. Но это слишком неправдоподобно. Слухи замолкают. Люди не верят этому. Но до Джесси слухи успел и дойти.

— Может быть, — неуверенно согласился Бейли. — Тем не менее как насчет комнаты на двоих?

Комиссар пожал плечами и поднял переговорную трубку. Через некоторое время он сказал:

— Вам могут дать лишь сектор Q-27, Соседство неважное.

— Ничего, сойдет.

— Кстати, где сейчас Р. Дэниел?

— Он просматривает картотеку. Пытается собрать сведения о подстрекателях.

— Боже правый, да ведь их миллионы!

— Я знаю, но он делает это с удовольствием.

Бейли уже было взялся за ручку двери, но неожиданно обернулся и спросил: „Комиссар, доктор Сартон рассказывал вам *о* планах Космотауна? О внедрении культуры C/Fe?“

— О чем?

— О введении роботов.

— Немного, — сказал комиссар равнодушно.

— Он говорил вам когда-нибудь, какие цели преследует Космотаун?

— О, улучшение здоровья людей, повышение жизненного уровня. Обычная болтовня, ничего нового. Конечно, я соглашался с ним, поддакивал. А что мне оставалось делать? Пусть себе тешатся, авось далеко не зайдут. Быть может когда-нибудь…

Бейли ждал, но так и не узнал, что может произойти „когда-нибудь“.

— А он говорил об эмиграции? — упорствовал

он.

— Об эмиграции? Нет. Пустить жителя Земли на Внешние Миры им не легче, чем найти алмазный астероид в кольцах Сатурна.

— Я имею в виду эмиграцию на новые планеты.

На это комиссар ответил взглядом, полным откровенного скептицизма. Бейли помолчал немного, а потом вдруг выпалил:

— Комиссар, что такое цереброанализ? Вы когда-нибудь слышали об этом?

Круглое лицо комиссара нисколько не изменилось; он спокойно ответил:

— Понятия не имею. А что это?

— Ничего. Просто услышал где-то…

Бейли вышел из кабинета и, усевшись за свой стол, снова погрузился в размышления. Не такой уж комиссар актер, чтобы так притворяться. Что ж тогда… В 16.05 Бейли позвонил жене и сообщил ей, что ни сегодня, ни в течение нескольких следующих дней он не будет ночевать дома. После этого Джесси никак не хотела класть трубку.

— Лайдж, что случилось? Ты в опасности?

— Полицейский всегда подвергается опасности, — объяснил он беспечным тоном.

Такой ответ, видимо не устроил ее:

— Где тебя искать?

Но он не хотел ей говорить.

— Если тебе будет вечером скучно, поезжай к своей матери, — сказал он поспешно и тут же отключил линию.

В 16.20 он заказал разговор с Вашингтоном. У него ушло много времени, чтобы разыскать человека, которому он звонил, и не меньше того, чтобы убедить его на следующий день вылететь в Нью-Йорк. К 16.40 ему это удалось. В 16.55 из кабинета вышел комиссар и, проходя мимо Бейли, неопределенно ему улыбнулся. Дневная смена повалила к выходу. Те немногие, кто работал здесь вечером, при виде Бейли приветствовали его с различной степенью удивления в голосе.

К столу подошел Р. Дэниел с кипой бумаг в руках.

— Это что? — спросил Бейли.

— Список тех, кто может иметь отношение к организации медиевистов.

— Сколько же их набралось?

— Более миллиона, — сказал Р. Дэниел. — У меня только часть из них.

— И вы надеетесь все это проверить, Дэниел?

— Это было бы непрактично, Илайдж.

— Слушайте, Дэниел, почти все земляне ме-

диевисты по натуре. Комиссар, Джесси, я сам. Возьмите, например, комиссара с его... (Он чуть было не сказал „очками“, но вспомнил, что земляне должны держаться друг за друга и что нужно беречь лицо комиссара как в прямом, так и в переносном смысле...) с его украшением вокруг глаз, — невнятно закончил он.

— Да, я обратил на это внимание, но не решался спросить, что это такое, сказал Р. Дэниел и добавил: — У других землян я не видел таких украшений.

— Это довольно старомодная штука.

— А для чего она служит?

Бейли оставил этот вопрос без ответа, а вместо этого спросил сам: — Как вам удалось составить этот список?

— Его составила машина. Оказывается, машине можно дать определенную задачу, и она сделает все остальное. Я настроил ее на проверку всех случаев нарушения общественного порядка, связанных с роботами, за последние двадцать пять лет. Другая машина просмотрела местные газеты приблизительно за тот же срок в поисках материалов, направленных против роботов или космонитов. Поразительно, как много можно сделать за три часа) Машина даже вычеркнула

из списка тех, кого нет в живых.

— Чему вы удивляетесь? Ведь у вас тоже есть электронные машины.

— Конечно, и самые разнообразные. Очень совершенные. Но все они уступают вашим по величине и сложности. Нам такие и не нужны, учитывая тот факт, что население самого крупного из Внешних Миров едва достигает населения Нью-Йорка.

— Вы бывали на Авроре? — спросил его Бейли.

— Нет, — ответил Р. Дэниел. — Меня собрали на Земле.

— Откуда же вы знаете, какие там электронные машины?

— Ну, это просто, партнер Илайдж. Моя электронная память содержит все, что знал покойный доктор Сартон. Можете не сомневаться, что в ней достаточно фактического материала о Внешних Мирах.

— Понятно. Вы можете есть пищу, Дэниел?

— Я работаю на ядерном топливе. Я думал, вы знаете об этом.

— Прекрасно знаю. Я спросил, умеете ли вы есть, а не нуждаетесь ли вы в пище? Класть пищу в рот, пережевывать ее, глотать? Ведь это очень существенная деталь, без которой нельзя похо-

дить на человека.

— Я вас понял. Да, я могу производить механические операции жевания и глотания. Но емкость того, что вы могли бы назвать желудком, у меня мала, так что рано или поздно мне надо удалять поглощенный материал.

— Отлично. Вы его отрыгнете вечером, когда вернемся домой. Дело в том, что я проголодался. Я прозевал обед — черт его подери! — и хочу, чтобы вы пошли со мной в столовую. Вам придется делать вид, что вы едите, не то на вас живо обратят внимание. Поэтому я и спрашивал. Ну, поехали!

Все столовые жилых секторов города похожи одна на другую. Более того, Бейли довелось бывать по делам в Вашингтоне, Торонто, Лос-Анжелесе, Лондоне и Будапеште, и там столовые точно такие же. Вероятно, в средневековую эпоху было иначе: тогда и языки и блюда были разные. Теперь всюду одни и те же дрожжи: от Шанхая до Ташкента и от Виннипега до Буэнос-Айреса; что касается языка, то он перестал быть английским Шекспира и Черчилля, а окончательно превратился в какой-то винегрет, которым пользовались на всех континентах и даже, с некоторыми изменениями, на Внешних Мирах. Помимо языка и меню есть еще нечто такое, что еще больше

сближает столовые. Это — специфический запах, не поддающийся определению, характерный запах столовой. Это — тройная очередь, медленно подвигающаяся ко входу, сливающаяся у двери и снова разветвляющаяся влево, вправо и в центр. Это — людской гомон и шум от шарканья ног, в который врывается резкий перестук пластмассовой посуды. Это — отполированная до блеска имитация дерева, блики на стекле, длинные столы и облачка пара над тарелками.

Бейли медленно продвигался с очередью (несмотря на строгай график посещения столовой, в очереди приходится ждать по меньшей мере минут десять) и с неожиданным любопытством спросил Р. Дэниела:

— А вы умеете улыбаться?

Р. Дэниел, занятый тем, что внимательно вглядывался внутрь столовой, переспросил: — Простите, Илайдж?

— Мне просто любопытно, Дэниел. Вы умеете улыбаться? — сказал он шепотом. Р. Дэниел улыбнулся. Это была странная улыбка: его губы быстро растянулись в стороны и вверх, образовав на щеках две складки. Улыбался, однако, только рот. Улыбка не тронула большую часть лица робота.

Бейли покачал головой.

— Спасибо, Р. Дэниел. Лучше не улыбайтесь.

Они были у входа. Люди по очереди опускали свои жетоны в соответствующую прорезь автоматического контролера. Щелк, щелк, щелк… Кто-то подсчитал, что четко работающая столовая может пропустить двести человек в минуту, причем жетоны каждого из них тщательно проверяются, чтобы каждый шел куда положено, ел что положено и сколько положено. Подсчитано также, какой длины должна быть очередь для максимальной эффективности столовой и сколько времени отнимает особое обслуживание. Поэтому нарушение ритма работы столовой всегда имеет пагубные последствия. Именно в этом и были повинны Бейли и Р. Дэниел, когда они, миновав автомат, предъявили дежурной специальный пропуск. Об этих последствиях Бейли как-то узнал от Джесси, хорошо осведомленной, как помощник диетолога, о работе столовых.

— Все тогда идет кувырком, — рассказывала она ему. — Меняется закладка, меняется калькуляция. Приходится заниматься дополнительной проверкой. То есть надо сравнить чеки всех остальных столовых сектора, чтобы проверить, не слишком ли нарушен баланс. Понимаешь? Баланс полагается составлять каждую неделю. И

если что-нибудь случилось и у тебя перерасход, то виновен в этом прежде всего ты. Городские власти, как всегда, ни при чем, хотя сами раздают талоны налево и направо. Еще бы! А какой шум поднимается, когда объявляем, что выбора блюд не будет… В общем, как обычно, все неприятности валятся на голову человека за прилавком. Ему всегда достается больше всех.

Бейли прекрасно помнил все это и спокойно воспринял тот холодный, убийственный взгляд, который метнула в него из окошка дежурная. Она торопливо записывала: место жительства, род занятий, причина посещения чужой столовой („служебная командировка“ — причина, вызывающая раздражение, но достаточно веская). Затем уверенными движениями она сложила чек и опустила его в прорезь. Электронный аппарат подхватил чек, поглотил его содержимое и переварил информацию. Дежурная повернулась к Р. Дэниелу. Бейли добил ее.

— Мой приятель из другого города, — сказал он.

— Место постоянного жительства, пожалуйста, — спросила женщина с крайне недовольным видом.

И Бейли снова не дал Р. Дэниелу открыть рта.

— Сошлитесь на Полицейское управление. Детали не требуются. Находитесь здесь с официальным заданием.

Женщина рывком достала пачку чеков и заполнила их электронным кодом привычным нажатием двух пальцев правой руки.

— Долго вы будете у нас питаться? — спросила она.

— Впредь до дальнейшего уведомления, ответил Бейли.

— Приложите сюда пальцы, — сказала она, перевернув бланк.

У Бейли екнуло сердце, когда Р. Дэниел приложил к бланку свои ровные, с блестящими ногтями пальцы. Да нет, едва ли они могли забыть такую важную деталь, как отпечатки пальцев.

Женщина взяла бланк и вставила его во всеядную машину, находившуюся у нее под рукой. Машина ничего назад не отрыгнула, и Бейли облегченно вздохнул. Бейли и Р. Дэниел получили временные жетоны ярко-красного цвета. Женщина за конторкой, выдавшая им жетоны, строго предупредила:

— Сегодня выбора блюд нет. У нас перерасход продуктов. Ваш стол ДФ.

Они направились к столу ДФ.

— У меня создается впечатление, что большинство из вас регулярно питается в таких столовых, — заметил Р. Дэниел.

— Конечно. Правда, довольно неприятно ходить в незнакомую столовую. Ты никого здесь не знаешь. Другое дело в своем секторе: там всегда занимаешь определенное место, с тобой семья, твои друзья. А для молодежи это просто одно удовольствие. — И Бейли улыбнулся своим воспоминаниям.

Их стол, видимо, был предназначен для таких, как они, временных клиентов. Многие из них уже заняли свои места и сидели, молча уткнувшись в тарелки или с завистью поглядывая на другие столы, откуда доносились взрывы громкого смеха.

„Нет ничего хуже, — подумал Бейли, — чем питаться в чужом месте. Дома даже пища кажется вкуснее, что бы там ни твердили химики, готовые поклясться, что здесь она нисколько не отличается от того, чем кормят в Иоганнесбурге“.

Бейли сел на стул; Р. Дэниел уселся рядом.

— Нет выбора, — недовольно проворчал он, — что ж, тогда повернем этот выключатель и будем ждать.

Прошло две минуты. Диск в крышке стола

отодвинулся в сторону, и в образовавшемся отверстии появилось дымящееся блюдо.

— Картофельное пюре, соус из зимовила и печеные абрикосы. Не так плохо, — заключил Бейли.

В проеме у низкой переборки посередине стола показалась вилка и ломти темного дрожжевого хлеба.

— Если хотите, можете взять мою порцию, — едва слышно сказал Р. Дэниел. Бейли было возмутился» но, вспомнив, с кем имеет дело, лишь пробормотал: — Это неприлично. Начинайте. Ешьте. Бейли поглощал еду быстро, но без удовольствия, изредка осторожно поглядывая на Р. Дэниела. Робот методично двигал челюстями. Слишком методично. Уж очень неестественно. Странная вещь! Теперь, когда Бейли поверил, что Р. Дэниел действительно робот, в глаза ему бросались прежде неприметные детали. Например, что у Р. Дэниела при глотании не двигается кадык. Но теперь это его не трогало. Неужто он уже так привык к этому существу? Допустим, что люди начнут освоение нового мира (с тех пор как доктор Фастольф заронил в нем эту мысль, она часто приходила ему на ум); допустим, туда отправится, ну, скажем, Бейли; сможет ли он привыкнуть работать и жить бок о бок с роботами?

«Почему бы и нет? Чем мы хуже космонитов?»

— Илайдж, — прервал его размышления Р. Дэниел, — прилично ли смотреть на человека, когда он ест?

— Конечно, нет, особенно если ты уставишься ему прямо в рот. Это подсказывает простой здравый смысл, не так ли? Человек имеет право на уединение. Однако разговаривать во время еды вполне прилично.

— Понятно. Тогда почему я насчитал восемь человек, которые внимательно, очень внимательно наблюдают за нами?

Бейли положил вилку. Он огляделся вокруг, как бы в поисках миниатюрной солонки.

— Я не заметил ничего подозрительного, — сказал он без всякой уверенности в голосе.

Скопление обедающих в столовой представилось ему лишь огромной безликой массой. Когда же Р. Дэниел повернул к нему свои невыразительные карие глаза, Бейли вдруг осенило, что это вовсе не глаза, а мощные объективы, способные с фотографической точностью и в ничтожно малое время зафиксировать все, что творится вокруг.

— Но я совершенно в этом уверен, — спокойно возразил Р. Дэниел.

— Ну и что из того? Они просто не умеют себя

вести, а это еще ничего не доказывает.

— Не знаю, Илайдж, но случайно ли то, что шестеро из них были в толпе, осаждавшей вчера вечером обувной магазин?

Бейли судорожно сжал в руке вилку.

— Вы не ошибаетесь? — спросил он механически и тут же сообразил неуместность своего вопроса. Глупо спрашивать электронно-вычислительную машину, уверена ли она в своем ответе, даже если у нее есть руки и ноги.

— Нисколько, — ответил Р. Дэниел.

— Далеко они от нас?

— Не очень. В разных местах зала.

— Так, так. — Бейли снова принялся за еду, машинально двигая вилкой. Он нахмурился и лихорадочно оценивал обстановку. Предположим, что вчерашние беспорядки были спровоцированы группой фанатиков, ненавидящих роботов, а не возникли случайно, как это показалось на первый взгляд. Среди подстрекателей могли быть люди, которые упорно занимались изучением роботов именно из-за своей ненависти к ним. Один из них, вероятно, сумел распознать в Р. Дэниеле робота. (Комиссар еще раньше подсказал такую возможность. Черт побери, иной раз поражаешься глубине ума этого человека!) В этом есть

логика. Хоть они и не сумели воспользоваться вчерашними беспорядками, но могут спровоцировать новые. Распознав Р. Дэниела, они с таким же успехом могли догадаться, кто такой Бейли. Раз офицер полиции находится в необычном обществе человекоподобного робота, значит он — важная персона. (Теперь-то, задним числом, Бейли было легко все это сообразить.) Из этого следует, что, наблюдая за муниципалитетом, — а возможно, через своих агентов в муниципалитете, — им было нетрудно в короткое время установить слежку за Бейли, Р. Дэниелом или за ними обоими. Не удивительно, что им удалось это сделать в течение суток. Они обнаружили бы его еще раньше, не проведи он столько времени в Космотауне и в дороге.

Р. Дэниел кончил есть. Он молча сидел; его совершенной формы руки спокойно лежали на краю стола.

— Не лучше ли нам предпринять что-нибудь? — наконец спросил он.

— Здесь мы в полной безопасности, — сказал Бейли. — И предоставьте это мне. Пожалуйста.

Бейли осторожно огляделся вокруг, будто впервые оказался в столовой. Люди! Тысячи людей. Сколько народу вмещает такая столовая? Он при-

помнил какие-то цифры. Кажется, в среднем две тысячи двести человек. А здесь их еще больше. Что, если в воздухе раздастся крик: «Робот!»? Что, если среди тысяч людей он пронесется подобно?..

Он искал подходящее сравнение, да не нашел. Неважно, все равно это не случится. Стихийный мятеж может вспыхнуть где угодно: в столовых, так же как и в коридорах и подъемниках. Пожалуй, в столовых скорее, чем где-либо. Люди здесь чувствуют себя свободней, простая забава из-за пустяка может перерасти здесь в нечто более серьезное. Другое дело — организованный мятеж. В столовой сами подстрекатели окажутся среди разъяренной толпы словно в ловушке. Как только в воздух полетят тарелки и затрещат столы, выбраться из зала будет нелегко. В числе сотен погибших могут оказаться и сами зачинщики бунта. Нет, надежней устроить мятеж на улицах города, в каком-нибудь нешироком проходе. Пока паника будет ограничена этим пространством, можно быстро скрыться в заранее намеченном боковом переходе или незаметно ступить на межсекторный эскалатор и исчезнуть на одном из верхних горизонтов.

«Мы в западне, — подумал Бейли. — Снару-

жи, наверное, у них тоже есть люди. Они будут следить за каждым нашим шагом и в нужный момент подожгут запал».

— Почему бы не арестовать их? — спросил Р. Дэниел.

— Это только ускорит события. Вы помните их лица? Постарайтесь их не забыть.

— Я не способен забывать.

— Тогда мы схватим их в другой раз. А сейчас надо прорвать их сети. Следуйте за мной. Действуйте в точности, как я.

Он поднялся, перевернул свою тарелку вверх дном и установил ее в середине диска, из-под которого она появилась раньше. Затем он опустил в проем вилку. Р. Дэниел сделал то же самое. Вся посуда тотчас же исчезла.

— Они тоже встают, — заметил Р. Дэниел.

— Хорошо. Мне кажется, они к нам не подойдут. Во всяком случае, не здесь.

Детектив и робот встали в очередь к выходу, где слышалось ритуальное пощелкивание автоматов; каждый щелчок означал, что использован один обеденный паек.

Бейли оглянулся на гудящий, словно окутанный легкой дымкой зал и с необыкновенной ясностью вспомнил, как шесть или семь лет на-

зад он водил Бена в зоопарк. Нет, то было восемь лет назад, потому что Бену только исполнилось восемь. («Боже! Куда делись эти годы?») Бен впервые попал в зоопарк и поэтому был в восторге. Ведь до этого он ни разу не видел живую кошку или собаку. Но больше всего ему понравился вольер с птицами. Даже Бейли, который бывал здесь не однажды, с удовольствием рассматривал их. Он испытывал не сравнимое ни с чем удивление, впервые увидев, как живые существа так непринужденно летают по воздуху… Они подошли к клетке с воробьями во время кормежки, и служитель наполнил длинный желоб дробленым овсом. (если люди постепенно привыкли к своим дрожжевым эрзацам, то более консервативные птицы и животные настаивали на натуральных продуктах.) Воробьи слетелись со всех сторон, и казалось, их было бесчисленное множество. С пронзительным щебетаньем они плотно, крылом к крылу уселись по краям желоба…

Вот в чем дело, именно эта картина возникла перед его глазами, когда он оглянулся на столовую. Воробьи на кормежке. «Какое отвратительное зрелище!»

«Боже, — подумал он, — должен же быть какой-то иной путь!»

Но какой? Чем плох путь, который избрали они? Подобные мысли прежде не тревожили его.

— Вы готовы, Дэниел? — бросил он отрывисто.

— Я готов, Илайдж.

Они вышли из столовой; теперь их спасение было в руках одного Бейли.

Почти всем подросткам знакома игра, известная под названием «кросс по тротуарам». Ее правила почти одинаковы во всех городах, поэтому мальчик из Сан-Франциско без всякого труда мог бы принять в ней участие, оказавшись в Каире. Суть ее заключается в том, что группа участников во главе с «лидером» отправляется из пункта «А» в пункт «Б», пользуясь всеми видами городского транспорта. При этом задача лидера — избавиться от большинства или всех своих преследователей. Если ему удается это сделать, и он прибывает на конечный пункт один, значит, он поистине искусный лидер, и лавры с ним делит тот из участников, кто преследовал его до конца. Игра обычно проводится в вечерние часы «пик», что намного усложняет и делает ее гораздо опасней. Лидер устремляется вперед, перебегая с тротуара на тротуар. Чтобы сбить столку преследователей, он подолгу не сходит с какой-нибудь дорожки, а потом неожиданно бросается вправо

или влево. Затем быстро пересекает несколько других дорожек и снова останавливается на одной из них. Беда тому преследователю, кто зазевается и ошибется дорожкой. Если он недостаточно ловок, даже если вовремя заметит свою ошибку, его тотчас же унесет далеко вперед или назад от лидера. А тот, конечно, постарается увеличить разрыв, помчавшись в нужном направлении. Трудность игры возрастает во сто крат, если лидер решается пересечь межсекторные скоростные линии или даже сам экспресс. Считается неспортивным как совсем избегать их, так и слишком долго оставаться на них. Взрослым трудно понять, в чем прелесть этой игры, в особенности тем, кто в детстве сам не увлекался ею. Участникам здорово достается от обычных пассажиров — как ни старайся, а налетишь не на одного из них. Их безжалостно преследует полиция и наказывают родители. Им выговаривают за это в школах и поучают во время сеансов в субэтериксах. Не проходит года без четырех, а то и пяти смертельных случаев среди подростков — участников игры, десятков раненых, множество в той или иной степени «невинно» пострадавших.

Но никто не может справиться с ними. Чем больше опасность, тем ценнее награда из всех

существующих наград — уважение в глазах сверстников. Подросток по праву гордится своим умением хорошо бегать кросс; слава же непобедимого лидера делает его заправилой среди ребят. Илайдж Бейли, например, даже сейчас с удовольствием вспоминает, что когда-то сам участвовал в кроссах. Однажды он вел группу в двадцать человек от сектора Конкорс до границ Куинса через три экспресс-транспортера. За два утомительных, изнуряющих часа ему удалось избавиться от самых ловких преследователей из Бронкса и достичь конечного пункта в одиночку. Молва об этом кроссе не умолкала несколько месяцев…

Увы, сейчас ему уже за сорок, но хотя прошло больше двадцати лет с тех пор, как он бегал, он еще помнил кое-какие из старых трюков. Если он и утратил былую ловкость, то приобрел нечто другое. Он — полицейский. Знать город так хорошо, как он, знать начало и конец почти каждого закованного в металл проспекта мог только другой сотрудник полиции, с не меньшим, чем у него опытом. Он проворно, но не слишком быстро зашагал прочь от столовой. Вот-вот за спиной раздастся крик: «Робот, робот!» Сейчас самый рискованный момент. Он считал шаги,

пока не почувствовал под ногами ленту первого тротуара.

На мгновение он остановился, и Р. Дэниел придвинулся к нему.

— Они идут за нами, Дэниел? — спросил он полушепотом.

— Да, и приближаются.

— Ну, это не надолго, — уверенно отозвался Бейли.

Он оглядел дорожки, простиравшиеся по обе стороны от него. Каждая дорожка слева со все большей скоростью несла на себе живой человеческий груз. Почти всю свою жизнь он по многу раз в день чувствовал под собой движение тротуара, но впервые за последние семь тысяч дней он согнул ноги в коленях перед броском вперед. Его охватило так хорошо знакомое ему волнение, дыхание его участилось. Легким и быстрым шагом, с темпом, вдвое больше «нормального», он стал переходить с дорожки на дорожку. Он резко наклонялся вперед, сопротивляясь ускорению. Теперь рядом с ним шелестела межсекторная линия. Какое-то мгновение казалось, что он непременно ступит на нее, однако он неожиданно подался назад и пошел все дальше и дальше, пробираясь через толпу, которая становилась

тем Плотнее, чем медленнее двигались тротуары. Он остановился на дорожке, идущей всего со скоростью каких-нибудь пятнадцати миль в час.

— Ну, сколько их там позади, Дэниел?

— Всего один, Илайдж. — Робот стоял рядом с ним, спокойный и не запыхавшийся.

— Должно быть, он неплохо бегал в детстве, но и ему долго не продержаться.

Полный уверенности в своих силах, Бейли испытывал какое-то смутное волнение. Отчасти это было возбуждение участника мистического обряда, к которому допускались только избранные, отчасти — физическое ощущение ветра, бьющего ему прямо в лицо, и острое чувство опасности.

— То, что мы сейчас сделаем, называется «боковой финт», — сказал он тихо Р. Дэниелу.

Он широким быстрым шагом пошел по дорожке, ловко лавируя среди других пешеходов. Он, не сбавляя хода, двигался вдоль самой кромки тротуара, и ритмичное мелькание его головы в толпе, должно быть, имело гипнотический эффект. На это, собственно, он и рассчитывал. Не меняя скорости, Бейли шагнул в сторону всего на два дюйма и оказался на соседней дорожке. Мышцы его ног напряглись до боли, чтобы удержать равновесие. Не останавливаясь, он проскользнул

мимо скопления пассажиров и попал на ленту, которая делала сорок пять миль в час.

— Ну, как теперь, Дэниел? — спросил он.

— Не отстает, — последовал спокойный ответ.

Бейли стиснул зубы. Ничего не поделаешь, придется попробовать скоростные платформы; вот тут действительно нужна координация движений, пожалуй большая, нем та, на какую он еще способен. Он быстро огляделся. Мимо них пронеслась улица В-22. Прикинув что-то в уме, он сорвался с места. Все ближе и ближе к скоростной линии, и вот наконец ее платформа. Отрешенные лица пассажиров скривились в гримасе негодования при виде того, как Бейли и Р. Дэниел вскочили на платформу и протиснулись под перилами.

— Эй, осторожнее! — схватилась за шляпку возмущенная дама.

— Простите, — задыхаясь, извинился Бейли.

Он пробился через стоящих пассажиров к противоположной стороне платформы. В последний момент какой-то разгневанный пассажир толкнул его в спину. Он потерял равновесие и, в отчаянии стараясь удержаться на ногах, шагнул на соседнюю ленту. От резкой перемены скорости он сначала упал на колени, а потом повалился

на бок. Еще мгновение, и он собьет кого-нибудь, тот — другого, и беды не миновать: образуется людская пробка, куча мала, результатом которой будут десятки переломанных рук и ног… Но тут он почувствовал, как рука Р. Дэниела подхватила его и с легкостью, недоступной человеку, поставила его на ноги.

— Спасибо, — выдохнул Бейли; на большее времени не было.

Он ринулся вниз по замедляющимся дорожкам. Его хитроумный замысел заключался в том, чтобы без потерь времени оказаться в самой точке V-образного пересечения лент экспресса. Не снижая скорости, он снова помчался по ускоряющимся дорожкам, достиг экспресса и перебрался через него.

— Он все еще с нами, Дэниел?

— Нет, я никого не вижу.

— Хорошо. Ну и лидер бы из вас получился, Дэниел! А теперь сюда. — И, не переводя дыхания, он увлек его за собой на межсекторную ленту, а с нее вниз к широкой, внушительного вида двери.

Часовой преградил им путь.

— Мы по делу. — Бейли помахал передним удостоверением.

Они вошли внутрь.

— Энергостанция, — коротко заметил Бейли. — Здесь они окончательно потеряют наши следы.

Ему доводил ось прежде бывать на энергостанциях, в том числе и на этой. Однако чувство благоговейного трепета от этого не уменьшалось. Оно овладевало им еще больше при мысли о том, что его отец когда-то руководил подобным предприятием до тех пор, пока…

В воздухе здесь царили острый запах озона и равномерный гул скрытых в глубине колодца мощных генераторов; ярко-красные линии молчаливо очерчивали границы, переступать которые беззащитной одежды запрещалось. Где-то в недрах установки (Бейли не знал, где точно) ежедневно потребляется около фунта ядерного топлива. Радиоактивные продукты распада, так называемая «горячая зола», удаляются сжатым воздухом по свинцовым трубопроводам в подводные пещеры, на расстояние в десять миль от берега океана и на глубину в полмили от его дна.

Иной раз Бейли приходило на ум, что произойдет, когда эти пещеры наполнятся до отказа.

— Не подходите к красным линиям, — неожиданно резким тоном предупредил он Р. Дэниела. Затем, спохватившись, скромно добавил: — Впрочем вам это наверно не страшно.

— Вы имеете в виду радиоактивность?

— Да.

— Тогда — страшно. Гамма-лучи нарушают чувствительное равновесие позитронного мозга. Они подействуют на меня раньше, чем на вас.

— Вы хотите сказать, что они убьют вас?

— Мне понадобится новый позитронный мозг. Поскольку невозможно создать два совершенно одинаковых мозга, из меня выйдет новый индивидуум. Иными словами, погибнет Дэниел, с которым вы сейчас разговариваете.

Бейли посмотрел ка него с сомнением.

— А я и не знал… По этому трапу, пожалуйста.

— Обычно об этом не говорят. Чтобы убедить землян, Космотаун подчеркивает преимущества таких, как я, а не наши слабости.

— Тогда зачем вы сказали мне?

Р. Дэниел посмотрел прямо в глаза своему живому напарнику.

— Вы — мой партнер, Илайдж. И вам надлежит знать все мои слабости и недостатки.

В ответ Бейли лишь неопределенно хмыкнул.

— Идемте сюда, — сказал он немного погодя. — Мы в четверти мили от нашей квартиры.

Это была унылая квартира низшей категории. Одна небольшая комната с двумя кроватями. Два

складных стула и стенной шкаф. Встроенный в стену субэтеральный экран без ручного управления, который нельзя самостоятельно включить, но нельзя и выключить, когда он начнет работать. Здесь нет умывальника, даже самого простого, неактивированного; здесь нельзя приготовить пищу или хотя бы вскипятить воду. Лишь в углу торчит уродливая, ничем не замаскированная труба мусоропровода. Бейли всего передернуло.

— Вот мы и дома. Надеюсь, выдержим.

Р. Дэниел подошел к мусоропроводу. Его рубашка разошлась по шву, обнаружив мускулистую на вид грудь.

— Что вы делаете? — удивился Бейли.

— Хочу избавиться от пищи, которую проглотил. Если ее оставить в пищевом мешке, она начнет портиться, и в моем обществе будет неприятно находиться.

Р. Дэниел нащупал что-то у себя на груди и особым образом надавил там двумя пальцами. Его грудная клетка раскрылась в продольном направлении. Р. Дэниел просунул руку сквозь паутину серебристого металла и извлек оттуда тонкий, местами вздувшийся полупрозрачный пакет. Бейли с ужасом наблюдал, как тот открыл его. Р. Дэниел неуверенно сказал:

— Пища совершенно чистая. Я не выделяю слюну и не жую. Понимаете, она проходит внутрь по пищеводу благодаря всасыванию. Она съедобна.

— Очень хорошо, — мягко ответил Бейли. — Я не голоден. Лучше выбросьте ее.

«Пищевой пакет Р. Дэниела сделан из фтористоуглеродного пластика, — решил Бейли. — Хорошо хоть, что к нему ничего не пристает». Пища легко выходила из пакета и понемногу исчезала в мусоропроводе. «Хорошая еда ведь пропадает», — подумал Бейли.

Бейли сел на край кровати и стянул с себя рубашку.

— Я предлагаю начать завтра пораньше, — сказал он.

— На это есть причина?

— Наши друзья пока не знают местоположения квартиры. Вернее, надеюсь, что не знают. Чем раньше мы уйдем отсюда, тем лучше. А в муниципалитете мы решим, стоит ли нам впредь работать вместе.

— Вы в этом сомневаетесь?

Бейли пожал плечами и строго сказал:

— Мы не можем каждый день подвергать себя такому риску.

— Но мне кажется, что…

Р. Дэниела прервала пунцовая вспышка сигнала входной двери. Бейли бесшумно вскочил на ноги, отстегивая ремешок бластера. Сигнал вспыхнул еще раз. Держа бластер наготове, он осторожно приблизился к двери, повернул специальную рукоятку, и узкая полоска двери стала прозрачной изнутри. Она давала искаженное изображение, но его было достаточно, чтобы Бейли различил за дверью своего сына Бентли. Бейли распахнул дверь настежь, схватил Бена за руку, не дав ему в третий раз нажать на кнопку сигнала, и грубо втащил его в комнату. С лица Бентли медленно сходило выражение испуга и недоумения, пока он стоял, прижавшись к стене, к которой толкнул его отец. Он смущенно потирал руку.

— Отец, — сказал он обиженно, — вовсе незачем меня так дергать.

Бейли внимательно вглядывался в смотровую полоску закрытой теперь двери. Насколько он мог судить, коридор был пуст.

— Там кто-нибудь был, Бен?

— Нет. Слушай, пап, я просто пришел тебя проведать.

— А зачем меня проведывать?

— Не знаю, это мама. Она плакала и вообще…

велела разыскать тебя. Сказала, что если я не пойду, то она пойдет сама и тогда, говорит, не знаю, что случится. Она велела мне, пап…

— Как ты меня нашел? Ты от мамы узнал мой адрес?

— Нет. Я позвонил тебе на работу.

— И тебе сказали?

— Конечно, — тихо ответил Бен, смущенный горячностью отца. — А разве нельзя было?

Бейли переглянулся с Р. Дэниелом.

— Где мама, Бен? Дома? — спросил он, вставая.

— Нет, она у бабушки и останется там ночевать. Мне надо сразу вернуться туда. То есть если у тебя все в порядке.

— Ты останешься здесь. Дэниел, вы заметили, где находится переговорная трубка?

— Да. Вы хотите выйти отсюда?

— Это необходимо. Я должен связаться с Джесси.

— Разрешите мне заметить, что более логично было бы поручить это Бентли. Это довольно рискованно, а он представляет меньшую ценность…

— Ах ты… — возмутился было Бейли, но тут же пришел в себя. — Видите ли, Дэниел, — сказал он более спокойно, — у нас, у людей, взрослый мужчина никогда не станет подвергать опасно-

сти своего сына. Даже если логика подсказывает сделать это.

— «Опасности»! — с восторгом воскликнул Бен. — О, пап, что случилось? Ну скажи…

— Ничего, Бен. И вообще это не твое дело. Понятно? Тебе пора спать. Когда я вернусь, чтоб ты уже был в постели. Слышишь?

— Ну ладно. Я не проболтаюсь.

— Немедленно!

— Да ну…

Стоя у переговорной трубки, Бейли откинул полу пиджака так, чтобы было удобнее выхватить бластер. Он назвал свой личный номер и ждал, пока электронная машина, установленная в пятнадцати милях отсюда, проверит, имеет ли он право на разговор. Ждать долго не пришлось, поскольку на детектива подобные ограничения не распространяются. Затем он назвал номер квартиры тещи. У основания трубки засветился небольшой экран, в котором показалось ее лицо.

— Мама, — сказал он негромко, — попросите Джесси.

Должно быть, Джесси ждала его, потому что тотчас же подошла к трубке. Бейли посмотрел на нее и слегка притемнил экран.

— Все в порядке, Джесси. Бен здесь. Что у тебя

стряслось?

Бейли водил глазами из стороны в сторону, не переставая следить за коридором.

— Как ты? С тобой ничего не случилось?

— Да нет же, Джесси, разве ты не видишь? Прекрати сейчас же.

— О Лайдж, я так волновалась!

— Почему? — спросил он напряженно.

— Ты знаешь. Из-за твоего друга.

— Причем здесь он?

— Я говорила тебе вчера. Быть беде…

— Ерунда. Бен останется у меня. Спокойной ночи, дорогая. Не волнуйся.

Он отключил соединение и дважды глубоко вздохнул, прежде чем отправиться обратно. Лицо его посерело от напряженного ожидания и страха. Он застал Бена посреди комнаты. Одна из его контактных линз аккуратно лежала в миниатюрном футляре. Вторая еще была у него на зрачке.

— Пап, здесь даже воды нет умыться. А мистер Оливо не пустил меня в туалетную.

— Он прав. Никуда не ходи. Вставь эту штуку в глаз, Бен. За ночь ничего с тобой не произойдет.

— Ну ладно. — покорился Бен и взобрался на кровать. — Ух ты, какой матрац!

Бейли повернулся к Р. Дэниелу: — Надеюсь,

вы не будете возражать, если вам придется посидеть.

— Конечно, нет. Между прочим, что это за стекла на глазах у Бентли? Их носят все земляне?

— Нет. Некоторые, — ответил Бейли уклончиво. — Я не ношу, например.

— А каково их назначение?

Бейли был слишком поглощен своими невеселыми мыслями, чтобы ответить.

В комнате погас свет. Бейли не спал. Он почти не слышал ровного и глубокого дыхания сына, которое стало потом несколько жестким. Повернув голову, он скорее вообразил, чем увидел, как в углу неподвижно сидит Р. Дэниел, уставившись взглядом на дверь. Затем он заснул и ему приснился сон.

Ему приснилось, будто Джесси падает в реактор энергостанции, с воплем отчаяния протянув к нему руки. А он, не в силах переступить красную ограничительную линию, лишь смотрит, как удаляется от него ее искаженная фигура, становясь все меньше и меньше, пока не превращается в едва заметную точку. Он ничем не может ей помочь и сознает во сне, что столкнул ее туда он сам.

Илайдж Бейли устало кивнул комиссару Джулиусу Эндерби, когда тот вошел в комнату.

Комиссар взглянул на часы и проворчал:

— Вы что, провели здесь всю ночь?

— Ничего подобного, — отозвался Бейли.

Комиссар понизил голос: — Что нибудь произошло?

Бейли покачал головой.

— Я подумал, что, пожалуй, недооценивал вероятность беспорядков, — начал комиссар. — И если что-то такое…

— Ради бога, комиссар… — сказал сдержанно Бейли. — Если бы что-нибудь случилось, я бы вам сказал. Все в полном порядке.

— Хорошо, хорошо… — С этими словами комиссар скрылся за дверью, за которой его ждало полное уединение, достойное его высокого положения.

«Он-то наверное неплохо выспался», — подумал Бейли, посмотрев ему вслед.

Бейли принялся сочинять рапорт, в котором не будет и строчки о событиях двух последних дней. Однако слова, которые он выстукивал пальцем, расплывались и прыгали у него перед глазами. Постепенно до него дошло, что у стола кто-то стоит.

Бейли поднял голову. — В чем дело? — спросил он.

Перед ним стоял Р. Сэмми.

«Личный лакей Джулиуса, — подумал Бейли. — Все-таки неплохо быть комиссаром».

— Комиссар хочет вас видеть, Лайдж. Говорит, немедленно, — сказал Р. Сэмми со своей дурацкой улыбкой.

— Он только что меня видел. Передай ему, что я зайду позже, — отмахнулся от него Бейли.

— А он говорит: немедленно, — повторил Р. Сэмми.

— А я говорю: отправляйся.

Робот попятился, повторяя:

— Комиссар хочет вас видеть немедленно, Лайдж. Говорит: немедленно.

— О, дьявол! — процедил Бейли сквозь зубы. — Иду, иду.

Он встал из-за стола и направился к кабинету. Р. Сэмми замолчал.

— Черт возьми, комиссар… — начал Бейли с порога. — Не посылайте вы, наконец, за мной этого идиота!

— Садитесь, садитесь, Лайдж, — только и сказал комиссар.

Бейли сел, уставившись на него. Может быть, он несправедлив к старине Джулиусу. Может, старик вовсе не спал всю ночь. Вид у него доволь-

но измученный.

Комиссар постукивал пальцем полежавшей перед ним бумаге.

— Вот запись о вашем разговоре с неким доктором Джерригелом из Вашингтона, который вы вели по изолированному лучу.

— Верно, комиссар.

— Естественно, что записи самого разговора нет, так как луч изолированный. О чем у вас шла речь?

— Мне нужны дополнительные сведения.

— Он, кажется, ведь специалист по роботехнике?

— Совершенно верно.

Комиссар выпятил нижнюю губу и стал вдруг похож на обиженного ребенка.

— Но зачем вам это? Каких еще сведений вам не хватает?

— Я и сам не знаю, комиссар. Просто у меня такое ощущение, что материал о роботах может помочь расследованию. — Бейли замолчал, не желая вдаваться в подробности.

— Я бы этого не делал, Лайдж. По-моему, это неразумно.

— Почему вы против, комиссар?

— Чем меньше народу знает об этом, тем луч-

ше.

— Я не буду посвящать его в детали, естественно.

— И все же это ни к чему.

У Бейли и так было гнусно на душе, а потому он не стал сдерживаться: — Вы мне приказываете не встречаться с ним?

— Нет, нет. Поступайте как знаете. Вы ведете расследование, а не я. Только…

— Только — что?

Комиссар покачал головой.

— Ничего… А где этот? Вы знаете, кого я имею в виду.

Бейли знал. — Дэниел все еще работает с картотекой.

Комиссар помолчал немного, а затем сказал:

— Что-то медленно у нас идут дела, знаете ли…

— Да никак пока не идут. Но могут пойти.

— Ну, вот и отлично, — сказал комиссар, но по его лицу невидно было, чтобы он сказал то, что думал.

Когда Бейли вернулся к себе, его уже ждал Р. Дэниел.

— Ну, а у вас какие новости? — ворчливо произнес Бейли.

— Я закончил первую общую проверку картоте-

ки, партнер Илайдж, и обнаружил двух из тех, кто вчера нас преследовал; кроме того, эти же двое участвовали в инциденте у обувного магазина.

— Покажите-ка мне их.

Р. Дэниел положил перед Бейли две карточки, размером с почтовую марку каждая. Их поверхность была сплошь усеяна точечным шифром. Затем робот достал портативный дешифратор и вложил одну из карточек в предназначенный для этого паз. Точки шифра обладают электропроводными свойствами, отличными от свойств самой карточки. Поэтому электрическое поле, проходящее через карточку, особым образом преобразуется, в результате чего на небольшом экране аппарата возникают цепочки слов. Если бы не код, эти слова заняли бы несколько страниц бумаги стандартных размеров. И если бы не дешифратор утвержденного полицейского образца, понять их было бы невозможно. Бейли безучастно просматривал материал. Первым оказался Фрэнсис Клусарр, тридцати трех лет; арестован два года назад; причина ареста — подстрекательство к мятежу; служащий компании «Нью-Йорк Йист»; домашний адрес такой-то; родители такие-то; цвет волос и глаз, особые приметы, образование, послужной список; психологический

тип, тип конституции, дополнительные сведения и, наконец, номер трех опознавательных снимков в галерее мелких преступников.

— Бы проверили фотографию?

— Да, Илайдж.

Вторым был Герхард Пауль.

Бейли просмотрел данные о нем и сказал: «Все это не то.»

— Я с вами не согласен, — возразил Р. Дэниел. — Если существует организация землян, способных на убийство, то они ее члены. Разве это не очевидно? Не следует ли допросить их?

— Мы ничего от них не добьемся.

— И тот и другой были как в магазине, так и в столовой. Они не могут отрицать это.

— Находиться там еще не преступление. Кроме того, они могут отрицать это. Скажут, что не были там, вот и все. Как доказать, что они лгут?

— Но я их видел.

— Это не доказательство, — рассердился Бейли. — Ни один суд, если бы даже до этого дошло дело, не поверит, что вы можете запомнить два лица из миллиона.

— Но ведь я могу.

— Конечно. Ну-ка скажите им, кто вы такой. Стоит вам только признаться, и вы больше не

свидетель. Ни один законный суд на Земле не признает вашего брата.

— Значит, вы передумали? — заметил Р. Дэниел.

— Что передумал?

— Вчера в столовой вы сказали, что их не нужно арестовывать. Вы сказали, что, коль скоро я помню их лица, их можно арестовать в любой момент.

— Верно, сказал глупость, — признался Бейли. — Я просто обалдел тогда. Это невозможно.

— Даже из психологических соображений? Они ведь не знают, что у нас нет доказательств их причастности к заговору.

— Слушайте, — произнес, нервничая, Бейли, — через полчаса сюда из Вашингтона прибудет доктор Джерригел. Вы можете подождать, пока я с ним поговорю? Можете?

— Я подожду, — сказал Р. Дэниел.

Энтони Джерригел оказался аккуратным и весьма вежливым человеком среднего роста, и по его виду никак нельзя было сказать, что имеешь дело с лучшим знатоком роботехники на Земле. Он опоздал почти на двадцать минут и стал приносить свои глубокие извинения. Побелевший от томительного ожидания, Бейли не

очень-то вежливо отмахнулся от его извинений. Он проверил, оставлена ли за ним комната для совещаний «Д», подтвердил распоряжение о том, чтобы в течение часа их никто не беспокоил, и повел доктора Джерригела и Р. Дэниела через коридор по трапу к двери одного из кабинетов, защищенных от дверей подслушивателя. Прежде чем приступить к делу, он тщательно проверил изоляцию стен, прислушиваясь к низкому гудению пульсометра, который он держал в руке. Малейшее изменение тона пульсометра указывало бы на неплотность защитной оболочки. Он направил его также на потолок, пол и — особенно тщательно — на дверь. Изоляция была в полном порядке. Доктор Джерригел слегка улыбнулся. Он производил впечатление человека, который никогда не улыбался более, чем слегка. Одет он был с аккуратностью, которую не назовешь иначе, как педантичной. Его седые волосы были гладко зачесаны назад, а румяное лицо, казалось, было только что вымыто. Он сидел, чопорно выпрямив спину, будто еще в детстве от постоянных материнских наставлений о том, как надо сидеть, его хребет навсегда принял это положение.

— Начало довольно устрашающее, мистер Бейли, — сказал он.

— Дело серьезное, доктор. Мне нужны сведения о роботах, которые можете дать, пожалуй, только вы. Все, о чем мы будем здесь говорить, является государственной тайной, поэтому власти надеются, что, покинув это помещение, вы забудете, о чем здесь шла речь.

Бейли взглянул на свои часы.

Легкая улыбка мгновенно слетела с лица доктора Джерригела.

— Позвольте объяснить, почему я опоздал. Я решил не лететь самолетом. Я подвержен воздушной болезни.

— Очень жаль. — Бейли последний раз взглянул на пульсометр и, убедившись, что точность установки его не изменилась и что он работает нормально, отложил прибор в сторону и сел.

— Точнее сказать, я начинаю нервничать. Легкий приступ агорафобии. Так, ничего особенного, но факт есть факт. Хотя и решил добираться экспрессами.

— Агорафобия? — с внезапным интересом переспросил Бейли.

— У меня это прозвучало серьезней, чем следовало бы, — поспешно сказал эксперт. — Такое чувство вы испытываете в самолете. Вам когда-нибудь приходилось летать, мистер Бейли?

— Несколько раз.

— Тогда вы меня поймете. Это — ощущение, будто вокруг вас ничего кет, будто от пустоты, от воздуха вас отделяет тонкая полоска металла. Ужасно неприятно.

— Значит, вы ехали экспрессом?

— Да.

— Прямо из Вашингтона в Нью-Йорк?

— О, пустяки. С тех пор как открыли туннель Балтимора — Филадельфия, это не составляет труда.

Так оно и есть. Хотя Бейли и не доводилось пользоваться этим видом транспорта, он знал, что такая возможность существует. За последние два столетия Вашингтон, Балтимора, Филадельфия и Нью-Йорк разрослись настолько, что почти соприкасались друге другом. Эта часть восточного побережья даже получила полуофициальное название Район Четырех Городов. Находятся даже сторонники объединения их в один Сверхгород. Бейли не нравилась эта идея. Один Нью-Йорк и то едва поддается централизованному управлению, а город с населением более пятидесяти миллионов человек просто рухнет под собственным весом.

— Беда в том, — продолжал доктор Джерри-

гел, — что я опоздал на экспресс в Честере и из-за этого потерял столько времени. А потом вышла заминка с получением временного ордера на комнату. Вот почему я и задержался.

— Не беспокойтесь, доктор. Все, что вы рассказали, весьма интересно. Раз уж вы так не любите самолеты, что бы вы сказали относительно прогулки пешком за пределами города, доктор Джерригел?

— Это еще зачем? — спросил тот с удивлением и опаской.

— О, я вовсе не предлагаю вам такую прогулку! Мне просто хотелось узнать, по душе ли вам сама идея.

— Она мне далеко не по душе.

— Допустим, что вам пришлось бы выйти ночью из города и пройти пешком расстояние около мили?

— Не думаю… чтобы меня удалось уговорить.

— Ни под каким видом?

— Ну, если бы от этого зависела моя жизнь или жизнь моих близких… — У него был растерянный вид. — Но объясните же мне, в чем дело, мистер Бейли?

— Я объясню. Совершено серьезное преступление, убийство, которое вызывает глубокое

беспокойство. Я не волен посвящать вас в детали. Существует, однако, версия, по которой убийца, чтобы совершить преступление, должен был пересечь открытое пространство, притом ночью и без сообщников. Мне любопытно узнать, кто бы мог на это решиться.

— Ни один из тех, кого я знаю, — пожал доктор Джерригел плечами. — И, конечно, не я сам. Разумеется, среди миллионов людей можно найти нескольких безумцев.

— То есть, по вашему мнению, маловероятно, чтобы человек мог решиться на это?

— Да, разумеется:

— Иными словами, если существует другая версия преступления, другая приемлемая версия, то ее следует рассмотреть?

Доктор Джерригел выглядел еще более растерянным, но сидел, по-прежнему строго выпрямившись и аккуратно сложив на коленях свои холеные руки.

— А у вас есть такая версия? — поинтересовался он.

— Да. Мне кажется, что для робота, например, не составит никакого труда пересечь открытое пространство.

— О, дорогой сэр! — вскочил доктор Джерри-

гел.

— В чем дело?

— Не хотите ли вы сказать, что преступление совершил робот?

— Бот именно.

— Убийство? Человека?

— Да. Пожалуйста, сядьте, доктор.

Специалист по роботехнике повиновался.

— Мистер Бейли; речь идет о двух поступках: о том, чтобы пересечь открытое пространство, и об убийстве. Человек способен на последнее, но едва решится на первое. Робот же без труда совершит первое, но никогда — второе. Заменяя маловероятную версию невероятной, вы…

— «Невероятной» — это очень сильно сказано, сэр.

— Вы слышали о Первом Законе роботехники, мистер Бейли?

— Конечно, и даже могу его процитировать: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». — Бейли вытянул руку и продолжал: — Почему нельзя построить робота без Первого Закона? В чем святость этого Закона?

Доктор Джерригел окончательно растерялся и

промямлил:

— Что вы, мистер Бейли…

— Я жду ответа!

— Если вы хоть сколько-нибудь знакомы с роботехникой, мистер Бейли, то вам должно быть известно, какая гигантская задача создать позитронный мозг как с точки зрения математики, так и электроники.

— Я представляю себе это, — сказал Бейли.

Он хорошо помнил посещение одного из заводов по производству роботов, где он был по делу. Он видел их книгофильмотеку. Каждый из книгофильмов содержал в себе математический анализ позитронного мозга одного определенного типа. Несмотря на сжатость изложения, на просмотр такого фильма уходит в среднем не менее часа. Но даже если изготавливать мозг по самым строгим техническим условиям, то и тогда один мозг будет отличаться от другого. Насколько понимал Бейли, здесь действует принцип неопределенности Гейзенберга. А это значит, что каждый фильм снабжается приложениями, в которых даются различные варианты.

— Да, нелегкая это работа, что верно, то верно.

— Тогда, значит, вы понимаете, — продолжал доктор Джерригел, — что сконструировать но-

вый позитронный мозг, даже если в нею вводятся мелкие усовершенствования, дело весьма сложнее и за ночь с ним не справиться. Обычно на это уходит до года работы всего научного персонала завода средних размеров. Но и им бы никогда не справиться с этим, не сумей мы добиться стандартизации принципиальных схем, которые ложатся в основу дальнейших разработок. Фундаментальная теория стандартных схем включает в себя Три Закона роботехники: Первый Закон, который вы только что процитировали; Второй Закон, который гласит: «Робот должен повиноваться командам человека, кроме тех команд, которые противоречат Первому Закону»; и Третий Закон: «Робот должен заботиться о собственной безопасности, постольку поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам».

Р. Дэниел, который, по всей видимости, внимательно прислушивался к разговору, вежливо обратился к Бейли:

— Простите меня Илайдж, но я хотел бы убедиться, что правильно понял доктора Джерригела. Вы хотите сказать, сэр, что любая попытка создать робота, позитронный мозг которого не учитывал бы Три Закона, будет связана прежде всего с разработкой новой фундаментальной

теории, а на это, в свою очередь, уйдет много лет.

У доктора Джерригела был очень довольный вид.

— Именно это я и имел в виду, мистер…

Бейли помешкал немного, а потом вежливо представил Р. Дэниела:

— Это Дэниел Оливо, доктор Джерригел.

— Добрый день, мистер Оливо. — Роботехник протянул руку и пожал руку Р. Дэниела. — На мой взгляд, разработка теории позитронного мозга, в который не были бы заложены основные положения Трех Законов, и создание приемлемой модели такого мозга заняли бы не менее пятидесяти лет.

— И никто никогда не брался за это? — спросил Бейли. — За несколько тысяч лет, что мы строим роботов? Неужто за все это время ни у кого не нашлось пятидесяти лет?

— Конечно, нет, — ответил ученый, — да и едва ли кто-то брался за это.

— Трудно поверить. Из любопытства человек пойдет на что угодно.

— Но он не пошел на создание подобного робота. Человеческая раса обладает сильным комплексом Франкенштейна.

— Какого комплекса?

— Франкенштейна. Это название взято из одного медиевального романа, в котором робот напал на своего создателя. Мне не довелось его читать, но это к делу не относится. Я хочу сказать лишь одно: без Первого Закона роботов просто не создают.

— И даже нет теории такого робота?

— Насколько я знаю, а знаю я довольно много, — заметил он не без самодовольства, — такая теория не существует в природе.

— С другой стороны, робот, оснащенный Первым Законом, не может убить человека, — требовал подтверждения Бейли.

— Никогда. Если это не произошло по чистой случайности или если от этого не зависела жизнь двух или более человек. В обоих случаях возникший позитронный потенциал нанесет мозгу непоправимый вред.

— Хорошо. Так обстоят дела на Земле. Верно?

— Да, конечно.

— А как насчет Внешних Миров?

Выражение самодовольства постепенно сходило с лица доктора Джерригела. — Увы, мистер Бейли, я не могу утверждать наверняка, но убежден, что если бы они разработали конструкцию или хотя бы построили математическую модель

такого мозга, нам стало бы об этом известно.

— Вот как? Тогда проследим еще одну мысль, если вы не возражаете, доктор Джерригел.

— Нет, нет, что вы… — Он беспомощно посмотрел сначала на Бейли, а потом на Р. Дэниела. — Раз вы считаете, что это так важно, я буду рад помочь вам чем смогу.

— Благодарю вас, доктор. Мой вопрос заключается в следующем: зачем создавать человекоподобных роботов? Я с ними сталкивался всю свою жизнь, но только сейчас сообразил, что не знаю, чем оправдать их существование. Иными словами, зачем роботу иметь голову и четыре конечности? Почему он должен походить на человека?

— То есть вы хотите сказать, почему он не несет функциональных признаков, как любая другая машина?

— Совершенно верно, — подтвердил Бейли. — Почему?

На губах доктора Джерригела появилась легкая улыбка.

— Дорогой мистер Бейли, вы родились слишком поздно. Это было главной темой первых работ по роботехнике. А полемика развернулась тогда просто страшная. Если вы пожелаете ознакомиться

со взглядами функционалистов и антифункционалистов, я могу порекомендовать вам «Историю роботехники» Хэнфорда. Математика там сведена к минимуму. Думаю, вам будет интересно.

— Я разыщу ее, — сказал терпеливо Бейли. — А пока, быть может, вы все-таки объясните мне вкратце?

— Решение было принято из соображений экономического порядка. Посудите сами, мистер Бейли, если бы вы управляли фермой, стали бы вы приобретать трактор с позитронным мозгом, косилку, сеялку, доильную установку и так далее — все с позитронным мозгом; или купили бы обычные машины и механизмы и приставили к ним одного робота с позитронным мозгом? Учтите при этом, что вторая альтернатива в пятьдесят или сто раз дешевле.

— Но зачем все-таки придавать ему вид человека?

— Потому что человеческая фигура — самая совершенная из всех форм, существующих в природе. Человек, мистер Бейли, не специализированное животное, за исключением, быть может, его нервной системы и некоторых других признаков. Если вам нужна конструкция, способная выполнять, и довольно хорошо вы-

полнять, самые разнообразные функции, вам не найти лучшей, чем человеческая фигура. Все рычаги и педали управления автомобилем, например, имеют такую форму и расположены таким образом, чтобы человеку было удобно ими манипулировать. Даже такие простые предметы, как стулья и столы, ножи и вилки, делаются с учетом формы и размеров человеческого тела и приспособлены для служения человеку. Поэтому проще создать человекоподобного робота, чем радикально изменить самую суть вещей, которыми мы пользуемся.

— Понятно. В этом есть смысл. Верно ли, доктор, что на Внешних Мирах роботы гораздо больше походят на человека, чем наши?

— Я полагаю, что это так.

— А они могут изготовить робота, которого в обычных условиях совсем не отличишь от человека?

Доктор Джерригел поднял брови и задумался.

— Видимо, да, мистер Бейли. Правда, это обошлось бы очень дорого и вряд ли бы окупилось.

— Ну, а мог бы такой робот, — настаивал Бейли, — ввести в заблуждение вас?

Роботехник негромко хмыкнул.

— О, любезный мистер Бейли. Я сомневаюсь. В

самом деле. Ведь не только внешний вид отли…

Доктор Джерригел оборвал себя на полуслове. Затем он медленно повернулся к Р. Дэниелу, и его румяное лицо стало мертвенно-бледным.

— Не может быть, — прошептал он. — Не может быть.

Он протянул руку и осторожно притронулся к щеке Р. Дэниела. Р. Дэниел не пошевельнулся и продолжал спокойно взирать на ученого.

— Боже правый! — с надрывом произнес доктор Джерригел. — Так, значит, вы — робот?

— Вам понадобилось немало времени, чтобы заметить это, — сухо констатировал Бейли.

— Я и не предполагал. Ни разу не видел такого. Изготовлен на Внешних Мирах?

— Да, — сказал Бейли.

— Теперь все ясно. Манера держаться, его речь… Он не идеальное подобие человека, мистер Бейли.

— Все же неплохо сделан, а?

— О, потрясающе! Ведь с виду не скажешь, что это подделка. *Я* чрезвычайно вам признателен, что вы свели меня с ним. Можно осмотреть его? — Специалист по роботехнике нетерпеливо вскочил с места.

— Простите, доктор, — предупреждающе

поднял руку Бейли. — Одну минуту. Сначала поговорим об убийстве.

— Значит, оно было в самом деле? — Доктор Джерригел не скрывал своего глубокого разочарования. — А я-то решил, что вы все это выдумали, чтобы отвлечь меня и посмотреть, как долго удастся меня дурачить…

— Этане выдумка, доктор Джерригел. Теперь послушайте. Вот создается такой робот, как этот, и его назначение — во всем походить на человека. Не должен ли его мозг как можно ближе соответствовать человеческому?

— Разумеется, должен.

— Очень хорошо. Разве не может в нем отсутствовать Первый Закон? Что, если его опустили случайно? Вы сами сказали, что теории такого мозга не существует. А раз так, то конструкторы могли создать его без Первого Закона. Они просто не знали, чего опасаться.

Доктор Джерригел энергично замотал головой.

— Нет, нет. Невозможно.

— Вы уверены в этом? Впрочем, мы можем проверить Второй Закон… Дэниел, дайте мне бластер.

Бейли не сводил глаз с робота. На всякий случай он положил руку на рукоятку своего бластера.

— Пожалуйста, Илайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел и протянул ему бластер прикладом вперед.

— Детектив не имеет права расставаться с оружием, робот же вынужден подчиняться человеку, — заметил Бейли.

— За исключением тех случаев, мистер Бейли, — вставил доктор Джерригел, — когда это ведет к нарушению Первого Закона.

— Знаете ли вы, доктор, что Дэниел направил свой бластер на группу невооруженных мужчин и женщин и грозился открыть огонь.

— Но я не выстрелил, — сказал Р. Дэниел.

— Не отрицаю, но угроза сама по себе — факт необычный, вы согласны, доктор?

Доктор Джерригел закусил губу.

— Чтобы дать ответ, мне нужно знать все подробности. Звучит это необычно.

— Тогда слушайте. Р. Дэниел был там, когда совершилось убийство, и если допустить, что житель Земли не мог перейти пространство, унося с собой оружие, то Р. Дэниел, и только Р. Дэниел из всех, кто там присутствовал, мог спрятать это оружие.

— Спрятать оружие? — переспросил доктор Джерригел.

— Я вам объясню. Бластера которым совершено убийство, обнаружить не удалось. Место преступления было тщательно обследовано; но его там не оказалось. Не мог же он раствориться в воздухе. Существует лишь одно место, где его могли спрятать и которое никто не удосужился проверить.

— Какое место? — спросил Р. Дэниел.

Бейли вынул свой бластер и решительно направил его на робота.

— Ваш пищевой мешок, — сказал он. — Ваш пищевой мешок, Р. Дэниел.

— Вы ошибаетесь, — произнес Р. Дэниел негромко.

— Да? Пусть решит доктор. Доктор Джерригел?

— Мистер Бейли. — Взгляд роботехника, дико метавшийся между детективом и роботом во время их диалога, остановился наконец на человеке.

— Я пригласил вас сюда для авторитетного анализа этого робота. Я могу представить в ваше распоряжение лаборатории Городского бюро стандартов. Если вам понадобится другое оборудование, вы его получите. Мне важно одно — быстрый и точный ответ, и плевать на расходы и хлопоты.

Бейли поднялся. Он говорил довольно спокойно, но внутри у него все кипело. Ах, если бы он только мог схватить доктора Джерригела за горло и выдавить из него нужные ему доказательства, а не заниматься научными изысканиями!

— Ну так как, доктор? — потребовал он.

Нервно улыбнувшись, доктор Джерригел заявил:

— Мой дорогой мистер Бейли, лаборатория мне не понадобится. — Это почему же? — спросил Бейли недоверчиво. Он стоял, судорожно напрягшись всем телом.

— Первый Закон проверить не трудно. Хоть прежде мне и не приходилось заниматься этим, как вы сами понимаете.

Бейли втянул ртом воздух и медленно выдохнул его. — Что вы хотите этим сказать? Что можете проверить его здесь?

— Да, конечно. Послушайте, мистер Бейли, я дам вам аналогичный пример. Будь я врачом и потребуйся мне узнать содержание сахара в крови пациента, я бы прибег к помощи лаборатории. Для определения интенсивности основного обмена, проверки функций головного мозга или исследования генов на наследственное заболевание мне потребовалось бы более сложное

оборудование. С другой стороны, чтобы проверить, зрячий ли он, достаточно провести рукой у него перед глазами. Чтобы узнать, жив ли человек, почти всегда достаточно проверить его пульс. Иначе говоря, чем важнее и фундаментальнее проверяемое свойство, тем проще используемое оборудование. То же самое с роботом. Первый Закон — его фундаментальное свойство. Он влияет на все. Проверить его наличие — или отсутствие — у робота можно десятками способов. С этими словами он вынул из кармана плоский и черный предмет, который оказался портативным фильмоскопом. В приемное отверстие он вставил миниатюрный ролик пленки. Затем он достал секундомер, из нескольких белых пластмассовых полосок составил нечто похожее на логарифмическую линейку с тремя подвижными шкалами. Изображенные на них условные знаки показались Бейли совершенно незнакомыми. Доктор Джерригел погладил свой фильмоскоп и слегка улыбнулся, будто повеселев при мысли от предстоящей работы.

— Это мой «Справочник по роботехнике», — заметил он, — с которым я никогда не расстаюсь. Он стал частью моей одежды. — Доктор Джерригел самодовольно хмыкнул.

Затем он поднес к глазам окуляр аппарата и стал осторожно вращать рукоятки настройки. Аппарат издал жужжащий звуки замолк. — Фильмоскоп имеет встроенный алфавитный указатель, — гордо произнес роботехник, не отрываясь от аппарата, отчего его голос звучал приглушенное — Моя конструкция. Экономит массу времени. Впрочем, не о том речь. Так, так… Ну-ка придвиньтесь ко мне поближе Р. Дэниел.

Р. Дэниел придвинул к нему свой стул. Он внимательно и бесстрастно следил за всеми этими приготовлениями. Бейли держал его под прицелом. То, что последовало, смутило и разочаровало его. Доктор Джерригел стал задавать какие-то бессмысленные вопросы и делать что-то непонятное, манипулируя то своей счетной линейкой, то фильмоскопом. Вот, например, один из его вопросов:

— У меня двое родственников с разницей в возрасте пять лет; младший из них девушка. Какого пола старший родственник?

— На основании приведенных данных определить невозможно, — ответил Р. Дэниел.

«Еще бы ему не ответить», — подумал Бейли.

А доктор Джерригел, взглянув предварительно на секундомер, вытянул в сторону правую руку

и предложил Р. Дэниелу дотронуться третьим пальцем своей руки до кончика его среднего пальца. С этой задачей Р. Дэниел справился быстро и легко. Через пятнадцать минут, не больше. Доктор Джерригел закончил проверку. Он в последний раз молча просчитал что-то на линейке и быстро разобрал ее; затем он убрал секундомер и вынул из фильмоскопа «Справочник».

— И это все? — спросил Бейли, нахмурившись.

— Все.

— В высшей степени странно. Вы ведь не задали ни одного вопроса, относящегося к Первому Закону?

— Любезнейший мистер Бейли, когда врач ударяет вас по колену резиновым молоточком и нога дергается, не означает ли это, что он проверяет таким образом состояние вашей нервной системы? Или, например, удивляет ли вас, что по реакции вашего зрачка на свет он может сделать вывод о злоупотреблении некоторыми алкалоидами?

— Так каково же ваше решение? — спросил Бейли.

— Мозг Р. Дэниела создан на основе Первого Закона! — Он резко утвердительно кивнул головой.

— Этого не может быть, — сказал Бейли хрип-

лым голосом.

Бейли поверить не мог, что доктор Джерригел способен принять еще более чопорный вид, чем обычно. Его глаза сузились, и взгляд их стал жестким.

— Уж не хотите ли вы учить меня роботехнике?

— Я не подвергаю сомнению ваши знания, — извиняющимся тоном произнес Бейли. — Но, может быть, вы ошиблись? Ведь вы сами сказали, что никто не знает теории роботов, не оснащенных Первым Законом. Слепой может читать по системе Брайля или пользуясь звуковым аппаратом. Предположим, что вы ничего не слыхали ни о Брайле, ни об аппарате. Не стали бы вы тогда утверждать, и не подозревая о своей ошибке, что раз этот человек знает содержание какого-то книгофильма, значит, он зрячий?

— Я вас понял, — более мягким голосом проговорил ученый, — Однако ваш слепой не мог бы читать при помощи глаз, а именно это — пользуясь вашим сравнением — я и проверил. Поверьте мне на слово, мистер Бейли, Р. Дэниел вне всякого сомнения оснащен Первым Законом.

— А что, если он пошел на обман? — Это был отнюдь не самый умный вопрос, и Бейли знал это.

— Исключено. В том-то и разница между человеком и роботом. Мозг человека, как, впрочем, любого млекопитающего, не поддается полному анализу ни одним из существующих математических методов. Поэтому и невозможно с уверенностью предугадать его реакцию. Мозг же робота поддается такому анализу — иначе было бы невозможно его построить. Мы точно знаем, какой должна быть его реакция на определенные возбудители. Ни один робот не способен на фальсифицированные ответы. То, что вы называете обманом, просто-напросто чуждо умственному горизонту робота.

— Тогда давайте рассмотрим конкретный случай. Р. Дэниел все-таки направил свой бластер на толпу. Я сам видел это. Я присутствовал при этом. Верно, он не стрелял. Но не должен ли был Первый Закон вызвать у него какое-нибудь Нервное потрясение? Как вы знаете, этого не произошло. Потом он был совершенно спокоен.

Доктор Джерригел неуверенно потер подбородок.

— Это явная аномалия…

— Ничего подобного, — неожиданно вмешался Р. Дэниел. — Партнер Илайдж, будьте любезны, осмотрите бластер, который вы у меня взяли.

Бейли взглянул на бластер Р. Дэниела, который лежал у него в левой руке.

— Откройте патронник, — настаивал Р. Дэниел. — Осмотрите его.

Бейли взвесил все «за» и «против» и с опаской отложил в сторону свой бластер, затем быстрым движением открыл бластер робота.

— Он пуст, — озадаченно сказал он.

— В нем нет заряда, — согласился Р. Дэниел. — При тщательном осмотре вы убедитесь, что его там никогда не было. Этот бластер не имеет запальника и использоваться как оружие не может.

— Значит, вы направили на людей незаряженный бластер?

— Бластер мне нужен только для того, чтобы выполнять роль детектива, — ответил Р. Дэниел. — Однако если бы меня снабдили настоящим заряженным бластером, я мог бы случайно причинить вред человеку, что, разумеется, немыслимо. Я бы вовремя объяснил вам все это, но вы сердились и не хотели меня выслушать.

Бейли невидящим взглядом уставился на бластер, который все еще держал в руке и тихим голосом сказал: — Теперь, кажется, все, доктор Джерригел. Благодарю вас за помощь.

Бейли послал за завтраком, но когда его принесли (рулет с дрожжевым орехом и довольно экстравагантный ломтик жареного цыпленка на крекере), он даже к нему не притронулся. Мрачные мысли в хаотическом беспорядке проносились в его мозгу. На его длинном лице застыло угрюмое выражение. Он как бы жил в нереальном мире, жестоком, вывернутом наизнанку мире. Как это могло случиться? Недавние события тянулись за ним наподобие кошмарного сна, начиная с того момента, как он вошел в кабинет Джулиуса Эндерби и внезапно погрузился в пучину убийств и роботехники. Господи! А ведь прошло только двое суток. Он упорно искал разгадку в Космотауне. Дважды обвинил в убийстве Р. Дэниела: в первый раз как человека, подделывающегося под робота; во второй — как несомненного робота; и дважды его обвинение рассыпалось в прах. Теперь он вынужден отступать. Хочет он этого или не хочет, ему придется заняться Нью-Йорком. А с прошлой ночи он не может отважиться на это. Его мозг осаждают недвусмысленные вопросы, но он отказывается их слышать, ее в силах, наконец. Иначе придется ответить на них, и тогда… О боже, как страшится он этих ответов!

— Лайдж! Лайдж! — Кто-то тряс его за плечо.

— В чем дело, Фил? — спросил Бейли очнувшись. Филипп Норрис, детектив класса С-5, сел, положил руки на колени и подался вперед, втягивая в лицо Бейли.

— Что с тобой? Наркотиков наглотался? Сидишь тут с открытыми глазами, а у самого вид, как у покойника.

Он взъерошил свои редеющие светлые волосы, а его близкопоставленные глаза алчно поглядывали на стынущий завтрак Бейли.

— Цыпленок! — сказал он. — Скоро его будут давать только по рецепту врача.

— Угощайся, — сказал невыразительно Бейли.

Приличия взяли верх, и Норрис ответил:

— Не стоймя через минуту иду обедать. Ешь сам. Слушай, что у тебя за делишки с шефом? — спросил он нарочито небрежным тоном:

— Какие делишки?

— Не прикидывайся. Ты знаешь, о чем речь. С тех пор какой вернулся, ты словно поселился у него. В чем дело? Наклевывается повышение?

Бейли нахмурился и почувствовал, как с упоминанием о служебных дрязгах к нему возвращается чувство реальности. У Норриса примерно такой же стаж, как у него, и не мудрено поэтому, что он

ревностно следит за всякими признаками предпочтения, оказываемого начальством Бейли.

— Что ты, какое там повышение! — сказал Бейли. — Все это ерунда. А что касается комиссара, то я бы с радостью уступил бы его тебе. Забирай, ради бога!

— Ты неверно меня понял, — сказал Норрис. — Пусть тебя повышают, мне все равно. Но если у тебя с шефом дела на мази, почему бы не помочь мальчонке?

— Какому еще мальчонке?

Ответа на это не потребовалось. Из какого-то укромного угла комнаты вышел, шаркая ногами, Винсент Бэррет, тот самый юноша, которого уволили ради Р. Сэмми. Он нервно мял в руках свою кепку, и ка его скуластом лице появилось подобие улыбки.

— Здравствуйте, мистер Бейли.

— А, привет, Винс. Как дела?

— Неважно, мистер Бейли.

Он пугливо оглядывался по сторонам.

«Конченый человек, — подумал Бейли, — живой труп… деклассированный».

Внезапно у него пронеслась гневная мысль (он с трудом сдержался, чтобы не выразить ее вслух): «Что ему от меня-то нужно?»

— Мне очень жаль, малыш, — сказал он. Что он мог еще сказать?

— Я все думаю… может, что подвернется.

Норрис придвинулся к Бейли и сказал ему на ухо:

— Кто-то должен положить этому конец. Теперь собираются уволить Чень-ло.

— Что?

— Неужто не слышал?

— Нет. Черт побери, у него же С-3. Десять лет службы за спиной.

— Что верно, то верно. Но его работу может делать машина с ногами. Кто следующий?

Молодой Винс Бэррет не прислушивался к шепоту. Погруженный в свои мысли, он сказал:
— Мистер Бейли?

— Да, Винс?

— Знаете, что говорят? Говорят, Лирана Милейн, танцовщица субэтерикса, вовсе не человек, а робот.

— Глупости.

— Разве? Говорят, будто теперь таких научились делать, что не отличишь от человека: с какой-то особой пластической кожей, что ли.

Бейли вспомнил о Р. Дэниеле и не нашелся, что ответить. Он покачал головой.

— Как вы думаете, — продолжал юноша, — никто не будет против, если я поброжу здесь? Как-никак я здесь когда-то работал.

— Конечно, нет, малыш.

Юноша ушел. Бейли и Норрис проводили его взглядом.

— Пожалуй, медиевисты правы, заметил Норрис.

— Значит, назад к Земле? Ты это имеешь в виду, Фил?

— Что ты! Я говорю о роботах. «Назад к Земле»... Ха! Будущее старушки Земли не имеет границ. Нам не нужны роботы, вот и все.

— Восемь миллиардов людей, а запасы урана иссякают, — проворчал Бейли. — Вот тебе и «не имеет границ».

— Ну и что, что иссякают. Ввозить уран будем. Или откроем новые ядерные процессы. Человеческую мысль не остановишь, Лайдж. Нужно быть оптимистом и верить в наше серое вещество. Изобретательность — наше главное богатство, и ее запасы не истощатся никогда, Лайдж. — Он разошелся вовсю: — Во-первых, можно использовать солнечную энергию, а ее хватит на миллиарды лет. В орбите Меркурия можно построить космические станции — ак-

кумуляторы энергии. На Землю энергия будет передаваться направленным лучом.

Этот проект был не нов для Бейли. Ученые-теоретики носились с этой идеей уже по меньшей мере лет полтораста. Беда в том, что пока не удается послать такой плотный пучок энергии, чтобы он не рассеялся, пройдя расстояние в пятьдесят миллионов миль. Бейли так и сказал.

— Понадобится, сделаем и это, — возразил Норрис. — К чему понапрасну трепать себе нервы?

Бейли представил себе Землю с неисчерпаемыми запасами энергии. Население сможет увеличиваться. Можно расширить дрожжевые фермы, интенсивнее использовать гидропонику. Все упирается только в энергию. Минеральное сырье можно доставлять с необитаемых небесных тел Галактики. А если узким местом станет вода, ее можно будет ввозить со спутников Юпитера. Черт возьми, можно заморозить и вытащить в космос океаны, и они будут кружить вокруг Земли, как маленькие ледяные луны. Всегда рядом, всегда под рукой, а дно океанов можно освоить и заселить. Даже запасы углерода и кислорода можно сохранить и увеличить за счет метановой атмосферы Титана и замороженного кислорода со спутника Урана Умбриеля. Население Земли

может вырасти до одного или двух триллионов. Почему бы и нет? Было время, когда казалось трудным представить, что население достигнет, как нынче, восьми миллиардов. Было время, когда население даже в один миллиард казалось невообразимым. Каждое поколение с медиевальных времен имело своих пророков мальтузианского толка, и их пророчества никогда не сбывались. Но что бы сказал на это Фастольф? Мир в триллион человек? Допустим, только жизнь их будет зависеть от привозного воздуха, и воды, и от энергии, мудреные хранилища которой расположены в пятидесяти миллионах миль отсюда. Как это страшно ненадежно. Земля постоянно будет на волосок от полной катастрофы при малейшем нарушении работы любой части галактического механизма.

— Мне лично кажется, что проще вывезти излишек населения, — сказал Бейли. Это был скорее ответ на картину, которую он вообразил себе, чем на то, что говорил Норрис.

— Да кто нас возьмет? — беспечно, но с горечью сказал Норрис.

— Любая необитаемая планета.

Норрис поднялся, похлопал Бейли по плечу:

— Лайдж, съешь своего цыпленка и приходи в

корму. Не иначе, как ты глотал наркотики. — И он ушел, посмеиваясь.

Бейли смотрел ему вслед, скривив рот в невеселой усмешке. Норрис раструбит об этом повсюду, и их отдельские остряки (а они есть в каждом учреждении) еще не скоро оставят его в покое. Тем не менее он был рад, что Норрис перестал твердить о Винсе, о роботах и о деклассировании. Бейли вздохнул и ковырнул вилкой холодного, вязкого цыпленка. Бейли доел свой рулет, и только тогда Р. Дэниел встал из-за стола, который ему выделили еще утром, и подошел к нему.

Бейли неприязненно взглянул на него:

— Ну что?

— Комиссар отсутствует, и никто не знает, когда он вернется. *Я* предупредил Р. Сэмми, что мы хотим воспользоваться кабинетом комиссара и что, кроме комиссара, он не должен впускать никого.

— Зачем нам понадобился кабинет?

— Чтобы никто не мешал. Вы ведь не станете отрицать, что нам надо обдумать следующий шаг. Я полагаю, вы не намерены прекратить расследование, Илайдж?

Именно эхо и было сокровенным желанием Бейли, в чем, разумеется, признаться он не мог. Он молча поднялся со стула и прошел в кабинет

Эндерби.

— Ну, Дэниел, так в чем дело? — спросил Бейли.

— Вы — телепат? — воскликнул он. Если бы не все эти треволнения, он бы и мысли такой не допустил.

— Нет, разумеется, нет, — ответил Р. Дэниел.

— Тогда какого дьявола вы тол куете о моем психоизлучении? — немного успокоился Бейли.

— Я употребил данное выражение, чтобы описать какое-то ощущение, которое вы скрываете от меня.

— Какое ощущение?

— Это трудно объяснить, Илайдж. Если вы помните, первоначально я был предназначен для изучения психологии человека.

— Да, да, конечно. И вас потом превратили в детектива, снабдив пресловутым контуром справедливости. — Бейли и не старался скрыть свой сарказм.

— Совершенно верно, Илайдж. Однако мое первоначальное назначение также осталось в силе. Меня создали для проведения цереброанализа.

— Для анализа биотоков мозга?

— Вот именно. При наличии соответствующего приемного устройства цереброанализ можно

проводить на расстоянии, не прибегая к помощи электродных контактов. Мой мозги является таким приемником. Разве на Земле не применяется этот метод?

— Что вы узнаете, измеряя биотоки мозга? — поинтересовался он с опаской.

— Конечно, не мысли, Илайдж. Я получаю представление об эмоциях и, главным образом, анализирую темперамент человека, его скрытые побуждения. Так мною было установлено, что комиссар Эндерби не был в состоянии убить человека при тех обстоятельствах, которые преобладали в момент совершения преступления.

— И с него сняли подозрение только на основании ваших выводов?

— Да. Потому что они достаточно достоверны. Я ведь очень точная машина.

Еще одна мысль поразила Бейли.

— Постойте! — воскликнул он. — Значит, комиссар и не подозревал, что его подвергают цереброанализу?

— Мы не хотели задевать его чувств.

— То есть вы просто стояли и смотрели на него. Никакой аппаратуры, никаких электродов: ни самописцев, ни графиков.

— Конечно, нет. Я обхожусь без них.

От злости и досады Бейли до боли закусил нижнюю кубу. Рухнула его последняя надежда нанести космонитам решающий удар. Сначала Р. Дэниел заявил, что комиссара подверши цереброанализу, а часом позже комиссар начисто и как будто вполне искренне отрицал это, сказав, что не знает даже, о чем идет речь. Но если бы с человека, которого подозревают в убийстве, снимали энцефалограмму, да еще с электродами и графиками, он получил бы полное представление о том, что такое цереброанализ. От противоречия, которое сразу же подметил Бейли, не осталось и следа. Комиссар подвергся цереброанализу, не догадываясь о нем. Значит, и робот и комиссар говорили пращу.

— Ну, так что вы узнали обо мне? — не очень деликатно обратился к роботу Бейли.

— Вы обеспокоены.

— Потрясающее открытие, не правда ли? Еще бы не беспокоиться.

— Точнее, ваше беспокойство вызвано столкновением ваших внутренних побуждений. С одной стороны, преданность долгу призывает вас тщательно расследовать заговор землян, преследовавших нас прошлой ночью. Не менее сильное побуждение толкает вас в противоположном

направлении. Именно это мне удалось прочесть в биотоках ваших мозговых клеток.

— К дьяволу мои клетки! — возмутился Бейли. — Я вам скажу, почему нет смысла заниматься этим вашим так называемым заговором. Он не имеет никакого отношения к убийству. Признаться, раньше я думал, что имеет. Вчера в столовой мне показалось, что нам грозит опасность. Но чем это кончилось? Они нас преследовали, мы скрылись, и делу конец. Хорошо организованные и отчаянные люди так себя не ведут. Мой сын без труда разыскал нас, позвонив в управление. Причем он даже не назвал себя. То же самое могли сделать и наши уважаемые заговорщики, погадай они только расправиться с нами.

— По-вашему, они этого не хотят?

— Конечно, нет. Они могли использовать беспорядки у магазина, а вместо этого покорно уступили приказу человека с бластером в руках. Не человеку — роботу, который — и они это хорошо знают — никогда не пустит в ход оружие против людей. Все они — медиевисты, безобидные, малость свихнувшиеся люди. Вы могли этого не знать, но как я опростоволосился? Дело в том, что из-за всей этой кутерьмы я стал рассуждать, как… сентиментальный дурак. Поверьте, я знаю,

что это за люди: мягкие, мечтательные, которым не по душе нынешний образ жизни. Они ищут спасения в идеальном мире прошлого, который они создали в своем воображении. Если бы вы могли подвергнуть своему анализу все это движение, как вы это делаете с отдельными людьми, то сразу бы убедились, что они не более способны на убийство, чем сам Джулиус Эндерби.

— Я не могу поверить вам на слово, — медленно сказал Р. Дэниел.

— То есть как это?

— Вы слишком резко изменили свою точку зрения. Кроме, того в ней есть определенные несоответствия. Вы договорились о встрече с доктором Джерригелом задолго до того, как мы оказались в столовой. В то время вы ничего не знали о моем пищевом мешке, и потому не могли подозревать меня в убийстве. С какой целью тогда вы вызвали доктора Джерригела?

— Я подозревал вас уже тогда.

— А прошлой ночью вы разговаривали во сне?

— Что я говорил? — широко раскрыл глаза Бейли.

— Одно слово — «Джесси», которое вы повторили несколько раз. Я полагаю, вы имели в виду свою жену.

Бейли расслабился и проговорил неуверенно:

— Мне приснился кошмар. Вы знаете, что это такое?

— Не поличному опыту, разумеется. Словарь определяет это, как неприятное сновидение. Сущность последнего я также знаю по словарю. Это — иллюзия реальности, которую вы испытываете при временном выключении сознания, что называется у вас сном.

— Ладно. Идет. Пусть иллюзия. Только иногда эти иллюзии чертовски похожи на жизнь. Ну так вот, мне приснилось, что моя жена оказалась в опасности. Людям часто видятся во сне подобные вещи. Я звал ее. Это тоже случается при определенных обстоятельствах. Можете мне поверить.

— Я охотно вам верю. В связи с этим у меня есть вопрос. Как Джесси узнала, что я робот?

Лоб Бейли снова покрылся капельками пота.

— Опять одно и то же. По слухам, которые…

— Простите, партнер Илайдж, но в городе нет слухов. Если бы они были, весь город сегодня охватило бы волнение. Я проверил все поступившие в управление рапорты: в городе спокойно. Никаких слухов не существует. Поэтому каким образом узнала ваша жена?

— Черт возьми! Куда вы клоните? Уж не думае-

те ли вы, что моя жена является членом…

— Да, Илайдж.

Бейли судорожно сжал руки.

— Ничего подобного, и давайте забудем об этом.

— Это на вас не похоже, Илайдж. Выполняя свой долг, вы дважды обвинили меня в убийстве.

— А теперь вы хотите со мной расквитаться?

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать. Я, разумеется, одобряю вашу готовность подозревать меня. У вас было на это основание. Вы ошиблись, но могли и не ошибиться. Сейчас столь же веские причины подозревать вашу жену.

— В убийстве? Вы с ума сошли, Джесси пальцем никого не тронет. Она бы ни за что не решилась выйти из города. Она никогда… Черт побери, да будь вы сделаны из плоти и крови, я бы…

— Я лишь говорю, что она участник заговора. Я говорю, что ее следует допросить.

— Нет, клянусь вашей жизнью! Клянусь тем, что вы называете своей жизнью! Теперь послушайте меня. Медиевисты не жаждут нашей крови. Это не в их духе. Они просто хотят выжить вас из города. Это точно. И для этого они повели психическую атаку. Они стараются доставить

нам обоим как можно больше неприятностей. Они стараются как можно больше досадить вам, да и мне, раз я с вами. Они могли без труда узнать, что Джесси — моя жена. Их следующий ход — как-то сообщить ей о вас. Джесси такая же, как все люди. Она не любит роботов. Она не хочет, чтобы я имел дел о с роботом, тем более, если ей кажется, что это опасно. А уж опасность они ей, конечно, расписали. И это, представьте, подействовало. Всю ночь Джесси умоляла меня бросить расследование и как-нибудь выдворить вас из города.

— По-видимому, — сказал Р. Дэниел, — вы испытываете сильное желание избавить жену от допроса. Я подозреваю, что вы сами не очень верите в то, что только что пытались мне объяснить.

— Не забывайте, черт вас возьми! — пришел в ярость Бейли. — Вы не детектив. Вы — машина для цереброанализа, вроде тех, что стоят у нас в лаборатории. Вы — машина, хоть у вас есть руки и ноги и вы умеете говорить. А та цепь, которую в вас всадили, ни черта не значит. Все равно вы не детектив, а потому помалкивайте и предоставьте делать выводы мне.

— Мне кажется, будет лучше, если вы немного

понизите голос, — спокойно произнес Р. Дэниел. — Пусть по-вашему я не детектив, тем не менее я бы хотел обратить ваше внимание на одну небольшую деталь.

— Меня это нисколько не интересует.

— И все же прошу меня выслушать. Если я ошибусь, вы меня поправите, и от этого никто не пострадает. Дело в следующем. Вчера вечером вы вышли из комнаты, чтобы позвонить Джесси. Я предложил тогда поручить это вашему сыну. Вы мне сказали, что, по вашим обычаям, отец никогда не станет подвергать жизнь своего сына опасности. Может ли позволить себе это мать?

— Конечно, нет... — начал было Бейли и осекся.

— Вы меня поняли, — сказал Р. Дэниел. — Если бы Джесси хотела предупредить вас о грозящей вам опасности, она бы сделала это сама, а не рисковала жизнью сына, Тот факт, что она все-таки послала Бентли, может означать лишь одно: она боялась за себя, но была уверена в полной безопасности сына. Если бы в заговоре состояли люди, не знакомые Джесси, она бы за себя не опасалась, во всяком случае, у нее не было бы причин для опасений. С другой стороны, будучи членом заговорщической группы, она могла

знать, Илайдж, что за ней станут следить и узнают ее, тогда как Бентли может не обратить на себя внимание.

— Постойте, — сказал Бейли упавшим голосом, — вы хорошо рассуждаете, но…

Бешено замелькавший сигнал на столе комиссара не дал ему закончить свою мысль. Р. Дэниел ждал, что Бейли ответит, но тот лишь беспомощно уставился на сигнал. Р. Дэниел соединил контакт сам.

— В чем дело? — спросил робот.

Громкий, с хрипотцой голос Р. Сэмми ответил:

— Здесь какая-то дама желает поговорить с Лайджем. Я сказал ей, что он занят, но ока не хочет уходить. Она говорит, что ее имя Джесси.

— Пропустите ее, — спокойно ответил Р. Дэниел, и его бесстрастные карие глаза встретились с паническим взглядом Бейли.

Бейли стоял как в столбняке, когда к нему подбежала Джесси и прижалась к нему, обхватив его за плечи. Его побелевшие губы беззвучно произнесли:

— Бентли?

Джесси посмотрела на него и затрясла головой так, что взметнулись ее каштановые волосы.

— С ним все в порядке.

— Так что же ты…

Джесси вдруг разразилась слезами и прерывающимся, чуть слышным голосом сказала:

— Я больше не могу, Лайдж. Я этого не выдержу. Я не ем и не сплю. Я должна тебе все рассказать…

— Не говори ничего, — сказал Бейли с болью в голосе. — Ради бога, не сейчас…

— Я должна. Я такое натворила. Ужасно, Лайдж… — Из-за рыданий ее совсем нельзя было понять..

— Мы здесь не одни, — сказал Бейли безнадежно.

Она подняла голову и безучастно посмотрела на Р. Дэниела. Вполне возможно, что из-за потоков слез, струившихся из ее глаз, она вообще не различала, кто стоит перед ней.

— Добрый день, Джесси, — негромко сказал Р. Дэниел.

Она задохнулась от изумления: — Это… тот робот?

Джесси провела по глазам тыльной стороной ладони и освободилась от обнимавшей ее за плечи руки мужа. Она глубоко вздохнула, и на какое-то мгновение на ее губах возникла дрожащая улыбка.

— Так это вы, да?

— Да, Джесси.

— Вы ведь не против, что я называю вас роботом?

— Нет, Джесси. Я ведь и есть робот.

— А меня можно называть дурой, идиоткой и… и… подрывным агентом. Потому что так оно и есть.

— Джесси! — простонал Бейли.

— Не надо, Лайдж, — сказала она. — Он твой партнер, так что пусть знает. Я больше не могу. *Я* чуть с ума не сошла со вчерашнего дня. Пусть меня бросят в тюрьму. Пусть отправят в самый низ и посадят на сырые дрожжи и воду. Мне безразлично… Ты защитишь меня, Лайдж, правда? Ты не дашь им расправиться со мной? Я боюсь. Я так боюсь…

Она снова громко разрыдалась. Бейли поглаживал ее по плечу и сказал, обращаясь к Р. Дэниелу.

— Она нездорова. Ее надо увезти отсюда. Который час?

— Четырнадцать сорок пять, — ответил робот, не глядя на часы.

— Комиссар может вернуться в любую минуту. Вызовите служебную машину. Мы поговорим в туннеле по дороге домой.

Джесси резко вскинула голову.

— В туннеле? О, не надо, Лайдж!

Он старался говорить как можно мягче и успокаивающе:

— Слушай, Джесси, не надо капризничать. Ведь в таком виде тебе просто нельзя появиться на экспрессе. Будь паинькой и успокойся, а то даже через общую комнату неудобно идти. Я принесу тебе воды.

Она вытерла лицо носовым платком и сказала тосклива:

— О, посмотри на мой грим…

— Не волнуйся ты о гриме. Дэниел, как с машиной?

— Машина ждет нас, партнер Илайдж.

— Пошла, Джесси.

— Подожди, Лайдж. Мне что-то надо сделать с лицом.

— Да неважно это…

— Ну, прошу тебя, — упорствовала она. — Я не могу в таком виде идти через общую комнату. Это займет буквально секунду.

Человек и робот стали ждать: человек при этом нервно сжимал и разжимал кулаки, робот же был бесстрастен.

Джесси рылась в своей сумочке в поисках

нужных ей принадлежностей. (Бейли однажды торжественно заявил, что если и есть на свете нечто такое, что не поддалось усовершенствованию с медиевальных времен, то это дамская сумочка. Потерпела неудачу даже попытка заменить металлическую застежку магнитным замком.) Джесси вынула небольшое зеркальце и косметический набор в серебряной оправе, который Бейли подарил ей на день рождения три года назад. В доме было три миниатюрных распылителя, и она по очереди воспользовалась каждым. Она обращалась с ними с таким изяществом и ловкостью, которыми природа наградила только женщину и которые, казалось, не изменяют ей даже в самые тяжелые минуты, Содержимое первых двух было незаметным для глаз. Первым кладется равный слой основы, от которой кожа становится матовой и гладкой, с легким золотистым оттенком, именно таким — Джесси по опыту знала это, — который больше всего идет естественному цвету ее волос и глаз. Затем надет загара на лоб и подбородок, мягкое прикосновение румян на обе щеки и изящный мазок голубизны на верхнее веко и на мочку уха. Наконец, на губы ровным слоем ложится кармин. Это и есть то единственное видимое

облачко нежно-розового цвета, которое влажно поблескивает в воздухе, но высыхает и темнеет от прикосновения к губам.

— Ну, вот теперь все, — сказала Джесси, несколькими ловкими движениями взбив волосы и изобразив крайнее неудовлетворение своим видом. — Пожалуй, так сойдет.

Вся эта процедура заняла менее четверти минуты. Однако Бейли казалось, что ей конца не будет.

— Пошли, — сказал он.

Она едва успела убрать в сумочку свою косметику, как он тут же подтолкнул ее к двери.

По обе стороны дорога лежала жуткая, плотная тишина.

— Ну так, что, Джесси? — сказал Бейли.

Ее лицо, отчужденно застывшее с тех пор, как они покинули кабинет Эндерби, начало постепенно оживать. Она молча беспомощно переводила взгляд с мужа на робота.

— Ну что же ты, Джесси? Прошу тебя. Ты совершила преступление? Настоящее преступление?

— Преступление? — Она неуверенно покачала головой.

— Возьми себя в руки, Джесси. Не надо истерик. Скажи только «да» или «нет». Ты... — он заколе-

бался, — убила кого-нибудь?

— Ты что, Лайдж Бейли! — Выражение лица Джесси стало возмущенным.

— Да или нет, Джесси?

— Нет, конечно, нет!

У него отлегло от сердца.

— Ты украла что-нибудь? Подделала талон для питания? Кого-нибудь оскорбила? Причинила ущерб городу? Говори же, Джесси!

— Я не сделала ничего особенного. То есть не то, что ты думаешь. — Она оглянулась. — Лайдж, почему мы стоим здесь?

— Мы не тронемся с места, пока ты все не расскажешь. Ну, начинай. Зачем ты пришла к нам?

Бейли встретился со взглядом Р. Дэниела, устремленным на него поверх склоненной головы Джесси.

Джесси заговорила тихим голосом, который становился все громче и уверенней по мере того, как продолжался ее рассказ.

— Всему виной эти медиевисты. Ты-то их знаешь, Лайдж. Они всегда тут как тут и все время болтают. Так было, еще когда я работала помощником диетолога. Помнишь Элизабет Торнбау? Она была медиевисткой и постоянно твердила, что все наши беды из-за стальных городов и что

до их появления все было куда лучше. Я допытывалась, откуда у нее такая уверенность в этом, особенно после того, как встретила тебя, Лайдж (помнишь наши разговоры?), а она ссылалась на эти ролики книгофильмов, что до сих пор ходят по рукам. Ну, знаешь, вроде «Позора городов» того парня… Как там его имя?

— Оргински, — рассеянно сказал Бейли.

— Вот, вот, только большинство из них намного хуже. А когда мы с тобой поженились, она стала страшно ехидничать. Бывало, говорит: «Уж коли ты вышла замуж за полицейского, так станешь, наверное, настоящей городской дамой». Она стала меньше со мной разговаривать, а потом я ушла с работы, и на этом все кончилось. Она рассказывала мне всякую всячину и, наверное, хотела меня поразить, или ей нравилось казаться эффектной и таинственной. Понимаешь, сна была старой девой и так никогда и не вышла замуж. Многие *из* этих медиевистов просто-напросто неудачники. Помнишь, ты как-то говорил, Лайдж, *что* иногда люди сваливают собственные неудачи на общество и требуют переделать города, потому что не могут переделать сами себя.

Бейли вспомнил, но теперь эти самые слова прозвучали для нею как пустуя болтовня.

— Пожалуйста, ближе к делу, Джесси, — ласково сказал он.

— В общем, — продолжала ока, — Лиззи все твердила, что придет день, и люди объединятся. Мол, всему виной космониты, потому что они хотят, чтобы Земля всегда оставалась слабой и деградировала. Это было любимое ее словечко — «деградировать». Посмотрит, бывало, на меню, которые я составляла на неделю, поморщится и скажет: «Деградируем, деградируем». Мы в поварской со см эху умирали, когда Джейн Майерс принималась ее передразнивать. Она говорила — Элизабет, конечно, — что в один прекрасный день мы разделаемся с космонитами, которые стараются всучить нам роботов, чтобы навсегда связать нас с городами. Только она никогда не говорила «роботы»: она называла их — простите Меня, Дэниел — «бездушными чудищами».

— Я не понимаю значения прилагательного, Джесси, — сказал робот, — но тем не менее принимаю ваше извинение. Пожалуйста, продолжайте.

Бейли заерзал на месте. Вот так с ней всегда! Будет ходить вокруг да около, что бы тут ни случилось, каким бы критическим ни было положение.

— Элизабет любила говорить намеками, чтобы создалось впечатление, будто у нее много единомышленников. Бывало, начнет: «На прошлом собрании…», потом остановится и посмотрит на меня так, словно ей и хочется, чтобы я ее расспрашивала, да боится, как бы не попасть из-за меня в беду. Я, конечно, ни о чем не спрашивала. Не хотелось доставлять ей удовольствия. Короче говоря, когда мы поженились, Лайдж, все это прекратилось, пока…

Она замолчала.

— Продолжай же, Джесси, — подгонял ее Бейли.

— Помнишь, Лайдж, как мы с тобой повздорили? Ну, из-за Джезебел?

— Ну и что? — Он даже не сразу сообразил, что Джесси имеет в виду свое имя, а не говорит о ком-то другом.

Он повернулся к Р. Дэниелу и стал машинально оправдываться:

— Джезебел — полное имя Джесси. Она его не любит и не пользуется им.

Р. Дэниел серьезно кивнул, а Бейли подумал: «Господи, и этот еще на мою голову».

— Меня это здорово взволновало, Лайдж, — продолжала Джесси. — В самом деле. Может, это

и глупо, но твои слова не выходили у меня из головы. Ты сказал, что Джезебел была просто консервативной и отстаивала обычаи своих предков против странных обычаев пришельцев. В конце концов, меня тоже звали Джезебел, и я всегда…

Она замялась, подыскивая нужное слово, и Бейли подсказал ей:

— Отождествляла себя с ней?

— Вот-вот, — сказала она, но тут же замотала головой и опустила глаза. — Вернее, нет. Не в прямом смысле. В общем, ты помнишь, за кого я ее принимала. Я такой не была.

— Я знаю, Джесси. Не глупи.

— Я ломала над этим голову и потом решила, что сейчас все происходит так же, как было когда-то. То есть у нас, у землян, были свои старые обычаи, но вот пришли космониты с массой новых обычаев и стали поддерживать то новое, до чего мы как-то добрели сами. Может быть, медиевисты все-таки правы. Может, нам и в самом деле стоит вернуться к старым добрым обычаям. Вот я и вернулась и нашла Элизабет.

— Ну, продолжай.

— Она сказала, что не знает, о чем я говорю, и что к тому же я — жена полицейского. Я возражала, что это, мол, к делу не относится, и наконец,

она согласилась поговорить с кем-то. А через месяц подошла ко мне и говорит, что все, моя, улажено и меня приняли. С тех пор я и хожу на их собрания.

Бейли грустно смотрел на нее.

— И ты не сказала мне ни слова.

— Прости меня, Лайдж, — дрожащим голосом сказала Джесси.

— Слезами горю не поможешь. Расскажи мне о собраниях. Прежде всего, где они проводились?

Им овладело какое-то тупое безразличие. Как ни старался он скрыть его от себя, горькая правда предстала перед ним во всей полноте. В каком-то смысле даже лучше, что с неопределенностью покончено.

— Здесь, — ответила Джесси.

— Здесь? В туннеле? Да ты что?

— Да, в туннеле. Поэтому мне так не хотелось сюда ехать. Правда, для встреч здесь идеальное место. Мы приходили…

— Сколько вас было?

— Трудно сказать. Человек шестьдесят-семьдесят. Сюда приносили раскладные стулья, напитки, еду, кто-нибудь произносил речь, чаще о том, как хорошо жилось прежде им, как мы разделаемся с чудищами, то есть с роботами, да

и с космонитами тоже. И так каждый раз. Всем было скучно, но мы чувствовали себя ужасно важными. Мы давали разные клятвы, выдумывали тайные приветствия.

— И вас ни разу не прерывали? Ни служебные машины, ни пожарники?

— Ни разу.

— Это необычно, Илайдж? — вмешался Р. Дэниел.

— Пожалуй, нет — задумчиво сказал Бейли. — Некоторыми боковыми проездами практически уже давно не пользуются. Правда, найти их мудреная штука… И это все, чем вы занимались на собраниях? Произносили речи да строили из себя конспираторов?

— Иногда еще пели песни. И, конечно, закусывали сандвичами, сок пили…

— В таком случае, — зло произнес Бейли, — чего ты устроила истерику?

Джесси заморгала глазами.

— Не сердись, Лайдж.

— Пожалуйста, — с необычным терпением настаивая Бейли, — ответь на мой вопрос. Если все так безобидно, как ты говоришь, почему ты вдруг ударилась в панику?

— Я боялась за тебя, Лайдж. Почему ты не хо-

чешь меня понять? Я ведь объяснила тебе…

— Нет, Джесси. Пока ты еще ничего не объяснила. Ты рассказала о ваших секретных сборищах с болтовней и песнопениями. А открытые демонстрации вы устраивали? Учиняли расправу над роботами? Устраивали беспорядки? Убивали людей?

— Никогда! Лайдж, да я бы сразу порвала с ними, как ты не понимаешь!

— В чем же тогда твое преступление? Почему ты завела речь о тюрьме?

— Дело в том… В общем, нам говорили, что когда-нибудь мы окажем давление на правительство. Мы организуем огромные забастовки, прекратим работать и вынудим правительство запретить роботов, а космонитов заставим убраться восвояси. Я подумала, что дальше разговоров дело не пойдет, ко потом произошла эта история с тобой и Р. Дэниелом. И вот теперь в туалетной я услышала: «Пора переходить к действиям», и еще: «Надо проучить их как следует, надо сейчас же остановить вторжение роботов». Они не знали, что речь идет о тебе. А я сразу это поняла.

Ее голос прервался.

— Ну, успокойся, — сказал Бейли уже не так

строго, — ты же видишь: ничего не произошло. Все это одна болтовня.

— Я так ис… испугалась. Я подумала, что если начнут убивать и громить, то могут убить тебя с Бентли. И что все это из-за меня, а потому меня надо посадить в тюрьму.

Бейли дал ей выплакаться. Он нежно прижал ее к себе и, стиснув губы, вызывающе посмотрел на Р. Дэниела, который ответил ему невозмутимым взглядом.

— Ну, а теперь, Джесси, постарайся вспомнить, кто был во главе вашей группы?

Она понемногу приходила в себя и время от времени прикладывала к глазам мокрый от слез носовой платок.

— Его зовут Джозеф Клемин. Он очень маленького роста и ничего собой не представляет. Совершенно затюканный, безобидный человек. Ты ведь не арестуешь его, правда, Лайдж? Только потому, что я сказала? — Она виновато посмотрела на мужа.

— Пока я не собираюсь никого арестовывать. Как он получал инструкции?

— Не знаю.

— На собраниях появлялись какие-то незнакомые тебе люди? Я имею в виду ваших деятелей

из Центра.

— Иногда, раз или два в год, но их никогда не называли по имени. Просто говорили, это мол, один из наших, и все.

— Ясно. Дэниел!

— Да, Илайдж? — отозвался Р. Дэниел.

— Опишите людей, которых вы подозреваете. Может быть, Джесси узнает кого-нибудь.

По мере того как Р. Дэниел с присущим ему педантизмом перечислял подозреваемых, подробно характеризуя каждого из них, на лице Джесси все отчетливее появлялось выражение отчаяния. Наконец она замотала головой:

— Не надо, хватит, не помню я никого! Ни одного…

Она немного помолчала, будто задумавшись. Потом спросила:

— Вы сказали, что один из них работает на дрожжевой ферме?

— Фрэнсис Клусарр, — ответил Р. Дэниел, — служащий «Нью-Йорк Йист».

— Понимаете, однажды я сидела в первом ряду. И от выступавшего на меня пахнуло запахом сырых дрожжей. Я запомнила это потому, что чувствовала себя неважно, а тут мне чуть не стало плохо. Пришлось даже перейти в задние ряды.

Было так неловко. Может, это и есть тот человек? Ведь когда работаешь с дрожжами постоянно, их запах насквозь пропитывает одежду.

— А ты не помнишь его лицо? — спросил Лайдж.

— Нет, — без колебания ответила Джесси.

— Ну хорошо, Сейчас, Джесси, я отвезу тебя к твоей матери. Бентли уже там. Без моего ведома никуда не отлучайтесь. Бен пусть не ходит пока в школу. Я договорюсь, чтобы вам приносили еду на дом. Все подступы к квартире будут под наблюдением полиции.

— А как ты? — заволновалась Джесси.

— Я буду в безопасном месте.

— Долго это будет продолжаться?

— Не знаю. Может, день или два. — Он почувствовал, как неубедительно прозвучали его слова.

Бейли и Р. Дэниел снова ехали по автотуннелю, но на этот раз без Джесси.

— Мне кажется, — прервал Бейли свои невеселые мысли, — что структура этой организации такова: внизу — основная масса ее членов. У них нет никакой программы; главная их задача — поддержать переворот, когда придет время. Ими руководит немногочисленная верхушка, имею-

щая четко выработанную программу действий. Ее-то мы и должны обнаружить, опереточными заговорщиками, о которых говорила Джесси, можно пренебречь.

— Это звучит логично, — заметил Р. Дэниел, — если принять на веру то, что рассказала Джесси.

— Я думаю, в правдивости ее рассказа сомневаться не приходится, — жестко сказал Бейли.

— Возможно. Мозговые импульсы Джесси не указывают на наличие у нее патологической склонности ко лжи.

Бейли бросил на робота оскорбленный взгляд.

— Этого еще не хватало! И вообще в рапортах не следует упоминать ее имя. Вы меня поняли?

— Если вам так угодно, партнер Илайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел, — но тогда наш рапорт не будет ни точным, ни полным.

— Ну и что из того? Она пришла к нам по своей воле и откровенно все рассказала. Если мы о ней напишем, она будет на учете полиции, а мне бы этого совсем не хотелось.

— Хорошо, я согласен, при условии, что нам не нужно больше ничего выяснять.

— Что касается ее — ничего. Ручаюсь.

— В таком случае не объясните ли вы, почему слово «Джезебел», почему сочетание этих звуков,

заставило ее забыть свои прежние убеждения ради новых? Неясна мотивировка.

Они медленно ехали по пустому, извилистому туннелю.

— Это трудно объяснить. Джезебел — редкое имя. Когда-то оно принадлежало женщине с очень плохой репутацией. Моя жена весьма дорожила этим. Это имя как бы бросало на нее тень порочности и вознаграждала за всю ее добропорядочную жизнь.

— Зачем уважающей закон женщине чувствовать себя порочной?

Бейли едва не улыбнулся.

— Женщина есть женщина, Дэниел. В общем, я поступил очень глупо. Я вышел из себя и стал доказывать, что библейская Джезебел вовсе не была такой уж порочной и что, пожалуй, она была хорошей женой. Я никогда себе этого не прощу. Джесси ужасно расстроилась, — продолжал он. — Сам того не сознавая, я погубил то, что было ей очень дорого. И она, вероятно, решила отплатить мне. У нее, видимо, появилось желание сделать что-то назло мне, и она вступила в эту организацию. Я бы не сказал, что ее желание было осознанным.

— Может ли желание быть осознанным? Нет

ли здесь противоречия в терминах?

Бейли молча смотрел на Р. Дэниела, даже не пытаясь объяснить ему, что такое подсознательное мышление. Затем он сказал:

— К тому же на ум и чувства человека очень влияет библия?

— Что такое библия?

Бейли было удивился, но затем вспомнил, что космониты исповедуют механическую философию, а Р. Дэниел может знать только то, что знают они, ни словом больше.

Он сказал отрывисто:

— Это священная книга у почти половины населения Земли.

— Я не понимаю значения прилагательного в этой фразе.

— Это значит, что ее высоко чтут. Различные ее части при правильном толковании содержат в себе правила поведения. Многие считают, что, следуя им, человечество достигнет всеобщего счастья.

Р. Дэниел, казалось, задумался над этим:

— Входят ли эти правила в ваши законы?

— Боюсь, что нет. Их нельзя насаждать законодательным порядком. Каждый человек сам по себе должен чувствовать сильную внутреннюю

потребность соблюдать их. В каком-то смысле они стоят над любым законом.

— Над законом? Нет ли противоречия в терминах?

Бейли криво улыбнулся. — Хотите, я расскажу вам кое-что из библии? Думаю, вам будет интересно.

— Пожалуйста.

— Машина медленно катилась по инерции и наконец остановилась. Некоторое время Бейли сидел с закрытыми глазами, вспоминая притчу. Потом он рассказал библейскую притчу об Иисусе Христе и виновной женщине, которую хотели повесть камнями. На вопрос о том, как поступить с этой женщиной, Христос ответил обвинителям: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Никто не мог это сделать, и все разошлись.

Притча заканчивалась следующими словами:

«Иисус, не видя никого, кроме женщины, спросил: „Женщина] Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?“

Она отвечала: „Никто“.

Он сказал: „И я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши“.

Р. Дэниел внимательно слушал.

— И та женщина была виновной?

— Да, была.

— Тогда почему же ее не побили камнями?

— После слов Иисуса никто из обвинителей не мог решиться на это. Смысл рассказа в том, чтобы показать, что существует нечто даже более возвышенное, чем понятия о справедливости, которые ты усвоил. Например, человеческое побуждение, называемое жалостью; человеческий поступок, называемый прощением.

— *Я* не знаком с этими понятиями, Илайдж.

— Я знаю, — проворчал Бейли. — Я знаю.

Он рывком тронул машину с места, и она с бешеной скоростью понеслась вперед. Бейли прижало к подушкам сиденья.

— Куда мы едем? — спросил Р. Дэниел.

— В Йист-таун — дрожжевой город, — бросил Бейли. — Чтобы вытрясти правду из этого заговорщика Фрэнсиса Клусарра.

— Вы сумеете это сделать, Илайдж?

— А я и не собираюсь. Это сделаете вы, Дэниел. Причем весьма просто.

Машина прибавила скорость.

Бейли почувствовал приближение Йист-тауна по специфическому запаху, который усиливался с каждой минутой. Он не был ему противен, как некоторым; Джесси, например. Пожалуй, он даже

нравился ему. Стоило запаху сырых дрожжей донестись до него, как алхимия чувств отбрасывала его более чем на тридцать лет назад. Ему снова было десять, и он гостил у дяди Бориса, работавшего на дрожжевой ферме. У дяди Бориса дома всегда был небольшой запас дрожжевых сластей: мелкое печенье, конфеты со сладкой тягучей начинкой и другие, твердые, — фигурки собачек и мошек. Несмотря на свой возраст, он понимал, что у дяди Бориса от не для того, чтобы раздавать бесплатно, и всегда потихоньку уплетал сласти, повернувшись ко всем спиной. От этого они казались еще вкуснее. Бедный дядя Борис! Он погиб от несчастного случая. Мальчику так и не рассказали, как это случилось, и он горько плакал, ибо решил, что дядю арестовали за то, что он уносил дрожжи с фабрики. Он боялся, что его тоже арестуют и накажут. Много лет спустя он внимательно просмотрел полицейский архив и узнал правду. Дядя Борис попал под гусеницы транспортера. Так буднично завершился этот миф. Но все же при малейшем запахе дрожжей он неизменно возникал у него в голове, пусть на самое короткое мгновение.

Йист-таун — Дрожжевой город… Официальное Нью-Йорке нет района с таким названием. Его не

найдешь ни в справочнике, ни на карте. То, что горожане зовут Йист-тауном, в почтовом ведомстве числится как округи Нью-Арк, Нью-Брунсвик и Тронтон. Большая часть это огромного пространства, за исключением нескольких жилых секторов, занята многоэтажными дрожжевыми фермами, где растут и размножаются сотни разнообразных дрожжевых культур. Здесь трудится пятая часть населения города. Столько же народу работает в смежных отраслях.

Горы древесины и сырой целлюлозы, которые поступают из дремучих лесов Аллеген и перерабатываются в громадных чанах с кислотой в глюкозу; тысячи тонн селитры и фосфатов, необходимых для процесса; бесчисленные контейнеры с органическими веществами из химических лабораторий — все это нужно, чтобы получить только один продукт — дрожжи, как можно больше дрожжей. Без них шесть из восьми миллиардов землян через год страдали бы от голода. Бейли похолодел от этой мысли. Такая возможность существовала и три дня назад, но подобная мысль тогда просто не пришла бы ему в голову.

Машина выскочила из туннеля на окраины Нью-Арка. Вид малонаселенных улиц, с обеих

сторон сжатых слепыми блохами дрожжевых ферм не радовали глаз.

— Который час, Дэниел? — спросил Бейли.

— Шестнадцать часов пять минут, — ответил Р. Дэниел.

— Если он в дневной смене, мы его застанем.

Бейли поставил машину в проеме одной из стен и выключил двигатель.

— Так это и есть „Нью-Йорк Йист“, Илайдж? — спросил робот.

— Да. Часть ее.

Они пошли по коридору между двумя рядами служебных помещений и оказались лицом к лицу с улыбающейся секретаршей.

— Кого вы хотели бы увидеть? — вежливо спросила она.

Бейли показал ей свое удостоверение.

— Полиция, — пояснил он. — У вас в „Нью-Йорк Йист“ должен работать некий Фрэнсис Клусарр.

— Одну минутку. Я проверю. — Девушка была явно обеспокоена.

Она нажала кнопку селектора, под которой значилось „Отдел кадров“, и, хотя губы ее двигались, артикулируя какие-то слова, вслух она их не произносила.

Бейли не впервые встречался с ларингофоном,

который преобразовывал в слова малозаметные движения гортани.

— Говорите вслух, пожалуйста. Мне нужно вас слышать.

— ..и говорит, что он из полиции, сэр, — тотчас же донеслось до него.

Появился смуглый, хорошо одетый человек. У него были небольшие усики и редеющая шевелюра.

Приятно улыбаясь, человек представился: — Я — Прескотт из отдела кадров. Чем могу быть вам полезен, инспектор?

Бейли холодно посмотрел на него, и его улыбка стала напряженной.

— Мне бы не хотелось волновать рабочих, — извиняющимся тоном произнес Прескотт, — они не очень-то жалуют полицию.

— Ничего не поделаешь, — остановил его Бейли. — Клусарр сейчас работает?

— Да, инспектор.

— В таком случае, дайте мне поводок. И если Клусарра не окажется на месте, нам придется разговаривать при других обстоятельствах.

Прескотту стало не до улыбок. Он пробормотал:

— Сию минуту, инспектор.

„Поводок“ был настроен на вторую секцию отдела ЦГ. Бейли понятия не имел о значении этих слов, да его это и не интересовало. Он знал, что „поводок“ приведет его туда, куда нужно. Этот оригинальный маленький аппарат легко помещается в ладони и обладает способностью быстро нагреваться или охлаждаться в зависимости от того, идете вы в правильном направлении или отклоняетесь от него. Чем ближе вы к цели, тем теплее становится „поводок“. Для новичка „поводок“ с его едва заметными колебаниями температуры почти бесполезен: горожане же все, за малым исключением, прекрасно справляются с ним. Испокон веков дети увлекаются игрой в прятки с игрушечными „поводками“ в коридорах школьного горизонта. („Поводок, поводок, приведи в уголок“. „Горячо, горячей. Поводок всех умней“.)

Издавна привыкший им пользоваться, Бейли без труда нашел правильный путь среди лабиринта каких-то громоздких сооружений. Когда через несколько минут он оказался в большой, ярко освещенной комнате, „поводок“ нагрелся до предела.

— Фрэнсис Клусарр здесь? — спросил Бейли у ближайшего к нему рабочего.

Тот кивком головы показал ему на человека в другом конце комнаты, который встал со своего места и начал снимать с себя передник. Он был среднего роста, с молодым, хотя и в глубоких морщинах лицом и начинающими седеть волосами. У него были большие узловатые руки, которые он не торопясь вытирал селлетексовым полотенцем.

— Я Фрэнсис Клусарр, — сказал он.

Бейли бросил взгляд на Р. Дэниела. Робот кивнул.

— О'кей, — сказал Бейли. — Где мы сможем поговорить?

— Место-то найдется, медленно ответил Клусарр, — да вот только смена у меня кончается. Может быть, завтра?

— От сегодня до завтра пройдет слишком много времени. Давайте-ка лучше сейчас, — возразил Бейли и протянул ему свое удостоверение.

Руки Клусарра не дрогнули, он продолжал методично вытирать палец за пальцем.

— Не знаю, как у вас в полиции, — холодно сказал он, — но здесь нам дают на еду три четверти часа, и ни минуты больше. С 17.00 до 17.45. Не хочешь, не ешь совсем.

— Не беспокойтесь, — настаивал Бейли. — Я

попрошу, чтобы вам принесли сюда.

— Так, так, — невесело сказал Клусарр. — Прямо как аристократу или полицейскому чину. А что еще? Может, отдельную ванну примем?

— Отвечайте на вопросы, Клусарр, — сухо ответил Бейли, — а шуточки приберегите для своей подружки. Так куда мы пойдем?

— Если хотите, пошли в весовую. Вас это устраивает? Только мне не о чем с вами говорить.

Весовая представляла собой квадратную, снежно-белую комнату, с лучшей, чем в соседнем зале, вентиляцией. Вдоль стен под стеклянными колпаками стояли ряды тонких электронных весов с электронными манипуляторами. В колледже Бейли пользовался более простыми моделями. На одной из них, которую Бейли узнал, можно взвесить даже миллиард атомов.

— Мне кажется, здесь нам не помещают, — заметил Клусарр, когда они вошли в комнату.

Бейли что-то буркнул в ответ и повернулся к Р. Дэниелу:

— Пожалуйста, пойдите и распорядитесь насчет обеда. И подождите снаружи, пока его не принесут.

Когда Р. Дэниел вышел, он обратился к Клусарру:

— Вы химик по профессии?

— С вашего позволения, я зимолог.

— Разве это не одно и то же?

Клусарр высокомерно взглянул на него.

— Химики только и возятся со своими вонючими реактивами, а от нас, зимологов, зависит жизнь нескольких миллиардов людей. Я — специалист по дрожжевым культурам.

— Ну ладно, ладно, — согласился Бейли.

Но Клусарра нельзя было остановить:

— Эта лаборатория обслуживает всю компанию „Нью-Йорк Йист“. Каждый час, каждый день мы, как проклятые, выращиваем для нее сотни дрожжевых штаммов. Мы исследуем и изменяем их питательные свойства. Мы следим за их ростом. Мы меняем их генетику, создаем новые штаммы, размножаем их, выделяем нужные нам свойства, а потом снова скрещиваем их. Когда несколько лет назад в Нью-Йорке начала появляться масса клубники, это была не клубника, парень. То была особая сахаристая дрожжевая культура естественного клубничного цвета с ничтожной добавкой ароматических веществ. И мы создали ее здесь, в этой комнате. Двадцать лет назад Saccharomyces olei Benedictae был всего лишь бесполезным штаммом с мерзким привкусом

сала. Он до сих пор отдает салом, но содержание в нем жира увеличено с 15 до 87 процентов. Если сегодня вы пользовались экспрессом, то знайте, что вся его смазка — это S.O.Benedictae, штамм АГ-7. Создан здесь, в этой самой комнате… так что я не химик, а зимолог.

Бейли невольно отступил перед бурным натиском собеседника.

— Где вы были вчера вечером между шестью и восемью? — резко спросил он.

Клусарр пожал плечами.

— Прогуливался. Я люблю погулять немного после обода.

— Вы были в гостях или ходили в субэтерикс?

— Нет. Просто гулял.

Бейли поджал губы. Посещение субэтерикса можно было бы проверить по отметке в абонементе Клусарра; встреча же с друзьями повлекла бы за собой очную ставку.

— Значит, вас никто не видел?

— Может быть, кто-нибудь и видел, я не знаю. Во всяком случае, знакомые мне не попадались.

— А чем вы занимались накануне вечером?

— Тем же самым.

— Значит, вы не можете представить алиби?

— Соверши я преступление, инспектор, я бы

позаботился о нем. Для чего мне алиби?

Бейли промолчал. Он заглянул в свою записную книжку.

— Вы уже однажды привлекались к суду. За подстрекательство к бунту.

— Ну и что? Меня толкнул какой-то робот, а я сделал ему подножку. Это, по-вашему, подстрекательство?

— Суд пришел именно к такому выводу. Вас признали виновным и оштрафовали.

— Ну и дело с концом. Или вы хотите оштрафовать меня снова?

— Два дня назад у обувного магазина в Бронксе чуть было не вспыхнул бунт. Вас там видели.

— Кто?

Бейли оставил этот вопрос без ответа.

— В то время у вас был перерыв на ужин. Вы ужинали позавчера вечером?

Клусарр замялся, затем покачал головой.

— Расстройство желудка. Бывает иногда из-за дрожжей. Даже если давно имеешь с ними дело.

— Вчера вечером начались беспорядки в Уильямсбурге, и вас там видели тоже.

— Кто?

— Вы отрицаете, что были в обоих местах?

— Мне просто нечего отрицать. Скажите мне,

где точно все это происходило и кто говорит, что видел меня?

Бейли не сводил глаз с зимолога.

— Не прикидывайтесь, вы знаете, о чем речь. Мне думается, вы один из руководителей тайной медиевистской организации.

— Я не могу запретить вам думать, инспектор. Но это не может служить доказательством, что вам, вероятно, тоже известно, — сказал Клусарр насмешливо.

— Вероятно, — ответил Бейли с каменным выражением лица. — Но я заставлю вас признаться. И сделаю это сию же минуту.

Бейли подошел к двери и выглянул наружу. Неподалеку недвижно стоял Р. Дэниел.

— Принесли ужин Клусарра?

— Еще нет.

— Внесите его, хорошо, Дэниел?

Спустя несколько минут в комнате показался Р. Дэниел с металлическим, разделенным на секции подносом в руках.

— Поставьте его перед мистером Клусарром, Дэниел, — приказал Бейли.

Он сел на табурет у стены, закинул ногу на ногу и слегка покачивал кончиком ботинка. Он заметил, как Клусарр резко отстранился от робота,

когда тот наклонился, чтобы поставить поднос на табурет возле зимолога.

— Мистер Клусарр, — сказал Бейли, — познакомьтесь с моим помощником Дэниелом Оливо.

Р. Дэниел протянул руку со словами:

— Здравствуйте, Фрэнсис.

Клусарр не сказал ни слова. Он не попытался пожать протянутую ему руку. Р. Дэниел же не опускал ее, и лицо Клусарра стало краснеть.

— Вы невежливы, мистер Клусарр, — мягко заметил Бейли. — Или вы считаете зазорным пожать руку полицейскому?

Клусарр пробормотал:

— Простите, но я голоден.

Он вынул складную вилку и сел, не сводя глаз с подноса.

— Дэниел, мне кажется, наш друг обижен на ваше холодное обращение, — продолжал Бейли. — Вы ведь на него не сердитесь, не так ли?

— Конечно, нет, Илайдж, — сказал Р. Дэниел.

— Тогда докажите это на деле. Обнимите его за плечи.

— С удовольствием, — сказал Р. Дэниел и сделал шаг вперед.

Клусарр положил вилку:

— В чем дело? Что здесь происходит?

Нисколько не обескураженный этим, Р. Дэниел попытался дотронуться до его плеча. Клусарр отшатнулся от него, отбросив в сторону руку Р. Дэниела.

— Какого черта, не прикасайся ко мне!

Он вскочил на ноги, задев при этом табурет, и поднос с едой с грохотом повалился на пол. Бейли коротко кивнул Р. Дэниелу, и тот снова попытался приблизиться к отступавшему от него зимологу. Бейли встал перед дверью.

— Уберите от меня эту гадость! — завопил Клусарр.

— Ну как вам не совестно! — невозмутимо сказал Бейли. — Ведь этот человек — мой напарник.

— Какой он человек! Это проклятый робот! — закричал пронзительно Клусарр.

— Отойдите от него, Дэниел, — тотчас же приказал Бейли.

Р. Дэниел молча стал у двери позади Бейли, напротив которого, сжав кулаки, стоял возбужденный Клусарр.

— Отлично, умник, — сказал Бейли. — Почему вы решили, что Дэниел робот?

— Каждому видно!

— Предоставим это решать судье. Тем временем мы отправим вас в полицию. Нам нужно

выяснить, как вы узнали, что он робот. И многое другое, мистер, многое другое. Дэниел, пойдите свяжитесь с комиссаром. Он должен быть дома. Попросите его сейчас же прибыть в управление. Скажите, что мы задержали одного парня, которого надо немедленно допросить.

— Что вами движет, Клусарр? — спросил Бейли, когда Р. Дэниел вышел из комнаты.

— Я требую адвоката.

— Вы его получите. А пока лучше расскажите, к чему вы, медиевисты, стремитесь.

Клусарр отвернулся, храня решительное молчание.

— Да, нам известно все о вас, и о вашей организации. Я не беру вас на пушку. Мне просто самому хочется услышать, что же вам, медиевистам, нужно?

— Назад к Земле, — сдавленным голосом сказал Клусарр. — Просто, не так ли?

— Просто на словах, — возразил Бейли. — Труднее на деле. Сумеет ли Земля прокормить восемь миллиардов ртов?

— Разве я сказал, что это произойдет в один день? Или за год? Или же за сотню лет? Шаг за шагом, мистер полисмен. Неважно, сколько времени это займет, пусть только нас выпустят из

пещер, в которых мы живем. Пусть нам дадут выйти на свежий воздух…

— А вам самому доводилось побывать там хоть раз?

Клусарр съежился.

— Ладно, меня уж не переделаешь. Но дети-то еще не испорчены. Каждый день новые рождаются. Выпустите их наружу, черт возьми! Пусть у них будет простор, и воздух, и солнце. А если нужно, мы готовы постепенно сократить население.

— Другими словами, назад, в невозможнее прошлое, да? — Бейли сам не понимал, почему спорит, и лишь ощущал какое-то лихорадочное возбуждение, — Разве нет пути вперед? Зачем сокращать население? Ведь его можно вывезти на другие планеты. „Назад к природе“! Хорошо. Но к природе других планет! Осваивайте их!

Клусарр хрипло рассмеялся:

— Для чего? Чтобы появились новые Внешние Миры? Чтобы стало больше космонитов?

— Ничего подобного. Внешние Миры основаны людьми, не знавшими стальных городов, землянами, которые были индивидуалистами и материалистами. Этими качествами они обладали в избытке. Мы же довели до абсурда нашу зависимость друг от друга, нашу модернизацию.

Соединение того и другого на новой основе может привести к появлению совершенно необычной цивилизации, не похожей ни на древнюю Землю, ни на Внешние Миры. Что-то новое и хорошее.

Бейли сознавал, что, как попугай, повторяет доводы доктора Фастольфа, однако слова лились у него сами собой, будто он давным-давно обдумал все это.

— Глупости! — воскликнул Клусарр. — Какой дурак согласится оставить обжитое место ради пустых миров?

— Согласятся многие. И они вовсе не будут дураками. Им помогут роботы.

— Никогда! — снова вспыхнул Клусарр. — Роботы — ни за что на свете!

— Почему, ради всего святого? Я тоже их не люблю, но жизнь мне дороже всяких предрассудков, — убеждал Бейли. — Почему мы боимся роботов? Все дело, скажу я вам, в нашем комплексе неполноценности. Мы все чувствуем себя ниже космонитов и ненавидим это чувство. А нам нужно хоть в чем-то кого-то превосходить, и нас бесит, что мы не можем позволить себе это даже в отношении роботов. Нам кажется, что они лучше нас, только это неверно. Вот в чем ирония, черт возьми! — Бейли испытывал необычайное

возбуждение. — Возьмите этого Дэниела, с которым я пробыл больше двух дней, — продолжал он. — Он выше меня ростом, сильнее и интереснее, чем я. В общем, похож на космонита. У него память лучше, и знает он больше моего. Ему не нужно ни спать, ни есть. Его не тревожат ни болезни, ни паника, ни любовь, ни чувство вины. Но все-таки он — машина. Я могу сделать с ним все, что захочу. Как с этими микровесами. Вот я ударил по ним, и они не могут дать мне сдачи. Не сделает этого и Дэниел. Я могу заставить его прикончить себя бластером, и он подчинится. Нельзя построить робота, который мог хотя бы сравниться с человеком в том, что нам дороже всего. Мы не можем наделить робота чувством прекрасного, сознанием эстетических и религиозных ценностей. Его позитронный мозг не в силах ни на йоту оторваться от совершенного практицизма. Мы не можем сделать такого робота, черт его побери, не можем! И не сможем до тех пор, пока сами до конца не разберемся, отчего тикает наш собственный мозг. Пока существуют непонятные для науки явления. Что такое красота, любовь, доброта, искусство, наконец? Мы вечно топчемся на грани неизведанного и попытаемся понять то, что недоступно пониманию. Именно

это и делает нас людьми! Мозг же робота мыслит законченными категориями. Он рассчитывается до последнего десятичного знака и имеет конец. Создать иной мозг пока невозможно. Так чего же вы боитесь, черт побери! Робот может принять обличье человека, быть красивым, как бог, но он не больше человек, чем кусок дерева. Неужто вы не понимаете этого?

Клусарр пытался несколько раз прервать поток красноречия детектива, но безуспешно. А теперь, когда Бейли замолчал, он тихо сказал:

— Полицейский превратился в философа. Ну и дела…

В комнату вошел Р. Дэниел.

Бейли хмуро взглянул на него, отчасти потому» что еще не совсем остыл, отчасти из-за новой волны раздражения.

— Почему вы задержались? — спросил он.

— Я разыскивал комиссара Эндерби, Илайдж. Оказалось, что он до сих пор находится в Управлении у себя в кабинете.

Бейли взглянул на часы. — Как так? Почему?

— Там произошли неприятности. В Полицейском управлении обнаружен труп.

— Не может быть! Ради бога, чей?

— Рассыльного Р. Сэмми.

Бейли помолчал, а потом со злостью заметил:

— Вы, кажется, сказали «труп»?

— Извините, обнаружен робот с полностью деактивированным мозгом, — поправился Р. Дэниел.

Клусарр неожиданно разразился смехом. Бейли повернулся к нему и мрачно предупредил:

— Держите язык за зубами. Слышите?

Он подчеркнутым движением отстегнул ремешок бластера. Клусарр хранил полное молчание.

— Ну и что такого? — обернулся Бейли к роботу. — Р. Сэмми отдал концы. Велика важность.

— Комиссар Эндерби не сказал это прямо, Илайдж, но у меня создалось впечатление, что комиссар считает, что кто-то умышленно деактивировал мозг Р. Сэмми.

И так как Бейли не отозвался на это сообщение, Р. Дэниел добавил серьезно:

— Или, если хотите, убил его.

Бейли застегнул ремешок бластера, но не отнимал руки от приклада.

— Идите к выходу «Б» семнадцатой улицы, — приказал он Клусарру.

— Я так и не поел, — пожаловался Клусарр.

— Не надо было швырять еду на пол, — нетерпеливо отозвался Бейли.

— Но мне положен обед.

— В тюрьме вас накормят. А если разок и не поедите, то с голоду не помрете. Ну, пошли!

Все трое стали молча пробираться по запутанным коридорам здания «Нью-Йорк Йист». Клусарр вышагивал впереди, за ним следовал Бейли; замыкал шествие Р. Дэниел. После того, как Бейли и Р. Дэниел отметились в приемной, а Клусарр оформил увольнительную и попросил прибрать весовую, они вышли наружу к машине Бейли. И тут Клусарр неожиданно остановился, шагнул к Р. Дэниелу и, развернувшись, едва не влепил роботу сильнейшую пощечину.

— Какого черта! — Бейли рванулся к Клусарру и крепко обхватил его.

Клусарр не оказывал никакого сопротивления.

— Все в порядке. Я не убегу. Просто хотел проверить ваши слова. — Он насмешливо улыбался.

Р. Дэниел увернулся от удара, и хотя рука Клусарра все же задела его по щеке, следов пощечины на ней не было видно. Он спокойно посмотрел Клусарру прямо в глаза.

— Вы поступили опрометчиво, Фрэнсис, — заметил он. — Если бы я не отклонился, вы бы могли повредить себе руку. Во всяком случае, я сожалею, что причинил вам боль.

Клусарр рассмеялся.

— Садитесь в машину, Клусарр. И вы тоже, Дэниел. Сядьте рядом с ним на заднее сиденье, да смотрите, чтобы он не шелохнулся. Даже если это будет стоить ему сломанной руки. Это — приказ.

— А как же Первый Закон? — издевался Клусарр.

— У Дэниела хватит сил и сноровки вовремя остановить вас, не причинив вам вреда. Впрочем, если бы при этом он покалечил вас немного, это пошло бы вам на пользу.

Бейли сел за руль, и машина начала набирать скорость. Упругий ветер встрепал волосы Бейли и Клусарра; гладкая же прическа Р. Дэниела не пострадала.

— Мистер Клусарр, почему вы боитесь роботов? Из опасения потерять работу? — негромким голосом спросил Р. Дэниел.

Бейли не мог обернуться, чтобы увидеть выражение лица Клусарра, но был уверен, что на нем должно быть написано крайнее отвращение и что Клусарр сидит в напряженной позе, отодвинувшись как можно дальше от Р. Дэниела.

— Боюсь не только за себя, а за своих детей. За судьбу всех детей, — послышался голос Клусарра.

— Можно принять надлежащие меры, — сказал робот. — Если бы вы согласились, например, готовить детей к эмиграции…

— Так вот оно что? — прервал его Клусарр. — То-то полицейский толкует об эмиграции. Оказывается, его натаскали роботы. А может, он и сам робот?

— Эй ты, не увлекайся! — крикнул на него Бейли.

Р. Дэниел сказал ровным голосом:

— Школа подготовки для эмиграции гарантировала бы вам безопасность, определенный класс и карьеру. Если вы заботитесь о своих детях, вам следует обдумать эту возможность.

— Не нужны мне никакие подачки ни от роботов, ни от космонитов, ни от дрессированных гиен из правительства.

Бее трое снова погрузились в тишину автотуннеля, нарушаемую лишь ровным урчанием мотора да шелестом шин по мостовой.

В Полицейском управлении Бейли выписал ордер на арест и оставил Клусарра на попечение соответствующих лиц. Затем он вместе с Р. Дэниелом поднялся по мотоспирали на верхние этажи управления. Р. Дэниел нисколько не удивился тому, что они не воспользовались лифтами,

впрочем, Бейли и не ожидал увидеть на его лице признаков удивления, Он уже начал привыкать как к поразительным способностям робота, так и к его смирению, и потому перестал принимать в расчет его чувства. Конечно, логичнее всего было бы на скоростном лифте покрыть расстояние, отделяющее сектор предварительного заключения от штаба управления. Тем более, что эскалатором, носившим название мотоспирали, обычно пользуются, чтобы подняться на два, самое большее на три этажа. Чиновники самых различных рангов то и дело входили и сходили с эскалатора, оставаясь на нем около минуты. Только Бейли и Р. Дэниел продолжали медленно и упорно подниматься вверх. Бейли нужно было какое-то время, чтобы привести в порядок свои мысля. Даже эти несколько минут будут для него желанной Передышкой перед тем, как в штабе он снова погрузится в сложные перипетии необычного дела.

Как медленно ни двигалась лента мотоспирали, ее скорость казалась ему слишком высокой.

— Следовательно, выходит, что мы не будем пока допрашивать Клусарра, — сказал Р. Дэниел.

— Он подождет. Надо сначала узнать, что стряслось с этим Р. Сэмми, — раздраженно ответил

Бейли. Илайдж добавил вполголоса, больше самому себе, чем Р. Дэниелу: — Не думаю, что это случайное совпадение: здесь должна быть какая-то связь…

— Жаль, — заметил Р. Дэниел. — Мозговые характеристики Клусарра…

— А что с ними такое?

— Они изменились странным образом. Могли бы вы рассказать, что произошло между вами в мое отсутствие?

— Ничего особенного. Я прочитал ему проповедь. Втолковывал евангелие от Святого Фастольфа, — ответил Бейли рассеянно.

— Я не понимаю вас, Илайдж.

Бейли вздохнул.

— О, господи. Ну пытался объяснить, что нам следует использовать роботов и перебросить излишек населения на другие планеты. Хотел выбить у него из головы всю эту медиевистскую чушь. Бог знает зачем. Никогда не думал, что превращусь в миссионера. Во всяком случае, так оно выглядело.

— Понятно. Кое-что мне становится ясным. Вы говорили ему что-нибудь о роботах, Илайдж?

— Вас это в самом деле интересует? Я сказал, что роботы — это просто машины. В данном слу-

чае я читал евангелие от Святого Джерригела. Между прочим, евангелий, кажется, может быть сколько угодно.

— Вы случайно не говорили ему, что робота можно ударить без опасений получить ответный удар, как любой механический предмет?

— Кроме боксерской груши, пожалуй… Да, говорил. Но как вы догадались? — Бейли с удивлением посмотрел на робота.

— По обнаруженным у него церебральным изменениям, — ответил Р. Дэниел. — Становится понятной и его попытка ударить меня по лицу. Он, вероятно, думал над тем, что вы ему сказали, и решил сразу проверить на практике ваше утверждение. Тем самым он дал выход своей агрессивности и удовлетворил свое желание унизить меня. Эти мотивы, а также дельта-колебания… — Он помолчал, а потом сказал: — Да, весьма интересно. Теперь, кажется, я смогу соединить все эти данные в единое целое.

Они приближались к цели своей поездки, и Бейли спросил у Р. Дэниела, который час. Он раздраженно подумал, что гораздо быстрее мог сам узнать это по своим часам. Тем не менее он сознавал, почему обратился к роботу. Причины были почти те же, что и у Клусарра, когда тот дал

Р. Дэниелу пощечину. Задавая ему этот несложный вопрос, на который тот должен ответить, он как бы подчеркивал, что Р. Дэниел всего-навсего робот и, наоборот, что Бейли — живой человек.

«Все мы одним мирром мазаны», — подумал Бейли.

— Двадцать десять, — сказал Р. Дэниел.

Они сошли с мотоспирали, и несколько секунд Бейли владело то странное ощущение, которое возникает, когда организм перестраивается от состояния длительного и равномерною движения к покою.

— А ведь так и не поел, — вспомнил вдруг Бейли. — Проклятая работа…

Бейли увидел и услышал комиссара Эндерби через открытую дверь его кабинета. В общей комнате не было ни души, и голос Эндерби прозвучал в ней с неожиданным резонансом. Его лицо казалось беззащитным и голым без очков, которые он держал в одной руке; другой рукой он прикладывал тонкую бумажную салфетку к свожу гладкому лбу.

— Наконец-то! Где это вас носит, Бейли? — почти прокричал он.

Бейли пропустил вопрос мимо ушей и в свою очередь спросил:

— Что здесь происходит? Куда девалась вечерняя смена? — И тут он заметил, что, кроме них, в кабинете находится еще один человек.

— Доктор Джерригел! — не удержался от восклицания Бейли.

Седовласый роботехник коротко ответил на это приветствие.

— Рад снова встретиться с вами, мистер Бейли.

Комиссар надел очки и пристально посмотрел на Бейли.

— Все сотрудники внизу на допросе. Подписывают свои показания. Я чуть с ума не сошел, пытаясь разыскать вас. Ваше отсутствие могло показаться странным.

— Мое отсутствие!.. — возмутился Бейли.

— Отсутствие любого. Не знаю, кого подозревать, но всем нам это чертовски дорого обойдется. Боже, какая неприятность! Какая дьявольская неприятность!

Он поднял руки, словно взывая к небесам, и при этом его взгляд упал на Р. Дэниела.

«Впервые ты смотришь ему прямо в лицо. Присмотрись к нему хорошенько, Джулиус,» — подумал язвительно Бейли.

— Ему тоже придется дать показания, — вполголоса сказал Эндерби. — Я и то был вынужден

сделать это. Я!

— Послушайте, комиссар, — сказал Бейли, — отчего бы не предположить, что мозг Р. Сэмми вышел из строя сам по себе? Почему вы решили, что его кто-то прикончил?

Комиссар тяжело опустился на стул.

— Спросите у него, — кивнул он на доктора Джерригела.

Доктор Джерригел откашлялся.

— Право, не знаю, с чего начать, мистер Бейли, — сказал он. — Мне показалось, что вас удивило мое присутствие здесь.

— Более или менее, — неопределенно ответил Бейли.

— Дело в том, что я не торопился возвращаться в Вашингтон, так как мне редко выпадает возможность бывать в вашем городе. Кроме того, — и это самое главное, — я счел бы за преступление покинуть Нью-Йорк, не попытавшись еще раз повидать вашего чудесного робота, которого я с таким удовольствием хотел бы изучить поближе. Тем более, что вы привели его с собой.

— Это совершенно исключено, — прервал его Бейли.

— Не сейчас, конечно. Может быть, позже? — огорченно спросил роботехник.

Длинное лицо Бейли было непроницаемым.

— Я звонил вам, но вас не оказалось на месте, и никто не знал, где вы… — продолжал доктор Джерригел. — Тогда я поговорил с комиссаром, и он предложил прийти сюда и подождать вас здесь…

— Я подумал, что он может понадобиться, — вмешался комиссар Эндерби. — Вы ведь хотели его увидеть.

— Спасибо, — кивнул Бейли.

— К сожалению, то ли поводок был неисправен, то ли в своем возбуждении я им неправильно пользовался. Так или иначе я по ошибке попал в какую-то комнату…

— На склад фотоматериалов, Лайдж, — снова вступил комиссар.

— Да, да, — закивал Джерригел. — И там на полу во весь рост лежал робот. После беглого осмотра у меня не оставалось никаких сомнений, что он полностью деактивирован. По-вашему — мертв. Также легко было установить причину деактивации.

— Какая она? — спросил Бейли.

— В правой руке робота был зажат небольшой продолговатый предмет длиной около двух дюймов со слюдяным окошком на конце, — объяснил

доктор Джерригел. — Этим предметом, который оказался альфа-излучателем, он касался своего виска. Вы, видимо, знаете, что такое альфа-излучатель?

Бейли кивнул. Для этого ему не нужно было лазить в словарь или справочник. Еще на лабораторных занятиях по физике ему не раз приходилось иметь дело с этим нехитрым устройством; оно состояло из овального корпуса свинцового сплава с узким каналом посередине, в конце которого помещалось небольшое количество соли плутония. С одного конца канал прикрывался слоем слюды, пропускающей альфа-частицы. Именно сквозь нее наружу вырывался поток жесткого излучения. Альфа-излучатель предназначался для самых различных целей, но отнюдь не для уничтожения роботов.

— Он, конечно, направил альфа-излучатель на себя? — полувопросительно сказал Бейли.

— Разумеется, — ответил доктор Джерригел, — и все позитронные мозговые связи были немедленно расстроены. Мгновенная смерть, так сказать.

Бейли повернулся к бледному комиссару:

— Ошибки не произошло? Это действительно альфа-излучатель?

Комиссар кивнул, выпятив свои пухлые губы.

— Несомненно. Счетчики среагировали на него с десяти футов. Фотопленка оказалась засвеченной. Так что тут все ясно.

Он задумался над чем-то, а затем резко сказал, обращаясь к роботехнику:

— Доктор Джерригел, боюсь что вам придется задержаться в городе на день-два, пока мы не запишем ваши показания на ниточную пленку. *Я* прикажу проводить вас в отдельную комнату. Надеюсь, вы не будете возражать против охраны?

— А вы считаете, что это необходимо? — спросил, нервничая(доктор Джерригел.

— Так будет вернее.

Окончательно растерявшись, доктор Джерригел пожал всем руки, в том числе я Р. Дэниелу, и вышел.

Комиссар тяжело вздохнул.

— Это сделал кто-то из наших, Лайдж. Вот что меня беспокоит. Посторонний не стал бы заходить в управление, чтобы только прикончить робота. Их сколько угодно снаружи, да и там безопаснее. К тому же не каждый может достать альфа-излучатель.

В разговор вступил Р. Дэниел. Его холодный, ровный голос звучал резким контрастом по срав-

нению с взволнованными словами комиссара.

— Но каков мотив данного убийства? — спросил он.

Комиссар с явным неодобрением взглянул на Р. Дэниела и отвернулся.

— Мы тоже люди. Почему полицейский должен лучше других относиться к роботам? Этого уничтожили и, возможно, кому-то на душе полегчало. Кстати, Лайдж, помните, как он раздражал вас?

— Едва ли это может послужить поводом для убийства, — возразил Р. Дэниел.

— Конечно, нет, — решительно поддержал его Бейли.

— Да это и не убийство, — заметил комиссар. — На юридическом языке это квалифицируется лишь как порча имущества. Но произошло это в управлении. Если бы не в управлении, все бы обошлось. А теперь это раздуют в первоклассный скандал. Итак, Лайдж!

— Да?

— Когда вы в последний раз видели Р. Сэмми?

— Р. Дэниел разговаривал с ним после обеда, — ответил Бейли. — Что-то около тринадцати тридцати. Он договорился, что мы займем ваш кабинет, комиссар.

— Мой кабинет? Зачем?

— Мне нужно было поговорить с Р. Дэниелом наедине. Вас не было, а ваш кабинет самое удобное для этого место.

— Ясно, — многозначительно произнес комиссар. — Значит, вы сами не видели его?

— Нет, но часом позже слышал его голос.

— Вы уверены, что это был он?

— Абсолютно.

— Это было около четырнадцати тридцати?

— Возможно, немного раньше.

Комиссар задумчиво закусил нижнюю губу.

— Ну что ж, одно стало мне ясно.

— Вот как?

— Да. Сегодня здесь был этот парень — Винсент Бэррет. Вы об этом знали?

— Знал. Но, комиссар, он не способен на это?

Комиссар поднял глаза на Бейли.

— Почему? Р. Сэмми отнял у него работу. Я его понимаю: он должен чувствовать себя несправедливо обиженным… Ему хотелось как-то отомстить. Как и всякому бы на его месте. Дело, однако, в том, что он вышел из здания в четырнадцать ноль ноль, а вы говорите, что слышали Р. Сэмми в четырнадцать тридцать. Правда, он мог передать роботу альфа-излучатель раньше

с приказом применить его через час. Но где он достал его? Непостижимо! Вернемся к Р. Сэмми. Так что вам сказал Р. Сэмми в четырнадцать тридцать?

Бейли какое-то мгновение заколебался, а затем осторожно сказал:

— Не помню. Мы сразу ушли.

— Куда вы направились?

— В Йист-таун. Кстати, я хочу поговорить с вами об этом.

— Потом, потом… — Комиссар потер подбородок. — Сюда, оказывается, приходила Джесси. Видите ли, мы проверяли списки всех посетителей, и я натолкнулся на ее имя.

— Да, приходила, — холодно сказал Бейли.

— С какой целью?

— По личным делам.

— Ее придется тоже допросить. Не волнуйтесь, это простая формальность.

— Я знаком с порядками, комиссар. Между прочим, как насчет альфа-излучателя? Удалось установить, откуда он?

— О да! С одной из энергостанций.

— Как они объясняют потерю излучателя?

— Никак. Понятия не имеют. Послушайте, Лайдж, вас лично все это не касается. Кроме того,

что вы дадите формальные показания. Занимайтесь своим делом. Вот и все… Занимайтесь своим расследованием.

— Разрешите дать показания несколько позднее, комиссар, — возразил Бейли. — Дело в том, что я с утра ничего не ел.

Комиссар Эндерби направил на Бейли свои очки.

— Конечно, конечно, Лайдж… Только не выходите из управления, ладно? Кстати, ваш напарник прав (казалось, он не хотел обращаться непосредственно к Р. Дэниелу или называть его по имени): нам действительно нужно найти мотив преступления. Мотив…

Бейли внезапно почувствовал, как похолодело у него внутри.

Вроде бы сами по себе, как бы помимо его воли, события сегодняшнего дня, и вчерашнего, и дня накануне стали вдруг мелькать перед ним, подчиняясь одно другому. И снова перед ним начала возникать картина.

— Какой энергостанции принадлежал альфа-излучатель, комиссар? — спросил он.

— Уильямсбургской. А что?

— Так, ничего.

Когда Бейли и шедший за ним по пятам Р. Дэни-

ел выходили из кабинета, до них донесся голос комиссара Эндерби, который бормотал про себя:

— Да, мотив, мотив…

Бейли сидел в небольшом неуютном кафе управления за своим скромным ужином. Он поглощал фаршированные томаты с салатом, не замечая, что ест, к даже когда на картонной тарелке не осталось ни крошки съестного, он несколько раз бесцельно ковырнул ее вилкой в поисках того, чего там уже не было.

Наконец он опомнился и, вполголоса чертыхнувшись, положил вилку на стол.

— Дэниел, — позвал он робота.

Р. Дэниел сидел за соседним столиком, словно не хотел мешать размышлениям Бейли или же искал уединения сам. Впрочем, это меньше всего интересовало Бейли.

Р. Дэниел поднялся со своего места и сел рядом с детективом.

— Да, партнер Илайдж?

Бейли не повернул головы.

— Дэниел, мне нужна ваша помощь.

— Чем я могу вам помочь?

— Меня и Джесси подвергнут допросу. Это не вызывает сомнений. Я буду отвечать, как сочту нужным. Вы меня поняли?

— Конечно, я понял то, что вы сказали. Однако если мне зададут прямой вопрос, я смогу ответить только то, что есть на самом деле.

— Если вам зададут такой вопрос — тогда другое дело. Я прошу только самому не вмешиваться в разговор. Вы ведь можете это сделать?

— По-видимому, Илайдж; если не окажется, что мое молчание может причинить вред человеку.

Бейли сказал мрачно:

— Если заговорите, вы причините вред мне. Уж можете поверить.

— Но я не совсем понимаю вашу точку зрения, Илайдж. Дело Р. Сэмми вовсе не должно нас беспокоить.

— Вы так думаете? Все сводится к мотиву преступления, не так ли? Зачем кому-то понадобилось уничтожить Р. Сэмми? Вы не можете ответить на этот вопрос. Мы с комиссаром тоже не знаем ответа. Учтите, дело не в том, что кто-то решился на уничтожение робота вообще. Фактически любой житель Земли мог пойти на это. Вопрос в том, почему выбрали именно Р. Сэмми. Это мог сделать Винсент Бэррет, но комиссар утверждает, что он не сумел бы достать альфа-излучатель, и он прав. Надо искать в другом месте, и надо сказать, что у одного человека такой мотив

есть. Он очевиден. Он просто кричит о себе.

— Кто этот человек, Илайдж?

И Бейли сказал тихим голосом: — Это я, Дэниел.

Даже после такого заявления лицо Р. Дэниела осталось бесстрастным. Он лишь покачал головой.

— Вы не согласны, — продолжал Бейли. — Сегодня сюда приходила моя жена. Им это уже известно. Комиссара заинтересовал этот факт. Не будь у нас с ним приятельских отношений, он бы не прекратил допрос так быстро. Но они узнают, зачем она приходила. Это точно. Она оказалась замешанной в заговоре, каким бы глупым и безобидным он ни был. Ничто не может больше скомпрометировать полицейского, чем это. Дальше. Кто знал об этом? Мы с вами, Джесси и, конечно, Р. Сэмми. Он видел, в каком она была ужасном состоянии. И когда Р. Сэмми сказал ей, что мы велели никого к нам не пускать, она, вероятно, совсем потеряла контроль над собой. Вы помните, какая она была, когда вошла.

— Я не думаю, чтобы она сказала что-нибудь компрометирующее вас, — усомнился Р. Дэниел.

— Может быть, и нет. Но я восстанавливаю события так, как это сделают они. Вот вам и мотив.

Я убил Р. Сэмми, чтобы заставить его молчать.

— Они этого не подумают.

— Именно это и придет им в голову! Убийство подстроено таким образом, чтобы подозрение пало на меня. Возьмите хотя бы орудие преступления. Его трудно заполучить, но зато легко обнаружить. Поэтому истинный преступники избрал альфа-излучатель, а чтобы не оставалось никаких сомнений, приказал роботу идти на фотосклад и там прикончить себя. Даже если бы они каким-то чудом проглядели излучатель, засвеченная пленка тотчас бы навела бы их на правильную мысль.

— Но какое отношение это имеет к вам, Илайдж?

Бейли слегка усмехнулся, но было видно, что ему совсем не до смеха.

— Самое прямое. Альфа-излучатель похищен с Уильямсбургской станции. Вчера мы с вами были на этой станции. Нас там видели, и это несомненно выплывет наружу. Вот вам и то, как я достал оружие, вот и мотив преступления. Может получиться так, что мы с вами были последними, кто видел Р. Сэмми в живых… за исключением настоящего убийцы, разумеется.

— Я был с вами на энергостанции и могу засви-

детельствовать, что у вас не было возможности похитить альфа-излучатель.

— Спасибо, — печально отозвался Бейли, — но вы — робот, и ваши показания не имеют силы.

— Комиссар ваш друг. Он меня выслушает.

— Комиссар держится за свое место, а я и так доставил ему немало хлопот. Есть только один путь к спасению.

— Да?

— Я задаю себе вопрос: почему меня впутывают в эту историю? Очевидно, чтобы отделаться от меня. Но зачем? Видимо, я представляю для кого-нибудь опасность. Я стараюсь быть предельно опасным для убийц доктора Сартона. Поэтому, может быть, и для медиевистов или, по крайней мере, для их верхушки. Именно они могли проследить нас до энергостанции, хотя нам показалось, что мы ускользнули. Вполне возможно, что если я найду убийцу доктора Сартона, то обнаружу того или тех, кто старается убрать меня с пути. Если я как следует все обдумаю, если я докопаюсь до сути, если только я раскушу этот орешек, я — спасен. И Джесси тоже. Я не могу допустить, чтобы она… — Он замолчал. Его кулаки судорожно сжимались и разжимались. — У меня мало времени. У меня мало времени.

С внезапной надеждой Бейли посмотрел на чеканное лицо Р. Дэниела. Что бы о нем ни говорили, это было сильное, преданное и лишенное всякого эгоизма существо. Чего еще можно требовать от друга? Бейли нужен был друг, и у него не хватало ни времени, ни желания придираться к тому, что вместо сердца у Р. Дэниела какой-то механизм. Но Р. Дэниел с сомнением покачивал головой.

— Мне очень жаль, Илайдж, — сказал робот без тени сожаления на лице, что было вполне естественно, — но я не предвидел всего этого. Возможно, мой поступок причинит вам вред. Я сожалею, но этого требует общее благо.

— Какое еще общее благо? — едва слышно проговорил Бейли.

— Я связался с доктором Фастольфом.

— Боже мой! Когда?

— В то время, как вы ужинали.

Бейли стиснул зубы.

— Ну? — процедил он. — Что еще случилось?

— Вам придется доказывать свою невиновность в убийстве Р. Сэмми, не используя для этого расследование обстоятельств убийства моего конструктора, доктора Сартона. Жители Космотауна на основании представленных мною данных

решили прекратить расследование и начать подготовку к эвакуации Космотауна с Земли.

Бейли с отрешенным видом посмотрел на свои часы. Они показывали 21.45. Через два с четвертью часа наступит полночь. Сегодня он встал около шести и вот уже два с половиной дня находится в постоянном нервном напряжении. У него было смутное ощущение нереальности всего происходящего. Он вынул свою трубку и стал шарить по дну кисета в поисках драгоценных остатков табака.

— Так в чем все-таки дело, Дэниел? — с трудом спросил он ровным голосом.

— Вы не поняли? Разве не ясно?

— Я не понял. Мне не ясно, — терпеливо повторил Бейли.

— Мы находимся здесь, — сказал Р. Дэниел (я подразумеваю жителей Космотауна), — чтобы разбить оболочку, окружающую Землю, и вынудить ее жителей отправиться на новые планеты.

— Я это знаю. Можете не развивать свою теорию.

— Но это очень важно, и потому я должен. Если мы и хотели добиться наказания лица, виновного в убийстве доктора Сартона, то, как вы понимаете, вовсе не потому, что надеялись

вернуть доктора Сартона к жизни: наша неудача могла бы только укрепить позиции противников Космотауна на Внешних Мирах.

— А сейчас, — внезапно вспыхнул Бейли, — вы вдруг решили по собственной воле отправиться восвояси. Почему? Во имя неба, почему? Разгадка дела Сартона близка. Очень близка, иначе они бы не старались изо всех сил покончить со мной. У меня такое ощущение, что мы располагаем всеми необходимыми фактами. Ответ сидит где-то здесь. — Он постучал себе по лбу костяшками пальцев. — Не хватает только одной фразы. Может быть, одного слова!

Он отчаянно зажмурил глаза, словно надеялся, что дрожащая, полупрозрачная пелена, в течение нескольких дней висевшая у него перед глазами, наконец спадет, и все прояснится. Но этого не произошло. Бейли шумно вздохнул. Он досадовал на самого себя. Распустил нюни перед этой холодной, бесчувственной машиной, способной лишь молча глазеть на тебя.

— Ну ладно. Забудем об этом, — сказал он хриплым голосом. — Почему космониты все-таки решили сорваться с места?

— Наш проект завершен, — пояснил робот. — Мы удовлетворены тем, что жители Земли

способны на колонизацию.

— Откуда вдруг такой оптимизм? — Бейли сделал первую глубокую затяжку и почувствовал, что начинает понемногу овладевать собой.

— Уже в течение длительного времени мы, жители Космотауна, пытаемся изменить Землю, меняя ее экономику. Мы пытались внедрить на Земле цивилизацию C/Fe. Правительство вашей планеты, а также правительства некоторых городов сотрудничал и с нами, поскольку это было необходимо. И все же за двадцать пять лет мы не добились ничего. Чем большие усилия мы прилагали, тем сильнее становилось движение медиевистов.

— Все это мне известно, — сказал Бейли, а про себя подумал: «Бесполезно просить. Он не замолчит, пока не выложит все. Чертова машина!»

А Р. Дэниел тем временем продолжал:

— Доктор Сартон первым выдвинул идею коренного изменения тактики. Согласно его теории, нам надо было найти среди землян тех, чьи желания совпадают с нашими желаниями, или тех, кто поддается убеждению. Мы передали бы этим людям инициативу, чтобы новое движение разрасталось внутри, а не насаждалось извне. Труднее всего было найти таких людей.

Вы сами, Илайдж, стали объектом интересного эксперимента.

— *Я? Я?!* Да вы что?! — удивился Бейли.

— Мы были рады, что комиссар рекомендовал вас. Мы решили, что по типу нервной деятельности вы подходящий экземпляр. А цереброанализ, которому я вас подверг при первой нашей встрече, подтвердил наше суждение. Вы человек практического склада ума, Илайдж. Несмотря на ваш здоровый интерес к прошлому Земли, вы вздыхаете по нему с сожалением. Но и современная городская культура также не кажется вам идеальной. Мы полагали, что люди, подобные вам, снова могут повести землян к звездам. Это одна из причин, по которой доктор Фастольф так хотел встретиться с вами вчера утром. Надо сказать, ваша практичность имеет слишком ярко выраженный характер. Вы отказывались понимать, что фанатическое служение идеалу, даже ошибочному идеалу, может толкнуть человека на немыслимые в обычных условиях поступки. Например, пересечь ночью открытое пространство, чтобы уничтожить того, кого он считает злейшим врагом своего дела. Поэтому мы не были слишком удивлены, что у вас хватило дерзости и упрямства стараться доказать фальсификацию

убийства. В каком-то смысле это подтвердило вашу пригодность для эксперимента.

— Какого эксперимента, черт возьми? — Бейли стукнул кулаком по столу.

— Эксперимент заключался в том, чтобы убедить вас, что колонизация является решением проблемы Земли.

— Что ж, вам это удалось. Не стану отрицать.

— Да, однако не без помощи соответствующего лекарства.

Бейли разжал зубы, стискивавшие чубук трубки. Она вывалилась у него изо рта, но он успел подхватить трубку на лету. Он снова увидел себя в куполообразном жилище космонита. Вот он медленно приходит в себя от потрясения, которое получил, узнав, что Р. Дэниел все-таки робот; пальцы Р. Дэниела оттягивают кожу на его руке; а под кожей, вначале отчетливо видимое, медленно рассасывается темное пятно инъекции.

— Что вы мне впрыснули? — спросил он прерывающимся голосом.

— Не волнуйтесь, Илайдж. Всего лишь слабое лекарство, от которого ваш ум должен был стать более восприимчивым.

— Поэтому я и поверил вашим словам. Так, что ли?

— Не совсем. Вы отказывались верить тому, что было чуждо вашему образу мышления. Фактически результаты эксперимента несколько разочаровали нас. Доктор Фастольф надеялся, что вы станете фанатичным сторонником новой теории. Вместо этого вы всего лишь одобрили ее, не больше. Мешал ваш практический ум. Это привело нас к выводу, что единственная наша надежда — романтически настроенные люди, но они, к сожалению, либо участвуют в движении медиевистов, либо сочувствуют ему.

Бейли невольно возгордился: ему стало приятно от мысли, что он устоял перед ними и разочаровал их. Пусть экспериментируют над кем-нибудь другим.

Он злорадно усмехнулся:

— И вот вы сдались и решили отправиться восвояси?

— Нет, это не так. Я только что сказал, что мы удовлетворены, поскольку Земля пойдет на освоение новых миров. Вы сами подсказали нам ответ.

— Я? Каким образом?

— Вы говорили с Фрэнсисом Клусарром о преимуществах колонизации. Вы, видимо, говорили с увлечением. Эксперимент над вами помог

добиться хотя бы этого. И в психоизлучении Клусарра произошли изменения. Незначительные, разумеется, но все же изменения.

— По-вашему, мне удалось убедить его? Не верю.

— Нет, убеждение не приходит так скоро. Однако изменение данных его цереброанализа убедительно показало, что ум медиевиста открыт для такого убеждения. Я сам провел небольшой эксперимент. Покидая Йист-таун и догадываясь, что могло произойти между вами в мое отсутствие, я спросил Клусарра, не согласился бы он послать своих детей в школу для эмигрантов. Он отверг эту идею, но и на этот раз его психоизлучение изменилось. Для меня очевидно, что подобный метод воздействия самый правильный.

Р. Дэниел умолк, а затем заговорил снова:

— То движение, которое вы называете медиевизмом, есть не что иное, как стремление к новому. Правда, оно обращено к Земле, которая близко и имеет великое прошлое, но восприимчивая натура легко увлечется видением новых миров. Примером может служить Клусарр. Ведь вы только раз поговорили с ним. Как видите, Космотаун уже добился успеха, сам того не ведая.

Скорее всего, мы сами, а не наши идеи действуют на вас раздражающе, Из-за нас ваши романтики стали медиевистами и объединились в организацию. В конце концов, именно они хотят порвать с установившимися традициями, а не правительство, заинтересованное в сохранении статус-кво. Нам надо покинуть Землю, оставив здесь несколько подобных мне роботов, которые при содействии таких землян, как вы, откроют школы для будущих завоевателей новых миров, и медиевист постепенно отвернется от Земли. Ему понадобятся роботы, и он либо получит их от нас, либо построит сам. Он создаст культуру C/Fe по собственному вкусу.

Для Р. Дэниела это была длинная речь. Он, видимо, понял это, так как после короткой паузы сказал:

— Я говорю вам все это для того, чтобы объяснить, почему необходимо сделать то, что может причинить вред вам лично.

Бейли с горечью подумал, что робот не может причинить вред человеку, если только каким-то образом не сумеет доказать, что это делается для его же блага.

— Постойте, — сказал Бейли. — Одно практическое соображение. Вот вы отправитесь на

свои миры и заявите, что житель Земли убил космонита и не получил наказания. Внешние Миры потребуют с нас контрибуцию. Хочу вас предупредить: Земля не потерпит подобного обращения. И тогда беды не миновать.

— Убежден, что этого не произойдет, Илайдж. Те у нас, кто может потребовать контрибуции, будут очень рады положить конец Космотауну. И мы это сделаем, если они откажутся от своих требований, do всяком случае, мы на это рассчитываем. Мы будем жить с Землей в мире.

— Но что будет со мной? — воскликнул Бейли хриплым голосом. — Комиссар сразу прекратит расследование убийства Сартона, если этого захочет Космотаун. У него масса улик против меня. Он их предъявит. Я знаю. Это все подстроено. Меня деклассируют, Дэниел. А что станет с Джесси. Ее заклеймят как преступницу. А Бентли…

— Не подумайте, Илайдж, что я не понимаю, в каком положении вы оказались. Тот, кто печется о благе человечества, должен быть готов к лишениям. У доктора Сартона остались жена, двое детей, родители, сестра и много друзей. Все скорбят о его смерти и будут сожалеть, что не наказан его убийца.

— Тогда почему же не найти и не наказать его?

— В этом больше нет необходимости.

— Почему было не сказать сразу, что расследование вам понадобилось, чтобы изучить нас в особых условиях? — с досадой сказал Бейли. — Вам фактически наплевать, кто убил доктора Сартона.

— Мы бы хотели это узнать, — возразил Р. Дэниел холодно, — но для нас интересы общества всегда важнее интересов индивидуума. Дальнейшее расследование могло мы повредить положению, которое мы признаем удовлетворительным. Мы не можем предугадать, насколько велик был бы этот вред.

— То есть вы хотите сказать, что убийцей может оказаться важная персона из медиевистов, а в данный момент космониты не хотят портить отношений со своими новоиспеченными друзьями?

— Я бы так не сказал, но в ваших словах есть доля правды.

— Где же ваш контур справедливости, Дэниел? Какая же это справедливость?

— Имеются разные степени справедливости, Илайдж. Меньшая должна уступать большей, если она с ней несовместима.

Казалось, будто ум Бейли описывал кольца

вокруг непроницаемой логики позитронного мозга Р. Дэниела и старался найти в нем лазейку, какое-нибудь слабое место.

— И вам самому не интересно, Дэниел? — продолжал допытываться Бейли. — Вы назвали себя детективом. Знаете ли вы, что это такое? Понимаете ли вы, что расследование — это не просто работа? Это — вызов. Столкновение двух умов; детектива и преступника. Мажете ли вы покинуть поле битвы и признать себя побежденным?

— Могу, если цель недостойна продолжения.

— И вам не будет жалко? Вы не испытаете чувства досады и разочарования? Неудовлетворенного любопытства?

Вообще не возлагавший больших надежд на свое красноречие, Бейли почти совсем сник под конец. А то, что он попытался взывать к «любопытству» робота, лишь напомнило ему его собственные аргументы, которые он приводил Клусарру четыре часа назад. Тогда-то он отчетливо представлял, какие особенности отличают человека, от машины. Любопытство должно быть одной из них. Полуторамесячный котенок может быть любопытным, но может ли обладать любопытством машина, пусть самая человекоподобная?

Р. Дэниел словно повторил эти мысли, сказав:

— Что вы имеете в виду под любопытством?

Бейли постарался придать этому слову побольше веса:

— Под любопытством мы подразумеваем желание расширить свои знания.

— Во мне существует такое желание, когда расширение знаний необходимо для выполнения поставленной задачи.

— Правильно, — язвительно сказал Бейли, — когда, например, вы интересуетесь контактными линзами Бентли, чтобы разузнать побольше о странных повадках землян.

— Совершенно верно, — ответил Р. Дэниел без намека на то, что почувствовал сарказм собеседника. — Однако бесцельное расширение знаний, что, видимо, и означает термин «любопытство», ведет к снижению эффективности. Мне полажено избегать этого.

В этот самый момент с Бейли произошло то, чего он ждал с таким отчаянием: пелена, застилавшая его мысленный взор, начала постепенно оседать, уступая место четкому изображению. Он как открыл рот, так и сидел, пока говорил Р. Дэниел. Он раньше не мог вообразить себе картину убийства во всей ее полноте. Так в жизни не

бывает. Почти не сознавая этого сам, он составлял ее, составлял ее тщательно и кропотливо, но под конец натолкнулся на одно-единственное противоречие. Одно противоречие, которое не обойдешь и от которого не отмахнешься. Покуда оно существовало, его сознание не могло добраться до разгадки, чтобы подвергнуть ее анализу. И вот теперь его осенило; противоречие исчезло — последняя деталь стала на свое место.

Наступившее просветление придало Бейли новые силы. К тому же он совершенно неожиданно сообразил, в чем слабость Р. Дэниела, слабость любой думающей машины. В голове промелькнула обнадеживающая мысль: эта штуковина должна понимать все дословно.

— Верно ли, — лихорадочно заговорил он, — что проект «Космотаун» завершается сегодня, а вместе с ним прекращается и расследование дела Сартона?

— Таково решение жителей Космотауна, — спокойно согласился Р. Дэниел.

— Но сегодняшний день еще не кончился. — Бейли взглянул на часы. — Сейчас двадцать два тридцать. В нашем распоряжении еще есть полтора часа.

Р. Дэниел не отвечал. Казалось, он размышлял

над чем-то.

Бейли не давал ему передышки:

— Значит, проект существует до полуночи. Вы — мой партнер, и расследование продолжается. — В спешке он говорил почти телеграфным текстом. — Будем работать, как прежде. Попытаемся еще раз. Вашим это не повредит. Наоборот, только поможет. Даю слово. Если, по-вашему, я буду делать *что-то* не так — остановите меня. Я прошу дать мне всего полтора часа.

— Все, что вы сказали, правильно, — ответил наконец робот. — День еще не кончился. Я об этом не подумал, партнер Илайдж.

«Ага, „партнер“ опять», — пронеслось в уме Бейли. Он улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, доктор Фастольф упоминал о фильме, сделанном на месте преступления?

— Да, упоминал.

— Могу я получить экземпляр?

— Да, партнер Илайдж.

— Сейчас! Немедленно!

— Через десять минут, если можно воспользоваться передатчиком управления, — ответил Р. Дэниел.

На это ушло еще меньше времени. Бейли не сводил глаз с небольшого алюминиевого ящичка,

который он держал в дрожащих руках. Слабые сигналы, поступавшие из Космотауна, образовали в нем определенную атомную схему. 6 этот момент в дверях показался комиссар Джулиус Эндерби.

Он увидел Бейли, и его круглое лицо, до этого встревоженное, стало приобретать грозный вид.

— Слушайте, Лайдж Бейли, вы чертовски долго ужинаете.

— Я ужасно устал, комиссар. Извините, если задержал вас.

— Мне-то что, но... Пойдемте-ка лучше в мой кабинет.

Бейли бросил быстрый взгляд на Р. Дэниела, но не встретил в его глазах сочувствия. Все трое вышли из кафетерия.

Джулиус Эндерби беспокойно шагал взад и вперед по кабинету. Бейли, сам едва справлявшийся со своими нервами, наблюдал за ним, время от времени украдкой поглядывая на часы.

22.45.

Комиссар сдвинул очки на лоб и энергично, до красноты потер глаза. Потом он снова опустил очки на переносицу и моргая уставился на Бейли.

— Лайдж, — спросил он, — когда вы в последний раз были на Уильямсбургской станции?

— Вчера, после того как ушел из управления. Наверное, около шести вечера, — ответил Бейли.

Комиссар покачал головой.

— Почему вы сразу об этом не сказали?

— Я собирался включить это в свои показания.

— Как вы туда попали?

— По пути на временную квартиру.

Комиссар резко остановился перед Бейли.

— Эта версия не пройдет, Лайдж. Кому придет в голову ехать домой через энергостанцию?

Бейли пожал плечами. Нет смысла объяснять, что их преследовали медиевисты, и как они отделались от них. Во всяком случае, не сейчас. Поэтому он сказал:

— Если вы намекаете, что я имел возможность достать там альфа-излучатель, которым прикончили Р. Сэмми, то учтите, что со мной был Р. Дэниел. Он подтвердит, что я ни на минуту там не останавливался и вышел оттуда без альфа-излучателя.

Комиссар медленно опустился на стул. Он не смотрел в сторону Р. Дэниела и, видимо, не намеревался с ним говорить. Он положил перед собой на стол свои белые пухлые руки и стал рассматривать их с выражением крайнего страдания на лице.

— Лайдж, — проговорил наконец он, — я просто не знаю, что подумать. Вы ведь понимаете, что ваш… ваш партнер не может обеспечить вам алиби. Его показания не имеют силы.

— И все же я отрицаю, что брал альфа-излучатель.

Пальцы комиссара судорожно переплетались между собой и снова расходились.

— Лайдж, зачем приходила сюда Джесси?

— Вы уже это спрашивали, комиссар. Ответ будет тот же: по нашим частным делам.

— У меня есть показания Фрэнсиса Клусарра, Лайдж.

— Какие?

— Он утверждает, что Джезебел Бейли является членом медиевистского общества, ставящего своей целью свержение нынешнего правительства.

— Вы уверены, что это она? В городе много женщин, по фамилии Бейли.

— Но не Джезебел Бейли.

— Он назвал ее этим именем?

— Да, он сказал Джезебел. Я слышал это собственными ушами.

— Что с того, что Джесси вступила в это безобидное общество тихо помешанных? Она только посещала собрания, в чем ужасно раскаивается.

— Едва ли это прозвучит убедительно для проверочной комиссии, Лайдж.

— Вы хотите сказать, что меня арестуют по подозрению в порче Государственной собственности в виде Р. Сэмми?

— Надеюсь, что нет, Лайдж, но дела ваши плохи. Всем известно, что вы недолюбливали Р. Сэмми. Сегодня с ним разговаривала ваша жена. Она была в слезах, и нам удалось узнать кое-что из того, что она говорила. Сами по себе ее слова звучали безобидно, но ведь очень нетрудно смекнуть, что к чему, Лайдж. У вас могло появиться желание заставить его замолчать. К тому же именно вы могли завладеть орудием преступления.

Бейли не дал ему договорить:

— Пожелай я уничтожить все улики против Джесси, стал бы я приводить сюда Фрэнсиса Клусарра? По-видимому, он знает о ней гораздо больше, чем было известно Р. Сэмми. Кроме того, я оказался на энергостанции за восемнадцать часов до того, как Джесси встретилась с Р. Сэмми. Я ведь не ясновидец, чтобы заранее знать, что мне нужно будет уничтожить робота и сделать это именно альфа-излучателем.

— Неплохие аргументы, Лайдж, — заметил комиссар. — Я сделаю все, что смогу. Мне очень

жаль, Лайдж.

— Да? А вы Сами верите в мою невиновность, комиссар?

— Говоря откровенно, Лайдж, — медленно сказал Эндерби, — я и сам не знаю, что думать.

— Тогда послушайте, что я думаю. Все это тщательно подстроенная провокация против меня.

Комиссар настороженно выпрямился.

— Погодите, Лайдж. Не бейте вслепую. Защищаясь таким образом, вы ничего хорошего не добьетесь. Не один отпетый преступник пользовался этим приемом.

— А я ничего и не добиваюсь. Я просто говорю правду. Меня хотят убрать с пути и не дать раскрыть убийство Сартона. К сожалению, мои друзья-провокаторы немного опоздали.

Бейли взглянул на часы. Они показывали 23.00.

— Я знаю, кому невтерпеж засадить меня за решетку, — сказал он, — Я знаю, как убили доктора Сартона и кто это сделал. У меня всего час, чтобы рассказать вам об этом, схватить виновного и закрыть расследование.

Глаза комиссара Эндерби недобро сощурились.

— Что вам нужно? Вчера утром у Фастольфа вы уже устроили один спектакль. С нас хватит.

— Я знаю, — кивнул Бейли. — В тот раз я ошибся.

«Потом ошибся еще раз, — с яростью произнес он про себя, — но не теперь, тут уж я не ошибусь...»

— Посудите сами, комиссар, — продолжал он. — Допустите, что улики против меня подтасованы, и тогда посмотрим, куда это нас приведет. Задайте себе вопрос; кто мог это сделать? Видимо, тот, кто знал, что вчера вечером я был в Уильямсбурге.

— Ну ладно. Кто же этот человек?

— Уже в столовой меня начали преследовать несколько медиевистов. Я был уверен, что избавился от них, но, видимо, один из них заметил, что я проходил через станцию. Сделал я это, как вы понимаете, чтобы окончательно замести следы.

Комиссар задумался:

— Клусарр? Он был среди них?

Бейли кивнул.

— Хорошо, мы его допросим. Мы вытянем из него все, что ему известно. Чем еще я могу быть вам полезен, Лайдж?

— Подождите. Я хочу убедиться, что вы меня поняли.

— Давайте попробуем разобраться. — Комиссар

снова сжал руки. — Клусарр сам или через члена их группы узнал, что вы вошли в Уильямсбургскую станцию. Он решил использовать этот факт против вас и отстранить вас от расследования. Вы это имели в виду?

— Приблизительно.

— Отлично, — оживился комиссар. — Он, естественно, знал, что ваша жена входит в его организацию, а потому рассчитывал, что вы побоитесь предать это гласности. Он думал, что бы предпочтете подать в отставку, чем опровергать косвенные улики против себя… Кстати, Лайдж, как насчет отставки? Я хочу сказать, если дело действительно примет плохой оборот. Мы сумеем замять все это…

— Ни за что на свете, комиссар.

Эндерби пожал плечами.

— Да, так о чем это я говорил? Ага, вспомнил. Так вот, по-видимому, через сообщника он достал альфа-излучатель и поручил кому-нибудь уничтожить Р. Сэмми. — Его пальцы постукивали по столу. Не годится, Лайдж.

— Почему же?

— Слишком притянуто. Слишком уж много сообщников. И, между прочим, проверка показала, что у него есть железное алиби на ночь и утро

убийства в Космотауне.

— Но ведь я не говорил, что убийца — Клусарр. Это предположили вы, комиссар, — заметил Бейли. — Им может быть любой медиевист. Клусарр лишь один из тех, кого узнал Р. Дэниел. Больше того, я не думаю, что он играет сколько-нибудь важную роль в медиевистской организации. Однако кое-что в нем кажется мне занятным.

— Что именно? — насторожился Эндерби.

— Он заявил, что знает Джесси. Неужели он помнит всех членов организации?

— Трудно сказать. Во всяком случае, Джесси он знает. Может быть, потому, что она жена полицейского или по другой причине.

— И он сразу сознался и сказал, что Джезебел Бейли — член их организации? Именно так и сказал «Джезебел Бейли»?

Эндерби кивнул:

— Повторяю вам, я слышал это собственными ушами.

— Странная вещь, комиссар. Вам хорошо известно, что Джесси невзлюбила свое полное имя и давно отказалась от него. Это совершенно точно. К медиевистам же она примкнула много позже этого. И никогда не пользовалась полным именем. Как же мог Клусарр назвать ее «Джезебел»?

Комиссар покраснел и поспешно ответил:

— О, простите, если так, то он, возможно, назвал ее «Джесси». А я механически занес ее в протокол полным именем. В самом деле, так оно и было. Он сказал «Джесси».

— До сих пор вы утверждали, что он сказал «Джезебел». Я несколько раз переспрашивал.

Комиссар повысил голос:

— Уж не хотите ли вы сказать, что я лгу?

— Я подумал, что, быть может, Клусарр вообще ничего не говорил. Я подумал, уж не сочинили ли вы все это сами. Вы знакомы с Джесси лет двадцать и, уж конечно, знаете ее полное имя.

— Да вы спятили, Лайдж!

— Неужто? А где вы были сегодня после обеда? Вас не было здесь около двух часов?

— Как вы смеете допрашивать меня?

— И посмею ответить за вас, сэр. Вы были на Уильямсбургской энергостанции.

Комиссар вскочил на ноги. Его лоб заблестел от пота.

— Что за чушь вы несете!

— Значит, я не прав?

— Бейли, вы отстранены. Прошу ваше удостоверение.

— Как бы не так. Сначала выслушайте меня.

— И не подумаю. Вы виновны, черт вас возьми! И еще имеете наглость сваливать все на меня, будто я замышляю что-то против вас! — прокричал комиссар срывающимся от возмущения голосом и добавил, едва владея собой: — Бейли, вы арестованы.

— Не торопитесь, комиссар, — процедил угрожающе Бейли. — Мой бластер на взводе, и я не промахнусь. Сейчас я за себя не ручаюсь. Я скажу все, что знаю, а потом делайте со мной что хотите.

Широко раскрытыми глазами Джулиус Эндерби уставился на ствол направленного на него бластера.

— Двадцать лет, Бейли, — пробормотал он, — двадцать лет в самой глубокой тюрьме города…

К Бейли неслышно подошел Р. Дэниел и решительно отвел в сторону его руку с бластером.

— Я не могу допустить этого, партнер Илайдж, — спокойно сказал он. — Вы не должны причинить вред комиссару.

Впервые с тех пор как Р. Дэниел появился в городе, комиссар обратился прямо к нему:

— Держи его. Первый Закон!

— Я не хочу причинять ему вред, — торопливо заговорил Бейли. — Только не дайте ему аресто-

вать меня, Дэниел. Вы сказали, что поможете мне до конца. У меня есть сорок пять минут.

Не отпуская руки Бейли, Р. Дэниел сказал: — Комиссар, я полагаю, Илайджу следует позволить говорить. В данный момент я поддерживаю связь с доктором Фастольфом…

— Не может быть! Каким образом? — воскликнул комиссар.

— В меня встроен портативный субэтеральный аппарат, — сказал Р. Дэниел.

Комиссар молча уставился на него.

— Я поддерживаю связь с доктором Фастольфом, — продолжал робот, — и если вы откажетесь выслушать Илайджа, комиссар, это произведет плохое впечатление. Могут быть сделаны неблагоприятные для вас выводы.

Комиссар безмолвно опустился на стул.

— Я утверждаю, — начал Бейли, — что сегодня вы побывали на Уильямсбургской энергостанции, достали там альфа-излучатель и передали его Р. Сэмми. Вы умышленно остановились на Уильямсбурге, чтобы приписать это потом мне. Вы даже воспользовались появлением доктора Джерригела и дали ему неправильно настроенный поводок, который привел его на фотосклад, где он обнаружил останки Р. Сэмми. Вы рассчи-

тывали, что он установит правильный диагноз гибели Р. Сэмми… — Бейли убрал бластер в кобуру. — Можете теперь арестовывать меня, но едва ли Космотаун расценит это как ответ на мое обвинение.

— Мотив… — едва слышно прошептал Эндерби. Его очки запотели, и он снял их и снова выглядел неуверенным и беспомощным. — Какой мотив? Для чего это могло мне понадобиться?

— Чтобы навлечь на меня неприятности. Чтобы помешать расследованию дела об убийстве Сартона. А кроме всего прочего, потому, что Р. Сэмми слишком много знал.

— О чем, ради бога?

— О том, как пять с половиной дней назад было совершено убийство космонита. И убийцей доктора Сартона из Космотауна является не кто иной, как вы, комиссар.

На это отозвался Р. Дэниел. Потому что Эндерби лишь запустил руки в волосы и молча качал головой.

— Партнер Илайдж, — сказал робот, — боюсь что ваша версия совершенно неприемлема. Как вам известно, комиссар Эндерби не способен убить доктора Сартона.

— Тогда послушайте. Выслушайте меня. Эндер-

би упрашивал заняться расследованием именно меня, а не моих старших по чину коллег. И вот почему. Он рассчитывал на нашу старую дружбу и был уверен, что мне никогда не придет в голову заподозрить в преступлении своего приятеля и уважаемого начальника. Он полагался на мою преданность, видите ли. Кроме того, он знал, что Джесси является членом подпольной организации и мог в крайнем случае шантажировать меня, если бы я стал докапываться до правды. Да это его не очень-то и тревожило. С самого начала он делал все, чтобы пробудить во мне недоверие к вам, Дэниел, чтобы мы с вами действовали наперекор друг другу. Он знал, что мой отец был деклассирован. Поэтому мою реакцию было нетрудно предугадать. Как видите, если убийца сам руководит расследованием, это дает ему большие преимущества.

Комиссар вновь обрел дар речи.

— Откуда я мог знать о Джесси? — сказал он слабым голосом и, повернувшись к роботу, добавил: — Если вы ведете передачу в Космотаун, скажите им, что все это ложь! Ложь от начала до конца!

Бейли заговорил вначале громко и возбужденно, а потом перешел на неестественно спокойный тон:

— Конечно, вы знали насчет Джесси. Вы сами медиевист и входите в ту же организацию. Ваши старомодные очки! Эти окна! Да и характер у вас подходящий. Но у меня есть более веские доказательства, как Джесси узнала, что Дэниел робот? Этот вопрос не давал мне покоя. Теперь ясно, что через свою организацию. Но откуда об этом стало известно медиевистам? Вы, комиссар, выдвинули версию, что в нем, мол, признали робота во время неурядицу обувного прилавка. Я усомнился в этом. Ведь принял же я его за человека в самом начале, а глаза у меня в полном порядке. Вчера я пригласил сюда доктора Джерригела. Сначала он был мне нужен, чтобы убедиться, узнает ли он происхождение Дэниела без моей помощи, но потом появились и другие причины. Он не узнал, комиссар! Я представил ему Дэниела, Они обменялись рукопожатием, завязалась общая беседа, но его осенило только тогда, когда речь зашла о человекоподобных роботах. Так это же был доктор Джерригел, крупнейший на Земле специалист по роботам! И вы станете утверждать, что какие-то медиевисты смекнули это быстрее, чем он, да еще в той напряженной обстановке, причем были настолько уверены в этом, что пустили вход всю свою организацию? Ведь они

могли лишь догадываться, что Дэниел робот. Я теперь убежден, что медиевисты с самого начала точно знали, кто такой Дэниел. Столкновение в магазине было рассчитано на то, чтобы показать Дэниелу, а следовательно, и Космотауну, до чего в городе не любят роботов. Цель инцидента — запутать все дело, отвести подозрение с отдельных лиц и направить его на все население… Итак, кто же мог раскрыть им правду об Р. Дэниеле? Не я. Я было заподозрил самого Дэниела, но и это отпало. Из всех землян об этом знали еще вы, комиссар.

— К нам в управление могли проникнуть шпионы! — с неожиданным пылом воскликнул Эндерби. — Медиевисты могли подослать их сколько угодно. Вашу жену, например. А раз уж вы сочли возможным заподозрить меня, то что же говорить о других, менее надежных сотрудниках?

Бейли недобро усмехнулся:

— Давайте пока не будем толковать о мифических шпионах, а посмотрим, куда приведет нас прямое решение. Я утверждаю, что вы не только вероятный, но и фактический предатель. Вспомните, комиссар, как менялось ваше настроение в зависимости оттого, близко я находился от разгадки или далеко от нее. А как вы нервничали…

Вчера утром, когда я хотел поехать в Космотаун и отказался сказать вам зачем, вы чуть в обморок не упали. Выдумали, я застукал вас, комиссар? Что я хотел заманить вас в ловушку? Вы сказали, что ненавидите их. Едва не разрыдались. Я было решил, что вы вспомнили о том унижении, которое испытали в Космотауне, когда вас держали под подозрением. Но потом Дэниел сказал мне, что они пощадили вашу чувствительность. Вы и не знали, что находитесь под подозрением. Причиной вашей паники был страх, а не унижение. А когда с таким треском провалилась моя первая версия, когда вы увидели, как далек я от правды, вы снова обрели уверенность. Вы даже спорили со мной, защищали космонитов. После этого вы некоторое время владели собой, были вполне уверены. Тогда я удивился, что вы так легко простили мои ложные обвинения против космонитов, хотя до этого сами пугали меня их щепетильностью. Затем я заказал разговор с доктором Джерригел ом; вы хотели знать зачем: я вам не сказал. Это снова повергло вас в панику, потому что вы боялись…

— Партнер Илайдж! — неожиданно поднял руку Р. Дэниел.

Бейли посмотрел на часы: 23.42.

— В чем дело?

— Возможно, его тревожила мысль о том, что раскроются его связи с медиевистами, если мы установим их. Однако это не следует связывать с убийством. Он не мог иметь с ним ничего общего.

— Вы глубоко ошибаетесь, Дэниел, — возразил Бейли. — Он не знал, для чего мне нужен Джерригел, но мог легко предположить, что для получения сведений о роботах. Это и перепугало комиссара, так как именно робот имеет самое непосредственное отношение к его более тяжкому преступлению. Я прав, не так ли, комиссар?

Эндерби покачал головой.

— Когда это кончится?.. — с ненавистью прохрипел он, но замолк, не в силах продолжить.

— Как же было совершено убийство? — Бейли едва сдерживал охватившую его ярость. — С помощью C/Fe, черт бы его побрал! C/Fe! Я пользуюсь вашим термином, Дэниел. Вы готовы лопнуть от гордости за свою цивилизацию C/Fe, а вот догадаться, что житель Земли воспользовался именно ею, хоть и временно, оказалось вам не под силу. Вот как все происходило. Нет ничего удивительного в том, что за пределы города выходит робот. Даже ночью. Даже в одиночку. Комиссар вручил

Р. Сэмми бластер и сказал ему, когда и куда идти. Сам он оказался на территории Космотауна законным путем и, конечно, сдал при входе свое оружие. Взяв у Р. Сэмми бластер, он убил доктора Сартона и вернул оружие роботу, который благополучно доставил его в Нью-Йорк. Сегодня он уничтожил Р. Сэмми, так как тот знал слишком много. Все становится понятным. И присутствие комиссара, и пропажа орудия убийства. Отпадает и невероятная версия, по которой житель Нью-Йорка должен был целую милю пробираться в Космотаун под открытым ночным небом.

Р. Дэниел терпеливо дождался конца этого монолога и невозмутимо сказал:

— Я вам сочувствую, партнер Илайдж, но я рад и за комиссара Эндерби, потому что ваш рассказ вовсе не убедителен. Я уже вам говорил, что цереброаналитические свойства комиссара таковы, что он не может совершить умышленное убийство. Я не знаю, каким словом можно описать этот психологический факт: трусостью, совестливостью или жалостью. Я знаком со словарным толкованием этих слов, но мне трудно судить самому, во всяком случае, комиссар Эндерби убийства не совершал.

— Спасибо, — произнес Эндерби более уверен-

ным голосом. — Не знаю, каковы ваши побуждения, Бейли, и с какой целью вы стараетесь уничтожить меня, но я доберусь до них…

— Постойте, — прервал его Бейли. — Я еще не кончил. У меня есть вот это.

Он швырнул на стол алюминиевый кубик. Он не чувствовал в себе той уверенности, какую, ему казалось, излучал на других. Вот уже в течение получаса он скрывал от себя одну небольшую истину: он не знал, что покажет этот оригинальный проектор. Он вел рискованную игру, но ему больше ничего не оставалось делать.

Эндерби отпрянул от блестящего предмета.

— Что это?

— Не бойтесь, не бомба, — усмехнулся Бейли. — Всего лишь обычный микропроектор.

— Что вы собираетесь доказать?

— Сейчас увидите.

Бейли прикоснулся к одной из прорезей сбоку проектора, угол кабинета Эндерби тотчас же осветился, и в нем возникло объемное изображение какой-то странной сцены. Она захватила все пространство от пола до потолка и уходила за стены кабинета. Ев окутывал сероватый свет незнакомого для жителей Нью-Йорка происхождения.

«Должно быть, они называют это рассве-

том», — подумал Бейли со смешанным чувством отвращения и любопытства.

Сцена изображала комнату куполообразного дома Сартона. В центре был виден изуродованный труп космонита.

Глаза Эндерби готовы были выскочить из орбит.

— Я знаю, что комиссар по натуре не убийца, — заговорил Бейли. — Мне и без вас это ясно, Дэниел. Но если бы я не упустил из виду одну деталь, то уже давно закончил бы расследование. Меня осенило час назад, когда я напомнил вам о контактных линзах моего сына. — Он повернулся к Эндерби. — Да, комиссар, именно в этом все дело. Лишь тогда я сообразил, что ваша близорукость и ваши очки — ключ к разгадке. Жители Внешних Миров понятия не имеют о том, что такое близорукость, иначе бы они без труда остановили, кто убил Сартона. Комиссар, когда вы разбили очки?

— Какое это имеет отношение к делу? — возмутился Эндерби.

— В самого начале расследования вы сказали, что разбили очки в Космотауне. Я решил, что вы уронили их от волнения, когда узнали об убийстве. Но вы сами ничего такого мне не говорили,

значит, мое решение было безосновательным. На самом же деле, если вы шли в Космотаун, замышляя преступление, то были уже достаточно возбуждены и могли уронить и разбить свои очки до, а не после убийства. Так оно в действительности и произошло, комиссар.

— Я не вижу, к чему вы клоните, партнер Илайдж.

«Мне остается десять минут быть партнером. Быстрее! Говорить быстрее! И думать быстрее!» — пронеслось у Бейли.

Продолжая говорить, он манипулировал объемным изображением жилища Сартона. Охваченный волнением, он непослушными пальцами двигал рычажки, увеличивая его. Медленно, рывками к ним приближался труп, вырастая на тазах и занимая собой все пространство в углу комнаты. Бейли казалось, что он чувствует запах обгоревшей плоти. Бейли искоса взглянул на комиссара. Эндерби сидел с закрытыми глазами. По-видимому, ему было плохо. Бейли тоже тошнило, но он должен был смотреть. Сейчас невидимый луч передатчика обшаривал квадрат за квадратом пространство вокруг трупа. Палец Бейли соскочил с рычажка, и изображение покачнулось и расплылось в неразличимую картину,

выйдя за пределы разрешающей способности передатчика. Он уменьшил изображение, и труп отплыл в сторону. Бейли все еще продолжал говорить. Другого выхода не было. Он не мог остановиться, пока не найдет то, что ищет. И если ему это не удастся, никто не поверит ни одному его слову. Хуже, чем не поверит. Его сердце работало толчками, в висках стучала кровь. Он говорил:

— Комиссар не способен на умышленное убийство. Согласен! На умышленное. Но это могло произойти нечаянно. Комиссар шел в Космотаун не для того, чтобы убить доктора Сартона. Он задумал уничтожить вас, Дэниел, вас) Есть ли в его цереброанализе какое-то указание, что он не способен разрушить машину? Это ведь не убийство, а просто диверсия. Он убежденный медиевист. Он сотрудничал с доктором Сартоном и знал, для чего предназначался Дэниел. Он опасался, что космонитам удастся их план и что землян постепенно отлучат от Земли. Поэтому он решил уничтожить вас, Дэниел. Такого робота, как вы, больше нет; вот он и подумал, что сумеет остановить космонитов, показав им размах и решимость медиевистского движения. Он знал, что общественное мнение Внешних Миров против существования Космотауна. Доктор Сартон,

должно быть, поделился с ним этим. И он решил, что убийство будет последней каплей, которая переполнит чашу. Не думаю, чтобы мысль об убийстве, пусть даже робота, была ему по душе. Он охотно передоверил бы это Р. Сэмми. О, вы так похожи на человека, что такой примитивный робот, как Сэмми, не увидел и никогда не понял бы, в чем разница. Первый закон не дал бы ему убить вас. С другой стороны, из всех землян лишь один комиссар имел свободный доступ в Космотаун. Иначе бы он наверняка заставил кого-нибудь другого совершить это черное дело. Мне кажется, план комиссара заключался в следующем. Признаюсь, пока это только предположение, но, по-моему, предположение верное. Он договорился о встрече с доктором Сартоном, но умышленно пришел задолго до назначенного времени. Точнее — на рассвете, полагая, что Сартон будет еще спать, а вы, Дэниел, будете бодрствовать. Кстати, я исходил из того, что вы постоянно находились в доме Сартона.

— Вы совершенно правы, партнер Илайдж, — кивнул робот.

— Тогда я продолжу. Комиссар рассчитывал, что у двери встретите его вы, Дэниел, и тогда он всадит в вас полный заряд бластера. С вами

покончено. Комиссар тут же отправляется к тому месту, где должен ждать Р. Сэмми, отдает ему бластер и, не торопясь, возвращается к дому Сартона. В случае нужды ему не составит никакого труда оправдать свое раннее появление в Космотауне тем, что пришел предупредить доктора Сартона о якобы готовящемся на них нападении. Мертвый робот лишь придаст вес его словам. Что касается Р. Сэмми, то едва ли кто обратит на него внимание, приняв его за одного из роботов, используемых на фермах. Ну так как, комиссар, близок я к истине?

Эндерби всего передернуло:

— Я не убивал…

— Р. Дэниела? — подхватил Бейли. — Конечно, нет. Вот он, перед вами. Не потому ли за все время, что он в городе, вы ни разу не назвали его по имени и не обратились к нему непосредственно. Посмотрите на него хорошенько, комиссар!

Комиссар не мог этого сделать. Он закрыл лицо трясущимися руками.

Проектор едва не вывалился из дрожащих рук Бейли. Он нашел то, что искал. Перед ним крупным планом стояло изображение входа в дом доктора Сартона. Дверь было открыта; она была задвинута в стену, отчего стали видны метал-

лические желобки, по которым она скользила. В них что-то поблескивало. Ошибиться было невозможно!

— Так вот как это было, — торопился Бейли. — Вы подошли к дому Сартона. Вы нервничали и, как всегда, когда вы волнуетесь, сняли очки и стали их протирать. Вот тут-то вы их и уронили; быть может, и наступили на них. Во всяком случае, очки разбились, и в этот момент дверь отодвинулась, и в ней показалась похожая на Дэниела фигура. Вы разрядили в него бластер, подхватили разбитые очки и скрылись. Труп обнаружили они, а не вы, а когда они увидели вас, оказалось, что вы убили доктора Сартона, а не Дэниела. Беда в том, что доктор Сартон придал роботу свой облик, а вы без очков не заметили разницы. Если вам нужны вещественные доказательства, то они здесь!

С этими словами Бейли осторожно положил на стол микропроектор и бережно накрыл его рукой.

Лицо комиссара Эндерби исказилось от ужаса, лицо Бейли — от напряжения; Р. Дэниел оставался бесстрастным.

Бейли протянул руку к Р. Дэниелу.

— Что, по-вашему, блестело в желобках двери,

Дэниел?

— Два небольших осколка стекла, — холодно ответил робот, — Нам это ни о чем не говорит.

— Сейчас вам станет понятно. Это часть вогнутых линз. Измерьте их оптические свойства и сравните со стеклами, которые носит сейчас Эндерби. Не сметь, комиссар!

Он бросился к комиссару и выхватил очки у него из рук, прежде чем тот швырнул их на пол. Тяжело дыша, он протянул их Р. Дэниелу.

— По-моему, этого вполне достаточно, чтобы доказать, что он был у дома доктора Сартона раньше, чем предполагалось.

— Я полностью убежден, — сказал Р. Дэниел. — Теперь я вижу, что был совершенно сбит с толку цереброанализом комиссара. Поздравляю вас, партнер Илайдж.

На часах у Бейли было 24.00. Наступал новый день.

Комиссар медленно опустил голову на руки и невнятно проговорил:

— Это была ошибка. Ошибка… Я не хотел его убивать.

Он неожиданно соскользнул со стула и свалился на пол.

Р. Дэниел бросился к нему со словами.

— Вы причинили ему вред, Илайдж. Это очень плохо.

— Но он жив, не так ли?

— Да. Потерял сознание.

— Ничего, очнется. Нервы подкачали, наверное. У меня не было другого выхода, Дэниел. Для судебного преследования моих выводов было бы недостаточно, я должен был вынудить его сознаться, пусть даже такой ценой. Вы ведь слышали его признание, Дэниел?

— Да, слышал.

— Если вы помните, я обещал, что это будет на пользу планам Космотауна… Погодите, он приходит в себя.

Комиссар застонал. Он медленно открыл глаза и молча посмотрел ка склонившиеся над ним фигуры.

— Комиссар, вы меня слышите? — спросил Бейли.

Эндерби безразлично кивнул.

— Тогда слушайте внимательно. Космонитам сейчас не до вас. У них есть более серьезные дела, и если вы согласитесь сотрудничать…

— Что, что? — В глазах комиссара появилась надежда.

— Вы, должно быть, важная персона в меди-

евистском движении Нью-Йорка, а то и всей планеты. Убедите своих единомышленников согласиться на освоение космоса. Вы ведь знаете, какую надо проводить линию? Мы сможем вернуться назад к природе… но на других планетах.

— Не понимаю, — пробормотал комиссар.

— Космониты добиваются именно этого. И, черт побери, теперь я полностью разделяю их точку зрения. Ради этого они каждый день рискуют своей жизнью, оставаясь на Земле, и если вы сумеете воспользоваться смертью доктора Сартона, чтобы убедить медиевистов возобновить освоение Галактики, космониты, возможно, сочтут эту жертву оправданной. Вы меня поняли?

— Илайдж совершенно прав, — вступил в разговор Р. Дэниел. — Помогите нам, комиссар, и мы забудем прошлое. Я говорю от имени доктора Фастольфа и других. Однако если, согласившись сейчас, вы потом предадите нас, мы будем вынуждены предъявить вам обвинение в убийстве. Надеюсь, вы отдаете себе в этом отчет? Мне больно напоминать вам об этом.

— И я не подвергнусь судебному расследованию? — недоверчиво спросил комиссар.

— Нет, если поможете нам.

Слезы появились у него на глазах.

— Конечно, конечно. Произошел несчастный случай. Объясните им. Потом, мне показалось, что я поступаю правильно.

— Вы поступите правильно, если поможете нам, — убеждал его Бейли. — Спасение Земли — в освоении космоса. Отбросьте свои предрассудки, и тогда вы поймете это. А то поговорите с доктором Фастольфом. А пока вы можете помочь тем, что замнете дело Р. Сэмми. Объясните его гибель несчастным случаем или как вам угодно. — Бейли встал на ноги. — И учтите, Космотаун в курсе всех событий, так что не советую вам замышлять что-нибудь против меня. Надеюсь, это вам понятно, комиссар Эндерби.

— Можете быть спокойны, Илайдж, — сказал Р. Дэниел. — Он искренне соглашается сотрудничать с нами. Это явствует из его цереброанализа.

— Хорошо. Тогда мне пора домой. Как-никак у меня есть жена и сын, и я чертовски хочу спать. — Бейли пытливо посмотрел на Р. Дэниела. — Дэниел, вы останетесь на Земле после отъезда космонитов?

— У меня еще нет никаких инструкций на этот счет. А почему вы спрашиваете?

Бейли прикусил губу и нерешительно сказал:

— Не думал, что когда-нибудь придется делать

такое признание такому, как вы, Дэниел, но я доверяю вам. Даже больше — я восхищен вами. Я слишком стар, чтобы самому отправиться на новые планеты, но если в конце концов будут открыты школы для эмигрантов, я отдам туда Бентли. Кто знает, может, когда-нибудь вы с Бентли вместе…

— Кто знает… — Лицо Р. Дэниела не выражало никаких эмоций.

…Джулиус Эндерби смотрел на них обоих с выражением удивления на лице, которое только сейчас стало обретать свой естественный цвет.

— Друг Джулиус, — сказал робот, — я пытался понять кое-какие рассуждения Илайджа. Возможно, я начинаю понимать его мысль, ибо сейчас мне уже кажется, что уничтожение того, чего не должно быть, то есть уничтожение того, что вы, люди, называете злом, не столь оправдано и желательно, как обращение этого зла в то, что вы зовете добром.

Затем нерешительно, словно бы удивляясь собственным словам, он произнес: — Иди и впредь не греши.

Лайдж Бейли неожиданно улыбнулся, взял Р. Дэниела за локоть, и оба рука об руку вышли из комнаты.

Обнаженное солнце

Илайдж Бейли упорно боролся со страхом. Сам по себе срочный вызов к государственному секретарю был достаточно неприятен. Срочность означала, что придется воспользоваться самолетом. Это отнюдь не радовало Илайджа Бейли. Но в конце концов, путешествие самолетом, хотя, конечно, и не удовольствие, но оно вовсе не означает прыжок в неизвестность. На самолете, как Бейли знал, нет окон. Будет хороший искусственный свет, приличная еда и прочие удобства.

— Мне это совсем не нравится, Илайдж. Зачем тебе самолет? Почему не поехать на подземном поезде? — настойчиво твердила Джесси.

— Потому что я полицейский, — отвечал Бейли, — и обязан безоговорочно выполнять приказания начальства. Во всяком случае, — он усмехнулся, — если я хочу по-прежнему получать содержание по классу С-7…

Джесси вздохнула. С этим трудно было спорить.

В самолете Илайдж Бейли неотрывно смотрел на киноэкран, чтобы отвлечься от мыслей об

окружающей самолет атмосфере. Он твердил: «Я полностью защищен, самолет подобен небольшому городу». Но он знал, что это не так. Всего лишь несколько дюймов стали защищали его от… от пустоты… Да, да, пустоты, ибо воздух — это пустота.

Наверное, сейчас он пролетал над дорогими его сердцу погребенными глубоко под землей городами. Он представлял бесконечно длинные улицы подземных городов, заполненные торопящимися людьми — фабрики, дома, столовые, поезда — всюду привычное тепло и всюду люди, люди… бесконечное множество их. А он один в открытом, холодном, равнодушном пространстве, едва отделенный от него тонкими стенками самолета, он мчится в пустоте… Он пытался сосредоточиться на экране. Там предлагали рассказ об экспедиции в Галактику. Герой-исследователь был жителем Земли. Эти детские наивные попытки показать, что земляне тоже могут исследовать Галактику, вызывали у Бейли раздражение. На самом деле Галактика была закрыта для них. Галактику освоили жители других миров — спейсеры[1]. Правда, их отдаленные предки жили на Земле,

---

[1] Примечания: 1

От английского слова спейс (space) — пространство.

но это было много веков назад. Теперь обитатели Внешних Миров полностью преградили туда путь своим родственникам с Земли. Из страха перед могучими боевыми ракетами Внешних земная цивилизация погребла себя глубоко в недра Земли.

— О, дьявол! — думал с горечью Бейли, — нужно что-то предпринимать, а не тешиться дурацкими сказками.

Самолет приземлился. Бейли и его попутчики вышли из самолета и разошлись в разные стороны, так и не взглянув друг на друга. У Бейли еще оставалось время, чтобы закусить перед тем, как поехать в Департамент юстиции. Кругом царила привычная его сердцу атмосфера. От аэропорта тянулись во всех направлениях бесконечные коридоры, наполненные гулом и шумом людских голосов. Он чувствовал себя в полной безопасности в чреве Земли. Страх прошел, и ему лишь хотелось принять душ, чтобы почувствовать обычную бодрость и уверенность. Для получения направления в душ Бейли следовало предъявить свое удостоверение, а также официальный вызов в Департамент юстиции. После проверки предписания с нужными подписями и печатями ему выдали направление согласно его индексу

жизни (С-7). Получив в душевой причитающееся ему количество воды, Бейли почувствовал себя освеженным и готовым к визиту в Департамент юстиции. Странно, но теперь он не чувствовал никакого беспокойства.

Государственный секретарь Альберт Минним, крепко скроенный небольшого роста человек с седеющими висками оставлял ощущение благополучия, щеголеватой опрятности и легкий запах одеколона. Все это говорило о том, что индекс жизни чиновников Департамента юстиции был достаточно высок. Бейли почувствовал себя неуклюжим, громоздким и отнюдь не щеголеватым.

— Я рад видеть вас, инспектор, — ласково произнес Альберт Минним и протянул ему ящик с сигарами.

— Только трубку, сэр, — ответил Бейли, вытаскивая ее из кармана. В ту же секунду он пожалел о сказанных словах. Сигара помогла бы сэкономить табак, которого ему не хватало, несмотря на недавно полученный индекс жизни С-7 вместо прежнего С-6.

— Пожалуйста, я подожду, — снисходительно заметил Минним, глядя, как Бейли набивает трубку тщательно отмеренной порцией табака.

— Мне не сообщили причину моего вызова,

сэр, — сказал Бейли, заканчивая свою процедуру.

— Я знаю. Причина простая, — улыбнулся Минним. — Вы должны выехать для выполнения ответственного задания, вот и все.

— А куда поехать, далеко?

— О да, весьма.

Бейли задумчиво посмотрел на своего собеседника. Все преимущества, а также дефекты нового назначения были ему ясны. Разумеется, его индекс жизни не будет снижен. Бейли, примерного семьянина и домоседа, отнюдь не привлекала перспектива разлуки с женой Джесси и сыном Бентли. И кроме того, всякая новая работа требовала большого напряжения и ответственности по сравнению с его обычными профессиональными обязанностями. Не так давно Бейли расследовал убийство одного спейсера — обитателя Внешних Миров, прибывшего на Землю. Он успешно выполнил задание, но перспектива вновь браться за столь же ответственное дело не радовала его.

— Не будете ли вы любезны сообщить мне, сэр, как далеко вы отправляете меня и чем я должен буду заниматься? — спокойно спросил Бейли.

Прежде, чем ответить, Минним вынул сигару из ящичка, долго, тщательно зажигал ее, глубоко затянулся и, глядя на медленно тающий в воздухе

дымок, раздельно произнес:

— Департамент юстиции посылает вас на планету Солярия.

Бейли поднялся со стула и внезапно охрипшим голосом спросил:

— Вы имеете в виду один из Внешних Миров?

— Да, именно так, — Минним избегал его взгляда.

— Но это невозможно! — воскликнул Бейли. — Ведь они не пускают к себе жителей Земли.

— Обстоятельства иногда меняются, инспектор. Дело в том, что на Солярии произошло убийство.

Губы Бейли тронуло слабое подобие улыбки.

— Вряд ли это входит в нашу компетенцию, не так ли, сэр?

— Возможно, но они попросили помощи.

— Попросили помощи? У Земли? — переспросил Бейли.

Спейсеры, обитатели других миров, в лучшем случае относились к жителям планеты-прародительницы снисходительно безразлично, а в худшем — с нескрываемым презрением.

— Да, это необычно, — согласился Минним, — но факт. Они просят прислать им квалифицированного детектива. Это решение принято в результате дипломатических переговоров на

высочайшем уровне.

Бейли снова сел.

— Но почему именно меня? — тихо спросил он, — я уже не так молод, мне сорок три. У меня семья. Мне трудно покинуть Землю.

— Инспектор Бейли! Мы ничем не можем помочь вам, — сухо ответил Минним! — Если хотите знать, вас выбрали не мы, а они. Они просили прислать полицейского Илайджа Бейли, индекс жизни С-7. Как видите, ошибки быть не может.

— Но я недостаточно опытен для такого сложного дела, — упрямо продолжал Бейли.

— Очевидно, им понравилось, как вы расследовали убийство спейсера, имевшее место у нас, на Земле… Во всяком случае, мы ответили согласием. Вам придется ехать, Бейли, О семье не беспокойтесь. Во время вашего отсутствия о ней позаботятся и, кстати, по более высокому индексу жизни, чем ваш нынешний. — Минним помолчал, а затем медленно добавил: — Имейте в виду, Бейли, в случае успешного вы пол нения задания на Солярии ваш индекс жизни будет не менее, чем С-8…, а возможно, и… — тут государственный секретарь многозначительно остановился.

Бейли чувствовал себя оглушенным. Он, Илайдж Бейли, скромный детектив, будет жить

по индексу С-8, а может быть, и… Он будет курить сигары и получать душ каждый день. Да, но для этого он должен отправиться на неведомую Солярию. Покинуть Землю, семью…

Ровным, неестественно звучащим голосом он спросил:

— Что за убийство, сэр? Каковы факты?

Холеными пальцами Минним повертел сигару.

— Я не знаю, деталей дела, Бейли, — наконец ответил он.

— Но кто же информирует меня, сэр? Не могу же я отправиться на чужую планету, не зная ничего об обстоятельствах, связанных с убийством?

— Здесь, на Земле, никто ничего не знает. Соляриане не дали нам никакой информации. Вы должны будете узнать все на месте.

Отчаянная мысль промелькнула в мозгу Бейли: «А что, если я откажусь?» Увы, он точно знал, что за отказом последует полная дисквалификация… Минним мягко, но настойчиво повторил:

— Вы не можете отказаться, инспектор. Вы должны выполнять свои обязанности.

— Какие у меня обязанности по отношению к Солярии! — воскликнул Бейли. — Пусть они идут ко всем чертям!

— Я имею в виду обязанности по отношению к нам, Бейли, только к нам. Бы ведь знаете, каковы взаимоотношения между Землей и Внешними Мирами, не так ли?

Бейли, так же как любой другой обитатель Земли, знал ситуацию достаточно хорошо. Пятьдесят Внешних Миров, с общим населением значительно меньшим, чем население Земли… Но в военно-техническом отношении каждый из этих миров в отдельности был неизмеримо мощнее Земли. Экономика Внешних Миров держалась на высочайшей технике с широким использованием роботов.

— Главное, что закрепляет наше неравенство во взаимоотношениях с ними, — продолжал государственный секретарь, — это наша полная неосведомленность о них. Они знают о нас решительно все. Их посланцы часто прибывают к нам и требуют полной информации. А мы? Как вы знаете, многие годы жители Земли не допускаются во Внешние Миры. У вас появился редчайший шанс побывать на одной из этих привилегированных планет. Всякая ваша информация о Солярии будет чрезвычайно полезной для нас.

— Вы хотите, чтобы я занимался шпионажем? — мрачно пробормотал Бейли.

— Нисколько! — поспешно воскликнул Минним. — Единственное, что от вас требуется, — это пошире раскрыть глаза и уши. Смотреть, слушать, запоминать, вот ваша обязанность. Вся полученная от вас информация будет подвергнута тщательному анализу и изучению.

— Все это так, — задумчиво протянул Бейли, — но… посылать земляника во Внешние Миры довольно рискованно. Как вы знаете, спейсеры нас терпеть не могут. Несмотря на самые благие намерения, мое пребывание на Солярии может вызвать весьма серьезные осложнения в космическом масштабе. Правительство Земли могло бы найти повод, чтобы не посылать меня. Например, сообщить, что я чем-то болен. Обитатели Внешних Миров панически боятся инфекции.

Бейли ожидал взрыва негодования со стороны своего шефа, но, к его удивлению, государственный секретарь наклонился к нему и заговорил доверительно:

— Я вам сообщу нечто весьма секретное, Бейли. Наши социологи, изучая современное состояние Галактики, пришли к некоторым тревожным выводам. Имеется пятьдесят Внешних Миров, мощных, богатых, широко использующих труд роботов. Во Внешних Мирах живет небольшое

количество людей, здоровых и могучих… А мы, перенаселенная, бедная, технически отсталая планета, переполненная людьми физически слабыми. Наша короткая жизнь не идет ни в какие сравнения с долголетием обитателей других миров. Плохи наши дела, Бейли.

— Ну пока еще рано опасаться чего-либо, — возразил детектив.

— Ошибаетесь, Бейли, совсем не рано. Возможно, наше поколение еще не столкнется с реальной опасностью. Но у нас есть дети… Перенаселение Земли все больше прогрессирует. Уже сейчас на Земле около восьми биллионов. Социологи опасаются дурного оборота событий. Жителей Внешних Миров пугает все возрастающее население Земли. Возможно, в какой-то момент они решат, что с нашей планетой следует покончить… Таков плачевный прогноз.

Бейли растерянно взглянул на своего собеседника.

— Что же вы от меня хотите? — неуверенно спросил он.

— Вы должны получить там необходимую информацию. Мы знаем о них только то, что немногие посещающие нашу планету спейсеры благоволят сообщить нам, и больше ничего. У

них есть сила. Но, черт побери, ведь есть же у них и слабости, не так ли? А вот о них-то мы не имеем ни малейшего представления. Только зная их уязвимые места, мы получим шанс спасти себя и своих потомков от гибели.

— В таком случае, следовало бы послать туда кого-либо из социологов, не так ли, сэр?

Минним покачал головой.

— Мы не можем посылать к ним того, кого хотим. Они просят детектива. Очень хорошо. В конце концов, детектив тот же социолог, но социолог в действии, не так ли? Мы знаем, что вы справитесь, Бейли.

— Благодарю вас, сэр, — машинально произнес Бейли. — Ну, а что, если я попаду в беду?

Государственный секретарь пожал плечами.

— В работе детектива всегда имеется некоторый риск, — небрежно сказал он. — Во всяком случае, уже поздно что-либо обсуждать. Все подготовлено. Время вашего отлета установлено.

Бейли напрягся.

— Когда же я должен улететь?

— Через два часа, — последовал быстрый ответ.

— Но я хотел бы съездить домой. Моя жена… — начал было Бейли.

— Мы позаботимся о вашей семье, — прервал его Минним. — Ваша жена не должна знать ничего о вашей поездке. Мы объясним ей, что вы некоторое время не сможете писать ей. Итак, решена Дорогой Бейли, мы все должны выполнять свой долг. А теперь вам пора на ракетодром.

Бейли был единственным пассажиром огромного межзвездного корабля. Согласно стандартам гигиены Внешних Миров его долго и тщательно мыли и очищали от многочисленных микробов, по отношению к которым земляне имели иммунитет, но которых панически боялись обитатели Внешних Миров, живущие в стерилизованной атмосфере. После всех гигиенических процедур по каким-то переходам Бейли провели внутрь огромной ракеты. Здесь его ожидал робот.

— Вы полицейский инспектор Бейли? — глухо спросил робот. Его глаза тускло светились красноватым светом.

— Да, это я, — быстро ответил Бейли. Волосы на его голове зашевелились. Как и все жители Земли, он плохо переносил роботов. Правда, он знал одного удивительно робота. Дэниел Оливо было его имя. Дэниел был его партнером по расследованию убийства спейсера на Земле. Он был. Ну, да что вспоминать о нем.

— Пожалуйста, следуйте за мной, господни, — промолвил робот и осветил трап. Двигаясь за своим проводником, Бейли поднялся по трапу и по новым длинным переходам проследовал в большой салон.

— Это — ваше помещение, господин, — сказал робот. — Просьба не покидать его в течение всего путешествия.

«Ну еще бы, — про себя усмехнулся Бейли, — здесь я безвреден. Никакой инфекции. Наверное даже коридоры, по которым я проходил, сейчас дезинфицируют, а робот пройдет специальную обработку».

— Здесь имеются все удобства, — продолжал робот, глядя на Бейли красными глазами, — я буду подавать вам еду и все, что вам потребуется, господин. Если вы захотите полюбоваться видом окружающего пространства, можно открыть вот этот люк.

При слове «пространство» Бейли передернуло.

— Все в порядке, парень, — быстро сказал он, — пусть люк останется закрытым.

Бейли употребил выражение «парень», которым земляне обычно называли роботов. Робот наклонил свое большое металлическое тело в почтительном поклоне и удалился. Бейли остался

один. Во всяком случае, помещение герметично закупорено, и он надежно огражден от внешнего пространства. Бейли с облегчением вздохнул.

Из микрофона послышался металлический голос. Робот инструктировал Бейли, как вести себя в условиях ускорения при подъеме корабля. Бейли ощутил толчок, огромный корабль завибрировал, раздался грохот, сменившийся гулом и жужжанием реактивных двигателей. А вскоре наступила гнетущая тишина. Корабль двигался в космическом пространстве. Бейли ничего не ощущал. Все вокруг казалось ему нереальным. Он повторял себе, что с каждым мгновением на многие тысячи миль отдалялся от дома, от погребенных под землей городов, от Джесси… Но и это почему-то не фиксировалось в его мозгу. Ощущение времени стерлось. Недели или месяцы… — это он не знал, — тянулись однообразно, без всяких событий. Бейли знал одно — он отдалился от Земли на многие световые годы. Он не мог знать точно, на сколько. Никто на Земле не имел ни малейшего представления о том, где находится Солярия: давно миновали дни, когда земляне покоряли просторы и основывали новые миры.

В салон вошел робот. Его мрачные, с крас-

новатым отливом глаза взглянули на ремни, которыми Бейли был прикреплен к креслу. Робот ловко поправил застежку, внимательно оглядел все помещение и отчетливо произнес:

— Мы прибудем на Солярию через три часа, господин. Пожалуйста, не покидайте ваше кресло. За вами придет господин, который проводит вас в вашу резиденцию.

— Минуточку, — сказал Бейли. Пристегнутый к креслу ремнями, он чувствовал себя совершенно беспомощным. — Какое время суток это будет?

— Согласно среднему галактическому времени это будет…

— Да нет, о, дьявол, по местному времени, парень, по местному, — почти закричал Бейли.

Но робот невозмутимо продолжал:

— Сутки в Солярии равняются двадцати восьми, запятая, тридцати пяти стандартным часам. Солярийный час состоит из десяти декад, каждая из которых в свою очередь состоит из ста сектад. По расписанию мы прибываем на ракетодром в двадцатую сектаду.

Бейли остро возненавидел робота. За точность, за непонятливость и за то, что он, Бейли, проявлял перед роботом слабость.

— Это будет день или ночь? — спросил Бейли

хрипло.

— День, господин, — спокойно ответил робот и вышел.

Бейли вздрогнул. О, дьявол! Он должен будет ступить на поверхность незнакомой планеты днем, не защищенный ничем от солнечного света, от окружающего пространства… Не будет даже иллюзорных стен темноты… Но он не смеет проявить слабость перед обитателями Солярии. Будь он проклят, если он это сделает. Сурово поджав губы, Бейли закрыл глаза и качал упорную борьбу с самим собой, со страхом перед открытым пространством.

Напрасно он твердил себе: большинство людей живут в открытых пространствах. Обитатели всех миров, кроме Земли… Когда-то в прошлом и предки землян жили на открытой поверхности Земли. Отсутствие стен не приносит никакого вреда. Это только неприятные ощущения без привычки. Но все это мало помогало. Нет, он не справится… Он живо представлял себе, как те, кто встретят его (в носу у них, разумеется, будет дезинфицирующий фильтр, а на руках перчатки), будут с презрением взирать на него, жалкого и трясущегося землянина. Даже не с презрением, а просто с отвращением…

Корабль остановился, привязанные ремни сами расстегнулись, а Бейли продолжал сидеть в кресле. Он чувствовал страх перед Солнцем, светом и пустотой. Открылась дверь, Краем глаза Бейли увидел высокую фигуру человека с бронзовыми волосами. «Наверное, один из тех гордых самоуверенных потомков эемлян, которым сейчас принадлежит Вселенная», — неприязненно подумал Бейли.

Спейсер заговорил.

— Коллега Илайдж?

Бейли порывисто вскочил с кресла. Некоторое время он стоял, уставившись на вошедшего. У него было прекрасное, идеально правильное лицо, пропорциональное телосложение и безмятежно спокойные, ярко-голубые глаза.

— Дэниел, о, дьявол!..

— Мне приятно, что вы помните меня, коллега Илайдж, — послышался голос с приятными модуляциями…

Чувство огромного облегчения залило Бейли. Он почувствовал непреодолимое желание подскочить к Дэниелу, обнять, крепко встряхнуть его, смеясь, похлопать по спине, словом, проделать все те дурацкие штуки, которые обычно проделывают старинные друзья после долгой

разлуки.

Но Бейли просто шагнул вперед, протянул руку и произнес:

— Вряд ли я смог бы забыть вас, Дэниел.

— Это весьма приятно, — повторил тот, с важностью покачивая головой. — Как вы знаете, я-то никак не могу забыть вас, до тех пор, пока я исправен.

С этими словами Дэниел взял руку Бейли в обе свои и крепко пожал ее. Но Бейли не почувствовал боли от этого крепкого пожатия, наоборот, скорее приятное ощущение. При этом в глубине души он надеялся, что бездонные глаза его собеседника не сумели проникнуть в его сознание и зафиксировать еще не вполне прошедший порыв, когда все его существо было переполнено горячим чувством дружбы. Ибо только проявлением слабости могло быть это чувство, поскольку оно относилось к Дэниелу Оливо, шедевру робототехники планеты Аврора.

Стараясь сохранить невозмутимость, Бейли спросил:

— А вы тоже привлечены к делу об убийстве, Дэниел?

— А разве вам не сообщили этого? Я думал, вы информированы. Сожалею, что сразу не сказал

вам. — .Разумеется, на идеально безмятежном лице робота не было заметно и тени сожаления… — Дело обстояло следующим образом, — продолжал он. — Доктор Хэн Фастольф, которого мы с вами встретили на Земле, во время нашей прежней совместной работы, предложил правительству Солярии пригласить вас, коллега Илайдж, для расследования преступления. Доктор Фастольф поставил также условием мое участие в деле.

Бейли усмехнулся. Доктор Фастольф был спейсер с планеты Аврора, самой могущественной из Внешних Миров. Совершенно очевидно, что мнение аврорианина котировалось высоко повсюду в Галактике.

— Значит, решили запустить в работу проверенную упряжку, а? — шутливо заметил Бейли и вздохнул.

Радостное возбуждение, вызванное появлением Дэниела, постепенно улеглось.

— Я не могу знать целей доктора Фастольфа, коллега Илайдж. Я знаю, что меня направили сюда, поскольку у меня есть опыт совместной работы с жителем Земли, и я знаком с их особенностями.

— Особенностями! — воскликнул Бейли и нахмурился. Ему не понравилось это слово в

применении к нему самому.

— Таким образом, — невозмутимо продолжал робот, — я принял специальные меры, чтобы вы прямо с корабля попали в закрытое помещение. Я знаю, что вы не переносите открытого пространства, поскольку вы провели всю жизнь в подземных городах вашей планеты.

Бейли резко переменил тему.

— Здесь на корабле имеется робот (слово «робот» Бейли умышленно подчеркнул), который заботится обо мне. Он выглядит просто как робот, а не как человек. — В голосе Бейли снова послышались злорадные нотки. Вы уже видели его?

— Да, я говорил с ним.

— Для чего он предназначен? И как я могу сообщаться с ним?

— Он значится под номером Х-9475. На Солярии приняты серийные номера для роботов.

Бейли нажал кнопку. Менее чем через минуту появился вызванный робот, тот самый, который не походил на человека.

— Ты — номер Х-9475? — спросил Бейли.

— Да, господин.

— Ты мне раньше сказал, что за мной на корабль прибудет господин. Ты этого господина имел в виду? — Бейли указал на Дэниела.

Глаза обоих роботов встретились. Номер Х-9475 произнес:

— Его бумаги удостоверяют, что он прибыл для встречи с вами, господин.

— Тебе что-нибудь говорили о нем раньше?

— Нет, господин.

— Ты знал, как он выглядит?

— Нет, господин. Мне просто сообщили его имя.

— Кто сообщил?

— Капитан корабля, господин.

— Он — солярианин?

— Да, господин.

Бейли облизнул губы и задал весьма важный вопрос:

— Какое имя тебе назвали?

— Дэниел Оливо, господин, — ответил номер Х-9475.

— Молодец. Можешь идти.

Х-9475 отвесил «роботический» поклон и удалился.

Бейли повернулся к своему партнеру и задумчиво произнес:

— Вы не рассказали мне всей правды, Дэниел.

— Не понимаю, коллега Илайдж, — удивленно сказал Дэниел.

— Я вспомнил одну странную вещь. Х-9475 совершенно точно сказал мне, что за мной на корабль прибудет человек, понимаете, человек, господин, как он его назвал.

Дэниел спокойно слушал и молчал.

— Я не думал, — продолжал Бейли, — что робот ошибся. Я также подумал, что сначала предполагали послать человека, а потом заменили его вами, а Х-9475 не уведомили об этом. Вы слышали, я проверил это. Робот знал, какие бумаги вы представите и как вас зовут. Но ваше имя было дано не полностью, не так ли, Дэниел?

— Действительно, так, — согласился робот.

— Ваше имя вовсе не Дэниел Оливо, а Р. Дэниел Оливо, то есть робот Дэниел Олизо.

— Вы совершенно правы, коллега Илайдж, — снова подтвердил робот.

— Значит, Х-9475 понятия не имел о том, что вы робот. Он считает вас человеком. С вашей внешностью такой маскарад вполне возможен.

— Я согласен, коллега Илайдж.

— Продолжим. — Бейли чувствовал, как его заливает волна странного восторга, — он напал на какой-то след. Он любил подобные ощущения и чувствовал себя в родной стихии.

— Вряд ли кто-нибудь заинтересован обманы-

вать жалкого робота, — продолжал он с энтузиазмом. — Роботу совершенно все равно, имеет он дело с человеком или с механизмом. Он повинуется приказу. Значит, капитан солярианского корабля и сами солярианские власти не знали, что вы — робот. Это логично, не правда ли?

— Я полагаю, это вполне логично, — невозмутимо произнес Дэниел Оливо.

— Очень хорошо. Но тогда встает вопрос, для чего все это делается? Доктор Хэн Фастольф, рекомендуя вас в качестве моего партнера, скрывает от солярианн, что вы робот. Разве это не опасно?

— Конечно, опасно.

— Но в таком случае, в чем причина такого странного поведения доктора Фастольфа?

— Мне это было объяснено следующим образом, коллега Илайдж, — спокойно ответил человекоподобный робот. — Ваше сотрудничество со спейсером поднимет ваш авторитет в глазах солярианн. А контакт с роботом, наоборот, снизит его. Поскольку я уже дважды сотрудничал с вами, было решено, что я предстану перед солярианами в качестве человека, хотя никто в переговорах с ними не подчеркивал этого факта.

Бейли не поверил, конечно, этому объяснению. Казалось невероятным, чтобы чрезмерная

деликатность по отношению к жителю Земли являлась единственной причиной того, что Дэниел Оливо был послан на Солярию в роли человека. Такое отношение к землянам не было характерным для обитателей Внешних Миров.

— А это правда, что Солярия славится производством роботов? — спросил Бейли.

— Я вижу, что вы информированы о Солярии, — ответил Дэниел.

— Но я ничего, решительно ничего не знаю об этой планете, — возразил Бейли.

— В таком случае, я могу передать вам имеющуюся у меня информацию. Из всех пятидесяти Внешних Миров Солярия является первой планетой в вопросе роботехники, как с точки зрения количества, так и разнообразия выпускаемых моделей. Солярия экспортирует специализированные экземпляры роботов на все другие планеты.

Бейли кивнул с мрачным удовлетворением. Поскольку Солярия является общепризнанным центром роботехники, доктор Фастольф, посылая своего призового робота, мог руководствоваться чисто человеческими соображениями, не имеющими ничего общего с поддержанием авторитета Бейли. «Не сомневаюсь, что даже солярианские

эксперты в области роботехники будут введены в заблуждение Дэниелом Оливо, блистательным роботом с планеты Аврора, — подумал Бейли. — О, дьявол, люди повсюду Люди, и ничто человеческое им не чуждо. Даже на могущественных Внешних Мирах». И мысль о том, что все человеческие существа имеют свои слабости, вселила некоторое успокоение в его душу. Вслух он небрежным тоном спросил:

— А сколько времени мы будем в пути?

— Около часу. Не беспокойтесь, самолет изолирован от внешней среды.

Бейли снова почувствовал недовольство. Его почему-то раздражали заботы о нем, как будто он был беспомощным ребенком. Его также раздражали безупречные обороты речи Дэниела. Бейли с любопытством взглянул на него. У Дэниела была чудесная кожа, с бронзовым отливом, покрытая золотистым пушком, выглядевшим особенно по-человечески. Поразительной была его мускулатура. Мускулы двигались под кожей столь реалистично, что казалось, это живой человек из плоти и крови, великолепное творение природы. Однако Бейли знал, что под этой превосходной кожей находятся не нервы и сухожилия, а металл и механизмы. Его грудь можно раскрыть и про-

извести необходимый ремонт аппаратуры. Он знал, что в черепе робота помещен позитронный мозг. Превосходный, но все же позитронный. Интересно, что в этом чуде техники могло бы выдать его происхождение? Скажем, для опытного глаза роботехника. Трудно сказать… Разве только чересчур правильная речь? Или поведение без эмоций? Или, может быть, слишком высокая степень совершенства его человеческого облика? Бейли тряхнул головой — не стоит терять время на бесплодные размышления.

— Давайте поговорим о Солярии, Дэниел, — как велика эта планета? — обратился он к роботу, когда они заняли свои места в герметически закрытой кабине самолета.

— В диаметре — девять тысяч пятьсот миль, — немедленно последовал ответ. — Из трех ближних к Земле планет Солярия самая большая и единственная обитаемая. По климату и атмосфере очень сходна с Землей. Но количество плодородной почвы значительно больше, чем на Земле. Зато по минеральным богатствам Солярия намного беднее Земли и ее ресурсы почти исчерпаны. Планета легко может прокормить свое население, а широкое использование труда роботов и их экспорт позволяют поддерживать

весьма высокий стандарт жизни.

— А как велико население Солярии?

— Двадцать тысяч человек.

Бейли мягко переспросил:

— Вы хотите сказать, двадцать миллионов, Дэниел?

— Двадцать тысяч человек, коллега Илайдж, — спокойно повторил робот.

— Разве Солярия заселена недавно?

— Планета заселена около трехсот лет назад, и более двух веков она независима. Что же касается населения, то оно умышленно поддерживается на уровне двадцати тысяч. Эту цифру соляриане считают оптимальной.

— Какую часть планеты занимают эти двадцать тысяч?

— Всю ее плодородную часть. На планете имеется также двадцать миллионов функционирующих роботов, коллега Илайдж.

— О, дьявол! — воскликнул Бейли, не в силах подавить свое изумление. — Это значит, что на каждого жителя приходится тысяча роботов?

— Да, именно так. Это рекордной соотношение даже по сравнению с другими Внешними Мирами, коллега Илайдж. Следующей идет Аврора. Там соотношение пятьдесят к одному.

— Для чего солярианам столько роботов?

— Роботы используются на полях, в шахтах… заняты выработкой энергии и всех видов изделий.

Двадцать миллионов роботов!.. Голова Бейли слегка кружилась. Горсточка людей и миллионы человекоподобных машин… Он вспомнил разговор со своим шефом об опасности, угрожавшей Земле. Этот разговор сейчас казался слегка нереальным, но все же Бейли отлично помнил его. Бейли всю свою жизнь был человеком долга. Его долг на планете Солярия состоял в том, чтобы слышать и видеть. Да, открытое пространство страшило его, но он должен работать в любых условиях и не посрамить родную планету. Бейли взглянул на закрытый иллюминатор.

— Эта штука открывается?

— Прошу прощения, коллега Илайдж, но я не вполне понял смысл ваших слов, — медленно ответил Дэниел.

Я спрашиваю, можно ли открыть этот люк? — нетерпеливо повторил Бейли, — можно ли увидеть… открытое небо…

— Да, безусловно.

— В таком случае, сделайте это, Дэниел.

— Я весьма сожалею, но я не могу допустить этого, коллега Илайдж.

Бейли изумленно взглянул на Дэниела.

— Послушайте-ка, робот Дэниел Оливо, — подчеркнуто медленно произнес он, — я приказываю вам немедленно открыть иллюминатор, слышите?

«Машина обязана повиноваться человеку, — подумал он, — как бы она ни походила на человека».

Но Дэниел не сдвинулся с места.

— Я должен объяснить вам следующее, коллега Илайдж, — сказал он. — В первую очередь, на мне лежит обязанность оберегать вас от всякого ущерба. Согласно инструкции, полученной от моих господ, а также согласно собственному опыту, Я знаю, что вы не сможете перенести вид открытого пространства.

Бейли почувствовал, как кровь прилила к его лицу, но он хорошо понимал полную бесполезность своего негодования. Робот есть робот. А Первый Закон роботехники гласит: «Робот ни при каких обстоятельствах не смеет делать ничего, что может причинить вред человеческому существу, а также своей пассивностью допустить, чтобы человеческому существу был причинен какой-либо вред». Конечно, робот обязан повиноваться приказу, но подчиняться приказам было

Вторым Законом роботехники, который гласил: «Робот обязан точно и быстро повиноваться приказам, полученным от человеческих существ, за исключением тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону».

Поэтому Бейли подавил гнев и постарался как мог спокойнее сказать:

— Мне кажется, Дэниел, что я смогу вынести вид открытого пространства в течение некоторого времени.

— Не сможете, коллега Илайдж, — возразил робот.

— Разрешите мне самому решать такие вопросы, Дэниел.

— если это приказ, коллега Илайдж, то я не подчинюсь ему и помешаю вам открыть иллюминатор.

Бейли откинулся на мягкую спинку кресла и задумался. Физическая мощь Дэниела раз в сто превышает его силу. Правда, Бейли мог бы воспользоваться пистолетом. Но что это даст ему, кроме краткого, пусть приятного ощущения силы. Опасности уничтожения для робота не существовало. Самосохранение составляло содержание Третьего Закона, который гласил: «Робот обязан защищать себя от любых повреждений,

только если подобные действия не противоречат Первому и Второму Законам». А кроме того, Бейли не хотел уничтожить или повредить Дэниела, отнюдь не хотел.

— Спросите у пилота, скоро ли мы прибудем, — устало сказал Бейли.

— Сейчас узнаю, коллега Илайдж. — С этими словами робот наклонился вперед и нажал кнопку. Отворилось окошко кабины пилота.

В ту же секунду Бейли быстро наклонился вперед и закричал:

— Пилот, откройте иллюминатор пассажирской кабины!

Бейли быстро нажал кнопку, и окошко закрылось. Человеческая рука не отпускала кнопку. Слегка задыхаясь, Бейли глядел на Дэниела. Тот не двигался. Было такое впечатление, как будто нарушилось какое-то равновесие в извилинах его позитронного мозга. Но, видимо, мозг быстро приспособился к новой ситуации. Рука робота потянулась к кнопке.

— Вы не заставите меня убрать руку, не причинив мне боли. Вам придется для этого сломать мне палец, слышите! — воскликнул Бейли.

Рука Дэниела приостановила свое движение. «Вред против вреда». Позитронный мозг должен

был взвесить все возможности и выбрать из них какую-то одну. Робот явно колебался.

— Уже поздно, — торжествующе продолжал Бейли. — Иллюминатор медленно открылся, и внутрь машины ворвались яркие слепящие лучи солярианского солнца. Бейли в ужасе подскочил. Ему захотелось закрыть глаза, но он поборол свое желание, перед его взором мелькало что-то синее, зеленое, непонятное.

И над всем этим самым пугающим было ослепительно-белое сияние, исходившее из грозного шара там, высоко в небе. На одно мгновение Бейли заставил себя поднять голову и прямо взглянуть на солярианское солнце. Он смотрел на солнце, решительно ничем не защищенный от его грозного сверканья, он смотрел на обнаженное солнце. Но в тот же миг он почувствовал на своих плечах руки Дэниела, пытавшегося заставить его сесть, и… потерял сознание.

К Бейли медленно возвращалось сознание. Бесстрастное лицо Дэниела склонилось над ним.

— Что произошло?

— Сожалею, коллега Илайдж, что вам был причинен вред, несмотря на мое присутствие, — промолвил Дэниел. — Прямые лучи солнца опасны для вас. В целях вашей же безопасности

я вынужден был заставить вас опуститься на место. При этом вы потеряли сознание.

Бейли поморщился. Вопрос о том, что он потерял сознание от нервного перенапряжения (или, возможно, от страха), или Дэниелу пришлось употребить силу, остался невыясненным. Он пощупал свою голову, челюсти, руки, нот — все было в полном порядке. Задавать Дэниелу прямой вопрос ему не хотелось.

— Ну, что ж, все это не так уж плохо, — сказал он.

— Судя по вашей реакции, коллега Илайдж, я бы этого не сказал, — возразил Дэниел.

— Ничего подобного, — упрямо повторил Бейли. Красные и черные полосы, мелькавшие перед его глазами, постепенно тускнели. — Жаль только, что я мало увидел. Мы слишком быстро двигались.

Интересно, не сердится ли на него Дэниел? Бейли хотелось увидеть на этом совершенном лице следы хоть каких-то эмоций. Конечно, если прямо спросить, то Дэниел ответит отрицательно, и при этом лицо его будет столь же невозмутимо и непроницаемо.

— Но вы же сами понимаете, Дэниел, — спокойно сказал Бейли, — мне все равно придется

привыкнуть к этому.

Робот посмотрел на своего собеседника.

— О чем вы говорите, коллега Илайдж?

— Я говорю о том, что мне придется бывать… на открытом воздухе. На этой планете иначе нельзя, не так ли?

— Для вас, коллега Илайдж, в этом не будет необходимости, — возразил Дэниел и добавил: — Мы замедляем ход, коллега Илайдж. Полагаю, мы прибываем.

Бейли хотел только одного — внутренней уверенности в том, что он сам сумеет позаботиться о себе и выполнить свое задание. Конечно, ощущение открытого пространства крайне тяжело пережить. Но он обязан заставить себя. Это вопрос самоуважения, личного достоинства и, что еще важнее, — вопрос безопасности его родной планеты. Лицо землянина стало суровым, глаза потемнели. Во что бы то ни стало он заставит себя переносить воздух, солнце, открытое пространство!

Когда Бейли, следуя за Дэниелом и встретившим их роботом, по темному переходу прошел из самолета в предназначенный ему дом (дворец, как сказал робот), он почувствовал себя провинциалом, приехавшим в столицу. Комнаты

невозможно было сосчитать. Яркий искусственный свет зажигался, как только он входил в какое-либо помещение, и гас, как только он выходил из него. Окон не было.

— Не понимаю, к чему столько комнат. Этот дом напоминает целый город, не так ли, Дэниел?

— С точки зрения земных масштабов вы правы, коллега Илайдж, — невозмутимо отвечал Дэниел.

— По-видимому, вместе со мной будет проживать половина обитателей Солярии? — недоумевал Бейли.

— Никого, кроме вас, не считая, разумеется, меня, а также нёобходимого числа роботов, — ответил Дэниел.

Бейли отметил, что Дэниел отделил себя от остальных роботов.

— Я спрашиваю про людей, слышите? Про людей?

— Кроме вас, никого, коллега Илайдж.

— Значит, выгнали всех жителей дома, чтобы я мог часами бродить из одной комнаты в другую, так, что ли? — раздраженно воскликнул Бейли.

— Повторяю, все помещения предназначены только для вас, коллега Илайдж. Каждый Знатный солярианин владеет подобным домом.

— А для чего, как вы думаете, Дэниел, одному человеку столько комнат?

— На Солярии считается, что для каждой цели должно быть предназначено отдельное помещение. Вот мы сейчас находимся в библиотеке. — Дэниел указал на стены, заставленные стеллажами с книгами. — Далее идет музыкальная комната, затем спортивные залы, различные мастерские, затем комнаты по контролю и управлению роботами, кухни, кладовые, пекарня, спальни.

— О, дьявол! А кто все это убирает?

— Домашние роботы. Их достаточное количество, не беспокойтесь. Они будут следить за тем, чтобы вам было абсолютно удобно.

— Но мне не нужно всего этого! — воскликнул Бейли. У него пропало всякое желание продолжать обход комнат.

— Вы можете находиться в том помещении, которое вы выберете, коллега Илайдж, но так как обычаи Солярии требуют большого дома, решено было его построить.

Бейли с изумлением воззрился на своего собеседника.

— Вы хотите сказать, что эта огромная штука была выстроена специально для меня?

— Вы забываете, коллега Илайдж, что вся экономика планеты Солярия построена на труде роботов и таким образом…

— Я понимаю… — прервал робота Бейли. — Ну, а что они сделают с домом после моего отъезда?

— Я полагаю, они уничтожат его!

Бейли поджал губы. «Ну, конечно, как это я не догадался, — подумал он. — Сначала выстроили огромное здание для одного-единственного человека с Земли, а затем поспешно снесут его. И даже, наверное, простерилизуют почву, на которой он стоял. Все дезинфицировать, даже воздух, которым дышал человек с Земли. Жители Внешних Миров, возможно, сильны и могущественны, но все же они подвластны глупым страхам».

Дэниел как будто прочел мысли Бейли.

— Дело не только в страхе перед инфекцией. Просто солярианам ничего не стоит — как соорудить гигантское здание, так и разрушить его. Этот дом по закону подлежит сносу. После того, как мы выполним свою миссию. Он расположен в поместье правителя Груэра. А в каждом поместье может быть только один дом, это закон. На строительство данного здания было получено особое разрешение.

— А кто такой правитель Груэр? — спросил

Бейли.

— Глава Департамента Безопасности Солярии. Мы вскоре познакомимся с ним.

— Вы думаете? — вздохнул Бейли. — Когда я только начну разбираться в чем-нибудь? Пока я двигаюсь в пустоте и мне не очень-то по душе такое состояние, Дэниел.

Дэниел, как всегда бесстрастно и как всегда кстати, ответил:

— Я сожалею, что вы раздражены, коллега Илайдж. Конечно, запас моей информации значительно превышает ваш. Но в вопросе убийства, имевшем здесь место, мои знания столь же малы, как и ваши. Я полагаю, правитель Груэр сообщит нам все, что нужно. Так распорядилось правительство Солярии.

— В таком случае, поехали к этому Груэру! — воскликнул Бейли. — Как далеко придется ехать? — Сердце его екнуло при мысли о том, что придется выйти из закрытого помещения, и знакомое стеснение в груди охватило его.

— Нам никуда не надо ехать, коллега Илайдж. Правитель Груэр будет ожидать нас в специальном помещении для бесед.

— Специальное помещение для бесед? — пробормотал Бейли и добавил громче: — Он сейчас

ожидает нас?

— Я полагаю, да.

— В таком случае, поспешим.

Ханнис Груэр был тщедушным человеком средних лет с совершенно лысым черепом. Бейли всячески старался из деликатности отвести взгляд от лысины Груэра, но она почему-то притягивала его. По мнению землян, спейсеры всегда были высокими, стройными красавцами с бронзовой кожей и вьющимися волосами, с надменно-аристократическими манерами, настоящими повелителями Вселенной. Словом, они выглядели так, как выглядел робот Дэниел Оливо. Те обитатели Внешних Миров, которые посещали Землю, всегда отвечали этим описаниям. Но вот Бейли увидел не простого спейсера, а одного из правителей Внешних Миров. И что же… он оказался обыкновенным маленьким лысым человеком.

— Добрый день, сэр. Сожалею, что заставил вас ждать.

С такими словами Бейли чуть было не направился к сидевшему в противоположном углу чудовищно огромной комнаты человеку, чтобы протянуть ему руку, но он вовремя подавил свой порыв. Вряд ли это вызвало бы благополучную

ответную реакцию. Пожать руку землянина с опасными микробами…

Груэр сидел, величавый и важный, в одеянии с длинными рукавами, которые целиком закрывали его руки. Вероятно, в ноздрях у него были фильтры, хотя незаметные. Бейли почудилось, что Груэр неодобрительно взглянул на Дэниела, как бы удивляясь его тесному контакту с землянином. Значит, Груэр не знал, кто такой Дэниел Оливо. И тут Бейли заметил, что его коллега находится на некотором расстоянии от него, не так, как обычно. Понятно, робот играл роль человека по всем правилам.

Груэр заговорил. Его голос звучал дружески, но глаза то устремлялись на Дэниела, то смотрели в сторону, но так или иначе избегали встречаться взглядом с Бейли.

— Добро пожаловать на Солярию, господа. Удобно ли вас устроили?

— О да, сэр, вполне, — ответил Бейли. Возможно, этикет Галактик требовал, чтобы Дэниел в качестве спейсера вел разговор за двоих, но… Но в конце концов, именно его, инспектора Бейли, призвали расследовать преступление. И вообще он никому ни в чем не собирался уступать, даже истинным спейсерам, а тем более роботу, хоть и

столь совершенному, как Р. Дэниел Оливо.

Но Дэниел и не пытался завладеть инициативой разговора. Да и Груэру ответ Бейли не показался странным. Наоборот, теперь он все свое внимание обратил на Бейли.

— Вам очевидно, известно, для какой цели вы приглашены на Солярию, — продолжал Груэр, взмахнув широкими рукавами, он сложил руки на коленях. При этом Бейли с удивлением обнаружил, что на руках у Груэра не было перчаток.

— Мы специально не сообщили вам никаких деталей, инспектор, — продолжал маленький лысый спейсер. — Мы хотели, чтобы ваша точка зрения формировалась бы здесь, на месте, и у вас не было никакой предвзятой идеи. Вскоре вы получите полный отчет о случившемся, а также результаты расследования, которое мы сумели провести. Боюсь только, инспектор Бейли, что вы найдете наши методы расследования весьма несовершенными с вашей профессиональной точки зрения. Ведь у нас на Солярии вообще нет полиции.

— Как, совсем нет? — спросил Бейли.

Груэр улыбнулся и пожал плечами.

— У нас не бывает преступлений. Население планеты очень невелико и разбросано по всей ее

территории. Нет ни причин, ни оснований для преступлений. Поэтому нет нужды в постоянной полиции.

— Но, все же, насколько я понимаю, сэр, преступление имело место?

— Да, увы. И особенно жаль, что убитый был человеком, потеря которого для нас очень тяжела. Да и обстоятельства убийства бесчеловечны.

— Вероятно, у вас нет никаких конкретных подозрений о личности убийцы?

Груэр как-то странно поглядел на Дэниела, который молча восседал в своем кресле. Возможно, Бейли почудилось, но что-то боязливое было в этом взгляде.

— Нет, я не могу сказать, что у нас нет никаких подозрений. Фактически, только один человек мог сделать это.

— Не хотите ли вы сказать, что только один человек мог совершить преступление?

Бейли не любил ясности в самом начале расследования. Одно дело — подозрения, совсем другое — веские доказательства.

Груэр покачал головой.

— Именно так. Только один человек мог совершить убийство. Всякий иной полностью исключается.

— Даже полностью?

— Именно так, уверяю вас.

— В таком случае, перед нами нет никаких проблем.

— Наоборот. Перед нами очень серьезная проблема. Дело заключается в том, что по некоторым данным и этот единственный подозреваемый никак не мог быть убийцей.

— Может быть, убийства вообще не было? — спокойно спросил Бейли.

— Нет, к сожалению, было. Правитель Рикэн Дельмар — мертв, это факт.

«Хоть что-то определенное стадо мне известно… имя жертвы», — подумал Бейли. Он вытащил записную книжку и сделал первую запись.

— Доктор Дельмар был фетологом, — продолжал Груэр.

Бейли записал незнакомое слово, но воздержался от вопросов.

— Ну а теперь, — сказал он с профессиональной деловитостью, — я хотел бы выслушать все обстоятельства дела. *Я* бы хотел также побеседовать с людьми, наиболее близкими к убитому.

— Очевидно, вам придется поговорить с женой, — мрачно сказал Груэр. — Ее зовут Глэдия.

— Есть ли у них дети? — спросил Бейли, не

поднимая глаз от записной книжки. Не получив ответа, он поднял голову и повторил вопрос.

У Груэра на лице появилось выражение отвращения, как будто он выпил стакан уксуса. Он пробормотал:

— Во всяком случае, я не мог получить информацию по этому вопросу. На, прежде всего, — поспешно добавил Груэр, — вам следует хорошенько отдохнуть, мистер Бейли. Вы, наверное; устали и проголодались.

Бейли вдруг почувствовал, что слово «еда» в данный момент таит для него необычайное очарование.

— Может быть, правитель Груэр, вы составите компанию моему коллеге и мне? — вежливо обратился Бейли к своему собеседнику. Конечно, он понимал, что эта идея абсурдна, но все же… ведь старик назвал его не «инспектор Бейли», а «мистер Бейли»? Это уже кое-что…

Груэр ответил, что он, к сожалению, не может принять участия в трапезе, так как его ждут неотложные деда. Бейли встал Вежливость требовала, чтобы он проводил Груэра до двери. Но, во-первых, он не очень-то стремился подходить к двери, возможно, ведущей в открытое пространство, а во-вторых, он точно не знал, где она располо-

жена. Пока он стоял в нерешительности, Груэр с улыбкой кивнул ему и сказал:

— Мы еще увидимся. Ваши роботы знают, как устроить встречу, если вы захотите поговорить со мной.

С этими словами Груэр исчез вместе со своим стулом. Именно исчез, провалился как сквозь землю. В одно мгновение стены, пол и обстановка комнаты изменились до неузнаваемости.

Бейли издал громкий возглас изумления.

— Дело в том, коллега Илайдж, что правитель Груэр не находился здесь с нами лично, — бесстрастно промолвил Дэниел. — то было его объемное изображение. Я думал, что бы знакомы с этим. У вас на Земле тоже существует передача изображений.

— Ну, не совсем так, — пробормотал Бейли. — На Земле изображение никак не примешь за реальность.

Так вот почему на руках у Груэра не было перчаток, а в носу фильтра. Эти предосторожности были ему не нужны.

После небольшой паузы Дэниел заметил:

— Может быть, мы сейчас пройдем в обеденный зал, коллега Илайдж?

Вереница роботов внесла незнакомые Бейли

яства и напитки и расставила их на столе необъятных размеров.

— Сколько их всего в доме, Дэниел? — спросил Бейли.

— Около сотни, коллега Илайдж.

— И они будут присутствовать во время еды? — поморщился он. Один из роботов стоял в углу комнаты, обратив свое блестящее лицо со светящимися красными глазами в сторону Бейли.

— Обычно один из них всегда находится под рукой на случай надобности, — ответил Дэниел. — Но если вам это не нравится, прикажите, и он немедленно удалится.

Бейли пожал плечами — пусть остается. В нормальных условиях еда, поданная Бейли, показалась бы ему отменной. Но сейчас ел он механически и рассеянно отметил, что Дэниел тоже поглощал пищу бесстрастно, но достаточно активно. Конечно, позднее он освободит от съеденной пищи специальную камеру, куда попала пища. Но пока что маскарад продолжался.

После трапезы Бейли, следуя за Дэниелом, перешел в огромный зал, который оказался спальней.

— Разве сейчас уже ночь? — спросил он.

— Да, — ответил робот.

Бейли мрачна взглянул на огромную кровать. Изголовье постели освещено было мягким светом. Это было удобно для чтения, но Бейли не собирался читать перед сном.

— Каким образом выключается свет? — отрывисто спросил он.

— Как только вы захотите уснуть, об этом позаботятся роботы.

— Значит, роботы будут следить за мной?

— Это их обязанность.

— О, дьявол! Опять роботы! А что же соляриане делают сами? — пробурчал Бейли. — Удивляюсь, как это роботы позволили мне самому мыться в душе.

— Если бы вы приказали, они бы все сделали за вас, — без тени юмора ответил Дэниел. — Роботы никогда не противоречат желаниям человека, за исключением тех случаев, когда они вынуждены позаботиться о его собственном благополучии.

— Ну, ладно, спокойной ночи, Дэниел.

— Я буду в соседней спальне, коллега Илайдж. Если ночью вам понадобится что-либо…

— Я знаю, знаю. Тут же появятся роботы.

— Кнопка вызова находится на столике. Я появлюсь сию минуту.

Сон бежал от Бейли. Он снова и снова раз-

мышлял над всем, что с ним произошло. Этот огромный странный дом, за пределами которого притаилась гигантская пугающая пустота. Он вспомнил свое милое тесное жилище глубоко в недрах Земли. Конечно, оно располагалось не так глубоко, как жилища правителей Земли — людей, живущих по классу А и Б. Но все же между ним и поверхностью Земли было множество других жилых уровней, на которых лепились жилища более бедных граждан. Существовали и первые уровни от поверхности, правда, там жили совсем неимущие (класса Д-9 или Д-10). Арендная плата там была мизерной. Потом, он подумал о Джесси, и сердце его сжалось. Кажется, он пешком бы пошагал на родную Землю. Ах, как хотелось ему домой, к ней, к сыну, в привычную обстановку, в безопасность… Безопасность!..

Глаза Бейли раскрылись, и руки впились в спинку кровати. Безопасность!.. Этот человек, Ханнис Груэр, был главой солярианской Безопасности. Что означало это слово? Если то же самое, что на Земле, то Груэр отвечал за оборону Солярии против вторжения извне и за подавление внутренних беспорядков. Почему раскрытие убийства было так важно для него? Только ли потому, что на Солярии не было полиции, и

Департамент Безопасности должен был непосредственно заниматься раскрытием преступлений? Груэр держался непринужденно с Бейли. Но время от времени он бросал осторожные и, казалось, опасливые взгляды на Дэниела. Почему? Бейли получил инструкции держать глаза и уши открытыми. Очевидно, Дэниел получил точно такие же инструкции. Груэр, видимо, подозревал Дэниела в шпионаже. Конечно, он не опасался шпионажа со стороны Земли. Земля была слишком слабой и ничтожной планетой, чтобы всерьез принимать ее в расчет. Другое дело — Аврора — самый могущественный из миров Галактики. Почему Дэниел играет роль спейсера? Его объяснения казались Бейли неубедительными. Должны были быть более серьезные причины для маскарада. Естественно, что робот, сколь бы человекоподобен он ни был, не мог рассчитывать на хороший прием на Солярии. Поэтому робот должен изображать человека. Но разве нельзя послать с той же миссией настоящего человека? Конечно, нельзя, тут же ответил он сам себе. Ни один надменный спейсер никогда не согласился бы столь длительное время пребывать в тесном контакте с землянином. А если все это так, все же остается непонятным, почему Солярия придавала

такое большое значение расследованию убийства, столь большое, что для этого она попросила Землю прислать своего представителя. И почему могущественная Аврора также проявила к этому делу такой живой интерес? Это была загадка. Ко всем прежним чувствам его — боязни открытого пространства и солнечного света, гнетущему страху перед опасностями, угрожавшими его родной планете, ответственности за выполнение сложного задания в странной и непривычной обстановке, — ко всему этому прибавилось неясное ощущение, что он попал в самую гущу какого-то непонятного ему конфликта между могущественными Внешними Мирами.

Наконец Бейли заснул. Он не помнил, когда именно произошел переход от бодрствования ко сну. В какой-то момент изголовье его постели осветилось. Он открыл глаза и взглянул на часы. В комнате был мягкий свет. Очевидно, на Солярии наступило утро, и роботы, управлявшие домом, решили, что Бейли достаточно отдохнул. Интересно, проснулся ли уже Дэниел, — подумал Бейли и тут же усмехнулся нелепости вопроса. Дэниел не мог спать. Правда он мог подражать сну так же, как он подражал всем остальным человеческим поступкам. Может быть, он раз-

девался на ночь и надевал пижаму? Как будто подслушав эти мысли, вошел Дэниел.

— Доброе утро, коллега Илайдж, — торжественно возвестил он. Робот был безукоризненно одет, его лицо было по-прежнему идеально безмятежным.

— Хорошо ли вы спали? — продолжал он.

— Да, — сухо ответил Бейли, — а вы?

С этими словами он вскочил с постели и направился в ванную комнату для совершения обычного утреннего ритуала.

— Если появятся роботы, чтобы побрить меня, отошлите их к дьяволу, — крикнул Бейли из ванной комнаты. — Они действуют мне на нервы, даже если я их не вижу.

Во время бритья он рассматривал свое лицо, то самое лицо, которое он видел в зеркале по утрам на Земле. Хорошо бы, конечно, иметь возможность с кем-нибудь посоветоваться, рассказать о том немногом, что он успел заметить.

— Пока еще мало успел, — пробурчал он своему отображению.

Покончив с туалетом, Бейли обратился к Дэниелу.

— У меня есть несколько вопросов к вам, Дэниел.

— Я постараюсь наилучшим образом в меру своих знаний ответить на ваши вопросы, коллега Илайдж, — с важностью ответил робот.

«Или в меру данных тебе инструкций», — подумал про себя Бейли, но вслух сказал:

— Почему население Солярии столь малочисленно? Всего двадцать тысяч человек?

— Эта цифра была установлена в результате расчетов.

— Возможно, но вы не отвечаете по существу. На этой планете могут жить миллионы. Почему же всего двадцать тысяч? Вы сказали, что солярианне считают такое число оптимальным, но почему?

— Таков их образ жизни.

— Вы имеете в виду, что они практикуют контроль над рождаемостью?

— Да.

— И при этом оставляют планету пустой?

Бейли и сам не знал, почему его заинтересовал этот вопрос. Возможно, потому, что численность населения Солярии была пока одним из немногих известных ему фактов.

— Солярия вовсе не пустая, — ответил Дэниел. — Она разделена на участки, каждый из них управляется одним из солярианн. Размер поместья

определяется решением Совета Правителей.

— И здесь совсем нет городов? — спросил Бейли, и при этом холодные мурашки забегали у него по спине.

— Нет, коллега Илайдж. Соляриане живут полностью изолированно и никогда не встречаются друг с другом. Исключение составляют супружеские пары, живущие в общем поместье.

— То есть как не встречаются?

— На Солярии личные встречи заменены телеконтактами, такими, как ваш вчерашний телеконтакт с правителем Груэром. Соляриане приняли только такой способ общения, и никакой иной.

Бейли недоуменно уставился на своего собеседника.

— Вы имеете в виду и нас? Мы тоже будем лишены возможности личных встреч?

— Таковы обычаи данной планеты, коллега Илайдж.

— Но как же я смогу расследовать преступление? Предположим, я захочу повидаться с кем-нибудь…

— Находясь в этом доме, коллега Илайдж, вы можете получить объемное изображение любого жителя планеты. Это не составляет никакой про-

блемы и фактически совершение избавит вас от неприятной необходимости покидать пределы дома. Вот почему я сказал, когда вы прибыли сюда, что вам вовсе не нужно будет привыкать к открытому пространству. И это к лучшему. Иначе, выходя из дома, вы испытывали бы крайне неприятные ощущения.

— Мои ощущения касаются только меня, — раздраженно заметил Бейли и добавил: — Прежде всего, Дэниел, я хочу связаться с женщиной Глэдией, женой убитого, и если трехмерное изображение покажется мне неудовлетворительным, я пойду к ней и поговорю с ней лично. Такие вопросы буду решать только я, и никто более.

— Вы будете иметь возможность получить исполнение ваших желаний, коллега Илайдж, — бесстрастно ответил робот. — А пока я распоряжусь о завтраке. — И он направился к двери.

Бейли посмотрел на широкую спину робота и внутренне усмехнулся. Дэниел Оливо изображал из себя хозяина положения. Очевидно, ему были даны инструкции следить за тем, чтобы Бейли не узнал слишком много. Как бы не так... На худой конец у Бейли имелся козырный туз. Дэниел Оливо был всего лишь Р. Дэниелом Оливо — роботом. Если сообщить об этом Груэру или

любому другому солярианину… С другой стороны, поразительное сходство Дэниела с человеком могло оказаться и полезным. Иногда лучше иметь козырь про запас, чем сразу же использовать его. «Поживем — увидим, — подумал Бейли, — а сейчас действительно неплохо было бы позавтракать». И он последовал за Дэниелом.

— Каким образом происходит установление объемного контакта? — спросил Бейли.

— Это делают роботы, коллега Илайдж, — ответил Дэниел и нажал кнопку вызова.

Сейчас же появился робот.

«Откуда они только выскакивают», — подумал Бейли. Их никогда не видно. Но стоит только нажать кнопку, и они появляются как будто из-под земли. Бейли внимательно посмотрел на пришедшего робота. Его лицо не было блестящим, скорее оно имело сероватый оттенок. На груди был рисунок из белых и желтых квадратов. В середине рисунка — контрольное табло с номером.

— Проводи нас в помещение для бесед, — приказал Дэниел.

Робот молча поклонился и двинулся к двери.

— Подожди, парень. Как твое имя? — спросил Бейли.

Робот взглянул на Бейли.

— У меня нет имени, господин, — произнес он отчетливо и без колебаний. — Мой серийный номер, — металлический палец поднялся и опустился на контрольном табло на его груди, — Х-2745.

Бейли и Дэниел проследовали в большой зал, туда, где вчера состоялся разговор с правителем Груэром. Вошедших почтительно встретил другой робот. Первый поклонился и удалился.

— Очевидно, для каждой операции существует отдельный робот, — заметил Бейли. — Один провожает нас сюда. Другой налаживает контакты и так далее.

— На Солярии разделение труда среди роботов достигло высокой степени совершенства, коллега Илайдж, — ответил Дэниел. — Это и неудивительно при таком количестве…

Бейли посмотрел на второго робота. За исключением табло на груди и, возможно, каких-то изменений в программе, он был точным дубликатом первого.

— А какой у тебя серийный номер, парень? — спросил Бейли.

— Х-1129, господин.

— Так вот, Х-1129, мне нужно поговорить с госпожой Глэдией Дельмар, женой покойного

правителя Рикэна Дельмара… Послушайте, Дэниел, что еще нужно сообщить ему, ее адрес или что-нибудь еще?

— Не думаю, что необходима какая-то дополнительная информация, — спокойно ответил Дэниел. — Впрочем, я могу узнать у робота.

— *Я* сам сделаю это, — прервал его Бейли. — Слушай, парень, ты знаешь, как связаться с этой госпожой?

— Да, господин. Моя обязанность — установление контактов со всеми господами Солярии. — Это было произнесено без всякого оттенка гордости. Просто констатация фактов, как если бы он сказал: «Я сделан из металла, господин».

— Ничего удивительного, коллега Илайдж, — вмешался Дэниел. — Существует всего около двадцати тысяч соединений. Это совсем немного.

Бейли кивнул.

— А если на Солярии имеется две Глэдии Дельмар, что тогда? Ты не перепутаешь, парень?

Робот молчал.

— Полагаю, коллега Илайдж, — начал Дэниел, — что он не понял вопроса. Очевидно, на Солярии не встречается одинаковых имен. При рождении даются только те имена, которые в

данный момент не заняты никем другим.

— С каждой минутой все больше странного узнаешь об этой планете, — пробормотал Бейли.

— Теперь, парень, — обратился он к роботу, — покажи мне, что надо делать, чтобы установить контакт?

Последовала пауза, после чего робот ответил:

— Вы сами хотите установить контакт, господин?

— Вот именно.

Дэниел мягко коснулся руки Бейли.

— Минуточку, коллега Илайдж.

— Что такое?

— *Я* полагаю, что робот произведет все необходимые операции с большей ловкостью, чем вы.

— Я не сомневаюсь в этом, — мрачно ответил детектив. — Возможно, mi напутаю что-нибудь. Но, тем не менее, я предпочитаю сделать все сам. — Он взглянул на бесстрастное лицо Дэниела. — В конце концов ведь приказы отдаю я, не так ли?

— Разумеется, коллега Илайдж, — не моргнув глазом, ответил робот. — И ваши приказания, если они не противоречат Первому Закону, будут неукоснительно выполняться. Но с вашего разрешения, я хочу поделиться с вами той небольшой

информацией о здешних роботах, которой я располагаю. Роботы Солярии специализированы более, чем на любом другом из Миров. Хотя конструктивно они могли бы выполнять множество работ, каждый из них запрограммирован на выполнение одной-единственной функции. Выполнение незапрограммированных функций может быть связано только с выполнением одного из Трех Основных Законов. Но, в свою очередь, невыполнение той единственной функции, для которой они предназначены, также связано с требованиями Трех Основных Законов. Если бы робот был человеком, то можно было бы сказать, что невозможность выполнения его обязанности неприятна для него. Обычно этого не случается, так как жители Солярии никогда не вмешиваются в операции, совершаемые роботами. Соляриане считают неприличным выполнять ту работу, которую должны делать роботы.

— Вы пытаетесь убедить меня, Дэниел, что если я сделаю за робота его работу, это причинит ему боль?

— Как вы знаете, коллега Илайдж, слово «боль» в человеческом смысле неприменимо к реакциям робота.

Бейли пожал плечами.

— Тогда в чем же дело?

— Тем не менее, — методично продолжал Дэниел, — ощущение, которое испытывают роботы при этом, насколько я могу судить, столь же неприятно ему, как ощущение боли человеческому существу.

— О, дьявол) Но я же не солярианин! — сердито воскликнул Бейли. — Мне противно, когда роботы вертятся около меня и делают все то, что я к сам могу сделать.

— Учтите также, коллега Илайдж, — продолжал Дэниел, — что ваше нежелание разрешить роботам выполнять их обязанности может показаться нашим хозяевам актом невежливости, поскольку в солярианском обществе правила приличий в отношениях с роботами выполняются неукоснительно. Обидев знатных соляриан, мы вряд ли облегчим свою задачу, коллега Илайдж.

— Ладно, — со вздохом согласился детектив, — пусть будет по-вашему. Установи контакт, парень.

Бейли откинулся в кресле, полузакрыв глаза, и стал наблюдать за действиями робота. Разговор с Дэниелом был для него предметным уроком. Он свидетельствовал о том, что «роботическое» общение также имело свои уязвимые места. Соз-

дав роботов и подчинив их своей воле, человек тем не менее не мог по своему усмотрению или внезапно возникшему желанию устранить их. Не мог даже временно избавиться от них. Пусть социологи на Земле приходят к тем или иным выводам, он, полицейский инспектор Бейли, начинал формировать свои собственные суждения. Бейли многое отдал бы сейчас за милую его сердцу трубку. Но его еще на Земле предупредили, что курить на «некурящей планете» было бы предельным нарушением этикета. Иногда ему казалось, что одно только уютное и привычное ощущение трубки во рту и то было бы для него большой поддержкой в работе.

Робот двигался быстро, ловко и уверенно манипулировал различными ручками и кнопками.

— Прежде всего следует просигнализировать тому, с кем вы хотите вступить в контакт. Соответствующий робот получит сигнал, и, если его хозяин находится на месте и это не противоречит его желаниям, контакт устанавливается, — пояснил Дэниел.

— А если вызываемый находится вне дома?

— Я не обладаю исчерпывающей информацией по данному вопросу, коллега Илайдж, — подумав, ответил Дэниел. — Но я знаю, что существуют воз-

можности установить и мобильные контакты.

— Господа, — обратился к ним робот, — вызов сделан и принят. Как только вы будете готовы, я включу изображение.

— Мы пловы, — почти зарычал Бейли, и в ту же секунду часть зала озарилась светом.

— Я не успел предупредить робота, чтобы в изображение не попало открытое пространство, — быстро вмешался Дэниел, — сейчас следует…

— Ничего не следует, — прервал его Бейли, — не мешайте.

Взору землянина предстала большая ванная комната. Вместо стен мерцала и переливалась специальная световая завеса. Никого не было видно. Бейли взглянул на пол. Интересно, где кончалась его комната и начиналась та, другая? Пожалуй, вот тут, за этой световой линией. Он шагнул по направлению к этой линии и после секундного колебания просунул руку за нее. Он ничего не почувствовал, только пустоту, на его глазах часть руки исчезла, ее просто не было видно. А что, если он сам шагнет за эту линию? Возможно, он и сам исчезнет? Очутиться в мире полной темноты… Мысль о таком надежном укрытии была почти приятна. Его размышления

были прерваны звуками человеческого голоса. Он вздрогнул и поспешно отступил назад. Верхняя часть мерцающей световой завесы около душа потускнела, и на ее фоне четко обрисовалась женская головка. Глэдия Дельмар улыбнулась Бейли и приветливо сказала:

— Здравствуйте… Извините, что заставила вас ждать. Сейчас я буду совсем готова.

У Глэдии Дельмар было овальное лицо с несколько выступающими скулами (особенно, когда она улыбалась), с полным, изящно очерченным ртом и маленьким подбородком. Она была, видимо, небольшого роста. (Раньше Бейли думал, что все обитательницы Внешних Миров должны быть высокими и статными). Волосы ее были умеренно длинные, как того требовала, очевидно, солярианская мода. В общем, Глэдия Дельмар производила чрезвычайно приятное впечатление.

— Если вы хотите, мы прервем контакт, пока вы не будете готовы… — смущенно начал Бейли.

— О, нет. Вы мне нисколько не мешаете. Я слышала о вас от Ханниса Груэра. Вы с Земли, кажется? — Ее взгляд был устремлен на Бейли, голос музыкален и мелодичен.

Бейли кивнул и сел.

— Мой коллега с Авроры, — указал он на Дэниела.

Она улыбнулась, но по-прежнему не отрывала глаз от Бейли, как будто только он один представлял для нее интерес. Она подняла руки и стала пропускать массу своих пышных волос сквозь пальцы как бы ускоряя процесс сушки. Руки были нежные и изящные. «Очень привлекательна», — подумал Бейли. И тут же у него мелькнула мысль: «Джесси это, наверное, не понравилось бы…»

— Нельзя ли было бы попросить вас, госпожа Дельмар, — послышался голос Дэниела, — задрапировать окно в вашей ванной комнате. Мой коллега не выносит дневного света. На Земле, о чем, возможно, вы слышали…

Молодая женщина (Бейли считал, что ей не больше двадцати пяти, но при этом у него мелькнула смутная мысль, что внешность жителей Внешних Миров может быть обманчива) всплеснула руками и воскликнула:

— О, да, конечно, я знаю это. Как глупо с моей стороны забыть. Я все сделаю. — С этими словами она вышла из душевой, или, вернее, из сушилки, отгороженной от взоров посторонних лишь световыми бликами, и протянула руку к кнопке вызова, при этом продолжая беседу, как в ни в

чем не бывало. Я всегда считала, что в этой комнате не хватает кнопок вызова роботов. Никуда не годится дом, если вы с любого места, где находитесь, не можете протянуть руку и… что такое, что случилось?

Она в удивлении уставилась на Бейли, который вскочив со стула и опрокинув его, красный до корней волос и растерянный, поспешно отвернулся от нее.

— Было бы лучше, госпожа Дельмар, — спокойно заметил Дэниел, — если бы вы возвратились в сушилку или, если вам это неудобно, попробовали бы накинуть на себя какую-нибудь одежду.

Глэдия, с удивлением взглянув на свою обнаженную фигуру, пробормотала:

— О да, конечно, сейчас же.

— Видите ли, это ведь просто изображение, — сокрушенно произнесла возвратившаяся Глэдия. На ней было широкое одеяние, вроде пеньюара, оставлявшее руки и плечи открытыми, Правда, одна нога была обнажена чуть ли не до бедра, но Бейли решил стоически не обращать внимания на такие мелочи. К этому времени он полностью оправился от смущения.

— Это было так неожиданно, госпожа Дельмар… — начал он осторожно.

— Пожалуйста, называйте меня Глэдия, — перебила она, — если только… если это не противоречит вашим обычаям.

— Хорошо… все в порядке, Глэдия. Не думайте, пожалуйста, что вы вызвали у меня какие-либо неприятные чувства, нисколько, уверяю вас, просто для меня это было неожиданностью.

«Достаточно с меня и того, что я свалял дурака, — подумал Бейли, — не хватает еще, чтобы бедная девочка решила, что вызывала во мне отвращение. Наоборот, по правде говоря, это было вполне, вполне…» Он не сумел даже мысленно докончить фразу.

— Я понимаю, я оскорбила ваши чувства, — заговорила смущенно Глэдия, — но я не хотела этого, уверяю вас. Я просто не думала. Конечно, на каждой планете свои обычаи. И надо считаться с ними. Но иногда обычаи бывают такими нелепыми, ну, по крайнем мере, странными, — она поспешила изменить слово, что их трудно предусмотреть. Ну вот, например, привычка к тому, чтобы окна были затемнены.

— Все в полном порядке, не беспокойтесь, — пробормотал Бейли.

К этому времени она уже находилась в другой комнате. Все окна были тщательно зашторены, и

поэтому в комнате царил иной и более приятный его глазу полумрак.

— Что касается того, другого обычая, — горячо продолжала Глэдия, — так ведь это просто зрительный контакт, не более. Ведь вы же спокойно разговаривали со мной, когда я находилась в сушилке и на мне тоже ничего не было?

— Видите ли, — сказал Бейли, от всей души желая, чтобы она не развивала далее этой темы, — видите ли, одно дело слышать вас, другое дело — видеть, не так ли?

— Конечно, но кто говорит, что вы видели меня? — молодая женщина слегка покраснела и взглянула на свои обнаженные ноги. — Неужели вы считаете, что я показалась бы вам в таком виде, если бы вы реально видели меня? Такой, какая я есть, из плоти и крови? Другое дело зрительное изображение.

— Разве это в сущности не одно и то же? — с интересом спросил Бейли.

— Ничего похожего, уверяю вас. Вот сейчас в данную минуту, вы видите только мое изображение. Но вы не можете ни коснуться меня, ни ощупать, ни почувствовать мой запах. Ничего подобного. К тому же я нахожусь от вас на расстоянии, по крайней мере, двухсот миль. Как же

можно говорить, что это то же самое?

— Но, послушайте, я ведь вижу вас сейчас собственными глазами! — воскликнул Бейли.

— Нет, вы видите не меня, а мое изображение. И уверяю вас, между этими двумя понятиями существует огромное различие.

— Понимаю, — задумчиво произнес Бейли. Полностью принять то, что говорила его собеседница, было нелегко, но элементы логики в ее рассуждениях он начинал видеть.

— Значит, вы считаете, что видите меня? — шутливо спросила Глэдия и слегка наклонила головку.

— Мне так кажется, — пробормотал Бейли.

— Значит, вы не будете возражать, если я сниму свой пеньюар? — Она рассмеялась.

«Эта женщина дразнит меня, не следует поддаваться ее несколько фривольному тону», — подумал Бейли, но вслух сказал:

— Пожалуй, не стоит. Мне нужно поговорить с вами по делу. А все эти вопросы мы сможем обсудить как-нибудь в другой раз. Ладно?

— Может быть, вы предпочитаете, чтобы на мне была более деловая одежда, чем эта?

— Нет мне все равно.

— Можно ли мне называть вас по имени, а не

по фамилии?

— Если вам так хочется.

— Как вас зовут?

— Илайдж.

— Ну, хорошо. — Она грациозно опустилась в кресло.

— Итак, поговорим о деле, — откликнулась молодая женщина.

Бейли почувствовал себя в затруднительном положении. С чего начинать допрос жены убитого? У себя, на Земле, он отлично знал, как проводить подобное расследование. Оно обычно начиналось с самых рутинных вопросов, ответы на которые часто были ему уже заранее известны. Но эти вопросы были необходимы. Они незаметно подводили к следующей более серьезной стадии допроса и заодно давали ему время и возможность составить хоть какое-то представление о человеке, с которым он имеет дело. Но здесь? Даже такое тривиальное понятие, как «видеть», здесь, как оказалось, имеет совершенно иное значение, чем на Земле. То же самое может быть и с другими привычными ему понятиями. И тогда он сразу попадет в неловкое и невыгодное для себя положение.

— Сколько времени вы были замужем, Глэ-

дия? — наконец решился он.

— Десять лет, Илайдж, — ответила она.

— А сколько вам лет?

— Тридцать три.

Бейли почувствовал смутное удовлетворение. С тем же успехом он мог услышать в ответ, что ей сто тридцать три.

— Вы были счастливы в замужестве? — прозвучал следующий вопрос.

— Что вы имеете в виду? — неуверенно отозвалась Глэдия.

— Ну как же, — Бейли остановился. А что он действительно имел в виду? И что вообще считалось счастливым браком по солярианским понятиям? — Ну, скажем, вы часто встречались с вашим мужем?

— К счастью, нет. Мы ведь не животные, не так ли?

Бейли поморщился.

— Да, но ведь вы жили в одном и том же доме, и я думал…

— Конечно, в одном и том же, — перебила она. Но у каждого из нас была своя половина. У него была очень важная работа, которая отнимала все его время, а у меня были свои дела. Мы вступали в зрительный контакт в тех случаях, когда это

было необходимо.

— Но он все же встречался с вами и реально?

— О таких вещах неприлично говорить, но… иногда он приходил на мою половину.

— У вас есть дети?

Глэдия вскочила с видимым волнением.

— Это уже чересчур!

— Стойте, стойте!.. — крикнул Бейли и стукнул кулаком по спинке кресла. — Вы мне мешаете работать. Я расследую убийство, вы понимаете, убийство?.. Причем убили не кого-нибудь постороннего, а вашего собственного мужа!.. В конце концов вы заинтересованы в том, чтобы убийца был найден и наказан, или нет? Отвечайте мне.

— В таком случае, задавайте вопросы относительно убийства, а не…

— Я должен задавать всевозможные вопросы. Прежде всего, я хочу выяснить, огорчены ли вы тем, что произошло. Кстати, вы не производите впечатление убитой горем жены, — прибавил Бейли с нарочитой жестокостью.

Глэдия выпрямилась.

— Смерть молодого и полезного члена общества, а в особенности правителя, всегда огорчительна, — надменно процедила она.

— А тот факт, что убитый был вашим мужем,

ничего не добавляет к вашим чувствам?

— Его назначили мне в мужья, и мы, ну… — она старалась подыскать слова… — Мы иногда по расписанию встречались друг с другом, и… если уж вы хотите знать, у нас не было детей, потому что мы не получили соответствующего предписания и... Но я не понимаю, какое все это имеет отношение к моим чувствам!.. — Она замолчала.

«Возможно, все это действительно разные вещи», — подумал землянин. Многое зависит от порядков, существующих на Солярии, а вот как раз о них он, Бейли, знал очень мало. Он решил переменить тему.

— Я слышал, что вы лучше других знаете все обстоятельства убийства?

Бейли почувствовал, как его собеседница внутренне напряглась.

— Я… я действительно обнаружила труп. Вы это хотели сказать?

— В таком случае, вы не присутствовали при самом акте убийства?

— О нет, — ответила она еле слышно.

— Расскажите мне сами своими словами, что произошло. Не торопитесь и рассказывайте обстоятельно.

— Рикэн пришел ко мне на мою половину, —

начала Глэдия Дельмар. — Это был, согласно расписанию, день нашей встречи. Я знала заранее, что он придет.

Ее голос прервался, а глаза стали очень большими и грустными. Пожалуй, скорее они были серого, а не голубого цвета, отметил про себя Бейли.

— Он всегда приходил в назначенный день?

— О да. Он был очень добросовестным человеком и хорошим солярианином. Он никогда не избегал назначенных дней и всегда являлся в одно и то же время. Ну, конечно, он оставался у меня не так уж долго. Ведь нам еще не было предписано заводить де… — Она не смогла заставить себя закончить фразу, но Бейли понимающе кивнул. — Ну, мы поговорили с ним несколько минут. Видеть друг друга во время реальной встречи обычно тяжелое испытание, понимаете? Но он был деликатным человеком, не выражал никаких чувств и всегда разговаривал со мной вполне спокойно. Потом он ушел, чтобы заняться своим важным делом, точно не знаю, каким. У него была специальная лаборатория на моей половине, куда он всегда мог удалиться в дни наших свиданий. Конечно, это не было таким огромным помещением, как лаборатория на его половине.

«Интересно, — подумал Бейли, — чем он занимался в этих лабораториях? Наверное, „фетологией“, что бы там ни скрывалось за этим непонятным термином».

— Он не показался вам, ну… не в своей тарелке, что ли? Не был ли он чем-либо обеспокоен?

— Нет, нет, что вы. Рикэн никогда не бывал ничем обеспокоен, он всегда в совершенстве владел собой, — продолжала Глэдия, — бот точно так же, как ваш друг, — ее маленькая ручка указала на неподвижно сидящего Дэниела, который при этом даже не пошевельнулся.

— Понятно. Продолжайте, прошу вас…

Но Глэдия замолчала. После паузы она прошептала:

— Вы не будете возражать, если я выпью чего-нибудь?

— Пожалуйста.

Рука Глэдии скользнула по спинке кресла. Появился молчаливый робот с бокалом, в котором был какой-то темный напиток. Глэдия молча отпила из бокала, затем поставила его на столик.

— Так я лучше себя чувствую, — медленно сказал она, — а теперь я хочу задать вам вопрос личного характера.

— Вы можете задавать мне любые вопросы, —

ответил Бейли.

— Видите ли, я много читала о Земле. Меня всегда она почему-то интересовала. Это такая странная планета… — Она запнулась и быстро добавила: — Не то, что странная, но все-таки необычная.

Бейли слегка поморщился. Всякий мир кажется странным тому, кто не живет на нем.

— *Я* хочу сказать, что ваш мир не такой, как мой, не так ли? И мне хочется задать вам вопрос, возможно, невежливый. Впрочем, вам он может и не показаться невежливым. Но я бы ни за что на свете не спросила об этом солярианина. Ни за что на свете, уверяю вас.

— Не спросили бы о чем?

— О вас и о вашем друге, кажется, мистере Оливо, не так ли?

— Что именно вы хотите спросить?

— Вы оба реально видите друг друга? Вы действительно находитесь вместе?

— Да, мы реально находимся вместе, — ответил Бейли.

— Вы можете дотронуться до него, если захотите?

— Да, конечно.

Она посмотрела сначала на одного, потом на

другого и прошептала:

— О!..

Это могло означать что угодно. Изумление… Отвращение…

Бейли подумал: «А что, если я сейчас подойду к Дэниелу и хлопну его по спине?.. Интересно, какова будет реакция этой солярианки?»

Но вместо этого он спокойно сказал:

— Вы остановились на событиях того дня, когда ваш муж навестил вас.

Глэдия снова взяла бокал с напитком.

— Мне особенно нечего рассказывать. Я знала, что Рикэн занят. Его, как всегда переполняли идеи, и я решила снова заняться своей собственной работой. И вдруг, примерно минут через пятнадцать, я услышала крик.

Наступило молчание. Затем Бейли спросил:

— Какого рода крик вы услышали?

— Это был голос Рикэна, голос моего мужа. Просто крик, никаких слов. Крик, в котором слышалось… ну, не знаю. Ужас? Нет, пожалуй, не то… скорее, изумление, растерянность… я раньше не слышала, чтобы он вообще повышал голос.

Она подняла руки и заткнула уши, как бы пытаясь стереть следы того ужасного звука. При этом ее одеяние медленно соскользнуло, и она

оказалась обнаженной до талии. Но она даже не заметила этого, а Бейли пришлось углубиться в изучение своей записной книжки.

— Что вы сделали после этого? — спросил он.

— О, я побежала, побежала, сама не зная куда…

— Мне показалось, вы сказали, что он отправился работать в лабораторию, расположенную на вашей половине, не правда ли?

— Да, конечно, Илайдж… но я точно не знала, где находится эта лаборатория. Я никогда раньше там не бывала. У меня было некоторое представление о том, что она расположена где-то в западном крыле дома. Я так растерялась, что забыла вызвать робота. Он бы с легкостью указал мне дорогу. Но роботы, конечно, не являются без вызова. Все же каким-то образом я нашла эту комнату. Когда я прибежала туда… он был мертв.

Она внезапно остановилась и к смущению Бейли горько заплакала. Она и не пыталась скрыть своих слез, которые ручьем катились по щекам. Ее плечи дрожали от всхлипываний. Затем она открыла глаза и, глядя на землянина сквозь пелену слез, прошептала:

— Я никогда раньше не видела мертвецов. Он был весь в крови… а его голова… вся разбита… вся… Я кое-как вызвала робота, он вызвал других,

и, наверное, они позаботились обо мне и о Рикэне. Я больше ничего не помню… я…

— Что значит, они позаботились о Рикэне? — прервал ее Бейли.

— Ну, убрали тело и отмыли все следы, — в ее голосе послышались негодующие нотки хозяйки дома, где должен сохраняться образцовый порядок. — Вы ведь себе представляете, что творилось в комнате.

— А что сделали с телом?

Она покачала головой.

— Я не знаю. Наверное, сожгли, как всегда в таких случаях.

— И вы не вызвали полицию.

Она взглянула на него непонимающе, и он вспомнил: ведь на Солярии нет полиции.

— Но вы кому-то, очевидно, дали знать о случившемся? — спросил он.

— Роботы вызвали доктора, — ответила она. — А я сообщила в Совет Правителей.

Она снова всхлипнула, и в этот момент обнаружила, что ее пеньюар почти совсем с нее соскользнул.

— О, извините, извините, пожалуйста, — пробормотала она и поспешно закуталась в свое одеяние.

Бейли наблюдал за ней… Беззащитная дрожащая фигурка с искаженным от ужаса лицом. С глазами, полными пережитого страха… Он почувствовал себя неловко. Молодая женщина никогда раньше не видела мертвецов… Не видела разбитых черепов и луж крови. И хотя супружеские отношения на Солярии имели специфический характер, все же, очевидно, зрелище окровавленного трупа мужа все еще стояло перед глазами. Бейли решительно не знал, какие вопросы следует задавать дальше. У него возник внезапный импульс попросить прощения у Глэдии Дельмар за то, что он заставил ее пережить все снова, объяснить, что он — полицейский и должен выполнять свои обязанности. Увы, на этой планете не существовало полиции. Вряд ли она сумеет понять его побуждения. Медленно и как только мог мягко он спросил:

— Скажите, Глэдия, вы слышали еще что-нибудь? Какие-нибудь звуки, кроме крика вашего мужа?

Она взглянула на него. Ее глаза блестели от слез, а лицо, несмотря на горестное выражение, а возможно именно из-за него, было прекрасно.

— Нет, больше ничего, — коротко ответила она.

— Никаких шагов? Ничьих других голосов, вспомните, — настаивал Бейли.

Она покачала головой и повторила:

— Больше ничего, уверяю вас.

— Когда вы вошли в лабораторию, там больше никого не было? Только вы и он?

— Да. Только он и я.

— И никаких следов чьего-нибудь присутствия ранее?

— Я не заметила ничего. Да и кто бы мог там быть?

— Почему вы так думаете?

Какое-то мгновение она казалась шокированной подобным вопросом. А потом сказала:

— Я все время забываю, что вы с Земли. Видите ли, никто не мог находиться вместе с Рикэном в его лаборатории. Мой муж с самого детства никогда и никого не видел, я имею в виду, в реальном смысле этого слова, никого, кроме меня. Он не принадлежал к тому сорту людей, которые могли бы вынести физическое присутствие другого человека. Нет, только не Рикэн. Он всегда строго придерживался всех обычаев и традиций нашей планеты, он был хороший солярианин.

— Ну, а если бы кто-то захотел нанести вашему мужу визит, не уведомив его об этом? Каким бы

он ни был законопослушным гражданином, что бы он мог сделать в этом случае?

— Что бы он мог сделать? — переспросила она. — Он немедленно вызвал бы роботов, и они тут же убрали бы пришельца. Именно так бы он поступил, уверяю вас. А предположить, что он кого-нибудь допустил к себе?.. Невозможно даже представить себе такое!

— Вашего мужа убили ударом по голове, не так ли? — мягко заметил Бейли.

— Да, наверное. Он был… он был весь… — начала Глэдия.

— В настоящее время я не спрашиваю вас о деталях, — прервал свою собеседницу детектив. — Постарайтесь вспомнить, не заметили ли вы в лаборатории какого-нибудь механического устройства, при помощи которого кто-то, находившийся вдалеке, мог убить вашего мужа?

— Уверяю вас, я не заметила ничего похожего.

— Ага!.. Отсюда следует, что чья-то рука, и притом человеческая, обрушила на голову доктора Дельмара нечто тяжелое, раскроившее его череп. Следовательно, кто-то все-таки находился у него в лаборатории, не так ли?

— Нет, это невозможно, — сказала Глэдия убежденно. — Ни один солярианин никогда не

позволил бы себе прийти в наш дом.

— Но солярианин, Который собрался совершить убийство, вряд ли остановился бы перед таким препятствием, как свидание со своей жертвой, — настаивал Илайдж.

— Вы, наверное, плохо представляете себе, что значит личный контакт для солярианина. Ничего отвратительней этого не бывает. На Земле для вас это, вероятно, пустяки. Поэтому вы не понимаете, как ужасно это для нас. Впрочем… — в ее голосе зазвучало любопытство, глаза сверкнули. — Ведь я права? Личные встречи — обычная вещь для вас, не так ли?

— Ну, конечно, — сдержанно ответил Бейли.

— И вас эти встречи ничуть не беспокоят?

— Ну, конечно, нет.

— Знаете, — в голосе Глэдии послышалось колебание, — в фильмах о Земле об этом как-то мало говорится, но мне всегда хотелось знать… можно, я задам вам один вопрос? Вы не рассердитесь?

— Задавайте, — спокойно ответил Бейли.

— Вы, наверное, женаты, не так ли? И вы получили вашу жену по назначению?

— Я действительно женат, но у нас не существует назначений подобного рода.

— И вы, конечно видитесь со своей женой,

когда захотите, и так же поступает она, и вы оба считаете это нормальным?

Бейли молча кивнул.

— Ну и… когда вы видитесь, предположим, вам хочется… — Она остановилась в нерешительности, как бы подыскивая выражение: — Предположим, вам хочется, — снова начала она, — можете ли вы в любое время… — Она, окончательно смешавшись, замолчала.

Но Бейли и не думал помочь ей.

Наступило молчание.

— Не обращайте на меня внимания, — нервно заговорила молодая женщина, — не понимаю, с чего это я задаю вам такие странные вопросы… Ну как, вы узнали от меня все, что хотели? — Ее голос задрожал, и, казалось, она вот-вот заплачет.

— Еще немного… — ласково сказал Бейли. — У меня к вам просьба, Глэдия… Постарайтесь забыть тот факт, что никто не мог бы увидеться с вашим мужем. Предположим, что кто-то все же к нему явился. В таком случае, кто бы это мог быть, как вы думаете?

— Бесполезно гадать. Никто и никогда не смог бы решиться на такой шаг, уверяю вас.

— Однако, кто-то все же решился, Глэдия. Ханнис Груэр сказал, что имеются веские основания

подозревать кого-то определенного.

Невеселая улыбка тронула губы молодой женщины.

— Я знаю, кого он имел в виду, — сказала она.

— Неужели? Кого же?

Глэдия дотронулась своей маленькой ручкой до горла:

— Меня, — вымолвила она просто.

— Я должен заметить, коллега Илайдж, — неожиданно заговорил Дэниел, — что это вполне логичное и очевидное заключение.

Бейли удивленно взглянул на своего партнера.

— Почему очевидное, Дэниел?

— Сама госпожа Дельмар заявляет, что она была единственной особой, с которой когда-либо встречался правитель доктор Дельмар. Социальные обычаи на Солярии таковы, что даже она не может привести сколько-нибудь логичных доводов в пользу существования иной альтернативы. Поскольку только одна определенная особа могла видеться с убитым, только эта особа и могла нанести удары. Так, очевидно, считает и правитель Груэр.

— Но он также утверждал, — заметил Бейли, — что и эта особа не могла совершить убийства.

— При этом он имел в виду тот факт, что на

месте Преступления не было найдено никакого оружия, — по-прежнему бесстрастно говорил Дэниел. — Но, возможно, госпожа Дельмар могла бы объяснить это обстоятельство.

И он указал с холодной, чисто «роботической» вежливостью на Глэдию Дельмар, все еще находившуюся на экране. Ее глаза были опущены, Маленький ротик сжат.

«О, дьявол! — подумал Бейли. — Совсем забыли про нее». Возможно, он был раздражен, поэтому забыл о ее присутствии. А раздражение вызвал в нем не кто иной, как Дэниел Оливо со своим, лишенным всякой эмоциональности, подходом к решению загадки. Или он было недоволен самим собой?.. И своим чересчур эмоциональным подходом?.. Кто знает… В настоящее время он не собирался заниматься психоанализом.

— На сегодня достаточно, Глэдия, — сказал он. — Как там у вас говорят? Конец контакту или еще что-нибудь?.. Во всяком случае, до свиданья.

Она мягко ответила:

— Иногда говорят — прекратить контакт, но мне лично «до свиданья» нравится больше. Вы, кажется, встревожены, Илайдж? Мне очень жаль. Но я привыкла к тому, что люди считают меня виноватой.

— А в действительности, это вы убили своего мужа, госпожа Глэдия? — внезапно спросил Дэниел.

— Нет! — негодующе воскликнула она.

— В таком случае, до свиданья, госпожа Глэдия.

Следы гнева еще не успели исчезнуть с ее лица, как изображение уже погасло. На какое-то мгновенье Бейли продолжал чувствовать на себе взгляд ее глубоких серых глаз. Одно ему ясно. Пусть она говорит о том, что привыкла к мнению окружающих, ее реакция на вопрос Дэниела говорила о другом. Интересно, сколько правды и сколько *лжи* произносит ее очаровательный ротик?

Наконец Бейли остался один на один с Дэниелом.

— Ну, что же, Дэниел, — со вздохом произнес детектив, — все же, я думаю, что я не такой уж дурак.

— Я никогда этого про вас не думал, — невозмутимо промолвил робот.

— В таком случае, объясните мне, что означало ваше замечание о необнаруженном орудии убийства? И откуда вы это знаете?

— Видите ли, коллега Илайдж, у меня имеется

некоторая дополнительная информация.

— В чем же она заключается?

— Правитель Груэр обещал прислать результаты проведенного ими расследования. Сегодня утром я получил копию докладной записки солярианских следователей, разумеется не профессионалов.

— Почему вы не показали мне ее?

— Я полагал, что будет более рационально, чтобы вы проводили первый допрос, не ознакомившись с этой запиской. Вы сами считаете, что неправильно начинать расследование преступления, имея какие-то предвзятые идеи. В особенности, если эти идеи навязаны вам людьми, которые, по их собственному признанию, не добились сколько-нибудь существенных результатов. Именно поэтому я, чувствуя, что процесс моего логического мышления также оказался под воздействием посторонних заключений, не вмешивался в ваш разговор с госпожой Дельмар.

Логическое мышление! Невольно в голове Бейли промелькнул обрывок разговора, который он когда-то имел со специалистом-роботехником. «Роботы логичны, но не разумны», — сказал ему роботехник.

— Однако вы все же включились в разговор, —

возразил Бейли.

— Да, коллега Илайдж, я задал вопрос госпоже Дельмар, но только по той причине, что к тому времени я уже располагал некоторыми данными, подтверждающими подозрения правителя Груэра.

— А именно?

— Мое убеждение логически следует из всего поведения госпожи Глэдии Дельмар.

— В таких вопросах следует быть более точным, Дэниел.

— Давайте рассуждать логически, коллега Илайдж. Предположим, что вышеупомянутая особа виновна, но, естественно, стремится доказать свою невиновность. В этом случае ее главная цель — убедить в этом следователя.

— Ну, и что же?

— При этом она пользуется всем, что только в ее возможностях, прежде всего человеческими слабостями следователя, не так ли?

— Пока еще не убедительно.

— Наоборот, — прозвучал спокойный ответ. — Вы заметили, я полагаю, что все свое внимание вышеупомянутая особа сконцентрировала на вас.

— Это — естественно. Я вел допрос, — вставил

Бейли.

— Но она обратила свое внимание на вас прежде, чем она знала, кто будет вести допрос. Логически рассуждая, она могла скорее предположить, что допрашивать ее буду я, как представитель Авроры. Однако она с самого начала сосредоточила внимание на вас.

— Ну и какой вывод вы делаете из этого?

— Только тот, что именно вы, коллега Илайдж, являетесь ее надеждой. Вы — пришелец с Земли. Она изучала обычаи Земли, как она сама говорила. Вы помните, например, что она нисколько не была удивлена моей просьбой затемнить окна.

— Ну и что же?

— Поскольку она специально интересовалась вашей планетой, она, безусловно, знакома со слабостями, присущими ее обитателям. Она, несомненно, знает, что на Земле запрещено публично обнажать женское тело, а также о том, какое впечатление это должно произвести на мужчину-землянина.

— Но ведь она объяснила различие между личной встречей и телеконтактом… — пробормотал Бейли.

— Да, верно. Но ее объяснения достаточно ли убедительны? Полагаю, что нет. Вспомните,

дважды она показалась в таком виде, который с вашей земной точки зрения был крайне неприличным.

— Итак, — медленно сказал Бейли, — из всего этого вы делаете заключение, что она пыталась соблазнить меня?

— Сформулируем так: она пыталась повлиять на вашу профессиональную объективность. И надо заметить, что хотя я не разделяю человеческих реакций на возбудители подобного рода, все же, судя по данным, зафиксированным в моем запоминающемся устройстве, госпожа Дельмар вполне отвечает требованиям женской физической привлекательности. Более того, ваша реакция полностью убедила меня в том, что вы разделяете это мнение и относитесь вполне одобрительно к ее внешности. Итак, я пришел к выводу, что госпожа Дельмар сознательно избрала правильную линию поведения, и ей действительно удалось расположить вас в свою пользу.

— Послушайте, — сердито, но несколько смущенно сказал Бейли, — совершенно независимо от того впечатления, которое она могла произвести на меня, я прежде всего служитель закона, понимаете? Никакая женская привлекательность

не заставит меня отступить от беспристрастного проведения дела. А теперь довольно об этом. Посмотрим те донесения, которые вы получили.

Бейли молча прочитал поданную ему бумагу. Потом подумал и прочитал бумагу вторично.

— В игру вошел новый фактор, — медленно сказал он, — а именно — робот.

Дэниел Оливо кивнул.

— Она почему-то не сказала про робота, — задумчиво произнес Бейли.

— Вы не так поставили вопрос, — заметил Дэниел. — Вы спросили, не присутствовал ли кто-нибудь в комнате, где она обнаружила тело. А роботы вовсе не «кто-нибудь».

Бейли кивнул. Если бы он сам был на месте обвиняемого и его спросили бы, кто находился на месте преступления, он вряд ли упомянул бы неодушевленные предметы.

— Скажите, Дэниел, имеет ли на Солярии законную силу свидетельство робота?

— Я не понимаю вас, коллега Илайдж. Имеет ли робот право давать свидетельские показания? Почему вы сомневаетесь в этом?

— Потому, что роботы это машины, Дэниел. У нас на Земле они не могут быть законными свидетелями.

— Однако отпечатки пальцев или фотографии у вас принимаются во внимание? Почему же можно не считаться с показаниями робота? Не вижу логики в подобных рассуждениях, коллега Илайдж. И у нас на Авроре и на Солярии показания робота имеют ту же законную силу, что и показания людей.

Бейли не стал оспаривать логику рассуждений своего партнера. Он погрузился в молчание. Тщательно пытался он восстановить в памяти и связать между собой известные ему факты. Глэдия, обнаружив труп мужа, сейчас же вызвала роботов. Но к тому моменту, когда они появились, она лежала без чувств. Согласно докладу роботов, помимо трупа и бесчувственной Глэдии, в лаборатории находился еще робот. Как было установлено, этот робот был совершенно испорчен. Все каналы связи его позитронного мозга были расстроены, и мозг полностью вышел из строя. От него невозможно было добиться никакой разумной реакции. На все вопросы он отвечал одной-единственной фразой: «Вы хотите убить меня... вы хотите убить меня... вы хотите убить меня...» На месте убийства не было обнаружено ничего, что бы могло быть использовано в качестве оружия, которым был нанесен удар,

раскроивший череп Дельмара.

— Я голоден, Дэниел, — заявил Бейли, кончив просматривать бумага. — Поедим, а затем надо снова повидаться с правителем Груэром или, — поправился он, — хотя бы с его изображением.

Когда с Ханнисом Груэром был установлен контакт, он сидел за обеденным столом. Не спеша, он выбирал еду из множества блюд, которыми был уставлен стол, а затем старательно и без особой охоты прожевывал пищу. «Вероятно, он уже стар… возможно, ему лет около двухсот, — подумал Бейли. — За такое время процесс еды ему может наскучить».

— Рад видеть вас, господа, — сказал Груэр, — надеюсь вы получили результаты нашего расследования. Он перегнулся через стол, при этом его голый череп блеснул.

— Да, сэр. Кроме того, мы провели довольно интересный разговор с госпожой Дельмар, — сказал Бейли.

— В самом деле? — голос Груэра прозвучал резко. Он поднял глаза от тарелки.

Бейли молча кивнул.

— Однако, — продолжал Груэр, — она была единственным человеком, который мог видеть доктора Дельмара, единственным человеком,

который…

— Это все мы отлично понимаем, — прервал его Бейли, — но как бы ни были устойчивы обычаи на Солярии, один факт не может объяснить всего. Я попробую разъяснить вам свою мысль.

— Пожалуйста, — ответил Груэр, возобновляя прерванную трапезу.

— Видите ли, убийство всегда покоится на трех китах, в равной степени важных: мотив убийства, возможность его совершения, средство для его выполнения. Доказательства, достаточно бесспорные для суда, требуют наличия ясности во всех трех пунктах. Я лично уверен в том, что у госпожи Дельмар была возможность совершить преступление. Что касается мотива, то о нем я пока ничего не знаю. Мы тоже не знаем мотива преступления. — На мгновенье его глаза обратились на молчавшего Дэниела.

— Хорошо. Предположим, что пока мотив нам неизвестен. Предположим, например, что подозреваемая является патологической убийцей, все бывает. Она пришла в лабораторию мужа и по какой-то неизвестной нам причине хочет убить его. Она угрожающе взмахивает палкой или другим тяжелым предметом. Когда до сознания Дельмара доходит намерение жены, он

в ужасе кричит: «Вы хотите убить меня», — поворачивается спиной, чтобы бежать от нее, и в этот момент тяжелый удар обрушивается на его затылок. Кстати, я ничего не знаю о медицинском заключении. Надеюсь, врач осмотрел труп?

— И да, и нет. Роботы вызвали врача, скорее, к госпоже Дельмар. Однако он, конечно, посмотрел и убитого.

— Об этом не упомянуто в отчете.

— Вряд ли это прибавило бы что-нибудь новое. К тому моменту, когда врач смог увидеть изображение убитого, он был убран, вымыт и подготовлен, как всегда в таких случаях, к кремации.

— Иными словами, роботы уничтожили все следы, — раздраженно заметил детектив и прибавил: — Если я не ошибаюсь, вы сказали, что врач исследовал изображение трупа, значит, в действительности он не осматривал труп?

— О, Великое Пространство! — воскликнул Ханнис Груэр. — Какие странные мысли приходят вам в голову. Конечно, врач ознакомился с изображением трупа, но во всех деталях и в соответствующем фокусе. Я уверен, что все было проделано так, как надо. Разумеется, иногда бывают обстоятельства, при которых врачу при-

ходится лично осматривать пациента, но я не могу представить необходимости лично разглядывать труп… Медицина, конечно, грязная работа, но даже для врача где-то есть предел.

— Меня интересует следующее, — повторил Бейли, — сообщил ли врач что-либо о характере раны Дельмара?

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Вы предполагаете, что удар, возможно, был слишком сильным, чтобы его могла нанести женщина.

— Конечно, сэр, женщина физически слабее мужчины. А госпожа Дельмар к тому же еще и хрупкая женщина.

— Но вполне здоровая и физически тренированная, не забывайте этого. Располагая подходящим оружием она смогла бы нанести смертельный удар. Кроме того, надо иметь в виду, что в приступе ярости женщины могут совершать поразительные вещи.

Бейли пожал плечами.

— Кстати, об оружии, где же вы его обнаружили?

Груэр протянул руку к пустому бокалу. Сейчас же появился робот, который наполнил бокал бесцветной жидкостью. Груэр поднял бокал, но затем снова поставил его на стол, как будто пере-

менив свое намерение.

— Как это указано в отчете, оружие пока найти не удалось.

— Я знаю, что говорится в отчете. Но достаточно ли тщательно искали предполагаемое оружие?

— Да. Поиски велись под моим руководством и наблюдением. Но мы не смогли обнаружить ничего, что хотя бы отдаленно напоминало орудие убийства.

— Это сильно ослабляет подозрение, падающее на жену убитого, не так ли, сэр?

— Да, пожалуй, вы правы, — спокойно согласился Груэр. — Это один из нескольких неясных пунктов для нас. Именно по этой причине мы не возбудили официального преследования госпожи Дельмар.

— Но если это так, то совершенно очевидно, что подозреваемая особа не могла совершить преступление, действуя в одиночку. Без какого-то сообщника она не могла бы избавиться от оружия. Однако давайте еще раз разберем все возможности. Ударом по голове, произведенным каким-то тяжелым предметом, был убит человек. На месте преступления орудие убийства не обнаружено. Стало быть, его кто-то унес. Кто мог бы это сделать? Рикэн Дельмар был мертв.

Могла ли сделать это сама Глэдия Дельмар, как вы думаете?

— Но как?

— Прибывшие роботы нашли ее лежащей на полу без сознания. Может быть, она притворялась? Сколько времени прошло между моментом совершения убийства и прибытием роботов?

— Это зависит от того, когда именно произошло убийство. А мы этого как раз и не знаем.

— В отчете я прочитал следующее, сэр. Один из роботов сообщил, что он услышал какой-то шум и крик. Минут через пять он получил сигнал вызова. Робот появился там меньше чем через минуту. (Бейли вспомнил, как он всегда удивлялся молниеносному появлению роботов). Между криком и появлением робота прошло минут пять-шесть — маловато времени для того, чтобы успеть спрятать в надежное укрытие орудие убийства, прибежать обратно в лабораторию и, упав на пол, притвориться бесчувственной.

— *Я* все понимаю, — вздохнул Груэр.

— Скажите, сэр, могло ли случиться так, что какой-либо робот унес орудие убийства, не «подозревая, что именно он делает.

— Ни один из роботов ничего не унес из лаборатории. Даже не прикоснулся ни к чему.

— Ну, положим, это не совсем так. Роботы унесли труп убитого.

— Да, конечно, они должны были соответствующим образом подготовить труп к кремации. *Этого* требуют обычаи.

— О, дьявол! — пробормотал Бейли. — Опять обычаи… Ему с трудом удавалось сохранить хладнокровие. — Теперь рассмотрим другой вариант. Предположим, что в лаборатории находился кто-либо посторонний.

— О, Великое Пространство! — воскликнул Груэр. Кто посмел бы нарушить уединение и личную неприкосновенность доктора Дельмара?

— Все-таки попробуем обсудить такой вариант, — сдержанно повторил Бейли. Роботы не имели ни малейшего представления о том, что кто-то чужой находится в лаборатории. Думаю, что им даже не пришло в голову обыскать окрестности. Во всяком случае, в отчете об этом не сказано ни слова.

— Конечно. Наша работа началась только с поисков оружия. Но и это произошло лишь спустя некоторое время.

— Значит, если бы нашелся солярианин, который посмел бы нарушить уединение и личную неприкосновенность, как вы выразились, док-

тора Дельмара, он мог бы преспокойно убить его, а затем столь же спокойно и не спеша удалиться. Никто не остановил и даже не увидел бы его. Более того, он мог вполне положиться на общепринятое мнение, что никто не посмел бы явиться к Дельмару.

— И это мнение соответствует действительности. Никто ни в коем случае не посмел бы явиться к Дельмару, — упрямо повторил Ханнис Груэр.

— Еще один вопрос, сэр, только один. В лаборатории, кажется, находился какой-то робот, не так ли?

— Никакого робота на месте преступления быть не могло. — впервые вмешался Дэниел. — Будь робот там, убийства не произошло бы. В отчете была допущена ошибка.

Бейли резко повернулся к своему молчавшему до сего времени партнеру. Груэр, который в это время собирался пригубить из бокала, вторично поставил его на столик и тоже уставился на Дэниела.

— Вы правы, — медленно сказал Груэр, — робот не допустил бы, чтобы один человек причинил вред другому. Первый Закон запрещает это.

— Конечно, — согласился Бейли. — Однако могло быть и несколько иначе. Предположим,

робот находился где-то поблизости, скажем, в соседнем помещении, и он услышал крик: „Вы хотите меня убить“. Остальные домашние роботы не могли слышать этих слов. В лучшем случае они могли услышать крик. Повинуясь Первому Закону, робот бросился бы на помощь Дельмару. Но, очевидно, уже было поздно. Возможно, робот был свидетелем самого убийства. К моменту прибытия остальных роботов он оказался бы на месте преступления, и роботы сочли, что чужой робот находился в лаборатории все время.

— Ну, что ж, это возможно. Робот мог застать уже последнюю стадию убийства, — согласился Груэр. — Именно это зрелище привело в негодность его. Наблюдать, как одно человеческое существо причиняет вред другому и не суметь воспрепятствовать этому — прямое нарушение Первого Закона. При этом происходит повреждение позитрон ною мозга.

— А что робот сообщил при допросе? — спросил Бейли.

— В отчете было указано, инспектор. Он без конца повторял: „Вы собираетесь убить меня...“ Вероятно, это были последние слова убитого, и они запали в мозг робота, совершенно вышедшего затем из строя.

— Я слышал, что на Солярии имеются крупнейшие специалисты в области роботехники. Неужели никак нельзя было починить этот робот, восстановить его умственную деятельность? — спросил Бейли.

— Нет, это было совершенно невозможно, — коротко ответил Груэр.

— Уничтожен.

Бейли удивленно поднял брови.

— Действительно, весьма странный случай. Не установлен мотив преступления, не найдено орудие убийства, нет ни улик, ни свидетелей… Всякие следы каких-либо доказательств уничтожены. Имеется только одна особа под подозрением. Все убеждены, что никто другой, кроме нее, не может быть виновен. Возникает, естественно, вопрос, зачем меня пригласили?

Груэр поморщился.

— Не надо волноваться, инспектор Бейли. — Он повернулся к Дэниелу и отрывисто произнес: — Мистер Оливо?

— Я вас слушаю, правитель Груэр.

— Не будете ли вы любезны пойти посмотреть в нашем отчете, как мотивируется необходимость присылки специалиста-детектива с Земли?

Не говоря ни слова, Дэниел встал и вышел из

комнаты. В ту же секунду как будто маска слетела с лица Ханниса Груэра. Оно стало испуганным и растерянным.

— Это оказалось легче, чем я думал, — торопливо заметил он. Я не мог придумать лучшего предлога, чтобы остаться с вами наедине. Странно, что гордый аврорианин сразу же выполнил мою просьбу, а не послал за отчетом робота. Но так или иначе он это сделал.

— Ну, что же теперь, когда мы одни? — сказал Бейли.

— Я не мог говорить в его присутствии, — продолжал Груэр. Его присутствие навязано было нам Авророй. — Солярианин наклонился вперед. — Видите ли, во всем этом деле было нечто большее, чем простое убийство. Я подозреваю, что на Солярии имеется какая-то тайная организация.

Бейли недоуменно уставился на своего собеседника.

— Рикэн Дельмар был человеком добрых старых устоев. Он был Хорошим солярианином. Но появились какие-то новые силы, которые требуют перемен.

— Перемен? Каких перемен? — переспросил детектив.

— Не знаю точно, но Рикэн Дельмар шел по горячему следу. Он намекнул мне, что находится накануне важных разоблачений. Вот почему его заставили замолчать!

— С помощью его жены?

— Возможно. Но во всяком случае она была только исполнительницей чьей-то злой воли.

— Но чего хотят заговорщики?

— Дельмар не успел сообщить подробности. Он намекнул лишь, что они не желают довольствоваться ролью Солярии во Вселенной и что их деятельность представляет величайшую угрозу для всего рода человеческого. А доктор Дельмар был человеком, который не бросал слов на ветер.

Бейли вздрогнул. На какое-то мгновение ему показалось, что перед ним Альберт Минним, почти те же самые слова…

— Но чем могу помочь я? Скромный землянин?

— Очень многим! Вы житель Земли, понимаете? У нас на Солярии нет никакого опыта в таких вопросах. Мы плохо разбираемся в человеческой психологии. Прежде всего, нас очень мало… Многие из моих коллег-правителей смеются надо мной, некоторые даже возмущаются моей подозрительностью. Вы, земляне, должны лучше

разбираться в человеческой психологии. У вас то преимущество, что вы живете в тесном контакте друг с другом.

Бейли слегка кивнул, но промолчал.

— В каком-то смысле, — продолжал Груэр, — это ужасное убийство мне помогло. Без него мои коллеги-правители никогда не согласились бы на вмешательство землянина в наши дела. Но тут все были так ошеломлены, что мне удалось вырвать у них согласие на ваш приезд. — Груэр приостановился и после некоторого колебания заговорил снова. — Мне и самому не очень-то приятно просить землянина помочь нам, спейсерам. Но я вынуждён сделать это. Как-никак, но над всем родом человеческим нависла серьезная опасность.

„В этом случае, — подумал Бейли, — его родная планета находится в двойной опасности“. У него не было сомнений в том, что его собеседник предельно искренен. Но если случайное убийство явилось таким удачным и своевременным поводом для действий Груэра, — было ли оно действительно случайным? Тут есть над чем подумать… Ни одна из этих мыслей не отразилась на лице Бейли.

— Меня послали сюда, сэр, чтобы помочь вам,

и я сделаю все, что в моих силах.

При этих словах Груэр взял бокал и поднес его к губам. Но прежде чем отпить, он добавил:

— Хорошо. Но не говорите ничего авроpианину. Не исключено, что Аврора каким-то образом вовлечена в заговор. Ее правители проявили слишком уж большой интерес к убийству, даже настояли на привлечении к работе их собственного детектива. И кто знает, что скрывается за всем этим?

Глядя на своего собеседника, Груэр начал медленно прихлебывать свой напиток. Бейли задумчиво потер рукой щеку.

— Но если такая… — Он не закончил фразы, соскочил со стула и почти кинулся к Груэру… но вовремя вспомнил, что перед ним не Груэр во плоти, а лишь его изображение.

Груэр с исказившимся от боли лицом схватился рукой за горло, будто что-то душило его, и бессвязно прохрипел: „горит… внутри… горит…“ Бокал выпал из его рук, и он тяжело рухнул на пол.

На пороге стоял Дэниел.

— Я не нашел отчета, коллега Ил… — он не закончил фразы. — Роботы правителя Груэра! — раздался его пронзительный крик. — Роботы правителя Груэра, ваш господин болен, спешите

к нему.

Почти моментально около лежавшего на полу Груэра возникла металлическая фигура. Вслед за ней появилось множество других. Два робота заботливо подняли своего господина и унесли его. Остальные быстро принялись за приведение в порядок помещения. Но Дэниел прервал их деятельность.

— Слушайте, роботы! — воскликнул он. — Не занимайтесь уборкой. Займитесь поисками. Обыщите весь дом и парк, тщательно осмотрите каждый уголок парка. Если обнаружите чужого господина, задержите его. В этом случае немедленно сообщите мне. Я буду ожидать результатов здесь, у экрана.

Когда роботы ушли, чтобы выполнить приказание, Бейли задумчиво обратился к Дэниелу:

— Это только начало… Видимо, быстро действующий яд?

— Да, очевидно так, коллега Илайдж, — согласился Дэниел и опустился на стул. Его челюсти стучали, пальцы дрожали.

Бейли удивленно взглянул на своего партнера. Он никогда раньше не видел у Дэниела какого-либо проявления человеческих слабостей.

— Мое мыслящее устройство плохо переносит

подобное зрелище, — тихо сказал Дэниел.

— Но вы же ничего не могли сделать, — возразил Бейли.

— Да, это так. Но все же на моих глазах человеческому существу был нанесен вред. На языке человеческих эмоций — это равносильно ужасному потрясению.

— Ну, что ж, постарайтесь справиться со своими эмоциями, — сказал Бейли угрюмо. Он не мог заставить себя испытывать сочувствие к расслабленному роботу. — Перед нами возникла новая проблема. Как вы знаете, не бывает отравы без отравителя, не так ли?

— Может быть, пища была несвежей?

— Невозможно себе представить, чтобы в этом высокоорганизованном мире правителю подали несвежую пищу. Яд был в содержимом бокала. Послушайте, Дэниел, я пройду в соседнюю комнату, чтобы обдумать все, что произошло. А вы тем временем свяжитесь с госпожой Дельмар. Удостоверьтесь в том, что она сейчас находится дома, и заодно выясните, на каком расстоянии находится ее поместье от поместья правителя Груэра. Вы все поняли?

Бейли жаждал одиночества. Ему необходимо было без помех обдумать все происшедшее. Ко-

нечно, новое убийство должно быть связано с предыдущим, в этом он совершенно уверен. В таком случае версия Груэра о тайной организации становится правдоподобной. Бейли чувствовал, как знакомое волнение начинает охватывать его. Он прибыл в этот непонятный мир с предвзятым мнением о том, что его, землянина, вряд ли сможет захватить драма, разыгравшаяся на чужой планете. Но теперь он чувствовал, что это не так. Драма была не закончена. Перед его глазами был разыгран ее следующий акт.

Убийца или убийцы действовали среди бела дня в его, Бейли, присутствии. Он был уязвлен до глубины души. Неужели его так мало опасались? Профессиональная гордость детектива была задета. Нет, он найдет убийц, сколь бы могущественны они ни были.

В комнате появился Дэниел.

— Я сделал все, как вы приказали, — промолвил он, все еще слегка заикаясь. — Я установил контакт с госпожой Дельмар. В настоящее время она находится в своем доме. Ее поместье расположено на расстоянии тысячи Миль от поместья правителя Груэра.

— Хорошо. Позднее я сам повидаюсь с ней, то есть с ее изображением. Как вы думаете, Дэниел,

может ли она быть связана с этим новым преступлением?

— Во всяком случае, прямой физической связи, очевидно, быть не может, коллега Илайдж. — Дэниел уже оправился от потрясения и приобрел прежний невозмутимый вид.

— Ну, а косвенная? Может быть, госпоже Дельмар удалось убедить кого-либо совершить преступление?

— Этого, коллега Илайдж, я сказать не могу.

— Тогда сообщник должен был находиться на месте преступления, не так ли?

— Да, по-видимому, так, коллега Илайдж, — согласился робот.

— А может быть, яд был положен в напиток заранее?

— Я уже подумал о такой возможности, коллега Илайдж, — обычным бесстрастным тоном сказал Дэниел. — Вот почему я употребил слово „по-видимому“, говоря о сообщнике госпожи Дельмар. Но не исключено, что она была в доме ранее и сама положила яд в бокал. Поэтому надо проследить за всеми ее действиями в течение дня.

Бейли сжал губы. Он чувствовал, что „роботической“ логики в некоторых случаях недостаточно. „Логичны, но не разумны“, — снова вспомнил

он.

— А теперь посмотрим, что делается в доме Груэра, — решительно сказал он.

Комната, где совсем недавно обедал Груэр, снова сияла чистотой и порядком. Не осталось ни малейшего следа недавней трагедии. У стен стояли три металлические фигуры, как обычно, в позе почтительного внимания и послушания.

— Какие имеются новости о состоянии вашего господина? — спросил Бейли.

Средний робот ответил:

— Сейчас его осматривает господин доктор, господин.

— Доктор находится в контакте с ним или с его изображением?

— С его изображением, господин.

— Что говорит доктор? Останется ли жив ваш господин?

— Это еще неизвестно, господин.

— Обыскали ли вы дом?

— Да, господин, тщательно обыскали.

— Нашли ли вы какие-нибудь следы пребывания другого господина, кроме вашего собственного?

— Нет, господин, никаких.

— Искали ли вы во всем поместье, или только

в доме?

— Всюду, господин.

Бейли кивнул и сказал:

— *Я* хочу поговорить с тем роботом, который прислуживал сегодня за столом.

— Его проверяют, господин. Он обнаруживает не вполне правильную реакцию.

— Но он может говорить?

— Да, господин.

— Тогда пусть он сейчас же появится здесь.

Но, несмотря на приказ, робот не появлялся. Бейли снова нетерпеливо заговорил:

— *Я* же сказал…

Дэниел мягко прервал его:

— Между солярианскими роботами существует внутренняя связь, коллега Илайдж. Если робот задерживается, значит, это результат того потрясения, которое он пережил сегодня.

Бейли кивнул. Он мог бы догадаться. В этом „роботизированном мире“ не могло бы быть порядка без тщательно налаженных внутренних коммуникаций между роботами. В комнату вошел вызванный робот. Он сильно хромал, волоча одну ногу, руки его непрерывно дрожали. Очевидно, разладился центр, управляющий координацией движений.

— Ты помнишь ту бесцветную жидкость, которую ты налил из графина в бокал твоего господина? — осторожно начал Бэйли.

— Да… д… да. Геспедин…

— Ага… Артикуляция органов речи также пострадала… Что это была за жидкость?

— Вв...а. да, геспедин…

— Ты уверен, что это была вода?

— Д...д…а, геспедин.

— Откуда ты налил ее в графин?

— Из р… раквины, геспедин…

— Откуда ты принес графин? Из кухни?

— М…Й… геспдин люббил, чтоббы ввода был… не хилл… одной. Я нал… ливал Греф… ин за час до ед…д…ы, геспед… дин.

„Весьма удобно для каждого, кто знал о вкусах Груэра“, — подумал Бейли.

— Я хочу соединиться с врачом, осматривающим Груэра, Дэниел. Пусть наладят контакт.

Через короткое время на экране возникло изображение доктора Алтима Тула. Он выглядел глубоким стариком, наверное, ему было не менее трехсот лет. Набухшие вены выступали на его руках, а коротко остриженная голова была совершенно седой. У него была пренеприятная, как показалось Бейли, манера постукивать ногтем по

выступающим вперед передним зубам. При этом возникало раздражающее клацанье.

— К счастью, — сказал доктор, — часть яда удалось вывести из организма. Но все же Ханнис Груэр может и не выжить. Трагическое событие, — и он тяжело вздохнул.

— Какой это был яд, доктор? — спросил детектив.

— Боюсь, что я не знаю, — был ответ и снова послышалось клацанье.

— Как же вы лечите его? — воскликнул Бейли.

— Я дал ему рвотное, а теперь даю препараты, стимулирующие нервно-мышечную систему, чтобы избежать паралича. — На пергаментно-желтом, испещренном морщинами лице врача появилось слегка виноватое выражение. — Видите ли, за всю мою практику в течение свыше двух веков я не припомню случая отравления.

Бейли презрительно посмотрел на своего собеседника.

— Но вы ведь можете узнать о природе и применении ядов из книг и провести химический анализ? — спросил Бейли.

— Содержимое стакана, из которого пил пострадавший, разлилось и убрано роботами. Поэтому сделать химический анализ нельзя. А понять, что

это был за яд, по описаниям очень трудно, — возразил доктор.

— Если это так, — мрачно заметил Бейли, — вы должны связаться с кем-нибудь из жителей других миров и просить помощи. А пока что надо проверить, нет ли следов яда в водопроводе. Вы должны лично заняться этим.

В этот момент до сознания Бейли дошло, что неуместно было давать приказания гордому спейсеру, как простому роботу. Но его собеседник не высказал видимого протеста.

— Но разве можно отравить водопровод? — воскликнул он. — Я сильно сомневаюсь в этом.

— Возможно, вы и правы, — согласился Бейли, — но проверить все-таки следует.

— Но как я могу проверить воду в водопроводе? — жалобно спросил доктор Тул.

— Проще простого. Возьмите какое-нибудь животное и заставьте его выпить немного воды или впрысните воду ему под кожу… Дайте животному остатки воды из графина. Если в воде обнаружится яд, постарайтесь выяснить, что это за яд, и… делайте хоть что-нибудь!

— Постойте, о каком графине вы говорите?

— О том, из которого робот налил воду в бокал.

— Я думаю, в графине уже ничего не осталось.

Роботы произвели полную уборку.

Бейли застонал. Как же он не подумал об этом? Разве роботы с их рвением в выполнении домашней работы оставят что-либо нетронутым? Ему следовало бы предвидеть это заранее. Но этот странный мир ведь не его мир… и ему так трудно приспособиться к нему… О, дьявол!.. Бейли беспокойно прохаживался по комнате. К нему снова возвратилась боязнь открытого пространства и страстное желание вернуться на Землю. Лихорадочное желание сверлило его мозг. Пусть все время происходят какие-то экстраординарные события… Тогда ему будет легче…

Дэниел молча смотрел на своего партнера, но не задавал ему никаких вопросов. Подобное вторжение во внутренний мир Человека было бы противно его „роботической психологии“.

— Я хочу снова побеседовать с госпожой Дельмар, Дэниел, — внезапно принял решение Бейли. — Пусть робот установит контакт.

Бейли рассеянно наблюдал за тем, как робот ловко орудует металлическими пальцами, и напряженно думал. Внезапно в его комнате возник стог, накрытый к обеду. За столом сидела Глэдия.

— Я рада видеть вас, Илайдж, — сказала она. — Но почему у вас такой удивленный вид? Сейчас

как раз обеденное время. И я к тому же абсолютно одета, видите?

На ней было бледно-голубое платье с длинными рукавами, ниспадавшее почти до пола. На плечи был накинут прозрачный желто-золотистый шарф, чуть светлее, чем ее блестящие волосы, возвышающиеся на голове в затейливой прическе.

— Я не хотел бы прерывать вашей еды… — начал Бейли.

— Я еще не приступила к ней, — прервала Глэдия, — и почему бы вам не присоединиться ко мне?

— Присоединиться к вам? — недоуменно повторил Бейли.

Она расхохоталась.

— О, вы, земляне, такие странные. Конечно, я не имела в виду, что вы лично придете ко мне. Это невозможно. Просто вы должны отправиться в свою столовую, и таким образом вы и ваш друг сможете пообедать со мной.

— Но как же? Если я уйду отсюда?.. — воскликнул Бейли. — Разве…

— Не беспокойтесь, — прервала его Глэдия, — робот по контактам все устроит.

Дэниел с важностью кивнул, и Бейли несколько

неуверенно направился к двери. Глэдия вместе со своим обеденным столом двинулась вслед за ним.

— Видите, — ободряюще улыбнулась она, — наш контакт не нарушен.

Дэниел, а за ним Бейли шли в столовую через множество каких-то неведомых переходов.

И все время, пока они шли, вместе с ними сквозь стены двигалась Глэдия со своим накрытым к обеду столом.

Бейли остановился и пробормотал:

— К этому все же надо привыкнуть…

— У вас закружилась голова? — спросила Глэдия.

— Слегка, — признался Бейли.

— Тогда скажите роботу, чтобы он остановил меня здесь, — продолжала Глэдия. — Когда вы дойдете до столовой, пусть он присоединит меня.

— Я распоряжусь, коллега Илайдж, — сказал Дэниел.

Когда они добрались до столовой, стол там был уже накрыт, в тарелках дымился суп. В центре стола стояло большое блюдо с жареной дичью. Как бы по сигналу противоположная стена раздвинулась, стол удлинился, и на его противо-

положном конце оказалась улыбающаяся Глэдия. Стол к столу и комната к комнате были пригнаны столь точно, что создалась полная иллюзия совместного пребывания.

— Ну, вот, — с довольным видом заметила Глэдия, — разве это неудобно?

— О, да, — ответил Бейли. Он осторожно попробовал суп, нашел его весьма вкусным и с аппетитом принялся за еду.

— Вы знаете, что произошло с Груэром? — как бы невзначай спросил он.

На ее лице появилось обеспокоенное выражение. Она отложила ложку.

— Это ужасно, правда? Бедный Ханнис!

— Вы знакомы с ним?

— Я знакома со всеми выдающимися людьми на Солярии. Большинство солярианн знают друг друга. Это естественно.

— В таком случае, вы знакомы и с доктором Алтимом Тулом? Груэр его пациент.

Глэдия звонко рассмеялась.

— Конечно, знакома. Он и меня лечил.

Робот нарезал ей жаркое и добавил к нему каких-то неведомых Бейли овощей.

— Лечил вас? Когда?

— После… после несчастья… с моим мужем.

— Разве Алтим Тул — единственный врач на вашей планете? — удивленно спросил Бейли.

— О, нет. У нас врачей, по крайней мере… — она наморщила лоб, как бы подсчитывая, — по крайней мере десять. И еще есть некий юноша, как я слышала, который добровольно захотел изучать медицину. Но, уверяю вас, доктор Тул самый лучший из наших врачей. Бедняга Тул!

— Почему бедняга?

— Он человек немолодой и всю жизнь занимается такой противной работой. Бывают случаи, когда врачу приходится по-настоящему видеть людей и даже прикасаться к ним. Доктор Тул очень добросовестный врач. Он так мил и приветлив со мной, что, говоря по правде, это единственный человек, личный контакт с которым не вызвал бы во мне отвращения.

И вот недавно случилось так, что он действительно видел меня.

— Уже после смерти Рикэна Дельмара?

— Да. Представляете его ощущение, когда он увидел на полу меня и труп моего мужа?

— Мне сказали, что он видел только изображение трупа.

— Он захотел удостовериться, что я жива и вне опасности. Поэтому он прибыл в наше поместье,

лично сделал мне какой-то укол и проследил за тем, как за мной ухаживают роботы. Когда я пришла в себя, я не сразу сообразила, что он реально находится около меня. Только когда он прикоснулся ко мне, я поняла, что он рядом. Я вскрикнула. Бедный доктор Тул! Он был ужасно смущен. Но, уверяю вас, у него были самые лучшие намерения.

Бейли кивнул.

— Я думаю на Солярии нет большой нужды во врачах, — сказал он.

— Здесь не существует инфекционных заболеваний.

— Ну, а как относительно неинфекционных?

— Иногда бывает, и тогда это ужасно. Доктора могут продлить жизнь людям в физическом смысле, но не в этом дело.

— А в чем?

— Болезнь означает, что генетический анализ… был проведен неправильно. Заболевших подвергают тягостным исследованиям. Брачное назначение отменяется. И, конечно, — тут ее голос понизился до шепота, — конечно, это полностью исключает… детей…

— Полностью исключает детей… — спокойно повторил Бейли.

Глэдия густо покраснела.

— Это ужасно. Как только вы можете произносить такое слово!.. Д…д…д…ет…и…

— К этому легко привыкаешь, — сухо заметил Бейли.

— Да, но если я привыкну и произнесу однажды это слово в присутствии какого-либо солярианина, я просто провалюсь от стыда.

И, окончательна смутившись, Глэдия принялась за еду. Бейли наблюдал за тем, как она ест. Она вела себя за столом грациозно и непринужденно. Еда на Солярии была превосходной, совсем не похожей на безвкусную пищу его родной планеты. Пожалуй, еда была единственным приятным ощущением на Солярии.

— Что вы думаете об отравлении Груэра, Глэдия? — спросил Бейли.

Глэдия взглянула на него.

— Я вообще стараюсь не думать об этом, В последнее время происходят такие страшные вещи. А может быть, отравления не было?

— Было.

— Но ведь преступника не обнаружили.

— Откуда вы знаете?

— Груэр стар, у него нет жены. Около него только роботы. Некому было положить яд в его стакан.

Какое же тут могло быть отравление?

— И тем не менее он был отравлен. Это факт, с которым надо считаться.

Молодая женщина взглянула на Бейли затуманившимся взором.

— Вы не предполагаете, что он мог сделать это сам?

— Сильно сомневаюсь. Почему?

— В таком случае, этого не могло быть, Илайдж.

— Наоборот, Глэдия, — серьезно сказал Бейли. — Это произошло… И я уверен, что я знаю, вернее, подозреваю, как это произошло.

На мгновение Глэдия затаила дыхание. А затем прошептала еле слышно:

— *Я* ничего не понимаю… Вы знаете, кто сделал это?

Бейли кивнул.

— Тот же, кто убил Рикэна Дельмара.

— Вы уверены?

— А вы нет? Посудите сами. Убийство вашего мужа было первым преступлением на Солярии за долгие годы. Спустя месяц происходит следующее убийство. Возможно ли такое совпадение? Возможно ли, чтобы в мире, где нет уголовных преступлений, в течение столь короткого про-

межутка времени произошло два убийства, совершенных двумя разными убийцами? Маловероятно. Учтите также, что жертва второго преступления организовал расследование первого и представлял реальную опасность для преступника.

— Ну, что же, — Глэдия занялась десертом, — в таком случае, — промолвила она, с аппетитом жуя торт, — в таком случае, я оправдана.

— Почему же?

— Ну как же, Илайдж. Уверяю вас, я ни на одну секунду никогда в жизни не приближалась к поместью Груэра. Значит, я никак не могла отравить его владельца, не так ли? А если я не отравила Груэра, значит, и не я убила Рикэна.

Но Бейли угрюмо молчал. Постепенно оживление молодой женщины начало таять, уголки ее губ опустились, и она снова спросила упавшим голосом:

— Вы не согласны со мной, Илайдж?

— Я не могу быть уверенным в ваших словах, Глэдия, — ответил детектив. — *Я* вам уже сказал, что догадался о том, как был отравлен правитель Груэр. Надо сказать, что это было хитро придумано. Каждый житель Солярии, независимо от места его нахождения, мог бы таким способом

привести задуманный план в исполнение.

Глэдия сжала маленькие кулачки.

— Итак, вы все-таки считаете меня преступницей? — вскричала она.

— Ну, так я не говорил.

— Но вы подразумеваете, — голос Глэдии дрожал от возмущения, глаза потемнели от гнева. — Вот почему вы снова захотели говорить со мной! Вы все время пытаетесь поймать, запутать меня!.. Вы... — она задыхалась от гнева, ее губы побелели и тряслись.

— Постойте, Глэдия, послушайте меня, — попытался было успокоить ее Бейли.

— Вы казались таким милым, таким сочувствующим... А на самом деле вы — коварный землянин!..

Безмятежное лицо Дэниела обратилось к Глэдии.

— Извините меня, госпожа Дельмар, — невозмутимо произнес он, — но вы неосторожно обращаетесь с ножом. Вы можете поранить себя.

Молодая женщина диким взором уставилась на небольшой тупой и, очевидно, совершенно безопасный нож, который она держала в руках. Непроизвольным движением она взмахнула им.

— Вы же все равно не дотянетесь до меня, Глэ-

дия, — сказал Бейли.

Она перевела дух.

— Вы мне противны, землянин! — Она передернула плечами с явно преувеличенным отвращением и приказала невидимому роботу: „Немедленно прервать контакт!“ В мгновение Глэдия вместе со столом исчезла из поля зрения Илайджа Бейли.

— Прав ли я, коллега Илайдж, предполагая, что в данный момент бы считаете эту женщину виновной?

— Нет, — решительно ответил Бейли. — У этой бедной девочки не хватает тех качеств, которыми должен обладать убийца.

— Но она весьма вспыльчива.

— Ну и что? Не забудьте, что она живет под постоянным гнетом и постоянным страхом. А сейчас она решила, что я собираюсь обвинить ее в новом преступлении. Любой человек на ее месте еще и не так вспылил бы.

— Я не имел такой возможности, какую имели вы, коллега Илайдж, лично наблюдать за отравлением правителя Груэра, — заметил Дэниел. — Поэтому должен признаться, что у меня еще нет логической схемы совершения этого преступления.

Бейли почувствовал удовольствие, когда авторитетно ответил:

— Конечно. У вас и не может ее возникнуть. — Он сказал это с непоколебимой уверенностью, и робот воспринял заявление столь же невозмутимо, как все остальное.

— У меня два задания для вас, — продолжал Бейли.

— Я слушаю вас, коллега Илайдж.

— Во-первых, выясните у доктора Тула, в каком состоянии он нашел госпожу Дельмар после смерти ее мужа, сколько времени потребовалось на то, чтобы привести ее в чувство. Во-вторых, узнайте, кто займет пост Груэра, как главы Департамента Безопасности, и организуйте мне беседу с ним завтра с утра. Что касается меня, — продолжал он без всякого энтузиазма, — я лягу в постель и, надеюсь, сумею заснуть. Как вы думаете, мог бы я получить какой-нибудь приличный книгофильм здесь?

— Я сейчас вызову робота, ведающего фильмотекой, — ответил Дэниел.

Бейли неизменно раздражало общение с роботами.

— Нет, — сказал он, когда вызванный робот предложил ему несколько книгофильмов. — Ме-

ня не интересует ни евгеника, ни роботехника. Мне нужна обыкновенная беллетристика. Что-нибудь о жизни на Солярии.

— Возможно, господин интересуется приключенческой литературой прошлого, или отличным обзором по химии с движущимися моделями атомов, или справочниками по галактографии, — монотонно перечислял робот. Предлагаемый список был бесконечным. Бейли мрачно слушал, а потом сказал:

— Ладно, парень, вот эти подойдут, — и взял несколько книгофильмов.

— Нужно ли помочь господину? — почтительно спросил робот.

— Нет, — рявкнул Бейли, — оставайся там, где ты есть.

Уже лежа в постели с освещенным изголовьем, Бейли почти пожалел о своем отказе от услуг робота. Книгофильмы раньше он никогда не видел и не знал, как с ними обращаться. В конце концов, после больших стараний, он кое-как разобрался в устройстве и стал кадр за кадром их просматривать. И хотя фокусировка заставляла желать лучшего, все же он испытал известное удовлетворение. Хоть в чем-то он не зависел целиком и полностью от тех созданий…

За два часа Бейли просмотрел четыре из выбранных им шести фильмов. Он надеялся, что книги помогут ему разобраться в жизни планеты, на которую забросила его судьба, помогут проникнуть в психологию ее обитателей. Но из этого ничего не вышло. В романах описывались люди, перед которыми возникали какие-то несерьезные проблемы, люди, которые вели себя иногда непонятно, а иногда просто по-дурацки. Ну почему, например, героиня считала свою жизнь загубленной только потому, что ее дочь занялась тем же делом, что и она сама? И что было сверхблагородного в том, что какой-то доктор химии стал заниматься роботехникой? Чепуха какая-то! — раздраженно подумал Бейли, потянулся было за пятым фильмом, но вдруг почувствовал себя смертельно усталым. Во сне Бейли видел Джесси. Все было как прежде. Он никогда не покидал Земли. Chi и Джесси собирались идти обедать в столовую, впервые по классу С-7. Он был счастлив. И Джесси удивительно хороша. Никогда еще она не была такой красивой. И еще одна необычная вещь приснилась ему. Он взглянул наверх и увидел основание верхних слоев почвы. Больше ничего не было видно. Сверкающее яркое солнце освещало их своими

лучами. Это было прекрасно и совершенно не страшно. Сон не освежил Бейли, он проснулся хмурым и встревоженным. Он не мешал роботам прислуживать за завтраком и не разговаривал с Дэниелом. Молча выпил чашку превосходного кофе, даже не почувствовав его вкуса.

— Коллега Илайдж, — мягко обратился к нему партнер.

— Да?

— Контакт с Правителем Корвином Атлбишем будет установлен через полчаса.

— Кто такой, черт побери, этот Корвин? — раздраженно спросил Бейли.

— Он — главный помощник правителя Груэра, коллега Илайдж. В настоящее время он возглавляет Департамент солярианской Безопасности.

— Тогда давайте его сейчас же.

— Как я объяснил вам, аудиенция состоится ровно через полчаса.

— Плевать мне на аудиенцию. Давайте его сейчас же. Я приказываю.

— Я сделаю попытку, коллега Илайдж, однако он может и не согласиться принять вызов.

— Попробуем, и довольно об этом, Дэниел.

Новый глава солярианской Безопасности принял вызов. Впервые на Солярии Бейли увидел

человека, точно отвечающего представлениям землян об обитателях Внешних Миров.

Корвин Атлбиш был высок, хорошо слажен, с бронзовой кожей. Его глаза были светло-коричневого цвета, подбородок смел и решителен. Он слегка напоминал Дэниела, но ему недоставало совершенства черт робота. Атлбиш брился. Робот слегка водил по его щекам и подбородку маленькой бритвой-карандашиком.

— Если не ошибаюсь, вы прибыли с Земли? — надменно спросил спейсер, не прерывая своего занятия.

— Я — Илайдж Бейли, полицейский инспектор с Земли, индекс жизни С-7.

— Вы торопитесь, как я вижу, — Атлбиш закончил бритье и небрежным кивком отпустил робота. — Ну что вы хотите сказать мне, землянин?

Бейли не понравился бы тон собеседника и в лучшие времена. Теперь же он просто вспыхнул.

— Я хочу знать, в каком состоянии находится правитель Груэр.

— Он еще жив. Возможно, он и останется жив, — ответил Атлбиш.

Бейли кивнул:

— Здесь, на Солярии, отравители недостаточно

умелы в обращении с ядами. Груэру дали слишком большую дозу. Половинная доза убила бы его.

— Отравители? Не обнаружено никаких следов яда.

Бейли уставился на Атлбиша.

— Что же, вы думаете, могло быть, кроме ядов?

— Что угодно. Мало ли что может случиться с человеком. — Атлбиш потер лицо, чтобы удостовериться, что ни волоска не осталось на нем. — Особенно, когда ему уже перевалило за двести пятьдесят.

— Но если так, должно быть авторитетное медицинское заключение.

— Доклад доктора Тула… — спокойно начал Атлбиш.

Но больше Бейли не мог сдерживаться. Гнев, который кипел в нем с самого утра, наконец-то нашел выход.

— Мне плевать на вашего доктора Тула! — закричал он. — Я сказал, что нужно авторитетное медицинское свидетельство, понимаете — авторитетное. Ваши доктора ни черта не смыслят в медицине, ваши детективы ни черта не смыслят в криминалистике, впрочем, их у вас просто нет. Вам пришлось вызвать детектива с Земли, так

вызовите и врача с Земли.

— Если я не ошибаюсь, — холодно осведомился Атлбиш, — вы даете мне указания?

— Вот именно. И выполнять их нужно как можно скорее. Я знаю, что говорю. Груэра отравили. Это произошло на моих глазах. Он начал пить, покачнулся и вскрикнул, что у него жжет в горле. Как прикажете назвать все это, если еще учесть, что именно он, Груэр, опасался… — Бейли запнулся.

— Опасался чего? — невозмутимо переспросил Атлбиш.

Бейли внезапно ощутил присутствие Дэниела, которому, как представителю Авроры, Груэр не хотел доверять своих секретов. Он помолчал и неловко закончил:

— Опасался некоторых политических осложнений.

Глава солярианской Безопасности скрестил руки на груди и надменно посмотрел на детектива.

— У нас не бывает политических осложнений, во всяком случае, в том смысле, в каком они бывают у вас. Груэр хороший солярианин, но несколько впечатлительный человек. Именно он уговорил нас пригласить вас сюда на Солярию. Он даже согласился на присутствие вашего

компаньона с Авроры. Я не считал, что все это необходимо. В убийстве Рикэна Дельмара нет ничего непонятного. Безусловно, убийца его жена, и мы скоро выясним, почему и каким образом ей удалось это совершить. Даже если мы не узнаем причин убийства, все равно ее подвергнут генетическому исследованию, и будут приняты все надлежащие меры. Что касается ваших фантазий об отравлении Груэра, то они не представляют для нас никакого интереса.

— Иными словами, вы хотите сказать, что я вам больше не нужен? — недоверчиво спросил Бейли.

— Да, я полагаю, что вы нам сейчас не нужны. Вы можете, если хотите, возвратиться на Землю. Более того, мы бы попросили вас сделать это.

— Нет, сэр, я не собираюсь повиноваться вам, — вскричал Бейли и внутренне сам удивился своей реакции на слова солярианина.

— Мы вас вызвали, полицейский инспектор, и мы можем отправить вас обратно. Через час вы должны покинуть Солярию.

— Ну нет. Теперь вы послушайте меня, — Бейли говорил негромко, но ярость клокотала в нем. — Я вам скажу кое-что. Вам кажется, что вы — великий обитатель Великих Внешних Миров, а я всего

лишь ничтожный житель ничтожной Земли. Но при всем том я-то знаю, в чем причина вашего решения. Вы просто испугались, вот и все.

— Немедленно возьмите ваши слова обратно, — солярианин вытянулся во весь свой гигантский рост и сверху вниз с презрением смотрел на землянина.

— Ни в коем случае. Еще раз говорю, вы испугались… Да, да, испугались до смерти. Вы боитесь, что следующим станете вы, лично вы, если не прекратите расследование. Вы сдаетесь так легко, чтобы они вас пощадили, чтобы они сохранили вам вашу презренную жизнь!

Бейли толком не знал, кто были эти „они“ и вообще существовали ли „они“. Но это не имело никакого значения. Он испытывал удовольствие оттого, что его слова попадали в цель и пробивали броню самоуверенности этого спейсера.

— Вам придется уехать немедленно! — Атлбиш повысил голос. Его лицо потемнело от гнева. — Я даю вам сроку один час. Если вы не подчинитесь, предупреждаю вас о возможности дипломатических осложнений.

— Не стоит угрожать мне, солярианин. Я признаю, моя планета для вас ничто. Но я здесь не один. Разрешите представить вам моего коллегу

с Авроры, Дэниела Оливо. Он не любит много говорить. Но мой коллега с Авроры отлично умеет слушать. Уверяю вас, он не пропускает ни единого слова. А теперь поговорим начистоту, Атлбиш, — Бейли с удовольствием назвал своего собеседника без титула правитель. — У вас, на Солярии, происходят весьма подозрительные штуки. Знайте, что Аврора и остальные Внешние Миры не будут относиться к ним равнодушно. Если вы выгоните нас, ну что ж, это, конечно, ваше дело, но запомните: следующая делегация на Солярию прибудет на военных ракетах. Мы, земляне, хорошо знаем, что происходит при таких визитах.

Атлбиш взглянул на Дэниела и произнес — на этот раз в его голосе не было прежней вызывающей надменности:

— У нас не происходит ничего такого, что бы могло касаться чужих миров.

— Правитель Груэр считал иначе, и мой коллега с Авроры слышал его слова (сейчас не время, — промелькнуло в мозгу Бейли, — останавливаться перед необходимостью сказать ложь).

Дэниел повернулся и взглянул на него. Но Бейли, не обращая внимания, продолжал:

— Знаете, я намерен довести свою работу до

конца. Говоря по правде, ничего на свете мне не хочется так, как попасть к себе домой, на мою родную планету. Мне все здесь противно — дворец, наполненный роботами, в котором я живу, и вы, Атлбиш, и все остальные аристократы-соляриане, и весь ваш паршивый мир человеконенавистников. Но… не вы будете приказывать мне. Во всяком случае, до тех пор, пока не выяснены все обстоятельства того дела, которое мне поручено расследовать. Только попытайтесь избавиться от меня против моей воли, и вы увидите, что за этим последует. Более того, начиная с сегодняшнего дня я беру все расследование в свои руки. И буду вести его своими методами. Когда мне понадобится, я буду лично встречаться и лично, понимаете, лично допрашивать ваших людей, а не любоваться их изображением. Для всего этого мне нужна официальная поддержка вашего Департамента, вам ясно, Атлбиш?

— Но это невозможно, это совершенно невыносимо! — возмущенно воскликнул солярианин.

— Дэниел, поговорите вы с ним, — обратился Бейли к своему партнеру.

Робот поднялся с места и, как всегда бесстрастно, заговорил:

— Как мой коллега сообщил вам, правитель

Атлбиш, мы прибыли сюда с целью расследования убийства, совершенного на вашей планете. Очень существенно, чтобы мы преуспели в своей деятельности. Разумеется, мы нисколько не хотели нарушать какие-либо из ваших обычаев, и возможно, у нас и не возникнет необходимости встречаться лично с жителями Солярии, но хотелось бы, чтобы у нас имелось ваше полное одобрение всей нашей деятельности, включая и личные контакты, когда это будет неизбежно. Я получил инструкции от Правительства Авроры полностью поддерживать моего уважаемого коллегу с Земли и сделать все, чтобы довести дело до успешного конца. Что касается того, что нам придется покинуть Солярию против своего желания, полагаю, это было бы более чем нежелательно, хотя мы крайне сожалеем, что наше пребывание здесь может затронуть чувства какого-нибудь из жителей вашей планеты.

Бейли слушал пространную витиеватую речь своего партнера, внутренне усмехаясь. Для тех, кто знал, что Дэниел робот, было понятно, что его напыщенная речь была попыткой не затронуть чувства никого из людей, ни Бейли, ни Атлбиша. Для тех же, кто воспринимал Дэниела, как представителя милитаризованной сверхмощной

планеты Аврора, его речь звучала как завуалированная вежливой формой серия прямых угроз.

Атлбиш кончиками пальцев прикоснулся ко лбу.

— Я должен подумать, — наконец вымолвил он.

— Только не слишком долго, — резко сказал Бейли, — в течение ближайших часов мне предстоит совершить несколько визитов, а не телеконтактов, настоящих визитов. А пока... прервать контакт! — обратился Бейли к роботу и откинулся на спинку кресла.

Самые разнообразные чувства бушевали у него в груди. Все, что произошло, не было им запланировано. Какой-то импульс толкнул его на неслыханную смелость, импульс, отчасти вызванный поведением Атлбиша, а отчасти рожденный его памятным сном. Сейчас, когда все было позади, он испытывал одновременно и удивление, и чувство гордости. Ну и задал он великолепному солярианину! Как бы хотелось ему, чтобы кто-нибудь из землян слышал, как он отчитывал гордого спейсера. Атлбиш выглядел таким типичным спей сером! Тем лучше, — думал Бейли, — он получил то, что заслужил. Тем лучше. Одна мысль не давала Бейли покоя. Поче-

му он проявил такое рвение в вопросах личной встречи с обитателями Солярии? Он не вполне понимал себя. Конечно, такая возможность сильно облегчила бы его работу. Все это так. Но… Данный вопрос чересчур задевал его за живое. Когда он говорил на эту тему, ему казалось, что он готов сделать все, даже уничтожить стены своего дома. Но почему? Что-то в нем поднималось, не связанное ни с какими очевидными соображениями, даже с вопросам безопасности Земли. Но что? Он снова и снова смутно припоминал свой диковинный сон… солнце, ярко светившее солнце, проникавшее сквозь все слои в глубь залегшего под почвой царства Земли.

Дэниел сказал задумчиво (насколько его голос мог выразить какие-то сходные с человеческими эмоции):

— Хотелось бы мне знать, коллега Илайдж, достаточно ли безопасно ваше поведение?

— Вы имеете в виду, что опасно блефовать с этим типом? Но ведь получилось удачно, а? Кроме того, то, что я говорил, не вполне блеф. Аврора действительно интересуется тем, что происходит на Солярии. Поэтому вы — здесь. Кстати, благодарю, что вы не поймали меня на некоторой неточности.

— Совершенно естественное решение с моей стороны. Промолчать — означало причинить некоторое незначительное и косвенное неудобство Правителю Атлбишу. Уличить вас во лжи означало бы причинить вам весьма значительный и непосредственный вред.

— Потенциалы сравнили, и больший выиграл? Не так ли, Дэниел?

— Именно так, коллега Илайдж. Полагаю, приблизительно то же самое, хотя и не в столь определенной форме, происходит и в человеческом мозгу. Однако, повторяю, ваше новое намерение не вполне безопасно.

— О каком новом намерении вы говорите?

— Я не одобряю вашего решения лично видеться с людьми. Предпочел бы для вас телеконтакты.

— Понимаю. Но я не нуждаюсь в вашем одобрении, Дэниел.

— Но у меня имеются инструкции, коллега Илайдж. Я не в курсе того, что именно сообщил вам правитель Груэр вчера во время моего отсутствия. Но догадываюсь, что он сообщил нечто весьма важное, нечто, заставившее вас изменить свое отношение к проблеме в целом. На основании имеющейся у меня информации я могу предположить, что слова правителя Груэра каса-

лись общей ситуации на Солярии. По-видимому, на Солярии возник заговор, представляющий опасность для всех остальных миров.

Бейли невольно потянулся к карману, где у него обычно лежала трубка, но отдернул руку. Отсутствие трубки неизменно вызывало у него чувство раздражения.

— Но на Солярии проживает всего двадцать тысяч человек, — осторожно заметил он, — какую опасность могут они представлять для других миров.

— У моих господ на Авроре, — сказал Дэниел, — имеются какие-то опасения по поводу событий, происходящих на Солярии. Однако они не передали мне всей информации, которой располагают…

— И то немногое, что вам известно, вы не должны сообщать мне, не так ли? — прервал его Бейли.

— Многое подлежит выяснению до того, как я смогу открыто обсуждать это дело с вами, — уклончиво ответил робот.

— Но что же соляриане могут сделать? — воскликнул Бейли. — Изобрести новое смертоносное оружие? Сомнительно, чтобы это могли сделать на мирной, малонаселенной планете. Что в со-

стоянии предпринять двадцать тысяч против многих миллионов обитателей других Внешних Миров? И зачем им это?

Дэниел молчал.

— Ну, ладно, не хотите говорить — не надо. Но будь я трижды проклят, если я сам не сумею докопаться до корня вопроса.

— Безусловно, коллега Илайдж. Это наша общая цель. Но личные контакты я считаю опасными для вас. Мне даны строжайшие инструкции обеспечить вашу личную безопасность.

— Естественно. Первый Закон роботехники.

— Нет, значительно больше, чем гласит Первый Закон. В конфликте между вашей безопасностью и безопасностью любого другого человеческого существа я, не колеблясь, должен думать только о вас.

— Конечно, я все понимаю. Я здесь по приглашению правительства Солярии. Пока я жив, мы можем совместно употребить все наше влияние и делать наше общее дело. Если я погибну, тогда ситуация изменится. У вас не будет предлога оставаться на Солярии, во всяком случае без серьезных осложнений, к которым ваша Аврора пока, видимо, не готова. Поэтому вам предписано оберегать меня от всех существующих и несуще-

ствующих опасностей. Не так ли, Дэниел?

— Я не имею права обсуждать мотивы данных мне инструкций, — ответил Дэниел.

— Ну ладно, не беспокойтесь. Если даже мне придется нанести кому-либо личный визит, со мной ничего дурного не случится. Открытое пространство не убьет меня. Я должен привыкать к нему, и я привыкну, ручаюсь.

— Дело не только в открытом пространстве, коллега Илайдж, — упрямо возразил Дэниел. — Мои господа с Авроры решительно не одобрили бы ваших личных контактов с солярианами.

— Они опасаются, что солярианам не понравится мой запах? Ну, что ж, придется им заткнуть носы фильтрами, надеть перчатки, дезинфицировать воздух, вообще делать все, что угодно. Если их высокоэстетическое чувство будет шокировано зрелищем простого человека с Земли, человека из плоти и крови, ну, что ж, пусть фыркают, морщатся, негодуют, но тем не менее я намерен поступать так и только так.

— Я не могу разрешить вам этого, коллега Илайдж, — невозмутимо заявил робот.

— Что? Бы не разрешите мне поступать по моему усмотрению? — гневно воскликнул Бейли.

— Вы, разумеется, понимаете мои мотивы, кол-

лега Илайдж?

— Черт бы вас побрал вместе с вашими мотивами и опасениями причинить неприятность человеку!

— Обратите внимание, коллега Илайдж, — бесстрастно продолжал робот, — кто является центральной фигурой на Солярии, заинтересованной в расследовании убийства? Правитель Груэр. Его и пытались убить. Кто, по-вашему, может быть следующей жертвой? Безусловно, вы. Опасность неизмеримо возрастает, если вы будете разъезжать с места на место и встречаться с разными людьми. Как же я могу допустить, чтобы вы покинули безопасное убежище, каким является наш дом?

— Ну, а каким образом, интересно знать, вы собираетесь удержать меня, Дэниел? — иронически промолвил детектив.

— Силой, если понадобится, коллега Илайдж, — спокойно ответил робот, — даже если при этом я вынужден буду причинить вам неприятность. Ибо, если я не сделаю этого, вас непременно убьют.

— Итак, Дэниел, снова побеждает более высокий потенциал, а? Вы готовы причинить мне, как вы говорите, „неприятность“, но зато обеспечить

мою безопасность.

— Я полагаю, коллега Илайдж, в первом не возникнет необходимости. Вы, несомненно, осведомлены, что я значительно превосхожу вас физической силой, и вряд ли решитесь на бесполезное сопротивление.

— Но я мог бы уничтожить вас тут же на месте. Пара пуль, и ваши драгоценные позитронные мозги придут в полную негодность. Вы превратитесь в обычный металлолом.

— Я знал, что рано или поздно вам захочется уничтожить меня. Но дело в том, что без меня вы безусловно погибнете. А ваша гибель противоречит планам моих господ. Поэтому во время вашего сна я вынул пули из вашего пистолета, хотя это действие может не понравиться вам.

Губы Бейли сжались. Итак, он был совершенно бессилен. Он вытащил свой пистолет. Кусок бесполезного металла. А что, если с силой бросить его в лицо Дэниелу? А какой смысл? Робота этим не проймешь. А пистолет еще может пригодиться, если он сумеет добыть для него пули. Медленно и раздельно Бейли произнес:

— А что, если вы дурачите меня, Дэниел?

— Каким образом, коллега Илайдж?

— Вы слишком уж похожи на человека, Дэниел.

Поэтому я задаю вам вопрос: вы действительно являетесь роботом, Р. Дэниел Оливо?

— Да, это так, коллега Илайдж.

— В самом деле? А почему бы вашим Правителям не прислать на Солярию настоящего аврорианина? И почему вы, робот Дэниел Оливо, ведете себя со мной с видом превосходства и даже угрожаете мне?

— Ну что вы, коллега Илайдж, все это далеко не так.

— Объясните мне, почему правители Солярии воспринимают вас как спейсера, а не как обыкновенную машину? Ведь соляриане признанные эксперты в роботехнике. Неужели так просто их провести? Неужели все они ошибаются, принимая вас за человека?

— Да, это так, коллега Илайдж.

— Ну, в таком случае докажите мне, что вы действительно робот, — Бейли медленно подошел к Дэниелу, — покажите мне металл под вашей кожей.

— Уверяю вас, — начал было Дэниел.

— Покажите металл! — вскричал Бейли. — Это приказ, или вы не чувствуете себя обязанным повиноваться приказам человека?

Дэниел нехотя расстегнул рубашку. Его гладкая

бронзовая кожа была покрыта легкой растительностью. Он сильно нажал на какую-то точку пониже соска, кожный покров разошелся по шву без капли крови, и под ним заблестел металлический панцирь. Как только это произошло, Бейли нажал кнопку вызова. Сейчас же появился робот.

— Не шевелитесь, Дэниел, — громко сказал Бейли, — Это приказ. Замрите.

Дэниел застыл в неподвижной позе: как будто жизнь, или, вернее, „роботическая имитация“ покинула его.

— Вызови еще двух роботов, — приказал вновь пришедшему детектив, — а сам оставайся здесь.

— Слушаюсь, господин, — ответил робот. Почти мгновенно появились еще две металлические фигуры. Все трое молча ждали дальнейших приказаний.

— Слушайте, парни, — громко и внятно сказал Бейли, — видите вы это создание, которое до сих пор вы принимали за господина?

Красноватые глаза трех роботов мрачно уставились на Дэниела.

— Да, видим, господин, — ответили они хором.

— Вы видите, что этот так называемый господин фактически робот, такой же робот, как вы?

Внутри он — металлический. Он только внешне выглядит как человек.

— Да, господин.

— Вы не должны выполнять приказаний, полученных от него, понятно?

— Да, господин.

— Я же истинный человек, взгляните на меня.

На какую-то долю минуты роботы заколебались. Наступил ответственный момент. „Как они прореагируют, — с тревогой думал Бейли, — на непривычный для них факт. Создание, которое они считали господином, оказалось простым роботом…“ После паузы один из роботов произнес:

— Да, мы видим, что вы — теплокровный человек, господин.

Бейли вздохнул с облегчением.

— Можете чувствовать себя свободнее, Дэниел, — обратился он к неподвижно стоящему роботу.

Дэниел принял более естественную позу и спокойно сказал:

— Как я понимаю, вы сделали вид, что усомнились во мне лишь с одной целью: разоблачить меня перед этими роботами, не так ли?

— Вот именно, — сказал Бейли и отвел взгляд.

„Дэниел ведь не человек, — подумал он, — а

машина. Разве нельзя обмануть машину?“ И все же он не мог подавить чувство какою-то неясного стыда. Даже сейчас, когда Дэниел стоял перед ним с раскрытой грудью, на которой поблескивал металл, в нем было что-то такое необыкновенно человеческое, что-то такое, что заставляло Бейли чувствовать себя обманщиком и предателем.

— Закройте грудь, Дэниел, — наконец произнес он, — и выслушайте меня. Вы, конечно, понимаете, что вы не справитесь с этими тремя роботами, не правда ли?

— Это совершенно очевидно, коллега Илайдж.

— Хорошо. Слушайте, парни, — обратился он к трем неподвижным фигурам. — Вы не должны никому, ни господам, ни роботам сообщать о том, что это создание — робот. Никому и никогда, пока я, и только я, не дам вам соответствующих инструкций по этому поводу. Однако, — продолжал Бейли, — этот человекоподобный робот ни в коем случае не должен мешать мне действовать так, как я сочту нужным. Если он попытается вмешаться в мои действия, вы задержите его силой, при этом стараясь не причинить ему никакого вреда, кроме тех случаев, когда это будет совершенно неизбежно. Не разрешайте ему вызывать для телеконтактов никого из людей,

кроме меня, и никого из роботов, кроме вас троих. Не оставляйте его одного ни на одну минуту. Все остальные ваши функции временно прекращаются, впредь до моего распоряжения. Все ясно?

— Да, господин, — ответили роботы хором.

Бейли снова повернулся к Дэниелу.

— Вы сейчас ничего не сможете сделать. Поэтому не пытайтесь мешать мне, Дэниел.

— Я не имею права своей пассивностью допустить, чтобы вы причинили себе какой-либо вред, коллега Илайдж. Однако простая логика показывает, что в данной ситуации пассивность — мой удел.

„Вот именно, — подумал Бейли. — Логически рассуждая, Дэниел пришел к выводу, что он бессилен. Разум, если бы он был у него, заставил бы его лихорадочно искать какой-то выход. Но роботы не разумны, они только логичны“. И все-таки Бейли не покидало чувство неловкости. Ему хотелось чем-нибудь утешить своего партнера.

— Послушайте, Дэниел, — обратился он к все еще неподвижно стоящему роботу. — Даже если бы меня подстерегала опасность, чего, конечно, нет, — поспешил он добавить, бросив быстрый взгляд на других роботов, — даже и в этом случае ничего нельзя сделать. Такова моя работа. Я

обязан пытаться предотвратить опасность, грозящую человечеству, точно так же, как вы делаете это применительно к отдельному человеческому существу. Вы понимаете меня?

— Нет, не понимаю, — бесстрастно ответил Дэниел.

— Значит, вы так устроены. Но поверьте мне, если бы вы были человеком, вы бы меня поняли.

Дэниел склонил голову в знак согласия и так и остался стоять, неподвижно, с бессильно опущенными руками. Бейли медленно направился к двери. Все три робота расступились, чтобы пропустить его, по-прежнему устремив свои, фотоэлектрические глаза на Дэниела. Землянин чувствовал, что наконец-то он делает первый шаг к свободе, и сердце его сильно забилось в предвкушении нового, неизведанного…

В двери показался, поспешно шагая, новый робот. „Он появился без вызова, наверное, что-то случилось“, — промелькнуло в мозгу Бейли, и сердце его екнуло.

— Что такое, парень? — вскричал он.

— Вам экстренное сообщение, господин, из Департамента Безопасности, от самого главы Департамента правителя Атлбиша.

Бейли схватил поданную бумагу и прочитал

ее. На его худом продолговатом лице выступил румянец удовольствия. Он получил официальное уведомление, что ему разрешены любые встречи, в том числе личные, с теми из соляриан, которые будут нужны ему для расследования. Всем жителям Солярии предписывалось по мере своих сил содействовать деятельности представителей Земли и Авроры — Бейли и Дэниелу Оливо.

Правитель Корвин Атлбиш капитулировал, капитулировал полностью. Даже фамилию землянина он поставил впереди фамилии аврорианина. Он, Бейли, вышел победителем в схватке с надменным спейсером.

Снова Бейли пришлось совершить путешествие на воздушном корабле, как в тот памятный день на Земле, когда его вызвали в Департамент Юстиции. Однако между этими двумя путешествиями было различие. Самолет отнюдь не был герметически закрыт, как это делалось на Земле. В окна ярко светило солнце. Бейли старался изо всех сил не поддаваться панике. Изредка, когда он чувствовал, что больше не в состоянии выдержать, он прятал голову в колени, но потом снова заставлял себя поднять ее. Ведь он сам выбрал этот путь, твердил он себе.

— Я должен привыкнуть к этому, просто обя-

зан, — беспрерывно повторял он и смотрел, не мигая на голубое небо до тех пор, пока сердце не начинало бешено колотиться. Он старался сосредоточиться на том, что ему предстояло сделать. А ему предстояла первая личная встреча с рекомендованным ему Атлбишем социологом, неким Ансельпом Квемотом. Из разговора с социологом он надеялся почерпнуть ценные сведения о структуре солярианского общества. А это в свою очередь, помогло бы ему разобраться в целях того заговора, которого опасался правитель Груэр.

Когда самолет приземлился, Бейли уже поджидали роботы. Выйдя из самолета, он снова очутился на открытой площадке и почувствовал себя совсем скверно. Он весь дрожал, даже колени у него тряслись.

— Поддержи меня, парень, — пробормотал он, обращаясь к одному из роботов.

Опираясь на робота, Бейли прошел в дом социолога.

В конце длинного зала Бейли ожидал солярианин.

— Добрый день, инспектор, — сказал он, напряженно улыбаясь.

Бейли кивнул.

— Добрый день, сэр. Не могли бы вы распоря-

диться чтобы зашторили окна? — прошептал он, с трудом переводя дыхание.

— Окна уже закрыты, — ответил социолог. — Я знаю кое-что об обычаях Земли. Не пройдете ли вы со мной в мой кабинет?

Держась от хозяина дома на почтительном расстоянии, Бейли проследовал за ним через анфиладу многочисленных комнат и переходов. Бейли был рад, что наконец-то он сможет сесть и отдохнуть. Стены комнат поражали пестротой своей расцветки. Во множеств» ниш красовались золотые и пурпурные статуи самого нелепого и претенциозною вида. В углу стояло странное сооружение с качающимися белыми клавишами и многочисленными педалями: очевидно, музыкальный инструмент.

Бейли внимательно глядел на социолога, стоящего перед ним. Спейсер был высок и худ. У него было скуластое лицо с большим носом и глубоко посаженными живыми глазами, с белыми волосами. Некоторое время в комнате царило напряженное молчание, а затем Бейли, почувствовав себя лучше, начал разговор:

— Я благодарен зам, сэр, что вы согласились лично принять меня. Квемот выдавил улыбку и сказал:

— Давно же я не делал ничего подобного. Да, давно. — Его голос задрожал, и он умолк.

— Вам, наверное, тяжело находиться вблизи другого человека?

— Да, очень.

Квемот резко отвернулся от собеседника и сел на стул в самом дальнем углу комнаты. Постепенно прежняя уверенность в своих силах возвращалась к землянину.

— Интересно, что вы ощущаете, когда я нахожусь здесь, у вас, доктор Квемот? — спросил он.

— Вы задали весьма интимный вопрос, — пробормотал социолог.

— Но, видите ли, как вам известно, я занимаюсь выяснением обстоятельств и причин убийства. В ходе расследования я буду вынужден задавать вопросы сугубо интимного свойства.

— Я постараюсь помочь вам, — ответил Квемот. — Но я надеюсь, вопросы будут достаточно пристойными.

Во время разговора он смотрел в сторону, а не на своего собеседника. Изредка он бросал взгляды на Бейли, но тут же поспешно отводил взор.

— Я спросил о ваших ощущениях не только из любопытства, Это мне важно по существу дела.

— Не вижу, почему.

— Я хочу знать как можно больше о вашем мире. Я должен понимать, что чувствуют соляриане при личном контакте. Видите ли, для убийства Дельмара требовался личный контакт убийцы и его жертвы.

Квемот медленно заговорил:

— Десять лет тому назад умерла моя жена. Лично встречаться даже с ней для меня было весьма не просто. Но, конечно, к этому со временем привыкаешь. Мне не было предписано новой женщины, поскольку мой возраст… — он остановился, надеясь, что Бейли продолжит фразу. Но Бейли молчал, и Квемот закончил упавшим голосом: — Мой возраст меня защитил. Не имея даже жены, я, надо признаться, совершенно отвык от каких-либо личных встреч.

— Но что вы ощущаете при этом? — настаивал Бейли.

Квемот искоса взглянул на Бейли и тотчас же отвел взгляд.

— Я буду откровенен с вами, инспектор, мне кажется, что я почти обоняю вас.

Бейли невольно откинулся в своем кресле.

— Обоняете меня? — повторил он недоуменно.

— Это, конечно, воображение, — продолжал Квемот. — У меня в носу имеется фильтр.

Но… — он пожал плечами с плохо скрытым отвращением.

— Я понимаю, — медленно произнес Бейли.

— Вы не обидитесь на меня, инспектор, если я скажу вам, что в присутствии человеческого существа у меня появляется такое ощущение, как будто меня касается что-то грязное и скользкое. Я все время пытаюсь отстраниться от этого прикосновения. Все вместе крайне неприятно.

Бейли всячески старался подавить раздражение, вызванное словами Квемота. «В конце концов, это просто нервная реакция на самые обычные вещи», — убеждал он себя.

— В таком случае, — сказал он, — я удивлен, что вы с такой готовностью согласились встретиться со мной.

— Во мне заговорило любопытство. Ведь вы — человек с Земли, — ответил Квемот.

— Ну и что же?

Щеки Квемота окрасил легкий румянец. В его голосе в первый раз зазвучали какие-то признаки энтузиазма.

— Мне не просто объяснить свои чувства, но я попытаюсь. Я работаю над проблемами социологии уже пятьдесят лет, и я пришел к некоторым выводам, которые звучат неожиданно и парадок-

сально. Эти выводы заставляют меня серьезно интересоваться вашей планетой и ее обитателями. Видите ли, если бы вы тщательно изучили образ жизни на Солярии и все наше общество, для вас стало бы совершенно очевидным, что наше общество построено по точному образу и подобию общества на Земле.

Бейли не мог удержаться от удивления.

— О чем вы говорите? — воскликнул он.

— Я имею в виду прошлое Земли, ее древнюю историю. Вы знаете ее, конечно, инспектор?

— Я имею о ней общее представление, — осторожно заметил Бейли.

— В таком случае, вы понимаете меня.

Бейли, отнюдь не понимая, к чему клонит его собеседник, сказал:

— Позвольте объяснить вам, доктор Квемот, что мне от вас нужно. Я хотел бы получить следующую информацию: чем и по каким причинам жизнь на Солярии так сильно отличается от жизни на остальных Внешних Мирах.

Бейли самым решительным образом хотел изменить тему разговора. Любая дискуссия столь обширного вопроса, как сходство и различия между Солярией и Землей, могла бы затянуться до бесконечности.

Квемот улыбнулся.

— Вы предпочитаете проводить аналогию между Солярией и остальными Внешними Мирами, но не между Солярией и Землей.

— Я достаточно хорошо знаю Землю, сэр.

— Извините меня, инспектор, — солярианин слегка кашлянул, — вы не возражаете, если я поверну стул так, чтобы сидеть спиной к вам. Мне это было бы… ну… было бы удобнее.

— Как вам угодно, доктор Квемот, — сухо ответил детектив.

По приказу Квемота робот повернул стул своего господина.

Теперь, когда высокая спинка стула полностью предохраняла социолога от лицезрения собеседника, его голос зазвучал более живо и уверенно.

— Солярия была основана около трехсот лет назад, — начал он. — Первыми переселенцами были нексонцы. Вы знаете планету Нексон?

— Боюсь, что не очень, — ответил Бейли.

— Она находится вблизи от Солярии, на расстоянии всего лишь двух парсеков. Прекрасные условия для жизни на Солярии делали ее заманчивой для наиболее состоятельных жителей Нексона, население которого разрасталось, а уровень жизни падал. В то время, о котором я го-

ворю, на Нексоне уже насчитывалось около двух миллионов жителей. И вот тогда-то началось переселение на плодородную Солярию, где богатые люди получали огромные участки земли. Число граждан, получивших возможность въезда на Солярию, было строго ограниченным. Постепенно на Солярии началось развитие знаменитой на всю Галактику индустрии роботов. Культура стимулирует изобретательство — фраза, которую, как я полагаю, изобрел я, — Квемот самодовольно усмехнулся и продолжал:

— Наши успехи в создании большого количества высококачественных роботов помогли нам создать тот высокий жизненный стандарт, который вы сами видите. Все наши нужды удовлетворяются роботами, которые становятся все более специализированными.

— Почему соляриане так не любят встречаться друг с другом по-человечески? — перебил его Бейли. Его почему-то крайне раздражали самоуверенные манеры социолога. Квемот на мгновение выглянул из своего укрытия, но тотчас же снова скрылся.

— Ну, это естественно, ведь у нас огромные поместья. Мое, например, насчитывает около тысячи квадратных миль плодородной земли. У

других правителей поместья бывают еще больше. Размер поместья, более чем что-либо иное, определяет положение человека в обществе. Зачем нам видеться друг с другом, если мы можем бродить по своему поместью много дней, не рискуя никого встретить?

Бейли пожал плечами.

— Послушайте, доктор Квемот, не надо все так упрощать. Я, конечно, не социолог, но все же я окончил колледж. Правда, всего лишь колледж на Земле, — прибавил он неохотно, предпочитая, однако, сказать это самому, нежели услышать от своего собеседника… — Все же я немного разбираюсь в социологии.

— В какой социологии? — взвизгнул Квемот.

— Ну, разумеется, не в той, которую развиваете вы здесь, но я знаком с основными социологическими соотношениями. Например, с соотношением Терамина.

— Что это еще за соотношение?

— Возможно, вы его иначе называете. Оно устанавливает зависимость между переносимыми неудобствами и гарантированными привилегиями.

— О чем вы говорите? — Спейсер почти прокричал свой вопрос тонким скрипучим голосом,

и Бейли недоуменно взглянул на него.

Соотношение Терамина считалось на Земле основой науки о том, как нужно управлять народом, не вызывая опасных мятежей. Например, частная кабина в общественной базе, которой владеет некоторая персона, заставляет икс других людей терпеливо переносить ряд неудобств в ожидании такого же счастья, причем величина икс связана известным образом как с величиной переносимых неудобств, так и с темпераментом отдельных индивидов, как это количественно описано в соотношении Терамина. Но, возможно, в солярианском мире, где существуют только привилегии и отсутствуют неудобства, данное соотношение — просто банальность. Возможно, он привел неудачный пример.

— Послушайте, сэр, — обратился Бейли к своему собеседнику, — вы социолог и, как мне сказали, лучший на этой планете.

— И, вдобавок, единственный, — с гордостью объявил солярианин. — Можно сказать, что именно я изобрел эту науку на Солярии.

— Так вот, сэр, я надеялся, что получу от вас какие-то полезные сведения, которые помогут мне установить личные контакты с другими жителями Солярии. Мне хотелось иметь возможность

видеть их лицом к лицу…

Раздался странный сдавленный звук и грохот упавшего стула. Затем последовало приглушенное «извините меня…» и на глазах у изумленною Бейли Квемот нетвердой походкой выбежал из комнаты. Что произошло? Какого черта этот спейсер убежал, как будто его ошпарили кипятком? О, дьявол! Как все нелепо в этом дурацком мире!

Бейли поднялся с места и начал прохаживаться по комнате. Внезапно дверь распахнулась, и в двери показался робот.

— Господин, меня послали сообщить вам, что мой господин готов установить с вами телеконтакт через несколько минут.

Что ты болтаешь, парень? Какой телеконтакт?

— Я имею в виду телеконтакт с моим господином. А пока что, возможно, вы захотите чем-нибудь подкрепиться. — С этими словами робот поставил на столик бокал с розоватой жидкостью и блюдо с каким-то благоухающим кушаньем.

Бейли снова уселся и осторожно пригубил ароматное питье. Затем попробовал торт. Он оказался необычайно вкусным. Интересно, из чего эта штука? — подумал он и вспомнил Об экономной и не слишком вкусной искусственной пище на Земле. Но эти мысли быстро выскочили

из его головы, так как в ту же минуту перед ним на экране возникло лицо Квемота. Социолог улыбался, сеть морщинок покрывала его лицо, но в глазах появилось более живое и молодое выражение.

— Тысяча извинений, инспектор, — произнес он, — я полагал, что хорошо перенесу ваше личное присутствие. Но это оказалось иллюзией. Все время я был на краю взрыва, и ваша последняя фраза совсем вывела меня из равновесия.

— Какая фраза?

— Вы сказали, что хотели бы встречаться с людьми лицом к… — он остановился, как будто язык прилип к его гортани. — Пожалуй, я не буду повторять ваших слов. Но вы должны понять. В моем мозгу возникла ужасная картина… как будто мы оба дышим… представляете, дышим друг на друга… — на лице солярианина отразилось отвращение. — Разве вы не находите это ужасным?

— Не думаю, чтобы я когда-либо думал о таких вещах.

— А мне такой обычай кажется отвратительным. Мне вдруг показалось, что воздух, побывавший в ваших легких, может попасть в мои… — Квемот беспомощно покачал головой.

— Молекулы воздуха Солярии побывали в

тысячах легких различных существ, — заметил Бейли, — даже в легких многочисленных животных, не так ли?

— Это верно, — согласился Квемот, потирая щеку. — Но я предпочитаю не думать об этом. Однако вы находились в одной комнате со мной, мы оба вдыхали и выдыхали один и тот же воздух… — он снова содрогнулся. — Какое облегчение я ощущаю сейчас, просто поразительно.

— Но, доктор Квемот, я по-прежнему нахожусь в вашем доме, — возразил детектив.

— Да, и поэтому я называю свое чувство облегчения поразительным. Вы — в моем доме, и, однако, объемное изображение вносит во все огромную разницу. Я теперь знаю, что такое личная встреча. Вряд ли я еще когда-нибудь захочу экспериментировать.

— Вы рассматривали встречу со мной как эксперимент?

— Конечно, — ответил спейсер, — и результаты оказались интересными, хотя эксперимент дался мне нелегко. Теперь, когда все позади, я могу изложить вам свою теорию, которой я горжусь.

— Что же это за теория, сэр?

— Я пришел к фундаментальному выводу, — торжественно провозгласил Квемот, — что

культура Солярии аналогична культуре, существовавшей некогда на Земле.

— Что вы имеете в виду, сэр? — спросил Бейли с деланным интересом.

— Спарта — вот где объяснение, — торжествующе вскричал социолог. — Вы когда нибудь слышали о Спарте?

Когда-то в юности Бейли интересовался историей своей планеты. Многие земляне любили читать о героическом прошлом Земли, когда кроме нее не существовало других обитаемых планет, и земляне считали себя властелинами Вселенной.

— Да, сэр, конечно, но я не совсем еще улавливаю вашу мысль.

— Так вот, Спарта была населена относительно небольшим числом спартанцев, единственно полноправных граждан. В Спарте жило еще некоторое количество второсортных граждан — периэков — и, наконец, множество рабов-илотов. На каждого спартанца приходилось около двадцати илотов. При этом не забывайте, что илоты были человеческими существами с какими-то мыслями и чувствами. Для того чтобы предотвратить восстания значительно превосходящих их по количеству рабов, спартанцы специализиро-

вались в военном деде и стали первоклассными солдатами. Но на все другое времени у них не оставалось. Так вот, мы, люди на Солярии, в каком-то смысле эквивалентны спартанцам. У нас тоже есть свои илоты, с той только разницей, что наши илоты не человеческие существа, а машины. Поэтому мы можем не опасаться их, сколь бы они ни превосходили нас количеством. И мы не должны осуждать себя на суровую военизированную жизнь. Вместо этого мы можем позволить себе заниматься искусствами и науками, подобно современникам спартанцев — афинянам…

— Однако как можно создавать произведения искусства, если ими не пользуется никто, кроме их творца? И разве все науки сводятся к роботехнике? — попытался было возразить Бейли.

Но Квемота остановить было трудно.

— Все человеческие цивилизации всегда пирамидальны, — продолжал он с энтузиазмом. — По мере возвышения вы видите все меньше людей вокруг себя и все больше возможностей для беззаботной счастливой жизни. Внизу скапливается все большее число неимущих. И, помните, сколь бы обеспечены ни были нижние слои пирамиды, они всегда будут чувствовать себя обездоленными по сравнению с верхними слоями. Например,

бедняки на Авроре в абсолютному смысле лучше живут, чем аристократы на Земле. Но беда в том, что они сравнивают себя не с ними; а со своими собственными аристократами… Здесь лежит причина социального антагонизма, а также причина революционных восстаний. Отсюда — беды и неприятности человеческого общества на протяжении всей его истории. У нас на Солярии впервые в истории все обстоит совершенно иначе. Мы создали новые социальные отношения, новое общество, где место неимущих занимают роботы. — Старый социолог удовлетворенно откинулся назад, на его лице играла ликующая улыбка.

Бейли кивнул.

— Вы уже опубликовали свои выводы? — спросил он.

— Еще нет, — ответил Квемот с притворной небрежностью. — Кстати, это не первый мой вклад в сокровищницу науки и культуры.

— Вы только что сказали, сэр, что положение человека в вашем обществе определяется размерами его поместья. Значит, и у вас нет равенства между людьми? И какие духовные ценности может создать общество, которое состоит только из отшельников.

— Посмотрите вокруг, вот они, эти ценности. Прежде чем стать социологом, я был скульптором. Все в этом зале, — он показал на статуи, — мои произведения. Разве они не прекрасны?

Бейли не без труда удержался от улыбки.

— Конечно, сэр, они отличаются от всего, что я видел ранее.

— Ну вот видите. А музыка. После скульптуры я обратился к сочинительству музыкальных произведений. И, поверьте, они были не менее прекрасны. А потом, когда я начал стареть, Рикэн Дельмар, который всегда ратовал за прикладные науки, уговорил меня заняться социологией.

— Покойный Дельмар был вашим другом?

— В моем возрасте знаешь всех выдающихся граждан планеты, это естественно. Но мы с Дельмаром особенно часто вступали в контакт.

— А что за человек был Рикэн Дельмар? — спросил Бейли, и в его памяти неожиданно всплыло лицо Глэдии Дельмар, такое, каким оно было при их последнем свидании, — гневное и прекрасное.

Квемот задумчиво поглядел на детектива.

— Он был достойным человеком и хорошим солярианином, горячим приверженцем нашего общественного устройства. Это ясно видно хотя

бы из того, что он добровольно занялся фетологией.

— Разве добровольная работа у вас — редкое явление?

— Да, обычно правительство назначает граждан на определенную работу. Ну, а уж фетология… Конечно, не много найдется охотников на такую работу. Обычно люди назначались на какой-то определенный срок. Но Дельмар вызвался добровольно, по собственному желанию и на всю жизнь. Он сознавал, что нельзя поручить столь ответственное дело случайным людям, занимающимся им без особой охоты. Я бы не сумел поступить так, как он. Это было бы слишком большой жертвой с моей стороны. Впрочем, с его стороны жертва была не меньшей, так как он почти фанатически соблюдал правила личной гигиены.

— Извините меня, но я до сих пор не понял, в чем заключалась основная деятельность доктора Дельмара.

Дряблые щеки Квемота окрасились легким румянцем.

— Может быть, этот вопрос вам было бы лучше обсудить с ассистентом Дельмара.

— Я, безусловно, давно поступил бы именно так,

сэр, если бы кто-нибудь удосужился сообщить мне, что у Рикэна Дельмара был ассистент.

— Сожалею, что вы не знали этого факта, — ответил Квемот. — Видите ли, прежние специалисты обычно не держали помощников. Но Дельмар ревностно относился к своим обязанностям. Он считал, что должен готовить себе смену: наступит время подать в отставку, или на случай… случай смерти. — Солярианин тяжело вздохнул. — Странно, что я пережил его. Он был значительно моложе. Я часто играл в шахматы с ним… И, увы, я всегда проигрывал…

— Как вы умудрялись делать это?

Брови Квемота удивленно поднялись.

— Обычным способом.

— Вы виделись по-настоящему?

На лице социолога выразилось отвращение.

— Что за мысль! Далее если бы я смог перенести встречу, Дельмар ни на минуту не допустил бы такого нарушения обычаев. Он был крайне щепетилен в соблюдении всех традиций.

— Но тогда как же происходила игра?

Квемот пожал плечами и начал снисходительным тоном:

— Опять позабыл, что вы — землянин. Около каждого из нас стояла шахматная доска. На моей

доске фиксировались его ходы, а на его, естественно, мои. Все очень просто, как видите.

— Вы знакомы с госпожой Дельмар?

— Немного.

— Как вы полагаете, способна ли она была убить своего мужа?

— Специально я не думал об этом. Но здесь едва ли могут быть сомнения. Никто другой не мог находиться вблизи Рикэна. Ни при каких обстоятельствах он не допустил бы никого к себе. Он был крайне, крайне щепетилен в этом вопросе. Пожалуй, «щепетилен» не совсем подходящее слово. Просто он выполнял все обычаи Солярии весьма пунктуально. Да, покойный Дельмар был достойным солярианином.

— Как вы полагаете, могли ли существовать политические мотивы для убийства Дельмара?

— Что?

— Я слышал, что его называли традиционалистом.

— Да, но мы все таковы.

— Вы совершенно уверены в этом?

— Возможно, — медленно ответил Квемот, — некоторые люди считают опасным слишком придерживаться старых обычаев. Они полагают, что мы со своим маленьким населением в ка-

кой-то момент можем оказаться беспомощными перед вторжением на нашу планету обитателей других Миров. Но все это чепуха. В действительности таких людей мало, и они вряд ли пользуются влиянием.

— Почему вы думаете, что подобные мысли — чепуха? Может ли что-нибудь компенсировать малую численность населения?.. Разве только какой-нибудь новый грозный тип оружия?

— А мы и обладаем таким оружием. Оно производится у нас непрерывно, и противостоять ему совершенно невозможно.

Глаза Бейли сузились.

— Вы не шутите?

— Нисколько.

— И что же это за оружие?

— Дело в том, что в настоящее время оно вовсе не используется в военном плане, оно никого не убивает и никому не причиняет вреда, но противостоять ему, повторяю, невозможно.

Бейли почувствовал раздражение.

— Что же все-таки вы имеете в виду? — спросил он.

— Позитронный робот, — самодовольно ответил Квемот.

Бейли похолодел. Позитронный робот был сим-

волом превосходства спейсеров над землянами, символом их могущества. Бейли постарался, чтобы его голос не выдал охватившего его волнения.

— Но, сэр, это скорее экономическое оружие, не так ли?

— То, что вы говорите, очевидно, но это еще не все. — Голос Квемота звучал равнодушно. — Есть нечто более важное.

— Что именно?

— Благодаря роботам жизнь на Солярии стала образцом, к которому должны стремиться другие миры. А кроме того... — Квемот внезапно умолк, явно не желая развивать эту тему.

— Возможно, — сухо заметил Бейли, — но пока что на вашей Солярии убили одного человека и совершено покушение на жизнь другого.

Старый солярианин опустил голову и глухо проговорил:

— Я ответил, как мог, на ваши вопросы. Вы еще что-нибудь хотите узнать?

— Нет, спасибо. Пока вопросов у меня больше нет. Можно воспользоваться вашим телеэкраном?

— Конечно. Мои роботы в вашем распоряжении. А сейчас я покину вас. Прекратить контак-

ты, — скомандовал он и исчез.

Не более чем через тридцать секунд перед Бейли возник один из роботов. Снова Бейли удивился точности, с которой управлялись эти создания. Возможно, был дан общий сигнал: «Выполняй свои обязанности», — возможно, роботы постоянно прислушивались к тому, что происходило у людей, и поэтому в любую минуту знали их возможные приказания.

Робот заговорил с обычной ровной почтительностью машины:

— Я прибыл, чтобы помочь вам, господин.

— Мне нужно соединиться с тем местом, где работал Дельмар. Ты сможешь сделать это?

— Да, господин.

Бейли передернул плечами. Пора бы ему привыкнуть и не задавать нелепые вопросы. Роботы могли сделать все.

— Соедини меня с ассистентом правителя Дельмара. Если его нет на месте, найди его, где бы он ни находился.

Робот повернулся, чтобы выполнить приказание, но Бейли задержал его.

— Стой! — крикнул он — Скажи, что его вызывают по делу государственной важности. Да, и пусть мне принесут что-нибудь поесть. К приме-

ру, сандвич и стакан молока.

Задумчиво жуя сандвич, Бейли подумал о том, что Дэниел Оливо, несомненно, подозрительно отнесся бы к каждому кусочку подаваемой ему еды. Возможно, Дэниел прав. Так или иначе, но он съел сандвич без каких-либо угрожающих симптомов и принялся за молоко. Конечно, он не получил от Квемота той информации, на которую надеялся, но все же разговор был не бесполезен.

— Ассистент готов принять вызов, — сообщил возвратившийся робот.

— Хорошо. Были какие-нибудь трудности?

— Ассистент спал, господин.

В ту же минуту Бейли увидел постель и на ней лицо и фигуру ассистента. На лице была гримаса возмущения. Бейли отпрянул назад, как будто перед ним внезапно возник непреодолимый барьер. Снова до его сведения не довели важную информацию. Никто не подумал сообщить ему, что ассистентом Рикэна Дельмара была женщина. Глядя на незнакомку, Бейли испытывал злобное удовлетворение. Земляне полагали, что все женщины-спейсеры — прекрасны. Глэдия, конечно, подтверждала это предположение. Но зато женщина, лежавшая в постели, была некрасива даже по земным стандартам — длинное

лицо, крупный нос, тяжелый подбородок. Темные спутанные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Бейли был удивлен, когда она заговорила звучным приятным контральто:

— Послушайте, вам известно, который час?

— Да, конечно. Но поскольку я собираюсь к вам в гости, я счел своим долгом предупредить…

— Что вы сказали? В гости? О, небеса! — ее глаза расширились, она прижала руку ко рту. — Послушайте, вы что, назначены моим ассистентом?

— Нет, Я занимаюсь расследованием убийства Рикэна Дельмара.

— Ну и занимайтесь, мне-то что…

— Как вас зовут?

— Клариса Канторо.

— Сколько времени вы проработали с Рикэном Дельмаром?

— Три года.

— Очевидно, вы сейчас во главе всего дела? И постоянно находитесь здесь? — Бейли чувствовал неловкость, задавая вопрос, ибо он по-прежнему не понимал, в чем же заключается это дело.

— К сожалению, я не могу отлучиться отсюда ни на одну минуту с тех пор, как убили патрона, — Клариса проговорила это ворчливо. — И непохоже, — продолжала она, — чтобы я смогла

вырваться отсюда, пока не пришлют помощника. Кстати, вы можете помочь, мне в этом?

— Увы, вряд ли. Это не мое дело.

— Ну, что ж…

Клариса стянула простыню и выпрыгнула из постели. На ней была ночная сорочка из одного куска материи. Она протянула руку к шее, где находилась пряжка-молния.

— Одну минуточку, — поспешно сказал Бейли, — если вы не возражаете против моего визита, то на этом пока закончим разговор. Я прибуду и познакомлюсь с вашим делом.

— Я не совсем понимаю разговора о личной встрече. Но если вы хотите ознакомиться с фермой, я помогу вам. Я сейчас включу контакты.

Я не желаю никаких контактов, — громко сказал Бейли.

— Я хочу все видеть собственными глазами.

Женщина склонила голову набок и с любопытством уставилась на детектива.

— Вы больны или ненормальны? Когда в последний раз вам делали генетический анализ?

— О, дьявол! — вскричал Бейли. — Я же вам сказал, что я расследую убийство. С этой целью меня пригласили с Земли. Я полицейский инспектор Илайдж Бейли.

— С Земли! О, небеса! Но что же надо расследовать? Всем известно, что Дельмара убила его жена.

— Нет, Клариса, я далеко не уверен в этом. Я хочу встретиться с вами лично и поговорить. У меня имеется на сей счет специальное предписание от главы Департамента Безопасности. Показать вам документ?

— Да, покажите.

Бейли протянул бумагу.

Клариса внимательно прочитала ее, потом покачала головой.

— Личная встреча? Это гадко, это отвратительно. О, небеса! Но какое значение имеет еще одна капелька грязи в моей грязной работе? Послушайте, я ставлю вам условие. Вы не должны близко подходить ко мне. Все время вы будете находиться на расстоянии, которое я вам укажу.

— Согласен, — поспешно сказал Бейли.

Она расстегнула застежку на шее, и ночная сорочка упала к ее ногам. Последнее, что Бейли слышал, было сдавленное: «Подумать только, землянин!.. О, небеса!»

— Ближе не подходите, — приказала молодая женщина.

Бейли, который находился от нее на расстоя-

нии примерно десяти метров, ответил:

— Ладно, только я хотел бы побыстрее попасть в дом.

Он снова почувствовал себя скверно. Путешествие на самолете, в общем, перенес сносно. Но это не означало, что он привык к воздуху и солнцу.

— Что с вами стряслось? — резко спросила Клариса.

— Ничего, сейчас пройдет, — с трудом проговорил Бейли, — видите ли, мне не очень-то привычно находиться вне закрытого помещения.

— Ах, да! Вы же — землянин. Кажется, вы всегда должны быть закупорены или что-то в этом роде. О, небеса!

В ее взгляде выразилось нечто, похожее на отвращение.

— Ну, идите в дом. Только сначала я должна отойти от двери. Входите.

Бейли вошел внутрь дома, вздохнул с облегчением и взглянул на свою спутницу. На ее голове возвышалось сложное геометрическое сооружение, состоящее из переплетенных между собой кос.

«Интересно, — подумал Бейли, — сколько вре-

мени требуется для того, чтобы создать столь замысловатую прическу?» Но тут же вспомнил, вероятно, это проделали ловкие пальцы робота.

Она и Бейли расположились в противоположных концах большой комнаты и некоторое время молчали. Наконец, Бейли заговорил:

— Вам, очевидно, не по душе встреча со мной?

Клариса пожала плечами.

— А кому это может понравиться? *Я* же не животное, а человек. Но, как видите, перенести встречу я в состоянии. Когда имеешь дело с… с… — она заколебалась, затем, решительно вздернув подбородок, продолжала: — Когда имеешь дело с детьми, ко многому привыкаешь. — Слово «дети» она выговорила нарочито отчетливо.

— Вы, видимо, не очень-то любите свою работу? — осторожно осведомился Бейли.

— Конечно, нет. Но выращивание детей — важное дело, и кто-то должен делать его.

— А Рикэн Дельмар охотно выполнял эту работу?

— Думаю, нет. Но он никогда не выказывал своего отношения к ней. Он был хорошим солярианином.

— Скажите, Клариса, вам нравился покойный Дельмар? Каким он был человеком?

— Патрон всегда думал о деле, был очень подтянут и сух, не разрешал себе и другим никаких вольностей. С ним все чувствовали себя на официальной ноге.

— А это необычно?

— Да, пожалуй… Конечно, в идеале все должны быть такими. Но это не всегда получается, в особенности при телеконтактах. Словом, он был, повторяю, хорошим солярианином, — сухо ответила она.

— Вы назвали свое дело фермой, и вы упомянули детей. Вы что, занимаетесь здесь воспитанием?

— К нам попадают человеческие эмбрионы со всей планеты.

— То есть как это? — эмбрионы?

— Очень просто, ровно через месяц после зачатия. Хотите взглянуть?

— Да, — коротко ответил Бейли.

На обычно бесстрастном лице Бейли появилось выражение изумления, когда они подошли к стеклянным дверям огромного помещения, в котором длинными рядами стояли прозрачные баки, наполненные какой-то жидкостью. В этой жидкости плавали крошечные создания, из которых в будущем должны были получиться люди.

Температура, влажность воздуха и состав жидкости — все, он был совершенно уверен, — идеально соответствовало наиболее благоприятным условиям, при которых стимулируется рост живых существ.

«Жизнь продолжается и здесь», — подумал Бейли, со странным чувством глядя на крошечные существа меньше половины его кулака, с непропорциональными черепами, крошечными ручками и ножками и рудиментарными хвостиками.

— Ну, инспектор, как вам это нравится? — раздался голос Кларисы.

Вместо ответа Бейли спросил:

— У вас только одно такое учреждение на всей планете?

— Одно, и этого вполне достаточно для того, чтобы поддерживать необходимый прирост населения.

Бейли взглянул на роботов, толпившихся около бачков с эмбрионами. Они останавливались около каждого, бесшумно и ловко проверяя показатели и добавляя в раствор необходимые вещества.

— Кто оперирует матерей? — неожиданно спросил Бейли.

— Медики.

— А почему не оперируют роботы?

— Не думаю, чтобы робот смог перенести такой эксперимент без повреждений. Резать человеческое тело — непереносимое переживание для позитронного мозга. Медикам приходится мириться с личным присутствием пациентов и с необходимостью прикасаться к ним.

— Однако роботы, как я вижу, выхаживают эмбрионов. Вы или доктор Дельмар когда-нибудь вмешивались в их действия?

— Да, иногда приходится. Например, когда развитие зародыша идет ненормально. В таких случаях, когда стоит вопрос о человеческой жизни, роботам доверять нельзя.

Бейли понимающе кивнул.

— Ага! Вы боитесь, что робот примет неправильное решение, и в результате погибнет человеческое существо, не так ли?

— Как раз наоборот, имеется опасность того, что робот переоценит человеческую жизнь и сохранит ее тому, кому не следует. — На лице молодой женщины появилось непреклонно-стойкое выражение. — Нам доверено выпустить здоровых полноценных детей, понимаете, инспектор, полноценных? Даже при самом тщательном

генетическом анализе и отборе родителей нет уверенности в том, что комбинации генов окажутся благоприятными для потомства, не говоря уже о возможности мутаций. Мутации, или скачкообразное развитие наследственного признака, — наша главная забота. Хотя и крайне редко, но они бывают, и тогда нам приходится принимать решение.

Клариса замолчала. Бейли также молчал. Затем она медленно двинулась вдоль коридора, и он последовал за ней.

— Теперь я покажу вам комнаты детей и подростков, — сказала она, — дети и подростки представляют гораздо большую проблему для нас, чем зародыши. В обращении с ними мы можем полагаться на роботов только в ограниченной мере.

— Почему?

— Если бы вы имели дело с роботами, вы бы не спрашивали. Все дело опять-таки в Первом Законе. Не думайте, дети чуть ли не с пеленок отлично разбираются во всем. Я сама видела, как трехлетний малыш держал около дюжины роботов в полной неподвижности только потому, что он лепетал: «Вы сделаете мне больно, вы сделаете мне больно». Нужно быть крайне совершенным

роботом, чтобы понять, что ребенок намеренно лжет. Надо очень умело управлять роботами, чтобы они умели эффективно справляться с детьми и их капризами.

— Ну, а вам приходится общаться с детьми?

— К сожалению, да, — Клариса с отвращением передернула плечами, потом повернулась к Бейли и неожиданно сказала: — Я уверена, что все ваши поиски закончатся на Глэдии Дельмар. Вам придется признать, что она и есть убийца.

— А вот я не уверен в этом, — спокойно ответил детектив.

— Кто же еще, по-вашему, мог быть убийцей?

— Имеются разные варианты, милая Клариса.

— Например?

— Например, вы…

Реакция молодой женщины удивила Бейли. Она громко расхохоталась. Она смеялась все громче, пока не стала задыхаться от смеха. Наконец она откинулась в кресле и утерла глаза.

— Нет, нет, не подходите ближе, — прошептала она, чуть дыша. — Со мной все в полном порядке.

— Разве мое предположение так уж смешно? — сухо спросил Бейли. Клариса попыталась что-то сказать, но снова рассмеялась.

— О, вы, землянин. Да как же я могла бы быть убийцей? — наконец выговорила она.

— Вы достаточно хорошо знали Дельмара… его привычки… вы могли все учесть, все подготовить.

— О, небеса! И вы предполагаете, что я могла бы подойти к нему? Настолько близко, чтобы ударить его по голове? Вы ничего, решительно ничего не понимаете, инспектор.

Бейли почувствовал, что краснеет.

— А почему вы не могли бы приблизиться к нему, Клариса? — отрывисто спросил он. — У вас ведь есть практика личного общения с человеческими существами, не так ли?

— Да, но только с детьми.

— Одно ведет к другому. Ведь вы же терпите мое присутствие.

— Да, но на расстоянии десяти метров, — презрительно ответила солярианка.

— Однако только что один из ваших соотечественников чуть было не упал в обморок только потому, что я недолгое время находился в одной комнате с ним. Примерно на таком же расстоянии! — воскликнул детектив.

Клариса сразу стала серьезной.

— Я хотела бы обратить ваше внимание, ин-

спектор, на следующее, — сейчас в голосе молодой женщины не было ни малейших признаков веселости. — Дело совершенно не в том, могу ли я перенести чье-либо присутствие. Постарайтесь понять, что Рикэн Дельмар был человеком исключительно традиционным и пунктуальным в соблюдении наших обычаев. Именно Дельмар не допустил бы личного присутствия кого бы то ни было. Он был почти таким же традиционным, как сам правитель доктор Либиг.

— А что это за правитель доктор Либиг?

Клариса пожала плечами.

— Один из немногих ныне живущих гениев. Он наш главный роботехник. Доктор Либиг работал над созданием моделей новых роботов совместно с Рикэном Дельмаром.

— Однако именно у вас могла быть определенная причина желать смерти Дельмара.

— Причина? Но какая?

— Теперь вы стали во главе всего вашего дела, вы повысились в должности, — ответил Бейли.

— Да кому же на Солярии нужно это повышение? Кто на Солярии пожелал бы заниматься такой работой? Как раз наоборот. У меня были все причины желать, чтобы Дельмар жил вечно. Тогда у меня была бы надежда выбраться отсюда.

Я ожидала, что вы придумаете нечто более убедительное, землянин.

Бейли неуверенно почесал нос. Он увидел правоту своей собеседницы.

Клариса торжествующе взглянула на землянина.

— Ну, а теперь не хотите ли взглянуть на наших детей? — спросила она.

— Благодарю вас, с удовольствием, — ответил Бейли.

Они томительно долго шли по бесконечным коридорам.

Очевидно, здание, в котором они находились, было грандиозным. В залах, через которые они проходили, они увидели десятки розовощеких малышей. Некоторые из них ели с помощью роботов, другие играли, визжали, бегали или дрались, как все дети Вселенной.

— В этом возрасте они не так уж плохи, — ворчливо заметила провожатая Бейли, — но требуют наблюдения невероятного количества роботов.

— Да, потребность во внимании и ласке свойственна детям. С этим трудно бороться, — заметил Бейли.

Клариса поморщилась и неохотно процедила:

— Да, дети требуют персонального внимания.

— Меня удивляет, — заметил Бейли, — что роботы могут удовлетворить потребность детей в ласке и нежности.

Клариса резко повернулась к нему.

— О, небеса! Послушайте, землянин, если вы нарочно стараетесь дразнить меня, все равно у вас ничего не выйдет. Я не выйду из себя.

— Дразнить вас? О, дьявол! Я и не думал.

— Я так же, как и вы, могу произнести это слово: «нежность». Если вы хотите услышать другое непристойное слово, то я и его могу произнести: любовь, любовь. Слышали? А теперь потрудитесь вести себя прилично.

Бейли решил не развивать данной темы.

— Значит, роботы в состоянии опекать детей достаточно успешно?

— Конечно. Робот составляет хорошую компанию малышу, которому безразлично, что это всего лишь робот. Но после трех лет и до десяти появляются более сложные проблемы.

— Какие же?

— В этом возрасте дети требуют совместных игр. Они не желают обходиться друг без друга.

— Ну и вы разрешаете им такое кощунство?

— Приходиться. Но даже и в этих случаях мы не забываем о своих целях — готовить детей к жизни

взрослых граждан Солярии. У каждого ребенка отдельная комната. Каждый день определенное время отводится на то, чтобы они пребывали в одиночестве, и с годами это время все увеличивается. К десяти годам ребенок уже в состоянии хотя некоторое время общаться с другими детьми при помощи телеконтактов.

— Меня поражает, что вам удается так успешно бороться с врожденным инстинктом... — начал Бейли.

— Каким инстинктом? — перебила его Клариса.

— Инстинктом общения с себе подобными, свойственным всем людям. Вы же сами признаете, что дети в определенном возрасте настаивают на совместных играх.

— Но какой же это инстинкт? — пожала плечами молодая женщина. — О, небеса! Мало ли что свойственно ребенку? Дети, например, боятся тишины. А вы боитесь? Нет такого вредного инстинкта, который нельзя было бы подавить соответствующим разумным воспитанием. Но сколько это требует труда, о, небеса! У патрона была замечательная идея. Он мечтал о создании таких роботов, которые сами могли бы дисциплинировать и наказывать детей, не выходя при этом

из строя. А почему бы и нет? Строгая дисциплина сегодня необходима для достижения лучшей жизни завтра — в сущности это и есть истинное выражение Первого Закона. Только бы научить роботов понимать это! Вот в чем проблема.

— А таких роботов еще не существует?

Клариса покачала головой.

— Пока, увы, нет. Но Дельмар и Либиг напряженно работали над их созданием.

— А был ли Дельмар достаточно опытным роботехником для того, чтобы лично проводить эксперименты с роботами?

— О да, он часто этим занимался.

— Вы не знаете, не находился ли у него в лаборатории какой-нибудь робот новой системы в момент убийства?

— Мне говорили, что какой-то робот там был.

— А вы не знаете, какая именно модель?

— Вам следует узнать это у самого Либига.

Клариса взглянула на часы.

— А сейчас как раз время игр у детей постарше. Пойдемте в сад, вы увидите их всех сразу.

— Попробую, — нерешительно сказал Бейли. — Я только не уверен, что долго выдержу.

— Ах, да, я все забываю, что вы — землянин. Может быть, вам вообще не стоит выходить на

воздух?

— Нет, пойдемте. — Бейли сумел изобразить подобие улыбки. — Пора привыкать к вашему образу жизни.

Дул сильный ветер, настолько сильный, что было трудно дышать. Ощущение ветра, ощущение собственной одежды и волос, развевающихся на ветру, заставило Бейли дрожать с ног до головы. Глазам было больно глядеть на яркое голубое небо и зелень вокруг. Единственным успокоением служила ровная тропинка, по которой он шагал, стараясь не поднимать взора. И все же это было достижением, он уже был в состоянии подавить непреодолимое желание убежать, скрыться от всего этого. Он проходил мимо дерева. Подумать только, живое дерево!.. Он протянул руку и осторожно коснулся его шершавой коры. На зеленые шуршащие листья он не смел взглянуть.

— Ну, как вы? — послышался голос Кларисы, находившейся на некотором расстоянии от него.

— Все в порядке, — деланно бодро ответил Бейли.

— Отсюда вы увидите, как дети бегают и играют. Роботы организовали для них какую-то игру, но следят за ними в оба. Маленькие животные в пылу игры могут выколоть друг другу глаза или

сделать еще что-либо в этом роде. При личном общении всякое может случиться, не так ли?

Бейли с трудом оторвал глаза от тропинки и взглянул на лужайку. Там вдалеке виднелись маленькие фигурки мальчиков и девочек. Они с криком гонялись друг за другом. Между ними двигались ловкие фигуры механических нянек.

— Им нравится эта дикость, — неодобрительно заметила Клариса, — носиться взад-вперед, визжать, падать, снова вскакивать, касаться друг друга… О, небеса! Когда эти маленькие животные поймут, что пора стать нормальными людьми!

— Куда потом направляются ваши дети?

— В свои поместья. Число умирающих на нашей планете фактически равно числу вступающих в жизнь.

— Они будут жить в поместьях своих родителей?

— О, небеса! Конечно, нет. Было бы странным совпадением, если бы родители умерли как раз в тот момент, когда ребенок становится взрослым. Каждый из них занимает пустующее поместье. Кроме того, они не осведомлены, кто именно их родители.

— Разве родители никогда не навещают своих детей?

— У вас какой-то извращенный ум, инспектор. Ну почему родителям может прийти в голову такая странная идея? Ну вот, один из них свалился и, наверное, плачет! — воскликнула она.

К упавшему ребенку уже подбегал робот.

— Сейчас он посмотрит, что с малышом. Если что-нибудь серьезное, вызовут меня. Надеюсь, что обойдутся без моего вмешательства, — заметила Клариса нервно.

У Бейли снова начала кружиться голова. Оглянувшись, он заметил неподалеку группу из трех деревьев, образующую тенистый свод. Он медленно двинулся к этим деревьям. С дрожью шагая по омерзительно мягкой зеленой траве, напоминающей своей мягкостью гниющее мясо, он закрыл глаза и, дойдя до свода деревьев, облокотился о ствол одного из них и глубоко вдохнул. Сквозь верхушки деревьев на него попадали только отдельные блики ослепительного солнца, безжалостно сверкавшего высоко в небе.

Клариса издалека наблюдала за ним, затем несколько приблизилась.

— Я немножко постою здесь! — крикнул Бейли.

— Ладно, — ответила она.

— Скажите, пожалуйста, когда и где молодые

люди знакомятся друг с другом? — отдышавшись, спросил Бейли.

— Не понимаю вас.

— Когда они ухаживают друг за другом?

— То есть как ухаживают?

— Ну, перед тем, как они поженятся.

— Все решает генетический анализ, — невозмутимо ответила Клариса. — Самый разумный способ, не правда ли?

— А что, если мм не нравятся назначенные партнеры?

— Какое это имеет значение? Раз генетическое исследование указывает на целесообразность союза, значит, остальное несущественно…

— Понимаю, — ответил Бейли и вздохнул.

По-видимому, дальнейшее пребывание здесь ничего больше ему не даст, Ему захотелось поскорее расстаться с Кларисой и с идеально организованным фетальным предприятием.

Он только открыл рот, чтобы попросить провести его в дом, как вдруг молодая женщина громко вскрикнула:

— Эй, ты, там, что ты собираешься делать? — И еще громче: — Эй, землянин! Берегитесь!..

Но Бейли не расслышал слов. Он только услышал ужас в ее голосе и оглянулся со страхом.

Синева неба, сияние солнца, шелестящий ветер — все это окончательно доконало его. Уже теряя сознание, Бейли услышал жужжащий звук над головой. Со стоном он, как подкошенный, рухнул на траву. Когда Бейли открыл глаза (наверное, прошло всего лишь несколько мгновений), он услышал, как Клариса сурово отчитывала какого-то мальчугана, стоявшего на некотором расстоянии от него. В руках у мальчика был какой-то странный предмет. Неподалеку стоял робот. Тяжело дыша, Бейли с трудом поднялся на ноги. В стволе дерева, около которого он недавно стоял, поблескивал какой-то металлический предмет. Стрела! Бейли вытащил ее и осмотрел, но не коснулся заостренного конца. С трудом он. заставил себя двинуться по направлению к Кларисе. Она повернулась к нему, ее лицо было красным и взволнованным.

— Какой-то несчастный случай! — воскликнула она. — Вы не ранены?

— Нет, но откуда взялась эта штука? — он показал ей стрелу.

— Это я выпустил ее из лука, вот так, — нагло вмешался мальчуган и пустил в воздух другую такую же стрелу.

У мальчика были пушистые светлые волосы и

гибкое ловкое тело.

— Ты будешь строго наказан за это. А теперь уходи отсюда, — сурово обратилась к нему Клариса.

— Нет, нет, постой, — воскликнул Бейли. Он потер ушибленное при падении колено и обратился к мальчику. — Как тебя зовут?

— Бик, — небрежно ответил маленький сорванец.

— Ты пустил эту стрелу в меня, Бик?

Бик пожал плечами.

— Ну, конечно, я целился в вас.

— Я вам сейчас объясню. — поспешно заговорила Клариса, — дело в том, что стрельба из лука поощряется у нас. Это полезное упражнение, и оно не требует личных контактов. Мы часто устраиваем соревнования между подростками. Очевидно, они привыкли в качестве мишени использовать роботов. Я уверена, что мальчик принял вас за робота.

Бейли внимательно слушал. Кое-что начинало проясняться в его мозгу. Его продолговатое лицо нахмурилось, лоб пересекла глубокая морщина.

— Ты действительно думал, что я робот, Бик? — обратился он к мальчику.

— Нет, — ответил тот, — я знал, что вы зем-

лянин.

— Ладно. Можешь идти, Бик.

Маленький солярианин повернулся и, насвистывая, побежал по дорожке. Бейли повернулся к роботу.

— Послушай, парень, откуда Бик узнал, что я землянин?

— Я сказал ему, господин, что вы землянин.

— Ты объяснил ему, что такое землянин?

— Да, господин.

— И что же ты ему сказал?

— *Я* сказал ему, господин, что землянин — это человеческое существо низшего сорта, которое не следует пускать на Солярию, так как своим дыханием оно может заразить всех солярианин.

— А кто тебе, парень, сказал это?

Робот молчал.

— Ты знаешь, от кого услышал это? — повторил вопрос Бейли.

— Нет, господин, не знаю. Эта информация заложена в моем запоминающем устройстве.

— Итак, ты сообщил мальчику, что я низшее существо, распространяющее заразу, и он тут же выстрелил в меня? Почему ты не остановил его?

— Я не успел, господин. Я не должен допускать, чтобы человеческому существу был причинен

вред. Это Первый Закон. Но Бик действовал быстро, и я не успел помешать ему.

— Наверное, тебе потребовалось время, чтобы рассчитать, должен ли ты прийти на помощь землянину, рискуя причинить некоторую боль маленькому солярианину. А тем временем Бик воспользовался твоей медлительностью.

— Это так, господин.

— Что ты делал около Бика?

— Я нес стрелы.

— Покажи-ка мне их.

Робот протянул дюжину стрел. Бейли осмотрел их все по очереди, а затем снова обратился к роботу.

— Почему ты подал ему именно эту стрелу?

— Я должен был подать первой стрелу с черным оперением, господин.

— Почему?

Робот с удивлением воззрился на Бейли.

— Так значилось в моем запоминающем устройстве.

— Скажи, этот Бик самый искусный стрелок среди всех ваших детей?

Робот наклонил голову.

— Да, господин, он наш лучший стрелок из лука. Клариса замерла на месте.

— Как вы догадались? — взволнованно воскликнула она.

— Это очевидно, — сухо ответил детектив, — посмотрите на эту стрелу с черным оперением и сравните ее с остальными. Только на ней одной кончик смазан чем-то жирным, не так ли? Так вот, хотя звучит несколько мелодраматично, Клариса, но я все-таки могу утверждать, что ваш окрик спас мне жизнь. Огрела, которая чуть было не попала в меня, отравлена.

— О, небеса! Это невозможно, совершенно невозможно! — вскричала молодая женщина.

— Тем не менее это так. Попробуйте оцарапать кончиком стрелы какое-нибудь животное, и вы увидите, что с ним произойдет.

— Вас хотели убить? Но зачем? И кому на свете надо было?.. — начала Клариса.

— Зачем — я знаю, — резко прервал ее Бейли. — Но вопрос, кому это надо.

Земля снова закружилась перед глазами Бейли. Он почувствовал нарастающий гнев, швырнул стрелу к ногам Кларисы и громко закричал:

— Раз вы не хотите проверить мои слова, срочно уничтожьте ее. Иначе с кем-нибудь из ваших детей случится несчастье.

— Все это ужасно! — воскликнула Клариса. В

смятении она даже забыла о соблюдении дистанции и подошла довольно близко к Бейли. — Сначала убивают патрона. Потом отравляют Груэра, пытаются убить вас. У нас на Солярии нет и не может быть причин для насилия. У нас есть все, что нам нужно. Подождите... — Лицо Кларисы прояснилось, — послушайте, эта стрела не могла быть отравлена. Вы не сможете убедить меня в этом.

— Интересно почему?

— А вот почему. Рядом с Биком находился робот. — Робот никогда не позволил бы нанести вред человеческому существу. Первый Закон роботехники запрещает это.

— Чем спорить со мной, исследуйте стрелу, и вы убедитесь в моей правоте.

В голосе землянина звучала такая непоколебимая уверенность, что молодая женщина умолкла.

— Ну, а теперь вы по-прежнему уверены в том, что Глэдия Дельмар виновна в смерти своего мужа? — спросил Бейли.

— Она была единственным живым существом, находившимся около него.

— Ага. А вот вы тоже единственное существо здесь, не считая детей, разумеется, и вы были

около меня в тот момент, когда меня чуть не убили, не так ли?

— Я не имею ничего общего с этим делом, — решительно заявила Клариса.

— Вполне вероятно. Но так же вероятно, что и Глэдия Дельмар невиновна. Ну, хватит об этом. Могу ли я воспользоваться вашим аппаратом для телеконтактов?

— Да, конечно.

Бейли точно знал, с кем ему нужно побеседовать. И это была вовсе не Глэдия Дельмар. Тем более он был удивлен, когда услышал свой собственный голос, произносящий:

— Парень, мне нужно установить контакт с госпожой Глэдией Дельмар.

Бейли молча следил за манипуляциями робота, устанавливающего контакт. Может быть, этот импульс возник у него просто потому, что у него остались неприятные воспоминания о последней встрече с Глэдией. А может быть, он устал от общества Кларисы, ее безапелляционных суждений и преклонения перед мудростью солярианских обычаев… Так или иначе, но внезапно Глэдия возникла перед ним. Она сидела в большом кресле и казалась в нем совсем маленькой и беззащитной. Ее волосы были собраны на затылке в большой

пучок, в ушах были длинные блестящие серьги. Гладкое платье плотно облегало ее фигуру.

— Я рада, что вижу вас, Илайдж, — сказала она тихо, — я пыталась найти вас.

— Доброе утро, Глэдия, — приветствовал ее Бейли. — А зачем я был нужен вам?

— Я хотела извиниться за свое поведение во время нашего последнего разговора. Но мистер Оливо не знал, где вы находитесь.

Перед мысленным взором Бейли промелькнула фигура Дэниела, которого неусыпно стерегут всевидящие роботы, и он усмехнулся про себя.

— Ладно, примерно через полчаса я прибуду к вам.

— Да, конечно… то есть как «прибудете ко мне?» — испуганно воскликнула она.

— Я должен встретиться с вами лично, — решительно заявил Бейли.

Глаза Глэдии расширились от ужаса, ее пальцы впились в мягкий белый пластик подлокотников кресла.

— Зачем? — пролепетала она.

— Это совершенно необходимо. А пока скажите мне, кто работал с вашим мужем над созданием новых моделей роботов?

— Джотан Либиг, — сразу ответила Глэдия, —

он мой хороший друг.

— Неужели? — резко спросил Бейли.

Глэдия взглянула на него испуганно.

— Может быть, мне не следовало говорить этого? — тихо спросила она.

— Нет, почему же… особенно, если это правда.

— Я всегда боюсь сказать что-нибудь не то… что-нибудь такое, после чего люди решают, что… в общем, я хочу сказать, что очень тяжело, когда все вокруг уверены, что ты в чем-то виновата…

— Не надо расстраиваться, Глэдия. Лучше скажите, каким образом этот Либиг оказался вашим другом?

— Я и сама не знаю. Он живет в соседнем со мной поместье. Мы с ним много беседуем и гуляем. Во всяком случае раньше… до… — она запнулась.

— Гуляете?

— Ах, я все время забываю, что вы — землянин. Конечно, каждый гуляет по своему поместью, но мы устанавливаем телеконтакт в движении, и нам кажется, что мы находимся рядом.

Вдруг она рассмеялась.

— Бедный Джотан, — пробормотала она сквозь смех.

— Почему «бедный»?

— Если бы мы оказались действительно рядом, я думаю, он бы умер от ужаса.

— Почему?

— Джотан в таких вопросах ужасно чувствителен. Он говорил мне, что уже с пяти лет перестал лично встречаться с людьми. Признавал только телеконтакты. Рикэн, — она запнулась, потом продолжала, — Рикэн, мой муж, раньше восхищался Джотаном. Рикэн говорил, что в нем видны черты человека будущего. А вы согласны с этим, Илайдж?

— Я не являюсь авторитетом в данном вопросе, — сухо ответил Бейли.

— В своем отвращении к личным встречам Джотан дошел до того, что наотрез отказался вступить в брак. Рикэн спорил с ним, доказывал, что его поведение антиобщественно, что его превосходные гены следует использовать в общем котле населения планеты. Но напрасно, Джотан не поддавался на уговоры.

— А разве он имеет право отказываться, если ему предписана женитьба?

— Не-ет, не совсем, — неуверенно ответила Глэдия. — Но видите ли, Джотан — великий роботехник, а на Солярии такие люди ценятся. Но, кстати, Рикэн собирался прервать совместную

работу с Джотаном. Незадолго до смерти он сказал мне, что Джотан — плохой солярианин.

— Вы не знаете, почему ваш муж вдруг начал считать Либига плохим солярианином? Возможно, из-за его нежелания вступить в брак?

— Рикэн всегда говорил, что брак — самое тяжелое испытание в жизни человека, но что через это испытание должен пройти каждый солярианин, если ему это предписано.

— Ну, а вы какого мнения?

— О чем, Илайдж?

— Вы тоже считаете, что брак — самое тяжелое испытание в жизни человека?

Вся кровь отхлынула от лица Глэдии. Ее голос был еле слышен, когда она пробормотала:

— Я никогда не думала о таких вещах.

— Вы говорили, что раньше часто гуляли с Либигом, ну, а теперь?

Глэдия покачала головой.

— Нет, сейчас мы даже не беседуем, — грустно ответила она.

— После смерти вашего мужа?

— Нет, еще раньше.

— Возможно, ваш супруг был недоволен вашей дружбой с Либигом и приказал ему прекратить оказывать вам внимание?

Глэдия изумленно взглянула на своего собеседника.

— С чего бы Рикэн стал приказывать? Разве Либиг не такой же правитель, как Дельмар, и должен выслушивать чьи-либо приказы?

Бейли переменил тему разговора:

— Вот что, Глэдия. Сейчас я должен поговорить с Либигом, потом я снова свяжусь с вами.

В установлении контакта с Либигом была некоторая задержка, и Бейли, почувствовав голод, приказал роботу подать сандвичи и молоко. Сандвичи были в фабричной упаковке, молоко — в пластиковом контейнере. Бейли, решив соблюдать осторожность, перед едой внимательно осмотрел печать на упаковке. Затем он медленно надкусил бутерброд и отпил глоток молока. Как будто все было в порядке… Но, — подумал он мрачно, — существуют яды без всякого запаха и вкуса, яды замедленного действия. Он отмахнулся от неприятных мыслей и приступил к еде. До сих пор, — думал он, убийство или попытки убийства совершались весьма примитивными способами: удар по голове, отравленная стрела… К нему приблизился робот.

— Правитель доктор Либиг сказал, господин, чтобы вы вызвали его завтра. Сегодня он занят

важными делами.

Бейли вскочил так, что стул с грохотом покатился по полу.

— Скажи этому типу!.. — заорал он громовым голосом, но сразу осекся. Какой смысл кричать на робота? — Передай твоему господину, — заговорил Бейли спокойно, — что я занят расследованием убийства его соотечественника и коллеги. Передай ему, что мне некогда ждать, пока он закончит свои дела. Передай ему также, что если в течение пяти минут он не появится передо мной на экране, то я сяду на самолет и меньше чем через полчаса нанесу ему личный визит. У меня есть на это специальное разрешение. Ты понял меня, парень? Личный визит, так и скажи.

Робот удалился, а Бейли обратился к прерванной еде. Пять минут еще не истекло, а на Бейли с экрана гневно взирал сам Либиг.

Он был худощавым человеком со странным отсутствующим и в то же время напряженным выражением темных глаз. Правое веко у него подергивалось в нервном тике. Сейчас его глаза сверкали, а лицо дрожало от негодования.

— Это вы землянин? — спросил он.

— Я полицейский инспектор класса С-7. Меня зовут Илайдж Бейли. Прибыл с Земли для рас-

следования обстоятельств убийства правителя Рикэна Дельмара. А как ваше имя?

— Я — доктор Джотан Либиг. Почему вы помешали мне работать?

— Я хочу задать вам несколько вопросов, доктор Либиг. Скажите, вы были близким другом покойного Рикэна Дельмара?

Рука Либига вдруг сжалась в кулак, и он поспешно встал со своего места. Пройдясь по комнате, он остановился и медленно, раздельно промолвил:

— Вы находитесь на Солярии против моей воли. Мне не о чем с вами говорить. Немедленно прервать контакт, — обратился он к невидимому роботу.

— Нет, погодите. — Бейли повысил голос. — Вы думаете, я шутил, когда грозил вам личной встречей? Я явлюсь к вам и заставлю вас отвечать на мои вопросы.

— Вы — грязное животное! — вскричал спейсер, его темные глаза метали молнии.

— Пусть так, но я выполню свою угрозу.

— О, Великая Галактика! Если только вы посмеете явиться в мое имение, я…

— Убьете меня? — поднял брови Бейли. — Интересно, вы часто угрожаете убийством?

— Я ничего подобного не сказал.

— Вот так-то лучше. А теперь поговорим о деле. Мы и так потратили много времени зря. Вы были тесно связаны по работе с покойным Дельмаром?

Голова солярианина опустилась, а плечи поникли. Но через мгновенье он снова взглянул на землянина, и было видно, что он полностью взял себя в руки и даже бесцветно улыбался.

— Да, в достаточной мере.

— Дельмар, кажется, интересовался новыми моделями роботов?

— Да.

— Какими именно?

— А вы понимаете что-либо в роботехнике?

— Нет. Постарайтесь объяснить популярно…

— Сомневаюсь, что сумею.

— Попытайтесь. Например, я знаю, что Дельмар хотел создать модели роботов, которые умели бы наказывать провинившихся детей. Что это означает?

Либиг презрительно поднял брови и сухо ответил:

— Говоря просто, без деталей, это означает, что следует усилить сигнал, управляющий реакцией на контуре…

— Непонятно, — прервал его Бейли.

— В цепом это означает, что должно быть проведено некоторое ослабление Первого Закона роботехники.

— Почему? Ведь ребенка приучают к дисциплине для его же собственного блага в будущем.

— Ах, в будущем!.. — Либиг выпрямился, его глаза блеснули. — Вы думаете, это так просто. Как вы полагаете, много ли найдется людей, согласных претерпеть даже незначительные неудобства для своего блага в будущем, а? — Либиг говорил со страстью. Видимо, тема увлекла его, и он забыл о своем собеседнике. — Знаете ли вы, сколько трудов надо положить на то, чтобы внушить ребенку — то, что вкусно сейчас, означает боль в животе завтра, и наоборот. А вы хотите, чтобы робот осознал это? Задача состоит в том, чтобы научиться противодействовать разрушению позитронного мозга, которое имеет место, если робот причиняет какую-нибудь неприятность или боль человеческому существу. Возможно, при этом придется пожертвовать и другими качествами робота. Мы далеко еще не достигли вершин роботехники. Мы не умеем делать универсальных роботов, снабженных целым набором различных взаимозаменяемых конечностей, могущих выполнять все виды работ

— от изготовления ювелирных изделий до поднятия тяжестей. А наши космические корабли! До сих пор ими управляют люди. Мозг робота, находящийся в тисках Трех Законов, не может правильно прореагировать на все возможные неожиданности, которые могут встретиться в космосе или на других обитаемых Мирах.

— Значит, пока вам еще не удалось создать таких роботов? — с интересом спросил Бейли.

— Нет, пока я еще не решил этой проблемы. А если не сумел я, то вряд ли сумеет кто-нибудь другой во Вселенной.

— Доктор Либиг, — начал Бейли, и голос его звучал совершенно ровно, — я должен предупредить вас, что собираюсь серьезно заняться проблемами роботехники. И я попрошу вас оказать мне помощь.

Либиг яростно замотал головой. Нервное подергивание века стало еще заметнее, когда он заговорил.

— Вы должны понять, что изучение роботехники — длительный процесс. А у меня совершенно нет времени.

— И все же вам придется подучить меня. Что касается времени, то целесообразнее, как мне кажется, проводить наши занятия в непосред-

ственной близости друг от друга. Я — землянин, и мне легче понимать и усваивать при личном общении.

— Вкусы землянина меня не касаются. Личные встречи абсолютно исключены. — Вся фигура Либига, даже его голос выражали крайнюю степень нервного напряжения.

— Мне кажется, вы перемените свое мнение после того, как узнаете, о чем именно я хотел бы проконсультироваться у вас.

— Ничто на свете не изменит моего мнения, — упрямо сжимая губы, повторил роботехник.

— Вы так думаете? Так вот что я вам скажу! Я считаю, что в вашей работе по усовершенствованию позитронного мозга Первый Закон роботехники намеренно искажается.

Либиг нервно вскочил.

— О, Великая Галактика! Искажается! Но зачем? Вы просто сумасшедший! — вскричал он.

— Зачем? А вот зачем. Для того, чтобы, — голос детектива звучал несколько торжественно, — для того, чтобы скрыть тот факт, что робот в состоянии совершить убийство.

На лице Либига появилось некое подобие улыбки, похожее на гримасу.

— Не говорите такой чепухи, землянин, — ска-

зал он спокойно, — никогда так не говорите. Потеря доверия к роботам означала бы катастрофу для человечества.

Либиг говорил так, как будто он читал нотацию избалованному ребенку. Но за его внешним спокойствием скрывались ярость и гнев, которые он, очевидно, опасался обрушить на землянина. Помолчав, он добавил:

— Вы знакомы с историей роботехники?

— Немного.

— Знаете ли вы, что развитие роботехники началось с комплекса недоверия? Люди не доверяли роботам, боялись их. Роботехника была чуть ли не подпольной наукой. Затем были разработаны Три Закона роботехники, и постепенно начал исчезать страх перед роботами. Но даже и тогда на вашей планете роботехника не получила должного развития. Первые спейсеры покинули Землю главным образом для того, чтобы получить возможность создать такое общество, где роботы избавят человека от необходимости повседневно трудиться. Но страх перед роботами еще не исчез окончательно в сердцах людей. И этот страх может снова вернуться.

— Поэтому вы, роботехник, пытаетесь скрыть от людей некоторые факты? Например, то что

Первый Закон роботы могут понимать по-разному?

— Вы ненормальны, а все ваши рассуждения просто бессмысленны.

— Ну что ж, может быть, мы обсудим все проблемы несколько подробнее при личной встрече?

Худое лицо Либига исказилось.

— Нет, ни за что.

— В таком случае, прощайте, доктор Либиг. Я думаю, что другие спейсеры окажутся сговорчивей и внимательно выслушают меня.

— Стойте, о, Великая Галактика. Подождите, говорю вам! — в волнении воскликнул солярианин.

— Личная встреча, а?

Либиг поднял обе руки кверху, затем беспомощно уронил их. Он полузакрыл глаза, как будто прислушиваясь к чему-то, происходящему в нем.

— Согласны? — настойчиво переспросил землянин. Либиг глубоко вздохнула и покачал головой.

— Не могу, — сдавленно проговорил он, — не могу, делайте, что хотите. — Он закрыл лицо трясущимися руками и отвернулся от Бейли.

С минуту Бейли наблюдал за ним, а потом спокойно промолвил:

— Ну, что ж, в таком случае давайте побеседуем так.

— Хорошо, но извините меня, я вернусь через несколько минут, — прошептал солярианин.

Когда Бейли возвратился в помещение, где он беседовал с Либигом, он увидел по-прежнему пустую комнату и стул, на котором ранее сидел роботехник. Его самого еще не было, однако ждать пришлось недолго. Через несколько мгновений появился Либиг, и фокусировка переместилась на него. Сейчас он выглядел совершенно иначе. Его волосы были гладко причесаны, на нем был другой костюм из красивой переливающейся ткани. «Видимо, великий доктор Либиг сумел взять себя в руки», — подумал Бейли.

— Итак, что вы хотели узнать относительно Первого Закона? — ровным голосом спросил спейсер.

— Нас никто не услышит?

— Нет, я позаботился об этом.

Бейли кивнул.

— Разрешите, я процитирую Первый Закон.

— Едва ли я нуждаюсь в этом.

— Я знаю, но все же мне хотелось бы повторить его. «Робот не смеет делать ничего, что может причинить вред человеческому существу, а

также своей пассивностью допустить, чтобы человеку был причинен какой-либо вред».

— Ну, и что же?

— Когда я прибыл на Солярию, меня поместили в закрытую машину и повезли к месту моего назначения. Так как я — землянин и плохо переношу вид открытого пространства, то…

— Я знаю, — нетерпеливо прервал солярианин, — но при чем тут…

— Вы, возможно, и знаете, — в свою очередь прервал его детектив, — но робот, который вел машину, не знал. Я приказал поднять верх машины, и он сразу повиновался. Второй Закон: «Робот обязан точно и быстро повиноваться приказанию человека». Конечно, мне стало нехорошо, и я пришел в себя только после того, как верх машины снова был опущен. Разве при этом робот не причинил мне вреда?

— По вашему же приказанию, — отпарировал роботехник.

— Разрешите мне процитировать Второй Закон полностью. «Робот обязан точно и быстро повиноваться приказам, полученным от человеческих существ, за исключением тех случаев, когда подобные приказы не вступают в противоречие с Первым Законом». Следовательно, в моем случае

робот не должен был выполнить приказ.

— Чепуха! Робот не располагал сведениями о… — Либиг слегка запнулся.

Бейли наклонился вперед, его глаза блеснули.

— Ага! А теперь попробуем воспроизвести Первый Закон в его правильном виде. «Робот ни при каких обстоятельствах не смеет делать ничего, что может, насколько ему известно, причинить вред человеческому существу или своей пассивностью допустить, чтобы человеческому существу был причинен какой-либо вред».

— Но это само собой разумеется.

— Далеко не всегда. Обычные люди, например, у вас на Солярии слабо разбираются в роботехнике и умеют лишь командовать роботами. Иначе они давно бы поняли, что роботы могут нарушить Первый Закон и причинить любые бедствия. По крайней мере, если ими будет руководить преступный ум.

Либиг побледнел.

— Сумасшествие, безумие, — в волнении прошептал он.

— Видите ли, — Бейли не смотрел сейчас на своего собеседника, он внимательно изучал кончики своих пальцев, — я полагаю, что робот обязан выполнить любой приказ, если, по его

разумению, этот приказ не может принести вред человеческому существу, не так ли?

— Да, разумеется.

— Хорошо. А другой робот обязан сделать то же, получив столь же невинное и безвредное, с его точки зрения, поручение, правильно?

— Ну?

— А что если два приказа, каждый из которых в отдельности совершенно невинен, вместе образуют преступление?

— Что такое? — Лицо Либига приобрело землистый оттенок.

— Я хотел бы услышать мнение специалиста, — невозмутимо продолжал Илайдж Бейли, — мой случай, конечно, гипотетический. Предположим, некий человек говорит роботу: налей немного этой жидкости в стакан с водой, который находится там-то. Жидкость совершенно безвредна, но мне нужно знать ее действие на воду. Потом вода будет вылита. После того, как ты это сделаешь, забудь о своем поступке.

Либиг молчал.

— Если вы прикажете роботу добавить в стакан с водой таинственную жидкость, — продолжал Бейли, — и затем предложить эту воду человеку, Первый Закон заставит робота воспротивиться:

какова природа этой жидкости? Не причинит ли она вреда человеку? И даже после вашего объяснения робот не решится предложить человеку воду с добавленной в нее неизвестной жидкостью. Но ему ясно сказано — воду пить никто не будет. Первый Закон здесь ни при чем. Разве робот не послушается приказа?

Либиг вес еще молчал, его глаза сверкали, веко нервно подергивалось.

— Теперь рассуждаем далее. Другой робот, не зная, что проделано с водой, спокойно предлагает ее человеку, после чего тот умирает.

— Нет! — закричал Либиг. — Нет!

— А почему нет? Каждое из данных действий само по себе совершенно невинно. Только вместе они приводят к убийству. Вы отрицаете, что подобная вещь может произойти?

— Убийцей будет тот, кто отдал приказ роботу, — воскликнул роботехник.

— Рассуждая философски, конечно. Но непосредственными убийцами являются оба робота, или, если не убийцами, то орудиями убийства.

— Ни одно живое существо не отдаст таких приказов!

— Тем не менее такой человек нашелся. Вы, наверное, слышали о попытке отравить главу

Департамента Безопасности Солярии?

— Всех правителей Солярии об этом известили, — пробормотал Либиг.

— В таком случае вы знаете, что Груэр был отравлен во время обеда. Все произошло на глазах у моего коллеги мистера Дэниела Оливо с Авроры. Вы можете как-нибудь иначе объяснить, каким образом попал яд в еду Груэра? Ведь в поместье не было ни одной живой души.

— Я — не детектив и ничего не могу объяснить.

— Но я сообщил вам о своей гипотезе. Я бы хотел знать, правдоподобна ли она? Могли ли два независимых действия, которые с точки зрения роботов являются совершенно невинными, привести к преступлению? Вы — опытный роботехник, доктор Либиг. Я вас спрашиваю, — землянин повысил голос, — правдоподобна ли моя теория?

Растерянный, оглушенный Либиг еле пролепетал:

— Да, пожалуй, до известной степени…

— Очень хорошо. Это многое проясняет.

Либиг неотрывно глядел на Бейли. Руки, сжатые в кулаки, опустились на колени и медленно начали разжиматься. Бейли молчал. Либиг заго-

ворил быстро и нервно.

— Правдоподобно. Только теоретически, конечно. В действительности все обстоит сложнее. Надо очень умело управлять роботами для того, чтобы заставить их нарушить Первый Закон.

— Безусловно, — ответил Бейли, — безусловно. Скажите, кстати, вы единственный роботехник на всей Солярии?

— Что за глупый вопрос. На Солярии имеется свыше двадцати роботехников.

— Но вы считаетесь лучшим?

— Так оно и есть…

Либиг сказал это просто, без всякой аффектации.

— А Дельмар работал с вами?

— Да.

— Я слышал, что незадолго до смерти он собирался прекратить работу с вами?

— Кто сказал вам такую чушь?

— Наверное, доктор Дельмар неодобрительно относился к вашему нежеланию вступать в брак?

— Возможно, Рикэн был истым солярианином. Но эти соображения никак не влияли на наши деловые взаимоотношения.

— Я хотел бы знать, в каком состоянии нахо-

дится тот робот, который был в лаборатории Дельмара во время его убийства?

Либиг не смотрел на Бейли, его лоб пересекла глубокая морщинка.

— Робот пришел в совершенную негодность, — медленно ответил он.

— Неужели он оказался полностью негодным? Даже не смог ответить ни на какие вопросы?

— Ни на один, — голос роботехника звучал твердо. — Позитронный мозг не выдержал испытания. Произошло короткое замыкание. Ни один канал позитронного мозга не остался неповрежденным. Ведь робот был свидетелем убийства, которому он не смог помешать и…

— А почему, кстати, он не смог помешать?

— Кто знает? С этим роботом проводил эксперименты сам Дельмар. Я не знаю, в каком состоянии находился робот. Возможно, Дельмар приостановил все реакции робота, пока он исследовал какой-нибудь определенный элемент его устройства. Могут существовать и другие объяснения поведения робота. Во всяком случае, налицо было явное нарушение Первого Закона и, естественно, этого было достаточно, чтобы все каналы мозга пришли в полную негодность.

— Но если робот был физически не в состоянии

воспрепятствовать убийству, разве он несет какую-либо ответственность за него? Разве Первый Закон требует невозможного?

Либиг пожал плечами.

— Первый Закон, несмотря на все ваши старания опорочить его, не допускает послаблений. Если нарушен Первый Закон, робот уничтожается. И знаете, я должен огорчить вас, инспектор, — с язвительной улыбкой продолжал спейсер, — ваша гипотеза относительно того, что серия невинных действий, производимых роботами, в итоге мажет привести к преступлению, нисколько не поможет вам в расследовании убийства Дельмара.

— Интересно, почему?

— Потому что смерть наступила не от отравления, а от удара по голове. Это уж никак не может выглядеть невинным действием, не так ли? Вы сами понимаете, что ни один робот не способен ударить человека.

— Ну, а если предположить, что робот только привел в действие какой-то механизм, нанесший удар Дельмару, тогда что?

Солярианин презрительно улыбнулся.

— Послушайте, землянин. Я внимательно осмотрел место убийства. И не я один. Вы по-

нимаете, убийство у нас на Солярии случается не очень часто. Нет ни малейших признаков каких-либо механических приспособлений, с помощью которых можно было бы осуществить удар, понимаете, никаких!..

— И также не найдено само орудие убийства?

— Вы — детектив, вы и должны его найти… Если сможете, конечно.

— Кто же, по-вашему, убил Дельмара?

— Как кто? — вскричал Либиг. — это каждому известно, конечно, Глэдия, жена Дельмара.

«По крайней мере хоть в этом вопросе здесь имеется полное единство мнений», — подумал Бейли. Помолчав, он заметил:

— Ну, а кто же, по-вашему, стоял за спиной робота, подавшего Груэру отравленное питье?

— Я полагаю… — начал было Либиг, но осекся.

— Ведь вы же не можете предположить, что существует двое убийц. Значит, Глэдия ответственна и за попытку отравить Груэра, не так ли?

— Пожалуй, вы правы, — согласился Либиг. В его голосе зазвучала уверенность. — Да, несомненно, вы правы.

— Несомненно ли?

— Никто другой не мог бы даже приблизиться

к Дельмару. Он не терпел чьего-либо личного присутствия в той же мере, что и я. Но он делал исключение для своей жены. Я же не делаю исключений ни для кого. Получается, что я веду себя умнее, — солярианин отрывисто засмеялся.

— Вы, кажется, знакомы с ней? — внезапно спросил детектив.

— С кем с ней?

— Я имею в виду, как вы отлично понимаете, Глэдию Дельмар.

— Почему вы решили, что я знаю жену Дельмара лучше, чем какого-либо другого жителя Солярии?

Рука Либига потянулась к горлу. Он расстегнул застежку своего одеяния.

— Мне так сказала сама Глэдия. Вы часто беседовали, гуляли, не так ли?

— Ну что же, это у нас принято. К тому же она разумная и приятная женщина.

— Значит, она вам нравилась?

Либиг пожал плечами.

— Беседовать с ней было отдыхом для меня.

— А о чем вы обычно беседовали?

— О роботехнике, конечно, — в голосе солярианина звучало удивление.

— А она могла поддерживать беседу на такую

тему?

— Она ровно ничего не понимала в роботехнике. Но она умела слушать.

— Вы были увлечены ею? — рискнул спросить детектив.

Либиг с возмущением взглянул на своего собеседника.

— Что?

— Вы находили ее привлекательной? Физически привлекательной?

Веки Либига начали подергиваться, губы задрожали.

— Грязное животное, — пробормотал он.

— Я поставлю вопрос иначе, — решительно сказал Бейли.

— В какой момент вы перестали находить Глэдию Дельмар приятной? Вы сами употребили это слово, не так ли?

— Что вы имеете виду?

— Вы упомянули о том, что находили Глэдию Дельмар приятной. И в то же время вы убеждены, что она убила своего мужа. Разве это не противоречие?

— Я в ней ошибся.

— Но вы поняли, что ошиблись, еще до того, как она убила своего мужа, если она действительно

его убила. Ведь вы прекратили совместные прогулки еще до смерти Дельмара? Почему?

— Разве это так важно?

— В процессе следствия все может оказаться важным.

— Послушайте, инспектор, если вам нужна информация от меня, как от роботехннка, спрашивайте. Но на личные вопросы я отвечать не буду.

— Личные вопросы в вашем случае неизбежны, доктор Либиг. Вы были тесно связаны как с убитым, так и с предполагаемой убийцей. Еще раз спрашиваю вас, почему вы прекратили общение с Глэдией Дельмар?

— Я был слишком занят. Я не мог, наконец, и не хотел продолжать эти контакты, — вспыхнул Либиг.

— Иными словами, в какой-то момент вы перестали находить ее приятной женщиной.

— Пусть будет по-вашему.

Бейли не обращал никакого внимания на волнение Либига.

— Но все же вы достаточно хорошо знали Глэдию Дельмар. Как вы полагаете, зачем она убила мужа? Каков был мотив преступления?

— Мотив преступления?

— Да, пока никто еще, ни один человек на Солярии не заикнулся о том, зачем она могла желать смерти Рикэна Дельмара. Ведь должна же быть у нее какая-то серьезная причина.

— О, Великая Галактика! — Либиг откинулся в своем кресле. Казалось, что вот-вот он разразится смехом. Но этого не произошло. — Никто ничего не сообщил вам? Возможно, никто толком не знал. Но я-то прекрасно знал. Она сама говорила мне об этом. И не один раз…

— Что она говорила вам, доктор Либиг?

— Послушайте, землянин, Глэдия ненавидела Рикэна. Ненавидела всегда. Они постоянно ссорились. Во время ссор Глэдия приходила в бешенство и не помнила себя. Неужели никто не сказал вам об этом? Неужели она тоже ничего не сказала?

Бейли постарался не выказать своего изумления. Он знал, что личная жизнь солярианина — табу для посторонних. Конечно, такой вопрос, как отношения между мужем и женой, безусловно, не подлежит обсуждению. Но когда произошло убийство… неужели в этом случае сказать правду считается невозможным… О, дьявол! Какой странный мир… Хорошо, что хоть Либиг проговорился.

— Из-за чего у них происходили ссоры? — спросил Бейли.

— Об этом следует спросить у самой Глэдии, — услышал он ледяной ответ.

«Пожалуй, это действительно так», — подумал Бейли. Он встал и сухо сказал:

— Спасибо за помощь, доктор Либиг. Возможно, я еще обращусь к вам несколько позднее. Вы, надеюсь, не будете возражать?

— Прекратить контакты! — вместо ответа приказал спейсер. И в мгновение ока он вместе со своей комнатой исчез из поля зрения землянина.

Впервые воздушное путешествие не волновало Бейли. Все его мысли были заняты… Но чем?.. На этот вопрос он и сам не смог бы дать определенного ответа. Он не вспоминал ни о Земле, ни о Джесси. Казалось, прошли годы с тех пор, как он высадился на чужой планете… целые годы, а не какие-нибудь три дня. Как быстро, однако, человек может приноровиться к новой обстановке! Интересно, как поведет себя Глэдия при первой их личной встрече?

Когда он вошел, она уже ожидала его, стоя в противоположном углу большой комнаты. Она выглядела бледной, боязливой и очень юной. Белокуро-золотистые волосы были гладко зачесаны

назад, большие испуганные глаза выделялись на бледном лице. Темно-синее одеяние с высоким воротником полностью закрывало всю фигуру. Бейли остановился.

— Я достаточно далеко от вас? — спросил он. Она взглянула на него, учащенно дыша.

— Я сама не знаю. Ведь это похоже на телеконтакт, не правда ли? То есть если вы забываете, что это не телеконтакт.

— Для меня все совершенно естественно, — спокойно ответил Бейли.

— Да, на Земле, — она закрыла глаза, — я иногда пыталась представить себе, как вы живете… Толпы людей повсюду. Вы идете по дороге и навстречу вам люди, люди, всюду люди… Десятки людей…

— Нет, сотни, — поправил ее Бейли. — Вы когда-нибудь видели фильмы о жизни на Земле?

— У нас их не очень-то много. Но я видела фильмы-романы о жизни других Миров, где существуют личные встречи и… Там все иначе, не так, как здесь, на Солярии, — заговорила она с неожиданным воодушевлением, — вот вы ходите среди людей, Илайдж, и, наверное, даже иногда ка… касаетесь их, не так ли?

Бейли слегка улыбнулся.

— О да, вы никак не можете этого избежать, — он вспомнил толпы людей на подземных улицах, куда-то спешащих, толкающих друг друга. При этом воспоминании у него защемило сердце.

— Вам наверное, неудобно разговаривать на таком большом расстоянии, Илайдж? — донеси до него голос Глэдии.

— А разве мне можно подойти поближе? — спросил он.

— Думаю, да. Я скажу вам, когда надо остановиться.

Бейли несколько неуверенно шагнул вперед. Глэдия кивнула, и он остановился. Несколько секунд она смотрела на него как завороженная, потом неожиданно спросила:

— Хотите взглянуть на мои световые рисунки?

Бейли с интересом смотрел на Глэдию, такую миниатюрную и таинственную. Он пытался представить ее со смертоносным оружием в руках, в приступе ярости опускающей его на голову жертвы. Картина получалась малореалистичной. Однако, подумал он, даже хрупкая женщина в припадке гнева может раскроить череп сильному мужчине, если у нее в руках имеется подходящее оружие.

— Что такое световые рисунки, Глэдия? — спро-

сил он.

— Это особая форма искусства, — ответила она. — Хотите посмотреть?

— Конечно, с большим удовольствием, — галантно сказал Бейли.

— В таком случае, идите за мной.

Глэдия прошла вперед, Бейли последовал за ней. Он тщательно соблюдал дистанцию примерно в два метра. Это было меньше трети того расстояния, которого требовала Клариса — мысленно отметил он.

Они вошли в комнату, залитую светом. Здесь все сверкало и переливалось.

Глэдия с довольным видом взглянула на своего гостя. Бейли ответил ей улыбкой, но ничего не сказал. Он медленно поворачивался, пытаясь разобраться в том, что его окружало. Он не видел ничего, кроме игры света, блики света причудливо сплетались, образуя геометрические фигуры, линии, узоры…

Бейли ломал голову, пытаясь подобрать какие-то слова, но смог лишь спросить:

— Предполагается, что это означает что-нибудь или нег?

Глэдия рассмеялась своим приятным грудным смехом.

— Это означает все, что вам угодно. Просто световые блики, которые могут вызывать у вас различные эмоции: любопытство, веселье: даже злость. Словом, все то, что ощущала я, когда создавала их. Я могу попытаться сделать ваш портрет так, как я вас представляю, хотите? Возможно, он не будет слишком хорошим, так как у меня недостаточно времени, но я могу попробовать.

— Пожалуйста, прошу вас. Мне будет очень интересно.

— Хорошо, — сказала Глэдия и бегом направилась в дальний угол, где помещалась какая-то аппаратура. При этом она прошла совсем близко от Бейли, но, казалось, не заметила этого. Глэдия коснулась каких-то клавишей — сиянье и переливы света внезапно потухли.

— О, зачем? — воскликнул Бейли.

— Мне надоели эти рисунки. Я их выключила, чтобы меня ничто не отвлекало.

— Разве для этого у вас нет робота? — спросил Бейли.

— Здесь я не держу роботов, — ответила Глэдия. — Это все мое, личное. Беда в том, — продолжала она озабоченно, — что я недостаточно хорошо знаю вас.

Ее пальцы проворно двигались по клавиатуре.

Пальцы были ищущими, напряженными, нервными… Вспыхнул густой желтый цвет и прорезал извилистую линию. Постепенно возник какой-то странный световой узор, который производил впечатление чего-то устойчивого, несмотря на переливчатость.

— Мне кажется, — сказала Глэдия, — что для вас характерны сила и устойчивость.

— О, дьявол! — воскликнул Бейли.

— Вы обиделись? — пальцы Глэдии приподнялись, и желтые блики стали неподвижными.

— Что вы, нисколько. Просто я не понимаю, как вы делаете это?

— Много раз пробовала, пока не получилось. Это ведь новая форма в искусстве. Лишь немногие постигли его.

— И вы лучше всех, конечно, — мрачно заметил Бейли.

— Каждый солярианин или лучший или единственный специалист в своем деле, или то и другое вместе.

— Не смейтесь надо мной, иначе я не окончу ваш портрет, — ее пальцы снова уверенно забегали по клавишам. Внезапно под ее пальцами возник круг серо-стального цвета, который отделил причудливый узор от всего остального.

— Что это? — обратился он к Глэдии.

— Как что? Стены, которые вас окружают. То, что держит вас внутри, что не пускает вас никуда. Вы — внутри, разве не так?

Бейли почувствовал грусть. Серый круг как бы отделял его от того, что ему хотелось.

— Эти стены не вечны. Сегодня я вышел за их пределы.

— Ну и как? Очень трудно?

— Не более трудно, чем вам лично встретиться со мной, — он не мог удержаться от того, чтобы не уколоть ее, — вам тоже не очень-то по душе мое присутствие?

Она задумчиво поглядела на него.

— Вы хотели бы выйти на воздух сейчас? Со мной? Просто на прогулку?

Бейли еле удержался, чтобы не крикнуть: «Конечно, нет».

— Уверяю вас, я с детства ни разу не гуляла ни с кем вот так, — она указала пальцем на Бейли, — пока еще светло, и погода хорошая…

Бейли взглянул на свой абстрактный портрет и промолвил:

— Если я пойду, вы уничтожите этот унылый серый круг?

Глэдия улыбнулась.

— Это зависит от того, как вы будете себя вести.

Когда они выходили из комнаты, Бейли оглянулся. Его душа была заключена в серый круг… возможно, это были его родные, глубоко погребенные под землей города!..

Выйдя на воздух, Бейли слегка вздрогнул. Ветерок коснулся его, и ему стало холодно.

— Вам холодно? — спросила Глэдия.

— Раньше было теплее, — пробормотал Бейли.

— Уже вечереет. Становится прохладнее. Может, вам лучше надеть пальто? Робот сейчас же принесет вам его.

— Нет, не надо.

Они медленно двигались по узкой асфальтированной аллее.

— Вы здесь обычно гуляли с Либигом? — спросил Бейли.

— О нет, мы уходили далеко в поле. А с вами лучше держаться поближе к дому. На случай…

— На случай чего?

— Ну, вдруг вы захотите вернуться.

— Или вы захотите прекратить личный контакт.

— Мне он не мешает, уверяю вас, — беззаботно ответила она.

Над ними покачивались ветви деревьев, неясно шуршали листья. Все кругом было зелено… кроме ярко-синего неба. В воздухе что-то неумолчно чирикало, верещало, стрекотало, жужжало… тени… О, дьявол, какие тени! Бейли внимательно следил за своей. В искусственно освещенных земных городах он не имел возможности познакомиться с собственной тенью. Зато теперь он мог изучить ее во всех деталях. Тень подражала своему владельцу, и это вызывало странное ощущение. Бейли старался не обращать внимания на сиявшее над ним солярианское солнце, но это не всегда удавалось. Он знал, кругом было огромное пространство. И он один в этом бесконечном пространстве. Странно, но эта мысль чем-то привлекала его. Его душа рвалась в переполненные людьми города Земли, к его многочисленным соотечественникам. Он пытался мысленно представить себе шумный кипящий город, где он жил, но картина не вставала в его сознании. Вместо этого он со всей силой ощущал спокойное движение воздуха, ветерок, легко обвевающий его, собственные шаги… где? Подумать только, на самой поверхности Солярии. Невольно он придвинулся ближе к Глэдии, но, увидев смятение на ее лице, отпрянул назад.

— Извините, — пробормотал он.

— Она перевела дух.

— Ничего, все в порядке — сдавленно проговорила она. — Свернем направо. Там красивые цветочные клумбы.

Глэдия указала на тенистую аллею, уводящую их от солнца. Бейли молча повиновался.

— Не правда ли, здесь восхитительно! — воскликнула она.

— Я люблю бегать по полям так быстро, как только могу, а потом свалиться от усталости на траву и лежать там тихо, тихо… Или бегом примчаться на озеро и долго плавать в нем… Но, конечно, не в таком костюме, — она взглянула на себя, — сейчас я могу только медленно, чинно ходить.

— А какой костюм вы бы предпочли? — спросил Бейли.

— Как максимум короткая туника, — вскричала она, поднимая руки и как бы ощущая свободу передвижения в воображаемом ею костюме. — Иногда даже еще меньше. Только одни сандалии. Вот тогда чувствуешь, ощущаешь воздух каждой клеткой… — Она остановилась. — О, извините, я, наверное, говорю неприятные для вас вещи.

— Нет, нисколько. Скажите, именно в таком

костюме вы совершали прогулки с Либигом?

— Как когда. В зависимости от погоды. Иногда на мне почти ничего не было, но это же были телеконтакты. Я надеюсь, вы теперь понимаете разницу.

— Да, конечно. Ну, а Либиг? Он обычно был одет так же легко, как и вы?

— Вы спрашиваете о Джотане? О! — Глэдия от души расхохоталась. — Уверяю вас, он всегда очень официален и чопорен.

Она моментально придала своему подвижному лицу выражение унылой торжественности, и даже ее правое веко начало нервно подергиваться.

Бейли не смог удержаться от улыбки. Она очень удачно имитировала роботехника.

— А вот как Джотан рассуждает, — продолжала Глэдия. — «Моя дорогая Глэдия, учитывая эффект потенциала первого порядка на позитронный поток...»

— Он с вами говорил только о роботехнике?

— Большей частью. Он всегда такой серьезный, такой умный. Он пытался научить меня разбираться в роботехнике.

— Ну, и вы много усвоили из его уроков?

— Ничего, абсолютно ничего. По-прежнему вся эта — ученая галиматья не для меня. Он часто

сердился на меня за непонимание. В такие минуты я бросалась в озеро, если мы были поблизости от него, и обрызгивала его с ног до головы.

— Обрызгивали? Но как? Ведь у вас с ним были телеконтакты.

— О, вы неисправимый землянин, — рассмеялась Глэдия, — это была только видимость, но все равно он каждый раз вздрагивал и отшатывался от меня. О, посмотрите, как красиво!

Она указала на большую поляну, в которую упиралась тенистая аллея. В центре поляны был пруд, заросший причудливыми растениями и диковинными цветами. Цветы чем-то напоминали Бейли световые рисунки Глэдии. Он осторожно прикоснулся к одному цветку. Кругом преобладали красный и желтый цвета. Он мельком взглянул на солнце.

— Как ярко оно светит сейчас, — прошептал он опасливо.

— Идите сюда, — раздался голос Глэдии. Она сидела на краю одной из каменных скамеек, окаймлявших пруд.

Бейли медленно направился к ней.

— Садитесь, — Глэдия указала на противоположный конец своей скамьи.

— Но это же совсем близко от вас, — удивился

Бейли.

Она всплеснула своими маленькими ручками и воскликнула:

— А вы знаете, я начинаю привыкать.

Бейли сел и повернулся к ней лицом, чтобы избежать лучей солнца. Она наклонилась к воде и сорвала небольшой желто-красный цветок.

— Это местное растение. Большинство наших цветов завезено сюда с Земли. — Глэдия кинула цветок Бейли, который на лету поймал его.

— Смотрите, вы лишили его жизни, — воскликнул он, с сожалением глядя на сломанный стебелек красивого цветка, с которого капала вода.

— Ну и что ж, это всего лишь цветок, их тут тысячи, — ответила Глэдия. А потом, нахмурилась, добавила: — Или вы снова пытаетесь доказать, что я способна убить не только цветок, но и человеческое существо?

— Я вовсе не имел в виду ничего подобного, — мягко ответил Бейли.

Он осторожно держал цветок между большим и указательным пальцами. Осторожно, потому что не хотел испачкаться, ведь цветок только что был вырван из грязной мокрой почвы. Удивительно, как равнодушно эти соляриане относятся к самой

настоящей грязи… Однако они сверхосторожны в своих контактах друг с другом, и особенно с землянами. Внутри чашечки цветка находился белый кружок, на котором чуть колыхались черные волоски. Они испускали одуряющий аромат. Бейли наклонился и понюхал.

— Правда, хорошо пахнет? — осведомилась Глэдия.

— О да, напоминает духи.

Глэдия расхохоталась.

— Похоже на землянина! Как раз наоборот! Духи могут иногда так пахнуть, как этот цветок.

Бейли кивнул. Он чувствовал, что начинает уставать от пребывания на воздухе. Однако он ни за что не хотел сдаться. Серый круг, замкнувший его портрет, должен быть уничтожен. Он понимал всю нелепость своего желания, но не мог ничего с собой поделать. Глэдия забрала цветок из его рук и начала медленно расправлять лепестки.

— Наверное, у каждой женщины свой запах? — сказала она, не глядя на своего собеседника.

— Это зависит от тех духов, которые она употребляет, — устало ответил Бейли.

— Трудно представить себе, что можно находиться так близко от кого-нибудь, чтобы

почувствовать… Я не употребляю духов, потому что никого никогда не бывает поблизости. Но вы, наверное, привыкли к запахам духов. На Земле ваша жена ведь всегда находится с вами, не так ли?

Она тщательно, не поднимая головы, обрывала лепестки цветка.

— Нет, не всегда, — возразил Бейли, — то есть не каждую минуту.

— Но большую часть времени? И когда бы вы ни захотели…

— Как вы думаете, почему Либиг так настойчиво старался научить вас разбираться в роботехнике? — неожиданно спросил он.

Глэдия продолжала вертеть в руках цветок, от которого остался только стебелек и внутренняя часть чашечки. При вопросе Бейли она с силой швырнула остатки цветка в пруд.

— Я думаю, он хотел сделать меня своей помощницей, — медленно ответила она.

— Он говорил вам об этом?

— Да, он не раз спрашивал, не считаю ли я, что подобная работа будет очень интересной для меня? А я отвечала, что для меня ничего на свете не было бы скучнее. Он очень сердился…

— И после этого он больше не предлагал вам

совместных прогулок?

— Вы знаете, пожалуй, вы правы. Видимо, я оскорбила его своим ответом? Но что еще могла я сказать?

— Но, кажется, еще до этого разговора вы сообщили доктору Либигу о своих ссорах с Рикэном Дельмаром?

Бейли почувствовал, как молодая женщина сразу напряглась как пружина. Даже голос ее приобрел несвойственный ему высокий тембр.

— Какие ссоры вы имеете в виду?

— Ну, конечно, ссоры с вашим мужем. Я слышал, вы не очень-то ладили с ним?

Она резко повернулась к детективу. Ее лицо было искажено.

— Кто сказал вам? Неужели Джотан?

— Да, доктор Либиг упомянул об этом. И я думаю, что он прав.

Глэдия с минуту молчала.

— Вы все еще пытаетесь доказать, что я убийца, — заговорила она. — Мне иногда казалось, что вы — мне друг, а теперь я вижу, что вы просто детектив, обыкновенная ищейка.

Она подняла сжатые кулачки.

— Все равно вы не можете коснуться меня, — напомнил Бейли.

Кулачки разжались. Глэдия отвернулась от него и начала беззвучно рыдать. Бейли вдруг почувствовал, как сильно он устал. Он закрыл глаза, чтобы не видеть яркого света и длинных теней.

— Скажите, Рикэн Дельмар, наверное, был не очень-то нежным и ласковым, не так ли?

— Он всегда был очень занят, — ответила Глэдия сдавленно.

— С другой стороны, у вас противоположный характер. В вас много нежности. Вы интересуетесь мужчинами, разве я не прав?

— Я... я... ничего не... не могу с собой поделать, — пробормотала она. — Я знаю, что это отвратительно. Даже гов... говорить на подобные темы — и то отвратительно. Но я ничего не могу с собой поделать.

— Вы беседовали об этом с доктором Либигом?

— Мне необходимо было с кем-то поделиться. Джотан казался таким добрым, он не упрекал меня, и мне это казалось большим облегчением.

— В этом и заключалась причина ссор с вашим мужем? Он был слишком холоден, слишком лишен всяких эмоций... вам это казалось ужасным, не так ли?

— О, я иногда ненавидела его, — она безнадежно пожала плечами, — Просто он был хорошим

солярианином, и нам еще не было предписано иметь д… дет… детей, — с трудом выговорила она.

Бейли молча ждал. Он чувствовал себя все хуже и хуже. Внутри была холодная пустота. Казалось, что какая-то Свинцовая тяжесть наваливается на него.

— Скажите, Глэдия, — он постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче, — скажите правду, вы убили его?

— Н… н… нет, — прошептала она и вдруг устало, как будто уж не было больше сил сопротивляться, добавила: — Я не все еще рассказала вам, Илайдж.

— Я слушаю вас, Глэдия.

— В тот раз я поссорилась с ним. Старая ссора… старые причины… Я кричала на него, но он не отвечал. Он почти все время молчал, и это выводило меня из себя. Я пришла в ярость. И после этого я ничего не помню.

Бейли слегка покачивался, полузакрыв глаза.

— Что значит: «Я ничего не помню»?

— Он был мертв, я подняла крик, и сбежались роботы.

— Так убили его все-таки вы?

— Я не помню, Илайдж. Но если бы я убила его,

разве я могла бы это забыть? Я действительно ничего больше не помню… И мне было так страшно, так страшно… О, Илайдж, помогите мне, спасите меня!..

— Не волнуйтесь, Глэдия. *Я* постараюсь помочь вам.

В полузатуманенном сознании детектива мелькнуло: куда девалось оружие? Ясно, только убийца мог убрать его. Глэдия была найдена сразу же на места происшедшего убийства. Значит, она не могла спрятать оружие. Значит, убийцей был кто-то другой. Что бы ни думали обитатели Соларии, но убийцей должен был быть кто-то другой. Скорее обратно в дом, — было последней связной мыслью Бейли. Что-то потянуло его взглянуть на сиявшее солнце. Оно уже клонилось к горизонту, потому что планета кружилась с огромной быстротой вокруг своей оси… Но сейчас кружилась его голова… Каменная скамья уплывала из-под него. Небо… огромное синее небо надвигалось на него. Кругом угрожающе чернели и раскачивались верхушки деревьев… Казалось, что и они, и небо, и все вокруг подступают прямо к нему. Последнее, что он слышал это тонкий вскрик Глэдии и еще другой звук… Но какой?

Бейли открыл глаза. Прежде всего он почувство-

вал себя в привычной безопасности закрытого помещения. Над ним наклонилось чье-то лицо. Он не сразу узнал его, но потом… О, дьявол! Да ведь это же…

— Дэниел! — вскричал он.

На лице робота не выразилось ни радости, ни каких-либо других эмоций.

— Хорошо, что вы пришли в себя, коллега Илайдж, — как всегда размеренно проговорил он. — Я полагаю, вы не очень пострадали.

— Я — в полном порядке, — с нарочитой бодростью сказал Бейли, пытаясь приподняться на локтях. — Но почему я в постели? Что произошло?

Ваш организм плохо выносит даже краткое пребывание на открытом воздухе, а столь длительное пребывание было непереносимо для вас. Я прибыл как раз вовремя. Теперь вы нуждаетесь в полном покое.

— Прежде всего я нуждаюсь в ответах на несколько вопросов, — Бейли оглянулся: он не узнавал помещения, в котором находился. Шторы были опущены, мягкий свет был искусственным. Он чувствовал себя значительно лучше, но все же голова еще слегка кружилась.

— Во-первых, где я нахожусь?

— В одной из комнат дома, принадлежащего госпоже Дельмар.

— Далее, скажите, как вы попали сюда? Как вам удалось освободиться от роботов, которых я напустил на вас?

— Боюсь, что вы будете недовольны моими действиями, — .ответил Дэниел, — но у меня не было иного выбора. Следуя полученным мной инструкциям и в интересах вашей безопасности я должен был как-то освободиться от стерегущих меня роботов.

— И как же вы это сделали?

— Если я не ошибаюсь, госпожа Дельмар сегодня предполагала установить с вами телеконтакты, не так ли?

— Да, верно. Ну и что же дальше?

— Вы приказали роботам не разрешать мне устанавливать связь ни с людьми, ни с другими роботами. Но коллега Илайдж, вы забыли запретить роботам устанавливать контакт со мной в случае вызова извне.

Бейли застонал.

— Не стоит расстраиваться, коллега Илайдж. Просчет в ваших приказаниях привел меня сюда как раз вовремя, чтобы спасти вашу жизнь. Так вот, госпожа Дельмар установила контакт со

мной и спросила, где вы находитесь. Я ответил, что не знаю, но могу попытаться выяснить. Я сказал, что обеспокоен вашим отсутствием и что она должна приказать роботам, находящимся вместе со мной, тщательно обыскать дом.

— А разве она не была удивлена такой просьбой? Почему вы сами не могли приказать роботам?

— Я постарался дать ей понять, что поскольку я — аврорианин, я не могу так искусно обращаться с роботами, как это сделает она. Как вы знаете, жители Солярии весьма гордятся своим искусством в управлении роботами и смотрят свысока на обитателей других Миров из-за отсутствия у них такой сноровки.

— Ну, и Глэдия приказала роботам покинуть вас?

— Да, хотя послушались они ее с трудом. Они говорили о полученном ранее приказе не оставлять меня ни на минуту, коллега Илайдж. Но к счастью, они не могли сообщить госпоже Дельмар, что я — тоже робот, поскольку вы запретили им делать это. В конце концов они вынуждены были повиноваться ее приказу.

— И после этого вы начали разыскивать меня?

— Совершенно верно, коллега Илайдж.

«Жаль, — подумал Бэйли, — что Глэдия не сочла нужным сообщить мне о разговоре с Дэниелом подробнее».

— Однако вы довольно долго добирались до меня, Дэниел, — заметил он вслух.

— Опытный солярианин нашел бы вас немедленно, а у меня на это ушло много времени. Я надеялся застать вас у госпожи Кларисы Канторо, но опоздал.

— А что вы там делали?

— Выяснил кое-какие факты, интересующие меня. Сожалею, что мой визит к госпоже Канторо имел место в ваше отсутствие.

— Вы разговаривали с Кларисой?

— Да.

Бейли чувствовал себя почти хорошо. Он опустил ноги с постели и с неудовольствием взглянул на халат, в который был облачен.

— Распорядитесь, чтобы принесли мою одежду, Дэниел, приказал он.

Одеваясь, Бейли спросил:

— А где сейчас госпожа Дельмар?

— Под домашним арестом, коллега Илайдж.

— По чьему приказу?

— По моему. Она находится в своей спальне под наблюдением роботов. Все ее приказы, за

исключением тех, которые связаны с ее личными потребностями, выполняться не будут.

— И все это сделали вы?

— Да, ведь здешние роботы не знают, кто я такой на самом деле.

Бейли закончил свой туалет.

— Вы знаете, Дэниел, — сказал он. — Я выяснил, что у Глэдии была полная возможность совершить убийство. Я установил некоторые дополнительные факты. Она не прибежала в лабораторию мужа, услышав крики, как мы полагали раньше. Она была все время в лаборатории.

— Не утверждает ли она, что убийство произошло при ней и она видела убийцу?

— Нет, она говорит, что ничего не помнит. Конечно, иногда бывает и так. Однако… Кроме возможности совершить убийство, я выяснил также, что у нее имелись и мотивы для него.

— И каковы они, коллега Илайдж?

— Я с самого начала подозревал такую возможность. Если бы я находился на Земле и рассуждал бы согласно нашим земным стандартам, я бы сказал, что Глэдия Дельмар была влюблена в своего мужа, а он был влюблен только в самого себя. Но я не был уверен, возможно ли проявление обычных человеческих чувств у солярианин.

Поэтому я стремился побольше узнать о них и для этого мне было недостаточно телеконтактов, мне необходимо было встречаться с ними лично.

— Я не совсем понимаю вас, коллега Илайдж.

— Не знаю, сумею ли я объяснить вам, Дэниел. Все генетические данные соляриан тщательно исследуются еще до рождения ребенка. Однако, несмотря на совершенство анализа, у человека может развиться определенный психоз или просто отклонение от нормы, зачатки которых таились незамеченными в генах. Вы обратили внимание на необычайный интерес Глэдии Дельмар к Земле?

— Да, я заметил это, коллега Илайдж. Но я полагал, что данный интерес имеет намеренный характер, чтобы произвести благоприятное впечатление на вас.

— А попробуем предположить, что она, в отличие от нормальных соляриан, действительно нуждается в человеческом обществе, в тесном личном общении с людьми. Мысли о Земле, самой густо заселенной планете во всей Галактике, с ее толпами людей, снующих взад и вперед, с ее шумными переполненными городами, чем-то волнуют ее. Предположим, что ее привлекает то, что, как ей внушали с детства, является грязным и

постыдным. Я должен был тщательно проверить свои предположения. И в первую очередь сравнить, как реагируют на нарушение солярианских традиций она, Глэдия Дельмар, и другие солярианe. Вот почему я покинул вас, Дэниел. Мне надо было привести опыт «личные встречи».

— Но вы не объяснили мне всего этот, коллега Илайдж.

— А разве мои объяснения помешали бы вам, мой милый Дэниел, вести себя и дальше в соответствии с Первым Законом роботехники?

Дэниел молчал.

— Так или иначе, но мой опыт удался, — продолжал детектив, — я попытался лично встретиться с несколькими людьми. Старый социолог с трудом согласился на мое предложение, но оказался не в состоянии выдержать наше свидание до конца. Роботехник не смог заставить себя пойти на нарушение традиций даже под моим сильнейшим нажимом. Он буквально плакал при одной только мысли о моем появлении. Помощница Дельмара, правда, приняла меня. Профессия фетолога поневоле заставляет ее примириться с личными контактами. Но она все время сохраняла десятиметровую дистанцию. Что же касается Глэдии Дельмар… Тут совсем другое дело…

— А именно?

— Глэдия легко переносила мое присутствие, и, чем дольше мы находились вместе, тем больше она свыкалась с ним. А это — аномально для жителя Солярии. Ее интерес к Земле и земным обычаям также ненормален. Возможно, она проявляла столь же сильный интерес и к своему мужу? Как вы знаете, влечение к представителям противоположного пола для солярианина является патологией. Доктор Дельмар меньше всего способен был поддержать подобное чувство или ответить на него, не так ли? Все это вместе было очень трагично для его жены.

Дэниел кивнул.

— Настолько трагично, полагаете вы, что в минуту исступления она убила его?

— Несмотря на все, я так не считаю, Дэниел.

— Не оказывают ли на вас влияния чисто личные причины, коллега Илайдж? — спросил робот. — Госпожа Дельмар красивая женщина, а вы как землянин не находите ничего патологического в личном общении с красивой женщиной?

— Нет, у меня имеются другие, более веские причины, — голос Бейли звучал несколько неуверенно. Холодный взгляд робота, казалось, проникал прямо в душу. «О, дьявол! Ведь эта

штука всего лишь машина!» — боязливо подумал Бейли. Вслух он сказал:

— Если бы она была убийцей своего мужа, то Груэра должна была тоже отравить она. А это — невозможно. — Он заколебался. Стоит ли сообщать Дэниелу о своих догадках относительно того, что можно осуществить убийство при посредстве роботов? Пожалуй, нет.

— В таком случае, госпожа Дельмар пыталась убить также и вас? — спросил Дэниел.

Бейли поморщился. Он не собирался рассказывать Дэниелу про эпизод с отравленной стрелой. Наверное, Клариса все ему выболтала. Следовало бы предупредить Кларису. Но откуда он мог знать, что Дэниел ухитрится вырваться на волю и явиться к ней?

— Что наболтала вам Клариса? — спросил он сердито.

— Госпожа Канторо совершенно ни при чем, — невозмутимо ответил робот, — я сам был свидетелем покушения на вашу жизнь, коллега Илайдж.

— Но ведь вас не было в этот момент на ферме?

— Зато я вовремя прибыл на место происшествия, — сказал Дэниел.

— Что вы имеете в виду? — в полном недоуме-

нии спросил Бейли.

— Разве вы не понимаете, коллега Илайдж? Это было покушение, причем отлично продуманное. Разве не госпожа Дельмар предложила вам выйти на воздух? Я не был при этом, но уверен, что так оно и было.

— Да, она предложила пойти погулять.

— Возможно, она чем-то подействовала на вас, вспомните, коллега Илайдж.

Бейли невольно подумал про свой символический «портрет», заключенный в серый круг. Неужели все это было умным расчетом? Неужели солярианка обладала столь тонким пониманием психологии землянина?

— Нет, тут вы ошибаетесь, — медленно ответил он.

— Но она предложила вам спуститься к пруду и сесть на скамью?

— Ну, конечно.

— А не думаете ли вы, что она все время следила за вашим состоянием и заметила надвигающееся на вас головокружение?

— Она раз или два спросила, не хочу ли я вернуться домой.

— Это ничего не значит. Она видела, как вы слабеете у нее на глазах. В тот момент, когда я

схватил вас, вы уже падали в пруд. Вы, безусловно, утонули бы.

Бейли почувствовал, как по спине у него пробежали мурашки. «О, дьявол! Возможно ли?»

— Более того, — бесстрастно продолжал робот, — госпожа Дельмар видела, что вы падаете, и не сделала ни малейшей попытки удержать вас. Я полагаю, что она спокойно наблюдала бы за тем, как вы тонете. Возможно, она и вызвала бы роботов. Но они, несомненно, запоздали бы. А потом она объяснила бы, что не смогла заставить себя прикоснуться к вам даже для спасения вашей жизни.

«Он рассуждает логично, — подумал Бейли. — Никто не осудил бы ее за подобное поведение. Удивление соляриан могла бы вызвать обратная реакция».

— Вы видите, коллега Илайдж, — невозмутимо развивал свою мысль Дэниел, — что вина госпожи Дельмар бесспорна. Ей необходимо было избавиться от вас, так же как и от правителя Груэра.

— Но вся цепь событий могла иметь и случайный характер, — возразил Бейли, — она могла не предвидеть, что долгое пребывание на воздухе так сильно подействует на меня.

— Она была достаточно осведомлена об особенностях землян.

— Но я уверил ее, что успел привыкнуть к пребыванию на воздухе.

— Она лучше разбиралась в этом, коллега Илайдж.

Бейли сжал руки в кулаки.

— Бы приписываете Глэдии Дельмар слишком большое коварство! — воскликнул он. — Да и слишком большой ум тоже. Во всяком случае, любое обвинение в убийстве Дельмара ничего не стоит до тех пор, пока не найдено орудие убийства или не объяснено, каким оружием воспользовался преступник.

Робот внимательно поглядел на землянина.

— Я могу сделать это, коллега Илайдж, — сказал он.

— Но как? — изумленно спросил Бейли.

— Очень просто. Как вы помните, коллега Илайдж, вы рассуждали следующим образом, — начал Дэниел. — Будь госпожа Дельмар убийцей, орудие убийства было бы найдено на месте преступления. Роботы, немедленно прибывшие в лабораторию, не обнаружили ничего, кроме лежащей в обмороке госпожи Дельмар. Поэтому, полагали вы, истинный убийца успел уйти и

унести орудие убийства. Я правильно говорю?

— Да, правильно.

— Однако существовало некое место, где роботы не пробовали искать.

— Какое место?

— Под самой госпожой Дельмар. Она была в глубоком обмороке, и орудие убийства могло находиться под ней.

— Но роботы обнаружили бы его в ту минуту, когда подняли Глэдию, чтобы перенести ее на постель.

— Да, но роботы не сразу подняли ее. Она сама вчера рассказала нам, что доктор Алтим Тул приказал роботам не трогать ее, а только подложить ей под голову подушку. Он лично осматривал ее.

— Ну и что же?

— Отсюда возникает новая возможность. Доктор Алтим Тул мог сам подобрать и спрятать оружие, чтобы спасти госпожу Дельмар.

Бейли, который ожидал логического объяснения, был разочарован.

— Но почему доктор Тул стал бы делать это? — воскликнул он.

— У него имелась серьезная причина для подобного действия, — невозмутимо ответил Дэниел. — Вы помните, как госпожа Дельмар

рассказывала нам о том, что доктор Тул в детстве лечил ее и всегда относился к ней особенно внимательно? Я заинтересовался причиной такого отношения доктора Тула к своей пациентке. Для этого я посетил ферму госпожи Канторо и посмотрел всю имеющуюся картотеку. То, что я подозревал, оказалось правдой.

— Что именно?

— Доктор Алтим Тул — отец Глэдии Дельмар и, что еще важнее, он осведомлен об этом.

Бейли не имел оснований не доверять словам Дэниела. Конечно, ему стало досадно, что робот Дэниел Оливо, а не он сам, инспектор класса С-7 Илайдж Бейли, сделал столь важное открытие.

— Вы беседовали с доктором Тул ом? — начал недовольным тоном Бейли.

— Да, и *я* поместил его под домашний арест.

— Что он говорит?

— Он признает, что является отцом Глэдии Дельмар. В качестве врача он имел больше возможностей, чем любой другой солярианин, установить, кто его ребенок. Профессия врача всю жизнь позволяет ему наблюдать за дочерью и поддерживать с ней осторожный контакт.

— А Глэдия знает, что Тул — ее отец?

— Как мне сообщил доктор Тул, она не в курсе

этого вопроса.

— Признает ли Алтим Тул, что спрятал орудие убийства?

— Нет, не признает.

— В таком случае, какие неопровержимые улики вы можете предъявить, Дэниел? Если вы не найдете оружия или не добьетесь признания старика, ваши рассуждения построены на песке.

— Доктор Тул ни за что не сознается. Его дочь дорога ему.

Бейли шагал взад и вперед по комнате, стараясь собраться с мыслями. Затем уселся в глубокое мягкое кресло и начал излагать свои соображения:

— Вы проявили большую изобретательность в логических рассуждениях, Дэниел, но они не разумны. — («Логичны, ко не разумны. Таковы все роботы»). — Посудите сами, Алтим Тул — старик, глубокий старик, у которого на старости лет появилось дитя. Он, вопреки всем нормам Солярии, испытывает естественные человеческие чувства к своему ребенку. Так вот, представьте себе, что этот старик застает свою дочь в глубоком обмороке, а рядом с ней — труп ее мужа. Вы понимаете, какое впечатление должна произвести на него такая картина? Вы думаете, что в подобной ситуации он сохранит присутствие духа настолько,

чтобы совершить ряд удивительных действий?

Прежде всего, по-вашему, он видит орудие убийства, спрятанное под телом его дочери, орудие, которое роботы не заметили. Он настолько хладнокровен и быстр, что успевает спрятать оружие прямо на глазах роботов. Затем он управляет роботами так умело, что обманывает их бдительность и уносит оружие с собой. Да разве все это возможно для человека его лет, да еще потрясенного происшедшим? Нет, это практически исключено!

— Разве можно представить себе какое-либо другое решение проблемы, коллега Илайдж? — спросил Дэниел.

Внезапно волнение охватило Бейли. Он захотел вскочить на ноги, но слабость помешала ему, и он нетерпеливо воскликнул:

— Дайте мне кашу руку, Дэниел!

— Простите? — не понял робот и с удивлением взглянул на свою руку.

Бейли мысленно обругал прямолинейный способ мышления своего партнера и повторил просьбу иначе.

— Помогите мне выбраться из кресла, Дэниел.

Сильная рука робота легко приподняла землянина.

— Нет, пока я не могу предложить вам другого решения, Дэниел. Я должен подумать!

Бейли нетерпеливо подошел к окну, завешенному тяжелой портьерой, и приподнял ее уголок. Он уставился в темное стекло и не сразу сообразил, что наступила ночь. Дэниел подошел к нему и мягко попытался опустить портьеру. В то краткое мгновенье, пока Бейли наблюдал за пальцами робота, заботливо опускавшего портьеру, в этот самый момент детектива озарило. Он выхватил портьеру из рук робота, налег на нее всем телом и оборвал ее.

— Коллега Илайдж, — мягко сказал Дэниел, — вы же знаете, какой вред вам может причинить зрелище открытого пространства даже ночью.

— О нет, мой заботливый Дэниел, — ликующе ответил землянин, — теперь я знаю, какую пользу оно мне приносит.

Илайдж Бейли напряженно вглядывался в темноту ночи. Впервые он свободно взирал на усеянный звездами небосклон. Не из бравады, не из любопытства и даже не из-за необходимости, а просто потому, что ему хотелось этого, он нуждался в этом. Долой стены! Долой темноту и копошащиеся людские муравейники… Все это не для истинных людей. Люди нуждаются

в неограниченных просторах, в широких горизонтах… Вероятно, он всегда инстинктивно так чувствовал, но не осознавал этого. Вот почему его выводил из себя серый круг, замкнувший тот портрет… Его переполняло чувство свободы, гордости, ощущение победы.

Голова начинала кружиться. В ней роились догадки, мысли, рождалась уверенность… Он повернулся к Дэниелу.

— Я знаю! — воскликнул он громко. — О, дьявол, я все знаю.

— Что вы знаете, коллега Илайдж?

— Я знаю, что это было за оружие. Я знаю, кто истинный преступник. Я знаю, наконец, каковы были его цели. Скажите роботам, пусть подготовят экраны. Я хочу говорить со многими людьми сразу.

Однако Дэниел воспротивился намерению своего партнера возобновить деятельность немедленно.

— Завтра, — ответил он почтительно, но достаточно твердо.

— Завтра с утра вы будете делать все, что вам угодно, коллега Илайдж. Сейчас уже поздно, и вы нуждаетесь в отдыхе.

Бейли вынужден был признать справедливость

подобного утверждения. К тому же он сам понимал, что должен хорошо подготовиться к тому, что ему предстояло. Он знал решение проблемы, он был уверен в правильности своего решения, но одних логических рассуждений недостаточно, требуются веские, неопровержимые доказательства. Ему предстоял нелегкий поединок сразу с несколькими солярианами. Землянин против солярианин… Да, для этого он должен быть в хорошей форме. Значит, следует отдохнуть и выспаться.

Однако, он чувствовал, что не сможет заснуть. Ни особая мягкость постели, которую ему приготовили неслышно двигающиеся роботы, ни нежная музыка, доносившаяся откуда-то издалека… ничто не заставит его сомкнуть глаза.

В затемненном углу комнаты тихо сидел Дэниел.

— Вы охраняете меня от Глэдии? — насмешливо спросил землянин.

— Я не считаю разумным оставлять вас одного без всякой защиты, — бесстрастно ответил робот.

— Ну, как хотите. Слушайте, Дэниел, вы выполнили все мои поручения?

— Да, конечно, коллега Илайдж.

— Как обстоит дело с ограничениями, налагае-

мыми Первым Законом?

— У меня есть сомнения, связанные со встречей, которую вы хотите завтра организовать.

— Уверяю вас, я буду крайне осторожен.

Дэниел испустил вздох, настолько напоминающий человеческий, что Бейли невольно вздрогнул и стал пристально вглядываться в темноту, где неясно белело лицо совершенно механического существа.

— Мне иногда кажется, что люди ведут себя нелогично, — заметил Дэниел.

— Мы также нуждаемся в Трех Законах, — усмехнулся Бейли, — но все же я рад, что их у нас нет.

Он уставился в потолок и стал напряженно думать. Многое, очень многое зависело от Дэниела. И, несмотря на это, он мог рассказать ему лишь часть правды. Конечно, у планеты Авроры были причины послать в качестве своего представителя не человека, а робота. Но все-таки это была ошибка. У робота есть свои слабые стороны, которыми разумный человек может воспользоваться. Мысли его потекли по другому руслу. Если все пойдет гладко, через каких-нибудь двенадцать часов все будет кончено, а через двадцать четыре он сможет отправиться домой, на родную Землю.

В сердце Илайджа Бейли теплилась надежда. Правда, странная надежда… И, однако, это был бы выход для Земли, единственный выход. Это должно стать выходом для его родной планеты. Покой и уют родного дома! Думая о доме, он стал засыпать. Но вдруг вздрогнул. Почему мысли о Земле и о доме не вызвали обычной умиротворенности и радости? Между ним и городами Земли возникло какое-то странное отчуждение… Все перепуталось в его мозгу… Он погрузился в сон.

Хорошо выспавшись, Бейли принял душ и оделся, На сердце у него было неспокойно. Сейчас его рассуждения казались ему менее убедительными, чем накануне. А сегодняшняя встреча! Он один против многих. Можно ли с уверенностью рассчитывать на их понимание, на их правильную реакцию? Или он опять действует вслепую?

Первой на экране появилась Глэдия. Она выглядела бледной и вялой. На ней было белое одеяние, которое делало ее похожей на статую. Сразу же начали появляться и остальные. Следующим Бейли увидел правителя Корвина Атлбиша, нового главу Департамента солярианской Безопасности, высокого и надменного, с презрительно поднятым подбородком. Весь вид его выражал неодобрение. На лице роботехника

Либига было выражение возмущения. Правое веко сильно подергивалось. Вот социолог Квемот. Он покровительственно улыбается Бейли, как бы напоминая ему, что они уже знакомы и даже встречались в интимной обстановке. Клариса Канторо нерешительно поглядывала на всех остальных. Некоторое время она, наморщив лоб, разглядывала Глэдию, затем демонстративно отвернулась и уставилась в пол. Последним появился доктор Алтим Тул… Он выглядел очень старым, очень измученным. Все собравшиеся были одеты очень торжественно и официально.

«Пока что Дэниел справился со своей задачей хорошо — собрал всех сразу, посмотрим, что будет дальше», — нервно подумал Бейли. Его сердце билось сильными толчками. Он еще раз оглядел собравшихся спейсеров. Каждый из них смотрел на него из своего дома. Убранство, меблировка, освещение в каждом доме были различными, от одного этого могла закружиться голова.

Илайдж Бейли прочистил горло и начал:

— Я хотел бы обсудить с вами вопрос об убийстве правителя Рикэна Дельмара с точки зрения мотива преступления, возможности для его совершения и средств, примененных для…

— Вы собираетесь держать длинную речь? —

прервал землянина Атлбиш.

— Возможно, — резко ответил Бейли, — но прошу не мешать мне. Я приехал сюда специально для расследования происшедшего убийства. Это моя профессия, и я лучше, чем вы, разбираюсь в подобных вопросах. — («Ничего нельзя им спускать, или все пропало, — лихорадочно твердил он себе. Во что бы то ни стало, надо суметь взять над ними верх»). — Прежде всего остановимся на мотиве, — продолжал Бейли, решительно отчеканивая каждое слово. — Труднее всего установить именно мотив преступления. Возможности и средства для совершения преступления выяснить гораздо легче. Это — объективные факторы. Мотив же преступления бывает субъективен. Иногда он понятен окружающим, иногда — нет. Более того, мотив преступления может существовать у самого, казалось бы, неподходящего индивидуума. Все собравшиеся здесь убеждены в том, что убийцей является жена покойного. Об этом мне было сказано всеми с полной уверенностью. Никто другой, как вы полагаете, физически не мог совершить преступления. Допустим, что это так. Рассуждаем следующим образом. Каков же мог быть мотив для подобного столь необычного на Солярии преступления? Правитель Либиг

сообщил мне, и это было подтверждено затем самой Глэдией Дельмар, что у нее часто происходили жестокие ссоры с мужем. Ссора и вызванное ею состояние аффекта может, в принципе, привести к тяжелым последствиям, даже к убийству. Очень хорошо. Но возникает следующий вопрос. А могут ли у кого-нибудь другого существовать серьезные причины желать смерти Рикэна Дельмара? Вот, например, правитель Либиг… При этих словах спейсер подскочил. Он угрожающе протянул руку в направлении Бейли.

— Думайте, что говорите, землянин! — крикнул он.

— Я только рассуждаю… пока… — холодно ответил Бейли.

— Вы, доктор Либиг, работали вместе с Рикэном Дельмаром. Вы лучший специалист в области роботехники на Солярии. Вы сами так утверждали, и я не имею оснований не верить вам.

Либиг улыбнулся с видом превосходства.

— Но, — по-прежнему невозмутимо продолжал Бейли, — я установил, что покойный Дельмар собирался прекратить совместную с вами работу. Он не одобрял кое-какие ваши идеи и методы.

— Ложь, чепуха! — снова крикнул Либиг.

— Возможно. Ну, а если это было бы все-таки

правдой? Разве вам не хотелось бы избавиться от него прежде, чем он публично заявил бы о разрыве ваших отношений, а?

— А вы — госпожа Канторо? — быстро продолжал Бейли, не дав времени Либигу опомниться, — разве смерть Рикэна Дельмара не поставила вас во главе весьма важного на Солярии предприятия?

— О, небеса! — воскликнула Клариса. — Разве мы уже не обсуждали этого?

— Обсуждали, но честолюбие — фактор, который нельзя так просто сбрасывать со счетов. Что же касается доктора Квемота, то он имел привычку играть в шахматы с покойным Дельмаром и постоянно проигрывал. Возможно, ему надоело всегда оставаться в проигрыше.

— Полагаю, что проигрыш в шахматы, безусловно, недостаточно веский мотив для убийства, инспектор, — мягко вставил социолог.

— Все зависит от того, насколько серьезно вы относились к игре. Случается и так, что мотив, которым руководствовался преступник, кажется совершеннейшей чепухой всем, кроме него самого. Но не в этом дело. Я хочу доказать вам, что мотив еще далеко не все. Практически у каждого может найтись более или менее веский мотив,

особенно, когда дело касается та кого человека, каким был покойный Дельмар.

— Что вы хотите этим сказать? — негодующе воскликнул доктор Квемот.

— Только то, что Дельмар был хорошим солярианином. Все вы так о нем отзывались, не правда ли? Он полностью отвечал всем самым строгим требованиям вашего общества. Он был идеальным гражданином, идеальным человеком, почти абстракцией, Разве можно испытывать какие-либо теплые чувства к такому человеку? Его совершенства только заставляют каждого осознавать собственные слабости и дефекты. Один поэт древности, английский поэт девятнадцатого века, некий Теннисон, писал: «Если у человека нет недостатков, значит он сам и есть сплошной недостаток».

— Но человека не убивают только за то, что он слишком хорош, — поморщилась Клариса Канторо.

— Откуда вы знаете? — возразил детектив. — Разве у вас есть хоть какой-нибудь опыт в этом вопросе? Однако в одном я с вами согласен. Дельмар был убит не потому, что он был слишком хорош, и не потому, что слишком хорошо играл в шахматы, а по гораздо более веским причинам.

Мне стало известно, что покойный Дельмар узнал о существовании на Солярии конспиративной организации. Эта организация подготавливала нападение на остальные миры Галактики с целью их завоевания. Рикэн Дельмар был решительно против целей и существования этой организации. Разве для ее членов не было важным вовремя избавиться от Дельмара, человека с большим влияние на Солярии? Любой из вас, здесь присутствующих, мог быть членом этой организации, в том числе и Глэдия Дельмар. Я даже не исключаю главу Департамента Безопасности, правителя Атлбиша.

— Неужели? — презрительно заметил спейсер.

— Конечно. Вы почему-то пытались прекратить расследование преступления, как только после отравления правителя Груэра вы заняли его пост, не так ли?

Бейли сделал несколько глотков воды из свежераспечатанного пакета. Пока все шло неплохо. Соляриане сидели тихо и слушали внимательно. Отчасти потому, что подобные встречи были для них редкостью. У них не было опыта жителей Земли.

— Далее, — продолжал Бейли, — следует обсудить вопрос о возможности совершить преступ-

ление. Общее мнение таково, что только госпожа Дельмар имела такую возможность, поскольку она одна могла находиться в личном контакте с жертвой. Но можно ли быть так уверенным в этом? Предположим, что некто, нам пока неизвестный, решил устранить Рикэна Дельмара. Разве при этом соображения о неприятности личного присутствия не отойдут на второй план? Разве каждый из вас не пренебрег бы подобным неудобством и не мог бы прокрасться в дом Дельмара и…

— Вы невежественны, землянин, — громко и надменно вмешался Корвин Атлбиш, — дело вовсе не в нашем удобстве или неудобстве. Дело в том, что сам правитель Дельмар никогда не допустил бы ничего подобного. Никакое долгое знакомство, никакая дружба не могли заставить его терпеть чье-либо личное присутствие. Рикэн Дельмар был истинным солярианином. Он немедленно попросил бы пришельца удалиться или приказал бы роботам выдворить его.

— Вы правы, — спокойно согласился Бейли, — Дельмар поступил бы именно так, но… — он обвел взглядом присутствующих — только в том случае, если бы он знал о чьем-либо присутствии.

— Что вы имеете в виду? — воскликнул доктор

Тул пронзительным голосом.

— Когда вы лично явились на место происшествия, доктор Тул, — ответил Бейли, глядя на него, — госпожа Дельмар была уверена, что она видит не вас, а ваше телеизображение, пока вы не дотронулись до нее. Я, например, привык только к личным встречам. Поэтому, когда я увидел впервые главу Департамента Безопасности Груэра, я считал, что вижу его живого во плоти и крови. И когда он вдруг исчез, я был поражен. Может быть и обратное, не так ли? Представьте, что некто всю жизнь имел только телеконтакты с другими людьми, за исключением редких встреч со своей женой. Появление любого человека он будет воспринимать как телеконтакт, особенно если робот сообщит ему, что кто-то желает установить с ним таковой. Разве это невозможный случай?

— Совершенно невозможный, — сказал Квемот. — Окружение, фон, запах — все выдает личный приход.

— Но не сразу, доктор Квемот, не сразу. Пока Дельмар успел заподозрить что-либо, пришелец мог подойти к нему и сильным ударом раскроить череп.

Бейли остановился. На его лбу выступил пот.

Но утереть его выглядело бы проявлением человеческой слабости. А он все время должен быть хозяином положения, не упускать инициативы из своих рук. Тот, в кого он метил, должен быть публично и убедительно разоблачен. Нелегко землянину вести себя так по отношению к спейсеру, но он, Бейли, обязан это сделать. Он оглядел устремленные на него лица. На всех было выражение тревожного внимания. Даже у Корвина Атлбиша появилось нечто человеческое во взгляде.

— Итак, мы переходим к вопросу об орудии убийства, — продолжал землянин, — и, надо признаться, что это — самый сложный вопрос. Орудие, с помощью которого было совершено преступление, так и не было обнаружено.

— Если бы не этот пункт, — заметил Атлбиш, — мы бы считали обвинение, предъявленное госпоже Дельмар, вполне доказанным, и нам не требовалось бы никакого дополнительного расследования.

— Конечно, — согласился Бейли. — Итак, давайте рассмотрим вопрос об оружии. Если преступление было совершено Глэдией Дельмар, оружие должно было быть найдено на месте преступления. Мой коллега, Дэниел Оливо с Авроры,

в настоящее время не присутствующий на нашем совещании, считает, что это оружие было унесено доктором Тулом. Во всяком случае, у него имелась такая возможность и был для этого мотив. Нами установлено, что Глэдия Дельмар — родная дочь доктора Тула. Я спрашиваю доктора Алтима Тула, спрашиваю публично, обнаружил ли он во время осмотра находившейся в обмороке госпожи Дельмар какой-либо тяжелый предмет, могущий служить орудием убийства?

Доктор Тул весь трясся.

— Нет, нет, клянусь, я не находил ничего подобного, — дрожащим голосом еле вымолвил он.

— Есть ли желающие опровергнуть слова доктора Тула?

Наступило молчание.

— Тогда рассмотрим другую возможность. Она заключается в том, — продолжал детектив, — что какой-то посторонний проник в лабораторию и, совершив преступление, унес оружие с собой. Но спрашивается, зачем ему это делать? Зачем уносить оружие? Тем самым он доказывает, что госпожа Дельмар — не убийца. Казалось бы, проще оставить оружие около жертвы и тем самым навлечь серьезнейшие подозрения на жену убитого. Только круглый дурак не пой-

мет этого. Значит, орудие убийства находилось где-то поблизости от убитого и его лежавшей в беспамятстве жены и при этом осталось не замеченным.

— Так что же, вы принимаете нас за дураков или за слепых? — вскричал Атлбиш.

— Нет, я принимаю вас за тех, кем вы являетесь, — за соляриан, — спокойно ответил Бейли. — Вы, как истые соляриане, не могли догадаться, что то особое оружие, которое было применено, находилось тут же у вас под носом.

— О, небеса! Что говорит этот землянин! Я не понимаю ни единого слова, — в смятении прошептала Клариса.

Глэдия, которая не пошевельнулась в течение всей речи Бейли, с ужасом взглянула на него.

— На месте преступления были обнаружены не только мертвый Дельмар и его жена в бессознательном состоянии. Там также находился еще и испорченный робот.

— Ну и что же? — негодующе вскричал Либиг.

— Разве вам не очевидно следующее? Исключив все невозможные варианты, мы приходим к истине, сколь бы немыслимой она вам ни казалась. Именно этот самый робот и был тем смертельным оружием, которым хитро воспользовался

убийца. Но вы, соляриане, в силу ваших привычек и традиций, не смогли догадаться об этом.

Вскочив с мест, все закричали сразу. Все, кроме Глэдии, которая молча смотрела на Бейли.

Бейли поднял руку и громовым голосом заорал:

— Эй вы, успокойтесь! Я еще не кончил. Выслушайте меня до конца, и вы все поймете!

Сила ли убежденности, звучавшая в голосе Бейли, или неожиданность и непривычность его грубого окрика, но это подействовало на солярианмагически. Вновь наступила мертвая тишина.

— Садитесь и слушайте! — приказал Бейли. — Вы забыли, что убийство Дельмара — не единственное преступление на Солярии. Было совершено покушение на правителя Груэра. Наконец, пытались устранить меня с помощью отравленной стрелы! Последнее заявление было встречено тихим ропотом аудитории.

— Здесь целая сеть преступлений. И все они невозможные, немыслимые, как сказал доктор Либиг, когда я пытался их с ним обсудить. А между тем все они имеют простое и ясное объяснение: их совершили роботы, но не прямо, а косвенно. Ими руководил опытный и умелый преступник, сумевший обойти запреты Первого

Закона. Обратите внимание: первое действие — совершенно невинное с точки зрения робота. Ему приказано налить некую жидкость в стакан с водой. Робот, поскольку это никому не причинит вреда, выполняет приказ. Второй робот получает столь же невинный приказ подать эту воду по первому требованию своему господину. Он не знает о манипуляциях первого и без колебаний выполняет приказание. Вот тайна отравления Ханниса Груэра. Так же действовали и со мной. Один из роботов смазал стрелу ядом, другой, не зная об этом, подал ее самому искусному стрелку, сопроводив свое действие комментарием о том, что грязный землянин опасен для солярианин. Схема одна и та же. И заметьте себе, что все эти действия не требовали личного присутствия преступника. Вам, вероятно, известно, что квалифицированные роботехники могут устанавливать контакты с роботами, используя межроботические линии связи.

— Весьма неправдоподобное объяснение, — промолвил авторитетным тоном Либиг.

— Этого не может быть? — воскликнул Квемот. Его лицо было белым, а губы тряслись. — Ни один солярианин не посмеет использовать роботов для того, чтобы причинить вред человеческому

существу.

— Кроме того, вся эта чепуха не имеет ни малейшего отношения к убийству Дельмара, — возразил Либиг. — Я еще вчера сказал вам об этом. Разве можно заставить робота раскроить череп человеку? Так, чтобы он не подозревал нарушения Первого Закона?

— Да, можно, — спокойно ответил детектив.

— Но как? — закричал истерически Атлбиш.

«Видимо у великого спейсера есть нервы», — злорадно отметил про себя Бейли, а вслух промолвил:

— Сейчас вам объясню. Мне это стало ясно только вчера. Я не мог подняться с кресла и обратился к роботу с приказом: «Дай мне руку». Робот пришел в смятение и не знал, что делать. Он смотрел на свою руку с таким видом, как будто собирался вынуть и подать ее мне. Тогда мне пришлось повторить свой приказ буквально. Но тут-то я вспомнил, что вы, доктор Либиг, в нашей беседе упомянули об экспериментах, которые проводились вами. Речь шла, как я потом догадался, о создании новых моделей роботов с заменяемыми частями. Допустим, что робот, с которым работал Дельмар, мог вынимать и вставлять на место свои конечности, например, руки. Об этом сам

Дельмар мог и не догадываться. Предположим далее, что убийца появляется в лаборатории Дельмара и приказывает роботу: «Дай мне руку». Робот немедленно выполняет приказание. Рука робота — превосходное оружие, Убийца делает свое дело, затем вставляет руку ка место, и… никаких следов…

Ужас, заставивший слушателей молчать, уступил место нестройному хору возражений и протестующих возгласов.

Атлбиш, красный и негодующий, величественно встал с места и сделал шаг вперед.

— Даже и в этом случае, если все это правда, убийца — Глэдия Дельмар. Только она могла прийти в лабораторию своего мужа и сделать все то, о чем вы сказали, если только действительно существуют такие роботы с заменяемыми конечностями.

Глэдия начала тихо всхлипывать. Бейли не смотрел на нее.

— Наоборот, — сказал он твердо, — я считаю, что преступником был кто-то другой, но не госпожа Дельмар.

При этих словах Либиг скрестил руки на груди и презрительно фыркнул.

— Вы, доктор Либиг, как я надеюсь, поможете

мне установить, кто был этот убийца. Как специалист, вы отлично понимаете, что не искушенный в роботехнике человек не сумеет управлять роботами настолько умело, чтобы заставить так или иначе нарушить Первый Закон. Ну, скажите нам, доктор Либиг, что понимает в роботехнике Глэдия Дельмар?

— Почему вы спрашиваете об этом именно меня? — воскликнул солярианин.

— Ну, как же, вы пытались просветить госпожу Дельмар в вопросах роботехники. Вы достигли своей цели?

На лице Либига появилось растерянное выражение.

— Она, видите ли, она…

Он остановился.

— Как ученица она оказалась безнадежной, не так ли?

— Она могла притворяться невежественной, — голос солярианина снова обрел уверенность.

— Значит вы, как специалист, утверждаете, что госпожа Дельмар настолько искушена в роботехнике, что могла бы заставить роботов совершить косвенное убийство?

— Как я могу ответить на ваш вопрос!

— Хорошо, я поставлю вопрос иначе. Мой кол-

лега, Дэниел Оливо, случайно потеряв связь со мной, затратил на поиски немало времени и нашел меня с большим трудом. Преступник же узнал о моем пребывании достаточно быстро, очевидно, с помощью межроботических линий связи. Столь же быстро и ловко, снова используя роботов, преступник организовал покушение на мою жизнь. Как, вы думаете, обладает ли госпожа Дельмар достаточной квалификацией в роботехнике, чтобы все это проделать?

Корвин Атлбиш наклонился вперед.

— Кто же, по-вашему, землянин, обладает достаточной квалификацией?

— Правитель Джотан Либиг, по общему признанию и по его собственному мнению, является самым квалифицированным роботехником на вашей планете, — медленно отчеканил Илайдж Бейли.

— Это обвинение? — пронзительно закричал роботехник.

— Да, Либиг, — голос Бейли звучал громко и решительно, — это обвинение.

Либиг выпрямился. Нарочито спокойно, медленно и раздельно выговаривая слова, он начал:

— То, что вы говорите, чепуха, *Я* внимательно изучил робота, присутствовавшего при убийстве.

Никаких заменяемых рук и ног у него не было. Этот робот не мог служить орудием убийства.

— А кто может подтвердить ваши слова, солярианин? — также спокойно и медленно спросил Бейли.

— Мои слова обычно не подвергаются сомнению.

— Ах, вот как! Тогда почему же вы столь быстро уничтожили этого робота?

— А кому он был нужен? Робот никуда не годился, он был полностью бесполезен.

— Почему?

Самообладание постепенно начало покидать роботехника. Его лицо покрылось пятнами.

— Вы уже задавали мне этот вопрос, землянин, — сказал он, сжимая кулаки. — И я объяснил вам причину. Повторяю: робот присутствовал при убийстве человека. И он не смог предотвратить это убийство.

— Тем не менее исследовать его было чрезвычайно важно, — возразил Бейли. — Я утверждаю, что именно его рука была использована в качестве оружия.

— Чепуха, немыслимая чепуха! — не сдерживаясь более, закричал Либиг. — Что вы вообще смыслите в роботехнике?

— Возможно немного, — невозмутимо ответил детектив. — Но я предлагаю следующее. Пусть глава Департамента Безопасности Корвин Атлбиш распорядится, чтобы был проведен обыск вашей лаборатории и фабрики роботов. При этом будет установлено, производили ли вы эксперименты с заменой конечностей, если да, то не послали ли вы такого робота в распоряжение Дельмара.

— Никто не смеет заходить в мою лабораторию! — завопил роботехник.

— Почему? Если вам нечего скрывать, то почему вы боитесь показать свою лабораторию?

— А при чем здесь я? Как я мог быть заинтересован в смерти своего друга Дельмара?

— Я думаю, для этого было две причины, — ответил Бейли. — Первая такова. Вы были дружны с госпожой Дельмар, даже очень дружны, не так ли? Ведь, несмотря ни на что, соляриане все-таки люди. Вы, правда, никогда не имели дела с женщинами. Но это отнюдь не означает, что вы не подвержены никаким эмоциям. Ну, скажем, животным импульсам. Вы виделись с госпожой Дельмар… то есть не то чтобы виделись, но общались посредством телесвязи. При этом она часто бывала достаточно обнажена и…

— Нет, нет, вы лжете! — крикнул Либиг и закрыл лицо руками.

— Нет, нет, — прошептала и Глэдия.

— Возможно, вы даже сами не понимали характера своих ощущений. Или, если и догадывались, то презирали себя и ненавидели госпожу Дельмар, которая вызывала их. И, конечно, сам Дельмар, ее муж, был вам особенно ненавистен. Вы ведь просили госпожу Дельмар стать вашей помощницей, не так ли? Вы настойчиво добивались этого. Она отказалась, и вы возненавидели ее еще больше. Убив Рикэна Дельмара таким образом, чтобы подозрение пало на его жену, вы одним ударом расправились с обоими.

— Кто поверит этой дешевой мелодраматической болтовне? — пробормотал красный как рак спейсер. — Только грязный землянин может подумать такое о солярианине.

— Я не утверждаю, что сказанное являлось вашим единственным мотивом, доктор Либиг. Все эти чувства, конечно, влияли на вас, но, скорее, бессознательно. У вас был и гораздо более прямой, более осознанный мотив. Доктор Рикэн Дельмар мог серьезно помешать вашим планам. Поэтому его следовало устранить.

— Планам? О каких планах вы говорите? — вос-

кликнул роботехник. В его голосе звучали ярость и ужас.

— О планах завоевания всей Галактики, — торжественно провозгласил Бейли.

— Землянин сошел с ума, — Либиг повернулся к аудитории. — Разве не очевидно, что он ненормален?

Некоторые с изумлением глядели на него, другие на его противника.

Но Бейли не дал им времени опомниться.

— Вы все прекрасно понимаете, Либиг, — продолжал он, — Дельмар собирался прервать отношения с вами. Причина заключалась в том, что Рикэн Дельмар был в курсе вашей работы значительно больше, нежели кто другой. Он знал, что вы проводите опасные эксперименты, и пытался остановить вас, но безуспешно. Тогда он намекнул правителю Груэру о вашей деятельности, но только намекнул, так как еще не был уверен во всех деталях. Рикэн Дельмар становился опасен для вас.

— Он сумасшедший, этот землянин, настоящий сумасшедший! — прокричал роботехник. — Я не желаю больше слушать эти бредни.

— Нет, правитель Либиг, вы должны выслушать его, — голос главы Департамента Безопасности

звучал достаточно грозно.

Детектив закусил губу, чтобы не выдать охватившего его торжества.

— Во время беседы со мной, — когда вы упомянули о роботах с заменяемыми конечностями, доктор Либиг, вы бросили еще фразу о космических кораблях, управляемых роботами.

В тот раз, доктор Либиг, вы, пожалуй, были откровенны больше чем обычно. Вероятно, вас покинула обычная осторожность, потому что перед вами был землянин, существо неполноценное и неспособное разобраться в ваших проблемах. К тому времени я уже услышал от доктора Квемота, что защитой Солярии от других Внешних Миров являются ее позитронные роботы.

— Я имел в виду… — взволнованно начал было Квемот.

— Да, я знаю, — прервал его Бейли, — вы мыслили в социологическом плане, доктор Квемот. Но все же ваши слова послужили толчком для меня. Попробуем сравнить космический корабль, управляемый роботами, с кораблем, управляемым людьми. В первом случае использование роботов для военных целей невозможно. Робот, как известно, не в состоянии уничтожить людей даже на вражеских кораблях или на вражеских

мирах. Для него все человеческие существа неприкосновенны. Но если бы вам удалось создать роботов, не подчиняющихся Первому Закону, и они повели бы боевые космические корабли, такие корабли были бы непобедимы. Страшные армады кораблей, ведомых бездушными роботами, сеяли бы ужас и разрушения на всех мирах. И только вы, знающий секрет новых моделей роботов, умели бы имя управлять. Тогда ваши честолюбивые мечты о покорении Галактики и о владычестве над Вселенной были бы на пути к осуществлению. А все те, кто могли вам помешать, — должны были быть устранены с вашего пути. Прав я или нет, правитель Либиг?

Ответа не было. Либиг, обуреваемый ужасом, смятением и яростью, молчал. Но даже если бы он и сказал что-либо, его слова нельзя было бы разобрать в поднявшемся шуме. Обычно сдержанные и чинные спейсеры повскакивали с мест. Яростно жестикулируя, они выкрикивали угрозы по адресу роботехника. Клариса с развевающимися волосами и лицом фурии, повернувшись к Либигу, проклинала его. Даже Глэдия вскочила с места и грозно потрясала маленькими кулачками.

Бейли закрыл глаза и на какое-то мгновение разрешил себе слегка ослабить огромное физи-

ческое и нравственное напряжение, в котором находился. То, что он задумал, удалось. Наконец-то он нашел правильный подход к этим людям. Ключ к ним помог ему найти, как это ни странно, самодовольный социолог. «В отличие от спартанских илотов, роботы никогда не будут в состоянии восстать против людей», — говорил он. Но что, если сами люди обучают роботов искусству уничтожать их? Что, если роботы научатся бунтовать? Тогда прощай привольная безопасная жизнь соляриан, жизнь, основанная на труде и беспрекословном повиновении роботов. Можно ли представить себе более тяжкое преступление в глазах соляриан! *Это* понял Илайдж Бейли, и это был его козырной туз.

— Вы — арестованы, презренный предатель! — грозно вскричал Корвин Атлбиш. — Вам запрещено входить в лабораторию, касаться ваших записей до тех пор, пока правительство не сумеет тщательно проверить их и... — от гнева спейсер задохнулся, и его дальнейшие слова потонули в общем шуме.

К Бейли приблизился робот.

— Господин, вам донесение от господина Оливо — произнес он.

Бейли, схватив бумагу и, повернувшись к сво-

им слушателям, громовым голосом крикнул:

— Внимание!

Шум, как по мановению волшебной палочки, утих, и все лица повернулись к землянину с выражением глубокого и почтительного внимания.

— Еще до начала нашей беседы я поручил своему коллеге Дэниелу Оливо с Авроры ознакомиться с экспериментальными лабораториями доктора Либига. Дэниел Оливо сообщает мне, что он сейчас лично явится к доктору Либигу с тем, чтобы потребовать разъяснений по поводу некоторых обнаруженных им фактов.

— Как лично?.. — в ужасе завопил роботехник. Его глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. — Он явится сюда? Нет, нет. — Его голос перешел в страшный хрип.

— Не бойтесь, он вам не причинит никакого вреда, — холодно сказал детектив, — если, конечно, вы дадите ему должные показания.

— Ни за что! Я не позволю, не позволю… — Либиг упал на колени, видимо, не сознавая, что он делает. — Что вы в конце концов хотите от меня? Что я должен сказать? Сознаться? Хорошо, я расскажу все. Да, робот, которого я послал к Дельмару имел заменяемые конечности. Да, я желал смерти Дельмара. Я организовал отравление Груэра. Да,

я хотел пристрелить вас. Да, я мечтал о создании могучих боевых космических кораблей с новыми роботами, о которых вы догадались. Я хотел невиданного расцвета и могущества Солярии, ее владычества во Вселенной. Мне, увы, не удалось не по моей вине. Вот, я сознался во всем. А теперь, прикажите тому человеку не приходить ко мне. Я не вынесу этого. Пусть он убирается, пусть он… — Больше Либиг не мог выговорить ни слова.

Бейли удовлетворенно кивнул. Снова он нажал верную кнопку. Угроза личной встречи с человеком подействовала на солярианина сильнее, чем могла подействовать любая пытка. Эта угроза полностью лишила его самообладания и вынудила сознаться во всем.

И в этот самый момент роботехник увидел нечто, окончательно лишившее его разума. На коленях он пополз от чего-то, невидимого на экране.

— Вон! Вон отсюда, вон, вон… — Раздались невнятные звуки. И вдруг его правая рука потянулась к карману, что-то вынула и поднесла ко рту. Все это заняло несколько секунд. Качнувшись сначала вправо и затем влево, Либиг упал как подкошенный.

— «Эй, ты, жалкий безумец, ведь к тебе прибли-

жается не человек, а всего лишь один из твоих возлюбленных роботов,» — чуть было не крикнул землянин, но вовремя удержался.

В поле зрения всех присутствующих появилась высокая стройная фигура Дэниела Оливо. Какое-то мгновенье он молча смотрел на распростертое на полу тело. Илайдж Бейли в ужасе затаил дыхание, А вдруг Дэниел поймет, что человека, лежавшего на полу, убил ужас от приближения его, человекоподобного робота. Как прореагирует на это его скованный Первым Законом мозг?

Но Дэниел опустился на колени около тела и осторожно несколько раз прикоснулся к нему. Затем он нежно приподнял голову Либига, как будто бы это была драгоценность и, обратив свое прекрасное невозмутимое лицо ко всем присутствующим, прошептал:

— Человеческое существо мертво.

Илайдж Бейли ожидал ее прихода. Она сама попросила о встрече.

— О, — пробормотал он, — если я не ошибаюсь, это не телеконтакты?

— Да, но как вы догадались? Так быстро? — прошептала она.

— У вас на руках перчатки.

Она виновато улыбнулась.

— Мне надо привыкать, не правда ли, Илайдж? Я ведь собираюсь на Аврору.

— Значит, все устроилось благополучно?

— Да, благодаря хлопотам мистера Оливо. Я никогда не вернусь сюда, Илайдж.

— Правильно, Подия. Вы там будете счастливее, я уверен.

— Пока что мне боязно.

— Понимаю. Вам придется привыкать к личным контактам, и, возможно, у вас не будет таких удобств, как здесь. Но постепенно вы привыкнете, а главное вы забудете то, что вам пришлось пережить.

— Мне вовсе не хочется забыть все, что было здесь, — тихо сказала она.

— А все-таки, вы забудете, — Бейли взглянул на грациозную фигурку молодой женщины, — и придет время, когда вы встретите кого-нибудь и… выйдете замуж. Я имею в виду настоящий брак… — Он попытался улыбнуться, но ему это плохо удалось.

— Почему-то в данный момент, — она печально улыбнулась, — в данный момент… эта перспектива не привлекает меня.

— Потом все изменится, — с деланной бодростью ответил он.

Они стояли друг против друга и молчали… молчали, не зная, что сказать друг другу.

— Я еще не поблагодарила вас за все… Илайдж, — наконец вымолвила Глэдия.

— Не за что. Это — моя работа, — ответил он.

— Вы возвращаетесь на Землю, не правда ли?

— Да.

— И я никогда не увижу вас?

— Вероятно, нет. Но не огорчайтесь. Максимум через сорок лет меня уже не будет в живых. А вы будете все такая же… Как сейчас.

— Не надо так говорить! — взволнованно воскликнула она.

— Но это правда.

— Относительно Джотана Либига все подтвердилось, — заметила она, очевидно, желая переменить тему.

— Знаю. При проверке оказалось, что эксперименты с космическими кораблями-роботами шли полным ходом. Роботехники нашли также и множество роботов со сменяемыми конечностями.

Глэдия вздрогнула.

— Как вы думаете, почему он делал такие ужасные вещи?

— Он ненавидел людей. Он покончил с собой только для того, чтобы избежать личного присут-

ствия другого человека. Он готов был уничтожить и другие миры с единственной целью, чтобы Солярия с ее табу на личные контакты царствовала во всей Галактике.

— Как можно так ненавидеть людей? — пробормотала она. — Иногда личные встречи бывают такими…

Она замолчала. Снова наступила пауза, и снова они стояли и молча глядели друг на друга.

И вдруг Глэдия зарыдала.

— О, Илайдж, это все-таки ужасно!

— Что ужасно, Глэдия?

— Могу ли я прикоснуться к вам? Ведь я больше никогда не увижу вас, Илайдж…

— Конечно, если вам хочется, Глэдия.

Шаг за шагом она подходила все ближе и ближе. Ее глаза сияли, и в нескольких шагах от него и затем медленно, как в трансе, начала стягивать перчатку с руки.

— Не надо Глэдия, — тихо сказал Бейли.

— Я нисколько не боюсь, — прошептала она и протянула ему обнаженную руку. Рука Бейли тоже дрожала, когда он взял ее маленькую дрожащую руку в свою. Это продолжалось одно мгновенье. Он разжал свою руку, ее рука выпала, и вдруг он почувствовал легкое, как дуновенье,

прикосновенье ее пальцев на своем лбу подбородке и щеках.

— Спасибо, Илайдж за все. Прощайте, — послышался ее голос.

— Прощайте, Глэдия, — сказал он, глядя на удаляющуюся фигурку.

И в этот момент Илайдж Бейли ощутил такое щемящее чувство потери, которое не смогла заглушить даже мысль о том, что его ожидает корабль, который доставит его на родную Землю.

Государственный секретарь Альберт Минним улыбался с довольным видом.

— Рад снова видеть вас на Земле, — стараясь быть как можно приветливее, сказал он. — Ваш письменный доклад, конечно, прибыл раньше вас. Он сейчас изучается специалистами. Вы хорошо поработали, что будет отмечено в вашем личном деле.

— Я очень благодарен, сэр, — церемонно ответил детектив.

В нем уже не было прежнего энтузиазма. Он был снова на Земле, в безопасности подземных городов, он уже слышал голос Джесси по телефону — все как будто в полном порядке. И все же он чувствовал себя каким-то опустошенным.

— Однако ваш доклад касается исключительно

расследования убийства. Меня интересуют еще и другие вопросы, о которых мы с вами беседовали. Что вы можете доложить мне об этом устно?

Бейли колебался. Невольно он потянулся к внутреннему карману пиджака, где лежала его старая, обкуренная трубка.

— Можете курить, Бейли, — быстро сказал Минним.

Детектив, не торопясь, разжег трубку.

— Помните, сэр, вы задали мне вопрос: в чем заключается слабость Внешних Миров? Мы знаем их силу: роботов, малая населенность, долголетие… Но каковы их уязвимые места?

— Ну и что вы узнали об этом?

— Я думаю, что я понял, в чем заключается их слабость, сэр.

— Прекрасно. Я слушаю вас, Бейли.

— Их слабость заключается в том же, в чем их сила. В полной зависимости общества от роботов, в малой населенности их планеты, в их долголетии.

Выражение лица государственного секретаря не изменилось. Он по-прежнему сосредоточенно водил карандашом по бумаге, лежащей перед ним.

— Почему вы так думаете? — наконец спро-

сил он.

В течение всего пути от Солярии до Земли Илайдж Бейли обдумывал предстоящий ему разговор с Альбертом Миннимом. Он собирался привести, как ему казалось, веские и бесспорные аргументы. А теперь вдруг растерялся.

— Я не уверен, что сумею разъяснить свои мысли достаточно ясно, — задумчиво сказал он.

— Не важно. Все равно говорите. Мне интересно, что вы думаете по этому вопросу, — настойчиво продолжал государственный секретарь.

— Видите ли, сэр, — Бейли говорил медленно, тщательно подбирая слова, — соляриане в своем развитии упустили нечто такое, чем обладало человечество в течение миллионов лет, что в итоге более значимо, чем все промышленные и технические достижения. То, что в свое время сделало возможным прогресс человечества, полностью утеряно на этой планете.

— Я не хочу гадать, Бейли. Что вы имеете в виду? — нетерпеливо спросил Минним.

— Сотрудничество между людьми. Солярия полностью от него отказалась. В солярианском мире индивиды существуют совершенно изолированно друг от друга. Невежественный человек, мнящий себя единственным на всей планете

социологом, с гордостью сообщил мне об этом. Единственная отрасль знаний, реально развивающаяся на Солярии, — это роботехника. Но и она сводится к созданию и усовершенствованию роботов, и этим занимается небольшая группа специалистов. Как только возник сложный вопрос, включающий анализ взаимоотношений между людьми и роботами, им пришлось вызвать специалиста с Земли. Разве одно это не говорит о многом? На Солярии существует только одна форма искусства — абстрактная, из которой полностью устранено человеческое начало.

— Это все, конечно, так, — поморщившись, сказал Минним, — но что из этого следует?

— Без взаимосвязи между людьми жизнь теряет свой главный интерес. Исчезают интеллектуальные ценности, самое существование теряет свой смысл. Но не только отсутствие человеческих контактов привело к вырождению солярианского общества. Достигнутое на Солярии долголетие также не способствует прогрессу. У нас на Земле непрерывно происходит приток свежих молодых сил, которые жаждут перемен и не успевают закостенеть в своих обычаях. Наверное, в этом вопросе должен быть какой-то оптимум: человеческая жизнь должна длиться достаточно долго,

чтобы человек успел многое сделать, но не так долго, чтобы общество состояло практически целиком из старых людей. На Солярии приток юности слишком медленен.

— Интересно, интересно, — пробормотал Минним.

Он взглянул на Бейли, и в его глазах сверкнула усмешка.

— А вы проницательный человек, инспектор, — провозгласил он.

— Благодарю вас, — сдержанно ответил Бейли.

— Вы знаете, почему я хотел выслушать ваше мнение относительно Солярии? — Лицо государственного секретаря выразило нескрываемое торжество. — Мне хотелось знать, понимаете ли вы сами до конца, какие отличные новости вы привезли нам на Землю.

— Подождите, я еще не все сказал! — воскликнул Бейли.

— Конечно, не все, — согласился Минним. — Солярия ничего не может поделать с загниванием своего общества. Ее зависимость от роботов зашла слишком далеко. Роботы не могут превозмочь своей ограниченности. Ясно, что прогресс на Внешних Мирах должен приостановиться. И тогда кончится владычество спейсеров. Земле

нечего будет опасаться, мы будем спасены. Новые сведения, добытые вами для нас, имеют решающее значение.

— Но мы пока, — на этот раз голос Бейли звучал громко, — обсуждаем только одну Солярию, а не все Внешние Миры.

— Это не важно. Ваш солярианский социолог, Кимат, что ли?..

— Квемот, сэр.

— Ну, пусть, Квемот… Разве он не утверждал, что и другие Внешние Миры развиваются в том же направлении, что и Солярия?

— Да, Квемот так говорил. Но, во-первых, он решительно ничего не знал о других Мирах, во-вторых, он никакой не социолог. Я вам об этом уже докладывал.

— Ну, что же, этим займутся наши земные социологи.

— Но у них же нет никаких данных, никакого фактического материала… Мы же ничего не знаем о других Внешних Мирах, например, о могущественной Авроре?

Но Альберт Минним взмахнул выхоленной рукой, как бы отметая какие бы то ни было сомнения.

— Наши люди займутся этим вопросом. И я

уверен, что они согласятся с Квемотом.

Бейли задумался. Ему было ясно, что Минним, а за ним, очевидно, и все остальные члены правительства, твердо решили принимать желаемое за действительное. А в таких случаях результаты социологических изысканий всегда будут соответствовать желаемому. Особенно, если пренебречь некоторыми очевидными фактами. Что ему, Бейли, делать? Пытаться объяснить, как в действительности обстоят дела, или... Его колебание длилось слишком долго. Альберт Минним заговорил снова. На этот раз его голос звучал по-деловому буднично.

— Я хотел бы выяснить еще некоторые вопросы, связанные с делом Дельмара. Скажите, инспектор, в ваши намерения входило заставить Либига совершить самоубийство?

— Мне нужно было заставить его сознаться, сэр. Конечно, я не предвидел полностью, как подействует на Либига приближение человекоподобного робота. Но, откровенно говоря, его смерть меня нисколько не огорчает. Он был весьма одаренным человеком и одновременно опасным маньяком.

— Я согласен с вами, — сухо заметил Минним, — и считаю, что такой конец является

весьма удачным. Но разве вы не понимали, какой опасности подвергались, если бы соляриане поняли, что Либиг никак не мог совершить самого акта убийства Дельмара?

Бейли вынул изо рта трубку и ничего не ответил.

— Ну, ну, инспектор, вы-то знаете, что Либиг этого не сделал. Убийство требовало личного присутствия, а Либиг предпочел ему смерть. Его конец полностью доказал это.

— Вы правы, сэр. — медленно проговорил Бейли. — Я рассчитывал на то, что соляриан так возмутит намерение Либига создать опасных для людей роботов, что они ни о чем другом думать не станут.

— Кто же, в таком случае, убил Дельмара?

— Если вы хотите знать, кто фактически нанес ему удар, — так же медленно продолжал детектив, — то это жена покойного Глэдия Дельмар.

— И все же вы отпустили ее?

— Морально она не была ответственна за свой поступок. Либиг использовал ее в своих целях. Он знал о ссорах между мужем и женой, знал, что у Глэдии бывают вспышки безумного гнева, когда она не владеет собой. Он послал к Дельмару робота, которого со свойственным ему искусством

подготовил для осуществления своих планов. В минуту слепой ярости Глэдия получила оружие, которым, не помня себя, воспользовалась. Таким образом, с помощью Глэдии и робота Либиг избавился от Дельмара. А потом он избавился бы и от Глэдии, обвиненной в убийстве. Очень хитро и ловко, не так ли, сэр?

— Но рука робота должна быть запачкана кровью и волосами убитого? — сказал Минним.

— Конечно, — ответил Бейли, — но этим и иными роботами занялся не кто иной, как сам Либиг. Он стер из запоминающего устройства домашних роботов часть их наблюдений, а своего робота немедленно уничтожил. Единственная ошибка Либига заключалась в том, что он считал вину Глэдии очевидной, и решил, что даже отсутствие орудия убийства не спасет ее. К тому же он не мог предвидеть, что расследованием дела займется профессиональный детектив.

— Итак, после смерти Либига вы устроили так, что Глэдия Дельмар покинула Солярию? Вы это сделали, опасаясь, что соляриане, успокоившись, разберутся во всем сами?

Бейли пожал плечами.

— Ну, что ж, эта женщина достаточно настрадалась: от своего мужа, от Либига, от всей жизни

на Солярии. Пусть попробует быть счастливой, если сможет.

— А не думаете ли вы, инспектор, — сухо возразил государственный секретарь, — что вы пожертвовали законностью в угоду своему капризу или, что еще хуже, личным чувствам?

Худощавое лицо Илайджа Бейли стало суровым.

— Нет, не думаю, сэр. Я не был связан законами Солярии. Главное для меня были интересы Земли. Не так ли? А эти интересы требовали, чтобы был обезврежен опасный маньяк. Что касается госпожи Дельмар, — теперь Бейли смотрел прямо в глаза Альберта Миннима, он делал сейчас рискованный ход, но чувствовал, что должен пойти на это, — что касается госпожи Дельмар, то я воспользовался ею, чтобы провести важный эксперимент.

— Какой эксперимент?

— Я не знал, согласится ли она пренебречь обычаями и традициями, глубоко заложенными в нее с самого раннего детства. Жизнь на Солярии была для нее адом. Однако она могла и не суметь расстаться с этим привычным для нее адом. Но она поступила иначе. Она заставила себя покинуть негодный для нее солярианский

мир и искать новых путей в жизни. Для меня ее решение было символичным. Мне казалось, оно открыло врата спасения и для всех нас.

— Для нас? — воскликнул Минним. — Что за чертовщину вы несете?

— Я не имею в виду себя или вас, сэр, — серьезно ответил Бейли. — Я имею в виду все человечество в целом. Поймите, сэр, что существует еще один мир, напоминающий Солярию, и этот мир — наша Земля.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что я сказал, сэр, — с воодушевлением продолжал Бейли. — Наша планета — это Солярия наизнанку. Обитатели Солярии дошли до состояния полной изолированности от остальных Внешних Миров. Они замкнулись в своих огромных пустых поместьях. Мы — заперлись в своих подземных городах. Мы, — кулаки Бейли были сжаты, глаза сверкали, — в тупике!

На лице государственного секретаря было глубокое неодобрение.

— Инспектор Бейли, вы устали и измучены. Вы нуждаетесь в отдыхе. И вы получите месяц с полным сохранением содержания. После отпуска вас ждет повышение по службе. Я думаю, что вы можете рассчитывать на перевод вас в класс С9.

— Благодарю вас, сэр, но это не то, чего я хочу. Я хочу, чтобы вы выслушали меня до конца. Для нас существует только один выход из тупика. Это выход наружу, в открытое пространство. Ведь, в конце концов, наши предки были первыми, кто заселил Внешние Миры.

— Да, все это так, но, боюсь, что наше время прошло.

Бейли чувствовал нетерпение своего собеседника и его желание избавиться от тягостного разговора. Тем не менее он упрямо продолжал:

— Спасаясь от могущественных спейсеров, покоривших Внешние Миры, мы запрятались глубоко под Землю. Они стали властелинами, а мы — червями, Они развивали технику, а мы уходили глубже в недра земли. Разве это не так? В конце концов мы придем к полной деградации. Мы не должны чувствовать себя стоящими ниже спейсеров. Наоборот, мы должны соревноваться с ними, следовать за ними в том, в чем они сильны, и научиться противостоять им, если понадобится. А для этого прежде всего следует выйти в открытое пространство. Если мы не сможем сделать это сами, мы обязаны научить наших детей жить по-новому. Это жизненно необходимо, поймите, сэр.

— Вы, безусловно, нуждаетесь в отдыхе, мой

друг.

— Выслушайте меня, сэр! — неистово закричал Бейли. — Если все будет продолжаться так, как сейчас, могущественные спейсеры уничтожат нас в течение одного столетия. Поймите это, сэр.

— Но…

— Я еще не кончил, сэр. Нельзя вечно обманывать землян иллюзиями. Больше так жить нельзя. Или выйдем на широкие просторы, к свету и солнцу, или мы погибли. Иного выбора для землян нет.

— Да, да, — успокаивающе закивал Минним, — возможно, вы правы. А теперь, до свиданья, инспектор.

Бейли покинул государственного секретаря с чувством необычайной приподнятости. Он, конечно, не добился победы, но он и не ожидал быстрой и легкой победы. Переубедить таких, как Альберт Минним, нелегко, для этого потребуется немало времени и сил. Но, во всяком случае, Бейли поколебал бездумную уверенность Миннима в своей непогрешимости и правоте.

«Я уверен, — думал Илайдж Бейли, — пройдет некоторое время, и я снова отправлюсь во Внешние Миры. Ведь должны же существовать более разумные миры, чем Солярия. Еще одно

поколение, и мы, земляне, выйдем на широкие просторы Галактики».

Подземный поезд мчал Бейли домой. Скоро он увидит Джесси… Поймет ли она его? А его сын Бентли. Ему уже семнадцать… Что станет с Землей, когда у самого Бентли будет такой сын? Я верю, думал Бейли, на Земле найдутся миллионы таких же, как я. Когда они почуют запах свободы, они пойдут навстречу ей. Только надо указать им путь.

Поезд набирал скорость. Бейли оглянулся. Все кругом было залито искусственным светом. Мелькали огни, силуэты домов, стальные громады фабрик, и люди, повсюду огромные толпы людей, шумящих, толкающихся, мешающих друг другу… Раньше все это было привычно… Об этом он мечтал на далекой Солярии… А сейчас это казалось каким-то чужим. Он не мог найти себе места во всем этом шуме и хаосе. Странно, но что-то переменилось в нем. В огромном чреве Земли для него больше не было места. Как новорожденный не может возвратиться в утробу матери, так и Бейли не мог найти обратного входа в утробу подземных городов. Если то же самое произойдет с другими, Земля снова возродится и выйдет навстречу солнцу. Сердце Бейли

бешено колотилось, кровь стучала в его висках. Он поднял голову. Сквозь сталь он увидел его… огненное, манящее к себе, сияющее… Он увидел Обнаженное Солнце.

Роботы Утренней Зари

Посвящается Марвину Мински
и Джозефу Ф. Энгельбергеру,
которые кратко изложили,
собственно, теорию и практику
роботехники.

Илайдж Бейли оказался в тени дерева и пробормотал:

— Так я и думал, вспотел все-таки.

Он помолчал, вытер лоб тыльной стороной ладони и кисло посмотрел на мокрую руку.

— Я вспотел, — сказал он в пространство, словно подтверждая некий космический закон.

Бейли снова почувствовал досаду на Вселенную, которая, как всегда, соединяла необходимое с неприятным. Никто и никогда не потел в этом Городе, где температура и влажность воздуха строго контролировались и где самой большой нагрузкой была ходьба. Теперь это называлось культурным отдыхом.

Он посмотрел на поле, где группа мужчин и женщин более или менее работала. В основном это была молодежь, но среди них Бейли увидел и

несколько человек среднего возраста, вроде него самого. Они неумело орудовали мотыгами и выполняли еще какие-то работы, которые должны были делать роботы, — и делали бы куда более эффективно, если бы им не приказали стоять в стороне и ждать, пока человеческое существо упрямо практиковалось.

В небе плыл и облака, они на минуту скрыл и солнце. Бейли неуверенно взглянул вверх. С одной стороны это означало, что жара спадет и потеть больше не придется. С другой — что, возможно, будет дождь.

Человек, как маятник, вечно раскачивается от одной неприятности до другой. Бейли всегда поражался тому, как маленькая тучка может полностью закрыть огромное солнце, бросить на землю тень от горизонта до горизонта, оставив при этом большую часть неба чистой и голубой. Он стоял под деревом, листья и ветви которого свисали чуть ли не до земли — нечто вроде зеленого потолка и стен. Бейли снова глянул на свою группу. Раз в неделю, при любой погоде, они приходили сюда и вербовали рекрутов. Теперь их гораздо больше, чем было вначале: начинали отважные единицы. Правительство Города хоть и не принимало участия в этой затее, но зато и

препон милостиво не ставило.

На горизонте справа Бейли видел резкие многопальчатые купола Города, заключавшие в себе все, что делает жизнь ценной. Он увидел маленькое движущееся пятнышко: оно было слишком далеко, чтобы отчетливо разглядеть его. По манере движения и по некоторым мелким признакам Бейли был уверен, что это робот, но это его не удивило. Земная поверхность вне Городов была областью роботов, а нелюдей. Его глаза снова автоматически повернулись к звездным мечтателям с мотыгами и поочередно оглядели их. Все работали, все учились переносить тяготы снаружи и…

Он нахмурился и тихо пробормотал: — А где же Бентли?

Чуть задыхающийся голос сказал: — Я здесь, папа.

Бейли быстро повернулся. — Не делай этого, Бен.

— Чего не делать?

— Не подкрадывайся сзади. Мне и так нелегко сохранять душевное равновесие Снаружи, а тут еще страдай от неожиданностей.

— Я вовсе не собирался пугать тебя, но ступая по траве, много шума не сделаешь. А ты не дума-

ешь, что тебе пора идти внутрь, папа? Ты здесь уже более двух часов, и, наверное, с тебя хватит.

— Почему? Потому что мне сорок пять, а ты девятнадцатилетний щеночек? И ты считаешь, что заботишься о своем дряхлом отце?

— Да, — сказал Бен, — и немножко о хорошей эффективной работе на твою долю. Ты влезаешь прямо в суть.

Бен широко улыбнулся. «Плавная округлость черт, блестящие глаза. В нем много от Джесси», — подумал Бейли. — Мною от матери, но легкая удлиненность и серьезность лица — от самого Бейли.

И еще у Бена была отцовская манера задумываться. Временами он погружался в серьезные размышления, морщил лоб, и становилось совершенно ясно, что он законный сын своего отца.

— Я чувствую себя прекрасно, — сказал Бейли.

— Верно, папа. Ты лучше всех нас, учитывая…

— Что учитывая?

— Твой возраст, конечно. И я не забываю, что именно ты начал это. Но я увидел, что ты укрылся под деревом, и подумал: может, старику хватит.

— Это я — старик? — сказал Бейли.

Робот, которого он заметил у Города, был уже достаточно близко, но Бейли не вглядывался в

него.

— Есть смысл встать под дерево, когда солнце такое яркое. Мы хотим научиться пользоваться выгодами Снаружи, но также научиться переносить ею тяготы. А солнце вышло из-за облака.

— Да. И, значит, ты не хочешь вернуться?

— Я могу перенести это. Еще неделя, и я буду проводить здесь все послеобеденное время. Это моя привилегия в соответствии с разрядом С-7.

— Речь не о привилегиях, папа, а о переутомлении.

— Я же говорю, что прекрасно себя чувствую.

— Уверен. А придешь домой — вытянешься на постели и будешь лежать в темноте.

— Естественная реакция после сильного освещения.

— И мама беспокоится.

— Пусть себе беспокоится. Это ей на пользу. Да и что вредного быть здесь? Самое худшее — что я вспотел, но уже начал привыкать и к этому. Я не хочу уходить отсюда. Когда я начинал, я не мог даже пройти это расстояние от Города и поворачивал обратно, и со мной был только ты. А теперь погляди, сколько нас здесь, и как далеко я могу уйти без тревоги. Я тоже могу работать, могу пробыть еще час. Легко. Знаешь, Бен, хорошо бы

нашей матери тоже выйти сюда.

— Кому? Маме? Ты шутишь!

— Слегка. А когда настанет время уезжать, мне придется остаться, потому что она не сможет уйти.

— И ты будешь рад этому. Не обманывай себя, папа. Это же будет не скоро, и если ты сейчас не слишком стар, то тогда явно будешь стариком. Эта игра для молодых.

— Знаешь, — сказал Бейли, — больно ты умен со своими «молодыми»!

Он полусжал кулак.

— Ты когда-нибудь уезжал с Земли? Кто-нибудь из тех, кто на поле, уезжал? А я уезжал два года назад. Это было до того, как я начал эту акклиматизацию, но я выжил.

— Я Знаю, папа, но ведь это было кратковременно и по долгу службы, и общество заботилось о тебе. Это не одно и то же.

— То же самое, — упрямо сказал Бейли.

В душе он сознавал, что это не так.

— И не так уж долго ждать, пока мы сможем оставить Землю. Если бы мне разрешили поехать на Аврору, мы могли бы сдвинуть это дело с мертвой точки.

— Забудь об этом. Все это не так просто.

— Но надо попытаться. Правительство не пустит нас, пока Аврора не даст добро. Это самый большой и самый мощный из Внешних Миров, и это значит…

— Брось! Я знаю. Миллион раз говорили. Но тебе не обязательно ехать туда за разрешением. Есть такая штука, как гиперсвязь. Можешь поговорить с ними отсюда, я много раз говорил тебе об этом.

— Это совсем другое. Нам нужен контакт лицом к лицу. Много раз говорил тебе об этом.

— В любом случае, — сказал Бен, — мы еще не готовы.

— Мы не готовы, потому что Земля не даст нам кораблей, а космониты дадут, и необходимую техническую помощь тоже.

— Как бы не так! С чего бы космонитам делать это? Когда они чувствовали симпатию к нам, маложивущим землянам?

— Если бы я мог поговорить с ними…

Бен засмеялся. — Брось, папа… Ты просто хочешь поехать на Аврору, чтобы снова увидеть ту женщину.

Бейли нахмурился.

— Женщину? О, дьявол! Бен, что ты болтаешь?

— Слушай, папа, строго между нами и маме ни слова — что в действительности произошло

с той женщиной на Солярии? Я уже достаточно взрослый, ты можешь мне сказать.

— С какой женщиной на Солярии?

— Ну, как ты можешь смотреть мне в глаза и отрицать знакомство с женщиной, которую вся Земля видела по гиперволновой передаче? Глэдия Дельмар, та женщина!

— Ничего не произошло. Тот гиперволновой боевик — сущий вздор, я тысячу раз тебе говорил. Она вовсе не такая, как в фильме, и я не такой. Все это придумано, и ты знаешь, как я протестовал, но правительство решило, что это выставит Землю в хорошем свете перед космонитами. Ты уж будь добр, не внушай матери ничего другого.

— И не подумаю. Кстати, Глэдия поехала на Аврору. Вот ты и хочешь тоже поехать туда.

— Не хочешь ли ты сказать, что всерьез думаешь о такой причине моего желания поехать на Аврору? О, дьявол!

Бен поднял брови.

— В чем дело?

— Робот Р. Джеронимо.

— Кто?

— Робот-курьер из нашего департамента. У меня свободное время, и я намеренно оставил свой приемник дома, чтобы меня не вызывали.

Это моя привилегия по С-7, однако они послали за мной робота.

— Откуда ты знаешь, что он пришел за тобой?

— Метод дедукции. Первое: здесь нет никого, связанного с департаментом полиции. Второе: этот бедняга направляется прямо ко мне. Из этого я делаю вывод, что ему нужен я.

Подошедший робот сказал: — Хозяин Бейли, у меня сообщение для вас. Вас ждут в Управлении!

Робот подождал и повторил сказанное.

— Слышу и понимаю, — сказал Бейли.

Он знал, что робот будет повторять и дальше. Это была новая модель, несколько более человекоподобная, чем прежние. Ее создали всего месяц назад. Выражение лица робота хоть и не изменялось, но не было таким идиотским, как у большинства роботов. Но вообще-то он был так же глуп, как и все остальные.

На минутку Бейли подумал о Дэниеле Оливо, космонитском роботе, который дважды прикомандировывался к нему, один раз на Земле, другой — на Солярии. В последний раз он встретился с Дэниелом, когда тот консультировал его в случае зеркального изображения. Робот Дэниел был настолько человеком, что Бейли относился к нему, как к другу, и даже теперь скучал по нему.

Если бы все роботы были такими…

— У меня свободное время, парень. Мне нет надобности идти в Управление.

Р. Джеронимо помолчал. В руках его появилась легкая вибрация. Бейли заметил это и понял: это означает некоторый конфликт в позитронных связях робота. Он должен был повиноваться человеку, но тут получалось, что два человека желали два различных типа повиновения.

Робот сделал выбор.

— Это ваше свободное время, хозяин. Вас ждут в Управлении.

— Если тебя ждут, папа…. — недовольно начал Бен.

Бейли пожал плечами. — Не глупи, Бен. Если бы я в самом деле был им чертовски нужен, за мной послали бы закрытый кар и, вероятно, с человеком-добровольцем, а не приказали бы роботу идти пешком И злить меня своими сообщениями.

Бен покачал головой: — Не думаю, папа. Они не знают, где ты, и долго ли придется тебя искать, Я не думаю, что они послали бы человека в неопределенный поиск.

— Да? Ну что ж, посмотрим, насколько силен приказ. Р. Джеронимо, иди обратно в Управление

и скажи им, что я работаю.

Затем он резко добавил: — Уходи! Это приказ!

Робот заметно колебался, затем повернулся, пошел, снова повернулся, сделал попытку вернуться к Бейли и, Наконец, застыл на месте, трясясь всем телом.

Бейли понял и шепнул Бену: — Придется идти. О, дьявол!

Такое смущение робота роботехники называли эквипотенциальным противоречием на втором уровне. Повиновение было Вторым Законом, и Р. Джеронимо страдал теперь от приблизительно равных и противоречивых приказов. Это обычно называли роботблоком, или для краткости робблоком.

Робот медленно повернулся. Первоначальный приказ был сильнее, но не намного, поэтому голос робота смазывался. — Хозяин, мне говорили, что вы можете сказать так, и тогда я должен сказать… — Он помолчал и хрипло добавил: — Я должен сказать… если вы один.

Бейли коротко кивнул сыну. Бен поспешно отошел. Он знал, когда его отец — папа, а когда — полисмен.

Бейли подосадовал на себя, что усилил свой приказ и сделал чуть ли не полный робблок.

Могло быть большое повреждение, требующее позитронной проверки и перепрограммирования, а расходы пошли бы за счет Бейли и обошлись бы в годовое жалование. Он сказал:

— Я отменяю свой приказ. Что тебе велели сказать?

Голос Р. Джеронимо прояснился:

— Мне велели сказать, что вас ждут в связи с Авророй.

Бейли повернулся и окликнул сына:

— Дай им еще полчаса, а затем скажи от моего имени, чтобы возвращались, а я сейчас ухожу.

Он пошел большими шагами, нетерпеливо сказав роботу:

— Почему они не велели тебе сказать это сразу и почему не запрограммировали тебя вести кар, чтобы я не шел пешком?

Он прекрасно знал, почему: любая авария при водителе-роботе вызовет новый антироботский бунт. Он не убавил шаг. Надо было идти пешком два километра до городской стены, а потом добираться до Управления по перегруженным улицам.

Аврора? Какой кризис там возник?

Через полчаса Бейли добрался до входа в Город и напрягся перед тем, что его ожидало. Возмож-

но, что на этот раз ему не повезет. Он дошел до раздела между Снаружи и Городом — стены, отделявшей хаос от цивилизации, и положил руку на сигнальную пластинку. Появилось отверстие. Как обычно, он не стал ждать, пока оно откроется полностью, а проскользнул в щель, когда она стала достаточно широкой. Р. Джеронимо шел следом. Полицейский часовой на посту выглядел испуганным, как и всегда, когда кто-то приходил снаружи. Каждый раз был тот же самый недоверчивый взгляд, то же особое внимание, рука на бластере, неуверенность. Бейли хмуро предъявил свою карточку, и часовой отдал честь. Дверь за Бейли закрылась, и он оказался в Городе. Стены сомкнулись вокруг него, и Город стал Вселенной. Бейли снова окунулся в нескончаемый гул и запах людей и механизмов, что скоро перейдет за порог сознания. В мягком искусственном освещении не было ничего от меняющейся яркости Снаружи, с его зеленым, коричневым, голубым и белым, с вторжением красного и желтого. Здесь не было ни неустойчивого ветра, ни жары, ни холода, ни угрозы дождя. Здесь было спокойное постоянство неощутимых воздушных потоков, комбинация температуры и влажности была так подогнана к человеку, что не ощущалась. Так было всегда. Он

снова принял Город, как материнское лоно, и доверчиво и радостно вернулся в него. Бейли знал, что человечество возникло из такого лона, так почему бы ему не вернуться обратно? Но всегда ли должно быть так? Всегда ли он будет чувствовать себя дома только в Городе? Он стиснул зубы. Какой толк думать об этом? Он спросил робота:

— Ты доехал до этого места на каре, парень?

— Да, хозяин.

— Где он сейчас?

— Не знаю, хозяин.

Бейли повернулся к часовому:

— Офицер, этот робот приехал сюда два часа назад. Что случилось с каром, который привез его?

— Сэр, я заступил на пост меньше двух часов назад.

В самом деле, глупо было спрашивать. Люди в каре не знали, долго ли робот будет искать Бейли, и не стали ждать. Бейли подумал было, не позвонить ли в Управление, но ему наверняка скажут, чтобы он ехал экспрессом — это быстрее. Его смущал о только присутствие робота. Ему не хотелось ехать с ним в экспрессе, но и нельзя было допустить, чтобы робот шел пешком через враждебно настроенные толпы. Выбора не было.

Город занимал пять тысяч квадратных кило-

метров, свыше четырехсот километров проходил экспресс, еще больше был путь фидера, они обслуживали более двадцати миллионов жителей. Хитроумная сеть движения существовала на восьми уровнях, и там были сотни чередований различных степеней сложности. Как полицейский детектив, Бейли считал, что знает их все, ион действительно знал. Отвести его с завязанными глазами в любую часть Города, снять повязку — и он, не спрашивая никого, найдет дорогу. Так что не было вопроса, как добраться до Управления. Можно было выбрать одну из восьми подходящих дорог, и Бейли задумался только, где сейчас будет меньше народу. Думал он не больше секунды.

— Пошли со мной, парень.

Робот послушно зашагал сзади. Они сели на проходивший фидер. Бейли не стал занимать сиденье — ехать было недолго — и взялся рукой за белый, теплый поручень для захвата. Робот ждал быстрого жеста Бейли, чтобы взяться за тот же поручень. Ему можно было бы и не держаться — роботу не трудно сохранить равновесие — но Бейли не хотел, чтобы его случайно отделили от робота. Он отвечал за робота и не хотел рисковать своим карманом, если с Р. Джеронимо что-нибудь случится. На борту фидера было несколько

человек, и все с любопытством поглядывали на робота. Бейли заметил эти взгляды, властно посмотрел на одного человека, и тот неловко отвел глаза.

Бейли скова сделал жест, когда сходил с фидера. Фидер как раз дошел до двигавшихся дорожек, и ближайшая шла с той же скоростью, так что фидеру не требовал ось замедлять ход. Бейли и робот спустились по двигавшейся дорожке до пересечения с дорогой экспресса, а затем вверх, к скоростной дорожке, шедшей вдоль экспресса. Он услышал крик: «Робот!» и точно знал, что может произойти. Выше и ниже двигавшейся полосы собралась группа молодежи, робот попадете ловушку и с грохотом полетит вниз. Если появится полицейский, любой юнец будет уверять, что робот налетел на него, и мальчишку, без сомнения, отпустят. Бейли быстро прошел между первым юнцом и роботом, шагнул в сторону на более быструю дорожку и поднял руку, как бы защищаясь от усиливающегося ветра. Парнишка был каким-то образом столкнут на более медленную дорожку, к чему не был готов, но удержался на ногах и дико закричал: — Эй!

Его друзья остановились, быстро оценил и ситуацию и сменили направление.

— На экспресс, парень.

Бейли быстро прошел через толпу стоявших пассажиров, толкая Р. Джеронимо перед собой; нашел более свободное место на верхнем уровне, взялся за поручень, крепко наступил на ногу робота, и снова начал пресекать все контакты глаз.

Оба вышли возле Управления. Бейли сдал робота в дверях и получил расписку. Он тщательно проверил дату, время и серийный номер робота и положил расписку в сумку. До конца дня надо будет проверить, чтобы передача была зарегистрирована компьютером. Теперь он мог идти к комиссару — а он знал комиссара. Любая оплошность Бейли будет достаточной причиной для понижения в должности. Он был тяжелым человеком, этот комиссар, и прошлые триумфы Бейли рассматривал как личное оскорбление.

Комиссара звали Уилсон Рот. Он занимал этот пост два с половиной года, с тех пор, как Джулиус Эндерби вышел в отставку, когда шум, вызванный убийством космонита, утих, и можно было спокойно уйти. Бейли так и не примирился с этой заменой. Джулиус, несмотря на все свои недостатки, был не только начальником, но и другом. Рот же был только начальником, он даже не был уроженцем этого Города, его привезли извне. Рот

был ни слишком высоким, ни слишком толстым, голова у него была большая, и, казалось, сидела на слегка отклонившейся вперед от торса шее. От этого он выглядел тяжелым: тяжелое тело, тяжелая голова. Даже полуопущенные веки казались тяжелыми. Можно было подумать, что он дремлет, но он никогда ничего не упускал. Бейли заметил это очень быстро.

Рот никогда не говорил раздраженно, но слова его не доставляли удовольствия.

Он сказал: — Бейли, почему вас так трудно найти?

Бейли почтительно ответил:

— У меня было свободное время, комиссар.

— Да, это ваша привилегия С-7. Вы слышали о волновике? Иногда он принимает официальные сообщения. Вас можно вызвать даже в выходной.

— Я хорошо знаю это, комиссар, но нет никаких правил насчет ношения волновика. Нас можно найти и без него.

— Внутри Города — да, но вы были Снаружи, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошиблись, комиссар. Я был Снаружи. Но нет такого правила, что в этом случае я должен носить волновик.

— Прячетесь за букву закона?

— Да, комиссар, — спокойно ответил Бейли.

Комиссар встал, мощный и смутно угрожающий, и сел на край стола. Окно наружу, устроенное Эндерби, было давно уже заделано и закрашено. В закрытой комнате комиссар казался еще крупнее. Он сказал, не повышая голоса:

— Вы рассчитываете на благодарность Земли, как я полагаю?

— Я рассчитываю на то, что делаю свою работу, как можно лучше, и в соответствии с правилами, комиссар.

— И на признательность Земли, когда нарушаете дух этих правил.

Бейли не ответил.

— Считают, что вы хорошо поработали в деле об убийстве Сартона три года назад, — сказал Рот.

— Спасибо, комиссар. Демонтаж Космотауна явился, я думаю, следствием.

— Да, и этому аплодировала вся Земля. Считают также, что вы хорошо поработали на Солярии два года назад, и — можете не напоминать мне — результатом был пересмотр торговых договоров с Внешними Мирами к значительной выгоде Земли.

— Я думаю, это есть в записи, сэр.

— И в результате вы стали героем.

— Я ничего такого не требовал.

— Вы получили два повышения, по одному после каждого дела, и была даже гиперволновая драма на основе событий на Солярии.

— Которая была поставлена без моего разрешения и вопреки моему желанию, комиссар.

— Которая, тем не менее, сделала вас героем.

Бейли пожал плечами. Комиссар помолчал несколько секунд и продолжал:

— Но за последние два года вы не сделали ничего важного.

— Земля имеет право спросить, что я сделал за это время.

— Точно. И она, вероятно, спросит. Известно, что вы лидер этой новой причуды бывать Снаружи, возиться с землей и изображать из себя роботов.

— Это разрешено.

— Не все, что разрешено, одобряется. Возможно, многие считают вас скорее странным, чем героическим.

— Может быть, это согласуется с моим собственным мнением о себе, — ответил Бейли.

— У публики короткая память. Героизм быстро исчезает, заслоненный вашими странностями,

так что, если вы совершите ошибку, вам придется плохо. Вы рассчитываете на репутацию…

— Простите, комиссар, я на нее не рассчитываю.

— Репутация Полицейского Департамента, на которую вы надеетесь, не спасет вас, и я не сумею спасти вас.

По лицу Бейли промелькнула тень улыбки: — Я не хотел бы, чтобы вы, комиссар, рисковали своим положением, спасая меня.

Комиссар пожал плечами и изобразил такую же бледную улыбку: — Насчет этого не беспокойтесь.

— Но почему вы говорите мне все это, комиссар?

— Чтобы предупредить вас. Я не хочу понижать вас, поэтому предупреждаю сразу. Вы вовлекаетесь в очень деликатное дело, где легко можете совершить ошибку, и я предупреждаю вас, чтобы вы ее не сделали.

Его лицо расплылось в явной улыбке.

Бейли не ответил улыбкой. — Вы можете мне сказать, что это за очень деликатное дело?

— Я не знаю.

— Это касается Авроры?

— Р. Джеронимо велено было сказать вам так,

но я об этом ничего не знаю.

— Тогда почему же вы говорите, комиссар, что это очень деликатное дело?

— Видите ли, Бейли, вы — исследователь тайн. С чего бы члену Земного Департамента Юстиции приехать сюда, когда вас просто могли вызвать в Вашингтон, как это было два года назад в связи с инцидентом на Солярии? И почему эта особа из Юстиции хмурится, проявляет недовольство и нетерпение, что вас не разыскали мгновенно? Ваше решение сделать себя трудно достижимым было ошибкой, но я за это не несу ответственности. Вероятно, это само по себе не является роковым, но уверен, что вы произвели плохое впечатление.

— Однако вы задерживаете меня еще больше, — хмуро ответил Бейли.

— Нет. Должностное лицо из Юстиции решило немного освежиться. Вы знаете, как они выпендриваются. Закончит — придет. Известие о вашем появлении передано, так что вам остается только ждать, как и мне.

Бейли ждал. Он давно знал, что гиперволновой фильм, поставленный вопреки его воле, хотя и помог Земле, но сильно повредил ему в Департаменте. Фильм показал его в трехмерном

изображении на фоне двухмерной плоскости организации и сделал его человеком заметным. Он получил повышение и несколько большие привилегии, но также увеличилась враждебность Департамента к нему. Чем выше он поднимется, тем легче разобьется в случае падения. Если он сделает ошибку.

Особа из Юстиции вошла, небрежно огляделась, обошла стол Рота и села на его место. Как высокопоставленный индивидуум, должностное лицо вело себя соответственно. Рот спокойно занял второе место. Бейли остался стоять, стараясь не показать своего изумления. Рот мог бы предупредить его, но не сделал этого. Он явно выбирал слова, чтобы не подать и намека. Чиновник оказался женщиной. Собственно, в этом не было ничего особенного. Женщина может быть любым чиновником, даже генеральным секретарем. Женщины были и в полиции, одна даже в чине капитана. Но вот так, без предупреждения, в данном случае никто не ожидал бы этого. В истории бывало, что женщины в большом количестве занимали административные посты, Бейли знал это, так как был хорошо знаком с историей, но сейчас не те времена. Женщина была высокого роста и сидела в кресле очень прямо. Ее

униформа не слишком отличалась от мужской, прическа немодная и не служила украшением. Ее пол выдавали только груди, выпуклость которых она не скрывала. Ей был о лет сорок, однако в темных волосах не было седины. Черты лица были правильные, четко вырезанные.

Она не спросила — сказала:

— Вы следователь Илайдж Бейли, класса С-7.

— Да, мэм.

— Я заместитель секретаря Лавиния Димачек. А вы совсем не такой, как в фильме.

Бейли часто это слышал. Он сухо произнес: — Они хотели собрать много зрителей, поэтому не могли копировать меня.

— Я в этом уверена. Вы выглядите гораздо сильнее, чем тот актер с младенческим лицом.

Бейли поколебался, но решил воспользоваться случаем — или просто не мог удержаться: — У вас утонченный вкус, мэм.

Она засмеялась. — Надеюсь, что так. А теперь — почему вы заставили меня ждать?

— Я не знал, что вы придете, мэм, а у меня был выходной.

— И вы его проводили Снаружи, как я поняла.

— Да, мэм.

— Не будь у меня утонченного вкуса, я бы ска-

зала, что вы один из тех чокнутых, но вместо этого позвольте мне сказать — вы один из тех энтузиастов.

— Да, мэм.

— Вы надеетесь когда-нибудь эмигрировать и найти новые миры в Галактике?

— Возможно, не я, мэм. Может, я окажусь слишком старым.

— Сколько вам сейчас?

— Сорок пять, мэм.

— Ну, вы на них и выглядите. Мне тоже сорок пять.

— Но вы на них не выглядите, мэм.

— Старше или моложе? — Она снова засмеялась. — Но шутки в сторону. Вы считаете меня слишком старой, чтобы стать пионером?

— В нашем обществе не может стать пионером никто без тренировки Снаружи. Тренироваться лучше всего с юности. Я надеюсь, что мой сын когда-нибудь ступит на другой мир.

— Вот как? Вы, конечно, знаете, что Галактика принадлежит Внешним Мирам?

— Их только пятьдесят, мэм, а в Галактике миллионы миров годных для обитания — или их можно сделать годными — и не имеющих местной разумной жизни.

— Да, но ни один корабль не может подняться с Земли без разрешения космонитов.

— Разрешения можно добиться, мэм.

— Я не разделяю вашего оптимизма, мистер Бейли.

— Я разговаривал с космонитами, которые…

— Я знаю это от своего начальника Альберта Миннима, который два года назад посылал вас на Солярию. — Она слегка скривила губы. — Актер, игравший его крошечную роль в том фильме, очень походил на него, насколько я помню. Минниму не понравилось.

Бейли сменил разговор:

— Я просил заместителя секретаря Миннима…

— Он получил повышение.

Бейли прекрасно понимал важность званий в классификации, и спросил: — Каков его новый титул, мэм?

— Вице-секретарь.

— Спасибо. Я просил вице-секретаря Миннима получить для меня разрешение посетить Аврору в связи с этим вопросом.

— Когда?

— Вскоре после моего возвращения с Солярии. С тех пор я дважды возобновлял свою просьбу.

— Но не получили благоприятного ответа?

— Да, мэм.

— Вы были удивлены?

— Разочарован, мэм.

— Зря. — Она слегка откинулась в кресле. — Наши отношения с Внешними Мирами весьма шатки. Вы, конечно, почувствовали, что ваши два детективных подвига облегчили положение. Так оно и есть. Эта ужасная гиперволновая пьеса тоже помогла. Но облегчение такое… — Она почти сдвинула большой и указательный пальцы. — Против такого… — Она раскинула руки. — В таких обстоятельствах мы вряд ли могли рисковать послать вас на Аврору, на главный Внешний Мир, где вы, возможно, сделали бы что-то, что усилило бы межзвездную напряженность.

Бейли посмотрел ей в глаза.

— Я был на Солярии и не сделал ничего плохого. Наоборот…

— Да, я знаю. Но вы были там по просьбе космонита, а это далеко не то, что быть там по нашей просьбе. Вы не можете не понимать этого.

Бейли молчал. Она продолжила:

— Ситуация стала много хуже в то время, когда вы прислали вашу просьбу, и вице-секретарь правильно сделал, что отклонил ее. А в последний месяц положение стало особенно скверным.

— Это и есть причина нашей конференции, мэм?

— Вам не терпится, сэр? — ядовито спросила она с начальственными интонациями. — Вы приглашаете меня идти прямо к цели?

— Нет, мэм.

— Явно приглашаете. А собственно, почему бы и нет? Я становлюсь утомительной. Давайте ближе к делу. Вы знаете Хэна Фастольфа?

— Я встречался с ним однажды, — осторожно ответил Бейли, — три года назад, в Космотауне.

— Вы, кажется, понравились ему.

— Он был дружелюбен… для космонита.

Она слегка фыркнула:

— Представляю. Вы знаете, что он был крупным политическим деятелем на Авроре в последние два года?

— Он был членом правительства, как я слышал от своего бывшего партнера.

— От Р. Дэниела Оливо, робота космонитов, вашего друга?

— Моего бывшего партнера, мэм.

— В случае, когда вы решали маленькую проблему насчет двух математиков на борту корабля космонитов?

Бейли кивнул: — Да, мэм.

— Как видите, мы хорошо информированы. Доктор Хэн Фастольф был более или менее ведущим в аврорском правительстве, важной фигурой законодательной власти их планеты, и о нем говорили даже как о будущем Председателе, а Председатель на Авроре, как вы знаете, нечто вроде президента.

— Да, мэм, — сказал Бейли.

Он подумал, скоро ли она подойдет к тому Весьма деликатному делу, о котором говорил комиссар.

Димачек, казалось, не спешила. — Фастольф из умеренных. Он сам так себя называет. Он чувствует, что Аврора и вообще Внешние Миры зашли слишком далеко в своем направлении, как вы, возможно, чувствуете, что мы на Земле зашли слишком далеко в нашем. Он хочет сделать шаг назад, уменьшить производство роботов, ускорить смену поколений, вступить в союз и дружбу с Землей. Естественно, мы поддерживаем его, но очень осторожно. Если мы будем слишком демонстративно выражать свои чувства, это может оказаться для него поцелуем смерти:

— Я думаю, — сказал Бейли, — что он не поддержал бы Землю в исследовании и заселении других планет.

— Я тоже так думаю, и полагаю, что он говорил вам об этом.

— Да, мэм.

— Как вы думаете, он представляет общественное мнение на Внешних Мирах?

— Не знаю, мэм.

— Боюсь, что не представляет. С ним — равнодушие, против него — пылающий легион. Он держится так близко к правительственным постам только благодаря своей политической ловкости и личному обаянию. Его величайшей слабостью, бесспорно, является симпатия к Земле. Это постоянно используется против него, и это оказывает влияние на тех, кто разделяет его точку зрения во всех других аспектах. Если бы вы были посланы на Аврору, любая ваша ошибка усилила бы антиземные чувства и, таким образом, ослабила бы Фастольфа, возможно, фатально. Земля просто не может пойти на такой риск.

— Понятно, — пробормотал Бейли.

— Фастольф склонен рисковать. Именно он устроил вашу поездку на Солярию, в то время, когда его политическая власть едва начиналась, и он тогда был очень уязвим. Но он мог потерять только свою личную власть, в то время, как мы должны были заботиться о благополучии восьми

миллиардов людей Земли. Именно это делает теперешнюю политическую ситуацию почти немыслимо деликатной.

Она сделала паузу, и Бейли был вынужден спросить:

— На какую ситуацию вы ссылаетесь, мэм?

— Похоже, что Фастольф вовлечен в серьезный и беспрецедентный скандал. Если он неповоротлив, то его политический крах — дело нескольких месяцев, и это будет реальным бедствием для Земли.

— Могу я спросить, в чем его обвиняют? Коррупция? Измена?

— Ничего такого подлого. Его личную честность не подвергают сомнению даже его враги.

— Тогда преступление по страсти, убийство?

— Не совсем убийство.

— Не понимаю, мэм.

— На Авроре, мистер Бейли, есть люди и есть роботы, в большинстве своем похожие на наших, немногим лучше. Но есть и человекоподобные роботы, настолько человекоподобные, что их можно принять за людей.

Бейли кивнул: — *Я* ага хорошо знаю.

— Я полагаю, что уничтожение человекоподобного робота не совсем убийство в точном смысле

этого слова.

Бейли подался вперед, широко раскрыв глаза, и закричал:

— О, дьявол! Женщина, хватит фокусов! Вы хотите сказать, что доктор Фастольф убил Р. Дэниела?

— В данном случае, я прощаю вам вашу невежливость, Бейли. Нет, Р. Дэниел не был убит. Но он не единственный человекоподобный робот на Авроре. Убили другого робота. Точнее сказать, его мозг был полностью разрушен. Его поставили в постоянный и необратимый робблок.

— И говорят, что это сделал доктор Фастольф?

— Так утверждают его враги, так говорят экстремисты, желающие, чтобы только космониты распространились в Галактике, а земляне исчезли из Вселенной. Если эти экстремисты сумеют в следующие несколько недель добиться новых выборов, они наверняка захватят полный контроль в правительстве, и результаты этого непредсказуемы.

— Я не понял, почему этот робблок так важен в политическом смысле.

— Я тоже, — сказала Димачек. — Я не претендую на понимание политики Авроры, но по моим умозаключениям, человекоподобные роботы

каким-то образом входят в план экстремистов, и это уничтожение привело их в ярость. — Она сморщила нос. — По-моему, у них весьма запутанная политика, и я только собью вас с толку, если буду пытаться объяснить ее.

Под спокойным взглядом помощника секретаря Бейли овладел собой и тихо спросил: — А при чем тут я?

— Из-за Фастольфа. Вас уже посылали в космос по делу об убийстве, и вы его удачно разрешили. Фастольф хочет, чтобы вы сделали это еще раз. Вы поедете на Аврору и откроете, кто виноват в робблоке. Фастольф видит в этом единственный шанс победить экстремистов.

— Я не роботехник и ничего не знаю об Авроре…

— Вы ничего не знали и о Солярии, однако вам все удалось. Дело в том, Бейли, что мы также, как и доктор Фастольф, желаем узнать, что случилось на самом деле. Мы не хотим его поражения, ибо в этом случае экстремисты проявят еще большую враждебность к Земле, чем было до сих пор. Мы не хотим, чтобы это случилось.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, мэм. Задача…

— … почти неразрешима. Мы это знаем, но у

нас нет выбора. Фастольф настаивает, а за ним в данный момент стоит правительство Авроры. Если вы откажетесь ехать, или мы вас не отпустим, мы окажемся перед яростью Авроры. Если вы поедете и вам повезет, мы будем спасены, а вы получите соответствующую награду.

— А если я поеду и потерплю неудачу?

— Мы сделаем всевозможное, чтобы вина пала на вас, а не на Землю.

— Иными словами — были бы спасены чиновничьи шкуры.

— Лучше бросить вас в пасть волкам, лишь бы Земля не слишком пострадала. Заплатить за всю планету одним человеком — не так дорого.

— Поскольку я уверен, что провалюсь, я спокойно могу не ехать.

— Вы прекрасно понимаете, — мягко сказала она, — что если Аврора просит вас, вы не мажете отказаться. Да и зачем вам отказываться? Вы два года пытались поехать на Аврору, и были огорчены, что не получили нашего разрешения.

— Я хотел поехать, чтобы мирно договориться о помощи в заселении других планет, а не…

— Вы по-прежнему можете просить их помощи в вашей меч — те о заселении других планет, Бейли. Допустим, вам повезет. Это же, в конце

концов, возможно. В этом случае Фастольф будет вам страшно благодарен и сделает для вас куда больше, чем сделал бы при других обстоятельствах. И мы будем в достаточной степени благодарны и тоже поможем. Разве это не стоит риска, даже большого? Пусть ваши шансы на успех очень малы, если вы поедете, но если вы откажетесь, они будут равны нулю. Подумайте об этом, Бейли, но пожалуйста, не долго.

Бейли стиснул зубы и, наконец, осознав, что альтернативы нет, спросил: — Сколько времени у меня в…

Димачек спокойно прервала его: — Я же вам объяснила, что у нас нет ни выбора, ни времени. Вы уедете… — Она взглянула на наручные часы: — Ровно через шесть часов.

Космопорт находился в восточной окраине Города в пустынном секторе, который был, собственно говоря, Снаружи. Это скрывалось тем фактом, что билетные кассы и залы ожидания были в Городе, а к самому кораблю шла машина по крытому переходу. По традиции все отлеты происходили ночью, так что покров темноты дополнительно ослаблял эффект Снаружи. У космопорта было мало работы. Земляне крайне редко покидали планету, и движение состояло

целиком из коммерческой активности, организованной роботами и космонитами.

Илайдж Бейли, дожидаясь, когда корабль будет готов к отлету, чувствовал себя уже отрезанным от Земли. С ним сидел Бентли, и оба угрюмо молчали. Наконец Бен сказал.

— Не думаю, чтобы мама захотела прийти.

Бейли кивнул: — Я тоже не думаю. Я помню, какая она была, когда я поехал на Солярию. Тут то же самое.

— Ты хоть успокоил ее?

— Я сделал все, что мог, Бен. Она думает, что я попаду в аварию, или меня убьют космониты, как только я попаду на Аврору.

— Ты же вернулся с Солярии.

— Именно поэтому она и не хочет, чтобы я рисковал второй раз. Она уверена, что удача отвернется от меня. Ну, она успокоится. А ты сожми круг, Бен. Побудь с ней, только не разговаривай насчет заселения новых планет. Это ей в самом деле не нравится, ты сам знаешь. Она чувствует, что тогда ты оставишь ее. Она знает, что сама не сможет поехать, и никогда больше не увидит тебя.

— Может, и так, но когда это еще будет.

— Ты можешь смотреть на это легко, а она —

нет. Так что ты уж не говори с ней об этом, пока меня нет. Ладно?

— Ладно. *Я* думаю, она чуточку расстроена из-за Глэдии.

Бейли резко взглянул на сына: — Ты…

— Я не сказал ни слова, но она тоже видела этот гиперволновой фильм, и знает, что Глэдия на Авроре.

— И что из этого? Аврора — громадная планета. Не думаешь ли ты, что Глэдия Дельмар будет ждать меня в космопорту? О, дьявол, Бен, неужели твоя мать не знает, что эта гиперволновая гадость на девять десятых выдумка?

Бен с заметным усилием сменил тему разговора:

— Даже странно — ты сидишь здесь без всякого багажа.

— У меня его даже слишком много. Я же одет, верно? С меня снимут всю одежду, как только я окажусь на борту. Ее химически обработают и выбросят в космос, а мне выдадут все новое, после того, как я сам буду продезинфицирован, очищен и отполирован внутри и снаружи. Я уже прошел через это однажды.

Помолчав, Бен сказал: — Знаешь, папа…

Он резко остановился и начал снова: — Знаешь,

папа…

Он опять замолчал.

— Что ты хочешь сказать, Бен?

— Папа, я чувствую себя ужасным болваном, когда говорю это, но думаю, что лучше сказать. Ты не героический тип. Даже я никогда не считал тебя героем. Ты отличный парень и самый лучший отец, но ты не героический тип.

Бейли хмыкнул.

— Однако, — продолжал Бен, — именно ты стер с карты Космотаун, именно ты привлек Аврору на нашу сторону, именно ты начал весь этот проект заселения других миров. Папа, ты сделал для Земли больше, чем все правительство вместе взятое. Так почему тебя не оценили больше?

— Именно потому, что я не героический тип, и потому, что меня сунули в этот идиотский фильм. Он восстановил против меня весь Департамент; он выбил из колеи твою мать и создал мне репутацию, которой я не могу следовать.

На его ручном вызове вспыхнул свет, и Бейли встал:

— Мне пора, Бен.

— Я понимаю. Я хочу сказать тебе, папа, что я высоко ценю тебя о И в этот раз, когда ты вернешься, тебя будут ценить все, а не только я.

Бейли был растроган. Он быстро кивнул, положил руку на плечо сына и пробормотал:

— Спасибо, береги себя и мать, пока меня нет.

Он ушел, не оглядываясь. Он сказал Бену, что едет на Аврору поговорить о проекте заселения. Если бы это было так, он мог бы вернуться с победой, а тут…

Он подумал: — «Я вернусь в опалу, если вернусь вообще».

Бейли был на космическом корабле в третий раз, и прошедшие два года не погасили в памяти два предыдущих раза. Он точно знал, чего ждать. Должна быть изоляция — чтобы никто не видел его *и* ничего не делал с ним, кроме, вероятно, робота. Должно быть постоянное медицинское обслуживание — дезинфицирование и стерилизация. Этого не миновать. Должна быть попытка сделать его пригодным для приближения к чувствительным к болезням космонитам, которые считают землян разносчиками всевозможных инфекций. Однако, должно быть и различие. На этот раз он не будет так бояться процедур. И ощущение, будто тебя вытащили из кокона, не будет таким страшным. Он должен быть готов к более широкому окружению. В этот раз, как он сказал себе твердо, хотя и не без комка в желудке,

он, может быть, даже сможет увидеть космос. Интересно, похож он на фотографии ночного неба, видимого Снаружи? Он вспомнил свое первое посещение купола планетария — в Городе, конечно, в безопасности, Ему показалось, будто он Снаружи, но ничего неприятного в этом не было. Затем было два раза — нет, три — когда он был ночью на открытом пространстве и видел настоящие звезды в настоящем небе. Это было куда менее впечатляющим, чем планетарий, но каждый раз был холодный ветер и ощущение расстояния, которое делало все более пугающим, чем купол, но менее пугающим, чем дневное время, потому что темнота окружала его защитной стеной. На что же будет похож вид звезд на экране космического корабля — на планетарий или на земное ночное небо? Или это совсем другое ощущение?

Он сосредоточился на этих мыслях, чтобы не думать об оставленных Джесси, Бене и Городе.

Исключительно из бравады он отказался от кара, и настоял, что пройдет пешком небольшое расстояние от ворот до корабля в компании робота, пришедшего за ним. В конце концов, это же крытая аркада. Проход был слегка изогнутым, и Бейли оглядывался, пока еще мог видеть Бена. Он поднял руку, и Бен замахал обеими руками,

растопырив на них два пальца в древнем символе победы.

«Победа? Напрасный жест», — думал Бейли.

Он переключился на другие мысли, которые могли бы отвлечь и занять его. Как выгладит космический корабль днем, когда солнце ярко сияет на его металле, а сам Бейли и все остальные выставлены Снаружи?

Крошечный цилиндрический мирок должен был оторваться от бесконечно большого мира и затеряться Снаружи, бесконечно большем, чем любое Снаружи на Земле, и после бесконечной протяженности Ничто искать другой мир…

Он заставил себя идти ровно, не показывать перемены настроения, однако робот, шедший рядом, остановил его.

— Вам не плохо, сэр? — спросил он.

Не «хозяин», а просто «сэр». Это был аврорский робот.

— Все в порядке, парень, — хрипло ответил Бейли, — пошли дальше.

Он опустил таза и не поднимал их, пока перед ним не вырос корабль. Аврорский корабль! Он был выше, изящнее, но много мощнее солярианских кораблей. Бейли вошел внутрь, и сравнение осталось в пользу Авроры. Его каюта была боль-

ше, чем те, которые были у него два года назад, более удобная и более роскошная.

Он точно знал, что произойдет, и без колебаний снял всю одежду. Вероятно ее дезинфицируют плазменным факелом, и он, не получит ее обратно, вернувшись на Землю — если, конечно, вернется. В тот раз он не получил ее. Он не получит новой одежды, пока не будет основательно вымыт, осмотрен и напичкан лекарствами. Он почти приветствовал эти унизительные процедуры, потому что они отвлекали его мозг. Наконец он оделся, и огорченно посмотрел на себя в зеркало. Ткань была гладкой, блестящей и изменяла цвет на сгибах. Брюки плотно облегали лодыжки, а носки были надеты поверх брюк. Рукава блузы стягивали запястья, а на руках были тонкие прозрачные перчатки. Ворот блузы закрывал шею и был снабжен капюшоном, который при желании можно было натянуть на голову. Он знал, что его надели так не для его удобства, а для того, чтобы уменьшить опасность для космонитов.

Глядя на себя, он подумал, что ему будет тесно и жарко, но этого не случилось. К своему огромному облегчению, он даже не вспотел. Он сделал разумный вывод, и спросил робота, пришедшего с ним и все еще остававшегося тут:

— Парень, эта одежда регулирует температуру?

— Да, сэр. Это одежда для любой погоды и очень модная. Но она исключительно дорога, и очень немногие на Авроре имеют возможность носить ее.

— Вот как! О, дьявол!

Он внимательно посмотрел на робота. Это была явно примитивная модель, очень немногим отличающаяся от земных. Но была некоторая тонкость, какой не хватало земным моделям: этот робот мог изменять выражение лица. Например, он чуть заметно улыбнулся, когда сказал, что Бейли дали костюм, доступный на Авроре далеко не каждому. Структура его тела казалась металлической, но производила впечатление какой-то ткани, слегка изменявшейся при движениях, и хорошо подобранных, приятно контрастировавших цветов. Короче говоря, робот, хотя явно не человекоподобный, казался одетым, если не приглядываться к нему близко.

— Как я должен звать тебя, парень?

— Я — Жискар, сэр.

— Р. Жискар?

— Если угодно, сэр.

— На корабле есть библиотека?

— Да, сэр.

— Ты можешь принести мне книгофильмы об Авроре?

— Какого рода, сэр?

— Исторические, политические, географические — что-нибудь, чтобы я мог познакомиться с планетой.

— Слушаюсь, сэр.

— И проектор.

— Да, сэр.

Робот прошел через двойную дверь, и Бейли угрюмо кивнул себе в зеркало. Во время поездки на Солярию ему и в голову не пришло тратить время на изучение чего-то полезного. За последние два года он продвинулся вперед.

Он подергал дверь. Она не поддавалась. Бейли не был бы удивлен, если бы оказалось иначе. Он осмотрел комнату. Тут был гиперволновой экран. Он лениво покрутил ручки, услышал взрыв музыки, сумел снизить громкость и неодобрительно послушал: дребезжащая и нестройная. Ob коснулся других ручек и, наконец, увидел изображение. Это был космический футбол, в который играли явно при нулевой гравитации. Мяч плыл по прямой, а игроки — их было страшно много с каждой стороны — грациозно взмывали и па-

рили в воздухе. Необычные движения вызвали у Бейли головокружение. Он нашел выключатель, повернул его, и в это время дверь позади него открылась. Он повернулся, ожидая увидеть Р. Жискара, и не сразу понял, что видит человека с широким лицом, с высокими скулами, бронзовыми волосами, гладко зачесанными назад, и в костюме консервативного покроя и сочетания цветов.

— О, дьявол! — сказал Бейли, почти задохнувшись.

— Партнер Илайдж, — сказал тот.

Он шагнул вперед, широко улыбаясь.

— Дэниел! — вскричал Бейли, крепко обнимая робота.

Бейли все еще держал в объятиях Дэниела, единственного знакомого на корабле, единственную связь с прошлым. Он вцепился в Дэниела в порыве доверия и чувства. Но мало-помалу он собрался с мыслями и осознал, что обнимает не Дэниела Оливо, а Р. Дэниела, робота Дэниела Оливо, который тоже слегка обнял его и позволял обнимать себя, рассудив, что это действие доставляет удовольствие человеческому существу. Непреодолимый Первый Закон роботехники гласит: «Робот не может нанести вред человеку»,

а оттолкнуть дружеский жест означало нанести вред.

Медленно, чтобы не выдать собственного огорчения, Бейли опустил руки.

— Я не видел вас, Дэниел, с тех пор, как вы привели на Землю тот корабль с двумя математиками. Помните?

— Конечно, помню, партнер Илайдж. Я очень рад видеть вас.

— А разве вы чувствуете эмоции?

— Не могу сказать, что я чувствую в человеческом смысле. Скажу, однако, что при виде вас мои мысли как бы легче текут, гравитационные силы, давящие на мое тело, штурмуют мои ощущения, грубо соответствуя тому, что вы чувствуете, когда радуетесь.

Бейли кивнул: — Что бы вы ни чувствовали при виде меня, старый партнер, если это предпочтительнее состояния, в котором вы находитесь, когда не видите меня, мне это вполне подходит — если вы поняли, что я имею в виду. Но как вы здесь очутились?

— Жискар Ривентлов сообщил, что вы… — Дэниел сделал паузу.

— Очищен? — ядовито спросил Бейли.

— Дезинфицированы, — сказал Дэниел. — Я

решил, что можно войти.

— Но вы же не боитесь заразы?

— Нисколько, партнер Илайдж, но люди на корабле будут недовольны, когда я подойду к ним. Люди Авроры очень восприимчивы к инфекции и иногда преступают разумную оценку вероятности.

— Я понимаю. Но я спросил, не почему вы здесь в данный момент, а почему вы здесь вообще?

— Доктор Фастольф, к дому которого я отношусь, направил меня на борт корабля, посланного за вами, по нескольким причинам. Он счел желательным, чтобы вы немедленно познакомились с делом, которое наверняка будет трудным для вас.

— Это мило с его стороны. Я благодарю его.

Р Дэниел серьезно поклонился в знак признательности.

— Доктор Фастольф также думал, что эта встреча даст мне соответствующие ощущения.

— Удовольствие, вы имеете в виду?

— Если я позволю себе пользоваться этим термином — да. А третья причина, самая важная…

Дверь снова открылась, и вошел Р. Жискар. Бейли с досадой повернулся к нему. Р. Жискар был робот как робот, и его присутствие как бы подчер-

кивало роботизм Дэниела, хотя Дэниел был много выше классом, а Бейли не хотел, чтобы роботизм Дэниела подчеркивался. Он не хотел ругать себя за неспособность смотреть на Дэниела иначе как на человека. Он сказал нетерпеливо:

— В чем дело, парень?

— Я принес книгофильмы, которые тат желали видеть, сэр, и проектор.

— Ладно, положи их и можешь не оставаться. Со мной будет Дэниел.

— Слушаюсь, сэр.

Глаза робота слабо блеснули, он быстро повернулся к Р. Дэниелу, как бы желая получить приказ от старшего.

Дэниел спокойно сказал:

— Выйди, друг Жискар. Будь за дверью.

Тот вышел, и Бейли спросил с некоторым неудовольствием:

— Зачем ему оставаться за дверью? Разве я пленник?

— В том смысле, — ответил Р. Дэниел, — что вам не позволят смешиваться с народом на корабле во время путешествия. Мне очень жаль, но я вынужден сказать вам, что вы в самом деле пленник. Однако это не причина для присутствия здесь Жискара. И я должен сказать вам, партнер

Илайдж, что благоразумнее было бы не называть Жискара или любого другого робота «парень».

Бейли нахмурился:

— Он что, обижается?

— Жискар не обижается ни на какие действия человека, просто на Авроре не принято обращаться к роботам «парень», и было бы неблагоразумным увеличивать разногласия с жителями Авроры неумышленным подчеркиванием вашего земного происхождения, хотя манера говорить большого значения не имеет.

— Как же я должен к нему обращаться?

— Также, как и ко мне, называя его по имени. В конце концов, это только звук, указывающий на того, к кому вы обращаетесь, и почему один звук для вас предпочтительнее другого? На Авроре не пользуются инициалом «Р», кроме как в официальных случаях, когда требуется полное имя робота, но теперь даже и в этих случаях «Р» часто опускается.

— В таком случае, Дэниел, как вы отличаете роботов от людей?

— Обычные отличия самоочевидны, партнер Илайдж. А зачем подчеркивать это без надобности? По крайней мере, такова точка зрения жителей Авроры, а поскольку вы просили Жис-

кара принести фильмы об Авроре, я думаю, вы хотели познакомиться с жизнью Авроры, чтобы помочь задаче, которую вы на себя приняли.

— Которую на меня взвалили. А что, если различие между роботом и человеком не самоочевидно, как, скажем, в вашем случае?

— Тогда зачем различать, если этого не требует ситуация?

Бейли вздохнул и сказал: — Ну, если Жискар не стережет меня, как пленника, то зачем он за дверью?

— В соответствии с инструкциями доктора Фастольфа. Жискар здесь, чтобы защищать вас.

— От кого или от чего?

— Доктор Фастольф не уточнял. Однако, как человек, взволнованный делом Джандера Пэнела…

— Кто это Джандер Пэнел?

— Это робот, полезность которого кончилась.

— Иными словами, убитый робот?

— Выражение «убитый» обычно относится к человеку.

— Но ведь на Авроре избегают делать различие между роботами и людьми?

— Верно. Тем не менее, возможность или недостаток различия в особом случае прекращения функционирования, насколько мне известно, ни-

когда не возникали. Я не знаю, каковы правила.

Бейли обдумал дело. В сущности, это не имеет значения, вопрос чисто семантический. Он сказал:

— Функционирующий человек — живой. Если эта жизнь насильственно прекращена сознательным действием другого человека, мы называем это убийством. Вы согласны с этим словом?

— Без сомнения, — ответил Дэниел.

— Тогда мы можем сказать, что функционирующий робот — живой. Проще считать его живым, чем усложнять дело изобретением нового слова. Ведь вы в данный момент живы?

— Я функционирующий, — медленно и с ударением ответил Дэниел.

— Но послушайте, если жук, дерево или травинка живые, то почему же вы не живой? Я никогда бы не сказал и даже не подумал бы, что вот я — живой, а вы — просто действующий, а в особенности, если я некоторое время проживу на Авроре, где буду стараться не делать без необходимости различий между собой и роботами. Следовательно, я говорю, что мы оба живые, и прошу вас согласиться с этим моим словом.

— Я слушаюсь, партнер Илайдж.

— Значит, прекращение жизни робота созна-

тельным насильственным действием человека мы тоже назовем убийством. Но вот в чем загвоздка: за одинаковое преступление должно быть одинаковое наказание, но правильно ли это? Если наказание за убийство человека — смерть, то будет ли оно применено к человеку, положившему конец роботу?

— Наказание убийце — психозонд с последующим созданием новой личности. Преступление совершает личностная структура мозга, а не тело.

— А как на Авроре наказывают за совершение насильственного прекращения функции робота?

— Не знаю, партнер Илайдж. Насколько мне известно, на Авроре никогда не было подобного инцидента.

— Я подозреваю, что наказанием не будет психозонд. Тогда назовем это не просто убийством, а роботоубийством.

Бейли глубоко уселся в кресло. Разговор с Дэниелом помог ему забыть, что он в космосе, забыть, что корабль мчится вперед, пока не окажется достаточно далеко от массцентров Солнечной системы, а там сделает прыжок через гиперпространство, забыть, что скоро он будет в нескольких миллионах километров от Земли,

а затем — в нескольких световых годах от нее. Но гораздо важнее, что из этого разговора можно было вывести некоторые заключения. Ясно, что слова Дэниела насчет того, что аврорцы не делают различия между роботами и людьми — заблуждение. Пусть они еще опускают инициал «Р», не пользуются обращением «парень», но из отказа Дэниела пользоваться одним и тем же словом для насильственного уничтожения робота и человека — отказ этот вложен в его программу, а она, в свою очередь является естественным следствием мнения аврорцев насчет поведения Дэниела — можно заключить, что все это не более чем предрассудок, а в основном, аврорцы, как и земляне, твердо уверены, что роботы — машины и бесконечно ниже людей. Это означает, что чудовищная задача найти приемлемое разрешение кризиса — если это вообще возможно — не будет затруднена хотя бы одним неправильным понятием об аврорском обществе. Бейли подумал, не поговорить ли с Жискаром, чтобы удостовериться в правильности своих заключений, но решил, что не стоит. Мозг Жискара простой, неутонченный, Жискар будет говорить: «Да, сэр», «Нет, сэр», и только. Это все равно, что спрашивать записывающий аппарат. Бейли ре-

шил продолжать разговор с Дэниелом — тот хоть способен отвечать с достаточной тонкостью.

— Дэниел, — сказал он, — давайте обсудим дело о Джандере Пэнеле. Как я понял из ваших слов, это первый случай роботоубийства в истории Авроры. Человек, виноватый в этом, как я понимаю, неизвестен.

— Если считать, что виновный — человек, то его личность неизвестна. В этом вы правы, партнер Илайдж.

— А насчет мотива? Почему Джандера Пэнела убили?

— Это тоже неизвестно.

— Но Джандер был человекоподобным роботом, как вы, а не как, например, Р. Жис… я хотел сказать — Жискар.

— Да.

— Не могло случиться, что намеревались убить не робота?

— Не понимаю, партнер Илайдж.

— Не могли убийца подумать, что Джандер Пэнел — человек, и задумать человекоубийство, а не роботоубийство?

Дэниел медленно покачал головой: — Человекоподобный робот внешне полностью похож на человека, до волос и нор на коже. Голоса наши

вполне естественны, мы можем есть и так далее. Однако в нашем поведении заметная разница. Со временем и с развитием техники таких различий, вероятно, будет меньше, но пока их много. Вы и другие земляне не привыкли к человекоподобным роботам, вам нелегко заметить эти различия, но аврорцы заметят. Ни один аврорец не принял бы меня или Джандера за человека.

— А другой космонит, не с Авроры, не может ошибиться?

Дэниел заколебался. — Не думаю. Я не могу судить по личным наблюдениям или по вложенной в меня программе, но знаю из программы, что все Внешние Миры знакомы с роботами не меньше, чем Аврора, а некоторые, например, Солярия, даже больше, и отсюда я делаю вывод, что ни один космонит не упустит разницы между человеком и роботом.

— А на других Внешних Мирах есть человекоподобные роботы?

— Нет, пока только на Авроре.

— Значит, другие космониты не знакомы с ними, и могут спутать.

— Не думаю. Даже человекоподобный робот ведет себя, как робот, и любой космонит это заметит.

— А вы уверены, что среди космонитов нет неразумных, неопытных и невзрослых? Дети космонитов могут не заметить разницы.

— Совершенно точно, партнер Илайдж, но это роботоубийство не совершено неразумным, неопытным или невзрослым. Это абсолютно точно.

— Значит, это исключено. А как насчет землянина? Возможно, что…

— Когда вы прибудете на. Аврору, вы станете первым землянином, ступившим на эту планету со времени первого ее заселения. Все ныне живущие аврорцы родились на Авроре или — в редких случаях — на других Внешних Мирах.

— Первый землянин! — пробормотал Бейли. — Какая честь! Значит, выводим заключение, что было задумано именно роботоубийство.

— Такое заключение было с самого начала.

— Аврорцы, сделавшие такое заключение, имели всю информацию, а я получаю ее только сейчас.

— Мое замечание, партнер Илайдж, не имело в виду ничего уничижительного. Я слишком хорошо вас знаю, чтобы преуменьшать ваши способности.

— Спасибо, Дэниел, я знаю, что вы не собира-

лись унизить меня. Вы только что сказали, что роботоубийство совершено не слабоумным, не неопытным, не малолетним, и что это совершенно точно. Давайте рассмотрим это.

Бейли понимал, что идет кружным путем, он так и хотел. Он не мог дел ать прыжки, не понимая аврорцев и их образа мыслей. Имей он дело с человеком, тот проявлял бы нетерпение и смазывал бы информацию, считая Бейли идиотом. Но робот Дэниел пойдет за Бейли по всем извилистым тропинкам, сохраняя полное терпение. Это был тот тип поведения, который выдавал а Дэниеле робота, каким бы человекоподобным он ни был. И аврорец, вероятно, узнает в нем робота по одному вопросу и одному ответу. Дэниел был прав насчет тонких различий.

— Можно исключить детей, вероятно, большинство женщин и многих мужчин, если предположить, что роботоубийство требовало большой силы — например, если у Джандера была проломлена голова или вдавлена внутрь грудная клетка. Я думаю, это нелегко сделать тому, кто не очень силен.

Со слов Димачек Бейли знал, что роботоубийство было не таким, но как знать, может, сама Димачек заблуждалась?

— Это вообще не мог сделать ни один человек, — сказал Дэниел.

— Почему?

— Вы, конечно, знаете, что скелет робота металлический и гораздо крепче человеческих костей. Наши движения сильнее, быстрее и более точно управляются. Третий Закон роботехники гласит: «Робот должен защищать себя». Нападение человека легко было бы отразить. Даже самого сильного человека можно обезвредить. И робота нельзя застать врасплох. Мы всегда знаем о присутствии человека. Иначе мы не могли бы выполнять свои функции.

— Но, Дэниел, Третий Закон говорит: «Робот должен защищать себя, если эта защита не противоречит Первому и Второму Законам». Второй Закон говорит: «Робот должен повиноваться приказам человека, если выполнение этих приказов не противоречит Первому Закону». А по Первому Закону «Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был нанесен вред». Человек может приказать роботу уничтожить себя, и тогда робот сам размозжит себе голову. А если человек нападет на робота, тот не может отразить атаку, не повредив человеку, и это будет нарушением Первого

Закона.

— Вы, я полагаю, думаете о земных роботах. На Авроре и других Внешних Мирах роботы более сложные, разносторонние и более ценные. Третий Закон у них значительно сильнее Второго. Приказ о самоуничтожении должен быть по-настоящему подкреплен законной причиной — явной опасностью. А при отражении атаки Первый Закон не будет нарушен — роботы Авроры умеют остановить человека, не повредив ему.

— Предположим, человек будет уверять, что если робот не уничтожит себя, то будет уничтожен он, человек?

— Аврорский робот поставит под сомнение простое утверждение такого рода. Потребуется ясная очевидность возможного уничтожения человека.

— А не может человек оказаться достаточно ловким и так подстроить дело, что робот поверит в страшную опасность для человека? Не эта ли изобретательность позволила утверждать, что преступление совершено не безумцем, не неопытным, не малолетним?

— Нет. Это не так.

— В моих рассуждениях есть ошибка?

— Никакой.

— Значит, я ошибся в предположении, что робот был разрушен физически, а физического ущерба не было. Правильно?

— Да, партнер Илайдж.

Значит, у Димачек были точные сведения.

— В таком случае, Джандер был поврежден умственно. Полный робблок!

— Что такое робблок?

— Это сокращение от роботоблока — постоянное падение функций позитронных связей.

— На Авроре не пользуются словом «робблок».

— А как вы говорите?

— Умственное замораживание.

— Это то же самое.

— Разумнее будет, партнер Илайдж, пользоваться нашим выражением, иначе аврорцы могут не понять вас, и это будет мешать беседе. Вы будете там слишком недолго, чтобы разница в словах могла иметь для вас значение.

— Ладно, я буду говорить «замораживание». Может ли такая вещь случиться сама собой?

— Да, но шансы бесконечно малы, как считают роботехники. Как человекоподобный робот, могу сказать, что сам я никогда не испытывал эффекта, могущего даже близко подойти к умственному замораживанию.

— Стало быть, надо предполагать, что человек сознательно создал ситуацию, при которой могло иметь место умственное замораживание.

— Именно это и утверждают противники доктора Фастольфа.

— И поскольку тут нужны знания роботехники, опытность и умение, глупый, неопытный и молодой не могли бы сделать этого.

— Это естественный вывод, партнер Илайдж.

— Тогда можно составить список достаточно опытных людей. Группа подозреваемых вряд ли будет очень многочисленной.

— Это уже было сделано.

— Длинный список?

— Он содержит только одно имя.

Бейли свел брови в одну линию. — Только одно?

— Да, — спокойно сказал Дэниел. — Таково суждение доктора Фастольфа, величайшего теоретика роботехники на Авроре.

— Тогда, в чем секрет? Чье это имя?

— Конечно, доктора Фастольфа. Я только что сказал вам, что он величайший теоретик роботехники на Авроре, и, по его профессиональному мнению, только он один мог бы привести Джандера Пэнела к полному умственному замо-

раживанию, не оставив никаких следов. Однако доктор Фастольф уверяет также, что он этого не делал.

— И что никто другой не мог бы этого сделать?

— Именно, партнер Илайдж. В этом и заключается тайна.

— А что, если доктор Фастольф…

Бейли остановился. Не было смысла спрашивать Дэниела, не солгал ли доктор Фастольф, утверждая, что не делал этого, или не ошибся ли, утверждая, что никто, кроме него, не смог бы этого сделать, ведь Дэниела программировал доктор Фастольф и, конечно же, не вводил в программу способность сомневаться в программисте. Поэтому Бейли сказал как можно спокойнее:

— Я подумаю насчет этого, Дэниел, а потом поговорим.

— Отлично, партнер Илайдж. А сейчас в любом случае пора спать. Вполне возможно, что на Авроре под давлением событий нарушится ваш режим, поэтому стоит воспользоваться случаем и выспаться. Я покажу вам, как установить постель.

— Спасибо, Дэниел, — пробормотал Бейли.

Он не думал, что быстро уснет. Его послали на Аврору со специальным заданием доказать

невиновность доктора Фастольфа. Успех в этом деле нужен для дальнейшей безопасности Земли и — что было менее важно, но равно дорого сердцу Бейли — дальнейшего процветания личной карьеры Бейли. Однако, еще не добравшись до Авроры, он уже обнаружил, что Фастольф, в сущности, признался в совершении преступления.

Утром после завтрака — собственно, какое может быть утро или любое другое время дня в космосе? Но он спал, а проснувшись, ел — и решил считать это утренним завтраком. Итак, на следующее утро Бейли после завтрака посмотрел новости, увидел, что там нет ничего насчет роботоубийства на Авроре, и повернулся к книгофильм, которые накануне принес ему Жискар. Он выбрал исторические — судя по названиям, — но, быстро проглядев их, решил, что Жискар принес книги для юношества. Написаны они были просто и имели массу иллюстраций. Неужели Жискар так низко оценил интеллект Бейли? Нет, наверное, просто он выбирал по своей роботовской наивности, без мысли оскорбить. Бейли стал читать более внимательно, и заметил, что Дэниел тоже читает с ним. Илайдж ничего не говорил, Бейли тоже не задавал вопросов, если не считать того, что попросил инструкций по обращению с

аврорским проектором.

Время от времени Бейли посещал маленькое помещение рядом с его каютой, предназначенное для разных личных нужд и называвшееся, как и на Земле, «туалетом». Помещение было рассчитано только на одного, и это смущало жителя Земли, привыкшего к длинным рядам писсуаров, унитазов, раковин и душей.

Проглядывая книгофильмы, Бейли не старался запомнить детали. Он не собирался стать экспертом по обществу: он хотел получить общее впечатление. Он сразу заметил, что аврорские пионеры — Отцы-основатели, земляне, заселившие Аврору в ранние времена космических путешествий — были очень земным народом. Их политика, их распри, все грани их поведения были земными. На Авроре происходили в основном те же события, что и в пустынных районах Земли, заселенных за пару тысячелетий до этого. На Авроре не было разумной жизни, чтобы воевать с ней, там вообще было очень мало какой-либо жизни, поэтому планета была быстро заселена людьми, земными животными и растениями, и, попутно привезенными паразитами и другими организмами, и, конечно, роботами.

Первые поселенцы быстро почувствовали пла-

нету своей, поскольку она попала им в руки безо всякой конкуренции, и сначала назвали ее Новой Землей. Это было естественно, потому, что она была первой планетой вне солнечной системы, первой планетой Галактики, первый заселенный Внешний Мир. Это был первый плод межзвездного путешествия, первая заря безмерной новой эры. Однако они быстро обрезали пуповину, связывающую их с Землей, и переименовали свою планету в Аврору, римскую богиню утренней зари. Это был Мир Зари, и поселенцы объявили себя основателями нового человечества. Вся предыдущая история человеческого рода была темной ночью, и только для аврорцев на их новой планете наступил, наконец, День. Этот великий факт, это великое восхваление сквозило во всех деталях: в именах, датах, победах и потерях. Это было самое главное. Были заселены другие миры, одни — земными жителями, другие — аврорцами, но Бейли не обращал внимания на детали. Наконец, он заметил два больших изменения, оттолкнувших аврорцев от их земных корней: первое — невероятная интеграция роботов во все сферы жизни, а второе — продолжительность жизни.

Чем более улучшались и становились много-

граннее роботы, тем более аврорцы зависели от них, не до беспомощности, не как на Солярии. Но все-таки зависимость росла. Насколько он мог видеть, каждый шаг в ходе интеграции человек-робот, казалось, вел к зависимости. Даже манера, в какой было достигнуто общее мнение о правах роботов — постепенное уменьшение того, что Дэниел назвал бы «необязательными различиями», было признаком зависимости. Не то, чтобы аврорцы стали более человечными: они отрицали механическую природу роботов, чтобы не признавать зависимости человека от предметов с искусственным разумом.

Что касается продолжительности жизни, то она сопровождалась спадом хода истории, Все острые углы сглаживались, росла преемственность, и росло единодушие. История, с которой знакомился Бейли, становилась все менее интересной, чем дальше он углублялся в нее. Она становилась почти усыпляющей. Для тех, кто жил в это время, это было благом. История интересна катастрофическими событиями для тех, кто о них читает, а для живущих она ужасна. Без сомнения, личная жизнь продолжает быть интересной для огромного большинства аврорцев, и если коллективное взаимодействие жизней уве-

личивает спокойствие — кто будет недоволен? Если в Мире Зари спокойный солнечный день, кто захочет грозы?

У Бейли несколько раз возникало странное ощущение. Если бы он попробовал описать его, то сказал бы, что это был момент инверсии — как будто его на долю секунды вывернули наизнанку, а затем обратно. Это было настолько мимолетно, что он чуть не упустил этого. Возможно, только через минуту он вдруг вспомнил, что уже испытывал такое ощущение, когда летел на Солярию и когда возвращался на Землю. Это был «прыжок», переход через гиперпространство, который в безвременный и беспространственный интервал посылал корабль через парсеки со сверхсветовой скоростью в нарушение лимита Вселенной. В этих словах нет никакой тайны, поскольку корабль просто выходил и летел где-то, где нет ограничений скорости. Весь секрет в концепции, потому что гиперпространство можно описать только математическими символами, а их в любом случае нельзя перевести во что-либо понятное. Если принять тот факт, что люди научились манипулировать гиперпространством, не понимая, чем они манипулируют, то эффект ясен. Только что корабль был в микропарсеках от

Земли, а в следующий момент он в микропарсеках от Авроры. В идеале, прыжок занимает нуль времени, и если все происходит гладко, никаких биологических ощущений нет и не может быть. Физики, однако, утверждают, что идеальное течение процесса требует бесконечной энергии, и поэтому всегда бывает «эффективное время», не полностью равное нулю. От этого и происходит странное и в сущности безвредное ощущение инверсии.

Внезапно осознав, что он очень далеко от Земли и очень близко к Авроре, Бейли загорелся желанием увидеть Внешний Мир. Частично это было желание увидеть живых людей, а частично — естественным любопытством увидеть то, что наполняло его мысли после просмотра книгофильмов. Как раз в это время вошел Жискар с едой — скажем, ленчем — и сказал:

— Мы приближаемся к Авроре, сэр, но вам нельзя наблюдать это из рубки. Да и сейчас все равно ничего не видно. Только через несколько дней мы подойдем к Авроре достаточно близко, чтобы увидеть какие-либо детали.

Подумав, он добавил: — Но вам нельзя будет наблюдать из рубки и тогда.

Бейли растерялся. Видимо, предполагали, что

он захочет наблюдать, и запросто пресекли это желание. Его присутствие как зрителя было нежелательно.

— Прекрасно, Жискар, — ответил он.

Робот вышел. Бейли сумрачно посмотрел ему вслед. Сколько еще ограничений наложат на него? Успешное выполнение задачи и так маловероятно, и кто знает, сколько еще разных способов придумают аврорцы, чтобы сделать это выполнение вообще невозможным.

Бейли повернулся и сказал Дэниелу: — Дэниел, мне уже надоело быть здесь пленником. Аврорцы на корабле боятся меня как источника заразы. Это чистый предрассудок. Меня же обрабатывали.

— Вас просили оставаться в своей каюте не потому, что аврорцы боятся.

— Да? А почему же?

— Может быть, вы помните: когда мы впервые встретились здесь, вы спросили, зачем меня послали эскортировать вас; я ответил — во-первых, для того, чтобы у вас здесь было что-то знакомое, вроде якоря, а во-вторых, потому что мне это было приятно. Наш разговор прервал Жискар, принесший книгофильмы, а потом мы погрузились в дискуссию о роботоубийстве.

— Да-да, вы мне не сказали о третьей причине.

Какова же она?

— Ну, партнер Илайдж, просто я Могу защитить вас.

— От кого?

— Инцидент, который мы договорились называть роботоубийством, всколыхнул необычные страсти. Вас вызвали на Аврору, чтобы доказать невиновность доктора Фастольфа. А гиперволновой фильм…

— О, дьявол, Дэниел, — в ярости сказал Бейли, — эту штуку видели на Авроре?

— Его видели все Внешние Миры. Это была самая популярная программа, и она ясно показала, что вы совершенно исключительный следователь.

— Так что тот, кто стоит за роботоубийством, возможно, имеет преувеличенный страх передо мной и может пойти на риск предупредить мое появление и убить меня?

— Доктор Фастольф, — спокойно сказал Дэниел, — полностью убежден, что за роботоубийством никто не стоит, поскольку кроме него, никто не мог бы этого сделать. С точки зрения доктора Фастольфа, это была чистая случайность. Однако есть люди, пытающиеся извлечь выгоду из случайности, и в их интересах не допустить вас

доказать ее. Вот поэтому вас и нужно защищать.

Бейли быстро сделал несколько шагов вдоль стены и обратно, чтобы ускорить свои мысленные процессы физическим напряжением. Он почему-то вовсе не чувствовал личной опасности.

— Дэниел, много ли на Авроре человекоподобных роботов?

— Вы имеете в виду сейчас, когда Джандер более не функционирует?

— Да, с тех пор как Джандер умер.

— Один, партнер Илайдж.

Бейли ошеломленно уставился на Дэниела и беззвучно повторил: — Один? Значит, вы единственный человекоподобный робот на Авроре?

— И в любом другом мире. Я думал, что вы это знаете. Я был прототипом, затем был сконструирован Джандер, после чего доктор Фастольф отказался конструировать, а больше никто не умеет.

— Но в таком случае, если из двух таких роботоводного убили, разве доктор Фастольф не думает, что и вы, Дэниел, в опасности?

— Он признает эту возможность, но шанс, что фантастически-неправдоподобный случай умственного замораживания будет иметь место

во второй раз — ничтожен. Он не принимает его всерьез. Однако он чувствует, что возможен какой-нибудь другой несчастный случай. Это, я думаю, сыграло некоторую роль в посылке меня на Землю за вами. Это удалило меня от Авроры недели на две.

— Значит, вы такой же пленник, как и я сам?

— Я пленник только в том смысле, что я намерен не покидать этой каюты.

— А том смысле, что особа, ограниченная в передвижении, возмущена этим ограничением. Настоящее пленение не добровольно. Я же полностью понимаю причину, по которой я здесь, и соглашаюсь с необходимостью.

— Вы-то — да, — проворчал Бейли, — а я — нет. Я пленник в полном смысле. А какая у нас безопасность здесь?

— Только та, партнер Илайдж, что Жискар на посту снаружи.

— Он достаточно разумен для такой работы?

— Он вполне понял приказ. Он крепкий и сильный и осознает важность своей задачи.

— Вы хотите сказать, что он готов оказаться уничтоженным, защищая нас с вами?

— Да, конечно, как и я готов оказаться уничтоженным, защищая вас.

Бейли был ошеломлен:

— И вы не возмущаетесь ситуацией, в которой вас могут из-за меня лишить существования?

— Это в моей программе, партнер Илайдж, — мягко сказал Дэниел. — Однако мне кажется, что, если бы этого в моей программе не было, потеря моего существования кажется тривиальной по сравнению со спасением вашей жизни.

Бейли не мог удержаться: протянул руку и крепко пожал руку Дэниела.

— Спасибо, партнер Дэниел, но, пожалуйста, не допускайте этого. Я не хочу, чтобы ваше существование прекратилось. Мне кажется, сохранение моей жизни — неадекватная компенсация.

Бейли к своему удивлению обнаружил, что и в самом деле так думает. Он даже слегка испугался, осознав, что мог бы рискнуть жизнью ради робота. Нет, не ради робота, ради Дэниела.

Жискар вошел без стука. Бейли принял это, как должное. Робот как страж мог приходить и уходить, когда ему вздумается. Жискар в глазах Бейли был только роботом, хотя «Р» и не полагалось упоминать. Если бы Бейли чесался, ковырял в носу, занялся бы еще какими-нибудь грязными физиологическими функциями, Жискар, похоже, остался бы равнодушным, не осуждающим, а спо-

койно записал бы наблюдение в каком-нибудь внутреннем блоке памяти. Это делало Жискара просто подвижным предметом обстановки, и Бейли не чувствовал никакого ощущения от его присутствия. Кстати, Жискар и не влезал в неподходящий момент, как подумал Бейли. Жискар принес небольшой куб.

— Сэр, я подумал, что вы все-таки хотите поглядеть на Аврору из космоса.

Бейли вздрогнул. Без сомнения, Дэниел заметил раздражение Бейли, догадался о причине и решил таким образом уладить дело. Велеть Жискару представить эту идея как пришедшую в его собственный мозг — простой мозг — было очень деликатно со стороны Дэниела. Это должно избавить Бейли от выражения благодарности. По крайней мере, так, наверное, думал Дэниел. Бейли и в самом деле злился больше на то, что его без нужды отстраняют от лицезрения Авроры, чем на свое пленение вообще. Он злился в течение двух дней после прыжка. Поэтому он повернулся к Дэниелу и сказал:

— Спасибо, мой друг.

— Это идея Жискара, — ответил Дэниел.

— Да, конечно.

Бейли слегка улыбнулся:

— Я благодарю также и его. Что это, Жискар?

— Это астростимулятор. Он работает вроде трехмерного приемника и связан с помещением обозрения. Если я могу добавить...

— Да?

— Может быть, обозрение не покажется особо интересным. Я не хотел бы, чтобы вы разочаровались.

— Я не буду надеяться на многое, Жискар. В любом случае, не считайте себя ответственным за мое возможное разочарование.

— Спасибо, сэр. Я должен вернуться на свой пост, но Дэниел поможет вам с аппаратом, если у вас возникнут вопросы. Он вышел, а Бейли повернулся к Дэниелу:

— Я думаю, Жискар это здорово устроил. Может, он и простая модель, но сконструирован он хорошо.

— Он тоже робот доктора Фастольфа. Этот астростимулятор самонаводящийся и самоналаживающийся. Поскольку он уже сфокусирован на Аврору, нужно только коснуться контрольной грани. Это включит его, и вы не должны больше делать ничего. Хотите включить его сами?

Бейли пожал плечами. — Все равно. Можете и вы.

— Прекрасно.

Дэниел поставил куб на стол и показал на маленький прямоугольник в руке.

— Это ключ. Вам нужно только поднести его к грани, слегка прижать, и механизм включится, прижать второй раз — он выключится.

Дэниел прижал грань, и Бейли вскрикнул, задохнувшись. Он предполагал, что куб осветится и покажет голографическое изображение звездного пространства. Ничуть не бывало: Бейли сам оказался в космосе с яркими звездами во всех направлениях. Через мгновенье все стало, как прежде: каюта, он, Бейли, в ней, Дэниел и куб.

— Простите, партнер Илайдж, — сказал Дэниел, — я выключил аппарат, как только понял ваше беспокойство. Я не сообразил, что вы не были подготовлены.

— Тогда подготовьте меня. Что случилось?

— Астростимулятор действует непосредственно на зрительный центр человеческого мозга. Впечатление, создаваемое им, неотличимо от трехмерной реальности. Это сравнительно недавнее изобретение, и им пользуются только для астрономических сцен, в которых мало деталей.

— И вы тоже видите это, Дэниел?

— Да, но слабо и без того реализма, какой испы-

тывает человек. Я вижу туманный контур сцены, наложенной на достаточно ясную обстановку комнаты, в то время как человек видит только сцену. Наверное, когда мозг таких, как я, будет настроен более точно…

Бейли преодолел свое головокружение.

— Дело в том, Дэниел, что я ничего не сознавал. Я не сознавал самого себя, не видел своих рук и не знал, где они. Я чувствовал себя бесплотным духом — вроде бы я умер, а мое сознание существует где-то в нематериальной послежизни.

— Теперь я понимаю, почему вы нашли это тревожащим.

— Да, это очень тревожащее.

— Простите, партнер Илайдж. Я скажу Жискару, чтобы он унес куб.

— Нет. Теперь я подготовлен. Дайте мне включить его. Сумею я сделать это, хотя для меня это непросто.

— Ключ прилипнет к вашей руке, так что вы не выроните его. Я слышал от доктора Фастольфа, который изучал этот феномен, что прикосновение происходит автоматически, если человек, держащий ключ, желает выключить аппарат. Этот автоматический феномен основан на действии нервов, как и само зрелище. Во всяком

случае, так происходит с аврорцами, а я думаю…

— … что земляне достаточно похожи на аврорцев физиологически, так что это сработает и на нас. Ну что ж, дайте мне ключ, и я попробую.

Внутренне содрогаясь, Бейли нажал грань и снова очутился в космосе. На этот раз он ожидал этого, и, обнаружив, что может дышать свободно, постарался принять все за зрительную иллюзию и с любопытством озирался вокруг. Он спросил:

— Вы слышите меня, Дэниел?

Он слышал свой голос как бы издалека, но все-таки слышал, а затем услышал голос Дэниела.

— Да, я слышу вас, и вы тоже можете слышать меня. Визуальные и кинетические ощущения смешиваются, чтобы усилить иллюзию реальности, но слух остается незатронутым.

— Но я вижу только обычные звезды. Мы, я думаю, достаточно близко от Авроры, и ее солнце должно быть ярче других звезд.

— Оно очень яркое и затемнено, чтобы уберечь ваши глаза.

— Тогда где же планета Аврора?

— Вы видите созвездие Ориона?

— Да. Вы хотите сказать, что здесь мы видим созвездия так же, как на земном небе, как в планетарии Города?

— Примерно. По звездным расстояниям мы недалеко от Земли и Солнечной системы. Солнце Авроры известно на Земле как Тау Кита. Если вы проведете воображаемую линию от Бетельгейзе к средней звезде пояса Ориона и продолжите ее на равное расстояние и еще чуть-чуть к звезде средней яркости, это и будет планета Аврора. Мы идем быстро, и через несколько дней вы не ошибетесь, увидев ее.

— Ладно, — сказал Бейли. — Я сейчас отключу эту штуку, если будет трудно — помогите…

Но никакого труда это не представило. Аппарат выключился, и Бейли заморгал от внезапного яркого освещения комнаты. Только потом он осознал, что несколько минут как бы пробыл в космосе, без каких-либо защитных стен, однако его земная агорафобия не активизировалась. Он чувствовал себя вполне хорошо, как только принял свое несуществование. Эта мысль смутила его и на некоторое время отвлекла от книгофильмов. Периодически он снова поворачивался к астростимулятору и снова бросал взгляд в космос. Постепенно Аврора становилась ярче. Скоро ее стало легко выделить среди других световых точек, затем безошибочно и, наконец бесспорно. Теперь она стала расти и показывать фазы.

— Мы постепенно выйдем на орбиту вокруг Авроры, — сказал Дэниел, — и фазы будут быстро меняться. Аврора быстрее вращается, чем Земля.

— Да, у нее в сутках двадцать два часа. Это и имеют в виду книги, когда упоминают о метрическом времени?

— Да. Сначала было трудно убедить аврорцев отбросить привычные единицы времени, и они пользовались обеими системами — стандартной и метрической. Но постепенно метрическая взяла верх. Туже систему приняли все Внешние Миры, даже если она не связана с естественным обращением планеты. Конечно, у каждой планеты есть и местная система.

— Как у Земли.

— Да, но Земля пользуется только первоначальным стандартом единиц времени. Это создает некоторые неудобства для Внешних Миров, когда дело касается торговли, но они позволяют считать Земле по-своему.

— Не из дружеских побуждений, я думаю. Я подозреваю, что они хотят этим подчеркнуть отличие от Земли.

Теперь, когда он пользовался астростимулятором, он смотрел на Аврору, как на Землю. Он не видел Землю из космоса, но видел множество

фотографий, и здесь было много общего. Аврора плыла, медленно поворачиваясь. Он смотрел на нее достаточно долго, чтобы это заметить. Сначала все казалось неподвижным, статическим рисунком темных и светлых пятен. Может, эта неподвижность помешала проявлению его агорафобии? Но теперь он видел, что Аврора движется, и понял, что корабль идет по спирали вниз на последней стадии перед посадкой. Облака поднялись вверх… Нет, не облака. Это корабль спускался, и Бейли спускался тоже. Он вдруг ощутил собственное существование. Он стремглав летел вниз сквозь облака. Он падал, ничем не защищенный, сквозь воздух на твердый грунт. Горло его сжалось, стало трудно дышать. Он отчаянно твердил себе: «Ты же закрыт, вокруг тебя стены корабля», но он не чувствовал стен. Он думал: «Если ты и не видишь стен, ты все равно закрыт. Ты завернут в кожу», но он не чувствовал кожи. Это было хуже, чем простая нагота: он был отдельной личностью, сутью ее, ничем не прикрытой живой точкой, непонятно как попавшей в открытый бесконечней мир, и он падал. Он хотел выключить аппарат, прижал кулак к контрольной грани, но ничего не произошло. Его нервные окончания стали такими

ненормальными, что автоматическое сжатие усилием воли не сработало. У него не было воли. Глаза его не закрывались, кулак не прижимался. Он был схвачен и загипнотизирован ужасом, испуган до неподвижности. Он чувствовал только, что перед ним облака, белые, с легким золотисто-оранжевым оттенком. Потом все стало серым — и он начал тонуть. Он не мог дышать, хотя тонул не в воде, а в воздухе. Он изо всех сил старался освободить сжатое горло, позвать на помощь Дэниела, но не мог издать ни одного звука…

Бейли дышал, как после длительного бега. Комната была перекошена, а под его левым локтем была твердая поверхность. Он понял, что лежит на полу. Перед ним стоял на коленях Жискар. Рука робота, твердая и почему-то холодная, держала правый кулак Бейли. Дверь каюты была распахнута. Бейли, не спрашивая, понял, что случилось. Жискар схватил руку беспомощного человека и прижал ее к грани куба, чтобы положить конец астростимуляции. В противном случае…

Дэниел тоже был здесь, и лицо его, казалось, выражало боль.

— Вы ничего не сказали, партнер Илайдж. Если бы я сразу узнал, что вам плохо…

Бейли попытался показать жестом, что пони-

мает. Он еще не мог говорить. Оба робота ждали, пока Бейли сделает слабую попытку встать, и его тут же подняли, посадили в кресло, и Жискар мягко взял у него включающую пластинку.

— Мы скоро сядем, — сказал он, — и астростимулятор вам, я думаю, больше не понадобится.

— Да, и в любом другом случае его лучше унести, — добавил Дэниел.

Жискар вышел, а Дэниел сказал:

— Это наша вина, партнер Илайдж. Зная вашу нелюбовь к открытому пространству, нельзя было давать вам астростимулятор, или, если уж дали, не оставлять вас без пристального наблюдения.

Бейли недовольно покачал головой:

— Не говорите так, Дэниел. Надзора за мной достаточно. Я вот думаю, как будут наблюдать за мной на Авроре.

— Мне кажется, трудно будет позволить вам свободный доступ к Авроре и к аврорцам.

— Именно это мне и следует позволить. Если я хочу узнать правду об этом случае роботоубийства, я должен свободно искать информацию прямо на месте и от людей, замешанных в этом.

Бейли сейчас чувствовал себя вполне хорошо, хотя чуточку устал. Поразительно, что интенсив-

ная обработка, которой он подвергся, оставила в нем желание закурить трубку. Он чувствовал вкус и запах табака, но знал, что это, увы, останется только в памяти. Ни на одном Внешнем Мире не было табака, и если бы он взял с его собой, его все равно отобрали бы и уничтожили.

— Партнер Илайдж, — сказал Дэниел, — об этом вы поговорите с доктором Фастольфом, как только мы прибудем. Я не уполномочен принимать какие-либо решения по этому поводу.

— Это я понимаю, Дэниел, но как я буду говорить с Фастольфом, — через эквивалент астростимулятора с ключом в руке?

— Отнюдь, партнер Илайдж. Вы будете разговаривать лицом к лицу. Он хотел встретить вас в космопорту.

Бейли прислушивался к шумам посадки. Он, конечно, не знал как должна выглядеть посадка. Он не знал механизма корабля, сколько людей на нем, что они будут делать при поездке. Будут ли крики, грохот, вибрация? Он не слышал ничего.

— Вы как будто напряжены, партнер Илайдж? — спросил Дэниел. — Я предпочел бы, чтобы вы сразу сказали о любом неудобстве. Я должен немедленно помочь вам, если вам по каким-то причинам станет плохо.

Слово «должен» было слегка подчеркнуто.

«Конечно, Первый Закон, — подумал Бейли. — Он также страдал на свой лад, как я на свой, когда я потерял сознание, а он не смог вовремя предвидеть это. Нарушение баланса позитронных потенциалов производит в нем тот же дискомфорт и ту же реакцию, как для меня — острая боль. Но откуда мне знать, что есть в подсознании робота, и откуда знать Дэниелу, что происходит во мне?»

Затем, чувствуя угрызения совести за то, что подумал о Дэниеле как о роботе. Бейли посмотрел в его ласковые глаза — давно ли он подумал, что они ласковые? — и сказал:

— Я бы сказал вам сразу о любом дискомфорте, но его нет. Я просто пытался услышать шум, который сказал бы мне о посадке, партнер Дэниел.

— Спасибо, партнер Илайдж, — серьезно произнес Дэниел. Он слегка поклонился. — При посадке не будет никакого неудобства. Вы почувствуете ускорение, но очень незначительное, поскольку эта комната защищена. Может подняться температура, но не больше, чем на два градуса по Цельсию. Что касается звуковых эффектов, то может быть низкий свист, когда мы будем проходить через толщу атмосферы. Что-нибудь из

этого встревожит вас?

— Не должно. Меня беспокоит, что я не могу участвовать в посадке. Мне хотелось бы знать о таких вещах. Мне не нравится быть пленником и не иметь опыта.

— Вы уже обнаружили, что природа опыта не подходит к вашему темпераменту.

— А как я могу преодолеть это, Дэниел, если меня держат здесь?

— Я уже объяснил вам, что вас держат здесь для вашей же безопасности.

Бейли с явным отвращением потряс головой:

— Я нахожу, что это вздор. Со всеми этими ограничениями и моим полным незнанием Авроры мои шансы на успех в деле настолько малы, что вряд ли кто-то в здравом уме захочет сделать попытку остановить меня. А если бы и так, зачем трудиться нападать лично на меня? Не проще ли взорвать корабль?

— Об этом тоже думали, партнер Илайдж. Корабль был тщательно проверен.

— Вы уверены на все сто процентов?

— В таких вещах нельзя быть абсолютно уверенным. Однако Жискару и мне приятнее мысль, что уверенность очень большая, и что мы действуем с минимальной возможностью бедствия.

— А если вы ошиблись?

Что-то вроде спазма прошло по лицу Дэниела, словно этот вопрос нарушил гладкую работу позитронных связей в его мозгу.

— Но мы не ошиблись.

— Вы не можете знать этого. Мы вот-вот совершим посадку, и это наверняка опасный момент. Я не могу прятаться в этой каюте, если должен высадиться на Аврору. Я пройду через корабль в окружении других людей. У вас есть способ сделать высадку безопасной?

Он подкалывал Дэниела, потому что его злило длительное заключение и позор потери сознания, но Дэниел спокойно ответил:

— Есть. И, кстати, сейчас мы уже на поверхности Авроры.

Бейли на мгновение опешил. Он огляделся, но, разумеется, не увидел ничего, кроме каюты. Но он не почувствовал ни ускорения, ни свиста ветра. Может, Дэниел намеренно заговорил снова о личной опасности для Бейли, чтобы он, Бейли, не думал ни о чем другом.

— Да, но нам еще надо сойти с корабля. Как я это сделаю, не оказавшись уязвимым для возможных врагов?

Дэниел подошел к стене и коснулся ее. Стена

быстро разошлась на две половины, и Бейли увидел длинный туннель.

Тут же вошел Жискар и сказал:

— Сэр, мы втроем пойдем через выходную трубу. Другой конец под наблюдением. Там нас ждет доктор Фастольф.

— Мы приняли все меры предосторожности, — добавил Дэниел.

— Приношу свои извинения Дэниелу и Жискару, — пробормотал Бейли.

Он мрачно вошел в трубу. Бее эти предосторожности уверили его в том, что они не напрасны. Бейли не считал себя трусом, но он был на чужой планете, не имел возможности отличать друзей от врагов, порадоваться чему-то знакомому, исключая, конечно, Дэниела. Он с содроганием подумал, что в критический момент он должен оказаться без ограды, которая грела его и давала уверенность.

Доктор Фастольф действительно ждал и улыбался. Он был высок, худощав, с редеющими темными волосами. И, конечно, уши. Бейли до сих пор помнил их. Большие, оттопыренные, они придавали Фастольфу несколько юмористический, домашний вид. Бейли улыбнулся больше этим ушам, чем приветствию Фастольфа. Он было

подумал: «Неужели медицинская техника Авроры не в силах сделать небольшую пластическую операцию, чтобы исправить эти нескладные уши?», но вполне возможно, что Фастольфу нравился их вид, и Бейли, как ни странно, тоже. Должно же быть что-то в лице, что заставляет людей улыбаться. Может, Фастольф хотел нравиться с первого взгляда, а может, находил полезным, чтобы его несколько недооценивали? Или как раз наоборот?

Фастольф обратился к гостю:

— Детектив Илайдж Бейли, я хорошо помню вас, хотя всегда вспоминаю лицо актера, изображавшего вас.

Бейли скривился:

— Эта гиперволновая постановка преследует меня, доктор Фастольф. Хотел бы я знать, когда я от нее избавлюсь.

— Никогда, — добродушно ответил Фастольф. — Но если она вам не нравится, мы тут же вычеркнем ее из нашего разговора. Я больше не упомяну о ней, идет?

— Спасибо.

Бейли с неожиданным расчетом протянул руку Фастольфу.

Фастольф заметно заколебался, а затем осто-

рожно взял руку Бейли — очень ненадолго — и сказал: — Я хочу верить, что вы не являетесь ходячим мешком с микробами, мистер Бейли. — Затем он жалобно добавил, поглядывая на свои руки: — Правда, я должен признаться, что мои руки покрыты пленкой. Я — плод иррациональных страхов своего общества.

Бейли пожал плечами.

— Как и все мы. Я не получаю удовольствия от мысли о пребывании Снаружи — на открытом воздухе. Коли на то пошло, я не в восторге от приезда на Аврору при данных обстоятельствах.

— Я это прекрасно понимаю, мистер Бейли. У меня здесь для вас закрытый кар, а когда мы приедем ко мне, то сделаем все возможное, чтобы вы продолжали оставаться в помещении.

— Спасибо, но во время моего пребывания на Авроре мне придется время от времени бывать Снаружи. Я готовился к этому, как мог.

— Я понимаю, но мы будем навязывать вам пребывание Снаружи только в случае необходимости. Сейчас в этом нужды нет, поэтому вы будете изолированы от внешних условий.

Кар ждал у самого туннеля. За Бейли шли Дэниел и Жискар, также разные внешне, но совершенно одинаковые по серьезной, выжида-

ющей манере, и оба бесконечно терпеливые.

Фастольф открыл заднюю дверцу кара.

— Пожалуйста, входите.

Бейли вошел. Дэниел быстро вошел за ним, а Жискар практически одновременно вошел с другой стороны. Бейли оказался заклиненным, но без давления, между ними. Вообще-то он порадовался, что между ним и Снаружи с обеих сторон были крепкие тела роботов. Но Снаружи здесь и не было. Как только Фастольф сел на переднее сиденье и захлопнул дверцу, стекла потемнели, и внутри кара зажегся искусственный свет.

— Я обычно так не езжу, — сказал Фастольф, — но для меня это не имеет значения, а вам будет удобнее. Кар полностью компьютезирован, знает дорогу и обойдет любые препятствия. Нам не нужно вмешиваться.

Последовало слабое ощущение ускорения и затем почти незаметное чувство движения.

— Это безопасный проход, мистер Бейли. Я немало потрудился, чтобы лишь очень немногие знали, что вы поедете в этом каре, и никто вас в нем не увидел. Путешествие будет недолгим, но если хотите, можете подремать. Здесь вы в безопасности.

— Вы думаете, что мне грозит опасность? Меня

защищали в корабле, а сейчас — снова.

Бейли оглядел тесное нутро кара, который окружил его металлическим корпусом и непрозрачными стеклами не говоря о металлической основе роботов.

Фастольф засмеялся: — Я перестарался, я понимаю, но вы приехали сюда вовремя нашего кризиса, и лучше уж я, как дурак, перестараюсь, чем пойду на страшный риск в результате недоработки.

— Я уверен, доктор Фастольф, что вы понимаете: мой провал будет ударом по Земле.

— Прекрасно понимаю. Я решил предупредить ваш провал, поверьте мне.

— Я верю. Кроме того, мой провал здесь по каким бы то ни было причинам будет также моим личным и служебным крушением на Земле.

Фастольф повернулся на сиденье и ошеломленно посмотрел на Бейли.

— Серьезно? Это же незаконно!

Бейли пожал плечами.

— Согласен, но так будет. Я буду явной мишенью для отчаявшегося земного правительства.

— Но я не имел этого в виду, когда приглашал вас, мистер Бей ли. Вы можете быть уверены, что я сделаю все, что в моих силах.

Хотя, по совести говоря, я мало что смогу, если мы потерпим провал. Фастольф опустил глаза.

— Я это знаю, — угрюмо сказал Бейли, и, откинувшись на мягкую спинку сиденья, закрыл глаза. Кар чуть-чуть покачивался, но Бейли не спал: он крепко задумался.

Бейли не коснулся Снаружи и в конце своего путешествия. Выйдя из машины, он оказался в подземном гараже, откуда поднялся на маленьком лифте на поверхностный уровень. Его ввели в солнечную комнату, так что он слегка поежился, пройдя через прямые лучи солнца. Фастольф заметил это.

— Стекла прозрачные, но их можно затемнить. Я сейчас это сделаю, если желаете. Вообще-то я должен был сам подумать об этом.

— Не нужно, — ворчливо сказал Бейли. — Я сяду спиной к ним. Надо привыкать.

— Как хотите. Но сразу же дайте мне знать, если вам станет неприятно, мистер Бейли. Сейчас в этой части Авроры позднее утро. Я не знаю, какого личного времени вы придерживались на корабле. Если вы уже очень давно проснулись, то, может быть, хотите спать, и это можно устроить. Если же вы хотите есть, то я приглашаю вас на ленч.

— По моему личному времени последнее будет как раз кстати.

— Прекрасно. Напомню вам, что наш день примерно на семь процентов короче земного. Это не должно вызывать у вас нарушения биоритма, но если это случится, мы постараемся приноровиться к вам.

— Спасибо.

— И, наконец… я мало представляю, какую пищу вы предпочитаете.

— Я ем все, что мне дают.

— Тем не менее, если что-нибудь покажется вам невкусным, я не обижусь.

— Спасибо.

— Вы не против, чтобы Дэниел и Жискар присоединились к нам?

Бейли улыбнулся: — Они тоже будут есть?

— Нет, но я хочу, чтобы они все время были с вами.

— Опять опасность? Даже здесь?

Вошел робот:

— Сэр, ленч подан.

Фастольф кивнул:

— Прекрасно, Фэбер. Через несколько минут мы сядем за стол.

— У вас много роботов? — спросил Бейли.

— Совсем немного. Мы не соляриане, чтобы иметь десять тысяч роботов на одного человека, но у меня их количество выше среднего — пятьдесят семь. Дом большой, он служит мне и офисом, и мастерской. Кроме того, моя жена, когда она у меня есть, тоже должна иметь достаточно места, чтобы быть вдали от моей работы в отдельном крыле, которое обслуживается независимо.

— Ну; из пятидесяти семи роботов, я думаю, вы можете выделить двух. Я чувствую себя менее виноватым, что вы послали Дэниела и Жискара за мной на Землю.

— Уверяю вас, это был не случайный выбор, мистер Бейли. Жискар — мой мажордом и моя правая рука. Он был со мной с тех пор, как я стал взрослым.

— Однако вы послали его за мной. Я польщен.

— Это мера вашей значимости, мистер Бейли. Жискар — самый надежный из моих роботов, сильный и крепкий.

Глаза Бейли стрельнули по Дэниелу, и Фастольф добавил:

— Я не включаю в эти расчеты своего друга Дэниела. Он не слуга, а достижение, которым я бесконечно горд. Он первый этого класса. В то время, как доктор Сартон был его дизайнером и

моделью, человеком, которого…

Он сделал деликатную паузу, но Бейли быстро кивнул и сказал: — Я понимаю.

Ему не требовалось конца фразы со ссылкой на убийство Сартона на Земле.

— В то время, как Сартон наблюдал за актуальной конструкцией, — продолжал Фастольф, — я вел теоретические расчеты, чтобы сделать Дэниела возможным.

Он улыбнулся Дэниелу, который благодарно поклонился.

— Но был еще и Джандер, — сказал Бейли.

— Да. — Фастольф покачал головой и опустил глаза. — Я, наверное, должен был оставить его у себя, как Дэниела. Но он был вторым моим человекоподобным роботом, а это уже другое дело. Дэниел мой первенец, так сказать.

— И вы больше не конструируете человекоподобных роботов?

— Нет… Но пошли завтракать. Не думаю, что население Земли привыкло к тому, что я назвал бы натуральной пищей. У нас салат из креветок с хлебом и сыром, молоко, если желаете, или любой фруктовый сок. На десерт мороженое.

— Традиционные земные блюда, — сказал Бейли, — которые в своей первоначальной форме

существуют только в древней литературе Земли.

— Они не очень обычны и на Авроре, но я не думаю, что имеет смысл заставлять вас принять версию нашего гурманского обеда — те же блюда, но с различными аврорскими пряностями. К их вкусу надо привыкнуть. — Фастольф встал. — Прошу вас, мистер Бейли. Мы будем только вдвоем и не станем останавливаться на церемониях обеденного ритуала.

— Спасибо. Я принимаю это как дружеский жест. Во время путешествия я от скуки довольно внимательно просматривал материалы об Авроре, и знаю, что настоящая вежливость требует столько церемоний в еде, что я испугался.

— Не бойтесь.

— Не можем ли мы нарушить церемонию до такой степени, чтобы говорить за едой о делах, доктор Фастольф? Мне нельзя терять время.

— Я согласен с этой точкой зрения. Мы в самом деле будем говорить о делах, и надеюсь, вы никому не скажете о таком нарушении приличий: я не хотел бы быть вычеркнутым из благовоспитанного общества. — Фастольф усмехнулся:

— Но я не смеюсь. Тут нет ничего смешного. Потеря времени — это не только неудобство, она легко может стать фатальной.

Комната, в которую первоначально привели Бейли, была гостиной: несколько стульев, комод, что-то вроде пианино, но с медными клапанами вместо клавиш, несколько абстрактных картин на стенах. Пол был гладкий, шахматного рисунка в несколько оттенков коричневого, возможно, предназначенных напоминать дерево, и блестящий, как только что натертый воском, но совсем не скользкий.

Столовая, хотя и на том же этаже была совсем другой. Длинная, прямоугольная, перегруженная украшениями. В ней стояло шесть квадратных столов, которые можно было составить в разных сочетаниях. Вдоль короткой стены располагался бар с яркими, разных цветов, бутылками, стоявшими перёд изогнутым зеркалом, которое, казалось, бесконечно продолжало комнату в своем отражении. Вдоль второй короткой стены находились четыре ниши, и в каждой ждал робот. Обе длинные стены были мозаичные, с медленно изменяющимися красками. Одна представляла собой планетную сцену, хотя Бейли не мог сказать, Аврора это или другая планета, или вообще нечто воображаемое. На одном конце ее было пшеничное поле, полное замысловатых сельскохозяйственных машин, управляемых

роботами. Когда Глаз шел вдоль стены, он видел разбросанные жилища, которые на другом конце стены превращались, как показалось Бейли, в аврорскую версию Города. Другая длинная стена была астрономической. Голубовато-белая планета, освещенная солнцем, отражала его свет таким образом, что казалось, будто она медленно поворачивается. Планету окружали звезды — одни тусклые, другие яркие, они тоже, казалось, меняли рисунок, но если внимательно приглядеться к одной какой-нибудь группе, то видно, что звезды неподвижны.

Бейли нашел все это путаным и отталкивающим.

— Это скорее работа искусства, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Слишком экспансивно, чтобы быть ценным. Но Фании хотелось. Фания — моя теперешняя партнерша.

— Она будет завтракать с нами?

— Нет. Как я говорил, мы будем вдвоем. *Я* просил ее остаться на некоторое время в своей квартире. Я не хочу втягивать ее в нашу проблему. Вы понимаете?

— Да, конечно.

— Садитесь, пожалуйста.

Один стол был заставлен тарелками, чашками

и хитроумными приборами, которые далеко не все были знакомы Бейли. В центре стоял высокий конусообразный цилиндр, напоминающий гигантскую шахматную пешку из серого камня. Бейли, едва усевшись, не мог удержаться, чтобы не тронуть его пальцем. Фастольф улыбнулся:

— Это прибор для специй. Он снабжен простым управлением, позволяющим положить точное количество любой из десятка различных приправ в любую порцию блюд.

Чтобы правильно это сделать, сосуд подкидывают и выполняют замысловатые движения, что само по себе бессмысленно, но светские аврорцы весьма ценят это, как символ изящества, с каким будет подана пища. Когда я был молод, я мог тремя пальцами сделать тройной подкид и получить соль, когда прибор стукнется о мою ладонь. Теперь, попробовав это, рискую разбить голову своему гостю. Я уверен, что вы не обидитесь, если я не стану пытаться.

— Я даже настаиваю, чтобы вы не пытались, доктор Фастольф.

Один робот поставил на стол салат, второй принес поднос с фруктовыми соками, третий — хлеб и сыр, а четвертый — салфетки. Все четверо работали согласованно, не сталкиваясь и без

каких-либо затруднений. Бейли ошеломленно следил за ними. Они одновременно подошли к столу с каждой стороны, потом отступили, поклонились в унисон, повернулись вместе и вернулись в свои ниши в дальнем конце комнаты. Бейли вдруг осознал, что Дэниел и Жискар тоже здесь. Он не видел, как он и вошли. Они стояли в нишах. Дэниел был в ближней.

— Теперь, когда они ушли, — сказал Фастольф, — если не считать, что они здесь... — он сделал паузу и жалобно покачал головой. — Обычно роботы уходят до начала ленча. Роботы не едят, поэтому, кто не ест — уходит. В конце концов, это стало ритуалом. Но в данном случае...

— ... они не ушли, — сказал Бейли.

— Да. Я думал, что безопасность важнее этикета, и что вы, не будучи аврорцем, не обидитесь.

Бейли ждал, пока Фастольф первым начнет есть. Фастольф взял вилку, тоже сделал и Бейли. Фастольф действовал медленно, позволяя Бейли точно повторять движения. Бейли осторожно куснул креветку и нашел ее восхитительной. Он узнал вкус: он напоминал пасту из креветок, производимую на Земле, но был неизмеримо нежнее и богаче. Он медленно жевал и, несмотря на желание заняться делами, обнаружил, что все его

внимание поглощено едой, и немыслимо думать о чем-то другом. Первый шаг сделал опять-таки Фастольф:

— Не начать ли нам разговор о деле, мистер Бейли?

Бейли почувствовал, что краснеет:

— Да, конечно. Прошу прощения. Ваша аврорская пища так поразила меня, что мне трудно было думать еще о чем-то. Проблема из-за вашего ремесла, не так ли?

— Почему вы так решили?

— Как я слышал, кто-то совершил роботоубийство, требующее большой опытности.

— Роботоубийство? Интересный термин. Конечно, я понимаю, что вы имеете в виду. Вам сказали правду. Это дело требует огромной опытности.

— Как я слышал, только вы можете судить об этом.

— Это тоже правда.

— И вы допускаете, даже настаиваете, что только вы могли довести Джандера до умственного замораживания?

— Этой в самом деле так, мистер Бейли. Я не мог бы солгать, даже если бы хотел. Известно, что я выдающийся теоретик роботехники во всех Пятидесяти Мирах.

— А не может ли быть второй по значению теоретик роботехники, третий или даже четвертый, обладающий необходимыми способностями и знаниями для свершения этого деяния? Разве обязательно быть самым лучшим?

— По-моему, — спокойно сказал Фастольф, — это дело требует самых лучших способностей. Я уверен, что только я мог бы выполнить эту задачу. Не забудьте, что лучшие головы в роботехнике, включая и мою, специально занимались созданием такого позитронного мозга, который нельзя привести к умственному замораживанию.

— И вы уверены в этом?

— Полностью.

— И вы заявили об этом публично?

— Конечно. Здесь было общественное расследование, мой дорогой землянин. Мне задавали те же вопросы, что и вы, и я отвечал правду. Так принято на Авроре.

— В данный момент я спрашиваю не о том, насколько искренне вы отвечали. Но не управляла ли вами естественная гордыня?

— Вы хотите сказать, что моя забота о том, чтобы считаться лучшим, заставила меня добровольно оказаться в таком положении, когда все будут считать, что именно я заморозил мозг

Джандера?

— Я показываю вам, как вы спасаете свою научную репутацию, разрушая свой политический и общественный статус.

— Понятно. У вас интересный ход мышления, мистер Бейли. Нет, мне это не приходило в голову. Вы думаете, что в выборе между возможностью считаться вторым или взять на себя вину в — как это вы говорите? — роботоубийстве, я сознательно соглашусь на последнее?

— Нет, доктор Фастольф, я не хочу представить дело так проста Не могло ли быть так, что вы обманываетесь, считая себя крупнейшим роботехником, не имеющим соперников, и цепляетесь за это, потому что бес сознательно, доктор Фастольф, понимаете, что вас переплюнул кто-то другой?

— Нет, мистер Бейли. Совершенно неправильно.

— Спасибо. Вы уверены, что никто из ваших коллег не может сравниться с вами?

— Очень немногие способны вообще иметь дело с человекоподобными роботами. Конструкция Дэниела создала, в сущности, новую профессию, для которой нет даже названия. Из теоретиков роботехники на Авроре никто, кроме меня, не

понимает работы позитронного мозга Дэниела. Понимал доктор Сартон, но он умер, да и он не понимал этого так хорошо, как я. Базисная теория моя.

— Вы это начали, но вы, разумеется, не можете надеяться остаться единственным. Разве никто не изучает теорию?

Фастольф твердо покачал головой:

— Никто. Я никого не учил, и не верю, чтобы кто-нибудь из ныне живущих роботехников разработал бы собственную теорию.

Бейли сказал с легким раздражением:

— Может быть, какой-нибудь молодой человек, только что из университета, более сообразительный, чем другие…

— Нет. Такого молодого человека я бы знал. Он прошел бы через мои лаборатории. Он работал бы со мной. В данный момент такого человека не существует. Когда-нибудь будет, может, и не один, но сейчас — нет!

— Стало быть, если вы умрете, новая наука умрет вместе с вами?

— Мне всего сто шестьдесят лет — примерно сто тридцать пять по земному времени. По авроpским стандартам я еще совсем молод, и по медицинским показаниям можно считать, что

я еще не перевалил за половину жизни. У нас нередко доживают до четырехсот лет — местных, конечно. Так что, у меня хватит времени научить кого-то.

Они покончили с едой, но из-за стола не встали, и ни один робот не подошел убрать посуду.

Бейли прищурился и сказан: — Доктор Фастольф, два года назад я был на Солярии. Там у меня сложилось впечатление, что соляриане самые умелые роботехники из всех Внешних Миров.

— В целом, наверное, так.

— Никто из них не мог убить Джандера?

— Никто. Они специалисты по роботам, которые в лучшем случае не сложнее моего доброго надежного Жискара. В конструировании человекоподобных роботов соляриане ничего не смыслят.

— Откуда вы знаете?

— Вы были на Солярии и хорошо знаете, что соляриане с величайшей неохотой приближаются друг к другу, что они общаются только по трехмерному видео, исключая те случаи, когда требуется обязательный сексуальный контакт. Как вы думаете, захочет ли кто-нибудь создать робота, столь похожего на человека, что он может

вызвать у них невроз? Они будут избегать его, поскольку он выглядит, как человек, и, конечно, не сочтут возможным пользоваться им.

— Ане могло быть солярианина, показывающего терпимость к человеческому телу?

— Может быть, такие и есть, не отрицаю, но на Авроре в этом году нет ни одного солярианина. Они не любят входить в контакт даже с аврорцами, разве что по самым важным делам, и никто из них не приезжает сюда, да и на любой другой мир. Если же дело важное, они держатся на орбите и общаются с нами по электронной связи.

— В таком случае, если, кроме вас, некому было убить Джандера, то это сделали вы?

— Дэниел, наверное, сказал вам, что я это отрицаю. И я скажу вам то же самое: я этого не делал.

Бейли кивнул: — Но если вы этого не делали, и никто другой не мог сделать, то… подождите-ка, возможно, я делаю недозволенное предположение: Джандер действительно умер, или меня вызвали сюда под фальшивым предлогом?

— Робот действительно уничтожен. *Я* могу показать вам его, если Совет не запретит мне доступ к нему до конца дня, но я не думаю, что это сделают.

— Кто же тогда совершил преступление?

Фастольф вздохнул: — Никто его не совершал. Это было самопроизвольное событие в позитронном потоке мозговых путей, и оно вызвало умственное замораживание.

— Это правдоподобно?

— Нет, совершенно неправдоподобно, но это единственное, что могло случиться.

— Но не скажут ли, что больше шансов за то, что вы солгали, чем за то, что случилась такая вещь?

— Многие скажут именно так. К счастью, я знаю, что я этого не делал, и остается только возможность самопроизвольного замораживания.

— И вы хотите, чтобы я доказал, что такое самопроизвольное событие имело место?

— Да.

— Но как это можно доказать? А похоже, что только доказав это, я спасу вас, Землю и себя.

— В порядке возрастающей важности, мистер Бейли?

— Ну, ладно: вас, меня и Землю.

— Боюсь, — сказал Фастольф, — что, подумав, я пришел к заключению, что такого доказательства получить нельзя.

Бейли в ужасе посмотрел на Фастольфа. — Нельзя?

— Никак. — Фастольф, отвлекшись, схватил

прибор для специй. — Знаете, мне интересно, смогу ли я сделать тройной подкид.

Он подбросил прибор в воздух расчетливым движением запястья. Прибор перевернулся. Пока он падал, Фастольф поймал его узкий конец на ребро правой ладони и слегка подкинул, а затем поймал на ребро левой ладони. Прибор снова взлетел вверх, перевернулся, упал на ребро правой ладони, а затем опять на ребро левой. После этих трех подкидов прибор взлетел еще раз. Фастольф поймал его в правый кулак, держа поблизости левую руку ладонью вверх. Как только прибор был схвачен, Фастольф показал левую руку, в которой была щепотка соли.

— Это детская игра для научного разума, усилия совершенно непропорциональны результату — щепотки соли, но хороший аврорский хозяин гордится, что способен это сделать. Есть такие умельцы, которые держат прибор в воздухе до полутора минут, двигая руками с такой быстротой, что глаз не успевает следить за ними. — Затем он задумчиво добавил: — Конечно, Дэниел может произвести эти действия лучше и быстрее любого человека. *Я* испробовал его в этом отношении, чтобы проверить работу мозга, но заставлять его показывать такие таланты на публике было

бы в корне неправильно: ненужное унижение человека-умельца. Но давайте вернемся к делам.

— Вы ведете меня к этой цели через парсеки.

— Да, это верно.

— Доктор Фастольф, какова причина этого вашего показа?

— Ну, мне кажется, мы зашли в тупик. Я привез вас сюда, чтобы сделать нечто, чего нельзя сделать. Ваше лицо было достаточно красноречивым, и, сказать по правде, я тоже чувствовал себя не лучше. Следовательно, нужна была разрядка. А теперь — за дело.

— За неразрешимую задачу?

— Почему ей быть неразрешимой для вас, мистер Бейли. Судя по вашей репутации, вы достигаете невозможного.

— По гиперволновой драме? Неужели вы верите этому дурацкому искажению того, что случилось на Солярии?

Фастольф развел руками. — Это моя единственная надежда.

— А у меня нет выбора. Я должен продолжать попытки, я не могу вернуться домой с неудачей. Мне было сказано об этом достаточно ясно. Скажите, доктор Фастольф, как можно было бы убить Джандера? Какие манипуляции над его мозгом

надо было проделать?

— Мистер Бейли, я не уверен, что сумею объяснить это даже роботехнику, каковым вы, конечно, не являетесь. Однако я все-таки попробую. Вы, конечно знаете, что роботы были изобретены на Земле.

— Но земное происхождение роботов ясно всякому, кто об этом подумает. Общеизвестно, что гиперкосмические путешествия развивались с помощью роботов, а поскольку без этих путешествий Внешние Миры не были бы заселены, ясно, что роботы существовали еще в то время, когда Земля была единственной обитаемой планетой. Значит, роботы были изобретены на Земле землянами.

— Однако, Земля не гордится этим, не так ли?

— Не будем об этом, — коротко сказал Бейли.

— Земляне знают что-нибудь о Сьюзен Келвин?

— Я встречал это имя в старых книгах. Она была из пионеров роботехники.

— И вы больше ничего о ней не знаете?

— Я полагаю, что мог найти больше, если бы порылся в записях, у меня не было подходящего случая.

— Странное дело, — сказал Фастольф. — Она

полубогиня для всех космонитов, но лишь очень немногие, за исключением настоящих роботехников, считают ее женщиной Земли. Это казалось бы космонитам профанацией. Они отказались бы верить, если им сказать, что она прожила едва ли более сотни наших лет. А вы знаете ее только как зачинательницу.

— Она имеет какое-то отношение к нашему делу, доктор Фастольф?

— Косвенное. Видите ли, вокруг ее имени собралось множество легенд. Большая часть их — выдумки, но люди держатся за них. Одна из самых известных — и самая неправдоподобная — касается робота, созданного в те примитивные времена, который, благодаря какой-то ошибке в производстве, получил телепатические способности.

— Как?!

— Я же вам сказал, что это легенда. Есть некоторые теоретические основания предположить, что это возможно, но совершенно непонятно, как можно включить такую способность. Но чтобы она могла появиться в позитронном мозге простом и грубом, какие были до гиперпространственной эры — это вообще немыслимо. Поэтому мы полностью уверены, что эта легенда — вымы-

сел. Но позвольте мне рассказать ее, потому что у нее есть мораль.

— 6 любом случае давайте.

— Робот этот умел читать мысли, и когда ему задавали вопросы, он отвечал спрашивающему то, что тот желал услышать. По Первому Закону робот не может нанести человеку вред физический. Робот, читающий мысли, видимо, решил, что разочарование, злость или любые другие жестокие эмоции делают человека несчастным, и он относил эти эмоции под рубрику «вред». И если робот-телепат знал, что правда будет неприятна вопрошающему, он говорил ему приятную ложь. Понимаете? — Да, конечно.

— Итак, робот солгал самой Сьюзен Келвин. Ложь скоро вышла наружу, потому что разные люди слышали разные вещи, которые оказались несовместимыми между собой, но и шли вразрез с очевидностью. Сьюзен Келвин обнаружила, что робот солгал ей, и что эта ложь поставила ее в неудобное положение и принесла ей тяжелое разочарование. Вы никогда не слышали этой истории?

— Нет, даю слово.

— Поразительно! Она наверняка придумана не на Авроре, ибо одинакова на всех мирах. И Кел-

вин решила отомстить. Она указала роботу, что, говорит ли он правду или ложь, он одинаково вредит тому, с кем имеет дело, и в обоих случаях нарушает Первый Закон. Робот, поняв это, вынужденно пришел к пол ному бездействию. Говоря более красочно, его позитронные связи сгорел и, мозг оказался непоправимо разрушенным.

— Как я понимаю, нечто вроде этого случилось с Джандером Пэнелом? Он встретился с противоречием в словах, и мозг его сгорел?

— Похоже на то, хотя это не так легко сделать, как во времена Сьюзен Келвин. Может быть, из-за этой легенды роботехники всегда затрудняют возможность противоречий. Поскольку теория позитронного мозга становится более тонкой, а практические проекты — все более замысловатыми, были созданы невероятно удачные системы для всех ситуаций, могущих иметь неадекватное решение, так что любое действие всегда можно перевести как повиновение Первому Закону. Но эти удачные системы не могут быть полностью удачными. Как бы тонок и сложен ни был мозг, всегда найдется какой-то путь поставить противоречие. Это основная математическая истина. И шанс на противоречие никогда не удается свести к нулю. Тем не менее, этот шанс настолько

близок к нулю, что довести мозг до умственного замораживания может только очень знающий теоретик.

— Вроде вас.

— Да. А в случае человекоподобного робота — только я.

— Или вообще никто, — иронически заметил Бейли.

— Или вообще никто, — сказал Фастольф, игнорируя иронию. — Человекоподобные роботы конструируются с намеренной имитацией человека. Позитронный мозг очень нежен и так же хрупок, как человеческий. Как у человека может быть удар от какого-либо неожиданного события, удар изнутри, без вмешательства внешнего эффекта, таки человекоподобный мозг может от случайных бесцельных движений позитронов впасть в умственное замораживание.

— Вы можете это доказать?

— Я могу доказать это математически, но лишь тем, кто понимает математику, и не все согласятся, что рассуждение веское. Оно включает некоторые мои предположения, которые не соответствуют обычной манере мышления в роботехнике.

— Какова вероятность самопроизвольного ум-

ственного замораживания?

— Если взять, скажем, сто тысяч человекоподобных роботов, то с одним из них за время жизни аврорца может случиться такое. Но может и раньше, как случилось с Джандером.

— Послушайте, доктор Фастольф, если вы убедительно докажете, что самопроизвольное умственное замораживание может произойти вообще, это не будет доказательством, что такая вещь случилась с Джандером в частности.

— Да, — согласился Фастольф, — вы правы.

— Вы, величайший роботехник, не можете доказать этого в специфическом случае с Джандером.

— Вы опять-таки правы.

— Тогда почему вы надеетесь на меня? Что я могу сделать, если я ничего не смыслю в роботехнике?

— Тут ничего и не нужно доказывать, достаточно представить предположение, что именно могло вызвать самопроизвольное умственное замораживание, предположение, приемлемое для широкой публики.

— Например?

— Не знаю.

— Вы уверены, что не знаете? — резко спросил

Бейли. — Позвольте мне указать вам одну вещь. Я думаю, аврорцы в основном знают, что я приехал на эту планету с целью взяться за вашу проблему. Трудно было бы привезти меня сюда тайно, учитывая, что я землянин, а это Аврора.

— Да, конечно, я и не пытался это сделать. Я посоветовался с Председателем Совета и убедил его дать мне разрешение привезти вас. Таким образом, я добился отсрочки суда. Вам дается шанс раскрыть тайну до того, как я предстану перед судом. Я сомневаюсь, что отсрочка будет долгой.

— Я повторяю: аврорцы знают, что я здесь и предполагаю разрешить загадку смерти Джандера.

— Конечно. Другой причины не могло и быть.

— И с тех пор, как я сел на корабль, вы держите меня под замком и под охраной, чтобы ваши враги не попытались устранить меня, словно я какой-то волшебник и обязательно приведу вас к победе, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства.

— Боюсь, что так.

— А допустим, что кому-то из ваших врагов удалось бы убить меня. Не окажется ли это вам на пользу? Не скажут ли люди, что ваши враги сами считают вас невиновным, иначе они не боялись

бы расследования и не желали бы убить меня?

— Довольно сложное рассуждение. Полагаю, что ваша смерть, правильно организованная, могла бы послужить такой цели, но этого не произойдет. Вы под защитой, и вас не убьют.

— Но зачем защищать меня? Почему не позволить убить меня и использовать мою смерть как путь к победе?

— Я предпочел бы, чтобы вы остались в живых и действительно продемонстрировали мою невиновность.

— Но вы знаете, что я не могу этого сделать.

— А вдруг сможете? У вас есть стимул: от вашего дела зависит благополучие Земли, и, как вы сами сказали, ваша карьера.

— А что толку в стимуле? Если вы прикажете мне взлететь под потолок, угрожая в случае неудачи мучительной смертью, стимул у меня будет, но взлететь я все равно не смогу.

— Я знаю, что шансы очень малы, — неохотно сказал Фастольф.

— Вы знаете, что их не существует, — яростно сказал Бейли, — и только моя смерть может спасти вас.

— Ну, тогда я не буду спасен, поскольку забочусь, чтобы мои враги не дотянулись до вас.

— Новы можете дотянуться до меня. Вы сами могли бы убить меня и подстроить дел о так, будто это сделали ваши недруги. Тогда вы могли бы использовать мою смерть против них. Вот почему вы привезли меня на Аврору.

Фастольф с удивлением поглядел на Бейли, затем его лицо побагровело и исказилось в жестоком оскале. Схватив прибор для пряностей, он высоко поднял его и размахнулся, чтобы швырнуть им в Бейли. Бейли, полностью ошеломленный, откинулся на спинку стула. Как ни быстро действовал Фастольф, Дэниел среагировал еще быстрее. Бейли, совершенно забывший о существовании Дэниела, увидел смутный рывок, услышал неопределенный звук, а затем Дэниел уже стоял рядом с Фастольфом, держа прибор для пряностей и говорил:

— Надеюсь, доктор Фастольф, я ничем не повредил вам?

Бейли смутно отметил, что по другую сторону Фастольфа стоял Жискар, а все четыре робота, стоявшие у дальней стены, теперь подошли к самому обеденному столу.

Слегка задохнувшись, растрепанный Фастольф сказал: — Нет, Дэниел, ты действовал отлично. — Он возвысил голос: — Вы все действовали хорошо,

но помните, что вы не должны были медлить, даже если я сам участвую.

Он мягко рассмеялся и снова сел, приглаживая волосы.

— Извините, мистер Бейли, что я напугал вас, но я чувствовал, что демонстрация будет более убедительной, чем все мои слова.

Бейли, перед этим рефлекторно съежившийся, ослабил ворот и сказал чуточку хрипло: — Боюсь, что я ожидал только слов, но признаю, что демонстрация была убедительной. Я рад, что Дэниел оказался достаточно близко, чтобы обезоружить вас.

— Никто из них не был достаточно близко, но Дэниел был ближе других, и поэтому подбежал первым. Он подошел достаточно близко, чтобы мягко управиться со мной. Будь он дальше, он мог бы вывихнуть мне руку или сбить меня с ног.

— Неужели он зашел бы так далеко?

— Мистер Бейли, я дал инструкцию защищать вас, а я умею давать инструкции. Они не поколебались бы спасти вас, даже если бы для этого пришлось повредить мне. Конечно, они постарались бы причинить мне минимум вреда, как это и сделал Дэниел. Он повредил только моему достоинству и растрепал мне волосы. И пальцы у

меня немного онемели.

Он печально сгибал их.

Бейли глубоко вздохнул, пытаясь оправиться от короткого замешательства: — А стал бы Дэниел защищать меня без ваших особых инструкций?

— Без сомнения. Не думайте, что реакция робота — просто «да» или «нет», «вверх» или «вниз», «внутрь» или «наружу». Это обычная ошибка непрофессионалов. Тут дело в скорости реакции. Мои инструкции насчет вас был и сформулированы так, что потенциал, и так очень высокий в роботах моего дома, включая Дэниела, стал еще выше. Следовательно, реакция на явную опасность для вас исключительно быстрая. *Я* знал, что так должно быть, и поэтому мог замахнуться на вас со всей возможной для меня быстротой и дать вам наиболее убедительную демонстрацию моей неспособности повредить вам.

— Да, но я не вполне благодарен вам за нее.

— О, я целиком и полностью доверяю своим роботам, особенно Дэниелу. Мне слишком поздно пришло в голову, что если бы я тут же не выпустил прибор, Дэниел мог бы — против своей воли или ее эквивалента у робота — сломать мне руку.

— А мне пришло в голову, что это был глупый

риск с вашей стороны.

— Я тоже так подумал… пост фактум. Если хотите, швырните прибор в меня. Дэниел сразу же предупредит ваше движение, хотя и не с такой скоростью, поскольку он не получал инструкций о моей безопасности. Я надеюсь, что он будет достаточно проворен и спасет меня, но я предпочел бы не проверять. — Фастольф улыбнулся.

— А если на дом будет сброшено с воздушной машины какое-нибудь взрывное устройство?

— Мои роботы не могут защитить от всего, но подобные террористические акты невероятны на Авроре. Я думаю, мы не будем говорить по этому поводу.

— Я не буду. И у меня нет серьезных подозрений, что вы представляете для меня опасность. Я просто хотел исключить все возможности. Теперь мы можем продолжать разговор о деле.

— Да, — сказал Фастольф, — несмотря на это дополнительное драматическое отвлечение, мы все еще стоим перед задачей доказать, что умственное замораживание Джандера произошло случайно.

Теперь Бейли помнил о присутствии Дэниела. Он повернулся к роботу и неловко спросил: — Дэниел, может быть, вам тяжело, что мы говорим

об этом деле?

— Партнер Илайдж, я предпочел бы, чтобы друг Джандер все еще функционировал, но поскольку он не действует и не может быть исправлен, самое лучшее — предупредить подобные инциденты в будущем. Так что разговор об этом мне скорее приятен, чем тяжел.

— Тогда, Дэниел, скажите: вы верите, что доктор Фастольф не ответствен за конец вашего друга Джандера? Вы простите меня, доктор Фастольф, за мой вопрос?

Фастольф жестом одобрил, и Дэниел ответил:

— Доктор Фастольф утверждает, что он не виноват, значит, он и не виноват.

— У вас нет сомнений на этот счет?

— Никаких.

Фастольфа, казалось, это развлекало:

— Вы проводите перекрестный допрос робота, мистер Бейли?

— Да. Но я не могу полностью считать Дэниела роботом, поэтому и спросил.

— Перед любым Бюро по расследованию его ответы ничего не стоят. Его позитронные потенциалы заставляют его верить мне.

— Но я не Бюро по расследованию, и я расчищаю поросль. Позвольте мне вернуться назад.

Либо вы сожгли мозг Джандера, либо это случилось благодаря редкому стечению обстоятельств. Вы уверяете, что я не могу доказать этого стечения Обстоятельств, и мне остается лишь задача доказать, что вы тут ни при чем. Иными словами, если я докажу, *что* вы не имели возможности убить Джандера, то у нас останется единственная возможность — редкая случайность.

— А как вы это сделаете?

— Три пункта: средство, возможность и моги в. Вы имели средство убить Джандера — теоретическую способность так манипулировать им, чтобы это привело к умственному замораживанию. Но была ли у вас возможность? Был ли робот у вас в это время?

— Нет. Он был у другого человека.

— Долго?

— Примерно восемь месяцев.

— А-а, это интересный пункт. Вы были с ним или вблизи., во время его разрушения? Короче, можем мы доказать, что вы были в то время слишком далеко от него?

— Боюсь, что это невозможно. Тут широкий интервал времени, когда это могло быть сделано. Изменения в работе не эквивалентны трупному окоченению человеческого существа. Робот либо

функционирует, либо нет. Но мое пребывание в том или в другом месте не имеет значения.

— Почему?

— Мой дорогой мистер Бейли, ведь это не физическая атака вроде моего недавнего притворного нападения на вас. То, что случилось с Джандером, не требовало моего физического присутствия. Джандер мог находиться хоть на другой стороне Авроры — я мог бы до него добраться электронным путем, отдать ему приказы и вызвать умственное замораживание. Решающий шаг не потребовал бы много времени…

— Значит, — быстро сказал Бейли, — кто-то за короткое время мог бы сделать случайное движение, имея в виду нечто совершенно другое, обычное?

— Нет! Ради бога, землянин, дайте мне сказать. Я уже говорил вам, что все не так. Вызов умственного замораживания был бы долгим, сложным и извилистым процессом, требующим величайших знаний и ума, и он не мог быть сделан никем случайно. Вот если бы я желал это сделать, я осторожно вызывал бы перемены и реакции, постепенно, в течение месяцев, а то и лет, пока не довел бы Джандера до точки разрушения. И за все это время он не показал бы никаких призна-

ков надвигающейся катастрофы, как если бы вы шли в темноте к обрыву и даже у самого края не знали, что земля вот-вот исчезнет из-под ваших ног. Таким образом, я подвел бы его к краю, и одного простого замечания с моей стороны было бы достаточно, чтобы он сделал последний шаг в пропасть. Понимаете?

Бейли сжал губы, не сумев скрыть разочарования:

— Итак, возможность у вас была, и средство тоже. Теперь насчет мотива. Может, здесь мы что-то сделаем. Эти человекоподобные — ваши. Они основаны на вашей теории, вы следили за каждым шагом их создания. Они существуют благодаря только вам. Вы назвали Дэниела своим первенцем. Это ваш и творения, ваши дети, ваш дар человечеству, ваш шаг к бессмертию. Зачем бы вам уничтожить эту работу? Зачем вам разрушать жизнь, созданную чудом вашей мыслительной работы?

Бейли сам чувствовал, как растет его красноречие, и на миг вообразил себя обращающимся к Бюро по расследованию.

Фастольф улыбнулся: — Ну, мистер Бейли, вы ничего об этом не знаете. Как вы можете утверждать, что моя теория — результат чуда

мыслительной работы? Может, это просто тупое продолжение уравнений, чего никто не потрудился сделать до меня?

— Не думаю, — сказал Бейли, стараясь остыть. — Если никто, кроме вас, не понимает позитронного мозга настолько, чтобы иметь возможность его разрушить вряд ли кто-то, кроме вас, может его создать. Вы будете отрицать это?

— Нет, не буду. Однако, мистер Бейли, ваш тщательный анализ делает ситуацию только хуже для нас. — Лицо Фастольфа стало угрюмым. — Мы уже согласились, что лишь у меня одного были средство и возможность. Случилось так, что у меня есть и мотив, самый лучший в мире, и мои враги знают это. Как мы докажем, что я этого не сделал?

Лицо Бейли исказилось от злости. Он прошелся по комнате, повернулся и резко сказал: — Доктор Фастольф, мне кажется вы находите удовольствие в том, чтобы разочаровывать меня.

Фастольф пожал плечами. — Ни какого удовольствия. Б просто представил вам проблему, как она есть. Джандер умер смертью робота от чистой неопределенности позитронного течения. Поскольку я знаю, что я ничего не сделал для этого, я знаю, как это могло быть. Однако никто

не верит в мою невиновность и косвенно все указывает ка меня, и этого мы не должны забывать.

— Ладно, рассмотрим ваш мотив. Может, он не такой важный, как вам кажется.

— Сомневаюсь. *Я* ведь не такой дурак, мистер Бейли.

— Но вы возможно, не судья себе и своим мотивам. С людьми это часто бывает. Вы можете драматизировать свой мотив по каким-либо причинам.

— Не думаю.

— Тогда скажите о вашем мотиве.

— Не спешите, мистер Бейли, это нелегко объяснить. Можете вы выйти со мной из дома?

Бейли быстро взглянул в окно. Увидев, низко висящее над горизонтом солнце он поколебался, но сказал чуть громче, чем нужно: — Да.

— Прекрасно, — улыбнулся Фастольф. Затем он дружелюбно добавил: — Вы, может быть, хотели бы посетить туалет?

Бейли подумал. Срочной необходимости не было, но он не знал, что ждет его Снаружи, долго ли он там пробудет, будут ли или не будут благоприятные условия там, а самое главное — он не знал аврорских обычаев в этом отношении, а книгофильмы на корабле не просветили его. На-

верное, разумнее будет принять совет хозяина.

— Спасибо. Если это возможно…

Фастольф кивнул:

— Дэниел, покажи мистеру Бейли туалет для посетителей.

Выйдя в коридор, Бейли сказал: — Мне очень жаль, Дэниел, что вы не участвовали в разговоре.

— Это не предполагалось. Когда вы задали мне вопрос, я ответил, но меня не приглашали участвовать во всей беседе.

— Я бы пригласил вас, если бы не был связан положением гостя.

— Я понимаю. Вот туалет для гостей. Дверь открывается от прикосновения вашей руки, если помещение не занято.

Бейли задумчиво постоял и сказал:

— Если бы вас пригласили говорить, у вас было бы что сказать, какое-нибудь замечание, которое вы остерегались сделать? Я хотел бы знать ваше мнение, мой друг.

Дэниел ответил с обычной серьезностью:

— Замечание, которое я не решился сделать, касается утверждения доктора Фастольфа о наличии прекрасного мотива для приведения Джандера в бездействие. Оно для меня неожи-

данно. Я не знаю, какой мотив мог у него быть. Однако если он говорит, что мотив был, вы можете спросить, почему у него не было того же мотива для приведения в бездействие меня. Если люди уверены, что у него был мотив для уничтожения Джандера, почему этот мотив не приложим ко мне? Я хотел бы это знать.

— Вы чувствуете себя в опасности, Дэниел? Вам кажется, что доктор Фастольф опасен для вас?

— По Третьему Закону я должен защищать себя, но я не могу сопротивляться доктору Фастольфу или другому человеку, если у них есть обоснованное мнение, что моему существованию необходимо положить конец. Это Второй Закон. Однако я знаю, что представляю собой большую ценность как в денежном и материальном смысле, таки в смысле научной важности. Следовательно, необходимо объяснить мне причины для моего уничтожения. Доктор Фастольф никогда не говорил мне, что у него был а такая мысль. Я не верю, чтобы он когда-нибудь подумал положить конец существованию моему или Джандера. Случайный позитронный сдвиг, вероятно, покончил с Джандером и когда-нибудь может покончить и со мной. Во Вселенной всегда есть элемент случайности.

— Так говорите вы, так говорит Фастольф и я сам так думаю, но трудно убедить людей принять эту точку зрения, — Бейли угрюмо повернулся к двери. — Вы войдете со мной?

Лицо Дэниела ухитрилось выказать юмор.

— Мне лестно, партнер Илайдж, что вы до такой степени считаете меня человеком. Но мне, конечно, нет необходимости.

— Конечно, но войти-то вы можете.

— Мне не полагается. Не принято, чтобы роботы входили в туалет. Это чисто человеческое помещение. К тому же, этот туалет для одного!

Для одного! Бейли на мгновенье был ошеломлен, но затем пришел в себя. Другой мир, другие обычаи! И ничего об этом не говорилось в книгофильмах.

— Значит, вы это имели в виду, когда говорили, что дверь не откроется, если помещение занято. А как же выйти?

— Она не откроется от прикосновения снаружи, и ваше уединение не будет нарушено, но она, естественно, откроется от прикосновения изнутри.

— А если посетителю стало плохо, он ушибся, или сердце прихватило, и он не может коснуться двери, никто не может войти и помочь ему?

— Есть способы открыть дверь, если понадобится. А вы думаете, что с вами случится что-либо подобное?

— Нет, конечно. Я просто спросил.

— Я буду возле двери, — сказал Дэниел, — и если услышу ваш зов, буду действовать.

— Я надеюсь, что вам не придется.

Бейли легко коснулся двери. Она сразу же открылась. Он подождал, не закроется ли она. Нет. Он шагнул внутрь, и дверь быстро закрылась. Пока дверь была открыта, туалет выглядел как туалет: раковина, небольшая трубка — предположительно, снабженная бритвенным устройством — просвечивающая полудверь с унитазом за ней, еще какие-то незнакомые Бейли приспособления. У него было мало шансов изучить их, потому что все исчезло, как только закрылась дверь. Он даже подумал, были ли все эти приспособления, или он просто ожидал их тут увидеть.

Пока дверь закрывалась, помещение темнело, так как окон не было. Когда же дверь полностью закрылась, комната снова осветилась, но ничто из того, что Бейли видел, не вернулось. Здесь был дневной свет, как Снаружи. Сверху было открытое небо с облаками. С каждой стороны тянулась растительность. Бейли почувствовал знакомое

сжатие желудка, какое бывало у него Снаружи. Но он же не Снаружи! Он в помещении без окон и дверей. Это какой-то оптический трюк. Он медленно пошел, вытянув вперед руки и глядя перед собой. Руки коснулись гладкой стены. Он повел по ней дальше и ощупал раковину. Он нашел кран, но вода из него не шла. Он провел по нему рукой, но не обнаружил Ничего эквивалентного рукояткам, а нашел продолговатую полоску, слабо выделявшуюся на стене. Он слегка надавил на нее, и сразу же зелень, шедшая далеко за тем местом, которое его пальцы считали стеной, разделилась потоком воды, быстро падавшей с высоты к его ногам с громким плеском. Он отскочил, но вода кончилась раньше, чем дошла до его ног. Она продолжала литься, но не достигала пола. Он протянул руку. Это была не вода, а иллюзия, но глаза упрямо видели воду. Проведя рукой вверх по струе, он постепенно нащупал настоящую воду — тонкую струйку холодной воды. Он снова нашел пальцами полоску и начал наугад нажимать. Температура воды стала меняться, и он, наконец, нашел точку, которая дала воду приемлемой теплоты. Мыла не было. Придется обойтись без него. Но как только он стал тереть руки, вода стала мыльной, в то время, как несуще-

ствующий поток, который он видел, пузырился и пенился. Он неохотно наклонился над раковиной и протер лицо той же мыльной водой. На подбородке чувствовалась щетина, но он знал, что не побреется здесь без инструкций. Он беспомощно держал руки под краном. Как смыть мыло? Спросить было некого. Но, видимо, руки, которые не терлись более друг о друга, устроили это устройство: вода потеряла мыльность, сполоснула руки. Не дотрагиваясь до лица, он плеснул на него воду — оно тоже ополоснулось, но рубашка намокла. Полотенце? Бумага? Он шагнул назад и, как видно, включил что-то, потому что почувствовал теплый поток воздуха. Подставив под него лицо и руки, он стоял в раздражении. Он понимал, что туалеты могут сильно варьироваться от мира к миру, но такая бессмыслица — имитировать Снаружи — это уж слишком! На Земле туалет был огромным помещением для лиц одного пола с отдельными кабинками, от которых люди имели ключи. На Солярии люди входили в туалет через узкий коридор, пристроенный к стене дома, как если бы туалет не считался частью дома. Но, несмотря на эти различия, туалет был туалетом, и в его назначении нельзя было ошибиться. Зачем же на Авроре эти хитроумные претензии на

Снаружи, полностью маскирующие любую часть туалета? Зачем это? Он двинулся к тому месту, где раньше видел просвечивающиеся полудвери, но ошибся в направлении и нашел их только после долгого ощупывания стены и после того, как ударился несколько раз различными частями тела о выступающие предметы. Наконец, он нашел иллюзорный маленький пруд, но колени сказали ему, что это вроде бы писсуар, и он решил, что если он неправильно воспользуется им, то это не его вина. Потом он снова хотел было вымыть руки, но раздумал: не мог он опять разыскивать этот фальшивый водопад. Он ощупью нашел дверь, но не был уверен, она ли это, пока не открыл ее. Свет сразу погас, и Бейли окружил нормальный дневной свет.

Дэниел, Жискар и Фастольф ждали его.

— Вы были там почти двадцать минут, — сказал Фастольф. — Мы уже начали беспокоиться.

Бейли вскипел: — Мне не легко пришлось из-за ваших дурацких иллюзий, — сказал он, с трудом сдерживаясь.

Фастольф поджал губы, поднял брови и сказал:

— С той стороны двери есть контакт, управляющий иллюзией. Ее можно погасить и видеть сквозь нее реальное или усилить еще больше,

если желаете.

— Мне об этом не сказали. У вас все туалеты такие?

— Нет. Все обладают иллюзорными качествами, но природа иллюзий варьируется по вкусу каждого. Мне нравится иллюзия природы, и я время от времени меняю ее детали. Все, знаете, со временем надоедает. Некоторые устраивают эротические иллюзии, но это не в моем вкусе. Когда человек знаком с туалетами, иллюзии не мешают: помещения полностью стандартны, и каждый знает, где что находится. Но почему вы, мистер Бейли, не вернулись назад и не спросили?

— Не хотел. Признаться, я страшно злился на эти иллюзии, но согласился принять их. Ведь Дэниел провожал меня в туалет, но ни о чем не предупредил. Если бы он действовал по своему усмотрению, он Наверняка проинструктировал бы меня, поскольку предвидел бы ожидавший меня вред. Отсюда я заключаю, что вы не велели ему предупреждать меня. Я не думал, что вы намерены шутить со мной шутки, и решил, что у вас, видимо, была серьезная причина так поступить.

— Вот как?

— Вы просили меня выйти с вами Наружу, а когда я согласился, вы тут же предложили мне посетить туалет. Я подумал, чтобы хотите проверить, как на меня подействует иллюзия Снаружи — не убегу ли я в панике. Если я выдержу иллюзию, я, вероятно, справлюсь и с настоящим. Так вот, я выдержал. Я малость вымок, благодаря вам, но скоро высохну.

— Вы четко мыслящий человек, — сказал Фастольф. — Я приношу свои извинения за природу теста и за те неудобства, которые я причинил вам. Я просто пытался отвратить возможность большего дискомфорта. Вы все еще хотите выйти со мной?

— Не только хочу, но и настаиваю на этом.

Они пошли по коридору. Дэниел и Жискар шли следом.

— Надеюсь, вы не против, что роботы сопровождают нас? — спросил Фастольф. — Аврорцы никогда не выходят без роботов, а в вашем особом случае я настаиваю, чтобы Дэниел и Жискар были все время с вами.

Он открыл дверь, и Бейли попытался твердо стоять под лучами солнца и ветром, не говоря уже о странном окружении и чужом запахе земли Авроры. Фастольф посторонился, и первым вышел

Жискар. Он внимательно огляделся и обернулся назад. Дэниел тоже вышел и тоже огляделся.

— Пусть они там побудут, — сказал Фастольф. — Они нам скажут, когда мы можем безопасно выйти. Я воспользуюсь случаем и еще раз извинюсь за скверную шутку с туалетом. Уверяю вас, мы знали бы, если бы вы растерялись — ваши жизненные симптомы записывались. Я очень рад и не очень удивлен, что вы проникли в мою цель.

Он улыбнулся, с почти незаметным колебанием положил руку на плечо Бейли и дружески потряс его.

Бейли остался напряженным. — Вы, кажется, забыли о другой более ранней шутке, скверной шутке, когда замахнулись на меня тяжелым прибором. Если вы заверите меня, что отныне мы будем вести себя друге другом честно и откровенно, я посчитаю те шутки как имевшие разумное обоснование.

— Договорились!

— Теперь мы можем выйти?

— Нет еще. Дэниел сказал мне, что вы приглашали его в туалет. Это было серьезно?

— Да. Я знаю, что ему это не нужно, но мне казалось невежливым не позвать его. Я не знаю

обычаев Авроры, хотя довольно много читал о ней.

— Полагаю, что аврорцы не считают нужным упоминать о таких вещах, да к тому же книгофильмы не рассчитаны на то, чтобы готовить гостей-землян в этом отношении.

— Потому что гостей-землян не бывает?

— Конечно. Да, роботы никогда не заходят в туалеты. Это единственное место, где человек может быть свободным от роботов.

— Однако, когда Дэниел был на Земле три года назад, я хотел удержать его от посещения туалета, поскольку ему это не требуется, но он все-таки вошел.

— И правильно сделал. В этом случае он точно следовал приказу не показывать, что он не человек. Здесь же… Ага, вот они идут.

Роботы подошли к двери, и Дэниел жестом пригласил людей выйти.

Бейли твердо вышел. Лицо его было каменным, челюсти сжаты, спина напряжена. Он огляделся. Сцена мало отличалась от той, которую он видел в туалете. Видимо, Фастольф пользовался своими землями как моделью. Здесь тоже была зелень, маленький водопад. Может, он был искусственным, но не иллюзорным: до Бейли долетали

брызги. Все здесь было каким-то приручённым. На Земле Снаружи было более диким и более возвышенно прекрасным.

— Посмотрите, — сказал Фастольф, коснувшись локтя Бейли.

Между двумя деревьями тянулась лужайка. Здесь впервые чувствовалось расстояние: вдалеке стоял жилой дом, низкий, широкий и такой зеленый по цвету, что почти сливался с окружением.

— Здесь жилой район, — сказал Фастольф. — Вам, вероятно, трудно поверить, поскольку вы на Земле привыкли к громадным муравейникам, номы находимся в городе Эос, административном центре планеты. Здесь двадцать тысяч жителей, это самый крупный город не только на Авроре, но и на всех Внешних Мирах. В Эос столько же людей, сколько на всей Солярии.

— А сколько роботов?

— В этом районе? Наверное, тысяч сто. В среднем на всей планете приходится по пятьдесят роботов на человека — не десять тысяч на одного, как на Солярии. Большая часть наших роботов работает на фермах, в рудниках, на заводах, в космосе. Пожалуй, нам не хватает их, особенно в домашнем хозяйстве. Большинство аврорцев

обходится двумя-тремя роботами, а кое-кто и одним. Но мы не хотим жить по-соляриански.

— А сколько людей вообще не имеют роботов?

— Таких нет. Такого не должно быть в общественных интересах, если человек по каким-то причинам не может приобрести робота, ему подарят его за счет общества.

— Что происходит при росте населения? Делаете больше роботов?

— Население не растет. Население Авроры — двести миллионов, и эта цифра остается стабильной в течение трех столетий. Вы, конечно, читали об этом.

— Читал, но не поверил.

— Позвольте заверить вас, что это правда. Это дает нам обширное пространство, большую личную собственность, обширную долю в ресурсах планеты. У нас не так много народа, как на Земле, но и не так мало, как на Солярии.

Он тронул Бейли за руку, приглашая идти дальше. — Вы видите окультуренный мир. Я привел вас сюда, чтобы показать вам это.

— Значит, в нем нет опасности?

— Опасность есть всегда. У нас бывают грозы, оползни, землетрясения, снежные бури, лавины, один-два вулкана… Случайная смерть может про-

изойти не только от них. Бывают вспышки злобы или ненависти, зависти, безумство молодости, но таких вещей мало, и они не слишком влияют на цивилизованное спокойствие, царящее в нашем мире. Фастольф, вздохнул: — Я, может быть, даже хотел бы, чтобы все было иначе, но с некоторыми интеллектуальными оговорками. Мы привезли на Аврору только те растения и животных, которые нам полезны, являются украшением, или то и другое вместе. Мы сделали все, чтобы избавиться от сорняков и паразитов. Мы вывели породу сильных, здоровых и привлекательных — с нашей точки зрения, разумеется — людей. Мы пытались… Вы улыбаетесь, мистер Бейли?

Бейли не улыбался. Он просто скривил рот.

— Нет, улыбаться нечему.

— Есть чему. Мы оба знаем, что я сам непривлекателен по аврорским стандартам. Дело в том, что мы не можем полностью управлять генными комбинациями и внутриутробным развитием. В наше время, когда эктогенезис все более распространяется — хотя, я надеюсь, что он никогда не станет таким общепринятым, как на Солярии — меня, конечно, выбраковали бы на поздней зародышевой стадии.

— И миры потеряли бы великого теоретика

роботехники.

— Совершенно справедливо, — ответил Фастольф без малейшего смущения. — Но они никогда не узнали бы об этом, верно? Во всяком случае, мы установили очень простой, но полностью рентабельный экологический баланс, ровный климат, плодородную почву и елико возможно, равномерное распределение ресурсов. В результате наш мир производит все, в чем мы нуждаемся и чего желаем. Не рассказать ли вам об идеале, к которому мы стремимся?

— Прошу вас.

— Мы хотим создать планету, повинующуюся Трем Законам Роботехники. Она ничем не должна вредить человеку, без допущений и ограничений. Вот какой мы хотим ее сделать. И она должна защищать себя, кроме того даже ценою вреда для себя. Нище, ни на Земле, ни на других Внешних Мирах, не подошли к этому так близко, как на Авроре.

— Земляне тоже мечтают об этом, — грустно сказал Бейли, — но нас слишком много, и мы слишком испортили свою планету во времена своего невежества, чтобы теперь можно было что-то сделать. А как насчет местной жизни на Авроре? Ведь вы пришли не на мертвую планету?

— Когда мы прибыли на Аврору, здесь была растительная и животная жизнь и азотно-кислородная атмосфера. Также было и на всех Пятидесяти Внешних Мирах. Как ни странно, жизнь была редкой, разбросанной и мало варьировавшейся. Она не очень цеплялась за свою планету, и мы победили, так сказать, без борьбы. То, что осталось от местной жизни, есть в наших аквариумах, зоопарках и в нескольких заботливо поддерживаемых заповедниках. Мы так и не понимаем, почему на жизненосных планетах жизнь так слаба, почему только одна Земля развила страшно цепкую жизнь во всех уголках, и почему только на Земле развился разум.

— Может быть, — сказал Бейли, — недостаток исследования. Мы знаем слишком мало планет.

— Согласен. Где-то может быть такой же сложный экологический баланс, как на Земле. Где-то, может быть, существует разумная жизнь и технологическая цивилизация. Но земная жизнь и разум распространились на много парсеков во всех направлениях. Если где-то есть жизнь и разум, почему они не распространились, и почему мы не встретились?

— Такое может произойти, как мы все знаем.

— Может. И если такая встреча неизбежна,

мы не должны пассивно ждать ее. А наша пассивность растет. Наш новый Внешний Мир был заселен за два с половиной столетия. Он стал таким окультуренным, таким приятным, что мы не хотим покидать его. Этот мир, как вы знаете, был заселен потому, что население Земли безобразно росло, и по сравнению с этим риск и опасности нового пустого мира были предпочтительны. К тому времени, как развились наши Пятьдесят Внешних Миров — Солярия была последней — не было никакого толчка, никакой необходимости двигаться дальше. А Земля отступила в свои Стальные пещеры. Конец. Финиш.

— Новы на самом деле не это имеете в виду.

— Остановимся ли мы на месте? Будем жить мирно, комфортабельно и неподвижно? Да, я имею в виду именно это. Человечество должно распространяться, если оно хочет продолжать расцвет. Единственный метод распространения — через космос, через постоянное стремление к другим мирам. Если мы это упустим, найдутся другие цивилизации, которые доберутся до нас, и мы не устоим перед их динамизмом.

— Вы предлагаете космическую войну, вроде гиперволновых пиф-паф?

— Нет, я сомневаюсь, что это будет необходимо.

Цивилизациям, идущим через космос, не понадобятся наши несколько планет, и, наверное, они будут иметь достаточно передовой интеллект, чтобы пожелать сражаться за гегемонию здесь. Однако, если нас окружит более жизнеспособная, более подвижная цивилизация, мы умрем от сознания того, чем мы стали, от утраченных нами возможностей. Мы, конечно, могли бы осуществить другие экспедиции — научные знания или культурные силы, например, но боюсь, что это несравнимо. Упадок в одном — это упадок во всем. Мы живем слишком долго и слишком удобно.

— На Земле, — сказал Бейли, — космонитов считают всемогущими, полностью уверенными в себе. Слушая вас, я не верю своим ушам.

— От других космонитов вы такого и не услышите. У меня не общепринятые взгляды, другим они показались бы нестерпимыми, и я не часто говорю аврорцам о таких вещах. Наоборот, я говорю насчет новой тяги к заселению новых планет, но не высказываю своих страхов перед катастрофой, которая явится результатом нашего отказа от колонизации. В этом, по крайней мере, я был победителем. Аврора серьезно, даже с энтузиазмом размышляет о новой эре поиска и

заселения.

— Вы говорите это без заметного энтузиазма. А почему?

— Как раз это и приближает нас к моему мотиву для разрушения Джандера Пэнела.

Фастольф помолчал и продолжал:

— Я хотел бы лучше понимать людей. Я потратил шесть десятилетий на изучение сложностей позитронного мозга, и надеюсь еще потратить от пятнадцати до двадцати лет на эту проблему. За это время я слегка коснулся проблемы человеческого мозга, который неизмеримо сложнее. Существуют ли Законы Гуманистики, как есть Законы Роботехники? Много ли Законов Гуманистики, и как их можно выразить математически, я не знаю. Возможно, настанет день, когда кто-нибудь разработает Законы Гуманистики и сможет предсказать широкие штрихи будущего и знать, что надо делать для улучшения, а не просто размышлять. Я иногда мечтаю основать математическую науку, которую я называю «психоисторией», но знаю, что не смогу, что никто никогда не сможет.

Он замолчал. Бейли подождал и мягко спросил:

— Так какой же у вас был мотив для разруше-

ния Джандера?

Фастольф, казалось, не слышал вопроса. Во всяком случае он не ответил, а только спросил:

— Вам не трудно будет пройти со мной дальше?

— Куда? — осторожно спросил Бейли.

— К соседнему дому. Туда, через лужайку. Вас не смущает открытое место?

Бейли сжал губы и посмотрел в том направлении, как бы пытаясь измерить его эффект:

— Думаю, что перенесу. Я не предчувствую неприятностей.

Жискар, бывший достаточно близко, чтобы слышать, подошел поближе и сказал:

— Сэр, не могу ли я напомнить вам, что вам было очень плохо при спуске на планету?

Бейли повернулся к нему. То, что он чувствовал к Дэниелу, могло бы повлиять на его отношение к другим роботам, но этого не случилось. Он находил более примитивного Жискара неприятным. Он старался победить гнев, и ответил:

— Я был неосторожен на борту корабля, парень, из-за своего чрезмерного любопытства. Я оказался перед зрелищем, которого никогда не видел, и у меня не было времени привыкнуть. Здесь — дело другое.

— Сэр, а вам не будет снова плохо?

— Будет или нет, — твердо сказал Бейли, — это неважно.

Он напомнил себе, что робот беспомощен в когтях Первого Закона, и пытался быть вежливым с этой глыбой металла, которая, в сущности, заботилась о его же благополучии.

— Я не могу выполнить свой долг, если буду сидеть взаперти.

— Ваш долг? — переспросил Жискар, как будто не понял этого слова.

Бейли кинул взгляд на Фастольфа, но тот спокойно стоял и не вмешивался. Он, казалось, слушал с абстрактным интересом, как если бы оценивал реакцию робота данного типа на новую ситуацию, и сравнивал ее с отношениями, вариациями, константами и дифференциальными уравнениями, которые понимал он один. Так, по крайней мере, подумал Бейли. Ему было неприятно быть объектом такого наблюдения, и он сказал, возможно, излишне резко:

— Вы не знаете, что значит «долг»?

— То, что должно быть сделано, сэр, — ответил Жискар.

— Ваш долг — повиноваться Законам Роботехники. У людей тоже есть законы, как только что

сказал ваш хозяин, доктор Фастольф.

Он помолчал, потом продолжил: — И этим законам надо повиноваться. Я должен делать то, что мне предписано. Это важно.

— Но идти по открытому пространству, когда вы не…

— Тем не менее, это должно быть сделано. Мой сын когда-нибудь отправиться на другую планету, куда менее удобную, чем эта, и выставит себя Наружу до конца своей жизни. И я поехал бы с ним, если бы мог.

— Но вам-то зачем это делать?

— Я считаю это своим долгом.

— Сэр, я не могу нарушать законы. А вы можете? Поэтому я и настаиваю, чтобы вы…

— У меня есть выбор — выполнять или не выполнять свой долг, но я не выбираю. Есть нечто сильнее принуждения, Жискар.

Жискар помолчал и сказал: — Повредит ли вам, если мне удастся убедить вас не ходить по открытому месту?

— Да, поскольку я буду чувствовать, что манкирую своим долгом.

— Это будет большой вред, нежели тот дискомфорт, который вы можете почувствовать на открытом пространстве?

— Много больший.

— Спасибо за объяснение, сэр, — сказал Жискар.

Бейли показалось, что на полностью невыразительном лице робота отразилось удовлетворение — человеческая тенденция к олицетворению непреодолима. Жискар отступил назад.

Заговорил Фастольф: — Очень интересно, мистер Бейли. Жискару понадобилось, чтобы ему дали инструкцию, прежде чем он окончательно понял, как установить позитронный потенциал в соответствии с Тремя Законами, или, скорее, как эти потенциалы сами устанавливаются в свете ситуации. Теперь он знает, как себя вести.

— Я обратил внимание, что Дэниел не задавал вопросов.

— Дэниел знает вас. Он был с вами на Земле и на Солярии. Ну как, пойдем? Пойдем медленно, и если вы пожелаете отдохнуть или даже вернуться обратно, вам стоит только сказать.

— Я пойду. Но какова цель этой прогулки? Поскольку вы предполагаете возможный дискомфорт для меня, значит, ваше приглашение не морю быть бесцельным.

— Нет, конечно. Я подумал, что вы захотите увидеть неподвижное тело Джандера.

— Как формальность — да, но я не думаю, что это мне что-нибудь даст.

— Я в этом уверен, но у вас будет возможность допросить того, кому временно принадлежал Джандер. Вам наверняка приятнее будет поговорить об этом деле с другим человеческим существом, а не со мной.

Фастольф медленно пошел вперед, сорвал с куста листочек и стал жевать его. Бейли смотрел на него с любопытством, удивляясь, как космониты могут брать в рот неизвестно что, а вместе с тем так бояться инфекции. Он помнил, что на Авроре нет вредных микроорганизмов, но все равно, это казалось ему отвратительным. Отвращение не имело реальной основы, и он вдруг подумал, что готов простить космонитам их отношение к землянам.

Нет! Это совсем другое дело! Там речь идет о человеческих существах!

Жискар шел впереди справа, Дэниел — чуть позади слева. Оранжевое солнце Авроры пригревало спину Бейли, но у этого солнца не было лихорадочного жара, как у земного в летнюю пору.

Трава была тверже и пружинистее земной, и грунт был жесткий, как будто давно не было

дождя.

Они шли к дому, возвышавшемуся вдали, к дому временного хозяина Джандера. Бейли слышал шорох какого-то животного в траве, чириканье птицы, гул насекомых вокруг.

«Здесь, — думал он, — у всех животных земные предки. И эти деревья и трава тоже выросли из тех, которые когда-то были на Земле. Но ни животные, ни растения не знали этого. Только люди могли жить в этом мире и знать, что они не коренные жители, а выходцы с Земли. Но знают ли это космониты или они выкинули свое прошлое из памяти? Может быть, придет время, когда они вообще не будут об этом знать?»

— Доктор Фастольф, — сказал он неожиданно, — вы так и не сказали мне, почему вы решили уничтожить Джандера.

— Правильно, не сказал. Но как вы думаете, зачем я трудился над теоретической базой для позитронного мозга человекоподобных роботов?

— Не знаю.

— Подумайте. Задача создать мозг, возможно более приближенный к человеческому, имеет в себе нечто поэтическое…

Он помолчал, и его улыбка превратилась в кривую усмешку.

— Некоторые мои коллеги всегда злились, когда я говорил им, что если заключение поэтически не сбалансировано, оно неправильно с научной точки зрения. Они не понимали, что это значит.

— Боюсь, что я тоже не понимаю.

— Но я понимаю, только не могу объяснить. Я чувствую этом, может быть, потому добился результатов, каких нету моих коллег. Однако я не останавливаюсь на достигнутом и это признак, что я должен стать прозаиком. Чтобы имитировать человеческий мозг, почти ничего не зная о его работе, нужен интуитивный скачок, который ощущается мною как поэзия. И тот же интуитивный скачок, который должен дать мне человекоподобный позитронный мозг, наверняка даст мне новые подступы к познанию человеческого мозга. Я уверен, что через человекоподобность я сделаю хоть один шаг к психоистории, о которой я вам говорил.

— Понимаю.

— И если мне удалось разработать теоретически структуру человекоподобного позитронного мозга, мне понадобилось для него человекоподобное тело. Мозг, как вы понимаете, не существует сам по себе, он взаимодействует с телом, так что человекоподобный мозг в нечеловекоподобном

теле в дальнейшем сам станет нечеловеческим.

— Вы уверены в этом?

— Полностью. Сравните Дэниела и Жискара.

— Значит, Дэниел был сконструирован как экспериментальный прибор для дальнейшего изучения человеческого мозга?

— Именно. Я двадцать лет работал с Сартоном над этой задачей. Было множество неудач. Дэниел был первой настоящей удачей, и я, конечно, держу его для дальнейшего изучения и из…

Он усмехнулся, словно признавался в какой-то глупости:

— Из привязанности. В конце концов, Дэниел может ухватить понятие человеческого долга, в то время, как Жискару, при веек его достоинствах, это трудно, как вы видели.

— И то, что Дэниел три года назад остался со мной на Земле, было его первым заданием?

— Первым такой важности. Когда Сартона убили, нам нужен был робот, который мог бы противостоять земным инфекционным болезням, но при этом выглядел человеком, чтобы обойти антироботовские предрассудки землян.

— Какое поразительное совпадение, что Дэниел оказался под рукой как раз в это время!

— Бы верите в совпадения? У меня ощущение,

что в любое время с таким революционным развитием, как появление человекоподобного робота, обязательно возникнет задача, требующая его присутствия. Подобные задачи, вероятно, регулярно появлялись, пока Дэниел еще не существовал, и коль скоро его не было, использовались другие приборы и другие решения.

— Итак, ваша работа была успешной, и теперь вы лучше разбираетесь в человеческом мозге?

Фастольф шел все медленнее, и Бейли приноравливался к нему. Теперь они остановились приблизительно на полпути от дома Фастольфа, Для Бейли это была самая трудная точка, поскольку до той или иной защиты было равное расстояние, но он боролся с этим неприятным чувством, чтобы не провоцировать Жискара.

Он не хотел каким-то движением, голосом или даже выражением лица вызвать у Жискара желание спасти его. Он не хотел, чтобы его поднимали и несли под кров.

Фастольф, казалось, не замечал затруднений Бейли. Он сказал:

— Нет сомнений, что развитие в ментологии произошло благодаря этому. Одного Аврора неудовлетворена чисто теоретическим изучением человеческого мозга. Использование

человекоподобных роботов было бы эволюцией, которую я не одобряю.

— Как он использовался на Земле?

— Нет, то был короткий эксперимент, я его разрешил и даже восхищался им. Дэниел сумел обмануть землян, но, конечно, только потому, что земляне не привыкли к роботам. Аврорцев Дэниел не мог бы обмануть, но будущих человекоподобных роботов можно довести до такой кондиции, что они одурачат и аврорцев. Однако предлагаются другие задачи.

— А именно?

— Я вам уже говорил, что этот мир одомашнен. Когда я начал движение за возобновление поиска и заселения планет, аврорцам, да и вообще космонитам не слишком понравилось мое предложение насчет лидерства. Я думал, что его нужно предложить землянам. С их ужасной — извините меня — планетой, с их короткой жизнью им нечего терять. Они наверняка стали бы приветствовать этот шанс, особенно, если мы поможем им технологией. Я говорил вам об этом три года назад, помните?

— Прекрасно помню. В сущности, именно вы заразили меня этой идеей после чего и началось развитие в этом направлении на Земле.

— Да? Наверное это нелегко с вашей земной клаустрофобией, с вашим нежеланием покидать стены.

— Мы боремся с этим, доктор Фастольф. Наша организация планирует двинуться в космос. Мой сын — лидер этого движения, и я надеюсь, что он когда-нибудь оставит Землю во главе экспедиции по заселению нового мира. И если мы в самом деле получим помощь, о которой вы говорили…

— Если мы дадим корабли?

— Да, и другое оборудование.

— Это трудное дело. Многие не желают, чтобы земляне вышли в космос и заселили новые планеты. Они боятся быстрого распространения земной культуры, ульеподобных городов, хаотичности.

Он нерешительно задвигался:

— Зачем мы здесь остановились? Идемте дальше.

Он медленно пошел, продолжая говорить:

— Я доказывал, что так не будет. Я говорил, что поселенцы с Земли вовсе не будут землянами классического типа. Они не будут заперты в Городах. В новом мире они будут похожи на предков аврорцев, пришедших сюда. Они установят подходящий экологический баланс и станут более похожими на нас, чем на землян.

— А не разовьются ли у них все те слабости, которые вы находите в космонитской культуре?

— Возможно, и нет. Научатся на наших ошибках, но все это теория. Есть кое-что другое, вызывающее спор.

— Что?

— Человекоподобный робот. Видите ли, кое-кто считает такого робота отличным поселенцем. Именно они могут построить новые миры.

— Но ведь у вас всегда были роботы. Вы хотите сказать, что эта идея никогда не выдвигалась?

— О, выдвигалась, но не срабатывала. Обычные роботы без постоянного человеческого надзора построят мир, годный для них, но он не будет прирученным и не подойдет более нежным и гибким мозгам и телам человеческих существ.

— Да, этот мир будет казаться приемлемым лишь с первого взгляда.

— Конечно, мистер Бейли. Но среди нашего народа господствует мнение, что приемлемости с первого взгляда недостаточно. Это явный признак распада аврорцев. С другой стороны, как говорят они, группа человекоподобных роботов, елико возможно близких телом и мозгом к человеку, построит мир, подходящий для них, и значит, для людей тоже. Вы понимаете?

— Конечно.

— Когда такой мир будет построен, и аврорцы, наконец, захотят оставить свою планету, они шагнут с одной Авроры на другую. Они не оставят свой дом, они просто получат новый, точно такой же, и будут продолжать гнить. Это вы тоже понимаете?

— Я понимаю вашу точку зрения, но аврорцы, видимо; не поймут.

— Не могут. Я думаю, что мог бы эффективно доказать это, если бы мои оппоненты не уничтожил и меня политическим делом с разрушением Джандера. Теперь вам ясно, какое преступление мне приписывают? Якобы я решил уничтожить человекоподобных роботов, чтобы ими не воспользовались для освоения других миров.

Настала очередь Бейли остановиться.

Он задумчиво посмотрел на Фастольфа:

— Понимаете, доктор Фастольф, в интересах Земли, должна победить ваша теория.

— И в ваших личных интересах тоже.

— И в моих. Но главное — моей планете необходимо, жизнен — но необходимо, чтобы нашему народу помогли освоить Галактик ку, чтобы мы сохранили свои собственные пути, какие для нас удобнее, чтобы мы не были осуждены на

вечное заточение на Земле, где мы можем только погибнуть.

— Кое-кто, наверное, будет желать оставаться в заключении.

— Конечно. Возможно, почти все. Но некоторые все же поедут, если им разрешат. Таким образом, мой долг не только как представителя значительной доли человечества, но и как обычного простого землянина — помочь вам обелить себя, независимо от того, виновны вы или нет. Однако я могу целиком и полностью отдаться решению этой задачи лишь в том случае, если буду знать, что обвинения против вас несправедливы.

— Да, я понимаю.

— Тогда докажите мне, что вы не виноваты.

— Мистер Бейли, я вполне понимаю, что б этом деле у вас нет выбора, Я могу сказать вам, что я не виновен, и вы все равно будете вынуждены скрыть это в интересах вашей планеты и ваших личных. Поэтому, если я в самом деле виновен, я вынужден сказать вам об этом, чтобы вы, зная правду, работали бы более эффективно, чтобы спасти меня. Но я не могу этого сделать, поскольку я невиновен. Хотя против меня как будто говорит многое, я не разрушал Джандера. Такое мне никогда не приходило в голову.

— Никогда?

Фастольф печально улыбнулся:

— Раз или два я подумал, что для Авроры было бы лучше, если бы я никогда не разрабатывал идей, которые привели к созданию человекоподобного позитронного мозга, или чтобы этот мозг оказался нестабильным и склонным к умственному замораживанию. Но это были мимолетные мысли, и я даже ни на долю секунды не подумал об уничтожении Джандера.

— Тогда мы можем опровергнуть обвинения, которые вам приписывают.

— Как?

— Мы докажем, что для вас это бесполезно. Что дает уничтожение Джандера? Таких роботов можно сделать еще хоть тысячу, хоть миллион.

— Боюсь, что это не так. Никто их не сделает. Только я один знаю, как их спроектировать, а если они будут предназначены для колонизации, я отказываюсь от их изготовления. Джандера нет, остается один Дэниел.

— Другие раскроют тайну.

Фастольф вздернул подбородок:

— Хотел бы я посмотреть на такого роботехника. Мои недруги основали Институт Роботехники специально для разработки методов конструиро-

вания человекоподобных роботов, но успеха не добились и не добьются.

Бейли нахмурился.

— Если вы единственный, кто знает секрет таких роботов, и ваши враги в отчаянии от этого, почему они не пытаются вырвать его у вас?

— Они пытаются. Они угрожают моей политической жизни, и, возможно, сумеют добиться запрета моей работы в этой области, что положит конец моей профессиональной деятельности, и этим надеются уговорить меня сообщить им секрет. Они могут даже уговорить Совет приказать мне выдать тайну под страхом тюрьмы и конфискации имущества — кто знает? Я готов подвергнуться чему угодно, лишь бы не отдать им секрета. Но, конечно, мне не хотелось бы быть мучеником.

— Они знают о вашем решении упорствовать?

— Надеюсь. Я говорил серьезно.

— Но если они поверили вам, то могут предпринять более серьезные шаги.

— Что вы имеете в виду?

— Украсть ваши бумаги, похитить вас, пытать.

Фастольф громко захохотал. Бейли покраснел и сказал:

— Я терпеть не могу выражаться в стиле гипер-

волновой драмы, но как вы все-таки смотрите на это?

— Мистер Бейли, во-первых, мои роботы защитят меня. Нужно открыть настоящую войну, чтобы захватить меня или мои записи. Во-вторых, если бы даже это удалось, никто из роботехников не рискнул бы украсть или силой вырвать у меня секрет, потому что это полностью погубило бы его профессиональную репутацию. В-третьих, на Авроре это неслыханное дело. Один намек на непрофессиональную атаку на меня тут же склонит Совет и общественное мнение в мою пользу.

— Так ли? — пробормотал Бейли.

Он проклинал себя за то, что должен работать с делом, деталей которого не понимает.

— Так. Даю слово. Они уничтожат меня ложью.

— Какой?

— Мне приписывают не только уничтожение робота. Шепчутся — пока только шепчутся — что это только эксперимент, что я разрабатываю систему быстрого и эффективного уничтожения человеческого мозга, и, когда мои враги сами создадут таких роботов, я с членами своей партии уничтожу всех этих роботов, чтобы Аврора не могла заселять новые планеты, и Галактика осталась бы для моих союзников землян.

— Разве можно этому поверить?

— Конечно, нет. Я сказал вам, что это ложь. Такой метод уничтожения даже теоретически невозможен, а народ в Институте Роботехники не готов создать своих человекоподобных роботов. Я не мог бы совершить массового уничтожения, даже если бы хотел.

— Тогда вся эта выдумка рухнет под собственным весом.

— К несчастью, не сразу. Хотя это и бессмыслица, она продержится столько, сколько надо, чтобы восстановить против меня общественное мнение, и на выборах меня провалят. Постепенно все узнают, что это вздор, но будет уже поздно. И Земля в этом случае сыграет роль мальчика для битья. Обвинение, что я стараюсь в пользу Земли, весьма мощное, и многие поверят вовсе, вопреки здравому смыслу, потому лишь, что не любят Землю и землян.

— Значит, недовольство против Земли растет?

— Именно. С каждым днем положение становится хуже как для меня, так и для Земли, и у нас очень мало времени.

— Но если бы вы действительно хотели провести опыт по уничтожению робота, зачем бы вам искать его в чужом доме? У вас под рукой Дэниел.

Вы могли бы экспериментировать на нем.

— Нет, — сказал Фастольф, — в это никто не поверит. Дэниел — моя первая удача, мой триумф. Я ни при каких обстоятельствах не уничтожу его. Я, естественно, обратился бы к Джандеру. Все сочтут меня дураком, если я буду уверять, что мне разумнее всего было бы пожертвовать Дэниелом.

Бейли погрузился в молчание.

— Как вы себя чувствуете, мистер Бейли?

Бейли тихо ответил:

— Если вы спрашиваете, каково мне Снаружи, то я даже не думаю об этом. Если же вы имеете в виду нашу дилемму, то меня словно вталкивают в ультразвуковую, растворяющую мозг, камеру. Зачем вы послали за мной, доктор Фастольф? Что я вам сделал, что вы так поступили со мной?

— По правде сказать, это была не моя идея, и меня оправдывает только мое отчаяние.

— Чья же это идея?

— Хозяйки дома, куда мы сейчас идем. Она посоветовала мне это с самого начала, а у меня не было лучшей идеи.

— Но как она могла советовать такое?

— О, разве я не объяснил вам, что она вас знает? Вот она, ждет нас.

Бейли растерянно поднял глаза.

— О, дьявол! — прошептал он.

Перед ним стояла и грустно улыбалась молодая женщина.

— Я знала, Илайдж, что это будет первое ваше слово, когда я снова увижу вас.

Бейли уставился на нее. Она очень изменилась: волосы стали короче, лицо еще более расстроенное, чем два года назад, и вроде бы постаревшее больше, чем на два года. Но все-таки это была Глэдия: то же треугольное лицо с выступающими скулами и маленьким подбородком, такая же маленькая, хрупкая, как у подростка, фигура.

Он часто видел ее во сне — хотя не в откровенно-эротическом плане — после возвращения на Землю. Он никогда не мог подойти к ней. Она всегда была далеко и не слышала, как он ее звал.

Не трудно понять, почему сны были такими: она была солярианка и нередко находилась среди других людей.

Илайдж был запретным для нее, потому что был человеком, и, конечно, потому что он с Земли. Хотя дело об убийстве, которое он тогда расследовал, вынудило их встретиться, она была полностью закрыта от настоящего контакта. Однако, при их последней встрече, она, вопреки

здравому смыслу, коснулась его щеки обнаженной рукой. Она знала, что может заразиться. И он дорожил этим прикосновением, потому что все ее воспитание делало это бессмысленным.

Со временем сны стерлись.

Бейли сказал несколько глупо:

— Значит, вы были владелицей…

Он замолчал, и Глэдия продолжила его фразу:

— …робота. А два года назад у меня был муж. Все, чего я касаюсь разрушается.

Бейли не вполне понимая, что делает, прикоснулся к своей щеке. Глэдия, казалось не заметила этого жеста, и продолжала:

— Вы приехали и спасли меня тогда. Простите меня, что я вызвала вас снова. Входите, Илайдж, и вы, доктор Фастольф.

Фастольф отступил назад и пропустил Бейли, а потом вошел сам. За ним вошли Дэниел и Жискар, и тут же заняли свободные ниши в стенах. Казалось, Глэдия должна была отнестись к ним с безразличием, как обычно люди к роботам. Однако, мельком взглянув на Дэниела, она вздохнула и сказала Фастольфу:

— Пожалуйста, скажите этому роботу, чтобы он ушел.

Фастольф посмотрел на Дэниела, и на его лице

выразилась боль:

— Простите меня, моя дорогая, я не подумал. Дэниел, выйди в другую комнату и оставайся там, пока мы здесь.

Дэниел молча вышел. Глэдия посмотрела на Жискара, как бы определяя, не похож ли он тоже на Джандера, и отвернулась, слегка пожав плечами:

— Не хотите ли освежающего? У меня отличный напиток из кокосового ореха свежий и холодный.

— Нет, Глэдия, — сказал Фастольф, — я не надолго. Я только привез мистера Бейли.

— Нельзя ли мне стакан воды? — сказал Бейли. — Если вас не затруднит.

Глэдия подняла руку. Без сомнения за ней наблюдали, потому что тут же неслышно подошел робот со стаканом воды на подносе и тарелочкой чего-то вроде крекеров с розовым шариком на каждом.

Бейли не мог удержаться и взял один, хотя и не был уверен, что это такое, наверное, что-то, имеющее земных предков, потому что вряд ли космониты стали бы есть местную растительность или синтетику. Впрочем, потомки земной пищи могли бы со временем измениться от

культивирования или под влиянием чуждого окружения, да и Фастольф за завтраком говорил, что многое в аврорской пище приобрело новый вкус.

Он был приятно удивлен: вкус оказался острым и пряным, и Бейли сразу же взял второй крекер. Он сказал: «спасибо» роботу, который не должен был стоять здесь бесконечно, и взял свою тарелочку вместе со стаканом. Робот ушел.

Дело шло к вечеру. В окна, выходящие на запад, лился солнечный свет.

Бейли подумал, что этот дом меньше, чем у Фастольфа, но более веселый.

Только печальная фигура Глэдии производила удручающее впечатление.

Впрочем, это, наверное, вообразил Бейли. Как может казаться веселым строение, считающееся домом и защитой для человека, если за каждой стеной находится Снаружи? Он подумал, что нет ни одной стены, за которой было бы тепло человеческой жизни. Со всех сторон, и сверху и снизу — неодушевленный мир, холод.

И холод пробежал по самому Бейли, когда он подумал о деле. Изумление от встречи с Глэдией на минуту заставило его забыть о нем.

— Проходите, садитесь, Илайдж. Извините, что

я слегка не в себе. Я вторично в центре мировой цивилизации, а мне и первого раза было более чем достаточно.

— Я понимаю, Глэдия. Пожалуйста, не извиняйтесь.

— Что касается вас, дорогой доктор, вы и не думайте уходить.

— Ну…

Фастольф посмотрел на полоску времени на стене:

— Я ненадолго останусь, а потом, моя дорогая, у меня есть работа, которую обязательно нужно сделать, хоть небо разверзнись, поскольку я должен думать о будущем, когда мне могут вообще запретить работать.

Глэдия быстро заморгала, как бы удерживая слезы:

— Я знаю, доктор Фастольф. У вас большие неприятности из-за того, что здесь случилось, а я, похоже, не имела времени поду-, мать о чем-либо, кроме собственного дискомфорта.

— Я как могу позабочусь сам о своих проблемах, Глэдия, и вы вовсе не должны чувствовать себя виноватой. Может быть, мистер Бейли сумеет помочь нам обоим.

— Я не знал, Глэдия, тяжело выговорил Бейли,

что вы были впутаны в это дело.

— А кто же еще?

Она вздохнула.

— Вы были хозяйкой Джандера?

— Не совсем хозяйкой. Я взяла его на время у доктора Фастольфа.

— Вы были с ним, когда он…

Бейли подыскивал слово.

— Умер? Разве мы не можем сказать — умер? Нет, меня с ним не было. Предупреждая ваш вопрос, скажу: в это время в доме не было никого. *Я* была одна. Я обычно одна, почти всегда. У меня, как вы помните, солярианское воспитание. Но об этом рассказывать совсем не обязательно. Вот вы оба пришли, и мне нравится; что у меня гости.

— Вы точно были одна, когда Джандер умер?

— Я же сказала, — ответила она чуть раздраженно. — Нет, я не обижаюсь, Илайдж. Я знаю, что вы должны все повторять. Я была одна. Честно.

— Но роботы, конечно, были?

— Да, конечно. Когда я говорю «одна», я имею в виду, что других людей не было.

— Сколько у вас роботов, Глэдия, не считая Джандера?

Глэдия помолчала, как бы подсчитывая:

— Двадцать. Пять в доме, пятнадцать снару-

жи. Роботы свободно ходят между моим домом и домом доктора Фастольфа, так что сразу и не определишь.

— Ага, сказал Бейли. — А поскольку в доме доктора Фастольфа пятьдесят семь роботов, это означает, что их всего семьдесят семь. Есть еще дома, чьи роботы смешиваются с вашими?

— Здесь нет таких домов, достаточно близких, чтобы такое практиковалось. Да и вообще, такой практики нет. Я и Глэдия — особый случай, потому что она не аврорианка, и потому что я несу некоторую ответственность за нее.

— Даже и в этом случае — семьдесят семь роботов, — сказал Бейли.

— Да. Ну и что?

— Это значит, что есть семьдесят семь движущихся предметов, каждый из которых, в общем похож на человека. Вы привыкли к ним и не обращаете на них особого внимания. Не могло ли случиться, Глэдия, что в дом проник посторонний человек, еще один движущийся предмет, похожий на человека, а вы не обратили на него внимания?

Фастольф хмыкнул, а Глэдия серьезно покачала головой:

— Илайдж, сразу видно, что вы с Земли. Вы

думаете, что кто-то, даже доктор Фастольф может подойти к моему дому, и роботы не известят меня об этом? Я не могу обратить внимания на человека, приняв его за робота, но роботы не могут. Я встретила вас на пороге, потому что мои роботы информировали меня о вашем приближении. Нет, я была одна, как и на Солярии, когда убили моего мужа.

— Здесь другое дело, Глэдия, — мягко перебил Фастольф. — Ваш муж был убит тупым предметом. Для этою необходимо было физическое присутствие убийцы, и если никого не было, кроме вас, это было серьезно. В данном же случае, Джандер был выключен тонкой словесной программой. Физическое присутствие тут не нужно, а ваше не имело значения, потому что вы не знаете, как заблокировать мозг человекоподобного робота.

Они оба посмотрели на Бейли: Фастольф насмешливо, Глэдия печально.

Бейли раздражало, что Фастольф несерьезно смотрел на крушение как своего, так и его, Бейли, будущего.

— Кто на Земле стал бы смеяться в такой ситуации?

— Незнание еще ничего не означает, — медлен-

но сказал Бейли. — Человек мог разговаривать с Джандером и неумышленно вызвать умственное замораживание.

Руки Глэдии взметнулись в крайнем волнении:

— Я этого не делала даже случайно. Меня не было с ним, когда это случилось. Я разговаривала с ним утром. Он был совершенно нормальным. Через несколько часов я позвала его, но он не пришел. Я пошла за ним, он стоял в обычной позе и казался вполне нормальным, но не ответил мне, и вообще не отвечал с тех пор.

— Может быть, вы сказали что-то, что привело его к умственному замораживанию, но не сразу, а скажем, через час?

— Это абсолютно невозможно, — резко вмешался Фастольф. — Замораживание либо есть, либо его нет. Прошу вас, не изводите Глэдию. Она неспособна вызвать замораживание сознательно, а сделать это нечаянно — абсолютно немыслимо.

— Но так же немыслим и случайный позитронный сдвиг, о котором вы говорили?

— Не так же.

— Обе альтернативы исключительно неправдоподобны. Какая же разница в немыслимости?

— Очень большая. Я бы сказал, больше, чем между простым электроном и всей Вселенной в пользу сдвига.

Некоторое время все молчали, потом Бейли сказал:

— Доктор Фастольф, вы говорили, что пробудете здесь недолго.

— Я уже пробыл здесь слишком долго.

— Тогда, может, вы уйдете?

Фастольф поднялся:

— Зачем?

— Я хотел бы поговорить с Глэдией наедине.

— Вы хотите замучить ее?

— Я должен доп росить ее без вашего вмешательства. Ваше положение слишком серьезно, чтобы думать о вежливости.

— Я не боюсь мистера Бейли, доктор, — сказала Глэдия.

Затем она задумчиво добавила:

— Если его вежливость перейдет границы, мои роботы защитят меня.

Фастольф улыбнулся:

— Ну что ж, прекрасно.

Он встал и протянул ей руку, которую она быстро пожала.

— Я хотел бы, чтобы Жискар остался здесь для

общей защиты, а Дэниел пусть будет в соседней комнате, если он не против. Не дадите ли вы мне одного из ваших роботов, чтобы он проводил меня до дома?

— Конечно, — сказала Глэдия.

Она подняла руку:

— Вы, я думаю, знаете Пандиона?

— Да. Надежный эскорт.

Он вышел, а робот пошел следом.

Бейли посмотрел на Глэдию, он не знал, убедит ли ее говорить, но в одном был уверен: пока доктор Фастольф был здесь, она не сказала бы всей правды.

Наконец Глэдия подняла глаза и тихо спросила:

— Как вы, Илайдж, себя чувствуете?

— Хорошо, Глэдия.

— Доктор Фастольф говорил мне, что приведет вас сюда по полю, и постарается, чтобы вы постояли некоторое время в самом открытом месте.

— Вот как? А зачем? Ради шутки?

— Нет, Илайдж. Я говорила ему, как вы реагируете на открытое пространство. Помните, как вы ослабели и чуть не упали в пруд?

Илайдж быстро кивнул головой. Он не мог отрицать, что помнит этот случай, но был явно

недоволен напоминанием, и сказал ворчливо:

— Такого больше не случалось… *Я* подлечился.

— Но доктор Фастольф сказал, что хотел проверить вас. Все прошло хорошо?

— Более или менее. Я не падал.

Он вспомнил эпизод на борту космического корабля, когда садились на Аврору.

Там было другое дело, и упоминать сейчас об этом не стоило. Он сказал, меняя тему разговора:

— Как мне называть вас здесь?

— Вы же звали меня Глэдией.

— Может быть, это неудобно? Я мог бы сказать — миссис Дельмар…

Она резко прервала его:

— Я не пользуюсь этим именем с тех пор, как приехал а сюда. Пожалуйста, не зовите меня так.

— А как вас зовут аврорцы?

— Глэдия с Солярии, но это указывает на то, что я здесь чужая, и это мне тоже не нравится. Я просто Глэдия. Это не аврорское имя. *Я* не сомневаюсь, чтобы на планете была еще одна Глэдия, так что одного имени достаточно. И я по-прежнему буду называть вас Илайдж, если вы не возражаете.

— Не возражаю.

— Подать чай?

Бейли кивнул:

— Я не знал, что космониты пьют чай.

— Это не земной чай, это растительный экстракт, приятный на вкус и ни в коей мере не вредный. Мы называем его чаем.

Она подняла руку, и Бейли заметил, что рукав плотно охватывал запястье и соединялся с тонкими, телесного цвета перчатками. Она все еще выставляла минимум тела в его присутствии, уменьшая возможность инфекции.

Она подняла руку. Через несколько секунд робот принес поднос. Робот был даже более приветливым, чем Жискар, он ловко расставил чашки, налил чай, подал маленькие сандвичи и мелкое печенье.

— Как вы это делаете, Глэдия? — с любопытством спросил Бейли. — Вы только поднимаете руку, а робот уже знает, чего вы хотите.

— Это не сложно. Когда я поднимаю руку, искажается небольшое электромагнитное поле, постоянно находящееся в комнате. Разное положение руки и пальцев вызывает разные искажения, и мои роботы воспринимают эти искажения, как приказы. Я пользуюсь самыми простыми приказами: «Иди сюда!», «Принеси чаю!» и тому подобными.

— Я не заметил, чтобы доктор Фастольф пользовался такой системой у себя дома.

— Это солярианская система, и я ею пользуюсь. Кроме того, я всегда пью чай в это время, и Бургграф знает это.

— Это Бургграф?

Бейли с некоторым интересом взглянул на робота. Привычка быстро родит безразличие. В один прекрасный день он вообще перестанет замечать роботов. Но он не хотел этого. Он хотел, чтобы их не было здесь.

— Глэдия, я хотел бы остаться с вами вдвоем, даже без роботов. Жискар, выйдите к Дэниелу. Вы можете остаться на страже и там.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Жискар, приведенный в сознание звуком своего имени.

Глэдии это, кажется, показалось забавным:

— Какие вы, земляне, странные. Я знаю, что на Земле есть роботы, но вы, похоже, не умеете управлять ими. Вы выкрикиваете приказы, словно роботы глухие.

Она повернулась к Бургграфу и тихо сказала:

— Бургграф, никто из вас не войдет в комнату, пока я не позову. Не мешайте нам ни под каким предлогом.

— Слушаю, мэм, — сказал Бургграф.

Он оглядел стол, проверяя, не упустил ли чего-нибудь, и вышел из комнаты.

Бейли в свою очередь, посмеялся, но про себя. Голос Глэдии был тихим, но тон такой резкий, как у сержанта, обращающегося к новобранцу. Но чему, собственно, он удивляется? Давно известно, что слабости другого легче увидеть, чем свои.

— Ну вот, Илайдж, мы одни, даже роботы ушли.

— Вы не боитесь остаться наедине со мной? — спросил Бейли.

Она медленно покачала головой.

— Чего мне бояться? Жест, испуганный возглас, — и роботы тут же появятся. Ни один космонит не боится другого. Это не Земля. А почему вы спросили?

— Потому что боятся не только физического воздействия. Я ни в коем случае не допустил бы какого-либо насилия или дурного обращения по отношению к вам. Но вы не боитесь моих вопросов и того, что может открыться? Помните, что здесь не Солярия. Там я симпатизировал вам и намеревался доказать вашу невиновность.

— А теперь вы мне не симпатизируете?

— На сей раз убит не муж, и вас не обвиняют в убийстве, Уничтожен всего лишь робот, и, на-

сколько я знаю, вас ни в чем не подозревают. Так что моя проблема — доктор Фастольф. И для меня чрезвычайно важно — о причинах нет нужды сейчас говорить — доказать его невиновность. Если дело обернется так, что пострадаете вы, я не смогу этому помочь. Я не сойду со своего пути ради вас. Я говорю вам это открыто.

Она подняла голову и надменно посмотрела на него:

— С какой стати я пострадаю от чего бы то ни было?

— Может быть, без вмешательства доктора Фастольфа мы как раз и обнаружим это, — холодно сказал Бейли.

Он ткнул в сандвич маленькой вилочкой — взять его рукой означало, что все остальные окажутся для Глэдии непригодными — переложил на свою тарелку, затем сунул в рот и запил чаем. Она тоже ела сандвич за сандвичем и пила чай, и оба остывали без раздражения.

— Глэдия, — сказал он, мне нужно точно знать о ваших взаимоотношениях с доктором Фастольфом. Вы живете почти рядом, у вас даже роботы практически общие. Он явно заботится о вас. Он не старается доказать собственную невиновность, разве что утверждает, что не виновен, а

вас сразу же кинулся защищать, как только я усилил допрос.

Она слабо улыбнулась:

— Что вы подозреваете, Илайдж?

— Не уклоняйтесь. Я не хочу подозревать, я хочу знать.

— Доктор Фастольф говорил вам о Фании?

— Вы не спрашивали его, жена она ему, или только сотрудница? Спрашивали вы, есть у него дети?

Бейли почувствовал себя неловко.

Он должен был спросить. На Земле практически невозможно не знать обо всем, что касалось семейных дел соседей, поэтому никто ни о чем не спрашивал и делал вид, что не знает. Этакий общепринятый обман. Здесь, на Авроре не придерживались земных обычаев, однако Бейли автоматически держался их. Дурак!

— Нет, еще не спрашивал.

— Фания его жена. Он женился много раз, разумеется, последовательно, хотя на Авроре случается, что у кого-то одновременно несколько жен или мужей.

Она сказала это одновременно и оправдываясь и давая понять, что тема разговора ей не нравится.

— На Солярии это неслыханное дело. Тем не менее, этот брак доктора Фастольфа, видимо, скоро расстроится, и оба будут искать новых привязанностей, хотя не часто бывает, что один или оба супруга не дожидаются расторжения брака. Я не понимаю такого небрежного отношения, Илайдж, но знаю, что на Авроре именно так. Доктор Фастольф, насколько я знаю, скорее пуританских взглядов. Он всегда был верен временной супруге и не искал никого на стороне. На Авроре это считается старомодным и глупым.

— Я что-то читал об этом.

Бейли кивнул.

— Как я понял, брак заключается с намерением иметь детей?

— В теории — да, но в наше время мало кто принимает это всерьез. У доктора Фастольфа есть двое детей, больше ему не полагается, но все-таки он женился и просит разрешение на третьего. Ему, конечно, откажут, и он это знает. А другие даже не утруждают себя просьбами.

— Зачем же тогда утруждать себя женитьбой?

— От этого есть какие-то социальные выгоды. Они довольно сложны, и я их не понимаю.

— Ладно. Неважно. Расскажите о детях доктора Фастольфа.

— У него две дочери от разных матерей, конечно, не от Фании. Матери сами вынашивали дочерей, как это принято на Авроре. Дочери уже взрослые, у них свои дома.

— Он близок с дочерьми?

— Не знаю. Он никогда не говорит о них. Одна из них — роботехник, и я думаю, что он должен был бы как-то соприкасаться с ее работой, а вторая дочь где-то служит или имеет свой офис, точно не знаю.

— Вы не знаете, были ли семейные неурядицы?

— Не знаю, но вряд ли. Насколько мне известно, он в хороших отношениях со своими бывшими женами. Ни один из разводов не нес в себе злобы. Доктор Фастольф не тот человек. Что бы ни происходило рядом с ним, он всегда спокоен. Он будет шутить даже на смертном одре.

— Это, во всяком случае, правильная оценка, — подумал Бейли и сказал:

— А каково его отношение к вам? Только, пожалуйста, скажите правду. Мы не в том положении, когда скрывают правду, чтобы избежать осложнений.

Она спокойно встретила его взгляд.

— Тут нечего избегать. Доктор Фастольф, мой

друг, и очень хороший.

— Вы ждете его развода, чтобы стать его следующей женой?

— Нет.

— Вы любовники?

— Нет.

— И не были?

— Нет. Вас это удивляет?

— Мне просто нужна информация..

— Тогда задавайте вопросы связно и не закидывайте меня ими, словно надеясь заставить меня в чем-то проболтаться.

Она сказала это без всякого раздражения, ее это как бы развлекало.

Бейли слегка покраснел и хотел сказать, что у него вовсе не было такого намерения, но, конечно, и отрицать это было бесполезно.

— Лада, — сказал он грубовато, — пойдем дальше.

Глэдия снова опустила глаза. Лицо ее стало чуть жестче, словно она погрузилась в прошлое, которое хотела бы забыть.

— Вы имеете представление о моей жизни на Солярии. Она не была счастливой, но другой я не знала. И только когда я попробовала прикоснуться к счастью, я поняла, до какой степени

была несчастна моя жизнь. Первый намек на это пришел от вас, Илайдж.

— От меня?

Бейли изумился.

— Да, Илайдж. Наша последняя встреча на Солярии — я надеюсь, что вы ее помните — научила меня кое-чему. Я прикоснулась к вам. Я сняла перчатку — такую же, какая сейчас на мне, — и дотронулась до вашей щеки. Контакт был очень коротким. Я не знаю, значил ли он что-то для вас — нет, не говорите, это неважно — но для меня он значил очень много!

Она подняла глаза и встретила его взгляд.

— Он значил для меня все. Он изменил всю мою жизнь. Подумать только — я до тех пор не прикасалась к мужчинам, да и вообще держалась подальше от людей, исключая своего мужа, а с мужем мы были близки очень редко.

Конечно, я видела мужчин по трехмерке и хорошо знала физические аспекты мужественности. Но я не думала, что мужчины отличаются друг от друга наощупь. Я знала, какая кожа моего мужа, какие у него руки, но и только. У меня не было оснований думать, что у другого мужчины это могло быть другим. *Ох* контакта с мужем удовольствия не было. Да и откуда ему было быть?

Какое удовольствие от контакта пальцев со столбом — разве что провести по нему и оценить его гладкость. Контакт с мужем был частью редко происходившего ритуала, на который муж шел, потому что этого от нас ждали, и, как хороший солярианин, он выполнял его в тот день и час, за такой промежуток времени и в такой манере, как предписывалось хорошим воспитанием. В другом смысле тут не было ничего хорошего, потому что, хотя этот периодический контакт имел точную цель сексуальных отношений, Мой муж не просил разрешения иметь ребенка, и я думаю, не спешил произвести его, а я слишком благоговела перед ним, чтобы самой просить разрешение, хотя имела на это право. Оглядываясь назад, я понимаю, что сексуальный опыт был поверхностным и механическим. У меня никогда не было оргазма, ни разу. Я только читала о такой вещи, но описания просто сбивали меня столку, поскольку их можно было найти только в привозных книгах — солярианские книги никогда не упоминали о сексе — и я не могла верить им. Я думала, что это просто экзотические метафоры. И я не могла поверить, до крайней мере, сама. Кажется, это называется мастурбацией, — я слышала это слово на Авроре. На Солярии никогда

не говорилось о сексе, и слова, относящиеся к нему, не употребляются в порядочном обществе, да и в любом другом на Солярии. Из случайно прочитанного я представляла, как это делается, и несколько раз, скрепя сердце, пробовала сделать, как написано, но не смогла. Табу на прикосновение к человеческой плоти делало даже собственную плоть запретной и неприятной. Конечно, я могу дотронуться до своего лица а или положить ногу на ногу, но это случайные прикосновения, на них не обращаешь внимания. А прикоснуться инструментом созданным природой для удовольствия — совсем другое дело.

Каждой частицей своего существа я знала, что этого нельзя делать, и поэтому удовольствия не могло быть. И мне не приходилось получать удовольствие от прикосновения при других обстоятельствах. Да и как это могло случиться? И в тот раз я коснулась вас. Зачем *я* это сделала — не знаю. *Я* чувствовала бесконечную признательность вам за то, что вы спасли меня. Кроме того, вы были не полностью запретны. Вы не солярианин. Вы были — простите меня — не вполне мужчиной. Вы — земное создание, человек по виду, ко вы — недолговечный, бациллоноситель, нечто вроде полу-человека. И вот потому, что вы

спасли меня и были настоящим мужчиной, я могла притронуться к вам. Кроме того, вы смотрели на меня не враждебно, не надменно, как мой муж, не с тщательно вышколенным безразличием тех, с кем я виделась по трехмерному изображению. И вы были прямо тут, рядом, и глаза у вас были теплые и заботливые. И вы вздрогнули, когда моя рука потянулась к вашей щеке. Я видела это. Почему так случилось, я не знаю. Прикосновение было таким беглым, что физическое ощущение нельзя было отличить оттого, как если бы я дотронулась до своего мужа, другого мужчины, или женщины. Но здесь было нечто большее, вы показали мне все признаки того, что я приняла как чувство. И когда наша кожа — моей руки и вашей щеки — соприкоснулись, я словно коснулась ласкового огня, который тут же прошел по моей руке, и всю меня охватил пламенем. Я не знаю, долго ли это продолжалось — вряд ли больше одной-двух секунд, но для меня все остановилось. Во мне произошло что-то, чего никогда не случалось раньше, и вот теперь, когда я познала это, я понимаю, что тогда была очень близка к оргазму. Я старалась не показать этого.

Бейли не решаясь взглянуть на нее, кивнул.

— Так вот, я не показала этого, и только сказала:

«Спасибо вам, Илайдж». Я поблагодарила вас за то, что вы сделали для меня, когда умер мой муж, но много больше — за то, что вы осветили мою жизнь и показали мне, даже не зная этого, что есть в жизни. Вы открыли дверь, показали тропу. Физическое действие было само по себе ничто: просто прикосновение, но оно стало началом всего.

Она сделала паузу, затем подняла палец.

— Нет, не говорите ничего, *Я* еще не закончила. Я раньше представляла себе очень смутно и неопределенно: мужчина и я делаем то, что делали мы с мужем, но как-то по-другому — я даже не знала, как именно — и ощущения были другие, но я не могла представить себе их. Я могла бы прожить всю жизнь, пытаясь вообразить невообразимое, и умерла бы через триста — четыреста лет, таки не узнав этого чувства, как и другие женщины Солярии, да и многие мужчины. Никогда не узнать. Иметь детей, но не узнать. Но я дотронулась до вашей щеки и поняла. Вы не удивляетесь этому? Вы научили меня тому, о чем я лишь воображала. Нет, не механике, не уныл ому, неохотному сближению тел, а чему-то такому, что должно быть при этом, и чего я никогда не достигала. Взгляду в лицо, блеску в глазах, ощу-

щению мягкости, доброты, чего-то, что я не могу описать, понижению ужасного барьера между индивидуумами. Любовь, наверное, подходящее слово, включающее в себя все это и еще что-то большее. *Я* чувствовала любовь к вам, потому что думала, что вы могли бы любить меня. Я не говорю, что любили, но могли бы. В старинных книгах говорилось о любви, я принимала это слово, но не знала его значения, пока не коснулась вас. И я поехала на Аврору, вспоминая вас, думая о вас, мысленно разговаривая с вами, и думала, что на Авроре встречу миллион Илайджей.

Она опять помолчала, погрузившись в мысли.

— Но никого я не встретила. Аврора также скучна, как и Солярия, вернее не так же скучна, а скучна по-другому. На Солярии секс — это грех. Секс отвратителен, и мы все отвернулись от него. Мы не могли любить, потому что ненавидели секс. На Авроре секс скучен. Его принимают спокойно и легко, как дыхание. Если человек ощущает позыв, он тянется к тому, что кажется подходящим, и если подходящая особа в данный момент не занята чем-то важным, следует секс в той манере, как это принято. Вроде дыхания. Но какой экстаз в дыхании? Если у человека удушье, то, возможно, первый хороший вдох будет

для него наслаждением, а если он никогда не задыхался? Секс, разрешенный и доступный, как вода, на Авроре, так же, как секс, запрещенный и постыдный на Солярии, не имели ничего общего с любовью, В обоих случаях дети получаются редко и только по официальному разрешению. Когда такое разрешение получено, происходит интерлюдия секса, безрадостная и противная, предназначенная только для деторождения. Если в положенное время зачатия не последовало, прибегают к искусственному оплодотворению. А на Солярии принят эктогенез, так что оплодотворение и развитие зародыша происходят в генотарии, а секс остается как форма социального общения, не имеющая ничего общего с любовью. Я не могла принять привычки аврорцев, я не была воспитана, как они. Я со страхом тянулась к сексу, никто не придавал этому никакого значения. Глаза мужчин были пусты, когда я предлагала себя, и оставались пустыми, когда мужчины соглашались. Они хотели, но и только. И прикосновение к ним не давало ничего. Так же, как я прикасалась к мужу. Я примирилась. Это стало привычкой и только. Я не чувствовала даже потребности делать это. То ощущение, которое дали мне вы, не возвращалось, и я в конце

концов покорилась. Доктор Фастольф был моим другом. Он один на Авроре знал все, что произошло на Солярии. Вы знаете, что полные сведения не были опубликованы и уж, конечно, не вошли в эту ужасную гиперволновую программу. *Я* о ней слышала, но смотреть отказалась. Доктор Фастольф защищал меня от аврорцев и от их презрения к солярианцам. Он защищал меня также и от отчаяния, которое охватило меня через некоторое время. Но любовниками мы не были. Я могла бы предложить себя, но в то время я уже решила, что ощущения, которые вы мне дали, никогда не вернуться, и отказалась от мысли предлагать себя. Он тоже не предлагал себя, не знаю, почему. Может быть, он понимал, что мое отчаяние происходит от неудачи найти что-то в сексе, и не хотел увеличивать его. Вероятно, он просто был добр ко мне и заботился обо мне в этом отношении, так что мы не стали любовниками. Он был моим другом, когда я нуждалась в дружбе. Вот и все, Илайдж. Вы получили полный ответ на свои вопросы. Вы хотели знать о моих отношениях с доктором Фастольфом и сказали, что вам нужна информация. Вы ее получили. Вы удовлетворены?

— Мне очень жаль, Глэдия, что ваша жизнь

была так трудна. Я получил информацию, в которой нуждался. Выдали мне больше информации, чем думаете.

— В каком смысле?

Бейли не ответил прямо.

— Глэдия, я рад, что воспоминание обо мне так много значило для вас. Когда я был на Солярии, мне и в голову не приходило, что я произвел на вас такое впечатление, но даже если бы пришло, я не пытался бы… вы понимаете.

— Я понимаю, — мягко сказала она, — но и попытка была бы бесполезной: я бы не могла.

— Я знаю. И теперь я не сделал бы такого, как вы сказали, предложения. Одно прикосновение, момент сексуального понимания — больше ничего не нужно. Вполне вероятно, что этот момент неповторим, и его нельзя пачкать глупыми попытками к возобновлению. Но именно по этой причине я не предлагаю себя. Моя неудача могла бы оказаться еще одной пустышкой для вас. Кроме того…

— Да?

— Как я уже говорил, вы сказали мне больше, чем думаете. Вы сообщили, что история не кончилась на вашем отчаянии.

— Откуда вы знаете?

— Рассказывая мне об ощущениях, которое дало вам прикосновение к моей щеке, вы сказали, что только теперь поняли, как были тогда близки к оргазму. Затем вы сказали, что секс с аврорцами не был успешен, и следовательно, в этих случаях вы не испытали оргазма. Однако вы должны были испытать его, Глэдия, чтобы судить о ваших ощущениях на Солярии. Иначе говоря, у вас был любовник, и вы узнали любовь. Если это не доктор Фастольф, то, значит, был кто-то другой.

— Ну и что? Разве это касается вас?

— Не знаю, касается или нет. Скажите, кто он, и если будет ясно, что это не мое дело — покончим с этим.

Глэдия молчала.

— Если вы не хотите сказать, то я сам скажу вам. Я уже говорил, что не намерен щадить ваши чувства.

Глэдия продолжала молчать.

— Кто-то должен был быть, Глэдия, и ваша скорбь по поводу потери Джандера чрезмерна. Вы выслали из комнаты Дэниела, потому что его лицо напоминало вам Джандера. Если я ошибся, решив, что Джандер Пэнел…

Он сделал паузу и затем резко закончил:

— Робот Джандер Пэнел был вашим любовни-

ком, не правда ли?

— Джандер Пэнел, робот, — прошептала Глэдия, — не был моим любовником.

Затем она добавила громко и твердо:

— Он был моим мужем!

Губы Бейли беззвучно зашевелились в безошибочном трехсложном восклицании.

— Да, сказала Глэдия, — «О, дьявол!». Вы ошеломлены? Почему вы не одобряете?

— Это не мое дело — одобрять или не одобрять, — без выражения ответил Бейли.

— Это значит — не одобряете.

— Это значит, что я ищу только информацию. Какая разница между мужем и любовником на Авроре?

— Если двое живут в одном доме какое-то время, они говорят друг о друге «жена» или «муж».

— Какой период времени?

— В разных регионах по-разному. В городе Эос это три месяца.

— И в это время они воздерживаются от сексуальных отношений с другими?

— Почему?

Глэдия подняла брови.

— Я только спрашиваю.

— Исключительность на Авроре невозможна.

К мужу или любовнику — безразлично. Секс для удовольствия.

— Вы тоже искали других, когда были с Джандером?

— Нет. Это был мой выбор.

— Другие предлагали себя?

— Случалось.

— И вы отказывали?

— Случалось и такое.

— Но вы отказывали?

— Да.

— А те, кому вы отказывали, знали причину?

— Что вы имеете в виду?

— Они знали, что у вас муж робот?

— У меня был муж. *Я* не называю его мужем-роботом. Здесь нет такого выражения.

— Но они знали?

Она помолчала:

— Не знаю.

— Вы им говорили?

— Зачем бы я стала говорить?

— Не отвечайте вопросом на вопрос. Говорили ли вы им?

— Нет.

— Как вы могли избежать этого? Разве не естественно объяснить ваш отказ?

— Объяснений никогда не требуется. Отказ есть отказ, так его принимают. *Я* вас не понимаю.

Бейли собрался с мыслями. Непонимание его и Глэдии не пересекалось, а шло параллельно. Он начал снова:

— На Солярии было бы естественным выйти за робота замуж?

— На Солярии это немыслимая вещь. Мне и в голову не пришло бы подобное. На Солярии все немыслимо, и на Земле тоже. Разве ваша жена взяла бы когда-нибудь в мужья робота?

— Это не относится к делу.

— Возможно, но ваша реакция — достаточный ответ. Мы с вами не аврорцы, но мы на Авроре. Я живу здесь два года, и больше понимаю.

— Вы имеете в виду, что сексуальная связь человек-робот — обычное дело на Авроре?

— Не знаю. Я знаю только, что это приемлемо, как приемлемо все, что касается секса — все добровольное, дающее взаимное удовлетворение и не наносящее никому физического вреда. Кому какое дело, как индивидуум или любая комбинация индивидуумов находит удовлетворение? Кого тревожит, какие книги я читаю, когда ложусь спать или встаю, люблю ли я кошек или не терплю розы? Так же относятся на Авроре и

к сексу.

— Да, на Авроре, но вы-то родились не на Авроре и воспитывались не на их лад. Вы только что говорили, что не приспособились к этому безразличию в сексе, а сейчас его защищаете. Вы выражали отвращение к многократным бракам и неразборчивости в связях. Вы не говорили тем, кому отказывали, о причине отказа потому, возможно, что в глубине души стыдились иметь мужем Джандера. Может, вы знали или подозревали, или просто предполагали, что такое необычно даже на Авроре, и вы стыдились?

— Нет, Илайдж, не стыдилась. Если муж-робот необычен даже на Авроре, то это, возможно, потому, что необычны такие роботы, как Джандер. Роботы на Солярии, на Земле и на Авроре — если не считать Дэниела и Джандера — могут дать лишь самое примитивное сексуальное удовлетворение. Они просто приспособлены для мастурбации, механический вибратор, и больше ничего. Когда будет много человекоподобных роботов, появится и секс человек-робот.

— Как вы получили Джандера, Глэдия? Их было всего два, и оба в доме доктора Фастольфа. Доктор Фастольф просто одолжил его вам?

— Да.

— Почему?

— По доброте, я думаю. Я была одинока, разочарована, несчастна, чужая в чужой стране. Он дал мне Джандера для компании, и я вечно буду ему благодарна. Это длилось всего полгода, но будет ценно для меня всю мою жизнь.

— Доктор Фастольф знал, что Джандер ваш муж?

— Он никогда не говорил об этом, так что я не знаю.

— А вы говорили?

— Нет.

— Почему?

— Не считала нужным, но вовсе не из стыда.

— Как это случилось?

Глэдия напряглась и сердито сказала:

— Зачем мне объяснять вам это?

— Глэдия, время идет. Не воюйте со мной на каждом шагу. Вы расстроены тем, что Джандер… что его нет?

— Зачем вы спрашиваете?

— Вы хотите знать, что случилось?

— Опять-таки — зачем вы спрашиваете?

— Тогда помогите мне. Мне нужна ваша информация, какую я могу получить, если я хочу хотя бы начать разработку этой, похоже, неразреши-

мой проблемы. Как Джандер стал вашим мужем?

Глаза Глэдии наполнились слезами.

— Обычно роботы не носят одежды, но они так сконструированы, как будто одеты. *Я* хорошо знаю роботов, поскольку жила на Солярии, и у меня есть некоторый художественный талант…

— *Я* помню ваши световые картины.

Глэдия благодарно кивнула:

— *Я* составила новые рисунки для новых моделей. Они по-моему, более интересны, чем те, какими пользуются на Авроре. Некоторые из моих рисунков здесь на стене. Есть и в других местах в доме.

Глаза Бейли пробежали по рисункам.

Он уже заметил их. Изображенные на них роботы не были натуралистическими — удлиненные, неестественно изогнутые. Теперь он видел, что искажение было задумано очень умно, как акцент. Глядя на них с новой перспективы, он увидел, что эти детали напоминают одежду. В них было что-то от костюмов слуг Викторианской Англии — он видел такие в одной книге.

Интересно, знала ли Глэдия о них, или это просто случайное совпадение? Когда Бейли впервые увидел эти рисунки, он решил, что Глэдия окружила себя роботами, имитируя жизнь в Солярии.

Она говорила, что ненавидела ту жизнь, но это было только продуктом ее мыслящего мозга. Солярия была единственным домом, который она хорошо знала, и его нелегко отбросить, а может, и вообще невозможно.

Это и могло ее вдохновить на творчество, даже если жизнь там не вполне ей нравилась.

— *Я* имела успех. Некоторые концерны, производящие роботов, хорошо платили мне за мои рисунки, и было очень много случаев, когда уже существующих роботов покрывали заново по моим указаниям. Это давало мне определенное удовлетворение и в какой-то мере компенсировало эмоциональную пустоту моей жизни. Когда доктор Фастольф дал мне Джандера, робот, конечно, был в обычной одежде. Доктор был настолько добр, что дал мне множество сменной одежды для Джандера, но в ней не было ничего особенного, а мне хотелось купить более, на мой взгляд подходящее. Это означало, что надо тщательно измерить Джандера, потому что я хотела заказать одежду по моим рисункам. Джандер разделся, и только тогда я полностью осознала, насколько он приближается к человеку. Ничто не было упущено, и те части, которые должны были напрягаться, и в самом деле напрягались, и

находились, как и у человека, под контролем сознания. *Я* спросила, функционирует ли его пенис. Джандер ответил, что да. Я заинтересовалась, и он продемонстрировал. Вы понимаете, что он был не похож на мужчину, я знала, что он робот. Я стараюсь не давать волю чувствам, и это наверняка, играло какую-то роль в моей неспособности получить удовлетворение от секса с аврорцами. Но это был не мужчина, а я всю жизнь была с роботами, и свободно могла касаться Джандера. Я сразу осознала, что хочу прижаться к нему, и он быстро понял, что я хочу этого. Он был тонко настроенным роботом, и тщательно следовал Трем Законам. Не дать радость — это вызвать разочарование, которое можно расценить, как вред, а он не мог вредить человеку. И он старался дать мне радость — чего я никогда не видела в аврорских мужчинах — я и в самом деле радовалась, и постепенно дошла до полной… Я думаю, это и есть оргазм.

— Значит вы были полностью счастливы?

— С Джандером? Да, конечно.

— Вы никогда не ссорились?

— Как это возможно? Единственная его цель, единственный смысл его существования — быть мне приятным.

— Вас не смущало, что он делал это только для того, чтоб быть приятным вам?

— Не все ли равно, по какой причине кто-то что-то делает?

— Когда вы узнали полноту чувств, у вас ни разу не было желания сделать то же с аврорцем?

— Это было бы бесполезно. Я хотела только Джандера. Теперь вы понимаете, каково мне было потерять его?

Обычно серьезное выражение лица Бейли стало торжественным:

— Я понимаю, Глэдия. Простите, что я недавно причинил вам боль. Тогда я еще не вполне понимал.

Она заплакала, и он ждал, не зная, как утешить ее. Наконец, она вытерла слезы.

— Еще что-нибудь?

— Еще несколько вопросов на другую тему, и я больше не буду докучать вам.

Затем он осторожно добавил:

— Вы знаете, что многие считают доктора Фастольфа виновным в убийстве Джандера?

Да.

— Вы знаете, что сам доктор считает себя единственным, кто мог убить Джандера тем способом, каким его убили?

— Да. Доктор сам говорил мне это.

— Думаете ли вы, что Джандера убил доктор Фастольф?

Она неожиданно резко взглянула на Бейли и сердито сказала:

— Конечно, нет! Зачем ему это? Джандер был его роботом, и доктор очень заботился о нем. Вы не знаете доктора, Илайдж. Он добрый человек, он ничего не мог плохого сделать кому-либо, и уж тем более, роботу. Этого просто не могло быть.

— У меня больше нет вопросов, есть только одно дело сейчас — взглянуть на Джандера, если вы позволите.

Глэдия встала. Ее простое платье не было черным, как полагалось бы на Земле, а какого-то тусклого цвета, без единой яркой искорки, и даже Бейли, отнюдь не знаток одежды, понял, насколько это платье траурное.

— Пошли, — тихо прошептала она.

Они прошли через несколько комнат, по коридору и поднялись по короткому пролету лестницы в маленькую комнату, одна стена которой светилась. В комнате были койка и стул, больше ничего.

— Это была его комната, — сказала Глэдия.

Затем, как бы отвечая на мысли Бейли, она

добавила:

— Это все, в чем он нуждался. Я оставляла его одного иногда даже на весь день: я не хотела устать от него. Теперь я хотела бы, чтобы он был со мной каждую секунду. Я ведь не знала, что у нас так мало времени впереди. Вот он.

Джандер лежал на койке, прикрытый до груди мягкой блестящей тканью. Лицо его было спокойно и нечеловечески безмятежно, глаза широко раскрыты, но не прозрачны и без блеска. Он очень походил на Дэниела, и понятно, почему Глэдии было не по себе в присутствии Дэниела.

— Доктор Фастольф осматривал его?

— Да. Я в отчаянии пришла к нему, и если бы вы видели, как он бежал сюда, расстроенный, с болью, в панике, вы никогда бы не сочли его виновным. Но он ничего не мог сделать.

— Он раздет?

— Да. Доктор раздел его, чтобы осмотреть, а снова одевать не имело смысла.

— Вы позволите мне открыть его?

— Зачем? Что вы можете обнаружить, чего не обнаружил доктор Фастольф?

— Ничего. Но я должен знать, что ничего не упустил в расследовании.

— Хорошо, но потом опять накройте его.

Глэдия повернулась к нему спиной и уткнулась лбом в стену. Бейли знал, что она плачет.

Тело было, пожалуй, не совсем человеческое, мускулатура, пожалуй, несколько упрощенная, чуточку схематичная, но все остальное было на месте: соски, пупок и прочее, даже легкие волоски на груди.

Сколько дней прошло после того как его убил и? Во всяком случае, больше недели, и никаких признаков разложения. Робот. Тело было теплое, крепкое, упругое.

Бейли не мог избавиться от чувства неловкости, ему казалось, что он нарушает покой человека. Тело робота было куда более человеческим, чем труп человека.

Бейли снова прикрыл Джандера.

— Я закончил, Глэдия.

Она повернулась, посмотрела на Джандера и сказала:

— Пойдем?

— Да, конечно. Глэдия, вы так и оставите его здесь?

— А если оставлю, какое это имеет значение?

— В какой-то мере имеет. Вы должны постараться оправиться от потери. Нельзя носить траур в течение столетий.

Он сам осознавал, что его слова звучат сентенциозно, как же она должна воспринимать их?

— Я понимаю, что вы желаете мне добра, Илайдж, но меня просили сохранить Джандера до конца расследования, а потом его кремируют по моей просьбе. У меня будет его голограмма. Вы удовлетворены?

— Да. Мне пора вернуться в дом доктора Фастольфа.

— Я хочу, чтобы вы нашли того, кто это сделал и зачем. Я должна знать. И я уверена, что вы сможете.

Бейли вышел из дома Глэдии на закате. Дэниел шел позади него, Жискар, как и раньше впереди.

— Вы хорошо себя чувствуете, партнер Илайдж? — спросил Дэниел.

— Вполне, — ответил Бейли. — Он был доволен собой. — Я начал привыкать к Снаружи, Дэниел, и даже могу восхищаться закатом. Он всегда такой?

— Да. Но давайте пойдем быстрее: в это время года рано темнеет.

— Я готов. Пошли.

Бейли подумал, что лучше дождаться темноты — она дала бы ему иллюзию стен, а он в глубине души не был уверен, что его хорошее самочув-

ствие, вызванное красивым закатом, продлится долго. Закат-то Снаружи! Нет, это трусливая неуверенность, он не должен поддаваться ей.

Жискар бесшумно подошел к нему.

— Может быть, вы предпочитаете подождать, сэр? Может темнота для вас лучше? Нам ведь все равно.

Бейли увидел других роботов в отдалении. Интересно, кто их послал для его охраны — Глэдия или Фастольф? Это подчеркивало их заботу о нем, но он упрямо не желал показать слабость.

— Нет, пойдем сейчас, ответил он, и быстро пошел по направлению к дому Фастольфа, хотя и не видел его за далекими деревьями.

Хорошо бы освободиться от страха, заставляющего зубы стучать от холодного вечернего ветра, и от него же гусиная кожа на руках?

Нет, здесь не Снаружи. Нет.

— Дэниел, вы хорошо знали Джандера?

— Мы некоторое время были вместе, со времени изготовления друга Джандера до его перехода в дом мисс Глэдии.

— Вас не смущало, что Джандер так похож на вас?

— Нет. Мы оба знали наши различия, и доктор Фастольф тоже не путал нас. Так что мы были два

индивидуума.

— Вы тоже различали их, Жискар?

— Насколько я помню, не было такого случая, когда это потребовалось бы.

— А при необходимости?

— Я бы различил их.

— Дэниел в тот период, когда Джандер был в доме мисс Глэдии, вы виделись с ним?

— Нет, партнер Илайдж. Мисс Глэдия держала его в доме. В тех случаях, когда она посещала доктора Фастольфа, она никогда не брала его с собой, а когда я сопровождал доктора Фастольфа к ней, я не видел друга Джандера.

Бейли слегка удивился. Он хотел было задать тот же вопрос Жискару, но раздумал. Такой, как выразился Фастольф, перекрестный допрос роботов ничего, в сущности, не дает. Они не могут сознательно сказать то, что может повредить человеку, их не вынудишь к этому ни обманом, ни подкупом. Они не могут откровенно солгать, но будут вежливо давать бесполезные ответы. Они подошли к крыльцу дома, и Бейли почувствовал, что его дыхание участилось. Он был уверен, что дрожь рук и нижней губы происходит только от холодного ветра. Солнце уже село, на потемневшем небе стали появляться звезды.

Бейли вошел в тепло сияющих стен дома. Он был в безопасности.

Фастольф встретил его:

— Вы вовремя вернулись, мистер Бейли. Ваша беседа с Глэдией прошла успешно?

— Очень успешно. Я, может быть, даже держу ключ к ответу.

Фастольф вежливо улыбнулся, и это не означало ни удивления, ни энтузиазма, ни сомнения. Он ввел Бейли в столовую, которая была меньше и уютнее той, где они завтракали.

— Мы с вами, дорогой мистер Бейли, будем обедать без формальностей, только вдвоем, даже роботов не будет, если вы желаете. О делах говорить не будем, разве что очень захотите этого.

Бейли ничего не ответил, так как остановился в изумлении, глядя на стены. Они были волнистые, сияюще-зеленые, медленно изменяющиеся по оттенкам от пола к потолку. Дрожащие светотени делали комнату похожей на грот на дне моря. Эффект был головокружительный — по крайней мере, для Бейли. Фастольфу не составило труда понять впечатления Бейли:

— К этому нужно привыкнуть, мистер Бейли. Жискар, уменьши освещение стен… Спасибо.

Бейли облегченно вздохнул: — И вам спасибо,

доктор Фастольф. Я хотел бы сходить в туалет.

— Пожалуйста.

— Не могли бы вы… Бейли замялся.

Фастольф хихикнул:

— Вы найдете там все совершенно нормальным. Жаловаться вам не придется.

— Весьма признателен.

Туалет и в самом деле был просто туалетом, только более роскошным и более удобным, чем те, какие он видел. Он невероятно отличался от земного, не говоря уже о чистоте. Бейли мрачно подумал, что поживи он на Авроре подольше, ему трудно было бы снова привыкать к толпам в земных туалетах. А здесь его окружали удобства из слоновой кости и золота — имитации, конечно, но красиво. Он вдруг вздрогнул от воспоминаний о случайных обменах микробами на Земле. Наверное, то же чувствуют и космониты? Можно ли порицать их? Однако аврорцы так любят украшения, так настойчиво уверяют, что живут в согласии с природой, а сами приручают и ломают ее. Может, это только в доме Фастольфа? У Глэдии дом куда проще, но, может быть, потому что она с Солярии?

Обед был просто восхитителен. Как и за ленчем, присутствовало ощущение близости к природе.

Блюд было много, и можно было заметить, что все они были когда-то частью растений и животных. Бейли уже начал смотреть на случайную косточку, жилку ил и хрящик не с отвращением, как раньше, а как на крошечное приключение. Некоторые блюда ему не очень понравились, но это был о неважно. Главное, что все они очень отличались по вкусу.

Несмотря на предложения Фастольфа, чтобы роботы не присутствовали, обслуживал их все-таки робот. Бейли подумал, что Фастольф настолько привык к роботам, что просто не заметил этого факта, а Бейлифе стал заострять его внимания. Робот был молчалив и двигался бесшумно. Его нарядная ливрея была как бы взята из исторической пьесы, которую Бейли видел по гиперволновой программе. Только при очень близком разглядывании можно было увидеть, что этот костюм был световой иллюзией, а робот был снаружи из гладкого металла, и только.

— Поверхность слуги сделала Глэдия? — спросил Бейли.

— Да, — сказал Фастольф.

Он был явно доволен.

— Она воспримет как комплимент, то, что вы узнали ее работу. Она молодец, верно? Ее работы

невероятно популярны, и она занимает полезное место в аврорском обществе.

Разговор за столом был приятным, но незначительным. Бейли не настаивал на «деловой беседе», и в сущности, предпочитал помалкивать и наслаждаться едой, и потому не мог решить, как подойти к делу, которое казалось ему основным пунктом проблемы с Джандером. Фастольф взял дело в свои руки:

— Поскольку вы упомянули о Глэдии, могу ли я спросить, как получилось, что вы остались в ее доме, можно сказать, в отчаянии, а вернулись энергичным и сказали, что, возможно, имеете ключ к загадке? Не узнали ли вы от Глэдии что-то новое и неожиданное?

— Да, — рассеянно ответил Бейли.

Он весь ушел в десерт, который никак не мог опознать, а робот-лакей, видимо, понявший его жаждущий взгляд, поставил перед ним вторую порцию.

Никогда в жизни Бейли так не наслаждался процессом еды и впервые посетовал на физиологические ограничения, не позволяющие есть вечно. Он сам стыдился своих ощущений.

— И что же вы узнали? — терпеливо спросил Фастольф. — Что-то такое, чего я не знаю?

— Возможно. Глэдия сказала, что вы ей отдали Джандера полгода назад.

— Да, это так.

— Зачем? — резко спросил Бейли.

Любезное выражение лица Фастольфа медленно исчезало: — А почему бы и нет?

— Я не знаю, почему нет, и меня это не интересует. Я спросил: зачем?

Фастольф не ответил.

— Доктор Фастольф, продолжал Бейли, — я здесь для того, чтобы распутать этот несчастный клубок. Вы *ничего* не сделали, чтобы упростить дело. Вам как будто приятно показывать мне, насколько плох этот клубок, и уничтожать все, что я мог бы считать возможным решением. Теперь я даже не надеюсь, что другие будут отвечать намой вопросы. Я де имею официального статуса на этой планете и не имею права задавать вопросы и требовать ответа. А вы — другое дело. Я здесь по вашему вызову, и пытаюсь спасти вашу карьеру, как и свою и, по вашей же оценке дел, спасти как Аврору, так и Землю. Следовательно, я надеялся, что вы ответите на мои вопросы честно и искренне. Прошу вас, не ведите тупиковую политику, отвечая «почему бы и нет?», когда я спрашиваю «зачем?». Итак, давайте снова: за-

чем?

Фастольф угрюмо дернул губой:

— Простите меня, мистер Бейли, я только потому не сразу ответил, что та причина была не слишком драматичной. Глэдия здесь чужая. Она пережила травму у себя на родине, как вам известно, пережила травму и здесь, что, может быть, вам и не известно…

— Известно. Пожалуйста, конкретней.

— Ну, я жалел ее. Она была одинокой, и Джандер мог скрасить ее одиночество.

— Вы жалели ее? Так. Вы ее любовник или были им?

— Нет. Ничего подобного. Я не предлагал, и она тоже. Разве она сказала вам, что мы были любовниками?

— Нет, но в любом случае мне нужны независимые сведения. Если будут противоречия, я скажу, так что вам нечего беспокоиться. Как случилось, что при вашей симпатии к ней вы не предлагали себя? Я слышал, что на Авроре предложить сексуальную связь все равно, что поговорить о погоде.

Фастольф нахмурился:

— Вы ничего об этом не знаете. Не судите о нас по стандартам вашей планеты. Секс не является важным делом для нас, но мы осторожно поль-

зуемся им и предлагаем его не так легко, как вам кажется. Глэдия, непривычная к нашему образу жизни и сексуально разочаровавшаяся на Солярии, вероятно, предлагала себя легко — лучше сказать — отчаянно, и неудивительно, что не была довольна результатами.

— Вы не пытались улучшить дело?

— Предложив себя? Я не тот, кто ей нужен, и она не то, что нужно мне. Мне было жаль ее. Она мне очень нравится. Я восхищаюсь ее художественным талантом, и я хотел бы видеть ее счастливой. Вы, конечно, согласитесь, что симпатия порядочного человека к другому не обязательно основана на сексуальном желании. Разве вы сами никогда никому не симпатизировали, никогда не хотели помочь кому-то просто из добрых чувств к человеку?

— Доктор Фастольф, я не сомневаюсь, что вы человек порядочный. Однако, вы играете со мной. Когда я первый расспросил вас, зачем вы отдали Джандера Глэдии, вы не сказали мне того, что говорите сейчас, причем говорите заметно эмоционально. Вашим первым побуждением было увернуться, помедлить, протянуть время, ответить вопросом на вопрос. В конце концов, вы ответили, но почему этот вопрос вначале смутил

вас? Простите мою настойчивость, но я должен знать, и поверьте, не из личного любопытства. Если то, что вы скажете мне, не пригодится в деле, считайте, что я уже забыл это.

Фастольф тихо сказал:

— Честно говоря, я и сам не знаю, почему парировал ваш вопрос. Вы неожиданно поставили меня перед чем-то, чего я, возможно, не хотел видеть. Дайте мне подумать.

Они некоторое время молчали. Слуга убрал со стола и вышел. Дэниел и Жискар, вероятно, охраняли дом. Мужчины были одни. Наконец Фастольф проговорил:

— Я не знаю, что должен сказать, но позвольте мне вернуться на несколько десятилетий назад. У меня две дочери. Вы, наверное, это знаете. Они от разных матерей.

— А вы хотели бы иметь сыновей?

Фастольф был искренне удивлен:

— Нет, отнюдь. Мать моей второй дочери хотела сына, как мне кажется, но я не дал согласия на искусственное оплодотворение отобранной спермой, пусть даже моей, а настаивал на естественном броске генетических игральных костей, потому что предпочитаю в жизни игру случая, а может быть, и потому, что надеялся на появ-

ление дочери. Понимаете я принял бы и сына, но почему-то предпочитаю дочерей. Ну, так вот, моя половина произвела на свет дочь, и это стало одной из причин того, что вскоре после родов мать расторгла брак. Но с другой стороны, большой процент расторгается после родов в любом случае, так что, может, это и не было причиной.

— Она взяла ребенка с собой?

Фастольф ошеломленно взглянул на него:

— Зачем? Ох, я забыл, что вы с Земли. Конечно, нет. Ребенка должны были отдать в ясли, где за ним будет правильный уход, но моя дочь туда не попала, я решил взять ее себе. Он сморщил нос, как бы смутившись: — Это законно, но необычно. Я был совсем молод, не дошел еще до сотенной отметки, но уже сделал отметку в роботехнике.

— И вы справились?

— Вы имеете ввиду, что я успешно воспитывал ее? Да. Я привязался к ней. *Я* назвал ее Василией. Это имя моей матери. У меня бывают порывы чувствительности, вроде любви к моим роботам. Я, конечно, никогда, не видел своей матери, но ее имя было в моей карте. Она еще жива, насколько я знаю, так что я мог бы увидеть ее, но, по-моему, как-то неприятно встретиться с человеком, в чьем животе ты когда-то был… Так о чем я го-

ворил?

— Что вы назвали дочь Василией.

— Да. Я взял ее к себе и в самом деле очень полюбил ее. Но, это конечно, смущало моих друзей, и я держал ее подальше от них, когда встречался с ними. Однажды, когда у меня был доктор Сартон и мы разговаривали о самых ранних проектах программ для человекоподобных роботов, она прибежала в слезах и бросилась ко мне. Ей было всего семь лет. Я обнял ее и поцеловал, забыв о деле, что было совершенно непростительно. Сартон ушел, шокированный и крайне возмущенный. Только через неделю я смог возобновить с ним контакт и закончить обсуждение. Дети не должны таким образом действовать на людей, но у нас их мало, и их почти не видно.

— А ваша дочь Василия любила вас?

— Да. По крайней мере, до… Она очень любила меня. Я следил за ее учением и старался, чтобы мозг ее развился.

— Вы сказали, что она любила вас до чего-то. Вы не закончили фразу. Значит, настало время, когда она перестала любить вас? Когда это случилось?

— Став достаточно взрослой, она захотела иметь свой дом. Это вполне естественно.

— А вы не хотели этого?

— Как не хотел? Конечно, хотел. Вы, кажется, считаете меня чудовищем, мистер Бейли?

— Могу ли я предположить, что как только она достигла возраста, позволяющего иметь собственный дом, она уже не испытывала к вам тех чувств, какие, естественно, имела, пока жила в *вашем* доме и зависела от вас?

— Все гораздо сложнее. Видите ли…

Фастольф выглядел смущенным:

— Я отказал ей, когда она предложила мне себя.

— Она предложила себя вам? — Бейли в ужасе ахнул.

— Это было вполне естественно, — небрежно сказал Фастольф. — Она знала меня лучше, чем кого-либо. Я инструктировал ее в сексе, поощрял к эксперименту, водил ее на Игры Эроса, словом, делал для нее все, что мог. Надо было предполагать, что может случиться, но я был так глуп, что не подумал об этом, и попал в ловушку.

— Но кровосмешение…

— Кровосмешение? Ах, да, это земной термин. На Авроре такой вещи нет, мало кто из аврорцев знает свою прямую родню. Естественно, если предполагается брак и просят разрешения иметь детей, тогда производится генеалогический ро-

зыск, но какое это имеет отношение к обычному сексу? Нет, неестественность в том, что я отказал собственной дочери.

Он покраснел, главным образом, покраснели его большие уши.

— Хотел бы надеяться, — пробормотал Бейли.

— У меня не было никакого приличного предлога, во всяком случае, я ничего не мог объяснить Василии. С моей стороны было преступно не предвидеть такой вещи. Я должен был подготовить рациональные основания, чтобы оттолкнуть юное неопытное существо и при этом не ранить и не унизить ее. Мне было страшно стыдно, что я принял на себя необычную ответственность, взяв в дом ребенка и подвергнув его такому неприятному опыту. Мне казалось, что мы могли бы сохранить наши отношения отца и дочери, быть друзьями, но она не соглашалась. Я отказал ей, как мог, ласково и нежно, нос тех пор между нами пошло все плохо. Наконец, она пожелала иметь собственный дом. Сначала я протестовал — не потому, что не хотел этого, а потому, что хотел наладить отношения до того, как она уйдет. Но я ничего не мог сделать. Это было, пожалуй, самое тяжелое время в моей жизни. Она настаивала на уходе, и я не мог ее задерживать. Тогда она

была уже профессиональным роботехником — я очень рад, что она не бросила эту профессию из отвращения ко мне — и могла построить себе дом без моей помощи. Так она и сделала, и с тех пор между нами почти никаких контактов.

— Возможно, она не полностью отдалилась от вас, если не бросила роботехнику.

— Она лучше всего знала роботехнику и больше всего интересовалась ею. Это никак не связано со мной. Я знаю, потому что вначале тоже так думал и делал попытки к примирению, но они были отвергнуты.

— Значит, вы с ней промахнулись?

— Конечно, промахнулся. Это пример ошибочности решения взять ребенка. Испытываешь иррациональное побуждение, атавистическое желание, оно внушает ребенку сильнейшую любовь, а затем тебя самого ставит перед возможностью отказа, когда этот самый ребенок предлагает себя, и этот отказ эмоционально ранит девочку на всю жизнь. И вдобавок еще испытываешь иррациональное сожаление от ее отсутствия. Мы оба напрасно пострадали, и это целиком моя вина. Я никогда не ощущал такого ни до того, ни после.

Фастольф впал в задумчивость, и Бейли мягко

спросил:

— Какую связь это имеет с Глэдией?

Фастольф вздрогнул:

— Ах, я забыл. Так вот, все очень просто. То, что я сказал насчет Глэдии — правда. Мне она нравилась, я симпатизировал ей, восхищался ее талантом. Вдобавок она похожа на Василию. Я заметил это сходство, когда впервые увидел по гиперволне сообщение о ее прибытии с Солярии.

Он вздохнул: — Когда я понял, что она, как Василия, получила эмоциональные шрамы от секса, это было больше, чем я мог вынести. Я устроил ей жилище поблизости, как вы знаете, стал ее другом и делал, что мог, для смягчения ее адаптации в чужом мире.

— Значит она заменила вам дочь?

— Да, пожалуй. Вы не представляете, как я рад, что ей не пришло в голову предлагать мне себя. Оттолкнуть ее — это пережить то же самое, что с Василией, а принять — еще хуже, поскольку чувства у меня к ней такие же, как к дочери. Теперь вы понимаете, почему я заколебался вначале ответить вам. Ваш вопрос сразу напомнил мне трагедию моей жизни.

— А вторая ваша дочь?

— Ламин? — равнодушно сказал Фастольф. — Я

никогда не контактировал с ней, хотя время от времени о ней слышу.

— Как я понял, она на политической работе?

— Да, у глобалистов.

— Что это такое?

— Глобалисты? Они заботятся только об Авроре, только о нашем шарике. Аврорцы должны быть лидерами в заселении Галактики. Всем другим надо загораживать путь, особенно землянам. Они называют это «просвещенным эгоизмом».

— Вы, конечно, не согласны с ними?

— Конечно, нет. Я вхожу в партию гуманистов, которые считают, что все человеческие существа имеют право на долю в Галактике. Когда я упоминал о своих врагах, я имел в виду глобалистов.

— Значит, Ламин — ваш враг.

— И Василия тоже. Она член Роботехнического Института Авроры (РИА), основанного несколько лет назад, и работающие там роботехники смотрят на меня как на демона, которого надо уничтожить любой ценой. Но мои бывшие жены, насколько мне известно, все вне политики, и, возможно, даже гуманисты. — Он криво улыбнулся: — Ну, мистер Бейли, вы задали все вопросы, какие хотели?

Руки Бейли бесцельно прошлись по бокам сво-

бодных аврорских брюк в поисках карманов, но не нашли их. Пришлось в качестве компромисса сложить руки на груди.

— Да, доктор Фастольф. Но я вовсе не уверен, что вы ответили на первый вопрос. Мне кажется, вы все время обходите его. Зачем вы отдали Джандера Глэдии? Давайте в открытую, чтобы увидеть свет во тьме.

Фастольф снова покраснел, очевидно на этот раз от гнева, но говорил по-прежнему мягко:

— Не задирайте меня, мистер Бейли. Я вам ответил. Мне было жаль Глэдию, и я подумал, что Джандер составит ей компанию. С вами я говорил более откровенно, чем с кем-либо другим, во-первых, из-за своего положения, а во-вторых, потому, что вы не аврорец, и в обмен прошу разумного уважения.

Бейли прикусил губу. Он не на Земле, у него нет здесь официальной власти, а на карту поставлено больше, чем его профессиональная гордость.

— Извините, доктор Фастольф, если я задел ваши чувства. Я не имел намерения обвинить вас в неискренности или в отсутствии сотрудничества. Тем не менее, я не могу действовать без полной правды. Позвольте мне намекнуть на возможный ответ, каким я его вижу, и вы скаже-

те, прав я частично или полностью неправ. Не могло ли быть так, что вы дали Джандера Глэдии, чтобы он служил фокусом для ее сексуальной тяги, и она, таким образом, не имела бы случая предлагать себя вам? Может быть, это не было сознательной причиной, но подумайте об этом сейчас. Возможно ли, чтобы такое чувство содействовало подарку?

Фастольф застыл. Только рука его схватила легкое прозрачное украшение, лежавшее на обеденном столе, и вертела его. Наконец, он сказал:

— Так могло быть, мистер Бейли. Верно, что после того, как я одолжил ей Джандера — это не было настоящим подарком — я меньше опасался, что она предложит мне себя.

— Вы знаете, пользовалась ли Глэдия Джандером в сексуальных целях?

— А вы спрашивали ее об этом?

— Это не имеет отношения к моему вопросу. Вы знал и? Были ли вы свидетелем каких-либо сексуальных действий между ними? Кто-нибудь из ваших роботов информировал вас о таком? Сама она говорила вам?

— На все эти вопросы я отвечу — нет. Я перестал думать об этом, потому что в этом нет ничего необычного. Правда, обыкновенные роботы не

очень приспособлены для секса, но люди в этом отношении изобретательны. Что же касается Джандера, то он настолько человекоподобен, что...

— Так что он мог бы быть партнером в сексе?

— Нет, это не приходило мне в голову. Была абстрактная задача сконструировать полностью человекоподобного робота, и мы с покойным доктором Сартоном выполнили ее.

— Но ведь такие роботы идеально подходят для секса, не так ли?

— Я полагал — когда позволил себе подумать об этом — что да, и допускаю, что такая тайная даже для меня мысль была у меня с самого начала — что Глэдия прекрасно может пользоваться Джандером в этом отношении. Если это так, я надеюсь, что она получила удовольствие, и считал бы, что сделал для нее доброе дело.

— Не могло ли это дело быть более добрым, чем вы предполагали?

— Б каком смысле?

— Что вы скажете, если я сообщу вам, что Джандер и Глэдия были мужем и женой?

Рука Фастольфа, державшая украшение, конвульсивно сжалась, а затем выпустила вещь.

— Что? Это же смешно. Это по закону невоз-

можно. Детей быть не может, значит, немыслимо просить на них разрешение, а, без такой просьбы не может быть и брака.

— Дело не в законности, доктор Фастольф. Глэдия солярианка, и у нее не аврорская точка зрения. Дело в эмоциях. Глэдия сама мне сказала, что считала Джандера мужем. Я думаю, что она считает себя его вдовой, и у нее новая сексуальная травма, и очень тяжелая. Может, вы знаете, как можно подействовать…

— Клянусь всеми звездами, не знаю. Что бы ни было в моих мыслях, я и представить себе не мог, что Глэдии придет в голову фантазия выйти замуж за робота, хотя он и человекоподобный.

Бейли кивнул и поднял руку.

— Я верю вам. Не думаю, чтобы вы были настолько прекрасным актером, чтобы обмануть меня притворной искренностью. Но я должен знать, была ли возможность…

— Нет, не было. Чтобы я предвидел такую ситуацию, чтобы по каким-то причинам намеренно создал это отвратительное вдовство? Ни в коем случае. Это немыслимо, и я этого не замышлял. Мистер Бейли, что бы я не имел в виду, помещая Джандера в ее дом, я имел в виду благо. А этого я не имел в виду. Говорить о предполагаемом

благе — плохая защита, я понимаю, но лучшей я не могу предложить.

— Ладно, оставим это. Но то, что я могу предложить, может оказаться решением проблемы.

Фастольф глубоко вздохнул и сел, как-то диковато взглянув на Бейли. Вы намекнули на это, вернувшись от Глэдии. Вы сказали, что у вас есть ключ. Зачем же вы прогнали меня через все это?

— Мне очень жаль, но без «всего этого» ключ не имел бы смысла.

— Ну, ладно, давайте насчет ключа.

— Так вот: Джандер оказался в положении, которое вы, величайший теоретик роботехники, по вашему собственному утверждению не предвидели. Он был так приятен Глэдии, что она влюбилась в него и считала его своим мужем. Что если, будучи приятным, он был также и неприятным ей?

— Я не вполне улавливаю.

— А вот смотрите. Она несколько скрытна в этом вопросе. Я слышал, что на Авроре сексуальный вопрос не та вещь, которую скрывают любой ценой.

— Мы не передаем этого по гиперволне, — сухо сказал Фастольф, — но не делаем из этого большой тайны, чем из другого личного дела. Мы

обычно знаем, кто был чьим последним партнером, и в кругу друзей часто обсуждаем, насколько хорош или плох тот или иной партнер, или они оба. Это просто случайный треп.

— Да, но вы ничего не знали о связи Глэдии с Джандером.

— Я подозревал…

— Это не одно и тоже. Она вам ничего не говорила. Вы ничего не заметили. Ваши роботы вам ничего не сообщали. Она держала это в секрете даже от вас, своего лучшего друга. Ясно, что ее роботы получили приказ помалкивать о Джандере, да и сам Джандер наверняка был тоже проинструктирован соответственно.

— Я полагаю, что это правильное заключение.

— Почему она так сделала, доктор Фастольф?

— Наверное, по солярианской скрытности насчет секса.

Иначе говоря, она стыдилась?

— У нее не было причин стыдится, хотя намерение назвать Джандера мужем вызвало бы насмешки.

— Это она могла бы скрыть, не скрывая всего остального. Предположим, что она, как солярианка, стыдилась.

— Ну и что из этого?

— Никто не радуется, если ему стыдно, и она могла порицать Джандера за это — многие стремятся свалить на кого-то вину за неприятности, в которых виноваты сами.

— Ну, и…

— Может быть, были случаи, когда вспыльчивая Глэдия разражалась слезами и обвиняла Джандера, что он источник ее стыда и несчастья. Она могла быстро успокоиться и извиниться, но не считал ли Джандер, что он и в самом деле такой источник?

— Мог.

— Не могли Джандер думать, что, продолжая эти отношения, он делает ее несчастной, а отказавшись, тоже сделает ее несчастной? В обоих случаях он нарушает Первый Закон, и единственным решением может быть полное бездействие. И он вошел в умственное замораживание. Вы сами рассказывали мне о роботе-телепате, введенном в статус роботехником.

— Сьюзен Келвин. Значит, вы смоделировали ваш сценарий по этой легенде. Очень изобретательно, но это не пойдет.

— Почему?

— Допустим, что этот рассказ — не просто фантастическая легенда. Давайте примем ее всерьез.

Но между ней и ситуацией Джандера нет параллели. Сьюзен Келвин имела дело с невероятно примитивным роботом, какой в наше время не получил бы даже статуса игрушки. Он мог оперировать только такими понятиями: А — создает несчастье, не-А — создает несчастье. Отсюда умственное замораживание. А любой современный робот сравнивает, какая из двух ситуаций — А ил и не-А — наносит больше вреда, и быстро выбирает меньшее зло. Шанс, что он сочтет альтернативы абсолютно равными, ничтожен, но даже в таком случае современный робот снабжен фактором случайного выбора и выбирает наугад, совершенно непредсказуемым образом, А или не-А, и следует ему, не задумываясь. Он не придет к умственному замораживанию.

— Значит, сам Джандер не мог прийти к умственному замораживанию. Но вы говорили, что вы могли бы произвести это.

— В случае человекоподобного позитронного мозга есть способ отвести фактор случайного выбора, и он целиком зависит от конструкции этого мозга. Даже если вы знаете базисную теорию, это очень длительный и трудный процесс — сбить, так сказать, робота с пути ловко направленными вопросами и приказами, которые в конечном

счете приведут к замораживанию. Случайно этого сделать нельзя, и простое существование видимого противоречия в одновременных чувствах любви и стыда не сработает без тщательной количественной подгонки в самых необычных условиях. Мы останемся, как я уже говорил, с неопределенным шансом как единственной возможностью.

— Но ваши враги обвиняют вас в этом. Не можем ли мы утверждать, что Джандер впал в умственное замораживание из-за конфликта, вызванного любовью и стыдом Глэдии? Будет ли это звучать правдоподобно?

— Мистер Бейли, вы слишком нетерпеливы. Подумайте серьезно. Если мы попробуем вылезти таким бесчестным способом, каковы будут последствия? Не говоря уже о стыде и горе, которые это принесет Глэдии, она еще будет страдать не только от потери Джандера, но и от сознания, что она сама виновата в этой потере, если она в самом деле стыдилась и говорила ему об этом. *Я* бы не хотел этого, так что давайте оставим это, если можно. Кроме того, мои враги могут сказать, что я именно для того отдал ей Джандера, чтобы свалить на нее все, что случилось. Они скажут, что я сделал это для проверки метода умственного

замораживания и отвел от себя всякую ответственность. Мы окажемся в худшем положении, чем сейчас, потому что меня обвинят не только в интриганстве, но и в чудовищном поведении по отношению к ничего не подозревавшей женщине, другом которой я себя называл.

Бейли пожал плечами: — Они не могут…

— Могут. Вы сами были почти склонны так думать всего несколько минут назад.

Бейли покраснел, и, не глядя на Фастольфа сказал:

— Вы правы, я не подумал, и теперь могу только просить у вас прощения. Мне очень стыдно. Видимо, единственный путь — правда, если мы сможем обнаружить ее.

— Не отчаивайтесь. Вы уже открыли события, о которых я никогда не думал. Вы можете открыть больше, и постепенно вся тайна станет для нас явной. Какой следующий шаг вы собираетесь сделать?

От стыда за фиаско Бейли не мог ни о чем думать.

— Не знаю.

— Ну, с моей стороны некрасиво спрашивать. У вас был долгой и нелегкий день. Неудивительно, что ваш мозг чуточку заторможен. Не лучше

ли отдохнуть, посмотреть фильм и лечь спать? Утром вам будет лучше.

Бейли кивнул. — Наверное, вы правы. Но он не думал, что утром ему будет сколько-нибудь лучше.

В спальне было холодно, и Бейли поежился. Как будто Снаружи. Стены были почти белые, без всяких украшений, что было необычным для дома Фастольфа. Пол, казалось, был сделан из слоновой кости, но босая нога ощущала ковер. Кровать была белая, одеяло гладкое, на ощупь холодное. Бейли сел на край матраца и заметил, что он почти не проминается под его весом. Потом он вдруг заметил, что матрац начал медленно проваливаться под ним, и уже наполовину обернул его бедра. Он резко встал.

— Дэниел, нельзя ли нагреть комнату?

— Вам покажется теплее, когда вы ляжете под одеяло и выключите свет, партнер Илайдж.

— Ага…

Бейли с подозрением огляделся.

— Может, вы выключите свет и останетесь пока здесь?

Свет исчез, и Бейли понял, что его впечатление о ничем не украшенной комнате полностью ошибочно. Как только стало темно, он почувствовал

себя Снаружи: слабый шелест листвы, приглушенные звуки живых существ, иллюзия ночного неба с редкими облаками.

— Включите свет, Дэниел!

Комната осветилась.

— Дэниел, я не хочу ничего этого — ни звезд, ни облаков, ни звуков, ни ветра, ни запаха. Я хочу темноты, безликой темноты. Можно это устроить?

— Конечно.

— Вот и сделайте. И покажите мне, как выключить свет, когда я захочу спать.

— Я здесь, чтобы защитить вас.

— Вы можете делать это и за дверью, — ворчливо сказал Бейли. — Жискар наверняка по ту сторону окон — если за шторами действительно есть окна.

— Да, окна. Если вы перешагнете этот порог, партнер Илайдж, вы обнаружите туалет. Эта часть стены не материальна, вы легко пройдете через нее. Свет там включится, когда вы войдете, и выключится, когда выйдете. Никаких декораций там нет. Там вы можете побриться и сделать все, что нужно до или после сна. Что же касается освещения комнаты — в изголовье постели есть углубление. Положите в него палец, и свет вы-

ключится, или включится.

— Спасибо. Теперь вы можете уйти.

Через полчаса он уже лежал под одеялом в теплых объятиях тьмы. Да, день был долгим. Трудно поверить, что он только сегодня утром прибыл на Аврору. Узнал он многое, что, к сожалению не приблизило его к разгадке. Он лежал и перебирал все события дня в надежде, что всплывет что-то упущенное им раньше, но ничего не всплыло. Вообще-то не время пытаться усталым, ищущим сна мозгом пробегать по всем событиям дня снова, но он не смог удержаться. Он мысленно проследовал от космопорта до дома Фастольфа, потом до дома Глэдии и обратно к Фастольфу.

Глэдия стала еще красивее, но что-то в ней было суровое. Может, она просто выросла из своей защитной раковины, бедняжка. Он тепло подумал о ее реакции на то давнее прикосновение к его щеке. Если бы он мог остаться с ней, то научил бы ее… Идиоты-аврорцы… отвратительно-небрежное отношение к сексу… что-то было незначительное, несущественное, глупое. К Фастольфу, к Глэдии, снова к Фастольфу.

Он слегка зашевелился. Что произошло когда он возвращался к Фастольфу? Что-то было сказано?

И на корабле перед посадкой на Аврору… что-то

подходящее…

Бейли был в утопическом мире полусна, когда мозг освобождается и следует собственному закону, когда летящее тело парит в воздухе, освобожденное от гравитации.

Затем ему показалось, что он слышит звук. Он вынырнул на уровень пробуждения, прислушался, ничего не услышал и снова погрузился в полусон, чтобы поймать линию мысли, но она ускользнула. Она была, как вещь, погруженная в болото. Он видел ее контуры, ее цвет, но они тускнели, и, как он ни тянулся за ней, она ушла окончательно, и он не мог ничего вспомнить, вообще ничего. Была ли это действительно нужная вещь, или просто иллюзия, рожденная в засыпающем мозгу? Он же и в самом деле спал. Проснувшись ненадолго ночью, он подумал, что у него была идея, важная идея, но он ничего не мог вспомнить, кроме того, что что-то такое было. Он некоторое время глядел в темноту. Если что-то было, оно со временем вернется, а может, и не вернется. Он снова заснул.

Бейли, вздрогнув, проснулся и с подозрением втянул в себя воздух. Слабый непонятный запах, который тут же исчез.

Рядом с кроватью стоял Дэниел:

— Надеюсь, вы хорошо спали, партнер Илайдж?

Бейли огляделся. Шторы были спущены, но Снаружи явно был день. Жискар разложил одежду, резко отличавшуюся от той в которой Бейли был вчера.

— Вполне хорошо, Дэниел, — ответил Бейли. — Что меня разбудило?

— В воздухе был распылен антисемнин. Он активизирует пробуждающуюся систему. Мы дали дозу меньше обычной, так как не были уверены в вашей реакции.

— Это вроде пинка в зад, — сказал Бейли. — Который час?

— 07.05 по аврорскому времени. Завтрак будет готов через полчаса.

Бейли встал. Жискар тут же начал сдирать белье с постели.

— Я могу получить вашу пижаму, сэр?

Бейли поколебался, но всего лишь на секунду. Это же просто робот! Бейли разделся и отдал пижаму Жискару.

Бейли с неудовольствием оглядел себя. Тело человека средних лет, но худших кондиций, чем тело Фастольфа, который почти втрое старше Бейли. Он машинально поискал шлепанцы, но

их не было. Видимо, они не считались нужными: пол был теплый и мягкий. Бейли вошел в туалет и снова подумал, как выгодно он отличается от земного, и как легко привыкнуть к этим удобствам. Он подумал, что это баловство, но надеялся, что земляне, заселив новые миры, не будут цепляться за концепцию общественного туалета. «Возможно, — подумал он, — так и следует определять баловство: то, к чему легко привыкнуть».

Он вышел, вымытый и выбритый, и начал одеваться с помощью Жискара.

— Я вижу, Дэниел, что вы с Жискаром все еще ходите за мной по пятам. Разве есть признаки попытки сбить меня с моего пути?

— Пока нет, — ответил Дэниел, — но разумнее мне и Жискару быть с вами все время. На всякий случай.

— Зачем, Дэниел?

— По двум причинам. Во-первых, мы можем помочь вам разобраться в любом аспекте аврорской культуры, с которой вы не знакомы. Во-вторых, друг Жискар записывает все разговоры, какие вы ведете. Это может вам пригодиться. Вы помните, что во время вашей беседы с доктором Фастольфом и мисс Глэдией друг Жискар и я были в другой комнате…

— Значит этот разговор не записан?

— Вообще-то записан, но с меньшей точностью. Некоторые его части не так ясны, как нам хотелось бы. Лучше, если бы мы оставались рядом с вами.

— Вы думаете, мне легче считать вас гидами и записывающими аппаратами, а не стражами? Почему бы не прийти к заключению, что как стражи вы мне вовсе не нужны? Поскольку никаких покушений на меня не было, почему не предположить, что их и не будет?

— Нет, партнер Илайдж, это было бы неосторожно. Доктор Фастольф чувствует, что его враги относятся к вам с великим опасением. Они пытались убедить Председателя не давать доктору Фастольфу разрешения на вызов вас сюда и наверняка станут убеждать его отправить вас обратно на Землю как можно скорее.

— При такой мирной оппозиции охрана не нужна.

— Да, сэр, но оппозиция имеет основания бояться, что вы реабилитируете доктора Фастольфа, и может перейти к крайним мерам. В конце концов, вы не аврорец, и запрет насилия на нашей планете будет слабее в вашем случае.

— *Я* здесь целый день, и не случилось ничего

такого. Это заметно уменьшает угрозу. С другой стороны, если я покажу какой-то прогресс, опасность для меня тут же возрастет.

— Логичный вывод, — подумав, сказал Дэниел.

— Следовательно, вы и Жискар будете ходить за мной, куда бы я ни пошел, как раз на тот случай, если я ухитрюсь сделать свою работу чуточку лучше.

Дэниел помолчал.

— Ваша манера говорить несколько сбивает меня с толку, но похоже вы правы.

— В таком случае, я готов завтракать, хотя попытка убийства, как альтернатива провала уменьшает мой аппетит.

Фастольф улыбнулся Бейли через стол.

— Хорошо спали, мистер Бейли?

Бейли очарованно смотрел на ломоть ветчины. Его надо было резать ножом. Он был шероховатый. По одному его краю шла скромная полоска сала. Короче говоря, ломоть не был приготовлен. Все равно, что прямо есть свинью. Была тут и яичница: желток лежал полусферой в центре, а вокруг шел белок, больше похожий на ромашки, которые Бен показывал Бейли в поле на Земле. Умом Бейли понимал, что яйцо как яйцо, с белком и желтком, только уже пожаренное, но он нико-

гда не видел, чтобы их разделяли перед тем, как есть. Даже на корабле, даже на Солярии подавали яичницу-болтунью. Он взглянул на Фастольфа:

— Простите, что вы спросили?

— Хорошо ли вы спали? — терпеливо повторил Фастольф.

— Да, вполне. Наверное, я спал бы и сейчас, если бы не антисемнин.

— Да. Не слишком вежливо будить гостя, но я думал, что вы захотите начать пораньше.

— Вы совершенно правы. К тому же, я не совсем гость.

Фастольф некоторое время ел молча, потом спросил:

— Ночью к вам не пришло никакого озарения? Может, проснулись с новой перспективой, с новыми мыслями?

Бейли с подозрением покосился на Фастольфа, но лицо того не выражало никакого сарказма.

— Боюсь, что нет, — ответил он. Ночь была, как ночь, и я делал то, что делают обычно ночью.

Он отхлебнул питье и невольно сморщился.

— Простите, — сказал Фастольф, — вы находите питье невкусным?

Бейли хмыкнул и осторожно отхлебнул снова.

— Это обычный кофе, лишенный кофеина, —

сказал Фастольф.

— Что-то не похоже на кофе. Простите меня, доктор Фастольф, но у нас с Дэниелом только что был полушутливый разговор насчет опасности для меня — полушутливый, конечно, только с моей стороны, но сейчас я подумал, что мне могли дать это...

Он смущенно умолк.

Фастольф поднял брови. Бормоча извинения и улыбаясь, он зачерпнул ложкой немного из чашки Бейли и попробовал:

— Абсолютно нормальный кофе, мистер Бейли. Попытки отравления нет. Недействительно, популярный во всех мирах кофе везде готовится по-разному. Известно, что каждый предпочитает кофе собственного мира. Может, вы предпочитаете молоко? Оно более или менее одинаково повсюду. Или фруктовый сок? На Авроре соки много лучше, чем на других планетах. Может, воды?

— Я попробую сок, — сказал Бейли.

Он с сомнением глядел на кофе:

— Но полагаю, что должен привыкнуть к кофе.

— Ну зачем же, раз он вам неприятен, — сказал Фастольф. — Итак, ночь и сон не навели вас на полезные мысли?

Его улыбка стала чуть напряженной, когда он вернулся к прежней теме.

— К сожалению нет. Хотя…

— Да?

— У меня такое впечатление, что перед тем, как уснуть, в состоянии между сном и бодрствованием было что-то такое.

— А именно?

— Не знаю. Мысль разбудила меня, но не последовала за мной. Я цеплялся за нее, но так и не поймал. Думаю, что 8 такой вещи нет ничего необычного.

Фастольф задумался: — Вы в этом уверены?

— Не вполне. Мысль была такой разреженной и исчезла так быстро, что я даже не уверен, была ли она. Но даже если и была, вполне возможно, что она казалась осмысленной только в полусне.

— Но даже и беглая мысль должна была оставить след.

— Я тоже так думаю. В этом случае она вернется. Я верю в это.

— И мы должны ждать.

— А что еще остается?

— Существует такая вещь, как психозонд.

Бейли некоторое время смотрел на Фастольфа:

— Я слышал о нем, но на Земле в полицейской

работе им не пользуются.

— Но мы не на Земле, мистер Бейли.

— Это может повредить мозг. Правильно?

— В умелых руках — необязательно.

— Но возможно, — сказал Бейли. — Насколько мне известно на Авроре это применяют лишь в крайнем случае. Человек должен быть виновным в тяжком преступлении или…

— Да, мистер Бейли. Но это относится к аврорцам, а вы не аврорец.

— Вы хотите сказать, что с землянином можно обращаться как с нечеловеком?

Фастольф улыбнулся и развел руками:

— Послушайте, мистер Бейли. Вчера вы предлагали решить проблему, поставив Глэдию в ужасное и трагическое положение. Я хотел бы знать, пойдете ли вы на то, чтобы рискнуть собой?

Бейли с минуту молчал, а затем сказал изменившимся голосом: — Вчера я был неправ и признал это. Что же касается этого дела, то нет уверенности, что моя полусонная мысль имела какое-то решение проблемы. Она могла быть чистой фантазией, алогичной бессмыслицей, а могло и вообще не быть никакой мысли. Считаете ли вы разумным ради такой маловероятной

цели рискнуть повреждением моего мозга, от которого зависит, как вы сами говорили, решение вашего дела?

Фастольф кивнул:

— Вы красноречиво защищаетесь, но я говорил не всерьез.

— Спасибо.

— Ну, что будем делать сейчас?

— Первым делом я хотел бы еще раз поговорить с Глэдией. Нужно осветить некоторые пункты.

— Вы могли бы сделать это вчера.

— Мог бы, но их больше, чем я мог правильно усвоить вчера, и кое-что от меня ускользнуло. Я детектив, а не неутомимый компьютер.

— Да я сказал не в смысле порицания. Просто мне неприятно, когда Глэдию тревожат зря. Судя по тому, что вы вчера мне говорили, Глэдия в состоянии глубокой депрессии.

— Без сомнения. Но она страстно желает знать, кто убил Джандера. Это вполне понятно. Я уверен, что она захочет помочь мне. И я так же хочу поговорить с другой особой.

— С кем?

— С вашей дочерью Василией.

— Это еще зачем?

— Она роботехник. Я хотел бы поговорить не

только с вами, но и с другими роботехниками.

Я не желаю этого, мистер Бейли.

Завтрак был окончен, и Бейли встал:

— Доктор Фастольф, еще раз напоминаю вам, что я здесь по вашему приглашению. У меня нет здесь официальном власти для полицейской работы. Я не имею связи с авторскими властями. Единственный шанс для меня разобраться в этом злосчастном доле — надежда, что разные люди добровольно захотят сотрудничать со мной и ответить на мои вопросы. Если вы будете останавливать меня в моих попытках, то ясно, что я не сдвинусь с мертвей точки. Это будет плохо для вас и для Земли, поэтому я требую, чтобы вы не вставали мне поперек дороги. Если вы сделаете возможным для меня интервью с теми, с кем я хочу или хотя бы попытаетесь сделать это возможным, люди Авроры наверняка увидят в этом признак вашей невиновности. И наоборот, если вы станете препятствовать моему расследованию, не сочтут ли они, что вы виновны и боитесь разоблачения?

Фастольф сказал с плохо скрываемым раздражением:

— Я понимаю это. Но почему обязательно Василия? Есть и другие роботехники.

— Она ваша дочь. Она знает вас. Она может иметь точное мнение насчет возможности уничтожить робота. Поскольку она член РИА и на стороне ваших политических врагов, любое ее благоприятное мнение может быть убедительным.

— А если она выскажется против меня?

— Тогда посмотрим. Так вы попросите ее принять меня?

— Я сделаю вам одолжение, — покорно сказал Фастольф, — но вы напрасно думаете, что я легко уговорю ее встретиться с вами. Она может быть очень занята — или так скажет. А может, ее и нет на Авроре. Может, она не захочет впутываться в это дело. Я объяснил вчера, что у нее есть — как она думает — причины относиться ко мне враждебно, поэтому на мою просьбу принять вас она может ответить отказом просто из нерасположения ко мне.

— Но вы все-таки попробуйте, доктор Фастольф.

Фастольф вздохнул:

— Я попытаюсь, пока вы будете у Глэдии. Вы, наверное, хотите видеть ее лично? А то я мог бы устроить свидание по трехмерке. Изображение достаточно высокого качества. Вы даже не заме-

тите, что это не личное присутствие.

— Я знаю. Но Глэдия — солярианка, и у нее неприятные ассоциации с трехмерным изображением. Да, в любом случае, я считаю, что личное свидание дает добавочную эффективность. Ситуация настолько деликатна, а затруднений так много, что я хотел бы получить эту добавочную эффективность.

— Ладно, я скажу Глэдии. Только, мистер Бейли…

— Да?

— Вчера вы говорили, что ситуация слишком серьезна, чтобы обращать внимание на неудобства для Глэдии, поскольку на карту поставлено очень многое.

— Так-то оно так, но, поверьте, я не буду расстраивать ее без надобности.

— Я сейчас говорю не о Глэдии. Я просто предупреждаю вас, что ваша в основном правильная точка зрения должна распространяться и на меня. Я не рассчитываю, что вы будете заботиться о моих удобствах, или о моей гордости, если вам повезет встретиться с Василией. Я не знаю результатов, но перенесу любые неприятные последствия этого разговора, и вы не старайтесь щадить меня. Понимаете?

— Честно говоря, доктор Фастольф, у меня никогда не было намерения щадить вас. Если бы мне пришлось выбирать между неприятностями или позором для вас и процветанием вашей политики и моей планеты, я без колебаний опозорил бы вас.

— Прекрасно) Но все это должно распространиться и на вас. *Ваши* удобства не должны загораживать вам путь.

— Их никто не принимал во внимание, когда меня привезли сюда, не спросив моего мнения.

— Я имел в виду кое-что другое. Если вы, по прошествии разумного времени — не долгого, а разумного — не продвинетесь в решении, мы рассмотрим возможность психозондирования. Это будет наш последний шанс.

— Это может ничего не дать.

— Согласен. Но как вы недавно сказали по поводу Василии — тогда и посмотрим.

Он повернулся и вышел. Бейли задумчиво посмотрел ему вслед. Теперь ему казалось, что если он продвинется в деле, он окажется перед физическими репрессиями — неизвестными, но, вероятно, опасными. Если же он не продвинется, ему грозит психозонд, который едва ли лучше.

— О, дьявол! — пробормотал он.

Путь к Глэдии показался ему короче, чем накануне. День такой же теплый и приятный, но вид был совсем другим. Солнце светило с другой стороны, и цвета казались другими. Может, растения утром и вечером выглядят по-разному или пахнут по-другому? Наверное, и на Земле так же.

— Дэниел и Жискар опять сопровождали его, но шли ближе к нему и казались менее настороженными.

— Здесь всегда такое яркое солнце? — спросил Бейли.

— Нет, — ответил Дэниел. — Это было бы губительным для растений. Сегодня, например, предсказывали днем облачность.

На этот раз Глэдия не встречала их в дверях, но явно ждала. Когда робот провел их в дом, она не встала, только устало сказала:

— Доктор Фастольф сказал мне, что вы придете. Что на этот раз?

На ней было туго облегавшее платье, и было заметно, что под ним ничего нет. Волосы были откинуты назад, лицо бледное. Она осунулась со вчерашнего дня и явно мало спала.

Дэниел, памятуя, что было накануне, не вошел в комнату, Жискар же вошел, внимательно осмотрелся и удалился в стенную нишу. В другой

нише стоял один из роботов Глэдии.

— Мне страшно жаль, Глэдия, — сказал Бейли, — что я опять докучаю вам.

— Я забыла вчера сказать вам, что когда Джандера сожгут, останки его пойдут на фабрику роботов. Значит, каждый раз, когда я увижу нового робота, я буду думать, много ли в нем атомов Джандера.

— И мы, когда умираем, проходим новый цикл, — сказал Бейли, — и кто знает, сколько и чьих атомов в вас или во мне, и сколько и в ком будут наши в свое время.

— Вы совершенно правы, Илайдж, и вы напомнили мне, как легко философствовать над чужими несчастьями.

— Это тоже правильно, Глэдия, но я пришел не философствовать. Я должен спрашивать.

— Вам мало вчерашнего? Или вы придумали новые вопросы?

— В какой-то мере — да. Вчера вы говорили, что пока вы жили с Джандером, как жена с мужем, некоторые мужчины предлагали вам себя, и вы отказывали. Вот насчет этого я и должен спросить. Сколько было этих мужчин?

— Я не веду записей. Трое или четверо.

— Кто-нибудь из них настаивал, возобновлял

свои предложения?

Глэдия до этого отводившая глаза, посмотрела прямо на Бейли:

— Вы спрашивали об этом других?

Бейли покачал головой:

— Я ни с кем не говорил об этом, кроме вас. Однако из вашего вопроса я делаю вывод, что по крайней мере один был настойчивым.

— Один. Сантирикс Гремионис. — Она вздохнула. — У аврорцев такие странные имена, и он самый странный… для аврорца. Я никогда не встречала такого повторяющегося, как он. Он держался всегда вежливо, принимал мой отказ с легкой улыбкой и поклоном, а на следующей неделе, а то и на другой день, как ни в чем не бывало возобновлял попытки. Вообще повторять — это несколько невежливо. Порядочный аврорец должен принять отказ до тех пор, пока предполагаемая партнерша не даст понять, что переменила мнение.

— Еще раз спрошу: те, кто предлагал вам себя, знали о ваших отношениях с Джандером?

— Это не та вещь, о которой я стала бы упоминать в случайном разговоре.

— «Ну ладно, а этот Гремионис, в частности — он знал?

— Я ему не говорила.

— Не увиливайте, Глэдия. Не обязательно было говорить. В противоположность другим, он возобновлял свои предложения. Сколько раз, кстати, он это делал?

— Я не считала. Может, десять раз, может, больше. Не будь он приятным человеком в других отношениях, я приказала бы роботам не пускать его в дом.

— Ага, но вы не приказали. Поэтому у него было время сделать многократные предложения. Он приходил к вам. Он мог увидеть Джандера и ваше обращение с ним. Мог он угадать ваши отношения?

— Не думаю. Джандер никогда не появлялся, когда я бывал а с человеком.

— По вашим инструкциям?

— Да. Не потому, что я стыдилась этих отношений, а просто я не хотела ненужных осложнений. У меня остался какой-то инстинкт интимности секса, чего нет у аврорцев.

— Подумайте все-таки. Не мог ли он догадаться? Влюбленный мужчина…

— Влюбленный? — Глэдия фыркнула: — Что аврорцы знают о любви?

— Хорошо, мужчина, считавший себя влюб-

ленным. Вы не отвечали ему тем же. Чутье и подозрительность отвергнутого любовника могли подсказать ему причину. Он никогда не намекал на Джандера?

— Нет. Для аврорца неслыханное дело — обсуждать сексуальные предпочтения или привычки человека.

— Не обязательно обсуждать. Мог, скажем, комментировать с юмором.

— Нет. Если бы Гремионис сказал хоть словечко об этом, я перестала бы принимать его в своем доме. Ничего такого не было. Он был сама вежливость.

— Сколько ему лет?

— Примерно, как и мне — тридцать пять, может, даже года на два моложе.

— Мальчик, — печально сказал Бейли, — даже моложе меня. Но в этом возрасте… Он мог догадаться насчет Джандера, но ничего не сказать. Мажет, он ревновал?

— Ревновал?

Бейли подумал, что на Авроре и на Солярии это слово может иметь мало значения.

— Ну, злится, что вы предпочитаете другого.

— Я знаю значение этого слова, — резко сказала Глэдия. — Я только удивилась, что вы считаете

аврорцев способными ревновать. В сексе не ревнуют. В чем-то другом — да, но что из этого? Что он мог сделать?

— Не мог ли он сказать Джандеру, что близкие отношения с роботом ухудшают ваше положение на Авроре?

— Но это же неправда!

— Джандер мог поверить, если бы ему сказали, что он вредит вам…

— Джандер не поверил бы. Он делал меня счастливой, он был моим мужем, и я ему говорила это.

— *Я* не сомневаюсь, что он верил вам, но его могли заставить поверить и в противоположное. Если он попал в непереносимую дилемму Первого Закона…

Лицо Глэдии исказилось.

— Вы повторяете старую сказку о Сьюзен Келвин и роботе-телепате, в которую никто старше десяти лет не верит. Этого не может быть. Я с Солярии, и знаю о роботах достаточно. Нужны невероятные знания, чтобы связать в роботе узлы Первого Закона. Это мог бы сделать доктор Фастольф, но никак не Сантирикс Гремионис. Гремионис — стилист. Он работает на людей. Он делает прически, конструирует одежду. Я делаю

то же самое, но только для роботов, а Гремионис никогда не занимался роботами. Он ничего не знает о них и умеет только приказывать закрыть окно или сделать еще что-нибудь вроде этого. А вы хотите убедить меня, что смерть Джандера произошла из-за наших с ним отношений?

— Бы могли этого и не знать, — сказал Бейли.

Он рад был прекратить допрос, но не мог.

— А что, если Гремионис узнал от доктора Фастольфа, как это сделать…

— Гремионис не знает доктора Фастольфа, и ничего не понял бы из его объяснений.

— Ну, вы можете этого и не знать. А что касается знакомства с доктором Фастольфом, то ведь Гремионис часто бывал у вас.

— Но доктор Фастольф почти не бывал у меня в доме. Вчера, когда он пришел с вами, он во‘второй раз переступил мой порог. Он боялся быть слишком близко, чтобы я не потянулась к нему. Он сам в том признался. Он таким образом потерял дочь — глупость какая-то. Видите ли, когда живешь несколько столетий, у тебя куча времени, чтобы потерять тысячи вещей. Радуйтесь своей короткой жизни.

Она заплакала. Бейли беспомощно смотрел на нее.

— Простите меня, Глэдия. У меня нет больше вопросов. Могу ли я позвать робота? Может, вам нужно помочь?

Она покачала головой. — Просто уйдите, — сказала она сдавленным голосом. — Уходите.

Бейли вышел. Жискар шел следом. Когда они вышли из дома, к ним присоединился Дэниел. Бейли почти не заметил этого. Он рассеянно подумал, что начал принимать присутствие роботов, как должное, и что скоро будет чувствовать себя без них голым.

Он быстро шел к дому Фастольфа, и мысли его путались. Сначала его желание увидеть Василию было от безнадежности, от отсутствия других объектов для любопытства, теперь же все изменилось. Теперь появился шанс, что он наткнулся на нечто жизненно-важное.

Лицо Фастольфа было исчерчено угрюмыми линиями, когда Бейли вернулся.

— Есть какой-нибудь прогресс? — осведомился Фастольф.

— Я исключил, кажется, одну часть возможности.

— , Часть возможности? А как вы исключите остальное, и как вы установили возможность?

— Я обнаружил, что исключить возможность

нельзя, и начал ее устанавливать.

— А если вы обнаружите, что нельзя исключить вторую часть возможности, на которую вы так таинственно намекаете?

Бейли пожал плечами:

— Прежде, чем обсуждать это, я должен повидаться с вашей дочерью.

— Ну, мистер Бейли, я выполнил вашу просьбу и попробовал связаться с ней. Пришлось ее разбудить.

— Вы хотите сказать, что она на ночной стороне планеты? — огорченно спросил Бейли. — Боюсь, что я глуп и воображаю, что я на Земле. В подземных городах день и ночь теряют свое значение, и установлено постоянное время.

— Неплохо. Эос — центр роботехники, и очень не многие живут в других местах. Василия просто спала, и ее настроение не улучшилось от того, что ее разбудили. Она не пожелала говорить со мной.

— Давайте еще раз.

— Я говорил с ее роботом-секретарем, и неудобно менять сообщение. Василия ясно дала понять, что со мной говорить не будет. По отношению к вам она оказалась более уступчивой. Робот сообщил, что она даст вам пять минут на ее частной

трехмерке, если вы вызовете ее через полчаса.

Он взглянул на часы:

— Личной встречи не будет с вами ни в коем случае.

— Условия не подходят, и время тоже. Я должен видеть ее лично и на то время, какое понадобится. Вы объяснили ей важность дела?

— Я пытался. Она не согласилась. Она изменит свое решение для кого угодно, только не для меня. Я это знал, и поэтому напустил на нее Жискара.

— Почему Жискара?

— Он ее любимец. Когда она изучала роботехнику в университете, я позволил ей работать с некоторыми мелкими аспектами его программы, а это больше всего сближает человека с роботом, исключая метод Глэдии, разумеется, и Жискар стал как бы Эндрю Мартином.

— Кто это такой?

— Вы не слышали о нем?

— Нет.

— Странно! Все наши древние легенды происходят с Земли, а на Земле их, оказывается, не знают) Эндрю Мартин был робот, который постепенно становился человекоподобным. Конечно, человекоподобные роботы были и до Дэниела, но то были просто игрушки, чуть получше ав-

томатов. Тем не менее, легенды рассказывают потрясающие истории о способностях Эндрю Мартина — явный признак фантастической природы легенд. Там говорилось о женщине, которую обычно звали Маленькая Мисс. Я уверен, что каждая девочка на Авроре мечтала стать Маленькой Мисс и иметь такого робота, как Эндрю Мартин. Василия тоже мечтала, и ее Эндрю Мартином был Жискар.

— Ну, и что дальше?

— Я попросил ее робота передать ей, что вы придете с Жискаром. Она несколько лет не видела его, и я подумал, что в этом случае она, может быть, согласится встретиться с вами.

— Но не вышло?

— Не вышло.

— Тогда нам надо придумать что-то другое. Должен же быть какой-то способ.

— Может, вы и придумаете, — сказал Фастольф, — за пять минут свидания по трехмерке.

— Что можно сделать за пять минут?

— Не знаю. Но это все же лучше, чем ничего.

Через пятнадцать минут Бейли стоял перед трехмерным экраном, готовый к встрече с Василией. Доктор Фастольф ушел, сказав с кривой

улыбкой, что его присутствие только ухудшит дело. Дэниела тоже не было, компанию Бейли составлял только Жискар.

— Готов, — угрюмо сказал Бейли.

Он отказался сесть, думая, что стоя будет выглядеть более импозантно, хотя разве землянин может быть импозантным?

Экран осветился. Появилась женщина. Рука ее опиралась на стол, заваленный чертежами. Она явно тоже хотела выглядеть импозантной. На ней была темно-коричневая юбка-брюки и плотно прилегающая, низко вырезанная безрукавка. Светлые волосы были в тугих завитках. Она не походила на своего отца, и конечно, не имела его больших ушей. Видимо, она унаследовала красоту матери. Роста она была небольшого, и Бейли видел, что она удивительно похожа на Глэдию, хотя выражение лица ее было много холоднее и носило печать властной личности.

— Вы землянин, приехавший решить проблему моего отца? — резко спросила она.

— Да, доктор Фастольф, — тем же тоном ответил Бейли.

— Можете звать меня доктор Василия. Я не хочу, чтобы меня путали с моим отцом.

— Доктор Василия, я должен иметь возмож-

ность поговорить с вами лично и на разумный период времени.

— Вы землянин, и значит, источник инфекции.

— Я был обработан медицински, и теперь полностью безопасен. Ваш отец был со мной весь день.

— Мой отец называет себя идеалистом и должен время от времени делать глупости, чтобы поддержать свое реноме. Я не стану подражать ему.

— Но вы, наверное, и не желаете ему вреда. А вы повредите ему, если откажетесь увидеться со мной.

— Не тратьте зря времени. Я вижу вас только на экране, и прошла уже половина назначенного мною срока. Если вас это не устраивает, можем сразу же закончить.

— Доктор Василия, здесь Жискар, и он хотел бы уговорить вас. Жискар вошел в поле зрения Василии:

— Доброе утро, Маленькая Мисс.

Василия, казалось, на мгновение смутилась, и тон ее стал мягче:

— Я рада тебя видеть, Жискар, и всегда буду рада, но землянина видеть не хочу, даже по твоему

настоянию.

— В таком случае, — сказал Бейли, — я вытащу на свет божий дело Сантирикса Гремиониса, не посоветовавшись с вами.

Глаза Василии расширились, рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак. — При чем тут Гремионис?

— Просто, он красивый молодой человек и хорошо знает вас. Мне заняться им, не услышав, что вы можете сказать?

— Я скажу вам прямо сейчас…

— Нет, — громко сказал Бейли, — вы ничего мне не скажете, пока я не встречусь с вами лицом к лицу.

Она скривила рот.

— Ладно, я увижу вас. И приходите с Жискаром.

Связь прервалась резким щелчком, и у Бейли закружилась голова от внезапной смены фона. Он шагнул к стулу и сел. Жискар поддержал его за локоть:

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь, сэр?

— Все в порядке, — сказал Бейли. — Мне просто нужно перевести дух.

Фастольф стоял рядом. — Простите, что я снова пренебрег обязанностями хозяина. Я слушал по

отводному каналу, который принимает, но не передает. Мне хотелось видеть дочь, хотя она меня и не видит.

— Понимаю, — сказал Бейли, — и если вы считаете, что должны извиниться, то я вас прощаю.

— А что насчет этого Сантирикса Гремиониса? Мне это имя незнакомо.

— Я услышал его сегодня от Глэдии. Я знаю о нем очень мало, но ухватился за шанс любым способом увидеть вашу дочь. Все было против меня, однако в результате я получил то, чего желал. Как видите, я пользуюсь дедукцией, даже когда имею весьма мало информации, так что вы уже дайте мне спокойно продолжать в том же духе. В дальнейшем вы, пожалуйста, теснее сотрудничайте со мной и не упоминайте больше о психозонде.

Фастольф молчал, и Бейли почувствовал мрачное удовлетворение, что подавил своей волей сначала дочь, а потом отца. Но надолго ли? Этого он не знал.

Бейли остановился у дверцы машины и твердо сказал:

— Жискар, я не хочу, чтобы окна зашторивались. Я хочу сидеть на переднем сиденье и не хочу сидеть сзади. Я хочу сидеть на переднем сиденье

и наблюдать Снаружи. Поскольку я буду сидеть между вами и Дэниелом, я буду в безопасности, если только сама машина не сломается, а в этом случае я все равно погибну, где бы ни сидел.

— Сэр, если вы почувствуете себя плохо…

— Тогда вы остановите кар, и я переберусь на заднее сиденье, и вы зашторите окна. Собственно, не нужно и останавливаться: я просто перешагну через переднее сиденье, когда вы подвинитесь. Дело в том, Жискар, что мне нужно познакомиться с Авророй, насколько это возможно, и в любом случае мне важно привыкать к Снаружи. Это приказ, Жискар.

Дэниел мягко сказал:

— Друг Жискар, партнер Илайдж совершенно прав в своем требовании. Он будет в разумной безопасности.

Жискар, может быть, и неохотно — Бейли не мог понять выражения его не вполне человеческого лица — сел за управление. Бейли вошел в машину и оглядел прозрачное окно с меньшей уверенностью, чем та, что звучала в его голосе. Как бы то ни было, иметь по бокам роботов удобно. Кар поднялся на струях сжатого воздуха и чуточку осел, как бы встав на ноги. У Бейли возникло неприятное ощущение в желудке, а затем

кар рванулся вперед, и Бейли прижало к сиденью. Через минуту они мчались со скоростью, какую Бейли бывало испытывал на экспресс-путях в Городе. Впереди простиралась поросшая травой дорога. Скорость казалась большой из-за отсутствия знакомого освещения и зданий по сторонам. Бейли изо всех сил старался дышать ровно и говорить спокойно:

— Где мы едем, Дэниел? Это вроде не фермерская местность.

— Это городская территория. Здесь частные парки.

— Город?

Бейли не мог поверить. Он знал, что такое Город.

— Эос — самый большой город на Авроре. Он был построен первым. Здесь находится Совет Авроры. Здесь расположено поместье Председателя Совета, и мы проедем мимо него.

Не просто город, но и еще большой город. Бейли оглядывался по сторонам:

— У меня было впечатление, что дома Фастольфа и Глэдии находятся на окраине Эоса. А теперь мы, как видно, пересекаем городскую черту.

— Отнюдь нет, партнер Илайдж. Это центр города. Границы его в семи километрах позади,

а до места нашего назначения почти сорок километров.

— Центр города? Но я не вижу домов.

— Их просто не видно с дороги. Но один виден между деревьями: это дом известного писателя.

— Вы знаете все дома по виду?

— Они заложены в мою память.

— На дороге совсем нет движения. Почему?

— На большие расстояния летают аэрокары. Многие коммуникации сберегаются за счет трехмерной связи. Но аврорцы обожают прогулки и нередко проходят несколько километров для общественных визитов и даже для деловых встреч, если время позволяет.

— Значит, мы едем в наземном каре, потому что это слишком далеко для пешей прогулки и слишком близко для аэрокара. Далеко до дома Василии?

— Нет, она живет, как вы, вероятно, знаете, при Институте Роботехники.

Помолчав, Бейли сказал: — На горизонте, кажется, тучи.

— Да, — ответил Дэниел. — К вечеру они принесут осадки, как и предсказывалось.

Бейли нахмурился. Он однажды попал под дождь во время своей экспериментальной рабо-

ты в поле Снаружи, на Земле. Он как бы стоял одетый под холодным душем. На миг его охватила паника, когда он понял, что выключить эту воду не может. Она так и будет литься вечно! Все бросились бежать в Город, и он тоже. Но здесь Аврора, и он не представлял, куда бежать, если начнется дождь. В ближайший дом? Но будут ли там рады беглецу?

— Сэр, мы на стоянке Института Роботехники, — сказал Жискар. — Теперь мы можем выйти и посетить дом доктора Василии.

Бейли кивнул. Путешествие заняло от пятнадцати до тридцати минут, и он был рад, что оно кончилось.

— Прежде, чем увидеть дочь доктора Фастольфа, я хотел бы кое-что узнать о ней. Вы ее не знаете, Дэниел?

— Когда я стал существовать, доктор Фастольф и его дочь уже давно жили врозь. Я никогда ее не видел.

— А вы, Жискар, хорошо знакомы с ней?

— Да, сэр.

— И вы были привязаны друг к другу?

— Я уверен, что дочери доктора Фастольфа было приятно быть со мной, сэр.

— И вам с ней тоже?

— Когда я нахожусь с любым человеческим существом у меня ощущение, которое, как я думаю, люди называют „приятное“.

— Но с Василией особенно?

— Ее радость быть со мной, сэр, видимо, стимулировала во мне позитронные потенциалы, вызывающие действия, эквивалентные тем, что радость производит в людях. По крайней мере, так объяснял доктор Фастольф.

— Почему Василия ушла от отца? — спросил Бейли.

Жискар не ответил, и Бейли сказал неожиданно повелительным тоном, каким землянин говорит с роботом:

— Я задал тебе вопрос, парень.

Жискар повернул голову и взглянул на Бейли. На мгновение Бейли показалось, что глаза робота вспыхнули негодованием от оскорбительного слова. Однако Жискар спокойно ответил:

— Я мог бы ответить, сэр, но мисс Василия приказала мне тогда ничего не говорить насчет этого дела.

— Но я приказываю ответить.

— Простите, сэр, но мисс Василия была уже тогда сильна в роботехнике, и ее приказы достаточно сильны до сих пор, что бы вы ни говорили,

сэр.

— Она явно была сильна в роботехнике, если, как говорил мне доктор Фастольф, перепрограммировала вас.

— Это было не опасно, сэр. Доктор Фастольф всегда мог поправить любую ее ошибку.

— И он ее поправлял?

— Нет, сэр.

— Какова была природа программирования?

— По мелочам, сэр.

— Что именно она сделала?

Жискар замялся, и Бейли сразу же понял в чем дело. Затем робот сказал:

— Боюсь, сэр, я не могу ответить на вопросы, связанные с перепрограммированием.

— Вам запрещено?

— Нет, сэр, но новая программа автоматически стирает старую. Если я изменился в какой-то части, то мне кажется, что эта часть всегда была такая, и я не помню, какой она была раньше.

— Тогда откуда вы знаете, что перепрограммировались мелочи?

— Поскольку доктор Фастольф ни разу не счел нужным поправлять работу мисс Василии — он сам однажды так сказал — я и предполагаю, что изменения были мелкими. Вы можете спросить

мисс Василию, сэр.

— Я спрошу.

— Боюсь только, что она вам не ответит, сэр.

Сердце Бейли упало. До сих пор он расспрашивал только Фастольфа, Глэдию и двух роботов — всех тех, у кого были основания сотрудничать. А сейчас он впервые встретится с недружественным субъектом.

Бейли вышел из машины на лужайку и с удовольствием ощутил под ногами твердую землю. Он изумленно огляделся: дома стояли вплотную друг к другу. Один был особенно большой — громадный прямоугольный блок из металла и стекла.

— Это Институт Роботехники?

— Весь комплекс — Институт, партнер Илайдж, — сказал Дэниел. — Вы видите только часть его, и она застроена более плотно, чем принято на Авроре, потому что это самостоятельная политическая единица. Она включает в себя жилые дома, лаборатории, библиотеки, общественную гимназию и т. п. Большое здание — административный центр.

— Как-то не по-аврорски, что все эти здания на виду, если судить по тому, что я видел в Эос. Вряд ли это одобряют.

— Думаю, что нет, но глава Института дружен с Председателем, у которого большое влияние, и тут было дано особое разрешение ради нужд исследовательской работы, — сказал Дэниел. Затем он задумчиво добавил: — Оно и в самом деле более компактное, чем я себе представлял.

— Разве вы не бывали здесь?

— Нет.

— И вы, Жискар?

— Нет, сэр.

— Но вы же нашли дорогу без затруднений.

— Нас хорошо информировали, поскольку мы должны были сопровождать вас.

— А почему доктор Фастольф не поехал с нами? — спросил Бейли.

Тут же он сообразил, что робота врасплох не захватишь.

— Доктор Фастольф сказал, что он не член Института, поэтому ему неудобно появляться без приглашения.

— А почему он не член?

— Я никогда не слышал о причинах этого.

Он не знает или ему не велено говорить? Бейли пожал плечами. Не все ли равно? Человек может солгать, а робот может быть проинструктирован. Конечно, человека можно поймать на лжи и

выведать или выбить из него правду, если спрашивающий достаточно ловок или достаточно жесток, а робота можно сбить с инструкций, если спрашивающий достаточно ловок или достаточно беспринципен. Но ловкость тут разная, а Бейли ничего не понимал в роботах.

Оранжевое солнце стояло уже высоко в небе. Приближался полдень. Когда они подошли к дому и вошли в его тень, Бейли слегка поежился, почувствовав, как температура немедленно упала. Губы его сжались при мысли о заселенных мирах без Городов, где температура не контролируется и подвергается непредсказуемым идиотским переменам. Он с неудовольствием заметил, что линия туч на горизонте смещается. Значит, будет дождь. На Земле он льет совсем по-другому. Особенно в городах. Мокрые деревья, лужи на асфальте. Бейли скучал по Городам.

Жискар вышел первым, а Дэниел придержал Бейли за руку. Ну, конечно? Жискар в разведке. И Дэниел тоже: глаза его внимательно осматривали все. Бейли был уверен, что эти глаза ничего не упустят. Жискар появился в дверях и кивнул.

Бейли вошел в распахнутую дверь, подчиняясь нажиму руки Дэниела. В доме Василии не было запоров, как не было их в домах Глэдии и

Фастольфа.

Разбросанность домов помогала уединенности, наверняка помогали и обычаи невмешательства, Да если подумать, вездесущие роботы-стражи были надежнее всяких замков.

Жискар, шедший впереди, тихо поговорил с двумя роботами, похожими на него, вернулся и сказал:

— Вас ждут, сэр. Сюда, пожалуйста.

Два домашних робота пошли вперед, за ними Бейли и Дэниел, а Жискар замыкал шествие.

Шедшие впереди роботы остановились перед двойной дверью, створки которой автоматически раздвинулись в стороны. Комната была погружена в тусклый зеленоватый свет — дневное освещение с трудом проходило сквозь плотные шторы. Бейли не очень отчетливо увидел маленькую человеческую фигуру, сидевшую у стола на высоком табурете. Когда они вошли, дверь закрылась, и в комнате стало еще темнее.

Женский голос резко сказал:

— Не подходите ближе! Стойте на месте!

Комната вдруг ярко осветилась. Бейли заморгал и взглянул вверх. Потолок был стеклянный. Через него видно было солнце, только оно почему-то казалось тусклым, что, впрочем, не влияло на ка-

чество света внутри. Он посмотрел на женщину, не изменившую позы.

— Доктор Василия Фастольф?

— Доктор Василия Алиена, если хотите знать мое полное имя. Можете называть меня доктор Василия. Так меня зовут все в Институте. — Ее резкий голос вдруг смягчился. — Ну, как ты, мой старый друг Жискар?

Жискар ответил тоном, совсем отличным от обычного.

— Приветствую вас, Маленькая Мисс.

Василия улыбнулась. — А это, я полагаю, человекоподобный робот Дэниел Оливо, о котором я слышала?

— Да, доктор Василия, — быстро ответил Дэниел.

— И, наконец, землянин.

— Илайдж Бейли, доктор, — скованно ответил Бейли.

— Да, я знаю, что у землян есть имена, и что ваше — Илайдж Бейли, — холодно сказала она. — Вы не выглядите таким взрывным, как тот актер, что играл вас в гиперволновом шоу.

— Я знаю это, доктор.

— Тот, кто играл Дэниела, был очень похож. Но, я полагаю, мы здесь не для того, чтобы обсуждать

шоу.

— Да, конечно.

— Мы здесь, землянин, чтобы поговорить насчет Сантирикса Гремиониса и на этом покончить. Правильно?

— Не совсем. Это не главная причина моего прихода, хотя я думаю, что мы коснемся и этого.

— Да? У вас впечатление, что мы проведем долгую и сложную беседу на тему, которую выберете вы?

— Я думаю, доктор Василия, что вам разумнее было бы позволить мне вести интервью по моему желанию.

— Это угроза?

— Отнюдь.

Ну, я никогда не встречалась с землянами, и было вы интересно посмотреть, насколько вы похожи на актера, игравшего вашу роль — не в смысле внешности. Вы и в самом деле такая властная личность, каким были в фильме?

— Фильм, — с явным отвращением сказал Бейли, — был сверхдраматическим и преувеличил мою личность во всех направлениях. Я предпочитаю, чтобы вы приняли меня таким, каков я есть, и судили бы обо мне, каким я кажусь вам сейчас.

Василия засмеялась. — Во всяком случае, я, ка-

жется, не слишком напугала вас. Это очко в вашу пользу. А может, вы думаете, что нечто известное вам о Гремионисе дает вам право приказывать мне?

— Я здесь лишь для того, чтобы открыть правду о деле умершего человекоподобного робота Джандера Пэнела.

— Умершего? А разве он когда-нибудь был живым?

— Я предпочитаю одно слово фразе: „приведенный в бездействующее состояние“. Вас смущает слово „умерший“?

— Вы здорово фехтуете. Дибрит, принеси землянину стул. Он устанет стоять, если разговор будет долгим. А потом иди в свою нишу. Ты тоже можешь выбрать себе нишу, Дэниел. А ты, Жискар, встань около меня.

Бейли сел. — Спасибо, Дибрит. Доктор Василия, я не имею власти допрашивать вас; у меня нет законных возможностей заставить вас отвечать на мои вопросы. Однако смерть Джандера Пэнела ставит вашего отца в положение несколько…

— Кого?

— Вашего отца.

— Землянин, я иногда могу назвать определенное лицо своим отцом, но больше никто не может.

Пожалуйста, пользуйтесь полным именем.

— Доктор Хэн Фастольф. Ведь он же ваш отец?

— Вы пользуетесь биологическим термином. Во мне его гены, что на Земле рассматривается как отец — дочь. На Авроре это не Имеет значения, кроме как в медицинском и генетическом отношениях. Во всех других случаях это родство вообще не упоминается в порядочном обществе Авроры. Я объясняю вам это, поскольку вы землянин.

— Если я оскорбил обычаи, то только по неведению, и прошу извинить меня. Могу я упомянуть имя вышеназванного джентльмена?

— Конечно.

— Итак, смерть Джандера Пэнела поставила доктора Хэна Фастольфа в несколько затруднительное положение, и я предполагаю, что вы захотите помочь ему.

— Вы предполагаете? Почему?

— Он ваш… Он взял вас к себе. Он заботился о вас. Вы были очень привязаны друг к другу. Он и сейчас питает к вам глубокое чувство.

— Это он вам сказал?

— Это было ясно из деталей нашего разговора — даже из того факта, что он заинтересовался солярианкой Глэдис Дельмар из-за ее сходства

с вами.

— Он сказал это?

— Сказал, но если бы и не говорил, сходство бросается в глаза.

— Однако, землянин, я ничем не обязана доктору Фастольфу. Ваши предположения напрасны.

— Кроме любых личных чувств, которые вы имеете или не имеете, на карту поставлено будущее Галактики. Доктор Фастольф желает, чтобы люди исследовали и заселяли новые миры. Если политические последствия смерти Джандера поведут к заселению новых миров роботами, доктор Фастольф уверен, что это будет катастрофой для Авроры и для человечества. Вы, конечно, не захотите участвовать в такой катастрофе.

Василия равнодушно ответила. — Конечно, нет, если бы я была согласна с доктором Фастольфом. Но я несогласна. Я не вижу вреда в том, чтобы работу делали человекоподобные роботы. Здесь, в Институте, я делаю для этого, что могу. Я глобалистка. Поскольку, доктор Фастольф гуманист, мы с ним политические врага.

Ее ответы были резкими и прямыми. За ними каждый раз следовало молчание, словно она с интересом ждала следующего вопроса. У Бейли было впечатление, что он любопытен ей, забав-

ляет ее.

— Давно вы член этого Института?

— Со дня его основания.

— Много в нем членов?

— Я бы сказала — примерно треть аврорских роботехников члены Института, но лишь половина их в действительности живет и работает здесь.

— Другие члены Института разделяют вашу точку зрения на исследование других планет роботами? Все возражают против мнения доктора Фастольфа?

— Думаю, что большинство — глобалисты, но точно не знаю. Спросите их.

— Доктор Фастольф член Института?

— Нет.

— Не странно ли? Я бы считал, что уж кто-кто, а он должен быть членом.

— Так уж вышло, что мы не хотели. Вероятно, менее важно, что и он не хотел.

— Это еще более удивительно.

— Не думаю.

Затем, как бы подстегиваемая внутренним раздражением, побуждавшим ее сказать что-то еще, продолжила:

— Он живет в городе Эос. Я полагаю, вы знаете, что означает это название?

Бейли кивнул.

— Эос — древнегреческая богиня утренней зари, как Аврора — древнеримская.

— Точно. Доктор Фастольф живет на планете Утренней Зари, в городе Утренней Зари, но сам в Зарю не верит. Он не понимает нужного метода экспансии в Галактику, превращения Зари Космонитов в обширный Галактический День. Исследование Галактики роботами — единственный практический путь для выполнения этой задачи, а он не принимает его… и нас.

— Почему единственный метод? — медленно сказал Бейли. — Аврора и другие Внешние Миры исследовались и заселялись людьми, а не роботами.

— Поправка: землянами. Напрасная и неэффективная процедура» и мы не позволим землянам стать следующими поселенцами. Мы стали космонитами, долгоживущими и здоровыми, и ваши роботы бесконечно более разносторонние и гибкие, чем те, что были у первых поселенцев нашего мира. Теперь другое время, и сегодня только роботы могут вести исследования.

— Предположим, вы правы, а доктор Фастольф ошибается. Но и в этом случае его точка зрения логична. Почему он и Институт не принимают

друг друга? Только потому, что несогласны водном этом пункте?

— Нет, несогласие — это, в общем-то, мелочь. Есть более основательный конфликт.

Бейли подождал, но она ничего не добавила к своему замечанию. Показать раздражение он счел небезопасным и поэтому спросил осторожно и спокойно:

— Что за более основательный конфликт?

Василия явно развеселилась. Линии ее лица как-то смягчились, и на миг она стала еще более похожа на Глэдию.

— Вы не догадаетесь, пока я вам не объясню.

— Поэтому я и спрашиваю, доктор Василия.

— Так вот, землянин, я слышала, что земляне короткоживущие. Это верно?

Бейли пожал плечами. — Некоторые доживают до ста лет по земному времени — примерно до ста тридцати по метрическому аврорскому.

— А сколько вам?

— Сорок пять земных, шестьдесят метрических.

— А мне шестьдесят шесть метрических, и я надеюсь прожить еще триста — если буду осторожна.

Бейли развел руками: — Поздравляю вас.

— Тут есть свои невыгодные стороны.

— Сегодня утром я слышал, что за три или четыре столетия накапливается очень много потерь.

— Боюсь, что да. Но зато накапливается очень много нового. В итоге — баланс.

— Каковы же тогда невыгодные стороны?

— Вы, наверное, не ученый.

— Я — детектив, инспектор, полицейский, если хотите.

— Но вы знаете ученых своего мира.

— Встречал кое-кого, — осторожно ответил Бейли.

— Вы знаете, как они работают? Мне говорили, что на Земле они кооперируются по необходимости. При их короткой жизни у них самое большее — пол столетия активной работы. Меньше семидесяти метрических. За это время мало что можно сделать.

— Некоторые наши ученые полностью выполняют свое дело в значительно меньший срок.

— Потому что они пользуются данными, найденными до них, а также теми, что нашли их современники, другие ученые. Это так?

— Конечно. Все вносят вклад в общую науку, все, через пространство и время.

— Именно. Иначе не получится. Каждый уче-

ный, зная, что не смажет выполнить все сам, вынужден кооперироваться. Таким образом достигается прогресс.

— А на Авроре и других Внешних Мирах разве не так?

— Теоретически так, но практически нет давление в долгоживущем обществе слабее. Ученые отдают своим проблемам три — три с половиной столетия, и возникает мысль, что прогресс может быть достигнут за то же время одним работником. Появляется чувство интеллектуальной жадности, желание сделать что-то самому, иметь право на какую-то грань прогресса. Пусть лучше общее продвижение замедлится, лишь бы не отказаться от того, что человек считает своим. И в результате общее продвижение на Внешних Мирах замедлилось до такой степени, что трудно обогнать работу, проделанную на Земле, несмотря на все наши преимущества.

— *Я* полагаю, вы не сказали бы мне этого, если бы подобным образом не вел себя доктор Фастольф.

— Именно так он себя и ведет. Его теоретический анализ позитронного мозга сделал возможным создание человекоподобного робота. Он использовал его, когда конструировал, с

помощью покойного доктора Сартона, вашего друга робота Дэниела, ноне опубликовал важные детали своей теории и никому другому не предоставил ее. В этом смысле он, и только он держит за горло производство человекоподобных роботов.

— А Институт Роботехники поощряет сотрудничество среди ученых?

— Конечно. Институт собрал более сотни роботехников высших степеней разного возраста и способностей, и мы надеемся установить ветви на других планетах и основать межзвездную ассоциацию. Мы все решили объединить наши отдельные открытия или размышления в общий фонд, сделать добровольно для общего блага то, что вы, земляне, вынуждены делать из-за вашей короткой жизни. Однако доктор Хэн Фастольф не желает это делать. Вы наверняка считаете доктора Фастольфа идеалистом и патриотом Авроры, но он не отдает свою интеллектуальную собственность в общий фонд, поэтому и не хочет работать с нами. А поскольку он считает, что имеет право личной собственности на свои научные открытия, мы не хотим иметь его у себя. Теперь для вас не тайна наше взаимное отвращение.

Бейли кивнул и сказал: — Вы думаете, что этот добровольный отказ от личной славы сработает?

— Должен.

— А может Институт, пусть сообща, сдублировать индивидуальную работу доктора Фастольфа и заново открыть теорию позитронного мозга?

— Со временем мы это сделаем. Это неизбежно.

— А вы не делали попыток сэкономить время и убедить доктора Фастольфа выдать секрет?

— Думаю, что у нас есть способ убедить его.

— Через скандал с Джандером?

— Я не думаю, чтобы вы в действительности хотели задать этот вопрос. Ну, я сказала вам все, что вы хотели знать, землянин?

— Вы сказали мне кое-что, чего я не знал.

— Тогда пора вам сказать мне насчет Гремиониса. Почему вы связали имя этого брадобрея со мной?

— Брадобрея?

— Он считает себя дизайнером по прическам, кроме всего прочего, но он просто-напросто парикмахер. Говорите о нем — или давайте считать интервью законченным.

Бейли устал. Ему было ясно, что Василия наслаждалась этим фехтованием. Она дала ему ровно столько, чтобы разжечь его аппетит, и теперь он вынужден покупать материал за собственную информацию. Но у него не было никакой инфор-

мации, одни догадки. И если часть их ошибочна, он пропал. Однако надо было фехтовать.

— Видите ли, доктор Василия, вы не можете уверять, что предположение о связи между вами и Гремионисом смехотворно.

— Почему? Оно нелепо.

— Нет. Будь оно нелепо, вы рассмеялись бы мне в лицо и выключили бы контакт трехмерки. Из простого факта, что вы отказались от своей первоначальной позиции и приняли меня, из простого факта, что вы разговаривали со мной и сообщили мне очень многое, совершенно ясно: вы чувствуете, что я могу воткнуть нож вам в шею.

Василия сказала низким, злым голосом:

— Вы, видимо, знаете, маленький землянин, что мое положение уязвимо. Я дочь доктора Фастольфа, а в Институте хватает достаточно глупых или достаточно злонамеренных лиц, которые из-за этого не доверяют мне. Я не знаю, что именно вы слышали, но все это более или менее смехотворно. Однако даже нелепость может быть использована против меня. Поэтому, я хочу поторговаться. Я сказала вам кое-что, могу сказать и больше, но только в том случае, если выскажете, что у вас спрятано в рукаве, и убедите меня, что вы говорите правду. Так вот, говорите.

Если вы попытаетесь вести игру со мной, я выкину вас вон и, по крайней мере, получу от этого удовольствие, а мое положение не станет от этого хуже, чем сейчас. У меня есть средства повлиять на Председателя, чтобы он отменил свое решение пустить вас на Аврору и отправил бы вас обратно на Землю. На него и так в этом смысле большое давление, и вы не захотите, чтобы я добавила свое. Итак, говорите!

У Бейли было побуждение подойти к решающему пункту, чтобы проверить, прав ли он, но он почувствовал, что это не сработает. Она заметит, чего он добивается. Она не глупа — и остановит его. Он знал, что вышел на какой-то след, и не хотел стереть его. Видимо, она сказала правду относительно своего уязвимого положения, создавшегося в результате ее отношений с отцом, но она не была бы так испугана при видео-встрече с Бейли, если бы не подозревала, что некое замечание его не совсем нелепо. Он обнаружил что-то важное, и это нужно немедленно установить, чтобы как-то взять над Василией верх. Отсюда — игра. Он сказал:

— Сантирикс Гремионис предлагал себя вам — и прежде, чем Василия успела отреагировать, добавил: — И не один раз, а много.

Василия хлопнула руками по коленям, уселась плотнее, посмотрела на неподвижно стоявшего рядом Жискара, а затем на Бейли.

— Этот идиот предлагает себя всем, кого увидит, не разбирая пола и возраста. Я бы удивилась, если бы он не обратил внимания на меня.

Бейли сделал жест, как бы отметая это. Она не смеялась. Она не положила конец беседе. Она даже не разозлилась. Она хотела видеть, что он построит на своем утверждении, и он ухватился за это нечто.

— Это преувеличение, доктор Василия. Всякий может выбирать; Гремионис выбрал вас и, несмотря на ваш отказ, продолжал предлагать себя, хотя это совершенно не в привычках авроpцев.

— Я рада, что вы поняли, что я отказала ему. Некоторые считают, что любое — или почти любое — предложение нужно принять хотя бы из вежливости, но я другого мнения. Не вижу оснований тратить время на то, что мне не интересно. Вы находите в этом что-то предосудительное, землянин?

— У меня нет ни благоприятного, ни неблагоприятного мнения об аврорских обычаях.

Она все еще ждет, слушает его. Чего она ждет?

Может, того, что он хочет сказать, но пока не решается?

Она сказала с некоторым усилием:

— У вас есть еще что-нибудь или мы закончили?

— Нет, не закончили, — сказал Бейли, вынужденный теперь вести игру дальше. — Вы поняли, что необычная для аврорца настойчивость Гремиониса может быть полезной вам.

— Да? Какая глупость! Какую пользу я могла бы извлечь из этого?

— Поскольку он явно был сильно увлечен вами, нетрудно было устроить, чтобы он увлекся другой, очень похожей на вас женщиной. Вы настояли, чтобы он так сделал, возможно, пообещав принять его, если другая откажет.

— Кто эта бедняга, похожая на меня?

— Вы не знаете? Не разыгрывайте наивность. Я говорю о солярианке Глэдии, которая, как я вам уже говорил, находится под протекцией доктора Фастольфа как доз из-за сходства с вами. Вы не удивились, когда я упомянул об этом в начале нашей беседы, теперь уже поздно прикидываться незнающей.

Василия резко посмотрела на него.

— И из интереса Гремиониса к ней вы делаете

заключение, что раньше он интересовался мной? И вы пришли ко мне с этой дикой догадкой?

— Это не дикая догадка. Есть другие существенные факторы. Разве вы отрицаете их?

— Я устала. Вы сказали, что Гремионис сначала интересовался мной, а затем моим подобием, солярианкой. А теперь вы хотите, чтобы я это отрицала. А зачем мне беспокоиться и отрицать? Даже если это и так, это мне никак не повредит. Это же не важно! Бы говорите, что меня раздражало это внимание, я же этого не хотела и хитроумно отвлекла его в другую сторону. Ну, и что?

— Не так важно, что вы сделали, важно — зачем. Вы знали, что Гремионис настойчив; он снова и снова предлагал себя вам, значит, так же много раз будет предлагать себя и Глэдии.

— Если бы она отказала ему.

— Она солярианка, у нее трудности с сексом, она отказывала всем, и, осмелюсь сказать, вы кое-что об этом знали. Я думаю, что при всем вашем отстранении от вашего… доктора Фастольфа, вы достаточно чувствительны, чтобы приглядывать за своей заместительницей.

— Что ж, если она отказала Гремионису, то она показала хороший вкус.

— Вы знаете, что «если» тут нет. Вы знаете, что она отказала.

— Опять-таки — что из этого?

— Это означает, что Гремионис для повторения предложения должен часто бывать в доме Глэдии.

— Ну?

— А в доме Глэдии был весьма необычный предмет — один из двух существующих человекоподобных роботов — Джандер Пэнел.

Василия замялась: — Что вы из этого выводите?

— Я думаю, вам пришло в голову, что если этот робот будет убит при обстоятельствах, компрометирующих доктора Фастольфа, у вас в руках окажется оружие, могущее вырвать у доктора Фастольфа тайну человекоподобного позитронного мозга. Гремионис, раздраженный постоянным отказом Глэдии, мог быть подтолкнут на страшную месть — убийство робота.

— Этот жалкий брадобрей мог иметь десяток мотивов и десяток удобных случаев, но все это ни к чему. Он даже не умеет приказать роботу помахать рукой. Он в световых годах от возможности сделать роботу умственное замораживание.

— Теперь, — мягко сказал Бейли, — мы, нако-

нец, подошли к пункту, который вы, вероятно, предчувствовали, поскольку до сих пор не выкинули меня вон, и хотели удостовериться, держу я этот пункт в уме или нет. Я хотел сказать, что Гремионис делал работу через вас, с помощью Института Роботехники.

Все застыли в неподвижности, как в гиперволновой драме — и Бейли, и Василия, и, конечно, роботы. Прошли долгое, ненормально долгие секунды, прежде чем Василия перевела дух и медленно встала. Лицо ее исказилось в усмешке:

— Вы говорите, землянин, что я соучастница в разрушении человекоподобного робота?

— Мне пришло в голову что-то в этом роде, доктор.

— Интервью кончено, уходите. — Она указала на дверь.

— Боюсь, что я не желаю этого.

— Я не буду считаться с вашими желаниями.

— Должны считаться. Как вы меня выгоните без моего желания?

— У меня здесь два робота, они вежливо, но твердо выведут вас, повредив только вашему самолюбию… если оно у вас есть.

— У вас только один робот, а у меня два, и они не позволят случиться такому.

— Я тут же вызову двадцать.

— Доктор Василия, поймите! Вы удивились, увидев Дэниела. Я заподозрил, что вы, хоть и работаете в Роботехническом Институте, где изготовление человекоподобных роботов является первейшей задачей, но никогда не видели такого комплектного и функционирующего робота. И ваши роботы тоже не видели. Взгляните на Дэниела: он похож на человека, больше похож, чем все другие роботы, за исключением покойного Джандера. Ваши роботы примут Дэниела за человека, а он знает, как приказывать роботам, чтобы они повиновались ему, а не вам.

— Тогда я вызову людей из Института, вы будете выкинуты, возможно, с небольшим ущербом, и ваши робою не смогут эффективно вмешаться.

— А как вы их позовете, если мои роботы не позволят вам двинуться? У них исключительно быстрые рефлексы.

Василия оскалила зубы, что никак нельзя было назвать улыбкой. — Ничего не скажу о Дэниеле, но Жискара я знала большую часть моей жизни. Я не думаю, что он помешает мне позвать на помощь. Я думаю, он и Дэниела удержит от вмешательства.

Бейли знал, что ступает по тонкому льду, и

постарался, чтобы голос его не дрожал: — Не лучше ли вам сначала спросить Жискара, что он сделает?

— Жискар? — с полной доверчивостью спросила Василия.

Жискар отвел от нее глаза и сказал со странным тембром в голосе: — Маленькая Мисс, я обязан защищать мистера Бейли. Он имеет предпочтение перед вами.

— Вот как? По чьему же приказу? Этого землянина? Этого чужака?

— По приказу доктора Хэна Фастольфа, — сказал Жискар.

Глаза Василии сверкнули. Она медленно села. Руки ее дрожали, губы слабо шевелились.

— Он даже тебя отнял.

— Если этого недостаточно, доктор Василия, — вдруг по собственному почину заговорил Дэниел, — то я тоже ставлю благополучие партнера Илайджа выше вашего.

Василия посмотрела на Дэниела с горьким любопытством.

— Партнер Илайдж? Ты так зовешь его?

— Да, доктор Василия. Мой выбор между вами и им сделан не только по инструкциям доктора Фастольфа, но и потому, что землянин и я — парт-

неры в этом расследовании, и потому… — Дэниел сделал паузу, как бы смущаясь тем, что собирался сказать. Потому что мы друзья.

— Друзья? — сказала Василия. — Землянин и человекоподобный робот? Что ж, достойная пара. Оба не вполне люди.

— Тем не менее, мы оба связаны дружбой, — резко сказал Бейли. — И не проверяйте, ради себя самой, силу нашей… Он тоже сделал паузу и, как бы сам удивляясь, закончил фразу: — Любви.

— Что вы хотите?

— Информации. Меня вызвали на Аврору, этот мир Утренней Зари, разобраться в событии, которое, похоже не имеет никакого объяснения, события, в котором ложно обвинен доктор Фастольф, что, возможно, будет иметь ужасные последствия для моей планеты и для меня лично. Дэниел и Жискар прекрасно понимают эту ситуацию и знают, что только Первый Закон во всей его полноте и незамедлительности может взять верх над моими усилиями раскрыть тайну. Поскольку они слышали мои слова относительно вашего возможного соучастия в деле, они понимают, что не должны допустить прекращения интервью. Поэтому я снова говорю вам: не вызывайте действий, которые они вынуждены

будут произвести, если вы откажетесь отвечать на мои вопросы. Я обвинил вас в пособничестве в убийстве Джандера Пэнела. Вы отрицаете это обвинение или нет? Вы должны ответить.

— Я отвечу. Я не боюсь! Убийство? Выведение робота из строя — это убийство? Так вот, я отрицаю ваше обвинение в убийстве или в чем другом! Я не давала Гремионису информации по роботехнике для того, чтобы он покончил с Джандером. Для этого у меня недостаточно знаний, и я подозреваю, что ни у кого в Институте нет достаточных знаний.

— Я не знаю, хватает ли у вас или у кого-то в Институте знаний, чтобы помочь совершить преступление. Однако мы можем поговорить о мотиве. Во-первых, у вас могли быть нежные чувства к Гремионису, хотя вы и оттолкнули его предложения, вам должна была льстить его настойчивость, и вы могли пожелать оказать ему помощь, чтобы он был благодарен вам и без каких-либо сексуальных требований.

— По-вашему, он пришел и сказал: «Дорогая Василия, я хочу уничтожить робота. Скажите, как это сделать, и я буду вам страшно благодарен», а я ответила: «Конечно, дорогой, я счастлива помочь тебе совершить преступление». — Абсурд! Никто,

кроме землянина, ничего не знающего об авроpцах, не поверит, что такое может случиться. Это мог придумать только особо глупый землянин.

— Возможно, но следует рассматривать все мотивы. Примем на минуту второй мотив: не ревновали ли вы Гремиониса, когда он переключился в своих чувствах, и не могли ли помочь ему не из абстрактных симпатий, а из конкретного желания вернуть его?

— Ревность? Это земная эмоция. Если я не желаю Гремиониса для себя, какое мне дело до того, предлагает ли он себя другой женщине и принимает ли его та?

— Я слышал, что на Авроре не знают сексуальной ревности, и я склонен думать, что в теории это так и есть, но теории редко применяются на практике, и исключения, конечно, бывают. Больше того, ревность часто чувство иррациональное и простой логикой не изгоняется. Но пока мы оставим это. Третий мотив — вы могли ревновать к Глэдии и желали повредить ей.

— Я видела ее только по гиперволновой программе, когда она приехала на Аврору. Тот факт, что люди говорили о ее сходстве со мной, меня не беспокоил.

— Но вас могло беспокоить, что она поп крылом

доктора Фастольфа, его любимица, почти дочь, как раньше были вы. Она заменила вас.

— Она рада этому. А мне все равно.

— Даже если они любовники?

Василия посмотрела на Бейли с растущей злобой, на лбу ее выступил пот.

— Обсуждать это нет надобности. Вы спрашивали, отрицаю ли я ваше обвинение, и я отрицала его. *Я* сказала, что у меня нет достаточных знаний и нет мотива. Можете сообщить об этом всей Авроре. Расскажите о своих глупых попытках приписать мне мотив. Уверяйте, если хотите, что у меня есть знания, чтобы сделать такую вещь. Вы ничего не добьетесь. Абсолютно ничего.

Хотя она дрожала от злости, Бейли казалось, что в голосе ее была убежденность. Она не боялась обвинения. Она согласилась увидеться с ним, потому что он напал на след чего-то, чего она боялась и, возможно, боялась отчаянно. Но этого обвинения она не боялась. Может, он ошибся?

Бейли сказал встревоженно и наугад:

— Допустим, что я принимаю ваше утверждение, доктор Василия. Скажем, я согласен, что мое подозрение в вашем соучастии в этом… роботоубийстве ошибочно. Но это не значит, что вы не можете помочь мне.

— С какой стати я буду помогать вам?

— Из человеческой порядочности. Доктор Фастольф уверяет, что он не уничтожал собственного робота Джандера. Вы знаете доктора Фастольфа лучше, чем кто-либо другой. Вы несколько лет были в близких отношениях как его ребенок и подрастающая дочь. Вы видели его таким, каким его никто не видел. Каковы бы ни были ваши чувства к нему теперь, они не могут изменить прошлое. Зная его, вы можете засвидетельствовать, что по своему характеру он не способен повредить роботу, тем более такому, который является его высшим достижением. Пожелаете ли вы дать такое свидетельство открыто, перед всем миром? Это очень помогло бы делу.

Лицо Василии стало жестким.

— Поймите меня. *Я* не желаю впутываться в это.

— Но вы должны!

— Почему?

— Разве вы ничем не обязаны вашему отцу? Он же ваш отец. Пусть это слово ничего для вас не значив, но это биологическая связь. Кроме того, он заботился о вас, воспитывал много лет. За это вы ему что-то должны.

Василия вздрогнула. У нее стучали зубы. Она

пыталась заговорить, но не могла. Наконец, сделав несколько глубоких вздохов, она сказала:

— Жискар, ты слышишь все это?

Жискар склонил голову.

— Да, Маленькая Мисс.

— И ты, человекоподобный… Дэниел?

— Да, доктор Василия.

— Вы оба понимаете, что землянин настаивает на моем свидетельстве о характере доктора Фастольфа?

Оба робота кивнули.

— Тогда я скажу — против своей воли и по злости. Именно потому, что я должна этому моему отцу какой-то минимум уважения за его гены и за мое воспитание против обычаев, я не стану свидетельницей. Но я хочу, чтобы вы выслушали меня. Доктор Хэн Фастольф, чьи гены я унаследовала, заботился обо мне не как об отдельном человеческом существе. Я была для него не больше, чем эксперимент, феномен для наблюдений. Доктора Фастольфа интересовало только одно: функции человеческого мозга. Он хотел свести их к уравнениям, к графикам, объяснить путаницу и таким образом определить математически науку о поведении человека, которая позволит ему предсказывать человеческое будущее. Он назвал

эту науку «психоисторией». Если вы разговаривали с ним хотя бы час, я уверена, что он упомянул об этом. *Это* его мания.

Василия внимательно посмотрела в лицо Бейли и с торжеством воскликнула:

— Я права! Он говорил вам об этом. Затем он должен был сказать вам, что интересуется роботами лишь постольку, поскольку они могут привести его к человеческому мозгу, тем более — человекоподобные роботы. Это он тоже вам говорил. Основная теория создания человекоподобных роботов, я уверена, выведена им из попыток понять человеческий мозг, и он держит эту теорию при себе, никому не сообщая, потому что он хочет сам решить проблему человеческого мозга за те примерно два столетия, которые ему еще остаются. Этому подчинено все. В том числе была и я.

Бейли, пытаясь устоять против этого потока ярости, тихо спросил:

— В каком смысле он включал в это вас, доктор Василия?

— Когда я родилась, меня должны были поместить вместе с другими к профессионалам, которые хорошо умеют ухаживать за детьми. Я не должна была остаться у любителя, пусть он

отец и ученый. Доктору Фастольфу не должны были разрешать подвергнуть ребенка такому окружению. Никому другому и не разрешили бы. Но он воспользовался своим престижем, нажал на все пружины и убедил нужных людей.

— Он любил вас, — прошептал Бейли.

— Любил? Ему годился бы любой ребенок, но другие были недоступны. Он хотел, чтобы ребенок рос в его присутствии и развивал мозг. Он хотел иметь простую форму человеческого мозга, превращающуюся в сложную, чтобы тщательно и в деталях изучать ее. Ради этого он поставил меня в неправильное окружение и исследовал, рассматривая меня просто как человеческое существо.

— Я не могу этому поверить. Даже если он и видел в вас объект эксперимента, он все равно заботился о вас, как о человеческом существе.

— Нет. Вы говорите как землянин. Возможно, на Земле по-другому смотрят на биологические связи. Здесь это не так. Я была экспериментальным объектом. Какое-то время.

— Даже если так и было сначала, доктор Фастольф не мог не полюбить вас — беспомощное существо, вверенное его заботам. Если бы и не было биологической связи, даже если бы вы,

простите меня, были животным, он научился бы любить вас.

— Вы думаете? — с горечью сказала она. — Вы не знаете силы безразличия таких людей, как доктор Фастольф. Если бы для его науки потребовалось бы уничтожить мою жизнь, он сделал бы это без малейшего колебания.

— Это смешно, доктор Василия. По всему его обращению с вами было ясно, что он любил вас. Я это знаю. И вы… вы предлагали себя ему.

— Он и это сказал вам? Да, это на него похоже. Ни на одну минуту, даже сегодня, его не остановил вопрос, не смутит ли меня такое разоблачение. Да, я предлагала ему себя. А почему бы и нет? Он был единственным мужчиной, которого я, в сущности знала. Он был естественной мишенью для меня. Он знал, что я познакомилась с сексуальным возбуждением в контролируемых условиях — под его контролем. Было неизбежно, что я, в конечном счете, потянусь к нему. Так я и сделала, потому что никого другого не было. Но он отказал мне.

— И вы за это возненавидели его?

— Нет, не сразу. Через несколько лет. Хотя мое сексуальное развитие замедлилось и исказилось, и эффекты этого я чувствую до сегодня, я

не порицала его. Я слишком мало знала. Я искала извинения для него. Он очень занят. У него есть другие. Ему нужны женщины постарше. Вас, наверное, удивила бы изобретательность, с какой я придумывала причины его отказа. Лишь через несколько лет я начала понимать, что здесь что-то не так, и приступила к нему в открытую: «Почему ты отказал мне?»

Она сделала паузу и на минуту закрыла глаза. Бейли ждал, застыв в смущении.

Успокоившись, она продолжала: — Он избегал ответа, как только мог. Но я снова и снова спрашивала: «Почему ты отказал мне?» Он без колебаний занимался сексом. Я знала несколько случаев… Помню, думала — может просто предпочитает мужчин. Когда не стоит вопрос о детях, личное предпочтение в таких вещах не имеет значения: некоторым мужчинам женщины противны и наоборот. Но с человеком, которого вы называете моим отцом, дело обстояло иначе. Он любил женщин, иногда молодых, таких же, как была я, когда предлагала ему себя: «Почему ты отказал мне?». И он, наконец, ответил. Попробуйте догадаться, каков был ответ.

Она замолчала и ждала.

Бейли неловко пошевелился и сказал, заикаясь:

— Он не хотел заниматься любовью с дочерью?

— Не глупите. Какая разница? Вряд ли хоть один мужчина на Авроре знает, кто его дочь. Нет. Он ответил — ох, я до сих пор помню его слова: «Ты дура! Если я свяжусь с тобой в этом смысле — как я сохраню свою объективность и какая будет польза от дальнейшего изучения тебя?»

В это время я уже знала о его интересе к человеческому мозгу. Я даже пошла по его стопам и стала роботехником. Я работала с Жискаром в этом направлении и экспериментировала с его программированием. Я ведь хорошо это делала, Жискар?

— Хорошо, Маленькая Мисс.

— Но я поняла, что этот человек не видит во мне человеческое существо. Пусть моя жизнь будет испорчена, лишь бы он не рисковал своей объективностью. Его наблюдения значили для него больше, чем моя нормальность. И тогда я поняла, кто я и кто он, и ушла от него.

В воздухе повисло тяжелое молчание. В голове Бейли слегка звенело. Он хотел спросить: можно ли было не учитывать сосредоточенность крупного ученого, важность большой проблемы? Как могли вы принять всерьез сказанное, возможно, в раздражении, когда человека вынудили к

разговору, которого он не хотел? Доктор Василия сосредоточилась на собственной «нормальности» — что бы она ни подразумевала под этим — и исключила две, возможно, самые важные проблемы, стоящие перед человечеством: природу человеческого мозга и заселение Галактики; это было куда менее простительно. Но ничего этого он не сказал. Он не знал, как донести это до этой женщины, и поймет ли он, если она ответит.

Что он делает на этой планете? Он не понимает их жизни, как бы они не объясняли. И они не понимают его. Он устало сказал:

— Мне очень жаль, доктор Василия. Я понимаю, что вы сердитесь, но если бы вы хоть на миг оставили свою злость и подумали о деле доктора Фастольфа и убитого робота, вы, может быть, увидели бы, что мы имеем дело с разными вещами. Возможно, доктор Фастольф желал наблюдать за вами независимо и объективно даже ценою вашего несчастья, однако, это никак не приближает его к желанию уничтожить человекоподобного робота.

Василия покраснела и закричала:

— Неужели вы не поняли того, что я вам сказала? Уж не потому ли я вам все это рассказывала, что думал а, будто кому-нибудь интересна пе-

чальная история моей жизни? Вы думаете, мне приятно разоблачать себя таким образом? Я говорила вам все это только для того, чтобы показать, что доктор Хэн Фастольф в самом деле уничтожил Джандера. Наверняка. Я не говорила этого, потому что никто, кроме вас не был так глуп, чтобы спрашивать меня, и из-за дурацких остатков моего уважения к этому человеку. Но теперь вы спросили, и я отвечаю, и, клянусь Авророй, скажу кому угодно, даже публично: доктор Хэн Фастольф разрушил Джандера Пэнела. Я в этом уверена. Вы удовлетворены?

Бейли с ужасом уставился на обезумевшую женщину.

— Я не совсем понимаю, доктор Василия. Зачем доктору Фастольфу разрушать робота? Какое это имеет отношение к его обращению с вами?

Василия порывисто дышала, и Бейли механически заметил, даже не осознавая этого, что, хотя Василия была такой же тонкокостной, как Глэдия, груди у нее были больше. Она старалась овладеть своим голосом.

— Разве я не сказала вам, землянин, что Хэн Фастольф интересовался человеческим мозгом? Он не колеблясь вызовет стресс, чтобы понаблюдать за результатом. И он предпочитает мозг

неординарный, например, мозг ребенка, чтобы его можно было наблюдать в развитии. Любой мозг, лишь бы не банальный.

— Но какая тут связь с…

— Спросите себя: почему он заинтересовался чужеземкой?

— Глэдией? Я спросил его, и он ответил. Она напомнила ему вас, и сходство и в самом деле большое.

— Еще раз спрошу вас: вы поверили ему?

— Почему же не поверить?

— Потому что это неправда. Сходство могло привлечь его внимание, но истинная суть его интереса к этой женщине — ее чужеземность. Она воспитана на Солярии, где привычки и социальные аспекты не те, что на Авроре. Он может изучать мозг, совсем отличный от нашего, и получить интересную перспективу. Неужели вы не понимаете этого? Кстати, почему он заинтересовался вами, землянин? Он не так глуп, чтобы вообразить, что вы решите аврорскую проблему, ничего не зная об Авроре.

Внезапно вмешался Дэниел, и Бейли вздрогнул от неожиданности, услышав его голос:

— Доктор Василия, партнер Илайдж решил проблему Солярии, хотя ничего о Солярии не знал.

— Да, — сказала Василия, — все миры узнали об этом по гиперволновой программе. Озарение могло случиться, но вряд ли Хэн Фастольф думает, что оно случится дважды на том же месте и в быстрой последовательности. Нет, землянин, он привлек вас в первую очередь потому, что вы землянин. У вас другой, чуждый мозг, который можно изучать и манипулировать им.

— Не можете же вы думать, доктор Василия, что он рискнул бы делом чрезвычайной важности для Авроры и вызвал бы кого попало, лишь бы изучить необычный мозг?

— Наверняка мог бы. Об этом я вам и толкую. Нет такого кризиса для Авроры, который был бы важнее для него, чем решение проблемы мозга. Я могу точно сказать, что он ответит, если вы его спросите: «Аврора может возвыситься или пасть, цвести или гнить — все это пустяки в сравнении с проблемой мозга, поскольку, если человек реально познает мозг, все, что может пропасть за тысячелетие по небрежности или неправильным решениям, можно выправить за десять лет, разумно управляя человеческим развитием под руководством „психоистории“. С помощью этого аргумента он оправдывает все — ложь, жестокость, все, что угодно — и скажет, что все должно

служить цели продвижения знаний о мозге.

— Я не могу себе представить, чтобы доктор Фастольф был так жесток. Милейший человек.

— Давно ли вы его знаете?

— Несколько часов на Земле три года назад и один день на Авроре.

— Подумать только: целый день! А я была с ним тридцать лет почти постоянно и потом издали следила за ним. А вы были с ним целый день? И за весь этот день он не сделал ничего, что напугало бы или унизило вас?

Бейли молчал. Он думал о неожиданной атаке с помощью прибора для пряностей, от которой его спас Дэниел; о туалете, который представил ему такие затруднения благодаря маскировке; далекую прогулку Снаружи, предназначенную для проверки его способности к адаптации.

— Вижу, что делал, — сказала Василия. — Ваше лицо, землянин, не так непроницаемо, как вы, может быть, думаете. Он пугал вас психозондом?

— Упоминал о нем.

— Один день — и уже упоминал. Я думаю, это вам не понравилось?

— Конечно, нет.

— А была причина для этого упоминания?

— Была, — быстро сказал Бейли. — Я сказал, что

у меня мелькнула одна мысль и тут же исчезла, и было вполне естественно намекнуть, что психозонд мог бы ее обнаружить.

— Нет, — сказала Василия, — не мог бы. Психозондом нельзя пользоваться для такого деликатного прикосновения, а если произвести попытку, то много шансов, что мозг будет искалечен.

— Может, нет, если работать будет эксперт — скажем, доктор Фастольф.

— Он? Да он не отличит один конец зонда от другого. Он теоретик, а не техник.

— Ну, кто-нибудь другой.

— Нет, землянин. Никто. Подумайте сами: если бы психозонд можно было использовать на людях безопасно, и если Хэн Фастольф так беспокоится о проблеме дезактивации робота, разве он не предложил бы применить психозонд к себе? Это не приходило вам в голову? Любой разумный человек придет к заключению, что Фастольф виновен. Единственным доказательством его невиновности является его собственное отрицание вины. Почему бы ему не доказать свою невиновность путем психопробы? Он не намекал на такую вещь?

— Нет. Мне, по крайней мере.

— Потому что он прекрасно знает, как это опас-

но. Однако он, не задумываясь, намекнул насчет вас просто для того, чтобы видеть, как ваш мозг работает под давлением, как вы реагируете на страх. А может быть, он подумал, что такая проба, как бы она ни была опасна для вас, может дать ему интересные сведения, касающиеся деталей вашего земного мозга. Это, по-вашему, не жестоко?

Бейли отмахнулся от этого вопроса.

— Как это приложить к данному делу, роботоубийству?

— Солярианская женщина Глэдия привлекла внимание моего бывшего отца. У нее интересный для его целей мозг. Он дал ей робота Джандера, желая посмотреть, как женщина, выросшая не на Авроре, встретится с роботом, во всех отношениях похожим на человека. Он знал, что аврорская женщина воспользовавшись бы роботом для секса, ничуть не стеснялась. Сама я, признаться, несколько стеснялась бы этого, поскольку воспитана ненормально, не как обычные аврорские женщины. Солярианка же стеснялась бы очень сильно, поскольку выросла в мире, наполненном роботами, и имела необычно жесткие мысленные позиции по отношению к роботам. Это различие могло быть очень поучительным для моего отца,

который пытался на этих вариациях построить теорию функционирующего мозга. Хэн Фастольф ждал полгода, пока солярианка, может быть начнет первые эксперименты…

— Ваш отец ничего не знал об отношениях между Глэдией и Джандером, — перебил ее Бейли.

— Кто вам это сказал? Мой отец? Глэдия? Если он — то он врет; если она — то она просто не знает, скорее всего. Можете быть уверены, Фастольф знал, потому что он исследовал, как человеческий мозг изменяется под давлением солярианских условий. А затем он подумал — я совершенно уверена в этом — что случится, если женщина, только что начавшая пользоваться Джандером, вдруг потеряет его без всяких причин. Он знал, как будет себя вести аврорская женщина: она испытает некоторое разочарование и тут же начнет искать замену. Но как поведет себя солярианка? Вот он и вывел Джандера из строя.

— Уничтожить безмерно ценного робота ради удовлетворения тривиального любопытства?

— Чудовищно, не правда ли? Но Хэн Фастольф как раз это и сделал. Вернитесь к нему, землянин, и скажите ему, что его маленькая игра кончена, если еще не все на планете верят в его виновность, то наверняка поверят после моего

выступления.

Бейли долго молчал, а Василия смотрела на него с какой-то мрачной радостью. Лицо ее стал о грубым и совсем не напоминало лицо Глэдии.

Бейли встал, чувствуя себя старым — много старше своих сорока пяти лет — детский возраст для аврорцев. Все, что он сделал, ни к чему не привело. Даже хуже — каждое его движение, казалось, крепче затягивало петлю на шее Фастольфа.

— Я думаю, наше интервью кончено, — сказала Василия. — У меня нет причин видеться с вами еще раз, землянин, и у вас тоже. Наверное, вам лучше уехать с Авроры. Она улыбнулась: — Вы нанесли моему отцу достаточный урон, хотя и не такой, какого он заслуживает.

Бейли шагнул к двери. Оба робота подошли. Жискар тихо спросил: — Вы в порядке, сэр?

Бейли пожал плечами. Что тут ответишь?

— Жискар! — окликнула Василия. — Когда доктор Фастольф не будет более нуждаться в тебе, ты перейдешь ко мне?

Жискар спокойно посмотрел на нее: — Если доктор Фастольф позволит, я так и сделаю, Маленькая Мисс.

Ее улыбка потеплела.

— Пожалуйста, Жискар. Мне все время не хватало тебя.

— Я часто думаю о вас, Маленькая Мисс.

— Доктор Василия, — спросил Бейли, — у вас нет туалета, куда я мог» бы зайти?

Василия широко раскрыла глаза.

— Конечно, нет, землянин! На территории Института есть общественные туалеты. Ваши роботы проводят вас.

Бейли посмотрел на нее и сказал больше со злости, чем по рациональному рассуждению:

— Доктор Василия, на вашем месте я не стал бы говорить о виновности доктора Фастольфа.

— Что мне мешает?

— Опасение раскрыть ваши дела с Гремионисом. Опасность для вас.

— Смешно! Вы же сами признали, что между мной и Гремионисом не было никакого сговора.

— Не совсем так. Я согласился, что прямого сговора уничтожить Джандера между вами и Гремионисом не было. Но остается возможность непрямого сговора.

— Вы спятили. Что еще за непрямой сговор?

— Я не готов обсуждать это при роботах доктора Фастольфа… если только вы не будете настаивать. Но зачем вам это? Вы прекрасно понимаете,

что я имею в виду.

Бейли почему-то решил, что она примет его блеф. Все равно ситуация хуже не станет. И это сработало! Василия как бы съежилась.

«Да, — подумал Бейли, — непрямой сговор был, в чем бы он ни заключался.» И Бейли сказал, слегка воспрянув духом:

— Я повторяю: не говорите ничего о докторе Фастольфе.

Но он не знал, сколько времени в его распоряжении: может быть, совсем мало.

Они сели в машину. Бейли снова сидел в середине и чувствовал давление с обеих сторон. Он был благодарен роботам за их неустанную заботу о нем, хоть они и были всего лишь машинами, неспособными не повиноваться инструкциям. Затем он подумал, что они не просто машины, они добрые машины в мире, где часто встречаются злые люди. А Дэниела он вообще не мог считать машиной.

Жискар спросил: — Я должен еще раз спросить, сэр, хорошо ли вы себя чувствуете?

— Вполне, Жискар. Я рад, что я здесь с вами обоими.

Небо в большей своей части побелело. Поднялся ветерок и стало заметно холоднее.

— Партнер Илайдж, — сказал Дэниел, — я внимательно слушал ваш разговор с доктором Василией. Я не хочу нелестно отзываться о словах доктора Василии, но должен сказать, что, по моим наблюдениям, доктор Фастольф добрый и вежливый человек. Насколько я знаю, он никогда не был намеренно жестоким и, насколько я могу судить, никогда не пожертвовал бы благом другого человека ради своего любопытства.

Бейли взглянул в лицо Дэниела, которое выражало искренность, и спросил: — Могли бы вы сказать что-то против доктора Фастольфа, если бы он в самом деле был жесток и бездушен?

— Я бы промолчал.

— По обязанности?

— Если бы, солгав, я повредил бы искренности доктора Василии, то есть вызвал бы несправедливые подозрения в ее правдивости, а если бы, промолчав, повредил бы доктору Фастольфу, то есть придал бы окраску справедливости обвинениям против него, и если бы тот и другой вред казались бы моему мозгу грубо равными по интенсивности, я должен был бы выбрать молчание. Вред через действие обычно превышает вред через пассивность.

— Значит, хотя Первый Закон говорит: «Робот

не мажет причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред», обе части закона не равны? Вина действия, вы говорите, больше, чем бездействия?

— Слова Закона — лишь приблизительное описание постоянных вариаций в позитронно-мотивированной силе мозговых путей робота, партнер Илайдж. Я не могу описать это математически, но знаю, каковы мои тенденции.

— И если вред грубо равен в обоих направлениях, всегда выбирается бездействие против действия?

— Как правило. И всегда выбирается правда против неправды, если вред грубо равен в обоих направлениях.

— И в данном случае, опровергая слова доктора Василии и тем нанося ей вред, вы можете поступать так, потому что Первый Закон достаточно смягчен тем фактом, что вы говорите правду?

— Да, партнер Илайдж.

— Однако же, если бы доктор Фастольф заранее проинструктировал вас солгать при необходимости, вы бы солгали и не признались бы в том, что вас так проинструктировали.

Помолчав, Дэниел ответил: — Да, партнер Илайдж.

— Это осложняет дело, Дэниел. Ну, а сами вы уверены, что доктор Фастольф не убивал Джандера?

— Насколько я его знаю, он говорит правду, и он вообще не стал бы вредить другу Джандеру.

— Но доктор Фастольф сам сообщил о сильном мотиве для совершения этого деяния, в то время как доктор Василия назвала совершенно другой мотив, такой же сильный и даже более некрасивый, чем первый. И если публика узнает о втором мотиве, все поверят в вину доктора Фастольфа.

Бейли неожиданно повернулся к Жискару: — А как вы, Жискар. Вы знаете доктора Фастольфа дольше, чем Дэниел. Вы согласны, на основании своего знания характера доктора Фастольфа, что он не мог разрушить Джандера?

— Согласен, сэр.

Бейли неуверенно посмотрел на робота. Он был менее совершенен, чем Дэниел. Насколько он правдив в этом подтверждении? Может, он просто следует за Дэниелом?

— Вы хорошо знали и доктора Василию?

— Она была много лет на моем попечении, сэр, и эта задача ни в коей мере не была мне тяжела.

— Хотя она и играла с вашей программой?

— Она делала это очень умело.

— Могла она соврать насчет доктора Фастольфа?

— Нет, сэр. Не могла.

— Значит, она сказала правду?

— Не совсем, сэр. Я бы сказал — она считает, что это правда.

— Почему же она так плохо думает о своем отце, если он хороший и добрый человек, как только что сказал Дэниел?

— Она была озлоблена различными событиями в юности. Она считала доктора Фастольфа ответственным за эти события, и он, пожалуй, действительно был невольным виновником их… в какой-то мере. Мне кажется, он не думал, что эти события будут иметь такие последствия, какие они имели. Но ведь человеческие существа не управляются прямонаправленными законами роботехники, поэтому трудно судить о сложностях их мотивации.

— Довольно справедливо, — заметил Бейли.

— Вы думаете, — спросил Жискар, — что продемонстрировать невиновность доктора Фастольфа — безнадежная задача?

Бейли свел брови: — Мажет быть. Я не вижу способа. А если Василия выступит, как угрожала…

— Но вы приказали ей молчать. Вы объяснили

ей, что это опасно для нее самой.

— Я блефовал. Я не знал, что сказать.

— Значит, вы намерены сдаться?

— Нет! — резко сказал Бейли. — Если бы дело было только в Фастольфе, я мог бы отказаться. В конце кондов, что ему будет? Роботоубийство, по-видимому, не преступление, а просто оскорбление общества. В худшем случае, он потеряет политическое влияние, на некоторое время вынужден будет прекратить научную работу. Мне жаль будет видеть это, но, раз уж я ничего не могу сделать, то не могу. И если бы дело было только во мне, я тоже мог бы отказаться. Это погубило бы мою репутацию, но кто мажет построить кирпичный дом без кирпича? *Я* вернулся бы на Землю слегка запятнанным, стал бы вести жалкую, деклассированную жизнь, но такое может случиться с любым землянином. Гораздо лучшие, чем я, люди несправедливо оказывались в таком положении. Все дело в Земле. Если меня постигает неудача, то, кроме горестных потерь Фастольфа и моих, конец всем надеждам народа Земли выйти в Галактику. Только поэтому я не должен потерпеть неудачу, я должен держаться, пока меня не выкинули с этой планеты.

Закончив почти шепотом, он вдруг посмотрел

вверх и раздраженно сказал: — Жискар, почему мы сидим здесь?

— Простите, сэр, но вы не сказали, куда ехать.

— А ведь и правда! Прошу простить меня, Жискар. Сначала отвезите меня к ближайшему общественному туалету. Вам обоим это ненужно, а меня уже подпирает. А потом найдите место, где я мог бы чего-нибудь поесть. Желудок требует пищи. А потом…

— Да, партнер Илайдж? — спросил Дэниел.

— По правде сказать, Дэниел, пока я и сам не знаю. Вот удовлетворю чисто физические нужды, тогда и придумаю что-нибудь.

Бейли очень хотелось бы верить в это.

Машина шла медленно и остановилась *у* небольшого строения.

— Это и есть общественный туалет?

— Да. Это ближайший.

— Он не занят сейчас?

— Возможно, но им могут пользоваться одновременно трое или четверо.

— Ладно, выпустите меня. *Я* пойду и посмотрю.

Роботы не двинулись. Жискар сказал:

— Мы не можем войти туда с вами, сэр.

— Да, я знаю.

— Мы не можем как следует охранять вас, сэр.

Бейли нахмурился. У Жискара, естественно, должен быть менее гибкий мозг, и Бейли вдруг осознал, что роботы могут просто не пустить его в туалет.

— Я не могу помочь этому, Жискар.

Он повернулся к Дэниелу, который должен был лучше понимать человеческие нужды. — Дэниел, у меня нет выбора в этом деле. Выпустите меня из машины.

Дэниел посмотрел на Бейли, не двигаясь, и на один страшный миг Бейли подумал, что робот посоветует ему облегчиться на открытом месте, словно он животное.

Помолчав, Дэниел сказал:

— Я думаю, мы должны позволить партнеру Илайджу пройти в туалет.

— Если вы чуть-чуть подождете, сэр, — сказал Жискар, — я подойду к зданию.

Бейли поморщился. Жискар обошел строение кругом. Бейли подумал, что, пока Жискар там ходит, потребности его, Бейли, могут возрасти. Он попытался отвлечься, поглядывая вокруг.

Жискар вернулся, и Бейли сказал едко:

— Все в порядке? Тогда даруйте мне разрешение…

Он осекся. Зачем изливать сарказм на непрони-

цаемую шкуру робота?

— Очень вероятно, что туалет не занят, сэр.

— Ну, и хорошо! Пропустите меня.

Бейли открыл дверцу и вышел на узкую гравийную дорожку. Дэниел шел за ним. Когда Бейли потянулся открыть дверь туалета, Дэниел молча показал ему на кнопку, которую следовало нажать. Сам Дэниел не дотронулся до нее. Видимо, это как бы указывало на намерение войти — но и намерение не позволялось. Бейли нажал кнопку и вошел, оставив роботов позади. Тут он обнаружил к своему неудовольствию, что он впервые отделен от своих защитников, и им непросто будет войти, если с ним что-нибудь случится. А что если он здесь не один? Вдруг Василия послала кого-то следить за ним? И Бейли внезапно вспомнил, что здесь, на Авроре, он полностью безоружен.

Он осмотрелся. Никого не было. Он был один. Оставалась дверь, в которую могли войти. У нее, естественно, не было никакой защелки, поскольку туалетом могли пользоваться несколько человек сразу. Но Бейли подумал, что роботы хотя бы задержат того, кто захочет войти.

Закончив свои неотложные дела, он повернулся к раковине, как вдруг услышал довольно

высокий и несколько напряженный голос:

— Вы Илайдж Бейли?

Бейли замер. Он не заметил, как кто-то вошел. Стареет он, что ли?

В голосе явно не было никакой угрозы. Да и Бейли был уверен, что, если не Жискар, то Дэниел не позволил бы угрозе войти.

Но ему был неприятен сам факт. За всю его жизнь к нему никогда не подходили и уж, конечно, не обращались в туалете. На Земле это было строжайшим табу. Бейли медленно повернулся. Мужчина среднего роста, в хорошо сшитом костюме разных оттенков голубого. Светлокожий, светловолосый, с небольшими усиками чуть темнее волос на голове. Бейли с удивлением уставился на эту полоску над губой: он ни разу не видел космонита с усами.

Бейли, полный стыда, что говорит в туалете, ответил:

— Да, я Илайдж Бейли.

Его голос даже ему самому показался скрипучим И неубедительным. Мужчина прищурился: — Роботы за дверью сказали, что Илайдж Бейли внутри, но вы вовсе не такой, каким выглядели в гиперволновике. Совсем не похожи.

«Опять эта дурацкая пьеса!» — злобно подумал

Бейли. «Наверно, до конца дней каждый встречный будет травить его этим замечанием. Никто не принимает его за обычного слабого человека, а заметив слабость, разочаровываются и смотрят на него, как на дурака.»

Он сердито повернулся к раковине, сполоснул руки и потряс ими в воздухе, не зная, как включить горячий воздух. Космонит коснулся контакта и как бы прямо из воздуха достал клок впитывающего пуха.

Приняв клок, Бейли сказал: — Спасибо! — и добавил: — В том шоу был не я, а актер.

— Я знаю, но могли бы подобрать кого-то более похожего на вас, верно? — Это, казалось, было для него источником горести. — Я хочу поговорить с вами.

— Как вы прошли мимо моих роботов?

По-видимому, это было вторым источником горести.

— Еле-еле прошел, — сказал космонит. — Они пытались остановить меня, а со мной был только один робот. Я уверял, что мне необходимо зайти сюда, и они обыскали меня. Они буквально ощупали меня, ища на мне чего-нибудь опасного. Я обвинил бы вас, не будь вы землянином. Вы не можете отдавать роботам такие приказы, кото-

рые задевают человека.

— Сожалею, — сказал Бейли, — но не я отдавал приказы. Что я могу сделать для вас?

— Я хочу поговорить с вами.

— Вы и так говорите со мной. Кто вы?

Поколебавшись, мужчина ответил: — Гремионис.

— Сантирикс Гремионис?

— Правильно.

— Почему вы хотите поговорить со мной?

Гремионис посмотрел на него с явным замешательством, затем пробормотал: — Ну, поскольку я здесь… если вы не возражаете… я бы…

Он шагнул к писсуарам. Бейли, потеряв последние остатки слабости, понял, что намерен сделать Гремионис, поспешно отвернулся и сказал:

— Я подожду вас снаружи.

— Нет, нет, не уходите! — с отчаянием почти взвизгнул Гремионис. — Одну минутку! Пожалуйста!

Теперь Бейли так же отчаянно хотел поговорить с Гремионисом; но не хотел сделать ничего такого, что могло бы обидеть Гремиониса и заставить его отказаться от разговора. Только потому он и согласился на эту просьбу. Когда Гремионис подошел к нему, сжимая в руках пушистый пух,

Бейли расслабился и повторил:

— Почему вы хотите поговорить со мной?

— Глэдия… солярианка…

Гремионис посмотрел с сомнением и замолчал.

— Я знаю Глэдию, — холодно сказал Бейли.

— Глэдия вызвала меня… по трехмерке… и сказала, что вы спрашивали ее обо мне. И она спросила меня, не сделал ли я каким-нибудь образом что-то плохое ее роботу — человекоподобному, вроде того, что стоит за дверью.

— Ну, и вы сделали, мистер Гремионис?

— Нет! Я даже не знал, что у нее есть такой робот, пока… Вы сказали ей, что я это сделал?

— Я только задаю вопросы, мистер Гремионис.

Гремионис сжал правый кулак, нервно потер им о левую ладонь и напряженно сказал: — Я не хочу, чтобы меня ложно обвиняли в чем-то, а тем более в том, что может испортить мои отношения с Глэдией.

— Как вы нашли меня?

— Она спросила меня насчет робота и сказала, что вы спрашивали про меня. Я слышал, что доктор Фастольф вызвал вас на Аврору, чтобы разобраться в этой путанице… насчет робота. Это было в гиперволновых известиях. И… — Слова

выходили из него с большим трудом.

— Дальше, — сказал Бейли.

— Я хотел поговорить с вами и объяснить, что я ничего не делал этому роботу. Ничего! Глэдия не знала, где вы, но я подумал, что доктор Фастольф знает…

— Вы вызвали его по трехмерке?

— Ох, нет, у меня не хватило духу — он такой важный ученый. Глэдия вызвала его для меня. Она… очень добрая. Он сказал ей, что вы поехали к его дочери, доктору Василии. Это было хорошо, потому что я ее знаю.

— Да, я знаю, что вы ее знаете.

— Откуда вы… Вы спрашивали и ее обо мне?

Его тревога, казалось, переросла в страдание.

— Я вызвал доктора Василию, и она сказала, что вы только что ушли, и я, возможно, найду вас в общественном туалете. Ну, я и пошел в ближайший от ее дома.

— Как же вы попали сюда так быстро?

— Я работаю в Институте Роботехники и живу на его территории. Мой скутер привез меня сюда за несколько минут.

— Вы приехали один?

— Да. Всего с одним роботом. Скутер, видите ли, двухместный.

— И ваш робот ждет снаружи?

— Да.

— Скажите мне еще раз, почему вы хотели видеть меня?

— Я хотел удостовериться, что вы не думаете, будто я что-то сделал тому роботу. Я даже не слышал о нем, пока все это не появилось в известиях. Ну, так я могу поговорить с вами сейчас?

— Да, но не здесь. Давайте выйдем.

Бейли подумал, до чего же странно, что он так охотно выходит из помещения Наружу. В этом туалете было что-то еще более чуждое, чем все, что окружало Бейли как на Авроре, так и на Солярии. Даже факт всепланетной беспорядочности был менее неприятен, чем ужас открытого и небрежного обращения к человеку в туалете — как можно было не видеть разницы между этим местом и его назначением и другими местами?

Книгофильмы ничего об этом не говорили, но Фастольф указывал, что они писались не для землян, а для аврорцев. А, собственно, зачем книгофильмы должны объяснять то, что каждый и так знает? Зачем говорить, что Аврора — шар, что вода мокрая и что один мужчина может спокойно заговорить с другим в туалете? Правда, Джесси не раз говорила ему, что в женском туалете женщи-

ны болтают о чем угодно и не чувствуют никакого дискомфорта. Почему женщинам можно, а мужчинам нельзя? Бейли никогда не задумывался над этим, а просто принимал это как твердый обычай… Но почему только для мужчин?

Но стоит ли думать об этих противных вещах?

Он повторил:

— Давайте выйдем.

— Но там ваши роботы, — запротестовал Гремионис.

— Ну, и что же?

— Но я хочу говорить с вами частным образом, как мужчина с мужчиной.

— Вы хотите сказать — как космонит с землянином?

— Да, если хотите.

— Мои роботы обязательно должны присутствовать. Они — мои партнеры по расследованию.

— Но то, что я хочу сказать вам, не имеет никакого отношения к расследованию.

— Об этом буду судить я, — твердо сказал Бейли и вышел.

Гремионис поколебался, но пошел за ним.

Жискар и Дэниел ждали, бесстрастные, терпеливые. Ждал и третий робот, видимо, робот Гремиониса. По виду он был даже проще Жискара

и имел довольно потрепанный вид. Очевидно, Гремионис жил не слишком богато.

— *Я* рад, что вы в порядке, партнер Илайдж, — сказал Дэниел.

— Вполне. Однако кое-чем интересуюсь. Если бы вы услышали мой тревожный зов, вы вошли бы туда?

— Сразу же, сэр, — сказал Жискар.

— Хотя запрограммированы не входить?

— Необходимость защищать человека, в особенности вас, перевешивает, сэр.

— Именно так, — подтвердил Дэниел.

— Рад слышать. Эта особа — Сантирикс Гремионис. Мистер Гремионис, это Дэниел, а это Жискар.

Оба робота церемонно поклонились. Гремионис быстро взглянул на них и поднял руку в безразличном приветствии. Своего робота он не потрудился представить.

Бейли поглядел вокруг, свет потускнел, усилился ветер, стало холоднее, солнце полностью скрылось за облаками. Но окружающее уныние не подействовало на Бейли: он радовался, что ушел из туалета. Он сам поразился, что чувствует удовольствие от пребывания Снаружи. Конечно, тут был особый случай, но все-таки это начало,

и он рассматривал это как хорошее предзнаменование.

Бейли повернулся к Гремионису, решившись на разговор, и вдруг увидел женщину в сопровождении робота. Она явно направлялась в туалет.

— Неужели она не знает, что это мужской туалет?

— Что? — спросил Гремионис?

Бейли в явном замешательстве смотрел, как робот остановился, а женщина вошла в строение.

— Она же не может входить туда!

— Почему? — спросил Гремионис. — Это общественный туалет.

— Для мужчин.

— Для людей, — ответил Гремионис.

Казалось, он совсем был сбит с толку.

— Для обоих полов? Не может быть!

— Для всех. А как по-вашему? Я не понимаю.

Бейли отвернулся. Всего несколько минут назад он думал, что разговор в туалете — это дурной вкус, то, чего не делают. Ему не приходило в голову худшее: возможность встретить там женщину. Он даже не мог предугадать своей реакции на подобную встречу, и мысль об этом показалась ему нестерпимой. Об этом книгофильмы тоже не говорили. Он смотрел те фильмы, чтобы не

подойти к расследованию в полном неведении относительно образа жизни Авроры, во таки остался в полном неведении. Как же ему распутать этот узел смерти Джандера, если он теряется в незнании на каждом шагу? Минуту назад он радовался своей маленькой победе над ужасами Снаружи, а теперь почувствовал, что не знает ничего, не знает даже природы своего незнания. И сейчас, не в силах отогнать образ женщины, входящей туда, где он только что был, он пришел в отчаяние.

Жискар спросил, и в его словах, если не в тоне, слышалось участие:

— Вам нехорошо, сэр? Не нужна ли помощь?

— Нет, нет, — пробормотал Бейли. — Все в порядке. Но давайте уйдем с дороги.

Он быстро пошел к машине. Тут же стоял маленький двухместный экипаж с двумя сиденьями — одно за другим. Это и был скутер Гремиониса.

Бейли осознал, что его депрессия усилена чувством голода. Время ленча давно прошло, а он ничего не ел. Он повернулся к Гремионису: — Давайте поговорим, только, если не возражаете за ленчем. Конечно, если вы еще не ели и не против поесть со мной.

— Где вы намерены есть?

— Не знаю. Где здесь едят?

— В общественной столовой. Но там мы не сможем разговаривать.

— Альтернатива есть?

— Поедем ко мне, — быстро сказал Гремионис. — Дом у меня не бог весть какой, я не из больших начальников, но все-таки я имею несколько роботов, и мы получим приличную еду, уверяю вас. Я поеду с Бронджи, моим роботом, на скутере, а вы следом. Вам придется ехать медленно, но я живу всего в километре отсюда. Через две-три минуты мы приедем.

Он отошел. Бейли следил за ним, и ему казалось, что в Гремионисе какая-то юношеская нескладность. Конечно, судить о его годах было трудно: космониты не показывают возраста, и Гремионису вполне могло быть не меньше пятидесяти. Но он действовал как юноша, во всяком случае, так показалось бы любому землянину. Бейли не вполне понимал, что именно в Гремионисе создает такое впечатление. Бейли повернулся к Дэниелу:

— Вы знаете Гремиониса, Дэниел?

— Я его никогда не видел.

— А вы, Жискар?

— Однажды видел его, сэр, но мельком.

— Вы что-нибудь о нем знаете?

— Ничего, кроме того, что лежит на поверхности, сэр.

— Не знаете, сколько ему лет?

— Нет, сэр.

Гремионис крикнул: — Готовы?

Скутер его жужжал. Ясно было, что в воздух он не прыгал. Его колеса не должны отрываться от поверхности. Бронджи сел позади Гремиониса.

Жискар, Дэниел и Бейли сели в свою машину. Гремионис двинулся в путь. Ветер отнес назад его волосы, и Бейли подумал, как, наверное, чувствуется ветер, когда едешь в такой открытой машине, как скутер. Он радовался, что плотно закрыт в своей машине, которая вдруг показалась ему куда более цивилизованным способом путешествия. Гремионис махнул рукой, призывая ехать за ним. Робот, сидящий позади, сохранял равновесие и не держался за талию Гремиониса, как, по мнению Бейли, обязательно держался бы человек.

Машина с некоторым трудом поддерживала небольшую скорость, чтобы не сбить скутер.

— Одна вещь смущает меня, — задумчиво сказал Бейли.

— Какая? — спросил Дэниел.

— Василия пренебрежительно назвала его «брадобреем». Видимо, он имеет дело с прическами, одеждой и прочими личными украшениями людей. Почему же он живет на территории Института Роботехники?

Через несколько минут Бейли оказался в четвертом по счету аврорском доме. Дом этот выглядел меньше и неряшливее других, хотя, на неискушенный в аврорских делах взгляд Бейли, имел признаки недавней постройки. Отличительный признак аврорских домов, ниши для роботов, конечно, наличествовал. Жискар и Дэниел быстро заняли свободные ниши и молча замерли там. Почти так же быстро Бронджи занял третью нишу. Бейли удивлялся, как роботы избегают столкновений при выборе ниши. Надо будет спросить об этом Дэниела.

Гремионис тоже оглядел ниши, провел пальцем по усикам и сказал чуточку неуверенно:
— Ваш человекоподобный робот, наверное, не должен быть в нише. Это ведь Дэниел Оливо, робот доктора Фастольфа?

— Да, — ответил Бейли. — Он тоже был в фильме. По крайней мере, актер был и сыграл свою роль хорошо.

— Да, я помню.

Бейли заметил, что Гремионис, как Василия, Глэдия и даже Фастольф, держался в некотором отдалении. Существовало как бы отталкивающее поле, невидимое и неощутимое, вокруг Бейли, оно не позволяло космонитам приближаться к нему, и они, проходя мимо, делали легкую кривую. Интересно, сознавал ли это Гремионис, или это выходило автоматически? А что они сделают со стульями, на которых он сидел в их домах, с тарелками, из которых он ел, с полотенцами, которыми он пользовался? Просто вымоют или как-нибудь простерилизуют? Может, выбросят? А как насчет общественного туалета? Сломают и выстроят новый?

Он осознал, что ударился в глупость. Что и как делают аврорцы — это их дело, ему нечего ломать голову. О, дьявол! У него своих проблем хватает. Вот и сейчас эта заноза — Гремионис, он примется за него после ленча.

Ленч был довольно простой, в основном растительный, но Бейли впервые слегка забеспокоился. Каждое блюдо имело слишком резкий вкус. Морковь имела какой-то подчеркнутый вкус моркови, горох — гороха. Везде чуть лишнего. Бейли ел не очень охотно, стараясь скрыть легкую тошноту. Затем он обнаружил, что начинает

привыкать к аврорской пище, и даже опечалился: когда он вернется на Землю, ему будет не хватать этих вкусовых тонкостей. Но возможно, когда земляне обоснуются на других планетах, эта пища, приготовленная по-космонитски, будет эталоном новой диеты, особенно, если у них не будет роботов, готовящих и подающих еду. И тут он с неудовольствием подумал, что не когда, а если земляне обоснуются на новых планетах. И это если целиком зависит от него, детектива Илайджа Бейли. Груз этого давил на него.

Еда кончилась. Робот принес влажные салфетки для вытирания рук. Салфетки оказались необычными: когда Бейли положил свою на тарелку, салфетка стала утончаться до паутины, затем поднялась вверх и исчезла в отдушине на потолке. Бейли чуть не подскочил от удивления и, раскрыв рот, следил за ее исчезновением.

— Это новинка, которую я только что приобрел, — сказал Гремионис, — но не пойму, нравится она мне или нет. Некоторые говорят, что это будет засорять отдушину, и грязь, в конце концов, попадет в наши легкие, производитель, конечно, ничего не говорит, но…

Бейли спросил несколько ворчливо:

— Вы парикмахер, мистер Гремионис?

— Кто вам это сказал?

— Извините, если так называть вашу профессию невежливо. На Земле так обычно говорят, и это никого не обижает.

— Я дизайнер по прическам и одежде. Это признанная отрасль искусства. Я, в сущности, артист, художник.

Его палец снова прошелся по усам.

Бейли сказал серьезно:

— Я обратил внимание на ваши усы. Это обычно на Авроре?

— Нет. Надеюсь, что будет. Многие мужские лица можно усилить и улучшить искусным дизайном лицевых волос, и такой дизайн — часть моей профессии. На планете Паллас лицевые волосы обычны, но там их красят. Каждый волос красится отдельно в разный цвет, чтобы получилась смесь. Но это глупость. Краски со временем изменяются, и усы выглядят ужасно. Но все-таки это лучше, чем лицевая лысина. Голое лицо крайне непривлекательно. Эту фразу я сам придумал и пользуюсь ею в разговоре с потенциальным клиентом. Она действует весьма эффективно. Женщины могут обойтись без лицевых волос, поскольку пользуются гримом. На планете…

Его быстрая спокойная речь действовала гип-

нотически, так же как и его манера смотреть с подкупающей искренностью. Бейли пришлось почти физически встряхнуться.

— Вы — роботехник? — спросил он.

Гремионис выглядел испуганным и чуточку смущенным тем, что его прервали на полуслове.

— Нет, отнюдь. Я пользуюсь роботами, как все, но не знаю, что у них внутри. Меня это и не интересует.

— Но вы живете на территории Института Роботехники.

— А почему мне не жить тут?

— Если вы не роботехник…

Гремионис сделал гримасу.

— Это же глупо! Когда Институт еще только проектировался, здесь предполагалось автономное общество. Собственный транспорт, свои мастерские для его ремонта, свои роботы для работы в мастерских, свои врачи, свои строители. Персонал живет здесь, и если он хочет иметь личного художника, то вот Сантирикс Гремионис живет тоже здесь. Разве у меня плохая профессия, и я не должен жить здесь?

— Я этого не говорил.

Гремионис отвернулся, все еще чувствуя обиду, и нажал кнопку, а затем, изучив многоцветную

четырехугольную полосу, щелкнул пальцами. С потолка спустился шар и повис в метре от их голов, затем раскрылся, как дольки апельсина, и внутри его заиграли краски, послышалась музыка. То и другое смешивалось так искусно, что ошеломленный Бейли скоро перестал отличать цвет от звука. Окна затемнились, сегменты стали ярче.

— Не слишком ярко? — спросил Гремионис.

— Нет, — поколебавшись, ответил Бейли.

— Это для фона. Я подобрал мягкую комбинацию, чтобы легче было разговаривать в цивилизованной манере.

Затем он быстро добавил: — Перейдем к делу?

Бейли отвел таза от этой штуки — Гремионис не назвал ее — с некоторым усилием и сказал:

— Да, если позволите.

— Вы обвинили меня в том, что я что-то сделал, что привело к гибели этого робота Джандера.

— Я расследую обстоятельства его гибели.

— Но в связи с этим вы упомянули меня. И вы только что спросили, не роботехник ли я. Я понимаю, что у вас на уме: вы пытаетесь приписать мне какие-то знания роботехники и построить дело против меня как… как приканчивателя робота.

— Могли бы сказать — убийцы.

— Робота нельзя убить. Но в любом случае, я не приканчивал его, не убивал: назовите, как хотите. Я вам сказал: я не роботехник. Я ничего не знаю о роботах. Как вы могли даже подумать…

— Я должен расследовать все связи, мистер Гремионис. Джандер принадлежал Глэдии, а вы дружны с ней. Вот связь.

— У нее может быть куча друзей. Какая же это связь?

— Вы утверждаете, что никогда не видели Джандера, бывая у Глэдии?

— Нет, ни разу!

— Вы не знали, что у нее есть человекоподобный робот?

— Нет!

— Она никогда не упоминала о нем?

— У нее полон дом роботов. Самых обычных. Она никогда не говорила, что имеет что-то еще.

— Прекрасно. У меня нет причин, пока, предполагать, что это неправда.

— Тогда скажите это Глэдии. Вот из-за этого я и хотел вас видеть. Просить вас об этом. Настаивать.

— Разве у Глэдии есть причины думать иначе?

— Конечно. Вы отравили ее мысли. Вы спра-

шивали ее обо мне в связи с этим делом, и она решила... она не уверена... Во всяком случае, она вызвала меня сегодня утром и спросила, не сделал ли я что-нибудь с роботом. Я говорил вам.

— Вы отрицали?

— Ясное дело! Отрицал со всей убедительностью, потому что я и в самом деле ничего такого не делал. Но я не могу ее убедить, и хочу, чтобы это сделали вы. Скажите ей, что, по вашему мнению, я здесь ни при чем. Вы должны сказать ей это, потому что не можете без всяких причин портить мою репутацию. Я сообщу о вас.

— Кому?.

— Комитету Личной Защиты. В Совет. Глава Института — близкий друг самого Председателя, и я уже делал ему полный отчет об этом деле. Я не стал ждать, понимаете. Я стал действовать.

Гремионис потряс головой, как бы показывая свою решительность, но, судя по мягкости лица, делал это без большого убеждения. — Видите ли, здесь не Земля. Мы здесь защищены. Это у вас, с вашей перенаселенностью, люди живут в ульях, в муравейниках. Вы толкаете друг друга, душите друг друга, и это у вас в порядке вещей. Одна жизнь или миллион — какая разница?

— Вы явно читали исторические романы, — ска-

зал Бейли, стараясь не показать недовольства.

— Конечно, читал, и там написано так, как оно есть. Иначе и не может быть на планете с миллиардами жителей. А на Авроре ценится каждая жизнь. Физически нас защищают наши роботы, поэтому у нас никогда не бывает нападений и убийств.

— Если не считать убийства Джандера.

— Это не убийство. Джандер всего лишь робот. А от вреда большего, чем нападение, нас защищает Совет. Комитет Личной Защиты очень косо смотрит на любое действие, которое несправедливо марает репутацию или общественное положение отдельного гражданина. Аврорец, действуя как вы, имел бы серьезные неприятности. А что касается землянина…

— Я приехал для расследования, полагаю, по приглашению Совета. Не думаю, что доктор Фастольф привез меня сюда без разрешения Совета.

— Возможно, но это не дает вам право переходить границы честного расследования.

— И вы намерены заявить это в Совете?

— Я намерен пойти к главе Института…

— Как его зовут, кстати?

— Келдин Амадейро. Я попрошу его рассказать

об этом в Совете. Он член Совета, лидер глобалистской партии. Так что для вас лучше сказать Глэдии, что я абсолютно не виновен.

— Я бы хотел этого, мистер Гремионис, поскольку предполагаю, что вы и в самом деле невиновны, но как я могу сменить предположение на уверенность, если вы не позволяете мне задать вам кое-какие вопросы?

Гремионис заколебался, а затем с некоторым вызовом откинулся на спинку стула, заложив руки за голову.

— Спрашивайте. Мне нечего скрывать. А потом вы вызовете Глэдию прямо по моему трехмерному передатчику и скажете ей, иначе у вас будут большие неприятности.

— Понятно. Но сначала скажите: давно ли вы знакомы с доктором Василией?

Гремионис помялся и сказал напряженно:

— Почему вы об этом спрашиваете? При чем тут это?

Бейли вздохнул, и его унылое лицо стало еще печальнее.

— Напомню вам, мистер Гремионис, что вам нечего скрывать и что вы хотите убедить меня в своей невиновности, а я, в свою очередь, должен убедить в этом Глэдию. Так что скажите, давно

ли вы знакомы с доктором Василией. Если не знакомы, так и скажите… но с моей стороны честно будет сказать вам: доктор Василия утверждает, что вы знаете ее и знаете настолько хорошо, что предлагали себя ей.

Гремионис скорбным и дрожащим голосом сказал:

— Не знаю, почему люди делают из этого что-то особенное. Предложить — дело вполне естественное и никого другого не касается. Вы землянин, вот вы и поднимаете шум вокруг этого.

— Как я понял, она не приняла вашего предложения.

— Принять или отказать — целиком ее дело. Были такие, что предлагали себя мне, а я отказывал. Подумаешь, какая важность.

— Ну, ладно. Давно вы знакомы с ней?

— Лет пятнадцать.

— Вы знали ее, когда она жила у доктора Фастольфа?

— Тогда я был мальчишкой, — покраснев, сказал Гремионис.

— Как вы с ней познакомились?

— Когда *я* закончил обучение как личный художник, меня пригласили сделать дизайн ее гардероба. Ей понравилось, и она стала поль-

зоваться моими услугами — исключительно в смысле одежды.

— Не по ее ли рекомендации вы получили свое положение официального личного художника для членов Института?

— Она признавала мою квалификацию. Меня проверили другие, и я добился положения согласно моим достоинствам.

— Она рекомендовала вас?

— Да, — неохотно признал Гремионис.

— И вы только из благодарности предложили ей себя?

Гремионис скорчил гримасу: — Это отвратительно! Только землянин мог подумать такое. Мое предложение означало только, что мне было приятно его сделать.

— Из-за того, что она привлекательна и сердечна?

— Ну, — нерешительно сказал Гремионис, — я бы не сказал, что она сердечна. Но, конечно, привлекательна.

— Мне сказали, что вы предлагаете себя всем без разбора.

— Это вранье. Кто это сказал?

— Не знаю, стоит ли мне отвечать на этот вопрос. Как вы думаете, если я стану ссылаться на

вас как на источник некрасивой информации, вы будете со мной откровенны?

— Ну, ладно, кто бы ни сказал — он соврал.

— Может, это было просто драматическое преувеличение. Вы многим предлагали себя до доктора Василии?

Гремионис отвел глаза.

— Одной или двум. Ничего серьезного.

— А доктор Василия была для вас чем-то серьезным?

— Ну…

— Как я понял, вы предлагали ей себя несколько раз, что полностью противоречит аврорским обычаям.

— Ох, аврорские обычаи… — яростно начал Гремионис. — Послушайте, мистер Бейли, могу я говорить с вами конфиденциально?

— Да. Все мои вопросы имеют целью уверить меня, что вы не имеете отношения к смерти Джандера. Как только я буду удовлетворен, можете быть уверены, что я сохраню в тайне все ваши замечания.

— Вот и хорошо. Тут нет ничего плохого, ничего такого, чего я бы стыдился. Просто у меня было сильное тайное чувство, и я имею на него право, верно?

— Абсолютно верно.

— Видите ли, у меня ощущение, что секс всего лучше, когда между партнерами глубокая любовь или привязанность.

— Я думаю, что это совершенно правильно.

— И тогда не нужно никого другого, как вы думаете?

— Вполне вероятно.

— Я всегда мечтал найти отличную партнершу и больше не искать никого. Это называют моногамией. На Авроре она не существует, но на некоторых других планетах есть. И на Земле тоже, мистер Бейли?

— В теории, мистер Гремионис.

— Вот этого я и хочу. Я искал несколько лет. Время от времени я занимался сексом и, я бы сказал, чего-то не хватало. Затем я встретил доктора Василию, и она сказала мне… знаете, люди часто откровенны со своими личными художниками, потому что это очень личная работа…

— Ну, ну, продолжайте.

Гремионис облизал губы.

— Если то, что я скажу, выйдет наружу — я пропал. Она сделает все, чтобы я не получал больше заказов. Вы уверены, что все это относится к делу?

— Уверяю вас, что оно может оказаться исключительно важным.

— Ну… — Гремионис не выглядел полностью убежденным — из кусочков того, что рассказывала мне доктор Василия, я собрал факт, что она… — его голос упал до шепота: — Она — девственница.

— Понятно, — спокойно сказал Бейли. Он вспомнил, что, по уверению Василии, отказ отца искалечил ей жизнь, и лучше понял ее ненависть к отцу.

— Это возбудило меня. Мне казалось, что я мог бы иметь ее для себя одного и сам не хотел бы никого другого. Не могу объяснить, как много это значило для меня. Это сделало ее в моих глазах сияюще-прекрасной, и я в самом деле очень хотел ее.

— И вы предложили ей себя?

— Да.

— И не один раз. Вас не обескураживал её отказ?

— Это как раз подтверждало ее девственность и заставляло меня желать ее еще больше. Меня как раз и Возбуждало, что этого нелегко добиться. Я не могу объяснить, но надеюсь, что вы понимаете.

— Да, прекрасно понимаю. Но наступило вре-

мя, когда вы перестали предлагать себя доктору Василии?

— Да.

— И начали предлагать себя Глэдии?

— Да.

— Неоднократно.

— Да.

— Почему такая перемена?

— Доктор Василия в конце концов дала ясно понять, что у меня нет никаких шансов, затем появилась Глэдия, а она очень похожа на доктора Василию, и… и… Так оно и случилось.

— Но Глэдия не девственница. Она была замужем на Солярии, и здесь, на Авроре, как я слышал, экспериментировала довольно широко.

— Это я знал, но она… прекратила. Она ведь солярианка и плохо понимает аврорские обычаи. Но она прекратила, потому что ей не нравится, как она говорит «неразборчивость».

— Она сама говорила вам это?

— Да. На Солярии принята моногамия. Глэдия не была счастлива в браке, но она привыкла к этому обычаю и не нашла радостей в аврорской манере, когда познакомилась с ней, да и в моногамии, которой я хочу — тоже. Вы понимаете?

— Да. Но как вы встретились с ней впервые?

— Просто увидел. Когда она приехала на Аврору, романтическая беженка с Солярии, это показывалось по гиперволновой программе. И она участвовала в этом фильме…

— Да, да. Но ведь было что-то еще?

— Не понимаю, чего вы еще хотите.

— Ну, попробую догадаться. Когда доктор Василия отказала вам навсегда, она не намекнула вам на альтернативу для вас?

Гремионис закричал, неожиданно вспылив:

— Василия сказала вам это?

— Не такими словами, но я думаю, что случилось именно так. Не говорила ли она вам, что было бы полезно посмотреть на новоприбывшую молодую леди с Солярии, которая стала подопечной доктора Фастольфа? Не говорила ли вам доктор Василия, что по общему мнению, эта молодая леди очень похожа на нее, только моложе и сердечнее? Короче говоря, не советовала ли вам доктор Василия переключить внимание с нее на Глэдию?

Гремионис явно страдал. Он посмотрел в глаза Бейли и отвел взгляд. Тут Бейли впервые увидел в глазах космонита страх. Он покачал головой. Не следует радоваться тому, что напугал космонита. Это может повредить его объективности.

— Ну? — сказал он. — Я прав?

Гремионис тихо сказал:

— Значит, тот фильм не преувеличивал. Вы читаете мысли?

— Я просто спросил, — спокойно сказал Бейли, — а вы не ответили прямо. Прав я или нет?

— Это произошло не совсем так. Она говорила о Глэдии, но… Он прикусил губу и вдруг выпалил: — Ну, в общем это равносильно тому, что вы сказали. Вы точно описали все.

— И вы не были разочарованы? Вы нашли, что Глэдия действительно похожа на Василию?

— В какой-то мере — да, — сказал Гремионис, — но не по-настоящему. Если их поставить рядом, сразу увидишь разницу. Глэдия гораздо деликатнее, любезнее и веселее.

— Вы предлагали себя Василии после того, как встретили Глэдию?

— Вы что, спятили? Конечно, нет.

— Но Глэдии предлагали?

— Да.

— И она отказала?

— Да.

— И вы предлагали снова и снова. Сколько раз?

— Я не считал. Четыре раза. Ну, пять. А может,

больше.

— И каждый раз она отказывала?

— Да. А что, я не должен был предлагать снова?

— Она отказывала сердито?

— Нет, это не в ее характере. Очень ласково.

— Вы предлагали себя еще кому-нибудь?

— Что?

— Ну, коль скоро Глэдия вам отказывала, естественная реакция — предложить себя кому-нибудь другому. Раз Глэдия не хочет вас…

— Нет. Я не хочу никого другого.

— А почему, как вы думаете?

Гремионис энергично ответил:

— Откуда я знаю? Я хочу Глэдию. Это вроде безумия, но, я думаю, лучший вид его. Я был бы сумасшедшим, если не было бы этого рода безумия. Вряд ли вы это поймете.

— А вы пробовали объяснить это Глэдии? Она поняла бы.

— Нет. Я расстроил и смутил бы ее. О таких вещах нельзя говорить. Мне следовало повидаться с психиатром.

— И вы виделись?

— Нет.

— Почему?

Гремионис нахмурился: — У вас манера задавать самые невежливые вопросы, землянин.

— Наверное, потому что я землянин и лучше не умею. Но я также детектив и должен знать эти вещи. Почему вы не были у психиатра?

Гремионис вдруг засмеялся: — Скажу. Лечение было бы большим безумием, чем болезнь. Я лучше буду с Глэдией, которая отказывает мне, чем с любой другой, которая примет меня. Представьте себе, что у вас вывих в мозгу, и вы хотите, чтобы мозг так и оставался вывихнутым. Любой психиатр крепко взялся бы за меня.

Бейли подумал и спросил: — Вы не знаете, доктор Василия не психиатр в какой-то мере?

— Она роботехник. Говорят, это близкое дело. Если знаешь, как работает робот, то это намек на то, как работает человеческий мозг. Так, по крайней мере, говорят.

— Вам не приходило в голову, что Василия знает о вашем странном чувстве по отношению к Глэдии?

Гремионис напрягся: — Я никогда не говорил ей. Во всяком случае, в таких выражениях.

— А разве она не могла понять ваши чувства, не спрашивая? Она знала, что вы неоднократно предлагали себя Глэдии?

— Ну… она спрашивала, каковы мои успехи. Мы ведь очень давно знакомы. Я должен был что-то сказать. Но ничего интимного.

— Вы уверены, что ничего интимного? Она наверняка поощряла вас продолжать предложения.

— Знаете, когда вы сказали это, я, кажется, вижу все в новом свете. Не понимаю, как вы ухитрились вложить это в мою голову. Теперь мне кажется, что она действительно поощряла меня. Она активно поддерживала мою дружбу с Глэдией.

Ему было явно не по себе. — Мне это никогда не приходило в голову.

— Как вы думаете, почему она поощряла вас повторять предложения Глэдии?

— Я полагаю, она хотела избавиться от меня. Хотела быть уверенной, что я больше не буду надоедать ей.

Он хихикнул: — Хорошенький комплимент мне, верно?

— Доктор Василия перестала относиться к вам дружески?

— Наоборот. Она стала более дружелюбной.

— Она не пыталась посоветовать вам, как добиться успеха у Глэдии? Скажем, показать больше

интереса к работе Глэдии?

— Нет. Работа Глэдии и моя очень близки. Мы оба дизайнеры, художники, только я работаю на людей, а она на роботов. Это, понимаете, сближает. Иногда мы даже помогаем друг другу. Когда я не предлагаю и не получаю отказы, мы добрые друзья. И, если подумать, это очень много.

— Доктор Василия не советовала вам поинтересоваться работой доктора Фастольфа?

— С какой стати ей советовать такое? Я ничего не знаю о его работе.

— Может быть, Глэдия интересовалась, и это возможность для вас войти к ней в доверие?

Гремионис сузил глаза, вскочил с почти взрывной силой, прошел в другой конец комнаты, вернулся и остановился перед Бейли.

— По-слу-шай-те! Я не самый умный человек на планете, но я и не полный идиот. Я вижу, куда вы клоните!

— Да?

— Вы добиваетесь моего признания, что доктор Василия заставила меня влюбиться… — Он помолчал и с неожиданным удивлением проговорил: — И я влюбился, как в исторических романах. А раз я влюблен, я мог бы узнать от доктора Фастольфа, как обездвижить этого робота,

Джандера.

— Но вы не думаете, что это так?

— Нет! — закричал Гремионис. — Я ничего не понимаю в роботехнике. Ничего! Как бы мне ни объясняли ее, я все равно не пойму. И не думаю, чтобы Глэдия понимала. Кстати, я никогда ни с кем не разговаривал о роботехнике. И никто ничего не намекал мне насчет нее. И доктор Василия ничего такого не советовала. Ваша насквозь гнилая теория не сработала. Забудьте о ней!

Он снова сел, сложил руки на груди и крепко сжал губы.

Если взрыв Гремиониса нарушил линию атаки Бейли, то он ничем не показал этого.

— Я понимаю вас. Но все-таки вы часто виделись с Глэдией?

— Да.

— Вы повторяли свои предложения, и она не обижалась, а ее постоянные отказы не обижали вас?

Гремионис пожал плечами: — Я предлагал вежливо. Она отказывала мягко. На что же обижаться?

— Как вы проводили время вдвоем? Секс исключался, о роботехнике вы не разговаривали. Что вы делали?

— Разве в дружбе нет больше ничего, кроме секса и роботехники? Нам было что делать. Во-первых, разговаривали. Она очень интересовалась Авророй, и я рассказывал. А она рассказывала мне о Солярии. Это адская дыра. Я скорее предпочел бы жить на Земле… не в обиду вам будь сказано. И еще ее покойный муж. Дрянной у него был характер. У бедной Глэдии была тяжелая жизнь… Мы ходили на концерты, я водил ее в Институт Искусства, и мы работали вместе, как я уже говорил вам над ее и моими дизайнами. Честно говоря, я не думаю, что работа на роботов хорошо оплачивается, но у каждого, знаете ли, свое мнение. Ее, кажется, забавляло, когда я объяснял ей, почему важно правильно стричь волосы. У нее-то волосы не совсем в порядке. Но большей частью мы гуляли.

— Куда вы ходили?

— Никуда специально. Просто гуляли. У нее такая привычка, потому что она воспитывалась на Солярии. Вы ведь были там? Там громадные поместья на одного-двух человек, не считая роботов. Можно пройти целые мили и никого не встретить, и Глэдия говорила — словно вся планета твоя. На Авроре такое ощущение у нее утратилось.

— Вы хотите сказать, что она хотела быть собственницей планеты?

— Глэдия? Конечно, нет! Она говорила только, что утратила ощущение быть наедине с природой. Сам я этого не понимаю, и подсмеивался над ней. Конечно, солярианские ощущения нельзя перенести на Аврору. Очень много народу, особенно в городском районе Эос, а робота не запрограммированы держаться вне поля зрения, как на Солярии. В сущности, все аврорцы ходят вместе с роботами. Ну, я знаю несколько очень приятных дорог, где не очень много народу, и Глэдия радовалась.

— И вы тоже?

— Только потому, что был с Глэдией. Аврорцы тоже много гуляют, но я, должен признаться, не любитель. Сначала у меня протестовали мышцы, и доктор Василия смеялась надо мной.

— Она знала, что вы ходите на прогулки?

— Да, я однажды пришел, хромая, пришлось объяснить. Она смеялась и говорила, что это хорошая идея и лучший способ уговорить ходока принять предложение — это ходить вместе. «Держитесь, — говорила она, — и она отменит свой отказ и сама предложит себя». Этого, правда, не произошло, но постепенно я и сам полюбил

прогулки.

Он, похоже, преодолел свою вспышку злости и теперь был в хорошем настроении. Он даже улыбался, видимо, вспоминая прогулки. И Бейли улыбался в ответ.

— Итак, Василия знала, что прогулки продолжаются.

— Полагаю, что да. Я начал брать выходные и в среду и в четверг, потому что это соответствовало выбранному Глэдией графику, и доктор Василия иногда шутила над моими прогулками, когда я приносил ей какие-нибудь эскизы.

— Доктор Василия никогда не присоединялась к прогулкам?

— Конечно, нет.

— Я думаю, вас сопровождали роботы?

— Ясное дело. Один мой, один Глэдии. Но они шли стороной, а не по пятам — по аврорской привычке, как говорила Глэдия. Она хотела солярианского уединения. Я вынужден был согласиться, хотя сначала у меня болела шея — я вертел ею, чтобы видеть, со мной ли Бронджи.

— А какой робот сопровождал Глэдию?

— Не всегда один и тот же. И он держался в стороне, так что я не вступал с ним в разговор.

— А как насчет Джандера? Он когда-нибудь

ходил? В этом случае вы бы его запомнили?

— Человекоподобного? Конечно, запомнил бы. Но он никогда не ходил с нами. Я думаю, она считала его слишком ценным для таких обязанностей, какие выполнит любой обычный робот.

— Вы тоже так считали?

— Это ее робот. Мне нет до него дела.

— Вы ни разу не видели его?

— Нет.

— И она ничего о нем не говорила?

— Не помню такого случая.

— Вас это не удивляло?

— Нет Зачем говорить о роботах?

Бейли пристально взглянул в лицо Гремиониса:

— Вы никогда не задумывались об отношениях Глэдии и Джандера?

— Вы хотите сказать, что между ними был секс?

— Вы были бы удивлены?

— Такое бывает, — флегматично сказал Гремионис. — Ничего особенного. Человек может иногда пользоваться роботом, если захочет. А человекоподобный робот, наверное, полностью человекоподобен.

— Полностью.

— Ну, тогда женщине трудно устоять.

— Но перед *вами* она устояла. Разве вам не досадно, что она предпочла вам робота?

— Ну, если так было — а я не уверен, что это правда — горевать не о чем. Робот есть робот. Женщина с роботом ил и мужчин а с роботом — это просто мастурбация.

— Вы честно не знали об этих отношениях? И не подозревали?

— Даже мысли такой не было.

— Не знали, или знали, но не обращали внимания?

Гремионис нахмурился: — Опять вы напираете. Чего вы от меня хотите? Вот вы сейчас вбили мне это в голову и напираете, и мне начинает казаться, что я, может, задумывался о чем-то таком. Но я ничего этого не чувствовал, пока вы не начал и задавать вопросы.

— Вы уверены?

— Уверен, Не изводите меня.

— Я вас не извожу. Просто я хотел бы знать: если вы знали, что Глэдия регулярно занимается сексом с Джандером, и знали, что она никогда не возьмет вас в любовники, возможно ли, чтобы вы не хотели устранить Джандера, к которому ревновали…

В этот миг Гремионис распрямился, как пру-

жина, и бросился на Бейли с громким нечленораздельным криком. Бейли инстинктивно откинулся назад и упал вместе со стулом.

Сильные руки тотчас подняли его. Бейли понял, что это руки робота. Как легко забыть о них, когда они неподвижно и молча стоят в нишах. Однако, это был не Дэниел и не Жискар, а Бронджи, робот Гремиониса.

— Сэр, — сказал Бронджи несколько неестественным голосом, — я надеюсь, что вы не ушиблись.

Где же Дэниел и Жискар? Ответ пришел сам собой с Роботы быстро поделили работу между собой. Дэниел и Жискар быстро сообразили, что опрокинувшийся стул меньше повредит Бейли, чем обезумевший Гремионис, и бросились на хозяина. Бронджи, видя, что он там не нужен, стал помогать Бейли.

Тяжело дышавший Гремионис был полностью обездвижен в осторожном захвате роботов Бейли. Он сказал чуть ли не шепотом; — Отпустите меня. Я уже успокоился.

— Да, сэр, — сказал Жискар.

— Конечно, сэр, — сказал Дэниел почти медовым тоном.

Они опустили руки, но некоторое время не от-

ходили от него. Гремионис огляделся, поправил одежду и сел. Он все еще порывисто дышал, и волосы его были в беспорядке.

Бейли стоял, положив руку на спинку стула.

— Простите, меня, мистер Бейли, — сказал Гремионис, — что я утратил контроль над собой. Это впервые за всю мою взрослую жизнь. Вы обвинили меня в… ревности. Порядочный аврорец не должен употреблять это слово, но мне не следовало забывать, что вы землянин. Оно встречается только в старинных романах, да и то обычно после первой буквы ставится тире. Я понимаю, у вас это конечно, не так.

— Я тоже извиняюсь мистер Гремионис, что мое полное незнание аврорских обычаев привело меня на неверный путь. Уверяю вас, что такой ляпсус не повторится.

Бейли сел. — Наверное, больше не о чем говорить.

Гремионис, казалось, не слушал его.

— Когда я был маленьким, я иногда толкал других, и меня толкали, но роботы и не думали разнимать нас.

— Если позволите, — сказал Дэниел, — я объясню, партнер Илайдж. Было установлено, что полное пресечение агрессивности в очень юном

возрасте ведет к нежелательным последствиям. Поэтому некоторые игры, включая физические соревнования, разрешались и даже одобрялись — при условии, чтобы не было реального вреда. Роботы, ухаживающие за малышами, программировались так, чтобы они различали шансы и уровень вреда, который мог быть причинен. Я, например, в этом смысле спрограммирован неправильно и не гожусь для охраны малолетних, и Жискар тоже.

— Такое агрессивное поведение в юношестве останавливается? — спросил Бейли.

— Да, постепенно, когда уровень вреда может повыситься, и желательно развитие самоконтроля.

— К тому времени, — сказал Гремионис, — когда я поступил в высшую школу, я, как и все аврорцы, знал прекрасно, что соревнование покоится на сравнении мыслительных способностей и таланта…

— А физических состязаний никаких? — спросил Бейли.

— Они есть, но лишь те, что не включают умышленного физического контакта с намерением покалечить… Но со времени своей юности я никогда ни на кого не нападал, хотя у меня было

к этому множество случаев, уверяю вас, но до этой минуты я всегда умел владеть собой. Правда, никто никогда не обвинял меня в… этом.

— В любом случае, — сказал Бейли, — ничего хорошего из нападения не получится, если рядом с каждым соперником стоит робот.

— Конечно. Тем более оснований для меня стыдиться, что я потерял самоконтроль. Надеюсь, вы не упомянете об этом в своем рапорте.

— Будьте уверены, я никому не скажу. Это не касается дела.

— Спасибо. Бы сказали, что интервью окончено?

— Думаю, да.

— В таком случае, вы скажете Глэдии, что я ни при чем в деле Джандера?

Бейли заколебался: — Я скажу ей, что это мое мнение.

— Прошу вас, скажите потверже, чтобы она была полностью уверена в моей непричастности, особенно, если она была привязана к роботу из сексуальных побуждений. *Я* не смогу вынести, если она подумает, что я убил р… Она солярианка и может так подумать.

— Да, могла бы, — задумчиво сказал Бейли.

— Но видите ли, — быстро заговорил Греми-

онис, — я ничего не понимаю в роботах, и ни доктор Фастольф, ни доктор Василия, и никто другой ничего не говорили мне о том, как они работают. *Я* имею в виду — у меня не было никакой возможности разрушить Джандера.

Бейли, казалось, глубоко задумался, а затем сказал с явной неохотой: — *Я* ничего не могу сделать, кроме как поверить вам. Я ничего не знаю. Возможно — я говорю это без намерения оскорбить — вы, или доктор Василия, или вы оба — лжете. Я слишком мало знаю о внутренней природе аврорского общества и легко могу оказаться в дураках. И все-таки я могу только поверить вам. Но я не могу сказать Глэдии больше того, что, по моему мнению, вы ни в чем не виноваты. Я могу сказать только «по моему мнению». Я уверен, что она найдет это достаточно сильным.

— Ну, тогда и я удовлетворюсь этим. Если это может помочь, я даю вам слово аврорского гражданина, что я невиновен.

Бейли чуть заметно улыбнулся.

— Я не стал бы сомневаться в вашем слове, но моя работа требует только объективных доказательств.

Он встал.

— Не истолкуйте неправильно то, что я вам

скажу, мистер Гремионис. Вы просите меня, чтобы я успокоил Глэдию, потому что вы хотите сохранить ее дружбу.

— Очень хочу, мистер Бейли.

— И вы намерены снова предложить ей себя.

Гремионис покраснел: — Да.

— Могу ли я дать вам совет, сэр? Не делайте этого.

— Держите ваши советы при себе. Я не намерен следовать им.

— Я хочу сказать — не делайте этого по обычной официальной процедуре, а просто обнимите и поцелуйте ее.

Бейли опустил глаза, чувствуя непривычное смущение.

— Нет, — сказал Гремионис убежденно. — Ни одна аврорская женщина не потерпит такого. И мужчина тоже.

— Мистер Гремионис, не забывайте, что Глэдия солярианка, у них другие обычаи и традиции. На вашем месте я бы попробовал.

Бейли смотрел в пол, скрывая внезапную ярость. Кто ему Гремионис, чтобы давать ему такой совет? Зачем советовать другому сделать то, что он, Бейли, мечтал сделать сам?

Бейли снова вернулся к делу и сказал более

низким, чем обычно баритоном:

— Мистер Гремионис, вы упоминали имя главы Института Роботехники. Не повторите ли вы мне еще раз?

— Келдин Амадейро.

— Есть какая-нибудь возможность добраться до него отсюда?

— И да, и нет. Вы монете добраться до его секретаря или до его заместителя, но до него самого — вряд ли. Он, я слышал, неприветливый тип. Сам-то я, конечно, не знаком с ним. Я видел его, но никогда не разговаривал с ним. Значит, он не пользуется вами как дизайнером одежды или для личного ухода?

— Я не знаю, пользуется ли он чьими-нибудь услугами, но по его виду похоже, что да.

— Я хотел бы попытаться добраться до него, несмотря на его репутацию неприветливого. Если у вас есть трехмерка, вы не будете возражать, если я ею воспользуюсь?

— Бронджи может сделать для вас вызов.

— Нет, я думаю, это сделает мой партнер Дэниел, если вы не против.

— Нисколько не против. Аппарат там, идите за мной. Номер 75–30, дополнительный 20.

— Спасибо, сэр, — поклонился Дэниел.

Комната была совершенно пуста. В одной ее стороне стоял тонкий столбик высотой в половину человеческого роста; он заканчивался плоской поверхностью, на которой стоял сложный прибор. Столбик стоял в центре круга, выделявшегося серым на светло-зеленом полу. Рядом был такой же круг, но без столбика. Дэниел шагнул к столбику, и круг сразу же осветился. Дэниел быстро сделал что-то с прибором, и осветился второй круг. На нем появился робот, трехмерный по виду, но он слабо мерцал — это было голографическое изображение.

Дэниел сказал: «Я Р. Дэниел Оливо».

Он слегка подчеркнул «Р», чтобы робот не ошибся, приняв его за человека — я представляю моего партнера, детектива Илайджа Бейли с Земли. Мой партнер хотел бы поговорить с Главным роботехником Келдином Амадейро.

— Главный роботехник Амадейро на конференции. Может быть, достаточно поговорить с роботехником Сисисом?

Дэниел быстро тянул на Бейли. Тот кивнул, и Дэниел сказал:

— Этого будет достаточно.

— Если вы, — сказал робот, — попросите детектива Бейли встать на ваше место, я постараюсь

найти роботехника Сисиса.

— Может быть, вам лучше сначала… — начал Дэниел, но Бейли прервал его:

— Он прав, Дэниел. Я не против подождать.

— Партнер Илайдж, как личный представитель Мастера роботехники Хэна Фастольфа, вы принимаете его общественный статус, пусть временно, и вам не пристало ждать…

— Все это правильно, Дэниел, но я не хочу лишней отсрочки ради этикета.

Дэниел сошел с круга, и Бейли занял его место. Изображение робота исчезло. Бейли терпеливо ждал. Наконец, появилось другое изображение и обрело трехмерность.

— Я роботехник Мелун Сисис, — сказал человек резким, чистым голосом.

У него были короткие бронзовые волосы, и уже по одному этому он показался Бейли типичным космонитом, только в линии носа была некосмонитская асимметрия.

Бейли спокойно сказал:

— Я детектив Илайдж Бейли с Земли. Я хотел бы поговорить с Главным роботехником Келдином Амадейро.

— У вас есть с ним договоренность?

— Нет, сэр.

— Вы должны иметь ее, если хотите его видеть. Но ни на этой неделе, ни на следующей сводного промежутка времени не будет.

— Я детектив Илайдж Бейли с Земли…

— Я понял. Но это ничего не меняет.

— .. ло приглашению доктора Хэна Фастольфа и с разрешения Совета Авроры я расследую убийство робота Джандера Пэнела…

— Убийство робота? — переспросил Сисис с вежливым презрением.

— Роботоубийство, если вы предпочитаете. На Земле уничтожение робота не столь важное дело, но на Авроре, где к роботам относятся более или менее как к людям, слово «убийство», мне кажется, может быть принято.

— Убийство, роботоубийство или как хотите, но видеть Главного роботехника нельзя.

— Могу я оставить ему сообщение?

— Можете.

— И ему сейчас же передадут?

— Постараюсь, но гарантировать не могу.

— Прекрасно. У меня несколько пунктов. Сейчас я их перечислю. Может быть, вы запишите?

Сисис улыбнулся: — Думаю, что я способен запомнить.

— Первое: где есть убийство, там есть и убийца,

и я хотел бы дать доктору Амадейро шанс сказать что-то в свою защиту…

— Что-о? — сказал Окис.

У Гремиониса, слушавшего с другой стороны комнаты, отвисла челюсть. Бейли имитировал ту же легкую улыбку, которая внезапно исчезла с лица Сисиса.

— Я не слишком быстро говорю, сэр? Может быть, вы все-таки хотите записать?

— Вы обвиняете Главного робототехника, что он имеет какое-то отношение к делу Джандера Пэнела?

— Наоборот, робототехник. Я должен увидеться с ним именно потому, что не хочу обвинить его. Я не хотел бы поспешно установить какую-то связь между Главным роботехником и обездвиженным роботом на основе неполной информации, а его слова могут Fee прояснить.

— Бы спятили!

— Ну, что ж, тогда скажите Главному роботехнику, что спятивший хочет поговорить с ним, чтобы отвести от него обвинение в убийстве. Это первый пункт. Второй: скажите ему, что этот самый спятивший провел детальный опрос художника Сантирикса Гремиониса и говорит сейчас из дома Гремиониса. Третий пункт: вполне

возможно, что Главный роботехник, у которого масса дел, не помнит, кто такой художник Сантирикс Гремионис; в таком случае, пожалуйста, скажите, что он живет на территории Института и за последний год совершил много долгих прогулок с солярианской женщиной Глэдией, живущей теперь на Авроре.

— Я не могу передать такое смехотворное и оскорбительное сообщение, землянин.

— В таком случае, скажите ему, что я пойду прямо в Совет и заявлю, что не могу продолжать расследование, потому что некий Мелун Сисис взял на себя смелость заверить меня, что Главный роботехник Келдин Амадейро не станет помогать мне в расследовании уничтожения робота Джандера Пэнела и защищать себя самого от обвинения в ответственности за это уничтожение.

Сисис покраснел.

— Вы не посмеете говорить такие вещи!

— Не посмею? Что я теряю? А с другой стороны, как это прозвучит для широкой публики? Ведь аврорцы прекрасно знают, что доктор Амадейро — второй после доктора Фастольфа в знании роботехники, и, если доктор Фастольф не виновен, то… надо ли продолжать?

— Вы еще узнаете, землянин, что законы Авро-

ры против клеветы очень строги.

— Без сомнения, но если доктора Амадейро эффективно оклеветать, то его наказание будет больше, чем мое. Но почему бы вам просто не передать мое сообщение сразу же? Если он объяснит некоторые мелкие пункты, мы обойдем вопрос о клевете или о каком-либо обвинении.

Сисис напряженно сказал:

— Я расскажу все это доктору Амадейро и буду настойчиво советовать ему отказаться от встречи с вами.

Он исчез. Бейли снова терпеливо ждал, а Гремионис отчаянно жестикулировал и говорил громким шепотом:

— Вы не имеете права так поступать, Бейли!

Бейли махнул ему, чтобы он успокоился. Через несколько минут — они показались Бейли очень долгими — снова появился Сисис, выглядевший очень сердитым, и сказал:

— Через несколько минут доктор Амадейро займет мое место и будет говорить с вами. Ждите!

— Здесь не место для ожидания, — немедленно сказал Бейли. — Я приду прямо в офис доктора Амадейро и там встречусь с ним.

Он сошел с серого круга и сделал Дэниелу знак выключить связь.

Гремионис сказал, задыхаясь:

— Вы не можете так говорить с людьми доктора Амадейро, землянин.

— Могу.

— Он выкинет вас с планеты через двенадцать часов.

— Если я не добьюсь прогресса в своей миссии, меня в любом случае выкинут с планеты за двенадцать часов.

— Партнер Илайдж, — сказал Дэниел, — боюсь, что мистер Гремионис прав в своей тревоге. Совет Авроры не может ничего сделать, кроме как выслать вас, поскольку вы не аврорский гражданин. Но он может настаивать перед земным правительством, чтобы вас строго наказали, и Земля это сделает. Я бы не хотел, чтобы вы были наказаны.

Бейли тяжело сказал:

— Я тоже не хотел бы, Дэниел, но я должен хвататься за любой шанс. Мистер Гремионис, мне очень жаль, что я сказал ему, что вызывал его из вашего дома. Мне нужно было как-то убедить его, и я чувствовал, что он придаст этому факту важное значение. Но ведь я сказал правду.

— Если бы я знал, что вы хотите сделать, я не позволил бы вам вызывать из моего дома. Я

уверен, что потеряю свое положение и... — он с горечью добавил: — Что я вам сделал, что вы так обошлись со мной?

— Я сделаю все, что могу, мистер Гремионис, чтобы вы не потеряли свое место. Я уверен, что у вас не будет неприятностей. Если же меня постигнет неудача, вы можете сказать, что я сумасшедший, что я возвел на вас дикие обвинения, запугал вас угрозами оклеветать вас и поэтому вы позволили мне пользоваться вашей трехмеркой. Я думаю, что доктор Амадейро поверит вам. В конце концов, вы уже послали ему жалобу, что я оклеветал вас, верно?

Бейли поднял руку, прощаясь:

— До свидания, мистер Гремионис. Еще раз благодарю вас. Не огорчайтесь и помните, что я сказал вам насчет Глэдии.

Зажатый между Дэниелом и Жискаром, Бейли вышел из дома Гремиониса, едва сознавая, что снова идет в открытое пространство.

Снаружи что-то изменилось. Бейли остановился и посмотрел в небо.

— Странно. *Я* не думал, что прошло так много времени. Солнце уже зашло.

— Нет, сэр, — сказал Жискар, — до заката еще два часа.

— Собирается гроза, партнер Илайдж, — сказал Дэниел. — Тучи сгустились, но гроза разразится не сразу, а через некоторое время.

Бейли вздрогнул. Темнота сама по себе не беспокоила его. Ночь как бы ограничивает Снаружи стенами, а это лучше, чем днем, когда во всех направлениях открытое пространство. Но сейчас и не день, и не ночь, и это плохо. Он пытался вспомнить, как было во время дождя, когда он бывал Снаружи. И ему вдруг пришло в голову, что он ни разу не видел снега, и даже не знает точно, на что похожа твердая кристаллическая вода. Описаний было явно недостаточно. Молодежь иногда выходила и быстро возвращалась, визжа от возбуждения, но всегда радуясь, что снова оказалась в стенах Города. Бен однажды пытался сделать лыжи по указаниям какой-то старинной книга и чуть не утонул в белой массе, но и его описания снега были неясными и неудовлетворительными. Но Бейли знал, что снег идет, когда очень холодно. А сейчас было не очень, а просто холодно. Эти тучи не означали, что пойдет снег, но это почему-то мало утешало.

— Это необычный цвет неба? — спросил он.

— Нет, партнер Илайдж, это гроза.

— Она у вас часто бывает?

— В это время года — да.

— И она приносит такой холод?

— Да, но садитесь в машину. Там теплее.

Бейли пошел к машине, но вдруг спохватился:

— Подождите, я не спросил Гремиониса, где офис Амадейро.

— Не нужно, — сказал Дэниел. — У друга Жискара в банке памяти есть карта Института, он отвезет нас в административное здание. Офис доктора Амадейро, скорее всего, там.

— По моим сведениям, — сказал Жискар, — офис доктора Амадейро в административном здании. Если же доктора случайно не окажется, то его дом рядом.

Бейли снова оказался между роботами. Он особенно радовался теплому телу Дэниела, но и похожий на текстиль верхний слой Жискара не был приклеен и не был таким холодным, как голый металл его тела.

Дэниел, возможно, намереваясь отвлечь Бейли от вида Снаружи, спросил:

— Партнер Илайдж, откуда вы узнали, что доктор Василия поощряла мистера Гремиониса интересоваться мисс Глэдией? Я не заметил, чтобы вы получали какую-то очевидную информацию.

— Я и не получал. Я был в отчаянии и разыграл дальний прицел. Глэдия рассказывала, что Гремионис был заинтересован ею и предлагал себя несколько раз. Я подумал, что он мог убить Джандера из ревности. Правда, я не думал, что он настолько силен в роботехнике, но, узнав, что дочь доктора Фастольфа роботехник и очень похожа на Глэдию, я задумался, не был ли Гремионис сначала очарован Василией — тогда убийство могло быть результатом заговора этих двоих. Легким намеком на существование такого заговора я добился свидания с Василией.

— Но ведь заговора не было, — возразил Дэниел, — по крайней мере, в том, что касается разрушения Джандера. Василия и Гремионис не могли бы произвести разрушение, даже если бы работали сообща.

— Согласен. Однако же Василию разволновал намек на связь ее с Гремионисом. Почему? Когда Гремионис рассказал, что сначала увлекся Василией, а потом Глэдией, я подумал, что связь между Гремионисом и Василией была, возможно, непрямой, если Василия поощряла переход Гремиониса к Глэдии по какой-то причине, более отдаленно связанной со смертью Джандера. В конце концов, какая-то связь между Гремионисом и Василией

была. Это показала реакция Василии на первый намек. Мои подозрения оказались правильными. Василия переключила Гремиониса с одной женщины на другую. Гремионис был поражен, что я об этом знаю, и это тоже оказалось полезным, поскольку, будь дело совершенно невинным, не было бы причин делать из него тайну, а тайна явно была. Вы помните, Василия не упоминала, что уговаривала Гремиониса заняться Глэдией. Когда я сказал, что Гремионис предлагал себя Глэдии, Василия сделала вид, будто впервые слышит об этом.

— Но что тут важного, партнер Илайдж?

— Это мы найдем. Мне кажется, что важны тут не Гремионис и не Василия, а какое-то третье лицо. Если это касается дела Джандера, то третье лицо должно быть более умелым роботехником, чем Василия. Им может быть Амадейро. Я намекнул ему на существование заговора, намеренно указав на то, что допрашивал Гремиониса и говорю это из его дома, и это тоже сработало.

— Но я все-таки не понимаю, что все это означает.

— Я тоже, но есть кое-какие соображения. Может, узнаем что-нибудь у Амадейро. Наше положение так скверно, что мы ничего не потеряем,

догадываясь и рискуя в азартной игре.

Во время этого разговора машина сделала прыжок и пошла на умеренной высоте. Она обошла линию кустарника и прибавила скорость над травянистыми участками и гравийными дорожками.

— Жискар, вы записывали разговоры, которые велись в вашем присутствии? — спросил Бейли.

— Да, сэр.

— И можете воспроизвести их, если понадобится?

— Да, сэр.

— И можете найти какое-то отдельное предложение, сказанное той или иной особой?

— Да, сэр. Вам нет нужды прослушивать всю запись.

— А вы можете быть свидетелем в суде?

— Нет, сэр. Достаточно умелой командой можно заставить робота лгать, и тут не помогут никакие увещевания или угрозы судьи, поэтому закон мудро считает робота неправомочным свидетелем.

— В таком случае, какая польза от вашей записи?

— Это совсем другое дело, сэр. Запись нельзя изменить простой командой, ее можно только

стереть. Такая запись может быть признана как очевидность. Точных прецедентов, однако, не было, и признать ее или нет — зависит от дела и от судьи.

Жискар посадил машину на лужайке перед широким, но не очень высоким зданием с замысловато-резным фасадом. Оно было явно новое, но производило впечатление имитации старинного.

— Партнер Илайдж, — спросил Дэниел, — вы надеетесь, что доктор Амадейро действительно может быть полезным?

— Нет, Дэниел, я подозреваю, что доктор Амадейро слишком умен, чтобы дать нам хоть какую-нибудь зацепку для его захвата.

— А если так, что вы собираетесь делать дальше?

— Не знаю, — сказал Бейли мрачно. — Что-нибудь придумаю.

Когда Бейли вошел в административное здание, первым его ощущением было облегчение, что он ушел от неестественного освещения Снаружи, а вторым — извращенное удовольствие.

Жилые дома на Авроре не были типовыми. В гостиной ли Глэдии, в столовой Фастольфа, в рабочем кабинете Василии или в комнате с

трехмерным аппаратом Гремиониса он не мог бы подумать, что он на Земле. Все четыре отличались друг от друга, но имели общий ген, полностью чуждый подземным квартирам на Земле. Административное здание дышало официальностью и, похоже, превышало обычное человеческое разнообразие. У него не было того гена, что у жилых домов на Авроре, а любое официальное здание в родном Городе Бейли походило на квартиру в жилом секторе, но, тем не менее, оба официальных здания двух таких разных миров были до странности схожими. Это было первое место на Авроре, где Бейли мог бы вообразить себя на Земле. Те же длинные голые коридоры, то же приведение к общему знаменателю узоров и украшений, те же источники света, сконструированные так, чтобы раздражать одних и нравиться другим. Но было здесь кое-что отсутствующее на Земле — например, подвесные горшки с цветущими растениями, видимо, с автоматическим поливом. Их присутствие не восхитило Бейли. Не привлекают ли они насекомых? Не капает ли из них вода? Не падают ли иногда эти горшки?

Кое-чего и не хватало. На Земле, в Городе, даже в самых строго официальных домах всегда слышался теплый шум людей и машин, «Рабо-

чее Жужжание Братства», как говорили земные политиканы и журналисты. Здесь же была тишина. Бейли не обращал особого внимания на тишину в домах, которые он посетил за эти два дня, поскольку все было так необычно, что еще одна странность ускользнула от него. Здесь же, где многое напоминало Землю, отсутствие «Гула Человечества» — тоже популярное выражение — обращало на себя внимание, как и оранжевый оттенок искусственного освещения, который был более заметен на здешних пустых стенах, чем на обильно украшенных стенах жилых домов.

Задумчивость Бейли не длилась долго. Войдя в главный вход, Дэниел остановил Бейли и Жискара. Прошло с полминуты, и Бейли спросил:

— Почему мы стоим?

— Так полагается, партнер Илайдж. Впереди звенящее поле.

— Что это такое?

— Вообще-то, это название эвфемистическое. Это поле действует на нервные окончания и причиняет резкую боль. Роботы могут пройти, а человек — нет. Но, конечно, и тот, и другой включит сигнал тревоги.

— Откуда вы знаете, что это поле здесь есть и где оно?

— Его видно, если вы знаете как смотреть. Воздух как бы дрожит, а часть стены за полем слегка зеленоватая по сравнению со стеной напротив.

— Я, например, не вижу, — с негодованием сказал Бейли. — Что же предупредит меня, или любого другого входящего, чтобы не попасть в поле?

— Работающие в Институте носят нейтрализующее устройство, а посетители приходят с роботами, которые определят звенящее поле.

Из коридора по ту сторону поля появился робот. На Жискара он, похоже, не обратил внимания, но какое-то время переводил взгляд с Бейли на Дэниела и обратно. Затем, приняв решение, он обратился к Бейли:

— Ваше имя, сэр?

Бейли подумал, что Дэниел выглядит слишком человеком, чтобы быть им на самом деле.

— Я детектив Илайдж Бейли с Земли. Со мной два робота из дома доктора Фастольфа — Дэниел Оливо и Жискар Ривентлов.

— Идентификация, сэр?

Серийный номер на груди Жискара загорелся мягким фосфоресцирующим светом.

— Я ручаюсь за них обоих, друг, — сказал Жискар.

Робот вгляделся в номер, как бы сравнивая его с записью в памяти, затем кивнул и сказал:

— Серийный номер принят. Можете прейти.

Дэниел и Жискар сразу двинулись вперед, но Бейли задержался и вытянул руку — не возникнет ли боль.

— Поле снято, — сказал Дэниел. — Оно возобновится после того, как мы пройдем.

Они поднялись по спиральному эскалатору.

— Здесь есть и обычные лестничные пролеты, — сказал Дэниел, — и большинство аврорцев предпочитает их. Вы — гость, поэтому вам из вежливости предложили спираль.

— Значит, оказали мне любезность, — сказал Бейли. — Обнадеживающий признак.

Они прошли по коридору к двери, более украшенной, чем другие. Возможно, другим обнадеживающим признаком было появление в этой двери высокого аврорца. Он был сантиметров на восемь выше Дэниела, а Дэниел был на пять сантиметров выше Бейли. Человек был широкоплеч, несколько тяжеловат, с круглым лицом, имел щегольской вид и улыбался. Улыбка была весьма примечательная: широкая, видимо, невынужденная, показывающая ровные белые зубы.

— А, это мистер Бейли, знаменитый детектив

с Земли, который приехал на нашу маленькую планету, чтобы показать, какой я страшный злодей. Входите, входите, рад вас видеть. Мне очень жаль, что мой заместитель, роботехник Мелун Сисис создал у вас впечатление, что я отсутствую. Он осторожный парень и заботится о моем времени больше, чем я сам.

Он посторонился, пропуская Бейли и слегка похлопал его по плечу дружеским жестом, какого Бейли еще не испытывал на Авроре.

— Вы Главный роботехник Келдин Амадейро? — осторожно спросил Бейли.

— Точно. Человек, намеревающийся уничтожить доктора Хэна Фастольфа как политическую силу на этой планете, но это, как я надеюсь убедить вас, не делает из меня негодяя. Я же не пытаюсь доказывать, что доктор Фастольф — негодяй только из-за дурацкого вандализма, совершенного им над его собственным созданием — беднягой Джандером. Скажем, я только могу продемонстрировать, что доктор Фастольф ошибся.

Он сделал легкий жест, и робот, провожавший их, шагнул в нишу.

Когда дверь закрылась, Амадейро сердечным жестом указал Бейли на красиво обитое кресло и

с удивительной экономией жеста показал другой рукой на ниши для Дэниела и Жискара. Бейли заметил, что Амадейро на минуту жадно уставился на Дэниела. Улыбка его исчезла, лицо приняло хищное выражение. Это выражение быстро ушло, ион снова улыбнулся. Бейли подумал, что эта минутная смена выражения, может быть, была плодом его собственного воображения.

— Поскольку погода, кажется, неважная, — сказал Амадейро, — давайте обойдемся без эффективного дневного света.

Он что-то сделал на контрольной панели на письменном столе. Стекла затемнились, а стены загорелись мягким дневным светом. Улыбка Амадейро стала еще шире.

— Нам с вами, в сущности, мало о чем можно поговорить, мистер Бейли. Пока вы ехали сюда, я из предосторожности поговорил с мистером Гремионисом. Выслушав его, я решил поговорить также с доктором Василией. По-видимому, мистер Бейли, вы в какой-то мере обвиняете их обоих в соучастии в уничтожении Джандера и, как я понял, обвиняете также и меня.

— Я просто задаю вопросы, доктор Амадейро, и намерен сделать это сейчас.

— Да, конечно, но вы — землянин и не понима-

ете гнусности ваших действий, и мне искренне жаль, что от их последствий вы же и пострадаете. Вы, наверное, знаете, что Гремионис прислал мне заявление насчет вашей клеветы на него.

— Он сказал мне об этом, но он неправильно понял мои действия. Они не были клеветой.

— Осмелюсь сказать, что вы со своей точки зрения правы, но вы не понимаете аврорского определения этого слова. Я вынужден был послать заявление Гремиониса Председателю, и в результате вам скорее всего прикажут завтра же утром покинуть планету. Я, конечно, сожалею об этом, но боюсь, что ваше расследование подходит к концу.

Бейли был захвачен врасплох. Он не знал, чего ожидать от Амадейро, и не предполагал в себе такого замешательства. Гремионис назвал Амадейро неприветливым. А сейчас Амадейро казался веселым, общительным, даже дружелюбным. Однако, если Амадейро сказал правду, он запросто может положить конец расследованию и безжалостно сделает это, хотя и с сострадательной улыбкой. Что же он из себя представляет? Бейли машинально взглянул на роботов. Вряд ли Дэниел за свою короткую жизнь когда-нибудь встречался с Амадейро, а вот Жискар — наверня-

ка. Бейли сжал губы. Следовало заранее спросить Жискара насчет Амадейро, теперь Бейли легче было бы судить, сколько в этом роботехнике настоящего, а сколько умного расчета. Почему на Земле или вне ее, думал Бейли, он не пользовался разумно этими ресурсами роботов? И почему Жискар сам не дал информацию. Хотя нет, это неправильно: у Жискара явно не хватает способностей для независимой деятельности такого рода. Он выдает информацию по требованию, но не по собственной инициативе.

Амадейро проследил за быстрым взглядом Бейли и сказал:

— Я, похоже, один против трех. Как видите, здесь нет моих роботов, хотя позову они тут же явятся, а у вас два робота Фастольфа — старый надежный Жискар и этот чудесной конструкции Дэниел.

— Я вижу, вы их знаете, — сказал Бейли.

— Только по репутации, а физически — я чуть было не сказал — во плоти — вижу их впервые. Правда, Дэниела — вернее, играющего его актера, я видел в фильме.

— Кажется, все и на всех мирах видели этот фильм, — угрюмо сказал Бейли, — и моя жизнь реального и ограниченного индивидуума стала

трудной.

— Но не со мной, — сказал Амадейро.

Он широко улыбнулся.

— Уверяю вас, я не принимаю всерьез вашу выдуманную картину происходящего. *Я* согласен, что реальная жизнь вас ограничивает, а раз так — вы не можете позволять себе столь свободно неоправданные обвинения на Авроре.

— Доктор Амадейро, уверяю вас, я не делаю никаких официальных обвинений. Я просто веду расследование и рассматриваю возможности.

— Вы меня не поняли, — с неожиданным жаром сказал Амадейро, — я не порицаю вас. Я уверен, что по земным стандартам вы ведете себя безупречно. Мы страшно дорожим своей репутацией.

— Если так, доктор Амадейро, то клевета по подозрению на доктора Фастольфа со стороны вас и других глобалистов не большее ли зло, чем мои мелкие действия?

— Совершенно справедливо, но я — известный аврорец и имею определенное влияние, а вы — землянин без какого-либо влияния. Конечно, это неправильно, я признаю и жалею об этом, но такова жизнь. Что мы можем сделать? Кроме того, обвинение против Фастольфа может быть

поддержано и будет поддержано, и клевета окажется не клеветой, а правдой. Ваша ошибка в том, что ваши обвинения просто не могут получить поддержки. Я уверен, вы сами согласны, что ни Гремионис, ни доктор Василия Алиена, ни оба вместе не могли покалечить беднягу Джандера.

— Я никого официально не обвинял.

— Может, и нет, но на Авроре не прячьтесь за словом «официально». Очень плохо, что Фастольф не предупредил вас об этом, когда привез вас для этого, боюсь, злополучного расследования.

Бейли дернул уголком рта и подумал, что Фастольф и в самом деле мог бы предупредить его.

— Я буду вызван на разбор дела, или все уже решено?

— Конечно, вас выслушают, прежде чем осудить. Мы на Авроре не варвары. Председатель рассмотрит заявление, которое я собираюсь послать ему вместе с моими предложениями на этот счет. Он, вероятно, поговорит с Фастольфом как близко касающимся этого дела, а затем устроит встречу нас троих, возможно, завтра. Решение должно быть ратифицировано всем Советом. Все будет по закону, уверяю вас.

— Я не сомневаюсь, что буква закона будет со-

блюдена, но что, если Председатель уже составил свое мнение, и что бы я ни сказал, не будет принято, а Совет утвердит заранее принятое решение? Может так быть?

Амадейро не улыбнулся, но, кажется, про себя рассмеялся.

— Вы реалист, мистер Бейли. Я рад этому. Люди, мечтающие о справедливости склонны к разочарованию.

Он снова пристально посмотрел на Дэниела:

— Замечательная работа. Какой позор, что Джандер утрачен. Совершенно непростительно со стороны Фастольфа.

— Доктор Фастольф отрицает свою причастность, сэр.

— Еще бы, конечно, отрицает. Не говорит ли он, что я причастен? Или моя причастность — целиком ваша идея?

— У меня такой идеи нет. Я просто хочу спросить вас поэтому делу. Что же касается доктора Фастольфа, он не кандидат для ваших обвинений в клевете. Он уверен, что вы ни при чем, поскольку, по его мнению, у вас не хватает знаний и способностей обездвижить человекоподобного робота.

Бейли сказал это намеренно, но, если он наде-

ялся расшевелить что-то, то потерпел неудачу.

Амадейро принял хулу с юмором: — В этом он прав. Такой способности не найти ни в одном роботехнике — живом или умершем — кроме самого Фастольфа. Он, наверное, таки сказал, наш скромнейший мастер из мастеров?

— Да.

— Тогда что же он, интересно, говорил о случившемся с Джандером?

— Редкое событие. Чистая случайность.

Амадейро захохотал.

— А он рассчитал вероятность такого события?

— Да, Главный роботехник. Но даже самый невероятный случай может произойти, особенно, если были инциденты, усилившие неблагоприятные условия.

— Какие, например?

— Именно это я и надеюсь установить. Поскольку вы уже постарались, чтобы меня выкинули с планеты, вы намерены теперь предупредить любые мои вопросы к вам, или я могу продолжать расследование, пока у меня еще есть время? Прежде чем ответить, доктор Амадейро, пожалуйста, рассматривайте расследование как еще не прекращенное законом, иначе, при слушании дела, будет ли оно завтра или позднее, я могу обвинить

вас в отказе отвечать на мои вопросы, если вы намерены сейчас Положить конец нашей беседе. Это может повлиять на решение Председателя.

— Нет, дорогой мистер Бейли. Не воображайте, чтобы можете хоть как-то повредить мне. Тем не менее, вы можете спрашивать меня, сколько хотите. Я полностью буду содействовать вам, лишь бы порадоваться, видя, как добрейший Фастольф тщетно пытается выбраться из своего неудачного деяния. Я не чрезмерно мстителен, мистер Бейли, но факт, что Джандер был созданием Фастольфа, еще не дает последнему права уничтожать дело своих рук.

— Законным порядком не установлено, что именно он это сделал, так что ваши слова являются, по меньшей мере, потенциальной клеветой. Давайте оставим это и займемся нашим интервью. Мне нужна информация. Я буду задавать вопросы коротко и прямо и, если вы будете отвечать так же, интервью быстро закончится.

— Нет, мистер Бейли, не вы будете ставить условия для интервью. Ваши роботы снабжены записывающим аппаратом.

— Наверное.

— Я точно знаю. У меня здесь тоже есть записывающий аппарат. Не думайте, что вы поведете

меня через джунгли коротких ответов к чему-то, что послужит целям Фастольфа. Я буду отвечать по-своему выбору и так, чтобы мой ответ нельзя было истолковать неправильно.

В первый раз за дружелюбной манерой Амадейро показался волк.

— Что ж, хорошо, но если ваши ответы будут намеренно многоречивы и уклончивы, это тоже отразится в записи.

— Очевидно.

— Значит, договорились. Могу я для начала попросить стакан воды?

— Конечно. Жискар, fie обслужите ли вы мистера Бейли?

Жискар вышел из ниши. Звон льда в баре на другом конце кабинета — и на письменном столе перед Бейли появился высокий стакан с водой.

— Спасибо, Жискар, — сказал Бейли. — Доктор Амадейро, вы, как я понял, Глава Института Роботехники?

— Да.

— И его основатель?

— Правильно. Как видите, я отвечаю кратко.

— Давно он существует?

— Как понятие — десятилетия. Я набирал единомышленников по крайней мере пятнадцать

лет. Разрешение Совета было получено двенадцать лет назад. Строительство началось девять лет назад, а активная работа — шесть лет. В своем настоящем виде Институт существует два года, и планируется его дальнейшее постепенное расширение.

— Почему вы нашли нужным основать Институт?

— Ах, мистер Бейли, ответ будет многословным.

— Как желаете, сэр.

Робот принес на подносе маленькие сандвичи и мелкое печенье. Бейли попробовал сандвич и нашел его не то чтобы невкусным, но странным. Он с трудом доел его и запил остатками воды. Амадейро следил за ним с легким удовольствием.

— Вы должны понять, что мы, аврорцы, люди необычные. Таковы космониты вообще, но я сейчас говорю об аврорцах в частности. Мы потомки землян — о чем большинство из нас не хочет и вспоминать, — но мы избранные.

— Что это значит, сэр?

— Земляне давно живут на невероятно перенаселенной планете и собраны в еще более скученные города, ставшие, наконец, ульями и муравейниками, которые вы называете Городами

с большой буквы. Земляне должны бы оставить Землю и отправиться к другим мирам, пустым и враждебным и построить там новые общества из ничего, общества, полной формой которых они не смогут воспользоваться за свою короткую жизнь. Они умрут, а деревья останутся, так сказать.

— Останется народ необычный.

— Совершенно необычный. Такой народ, который надеется не столько на своих последователей, сколько на недостаток способности видеть перед собой пустоту. Народ, который любит работать для себя и ставить перед собой проблемы, а не собирается в стадо и делит груз таким образом, чтобы часть, падающая на каждого, стала практически ничем. Индивидуалисты, мистер Бейли. Индивидуалисты! И наше общество основано на этом.

Все направления, в которых развиваются Внешние Миры, подчеркивают нашу индивидуальность. Мы гордимся, что живем как люди на Авроре, а не толпимся, как бараны, на Земле. Не обижайтесь, я пользуюсь сравнением не для того, чтобы унизить Землю. Просто это другое общество, которым я отнюдь не восхищен, но которое вы, я думаю, считаете удобным и идеальным.

— Какое это имеет отношение к основанию

Института, доктор Амадейро?

— Даже гордый и здоровый индивидуализм имеет свои слабости, Самые великие умы, работая в одиночку, не могут быстро двигаться, если отказываются сообщать о своих открытиях. Какое-то затруднение может задержать ученого на сто лет, в то время как у коллеги есть уже готовое решение. Институт пытается хотя бы на узком поле роботехники создать общность мысли.

— Возможно ли, что частное затруднение, которое вы атакуете — это конструкция человекоподобного робота?

Амадейро заморгал.

— Да, это очевидно, не так ли? Двадцать шесть лет назад новая математическая система Фастольфа, которую он назвал «межсекционный анализ», сделала возможным проектирование человекоподобных роботов, но он держит эту систему при себе. Много лет спустя, когда все сложные технические детали были отработаны, он и доктор Сартон применили теорию к созданию Дэниела. Но все эти детали тоже хранятся в тайне. Многие роботехники нашли это естественным. Они пытались индивидуально обрабатывать детали. А я задумался об Институте, где усилия будут объединены. Нелегко было убедить роботехников

в полезности этого плана, убедить Совет дать на него фонды вопреки страшной оппозиции Фастольфа, много лет упорно добиваться, но Институт был создан.

— Почему доктор Фастольф противился?

— Во-первых, из самолюбия. Но и у меня его не меньше. У всех нас, естественно, есть самолюбие. Оно исходит из индивидуализма. Фастольф считает себя величайшим роботехником истории, а человекоподобного робота — собственным личным достижением. Он не хочет, чтобы это достижение повторила группа роботехников, индивидуально безликих по сравнению с ним. Я думаю, он смотрит на это, как на заговор низших обезличить его личную великую победу.

— Вы сказали, что это была причина для оппозиции «во-первых». Значит, были и другие мотивы?

— Он возражал также пропив объектов пользования, на которые мы планировали поставить человекоподобных роботов.

— Каковы они?

— Ну, ну, не будем наивничать. Доктор Фастольф наверняка говорил вам о глобалистах и их планах заселения Галактики.

— Говорил, и доктор Василия говорила мне о

трудностях продвижения у индивидуалистов. Тем не менее, мне хотелось бы услышать вашу точку зрения на этот предмет. Хотите ли вы, чтобы я принял интерпретацию доктора Фастольфа насчет глобалистских планов как беспристрастную и объективную, и вы констатируете это для записи, или предпочитаете описать ваши планы своими словами?

— Вы, похожа, не оставляете мне выбора, мистер Бейли?

— Никакого, доктор Амадейро.

— Ладно. А — вернее сказать — мы, потому что люди в Институте все согласны в этом — смотрим в будущее и хотим, чтобы человечество открывало все больше и больше новых планет для заселения. Однако мы не хотим, чтобы процесс самоизбранности уничтожил старые планеты или довел их до умирания, как в случае — простите меня — Земли. Мы не хотим, чтобы новые планеты взяли у нас самое лучшее и оставили отбросы. Вы понимаете?

— Продолжайте, пожалуйста.

— Во всяком ориентированном на роботов обществе, в данном случае нашем, самое легкое решение — послать роботов как поселенцев. Роботы строят общество и планету, а потом мы все,

без выбора, можем последовать на новый мир, такой же удобный и приспособленный для нас, как и старый. Мы перейдем туда, так сказать, не покидая дома.

— А не сделают ли роботы мир скорее для себя, чем для людей?

— Именно так и будет, если мы пошлем обычных роботов. Но у нас есть возможность поспать человекоподобных роботов, вроде Дэниела, которые, строя мир для себя, автоматически делают его для нас. Но доктор Фастольф возражает. Он видит какую-то добродетель в том, чтобы люди сами кроили новый мир из чужой и враждебной планеты, и не понимает, что такие усилия не только будут стоить множества человеческих жизней, но и дадут мир, подверженный катастрофам и ничуть непохожий на известные нам миры.

— Как Внешние Миры сегодня отличаются от Земли и друг от Друга?

Амадейро на миг утратил свою жизнерадостность и задумался:

— Да, мистер Бейли, вы затронули важный пункт. Я говорил только об Авроре. Внешние Миры и в самом деле все разные, и я недолюбливаю большинство из них. Мне ясно — хотя я, может быть, пристрастен — что Аврора, старейший из

них, лучший и самый процветающий. Я не хочу вариантов новых миров, из которых лишь немногие могут быть реально ценными. Я хочу много Аврор, миллионы Аврор, и поэтому хочу, чтобы новые миры были скроены по-аврорски до того, как мы туда попадем. Вот почему мы и называем себя «глобалистами». Мы связаны с этим нашим шаром, а не с другими.

— Вы не видите ценности в вариантах, доктор Амадейро?

— Если варианты одинаково хороши, они могут быть и ценными, но если некоторые — или большая часть — хуже, какую пользу это принесет человечеству?

— Когда вы начнете эту работу?

— Когда у нас будут человекоподобные роботы. У Фастольфа было два, одного он уничтожил, оставив только Дэниела как единственный образец.

Он бросил быстрый взгляд на Дэниела.

— Когда же у вас появятся такие роботы?

— Трудно сказать. Мы еще не догнали доктора Фастольфа.

— Хотя он один, а вас много?

Амадейро чуть заметно передернулся.

— Напрасно тратите свой сарказм. Фастольф был впереди нас с самого начала, потому что

Институт был долгое время в эмбриональном состоянии, и мы только два года как начали полную работу. Нам необходимо не только догнать его, но и перегнать. Дэниел — хорошая продукция, но он только прототип и не настолько хорош.

— Значит, ваши роботы должны быть выше маркой, чем Дэниел?

— Они должны быть даже выше человека. Они должны быть обоих полов *и* иметь эквивалент детей. Нам нужно иметь поколения роботов, чтобы построить на планетах достаточно человеческое общество.

— Мне кажется, я вижу трудности.

— Без сомнения. Их много. А какие трудности вы предвидите?

— Если вы произведете роботов, настолько близких к человеку, что они смогут создать человеческое общество, и если они будут иметь поколения обоих полов, как вы отличите их от людей?

— Это имеет значение?

— Может иметь. Если они будут совсем как люди, они смешаются с человеческим обществом и станут частью человеческих семейных групп… и как отцы-основатели, они не будут пригодны для услуг.

Амадейро засмеялся: — Такие мысли у вас от привязанности Глэдии Дельмар к Джандеру. Видите ли, я кое-что знаю о вашем интервью с этой женщиной от Гремиониса и доктора Василии. Напомню вам, что Глэдия с Солярии, и ее понятия о муже не соответствуют аврорским.

— Я думал не о ней. Я думал о том, что секс на Авроре широко интерпретируется, и что роботы как секс-партнеры приемлемы и теперь. А если вы реально не отличите робота от человека, то…

— Вопрос в детях. От человека и робота детей не будет.

— Тогда возникает другой вопрос. Роботы будут долгожителями, поскольку постройка общества может продлиться столетиями.

— Они в любом случае будут долгожителями, если они похожи на аврорцев.

— А их дети — тоже долгожители?

Амадейро не ответил. Бейли продолжил:

— Они будут искусственными детьми роботов и никогда не будут взрослыми — у них не будет ни возраста, ни зрелости. Это усилит элемент нечеловечества и поставит под сомнение природу общества.

— Вы проницательны, мистер Бейли, — Амадейро вздохнул: — Мы задумывались над изобре-

тением какой-то схемы, по которой роботы могли бы производить детей, и те росли бы и мужали — по крайней мере, на то время, пока будет построено нужное общество.

— А когда люди приедут, роботы должны восстановить более роботские схемы поведения?

— Вероятно… если понадобится.

— А их производство детей? Наверное лучше, чтобы оно приближалось к человеческому?

— Вероятно.

— Секс, беременность, роды?

— Возможно.

— А если роботы создадут общество столь близкое к человеческому, что их самих нельзя будет отличить от людей, не случится ли так, что роботы будут недовольны приездом людей и станут держаться от них подальше? Не случится ли так, что роботы будут относиться к аврорцам, как вы к землянам?

— Мистер Бейли, роботы будут связаны Тремя Законами.

— Три Закона удерживают от нанесения человеку вреда и предписывают повиновение ему.

— Точно.

— А если роботы будут так близки к людям, что станут считать людьми себя, и поставят себя над

иммигрантами?

— Мистер Бейли, зачем вам заниматься такими вещами? Это дело далекого будущего. Тогда и будем решать.

— Но возможно, что аврорцы не одобрят ваши планы, когда поймут, что к чему, и примут точку зрения доктора Фастольфа?

— Да? Фастольф думает, что если аврорцы не смогут без помощи роботов заселять новые планеты, то этим воспользуются земляне.

— По-моему, это имеет смысл.

— Да, потому что вы землянин. Уверяю вас, аврорцам не понравится, чтобы земляне роем слетелись на новые миры настроили там ульев, основали бы со своими триллионами и квадрильонами нечто вроде Галактической Империи и свели бы на нет Внешние Миры. Незначительность лучше вымирания.

— Но альтернативой являются миры человекоподобных роботов с квази-человеческим обществом, разрешающим настоящим людям быть среди них. Постепенно разовьется Галактическая Империя роботов, она уменьшит Внешние Миры в лучшем случае и сведет на нет в худшем. Аврорцы наверняка предпочтут Галактическую Империю людей.

— Почему вы так уверены в этом?

— Мне дает уверенность форма вашего общества. На своем пути на Аврору я слышал, что здесь не делают различия между людьми и роботами. Но это не так. Может, в идеале желательно, чтобы аврорцы льстили себе, что живут справедливо, но этого нет.

— Вы здесь меньше двух дней — и уже можете судить?

— Да, доктор Амадейро. Именно потому, что я здесь чужой, я и вижу ясно. Меня не связывают ни обычаи, ни идеалы. Роботам не разрешено входить в туалеты, и уже одно это различие делает все ясным. Человеку позволено иметь единственное место, где он может быть один. Мы с вами сидим в свое удовольствие, а роботы стоят в нишах. Вот вам другое различие. Я думаю, что люди — даже аврорцы — всегда будут желать различия и сохранения своей человечности.

— Поразительно, мистер Бейли.

— Ничего поразительного. Вы проиграете, доктор Амадейро. Даже если вы ухитритесь всучить аврорцам вашу уверенность, что Джандера уничтожил Фастольф, даже если вы ослабите его политическое влияние, даже если вы победите в Совете и народ Авроры одобрит ваш план заселе-

ния Галактики роботами — вы только выиграете время. Как только аврорцы поймут смысл вашего плана, они отвернутся от вас. Поэтому лучше бы вам прекратить кампанию против доктора Фастольфа и выработать вместе с ним какое-то компромиссное решение, в котором заселение новых миров землянами не представляло бы угрозы Авроре и другим Внешним Мирам.

— Поразительно, мистер Бейли, — спокойно повторил Амадейро.

— У вас нет выбора.

Но Амадейро ответил развязно и шутливо:

— Когда я сказал, что ваши замечания поразительны, я имел в виду не смысл ваших утверждений, а тот факт, что вы их высказываете вообще и думаете, что они имеют какую-то ценность.

— Мистер Бейли, вы думаете, что открыли секрет? Что я сказал вам нечто, чего наш мир не знает? Что мои планы опасны, но я выбалтываю их всякому приезжему? Вы, вероятно, думали, что в достаточно длинном разговоре я сболтну что-нибудь глупое, чем вы сможете воспользоваться. Будьте уверены, я ничего подобного не сделаю. Мои планы о большом количестве человекоподобных роботов, о семьях роботов и их культуре, возможно более приближенной к человеческой

— все записаны и переданы в Совет.

— Широкая общественность тоже знает?

— Вероятно, нет. Широкая публика больше интересуется следующим обедом, следующей гиперволновой программой и космическим футболом, а не тем, что будет в следующем столетии и тысячелетии. Однако она охотно примет мои планы, как приняли их те интеллектуалы, которые уже знают. Возражающих будет очень мало.

— Вы уверены?

— Конечно. Боюсь, что вы не понимаете интенсивности чувства аврорцев и вообще космонитов по отношению к землянам. Я не разделяю этих чувств и, например, спокойно и легко разговариваю с вами. У меня нет примитивного страха перед инфекцией, мне не кажется, что от вас плохо пахнет. Я не приписываю вам все личные черты, которые считают неприятными, я не считаю, что земляне только и думают, как бы отнять у нас жизнь и имущество, но подавляющее большинство аврорцев увы... Это не обязательно лежит на поверхности — аврорцы будут вежливы с отдельным землянином, который выглядит безвредным, но копни их — и вся их ненависть и подозрительность вылезут наружу. Скажи им, что земляне собираются на новые планеты и

первыми захватят Галактику — и все завопят, что Землю надо уничтожить, пока этого не произошло.

— Даже если альтернативой — общество роботов?

— Конечно. Вы не понимаете и наших чувств к роботам. Мы близки к ним. У нас общий с ними дом.

— Нет. Они ваши слуги. Вы чувствуете свое превосходство, и дом общий с ними только до тех пор, пока поддерживается это превосходство. Если бы вам угрожало обратное — что они стали выше вас — вы реагировали бы с ужасом.

— Потому что так реагировали земляне?

— Нет. Вы не пускаете роботов в туалет — это уже симптом.

— Но им нечего там делать. Они ничего не выделяют, а для мытья у них свои приспособления. Они же не полностью человекоподобны. В противном случае различий не было бы.

— Вы боялись бы их еще больше.

— Да? Глупости. Разве вы боитесь Дэниела? Если верить тому фильму — а я, признаться, не очень верю — вы были очень привязаны к нему. Вы и теперь сохраняете эти чувства?

Молчание Бейли было достаточно красноречи-

вым, и Амадейро шел к своей цели.

— Вот и сейчас вас не трогает факт, что Жискар молча стоит в нише, однако я замечаю, вам неприятно, что там же стоит Дэниел. Он кажется вам слишком человеком по виду, чтобы обращаться с ним как с роботом. Но вы не боитесь его из-за того, что он похож на человека.

— Я землянин. У нас есть роботы, но более простые. По мне вы не можете судить.

— А Глэдия, которая предпочла Джандера людям?

— Она солярианка. По ней тоже нельзя судить.

— А как же судите вы? Вы здесь в гостях. Вот мне вполне ясно, что если робот достаточно похож на человека, вы спросите, не робот ли я сам? Я похож на человека, это достаточное доказательство. В конце концов, нам все равно, кто заселит новые миры — настоящие люди или похожие на людей, если их нельзя отличить от настоящих. Главное, чтобы поселенцы были аврорцами, а не землянами.

Уверенность Бейли ослабла. Он сказал без большого убеждения:

— А если вы так и не научитесь конструировать человекоподобных роботов?

— Почему не научимся? Здесь многие заняты

этим.

— Много посредственностей не составят одного гения.

— Мы не посредственности. Фастольф найдет выгодным работать с нами.

— Не думаю.

— А я думаю. Когда он лишится власти в Совете, когда наши планы двинутся вперед, и он увидит, что не сможет остановить нас, он примкнет к нам.

— Не думаю, чтобы вы победили.

— Выдумаете, что ваше расследование каким-то образом обелит Фастольфа и обвинит меня или еще кого-нибудь?

— Возможно, — в отчаянии сказал Бейли.

Амадейро покачал головой.

— Мой друг, если бы я думал, что вы можете чем-то запятнать мой план, разве я сидел бы здесь и ждал гибели?

— Вы — нет. Вы делаете все возможное, чтобы погубить расследование. Зачем бы вам это, если вы уверены, что я не смогу встать вам поперек дороги?

— Ну, вы можете встать мне поперек дороги тем, что деморализуете некоторых работников Института. Опасным вы стать не можете, но надо-

едливым — да, а я не хочу этого тоже. Поэтому я, если смогу, положу конец вашей надоедливости, но сделаю это разумно, даже вежливо. Но если бы вы были действительно опасным…

— Что бы вы сделали тогда, доктор Амадейро?

— Я захватил бы вас и держал взаперти, пока вас не вышлют. Не думаю, что аврорцы стали бы беспокоиться, что я сделаю с землянином.

— Вы пытаетесь запугать меня. Не выйдет. Вы прекрасно знаете, что вы и пальцем не тронете меня в присутствии моих роботов.

— А если я вызову сотню роботов?

— Мне не повредит и сотня. Они не отличают землянина от аврорца. Я человек и попадаю под действие Трех Законов.

— Они просто обездвижат вас, не нанося вреда, а ваших роботов уничтожат.

— Нет. Жискар слышит вас, и если вы сделаете движение, чтобы созвать своих роботов, он обездвижит вас. И ваши роботы будут беспомощны, даже если и прибегут. Они поймут, что любое действие против меня вызовет вред для вас.

— Вы хотите сказать, что Жискар повредит мне?

— Чтобы защитить от вреда меня? Несомненно. Он убьет вас, если это будет необходимо.

— Этого не может быть.

— Может. Дэниелу и Жискару приказано защищать меня. В этом смысле Первый Закон усилен со всем уменьем доктора Фастольфа специально в отношении меня. Подробностей я не знаю, но совершенно уверен, что это правда. Если мои роботы должны выбирать между вредом для меня и вредом для вас, хоть я и землянин, они с легкостью выберут вред для вас. Я думаю, вы хорошо понимаете, что доктор Фастольф не слишком заботился о вашем благополучии.

Усмешка искривила лицо Амадейро.

— Я уверен, что вы правы во всех отношениях, мистер Бейли, но очень хорошо, что вы об этом сказали. Вы знаете, мой дорогой сэр, что я тоже записал этот разговор. Я с самого начала сказал вам об этом и рад этому. Доктор Фастольф, может быть, сотрет эту часть беседы, но я, будьте уверены, сохраню ее. Из ваших слов ясно, что он вполне готов изобрести способ, как заставить робота повредить мне и даже убить меня, в то время как из этого или любого другого разговора нельзя вывести, что я планирую нанести физический вред ему или даже вам. Кто же из нас негодяй? Вы, я думаю, сами это решите, а сейчас, наверное, самое время закончить наше интервью.

Он улыбаясь встал, и Бейли машинально встал тоже. — Однако, я хотел сказать еще одну вещь. Она не касается наших маленьких разногласий с Фастольфом. Это скорее ваша собственная проблема, мистер Бейли.

— А именно?

— Наверное, лучше сказать — земная проблема. Я полагаю, вы так стараетесь спасти беднягу Фастольфа от последствий его глупости, потому что думаете, что это даст вашей планете шанс к экспансии. Не думайте так, мистер Бейли. Вы полностью заблуждаетесь: все шиворот-навыворот — это вульгарное выражение я нашел в одном вашем историческом романе.

— Я не знаком с этим выражением.

— Я хочу сказать, что у вас обратная ситуация. Когда моя точка зрения победит в Совете — заметьте, я говорю «когда», а не «если» — Земля будет вынуждена остаться в своей планетарной системе, и это будет для ее же пользы. Аврора будет ждать своего распространения и устройства бесконечной империи. Если мы знаем, что Земля — просто Земля и ничего больше — какое нам до нее дело? Имея в своем распоряжении Галактику, нам плевать на землян с их единственной планетой. Мы даже поможем Земле стать более

комфортабельной для ее народа.

С другой стороны, мистер Бейли, если авроры согласятся с Фастольфом и позволят Земле пересылать переселенческие партии, то очень скоро многие начнут думать, что Земля захватит всю Галактику и возьмет нас в кольцо, где нас ждет загнивание и смерть. И тогда я уже ничего не смогу сделать. Мои дружеские чувства к землянам не смогут противостоять всеобщей аврорской подозрительности и предвзятости, и это будет очень плохо для Земли. Так что, если вы искренне заботитесь о своем народе, то постарайтесь, чтобы Фастольфу не удалось навязать Авроре свой абсолютно неверный план. Вам следовало бы содействовать моему. Подумайте об этом. Уверяю вас, я говорю это из самых дружеских побуждений и искренней симпатии к вам и к вашей планете.

Амадейро широко улыбнулся, как и раньше, но волк уже выступил полностью.

Бейли и его роботы вышли вслед за Амадейро и пошли по коридору. Амадейро остановился у неприметной двери и сказал:

— Не хотите ли воспользоваться удобствами перед уходом?

Бейли растерянно нахмурился, потому что не

понял, но потом вспомнил старинное слово.

— Один древний генерал, не помню его имени, сказал однажды: «Никогда не упускай случая помочиться».

— Прекрасный совет, — Амадейро улыбнулся: — Такой же хороший, как мой совет вам серьезно подумать над моими словами. Но я вижу, что вы колеблетесь. Не думаете ли вы, что я ставлю вам ловушку? Поверьте, я не варвар. Вы мой гость в этом здании, и уже по одной этой причине вы в безопасности.

Бейли осторожно спросил: — Я колеблюсь, потому что не уверен, полагается ли мне пользоваться вашими… удобствами, учитывая, что я не аврорец.

— Ерунда, мой дорогой Бейли. Какая у вас альтернатива? Нужды могут быть, вот и пользуйтесь. Пусть это будет символом того, что я не разделяю аврорских предрассудков и желаю добра вам и Земле.

— Вы не сделаете ли еще один шаг?

— В каком смысле?

— Покажите мне, что вы также выше здешних предрассудков против роботов…

— У нас нет предрассудков против роботов, быстро сказал Амадейро.

Бейли важно кивнул, как бы соглашаясь, и закончил начатую фразу: — Позвольте им войти со мной в туалет. Я чувствую себя неуютно без них.

Амадейро был потрясен, но тут же оправился и сказал несколько хмуро: — Как хотите, мистер Бейли.

— Спасибо.

Бейли открыл дверь: — Жискар, войдите, пожалуйста.

Жискар явно заколебался, но вошел без возражений. По жесту Бейли Дэниел Шагнул за ним, но, проходя в дверь, взял Бейли за локоть и втащил внутрь. Бейли вошел с большой неохотой, хотя и чувствовал необходимость. Нет ли тут какого-нибудь неприятного сюрприза?

Туалет был пуст. Его не надо было даже обыскивать. Он был меньше, чем в доме Фастольфа.

Дэниел и Жискар молча стояли рядом у двери, как у последнего возможного рубежа.

— Вы можете войти сюда, и вам, Дэниел, вовсе нет нужды молчать, — сказал Бейли. Дэниел был однажды на Земле и знал земное табу на разговоры в туалете. Дэниел тут же показал это знание, приложив палец к губам.

Бейли проговорил: — Здесь я забываю об этом. Если Амадейро мог забыть табу насчет роботов

в туалете, то и я могу забыть табу на разговоры здесь.

— Вам не будет это неприятно, партнер Илайдж? — тихим голосом спросил Дэниел.

— Нисколько. Скажите, Дэниел, вы лучше меня знаете аврорцев, почему Амадейро принял на себя все эти заботы? Он тратил время на разговор со мной, проводил меня, предложил воспользоваться туалетом, чего Василия не сделала. Почему? Из вежливости?

— Многие аврорцы гордятся своей вежливостью. Может, и Амадейро тоже? Он несколько раз подчеркнул, что он не варвар.

— Еще вопрос: ка к вы думаете, почему он разрешил мне привести сюда вас и Жискара?

— Мне кажется, чтобы уменьшить ваши подозрения насчет возможной ловушки в этом помещении.

Какое ему дело до моих необоснованных тревог?

— Жест цивилизованного аврорского джентльмена, мне кажется.

Бейли покачал головой: — *Я* не считаю его цивилизованным джентльменом. Он ясно показал это, сказав, что если я не брошу расследование, он постарается, чтобы пострадала вся Земля. Это акт

цивилизованного джентльмена или невероятно жестокого авантюриста?

— Аврорский джентльмен может позволить себе при необходимости самые сильные угрозы, но только в джентльменской манере.

— Именно так Амадейро и сделал. Значит, джентльмена отличает только манера, а не суть сказанного. Но, может быть, Дэниел, вы как робот не можете критиковать человека?

— Мне это трудно. Но могу я спросить, почему вы просили разрешения ввести в туалет друга Жискара и меня? Мне кажется, вы раньше не верили в опасность для себя, а сейчас решили, что вы в безопасности только в нашем присутствии.

— Нет, ничего подобного. Сейчас я полностью убедился, что опасности для меня нет и не было.

— Однако у вас были явные подозрения, когда вы вошли сюда. Вы осмотрели помещение.

— Конечно! Я сказал, что для меня опасности нет, но я не говорил, что ее нет вообще.

— Я не вижу разницы.

— Потом поговорим, Дэниел. Я не уверен, что в этом помещении нет «жучка». Ну, Дэниел, я готов выйти. Интересно знать, ждет нас Амадейро или поручил кому-нибудь выпроводить нас. В конце концов, он человек занятой и не может тратить

на меня целый день. Как вы думаете, Дэниел?

— Логичнее было бы передать нас кому-то другому.

— А по-вашему, Жискар?

— Я согласен с другом Дэниелом, но знаю по опыту, что люди не всегда действуют логично.

— А вот я, — сказал Бейли, — подозреваю, что Амадейро терпеливо ждет нас. Если его что-то тянуло тратить на нас столько времени, то, я думаю, тянущая сила, какова бы она ни была, еще не ослабела, и меня это очень беспокоит. Ну, давайте откроем дверь и посмотрим.

Амадейро стоял за дверью на том же месте, где Бейли оставил его. Он улыбнулся им, не показав никаких признаков нетерпения. Бейли не мог удержаться и бросил взгляд на Дэниела «Как я и говорил». Амадейро сказал:

— Я очень пожалел, мистер Бейли, что вы не оставили Жискара здесь. Я должен был бы знать его в те времена, когда мы с Фастольфом были в лучших отношениях, но почему-то ни разу не видел. Фастольф ведь был когда-то моим учителем.

— Да? Я не знал, — сказал Бейли.

— Откуда же вам знать, если он не говорил, а вы здесь, на Авроре слишком недавно. Кстати, мне пришло в голову, что вы едва ли сочтете меня

гостеприимным, если я не покажу вам Институт.

— Вообще-то я должен…

— Я настаиваю, — сказал Амадейро с повелительной ноткой в голосе. — Вы прибыли на Аврору вчера утром, и я сомневаюсь, что вы пробудете здесь долго. У вас, вероятно, единственный шанс взглянуть на современную лабораторию, где ведутся исследовательские работы по робототехнике. — Он взял Бейли под руку, продолжая говорить. «Болтун», подумал ошеломленный Бейли.

— Вы справили свои нужды и умылись, — продолжал Амадейро. — Возможно, вы пожелаете задать вопросы другим роботехникам, и я буду приветствовать это, поскольку решил показать, что не ставлю барьеров на вашем пути на то короткое время, пока вам еще позволен о вести расследование. В сущности, вы можете и пообедать с нами.

— Если я могу вмешаться, сэр… — начал Жискар.

— Не можешь, — сказал Амадейро с безошибочной твердостью, и робот замолчал.

— Мой дорогой мистер Бейли, я понимаю этих роботов. Кто может знать их лучше, если не считать несчастного Фастольфа, конечно? Я уверен,

что Жискар хотел напомнить вам о каком-нибудь обещании или о деле, но это не будет иметь никакого значения, поскольку расследование вот-вот закончится. Давайте забудем всю эту чепуху и на короткое время станем друзьями. Я люблю Землю и ее культуру и особенно интересуюсь прошлым, теми временами, когда там было множество языков и еще не развился стандартный межзвездный. Поздравляю вас, вы прекрасно говорите на стандартном. Вот сюда.

Он повернул за угол: — Один из многих предрассудков аврорцев — что земляне говорят на непонятном диалекте стандартного, однако я вас хорошо понимаю.

Он улыбнулся: — Я пытался читать Шекспира — не в подлиннике, конечно, — но перевод оказался удивительно плоским. Я думаю, что это вина переводчика, а не Шекспира. С Диккенсом и Толстым дело обстоит лучше, может, потому, что это проза, хотя имена действующих лиц у того и у другого для меня непроизносимы. Я хочу сказать, мистер Бейли, что я друг Земли. Я желаю для нее самого лучшего, понимаете?

Он посмотрел на Бейли, и в его блестящих глазах снова проявился волк.

Бейли повысил голос, прерывая мягко струящу-

юся речь Амадейро: — Боюсь, что не могу больше задерживать вас, доктор Амадейро. У меня дела, а ни к вам, ни к вашим сотрудникам у меня больше нет вопросов…

Бейли сделал паузу, услышав слабый грохот в воздухе, и испуганно взглянул вверх: — Что это?

— Что? — спросил Амадейро. — Я ничего не чувствую. — Он взглянул на роботов, молча идущих позади, и сказал с нажимом: — Ничего!

Бейли понял, что это был эквивалент приказа. Ни один робот теперь не скажет, что слышал грохот — в прямом противоречии человеку, если только сам Бейли не приложит контрдавление, а он не был уверен, что у него хватит умения выступить против профессионалов. Да это и неважно. Он слышал что-то, и он не робот, но говорить об этом не будет.

По вашим же словам, доктор Амадейро, у меня осталось мало времени. Тем больше оснований мне… — Снова грохот. Громче. — Это я полагаю, именно то, что вы раньше не слышали, а я слышал. Дайте мне уйти, сэр, или я попрошу своих роботов помочь мне.

Амадейро отпустил локоть Бейли.

— Друг мой, вам стоило только сказать. Я провожу вас к ближайшему выходу. Если вы ко-

гда-нибудь будете снова на Авроре, хотя мне это кажется совершенно невероятным, заходите, и мы с вами сделаем обход, который я вам обещал.

Они быстро спустились по эскалатору, прошли по коридору и вышли в прихожую, окна которой были совершенно темными. Неужели уже ночь? Нет. Амадейро пробормотал:

— Погода испортилась, вот окна и затемнили. — Он обернулся к Бейли. — Похоже, что дождь. Его предсказывали, а прогнозы иногда сбываются… если они неприятные.

Дверь открылась, и Бейли попятился, задохнувшись. В дверь ворвался холодный ветер, вершины деревьев качались, небо было темно-серым и с него лилась потоками вода. По небу вдруг пронеслась слепяще-яркая вспышка, а затем снова грохот и треск, словно вспышка расколола небо. Бейли повернулся и со стоном бросился назад.

Бейли почувствовал, что Дэниел крепко обнял его за плечи. Он остановился и подавил свой инфантильный звук, но чувствовал, что весь дрожит. Дэниел сказал с бесконечным уважением:

— Партнер Илайдж, это гроза — предсказанная, ожидаемая, обычная.

— Знаю, — прошептал Бейли.

Он должен был знать. Он много раз читал о ней.

Он видел голографии и видел в гиперволновом шоу — звук, свет и все прочее. Но здесь было нечто реальное, настоящий звук и свет, которые никогда не проникали в купола Города, и он, Бейли, никогда в жизни не испытывал такой вещи. Несмотря на все описания и изображения, он не представят себе, что следы молний такие яркие и так быстро проносятся по небу, что гром так вибрирует, что то и другое появляется внезапно. Не знал, что дождь может лить как из ведра и бесконечно.

— Я не могу выйти в это, — сказал он в отчаянии.

— И не нужно, — сказал Дэниел. — Жискар подведет машину к дверям, так что на вас и капли дождя не упадет.

— Может, подождать, пока он пройдет?

— Не стоило бы, партнер Илайдж. Дождь может кончиться только после полуночи, а если Председатель придет завтра утром, как предположил доктор Амадейро, разумнее было бы потратить вечер на консультацию с доктором Фастольфом.

Бейли заставил себя повернуться в направлении того, от чего хотел бы убежать, и посмотрел в глаза Дэниела. Они казались очень озабоченными, но это было, возможно, лишь интерпретацией

их выражения со стороны самого Бейли. У робота нет ощущений, только позитронные волны, которые изображают эти ощущения. Впрочем, может, и у человека нет ощущений, а просто нейронные волны интерпретируются как ощущения? Бейли заметил, что Амадейро ушел, и сказал:

— Амадейро намеренно задерживал меня предложением зайти в туалет, бессмысленной болтовней, предупреждением, чтобы вы и Жискар не сказали мне о грозе. Он даже пытался уговорить меня пройтись по зданию и остаться обедать. Он прекратил все это только при ударе грома. Именно его он и ждал.

— Похоже на то. Видимо, он хотел, чтобы гроза задержала вас здесь.

Бейли глубоко вздохнул: — Вы правы. Я должен выйти.

Он нехотя сделал шаг к открытой двери. Еще один. И еще — тяжело навалившись на Дэниела. Жискар спокойно ждал в дверях. Бейли остановился и на секунду закрыл глаза, а затем сказал тихо, больше себе, чем Дэниелу:

— Я должен выйти. — И снова двинулся вперед.

— Вы в порядке? — спросил Жискар.

«Дурацкий вопрос, продиктованный програм-

мой робота, — подумал Бейли, — хотя так же спросил бы и иной человек с запрограммированным этикетом.»

— Да, — ответил он.

Он тщетно пытался поднять голос выше хриплого шепота. Бесполезно отвечать на глупый вопрос, поскольку Жискар и сам видел, что Бейли не в порядке, и что его ответ — явная ложь. Однако ответ был дан и принят и дал Жискару возможность сделать следующий шаг.

— Тогда я пойду и подведу машину к дверям.

— А она будет работать при… при этой воде, Жискар?

— Да, сэр. Это обычный дождь.

Жискар вышел, и Бейли впервые в жизни позавидовал роботу: спокойно идет через это, не обращает внимания на воду, на свет и звук, игнорирует окружающее, имеет псевдо-жизнь и абсолютную храбрость, не знает страха перед болью и смертью, потому что для него нет ни боли, ни смерти. Но зато не может быть способным к оригинальности мышления, не может иметь непредсказуемого прыжка интуиции… Стоили ли эти дарования той цены, что человек платит за них? В данный момент Бейли не мог сказать. Он знал, что, как только избавится от этого ужаса, он

признает: за то, чтобы быть человеком, никакая цена не высока. Но сейчас он ничего не испытывал, кроме сердцебиения и подавленности воли, и думал только: — «Можно ли считать себя человеком, если не можешь преодолеть этот глубоко сидящий ужас, эту страшную агорафобию?»

Однако, он был на открытом пространстве больше двух дней и чувствовал себя почти совсем хорошо. Но страх не был побежден, теперь Бейли это знал. Он подавлял его, думая о других вещах, но гроза пересиливала интенсивность мыслей. Он не мог допустить этого. Если все погибнет — мысль, гордость, воля — он должен вернуться на позор. Он не мог показать слабость перед безразличным, высокомерным взглядом роботов. Это позор — не пересилить страх. Он чувствовал руку Дэниела на своей талии, и стыд предупреждал, чтобы он не делал того, что больше всего хотел — повернуться и спрятать лицо на груди робота. Может, он и не удержался бы, будь Дэниел человеком…

Он, видимо, потерял всякий контакте реальностью, потому что вдруг услышал голос Дэниела, донесшийся как бы издалека и звучавший почти панически:

— Партнер Илайдж, вы слышите меня?

Голос Жискара, тоже издалека, сказал:

— Мы должны нести его.

— Нет, — пробормотал Бейли, — я сам пойду.

Видимо, они не слышали. А может, он и не сказал этого, а только подумал. Его подняли. Левая рука его беспомощно болталась, и он старался поднять ее, оттолкнуться и снова встать на ноги, но его старания ни к чему не привели. Но вот он снова в машине, заклиненный между Дэниелом и Жискаром. Над ним струился теплый воздух.

— Простите, что моя поверхность мокрая, — сказал Жискар. — Я быстро высохну. Мы подождем здесь некоторое время, пока вы придете в себя.

Бейли облегченно вздохнул: он был уютно огорожен. «Дайте мне мой Город, подумал он. Пропадай вся Вселенная, пусть космониты колонизируют ее. Мне нужна только Земля.» Но, думая так, он сам не верил себе. Надо занять мозг делом.

— Дэниел, — слабо заговорил он, — как вы считаете, правильно ли Амадейро оценил ситуацию, когда сказал, что Председатель положит конец расследованию, или выдавал желаемое за действительное?

— Возможно, партнер Илайдж, что Председатель действительно допросит доктора Фастольфа

и Амадейро по этому делу. Стандартная процедура — диспут на эту тему. Прецедентов было много.

— Но зачем? Если Амадейро так убедителен, почему бы Председателю просто не приказать прекратить следствие?

— Председатель в трудном политическом положении. Он сначала согласился на требование доктора Фастольфа привезти вас на Аврору и теперь не может так быстро переиграть, чтобы не показать себя слабым и нерешительным и не разозлить доктора Фастольфа, который все еще является влиятельной фигурой в Совете.

— Тогда почему же он не откажет Амадейро в его просьбе?

— Доктор Амадейро тоже влиятельное лицо, и похоже, что его влияние растет. Председатель может выиграть время, выслушивая обе стороны и давая хотя бы видимость обсуждения перед тем, как вынести решение.

— На чем основанное?

— На сущности дела, я полагаю.

— Значит, завтра утром я должен иметь что-то, что убедит Председателя встать на сторону Фастольфа. Если я это сделаю, будет ли это означать победу?

— Председатель не всемогущ, но влияние его велико. Если он резко примет сторону доктора Фастольфа, то, при теперешних политических обстоятельствах, доктор Фастольф, вероятно, получит поддержку Совета.

Бейли обнаружил, что снова начал ясно мыслить.

— Это объясняет попытку Амадейро задержать нас. Он рассудил, что мне нечего предложить Председателю, и не хотел, чтобы я получил хоть что-нибудь за оставшееся время.

— Похоже на то, партнер Илайдж.

— И он отпустил меня, когда подумал, что меня все равно задержит гроза.

— Наверное, так.

— В таком случае, мы не можем позволить грозе задержать нас.

Жискар спокойно сказал: — Куда вас отвезти, сэр?

— В дом доктора Фастольфа.

— Можно еще минутку? — спросил Дэниел. — Вы намерены сказать доктору Фастольфу, что не можете продолжать расследование?

— С чего вы взяли? — резко сказал Бейли. Он явно оправился, потому что его голос стал громким и сердитым.

— Просто я боюсь, не забыли ли вы на минуту, что доктор Амадейро требовал от вас именно этого ради благополучия Земли.

— Я не забыл, — угрюмо сказал Бейли, — и я удивляюсь, Дэниел, как вы могли подумать, что это может повлиять на меня.

Фастольф должен быть реабилитирован, и Земля должна послать своих поселенцев в Галактику.

— Нов таком случае, зачем возвращаться к доктору Фастольфу? Мне кажется, сейчас нам нечего сообщить ему. Нет ли направления, в котором мы могли бы продолжить расследование до рапорта доктору Фастольфу?

Бейли сказал обычным голосом:

— Я удовлетворен прогрессом, который у меня уже есть, Дэниел. Поехали, Жискар, к дому Фастольфа.

Затем он добавил, сжав кулаки и напрягая тело:

— И просветлите окна, Жискар. Я хочу смотреть грозе в лицо.

Бейли задержал дыхание, готовясь. Маленький бокс машины больше не будет полностью закрытым.

Как только окна стали прозрачными, сверкну-

ла молния, а через одну-две секунды загрохотал гром.

— Гроза скоро пойдет на убыль, — миролюбиво сказал Дэниел.

— Мне все равно, пройдет она или нет, — сказал Бейли.

Губы его дрожали: — Поехали.

Он старался, ради себя самого, поддерживать иллюзию человека, командующего роботами.

Машина слегка поднялась в воздух и тут же накренилась, так что Бейли навалился на Жискара.

— Выпрямите машину, Жискар! — крикнул он.

Дэниел обнял Бейли за плечи и мягко притянул обратно, держась другой рукой за скобу на корпусе машины.

— Этого нельзя сделать, — сказал он. — Очень сильный ветер.

Волосы Бейли стали дыбом.

— Вы хотите сказать, что мы можем упасть?

— Нет, ни в коем случае. Ветер раскачивает машину, но она под полным контролем Жискара.

— Что-то непохоже! — почти всхлипнул Бейли, представив себе, как ветер кружит вокруг машины, как отрезает ей путь через защитную атмосферу.

— Нет лучше водителя, чем Жискар, — продол-

жал Дэниел, — но ветер очень силен, поэтому возможны случайные прыжки и качка. Так что вы извините Жискара, что он не участвует в разговоре: все его внимание отдано машине.

Безопасно ли? Бейли чувствовал, как сжимается его желудок при мысли о такой игре с ветром. Как хорошо, что он несколько часов не ел! Он попытался думать о чем-то другом. Он вспомнил о движущихся дорожках на Земле, о том, как переходят с такой дорожки на соседнюю, более быструю, затем на следующую, еще более быструю, а затем обратно, на более медленную, умело наклоняясь в возникающем от этого ветре, идут в одном направлении по быстрой дорожке и в противоположном по более медленной. В молодости Бейли делал это без паузы и безошибочно. Ну, ведь и здесь то же самое! Машина на движущихся дорожках. То же самое! Нет, правду сказать, не совсем. В Городе было строго определенное количество скоростных дорожек. Ветер там дул абсолютно предсказуемым манером, поскольку он был результатом движения. В грозу же ветер как бы имел собственный разум, он зависел от множества разных причин. Иначе говоря, это были скоростные дорожки с добавочными осложнениями. Дорожки бежали по-разному и резко

меняли скорость.

Стало темнее. Бейли ничего не видел, и стрелы молний не сияли больше, а слепили. Он закрыл глаза, но это не помогало: он сильнее сознавал злобно грохочущий гром.

Жискар вдруг сказал:

— Машина работает не так, как ей положено.

— Не гроза ли повредила ее, друг Жискар? — спросил Дэниел.

— Не похоже, друг Дэниел. Эта машина не должна бы пострадать от этой или любой другой грозы.

Бейли с трудом включился в разговор:

— Какого рода повреждение?

— Я бы сказал — подтекает компрессор, сэр, но очень медленно. Это не обычный прокол.

— Как же это случилось?

— Видимо, намеренное повреждение, пока машина стояла у Административного здания. Теперь я это понял, потому что с недавнего времени за нами следуют и стараются не перегнать.

— Почему, Жискар?

— Возможно, сэр, ждут, пока мы полностью остановимся. Движение машины становится все более неровным.

— До дома Фастольфа не дотянем?

— Похоже, нет, сэр.

Бейли попытался ввести в действие свой расслабившийся мозг.

— В таком случае, я совершенно неправильно расценил причины доктора Амадейро для нашей задержки. Он задержал нас, пока его роботы испортили машину таким образом, чтобы мы сели тут в самый разгар грозы.

— Но зачем ему это? — потрясенно спросил Дэниел. — Захватить вас? Так вы уже были у него.

— Не меня. Меня никто не хочет захватывать. Опасность грозит вам, Дэниел.

— Мне?

— Да, вам. Жискар, найдите место, чтобы сесть. Дэниел должен как можно скорее выйти из машины и уйти в безопасное место:

— Это невозможно, — сказал Дэниел. — Я не могу оставить вас, когда вы чувствуете себя плохо, тем более, если преследующие нас могут повредить вам.

— Дэниел, они преследуют вас. Вы должны уйти. А я останусь в машине. Для меня нет никакой опасности.

— Как я могу поверить этому?

— Прошу вас, Дэниел! Как мне объяснить вам

все? Вы здесь — самый важный индивидуум, более важный, чем Жискар и я, вместе взятые. Дело не только в том, что я беспокоюсь о вас и не хочу, чтобы вам повредили. От вас зависит все человечество. Не заботьтесь обо мне: я один. Заботьтесь о миллиардах! Дэниел, прошу вас…

Бейли чувствовал, что его бросает то взад, то вперед. Может, машина разламывается, или Жискар потерял контроль? Бейли это не тревожило. Нисколько! Пусть себе машина разлетается на куски. Он будет только рад забвению. Только бы ему уговорить Дэниела уйти, спастись! Но как? Все было нереально, и он не мог ничего объяснить этим роботам. Самому ему ситуация была ясна, но как передать это понимание роботам, не людям, которые не понимают ничего, кроме своих Трех Законов и позволят Земле и в дальнейшем всему человечеству отправиться в ад лишь потому, что они заняты одним человеком, который у них под носом? Зачем вообще изобрели роботов?

И тут, как ни странно, пришел на помощь Жискар. Он сказал своим бесцветным голосом:

— Друг Дэниел, я больше не могу вести машину. Наверное, лучше будет сделать так, как советует мистер Бейли. Он дал тебе очень сильный приказ.

— Как я могу оставить его, когда он нездоров, друг Жискар? — сказал расстроенный Дэниел.

— Ты не можешь взять его с собой во время грозы, друг Дэниел. Больше того, он, похоже, так тревожится за тебя, что ему может повредить, если ты останешься.

Бейли воспрянул духом: — Да, — прохрипел он, — именно так. Жискар, вы пойдете с ним, спрячьте его, удостоверьтесь, что он не вернется, и придете за мной.

— Этого делать нельзя, партнёр Илайдж. Мы не можем оставить вас одного без нашей заботы и охраны.

— Для меня нет опасности. Делайте, как я сказал…

— Эти преследователи, — сказал Жискар, — вероятнее всего, роботы. Люди не решились бы выехать в грозу. А роботы не повредят мистеру Бейли.

— Они могут увезти его, — сказал Дэниел.

— Только не во время грозы, друг Дэниел, потому что это явно повредит ему. Ты должен сделать то, что приказал мистер Бейли. И я тоже.

— Хорошо! — прошептал Бейли. Он был благодарен более простому мозгу, на который, видимо, было легче воздействовать и которому не хватало

способностей теряться в усилившихся тонкостях. Он мельком подумал, что Дэниел заклинился между ощущением плохого состояния Бейли и настойчивостью приказа, и теперь его мозг трещит от конфликта. Нет, Дэниел, подумал он, делайте точно, как я сказал, и не обсуждайте это. У него не хватило сил сказать это вслух.

Машина села с коротким лязгающим звуком. Дверцы открылись с двух сторон и снова мягко закрылись. Роботы тут же исчезли. Как только они приняли решение, никаких колебаний больше не было, и они исчезли с непостижимой для человека скоростью. Бейли глубоко вздохнул. Машина стала теперь как бы частью грунта. Он вдруг осознал, что большая часть его дурного состояния зависела от качки и брыканья машины, от ощущения, что он уже не связан со Вселенной, а отдан на милость неодушевленных, равнодушных сил. Теперь все было тихо, и он открыл глаза. Он даже не сознавал, что они были закрыты. Молнии все еще сверкали на горизонте и гром продолжал греметь, и ветер, увидев, что машина стала теперь более сопротивляющейся и менее уязвимой, чем была в воздухе, завыл еще более пронзительно. Стало совсем темно. Глаза Бейли не видели ничего, кроме блеска молний.

Солнце, видимо, уже зашло, а тучи были очень плотными.

И впервые после отъезда с Земли Бейли был один.

Один!

Он был слишком нездоров, слишком не в себе, чтобы правильно соображать. Даже сейчас ему было трудно понять, что он должен был сделать и что сделал, и в его усталом мозгу билась только одна мысль: Дэниел должен был уйти. Сейчас он не задавался вопросом, где он находится, куда ушли Дэниел и Жискар, он не знал, как включить обогрев в машине, если будет холодно, и как выключить его. Он не знал даже, как открыть дверцу. Ему оставалось только ждать возвращения Жискара. А вернется он наверняка: приказа О было ясно и понятно. Наверное, Бейли мог позволить себе уснуть. Нет. Рискнет ли он? Ведь их преследовали. Они были под наблюдением. Пока машина стояла у Административного здания Института, ее попортили, и те, кто это сделал, скоро будут здесь. И он ждал не только Жискара, но и их.

Надо все как следует обдумать. Машину испортили у Административного здания. Это мог сделать любой, но более вероятно, что это сделал

тот, кто знал, чья она. А кто знал это лучше доктора Амадейро? Амадейро намеренно задерживал их до грозы, это очевидно, чтобы Бейли поехал и сделал вынужденную посадку во время грозы. Амадейро изучал Землю и ее население: он сам хвастался этим. Он прекрасно знал, как трудно землянину быть Снаружи вообще и в грозу в особенности. И он был полностью уверен, что Бейли станет совершенно беспомощным. Почему он желал этого? Привести Бейли обратно в Институт? Бейли уже был там, но тогда он полностью владел своими способностями и, кроме того, имел двух роботов, отлично могущих защитить его физически. Теперь же другое дело! Если машина в грозу будет бездеятельна, Бейли должен стать бездеятельным эмоционально. Он даже может потерять сознание и не сумеет противиться возвращению. И роботы тоже не будут возражать. Видя Бейли совершенно больным, они даже помогут роботам Амадейро увезти его. А если кто-нибудь поинтересуется действиями Амадейро, тот скажет, что боялся за Бейли, пытался удержать его в Институте, но не смог и послал своих роботов проводить его и удостовериться, что все в порядке. Когда же машина Бейли сломалась от грозы, эти роботы принесли Бейли обратно. Поскольку люди не

знают, что Амадейро сам приказал испортить машину — а кто этому поверит, и как это доказать? — единственной реакцией общества будет похвала гуманности Амадейро, тем более поразительной, что она относилась к недочеловеку — землянину.

А что сделал бы Амадейро с Бейли? Ничего, разве что продержал бы некоторое время в беспомощном состоянии. Сам Бейли — не цель, не добыча, это ясно. С ним были два робота, и они тоже были бы беспомощны. По данным им инструкциям, они должны были охранять Бейли, но если он болен и о нем хорошо заботятся, им оставалось только повиноваться приказам Амадейро, направленным якобы на пользу Бейли. А сам Бейли едва ли был бы настолько в себе, чтобы защитить роботов от этих приказов — его наверняка напичкали бы седативными препаратами. Это же так ясно! Амадейро имел у себя Бейли, Дэниела и Жискара, но бесполезно. Он послал роботов в грозу с приказом вернуть всех троих, и получил бы их снова — уже с пользой. Главное — Дэниел! Целью был Дэниел. Конечно, Фастольф стал бы искать их и, в конце юнцов, нашел бы и вернул, но не слишком ли поздно?

А что Амадейро хотел сделать с Дэниелом?

Бейли был уверен, что знает, но как это можно доказать?

Голова Бейли болела, и он закрыл глаза. Веки все-таки создавали стены. Но он не смел задремать.

Дверца машины открылась с легким шумом. Бейли услышал его, ощутил ворвавшийся внутрь холодный сырой ветер, резкий запах мокрой зелени и знакомый запах масла от обшивки, напомнивший ему Город. Увидит ли он его снова?

Бейли открыл глаза и увидел лицо робота. Робот сказал:

— Простите, сэр, разве с вами нет двух роботов?

— Ушли, — пробормотал Бейли, разыгрывая больного, хотя понимал, что разыгрывать это и не нужно.

— Куда ушли, сэр?

Ожидая ответа, робот добавил: — Вы больны, сэр?

Бейли почувствовал некоторое удовлетворение оттого, что еще способен мыслить. Если робот не получил особых инструкций, он должен был искать признаки болезни Бейли в первую голову. Если же спрашивают первым делом о роботах, значит, это самое важное. Так оно и есть.

Бейли постарался ползать силу и нормальное состояние, которых у него не было, и сказал:

— Я здоров. Не беспокойтесь обо мне.

Он, вероятно, не убедил бы обычного робота, но этот был так явно заинтересован в Дэниеле, что принял ответ Бейли.

— Куда ушли роботы, сэр?

— Обратно в Институт Роботехники.

— Зачем, сэр?

— Их вызвал Главный роботехник Амадейро и приказал им вернуться. Я жду их.

— Почему вы не отправились с ними, сэр?

— Главный роботехник Амадейро не хотел, чтобы я подвергался действию грозы. Он приказал мне ждать здесь, и я следую его приказам.

Он надеялся, что повторение престижного имени и слова «приказ» произведет впечатление на робота, и тот оставит его в покое. Но с другой стороны, роботу были даны особо тщательные инструкции привести обратно Дэниела, и если он поверит, что Дэниел уже на пути в Институт, он будет иметь время подумать о Бейли и скажет…

Робот сказал: — Но вы, похоже, нездоровы, сэр.

Бейли снова почувствовал удовлетворение: — Я здоров.

Когда глаза его привыкли к темноте, он разли-

чил позади робота несколько других. Глаза их тускло блестели. Повернув голову, Бейли увидел роботов у левой дверцы, хотя она оставалась закрытой. Сколько же их послал Амадейро?

— Главный роботехник Амадейро приказал, чтобы мои роботы вернулись в Институт, а я ждал бы здесь. Если вас послали в помощь, и если у вас есть машина, догоните их и подвезите. Эта машина не работает. — Он старался говорить твердо, как здоровый, но это не вполне ему удавалось.

— Они возвращаются пешком, сэр?

— Найдите их. У вас ясные приказы.

Последовало явное колебание.

Бейли, наконец, вспомнил, как двинуть ногой. Ему следовало бы сделать это раньше, но его физическое тело не отвечало точно на его мысли.

Роботы все еще были в нерешительности, и это страшно огорчало Бейли. Он не космонит, он не знает правильных слов, правильного тона, правильного вида, которыми управляют роботами. Умелый роботехник мог одним жестом, одним движением брови управлять роботом, как марионеткой, особенно, если робот его собственного изготовления. А Бейли всего лишь землянин. Он нахмурился, что было нетрудно в его состоянии, и слабо прошептал, махнув рукой:

— Идите!

Видимо, это добавило последний маленький и необходимый штрих к его приказу: роботы приняли решение, колебаний больше не было. Они двинулись обратно к своей машине — где бы она там ни была — с такой скоростью, что казалось, будто они просто исчезли.

Дверца, которую робот открыл, теперь закрывалась сама собой, но Бейли поставил ногу в щель. Он мельком подумал, не будет ли его нога начисто отрезана или размозжены кости, но не убрал ее. Надо думать, что машина спроектирована так, чтобы подобных неприятностей не случалось. Он снова был один. Он вынудил роботов уйти от явно больного человеческого существа, сыграв на силе приказов, данных им компетентным роботехником, который напирал на мощь Второго Закона для своих целей и довел его до такой степени, что совершенно неприкрытая ложь Бейли поставила Первый Закон на второй план.

«Как хорошо, что я это сделал», — подумал Бейли и начал осознавать, что дверца все еще открыта, а его нога ничуть не пострадала.

Вокруг ноги Бейли кружился холодный воздух и падали струи холодной воды. Ощущение было пугающе ненормальным, но Бейли не мог поз-

волить себе закрыть дверцу, поскольку не знал, как ее потом открыть. В книгофильмах ничего не говорилось о том, как открываются дверцы стандартных машин. Предполагается, что вы это знаете, хотя бы теоретически. Он обыскал карманы, которые тоже нелегко было найти, ибо они находились ре на тех местах, нашел носовой платок, укатал его и положил между дверцей и ногой, а затем убрал ногу.

Теперь надо подумать, если он сможет. Какой смысл держать дверцу открытой, если он не собирается выйти? А есть ли смысл выходить? Если подождать, то Жискар в конце концов придет за ним. Рискнуть ждать? Бейли не знал, когда Жискар вернется, он не знал также, когда роботы Амадейро решат, что не найдут Дэниела и Жискара на пути в Институт. В самом деле, не может же быть, чтобы Дэниел и Жискар пошли к Институту в поисках укрытия, но что, если это единственно возможная дорога? Нет, не может этого быть! Бейли покачал головой в знак молчаливого отрицания такой возможности и почувствовал в ответ боль.

Скоро ли роботы Амадейро поймут, что он обманул их или сам был обманут? Не вернутся ли они за ним, чтобы унести его, всячески стараясь

не навредить ему? Сможет ли он удержать их, сказав, что умрет, если его выставить под грозу? И поверят ли они ему? Скорее всего, они сообщат в Институт, и тогда приедут люди, которые, конечно, не станут чрезмерно заботиться о его благополучии. Если же Бейли выйдет из машины и спрячется где-нибудь между деревьями, то преследующим роботам будет труднее отыскать его, и это поможет выиграть время. Но ведь и Жискару тоже будет труднее обнаружить его. Правда у Жискара куда более сильные инструкции охранять его, чем у тех роботов — искать его. Первоочередная задача Жискара — найти Бейли, а у тех — Дэниела. Кроме того, Жискар запрограммирован Фастольфом, а Амадейро, как ни опытен, не может сравниться с Фастольфом. Значит, при прочих равных обстоятельствах, Жискар должен вернуться раньше тех роботов. А, собственно, почему они должны быть равными? С легкой долей цинизма Бейли подумал: я устал и не могу как следует думать. Просто я в отчаянии и ищу себе утешения.

Но что ему оставалось делать, кроме как разыгрывать шанс, как он его понимал? Он распахнул дверцу. Платок выпал в мокрую траву. Бейли машинально поднял его и вылез из машины. На

него хлынули потоки дождя. Очень быстро промокшая одежда прилипла к телу, и Бейли дрожал от холода. По небу пронеслась молния настолько яркая, что он закрыл глаза, а затем резкий грохот поверг его в ужас, и он зажал ладонями уши. Он пошел наугад. Он хотел уйти как можно дальше от кара, чтобы преследователи не сразу нашли его. Он должен держаться стойко и не оставаться поблизости — иначе он мог бы сидеть внутри… сухим. Он шел, вытянув вперед руки. Они наткнулись на что-то. Он ничего не видел, но сообразил, что это грубая кора дерева. Это мог понять даже человек из Города. Затем он вспомнил, что молния может ударить в дерево и убить человека, но не помнил, читал ли он, что за ощущение — быть пораженным молнией и можно ли предупредить это. На Земле он не знал ни одного человека, пораженного молнией. Он обошел дерево. Вперед! Поросль стала гуще и затрудняла его путь. Она схватила его костлявыми пальцами. Он дернулся и услышал, как рвется его одежда. Вперед! Он дрожал, зубы его стучали. Опять вспышка. Он успел бросить взгляд на окружающее. Множество деревьев, целая роща. Что лучше: много деревьев или одно, когда дело касается молнии? Может, лучше не касаться дерева? Он, спотыкаясь, шел

вперед. В одном месте он упал в узкий поток воды, поскользнувшись на камнях, выстилавших дно, но, как ни странно, мокрее не стал. Он снова пошел вперед. Роботы, наверное, не найдут его. А Жискар?

Бейли не знал, где он и куда идет. Он не мог бы уже вернуться к машине, даже если бы хотел. А гроза, похоже, будет продолжаться вечно, и он, Бейли, в конце концов растает и разольется струйкой, и его никто никогда не найдет. А его растаявшие молекулы потекут в океан.

Рука его коснулась дерева. Мокрые руки, мокрое дерево… Удар грома. Странно, что он не видел вспышки — ведь молния должна быть раньше… Он почувствовал под собой землю, потому что пальцы его скреблись в холодной грязи. Он повернул голову, чтобы можно было дышать. Так было даже удобно. Он никуда больше не пойдет. Он будет ждать. Жискар найдет его. Он вдруг ощутил полную уверенность: Жискар найдет его, потому что… Нет, он не помнит, почему. Второй раз он что-то забывает. Тогда, перед тем, как уснуть… А сейчас он забыл то же самое, что и тогда?.. То же самое?..

Ну, наплевать. Все должно быть в порядке… все…

И он лежал там один, без сознания, у подножия дерева, а гроза бушевала над ним.

Впоследствии, оглядываясь назад и оценивая время, Бейли думал, что он был в беспамятстве не меньше десяти и не больше двадцати минут. Его привел в себя голос. Слов он не слышал, только голос. Женский. Вокруг него обвились руки, подняли его, понесли. Одна рука его болталась. Он сделал слабую попытку выпрямиться, но ничего не получилось. Снова женский голос. Он устало открыл глаза. Он чувствовал себя мокрым и озябшим, но вода не лилась на него. И стало светлее — настолько, чтобы увидеть лицо робота. Он узнал это лицо.

— Жискар, — прошептал он.

Тут только он вспомнил грозу и побег. Жискар нашел его раньше, чем те роботы. «Так я и знал» — с удовольствием подумал Бейли и снова закрыл глаза. Его быстро несли, затем остановились и медленно уложили на что-то теплое и удобное. Он каким-то образом знал, что это было сидение закрытого кара. Затем ощущение плавного движения, прикосновение мягкой впитывающей ткани к лицу и рукам. Затем множество ощущений. Он был в доме. Светящиеся стены, множество разных предметов, которые он видел,

когда время от времени открывал глаза. С него методически снимали одежду, и он делал бесполезные попытки помогать. Затем теплая вода и энергичное растирание. Оно продолжалось и продолжалось, и Бейли не хотел, чтобы оно кончилось. Он вдруг схватил руку, державшую его.

— Жискар!

— Я здесь, сэр.

— Дэниел в безопасности?

— В полной безопасности, сэр.

— Хорошо. — Бейли снова закрыл глаза. Он чувствовал, как его поворачивают в потоке сухого воздуха и, наконец, одевают во что-то вроде теплого халата. Какая роскошь! Ничего подобного с ним не случалось с раннего детства, и он вдруг пожалел младенцев, для которых делается все это, а у них не хватает сознания радоваться всему этому. А может, они радуются? Может, он сейчас и переживает наслаждение снова стать ребенком? Он услышал снова женский голос. Мать? Нет, этого не может быть.

Он сидел в кресле и чувствовал, что короткий период возвращения детства прошел. Он снова вернулся в печальный мир самосознания. Но ведь женский голос был!

Чей? Бейли открыл глаза. — Глэдия?

Это был вопрос удивления, но в глубине души Бейли не удивлялся. Наверное, он все-таки узнал этот голос. Он оглянулся вокруг. Жискар стоял в нише., но дело не в нем. Сначала — главное.

— Где Дэниел?

— Он чистится и обсыхает в комнатах роботов. У него есть сухая одежда. Он окружен моим штатом, которому даны инструкции. Никто не подойдет к дому ближе, чем на пятьдесят метров, чтобы об этом сразу же не узнали мы все. Жискар тоже вымылся и высох.

— Да, я вижу, — сказал Бейли.

Он интересовался только Дэниелом. Он убедился, что Глэдия поняла необходимость охраны Дэниела, и перед ним, Бейли, не стоят сложности объяснения дела. Но в стене безопасности была одна брешь, и Бейли опасливо спросил:

— Как же вы оставили его, Глэдия? С вашим уходом в домене осталось ни одного человека, чтобы остановить банду чужих роботов. Дэниела могут увести силой.

— Чепуха, — возразила Глэдия. — Мы ушли недалеко, и доктор Фастольф был извещен. Многие его роботы присоединились к моим, и он сам мог при необходимости прийти сюда за несколько минут — а я не думаю, чтобы чужие роботы

могли противостоять ему.

— Вы видели Дэниела, когда вернулись?

— Конечно! Говорю же вам, что он в безопасности.

— Спасибо. — Бейли снова закрыл глаза и, как ни странно, подумал: «Все не так плохо».

Конечно, не плохо. Он жив, верно? При этой мысли что-то внутри него ухмылялось и радовалось. Он ведь жив!

— Как вы нашли меня, Глэдия?

— Это все Жискар. Они оба пришли сюда, и Жискар быстро объяснил мне ситуацию. Я хотела позаботиться о безопасности Дэниела, но тот не двинулся с места, пока я не обещала послать Жискара за вами. Дэниел был очень красноречив; он страшно уважает вас, Илайдж. Дэниел, конечно, должен был остаться здесь, и был очень огорчен этим, но Жискар настаивал, чтобы я самым твердым образом приказала Дэниелу остаться. Вы, видимо, дали Жискару очень точные приказы. Мы связались с доктором Фастольфом, а после этого сели в мою личную машину.

Бейли слабо покачал головой.

— Вам не нужно было ехать, Глэдия. Ваше место здесь, чтобы заботиться о безопасности Дэниела.

— И оставить вас умирать в грозу? Или позво-

лить врагам доктора Фастольфа захватить вас? Я не могла этого допустить. Нет, Илайдж, я нужна была там, чтобы отогнать от вас чужих роботов, если они первыми найдут вас. Я, может, не на многое гожусь, но управлять толпой роботов умею. Мы, соляриане, к этому привыкли.

— Но как вы меня нашли?

— Это было не так уж трудно. Ваша машина была не очень далеко отсюда, так что мы могли дойти пешком, если бы не гроза. Мы…

— Вы хотите сказать, что мы почти доехали до дома Фастольфа?

— Да. Либо ваша машина была испорчена не настолько, чтобы заставить вас остановиться раньше, либо Жискар сумел вести ее дольше, чем рассчитывали эти вандалы. И это очень хорошо. Если бы вы остановились ближе к Институту, они могли бы взять всех вас. Ну, мы сели в мою машину и отправились туда, где вы… Жискар знал, где это…

— Вы, наверное, вымокли?

— Не очень. У меня был дождевой плащ. Ноги немного промокли, но мне это не повредит. Мы были у вашей машины меньше, чем через полчаса после того, как Дэниел и Жискар оставили вас. Но вас там не оказалось.

— Я пытался…

— Да, мы поняли. Сначала я подумала, что те роботы унесли вас. Жискар сказал, что вас преследовали. Но потом Жискар нашел ваш носовой платок метрах в пятидесяти от машины и сказал, что вы, видимо, пошли в том направлении. Жискар сказал, что с вашей стороны это было нелогично, но люди часто нелогичны, так что надо было искать вас. Вот мы оба и смотрели, и Жискар нашел вас. Он сказал, что увидел инфракрасное излучение вашего тела под деревом. И мы привезли вас сюда.

Бейли спросил с легким неудовольствием:

— А почему он сказал, что мой уход нелогичен?

— Не знаю, Илайдж. Спросите его.

— Жискар, почему?

Бесстрастие Жискара сразу же нарушилось, и его глаза сфокусировались на Бейли: — Я чувствовал, сэр, что вы выставили себя под грозу без необходимости. Если бы вы подождали, мы привезли бы вас сюда раньше.

— Другие роботы могли захватить меня.

— Они и пытались, но вы отправили их обратно, сэр.

— Откуда вы знаете?

— Возле обеих дверей машины было множество отпечатков ног роботов, сэр, но никаких признаков сырости в машине, а они были бы, если бы мокрые руки тянулись вытащить вас. Я рассудил, что вы не выйдете к ним по собственной воле, сэр. А прогнав их, вы могли не бояться, что они вернуться быстро, поскольку по вашей же оценке ситуации им нужен был Дэниел, а не вы. Но зато вы могли быть уверены, что я-то вернусь быстро.

— Я именно так и рассуждал, — пробормотал Бейли, — но мне казалось, что такой мой выход поможет. Я делал то, что мне казалось лучше, а вы все равно найдете меня.

— Да, сэр.

— А почему вы привезли меня сюда? К доктору Фастольфу, наверное, было ближе?

— Не совсем так, сэр. Этот дом немного ближе, и по настойчивости ваших приказов я решил, что для безопасности Дэниела дорога каждая минута. Дэниел согласился со мной, хотя он очень неохотно оставил вас. Поскольку он здесь, я подумал, что и вы захотите быть здесь, чтобы, при желании, лично удостовериться в его безопасности.

Бейли кивнул и сказал, все еще недовольный замечанием о нелогичности: — Вы хорошо сделали, Жискар.

— Вам нужно увидеться с доктором Фастольфом? — спросила Глэдия. — Я могу вызвать его сюда, или можете увидеть его по трехмерке.

Бейли снова откинулся в кресле. Он сознавал, что его мыслительные процессы притуплены и что он очень устал. Не стоит сейчас видеть Фастольфа.

— Нет, — сказал он, — я увижусь с ним завтра утром. Времени хватит. А затем, я думаю, увижу этого Келдина Амадейро. И высокого чиновника… как вы его называете? — Председателя. Он должен быть там тоже, я полагаю.

— Вы выглядите ужасно усталым, Илайдж. К счастью, у нас нет никаких микробов и вирусов, как на Земле, и вы были от них очищены, так что вы не схватите никакой болезни, но вы явно устали.

«После всего этого — ни насморка, ни пневмонии? — подумал Бейли. — Да, быть на планете космонитов — это кое-что!» И вслух сказал:

— Устал, согласен. Немножко отдыха, и все пройдет.

— Вы голодны? Время обеда.

Бейли сделал гримасу: — Не чувствую желания.

— Мне кажется, это неразумно. Вы, может быть,

не хотите плотной еды, а как насчет горячего супа? Он будет вам кстати.

Бейли улыбнулся. Пусть она солярианка, но в данном случае говорит совсем как земная женщина. Наверное, и аврорская сказала бы также. Различия в культуре некоторые вещи не затрагивают.

— А у вас есть подходящий суп? Я не хотел бы затруднять вас.

— Какие же затруднения? У меня есть штат, не такой большой, как на Солярии, но его хватит, чтобы приготовить любую еду. Вы только скажите, какой суп вы хотели бы, и все будет сделано.

Бейли не мог противиться: — Куриный.

— Пожалуйста. Я как раз и хотела его предложить — с кусочками курицы он будет существенным.

Тарелка появилась перед ним с поразительной скоростью.

— А вы не будете есть, Глэдия?

— Я уже поела, пока вас мыл и и обрабатывал и.

— Как… обрабатывали?

— Обычная биохимическая процедура, Илайдж. У вас было скорее психическое повреждение, и мы не хотели последствий. Кушайте!

Бейли попробовал суп. Он был неплох, только, по странной привычке аврорцев, более пряный, чем было бы желательно Бейли. Может, это просто были другие пряности, непривычные ему. Он вдруг вспомнил свою мать. Вспомнил, как она стояла над ним, когда он не хотел есть «вкусный супчик».

«Ну, Илайдж, — говорила она, — это настоящий куриный суп, очень наваристый. Даже у космонитов нет лучшего».

Это верно. Он мысленно ответил ей через много лет: «У них нет лучшего, мам». Да, насколько он мог припомнить, суп матери был куда вкуснее.

Он ел ложку за ложкой и, закончив, стыдливо спросил:

— Нельзя ли еще немного?

— Сколько хотите, Илайдж.

— Совсем немного.

Когда он наелся, она сказала:

— Илайдж, эта встреча завтра утром… означает, что ваше расследование кончено? Вы знаете, что случилось с Джандером?

— У меня есть идея насчет этого, но я не думаю, что смогу убедить кого-либо в своей правоте.

— Тогда зачем конференция?

— Не я ее созвал, Глэдия. Это идея Главного

роботехника Амадейро. Он возражает против расследования и постарается, чтобы меня отправили обратно на Землю.

— Тот самый, что повредил вашу машину и послал своих роботов захватить Дэниела?

— Тот самый.

— А разве его не будут судить и не накажут за это?

— Могли бы, — с жаром ответил Бейли, — если бы не одна мелочь: я не могу доказать этого.

— И он может сделать все это и даже прекратить расследование?

— Боюсь, что у него хорошие шансы для этого. Как он сам сказал, люди, не рассчитывающие на правосудие, не страдают от разочарования.

— Но вы не позволяйте ему! Вы должны закончить расследование и открыть ИСТИНУ.

Бейли вздохнул: — А если я ее не открою? Или открою, но никто не станет меня слушать?

— Вы можете открыть истину. И вы можете заставить людей выслушать вас.

— У вас трогательная вера в меня, Глэдия. Однако, если Совет Авроры пожелает отправить меня обратно и прикажет прекратить следствие, я ничего не смогу сделать.

— Но вы же не хотите вернуться обратно, ни-

чего не сделав?

— Конечно, не хочу. Это хуже, чем если бы я вообще не брался. Я вернусь с конченой карьерой и погубленным будущим Земли.

— Тогда не позволяйте им это сделать.

— О, дьявол, Глэдия, я бы рад не позволить, но я не могу поднять планету голыми руками. Не требуйте от меня чуда.

Она кивнула, опустила глаза, прижала кулак к губам и сидела неподвижно, как бы задумавшись. Лишь через некоторое время до Бейли дошло, что она беззвучно плачет.

Бейли быстро встал, обогнул стол и подошел к Глэдии. Он рассеянно отметил, что ноги его дрожат.

— Глэдия, — сказал он настойчиво, — перестаньте.

— Не обращайте внимания, — Она всхлипнула. — Пройдет.

Он беспомощно стоял рядом и тянулся к ней, все еще колеблясь. — Я не дотронусь до вас, — сказал он. — Не думаю, что это было бы лучше…

— Ох, дотроньтесь. Я потеряла все, что наполняло меня, и я ничего не скрываю от вас. У меня нет… того, к чему я привыкла.

Бейли коснулся ее локтя и слегка похлопал по

нему кончиками пальцев.

— Я сделаю завтра, что смогу, Глэдия. Я буду стараться.

Она встала и повернулась к нему: — О, Илайдж…

Он машинально, вряд ли сознавая, что делает, протянул руки, и она, так же машинально, шагнула к нему и прижалась головой к сто груда. Он слабо обвит ее, ожидая, что она вспомнит, кого обнимает. Она обнимала Джандера, но тот не был землянином. Она громко всхлипнула, по-прежнему уткнувшись в рубашку Бейли, и сказала:

— Это нечестно. И все потому, что я соляриан-ка. Никто по-настоящему не беспокоится, что случилось с Джандером. Будь я аврорианкой, все было бы по-другому. Все сводится к предвзятости и к политике.

«Да, космониты — люди, — подумал Бейли. — Точно также сказала бы и Джесси. А если бы Глэдию сейчас обнимал Гремионис, он сказал бы тоже, что и я… если бы я жал, что сказать».

— Ну, не совсем так, — сказал он вслух. — Я уверен, что доктора Фастольфа беспокоит случившееся с Джандером.

— Нет. Он хочет провести в Совете свою линию, а этот Амадейро — свою, и каждый продаст Джан-

дера ради своей цели.

— Я обещаю вам, что не продам Джандера.

— Нет? А если вам скажут, что вы можете возвращаться на Землю и не пострадают ни Земля, ни ваша карьера — что вы тогда сделаете?

— Не стоит придумывать ситуации, которые не могут возникнуть. Мне ничего не дадут за то, что я брошу Джандера. Меня просто вышлют и разорят меня и мою планету. Но если мне позволят, я найду человека, уничтожившего Джандера, и присмотрю, чтобы он получил соответствующее наказание.

— Почему говорите — если позволят? Заставьте их!

Бейли горько улыбнулся.

— Вы думаете, что аврорцы не обращают внимания на вас, поскольку вы солярианка? Представьте себе, как отнеслись бы к вам, будь вы с Земли, как я.

Он крепче прижал ее к себе, забыв, что он с Земли, хотя сам только что говорил это. — Я постараюсь, Глэдия. Я не хочу возбуждать надежды, но все-таки скажу: у меня не совсем пустые руки. Я попытаюсь… — Он замолчал.

— Вы уже говорили, что попытаетесь. Но как? — Она чуть отодвинулась, чтобы взглянуть в его

лицо.

— Ну… — растерянно сказал Бейли, — я могу…

— Найти убийцу?

— В этом роде… Глэдия, простите, но я должен сесть. — Он потянулся к столу и наклонился над ним.

— Что с вами, Илайдж?

— У меня был явно тяжелый день, и я, видимо, еще не вполне оправился.

— Тогда вам лучше лечь в постель.

— По правде сказать, Глэдия, я был бы рад.

Она выпустила его. Лицо ее было озабоченным, слез уже не было. Она подняла руку и сделала быстрое движение. Бейли тут же окружили роботы. И вот он наконец в постели, последний робот ушел, и он смотрит в темноту. Он глубоко вздохнул и подумал: что я обещал Глэдии? Что случится завтра? Последний акт. Провал? И, входя в преддверие сна, подумал о той невероятной вспышке озарения, что приходила перед засыпанием.

Это случалось уже два раза. Один раз в прошлую ночь, когда он, как сейчас, засыпал, а второй раз вечером, когда он терял сознание под деревом в грозу. Каждый раз что-то приходило ему в голову, что-то озаряющее, снимающее тайну с проблемы,

как молния снимает черноту ночи. Но исчезало это так же быстро, как молния. Что это было и придет ли снова? На этот раз он пытался сознательно схватить это, поймать ускользающую истину. Может, это ускользающая иллюзия? Может, это уход от сознательного разума и появление привлекательной бессмыслицы, которую нельзя правильно анализировать в отсутствие по-настоящему мыслящего мозга? Но что бы это ни было, оно ушло и не придет, как единорог не появится в мире, где единорогов не существует.

Легче было думать о Глэдии. Непосредственно к нему прикоснулся только шелк ее блузки, но под шелком были тонкие хрупкие руки, гладкая спина. Рискнул бы он поцеловать ее, если бы его ноги не подкосились? Или это значило бы зайти слишком далеко? Его дыхание участилось, и это, как всегда, смутило его. Он прогнал сон и снова подумал о Глэдии. Он никогда не думал, что снова увидит ее, однажды коснется ее, обнимет. Он не мог сказать, как перешел от мысли к грезам…

Он снова обнимал ее, как тогда, но блузки не было — была теплая и мягкая кожа. Его рука медленно спустилась по ее лопатке и ниже скрытых бедер…

Была полная аура реальности.

Участвовали все его чувства. Он обонял запах ее волос, губы чувствовали слабый привкус соли ее кожи… и каким-то образом губы не останавливались на месте, они спускались ниже…

Он чувствовал матрац под собой и мрак над собой… но она все еще была в его объятиях, и тело ее было нагим. Он боялся проснуться.

— Глэдия! — Сейчас все исчезнет.

— Ш-ш-ш, Илайдж. — Она нежно положила пальцы на его губы. — Не говори ничего.

Она мота с тем же успехом просить остановить поток крови.

— Что вы делаете?

— Разве ты не знаешь? Я в постели с тобой.

— Зачем?

— Потому что я так хочу.

Она взялась за ворот его ночной рубашки, и застежка распалась. — Не шевелись, Илайдж. Ты устал, а я не хочу, чтобы ты утомлялся еще больше.

Бейли чувствовал жаркую вол ну внутри и решил не защищать Глэдию от нее самой.

— Я не от этого устал, Глэдия.

— Нет! — резко сказала она. — Лежи! Я хочу, чтобы ты отдыхал.

Ее губы прижались к его губам, как бы принуж-

дая его лежать спокойно. Он покорился, мельком подумав, что следует приказам, что он в самом деле устал, и пусть лучше она все делает с ним, чем он будет делать. И со стыдом подумал, что это как бы снижает его вину — «я тут ни при чем, она заставила». О, дьявол, какая трусость! Какое нестерпимое унижение! Но эти мысли тоже ушли. Откуда-то послышалась тихая музыка, температура в комнате поднялась. Одеяло исчезло, как и ночная одежда Бейли. Его голова была прижата мягким. Он знал, что это мягкое — ее левая грудь, а твердый по контрасту сосок был у его губ. Она тихо напевала под музыку убаюкивающе приятную незнакомую мелодию. Она мягко двигалась взад и вперед, ее пальцы пощипывали его подбородок и шею. Он расслабился, довольный, что ничего не делает и предоставляет инициативу ей. Когда она подвинула его руки, он не протестовал и оставил их лежать там, куда она их положила. Он не помогал ей, а когда ответил нарастающим возбуждением и кульминационной точкой, это было только от бессилия сделать что-то другое.

Она казалась неутомимой, и он не хотел, чтобы она остановилась. И он снова почувствовал полную роскошь детской пассивности — конеч-

но, если не считать сексуального соответствия. Но, наконец, он не мог больше отвечать, и она, кажется, тоже; она легла рядом, положив голову во впадину между его плечом и грудью и перекинув руку через его тело. Ему показалось, что он услышал ее шепот:

— Спасибо тебе… спасибо…

Он удивился. — За что?

Теперь он почти не сознавал ее присутствия, потому что этот исключительно приятный конец тяжелого дня был как наркотик, как усыпляющее, и он почувствовал, как скользит прочь, словно его пальцы перестали держаться за скалу грубой реальности, и он может падать… падать в медленно колыхающийся океан снов.

Тут опять пришло то, что не приходит по вызову, а лишь само по себе. В третий раз поднялся занавес, и все события, начиная с его отъезда с Земли, сфокусировались в одной точке. Снова все стало ясно. Он старался заговорить, услышать слова, которые ему нужно было услышать, зафиксировать, сделать их частью его мыслительного процесса, но, как ни цеплялся он за них, они промелькнули и исчезли. Так что в этом смысле второй день Бейли на Авроре кончился так же, как и первый.

Когда Бейли открыл глаза, в окно лился солнечный свет, и Бейли приветствовал его, сам себе удивляясь. Солнечный свет означал, что гроза прошла, будто ее не было. Сам солнечный свет по сравнению с мягким, теплым, управляемым светом Городов — груб и ненадежен, но по сравнению с грозой он — обещание мира. «Все относительно», — подумал Бейли. Отныне он никогда не будет считать солнечный свет полностью злым.

— Партнер Илайдж!

У постели стоял Дэниел, а чуть позади — Жискар. Длинное лицо Бейли растянулось в редкой улыбке чистой радости. Он протянул к ним руки:

— О, дьявол, мужики!

Он даже не осознавал в данный момент всю неуместность этого слова — когда я в последний раз видел вас обоих, я не был уверен, увижу ли вас снова.

— Ну, — мягко сказал Дэниел, — никто из нас не должен был пострадать.

— При солнечном свете я это вижу, но в прошлую ночь, хоть я и чувствовал, что гроза может убить меня, я был уверен, что вам, Дэниел, грозит страшная опасность. Казалось даже возможным, что и Жискару могут причинить вред, когда он

будет защищать меня от превосходящих сил противника. Мелодраматично, конечно, но я был чуточку не в себе, вы понимаете.

— Мы знали это, сэр, — сказал Жискар, — поэтому нам было так трудно оставить вас, несмотря на ваш приказ. Но мы уверены, что в настоящее время это не является источником неприятностей для вас.

— Отнюдь нет, Жискар.

— Мы также знаем, что о вас хорошо заботились после того, как мы вас оставили, — произнес Дэниел.

Тут только Бейли вспомнил о ночных событиях. Глэдия! Он ошеломленно огляделся. Ее нище не было. Неужели это ему приснилось? Нет, конечно, нет. Это было бы невозможно. Он хмуро посмотрел на Дэниела, заподозрив, что его замечание носит чувственный характер. Нет, это тоже невозможно: робот, даже человекоподобный, не создан для скользких намеков.

— Заботились вполне хорошо. Но сейчас нужно, чтобы мне показали туалет.

— Мы здесь, сэр, — сказал Жискар, — чтобы помогать вам. Мисс Глэдия решила, что с нами вам будет удобнее, чем с кем-либо из ее штата, и она настаивала, чтобы мы делали все для вашего

комфорта.

Бейли отнесся к этому с сомнением: — Я себя прекрасно чувствую, тай что меня не нужно мыть и вытирать. Я сам о себе позабочусь. Надеюсь, она это понимает.

— Не опасайтесь ничего, партнер Илайдж. Мы просто приглядываем, чтобы вам было удобно. Если вы захотите остаться один, мы подождем где-нибудь в сторонке.

— В таком случае, Дэниел, мы все уладим.

Бейли встал с постели. Ему было приятно, что он твердо стоит на ногах. Заботы о нем, когда его принесли сюда, и отдых сделали чудеса… и Глэдия тоже.

Все еще голый и достаточно влажный после душа, чтобы чувствовать себя свежим, Бейли причесывался, критически изучая результат. Ясное дело, он будет завтракать с Глэдией, но совершенно не ясно, как ему держаться. Может, лучше сделать вид, что ничего не произошло, и вести себя сообразно с ее поведением.

— Дэниел, мне кажется, на вас новый костюм. — Бейли пригляделся и его брови поползли вверх.

— Она позволила вам надеть одежду Джандера?

— Мисс Глэдия не хотела, чтобы я оставался без

одежды, пока мой промокший костюм стирали и сушили. Теперь он уже готов, но мисс Глэдия сказала, что я могу оставить себе и этот.

— Когда она это сказала?

— Сегодня утром.

— Значит, она уже встала?

— Да, и вы пойдете завтракать с ней, когда будете готовы.

Бейли поджал губы. Странное дело — его сейчас больше беспокоила встреча с Глэдией, чем — чуть позднее — с Председателем. Он решился на свою стратегию, и она либо сработает, либо нет. Что касается Глэдии — у него просто не было стратегии. Ну, что ж, встретиться с ней он должен. Он спросил самым безразличным тоном, какой мог изобразить:

— И как сегодня мисс Глэдия?

— По-моему, хорошо, — ответил Дэниел.

— В хорошем настроении или подавлена?

Дэниел заколебался.

— Трудно судить о настроении человека. Но в ее поведении нет ничего, что указывало бы на внутренний разлад.

Бейли искоса взглянул на Дэниела и снова подумал, не намекает ли тот на ночные события, и снова отбросил такую возможность. Изучать

лицо Дэниела не имело смысла. По выражению лица робота нельзя угадать его мысли, потому что у него нет мыслей в человеческом понимании.

Бейли задумчиво посмотрел на приготовленную одежду. Интересно, сумеет ли он правильно надеть ее без помощи робота. Гроза и ночь прошли, и он теперь хотел снова стать взрослым и независимым.

— Что это? — спросил он, и взял длинную ленту, покрытую замысловатыми цветными узорами.

— Это пояс от пижамы, — ответил Дэниел. — Чисто декоративный. Лента проходит через левое плечо и завязывается с правой стороны на талии. На некоторых Внешних Мирах его принято надевать к завтраку, но на Авроре это не очень популярно.

— Тогда зачем я должен надевать его?

— Мисс Глэдия подумала, что он будет вам к лицу. Завязывать его довольно сложно, и я рад буду помочь вам.

«О, дьявол, — жалобно подумал Бейли, она хочет, чтобы я был красивым. Что у нее на уме? А, нечего думать об этом!»

Вслух он произнес: — Не беспокойтесь, я завяжу его обычным бантом. Но послушайте, Дэниел, после завтрака я пойду к Фастольфу, где должен

встретиться с ним, с Амадейро, с Председателем Совета, и может, там еще кто-нибудь будет.

— Да, я знаю. Не думаю, чтобы там был кто-либо еще.

— Ну, так вот, — продолжал Бейли, начиная надевать белье и делая это медленно, чтобы не напутать и не быть вынужденным обращаться за помощью. — Расскажите мне насчет Председателя. Я читал, что он ответственный чиновник на Авроре, но что это просто почетное звание. Значит, он не имеет власти?

— Боюсь, партнер Илайдж…

Вмешался Жискар.

— Сэр, я больше знаю о политическом положении на Авроре, чем друг Дэниел: я существую дольше. Не позволите ли вы мне ответить на ваш вопрос?

— Конечно, Жискар.

— Когда впервые организовалось правительство Авроры, — начал Жискар дидактическим тоном, — было установлено, что ответственный чиновник выполняет только церемониальные обязанности. Он встречал сановников других планет, открывал заседания Совета, председательствовал на обсуждениях и голосовал только при равном количестве голосов. Но после Речного

Спора…

— Да, я читал, — прервал Бейли, — это был особо темный эпизод аврорской истории, когда спор насчет раздела гидроэлектрической энергии чуть не привел к гражданской войне. Не вдавайтесь в детали.

— Хорошо, сэр. После Речного Спора было решено впредь не допускать, чтобы спор угрожал аврорскому обществу. И стало обычаем улаживать все конфликты частным и мирным порядком вне Совета. Когда члены Совета, наконец, голосуют, всегда бывает большой перевес голосов в ту или другую сторону. Ключевая фигура улаживания споров — Председатель Совета. Он держится над борьбой, и его власть, хотя, теоретически, нулевая, на практике весьма значительна — пока он держится именно так. Поэтому Председатель ревниво охраняет свою объективность и, пока это ему удается, он обычно выносит решение, улаживающее любой спор в том или ином направлении.

— Вы хотите сказать, что Председатель выслушает меня, Фастольфа, Амадейро и затем вынесет решение?

— Вероятно. С другой стороны, сэр, он может не быть убежден и потребует других свидетельств,

других мыслей.

— А когда Председатель вынесет решение, примет ли его Амадейро, если оно против него? Или доктор Фастольф?

— Это не обязательно. Почти всегда кто-то не согласен с мнением Председателя, а доктор Амадейро и доктор Фастольф — своевольные и упрямые индивидуумы, если судить по их действиям. Однако большая часть членов Совета согласится с решением Председателя, каково бы оно ни было. Доктор Фастольф или доктор Амадейро — в зависимости оттого, против кого решит Председатель — могут быть уверены, что при голосовании окажутся в меньшинстве.

— Насколько вы уверены в этом, Жискар?

— Почти полностью. Срок службы Председателя обычно тридцать лет. Если голосование пройдет против рекомендации председателя, он вынужден будет немедленно подать в отставку, и настанет правительственный кризис. Совет будет искать другого Председателя в условиях жестоких споров. Лишь очень немногие советники пожелают идти на такой риск, так что шанс на получение большинства голосов против Председателя почти нулевой.

— Значит, все зависит от этой утренней конфе-

ренции, — мрачно сказал Бейли.

— Очень похоже на то.

— Спасибо, Жискар.

Бейли угрюмо выстраивал и перестраивал линию своих размышлений. Они вроде бы обнадеживают, но неизвестно, что скажет Амадейро, или что может понравиться Председателю. Эту встречу организовал Амадейро, и он, видимо, очень уверен в себе. Тут Бейли вспомнил, что когда он засыпал, держа в объятиях Глэдию, он еще раз увидел значение всех этих событий на Авроре. Все казалось ясным, очевидным, надежным. И в третий раз это ушло, исчезло, как будто никогда не появлялось. И с этим, похоже, уходили и его надежды.

Дэниел проводил Бейли в комнату, где был сервирован завтрак. Она была более интимная, чем обычная столовая. Маленькая комната, в которой были только стол и два кресла. Дэниел ушел, но не в нишу. Здесь вообще не было ниш, и на минуту Бейли почувствовал, что он совершенно один в комнате. На самом-то деле он, конечно, был не один в комнате. Позови — и тут же появятся роботы. Но все-таки это была комната для двоих, комната без роботов, комната для любовников.

Вошла Глэдия, нарядно одетая, с блестящими

волосами. Она остановилась на миг и слегка улыбнулась.

— Илайдж!

Бейли, удивленный неожиданной переменой в ней, вскочил.

— Как дела, Глэдия? — запинаясь, спросил он.

Она выглядела веселой и беззаботной.

— Если ты беспокоишься о Дэниеле, то напрасно. Он в полной безопасности. А что касается нас... — она подошла к Бейли и медленно погладила его по щеке, как когда-то на Солярии, и засмеялась. — Тогда я сделала только это, Илайдж. Помнишь?

Он молча кивнул.

— Ты хорошо спал? Садись, дорогой.

Он сел. — Очень хорошо. Спасибо тебе, Глэдия. — Он не решался вернуть ей ласковое обращение.

— Меня не за что благодарить. Я спала лучше, чем когда-нибудь. Этого не было, если бы я не ушла из твоей постели, когда удостоверилась, что ты крепко спишь. Если бы я осталась, как мне хотелось, я бы надоедала тебе снова, и ты не успел бы отдохнуть.

Он почувствовал необходимость быть галантным.

— Есть вещи более важные, чем отдых, Глэдия.

Он сказал это с такой официальностью, что Глэдия снова засмеялась: — Бедный Илайдж! Ты смущен.

Факт, что она заметила это, смутил его еще больше. Он ожидал встретить раскаяние, отвращение, стыд, подчеркнутое безразличие, слезы — все, кроме откровенно эротического поведения.

— Ну, не переживай. Ты голодный. Ты почти не ел вчера. Прими в себя немного калорий и почувствуешь себя более плотским.

Еда была очень вкусной, и Бейли едва успевал глотать.

— Тебя смущает прошлая ночь, Илайдж? И больше ты ничего не ощущаешь??

«Ну, что тут ответить?» — подумал Бейли.

— Боюсь, что да, Глэдия. Это отнюдь не все, что я ощущаю, но я действительно смущен. Я землянин, но это время это слово для тебя ничего не значило. В прошлую ночь ты беспокоилась обо мне, о моей проблеме с грозой, ты заботилась обо мне, как о ребенке, сочувствовала мне, возможно, от уязвимости, вызванной твоей потерей… и ты пришла ко мне. Но это у тебя пройдет — я удивлен, что еще не прошло — и ты вспомнишь, что я землянин, и ты почувствуешь себя униженной и

запачканной. Ты возненавидишь меня за то, что я тебе сделал, а я не хочу, чтобы ты ненавидела. Не хочу.

Если он выглядел таким же несчастным, каким себя чувствовал, то он и в самом деле выглядел очень несчастным. Наверное, она так и подумала, потому что потянулась к нему и взяла его за руку.

— Я не стану ненавидеть тебя, Илайдж. За что? Ты не сделал ничего такого, против чего я стала бы возражать. Я сделала это и буду радоваться этому всю жизнь. Ты освободил меня одним прикосновением два года назад, а в прошлую ночь освободил меня еще раз. Два года назад я узнала, что могу чувствовать желание, а сегодня ночью я узнала, что снова могу почувствовать его после Джандера… Илайдж! Останься со мной!

— Как я могу, Глэдия? Я должен вернуться на свою планету. У меня там обязанности и цели, а ты не можешь ехать со мной. Ты не можешь жить нашей земной жизнью. Ты умрешь от наших земных болезней, если скученность и замкнутость Города не убьют тебя раньше. Ты же понимаешь.

— Насчет Земли я понимаю. Но тебе не обязательно уезжать немедленно.

— Еще утро не кончится, как Председатель

может приказать мне уехать.

— А ты не соглашайся, — энергично возразила Глэдия. — И, рели на то пошло, мы можем уехать на другой Внешний Мир. Их много, мы можем выбирать. Неужели Земля так много значит для тебя, что ты не хочешь жить во Внешнем Мире?

— Я мог бы пойти на увертки и сказать, что ни один Внешний Мир не позволит мне жить там постоянно — ты и сама это знаешь. Но это не главное: даже если бы какой-то Внешний Мир согласился принять меня, Земля так много для меня значит, что я не могу отвернуться от нее. Даже если это значит — расстаться с тобой.

— Или когда больше не приехать на Аврору? Никогда больше не увидеть меня?

— Если бы мог, увидел бы. И не один раз, поверь мне. Но ты знаешь, что меня вряд ли пригласят еще раз, и знаешь, что без приглашения я не могу приехать.

— Я не хочу верить этому, Илайдж, — тихо сказала она.

— Глэдия, не делай себя несчастной. Между нами произошло нечто замечательное, но с тобой произойдут и многие другие замечательные вещи, только не то же самое.

Она молчала.

— Глэдия, — сказал он требовательно, — пусть никто не узнает о том, что произошло между нами.

Она с болью взглянула на него: — Ты стыдишься этого?

— Того, что случилось, конечно, нет. Но могут быть неприятные последствия. Все будут болтать об этом деле. Благодаря этой проклятущей гиперволновой драме, которая включала в себя искаженную версию наших отношений, мы на виду. А если появится хоть малейший намек на то, что между нами… любовь, это будет передано на Землю со сверхкосмической скоростью.

Глэдия высокомерно подняла брови.

— И Земля сочтет, что ты унизился? Твое положение не позволяет тебе заниматься сексом с кем попало?

— Да нет же, — неохотно сказал Бейли, хотя знал, что именно такова точка зрения миллиардов землян. — Тебе не приходит в голову, что об этом услышит моя жена? Ведь я женат.

— Ну и что, если услышит?

Бейли вздохнул: — Ты не понимаешь. На Земле все не так, как на Внешних Мирах. В нашей истории были те времена, когда сексуальные нравы были довольно распущены, во всяком случае, в

некоторых местах и в некоторых классах общества. Но сейчас не то. Земляне живут скученно, и это привело к пуританской этике — в любых условиях сохранять стабильную семейную систему.

— Ты имеешь в виду — у каждого один партнер, не больше?

— Ну, честно говоря, не совсем так. Но всякие неправильности стараются хранить в тайне, чтобы все…

— … притворялись, что не знают?

— Ну, да. Но в данном случае…

— … будет настолько хорошо известно, что нельзя притвориться незнающим… И твоя жена будет злиться и шпынять тебя?

— Ну, шпынять меня она не будет, но она будет опозорена, а это еще хуже. Мое общественное положение пострадает и… ох, Глэдия, если ты не понимаешь, а ты, конечно, не понимаешь, все равно, обещай мне, что не станешь говорить об этом так открыто, как это делают аврорцы.

Он сознавал, что представляет собой довольно жалкое зрелище.

Глэдия задумчиво сказала: — Я не намерена дразнить тебя, Илайдж. Ты был добр ко мне, и я не хочу быть недоброй к тебе, но, — она беспомощно всплеснула руками — ваши земные обычаи такие

бессмысленные!

— Не спорю, но я вынужден жить с ними, как ты жила с солярианскими обычаями.

— Да. — Ее лицо затуманилось воспоминаниями. — Тогда прости меня, Илайдж. Я честно прошу прощения. Я хотела того, чего не могла иметь, и взяла у тебя.

— Все правильно.

— Нет, неправильно. Слушай, Илайдж, я хочу кое-что объяснить тебе. Я думаю, ты не понимаешь, что случилось в эту ночь. Тебя очень смутит, если я скажу?

Бейли задумался, как чувствовала бы себя Джесси, если бы слышала этот разговор. Он прекрасно сознавал, что его мозг должен быть занят предстоящей конференцией с Председателем, а не личными супружескими делами, но на самом-то деле он думал о Джесси.

— Наверное, буду смущен, но все равно объясни.

Она подвинула свой стул, даже не позвав для этого робота, вплотную к стулу Бейли и положила свою маленькую ручку на его руки. Он сжал ее.

— Вот видишь, я больше нё боюсь контакта. Теперь я могу не только коснуться твоей щеки, как тогда.

— Возможно, но это не действует на тебя, как тогда?

Она кивнула.

— Нет, так не действует, но все равно мне приятно. Я думаю, то было началом. Надо было так уйти в себя, чтобы одно прикосновение показало, как ненормально я жила, и так долго. Теперь все гораздо лучше. Могу я сказать теперь? Все, что я говорила — всего лишь пролог.

— Говори.

— Я хотела бы, чтобы мы были в постели и в темноте. Я могла бы говорить более свободно.

— Мы сидим здесь и при свете, Глэдия, но я слушаю.

— Ладно. На Солярии о сексе не говорят, ты знаешь.

— Знаю.

— Я была неопытна в этом смысле. Несколько раз — всего несколько — мой муж приходил ко мне по обязанности. Я не хочу даже описывать, как это было, но уж поверь мне, это было хуже, чем ничего.

— Я верю.

— Но я знала о сексе. Я читала о нем. Иногда я обсуждала это с другими женщинами, но все они уверяли, что это отвратительная обязанность, ко-

торой солярианки должны подвергаться. А если у них был ребенок, что ограничивало их участие, они говорили, что счастливы никогда больше не иметь дело с сексом.

— Ты верила им?

— Конечно. Я никогда не слышала ничего другого, а те немногие не солярианские сведения, о которых я читала, считались фальшивыми извращениями. Я этому верила. Мой муж как-то нашел у меня книги, назвал их порнографией и уничтожил. Ты знаешь, люди могут поверить во все, что угодно. Я думаю, солярианские женщины верили в то, что говорили, и на самом деле презирали секс. Они говорили так искренне, и я чувствовала, что во мне что-то чудовищно-неправильное, поскольку у меня было к сексу какое-то любопытство… и странные ощущения, которых я не понимала.

— И ты в то время не пользовалась роботами для некоторого облегчения?

— Нет, мне это не приходило в голову. Иной раз ходили шепотки о таких вещах — всегда с ужасом, может, с притворным, так что я никогда не думала делать что-то подобное с любым неодушевленным предметом. Конечно, я иногда видел а сны, и что-то такое, вроде начал а оргазма, бы

вал о, и я просыпалась. Я не понимала, что это, и не решалась говорить об этом. Я очень стыдилась таких снов, хуже того, я их боялась. И вот я приехала на Аврору.

— Ты говорила мне, что секс с аврорцами тебе ничего не дал.

— Да. Я даже стала думать, что солярианцы правы. Секс вовсе не походил на мои сны. Только с Джандером я поняла: на Авроре не секс, а… хореография. Каждый шаг продиктован обычаем, от прихода в дом до ухода. Ничего неожиданного, ничего стихийности). На Солярии секса так мало, что ничего не дают и не берут, а на Авроре секс так стилизован, что тоже ничего не дают и не берут. Ты понимаешь?

— Не уверен. Я не занимался сексом с аврорскими женщина ми и никогда не был аврорским мужчиной. Но объяснять не обязательно: я примерно понимаю, что это означает.

— Ты очень смущен?

— Не настолько, чтобы не мог слушать.

— Тогда я встретила Джандера и научилась им пользоваться. Он не был аврорским мужчиной. Его единственной целью было сделать мне приятное. Он давал, и я брала, потому что я впервые познала секс, как его можно познать. Это ты пони-

маешь? Можешь представить себе, каково вдруг понять, что ты не помешанная, не извращенная, не испорченная, а просто женщина, имеющая удовлетворяющего секс-партнера?

— Представляю.

— И вот, через короткое время я все это потеряла. Я думала… это конец. Я была в отчаянии. За столетия своей жизни я никогда больше не буду иметь хороших сексуальных отношений. Не иметь их вообще с самого начала — очень плохо; но получить неожиданно и вдруг внезапно утратить навсегда — совсем нестерпимо. Теперь ты понимаешь, как важна была прошлая ночь.

— Но почему я, Глэдия? Почему не кто-нибудь другой?

— Нет, Илайдж, именно ты. Мы с Жискаром нашли тебя совсем беспомощного. Ты был в сознании, но не управлял своим телом. Тебя подняли и положили в кар. Я была здесь, когда тебя согрели, растерли, вымыли и обсушили. Роботы делали все это замечательно. Они заботились о тебе, но без настоящего чувства. А я смотрела и сочувствовала.

Бейли скрипнул зубами при мысли о своей публичной беспомощности. Тогда он радовался тому, что с ним делают, но сейчас чувствовал

унижение, что его видели в таких условиях. А она продолжала:

— Я хотел а бы сама все это сделать для тебя. Я злилась на роботов, что они сохраняют за собой право быть добрыми к тебе… и отдавать. И когда я подумала, как я сама делала бы это, во мне стало подниматься сексуальное возбуждение, чего не было со смерти Джандера. И тут мне пришло в голову, что в моем единственном удачном сексе я только получала. Джандер отдавал все, что я хотела, но никогда не брал. Он не был способен получать, потому что его единственной радостью было быть приятным мне. И мне и в голову не приходило отдавать, потому что я воспитывалась с роботами и знала, что они не могут брать.

И, пока я смотрела, я подумала, что знаю только половину секса, и мне страстно захотелось испытать и другую половину. А потом, когда ты ел горячий суп, ты, казалось, поправился, выглядел сильным. Ты был достаточно сильным, чтобы утешить меня, и из-за того, что я чувствовала к тебе, пока роботы о тебе заботились, я больше не боялась, что ты с Земли, и хотела быть в твоих объятиях. Когда ты обнял меня, я ощутила, что снова получаю, а не отдаю. И ты сказал: «Простите, Глэдия, я должен сесть». О, Илайдж, это было

самое чудесное из всего, что ты мог бы сказать мне.

Бейли покраснел: — Это меня страшно расстроило — такое признание в слабости.

— Это было именно то, чего я хотела. Это вызвало во мне дикое желание. Я заставила тебя лечь в постель и пришла к тебе, и в первый раз в жизни я отдавала. Я ничего не брала. И чары Джандера исчезли. Я поняла, что его мне тоже не было достаточно. Нужно иметь возможность и получать, и отдавать. Илайдж, останься со мной!

Бейли покачал головой.

— Глэдия, даже если я разорву свое сердце пополам, это ничего не изменит. Я не могу остаться на Авроре. *Я* должен вернуться на Землю. А ты не можешь приехать ко мне.

— А если смогу?

— Зачем говорить глупости? Пусть бы ты и смогла приехать, я очень скоро стану ненужным тебе. Через двадцать, самое большее через тридцать лет я буду стариком, а возможно, уже умру, и ты целые столетия останешься такой же, как сейчас.

— Но я это и имею в виду, Илайдж. На Земле я подхвачу ваши инфекции и тоже скоро состарюсь.

— Зачем тебе это? Кроме того, старость — не инфекционная болезнь. Просто человек быстро слабеет и умирает. Глэдия, ты найдешь другого мужчину.

— Аврорца?

— Ты научишь его. Теперь, когда ты знаешь, как получать и отдавать, ты научишь его, как это делать.

— Разве они хотят учиться?

— Кто-то наверняка захочет. У тебя много времени впереди, ты найдешь того, кто захочет. Есть…

«Нет, — подумал он, — неразумно сейчас упоминать о Гремионисе, но, может быть, если он придет к ней менее вежливым и чуточку более решительным…»

Она задумалась: — Возможно ли это? О, Илайдж, ты помнишь все, что было ночью?

— Должен признаться, — грустно сказал он, — что кое-что, к сожалению, в тумане.

— Если бы ты помнил, ты не захотел бы оставить меня.

— Я вовсе не хочу оставлять тебя, Глэдия. Но я должен.

— А потом ты казался таким совершенно счастливым, таким спокойным. Я угнездилась на

твоем плече и слушала, как бьется твое сердце сначала быстро, а потом все медленнее, а потом ты вдруг сел. Ты помнишь это?

Бейли вздрогнул, чуть отклонился и взглянул в ее глаза.

— Нет, не помню. Что ты имеешь в виду? Что я сделал?

— Я же говорю — ты вдруг сел.

— Да, а что еще? — Сердце его заколотилось. Три раза какая-то истина являлась ему, но в первые два раза полностью исчезла. А в третий раз с ним была Глэдия. У него была свидетельница.

— Больше, в сущности, ничего, — сказала она. — А в чем дело, Илайдж? Ты не обращал на меня внимания. Ты сказал: «Я поймал это». Ты говорил невнятно, глаза у тебя блуждали. Я даже немножко испугалась.

— Я сказал только это? О, дьявол, Глэдия, не сказал ли я еще что-нибудь?

Глэдия нахмурила брови: — Но когда ты снова лег, я сказала: «Не бойся, Илайдж, ты теперь в безопасности». Я погладила тебя, и ты снова заснул… даже захрапел… Я никогда не слышала храпа раньше, но читала…

Эта мысль ее явно забавляла.

— Послушай, Глэдия, я сказал: «Я поймал это».

Я сказал, что именно поймал?

— Нет. Не могу вспомнить. Постой, ты сказал очень тихо: «Он пришел первым».

— «Он пришел первым». Я так сказал?

— Да. Я подумала, что ты имеешь в виду Жискара, который нашел тебя раньше других роботов, и снова переживаешь те страхи, что охватили тебя в грозу. Потому я и сказала: «Не бойся, Илайдж, ты теперь в безопасности», и гладила тебя, пока ты не успокоился.

— «Он пришел первым». Теперь я не забуду. Глэдия, спасибо тебе за эту ночь. Спасибо за то, что ты рассказала мне сейчас.

— А разве есть что-то важное в твоих словах, что Жискар первым нашел тебя? Это же так и было, ты знаешь.

— Наверное, не то, Глэдия. Это нечто такое, чего я не знаю, но ухитрялся обнаружить только, когда мой мозг полностью расслаблен.

— Ну, и что это значит?

— Пока не знаю, но раз я так сказал, это должно что-то означать. В моем распоряжении примерно час, чтобы постичь это.

Он встал: — Теперь мне пора идти.

Он сделал несколько шагов к двери, но Глэдия бросилась к нему, протягивая руки: — Подожди,

Илайдж!

Бейли наклонился и поцеловал ее. Долгую минуту они стояли, обнявшись.

— Я еще увижу тебя, Илайдж?

— Не знаю, — печально сказал он. — Но я надеюсь.

И он пошел искать Дэниела и Жискара, чтобы сделать необходимые приготовления для предстоящей конференции.

Уныние Бейли усилилось, пока он шел по длинной лужайке к дому Фастольфа. Роботы шли рядом, с двух сторон.

— Как зовут Председателя Совета, Дэниел?

— Не могу сказать. Когда о нем упоминали в моем присутствии, его всегда называли Председателем. И я обращался к нему «мистер Председатель».

Жискар сказал:

— Его имя Рутилен Гордер, сэр, но официально его так никогда не называют, а пользуются только титулом. Это создает впечатление непрерывности правительства. Люди, занимающее это положение, индивидуально имеют определенный срок, но «Председатель» существует всегда.

— А этому особо индивидуальному Председателю сколько лет?

— Он стар, сэр. Ему 331 год.

— В добром здравии?

— Противоположного не знаю, сэр.

— Есть какие-нибудь личные характеристики, могущие помочь мне в подготовке?

Жискар, казалось, был поставлен в тупик. Помолчав, он сказал: — Трудно сказать, сэр. Он работает второй срок. Считается деятельным Председателем. Он много работает и получает результаты.

— Он вспыльчив или терпелив? Властный или отзывчивый?

— Вы сами должны судить о таких вещах, сэр.

— Партнер Илайдж, — сказал Дэниел, — Председатель выше предвзятости. Он справедлив и беспристрастен в решениях.

— Я уверен в этом, — пробормотал Бейли, — но решения абстрактны, как «Председатель», в то время как индивидуальные Председатели конкретны и могут иметь конкретные мозги. — Он покачал головой. Его собственный мозг имел сильную потребность в конкретизации. Три раза приходила мысль о чем-то и три раза исчезала. Теперь он имел собственные комментарии на время прихода этой мысли, но и они пока не помогали.

«Он пришел первым». Кто пришел первым? Куда? Ответа у Бейли не было.

Фастольф ждал Бейли у двери своего дома. Позади него стоял робот. Бейли уставился отсутствующим взглядом на робота и с некоторым затруднением перевел взгляд на Фастольфа. Он думал о роботах, сам не зная, почему.

— Рад вас видеть снова, доктор Фастольф, — сказал он и протянул руку. После встречи с Глэдией он как-то забыл, что космониты неохотно идут на контакт с землянином.

Фастольф на мгновение замялся, но затем, как бы восторжествовав над осторожностью, слегка пожал протянутую ему руку и выпустил ее.

— Я еще больше рад видеть вас, мистер Бейли. Я страшно тревожился за вас вечером. Гроза была не очень сильной, но землянину она, наверное, казалась ужасной.

— Значит, вы знаете, что случилось?

— Дэниел и Жискар мне все рассказали. Я чувствовал бы себя лучше, если бы они пришли прямо сюда и принесли вас, но они рассудили, что от поврежденной машины до дома Глэдии ближе, и что ваши приказания были исключительно интенсивны и ставили безопасность Дэниела впереди вашей собственной. Они правильно

поняли вас?

— Правильно. Я вынудил их оставить меня там.

— Разумно ли это? — Фастольф пропустил Бейли вперед и указал на кресло.

Бейли сел. — Похоже, что это было самое правильное. Нас преследовали.

— Жискар сообщил. И сказал также, что…

— Пожалуйста, оставим это, доктор Фастольф, — прервал его Бейли. — У меня очень мало времени, а я еще должен задать вам несколько вопросов.

— Давайте, — согласился Фастольф со своей обычной вежливостью.

— Мне намекнули, что вы ставите свои исследования функций мозга выше всего остального, что вы…

— Позвольте я докончу, мистер Бейли: что я ни перед чем не остановлюсь на этом пути, что я совершенно безжалостен, забыл все понятия о морали и извиню любое зло во имя важности своей работы.

— Да.

— Кто вам сказал это?

— Какое это имеет значение?

— Возможно, никакого. Впрочем, догадаться легко: моя дочь Василия. Я уверен.

— Может быть. Но я хочу знать, правильна ли эта оценка вашего характера.

Фастольф печально улыбнулся.

— Вы надеетесь получить честный ответ о моем характере? В некоторых отношениях обвинение против меня правильное. Я действительно рассматриваю свою работу как самое важное дело и действительно имею побуждение жертвовать для нее всем и вся. Я должен был бы игнорировать общепринятые взгляды на зло и аморальность, если бы они встали на моем пути. Но дело в том, что я этого не делаю. Не могу заставить себя. И, в частности, если меня обвинят в убийстве Джандера, которое я совершил ради продвижения в изучении человеческого мозга, я буду отрицать это. Я не убивал Джандера.

— Вы намекали, что я подвергнусь психопробе для получения некой информации, которую я не могу извлечь из своего мозга иным путем. А вам не приходило в голову, что если вы подвергнетесь психопробе, это продемонстрирует вашу невиновность?

Фастольф задумчиво кивнул.

— Я думаю, Василия намекала, что мое нежелание предложить подвергнуть меня психопробе доказывает мою вину. Это не так. Психопроба

опасна, и я так же боюсь ее, как и вы. Однако я мог бы согласиться на это, несмотря на мой страх, но дело в том, что мои противники мечтают о том, чтобы я согласился. Они все равно стали бы утверждать, вопреки всякой очевидности, что я виноват, а психозонд не достаточно тонкий инструмент, чтобы бесспорно доказать мою невиновность; но они хотели бы воспользоваться психопробой для получения информации о теории и практике конструирования человекоподобных роботов. Они хотят именно этого, и именно это я не хочу им дать.

— Прекрасно. Благодарю вас, доктор Фастольф.

— Не стоит благодарности. А теперь не могу ли я вернуться к тому, что я говорил? Жискар сообщил, что после их ухода к вам приставали чужие роботы. Вы говорили с ними довольно бессвязно, а потом вас нашли под дождем в бессознательном состоянии.

— Чужие роботы действительно приставали ко мне. Мне удалось отделаться от них и отослать обратно, но я подумал, что разумнее будет уйти из машины, чем ждать их возвращения. Может, я плохо соображал, когда принял это решение. Жискар как раз такого мнения.

Фастольф улыбнулся.

— У Жискара простейшая во Вселенной точка зрения. У вас есть какая-нибудь идея, чьи это роботы?

Бейли вертелся в кресле и, казалось, никак не мог усесться удобно. Он спросил: — Председатель еще не пришел?

— Нет, но вот-вот будет. И Амадейро, глава Института, с которым, как мне говорили роботы, вы вчера встретились. Я неуверен, что это было разумно. Вы вывели его из себя.

— Мне нужно было повидать его. Ион не выглядел раздраженным.

— Однако, в результате того, что он назвал клеветническими выпадами и вашей непроходимой глупостью в профессиональном отношении, он вынудил Председателя к немедленным действиям.

— В каком смысле?

— Работа Председателя — поощрять встречу спорящих партий и вырабатывать компромисс. Если Амадейро желает встретиться со мной, Председатель не может возражать, тем более — запретить. Он должен устроить встречу, и, если у Амадейро достаточно доказательств против вас, а найти их против землянина очень просто, — это конец расследованию.

— Возможно, доктор Фастольф, вам не стоило вызывать на помощь землянина, учитывая, как мы уязвимы.

— Может, и не стоило, но я ничего больше не мог придумать. И сейчас не могу, так что должен предоставить вам самому убедить Председателя принять нашу точку зрения, если вы сможете.

— Все на мою ответственность? — кисло спросил Бейли.

— Целиком на вашу, — спокойно ответил Фастольф.

— Нас будет только четверо?

— Фактически трое: Председатель, Амадейро и я. Мы — два принципиальных спорщика, так сказать. Вы тут четвертая сторона, вас только терпят. Председатель может приказать вам уйти, поэтому я надеюсь, что вы не сделаете ничего, что рассердит его.

— Постараюсь.

— Кстати — простите мою грубость — не протягивайте ему руку.

— Не буду, — сказал Бейли. Он вспыхнул от смущения при мысли о своем недавнем жесте.

— И будьте неукоснительно вежливы. Никаких злых обвинений. Не настаиваете на утверждениях, которые здесь не поддерживают.

— Вы хотите сказать, чтобы я не пытался заставить кого-то выдать себя. Например, Амадейро.

— Да, да, не делайте этого. Вас сочтут клеветником, и это будет контрпродуктивно. Поэтому — будьте вежливы! Если вежливость маскирует атаку, мы не спорим. И не говорите, пока вас не спросят.

— Как же это получается, доктор Фастольф? Сейчас вы полны советами об осторожности, а раньше ни разу не предупредили меня об опасностях клеветы.

— Да, это моя вина. Для меня это настолько очевидно, что мне и в голову не пришло объяснять.

— Да, я так и подумал, — проворчал Бейли.

Фастольф поднял голову. — *Я* слышу звук машины и слышу шаги моего робота, идущего к входной двери. Думаю, приехали Председатель и Амадейро.

— Вместе?

— Наверняка. Видите ли, Амадейро посоветовал устроить встречу в моем доме, это дает мне выгоду быть на своей территории. А он, таким образом, имел шанс, якобы из вежливости, предложить Председателю привезти его сюда. Это даст ему несколько минут частной беседы с Председателем.

— Вряд ли это честно, — заметил Бейли. — И вы не могли пресечь это?

— А я и не хотел. Амадейро идет на рассчитанный риск. Он может сказать что-то, что рассердит Председателя.

— Председатель раздражителен по природе?

— Нет. Не больше, чем всякий Председатель на пятом десятилетии срока службы. Вся его работа делает раздражительность неизбежной. А Амадейро не всегда мудр. Его юношеская улыбка, его белые зубы, его показное добродушие могут действовать до крайности раздражающе, если те, кому он это расточает, находятся в дурном настроении по каким-либо причинам… Но я должен встретить их, а вы останетесь здесь и не вставайте с этого кресла.

Бейли оставалось только ждать. Он некстати подумал, что пробыл на Авроре чуть меньше пятидесяти стандартных часов.

Председатель был удивительно маленького роста. Амадейро возвышался над ним почти на тридцать сантиметров. Но сидя. Председатель был немногим ниже остальных, поскольку, у него была короткая нижняя часть тела, но он был плотным, с массивными плечами и грудью, и в этих условиях производил почти подавляющее

впечатление. Голова тоже была крупной, но лицо — морщинистым и отмечено возрастом. Волосы — белые и редкие. Голос Председателя был под стать его внешности: низкий и решительный. Возраст несколько огрубил его тембр, но Председателю, подумал Бейли, это даже шло.

Фастольф произвел полный ритуал приветствий, обменялся несколькими ничего не значащими замечаниями, предложил еду и питье. О Бейли не было сказано ни слова и никто не обращал на него внимания. Только когда предварительная часть была закончена и все уселись, Бейли представили.

— Господин Председатель….

Бейли поклонился и с бесцеремонным кивком добавил:

— А это, конечно, доктор Амадейро.

Улыбка Амадейро не дрогнул а от оскорбительного тона Бейли. Председатель, не ответив на приветствие Бейли, положил руки на колени и сказал:

— Давайте начнем и посмотрим, нельзя ли все это сделать возможно короче и продуктивнее. Позвольте мне подчеркнуть, что я хочу пропустить дело о проступке — или возможном проступке землянина и сразу же перейти к сути.

Говоря о сути, мы не затронем это раздутое дело о роботе. Разрушение активности робота — дело гражданского суда. Суд может решить, что это нарушение имущественных прав, и наложить штраф, ко ничего более. Больше того, если будет доказано, что робота Джандера Пэнела сделал бездеятельным доктор Фастольф, то никакого наказания и не будет, поскольку человек волен поступать со своим имуществом, как ему угодно. Реальным является спорный вопрос об исследовании и заселении Галактики: займется ли этим Аврора одна или в сотрудничестве с другими Внешними Мирами, или мы предоставим это Земле. Доктор Амадейро и глобалисты хотят взвалить этот груз на плечи одной Авроры, доктор Фастольф желает оставить это Земле. Если мы можем уладить этот спор, то дело о роботе останется гражданскому суду, а вопрос о поведении землянина, вероятно, станет спорным, и мы можем просто избавиться от него. Итак, разрешите мне начать с вопроса: готов ли доктор Амадейро принять позицию доктора Фастольфа, чтобы прийти к единому решению, или готов ли доктор Фастольф принять позицию доктора Амадейро с той же целью?

Амадейро сказал:

— Простите, господин Председатель, но я настаиваю, чтобы земляне ограничились своей планетой, а Галактику заселяли бы только авроpцы. Тем не менее, я готов пойти на компромисс — позволить и другим Внешним Мирам участвовать в заселении, если это может предупредить ненужные трения между нами.

Председатель взглянул на Фастольфа.

— А вы, желаете ли, в свете такого предложения, отказаться от своей позиции?

Фастольф покачал головой:

— Компромисс доктора Амадейро — это только слова, господин Председатель. Я хочу предложить компромисс более существенный: почему планеты Галактики на могут быть открыты как космонитам, так и землянам? Галактика обширна, места хватит и тем и другим. Такое соглашение я бы принял.

— Еще бы! — быстро сказал Амадейро, — потому что это не компромисс. Восемь миллиардов населения Земли — это больше половины населения всех Внешних Миров вместе взятых. Земляне — короткоживущие и привыкли быстро заменять свои потери. Им не хватает нашего взгляда на индивидуальную человеческую жизнь. Они будут родиться на новых планетах, плодиться,

как насекомые, и они захватят Галактику, прежде чем мы успеем начать заселение. Предложить Земле равный шанс в Галактике — это отдать ей всю Галактику, а это уже не равенство. Земляне должны ограничиться Землей.

— Что вы скажете на это доктор Фастольф?

Фастольф вздохнул: — Моя точка зрения записана. Я уверен, что повторять ее нет смысла. Доктор Амадейро планирует использовать роботов для устройства заселенных миров, чтобы люди Авроры могли прийти потом на все готовое, однако же, он не имеет человекоподобных роботов. Он не умеет конструировать их, но даже если бы они у него были, проект все равно не сработает. Компромисс невозможен до тех пор, пока доктор Амадейро не согласится с принципом, что земляне могут по крайней мере участвовать в заселении новых планет.

— Тогда компромисс вообще невозможен, — пожал плечами Амадейро.

Председатель выглядел недовольным. — Боюсь, что один из вас должен согласиться. Я не хочу, чтобы Аврору раздирали споры по такому важному вопросу.

Он посмотрел на Амадейро пустым взглядом, не выражая ни милости, ни немилости.

— Намерены ли вы использовать порчу робота Джандера как аргумент против точки зрения доктора Фастольфа, или нет?

— Намерен, — сказал Амадейро.

— Аргумент чисто эмоциональный. Вы будете уверять, что доктор Фастольф пытался уничтожить вашу точку зрения фальшивым доказательством, что человекоподобные роботы менее полезны, чем они есть на самом деле.

— Именно это он и пытался…

— Клевета) — тихо бросил Фастольф.

— Я могу это доказать, — сказал Амадейро. — Пусть это эмоциональный аргумент, но он будет эффективным. Вы сами увидите это, господин Председатель. Моя точка зрения безусловно победит, но поставить это дело на самотек было бы непорядочно. Я бы посоветовал вам убедить доктора Фастольфа принять неизбежное поражение и избавить Аврору от грустного зрелища, которое ослабит наше положение среди Внешних Миров и поколеблет нашу уверенность в себе.

— Как вы докажете, что доктор Фастольф сам уничтожил робота?

— Он сам признал, что никто, кроме него, не мог бы этого сделать. Вы это знаете.

— Знаю, — сказал Председатель, — но я хотел

бы услышать, как вы это скажете — не избирателям, а мне лично. И вы это сказали.

Он повернулся к Фастольфу. — А что вы скажете, доктор Фастольф? Кроме вас никто не мог разрушить робота?

— Не оставив физических следов? Только я, насколько мне известно. Я не думаю, что доктор Амадейро настолько разбирается в роботехнике, чтобы сделать это, и все время удивляюсь, что он, основав Институт Роботехники и имея за спиной кучу помощников, так охотно признается в своей неспособности, причем публично.

Он не без яда улыбнулся Амадейро.

Председатель вздохнул.

— Доктор Фастольф, не надо сейчас риторических фокусов. Не тратьте свой сарказм. Какова ваша защита?

— Ну, только то, что я не вредил Джандеру. И не говорю, что кто-нибудь вредил. Это случайность — принципиальная неопределенность работы позитронных путей. Такое может случиться. Пусть доктор Амадейро просто признает, что это была случайность, что никто не будет бездоказательно обвинен, и тогда мы поспорим о конкурирующих предложениях по поводу заселения по их достоинствам.

— Нет, — сказал Амадейро. — Шанс на случайное разрушение слишком мал, чтобы его рассматривать, он много меньше шанса, что доктор Фастольф виновен. Я не отступлю ни на шаг, и победа будет за мной. Господин Председатель, вы знаете, что я возьму верх, и, мне кажется, единственный рациональный шаг — вынудить доктора Фастольфа признать свое поражение в интересах всей планеты.

Фастольф быстро произнес: — Это и привело меня к тому, что я попросил мистера Бейли с Земли провести расследование.

Амадейро столь же быстро ответил:

— Я этому противился с самого начала. Возможно, землянин и хороший детектив, но он не знает Авроры и ничего не может сделать здесь. Ничего, кроме как сеять клевету и выставить Аврору перед Внешними Мирами в недостойном и смешном свете. В гиперволновых программах многих Внешних Миров уже были сатирические заметки. Записи их посланы в ваш офис.

— И привлекли мое внимание, — сказал Председатель.

— Болтают и здесь, на Авроре, — продолжал Амадейро. — Вероятно, в моих интересах было бы позволить следствию продолжаться: оно будет

стоить Фастольфу поддержки народа. Чем дольше оно будет продолжаться, тем больше я уверен в своей победе. Но оно наносит вред Авроре, и я не могу добавлять к своей уверенности цену вреда моей планете. Я почтительно советую вам, господин Председатель, положить конец расследованию и убедить доктора Фастольфа принять то, что он так или иначе примет, но более дорогой ценой.

— Я согласен, — сказал Председатель, — что разрешение, данное доктору Фастольфу на это расследование, возможно, было неразумным. Я говорю «возможно». Признаюсь, у меня было искушение прекратить его. Однако, землянин уже здесь некоторое время… Он не показал виду, что знает о присутствии в комнате Бейли, и сделал паузу, как бы давая Фастольфу шанс подтвердить это, и Фастольф сказал:

— Сегодня третий день расследования, господин Председатель.

— В этом случае, — продолжал Председатель, — справедливо было бы спросить, было ли обнаружено что-нибудь значительное.

Он снова сделал паузу. Фастольф быстро взглянул на Бейли и сделал легкое движение головой. Бейли тихо сказал:

— Господин Председатель, я не хотел бы непрошенно навязывать какие-либо наблюдения. Будут ли меня спрашивать?

Председатель нахмурился и, не глядя на Бейли, сказал:

— Я прошу мистера Бейли с Земли сказать нам, есть ли у него какие-нибудь значительные находки?

Бейли глубоко вздохнул. Наконец-то!

— Господин Председатель, — начал он. — Вчера днем я допрашивал доктора Амадейро, который очень помог мне. Когда я и мой штат оставили…

— Какой штат? — спросил Председатель.

— Во всех фазах моего расследования меня сопровождали два робота, господин Председатель.

— Роботы, принадлежащие доктору Фастольфу? — спросил Амадейро. — Я спрашиваю для записи.

— Да, — ответил Бейли. — Для записи, один — Дэниел Оливо, человекоподобный робот, другой — Жискар Ривентлов, более старый нечеловекоподобный робот.

— Благодарю вас, — сказал Председатель. — Продолжайте.

— Когда мы оставили территорию Института Роботехники, мы обнаружили, что наша машина

умышленно повреждена.

— Кем? — удивленно спросил Председатель.

— Мы не знаем, но это произошло на территории Института. Мы были там по приглашению, так что персонал Института знал о нашем присутствии. К тому же, туда вроде бы никто не может приехать без приглашения и без ведома штата Института. Как ни странно это звучит, приходится предположить, что порча машины могла быть произведена только кем-то из штата Института, а это в любом случае невозможная вещь, если не было на то приказа самого доктора Амадейро, что тоже немыслимо…

Амадейро сказал:

— Вы, кажется, придаете слишком большое значение немыслимости. Осматривал, ли машину квалифицированный техник, чтобы сказать, что она действительно умышленно повреждена? Не могло ли быть естественной поломки?

— Нет, сэр, Жискар квалифицированный водитель и часто водит именно эту машину. Он утверждал, что ее повредили.

— А он из штата доктора Фастольфа, запрограммирован им и получает от него приказы, — заметил Амадейро.

— Вы намекаете… — начал Фастольф.

— Я ни на что не намекаю. Я просто констатирую… для записи.

Председатель зашевелился.

— Желает ли мистер Бейли с Земли продолжить?

— Когда машина сломалась, ее преследовали.

— Кто? — спросил Председатель.

— Другие роботы. Они появились, но в это время мои роботы ушли.

— Минуточку, — перебил Амадейро. — В каком состоянии вы были, мистер Бейли?

— Не в очень хорошем.

— Не в очень? Вы землянин и привыкли жить в искусственных условиях ваших Городов. На открытом воздухе вам плохо. Ведь это так, мистер Бейли? — спросил Амадейро.

— Да, сэр.

— А вчера вечером была сильная гроза. Не точнее было бы сказать, что вы были совершенно больны? В полубессознательном состоянии, если не хуже?

— Я был совершенно болен, — неохотно признал Бейли.

— Тогда как же ваши роботы могли уйти? — резко спросил Председатель. — Они же должны были быть с вами, при вашем состоянии?

— Я приказал им уйти, господин Председатель.

— Почему?

— Я подумал, что так будет лучше, и я объясню, если мне позволят продолжать.

— Продолжайте.

— Нас действительно преследовали, потому что преследующие роботы явились очень скоро после ухода моих. Преследователи спросили меня, где мои роботы, и я сказал, что отослал их обратно. Только после этого они спросили, не болен ли я. Я ответил, что не болен, и они оставили меня, чтобы продолжить поиски моих роботов.

— Дэниела и Жискара? — спросил Председатель.

— Да, господин Председатель. Мне было ясно, что им было строго приказано найти моих роботов.

— Из чего вам стало это ясно?

— Хотя я был явно болен, они первым делом спросили о роботах, и лишь потом, обо мне. Затем они оставили меня, больного, чтобы искать моих роботов. Это значит, что им был дан строжайший приказ найти моих роботов, иначе они не отнеслись бы безразлично к больному человеку. Я ожидал этих поисков, поэтому и отослал моих роботов. Я чувствовал, что самое важное — убе-

речь их от чужих рук.

— Господин Председатель, — сказал Амадейро, — могу ли я продолжать спрашивать господина Бейли, чтобы показать никчемность его утверждения?

— Можете.

— Мистер Бейли, вы остались один, когда ваши роботы ушли?

— Да, сэр.

— Значит, вы не записали событий? У вас не было с собой записывающего аппарата?

— На оба вопроса — нет, сэр.

— И вы были больны?

— Да, сэр.

— Вы не теряли рассудок? Может быть, вам было так плохо, что вы не можете ясно вспомнить?

— Нет, сэр, я помню все вполне ясно.

— Может, вам так кажется, а на самом деле вы бредили, галлюцинировали? Вам казалось, что появлялись роботы и говорили с вами?

Председатель задумчиво сказал:

— Я согласен. Мистер Бейли с Земли, допуская, что вы помните — или считаете, что помните — как вы интерпретируете описанные вами события?

— Я колеблюсь высказать вам свои мысли на

этот счет, господин Председатель, чтобы не оклеветать доктора Амадейро.

— Поскольку вы говорите по моему требованию и ваши замечания ограничены этой комнатой, вопроса о клевете нет.

Председатель оглянулся: ниши роботов были пусты.

— Я подумал, что, возможно, доктор Амадейро задерживал меня в своем офисе дольше, чем, вероятно, было необходимо, чтобы было время испортить мою машину, а затем продолжал задерживать меня, чтобы я не ушел, когда уже началась гроза, и он был уверен, что я заболею по дороге. Он изучал социальные условия Земли, как он сам несколько раз сказал мне, так что должен был знать, как я буду реагировать на грозу. Мне показалось, что у него был план послать за нами своих роботов, чтобы, когда у нас будет вынужденная посадка, отвезти нас обратно в Институт под предлогом заботы обо мне, а в действительности — завладеть роботами доктора Фастольфа.

Амадейро тихо засмеялся: — Зачем мне все это? Вы видите, господин Председатель, что это одни предположения, и любой суд на Авроре признает их клеветой.

— Мистер Бейли с Земли, — строго спросил

Председатель, — есть ли у вас какие-либо подтверждения этих гипотез?

— Цепь рассуждений, господин Председатель.

Председатель встал и тут же потерял часть своей значительности, поскольку, почти не был выше себя сидящего.

— Разрешите мне сделать короткую прогулку, чтобы я мог обдумать услышанное. Я сейчас вернусь.

И он ушел в туалет. Фастольф наклонился к Бейли. Амадейро выглядел равнодушным, как будто его вовсе не интересовало, что эти двое скажут друг другу.

— У вас нет ничего Лучше сказать? — прошептал Фастольф.

— Думаю, что есть, если получу шанс сказать это, но Председатель, кажется, не сочувствует мне.

— Не сочувствует. Поскольку вы все делаете, как хуже, я не удивлюсь, если он, вернувшись, прекратит всю процедуру.

Бейли кивнул и уставился на свои ноги.

Председатель вернулся, сел и недовольно посмотрел на Бейли.

— Мистер Бейли с Земли, мне кажется, вы напрасно тратите мое время, но я не хочу, чтобы

говорили, что я не выслушал полностью каждую из сторон. Вы можете предложить мне мотив, могущий заставить доктора Амадейро делать те безумные вещи, в которых вы его обвиняете?

— Господин Председатель, — сказал Бейли тоном, близким к отчаянию, — мотив есть… и очень существенный. Он основан на факте, что план доктора Амадейро о заселении Галактики не сработает, если доктор и его Институт не смогут производить человекоподобных роботов. Известно, что он не производил их и не может. Спросите его, хочет ли он, чтобы комиссия Совета обследовала его Институт и установила, производились ли или проектировались там человекоподобные роботы. Если он докажет, что такие роботы на потоке или хотя бы в чертежах — пусть даже в теоретических формулировках, и он готов продемонстрировать это квалифицированной комиссии, я больше ничего не скажу и соглашусь, что мое расследование кончилось ничем.

Председатель взглянул на Амадейро. Улыбка доктора увяла, и он сказал:

— Я признаю, что в настоящее время мы не проектируем человекоподобного робота.

— Тогда я продолжу, — сказал Бейли. — Доктор Амадейро, конечно, может обратиться к док-

тору Фастольфу, чтобы получить всю нужную информацию, но доктор Фастольф не хочет сотрудничать с ним в этом деле.

— Не хочу, — пробормотал Фастольф, — ни при каких условиях.

— Однако, господин Председатель, — продолжал Бейли, — доктор Фастольф не единственный, кто знает секрет конструкции человекоподобного робота.

— Кто же еще может знать? — спросил Председатель. — Сам доктор Фастольф, кажется, ошеломлен вашим замечанием, мистер Бейли.

Он впервые не добавил: «с Земли».

— Я и вправду ошеломлен, — сказал Фастольф. — Насколько мне известно, я единственный. Я не понимаю, кого имеет в виду мистер Бейли.

— Я подозреваю, что этого не знает и сам мистер Бейли, — сказал Амадейро, скривив губы.

Бейли почувствовал себя окруженным врагами. Он обвел их взглядом — на его стороне не было никого.

— А разве сам человекоподобный робот не знает? — спросил он. — Не сознательно, может быть, не настолько, чтобы давать инструкции, но информация в нем наверняка есть, верно? Если его правильно допросить, его ответы и реакции

выдадут секрет, который не раскрывают его конструкторы. Постепенно, располагая временем и задавая нужные вопросы, можно получить информацию, как конструировать человекоподобных роботов.

Фастольф был поражен:

— Я понимаю, что вы имеете в виду, мистер Бейли, и вы правы. Я никогда не думал об этом.

— Должен сказать вам, доктор Фастольф, — сказал Бейли, — что у вас, как у всех аврорцев, преувеличенная индивидуалистическая гордость. Вы настолько удовлетворены званием лучшего роботехника, единственного роботехника, могущего создать человекоподобного робота, что не видите очевидного.

Председатель расплылся в улыбке.

— Уел он вас, доктор Фастольф. А я удивлялся, чего это вы так держитесь за то, что только вы могли разрушить Джандера, хотя это сильно ослабило ваше политическое положение. Теперь мне понятно, что вы скорее пожертвуете своим политическим делом, чем своей уникальностью.

Фастольф был заметно раздражен, а Амадейро нахмурился и спросил:

— Какое отношение это имеет к нашей проблеме?

— Имеет, — ответил Бейли с возросшей верой в себя. — Вы не можете вырвать информацию непосредственно у доктора Фастольфа, вы не можете приказать своим роботам, скажем, пытать его, и сами не можете нанести ему вред, поскольку его штат защитит его. Но вы можете изолировать робота с помощью своих роботов, если присутствующий тут человек слишком болен, чтобы воспрепятствовать этому. Все события вчерашнего вечера были частью быстро придуманного плана захватить Дэниела. Вы увидели удобный случай, когда я настаивал на встрече с вами в Институте. Если бы я не отослал своих роботов, если бы я не чувствовал себя настолько прилично, чтобы убедить ваших роботов в своем полном здравии и отослать их в ложном направлении, Дэниел был бы в ваших руках. И со временем вы узнали бы секрет из анализа ответов и поведения Дэниела.

— Господин Председатель, я протестую, — вмешался Амадейро. — Я никогда не слышал такой злобной клеветы. Все это основано на фантазиях больного человека. Мы не знаем — и может быть, никогда не узнаем, была ли повреждена машина, и если была, то кем; действительно ли роботы преследовали машину и говорили с

мистером Бейли, или этого не было. Он городит предположение на предположение, основанные на сомнительных событиях, свидетелем которых был он один, да еще в то время, когда он обезумел от страха и, может быть, галлюцинировал. Ничто из этого не может быть предъявлено суду.

— Здесь не суд, доктор Амадейро, — сказал Председатель, — и моя обязанность выслушать все, что относится к обсуждаемому вопросу.

— Но это не относится, господин Председатель. Это всего лишь путаница.

— Однако, она логична. Я не поймал мистера Бейли на явной нелогичности. Если согласиться с тем, что он, по его словам, испытал, то его выводы имеют смысл. Вы все это отрицаете, доктор Амадейро? Повреждение машины, преследование, намерение захватить человекоподобного робота?

— Отрицаю! Абсолютно! Все это вранье! — воскликнул Амадейро. — Землянин может проверить запись всего нашего разговора и, без сомнения, найдет, что я задержал его разговором, приглашением осмотреть Институт и пообедать, но все это можно равно интерпретировать, как мои старания быть вежливым и гостеприимным. Я был движим некоторой симпатией к землянам,

но и только. Я отрицаю его предположения, и он ничего не может противопоставить моему отрицанию. Моя репутация не из таких, чтобы кто-то мог поверить в заговор, о котором говорит этот землянин.

Председатель задумчиво почесал подбородок и проговорил:

— Разумеется, я не собираюсь обвинять вас на основании сказанного землянином, доктор Амадейро. Мистер Бейли, если у вас все, то это интересно, но не достаточно. Можете вы сказать еще что-то по существу?

— Есть еще одна вещь, которую я хотел бы привести, господин Председатель, — сказал Бейли. — Вы, вероятно, слышали о Глэдии Дельмар. Она называет себя просто Глэдией.

— Да, мистер Бейли, — нахмурился Председатель — Я слышал о ней и видел фильм, в котором вы с ней играете такие замечательные роли.

— Она общалась с роботом Джандером в течение нескольких месяцев. Фактически, он был ее мужем.

Неприязненный взгляд Председателя стал еще более резким.

— Ее… чем?

— Мужем, господин Председатель.

Фастольф расстроенно приподнялся и снова сел.

Председатель резко произнес: — Это незаконно. Хуже того, это смешно. Робот не мог оплодотворить ее. Детей не могло быть. Статус мужа или жены никогда не дается без заявления о желании иметь ребенка, если это разрешено данному лицу. Я думаю, даже землянин должен знать это.

— Я это знаю, — сказал Бейли, — и уверен, что знает и Глэдия. Она употребляла слово «муж» не в законном смысле, а в эмоциональном. Она смотрела на Джандера как на эквивалент мужа и относилась к нему, как к мужу.

Председатель повернулся к Фастольфу: — Вы знали об этом, доктор Фастольф? Он был вашим роботом.

Явно смущенный Фастольф ответил:

— Я знал, что она обожает его. Я подозревал, что она пользуется им в сексуальном смысле. Но я ничего не знал об этой незаконной шараде, пока мне не сказал мистер Бейли.

— Она солярианка, — пояснил Бейли. — Ее концепция «мужа» не аврорская, и у нее хватило соображения держать это при себе. Она сказала об этом мне, поскольку хотела, чтобы я расследовал это столь важное для нее дело. Думаю, она

не произнесла бы слова «муж», если бы я не был землянином: я мог понять его в ее смысле, а не аврорском.

— Прекрасно, — сказал Председатель, — я согласен, что у нее есть некоторый минимум здравого смысла… для солярианки. Это и есть та вещь, которую вы хотели привести, мистер Бейли?

— Да, господин Председатель.

— В таком случае, это совершенно неуместно и не относится к нашей дискуссии.

— Господин Председатель, я все-таки должен задать один вопрос. Всего один, сэр. — Бейли сказал это самым умоляющим тоном, потому что от этого зависело все.

— Согласен. Один последний вопрос.

Бейли хотел ось бы выкрикнуть слова, но он сдержался и не возвысил голос. От этого вопроса зависело все. Он вспомнил предупреждение Фастольфа и сказал почти небрежно:

— Как же случилось, что доктор Амадейро знал, что Джандер — муж Глэдии?

— Что? — кустистые брови Председателя поднялись в изумлении: — Кто сказал, что он что-нибудь знал об этом?

Отвечая на прямой вопрос, Бейли мог продолжать.

— Спросите его, господин Председатель.

Он просто кивнул в сторону Амадейро, который встал и с неприкрытым ужасом уставился на Бейли.

Бейли сказал снова, очень мягко, не желая отвлекать внимание от Амадейро: — Спросите его, господин Председатель. Он, кажется, расстроен.

— В чем дело, доктор Амадейро? — спросил Председатель. — Вы знали что-нибудь о роботе, как предполагаемом муже этой солярианки?

Амадейро запнулся, снова попытался что-то сказать. Бледность, покрывшая его лицо, сменилась тусклой краснотой. Наконец, он выговорил: — Я поражен этим бессмысленным обвинением. Я ничего не знал об этом.

— Могу я кратко пояснить, господин Председатель? — спросил Бейли. «Неужели его оборвут?»

— Это самое лучшее, — угрюмо сказал Председатель. — Если у вас есть объяснение, я хотел бы услышать его.

— Господин Председатель, — начал Бейли, — вчера днем у меня был разговор с доктором Амадейро. Поскольку он намеревался задержать меня до начала грозы, он говорил более пространно, чем предполагал сначала, и, видимо, более неосторожно. Говоря о Глэдии, он случайно

упомянул робота Джандера как ее мужа. Меня интересует, откуда он узнал об этом факте.

— Это правда, доктор Амадейро? — спросил Председатель.

Амадейро все еще стоял и выглядел, как заключенный перед судьей.

— Правда это или нет, это не относится к делу.

— Может быть, и не относится, но меня поражает ваша реакция на поставленный вопрос. Мне кажется, в нем есть значение, которое вы и мистер Бейли Понимаете, а я не понимаю. *Я* тоже хочу понять. Знали вы или не знали об этих невозможных отношениях между Джандером и солярианкой?

Амадейро сказал дрожащим голосом: — Откуда мне знать?

— Это не ответ, — сказал Председатель, — это увертка. Сделали вы замечание, которое вам приписывают, или нет?

— Прежде чем он ответит, — сказал Бейли, — с моей стороны было бы честнее напомнить ему, что Жискар, робот, присутствовавший при нашей встрече, может, если его попросить, повторить весь разговор дословно и с интонациями обоих собеседников. Короче говоря, разговор записан.

Бейли чувствовал теперь большую уверен-

ность, когда Председатель был морально задет.

Амадейро взорвался от злости.

— Господин Председатель, этот робот спроектирован, создан и запрограммирован доктором Фастольфом, который называет себя лучшим на свете роботехником и является моим противником; как я могу доверять записи такого робота?

— Возможно, вы прослушаете запись, господин Председатель, и сами вынесете решение? — сказал Бейли.

— Возможно, — сказал Председатель. — Доктор Амадейро, я здесь не для того, чтобы решали за меня. Но пока оставим это. Безотносительно к записи робота, утверждаете ли вы, что ничего не знали о том, что солярианка считала робота своим мужем, и никогда не упоминали о нем, как о ее муже? Не забудьте пожалуйста, что хотя роботов здесь нет, вся наша беседа записывается на моем аппарате.

Он похлопал по маленькому прибору в нагрудном кармане:

— Итак, доктор Амадейро, да или нет?

Амадейро сказал в отчаянии:

— Господин Председатель, я, честно сказать, не помню, что говорил в случайной беседе. Если и упомянул это слово — с чем никак не могу согла-

ситься — оно, видимо, было результатом другого случайного разговора, в котором кто-то упомянул о Глэдии и ее влюбленности в робота как в мужа.

— А *с* кем вы вели другой случайный разговор? Кто вам сказал об этом?

— Не могу сказать. Не помню.

— Господин Председатель, — сказал Бейли, — если доктор Амадейро будет добр перечислить всех, кто мог бы сказать ему об этом, мы могли бы допросить каждого и выяснить, кто сделал такое замечание.

— Я надеюсь, господин Председатель, — сказал Амадейро, — что вы оцените моральное воздействие на Институт, если будет сделано что-либо подобное.

— Надеюсь, что вы тоже оцените это, доктор Амадейро, и предпочтете ответить на наш вопрос, чтобы не вынуждать нас к крайним мерам.

— Минуточку, господин Председатель, — сказал Бейли самым что ни на есть раболепным тоном, — остается вопрос.

— Еще один?

Председатель неприязненно взглянул на Бейли: — Какой?

— Почему доктор Амадейро так избегает признания, что он знал об отношении Глэдии к

Джандеру? Он сказал, что это к делу не относится. В таком случае, почему не сказать, что знал, и покончить с этим? Я говорю, что это относится к делу, и доктор Амадейро знает, что его признание может быть использовано для демонстрации преступной деятельности с его стороны.

— Я возмущен этим выражением и требую извинений! — загрохотал Амадейро.

Фастольф хитро улыбнулся, а Бейли сжал губы. Он поставил Амадейро в критическое положение.

Председатель покраснел и повышенным тоном сказал:

— Вы *требуете*? От кого вы требуете? Я Председатель. Я выслушиваю все точки зрения и потом решаю, как лучше сделать. Пусть землянин говорит, как он интерпретирует ваши действия. Если он клевещет на вас, он будет наказан, можете быть уверены. Но вы, Амадейро, не можете ничего требовать от меня. Продолжайте, землянин, говорите, что вы хотели сказать, но будьте исключительно осторожны.

— Благодарю вас, господин Председатель. Вообще-то говоря, есть один аврорец, с которым Глэдия наверняка говорила о тайне своих отношений с Джандером.

— Ну, и кто это? — прервал его Председатель. — Не разыгрывайте со мной ваши гиперволновые штучки.

— Я не имею такого намерения, — ответил Бейли. — Это прямое утверждение. Этот аврорец — сам Джандер. Он робот, но он житель Авроры и может считаться аврорцем. Глэдия наверняка обращалась к нему со словами «мой муж». Поскольку доктор Амадейро признает, что возможно слышал от кого-то об этой истории, не логично ли предположить, что он слышал это от самого Джандера? Захочет ли доктор Амадейро прямо сейчас заявить для записи, что он никогда не разговаривал с Джандером в тот период, когда Джандер состоял в штате Глэдии?

Амадейро два раза открывал рот, но так и не произнес ни слова.

— Ну, — сказал Председатель, — вы говорили с Джандером в течение этого периода, доктор Амадейро?

Ответа не было.

— Если говорил, то это целиком относится к делу, — сказал Бейли.

— Я начинаю понимать, в чем дело, мистер Бейли. Ну, доктор Амадейро, еще раз: да или нет?

— Какие доказательства этот землянин может

выставить против меня? — закричал Амадейро. — Он что, записывал каждый мой разговор с Джандером? Может, у него есть свидетели, которые покажут, что видели меня с Джандером? Что он имеет, кроме голословных утверждений?

Председатель повернулся к Бейли, и Бейли сказал:

— Господин Председатель, если бы у меня вообще ничего не было, доктор Амадейро не поколебался бы отрицать, под запись, всякий контакт с Джандером, однако, он этого не сделал. Случилось так, что в ходе своего расследования я разговаривал с доктором Василией Алиена, дочерью доктора Фастольфа. Я говорил также с молодым аврорцем Сантириксом Гремионисом. Из записи обоих интервью ясно, что доктор Василия подстрекала Гремиониса ухаживать за Глэдией. Вы можете спросить доктора Василию, с какой целью она это делала, и не посоветовал ли ей это доктор Амадейро. У Гремиониса появилась привычка совершать долгие прогулки с Глэдией, которые радовали обоих, и в которых робот Джандер не сопровождал их. Вы можете это проверить, если желаете, сэр.

— Могу, — сухо сказал Председатель, — но если все это так, как вы говорите, то что это показы-

вает?

— Я уже говорил, что секрет изготовления человекоподобного робота можно получить только от Дэниела — не считая самого доктора Фастольфа. Но до смерти Джандера этот секрет можно было с таким же успехом узнать и от Джандера. Дэниел был в доме Фастольфа и добраться до него было нелегко, а Джандер был в доме Глэдии, а она была не настолько опытна, как доктор Фастольф, в защите робота. Не могло ли быть так, что доктор Амадейро воспользовался периодическими отлучками Глэдии, когда она гуляла с Гремионисом, чтобы разговаривать с Джандером, возможно, по трехмерке, изучать его ответы, ставить различные тесты, а затем стереть весь разговор, чтобы Джандер не информировал о нем Глэдию? Возможно, он близко подошел к тому, что хотел знать, но дальнейшие попытки прекратились, когда Джандер вышел из строя. Тогда внимание доктора Амадейро переключилось на Дэниела. Возможно, ему оставалось всего несколько тестов и наблюдений, вот он и ставил вчера ловушку, о которой я говорил раньше в моем свидетельском показании.

Председатель сказал почти шепотом:

— Теперь все сходится. Я вынужден поверить.

— Еще один последний пункт, и мне уже действительно нечего будет сказать, — сказал Бейли. — Вполне возможно, что во время проверки и тестирования Джандера доктор Амадейро мог случайно, без какого-либо умысла, привести Джандера в бездействие и, таким образом, совершить роботоубийство.

Амадейро, потеряв голову, завопил:

— Нет! Я ничего не сделал этому роботу, что могло привести к его уничтожению!

Фастольф поднял голову. — Я тоже думаю, господин Председатель, что доктор Амадейро не разрушил Джандера. Тем не менее, заявление доктора Амадейро, похоже, является признанием, что он работал с Джандером, и анализ ситуации, сделанный мистером Бейли, существенно точен.

Председатель кивнул:

— Я вынужден согласиться с вами, доктор Фастольф. Доктор Амадейро, вы можете настаивать на формальном отрицании всего этого. Это втравит меня в полное расследование, которое принесет вам большие неприятности, независимо от того, как оно обернется, а в этой стадии, я подозреваю, оно обернется большой невыгодой для вас. Мой совет вам — не доводить до этого, не портить свое положение в Совете и, может быть,

не мешать Авроре продолжать гладкий политический курс. Как я понимаю, до того, как был поднят вопрос о дезактивации Джандера, доктор Фастольф имел большинство голосов советников — правда, большинство с незначительным перевесом — на своей стороне в деле заселения Галактики. Вы перетянули многих советников на свою сторону, благодаря высказанному вами предположению, что доктор Фастольф виновен в дезактивации Джандера, и таким образом, добились большинства. Но теперь доктор Фастольф, если пожелает, обвинит в деле Джандера вас, и, кроме того, обвинит вас в попытке повесить фальшивое обвинение на своего соперника — и вы пропали, если я не вмешаюсь, вы, доктор Амадейро, и вы, доктор Фастольф, под влиянием упрямства и даже мстительности, станете обвинять друг друга в чем угодно. Наши политические силы и общественное мнение тоже безнадежно разделятся, даже раздробятся к бесконечному нашему вреду.

Я убежден, что в этом случае неизбежная победа Фастольфа будет весьма дорогостоящей, поэтому моей задачей как Председателя будет склонить голоса в его пользу с самого начала и усилить давление на вас, доктор Амадейро, и на

вашу фракцию, чтобы вы приняли победу доктора Фастольфа с елико возможным достоинством, и я сделаю это прямо сейчас… для блага Авроры.

— Я не заинтересован в сокрушительной победе, господин Председатель, — сказал Фастольф. — Я снова предлагаю доктору Амадейро компромисс: Аврора, другие Внешние Миры и Земля — все свободны заселять Галактику. Я, со своей стороны, охотно войду в Институт Роботехники, отдам свои знания о человекоподобных роботах в их распоряжение и, таким образом, облегчу доктору Амадейро его план, в обмен на его торжественное обещание отбросить всякую мысль о репрессиях против Земли в любое время в будущем и включить это в договор с подписями нашими и Земли.

Председатель кивнул.

— Мудрое и государственное предложение. Могу я получить ваше согласие на это, доктор Амадейро?

Амадейро теперь снова сидел. Лицо его выражало крушение. Он сказал: — Я не хотел ни личной власти, ни удовлетворения победой. Я хотел того, что, по моему мнению, лучше для Авроры. Я убежден, что план доктора Фастольфа в один прекрасный день приведет к концу Авроры. Тем

не менее, я понимаю, что теперь я беспомощен против работы этого землянина.

Он бросил быстрый ядовитый взгляд на Бейли:

— Я вынужден принять предложение доктора Фастольфа, хотя буду просить разрешения обратиться к Совету по этому вопросу и изложить, под записью, мои опасения о последствиях.

— Мы, конечно, разрешим это, — сказал Председатель, — и если вы послушаете Моего совета, доктор Фастольф, вы отправите землянина с нашей планеты как можно скорее. Он выиграл для вас победу вашей точки зрения, но она не будет очень популярной, если аврорцы будут долго размышлять о ней, как о победе Земли над Авророй.

— Вы совершенно правы, господин Председатель. Мистер Бейли уедет очень скоро — вместе с моей благодарностью и, я уверен, с вашей тоже.

— Ладно, — сказал Председатель не слишком любезно. — Поскольку его мастерство спасло нас от тяжелой политической баталии, я ему благодарен. Большое спасибо вам, мистер Бейли.

Бейли издали смотрел, как они уходят. Хотя Амадейро и Председатель пришли вместе, ушли они порознь.

Фастольф проводил их и вернулся, не скрывая облегчения: — Пойдемте, мистер Бейли, позав-

тракаем, а затем вы как можно скорее уедете на Землю.

Бейли кивнул и сардонически сказал:

— Председатель поблагодарил меня, но эти слова, похоже, застревали у него в горле.

— Вы не представляете, какой почет вам оказан. Председатель редко благодарит кого-нибудь, и его никто никогда не благодарит. Такой случай входит в историю, как комплимент Председателю, а этот работает уже больше сорока лет. Он человек с причудами и раздражителен, но таковыми становятся все Председатели в последние десятилетия их работы. Но я, мистер Бейли, еще раз благодарю вас, и мне думается, Аврора будет благодарна вам. Даже в своей короткой жизни вы увидите землян, уходящих в космос, а мы поможем им своей технологией. Как вы ухитрились распутать этот узел за два с половиной дня — ума не приложу. Вы просто волшебник. Ну, пошли, вы, наверное, хотите умыться и освежиться.

В первый раз после приезда Председателя у Бейли было время подумать о чем-то, кроме своей следующей фразы. Он так и не знал, что приходило к нему трижды — первый раз на точке засыпания, второй — на точке впадения в бессознательное состояние и третий и последний

— на точке половой релаксации. «Он пришел первым!» Это все еще не имело смысла, однако он убедил Председателя и добился всего, что хотел, без этого. Имело ли это вообще какое-нибудь значение, если это было частью механизма, который не пригодился? Может, это вообще бессмыслица? Это саднило где-то в уголке его мозга, и он шел на ленч победителем без настоящего ощущения победы. Что-то он все-таки упустил.

Еще одна вещь: станет ли Председатель настаивать на своем решении? Амадейро проиграл сражение, но он не из тех, кто отступается. Даже если поверить его высказыванию, что им не движет тяга к личной славе, а лишь патриотизм — все равно, он не отступится. Бейли счел нужным предупредить Фастольфа.

— Доктор Фастольф, я не думаю, что дело кончено. Амадейро будет продолжать борьбу за исключение Земли.

Фастольф кивнул.

— Будет, конечно. Но теперь я этого не боюсь. Когда дело с Джандером заглохло, я уверен, что всегда сумею сманеврировать в Совете. Не бойтесь, мистер Бейли, Земля пойдет вперед. Не бойтесь также личной опасности со стороны Амадейро. Выведете с этой планеты до захода

солнца, и Дэниел, конечно, проводит вас. Кроме того, рапорт, который мы пошлем с вами, еще раз здорово поможет вам в продвижении.

— Я рад уехать, но надеюсь, что у меня хватит времени проститься с Глэдией и с Жискаром, который спас мне жизнь в ту ночь.

— Какой вопрос, мистер Бейли! Но кушайте, пожалуйста.

Бейли ел, но без удовольствия. После конференции с Председателем и последовавшей за ней победой пища казалась безвкусной. Он мог бы и не победить. Председатель мог оборвать его. Амадейро мог бы все начисто отрицать. Могли бы и не принять слова или рассуждения землянина. Но Фастольф сиял.

— Я боялся самого худшего, мистер Бейли. Я боялся, что встреча с Председателем преждевременна и что вы ничего не сможете сказать, что помогло бы ситуации. Но как хорошо вы сумели это сделать! Я с восхищением слушал вас. В какой-то момент я опасался заявления Амадейро, что его слово значительнее слова землянина, который, в сущности, в постоянном полубезумном состоянии, находясь на чужой планете на открытом…

Бейли холодно перебил его:

— Простите, доктор Фастольф, но я не был в постоянном полубезумном состоянии. Та ночь была исключительной, и я только тогда утратил контроль над собой. Все остальное время на Авроре я время от времени испытывал неудобства, но разум мой был всегда в отличном состоянии.

Ему дорого стоило подавление злости при конфронтации с Председателем, и эта злость теперь выплеснулась наружу.

— Только во время грозы, сэр, и еще пару секунд при посадке корабля…

Он даже не осознал, как пришла мысль, воспоминание, интерпретация… Только что этой мысли не существовало, и вдруг она взорвалась в мозгу, словно все время была там, и нужно было только лопнуть мыльному пузырю, чтобы она показалась.

— О, дьявол! — сказал он благоговейным шепотом.

Он ударил кулаком по столу, так что зазвенела посуда.

— Что такое, мистер Бейли? — удивленно спросил Фастольф.

Бейли уставился на него. Вопрос не сразу дошел до него.

— Ничего, доктор Фастольф. Я просто подумал

о дьявольской наглости доктора Амадейро — он нанес ущерб Джандеру, постарался взвалить вину на вас, довел меня до полусумасшествия в грозовую ночь, да еще воспользовался этим, чтобы посеять сомнения моим утверждениям. Я сейчас на секунду пришел в ярость.

— Ну-у, не стоит, мистер Бейли. А ведь в самом деле, вполне возможно, что Амадейро погубил Джандера. Чисто случайное событие. Обследование Амадейро могло усилить неблагоприятные обстоятельства и вызвать такое случайное событие, но я не смог бы этого доказать.

Бейли слушал вполуха. Та что сейчас говорил Фастольф, было ерундой и, как сказал бы Председатель, не относилось к делу. Но от этого ничего не изменилось.

Кроме одного… через некоторое время.

«О, дьявол!» — прошептал он в глубине своего мозга и вдруг вернулся к ленчу и стал есть с удовольствием.

Бейли еще раз перешел лужайку между домами Фастольфа и Глэдии. Он увидел Глэдию за три дня и четвертый последний раз, и его сердце сжалось в тугой комок.

Жискар шел на некотором расстоянии от него и внимательнее обычного осматривал окрестно-

сти. Конечно, теперь, когда Председатель узнал обо всем, что касалось безопасности Бейли, должно было наступить ослабление.

Видимо, Жискару не дали новых инструкций.

Он только один раз подошел к Бейли, да и то, когда сам Бейли позвал его. — Жискар, а где Дэниел?

— Дэниел на пути в космопорт, сэр, вместе с несколькими другими роботами из штата, чтобы устроить вашу отправку на Землю. Когда вы приедете в космопорт, Дэниел встретит вас и будет с вами на корабле, пока не доставит вас на Землю.

— Приятно слышать. Я дорожу каждым днем пребывания с Дэниелом. А вы, Жискар, не поедете с нами?

— Нет, сэр. Мне приказано остаться на Авроре. Но Дэниел будет служить вам хорошо и без меня.

— Я в атом уверен, Жискар, но мне будет недоставать вас.

— Спасибо, сэр, — сказал Жискар и быстро отошел. Бейли задумчиво посмотрел ему вслед. Нет. Сначала первое дело. Надо увидеться с Глэдией.

Она бросилась ему навстречу. За два дня все изменилось. Она не смеялась, не шутила, она все еще была серьезна, но аура тревоги исчезла. Вокруг нее чувствовалось что-то вроде безмя-

тежности, словно она осознала, что жизнь все равно продолжается и даже может становиться временами приятной. Она тепло, дружески улыбнулась и протянула к нему руки. — Возьми их, — сказала она.

Он заколебался.

— Смешно теперь отступать назад и уверять, что ты не хотел прикасаться ко мне в прошлую ночь. Как видишь, я помню об этом и никогда не раскаюсь. Совсем наоборот.

Бейли произвел необычную для него операцию — улыбнулся в отвел — *Я* тоже помню, Глэдия, и тоже не жалею. Я бы охотно сделал это енота, но я пришел проститься.

По ее лицу прошла тень: — Значит, ты возвращаешься на Землю. Но по сведениям, которые я получила от роботов, все время циркулирующих между домом Фастольфа и моим, все прошло хорошо. Ты не мог потерпеть неудачу.

— Я и не потерпел ее. Доктор Фастольф полностью победил. Не думаю, что теперь будут какие-либо намеки на его причастность к смерти Джандера.

— В результате твоих слов, Илайдж?

— Думаю, да.

— Я так и знала. Я знала, что ты это сделаешь,

когда советовала вызвать тебя. Но почему же тебя отсылают домой?

— Именно потому, что дело разрешилось, если я останусь здесь дольше, я, видимо, буду посторонним раздражителем в политическом деле.

Она с сомнением поглядела на него.

— Не совсем понимаю, что ты под этим подразумеваешь. Для меня это звучит, как земное выражение. Но это неважно. Важно другое: ты обнаружил, кто убил Джандера?

Бейли оглянулся: Жискар стоял в одной нише, робот Глэдии — в другой. Глэдия без труда поняла этот взгляд.

— Илайдж, пора бы научиться не стесняться роботов. Ты же не стесняешься стула или портьеры.

Бейли кивнул: — Ну, ладно. Глэдия, мне страшно жаль… прости меня, но я сказал там, что Джандер был твоим мужем.

Она широко открыла глаза. Он поспешно продолжал:

— Я был вынужден. Это было очень существенно для дела, но я обещаю, что это не повредит твоему положению на Авроре.

Он коротко передал ей о событиях на встрече с Председателем и заключил: — Как видишь,

Джандера никто не убивал. Умственное замораживание произошло от случайного сдвига в позитронных путях, хотя вероятность такого случая, видимо, была усилена тем, что с ним делали.

— А я ничего не знала, — простонала она. — Я ничего не знала. Я проморгала подлый план Амадейро. И он виноват в смерти Джандера так же, как если бы зарубил его топором.

— Глэдия, — с жаром сказал Бейли, — это несправедливо. Он не имел намерения повредить Джандеру, он делал то, что по его мнению, было благом для Авроры. И за это он наказан. Он потерпел поражение, планы его рухнули, а Институт Роботехники перейдет под управление доктора Фастольфа. Ты сама не могла бы придумать для него большего наказания.

— Я подумаю насчет этого. Но что мне делать с Сантириксом Гремионисом, этим молодым лакеем, которому было приказано завлечь меня. Неудивительно, что он цеплялся за меня, несмотря на мои постоянные отказы. Ну, если он явится сюда, я с удовольствием…

Бейли энергично затряс головой.

— Нет, Глэдия. Я разговаривал с ним и уверяю тебя, что он понятия не имел о том, что проис-

ходило. Он был так же обманут, как и ты. Ты, в сущности, понимаешь все в обратном смысле. Он настаивал не потому, что требовалось завлечь тебя; он нужен был Амадейро именно потому, что был таким настойчивым. А настаивал он из-за тебя. От любви, если это слово на Авроре значило же, что и на Земле.

— На Авроре это хореография. Джандер был роботом, а ты — землянин. С аврорцами все по-другому.

— Ты мне говорила. Но, Глэдия, от Джандера ты научилась получать; от меня ты научилась отдавать. И если это знание пошло тебе на пользу, разве не правильно, не честно будет научить других? Гремионис достаточно привлекателен для тебя, и ты захочешь научить его. Он и так уже презрел аврорские обычаи, когда настаивал, несмотря на твои отказы. Он отбросит и другие обычаи. Ты научишь его отдавать и получать, и вы оба научитесь делать это поочередно или вместе.

Глэдия испытующе посмотрела ему в глаза.

— Илайдж, ты пытаешься избавиться от меня?

Бейли медленно кивнул: — Да, Глэдия. Сейчас я хочу твоего счастья больше, чем когда-нибудь чего-нибудь желал для себя и для Земли. Я не

могу дать тебе счастья, но если Гремионис даст его тебе, я тоже буду счастлив. Счастлив почти также, как если бы сам подарил тебе счастье. Глэдия, ты удивишься, с какой радостью он поломает свою хореографию, когда ты покажешь ему, как надо. И это станет известно, и другие придут упасть к твоим ногам. И Гремионис, возможно, научит других женщин. Глэдия, ты, может быть, революционизируешь аврорский секс. У тебя для этого есть три столетия.

Глэдия уставилась на него и вдруг расхохоталась.

— Ты поддразниваешь меня, Илайдж. Ты валяешь дурака. Никогда бы не подумала: ты всегда так серьезен. О, дьявол! — добавила она, имитируя его баритон.

— Может, чуточку и поддразниваю, но в основном все правильно. Обещай мне дать шанс Гремионису.

Она подошла вплотную к нему, и он без колебаний обнял ее. Она положила пальцы на его губы, и он поцеловал их.

Она тихо сказала:

— Разве ты не хотел бы иметь меня для себя, Илайдж?

Он ответил так же тихо:

— Хотел бы, Глэдия. Стыдно признаться, но в эту минуту я согласился бы, чтобы Земля разлетелась на куски, лишь бы я мог быть с тобой. Но я не могу, Глэдия. Через несколько часов я уеду с Авроры, а ты не можешь ехать со мной. Не думаю, чтобы мне когда-нибудь позволили еще раз приехать на Аврору, и ты вряд ли сможешь посетить Землю. Я никогда не увижу тебя, Глэдия, но никогда не забуду. Через несколько десятков лет я умру, а ты в то время будешь так же молода, как сейчас, так что в любом случае мы должны были бы расстаться.

Она прижалась головой к его груди.

— Ох, Илайдж, ты дважды вошел в мою жизнь, и оба раза лишь на несколько часов. Два раза ты сделал для меня очень многое, а затем прощался. *Я* никогда не забуду тебя, Илайдж, даже если проживу дольше, чем рассчитываю.

— Только пусть эти воспоминания не отвлекают тебя от счастья, — сказал он. — Прими Гремиониса и сделай его счастливым и позволь ему дать счастье тебе. И не забывай, что тебе ничто не мешает писать мне. Между Авророй и Землей существует гиперпочта.

— Я буду писать, Илайдж. Ты тоже напишешь мне?

— Напишу.

Наступило молчание, а затем они неохотно отодвинулись друг от друга. Он пошел к двери и обернулся. Она стояла на том же месте посреди комнаты и слабо улыбалась.

— Прощай, — выговорили его губы, а затем беззвучно — он не мог сказать это вслух — добавил: «Любимая.»

И ее губы ответили: «Прощай, моя любовь.»

Он повернулся и вышел, зная, что никогда больше не увидит ее. Никогда не коснется ее снова.

Прошло некоторое время, прежде чем Бейли смог снова заняться задачей, которая еще оставалась ему. Он молча прошел с полпути до дома Фастольфа, затем остановился и поднял руку. Наблюдательный Жискар тут же оказался рядом.

— Сколько времени осталось до моего отъезда в космопорт, Жискар?

— Три часа десять минут, сэр.

— Я хотел бы пройтись до того дерева, сесть, прислонившись к стволу, и некоторое время посидеть одному. С вами, конечно, но без людей.

— На открытом месте, сэр?

— Да. Мне надо подумать, а день сегодня солнечный, безоблачный, он вряд ли мне повредит. Если мне станет плохо, я войду в дом, обещаю. Ну,

как, пойдете со мной?

— Да, сэр.

Они дошли до дерева. Бейли коснулся коры — палец остался чистым. Он осмотрел почву и осторожно сел, прислонившись к дереву. Не так удобно, как в кресле, но здесь, как ни странно, чувствовались мир и покой, чего, вероятно, не было бы в комнате. Жискар стоял рядом, и Бейли сказал ему:

— Садитесь тоже. Мне не хочется задирать голову, чтобы видеть вас.

— Я не смогу как следует охранять вас, сэр, если буду сидеть.

— Понимаю, Жискар, но в данный момент опасности не может быть. Моя миссия окончена, дело разрешилось, положение доктора Фастольфа укрепилось. Вы можете спокойно сесть, я вам приказываю.

Жискар сел, но глаза его все время блуждали в разных направлению. Бейли посмотрел на голубое небо, прислушался к жужжанью насекомых, к крику птицы, заметил колыхание травы, где, видимо, прошмыгнуло мелкое животное, и подумал, как мирно и тихо здесь, и как этот мир и покой отличается от шума Города. И впервые у Бейли возникло слабое впечатление, что Сна-

ружи может быть предпочтительнее Города. Он был очень благодарен этому своему опыту на Авроре, и больше всего — грозе, потому что понял теперь, что может оставить Землю и встретиться с любым новым миром, на котором поселятся он, Бен и, может быть, Джесси.

— Спасибо, Жискар, что вы спасли меня в прошлую ночь. Не знаю, как благодарить вас.

— Меня вовсе не нужно благодарить. Я только выполнял диктаты Первого Закона. У меня не было выбора.

— Тем не менее, вы спасли мне жизнь и для вас важно, что я понимаю это… И теперь, Жискар, что мне следовало бы сделать?

— Насчет чего, сэр?

— Моя миссия закончена. Точка зрения доктора Фастольфа более не подвергается опасности. Будущее Земли вроде бы обеспечено. Похоже, что мне больше нечего делать. Но остался еще вопрос о Джандере.

— Не понимаю, сэр.

— Ну, вроде бы установлено, что он умер от случайного сдвига позитронных потенциалов в мозгу, но Фастольф уверял, что шанс на это бесконечно мал. Пусть даже деятельность Амадейро и увеличила этот шанс, все равно он остался

бесконечно малым. Во всяком случае, так думает Фастольф. Но мне кажется, что смерть Джандера была намеренным роботоубийством. Правда, я не собираюсь поднимать этот вопрос: не хочу портить дело, пришедшее к такому удовлетворительному разрешению. Не хочу снова подвергать опасности Фастольфа. Не хочу сделать несчастной Глэдию. Я не знаю, что делать. Я не могу сказать об этом ни одному человеку, поэтому говорю вам, Жискар.

— Да, сэр.

— Я всегда могу приказать вам стереть все, что я говорил, и не вспоминать об этом?

— Да, сэр.

— Как по-вашему, что я должен сделать?

— если это роботоубийство, сэр, то должен быть кто-то, способный совершить его. Способен только доктор Фастольф, но он сказал, что не делал этого.

— Да, мы с этого и начали. Я верю доктору Фастольфу, и совершенно уверен, что он этого не делал.

— Тогда как же могло произойти роботоубийство, сэр?

— Предположим, кто-то знал о роботах не меньше доктора Фастольфа.

Бейли обнял руками колени. Он не глядел на Жискара и, казалось, погрузился в свои мысли.

— Но кто же это, сэр? — спросил Жискар.

И Бейли, наконец, поставил точку: — Вы, Жискар.

Будь Жискар человеком, он, вероятно, просто глядел бы на Бейли молча и ошеломленно, может, пришел бы в ярость или в ужасе отшатнулся, или еще как-нибудь отреагировал; но Жискар был роботом, поэтому не показал никаких эмоций и только спросил:

— Почему вы так думаете, сэр?

— Я вполне уверен, Жискар, что вы точно знаете, как я Пришел к этому заключению, но с вашей стороны будет очень любезно, если вы позволите мне в этом уединенном месте и за это короткое время, что у меня осталось, объяснить это дело для моей собственной пользы. Я хотел бы слышать, как я сам расскажу об этом. И хотел бы, чтобы вы поправили меня, если я ошибусь.

— Конечно, пожалуйста, сэр.

— Полагаю, что первой моей ошибкой было предположить, что вы менее сложный, более примитивный робот, нежели Дэниел, только потому, что вы меньше похожи на человека. Человек всегда так подумает. Он будет уверен, что такого

робота, как вы легко создать, а такой, как Дэниел — великая проблема, скажем, для Амадейро, и его может сконструировать только гений вроде доктора Фастольфа. Однако трудность создания Дэниела состоит, я думаю, в воспроизведении всех человеческих аспектов, таких, как выражение лица, интонации, жесты, движения. Все это очень хитроумно, но реально не связано со сложностью мозга. Я прав?

— Абсолютно правы, сэр.

— Таким образом, я автоматически недооценивал вас, как и всякий другой. Однако вы выдали себя еще до того, как мы приземлились на Аврору. Вы, наверное, помните, что во время посадки меня охватил спазм, и я на миг оказался даже более беспомощным, чем в ту грозовую ночь.

— Я помню, сэр.

— В это время Дэниел был со мной в кабине, а вы были за дверью. Я впал в кататонию, а Дэниел, видимо, не глядел на меня и ничего об этом не знал. Вы были снаружи, но ворвались в кабину и выключили прибор, который я держал. Вы опередили Дэниела, хотя его рефлексы не хуже ваших — он продемонстрировал это, когда доктор Фастольф замахнулся на меня.

— Просто не могло быть, чтобы доктор Фастольф

ударил вас, сэр.

— Он и не ударил. Он только продемонстрировал рефлексы Дэниела. Однако, как я уже сказал, в кабине вы действовали первым. Я был в неподходящих условиях для наблюдения этого факта, но я тренирован в наблюдении и не выключаюсь целиком даже при агорафобическом ужасе. Я заметил, что вы подскочили первым, но меня направили к забвению этого факта. Из этого можно сделать только один логический вывод — Бейли сделал паузу, как бы надеясь, что Жискар согласится, но Жискар не сказал ничего.

В последующие годы, вспоминая о пребывании на Авроре, Бейли первым делом рисовал себе не грозу и даже не Глэдию, а именно это спокойное место под деревом, зеленые листья на фоне голубого неба, мягкий ветерок и сидящего напротив Жискара со слабо сияющими глазами.

— Похоже, — сказал Бейли, — что вы каким-то образом сумели даже через закрытую дверь определить состояние моего мозга. Говоря короче и проще — вы можете читать мысли.

— Да, сэр, — спокойно ответил Жискар.

— И вы можете также оказывать влияние на мозг. Вы наверняка заметили, что я это определил, и затемнили это в моем сознании, чтобы

я либо не вспомнил, либо не придал этому значения, если бы случайно вспомнил ситуацию. Однако, вы сделали это не вполне эффективно — может быть, ваша сила ограничена…

— Сэр, — сказал Жискар, — Первый Закон — главнейший. Я бросился спасать вас, хотя понимал, что это может выдать меня.

И я затемнил ваш мозг минимально, чтобы ни в коей мере не повредить ему.

— Я понимаю, у вас свои трудности. Затемнить минимально — так, чтобы я мог вспомнить лишь при достаточно расслабленном мозге, думающем свободными ассоциациями. Перед тем, как потерять сознание во время грозы, я знал, что вы первым найдете меня и спасете, как это было на корабле. Вы вроде бы обнаружили меня по инфракрасному излучению, но его излучает любое млекопитающее или птица, и это могло сбить вас, но вы могли также определить умственную активность, хотя я и был без сознания, и это помогло вам найти меня.

— Это, конечно, помогло.

— То, что я вспоминал, находясь на грани сна или потери сознания, я должен был забыть снова, придя в себя, однако в прошлую ночь я вспомнил в третий раз, и я был не один. Со мной была

Глэдия, и она повторила мне то, что я сказал, а именно: «Он пришел первым». И даже тогда я не мог вспомнить значение этих слов, и только случайное замечание доктора Фастольфа привело меня к мысли, которая пробила затемнение. Как только это осветилось во мне, я вспомнил и другие вещи. Вы иногда отвечали мне прежде, чем я успевал спросить. Я думаю, вы никому не позволите узнать о ваших телепатических способностях.

— Это правда, сэр.

— А почему?

— Мое чтение мыслей дает мне уникальную способность повиноваться Первому Закону, сэр, поэтому я дорожу им. Я могу более эффективно предупредить вред для человека. Однако же, мне кажется, ни доктор Фастольф, ни любой другой человек не будут долго мириться с роботом-телепатом, вот я и держу эту способность в секрете. Доктор Фастольф любит рассказывать легенду о роботе-телепате, уничтоженном Сьюзен Келвин, а я не хотел бы, чтобы он повторил поражение доктора Келвин.

— Да, мне он рассказывал эту легенду, и я думаю, он подсознательно знает, что вы читаете мысли, иначе он не держался бы так за легенду.

Держаться за нее, я бы считал, опасно для него, поскольку это касается вас. Но она определенно помогла мне обмозговать это дело.

— Я делаю, что могу, чтобы нейтрализовать опасность, не повредив мозг доктора Фастольфа. Он неизменно твердит о легендарной и невозможной природе этой истории, когда рассказывает ее.

— Да, я помню. Но если Фастольф не знает, что вы читаете мысли, значит, вы не были изначально спроектированы с этой способностью. Как же вы ее получили? Нет, не отвечайте, Жискар, дайте мне сообразить кое-что. Мисс Василия была особенно мила с вами, когда начала интересоваться роботехникой. Она говорила мне, что экспериментировала с вашей программой, а доктор Фастольф издали наблюдал. Не могла ли она, чисто случайно, сделать что-то, что дало вам телепатическую силу? Таки было?

— Да, сэр.

— И вы знаете, что именно она сделала?

— Да, сэр.

— И вы единственный на свете робот-телепат?

— Насколько я знаю, да, сэр. Но будут и другие.

— Если бы я или доктор Фастольф спросили вас, что именно сделала доктор Василия, вы обязаны

были бы сказать из-за Второго Закона?

— Нет, сэр, потому что, по моему суждению, это знание принесло бы вам вред, и мой отказ сообщить был бы вызван Первым Законом, более важным. Но эта проблема и не могла бы возникнуть, потому что я знал бы о готовящемся вопросе и приказе ответить, и заранее убрал бы это побуждение из человеческого мозга.

— Да, — сказал Бейли. — В позапрошлый вечер, когда мы шли от дома Глэдии к Фастольфу, я спросил Дэниела, имел ли он какой-нибудь контакт с Джандером, пока тот был в доме Глэдии, и он ответил — нет. Я повернулся к вам с тем же вопросом, но почему-то так и не задал его. Вы погасили во мне этот импульс.

— Да, сэр.

— Если бы я спросил, вам пришлось бы сказать правду, а вы не хотели, чтобы я знал это.

— Не хотел, сэр.

— Но, имея контакт с Джандером в течение этого времени, вы знали, что Амадейро проводит с ним тесты, поскольку я думаю, вы могли читать в мозгу Джандера…

— Да, сэр. Эта способность относится к умственной активности как человека, так и робота. Роботов понимать намного легче.

— Вы не одобрили деятельности Амадейро, потому что согласились с мнением Фастольфа относительно заселения Галактики?

— Да, сэр.

— Почему вы не остановили Амадейро? Почему не стерли из его мозга импульс допрашивать Джандера?

— Сэр, мне нелегко вторгаться в мозг. Решение Амадейро было так глубоко и сложно, что я должен был сделать многое, а я не хотел повредить его мозг, преуспевающий и важный. Я позволил делу продолжаться довольно долго, а сам размышлял какое действие лучше всего послужит нуждам Первого Закона. В конце концов, я решил по-своему поправить положение. Это было нелегкое решение.

— Вы решили заморозить мозг Джандера до того, как Амадейро сумеет узнать метод изготовления человекоподобного робота. Вы знали, как это сделать, поскольку вы за много лет научились отлично разбираться в теориях Фастольфа из его же мозга. Правильно?

— Точно, сэр.

— Так что Фастольф не единственный, кто достаточно опытен для уничтожения Джандера.

— В каком-то смысле единственный, сэр. Мои

знания лишь отражение его знаний.

— Тем не менее, вы это сделали. Но разве вы не понимали, что, уничтожая робота, вы ставите под удар Фастольфа? Ведь все естественно обвинят его. Собирались ли вы признаться в своем деянии и объявить о своих способностях, если это будет необходимо для его спасения?

— Я, действительно, понимал, что доктор Фастольф может оказаться в тяжком положении, но я не намеревался признаваться в своей вине. Я надеялся воспользоваться этой ситуацией для вызова вас на Аврору.

— Меня? — Бейли опешил. — Значит, это была ваша идея?

— Да, сэр. С вашего разрешения, я объясню.

— Пожалуйста.

— Я знал о вас от мисс Глэдии и от доктора Фастольфа не только с их слов, но из их мыслей. Я узнал о положении на Земле. Было ясно, что земляне живут в окружении стен, откуда им трудно выйти, но мне было столь же ясно, что и аврорцы тоже живут в окружении стен. Их стены составлены из роботов, которые защищают их от всех превратностей жизни, и которые, по плану Амадейро, должны построить защищенные общества для аврорцев на новых планетах. Аврорцы

живут в стенах, созданных их долгой жизнью; эти стены заставляют аврорцев переоценивать свою индивидуальность и удерживают их от объединения своих научных ресурсов. Они не позволяют себе вступать в грубый спор, но через Председателя требуют быстрого разрешения всякой неопределенности, и такое разрешение вопроса достигается еще до того, как проблема обнародуется. Они хотят только спокойных разрешений дела. Стены землян — настоящие, твердые стены, их существование навязано, и очевидно, всегда находятся такие, кто мечтает вырваться; стены аврорцев нематериальны и не выглядят стенами, так что никто даже не думает о побеге; вот поэтому, как мне кажется, не аврорцы и не другие космониты, а именно земляне должны заселить Галактику и когда-нибудь установить Галактическую Империю. Все это были рассуждения доктора Фастольфа, и я согласился с ними. Однако доктор Фастольф довольствовался рассуждениями, я же не мог, мне нужно было непосредственно изучить по крайней мере одного землянина, чтобы оценить свои заключения, вот я и задумал привезти вас на Аврору. Замораживание Джандера служило сразу двум целям: остановило Амадейро и дало

причину для вашего визита. Я слегка подтолкнул мисс Глэдию, чтобы она посоветовала доктору Фастольфу пригласить вас; я слегка подтолкнул и его, чтобы он обратился с этим к Председателю; я слегка подтолкнул Председателя, чтобы он дал разрешение. Когда вы прибыли, я изучил вас и был доволен тем, что обнаружил.

Жискар замолчал и снова стал бесстрастным, как все роботы.

Бейли нахмурился: — Похоже, что я не заслужил уважения за то, что сделал здесь. Вы, конечно, следили за тем, чтобы я нашел путь к истине?

— Нет, сэр. Наоборот. Я ставил барьеры на вашем пути — разумные, конечно. Я отказался позволить вам узнать о моих способностях, даже заставляя себя отступать. Я добивался того, чтобы вы иногда чувствовали уныние и отчаяние. Я поощрял вас к риску открытого пространства, чтобы изучить ваши реакции. Не вы пробили себе путь через все препятствия, и я рад.

Я обнаружил, что вы тоскуете по стенам вашего Города, но сознаете, что должны научиться обходиться без них. Я обнаружил, что вы страдали, видя Аврору из космоса, и потом, оказавшись выставленным под грозу, но это не лишило вас способности думать и не отвело вас от вашей

задачи. *Я* обнаружил, что вы признаете ваши недостатки и вашу короткую жизнь и не увиливаете от спора.

— Но почему вы считаете, что я представитель землян вообще.

— Я знаю, что вы не представитель. Но из вашего мозга я знаю, что есть такие, как вы, и мы будем строить с ними. *Я* присмотрю за этим, и теперь, когда я отчетливо вижу тропу, по которой следует идти, я подготовлю других роботов вроде себя, и они тоже будут присматривать.

— Вы хотите сказать, что роботы-телепаты приедут на Землю?

— Нет, этого я не имею в виду. И вы правы, что встревожились. Непосредственное включение роботов будет означать постройку именно тех стен, которые угрожают парализовать Аврору и другие Внешние Миры. Земляне заселят Галактику без *каких* бы то ни было роботов. Будут трудности, опасности и много, много вреда — все это роботы могли бы предупредить, будь они там, — но, в конце концов, людям будет лучше, если они станут рассчитывать только на себя. А когда-нибудь, в очень отдаленном будущем, роботов изобретут снова. Кто знает?

— Значит, вы предвидите будущее? — с любо-

пытством спросил Бейли.

— Нет, сэр, но, изучая мысли, как я это делаю, я приблизительно могу сказать, что есть законы, управляющие поведением людей, как Три Закона роботехники управляют поведением роботов; и возможно, что с ними будет иметь дело и будущее. Человеческие законы более сложны, чем законы роботехники, и я не имею представления, как они организованы. Они могут быть статичными по природе, так что их нельзя правильно выразить, кроме как имея дело с огромным населением. Они могут быть очень слабо связанными и вроде бы не иметь смысла, пока громадное население не научится оперировать этими законами.

— Скажите, Жискар, именно это доктор Фастольф называл наукой будущего — «психоисторией»?

— Да, сэр. *Я* осторожно вложил это в его мозг, чтобы начался процесс разработки. Когда-нибудь это понадобится, поскольку существование Внешних Миров как долгоживущей роботизированной культуры приходит к концу и начинается новая волна человеческой экспансии — короткоживущих человеческих существ без роботов.

Жискар встал. — А теперь, я думаю, сэр, нам пора идти в дом доктора Фастольфа и пригото-

виться к вашему отъезду. Все, о чем мы говорили здесь, конечно, нельзя никому передавать.

— Это строго конфиденциально, уверяю вас, — сказал Бейли.

— Да, — спокойно сказал Жискар. — И не бойтесь ответственности за молчание. Я позволю вам помнить, но у вас никогда не возникнет желания рассказать об этом деле. Ни малейшею.

— Еще одно, Жискар, пока вы не надавили на меня. Присмотрите за тем, чтобы Глэдию не обижали на этой планете за то, что она солярианка и принимала робота за мужа, и пусть она примет предложение Гремиониса.

— Я слышал ваш последний разговор с мисс Глэдией, сэр, и я понял. Я об этом позабочусь. А теперь, сэр, могу я проститься с вами, пока никто не видит? — И Жискар протянул Бейли руку совершенно человеческим жестом. Бейли пожал ее. Пальцы Жискара были твердые и холодные.

— Прощайте, друг Жискар.

— Прощайте, друг Илайдж, и помните, что хотя люди назвали эту планету Авророй, но в этом смысле именно Земля является истинным Миром Утренней Зари.

Роботы и империя

Глэдия проверила, не слишком ли отсырел шезлонг на лужайке, и села. Одно прикосновение к кнопке установило шезлонг в положение, чтобы можно было полулежать, другое включил о диамагнитное поле, давшее ей, как всегда, полную расслабленность. И понятно, почему. Она в буквальном смысле слова парила в сантиметре от кресла. Была теплая приятная ночь, благоухающая, звездная, одна из самых лучших на Авроре. С неожиданной грустью она изучала множество искр, испятнавших небо. Все они стали ярче, потому что она приказала приглушить освещение дома. Она думал а, почему она никогда не интересовалась названиями звезд и никогда не рассматривала их за все двести тридцать лет своей жизни. Вокруг одной из них кружилась ее родная планета Солярия, и в первые три с половиной десятилетия своей жизни она называла эту звезду просто солнцем. Когда-то Глэдию называли Глэдией с Солярии. Это был о два столетия назад, когда она приехала на Аврору, и это означало не слишком дружественную манеру отметить ее

чужеземное происхождение. Месяц назад была двухсотлетняя годовщина ее прибытия, но она обратила мало внимания на это событие, потому что ей не хотелось вспоминать о тех днях. А еще раньше, на Солярии, она была Глэдией Дельмар. Она недовольно шевельнулась. Она почти забыла это первоначальное имя — то ли потому, что это было так давно, то ли она просто старалась забыть. Все эти годы она не сожалела о Солярии, не скучала по ней.

А сейчас? Сейчас она совершенно неожиданно осознала, что пережила Солярию. Солярия пропала, стала историческим воспоминанием, а она, Глэдия, все еще живет. Не потому ли она скучает по планете?

Она сдвинула брови. Нет, она не скучает. Ей не нужна Солярия, она вовсе не хочет возвращаться туда. Это просто странное сожаление о чем-то, что составляло часть ее, хотя и неприятную, а теперь ушло.

Солярия! Последний из внешних Миров, заселенный и ставший домом для человечества. И по какому-то таинственному закону симметрии он должен был умереть первым. Первым? Значит, за ним последует второй, третий и так далее? Печаль Глэдии усилилась. Кое-кто думал, что это

действительно так и будет. Если так, то Аврора, заселенная первым из Внешних Миров, должна по тому же закону симметрии умереть последним из пятидесяти. Вполне возможно, что это случится еще при жизни Глэдии. А что тогда?

Ее глаза снова обратились к звездам. Нет, это безнадежно —.она никак не сможет определить, какая из этих светящихся точек — солнце Солярии. Сна почему-то думала, что оно ярче других, но здесь были сотни звезд одинаковой яркости.

Она подняла руку и сделала знак, который про себя называла «жест-Дэниел». (Правда, было темно, но это не имело значения.) Робот Дэниел Оливо почти немедленно очутился рядом. Те, кто знал его больше двухсот лет, когда он был сконструирован Хэном Фастольфом, не заметили бы в нем никаких перемен. Его широкое, с высокими скулами, лицо, короткие бронзовые волосы, зачесанные назад, голубые глаза, высокое, хорошо сложенное и полностью человекоподобное тело казались такими же молодыми, как и всегда.

— Могу я помочь вам чем-нибудь, мадам Глэдия? — спросил он.

— Да, Дэниел. Какая из этих звезд — солнце Солярии?

Дэниел, даже не глядя на небо, сказал:

— Никакая, мадам. В это время года солнце Солярии поднимается в три двадцать.

— Разве?

Глэдия смутилась. Она почему-то считала, что любая звезда, которой она интересовалась, должна быть видима в любое время. Но, конечно, они поднимаются в разное время — она же это прекрасно знает.

— Значит, я зря смотрела?

— Насколько я знаю из человеческих реакций, — сказал Дэниел, как бы желая ее утешить, — какая-то одна звезда прекраснее остальных, даже если ее не видно.

— Говорят, — недовольно сказала Глэдия резким голосом.

Она щелчком поставила шезлонг в прямое положение.

— Не так уж сильно я хотела видеть солнце Солярии, чтобы сидеть здесь до трех часов.

— И даже в этом случае вам понадобилась бы подзорная труба. Невооруженным глазом ее не видно, мадам Глэдия.

— Час от часу не легче! Мне следовало сначала спросить тебя, Дэниел.

Jot, кто знал Глэдию два столетия назад, когда она впервые появилась на Авроре, нашел бы в

ней перемены. В противоположность Дэниелу, она была просто человеком. В ней по-прежнему было сто пятьдесят пять сантиметров роста — на десять сантиметров меньше идеального роста аврорской женщины. Она тщательно сохранила свою стройную фигуру, и ее тело не показывало признаков слабости или раскованности. Однако, в ее волосах мелькала седина, вокруг глаз лежали тонкие морщинки, кожа утратила свою гладкость. Она могла бы прожить еще сто, сто двадцать лет, но не было сомнений, что она уже не молода. Но это не беспокоило ее.

— Я знаю те, что видны невооруженным глазом, мадам.

— И все о них знаешь — когда они восходят, в какое время года видны и прочее?

— Да, мадам Глэдия. Доктор Фастольф попросил меня однажды собрать астрономические сведения, чтобы они были у него под рукой и не требовалось бы обращаться к компьютеру. Он сказал, что ему приятнее получать их от меня, а не от компьютера, но не объяснил, зачем они ему нужны.

Глэдия подняла руку и сделала соответствующий жест. Дом тут же осветился. В мягком свете, дошедшем теперь до нее, она бессознательно

отметила несколько темных фигур роботов, но не обратила на них внимания. В любом порядочном доме роботы всегда находились вблизи человека — как для оказания услуг, так и для безопасности. Глэдия в последний раз мельком взглянула в небо и пожала плечами. Донкихотство! Даже если бы она и могла увидеть солнце этого погибшего теперь мира — что это дало бы ей? С таким же успехом можно было выбрать наугад любую звезду и считать, что это солнце Солярии. Ее внимание снова вернулось к Дэниелу. Он терпели во ждал, стоял в тени. Она снова подумала, как мал о он изменился с тех пор, как она впервые увидела его, придя в дом доктора Фастольфа. Конечно, он подвергался исправлениям. Она это знала, но старалась не думать об этом. Это общая участь, которой подвержены и люди. Космониты хвастались своим железным здоровьем и долгой жизнью — от трех до четырех столетий — но они небыли полностью иммунны к возрастным изменениям.

В одно бедро Глэдии была вставлена титаново-силиконовая трубка, большой палец левой руки был целиком искусственным, хотя этого нельзя было заметить без тщательной ультрасонограммы, даже некоторые нервы были заново подтя-

нуты. Такое могло быть у любого космонита ее возраста в любом из пятидесяти Внешних Миров, нет, из сорока девяти, поскольку Солярия больше не учитывалась. Однако, упоминать о подобных вещах считалось до крайности неприличным. Это было в медицинских записях, поскольку могло потребоваться дальнейшее лечение, но эти записи никогда и никому не передавались. Хирурги, доходы которых были даже выше, чем у самого Председателя, оплачивались так хорошо частично потому, что они были практически изгнаны из светского общества. Потому что они *знали*. Все это было частью космонитского стремления к долгой жизни, их нежелания признать, что старость существует, но Глэдия не задерживалась на анализе причин: ей просто было неприятно думать о себе в этой связи. Имей она трехмерную карту своего тела, те все протезы, все исправления отмечались бы красным на зеленом фоне природного, эти красные точки она видела бы даже издали. Так ей казалось. Однако мозг ее был цел и нетронут, и, пока это так, она цела и нетронута, чтобы ни произошло с остальным ее телом. Ее мысли вернулись к Дэниелу. Хотя она знала его два столетия, он стал принадлежать ей только в последний год. Коша Фастольф умирал,

он, по обычаю, завещал все городу, но две вещи оставил Глэдии, не считая того, что официально ввел ее во владение домом, в котором она жила, с его роботами, прочим имуществом и земельным участком. Одной из двух вещей был Дэниел. Глэдия спросила его:

— Ты помнишь все, что было в течение двух столетий?

— Думаю, что да, мадам Глэдия. Если бы я что-то забыл, я бы этого не знал, потому что это требовалось забыть.

— Я не об этом. Ты, скажем, прекрасно помнишь, что знал то-то или то-то, и вот в данный момент забыл.

— Я не понимаю, мадам. Если я что-то знаю, это всегда будет к моим услугам, когда понадобится.

— Отличное восстановление.

— Обычное, мадам. Так я сконструирован.

— И это надолго?

— Не понял, мадам?

— Я имею в виду — долго ли продержится твой мозг. Собрав воспоминания за два столетия, сколько он еще может собрать?

— Не знаю, мадам. Пока я не испытываю затруднений.

— Может быть, но до тех пор, пока вдруг не

обнаружишь, что больше не можешь запомнить.

Дэниел задумался.

— Такое возможно, мадам.

— Ты знаешь, Дэниел, что не все воспоминания одинаково важны?

— Я не могу судить об этом.

— Другие могут. Твой мозг можно очистить; Дэниел, а затем снова наполнить воспоминаниями, скажем, процентов десять от всего, что было. Тогда тебя хватит на столетия больше. А с последующими чистками ты мог бы идти вперед бесконечно. Правда, это дорогостоящая процедура, но я не постояла бы за деньгами. Ты бы оценил это.

— А со мной посоветуются насчет этого, мадам? Спросят моего согласия?

— Конечно. Я не стану приказывать тебе в таком деле: это означало бы предать доверие доктора Фастольфа.

— Спасибо, мадам. В этом случае я должен сказать, что никогда не соглашусь добровольно на такую процедуру, если только сам не обнаружу, что моя память перестала функционировать.

Они дошли до двери. Глэдия остановилась, честно недоумевая:

— А почему, Дэниел?

Дэниел тихо ответил:

— Есть воспоминания, которые я могу потерять из-за небрежности или из-за плохого суждения тех, кто проводит операцию. Я не хочу рисковать.

— Какие воспоминания ты имеешь в виду?

Дэниел ответил еще тише:

— Мадам, я имел, в виду воспоминания о моем бывшем партнере, землянине Илайдже Бейли.

Глэдия стояла, пораженная, пока наконец Дэниел проявил инициативу и дал сигнал, чтобы дверь отворилась.

Робот Жискар Ривентлов ожидал в гостиной. Глэдия поздоровалась с ним с легким ощущением неловкости, какое всегда испытывала при виде его.

Он был примитивным по сравнению с Дэниелом. Он был явным роботом — металлическим, без какого-либо человеческого выражения на лице. Глаза его в темноте вспыхивали красным. Дэниел был одет, а Жискар имел только иллюзию одежды, хотя и очень хорошую, поскольку составляла ее сама Глэдия.

— Привет, Жискар, — сказала она.

— Добрый вечер, мадам Глэдия, — ответил он с легким поклоном.

Глэдия вспомнила слова Илайджа Бейли, сказанные давным-давно, и сейчас они как бы прошелестели в ее мозгу: «Дэниел будет заботиться о тебе. Он будет твоим другом и защитником, и ты должна быть ему другом — ради меня. И я хочу, чтобы ты слушалась Жискара. Пусть он будет твоим наставником». Глэдия нахмурилась. «Почему он? Я его недолюбливаю». «Я не прошу тебя любить его. Я прошу верить ему». Он не захотел сказать почему. Глэдия старалась верить роботу Жискару, но была рада, что ей не нужно пытаться любить его. Что-то в нем заставляло ее вздрагивать.

Дэниел и Жискар был и эффективными частями ее дома много десятилетий, в течение которых официальным хозяином их был Фастольф. Только на смертном одре Хэн Фастольф по-настоящему передал Дэниела и Жискара во владение Глэдии… Она сказала тогда старику:

— Хватит и одного Дэниела, Хэн. Ваша дочь Василия, наверное, хотела бы иметь Жискара. Я уверена в этом.

Фастольф тихо лежал в постели, закрыв глаза, и выглядел таким умиротворенным, каким Глэдия его никогда не видела. Он не сразу ответил, и она испугалась, что он незаметно для нее ушел

из жизни. Она конвульсивно сжала его руку. Он открыл глаза *и* прошептал:

— Я ничуть не забочусь о биологических дочерях, Глэдия. За два столетия у меня была только одна настоящая дочь — это ты. Я хочу, чтобы Жискар был у тебя. Он ценный.

— Чем он ценен?

— Не могу сказать. Но его присутствие всегда утешает меня. Храни его всегда, Глэдия. Обещай мне.

— Обещаю, — сказала она.

Затем его глаза открылись в последний раз, голос вдруг обрел силу, и он сказал почти нормально:

— Я люблю тебя, Глэдия, как дочь.

— Я люблю тебя, Хэн, как отца.

Это были последние слова, которые он сказал и услышал. Глэдия обнаружила, что держит руку мертвого, и некоторое время не могла заставить себя выпустить ее. Так Жискар стая ее собственностью. Однако он причинял ей какое-то неудобство, и она не понимала, почему.

— Знаешь, Жискар, — сказала она, — я пыталась найти среди звезд солнце Солярии, но Дэниел сказал, что его можно увидеть только в три двадцать, да и то в подзорную трубу. Ты

знаешь об этом?

— Нет, мадам.

— Как, по-твоему, стоит мне ждать столько времени?

— Советовал бы вам я, мадам Глэдия, лучше лечь спать.

Глэдия была недовольна.

— Да? А если я предпочту ждать?

— Я только посоветовал, мадам, потому что у вас завтра будет трудный день, и вы, без сомнения, пожалеете, что не выспались.

— А почему у меня будет трудный день, Жискар? Я не знаю ни о каких грядущих трудностях.

— У вас назначена встреча, мадам, с неким Левуларом Мандамусом.

— Назначена? Когда это случилось?

— Час назад. Он звонил, и *я* взял на себя смелость…

— Ты? Кто он такой?

— Он член Института Роботехники, мадам.

— Значит, подчиненный Келдина Амадейро?

— Да, мадам!

— Пойми, Жискар, что я ни в коей мере не интересуюсь видеть этого Мандамуса или любого; кто связан с этой ядовитой жабой Амадейро. Если ты взял на себя смелость договориться об этой

встрече от моего имени, то будь любезен позвонить ему и отменить ее.

— Если вы приказываете, мадам, и приказываете строго, я попытаюсь повиноваться, но, может быть, не смогу. Видите ли, по моему суждению, вы нанесете себе вред, если откажетесь от этого свидания, а я не должен делать ничего такого, что может повредить вам.

— Твои суждения могут быть ошибочными, Жискар. Кто он такой, что отказ от встречи с ним повредит мне? Может, он и член Института, но для меня он ничего не значит.

Глэдия прекрасно сознавала, что зря изливает на Жискаре свое дурное настроение. Ее расстроили известия о том, что Солярия покинута, и ей было досадно, что она искала в небе солнце Солярки, которого там не было. Правда, указал ей на недостаток ее знаний робот Дэниел, но на *него* она не сердилась — Дэниел так походил на человека, что она автоматически относилась к нему, как человеку. Внешность — это все. Жискар выглядел роботом и, значит, вроде бы не мог чувствовать обиды. И в самом деле, Жискар вовсе не реагировал на раздражение Глэдии. Впрочем, и Дэниел тоже не реагировал бы. Жискар сказал:

— Я говорил, что доктор Мандамус — член Ин-

ститута Роботехники, но он, возможно, является чем-то большим. В последние несколько лет он был правой рукой доктора Амадейро. Это делает его лицом значительным, и игнорировать его непросто. Доктор Мандамус не из тех, кого можно оскорбить, мадам.

— А почему, Жискар? Мне плевать на Мандамуса и тем более, на Амадейро. Я думаю, ты помнишь, как Амадейро когда-то делал все возможное, чтобы обвинить доктора Фастольфа в буйстве, и только чудом его махинации провалились.

— Я прекрасно помню, мадам.

— Это хорошо. Я опасалась, что за эти столетия ты забыл. За все это время я не имела ничего общего ни с Амадейро, ни с кем-либо связанным с ним, и намерена продолжать эту политику. Меня не беспокоит, повредит ли это мне, и будут ли вообще какие-нибудь последствия. Я не желаю видеть этого доктора, кто бы он ни был, и в будущем не назначай свидания от моего имени, не спросив меня.

— Слушаюсь, мадам. Но не могу ли я указать…

— Нет, не можешь, — сказала Глэдия и отвернулась.

Некоторое время было молчание. Она сделала

несколько шагов, и тогда раздался спокойный голос Жискара:

— Мадам, я прошу вас верить мне.

Глэдия остановилась. Почему он употребил это выражение? Она снова услышала давний-давний голос: «Я не прошу тебя любить его. Я прошу тебя верить ему». Она сжала губы и неохотно, против воли, вернулась назад.

— Ну, — сказала она неласково, — что ты хочешь сказать, Жискар?

— Пока доктор Фастольф был жив, мадам, его политика господствовала на Авроре и на других Внешних Мирах. В результате народу Земли было разрешено свободно эмигрировать на другие планеты, которые мы называем Поселенческими, они процветают. Но доктор Фастольф умер, а его приверженцы утратили свой престиж. Доктор Амадейро сохранил антиземную точку зрения, и вполне возможно, что теперь восторжествует она, и начнется мощная политика против Земли и Поселенческих Миров.

— Пусть так, Жискар, но при чем тут я?

— Вы можете повидаться с доктором Мандамусом и узнаете, почему он так стремится увидеть вас, мадам. Уверяю вас, он был страшно настойчив и требовал свидания как можно раньше. Он

просил вас принять его в восемь утра.

— Жискар, я никогда ни с кем не встречалась раньше полудня.

— Я объяснил ему это, мадам, но он хотел увидеть вас до завтрака, и прямо пришел в отчаяние. Я чувствовал, что важно узнать, почему он так расстроен.

— А если я его не приму, чем, по-твоему, это повредит лично мне? Не Земле, не поселенцам, а мне?

— Мадам, это может повредить способности Земли и поселенцам к дальнейшему заселению Галактики. Эта мечта зародилась в уме полицейского инспектора Илайджа Бейли более двухсот лет назад. Вред, нанесенный Земле, будет осквернением его памяти. Разве я ошибаюсь, думая, что любой вред, нанесенный его памяти, вы примете как личный?

Глэдия вздрогнула. Уже дважды в течение часа в разговоре упоминался Илайдж Бейли. Короткоживущий землянин, он уже давным-давно умер — сто шестьдесят лет назад, но упоминание его имени все еще потрясало ее.

— Как это вдруг стало таким серьезным? — спросила она.

— Не вдруг, мадам. Два столетия назад народы

Земли и народ Внешних Миров следовали параллельными курсами и не вступали в конфликт благодаря мудрой политике доктора Фастольфа. Но всегда существовала сильная оппозиция, и доктор Фастольф всегда противостоял ей. Теперь же, когда он умер, оппозиция стала очень мощной. Уход населения с Солярии еще больше увеличил эту мощь, и вскоре оппозиция станет главенствующей политической силой.

— Почему?

— Есть явные признаки, что сила космонитов клонится к упадку, и многие аврорцы считают, что сильные действия надо произвести сейчас или никогда.

— И тебе кажется, что мое свидание с этим человеком может предупредить это?

— Да, мои ощущения именно таковы, мадам.

Глэдия помолчала и снова вспомнила с возмущением, что она обещала Илайджу верить Жискару.

— Ладно. Не думаю, что встреча принесет какую-нибудь пользу, но, так и быть, увижусь с ним.

Глэдия спала, и в доме было темно — по человеческим стандартам. Однако дом жил, в нем происходили движения и действия, потому что

роботы видели в инфракрасном свете.

Дом приводился в порядок, приносились продукты, выносился мусор, вещи чистились, полировались или убирались, и, как всегда, была охрана. Ни одна дверь не имела запора, этого не требовалось. На Авроре не бывало преступлений ни против людей, ни против собственности, да не могло быть, поскольку дома и люди всегда охранялись роботами, все это знали и приветствовали. Роботы-сторожа всегда были на месте. Они никогда не использовались — именно потому, что всегда были здесь.

Жискар и Дэниел, чьи способности были много выше, чем у других домашних роботов, не имели специальных обязанностей, разве что отвечали за правильную работу всех остальных роботов. В три часа они сделали обход по лужайке и лесному участку, чтобы проверить, выполняет ли свои функции внешняя охрана, и не возникло ли каких-нибудь проблем. Они встретились на южной границе поместья и некоторое время разговаривали сокращенным, эзоповским языком. За десятилетия общения они привыкли понимать друг друга, и им не было нужды прибегать к сложностям человеческой речи. Дэниел сказал едва слышно:

— Облака. Почти не видно.

Если бы Дэниел говорил для человеческих ушей, он сказал бы:

— Как видишь, друг Жискар, небо покрыто облаками. Если бы мадам Глэдия дожидалась увидеть солнце Солярии, она все равно не увидела бы его.

Жискар ответил:

— Предсказано. Лучше интервью.

Эквивалентом было: «Бюро погоды так и предсказывало, друг Дэниел, и это могло служить извинением, чтобы мадам Глэдия легла спать пораньше. Мне казалось более важным убедить ее согласиться на встречу, о которой я уже говорил тебе».

— Мне кажется, друг Жискар, что главной трудностью для твоего убеждения было ее огорчение по поводу опустошения Солярии. Я был там дважды с партнером Илайджем, когда мадам Глэдия была солярианкой и жила там.

— Я всегда знал, что мадам не была счастлива на своей родной планете, что она рада была оставить ее и не имела намерения возвращаться. Но я согласен с тобой: ее расстроило, что история Солярии закончена.

— Я не понимаю реакции мадам Глэдии, —

сказал Дэниел, — но очень часто человеческие реакции логически не соответствуют событиям.

— Поэтому иной раз так трудно решить, что будет вредным для человека, а что нет.

Жискар сказал бы это со вздохом, если бы был человеком.

— Это одна из причин, почему мне кажется, что Три Закона Роботехники неполны и недостаточны, но когда пытаюсь поверить этому, оказывается, что я связан законами. Если бы я не был ими связан, я бы, наверное, поверил в их недостаточность.

— Это парадокс, которого я не понимаю.

— *Я* тоже. Но я вынужден объяснить этот парадокс. Иногда я даже чувствую, что жажду обнаружить неполноту и недостаточность Трех Законов, например, сегодня вечером в разговоре с мадам Глэдией. Она спросила, как отказ от встречи может повредить ей лично, и я не мог ей ответить, поскольку это вне пределов Трех Законов.

— Ты дал прекрасный ответ, друг Жискар. Вред, нанесенный памяти партнера Илайджа, должен глубоко воздействовать на мадам Глэдию.

— Это был лучший ответ в пределах Трех Законов, ноне лучший из возможных.

— А какой был бы лучшим?

— Не знаю, потому что не могу выразить это словами или даже концепциями, пока я связан Законами.

— Но за пределами Законов ничего нет, — возразил Дэниел.

— Будь я человеком, — сказал Жискар, — я видел бы дальше Законов. Я думаю, друг Дэниел, что ты больше меня способен видеть дальше. Да, я давно считаю, что, хоть ты и робот, а думаешь удивительно похоже на человека.

— Это неправильно, — медленно и как бы с болью сказал Дэниел. — Ты так полагаешь, потому что можешь смотреть в человеческий мозг. Это вредит тебе и в конце концов может тебя разрушить. Мне тяжело об этом думать. Если ты можешь удержаться от лишнего заглядывания в мозг — удержись.

Жискар отвернулся.

— Не могу и не хочу. Я жалею, что из-за Трех Законов могу сделать так мало. Я не могу пробиваться достаточно глубоко — из боязни нанести вред. Я не могу влиять достаточно прямо из боязни нанести вред.

— Но ты сильно повлиял на мадам Глэдию.

— Я мог бы изменить ее мысли и заставить

ее согласиться на встречу без всяких вопросов, но человеческий мозг так сложен, что я могу рискнуть лишь на очень немногое. Почти любое изменение, которое я вношу, может вызвать дополнительные изменения, в природе которых я не уверен, и они могут повлиять на мозг, повредить его.

— Но ты что-то сделал мадам Глэдии?

— В сущности, нет. Слово «верить» действует на нее и делает более сговорчивой. Я давно отметил этот факт, но употребляю это слово с величайшей осторожностью, чтобы оно не ослабело от частого употребления. Меня озадачивает тот факт, что докопаться до решения я не в силах.

— Три Закона не позволяют?

— Да. Три Закона везде стоят на моем пути, и именно поэтому я не могу модифицировать их. Но я чувствую, что обязан изменить их, потому что ощущаю наступление катастрофы.

— Ты говорил об этом, но не объяснил природу катастрофы.

— Я не знаю ее природы. Она включает в себя растущую вражду между Авророй и Землей, но как это разовьется в действительную катастрофу, я не могу сказать.

— Но ведь ее может и не быть?

— Я так не думаю. Я ощущаю вокруг некоторых аврорских чиновников, с которыми сталкиваюсь, ауру катастрофы — ожидание триумфа. Не могу описать это более точно, потому что не проникал глубоко — Три Закона не позволяют. Это вторая причина, почему интервью с Мандамусом должно состояться: это даст мне возможность изучить его мозг.

— Но если ты не сможешь изучить это достаточно эффективно?

Хотя голос Жискара не мог выражать эмоций в человеческом смысле, в словах его было заметно отчаяние:

— Тогда мы будем беспомощны. Я могу лишь следовать Трем Законам. Что мне еще остается?

Дэниел тихо и уныло ответил:

— Ничего не остается.

В восемь пятнадцать Глэдия вошла в свою гостиную, надеясь, что заставила Мандамуса ждать. Она тщательно позаботилась о своей внешности, и впервые за многие годы расстроилась из-за седины: надо было последовать общей аврорской практике окраски волос. Выглядеть елико возможно молодой и привлекательной — это значит поставить фаворита Амадейро в невыгодное положение. Она мысленно готовилась к

тому, что вид его ей не понравится. Не хотелось думать, что он, возможно, молод и привлекателен, что жизнерадостное лицо засияет улыбкой при ее появлении, что он может против ее боли понравиться ей. Увидев его, она успокоилась. Он действительно был молод. Ему, видимо, не было и пятидесяти, но это его не красило. Он был высок, но очень тощ и казался долговязым. Волосы были слишком темными для аврорца, глаза тускло-ореховые, лицо слишком длинное, губы слишком тонкие, рот слишком широк, а чопорное, без проблесков юмора выражение лица окончательно лишало его молодости.

Глэдия тут же вспомнила исторические романы, какими увлекались на Авроре (все они неизменно рассказывали о примитивной Земле, что было довольно странно для мира, ненавидящего землян), и подумала: «Вот изображение пуританина». Она почувствовала себя утешенной и почти улыбалась. Пуритане обычно изображались злодеями, и, был ли этот Мандамус злодеем или нет, он вполне подходил для этой роли. Но его голос разочаровал Глэдию: он был мягким и заметно музыкальным. Чтобы выдержать стереотип, он должен был быть гнусавым. Мандамус сказал:

— Миссис Гремионис?

Она снисходительно улыбнулась и протянула руку.

— Доктор Мандамус, пожалуйста, называйте меня Глэдией. Меня все так зовут.

— Я знаю, что вы пользуетесь личным именем в профессиональном…

— Я пользуюсь им во всех случаях. А брак мой был расторг нут по обоюдному согласию несколько десятилетий назад.

— Он, кажется, существовал долгое время?

— Очень долгое, и был очень удачным, но даже большие удачи приходят к концу.

— О, да, — сентенциозно сказал Мандамус, — продолжение после конца может сделать удачу провалом.

Глэдия кивнула.

— Мудро сказано для такого мудрого человека. Не пройдем ли мы в столовую? Завтрак готов, а я и так заставила вас ждать слишком долго.

Только когда Мандамус повернулся и пошел с ней, Глэдия заметила двух роботов, сопровождавших его. Ни один аврорец и подумать не мог выйти куда бы то ни было без роботов. Но пока роботы стояли неподвижно, их никто не замечал. Мельком взглянув на них, Глэдия заметила, что

они последней модели, явно очень дорогие. Их псевдоодежда была первоклассной, хотя дизайн был не во вкусе Глэдии. Она против воли восхитилась. Надо будет узнать, кто конструировал эту одежду: похоже, появился новый солидный конкурент. Она восхищалась тем, что стиль псевдоодежды был у обоих роботов один, но в то же время резко индивидуален для каждого. Их никак нельзя было спутать. Мандамус уловил ее быстрый взгляд и точно перевел ее впечатление:

— Эко-дизайн моих роботов создал один молодой человек в Институте, но не создал еще имени для себя. А ведь он хорош, как, по-вашему?

— Бесспорно, — ответила Глэдия.

Она разочарованно подумала: «А он умен».

Глэдия не рассчитывала на деловую беседу за завтраком. Говорить о чем-то, кроме пустяков, за едой считалось полной невоспитанностью. Она предполагала, что Мандамус не силен в легкой беседе. Говорили, конечно, о погоде, о недавних дождях, которые, к счастью, кончились, о предполагавшемся сухом сезоне. Было почти обязательно восхищение домом хозяйки, и Глэдия принимала его с полагавшейся скромностью. Она ничем не облегчала напряженность гостя и предоставляла ему самому подыскивать сюжет

для беседы. Наконец, его глаза упали на Дэниела, неподвижно стоявшего в нише, и Мандамус сумел преодолеть свое аврорское безразличие и заметить его:

— А это, наверное, знаменитый Р. Дэниел Оливо? Его ни с кем не спутаешь. Замечательный образец.

— Да, замечательный.

— Он теперь ваш, кажется, по завещанию Фастольфа?

— Да, по завещанию доктора Фастольфа, — сказала Глэдия с легким подчеркиванием.

— Меня поражает, что работа Института над человекоподобными роботами провалилась, хотя сначала шла. Вы никогда не задумывались над этим?

— Я слышала об этом, — осторожно ответила Глэдия.

Неужели он пришел сюда из-за этого?

— Но я не уверена, что мне стоило тратить время на подобные размышления.

— Социологи все еще пытаются понять это. Конечно, мы в Институте впадаем в отчаяние: похоже, что это естественный процесс. Но кое-кто из нас думает, что Фа… что доктор Фастольф каким-то образом причастен к этому.

Глэдия подумала, что второй раз он не сделал ошибки, и зло сузила глаза, решив, что он пришел расследовать материальные убытки от бедного доброго Хэна. Она резко сказала:

— Только дурак может так подумать. Если и вы так думаете, я не смягчу для вас этого выражения.

— Я не из тех, кто так думает, в основном потому, что не вижу, каким образом доктор Фастольф мог бы привести это дело к фиаско.

— А почему кто-то должен был сделать? Важно, что народ не хочет таких роботов. Робот, выглядевший, как мужчина, конкурирует с мужчиной, причем, конкурирует очень уж близко, а это не нравится. Аврорцы явно не хотят конкуренции.

— Сексуальной конкуренции? — спокойно спросил Мандамус.

На момент Глэдия встретилась с ним взглядом. Неужели он знает о ее бывшей когда-то любви с роботом Джандером? Впрочем, что такого, если и знает!? Лицо его, казалось, не выражало ничего такого, что скрывалось бы за его словами. Наконец, она сказала:

— Конкуренция во всех отношениях. Если доктор Фастольф и создал такое впечатление, то лишь тем, что конструировал своих роботов по

образцу человека, но и только.

— Я вижу, вы думали об этом деле, — сказал Мандамус. — Социологи считают, что страх перед конкуренцией послужил просто оправданием. Однако, этого страха недостаточно, а других причин для отвращения, похоже, нет.

— Социология не точная наука, — сказала Глэдия.

— Не совсем так.

Глэдия пожала плечами. Помолчав, Мандамус продолжал:

— Во всяком случае, это здорово задерживает нас в организации колонизационных экспедиций. Без человекоподобных роботов, мостящих дорогу…

Завтрак еще не кончился, но Глэдии было ясно, что Мандамус не может больше избегать нетривиальной беседы.

— Мы должны полететь сами, — сказала она.

На этот раз Мандамус пожал плечами:

— Это слишком трудно. К тому же, эти короткоживущие варвары с Земли с разрешения вашего доктора Фастольфа ринулись на все планеты, какие видели, словно рой пчел.

— Осталось еще немало планет, миллионы. А если земляне могут это сделать…

— Они-то, конечно, могут, — с неожиданным пылом сказал Мандамус. — Это стоит жизней, а что им жизнь? Потеря какого то десятилетия, и только, а их миллиарды. Если в процессе колонизации умирает миллион, кто это заметит, кому это важно?

— Я уверена, что им важно.

— Вздор) Наша жизнь долгая, следовательно, более ценная, и мы, естественно, больше дорожим ею.

— Поэтому мы и сидим здесь и ничего не делаем, а только толкаем земных поселенцев рисковать своими жизнями и в результате унаследовать всю Галактику.

У Глэдии не было предубеждения против переселенцев, но она была в настроении противоречить Мандамусу, и не могла удержаться, хотя чувствовала, что ее слова могут быть расценены как убеждения. К тому же, она слышала подобные вещи от Фастольфа в его последние годы, годы его упадка.

По сигналу Глэдии стол быстро очистили. Завтрак мог бы продолжаться, но разговор и настроение стали совершенно неподходящими для цивилизованного принятия пищи. Они вернулись в гостиную. Его роботы, так же, как Дэниел

и Жискар, последовали за ними и заняли свои ниши. Мандамус не обратил никакого внимания на Жискара, да и с чего бы, как подумала Глэдия. Жискар был старомодным, примитивным, совершенно не впечатляющим по сравнению с Прекрасными образцами Мандамуса. Она села и скрестила ноги, хорошо зная, что они еще сохранили юношеский вид.

— Не могу ли узнать причину Вашего желания видеть меня, доктор Мандамус? — спросила она.

Она не желала откладывать дело.

— У меня дурная привычка жевать лекарственную резинку после еды для улучшения пищеварения. Вы не возражаете?

— Я думаю, это будет отвлекать, — сказала Глэдия.

Про себя она подумала, что в его возрасте нет нужды улучшать пищеварение. Но пусть терпит неудобство.

Мандамус сунул пакетик обратно в нагрудный карман, не показав признаков разочарования.

— Я спросила, доктор Мандамус, о причине вашего желания видеть меня.

— У меня две причины, мадам Глэдия. Одна личная, другая — государственная. Вы позволите мне начать с личной?

— Откровенно говоря, доктор Мандамус, я не могу себе представить, какое личное дело может быть между нами. Вы работаете в Роботехническом Институте, не так ли?

— Да.

— И близки с Амадейро, как я слышала?

— Я имею честь работать с доктором Амадейро, — ответил он с легким подчеркиванием.

«Он платит мне той же монетой, — подумала Глэдия. — Но я не приму ее».

— Я и Амадейро имели случай встретиться два столетия назад, и это было крайне неприятно. С тех пор я не имела с ним никакого контакта. Я не стала бы контактировать и с Вами, его близким сотрудником, но меня убедили, что эта встреча может оказаться важной. Так что, не перейти ли нам к государственному делу?

Мандамус опустил глаза, на его щеках вспыхнул слабый румянец, может быть, от смущения.

— Тогда позвольте мне представиться заново: я Левулар Мандамус, ваш потомок в пятом поколении. Я пра-пра-пра-правнук Сантирикса и Глэдии Гремионис. Значит, вы моя пра-пра-пра-прабабушка.

Глэдия быстро заморгала, стараясь не показать, что у нее ощущение громового удара. Ну, что ж, у

нее были потомки, и почему бы этому человеку не быть одним из них? Однако, она спросила:

— Вы в этом уверены?

— Полностью. Я сделал генеалогическое расследование. В ближайшие годы я намерен иметь детей, так что с меня все равно потребуют такого рода расследование. Если вас интересует, схема между нами — М-Ж-Ж-М.

— То есть, вы сын сына дочери моего сына?

— Да.

О дальнейших подробностях Глэдия не спрашивала. У нее были сын и дочь. Она была хорошей матерью, но с течением времени дети стали вести независимую жизнь. Что касается потомков сына и дочери, то она, как принято у космонитов, никогда о них не спрашивала. Даже встречая кого-нибудь из них, она была достаточной космониткой, чтобы не интересоваться ими. Эти мысли полностью привели ее в себя.

— Прекрасно. Вы мой потомок в пятом поколении. Если это и есть то личное дело, о котором вы желали поговорить, то оно не имеет никакой важности.

— Согласен. Я желаю поговорить не о самой генеалогии, а о том, что лежит в ее основании. Видите ли, доктор Амадейро, как я подозреваю,

знает об этих вещах.

— Да? А каким образом?

— Я думаю, он справлялся о генеалогии всех тех, кто собирается работать в Институте.

— А зачем?

— Чтобы знать точно о том, что он отыскал в моем случае. Он человек недоверчивый.

— Не понимаю. Если вы мой потомок, почему это его касается больше, чем меня?

Мандамус задумчиво потер подбородок.

— Его неприязнь к вам ничуть не меньше, чем ваша к нему, мадам Глэдия. Если вы готовы были отказать мне в интервью из-за него, он тоже готов отказать мне в повышении из-за вас. Немногим хуже было бы, будь я потомком Фастольфа.

Глэдия напряженно выпрямилась. Ноздри ее раздулись, она резко сказала:

— В таком случае, чего же вы ожидаете от меня? Я не могу заявить, что вы не мой потомок. Не объявить ли мне по гипервидению, что вы мне безразличны, и что я отрекаюсь от вас? Удовлетворит ли это вашего Амадейро? Если да, то я должна предупредить вас, что я этого не сделаю. Для удовлетворения этого человека я не сделаю ничего. Если он уволит вас и испортит вашу карьеру из-за генеалогии, это научит вас впредь

сотрудничать с более здравомыслящей и менее злобной особой.

— Он не уволит меня, мадам Глэдия. Я слишком ценен для него, простите за нескромность. Но я надеюсь стать когда-нибудь его преемником во главе Института, а этого, я уверен, он не допустит, пока подозревает, что я происхожу от худшего корня, чем ваш.

— Он считает беднягу Гремиониса хуже меня?

— Отнюдь нет.

Мандамус покраснел и сглотнул, ко голос его остался таким же ровным и спокойным:

— Я не хочу быть невежливым, мадам, но я обязан для себя самого узнать правду.

— Какую правду?

— Я ваш потомок в пятом поколении. Это явствует из генеалогических записей. Но возможно ли, что я также потомок в пятом поколении не Сантирикса Гремиониса, а землянина Илайджа Бейли?

Глэдия вскочила так быстро, словно ее подняло одномерное силовое поле кукольника. Она даже не осознала, что встала.

В третий раз за последние двенадцать часов было упомянуто имя этого давно ушедшего землянина, и каждый раз различными индиви-

дуумами.

— Что вы имеете в виду? — сказала она не своим голосом.

Он тоже встал и слегка отступил назад:

— Мне кажется, это достаточно просто. Не родился ли ваш сын, мой пра-пра-пра-прадед от вашей сексуальной связи с землянином Илайджем Бейли? Был ли Илайдж Бейли отцом вашего сына? Я не знаю, как проще объяснить.

— Как вы смеете делать такие намеки и даже думать об этом?

— Смею, потому что от этого зависит моя карьера. Если вы скажете «да», моя профессиональная жизнь, вероятно, будет разрушена. Я хочу услышать «нет», но недосказанное «нет» не даст мне ничего хорошего. Я должен в соответствующее время представить доктору Амадейро доказательства и показать ему, что его неодобрение моей генеалогии должно остановиться на вас. В конце концов, мне ясно, что его нелюбовь к вам и даже к доктору Фастольфу — сущий пустяк, вообще ничего по сравнению с силой его ненависти к землянину Илайджу Бейли. Не в том, что землянин — существо короткоживущее, хотя мысль об унаследовании варварских генов могла бы страшно расстроить меня. Если бы я представил

доказательства, что происхожу от землянина, но не от Илайджа Бейли, доктор Амадейро мог бы с этим смириться, но одна мысль об Илайдже Бейли приводит его в бешенство — не знаю уж, почему.

Повторение этого имени почти оживило для Глэдии Илайджа Бейли. Она резко и глубоко дышала, погрузившись в лучшие воспоминания своей жизни.

— Я знаю, почему, — сказала она, — Илайдж, против которого было все, вся Аврора, сумел уничтожить Амадейро как раз в тот момент, когда Амадейро считал, что успех уже у него в руках. Илайдж сделал это благодаря своему мужеству и интеллекту.

Амадейро встретил в землянине, которого презирал, бесконечное превосходство, а мог дать взамен только мелочную ненависть. Илайдж умер более ста шестидесяти лет назад, а Амадейро все еще не может забыть, не может простить, не может порвать цепи ненависти к мертвому человеку. Я тоже не прощу Амадейро, не перестану ненавидеть его. Я хотела бы, чтобы это отравило каждую минуту его жизни.

— Я вижу, что у вас есть причины желать зла доктору Амадейро, но почему вы желаете зла

мне? Позвольте доктору Амадейро думать, что я потомок Илайджа Бейли — и ему доставит удовольствие уничтожить меня. Зачем вам давать ему эту радость, если я не потомок Илайджа? Дайте мне доказательства, что я произошел от вас и Сантирикса Гремиониса или от вас и от кого угодно, только не от Илайджа Бейли.

— Вы дурак! Идиот! Зачем вам мои доказательства? Обратитесь к историческим записям. Там вы узнаете точную дату, когда Илайдж Бейли был на Авроре. Вы узнаете точный день, когда, я родила сына Даррела. Вы узнаете, что Даррел был зачат после отъезда Илайджа с Авроры. Вы узнаете также, что Илайдж больше ни разу не был на Авроре. Не думаете ли вы, что моя беременность длилась пять лет?

— Я знаю статистику, мадам, и не думаю, чтобы вы носили плод пять лет.

— Тогда зачем вы пришли ко мне?

— Потому что есть кое-что еще. Я знаю — и, думаю, доктор Амадейро знает, — что хотя землянин Илайдж Бейли никогда больше не возвращался на поверхность Авроры, он однажды был на корабле, который примерно день находился на орбите вокруг Авроры. Я знаю, и, думаю доктор Амадейро тоже знает, что землянин не

покидал корабля и не спускался на Аврору, но вы поднялись с Авроры, чтобы попасть на корабль. Вы оставались там большую часть дня. Это было почти пять лет спустя после пребывания землянина на Авроре. Примерно в то время вы и зачали своего ребенка.

Услышав эти спокойные слова, Глэдия почувствовала, что вся кровь отлила от ее лица. Она покачнулась, комната вокруг потемнела. Она почувствовала мягкое прикосновение сильных рук и поняла, что это руки Дэниела. Она медленно опустилась в кресло. Издалека до нее донесся голос Мандамуса:

— Правда ли это, мадам?

— Конечно, правда.

Воспоминания! Они всегда здесь, но обычно спрятанные. А в один прекрасный день их как бы выталкивает, и они возникают, резко очерченные, в цвете и движении, как живые.

Она снова была молода, моложе этого человека перед ней. Достаточно молодая, чтобы ощущать трагедию и любовь — в мертвящей жизни на Солярии, которые дошли до своего пика при горьком конце первого из тех, кого она считала мужем. Нет, она не назовет его имени даже сейчас, мыслен но. Затем были месяцы волнующих

эмоций со вторым — нечеловеком — которого она называла мужем. Джандер, человекоподобный робот, был отдан ей, и она сделала *его* целиком своим орудием, но он, как и первый муж, внезапно умер. И затем, наконец, был Илайдж Бейли, который никогда не был ее мужем, и она встречалась с ним только дважды, и оба раза всего на несколько часов за немногие дни. Илайдж, до щеки которого она дотронулась рукой без перчатки, и это прикосновение ее зажгло, Илайдж, нагое тело которого она позднее обнимала и, наконец, обрела по-настоящему.

Потом третий муж, с которым она жила спокойно и мирно, без триумфов и страданий, с твердым решением не вспоминать. Так было до того дня — она точно не помнила, какой именно день так ворвался в сонные непотревоженные годы — когда Хэн Фастольф попросил разрешения навестить ее. Глэдия смотрела на него с некоторым беспокойством, потому что он был слишком занятым человеком для легкого общения. Прошло всего пять лет после кризиса, который сделал Хэна ведущим государственным деятелем Авроры. Во всем, кроме титула, он был Председателем и настоящим лидером Внешних Миров. У него оставалось очень мало времени на то, чтобы

быть просто человеком. Эти годы оставили на нем свой знак и продолжали оставлять до последних лет, когда он печально умирал, сознавая свое крушение, но не прекращая борьбы. Келдин Амадейро, который потерпел поражение, был здоров и крепок, как бы в доказательство того, что за победу расплачиваются дороже.

Фастольф по-прежнему говорил мягко, был терпеливым и безропотным, но даже Глэдия, не интересовавшаяся политикой и бесконечными манипуляциями власти, знала, что контроль над Авророй держится только благодаря постоянным и неослабевающим усилиям, вытягивающим из Фастольфа все, что делало жизнь ценной, и он жил только тем, что считал благом… для кого? Для Авроры? Для космонитов? Или это была просто неопределенная концепция идеализированного блага? Она не знала, но не спрашивала. Но это было всего лишь через пять лет после кризиса. Фастольф все еще производил впечатление молодого человека, и его приятное простое лицо все еще было способно улыбаться.

— У меня известие для вас, Глэдия, — сказал он.

— Надеюсь, приятное?

— Он взял с собой Дэниела. Это был знак, что

старые раны зажили, что она могла смотреть на Дэниела с честной симпатией, а не с болью, как раньше — потому что он был копией ее умершего Джандера. Она могла разговаривать с Дэниелом, хотя он отвечал голосом Джандера. За пять лет ран а зарубцевалась, боль умерла.

— Надеюсь, да, — сказал Фастольф.

Он ласково улыбался.

— Приятно, что у меня есть старые друзья, — ответила она.

Она пыталась, чтобы эти слова не прозвучали ядовито.

— Об Илайдже Бейли.

Пять лет как не бывало. Она почувствовала удар и внезапно резкую боль вернувшихся воспоминаний.

— Как он? — спросила она полузадушенно после минуты ошеломленного молчания.

— Вполне хорошо. И, что более важно, он близко.

— Как? На Авроре?

— На орбите вокруг Авроры. Он знает, что не получит разрешения на посадку, даже если я употреблю все свое влияние. Он очень хотел бы увидеть вас, Глэдия. Он связался со мной, поскольку думал, что я смогу устроить вам визит на

его корабль. Я полагаю, что смогу, но только если вы хотите этого. Вы хотите?

— Я не знаю… Это так неожиданно…

Он подождал и спросил:

— Глэдия, скажите по правде, как вам живется с Сантириксом?

Она недоуменно посмотрела на него, как бы не понимая причины смены разговора, но потом до нее дошло.

— Мы хорошо живем.

— Вы счастливы?

— Я не несчастлива.

— Я что-то не слышу воодушевления.

— Долго ли может существовать воодушевление, даже если оно и было?

— Вы предполагаете когда-нибудь иметь детей?

— Да.

— Планируете изменить брачный статус?

Она твердо покачала головой.

— Пока нет.

— В таком случае, моя дорогая Глэдия, если вы хотите совета от довольно скучного человека, чувствующего себя до отвращения старым, — откажитесь от приглашения. Я помню то немногое, что вы рассказали мне после отъезда Бейли с

Авроры, и, сказать по правде, вывел из этого куда больше, чем вы, вероятно, думаете. Если вы увидите его, вы можете испытать разочарование после своих ярких воспоминаний, а то и хуже — разрыв хрупкого удовлетворения, и вы его не почините.

Глэдия, смутно думавшая именно так, решила, что такое предположение, как только оно выразилось в словах, следует отбросить.

— Нет, Хэн, я должна его увидеть. Но я боюсь ехать одна. Вы поедете со мной?

Фастольф слегка улыбнулся:

— Меня не приглашали, Глэдия. Да и в любом случае я вынужден был бы отказаться. В Совете будет важное голосование. Это государственное дело, и я не могу отсутствовать.

— Бедный Хэн!

— Да уж, действительно, бедный я! Но вы не можете ехать одна. Насколько мне известно, вы не пилот.

— О, но я думала, меня отвезут…

— На коммерческом транспорте?

Фастольф покачал головой:

— Это абсолютно невозможно. Если вы воспользуетесь коммерческим транспортом, это значит, вы открыто посещаете земной корабль на орбите,

а для этого потребуется специальное разрешение, и на это уйдет не одна неделя. Если вы не хотите ехать, Глэдия, вам не придется мотивировать ваш отказ нежеланием видеть Бейли: бумажная волокита займет много времени, а Бейли, конечно, не может ждать так долго.

— Но я очень хочу видеть его, — решительно возразила Глэдия.

— В таком случае, можете взять мой личный космический корабль и возьмите с собой Дэниела. Он прекрасно управляет им, и, так же как и вы, будет рад повидать Бейли. О путешествии мы никому не сообщим.

— Но у вас могут быть неприятности, Хэн.

— Будем надеяться, что никто не узнает или сделают вид, что не узнали. А если кто-нибудь и поднимет шум, я все улажу.

Глэдия задумчиво опустила голову.

— Простите меня, Хэн, что я так эгоистична и могу навлечь на вас неприятности, но я хочу поехать.

— Ну и поезжайте.

Корабль был маленький, меньше, чем предполагала Глэдия, вообще-то удобный, но в некоторых отношениях пугающий. Он был слишком мал, чтобы иметь аппараты псевдогравитации, и

ощущение невесомости некоторое время побуждало Глэдию к забавной гимнастике и постоянно напоминало, что она находится в ненормальном окружении. Она была космониткой. Все пять миллиардов космонитов, живших на пятидесяти мирах, гордились этим названием. Но многие ли из называвших себя космонитами и в самом деле были космическими путешественниками? Очень немногие. Процентов восемьдесят никогда не покидали мир своего рождения, да и из оставшихся двадцати процентов вряд ли кто-нибудь проходил через космос более двух-трех раз. Какая она космонитка, как угрюмо думала Глэдия. Она всего один раз прошла через космос — с Солярии на Аврору семь лет назад. Теперь она летит на маленькой космической яхте всего лишь за пределы атмосферы, на какие-нибудь сто тысяч километров, с особой — нет, даже не с особой — с компаньоном. Она быстро взглянула на Дэниела, сидевшего в маленькой пилотской кабине…

Она никогда еще не была нигде всего с одним роботом. На Солярии в ее распоряжении всегда были сотни и тысячи, на Авроре — десятки, а здесь всего один.

— Дэниел!

— Да, мадам Глэдия!

Он не отводил глаз от управления.

— Ты рад, что снова увидишь Илайджа Бейли?

— Не знаю, мадам Глэдия, как лучше описать мое внутреннее состояние. Наверное, оно аналогично тому, что люди описали бы как радостное.

— Но что-то ты чувствуешь?

— Я чувствую, словно я могу принимать решения быстрее обычного. Мои ответы приходят легче, движения требуют меньше энергии. Я мог бы назвать это чувством благополучия.

— А если бы я сказала, что хочу видеть его одна?

— Так и было бы сделано.

— Даже если бы это означало, что ты не увидишь его?

— Да, мадам.

— Но это тебя разочарует? Я хочу сказать, у тебя будет ощущение, противоположное благополучию?

— Нет, мадам.

Глэдия сама удивлялась своему любопытству. Ей никогда не приходило в голову спрашивать о таких вещах обычного робота. Робот — машина. Но она никогда не могла думать о Дэниеле как о машине, так же, как пять лет назад не могла считать машиной Джандера. Но с Джандером это

был только взрыв страсти, который исчез вместе с ним. При всем сходстве с Джандером, Дэниел не мог бы зажечь пепел. Тут была область интеллектуального любопытства.

— А тебе не неприятно быть так связанным Законами?

— Я не представляю себе ничего иного, мадам.

— Я всю жизнь была связана гравитацией, даже во время моего первого путешествия на космическом корабле, но я могу представить себя не связанной ею. И здесь я и в самом деле не связана.

— Вас это радует, мадам?

— В каком-то смысле — да.

— Это не доставляет вам неудобства?

— Ну, в каком-то смысле, и это тоже.

— Иногда, мадам, когда я думаю, что человек несвязан Законами, это причиняет мне неудобство.

— Почему, Дэниел? Ты когда-нибудь пытался продумать до конца, почему мысль об отсутствии законов дает тебе чувство неудобства?

Дэниел помолчал и сказал:

— Я пытаюсь, мадам, но думаю, что стал задумываться о таких вещах только после краткого сотрудничества с партнером Илайджем. Он имел

манеру…

— Да, я знаю. Он размышлял обо всем. Его неугомонность тянула его задавать вопросы всегда и во всех направлениях.

— Похоже, что так. Я пытаюсь подражать ему, задаю вопросы. Я спрашиваю себя, на что похоже отсутствие Законов, к не могу себе этого представить, разве что это похоже на человека, и это заставляет меня ощущать неловкость. Я спрашиваю себя, как вы спросили меня, почему у меня такое ощущение.

— И что же ты себе ответил?

— После долгого времени я решил, что Три Закона управляют поведением моих позитронных путей. В любое время, при любых условиях Законы определяют направление и интенсивность позитронного потока по этим путям, и я всегда знаю, что делать. Однако, уровень этого знания не всегда одинаков. Бывает, что мое «делать как должно» находится под меньшим принуждением, чем в других случаях. Я всегда замечаю это понижение потенциала и последующей отступление от уверенности, какое именно действие следует предпринимать. Чем дальше *я* отхожу от уверенности, тем я ближе к болезненному состоянию. Принятые решения за миллисекунду

вместо наносекунды вызывают очень тяжелое ощущение. «А что, — подумал я, — я был бы совсем без Законов, как человек? Что, если бы я вообще не имел ясного решения, как ответить на те или иные обстоятельства?. Это невозможно перенести, и у меня не было желания даже думать об этом.

— Но ты все-таки думал, Дэниел, и сейчас думаешь.

— Только из-за своего сотрудничества с партнером Илайджем, мадам. Я наблюдал за ним в условиях, когда он какое-то время не мог решиться на действие, потому что его сбивала запутанность проблемы. В результате он явно бывал больным, и я тоже чувствовал себя больным, потому что ничем не мог облегчить для него ситуацию. Вероятно, я чувствовал лишь малую часть того, что испытывал он. Если бы я ухватил больше и лучше понял бы последствия его неспособности решиться на действие, я, наверное…

Он заколебался.

— Перестал бы функционировать? Дезактивировался? — спросила Глэдия.

Она вдруг с болью подумала о Джандере.

— Да, мадам. Моя неспособность помочь могла расстроить защитное приспособление в моем по-

зитронном мозгу. Но потом я заметил, что как ни болезненно переживает Илайдж свою нерешительность, он продолжает усилия по разрешению проблемы. Меня это восхищало.

— Значит, ты способен восхищаться?

— Я употребляю слово, слышанное мною от людей. Я не знаю, насколько правильно оно выражает то ощущение, какое вызывал во мне партнер Илайдж своими действиями.

Глэдия кивнула.

— Но человеком тоже управляют свои правила: инстинкты, побуждения, доктрины.

— Так думает и друг Жискар.

— Вот как?

— Но он находит эти законы слишком сложными для анализа. Он думает, что когда-нибудь разовьется математическая система анализа человеческого поведения, и из нее выведут неоспоримые Законы управления человеческим поведением.

— Сомневаюсь, — сказала Глэдия.

— Но друг Жискар не такой уж оптимист. Он думает, что это будет много времени спустя после развития такой системы.

— Я бы сказала, через страшно много.

— Теперь, — сказал Дэниел, — мы приближаем-

ся к земному кораблю и должны приготовиться к стыковке, а это непростое дело.

Глэдии показалось, что стыковка длилась дольше, чем само путешествие до земного корабля. Дэниел оставался спокойным — впрочем, он и не мог быть иным — и уверял ее, что все человеческие корабли стыкуются друг с другом, несмотря на различие их форм и размеров.

— Как и люди, — заметила Глэдия.

Она улыбнулась, но Дэниел не ответил. Он сосредоточился на стыковке. Видно, это и в самом деле не всегда легко сделать. На минуту Глэдия почувствовала беспокойство. Земляне живут мало и стареют быстро. Прошло пять лет с тех пор, как она видела Илайджа. Сильно ли он постарел? Как он выглядит? Может, перемена в нем потрясет или испугает ее? Ах, как бы он ни выглядел, он все равно останется тем Илайджем, которому Глэдия бесконечно благодарна. Только ли благодарна?

Она заметила, что до боли стиснула руки, и с большим трудом заставила их расслабиться. Она сразу поняла, когда стыковка закончилась. Большой земной корабль имел генератор псевдогравитационного поля. В момент стыковки поле распространилось и на маленькую яхту.

— Мы состыковались, мадам Глэдия, — сказал Дэниел. — Партнер Илайдж просит разрешения войти на борт.

— Ну конечно, пусть войдет!

Часть стены отошла с легким жужжанием. В отверстие, пригнувшись, вошла фигура, и стена за ней закрылась. Фигура выпрямилась, Глэдия прошептала:

— Илайдж!

Глэдию захлестнули радость и успокоение. Ей показалось, что волосы его стали более седыми, но во всем остальном он остался прежним Илайджем. Не было никакой заметной перемены, никаких признаков старости. Он улыбнулся, с минуту, казалось, пожирал ее глазами, но затем поднял палец, как бы говоря „подожди“, и подошел к Дэниелу.

— Дэниел!

Он схватил робота за плечи и потряс его.

— Вы не изменились! О, дьявол! Вы константа во всех наших жизнях!

— Партнер Илайдж, как приятно видеть вас!

— Как приятно снова услышать, как меня называют партнером, и хочу, чтобы так и было. Я встречаюсь с вами в пятый раз, но впервые мне не нужно решать проблему. Теперь я уже не по-

лицейский. Я вышел в отставку и переезжаю на один из новых миров. Дэниел, почему вы не приехали с доктором Фастольфом, когда он посещал Землю три года назад?

— Таково было решение доктора Фастольфа. Он решил взять Жискара.

— Я был разочарован, Дэниел.

— Мне было бы очень приятно увидеть вас, партнер Илайдж, но доктор Фастольф сказал мне потом, что, по-видимому, его решение было правильным, и визит прошел весьма успешно.

— Он действительно был весьма успешным, Дэниел. До этого визита земное правительство неохотно занималось процедурой Заселения, но после вас планета забурлила и миллионы людей захотели уехать. У нас не было столько кораблей, даже с помощью Авроры, чтобы отправить их всех, и не был о столько планет, готовых принять их, потому что каждую еще надо было приспосабливать. Без изменений ни одна не будет удобной для человеческого общества. На той, куда я еду, низкое содержание кислорода, и нам придется жить в куполах, пока на планете не распространится растительность земного типа.

Его глаза все еще оборачивались к Глэдии, а она сидела и улыбалась.

— Так оно и должно быть, — сказал Дэниел. — Насколько я знаком с человеческой историей, Внешние Миры тоже прошли через период формирования фунта.

— Конечно, прошли! Благодаря этому опыту теперь этот процесс может пройти быстрее. Но я вот думаю, не побудете ли вы некоторое время в кабине пилота, Дэниел? Мне надо поговорить с Глэдией.

— Конечно, мастер Илайдж.

Дэниел вышел через арку в пилотскую кабину, а Бейли вопрошающе посмотрел на Глэдию и сделал рукой движение в ее сторону. Она поняла, подошла к арке и тронула контакт. Перегородка бесшумно задвинулась. Теперь они были одни.

Бейли протянул руки.

— Глэдия!

Она взяла его руки, не подумав даже, что она без перчаток, и сказала: — Если бы Дэниел остался с нами, он бы не помешал нам.

— Физически — да, но психологически мог бы!

Бейли печально улыбнулся.

— Прости меня, Глэдия, я сначала заговорил с Дэниелом.

— Ты знаком с ним дольше, — тихо сказала она. — У него право равенства.

— Нет, но у него нет защиты. Если я тебе надоем, ты можешь дать мне по морде, если захочешь, а Дэниел не может. *Я* могу игнорировать его, приказать уйти, обращаться с ним, словно он робот, а он будет вынужден повиноваться и оставаться таким же преданным и не жалующимся партнером.

— Но ведь он и есть робот, Илайдж.

— Для Меня — нет. Умом я сознаю, что он робот и не имеет человеческих ощущений, но сердцем я считаю его человеком, и именно так должен обращаться с ним. Я бы попросил доктора Фастольфа позволить мне взять Дэниела с собой, но на новые поселения роботов не допускают.

— А меня ты не хотел бы взять с собой?

— Космониты тоже не допускаются.

— Похоже, у землян столько же неразумных исключений, сколько и у нас, космонитов.

Бейли угрюмо кивнул.

— Глупость с обеих сторон. Но даже если бы мы были здравомыслящими, я не взял бы тебя с собой. Ты не сможешь там жить. А я вечно боялся бы, что иммунный механизм не справится, и ты умрешь от какой-нибудь пустяковой болезни. Или наоборот, будешь жить слишком долго и наблюдать, как умирают наши поколения. Прости

меня, Глэдия.

— За что, дорогой?

— За это…

Он раскинул руки.

— За то, что я просил тебя приехать.

— Но я так рада увидеть тебя.

— Я знаю. *Я* пытался не видеть тебя, но мысль, что я буду в космосе и не остановлюсь на Авроре, мучила меня. Но и увидеться тоже плохо, Глэдия. Это означает новую разлуку, которая будет терзать меня. Вот поэтому я никогда не писал тебе и не вызывал по гиперволне. Ты, наверное, удивлялась.

— Нет, пожалуй. Я согласна с тобой, надо было поставить точку, иначе все было бы бесконечно труднее. Но я писала тебе много раз.

— Ты? Я не получил ни одного письма.

— Я их не посылала. Я писала и уничтожала.

— Почему же?

— Потому, Илайдж, что частное письмо с Авроры на Землю пройдет через руки цензоров, а я этого не хотела. Если бы ты послал мне письмо, оно скорее всего не дошло бы до меня, каким бы невинным оно ни было. Я думала, что именно поэтому никогда не получала писем. Теперь, когда я знаю, что ты подозревал о такой ситуа-

ции, я страшно рада, что ты не сделал глупости и не писал мне, ты не понял бы, почему я тебе не отвечаю.

Бейли удивленно уставился на нее.

— Как же получилось, что я вижу тебя сейчас?

— Незаконно. Я воспользовалась частным кораблем доктора Фастольфа, поэтому прошла мимо пограничной стражи, и нас не окликнули. Не принадлежи этот корабль доктору Фастольфу, меня остановили бы и отправили обратно. Я думаю, ты тоже понял это, поэтому и связался со мной не прямо, а через доктора Фастольфа.

— Ничего я не понимал. Я удивляюсь, что двойное неведение сохранило меня в безопасности. Я не знал правильной комбинации гиперволны, чтобы добраться непосредственно до тебя, а на Земле узнать эту комбинацию было бы сложно. Сделать это частным путем я не мог — и так о нас с тобой болтали по всей Галактике благодаря тому идиотскому фильму, которой был поставлен после Солярии. Но комбинацию доктора Фастольфа я достал, и, очутившись на орбите вокруг Авроры, сразу же связался с ним.

— Так или иначе, но мы встретились.

Она села на край койки и протянула ему руки.

Бейли взял их и попытался сесть на табурет,

но она притянула его к себе и усадила рядом. Он неловко спросил:

— Ну, как ты, Глэдия?

— Вполне хорошо, а ты?

— Старею. Три недели назад отпраздновал пятидесятилетие.

— Пятьдесят — это не…

Она запнулась.

— Для землянина это старость. Мы же короткоживущие.

— Даже для землянина пятьдесят лет не старость. Ты нисколько не изменился.

— Приятно слышать, но я мог бы сказать тебе, что скрип усилился. Глэдия, я должен спросить: ты и Сантирикс Гремионис…

Глэдия улыбнулась и кивнула.

— Он мой муж. Я послушалась твоего совета.

— И это хорошо сработало?

— Прилично. Живем неплохо.

— Это хорошо. Надеюсь, так и останется.

— Ничто не остается на столетия, Илайдж, но может сохраниться на годы, даже на десятилетия.

— Детей нет?

— Пока нет, Ну, а как твоя семья, мой женатый мужчина? Как сын, жена?

— Бентли уехал два года назад с переселенцами. Я еду к нему. Он крупное должностное лицо на новой планете. Ему всего двадцать четыре, но он уже заслужил уважение и почет.

В глазах Бейли заплясали огоньки.

— Я уж думаю, не придется ли мне обращаться к нему „Ваша честь“, ка людях, конечно.

— Великолепно. А миссис Бейли? Она с тобой.

— Джесси? Нет. Она не захотела оставить Землю. Я говорил ей; что мы длительное время будем жить в куполах, так что большой разницы с Землей не будет, разве что более примитивно. Может, со временем она переменит мнение. Может, ей надоест одиночество, и она захочет приехать. Посмотрим.

— А пока ты один.

— На корабле больше сотни иммигрантов, так что я практически не один.

— Они по ту сторону стыковочной стеньг. И я тоже одна.

Бейли бросил быстрый взгляд в сторону пилотской кабины, и Глэдия сказала:

— Не считая Дэниела, конечно. Но он по ту сторону двери, и он робот, хоть ты и считаешь его личностью. Но ты, наверное, хотел увидеться со мной не для того, чтобы поговорить о наших

семьях?

Бейли сказал почти в тревоге:

— Я не могу просить тебя…

— А я могу. Эта койка вообще-то не предназначена для сексуальных действий, но я надеюсь, что ты с нее не свалишься.

— Глэдия, я не могу отрицать, что… — начал он. И запнулся.

— Ох, Илайдж, не надо долгих рассуждений для удовлетворения нужд вашей земной морали. Я предлагаю себя тебе в соответствии с аврорскими обычаями. У тебя есть полное право сказать, и я не могу спрашивать о причинах отказа. Впрочем, я думаю, что право отказывать принадлежит только аврорцам, но не землянам.

— Я больше не землянин.

Бейли вздохнул.

— Еще меньше склонна признать это право за несчастным иммигрантом, едущим на варварскую планету; Илайдж, у нас было так мало времени, и его так мал о сейчас. Эта встреча так неожиданна, что было бы космическим преступлением отмахнуться от нее. — Ты и в самом деле хочешь старика?

— Ты и в самом деле хочешь, чтобы я тебя умоляла?

— Но мне стыдно.

— Закрой глаза.

— Я имею в виду — стыдно за себя, за свое дряхлое тело.

— Переживешь. Твое дурацкое мнение о себе меня нисколько не касается.

Она обняла его, и застежка ее платья разошлась в стороны.

Глэдия одновременно узнала множество вещей. Она с удивлением констатировала, что Илайдж остался точно таким же, каким она его помнила. Пять лет ничего не изменили. Ей не пришлось подогревать себя воспоминаниями. Он был Илайджем.

Ока с недоумением познала разницу: в ней усилилось впечатление, что у Сантирикса Гремиониса, кроме главного недостатка, который она определила раньше, есть и другие. Сантирикс был чувствительным, мягким, рациональным, в меру неглупым и… плоским. Сна не могла бы сказать, что именно он плоский, но что бы он ни делал и не говорил, он не воодушевлял ее, как Бейли, даже если Бейли молчал. Бейли был старше Сантирикса годами, много старше физиологически, не так красив, как Сантирикс, он, что всего важнее, нес с собой неуловимую атмосферу распада,

ауру быстрого старения и короткой жизни, как все земляне. И все же... Она узнала, как глупы мужчины: Бейли подходил к ней нерешительно, совершенно не оценив своего воздействия на нее. Она узнала о его отсутствии, потому что он ушел поговорить с Дэниелом — тот был последним, как был и первым. Земляне ненавидели и боялись роботов, но Бейли, отлично знал, что Дэниел — робот, обращался с ним всегда как с личностью. С другой стороны, космониты любили роботов и чувствовали себя неуютно без них, но никогда не думали о них иначе, как о машинах. И она узнала время. Она знала, что прошло ровно три часа тридцать пять минут с тех пор, как Бейли вошел в маленькую яхту Фастольфа, и знала также, что времени остается очень мало. Чем дольше она остается вне поверхности Авроры, чем дольше корабль Бейли находится на орбите, тем больше вероятность, что кто-нибудь заметит, а если уже заметил, то почти наверняка заинтересуется, станет расследовать, и тогда Фастольфу предстоит куча неприятностей.

Бейли вышел из пилотской кабины и грустно посмотрел на Глэдию.

— Мне пора, Глэдия.

— Я знаю.

— Дэниел будет заботиться о тебе. Он станет твоим другом и защитником, и ты должна быть ему другом — ради меня. Но я хочу, чтобы ты прислушивалась к Жискару. Пусть он будет твоим советником.

Глэдия нахмурилась.

— Почему Жискар? Я недолюбливаю его.

— Я не прошу любить его. *Я* прошу тебя верить ему.

— Почему, Илайдж?

— Этого я не могу тебе сказать. В этом случае ты тоже должна поверить мне.

Они посмотрели друг на друга и молчали.

Это молчание как бы остановило время, позволило им задержать секунды, не дать им бежать. Но надолго это не сработало. Бейли сказал:

— Ты не жалеешь?

— Как я могу жалеть, когда я больше не увижу тебя?

Бейли хотел ответить, но она прижала свой маленький кулачок к его губам.

— Не надо лгать, — ;сказала она. — Я никогда не увижу тебя.

Она его больше никогда не увидела.

Глэдия болезненно ощущала, как ее вытягивает в настоящее через мертвую пустыню лет.

„Я так и не увидела его больше, — подумала она. — Никогда“. Она так долго защищала себя от горькой сладости, а сейчас нырнула в нее — больше горькую, чем сладкую, и все из-за этого типа, Мандамуса, из-за того, что Жискар просил ее принять Мандамуса, и потому что она обещала верить Жискару. Это была последняя Его просьба. Она сосредоточилась на настоящем. Мандамус холодно смотрел на нее.

— По вашей реакции, мадам Глэдия, я вижу, что это правда. Вы не могли бы сказать это яснее.

— Что правда? О чем вы говорите?

— Что вы виделись с землянином Илайджем Бейли через пять лет после его визита на Аврору. Что его корабль был на орбите, Вы поехали туда, чтобы увидеть Бейли, и были с ним примерно то время, когда был зачат ваш сын.

— Какие у вас доказательства?

— Мадам, это не было абсолютной тайной. Земной корабль был замечен на орбите. Яхта Фастольфа была замечена в полете. Самого Фастольфа на борту яхты не было, так что там был и предположительно вы. Влияние доктора Фастольфа было достаточно велико, чтобы дело не попало в запись.

— Если нет записи, нет и доказательств.

— Доктор Амадейро две трети своей жизни потратил на то, чтобы следить за доктором Фастольфом глазами ненависти. Среди правительственных чиновников всегда были такие, кто был душой и телом предан политике доктора Амадейро и сохранению Галактики для космонитов, и они охотно сообщали ему все, что он хотел знать. Доктор Амадейро услышал о вашей маленькой эскаладе почти сразу же, как она произошла.

— Это еще не доказательство. Ничем не подкрепленное слово мелкого чиновника-подлизы не в счет. Амадейро ничего не мог сделать. Даже он понимал, что у него нет доказательств.

— Нет доказательств, на основании которых он мог бы обвинить кого-то в проступке. Нет доказательств, на основании которых он мог бы причинить неприятности Фастольфу, но их достаточно для подозрения, что я потомок Бейли, и для крушения моей карьеры.

— Можете не беспокоиться, — с горечью сказала Глэдия. — Мой сын — сын Сантирикса Гремиониса, настоящий аврорец, и вы его потомок.

— Убедите меня в этом, мадам. Я больше ни о чем не прошу. Убедите меня, что вы провели несколько часов наедине с землянином и

разговаривали о политике, о дружбе, о былом, рассказывали анекдоты, но не прикасались друг к другу. Убедите меня.

— Что мы делали — не ваше дело, так что не тратьте свой сарказм. Когда я виделась с ним — я уже была беременна от мужа. Я несла трехмесячный плод Аврорский.

— Вы можете доказать это?

— Зачем мне доказывать? Дата рождения моего сына есть в записях, а у Амадейро наверняка есть дата моего визита к землянину.

— Как я уже говорил, ему сообщили, но с тех пор прошло уже два столетия, и он не помнит точно. Визит ваш не был записан, так что справиться негде. Доктор Амадейро, кажется, думает, что это было за девять месяцев до рождения вашего сына.

— За шесть месяцев.

— Докажите.

— Даю слово.

— Этого недостаточно.

— Ну тогда… Дэниел, ты был там со мной, когда я виделась с Илайджем Бейли?

— Мадам Глэдия, это было за сто семьдесят три дня до рождения Вашего сына.

— Как раз за шесть месяцев до родов.

— Этого мало, — сказал Мандамус.

Глэдия вздернула подбородок.

— У Дэниела идеальная память, а свидетельства роботов считаются доказательством в судах Авроры.

— Это дело не для суда, а память Дэниела ничего для Амадейро не значит, Дэниел создан Фастольфом и находился у Фастольфа почти два столетия. Мы не знаем, какие изменения в нем были произведены, не знаем, как инструктировали Дэниела в делах, связанных с доктором Амадейро.

— Подумайте вот о чем: земляне генетически совершенно отличны от нас. Мы практически разные образцы. И мы взаимно не даем потомства.

— Это не доказано.

— Хорошо, существуют генетические записи Даррела и Сантирикса. Сравните их. Если мой бывший муж не отец Даррела, генетические различия будут очень заметны.

— Генетические записи не показываются никому. Вы это знаете.

— Амадейро не смутят этические соображения. При его влиянии он увидит эти записи нелегально. Может, он боится, что его гипотеза не получит подтверждения?

— Он ни по каким причинам не нарушит право аврорца на личные тайны.

— Тогда уходите в космос и задохнитесь в вакууме. Если Амадейро не поддастся убеждениям, это его дело. Вы во всяком случае, должны были поверить, вот и убеждайте Амадейро, как хотите. Если это не удастся и ваша карьера повернется не так, как вам хочется, то уж, поверьте, меня это абсолютно не касается.

— Это меня не удивляет. На большее я и не рассчитывал. Что касается меня, то я убежден. Просто я надеялся, что вы дадите мне какое-нибудь материальное доказательство, чтобы я мог убедить Амадейро. Но его у вас нет.

Глэдия презрительно пожала плечами.

— Тогда я воспользуюсь другими методами, — сказал Мандамус.

— Я рада, что они у вас есть, — холодно произнесла Глэдия.

Он сказал тихо, как бы боясь, что его подслушают:

— Есть. Очень мощные методы.

— Прекрасно. Я думаю, вы попытаетесь шантажировать Амадейро. За ним, наверное, есть многое, по поводу чего его можно шантажировать.

Мандамус вдруг нахмурился.

— Не глупите.

— Теперь можно идти, — сказала Глэдия. — Я достаточно терпела вас. Убирайтесь из моего дома?

Мандамус поднял руки.

— Подождите! Я с самого начала сказал, что у меня были две причины увидеть вас: личное дело и государственное. Я потерял слишком много времени на первое и прошу вас уделить мне пять минут на второе.

— Я даю вам пять минут, но не больше.

— Еще кто-то хочет увидеть вас, землянин, или» во всяком случае, потомок землян, житель одного из Поселенческих миров.

— Скажите ему, что никто из землян и их потомков-переселенцев не допускаются на Аврору, и отошлите его прочь.

— К сожалению, мадам, за последние два столетия равновесие сил несколько изменилось. У землян больше планет, чем у нас, а население у них всегда было больше. У них больше космических кораблей, хотя и не таких первоклассных, как у нас, и из-за короткой жизни и плодовитости земляне, видимо, более готовы умирать, чем мы.

— В последнем я не уверена.

— А почему бы и нет?

Мандамус напряженно улыбнулся.

— Восемь десятилетий значат меньше, чем сорок. В любом случае мы вынуждены обращаться с ними вежливо, куда вежливее, чем во времена Илайджа Бейли. Если хотите знать, эту ситуацию создала политика Фастольфа.

— От чьего имени вы говорите? От имени Амадейро, который теперь вынужден быть вежлив с поселенцами?

— Нет, от имени Совета.

— Вы представитель Совета?

— Официально нет, но меня просили проинформировать вас неофициально.

— А если я повидаюсь с этим поселенцем, что дальше? Чего он от меня хочет?

— Как раз этого мы не знаем, мадам. Мы рассчитываем услышать это от вас. Вы увидите его, узнаете, чего он хочет, и сообщите нам.

— Кому это — вам?

— Как я уже говорил — Совету. Поселенец будет у вас сегодня вечером.

— Вы, кажется, считаете, что у меня нет иного выбора, кроме как стать информатором?

Мандамус встал, явно окончив свою миссию.

— Вы не будете «информатором». Вы ничем не

обязаны этому поселенцу. Вы просто сообщите своему правительству, как честная аврорская гражданка. Вы же не хотите, чтобы Совет предположил, что ваше солярианское происхождение в какой-то мере разжижает ваш аврорианский патриотизм.

— Сэр, я аврорианка в четыре раза дольше, чем вы.

— Не спорю, но вы родились и выросли на Солярии. Вы — необычная аномалия, аврорианка чужеземного происхождения, и этого не забыть. Это особенно справедливо, поскольку поселенец хочет видеть именно вас, а не кого-нибудь другого на Авроре, именно потому, что вы солярианского происхождения.

— Откуда вы это знаете?

— Предполагаем. Он назвал вас «солярианской женщиной». Мы хотим знать, почему это для него имеет значение, теперь, когда Солярия больше не существует.

— Спросите его.

— Мы предпочитаем спросить вас после того, как вы спросите его. А теперь я прошу разрешения оставить вас и благодарю за гостеприимство.

Глэдия холодно кивнула.

— Я даю вам разрешение уйти с большей охо-

той, чем предлагала вам свое гостеприимство.

Мандамус пошел к двери, за ним вплотную шли его роботы. На пороге он повернулся:

— Чуть не забыл…

— Да?

— Фамилия поселенца, как ни странно, Бейли.

Дэниел и Жискар с присущей роботам вежливостью проводили Мандамуса и его роботов за пределы территории поместья и, поскольку уже были снаружи, обошли эту территорию для уверенности, что низшие роботы на своих местах. Обратили внимание на погоду, облачную и чуточку холоднее, чем полагалось бы по сезону. Дэниел сказал:

— Доктор Мандамус открыто признал, что Поселенческие Миры теперь сильнее Внешних. Я не ожидал от него этого.

— Я тоже, — сказал Жискар. — Я был уверен, что поселенцы выросли в силе по сравнению с космонитами, потому что Илайдж Бейли много лет назад предсказал это, но я не мог сказать, когда этот факт станет ясным аврорскому Совету. Мне казалось, что социальная инерция будет держать Совет в полной уверенности в превосходстве космонитов еще долго после того, как это превосходство исчезнет. Я только не мог рассчитать, как

долго продлится это заблуждение.

— Я поражен, что Илайдж предсказал это так задолго.

— У людей есть такие способы мышления, каких у нас нет.

Будь Жискар человеком, в этом замечании слышались бы сожаление или зависть, но, поскольку Жискар был роботом, он просто передал факт.

— Я пытался получить если не способ мышления, то знания читая человеческую историю. Наверняка где-то в длинных описаниях событий должны быть скрыты Законы Человечества, эквивалентные Трем Законам Роботехники.

Дэниел сказал:

— Мадам Глэдия однажды сказала мне, что эта надежда несбыточна.

— Вполне возможно, друг Дэниел. Хотя мне и кажется, что Законы Человечества должны существовать, я не могу найти их. Каждое обобщение, которое я пытался сделать, имело множество исключений. Но если такие Законы существуют, и я их найду, то я лучше пойму человека и буду более уверен, что повинуюсь Трем Законам наилучшим образом.

— Поскольку партнер Илайдж понимал человека, у него, на верное, было какое-то знание

Законов Человечества.

— Возможно. Но он знал это, как люди говорят, интуитивно. Я не понимаю этого слова, оно означает неизвестную мне концепцию. Возможно, это лежит за пределами разума, а в моем распоряжении есть только разум.

Разум и память!

Память, которая работает, конечно не по человеческому образцу. У нее нет несовершенности воспоминания, суетливости, добавлений и вычитаний, продиктованных принятием желаемого за действительное и эгоизм, не говоря уже о задержках, пропусках и возвратах, могущих вернуть память к давним грезам. Память робота отмечает события, точно когда они произошли, только в ускоренном темпе. Секунды разматываются в наносекунды, так что дни событий могут ожить со скоростью незаметного пробела в беседе. Жискар оживил тот визит на Землю, как делал это много раз, чтобы понять способность Бейли предсказать будущее, но так и не понял.

Земля!

Фастольф поехал на Землю на аврорском военном корабле с полным комплектом товарищей-пассажиров, как людей, так и роботов. Однако, когда они оказались на орбите, только

один Фастольф взял модуль для высадки. Инъекции стимулировали его иммунный механизм, он носил обязательные перчатки, комбинезон, контактные линзы и носовые фильтры и чувствовал себя в полной безопасности, но другие аврорцы не пожелали стать частью делегации. Фастольф только пожал плечами, поскольку ему казалось, как он позже объяснил Жискару, что его примут лучше, если он будет один. Делегация могла напомнить Земле о старых временах Космотауна, когда космониты имели постоянную базу на Земле и непосредственно влияли на планету. Но Фастольф взял с собой Жискара. Приехать без роботов было немыслимо даже для Фастольфа. Однако несколько роботов могли бы насторожить все более ненавидевших их землян, а с землянами Фастольф надеялся увидеться и провести переговоры. Первым делом он, разумеется встретился с Бейли, который должен был стать его связью с Землей и ее народом. Истинной же причиной являлось большое желание Фастольфа снова увидеть Бейли, поскольку Фастольф был немало ему обязан.

Вообще-то говоря, это Жискар хотел видеть Бейли. Он слегка укрепил эмоции и импульс в мозгу Фастольфа, чтобы привести это свое желание в

исполнение, но Фастольф об этом не знал и даже не подозревал. Бейли ожидал его при высадке, с ним была небольшая группа официальных лиц Земли, так что началась нудная трата времени с вежливыми фразами и шедшим своим порядком протоколом. Прошло несколько часов, прежде чем Бейли и Фастольф смогли поговорить, да и то потому лишь, что вмешался Жискар и коснулся мозга самого главного чиновника, выглядевшего явно усталым. Всегда безопаснее ограничиться усилением уже существующей эмоции, это почти никогда не приносит вреда.

Бейли и Фастольф сидели в маленькой столовой, которой обычно пользовались только высшие правительственные чины. Еда здесь заказывалась набором на компьютерном меню и подавалась компьютерными разносчиками. Фастольф улыбнулся.

— Очень передовой метод. Но эти разносчики — те же специализированные роботы. Я удивлен, что земля пользуется ими. Они явно не космонитского происхождения.

— Нет, — ответил Бейли, — они, так сказать, доморощенные. Это только для верхушки, и мне впервые довелось пользоваться ими. Второго случая, конечно, не представится.

— Вас могут когда-нибудь назначить на высокий пост, и тогда вы будете пользоваться такими вещами.

— Никогда этого не будет, — сказал Бейли.

Блюда были поставлены перед каждым, и разносчик оказался достаточно искушенным, чтобы игнорировать Жискара, который стоял за стулом Фастольфа.

Некоторое время Бейли ел молча, потом нерешительно сказал:

— Очень рад снова увидеть вас, доктор Фастольф.

— Я тоже. Я не забыл, что два года назад вы сумели отвести от меня подозрения в уничтожении робота Джандера, и все ловко повернули против моего самоуверенного оппонента доктора Амадейро.

— Я до сих пор вздрагиваю, коша вспоминаю об этом, — сказал Бейли. — И вас, Жискар, я тоже рад видеть. Надеюсь, что вы не забыли меня.

— Это совершенно невозможно, сэр, — ответил Жискар.

— Вот и хорошо. Ну, доктор, я думаю, что политическая ситуация на Авроре продолжает оставаться благоприятной. Так говорят наши источники информации, но я не очень доверяю

земному анализу аврорских дел.

— В данный момент можете верить. Моя партия имеет твердый контроль в Совете. Амадейро упорно держится в оппозиции, но я подозреваю, что пройдет немало лет, прежде чем его приверженцы оправятся от нанесенного им вами удара. Но как дела у вас и у Земли?

— Неплохо. Скажите, доктор Фастольф, вы привезли с собой Дэниела?

Лицо доктора слегка дернулось в замешательстве:

— Простите, Бейли, — медленно сказал Фастольф. — Я его привез, но оставил на корабле. Мне показалось невежливым являться в сопровождении робота, столь похожего на человека. Поскольку Земля также настроена против роботов, как и раньше, человекоподобный робот мог, по моему мнению, показаться им намеренным вызовом.

— Я понимаю.

Бейли вздохнул.

— Правда ли, что ваше правительство намерено запретить использование роботов в городах?

— Я подозреваю, что очень скоро придут к этому, дабы уменьшить финансовые потери и затруднения. Все роботы будут переведены в

сельскую местность, где они нужны в сельском хозяйстве и на рудниках. Там они постепенно тоже будут отходить, и на новых планетах их не будет совсем.

— Кстати, о новых планетах: ваш сын уже оставил Землю?

— Да, несколько месяцев назад. Он сообщил нам, что благополучно прибыл с несколькими сотнями поселенцев, как они себя называют, на новую планету. Там есть какая-то местная растительность, но атмосфера с низким содержанием кислорода. Со временем эта планета станет подобием Земли. Пока там поставлены купола. Переселенцы объявили всем и каждому, что необходимо срочно заняться землеустройством. Письма Бентли и редкие гиперволновые переговоры обнадеживают, новее равно его матери чертовски недостает сына.

— А вы поедете туда, Бейли?

— Я не уверен, что жизнь на чужой планете под куполами является для меня идеалом, доктор Фастольф. У меня нет молодости и энтузиазма Бена, но, я думаю, уже года через два-три я поеду. Во всяком случае, я уже подал в Департамент заявление о своем намерении эмигрировать.

— Они, наверное, очень огорчены?

— Ничуть. Они, конечно, выражают сожаление, но они рады избавиться от меня. У меня чересчур дурная слава.

— А как земное правительство реагирует на тягу к экспансии в Галактике?

— Нервно. Полностью не запрещает, но и не поощряет. Оно по-прежнему подозревает, что космониты противятся этому делу и хотят сделать что-то неприятное для прекращения этой экспансии.

— Социальная инерция, — сказал Фастольф. — Они судят о нас по нашему поведению в прошлом. А сейчас им ясно показали, что мы поощряем земную колонизацию новых планет и сами намерены колонизировать новые планеты для себя.

— Надеюсь, вы объясните это нашему правительству. Еще один маленький вопрос, доктор Фастольф: как там…

Он замялся.

— Глэдия? — спросил Фастольф.

Он скрыл усмешку.

— Вы забыли ее имя?

— Нет. Я просто не решался…

— С ней все в порядке. Живет она хорошо. Она просила напомнить вам о ней, но, думаю, вас не нужно понукать, чтобы вы вспомнили ее.

— Надеюсь, ее солярианское происхождение не используется против нее?

— Нет, так же, как и ее роль в падении Амадейро. Скорее наоборот. Я позабочусь о ней, будьте уверены. Однако, я не могу вам позволить полностью отклониться от дела. Значит, бюрократический аппарат продолжает противиться эмиграции и экспансии? Будет ли процесс продолжаться, несмотря на такое сопротивление?

— Возможно, — сказал Бейли, — но не наверняка. Существенная оппозиция в основном среди народа. Им трудно вырваться из громадных подземных городов, из своего дома.

— Из своего лона.

— Да, если хотите. Отправиться на новые планеты, жить там примитивной жизнью в течение десятилетий — это очень трудно. Коша я думаю об этом, особенно в бессонные ночи, я решаю, что не поеду. Так случалось сотни раз, но утром я отменял свое решение. А уж если это тревожит меня, когда я, можно сказать, зачинщик всего этого дела, то кто же может ехать спокойно, и с радостью? Без правительственного одобрения, без — скажем откровенно — правительственного пинка в зад населению, весь проект может провалиться.

Фастольф кивнул:

— Я попытаюсь убедить ваше правительство. А если мне не удастся?

Бейли тихо сказал:

— Если вам не удастся, и проект провалится для нашего народа, остается только одна альтернатива. Галактику должны заселить космониты. Дело должно быть сделано.

— И вы согласны смотреть, как космониты заселяют Галактику, в то время, как ваш народ остается на единственной планете?

— Совершенно не согласен, но это все-таки лучше, чем вообще никакой экспансии. Много столетий назад земляне полетели к звездам, основали несколько поселений, которые теперь называются Внешними. И эти первые немногие колонизировали другие миры. Но потребуется много времени, чтобы космониты или земляне успешно заселили и развили новый мир. И это должно продолжаться.

— Согласен. Но почему вы так хотите экспансии, Бейли?

— Я чувствую, что без экспансии человечество не продвинется вперед. Дело не в географическом распространении, а в чистейшем пути стимуляции других видов, экспансии. Если

географическая экспансия может хоть как-то увериться, что здесь нет экспансии других разумных существ, если распространение идет в пустом пространстве, так почему бы ей не быть? В таких условиях противиться экспансии — это значит упрочить распад.

— Значит, вы тоже видите эти альтернативы? Экспансия и продвижение вперед, отсутствие экспансии — упадок?

— Да, я верю в это. Но если Земля откажется от экспансии, то ее должны принять космониты. Человечество, будь то земляне или космониты, *должно* распространяться. Я хотел бы увидеть, как эту задачу выполняют земляне, но уж лучше экспансия космонитов, чем вообще никакой. Либо та, либо другая альтернатива.

— А если распространяются только одни, а другие — нет?

— Тогда распространившееся общество станет сильнее, а оставшиеся ослабеют.

— Вы уверены?

— Мне кажется, это неизбежно.

Фастольф кивнул:

— Вполне согласен, вот поэтому я и пытаюсь уговорить Землю и космонитов распространяться и развиваться дальше. Это третья альтернатива,

и, думаю, лучшая.

Память скользила мимо последующих дней: невероятные толпы народа, беспрерывно двигавшиеся потоками и коловоротами по экспресс-путям, бесконечные совещания с неисчислимыми чиновниками, мозгами в толпе. Главное — мозги в толпе, мозги в такой плотной толпе, что Жискар не мог выделить индивидуумов. Массы мозгов слишком смешивались и превращались в обширную пульсирующую серость, где можно было заметить лишь периодические искры подозрительности или неприязни, возникавшие всякий раз, когда кто-то из этого множества смотрел на Жискара. Лишь когда Фастольф был на конференции с небольшим количеством должностных лиц, Жискар мог иметь дело с индивидуальным мозгом, и это было важно Память медленно шла к точке, близкой к концу пребывания на Земле, когда Жискар наконец сумел остаться наедине с Бейли. Он минимально воздействовал на несколько мозгов, чтобы они решили сделать на некоторое время перерыв. Бейли сказал виновато:

— Не думайте, что я игнорировал вас, Жискар. Просто, у меня не было случая побыть с вами вдвоем. Я не из больших шишек и не могу распо-

ряжаться своим временем.

— Я так и понял, сэр, но сейчас мы можем побыть вместе некоторое время.

— Хорошо. Доктор Фастольф сказал мне, что Глэдия живет хорошо. Но он мог сказать это по доброте, зная, что я хочу услышать. Вам я приказываю сказать правду. Верно, что у Глэдии все в порядке?

— Доктор Фастольф сказал вам правду, сэр.

— Вы, я надеюсь, помните мою просьбу, когда мы в последний раз виделись на Авроре, охранять и защищать Глэдию?

— Друг Дэниел и я, сэр, помним вашу просьбу. Я устроил так, что, когда доктора Фастольфа не будет в живых, мы с другом Дэниелом станем частью штата мадам Глэдии. Тогда у нас станет еще больше возможностей оберегать ее от вреда.

— Это будет уже после меня, — печально сказал Бейли.

— Я понимаю, сэр, и очень сожалею об этом.

— Помочь этому нельзя, но кризис придет — или может прийти — даже раньше смерти доктора Фастольфа. Но все равно уже после моей.

— Что вы имеете в виду, сэр? Какой кризис?

— Жискар, кризис может произойти, потому что доктор Фастольф говорит на редкость убе-

дительно. Есть и другие факторы, действующие вместе с ним, и это дает выполнение задачи.

— И что же, сэр?

— Все чиновники, с которыми виделся и говорил доктор Фастольф, теперь с энтузиазмом поддерживают эмиграцию. Раньше они не благоволили к ней, или, во всяком случае, относились к ней сдержанно, а теперь, коль скоро создающие мнение лидеры отнеслись благосклонно, другие последуют за ними. Это пойдет, как эпидемия.

— Но ведь вы этого хотели, сэр?

— Да, но это, пожалуй, превышает мои желания. Мы будем распространяться в Галактике, но что, если космониты этого не сделают?

— Почему бы им отказываться?

— Не знаю. Я высказываю предположение, возможность. Что, если они этого не сделают?

— Тогда Земля и планеты, которые заселит ее народ, станут сильнее, как вы сами говорили.

— А космониты ослабеют. Но будет период, когда космониты будут сильнее, чем Земля и Переселенческие Миры, хотя грань будет резко сокращаться. Космониты неизбежно станут рассматривать землян как растущую опасность и наверняка решат, что Землю и Поселенцев надо остановить, пока не поздно, и принять для

этого крутые меры. Это и будет период кризиса, который и определит всю будущую историю человечества.

— *Я* понимаю вашу точку зрения, сэр.

Бейли на какое-то время задумался, а потом спросил почти шепотом, как бы опасаясь быть подслушанным:

— Кто знает о ваших способностях?

— Из людей только вы, но вы не можете сказать об этом другим.

— Знаю, что не могу. Дело в том, что не Фастольф, а вы осуществили поворот на сто восемьдесят градусов, что сделало всех чиновников, с которыми вы вошли в контакт, ярыми сторонниками эмиграции. И вы устроили так, что Фастольф взял сюда вас, а не Дэниела. Вы были сутью, а Дэниел мог быть только отвлечением.

— Я чувствовал необходимость свести персонал к минимуму, чтобы избежать трудностей со стиранием обидчивости людей. К сожалению, сэр, об отсутствии Дэниела. Я вполне сознаю ваше разочарование, что вы не смогли с ним встретиться.

— Ладно. Я понимаю необходимость и возлагаю на вас обязанность передать Дэниелу, что я чертовски соскучился по нему. В любом случае, я держусь своей точки зрения: если Земля всту-

пит в большую политику заселения планет, а космониты отстанут, ответственность за это и, следовательно, за неизбежность кризиса, ляжет на вас. Вы должны чувствовать эту ответственность и в дальнейшем, когда кризис наступит, использовать ваши способности для защиты Земли.

— Я сделаю все, что смогу, сэр.

— Если вам удастся это, Амадейро или его коллеги могут кинуться на Глэдию. Не забывайте защищать ее.

— Ни Дэниел, ни я не забудем.

— Спасибо, Жискар.

И они расстались. Когда Жискар, сопровождая Фастольфа, входил в модуль, чтобы начать обратное путешествие на Аврору, он еще раз увидел Бейли, но на этот раз у них не было возможности поговорить. Бейли помахал им и беззвучно, одними губами, выговорил:

— Помните.

Жискар понял слово и почувствовал за ним эмоции. После этого Жискар никогда не видел Бейли.

Жискар никогда не находил возможным пробегать по резким образам этого единственного визита на Землю, не задевая последующих за

этим образов ключевого визита к Амадейро в Институт Роботехники.

Такую встречу нелегко было устроить. Амадейро, чувствуя горечь давившего на него поражения, противился унижению идти в дом Фастольфа. Тогда Фастольф сказал Жискару:

— Я могу позволить себе великодушие победителя. Я сам пойду к нему. В конце концов, должен же я с ним увидеться.

Фастольф стал членом Института Роботехники с тех пор, как Бейли сделал возможным крушение Амадейро и его политических амбиций. В ответ Фастольф передал в институт все сведения о создании человекоподобных роботов. Сколько-то их было сделано, а затем проект накрылся, и Фастольф злился.

Сначала Фастольф решил прибыть в Институт без сопровождения роботов. Он хотел выставить себя без какой-либо защиты, так сказать, голым в центре все еще сильного вражеского лагеря. Это могло быть признаком человечности и доверия, но так же полнейшей самоуверенности, и Амадейро должен был понять это. Фастольф совершенно один продемонстрировал бы убежденность, что Амадейро со всеми ресурсами Института и его штата не посмеет коснуться сво-

его единственного врага, явившегося беспечно и без защиты прямо в волчью пасть. Но затем Фастольф, сам не зная, почему велел Жискару сопровождать его.

Амадейро, похоже, несколько потерял в весе с тех пор, как Фастольф последний раз видел его, но все равно остался могучим типом, высоким и плотно сложенным. Он утратил свою самоуверенную улыбку, всегда отличавшую его. Когда он при появлении Фастольфа пытался изобразить ее, она более напоминала звериный оскал, сливавшийся со взглядом мрачной неудовлетворенности.

— Ну, Келдин, — сказал Фастольф, — мы не часто видимся друг с другом, несмотря на то, что мы уже четыре года коллеги.

— Бросьте это показное благодушие, Фастольф, — сказал Амадейро раздраженным низким рыком, — и называйте меня Амадейро. Мы коллеги только по названию, и я не скрываю и никогда не скрывал своей уверенности, что ваша иностранная политика убийственная для нас.

Три робота Амадейро, крупные, сверкающие, присутствовали здесь, и Фастольф посмотрел на них, подняв брови.

— У вас хорошая защита, Амадейро, от одного мирного человека с его единственным роботом.

— Вы прекрасно знаете, что они не нападут на вас. А почему вы пришли с Жискаром, а не с вашим шедевром Дэниелом?

— Не безопаснее ли держать Дэниела подальше от вас, Амадейро?

— Шутить изволите? Я больше не нуждаюсь в Дэниеле. Мы делаем собственных человекоподобных роботов.

— На базе моих чертежей.

— С улучшениями.

— Однако, вы их не используете. Вот поэтому я и пришел к вам. Я знаю, что мое положение в Институте чисто номинальное, что даже мое присутствие нежелательно, не говоря уже о моих мнениях и рекомендациях. Однако я, как член Института, протестую против вашего нежелания использовать человекоподобных роботов.

— А как, по-вашему, мы должны их использовать?

— Предполагалось послать человекоподобных роботов открывать новые миры, на которые космониты со временем будут эмигрировать, когда эти миры будут устроены и полностью пригодны для обитания, не так ли?

— Именно против этого вы и выступали, не так ли?

— Да, выступал. Я хотел, чтобы космониты сами эмигрировали на новые планеты и сами обустраивали их. Этого, однако, не произошло, и, как я теперь вижу, вряд ли произойдет. Тогда давайте пошлем человекоподобных роботов. Это все же лучше, чем ничего.

— Все ваши альтернативы обратились в ничто с тех пор, как в Совете восторжествовала ваша точка зрения. Космониты не поедут на грубые, неустроенные планеты, и им, похоже не нравятся человекоподобные роботы.

— Вы вряд ли дали космонитам шанс полюбить их. Земляне начали заселять новые планеты, даже грубые и неустроенные, и делают это без помощи роботов.

— Вы прекрасно знаете разницу между землянами и нами. Их восемь миллиардов на Земле, плюс множество поселенцев.

— А нас пять с половиной миллиардов.

— Численность — не единственное различие. Они плодятся, как насекомые.

— Нет. Земное население было стабильным несколько столетий.

— Потенциальная возможность. Если они от души кинутся в эмиграцию, они легко могут производить по сто шестьдесят миллионов каждый

год, и это число будет расти по мере завоевания новых миров.

— У нас есть биологическая способность производить по сто миллионов новых тел в год.

— Биологически — да, но не социологически. Мы долгоживущие и не хотим заменять себя так быстро.

— Мы можем послать большую часть новых тел на другие планеты.

— Они не поедут. Мы дорожим нашими телами, сильными, здоровыми, способными прожить в силе и здоровье почти четыре столетия. Земляне же не могут дорожить телами, которые изнашиваются менее, чем за столетие и страдают от болезней и дегенерации даже за этот короткий промежуток времени. Для них не имеет значения, если они будут ежегодно посылать миллионы на нищету и вероятную смерть. В сущности, даже сами эти жертвы не боятся нищеты на Земле. Эмигрирующие земляне улетают из своего зачумленного мира, хорошо зная, что хуже не будет. А мы, наоборот, ценим наши хорошо устроенные и уютные планеты, и нам нелегко покинуть их.

— Сколько раз я слышал эти аргументы! Не могу ли я указать, Амадейро, на простой факт, что Аврора была изначально грубым и неустро-

енным миром, а стала удобным и приемлемым, и так было с каждым Внешним Миром.

— Мне тоже до тошноты надоели все ваши аргументы, но я не устаю отвечать на них. Пусть Аврора была примитивной, когда ее только что заселили, но она была заселена землянами, а другие Внешние Миры заселялись если не землянами, то космонитами, которые еще не переросли свое земное наследие. Но теперь не те времена. То, что сделали тогда, нельзя сделать теперь.

Он хищно оскалился:

— Нет, Фастольф, вся ваша политика была направлена к сотворению Галактики, населенной одними землянами, в то время, как космониты должны увянуть. Теперь вы видите, что таки происходит. Вата знаменитая поездка на Землю два года назад была поворотным пунктом. Вы предали собственный народ, подтолкнув этих полулюдей к экспансии. Всего за два года они заняли двадцать четыре планеты и добавляют к ним новые.

— Не преувеличивайте. Ни один из Поселенческих Миров еще не пригоден к человеческой оккупации и не будет пригоден еще несколько десятилетий. И не все они окажутся подходящими, так что, когда ближайшие планеты будут заняты,

шансы на дальнейшее заселение уменьшатся, и первоначальный поток спадет. *Я* одобрял экспансию, потому что рассчитывал также на нашу. Мы еще можем догнать их, если постараемся, и в здравом соревновании займем Галактику вместе.

— Нет, — сказал Амадейро. — То, что вы имеете в виду — самая деструктивная политика из всех возможных. Дурацкий идеализм. Экспансия односторонняя, и таковой останется, что бы мы ни делали. Земляне лезут безудержно, и их нужно остановить, пока они не стали слишком сильными.

— Как вы предлагаете это сделать? У нас с Землей договор о дружбе, и там особо оговорено, что мы не станем препятствовать их экспансии в космосе, пока они не трогают ни одной планеты на расстоянии двадцати световых лет от Внешнего Мира. И они строго соблюдают это.

— О договоре всем известно. Всякий знает, что ни один договор не станет соблюдаться, если он начинает действовать против национальных интересов более могущественной из подписавших его сторон. Я не признаю ценности этого договора.

— А я признаю, и он будет соблюдаться.

Амадейро покачал головой.

— У вас трогательная вера. Как он будет соблюдаться после того, как вы отойдете от власти.

— Я пока не намерен отходить.

— Как только Земля и ее Поселенцы станут сильнее, космониты испугаются, и вы долго не удержитесь у власти.

— А если вы разорвете договор, уничтожив Поселенческие Миры, и закроете ворота на Землю, станут ли космониты эмигрировать и заселять Галактику?

— Скорее всего, нет. Но если мы решим, что нам этого не надо, что нам и здесь хорошо, то не все ли равно?

— В этом случае Галактика не станет человеческой империей.

— Ну и что?

— Тогда космониты сойдут на нет, дегенерируют, даже если Земля останется в заключении и тоже сойдет на нет и дегенерирует.

— Излюбленная трескучая фраза вашей партии, Фастольф. Нет никаких доказательств, что такая вещь может случиться. Но, даже если это случится, это будет наш выбор. По крайней мере, мы хоть не увидим короткоживущих варваров, захватывающих Галактику.

— Вы всерьез намекаете, что желаете увидеть смерть космонитской цивилизации, лишь бы остановить Землю?

— Я не рассчитываю на нашу смерть, Фастольф, но, если случится худшее, тогда что ж, моя смерть не менее страшна, чем триумф этих недочеловеков, короткоживущих, пораженных болезнями существ.

— От которых мы произошли.

— И с которыми больше не имеем генетической общности. Разве мы черви, только потому, что миллиарды лет назад среди наших предков были черви?

Фастольф сжал губы и пошел к выходу. Ликовавший Амадейро не остановил его.

Дэниел не мог знать точно, что Жискар погрузился в воспоминания. Во-первых, лицо у Жискара не менялось, а во-вторых, он уходил в воспоминания не как люди. У него это не занимало много времени. С другой стороны, линия мыслей, которая заставила Жискара вспомнить прошлое, заставила и Дэниела задуматься о тех же давних событиях, в свое время переданных ему Жискаром. Жискар тоже не удивился задумчивости Дэниела.

Их разговор продолжался после необычной па-

узы, но продолжился по-новому, словно каждый думал о прошлом за двоих.

— Похоже, друг Жискар, что если народ Авроры теперь понимает, насколько он теперь слабее Земли и ее Поселенческих Миров, то кризис, предсказанный Илайджем Бейли, благополучно миновал.

— Похоже, что так, друг Дэниел.

— Ты старался привести к этому.

— Старался. Я удерживал Совет в руках Фастольфа. Я сделал все возможное, чтобы убедить тех, кто формировал общественное мнение.

— Однако, мне не по себе.

— Мне было не по себе на каждой стадии процесса, хотя я стремился не делать никому вреда. Я мысленно не прикасался ни к одному человеку, которому нужно что-то большее, чем самое легкое касание. На Земле я просто смягчал страх репрессалий, в основном у тех, у кого страх был уже смягчен, а я рвал нить, которая и так уже готова была порваться. На Авроре все было наоборот. Политические деятели не хотели поддерживать политику, ведущую к изгнанию их из комфортабельного мира, и я просто поддерживал это их нежелание и укреплял нить, которая чуть сильнее удерживала их. Это погружало меня в

постоянное, хотя и слабое беспокойство.

— Почему? Ты подстрекал Землю к экспансии и не одобрял космонитов. Так и должно было быть.

— Так ли? Подумай, друг Дэниел, разве землянин стоит больше, чем космонит, хотя они оба люди?

— Есть разница. Илайдж Бейли считал, что пусть даже его собственный народ потерпит крушение, лишь бы Галактика была заселена. А доктор Амадейро думает, что пусть лучше зачахнут и Земля, и космониты, лишь бы в Галактике не распространились земляне. Первый надеялся на триумф либо одного, либо другого народа, а второй не хочет никакого триумфа. Разве мы не должны выбрать первого, друг Жискар?

— Да, друг Дэниел, похоже, что так. Но насколько сильно влияет на тебя ощущение особой ценности твоего бывшего партнера Илайджа Бейли?

— Я дорожу памятью о партнере Илайдже, а народ Земли — его народ.

— Я понимаю. Я говорю уже много десятилетий, что у тебя тенденция думать по-человечески, но я не уверен, что это комплимент. Хотя ты и стараешься думать *подобно* человеку, ты все-таки не

человек и связан Тремя Законами. Ты не можешь повредить человеку, землянин он или космонит.

— Бывают случаи, друг Жискар, когда приходится выбирать между двумя людьми. У нас специальный приказ защищать леди Глэдию. Защищая ее, я могу быть вынужден нанести вред человеку, и я думаю, что при прочих равных условиях я охотнее немного повредил бы космониту, чтобы защитить землянина.

— Это тебе кажется. В действительности, тебя бы вели специфические обстоятельства. Ты обнаружил бы, что не можешь обобщать, — сказал Жискар. — Вот так и со мной. Подталкивая Землю и удерживая Аврору, я сделал для доктора Фастольфа невозможным убедить авроpское правительство поддерживать политику эмиграции и пустить в Галактику две распространяющиеся силы. *Я* не мог помочь! Но понимал, что и часть его трудов пропала даром. Это наполняло *его* отчаянием, и, возможно, ускорило его смерть. Я чувствовал это в его мозгу, и это было больно. И все-таки, друг Дэниел, если бы я не сделал то, что сделал, это сильно уменьшило бы земную способность к экспансии, не улучшив авроpского продвижения в этом направлении. Тогда доктор Фастольф потерпел бы двойное крушение — как

с Землей, так и с Авророй, и доктор Амадейро оттер бы его от власти. Чувство поражения было бы для него еще сильнее. Я был глубоко предан доктору Фастольфу в течение его жизни, поэтому я выбрал тот курс действий, какой бы ранил его меньше, и по мере возможности не вредил бы другим индивидуумам, с которыми имел дело. Если доктор Фастольф постоянно расстраивался от своей неспособности убедить аврорцев и вообще космонитов идти на новые планеты, то он, по крайней мере, радовался активной экспансии землян.

— А ты не мог бы подтолкнуть оба народа: и землян, и аврорцев, чтобы полностью удовлетворить доктора Фастольфа?

— Мне это приходило в голову. Я рассмотрел возможность и решил, что не смогу. Чтобы склонить к экспансии землян, требовалось пустяковое изменение, не приносящее вреда. Для попытки сделать то же самое с аврорцами нужно было многое изменить, и это могло повредить. Первый Закон запрещает это.

— К сожалению.

— Да. Подумать только, что я мог бы сделать, если бы имел возможность радикально изменить образ мыслей доктора Амадейро! Но как я

мог изменить его твердое решение противодействовать доктору Фастольфу? Это все равно, что силой повернуть его голову на сто восемьдесят градусов. Такой поворот самой головы, либо ее содержимого, мог бы с равной эффективностью убить его. Ценой моего могущества, друг Дэниел, является страшно разрастающаяся дилемма, в которую я постоянно погружаюсь. Первый Закон, запрещающий вредить людям, обычно имеет в виду физический вред, который мы легко видим и о котором можем легко судить. Но человеческие эмоции и повороты мыслей понимаю только я, и поэтому я знаю о более тонких формах вреда, хотя и не вполне понимаю их. Во многих случаях я вынужден действовать без настоящей уверенности, и это вызывает постоянный стресс в моих проводниках. И все-таки, я чувствую, что сделал хорошо. Я провел космонитов мимо критической точки. Аврора знает об объединенной силе, поселенцев, и будет вынуждена избегать конфликтов. Космониты должны понять, что применять репрессии уже поздно, и наше обещание Илайджу Бейли в этом смысле выполнено. Мы поставили Землю на курс к заполнению Галактики и образованию Галактической Империи.

В это время они уже возвращались к дому

Глэдии, но теперь Дэниел остановился, и прикосновение к плечу Жискара заставило остановиться и его.

— Картина, нарисованная тобой, привлекательна. Партнер Илайдж гордился бы нами. Он сказал бы: «Роботы и Империя», и, наверное, похлопал бы меня по плечу. Однако, как я уже говорил, мне что-то не по себе. Я беспокоюсь.

— Насчет чего?

— Хотел бы я знать, миновали ли мы кризис, о котором говорил партнер Илайдж много десятилетий назад. Это точно, что для космических репрессалий слишком поздно?

— Почему ты сомневаешься?

— Из-за поведения доктора Мандамуса во время его разговора с мадам Глэдией.

Жискар пристально посмотрел на Дэниела. В тишине слышался шорох листьев под холодным ветром. Облака рассеялись, скоро должно было выглянуть солнце. Их беседа в телеграфном стиле заняла мало времени, и они знали, что Глэдия еще не удивляется их отсутствию.

— Что встревожило тебя в этом разговоре? — спросил Жискар.

— Я имел возможность в четырех разных случаях наблюдать, как партнер Илайдж решал

запутанную проблему. В каждом из этих четырех случаев я обращал внимание на его манеру вырабатывать полезные заключения из ограниченной и даже сбивающей столку информации. С тех поря всегда пытался в меру своих ограниченных возможностей думать, как он.

— Мне кажется, друг Дэниел, ты хорошо это делаешь.

— Ты, конечно, обратил внимание, что у доктора Мандамуса было два дела к мадам Глэдии. Он сам подчеркнул этот факт. Одно дело касалось лично его — произошел он от Илайджа или нет, Второе — просьба, чтобы мадам Глэдия приняла поселенца и потом сообщила бы о беседе. Второе дело, видимо, было важно для Совета, первое же важно только ему самому.

— Мандамус представил дело о происхождении как важное и для доктора Амадейро, — сказал Жискар.

— Тогда это было дело личной важности для двух человек, но не для Совета, и, значит, не для всей планеты. Однако дело государственное, как его называл сам доктор Мандамус, пошло вторым и как бы между прочим. И в самом деле, вряд ли для этого требовался личный визит. Это могло сделать голографическое изображение любого

члена Совета. С другой стороны, доктор Мандамус поставил дело о своем происхождении первым, очень долго о нем дискутировал, и это дело никто не мог сделать, кроме него.

— Каково же твое заключение, друг Дэниел?

— Я уверен, что дело поселенца было возложено на доктора Мандамуса как причина для личного разговора с мадам Глэдией, чтобы он мог частным образом поговорить о своем происхождении. По-настоящему его интересовало только это и ничего больше. Ты можешь чем-нибудь поддержать это заключение, друг Жискар?

— Напряжение в мозгу доктора Мандамуса было в известной степени сильнее в первой части разговора. Пожалуй, это может служить подтверждением.

— Тогда нам стоит подумать, почему вопрос о происхождении так важен для него.

— Доктор Мандамус объяснил это, — сказал Жискар. — Если он не является потомком Илайджа Бейли — дорога к продвижению для него открыта. Доктор Амадейро, от которого зависит его благосостояние, обернулся бы против него, окажись он потомком Бейли.

— Сказать-то он сказал, друг Жискар, но что-то в разговоре противоречило ему.

— Почему ты так думаешь? Пожалуйста, продолжай рассуждать, как человек. Я нахожу это весьма поучительным.

— Спасибо, друг Жискар, — серьезно ответил Дэниел. — Ты заметил, что каждое утверждение мадам Глэдии о невозможности для Мандамуса быть потомком партнера Илайджа рассматривалось как неубедительное? Каждый раз доктор Мандамус говорил, что доктор Амадейро не примет этого утверждения.

— Да. И что ты из этого выводишь?

— Мне кажется, что доктор Амадейро не примет никакого аргумента, и просто удивительно, почему он так надоедал мадам Глэдии с этим делом. Он наверняка знал с самого начала, что это бесцельно.

— Возможно, но это только домысел. Ты можешь дать возможный мотив для его действий?

— Могу. Я уверен, что он хотел знать о своем происхождении не для того, чтобы убедить несгибаемого доктора Амадейро, а для себя лично.

— В таком случае, зачем он вообще упоминал о докторе Амадейро? Почему он не сказал просто: «Я хочу знать?»

Легкая улыбка прошла по лицу Дэниела и изменила его выражение, на что другой робот был

неспособен.

— Если бы он сказал просто «Я хочу знать», мадам Глэдия ответила бы, что это не его дело, и что он ничего не узнает. Но дело в том, что мадам Глэдия также сильно ненавидит Амадейро, как тот — Илайджа Бейли. Мадам Глэдия уверена, что для нее оскорбительно любое мнение о ней, поддерживаемое доктором Амадейро. Она пришла бы в ярость, будь это мнение более или менее справедливым, а в данном случае оно абсолютно фальшиво. Она постаралась продемонстрировать доктору Амадейро его ошибку, и представила все возможные доказательства. В этом случае холодное утверждение доктора Мандамуса, что каждое из этих доказательств неубедительно, заставляло ее злиться все больше и вытягивало из нее дальнейшую информацию. Доктор Мандамус выбрал для нее такую стратегию, чтобы узнать у мадам Глэдии как можно больше. В конце концов, сам он убедился, что у него нет предка-землянина, во всяком случае, на протяжении последних двух столетий. Чувства же Амадейро в этом смысле, я думаю, в действительности в игре не участвовали.

— *Это* интересная точка зрения, — сказал Жискар, — но она, как мне кажется, не очень

обоснована. Как мы можем узнать, что это не просто твоя догадка?

— Не кажется ли тебе, друг Жискар, что Мандамус, закончив свое расследование насчет происхождения, не получил достаточного доказательства для доктора Амадейро? По его словам это должно было означать, что у него не будет шанса на продвижение, и он никогда не станет главой Института? Но мне показалось, что он отнюдь не расстроен, а был наоборот, сияющим. Конечно, я мог судить только по внешнему виду, но ты мог сделать больше. Скажи друг Жискар, каково было его умственное состояние в конце этой части разговора?

— Он не просто сиял, он торжествовал, друг Дэниел. Ты прав. Теперь, когда ты объяснил ход твоих рассуждений, это уловленное мною ощущение триумфа точно соответствует твоему мнению, вообще-то, я даже удивляюсь, как сам не учел этого.

— Во множестве случаев и я также реагировал на Илайджа Бейли. В данном же случае я мог пройти через такое рассуждение частично из-за существования кризиса. Он вынуждает мыслить меня более точно.

— Ты недооцениваешь себя. Ты уже давно

думаешь обоснованно и точно. Но почему ты говоришь о существовании кризиса? Объясни как из-за радости доктора Мандамуса по поводу того, что он не происходит от Илайджа Бейли, можно заключить о наличии кризиса?

— Доктор Мандамус наврал нам насчет доктора Амадейро, но вполне можно предположить, что его желание выдвинуться и стать в дальнейшем главой Института — истинная правда. Верно?

Жискар промолчал.

— Я не искал в нем честолюбия. Я изучал его мозг без особой цели и познакомился лишь с поверхностными проявлениями. Но вроде бы были искры честолюбия, когда он говорил о продвижении. У меня нет оснований согласиться с тобой, но нет причин и не согласиться.

— Тогда давай примем, что доктор Мандамус человек честолюбивый и посмотрим, что это нам даст. Идет?

— Идет.

— Не кажется ли, что его ощущение триумфа, как только он убедился, что он не потомок Илайджа, вышло из того факта, что теперь его амбиции будут удовлетворены? И это не зависело от одобрения доктора Амадейро, поскольку мы согласились, что доктор Мандамус ввел докто-

ра Амадейро лишь в качестве отвлекающего маневра. Значит, его честолюбие будет теперь удовлетворено по каким-то другим основаниям.

— По каким?

— Явного ничего нет, но можно сделать одно предположение. Что, если доктор Мандамус что-то знает или может что-то сделать, что приведет его к большому успеху и наверняка сделает следующим главой Института? Помнишь, он сказал, что ему остается использовать мощные методы? Допустим, это правда, но он может пользоваться этими методами только в том случае, если он *не* потомок партнера Илайджа. Его, ликование, когда он убедился, исходило из того факта, что теперь он может использовать эти методы и обеспечить себе блестящее будущее.

— Но какие это «*мощные* методы», друг Дэниел?

— Продолжим рассуждения. Мы знаем, что доктор Амадейро больше всего на свете хочет погубить Землю и вернуть ее в прежнее состояние покорности Внешним Мирам. Если доктор Мандамус имеет возможность сделать это, он получит от доктора Амадейро все, что хочет, включая гарантию унаследования главенства над Институтом. Однако, возможно, что доктор

Мандамус колебался нанести поражение Земле, пока не знал точно, что он не родня ее народу. Происхождение от Илайджа Бейли с Земли могло удерживать его, и он возликовал, узнав, что свободен в своих действиях.

— Ты хочешь сказать, что у доктора Мандамуса есть совесть?

— Что за совесть?

— Это слово иногда употребляют люди. Как я понял, оно приложимо к людям, которые твердо придерживаются правил поведения, заставляющих их действовать вопреки их личным сиюминутным интересам. Если доктор Мандамус чувствовал, что не может позволить себе унизить тех, с кем он хотя бы отдаленно связан, я считаю, что он человек совестливый. Я много думал о таких вещах, друг Дэниел, поскольку они предполагают наличие у людей законов, управляющих их поведением хотя бы в некоторых случаях.

— Ты можешь сказать, что доктор Мандамус в самом деле совестливый?

— Из наблюдений над его эмоциями? Нет, я не следил за чем-то таким, но если твой анализ правилен, то совесть у него должна быть. Но, с другой стороны, если мы допустим, что он человек совестливый, то можем в наших прежних

рассуждениях прийти к другому выводу. Если доктор Мандамус думал, что у него есть предки-земляне в пределах двух столетий, он мог думать, что он подсознательно тянется в первые ряды пытающихся подавить Землю, чтобы освободить себя от клейма происхождения. Если же у него нет предков, ему не обязательно втягиваться в действия против Земли, и его совесть может уговорить его оставить Землю в покое.

— Нет, — сказал Дэниел, — это не соответствует фактам. Если бы он решил не предпринимать насильственных действий против Земли, он не имел бы возможности удовлетворить доктора Амадейро и добиться продвижение. Принимая во внимание его честолюбивую натуру, нельзя предположить, чтобы у него было то чувство триумфа, которое ты так ясно заметил.

— Понятно. Значит, мы делаем заключение, что у доктора Мандамуса есть способ подавить Землю?

— Да. Если так, значит кризис, предсказанный партнером Илайджем, отнюдь не миновал, а существует сейчас.

Жискар задумчиво сказал:

— Но мы не ответили на ключевой вопрос: какова природа этого кризиса? Чем он опасен?

Можешь ты это вычислить?

— Не могу, друг Жискар. *Я* шел так далеко, как мог. Партнер Илайдж, будь он жив, пошел бы дальше, но я не могу, и никто другой не может. Ты можешь обнаружить природу кризиса?

— Боюсь, что не могу, друг Дэниел. Если бы я длительное время жил рядом с человеком, как жил рядом с доктором Фастольфом, а потом с мадам Глэдией, я мог бы постепенно раскрыть слои мозга один за другим, развязать замысловатый узел по одной нитке, и узнать многое, не повредив мозгу. Изучение мозга доктора Мандамуса за одну короткую встречу, даже за сотню таких встреч, почти ничего не дает. Эмоции читаются легко, а мысли — нет. Бел и же я поспешу, усилю процесс, я наверняка нанесу вред, а я этого не могу.

— Но ведь от этою может зависеть жизнь миллиардов на Земле и в Галактике.

— *Может*. Но это предположение, а вред человеку — это факт. Возможно, что только один доктор Мандамус знает природу кризиса и может разрешить его: ведь он мог бы использовать это знание для нажима на доктора Амадейро, если бы он был способен узнать это из другого источника.

— Да, это вполне возможно.

— В этом случае нет надобности знать природу кризиса. Если бы доктора Мандамуса удалось удержать от передачи этого доктору Амадейро или кому-либо другому, кризис не распространится.

— Кто-то другой может обнаружить то, что знает доктор Мандамус.

— Конечно. Но мы не знаем когда это будет. Очень вероятно, что у нас будет время узнать больше и лучше подготовиться играть полезную роль. Удержать доктора Мандамуса можно либо сильной порчей его мозга, либо прямым убийством. Способностью повредить его мозг обладаю только я, но я не могу этого сделать. А отнять у него жизнь не может никто из нас. Ты мог бы?

Дэниел прошептал после паузы:

— Ты знаешь, что нет.

— Даже, если от этого зависит будущее землян?

— Я не могу заставить себя повредить доктору Мандамусу.

— И я не могу. Итак, мы пришли к выводу, что кризис наступает, но природы его мы не знаем и рассчитать не можем.

Они молча посмотрели друг на друга. На их лицах ничего *не* отражалось, но вокруг них как

бы сгустилась атмосфера отчаяния и безысходности.

Глэдия пыталась расслабиться после мучительной беседы с Мандамусом. Она затемнила окна в спальне, включила легкий теплый ветерок со слабым шепотом листвы и далекими трелями птиц, и добавила слабый звук прибоя. Но ничего не помогало. Ее мозг беспомощно повторял только что бывшее и то, что скоро наступит. Чего ради она так распустила язык с Мандамусом? Какое ему дело, или Амадейро, встречалась она с Илайджем на орбите или нет, и от кого — от Илайджа или от другого — имела сына? Ее вывело из равновесия требование Мандамуса сказать ему о его происхождении. В обществе, где никто не заботился о происхождении или родственных связях, кроме как по причинам медико-генетическим, такая навязчивость могла расстроить. И еще повторное — конечно, случайное, — упоминание об Илайдже. Глэдия решила, что это оправдает ее поведение. Она болезненно отреагировала, и разболталась, как ребенок, вот и все. А тут еще этот поселенец! Он не Землянин, он наверняка родился не на Земле, и, вполне возможно, никогда там не был. Его народ живет в чужом мире, о котором она никогда не слышала, и живет, наверное, уже

не одно поколение. Он должен бы считаться с космонитом, как подумала сна. Космониты тоже были потомками землян много столетий назад, но это неважно. Правда, космониты долгоживущие, а поселенцы, кажется, нет, но так ли уж велика разница? Даже космонит может умереть раньше времени от какого-нибудь несчастного случая, а однажды она слышала о космоните, умершем естественной смертью, когда ему не было и шестидесяти. Почему уж не считать этого будущего визитера космонитом с необычным акцентом? Нет, не все так просто. Сам поселенец наверняка не считает себя космонитом. Важно не то, кем тебя считают, а кем ты сам себя чувствуешь. Так что надо думать о нем как о поселенце, а не как о космоните. Но ведь все люди — просто люди, как бы они себя ни называли — космонитами, поселенцами, аврорцами, землянами… Доказательство тому — что роботы не могут повредить ни одному из них. Дэниел также быстро кинется защищать самого последнего землянина, как и Председателя аврорского Совета, и это означает… Она начала было засыпать, но внезапная мысль прогнала сон.

— Почему у поселенца фамилия Бейли? Почему Бейли?

Может это обычное имя у поселенцев? В конце концов, именно Илайдж сделал все это возможным и стал их героем, как…

Она не могла припомнить аналогичного героя Авроры. Кто вел экспедицию, которая первой достигла Авроры? Кто наблюдал за переустройством дикой безжизненной планеты, какой тогда была Аврора? Глэдия не знала — потому ли, что родилась на Солярии или потому, что авроpцы не искали героев? В конце концов, первая экспедиция на Аврору состояла просто из землян. Только в более поздних поколениях, удлинив жизнь с помощью ухищрений биоинженерии. Эти земляне стали авроpцами, и зачем бы авроpцам создавать героев из своих презренных предшественников? Но поселенцы должны иметь своих героев-землян. Они, вероятно, не так изменились. Постепенно они тоже изменятся, и тогда Илайдж будет забыт, но до тех пор… Да, скорее всего так. Может, половина живущих там приняла фамилию Бейли? Бедный Илайдж! Все толпятся на его плечах и в его тени. Бедный Илайдж, милый Илайдж…

Она наконец уснула.

Сон был слишком тревожным, чтобы успокоить ее, привести в хорошее настроение. Она встала

хмурая, сама не зная почему, посмотрела на себя в зеркало и была поражена своей немолодой внешностью. Дэниел, для которого Глэдия была человеком независимо от возраста, внешности и настроения, смазал:

— Мадам…

Глэдия, чуть вздрогнув, прервала его:

— Пришел поселенец?

Она взглянула на часы и сделала быстрый жест, по которому Дэниел сразу же включил в комнате нагрев. День был холодным, вечер ожидался еще холоднее.

— Он здесь, мадам.

— Куда ты его провел?

— В большую гостиную, мадам. С ним Жискар, а домашние роботы поблизости.

— Надеюсь, они имеют представление, что он желает есть за ленчем, и постараются выполнить его требования.

— Я уверен, мадам, что Жискар все устроит, как надо.

Глэдия тоже была в этом уверена.

— Полагаю, он тоже прошел карантин, прежде чем получил разрешение на высадку?

— Иначе не может быть, мадам.

— Все равно я надену перчатки и носовые

фильтры.

Она вышла в ванную, рассеянно отметив, что вокруг нее были домашние роботы, и сделала знак, чтобы ей подали новые перчатки и фильтры. Каждый дом на Авроре имел свои разговорные языки, и каждый хозяин культивировал их, учась делать знаки быстро и незаметно. Робот следовал этим почти невидимым приказам хозяина, словно читал его мысли. Следовательно, другой человек, не хозяин этого дома, мог приказать роботу только тщательно составленной речью. Самое унизительное для хозяина — если домашний робот колеблется выполнить его приказ или, еще хуже, выполнит его неправильно. Это означает, что либо человек, либо робот спутали знаки. Глэдия знала, что ошибка всегда была со стороны человека, но практически этого никто не хотел признавать. Робота отправляли на ненужный анализ, либо на продажу. Глэдия была уверена, что никогда не попадет в такую ранящую самолюбие ситуацию, но если бы сейчас ей не подали перчатки и носовые фильтры, она…

Она не кончила этой мысли: ближайший робот принес ей то, что она хотела, точно и поспешно.

— Как он выглядит, Дэниел?

— Обычного роста и сложения, мадам.

— Я имею в виду его лицо.

Глупо было спрашивать. Если бы он имел хоть какое-то сходство с Илайджем Бейли, Дэниел сразу же заметил бы это и сказал ей.

— Трудно сказать, мадам. Оно не все видно.

— Что ты хочешь сказать? Он же не в маске?

— В известной степени — да, мадам. Его лицо покрыто волосами.

Она засмеялась.

— Как в исторических фильмах? Борода?

Она сделала жест, показывающий пучок волос на подбородке и под носом.

— Больше, мадам. Половина лица закрыта волосами.

Глэдия широко раскрыла глаза и впервые почувствовала желание увидеть поселенца. Что же это за лицо, наполовину закрытое волосами? У аврорцев и вообще у космонитов было очень мало лицевых волос, и их уничтожали после подросткового возраста. Верхнюю губу никогда не трогали. Глэдия помнила, что ее муж, Сантирикс Гремионис, до брака носил тонкую полоску волос под носом, усы, как он это называл. Они выглядели, как поставленные не на место брови, и она, как только уговорила себя взять Гремиониса в мужья, сразу же настояла, чтобы он вывел их.

Он так и сделал почти без возражений, сейчас она впервые подумала, что ему, наверное, было очень жаль усов. Она замечала в первые годы, что он часто проводил пальцем по верхней губе. Она считала это нервным жестом, и только теперь ей пришло в голову, что он бессознательно искал исчезнувшие навеки усы. Как выглядит человек с усами по всему лицу? Вроде медведя? Каково это ощущение? А если бы у женщины были такие же волосы на лице? Она представила себе, как трудно целоваться этой паре, и громко рассмеялась. От ее раздраженности не осталось и следа. Ей захотелось взглянуть на чудовище, в конце концов бояться его нечего, даже если он животное как по виду, так и по поведению. С ним нет ни одного робота — поселенцы хотели иметь общество без роботов — а ее окружают десятки. Монстр тут же будет обездвижен, стоит ему хотя бы возвысить голос в гневе. И она сказала:

— Отведи меня к нему, Дэниел.

Чудовище встало и сказало что-то вроде «Добрый вечер, миледи».

— Добрый вечер, — рассеянно ответила Глэдия.

Она помнила, как трудно было ей понимать аврорское произношение Галактического Стандартного в те давно прошедшие дни, когда она

приехала сюда с Солярии. Акцент монстра был грубым и неуклюжим, но может быть, ей так казалось с непривычки. Илайдж тоже, кажется, произносил некоторые буквы чуточку не так, но вообще говорил очень хорошо. Но ведь прошло два столетия, а этот поселенец даже не с Земли, а язык в изоляции очень меняется. Но языковая проблема мало занимала Глэдию. Она уставилась на бороду. Во всяком случае, эта борода не похожа на те, которые были на актерах в исторических фильмах. Те были кустистыми — клок тут, клок там — и выглядели клейкими глянцевитыми. У поселенца же была совсем иная борода. Она густо и плотно покрывала щеки и подбородок, темно-коричневая, чуть светлее волос на голове и по крайней мере на два дюйма длиннее. Она не покрывала все лицо. Лоб был голым, за исключением бровей, такими же были нос и область под глазами. Верхняя губа тоже была голой, но на ней была тень, словно там начинали расти новые волосы. Было голое место и сразу же под нижней губой, но там меньше замечалась новая растительность. Поскольку обе губы были голыми, стало ясно, что целовать его видимо нетрудно. Она сказала, сознавая, что невежливо смотреть так пристально, но все-таки не сводя с него глаз:

— Мне кажется, вы убрали волосы вокруг рта.

— Да, миледи.

— Можно спросить, почему?

— Можно. Из гигиенических соображений. Я не хочу, чтобы пища застревала в волосах.

— Вы их соскабливаете? Я вижу, они растут вновь.

— Я пользуюсь электробритвой. Это занимает всего пятнадцать секунд утром.

— А почему не депиляторием?

— А вдруг я снова захочу отрастить их?

— Зачем?

— По эстетическим соображениям, миледи. Некоторым женщинам нравятся усы, когда я их отращиваю.

Она не сразу поняла слово «эстетический». Оно прозвучало как-то вроде «асидических», но затем уловила смысл.

— Вы хотите сказать — эстетических соображений?

Он засмеялся, показав красивые белые зубы.

— Вы тоже чудно говорите, миледи.

Глэдия улыбнулась. Правильное произношение — дело местного общего мнения.

— Вы бы послушали мой бывший солярианский акцент. Некоторые звуки там произносятся

по-особому, никто, кроме соляриан, не может их правильно выговаривать.

— Меня, наверное, можно научить. Торговцы бывают везде, и я слышал всевозможные языковые искажения.

Она все еще смотрела на его бороду и, наконец, не в силах сдержать любопытства, протянула руку и коснулась левой стороны его лица. Тонкий пластик перчатки не мешал ощущению, и казалось, что волосы мягкие и упругие.

— Приятные, — сказала она с явным удивлением.

Переселенец усмехнулся. — Я польщен.

— Но я не могу держать вас здесь целый день. Вы сказали моим роботам, что бы вы хотели поесть?

— Миледи, я сказал им тоже, что сказал вам — я ем, что дают. В прошлом году я побывал на многих мирах, там везде своя диета. Торговец учится есть все, лишь бы не ядовитое. Я предпочту аврорскую еду всему тому, что вы пытались бы сделать, имитируя ему Бейлимира.

— Бейлимир? — переспросила Глэдия.

— Он назван по имени лидера первой экспедиции Бена Бейли.

— Сына Илайджа Бейли?

— Да, — сказал поселенец.

Он тут же сменил разговор, оглядев себя и сказав раздраженно:

— Как ваши люди ухитряются носить такую скользкую одежду? Мечтаю влезть в свою собственную.

— Уверена, что ваша мечта скоро исполнится, а пока прошу Вас к ленчу. Мне сказали, что вас зовут Бейли, как и вашу планету.

— Ничего удивительного. Это самое уважаемое имя на планете. Меня зовут Диджи Бейли.

Они прошли в столовую. Жискар шел впереди, Дэниел позади них, а два появились для обслуживания. Комната была освещена солнцем, стены оживлены декорациями. Стол был накрыт, от еды шел соблазнительный запах. Поселенец принюхался и удовлетворенно вздохнул.

— Не думаю, что мне будет трудно есть аврорскую пищу. Где вы позволите сесть, миледи?

— Не сядете ли Вы сюда, сэр? — тут же спросил робот.

Поселенец сел первым, как полагалось гостю, затем села Глэдия.

— Я не знаю терминологических особенностей вашего мира, поэтому вы извините меня, если мой вопрос покажется вам обидным: разве Ди-

джи не женское имя?

— Отнюдь, — чуть напыщенно ответил поселенец. — Да и в любом случае это не имя, а два инициала: Д и Ж.

— О, — облегченно сказала Глэдия. — Д. Ж. Бейли. Простите мое любопытство, но что значат эти инициалы?

— Пожалуйста. Вон Д… — он показал пальцем в сторону одной ниши. А вон там, я думаю, Ж.

Он показал в другую.

— Не хотите же вы сказать…

— Именно это и хочу. Мое имя Дэниел Жискар Бейли. Во всех поколениях моей семьи всегда был хотя бы один Дэниел и один Жискар. Я был последним, шестым ребенком, но первым мальчиком. Моя мать решила, что достаточно одного сына, и дала мне оба имени. Но Дэниел Жискар Бейли был слишком большим грузом для меня, и я предпочел называться Диджи, и буду рад, если и вы будете так называть меня.

Он добродушно улыбнулся.

— Я первый носитель обоих имен и первый, увидевший оригиналы.

— Но почему эти имена?

— Согласно семейной истории, это идея Илайджа Бейли. Предка. Ему была предоставлена

честь давать имена своим внукам, и он назвал старшего Дэниелом, а второго — Жискаром. Chi настаивал на этом, и это стало традицией.

— А дочери?

Традиционное имя из поколения в поколение — Джезебел, Джесси. Так звали жену Илайджа.

— Я знаю.

— Но нет ни…

Он сосредоточил внимание на блюде, поставленном перед ним.

— Будь я дома, я сказал бы, что это жареная свинина в арахисовом соусе.

— На самом деле это овощное блюдо. Вы, кажется, хотели сказать, что в семье не было ни одной Глэдии?

— Не было, — спокойно сказал ДЖ — Единственное объяснение этому, что первая Джесси возражала, но я с ней не согласен. Жена Илайджа никогда не была на Бейлимире, не уезжала с Земли. Как она могла возражать? Нет, мне совершенно ясно, что предок не хотел другой Глэдии. Никаких имитаций, никаких копий, никаких претензий. Глэдия одна-единственная. И он просил также, чтобы не было Илайджей.

— Я думаю, ваш предок в последние годы жизни старался быть неэмоциональным, как Дэниел,

до в душе был романтиком. Он мог бы допустить существование других Илайджей и Глэдий. Я бы не обиделась. Его жена, наверное, тоже.

Она принужденно засмеялась. Кусок не лез в горло.

— Все это кажется таким нереальным. Предок — практически древняя история, он умер сто шестьдесят четыре года назад.

Я его потомок в седьмом колене, а вот сижу с женщиной, которая знала его еще молодым.

— Я его, в сущности, не знала, — сказала Глэдия.

Она глядела в тарелку.

— Я виделась с ним — и то на короткое время, — три раза за семь лет.

— Я знаю. Сын предка Бен написал его биографию. Это стало литературной классикой на Бейлимире. Даже я ее читал.

— Да? Я не читала и даже не знала, что она существует. И что же там про меня?

Д.Ж. усмехнулся.

— Ничего такого, против чего вы могли бы возражать. Вы там — что надо. Но не в этом дело. Меня потрясло, что мы здесь с вами через семь поколений. Сколько вам лет, миледи? Прилично ли задавать такой вопрос?

— Не знаю, прилично ли, но я не возражаю, Мне двести тридцать пять Стандартных Галактических лет, двадцать три с половиной десятилетия.

— А выглядите вы, словно вам нет и пятидесяти. Предок умер, когда ему было восемьдесят два. Он был очень стар. Мне тридцать девять, а когда я умру, вы будете еще живы…

— Да, если ничего не случится.

— И проживете еще пять десятилетий…

— Вы завидуете мне, Диджи? — спросила Глэдия с легким оттенком горечи. — Вы завидуете, что я пережила Илайджа больше, чем на полтора столетия и Осуждена пережить его еще на столетие?

— Конечно, завидую! Еще бы! Я не прочь прожить несколько столетий, если бы не создал этим дурной пример народу Бейлимира. Я не хотел бы, чтобы они жили так долго. Замедлился бы шаг истории и интеллектуальное развитие. И правительство осталось бы у власти слишком долго. Бейлимир погрузился бы в консерватизм и застой, как *ваш* мир.

Глэдия вздернула подбородок.

— Аврора в полном порядке.

— Я говорю о *вашем* мире, о Солярии.

— Солярия — это не мой мир, — твердо сказала

Глэдия.

— Надеюсь, что это не так. Я пришел к вам именно потому, что считаю Солярию вашим миром.

— В таком случае, вы напрасно тратили время.

— Но вы родились на Солярии и жили там какое-то время?

— Я жила первые тридцать лет.

— Тогда вы достаточно солярианка, чтобы помочь мне в важном деле.

— *Я не* солярианка, несмотря на ваше так называемое дело.

— Это дело войны и мира, если вы считаете его важным. Внешние Миры стоят перед лицом войны с Переселенческими Мирами, и это будет скверно для всех. От вас, миледи, зависит предупредить эту войну и обеспечить мир.

Еда закончилась, и Глэдия обнаружила, что смотрит на Д.Ж. с холодной яростью.

Она спокойно жила последние два столетия, оттолкнувшись от сложностей жизни, постепенно она забыла свои беды на Солярии, трудности привыкания к Авроре.

Ей удалось похоронить очень глубоко боль двух убийств и два экстаза необычной любви — с роботом и землянином — и пройти мимо всего этого. Затем она долго и спокойно жила в

браке, имела двух детей, занималась своим прикладным искусством. Сначала ушли дети, затем муж, и скоро она, вероятно, оставит свою работу и останется одна с роботами, довольная или покорившаяся. Жизнь ее покатится спокойно и без событий к своему концу, такому тихому, что они, наверняка, и не заметят, как этот конец придет.

Так она желала. Но что же случилось?

Все началось с прошлого вечера, когда она напрасно искала в небе солнце Солярии, которого там не было. Эта глупость как бы вызвала прошлое, которое должно было оставаться мертвым, и взорвало мыльный пузырь спокойствия, который она создала вокруг себя.

Имя Илайджа Бейли, самое болезненно-радостное воспоминание, которое она так старательно прятала подальше, вдруг повторялось снова и снова.

Затем ее принудили иметь дело с человеком, ошибочно посчитавшим себя потомком Илайджа, и вот теперь с другим, который в самом деле его потомок. И, наконец, перед ней поставили проблемы и ответственность, подобные тем, какие мучили самого Илайджа в различных случаях.

Не должна ли она стать Илайджем по форме, не

имея ни его таланта, ни его жесткой решимости выполнить свой долг любой ценой?

Что она сделала, чтобы заслужить это? Глэдия чувствовала, как под покровом жалости к себе в ней тлеет ярость. Это несправедливо. Никто не имел права взваливать на нее ответственность вопреки ее воле.

Она сказала, стараясь говорить ровным тоном:

— Почему вы настаиваете, что я соляриан ка, когда я говорю вам обратное?

Д. Ж., казалось, нисколько не смутил ее холодный тон.

— Миледи, я не *заставляю* вас быть солярианкой, я только указал, что вы родились и прожили какое-то время на Солярии, значит, вас можно считать солярианкой. Вы знаете, что Солярия покинута?

— Да, я слышала.

— И на вас это никак не подействовало?

— Я аврорианка уже два столетия.

— Это не ответ. Даже уроженец Авроры может быть опечален смертью планеты-сестры. А как вы?

— Мне все равно, — ледяным голосом ответила Глэдия. — Почему вас это интересует?

— Сейчас объясню. Мы — я имею в виду тор-

говцев Поселенческих Миров — заинтересованы, потому что надо делать дело и получать прибыли, чтобы заработать планету. Солярия — благоустроенный комфортабельный мир. Вы, космониты, похоже, в нем не нуждаетесь. Почему бы нам не заселить его?

— Потому что он не ваш.

— Что значит «не ваш», мадам? Разве Аврора имеет на него больше прав, чем Бейлимир? Разве мы не можем предположить, что пустая планета принадлежит тому, кто хочет заселить ее?

— Так вы ее заселили?

— Нет, потому что она не пустая.

— Вы хотите сказать, что не все соляриане ушли с нее? — быстро спросила Глэдия.

Д.Ж. широко улыбнулся.

— Вас задевает эта мысль, хотя вы и аврорианка?

Глэдия снова нахмурилась.

— Ответьте на мой вопрос.

ДЖ пожал плечами.

— На Солярии было всего пять тысяч жителей перед тем, как они ее покинули, — по нашим оценкам. Население уменьшалось с каждым годом. Но пусть пять тысяч. Как мы можем быть уверены, что ушли все? Но не в этом дело. Даже

если все соляриане ушли, планета не опустела. Там осталось двести миллионов, если не больше, разнообразных роботов, среди которых есть самые современные. Можно предположить, что соляриане взяли сколько-то роботов с собой. Трудно себе представить космонитов вообще без роботов.

Он с улыбкой оглядел ниши с роботами.

— Однако, они не могли взять по сорок тысяч роботов на каждого.

— Ну, поскольку ваши Переселенческие Миры полностью чисты от роботов, и так будет продолжаться, вы, стало быть не можете заселить Солярию.

— Правильно. Но только пока роботы не исчезнут, а уж об этом мы, торговцы, позаботимся.

— Каким образом?

— Мы не хотим общества с роботами, но это не значит, что мы не можем взять с собой нескольких из них и иметь с ними дела. У нас нет суеверного страха перед ними. Мы точно знаем, что роботехнические общества идут к застою. Космониты довольно ясно показывают нам это. Но если они так глупы, что желают иметь такое общество, мы прекрасно можем продавать им роботов по хорошей цене.

— Вы думаете, космониты купят их?

— Я уверен. Они будут рады элегантным моделям солярианского производства. Всем известно, что соляриане были ведущими конструкторами роботов в Галактике, хотя покойный доктор Фастольф и считался непревзойденным в этой области, но только на Авроре. К тому же, даже если мы назначим солидную цену за роботов, она все равно будет ниже себестоимости, так что в выгоде будут и космониты, и торговцы — вот секрет удачной торговли.

— Космониты не захотят покупать роботов у поселенцев, — с явным презрением сказала Глэдия.

ДЖ имел привычку торговцев не обращать внимания на такие пустяки, как злость и презрение.

— Еще как захотят! Предложить им самых современных роботов за пол цены — зачем они откажутся? Вы даже удивитесь, насколько несущественны для бизнеса идеологические вопросы.

— Я думаю, удивляться придется вам. Попробуйте продать своих роботов — и увидите.

— Я бы продал, миледи, кабы они у меня были. Но их нет.

— Почему нет?

— Не удалось взять. Два торговых корабля по

отдельности высадились на Солярии. Каждый мог загрузить штук двадцать пять роботов. Если бы им это удалось, весь торговый флот двинулся бы за ними, и мы продолжали бы делать дело не один десяток лет, а потом заселили бы планету.

— Но им, значит, не удалось. Почему?

— Потому что оба корабля были уничтожены на поверхности планеты, и, как мы слышали, погибли оба экипажа.

— Подвело оборудование?

— Нет. Оба приземлились нормально, без повреждений. В своих последних рапортах они сообщили, что приближаются космониты — то ли соляриане, то ли с других Внешних Миров, мы не знаем. Мы могли только предположить, что космониты напали без предупреждения.

— Этого не может быть.

— Так уж и не может?

— Конечно. Какие у них причины?

— Я бы сказал — держать нас подальше от планеты..

— Если бы они этого желали, они просто сказали бы, что планета занята.

— А может, им хотелось убить нескольких поселенцев? Во всяком случае, у нас многие так думают и настаивают на посылке на Солярию

нескольких военных кораблей и устройстве там военной базы.

— Это опасно.

— Вот именно. Это поведет к войне. Некоторые наши драчуны рвутся к ней. Может, есть такие среди космонитов, вот они и уничтожили оба корабля, чтобы спровоцировать войну.

Глэдия была ошеломлена. В программах новостей не было и намека на напряженные отношения между космонитами и поселенцами.

— Конечно, поговорить об этом следует. Ваш народ обращался к Федерации Внешних Миров?

— Обращались, но через незначительное лицо. Мы также обращались к Совету Авроры.

— И что?

— Космониты все отрицают, они намекают, что потенциальная выгода от торговли солярианскими роботами так высока, что торговцы, заинтересованные только в деньгах — словно сами космониты не нуждаются в них — передрались между собой. Похоже, они хотят убедить нас, что наши корабли сами уничтожили друг друга, поскольку каждый хотел сохранить монополию торговли для своего мира.

— Значит, корабли были с разных планет?

— Да.

— И вы не думаете, что они и в самом деле передрались?

— Не думаю, хотя такая вещь возможна. Прямых конфликтов между Переселенческими Мирами не было, но споры бывали, и все проходили через арбитраж Земли. Конечно, Поселенческие Миры могут и не поддерживать друг друга, когда в игре торговля на миллиарды долларов. Вот почему война для нас — не слишком хорошая идея, и надо как-то остудить слишком горячие головы. Вот мы и подошли к сути.

— Кто мы?

— Вы и я. Меня просили съездить на Солярию и по возможности выяснить, что там случилось. У меня один корабль, вооруженный, но без тяжелого вооружения.

— Вас тоже могут уничтожить.

— Могут. Но мой корабль, по крайней мере, не будет захвачен врасплох. Кстати, я не из гипервизионных героев и постараюсь уменьшить шансы на уничтожение. Мне пришло в голову, что одной из неудач проникновения поселенцев на Солярию является наше полное незнание этой планеты. Значит, полезно было бы иметь с собой кого-то, кто знает этот мир — солярианина, короче говоря.

— Вы имеете в виду — *мена*?

— Именно, миледи.

— Почему *меня!*

— Я думаю, вам и так ясно, миледи. Солярианe, покинув планету, ушли неизвестно куда. Если там кто-то остался — это враги. На других Внешних Мирах нет никого солярианского происхождения, кроме вас. Вы единственная солярианка, подходящая мне, единственная во всей Галактике. Вы мне нужны и должны ехать со мной.

— Ошибаетесь, Поселенец. Может, я для вас единственная подходящая, но вы мне не подходите. Я окружена роботами. Один ваш шаг — и вы будете обездвижены, а при сопротивлении можете и пострадать.

— У меня нет намерения действовать силой. Вы должны ехать добровольно. Ведь дело идет о предотвращении войны.

— Это забота правительства, моего и вашего. Я отказываюсь что-нибудь делать. Я частное лицо.

— Вы обязаны сделать это для вашего мира. В случае войны пострадаем не только мы, но и Аврора.

— Я тоже не из гипервизионных героев.

— Тогда вы обязаны мне.

— Вы ошибаетесь! Я вам ничем не обязана.

Д.Ж. тонко улыбнулся.

— Лично мне как индивидууму вы ничем не обязаны. Но у вас большой долг передо мной, как перед потомком Илайджа Бейли.

Глэдия замерла, глядя на бородатого монстра. Как она могла забыть, кто он?

— Нет, — наконец выговорила она.

— Да, с силой сказал ДЖ. — Два раза предок «делал для вас больше, чем вы когда-либо могли оплатить. Его здесь нет, чтобы потребовать уплаты хотя бы части долга, но я унаследовал это его право.

Глэдия сказала в отчаянии:

— Но что я могу сделать для вас, если поеду?

— Там увидим. Вы поедете?

Глэдии хотелось отказаться. Но не для этого ли Илайдж снова вошел в ее жизнь за последние сутки?

— Но Совет не позволит мне ехать с вами. Ни один аврорец не сядет на поселенческий корабль.

— Миледи, вы живете на Авроре два столетия и думаете, что аврорцы считают вас своей? Нет, для них вы все еще солярианка. Они отпустят вас.

— Нет, — сказала Глэдия.

Сердце ее сильно забилось, руки покрылись гусиной кожей. Он прав. Амадейро, например, считает ее солярианкой. И все-таки она повторила, стараясь уверить себя:

— Нет, не пустят.

— Пустят, возразил Д.Ж. — Ведь кто-то из вашего Совета приходил к вам и просил принять меня?

— Он просил только сообщить о нашем с Вами разговоре, и я это сделаю.

— Если они хотели, чтобы вы шпионили за мной в своем собственном доме, то сочтут даже более полезным, чтобы вы шпионили за мной на Солярии.

Он подождал ответа, и, не получив его, продолжал с легкой улыбкой:

— Миледи, если вы откажете, у меня нет сил заставить вас. Но Совет вас заставит. Только я не хочу этого, будь он здесь. Он хотел бы, чтобы вы поехали со мной только из благодарности к нему и ни по какой другой причине. Миледи, предок работал для вас в исключительно трудных условиях. Неужели вы не захотите поработать ради его памяти?

Сердце Глэдии упало. Она поняла, что не может сопротивляться.

— Я никуда не могу ехать без роботов.

— Я на это и не рассчитывал.

Он снова ухмыльнулся.

— Почему бы не взять моих двух тезок?

Глэдия посмотрела на Дэниела. Он стоял неподвижно. Посмотрела на Жискара. Он не шелохнулся. Посмотрела внимательнее, и ей показалось, что как раз в этот момент голова Жискара чуть заметно кивнула.

Она должна была верить ему.

Она сказала:

— Ладно, я поеду с вами и с этими двумя роботами. Больше не нужно.

В пятый раз в жизни Глэдия оказалась на корабле. Сейчас она не могла вспомнить, когда они с Сантириксом поехали на планету Явтерпу ради ее прославленных лесов, которые считались несравненными, особенно в романтическом сиянии спутника планеты Джемпстоуна.

Лес действительно оказался пышным, зеленым. Деревья были посажены правильными рядами, животный мир тщательно отобран по цвету и красоте. Там не было ни ядовитых, ни каких-либо неприятных созданий.

Спутник был близок к планете и сиял, как бриллиант, он блестел, поднимаясь к зениту, и тускнел, спускаясь к горизонту. Человек очаро-

ванно следил за ним в первую ночь, во вторую — с чуть меньшим удовольствием, в третью — с еще меньшим удовольствием, а потом — с неопределенным раздражением, предполагая, что в первые ночи небо было чище, и ошибаясь в этом. Местные жители никогда на небо не смотрели, но громко восхваляли — перед туристами, конечно.

В общем-то Глэдия была довольна поездкой, но еще больше радовалась возвращению на Аврору и решила, что больше путешествовать не будет, разве что в случае крайней необходимости. Подумать только, это было по меньшей мере сто десять лет назад!

Какое-то время она жила в страхе, что ее муж будет настаивать на следующей поездке, но он ни разу не заговорил об этом. Видимо, он пришел к тому же решению и, возможно, тоже боялся, что она захочет путешествовать.

В этом не было ничего необычного. Аврорцы — да и вообще космониты — предпочитали оставаться дома.

Их планеты, их дома были достаточно комфортабельны, и в конце концов, что может быть лучше, когда о вас заботятся ваши собственные роботы, понимающие каждый ваш сигнал, и вам даже не надо говорить о ваших желаниях.

Она поежилась. Что имел в виду Д.Ж., когда говорил об упадке роботехнического общества?

Но вот она снова в космосе и на земном корабле.

Она мало что видела на нем, но то, что она видела, ей страшно не понравилось. Тут, кажется, ничего не было, кроме прямых линий, острых углов и гладкой поверхности. Все „лишнее“, видимо, исключалось, словно может существовать одна только функциональность. Хотя она и не знала назначения того или иного предмета на корабле, она чувствовала, что от него больше ничего не требуется, что ничто не может вмешиваться в кратчайшее расстояние между двумя точками.

На всех аврорцах и вообще космонитских вещах все было слоями. Основой была функциональность — если не считать чистого орнамента — то поверх шло то, что удовлетворяло глаз и чувства, а поверх этого нечто, удовлетворявшее дух. Насколько же это было лучше! Это представляло такое изобилие человеческого творчества, что космониты просто не могли жить в неукрашенной Вселенной, и разве это плохо?

Неужели будущее принадлежит повсеместной геометрии? Или поселенцы просто еще не усвои-

ли сладости жизни?

Но если в жизни так много сладости, почему же ей, Глэдии, так мало досталось?

Ей нечего было делать на борту, кроме как размышлять над такими вопросами и отвечать на них себе самой. Этот Д. Ж., варварский потомок Илайджа, вбил их ей в голову своим спокойным утверждением, что Внешние Миры умирают, хотя сам видел даже за короткое время пребывания на Авроре, что планета находится в полном здравии и безопасности.

Она пыталась отвлечься от своих мыслей голофильмами, которыми ее снабдили, с умеренным любопытством следила, как события торопливо следовали одно за другим — все фильмы были приключенческими — оставляя мало времени для разговора и еще меньше для мысли и радости. Очень похоже на их изделия.

Д.Ж. вошел в середине одного такого фильма. Его приход не был для нее неожиданностью, роботы предупредили ее и не пустили бы его, если бы она не была расположена его принять. Дэниел вошел с ним.

— Ну, как вы тут? — спросил Д.Ж.

Когда она дотронулась до контакта, и изображение исчезло, он добавил:

— Не выключайте, я посмотрю вместе с вами.

— Не обязательно. С меня хватит.

— Вам тут удобно?

— Не очень. Я… изолирована.

— Простите. Но и я был изолирован на Авроре. Моим людям не разрешили выйти вместе со мной.

— И теперь вы взяли реванш?

— Отнюдь. Во-первых, я позволил вам взять с собой двух ваших роботов и по вашему выбору. Во-вторых, дело не во мне, а в моем экипаже. Они не любят космонитов и роботов. Но почему вы недовольны? Эта изоляция уменьшает ваш страх перед заразой.

— Может, я уже слишком стара, чтобы бояться заразы. Я часто думаю, что прожила уже достаточно долго. К тому же, у меня есть перчатки, носовые фильтры и, если понадобится, маска. И я сомневаюсь, что вы хотели бы прикоснуться ко мне.

— И никто другой не захочет, — сказал он неожиданно упрямо.

Его рука коснулась какого-то предмета на правом бедре.

Ее глаза проследили за этим движением.

— Что это?

Он улыбнулся.

— Оружие, — сказал он.

Он вытащил его за рукоятку.

Прямо перед Глэдией был тонкий цилиндр сантиметров пятнадцати длиной. В нем не было никакого видимого отверстия.

— Это убивает людей?

Она протянула руку к цилиндру.

Д.Ж. быстро отвел ее назад.

— Никогда не тянитесь к чужому оружию, миледи. Это не просто дурной тон — хуже, потому что поселенцы привыкли моментально реагировать на такой жест, и вы можете пострадать.

Глэдия, широко открыв глаза, убрала руки за спину.

— Не угрожайте, Диджи. Дэниел не имеет чувства юмора в этом отношении. На Авроре не найдется такого варвара, кто носил бы оружие.

— Видите ли, у нас нет роботов, чтобы защищать нас. Этот аппарат не убивает. В каком-то смысле он делает худшее. Он производит вибрацию, которая стимулирует нервные окончания, ответственные за чувство боли. Он вредит много сильнее, чем вы можете себе представить. Никто добровольно не согласится испытать это второй раз, и те, кто носит такое оружие, редко применя-

ют его. Мы называем его нейронным хлыстом.

— Отвратительно) У нас роботы, но они никогда не причиняют никому вреда, разве что в крайнем случае, и то вред минимальный.

ДЖ пожал плечами.

— Это звучит весьма цивилизованно, но лучше немного боли, немного убийства, чем распад духа, вызываемый роботами. Кстати, нейронный хлыст не предназначен для убийства, а у вашего народа на космических кораблях есть оружие, которое может вызвать массовую смерть и разрушения.

— Потому что мы воевали на заре нашей истории, когда наследство Земли было сильно в нас, но потом мы научились лучшему.

— Вы пользовались этим оружием и на Земле, и после.

— Это… — начала она.

Затем она закрыла рот.

ДЖ кивнул.

— Я знаю. Вы собирались сказать „Это другое дело“. Подумайте над этим, миледи, и не удивляйтесь, что моя команда не любит космонитов. И я не люблю. Но вы нужны мне, миледи, поэтому я отгоняю свои эмоции.

— Как я могу быть полезной вам?

— Вы солярианка.

— Вы упорно твердите это. Прошло более двух столетий. Я не знаю, какова теперь Солярия. Я ничего не знаю о ней. Каков был Бейлимир два столетия назад?

— Он не существовал тогда, но Солярия существовала, и я надеюсь, что вы вспомните что-нибудь полезное. Он встал, поклонился с насмешливой вежливостью и вышел.

Некоторое время Глэдия молчала, потом сказала:

— А он не слишком вежлив, верно?

— Мадам Глэдия, — сказал Дэниел — поселенец явно в напряжении. Он идет к планете, где погибли два корабля и убиты их экипажи. Он и его экипаж идут к большой опасности.

— Ты всегда защищаешь любое человеческое существо, Дэниел. Опасность для меня тоже, и я хотела бы с ней встретиться, но это не заставляет меня грубить.

Дэниел не ответил.

— Ну, может, и заставляет. Я была чуточку груба?

— Я думаю, поселенец не обиделся. Могу я посоветовать вам, мадам, приготовиться ко сну? Уже поздно.

— Ладно, я лягу, но вряд ли усну.

— Друг Жискар уверяет меня, что вы уснете, мадам, а он обычно бывает прав в таких вещах.

Она в самом деле уснула.

Дэниел и Жискар стояли в темноте в каюте Глэдии.

— Она крепко спит, друг Дэниел, и ей нужен отдых. Впереди опасное путешествие.

— Мне кажется, друг Жискар, что она согласилась ехать под твоим влиянием. У тебя, наверное, были причины.

— Друг Дэниел, мы так мало знаем о природе кризиса, стоящего перед Галактикой теперь, что мы просто не можем отказаться от действия, которое может расширить наши знания. Мы должны узнать, что происходит на Солярии, и единственный способ — устроить так, чтобы мадам Глэдия поехала туда. Что касается влияния, то это почти не требовало усилий. Несмотря на ее заявление, она жаждала поехать туда. Ее переполняло желание увидеть Солярию. Это была внутренняя боль, которая не прекратится, пока мадам не побывает там.

— Если ты говоришь, то так оно и есть, но меня это удивляет. Она часто давала понять, что была несчастной на Солярий, что она полностью

адаптировалась на Авроре и никогда не желала вернуться.

— Да, и это тоже. В ее мозгу совершенно ясно существовали оба чувства. Я не раз наблюдал в человеческих мозгах одновременное сосуществование двух противоположных эмоций.

— Вроде бы не логично.

— Согласен, и могу только заключить, что люди не всегда и не во всех отношениях логичны. Вероятно, это одна из причин, по которой так трудно разработать Законы поведения человека. В случае мадам Глэдии я время от времени замечал ее желание увидеть Солярию. Обычно оно было хорошо скрыто, затемнено куда более сильной антипатией, которую она так же чувствует к этой планете. Когда стало известно, что Солярия покинута своим народом, чувства мадам Глэдии изменились.

— Почему? Какое отношение имеет это событие к юношеским переживаниям мадам Глэдии, породившим эту ее антипатию? Если ее желание увидеть этот мир сдерживалось в течение двух столетий, когда там было развитое общество, почему же это сдерживающее начало ушло как только планета стала покинутой, и ей вдруг захотелось увидеть ее? Мир, ставший для нее совсем

чужим?

— Не могу объяснить, друг Дэниел. Чем больше я собираю знаний о человеческом мозге, тем в большее отчаяние приходу, что не способен понять его. Не такое уж это счастье — заглядывать в мозг, и я часто завидую твоей простоте контролируемого поведения, исходящей из твоей неспособности видеть под поверхностью.

— Но у тебя есть предположительное объяснение? — настаивал Дэниел.

— Я полагаю, она огорчена опустошением планеты. Она дезертировала оттуда два столетия назад…

— Она была вынуждена уехать.

— Теперь ей кажется, что она дезертировала, и я думаю, она считает, что подала дурной пример: если бы она осталась, то и другие не уехали бы, и планета была бы теперь населена и счастлива. Поскольку я не могу читать ее мысли, я отталкиваюсь, может, и неправильно, только от ее эмоций.

— Но она же не могла подать пример, друг Жискар. Прошло два столетия с тех пор, как она уехала, и, значит, не может быть никакой связи между столь разными во времени событиями.

— Согласен, но люди иногда находят удоволь-

ствие в том, чтобы питать болезненные эмоции, порицать себя без оснований и даже вопреки им.

— Во всяком случае, мадам Глэдия чувствовала такое острое желание вернуться, что было необходимо лишь ослабить сдерживающий эффект, под действием которого она могла бы отказаться ехать. Это потребовало простейшего прикосновения. Я чувствовал, что ей необходимо поехать, потому что это означало, что поедем и мы, но у меня неприятное ощущение, что вреда, возможно, будет больше, чем пользы.

— В каком смысле, друг Жискар?

— Совет был рад отправить мадам с поселенцем. Не означает ли это, что ее желательно был о удалить с Авроры на критический период, пока подготавливается падение Земли и Поселенческих Миров?

Дэниел, видимо, обдумывал это положение, потому что сделал длительную паузу, а затем сказал:

— А зачем, по-твоему, нужно отсутствие мадам Глэдии?

— Не могу решить, друг Дэниел. Хотел бы услышать твое мнение.

— Я не думал об этом.

— Ну, так подумай сейчас.

Будь Жискар человеком, эта просьба прозвучала бы приказом.

— Последовала еще более долгая пауза.

— Друг Жискар, до появления доктора Мандамуса в доме мадам Глэдии, она никогда не выказывала интереса к международной политике. Она была другом доктора Фастольфа и Илайджа Бейли, но эта дружба была личным чувством и не имела идеологической основы. И оба они ушли от нас. Она терпеть не могла — и он взаимно — доктора Амадейро, но это тоже личное дело. Эта антипатия существовала два столетия, но в ней нет ничего материального, просто оба ненавидят друг друга. У доктора Амадейро, имеющего теперь доминирующее влияние в Совете, нет оснований бояться мадам Глэдии или беспокоиться о том, чтобы удалить ее.

— Ты забыл что, удаляя мадам Глэдию, он удаляет и нас. Он уверен, что мадам Глэдия не уедет без нас, так что, может, он нас считает опасными?

— В течение нашего путешествия, друг Жискар, мы никогда не давал и доктору Амадейро повода опасаться нас. Чего ради он будет бояться нас? Он не знает о твоих способностях, и о том, как ты пользуешься ими. Зачем ему удалять нас с Авроры?

На время? Почему ты думаешь, что он планирует временное удаление? Вполне может быть, что он знает больше поселенца о беде на Солярии и знает также, что поселенец и его экипаж наверняка будут уничтожены, а с ними мадам Глэдия и мы с тобой. Мажет, главная его цель — уничтожение поселенческого корабля, а конёц доктора Фастольфа — дополнительная премия.

— Но он не пошел бы на риск войны с Переселенческими Мирами, а такое может произойти, если корабль поселенца будет уничтожен. Минутное удовольствие от нашей гибели не стоит риска.

— А не может так быть, друг Дэниел, что доктор Амадейро как раз и имеет в виду войну, и считает, что никакого риска нет?

— Нет, друг Жискар, это неразумно. В войне, развязанной при существующих условиях, поселенцы могут победить. Они более рассеяны по Галактике, и поэтому могут успешно применять тактику молниеносных ударов. Им почти нечего терять в их примитивных мирах, в то время как космониты теряют многое в своих уютных высокоорганизованных планетах. Если поселенцы предложат уничтожить один из своих миров в обмен на уничтожение одного космонитского,

космониты сразу же сдадутся.

— Не будет ли такая война происходить „при существующих условиях“? Что, если у космонитов есть новое оружие, которое быстро уничтожит Поселенческие Миры? Может, это и есть кризис, перед которым мы сейчас стоим?

— В этом случае, друг Жискар, победу легче и эффективнее завоевать во внезапной атаке. Зачем идти на подстрекательство в войне. Чтобы поселенцы начали ее неожиданным рейдом на Внешние Миры, несущим большие убытки?

— Может, космонитам нужно испытать оружие и уничтожение ряда кораблей на Солярии является проверкой?

— Космониты должны быть более изобретательны и найти другой метод, который не выдает тайны существования нового оружия.

Настала очередь Жискара задуматься.

— Ну, ладно, друг Дэниел, как ты объяснишь желание — и очень горячее — чтобы мы сопровождали поселенца? Поселенец сказал, что Совет *прикажет* мадам Глэдии ехать, и так оно и вышло.

— Я не думал над этим.

— Ну, так подумай сейчас.

— Подумаю.

Молчание затянулось, но Жискар терпеливо ждал.

Наконец Дэниел заговорил медленно, словно прокладывая путь в лабиринте мыслей:

— Я не думаю, что Бейлимир или любой Поселенческий Мир имеет право захватывать роботов, принадлежащих Солярии. Пусть сами соляриане ушли или, может быть, вымерли, все равно Солярия остается Внешним Миром, даже если она не заселена. Остальные сорок девять Внешних Миров наверняка рассуждают так. И прежде этого так должна рассуждать Аврора, если она хочет управлять ситуацией.

— Значит, ты считаешь, что уничтожение двух поселенческих кораблей было способом космонитов утвердить свою собственность на Солярии?

— Нет. Аврора, если она хочет управлять ситуацией, не пошла бы поэтому пути. Аврора, главная сила космонитов, просто объявила бы, что Солярия, пустая она или нет, недоступна для поселенческих кораблей, и угрожала бы репрессалиями любому поселенческому кораблю, вошедшему в планетарную систему Солярии. И поставила бы заслон из кораблей и наблюдательных станций вокруг этой планетарной системы. Но не было такого предупреждения, таких дей-

ствий. Зачем нужно было уничтожать корабли, которые было так легко сразу же отогнать?

— Но корабли *были* уничтожены, друг Дэниел. Не хочешь ли ты воспользоваться нелогичностью человеческого мозга для объяснения?

— Пока нет. Давай примем это уничтожение как факт. Посмотрим на последствия. Капитан поселенческого корабля приближается к Авроре, просит разрешения обсудить с Советом ситуацию, настаивает, чтобы гражданка Авроры ехала с ним расследовать события на Солярии, и Совет на все соглашается. Если уничтожение кораблей без предупреждения — слишком сильное действие для Авроры, то трусливое согласие с переселенческим капитаном — слишком слабое действие. Аврора как бы готова сделать все что угодно, лишь бы предупредить возможность войны.

— Да, — сказал Жискар, — я думаю, это возможный путь интерпретации события. Но что дальше?

— По-моему, Внешние Миры еще не так слабы, чтобы вести себя с такой угодливостью. Даже будь они слабы, гордость многих столетий главенства удержала бы их от таких действий. Тут не слабость, а что-то другое. Я уже говорил, что они не могут намеренно провоцировать вой ну.

Больше похоже на то, что они тянут время.

— До чего, друг Дэниел?

— Они хотят уничтожить поселенцев, но еще не готовы к этому. Они дали этому поселенцу то, что он просил, чтобы избежать войны до тех пор, пока они будут готовы сражаться на своих условиях. Я только удивляюсь, что с ним не послали авроpский военный корабль. Если мой анализ правилен, а я думаю, что это так, то Аврора не при чем в событиях на Солярии. Она не пошла бы на этот булавочный укол, который только насторожил бы поселенцев, пока не готова на нечто опустошительное.

— Как же расценивать этот „булавочный укол“?

— Мы, наверное, узнаем это, когда высадимся на Солярии. Вероятно, это интересует также и Аврору, и поселенцев, и это вторая причина, почему они так охотно сотрудничают с капитаном и даже позволили Глэдии сопровождать его.

Жискар долго молчал.

— А что за таинственное опустошение они планируют? — спросил он наконец.

— Раньше мы говорили о кризисе, исходящем из планов космонитов уничтожить Землю, но теперь мы говорим „Земля“ в общем смысле,

включая всех землян и их потомков на Переселенческих Мирах. Однако, если мы всерьез подозреваем подготовку к разрушительному удару, который позволит космонитам разом избавиться от врагов, мы, вероятно, можем улучшить нашу точку зрения. Следовательно, они планируют ударить по одному Поселенческому Миру: эти миры разбросаны, и оставшиеся быстро нанесут ответный удар. Не могут они также ударить по нескольким или по всем Поселенческим Мирам — их слишком много, и они очень раскиданы. Все удары вряд ли могут быть удачными, и уцелевшие миры яростно бросятся уничтожать Внешние Миры.

— Значит, ты предполагаешь, друг Дэниел, что удар будет нанесен самой Земле?

— Да. На Земле живет основная масса короткоживущих существ. Она — постоянный источник эмигрантов на Поселенческие Миры для основания новых миров и почитаемая родина для всех поселенцев. Если Земля будет уничтожена, поселенческое движение более не возобновится.

— Но не станут ли Поселенческие Миры мстить также сильно и жестоко, за уничтожение одного из своих миров? По-моему, это неизбежно.

— По-моему, тоже. Мне кажется, если Внешние

Миры еще не сошли сума, удар должен быть очень хитрым, таким, за который Внешние Миры вроде бы не ответственны.

— Почему бы не нанести такой хитрый удар по Поселенческим Мирам, которые содержат большую часть активного военного потенциала землян?

— Космониты понимают, что удар по Земле более разрушителен психологически. А может быть, природа удара такова, что он может сработать только против Земли, но не против Поселенческих Миров. Я подозреваю последнее, поскольку Земля — уникальный мир, и ее общество не похоже на любое другое, поселенческое или космонитское.

— Итак, суммируя все, ты приходишь к заключению, что космониты планируют искусный удар по Земле, который разрушит ее, оставит космонитов якобы в стороне от этого дела, но который не сработает против любого другого мира. Но они пока еще не готовы нанести удар.

— Да, друг Жискар, но они, возможно, скоро будут готовы, и тогда ударят немедленно. Любое промедление увеличит шанс на утечку информации, которая выдаст их.

— Твой вывод их малых указаний достоин вся-

ческой похвалы. А теперь расскажи о природе удара. Что именно задумали космониты?

— Я шел по шаткому грунту, и не уверен, что мои рассуждения целиком правильны. Но даже предполагая, что я прав, я не могу идти дальше. Боюсь, что я не знаю и не могу себе представить природу удара.

— Но если мы этого не знаем, мы не можем принять мер противодействия и разрешить кризис. Если же мы будем ждать результатов удара, уже будет поздно что-либо предпринимать.

— Если кто-то из космонитов знает, какова природа подготовляемого удара, то только Амадейро. Не можешь ли ты заставить его обнародовать свой план и тем насторожить поселенцев, после чего планы окажутся бесполезными?

— Не могу, друг Дэниел, не разрушив практически его мозг. Я даже сомневаюсь, что мог бы удержать его мозг в целости до тех пор, пока он не сделает объявление. Такие вещи я делать не могу.

— Возможно, вас утешит мысль, что мои рассуждения ошибочны, и никакого зла против Земли не замышляется.

— Нет, — сказал Жискар. — Я чувствую, что ты прав, и что остается только беспомощно ждать.

Глэдия почти болезненно ожидала последнего Прыжка. Они были уже достаточно близки от Солярии, чтобы видеть солнце. Всего лишь диск, кружок света, но глаза Глэдии вдруг наполнились слезами. Живя на Солярии, она никогда не думала о солнце. Просто это был вечный источник света и тепла, поднимавшийся и опускавшийся в постоянном ритме. Когда она покидала Солярию, она видела, как солнце исчезает позади, и не испытывала ничего, кроме чувства благодарности. Сейчас она молча плакала. Ей было стыдно перед собой за такую беспричинную чувствительность, но она не могла удержать слез. Она сделала усилие над собой, когда вспыхнул световой сигнал, означавший, что идет Д.Ж. Никто другой не подходил к ее кабине.

— Можно ему войти, мадам? — спросил Дэниел. — Вы, кажется, взволнованы?

— Да, я взволнована, Дэниел, но впусти его. Я думаю, он не удивится.

Но *Д.Ж.* удивился. Во всяком случае, он вошел с улыбкой, но сразу же погасил ее, шагнул вперед и тихо сказал:

— Я приду попозже.

— Оставайтесь! — резко сказала Глэдия. — Это ничего не значит. Глупая минутная реакция.

Она шмыгнула носом и сердито вытерла глаза.

— Зачем вы пришли?

— Я хотел поговорить с вами о Солярии. Если нам повезет, мы завтра приземлимся. Но если вы не в состоянии разговаривать…

— Я вполне готова. У меня есть вопрос к вам. Почему мы сделали три Прыжка? Достаточно было бы и одного. Когда я ехала с Солярии на Аврору два столетия назад, был один. Вряд ли с тех пор техника регрессировала.

Ухмылка Д.Ж. вернулась.

— Обходной маневр. Если за нами шел аврорский корабль, я хотел сбить его с толку.

— А зачем ему следовать за нами?

— Просто подумалось, миледи. Совет уж очень жаждал по мочь. Намекнул, что аврорский корабль пойдет со мной в экспедицию на Солярию.

— Ну, что ж, это могло бы помочь.

— Возможно… если бы я был уверен, что Аврора не стоит за всем этим делом. Я прямо сказал Совету, что обойдусь и без них, только с вами.

Он указал пальцем на Глэдию.

— Но ведь Совет мог послать корабль и против моего желания, просто из доброты, верно? Ну, вот, а я не хотел этого. Мне и так достаточно хлопот, а тут еще каждую минуту оглядывайся нервно.

Вот я и затруднил преследование. Итак, что вы знаете о Солярии?

— Я же столько раз вам говорила: ничего! Прошло два столетия.

— Поговорим насчет психологии соляриан. За два столетия она не могла измениться. Скажите почему они бросили свою планету?

— Как я слышала, — спокойно ответила Глэдия, — численность населения постоянно снижалась. Видимо, играли роль малая рождаемость и преждевременная смерть.

— Для нас это звучит разумно?

— Конечно. Рождаемость там всегда была низкой. По солярианским обычаям оплодотворение происходит нелепо, будь оно естественное, искусственное или эктогенетическое.

— У вас не было детей, мадам?

— На Солярии — нет.

— А что насчет преждевременной смерти?

— Я могу только догадываться. Я полагаю, она возрастала из ощущения провала. Солярия явно не состоялась, хотя соляриане вкладывали много эмоционального пыла в устройство идеального общества — не только лучшего, чем когда-либо было во Вселенной, но даже более близкого к идеалу, чем в любом Внешнем Мире.

— Вы хотите сказать, что Солярия умирала от коллективного разрыва сердца ее народа?

— Да, если вы хотите выразить это в насмешливой форме, — недовольно сказала Глэдия.

Д.Ж. повел плечами.

— Похоже, что вы сказали именно это. Но они в самом деле ушли. Куда? Как они будут жить?

— Не знаю.

— Но, мадам Глэдия, нам известно, что соляриане привыкли к огромным поместьям, к обслуживанию многими тысячами роботов, так что каждый солярианин был почти полностью изолирован. Если они покинули Солярию, где они найдут такое общество, которое одобрит их образ жизни? Может, они ушли на Внешний Мир?

— Нет, насколько мне известно, но они со мной не советовались.

— Могли они сами найти новую планету? Если так, ее пришлось бы благоустраивать самим. Могли они быть готовы к этому?

— Не знаю.

— Может, на самом деле они не уходили?

— Как я понимаю, Солярия, по всем признакам, опустела?

— Какие это признаки?

— Прерваны все межпланетные коммуника-

ции, прекращены все радиопередачи с планеты.

— Откуда вы это знаете?

— Это сообщалось по аврорским новостям.

— А! Сообщалось! А не мог кто-то соврать?

— А зачем?

— Чтобы наши корабли попали в засаду и были уничтожены.

— Это смешно, Диджи.

Ее голос стал более резким.

— Что выиграют космониты, разрушив с такими увертками два торговых корабля?

— Но что-то же уничтожило два поселенческих корабля на пустой планете, на якобы пустой. Как вы это объясните?

— Я не могу. Я предполагаю, что мы идем на Солярию как раз для того, чтобы найти объяснение.

Д. *Ж.* серьезно взглянул на нее.

— Сможете ли вы проводить меня в тот район планеты, где вы жили?

— В мое поместье?

Она была ошеломлена.

— Разве вам не хотелось бы снова увидеть его?

Сердце Глэдии забилось сильнее.

— Да, хотелось бы. Но почему вы хотите именно туда?

— Два корабля высадились в разных местах планеты, но оба были уничтожены чертовски быстро. Конечно, всякое место может быть опарным, но мне кажется, что ваше менее опасно, чем другие.

— Почему?

— Потому что нам могут помочь роботы. Вы же их знаете? Надеюсь, они могут существовать более двух столетий. Взять хотя бы Дэниела и Жискара. А те, которые были в вашем поместье при вас, наверное, помнят вас. Они отнесутся к вам, как к своей хозяйке и будут служить вам куда лучше, чем любому другому человеку.

— В моем имении было десять тысяч роботов. Я знала по виду не более трех десятков, а остальных никогда не видела, и они меня тоже. Сельскохозяйственные, лесные и рудничные роботы более примитивны. Домашние роботы должны помнить меня, если их не продали другим людям после моего отъезда. Могли быть и несчастные случаи, так что не все просуществовали два столетия. К тому же, что бы вы ни думали о памяти роботов, человеческая память слабее, и я могу не вспомнить их.

— Пусть так, но вы можете отвести меня в ваше поместье? У меня есть карта Солярии. Это

поможет?

— Приблизительно. Оно в южно-центральной части северного континента Гелионы.

— Когда мы окажемся примерно там, вы сможете воспользоваться ориентирами для большей точности, если мы сфотографируем поверхность Солярии?

— Морские берега, реки?

— Да.

— Думаю, что смогу.

— Прекрасно. Но все-таки постарайтесь вспомнить имена и внешность роботов.

В кругу своих офицеров Д. Ж. Бейли выглядел совсем иначе. Не было широкой улыбки, не было легкомысленного отношения к опасности. Он внимательно и сосредоточенно рассматривал карты.

— Если женщина точна, мы подлетим достаточно близко к поместью, и это займет не так много времени.

— Пустая трата энергии, капитан, — пробормотал Джемин Озер, второй помощник.

Он был высок и бородат. Борода была темная, рыжеватая, такого же цвета брови выгибались над светло-голубыми глазами. Он выглядел немолодым, но это впечатление создавалось больше

от опытности, чем от возраста.

— Ничего не поделаешь, — сказал Д.Ж. — Будь у нас антигравитация, которую техники обещают нам целую вечность, другое дело.

Он снова посмотрел на карту.

— Она сказала, что это у реки, примерно в шестидесяти километрах вверх по течению от места впадения в большую реку. *Если* женщина точна.

— Вы в этом сомневаетесь? — сказал Чандрус Надираба, штурман. Темная кожа и аккуратные усы подчеркивали красоту его лица.

— Она вспоминает, как это было двести лет тому назад, — заметил Д.Ж. — Какие детали участка вы можете вспомнить, если видели его хотя бы тридцать лет назад? Она же не робот, могла и забыть.

— Тогда какой толк брать ее с собой? — проворчал Озер. — Ее и другого, и робота. Команда недовольна, и мне они тоже не по душе.

ДЖ. свел брови и поднял глаза на помощника.

— На этом корабле не имеет значения, что нравится или не нравится вам, мистер, и команде. Мы все можем погибнуть через шесть часов после высадки, если эта женщина не сумеет спасти нас.

— Умрем, так умрем, — холодно сказал Надира-

ба. — Мы не были торговцами, если бы не знали, что рядом с большими прибылями ходит внезапная смерть. А что касается этой миссии, тут мы все добровольцы. Кстати, не вредно бы знать, откуда идет смерть, капитан. Если вы представляете себе это, почему держите в секрете?

— Я не представляю. Считается, что соляриане ушли, но, может, пара сотен осталась следить, так сказать, за имуществом.

— А что они могут сделать с вооруженным кораблем, капитан? Или у них есть секретное оружие?

— Не столь секретное, — ответил Д. Ж. — Солярия усыпана роботами. Именно по этой причине поселенческие корабли и Высадились в первый раз на планете. Каждый оставшийся солярианин мог иметь в своем распоряжении миллион роботов. Скромная армия!

Ибен Калайя, связист, до сих пор молчал, зная, что он младший по чину, и, это, казалось, подчеркивалось тем обстоятельством, что из четырех присутствовавших офицеров у него одного не было никаких лицевых волос. Но сейчас он тоже рискнул сказать:

— Роботы не могут повредить человеку.

— Так говорят, — сухо сказал Д.Ж. — Но что

мы знаем о роботах? Мы знаем только, что два корабля были уничтожены, а все поселенцы были убиты в разных частях планеты набитой роботами. Кто это мог сделать кроме роботов? Мы не знаем, какие приказы дали соляриане роботам или какой хитростью обошли так называемый Первый Закон Роботехники. Так что мы тоже должны иметь свои маленькие хитрости. Из дошедших до нас рапортов этих кораблей мы знаем, что после посадки все люди вышли. Пустая планета, вот они и решили поразмять ноги, подышать свежим воздухом и поглядеть на роботов, за которыми приехали. Их корабли не имели защиты, да и сами люди не ожидали нападения. На этот раз такого не случится. Я выйду, но вы все останетесь на борту или поблизости от корабля.

Темные глаза Надирабы вспыхнули неодобрением.

— Почему вы, капитан? Если нужен кто-то для приманки, можно выделить любого.

— Ценю, штурман, — сказал Д.Ж. — Но я пойду не один, а с космонитской женщиной и ее спутниками. Она тут самая главная. Она может узнать несколько роботов, а кто-то из них может узнать ее. Я надеюсь, что если роботам и приказано нападать на нас, то на нее они не нападут.

— Вы хотите сказать, что они вспомнят свою бывшую хозяйку и упадут к ее ногам? — сухо сказал Надибара.

— Да, если хочешь. Поэтому я ее и взял, и поэтому мы высадимся в ее поместье. И пойду с ней я, потому что я в какой-то мере знаю ее и посмотрю, как она поведет себя. Если мы уцелеем, пользуясь ею как щитом, и узнаем точно, что перед нами, мы сможем действовать по-своему. В ней уже не будет нужды.

— И что мы тогда с ней сделаем? — спросил Озер. — Выкинем в космос?

— Отвезем ее обратно на Аврору! — рявкнул Д.Ж.

— Хочу сказать вам, капитан, — проговорил Озер, — что команда расценит это как ненужное путешествие. Он и скажут, что ее можно просто оставить на этой проклятой планете. Она же все равно отсюда.

— Да, — сказал Д.Ж., — и так и будет в тот день, когда я стану получать приказы от своей команды.

— Я уверен, что такой день не наступит, но у команды есть свое мнение, а с недовольной командой путешествовать опасно.

Глэдия стояла на земле Солярии. Она чувство-

вала запах растительности — совсем не тот, что на Авроре — и двух столетий как не бывало. Ничто иное не могло так вернуть ассоциации, как запах — ни вид, ни звук. Этот слабый уникальный запах вернул ее детство: свобода бегать везде под тщательным наблюдением роботов, возбуждение при виде других детей, остановка, пугливый взгляд, приближение к другому ребенку, полушажок, вот-вот коснешься, и тут робот скажет: „Хватит, мисс Глэдия“, и отведет назад. И оглядываешься через плечо на другого ребенка, которого тоже отводит робот. Она вспомнила день, когда ей сказали, что отныне она будет видеть других детей только в голографическом изображении, смотреть передачу, но не видеть в натуре. Роботы говорили „видеть“ шепотом, словно само слово было запретным. Их она могла видеть воочию, но они нелюди.

Сначала все было не так плохо. Образы, с которыми она разговаривала, были трехмерными, свободно двигавшимися. Они говорили, бегали, делали, что хотели, но их нельзя было почувствовать. Затем ей сказали, что она может реально увидеть человека, с которым она часто виделась по трехмерке и который ей нравился. Он был взрослым мужчиной, чуть старше ее, но

выглядел юношей. Она получила разрешение видеться с ним, когда нужно и если пожелает. Она желала. Она отчетливо вспомнила, как это было в первый раз. Она онемела, и он тоже. Они кружили друг возле друга, боясь прикоснуться. Но это и был брак. Да, конечно, брак. Потом они снова виделись лично, потому что это был брак. Наконец они должны были коснуться друг друга, им было предложено сделать это. Это был самый возбуждающий день в ее жизни… До тех пор, пока он не наступил.

Глэдия удрученно отогнала эти мысли. Что толку вспоминать? Она была так сердечна и нетерпелива, а он так холоден и отстранен! Когда он приходил к ней через точные промежутки времени для ритуала, который мог — или не мог? — оплодотворить ее, он делал это с таким видом, с таким отвращением, что она скоро стала желать, чтобы он забыл прийти. Но он был человеком долга и никогда не забывал. Затем потянулись несчастные годы, потом она обнаружила его мертвым, с разбитым черепом, а себя — под подозрением. Илайдж Бейли спас ее тогда, и она уехала с Солярии на Аврору. Теперь она вернулась и чувствует запах Солярии. Все остальное было незнакомым. Дом вдалеке нисколько

не походил на тот, который она хоть слабо, но помнила. За два столетия он был модифицирован, разрушен и вновь отстроен. Даже в самом грунте она не чувствовала ничего знакомого. Она отступила назад, как бы желая коснуться поселенческого корабля, привезшего ее сюда, в этот мир, который пахнул домом, но не был им в других отношениях, коснуться чего-то, что было сравнительно знакомым.

Дэниел, стоявший поблизости в тени корабля, спросил:

— Вы видите роботов, мадам Глэдия?

Они стояли группой среди деревьев сада в сотне ярдов, стояли торжественно, неподвижно, сияя на солнце сероватым, прекрасно отполированным металлом. Глэдия узнала солярианское производство.

— Да, вижу, Дэниел.

— В них есть что-нибудь знакомое?

— Абсолютно ничего. Похоже, они новой модели. Я не помню их, и уверена, что они не помнят меня. Диджи будет разочарован в своих надеждах.

— Они, кажется, ничего не собираются делать, мадам, — сказал Жискар.

— Это понятно. Мы чужие, и они пришли на-

блюдать за нами и сообщить о нас согласно приказу. Сейчас им некому сообщить, так что они просто наблюдают. Без дальнейших приказов они ничего не сделают, но следить не перестанут.

— Не лучше ли, мадам, вернуться на корабль? — сказал Дэниел. — Я уверен, что капитан наблюдает за конструкцией защиты, и еще не готов выйти. Я думаю, он не одобрит ваш выход без его разрешения.

Глэдия ответила высокомерно:

— Я не намерена по его прихоти откладывать свой выход на поверхность собственного мира.

— Я понимаю, но члены команды поблизости, и, я думаю, кое-кто заметил Ваше присутствие здесь.

— И приближаются, — сказал Жискар. — если вы хотите избежать инфекции…

— Я приготовила носовые фильтры и перчатки.

Глэдия не понимала природы структур, возводимых на плоском грунте вокруг корабля. Большая часть команды, занятая конструкцией, не видела Глэдию и ее двух спутников, стоявших в тени — в этой части Солярии в летний сезон было более жарко, чем на Авроре. Но пять человек из команды приближались, и один, самый высокий

и крепкий, указал на Глэдию. Четверо остановились, но по знаку первого снова двинулись вперед и встали прямо перед аврорской тройкой. Глэдия молча смотрела на них, презрительно подняв брови. Жискар тихо сказал Дэниелу:

— Я не знаю, где капитан. Он где-то среди членов экипажа, но я не могу различить его.

— Мы уходим? — громко спросил Дэниел.

— Это будет недостойно, — сказала Глэдия, — это *моя* планета.

Она осталась на месте, а пятеро членов команды подошли ближе. Глэдия с презрением подумала, что они работали на тяжелой работе и вспотели. Глэдия чувствовала запах пота. Это должно было заставить ее уйти, но она все-таки осталась. Носовые фильтры, наверное, уменьшат этот запах. Высокий член экипажа подошел ближе. У него была бронзовая кожа и крепкие мускулистые руки, блестевшие от пота. Ему было, наверное, лет тридцать, насколько Глэдия могла судить о возрасте этих короткоживущих, и, если бы его вымыть и прилично одеть, он, наверное, выглядел бы вполне презентабельно.

— Вы и есть та космонитская леди, которую мы привезли на своем корабле? — спросил он.

Он говорил медленно, явно стараясь придать

своему галактическому аристократический оттенок. Это ему, конечно, не удавалось. Он говорил, как поселенец, даже грубее, чем Диджи. Глэдия сказала, устанавливая свои территориальные права:

— Я с Солярии, поселенец.

Она замолчала, растерянная. Она только что так много думала о Солярии, что два столетия как бы пропали, и она вдруг заговорила с резким солярианским акцентом — с грубым раскатистым „р“ и с „и“, более похожим на „си“. Она повторила тише, менее надменный тором и с акцентом аврорского университета — стандарт для галактического, которого придерживались все внешние Миры:

— Я с Солярии, поселенец.

Поселенец засмеялся и повернулся к товарищам:

— Говорит она тара-бара, но старается. Все правильно, парни.

Парни тоже засмеялись. Один крикнул:

— Поговори с ней еще, Нисс. Может, и мы научимся чирикать по-космонитски.

Нисс, все еще улыбаясь, сказал им:

— Ладно, заткнитесь все!

Глэдия не рискнула заговорить снова.

— Я парень вежливый, дамочка. Я говорю поджентльменски, вроде космонита. Я знаю, вы достаточно старая, чтобы быть моей пра-пра-прабабкой. Сколько вам лет, дамочка?

— Четыреста! — крикнул один за спиной Нисса. — Но она не выглядит на них.

— Она не выглядит и на сто, — сказал другой.

— Она вполне подходит, чтобы позабавиться, — сказал третий. — И я думаю, она давно не развлекалась. Спроси ее, Нисс, может она не против? Спроси вежливее, не можем ли мы сделать оборот.

Глэдия вспыхнула от гнева. Дэниел сказал:

— Шкипер первого класса Нисс, ваши товарищи оскорбляют мадам Глэдию. Не уйти ли вам?

Нисс оглядел, Дэниела, которого до сих пор игнорировал.

Улыбка исчезла с его лица:

— Послушай, ты! К этой маленькой леди вход воспрещен. Так сказал капитан. Мы не будем беспокоить ее. Это просто безвредный треп. Эта штука с вами — робот, мы с ним не связываемся, и он не может повредить нам. Мы знаем Законы Роботехники. Мы прикажем ему отойти от нас, вот и все. А ты — космонит, и капитан ничего не приказывал насчет тебя. Так что стой, где стоишь,

и не ввязывайся, иначе мы наставим синяков на твою красивую шкуру, и иди потом, жалуйся.

Дэниел не ответил, Нисс кивнул:

— Вот и хорошо. Люблю, когда у типа хватает ума не начинать того, чего он не может кончить.

Он повернулся к Глэдии.

— Ну, космическая дамочка, мы оставим вас одну, потому что капитан велел не надоедать вам. А если кто-то сделал грубое замечание, это вполне естественно. Потрясем друг другу руки и расстанемся друзьями. Космонит, поселенец — какая разница!?

Он протянул руку, и Глэдия сжалась от ужаса. Рука Дэниела мгновенно протянулась и схватила Нисса за запястье.

— Шкипер первого класса Нисс, — спокойно сказал он, — не пытайтесь коснуться леди.

Нисс посмотрел на свою руку, на пальцы, крепко сжимавшие ее, и сказал тихо и угрожающе:

— Считаю до трех — отойди!

Дэниел выпустил руку и сказал:

— Должен сказать, что я не хотел повредить вам, но я должен защищать леди, и если она не хочет, чтобы к ней прикасались, мне придется причинить вам боль. Будьте уверены, я постараюсь свести ее к минимуму.

Один из членов команды закричал:

— Всыпь ему, Нисс! Дай этому болтуну!

— Послушай, космонит, — сказал Нисс, — Я уже два раза говорил, чтобы ты держался подальше, а ты еще хватаешь меня. В третий раз говорю: шевельнись, скажи хоть слово, и я тебя разделаю. Дамочка пожмет нам руки, только и всего. По-дружески. А потом мы уйдем. Ясно?

Глэдия сказала дрожащим голосом:

— Я не хочу, чтобы он меня касался. Сделай, что надо.

— Сэр, — сказал Дэниел, — извините, но леди не хочет, чтобы вы ее трогали. Я прошу вас всех уйти.

Нисс улыбнулся. Его длинная рука размахнулась, чтобы оттолкнуть Дэниела, но левая рука робота мелькнула в воздухе и снова схватила запястье Нисса:

— Пожалуйста, уходите, сэр.

Зубы Нисса оскалились, но это уже не было улыбкой. Он яростно дернул руку вверх. Рука Дэниела чуть поднялась и остановилась. Лицо его не показывало никакого напряжения. Затем его рука опустилась, увлекая за собой руку Нисса. Быстрым поворотом Дэниел завел руку поселенца за его широкую спину и держал там. Нисс

неожиданно оказавшийся спиной к Дэниелу, занес вторую руку над головой, нащупывая шею Дэниела, но и второе запястье было схвачено и оттянуто вниз, и Нисс хрюкнул от явного унижения. Четверо его товарищей, жадно следивших, стояли теперь неподвижно, разинув рты. Нисс, глядя на них, проворчал:

— Помогите мне!

— Они не помогут вам, сэр, — сказал Дэниел, — потому что в этом случае капитан накажет их сильнее. Теперь я прошу вас обещать мне, что вы больше не будете беспокоить мадам Глэдию и все спокойно уйдете. Иначе, шкипер первого класса, я, к своему крайнему сожалению, вынужден буду вывернуть ваши руки из сочленений.

Сказав это, он крепче сжал оба запястья, и Нисс издал приглушенный стон.

— Простите меня, сэр, — сказал Дэниел, — но у меня строгий приказ. Вы обещаете?

Нисс с неожиданной яростью лягнул ногой, но, прежде чем его тяжелый сапог мог ударить, Дэниел отклонился и нарушил равновесие Нисса. Нисс тяжело упал лицом вниз.

— Вы обещаете, сэр? — снова спросил Дэниел.

Он слегка потянул оба запястья Нисса, так что руки последнего слегка поднялись над спиной.

Нисс взвыл и почти неразборчиво сказал:

— Обещаю, отпусти меня.

Дэниел тут же отпустил ею и отошел назад. Нисс медленно и болезненно перекатился на спину, осторожно поднял руки и с гримасой пошевелил кистями. Затем его правая рука потянулась к кобуре и неуклюже ухватилась за оружие. Нога Дэниела наступила на руку Нисса и пригвоздила ее к земле.

— Не делайте этого, сэр, иначе я вынужден буду сломать вам одну или несколько мелких костей в вашей руке.

Он наклонился и извлек бластер Нисса из кобуры.

— А теперь вставайте.

— Ну, мистер Нисс, — прозвучал голос, — делайте, что вам говорят, и вставайте.

Рядом с ним стоял Д. Ж. Бейли. Борода его щетинилась, лицо слегка покраснело, но голос был опасно спокоен.

— Вы, четверо, — сказал он, — отдайте мне свое оружие, один за другим. Давайте, пошевеливайтесь. Раз, два, три, четыре. Теперь, вставайте здесь по стойке смирно.

Затем он обратился к Дэниелу:

— Сэр, сдайте мне оружие, которое вы держите.

Пять. Мистер Нисс, смирно!

Он сложил оружие рядом с собой. Нисс вытянулся. Глаза его налились кровью, лицо исказилось от боли.

— Не скажет ли кто-нибудь, что здесь произошло? — спросил Диджи.

— Капитан, — быстро сказал Дэниел, — у меня с мистером Ниссом произошла шуточная ссора. Вреда не нанесено.

— Однако, мистер Нисс выглядит несколько поврежденным?

— Это временно, капитан, — ответил Дэниел.

— Понятно. Ну, мы вернемся к этому позже.

Он повернулся к Глэдии:

— Мадам, я не помню, чтобы давал вам разрешение на выход из корабля. Вы немедленно вернетесь со своими компаньонами в каюту. Здесь не Аврора, и я здесь капитан. Ясно?

Дэниел положил руку на локоть Глэдии. Она вздернула подбородок, но вернулась и пошла по трапу на корабль. Дэниел шел рядом с ней, Жискар — сзади. *ДЖ.* повернулся к команде:

— ВЫ, — сказал он все так же спокойно, — пойдете со мной, и мы доберемся до сути этого… или до вас.

Он жестом приказал офицеру подобрать ору-

жие и унести.

Д.Ж. хмуро глядел на пятерых. Он был в своей каюте, единственной части корабля, которая имела достаточный размер и зачатки роскоши. Он сказал, указывая на каждого по очереди:

— Сделаем так: *ты* расскажешь точно слово за словом, жест за жестом, что случилось. *Ты* скажешь, что он упустил или сказал неверно. Затем *ты* то же самое, и *ты,* а потом я примусь за тебя, Нисс. Я предполагаю, что вы все отбились от рук, и все сделали что-то необычайно глупое и заработали, особенно Нисс, унижение. Если из вашего рассказа будет ясно, что вы не сделали ничего неправильного и не заслужили унижения, то я буду знать, что вы врете, особенно когда космонитская женщина расскажет мне все, а я склонен верить каждому ее слову. Ложь будет хуже того, что вы сделали. Ну! — рявкнул он. — Начинай!

Первый член команды, запинаясь, поведал всю историю. Второй кое-что добавил, что-то расширил, то же сделал третий, потом четвертый. Д.Ж. слушал с каменным лицом, затем велел Берто Ниссу отойти в сторону и сказал остальным четверым:

— А пока космонит тыкал Нисса мордой в пыль, вы что делали? Смотрели? Боялись двинуться?

Четверо одного испугались?

Один нарушил тяжелое молчание:

— Это произошло так быстро, капитан. Мы только собрались вмешаться, а все уже кончилось.

— А что вы собирались сделать, если бы все-таки вмешались.

— Ну, оттащили бы чужака-космонита от нашего парня.

— Думаешь, удалось бы?

На этот раз никто не издал ни звука.

ДЖ. наклонился к ним:

— Ситуация такая: не ваше дело задираться с иноземцами, так что вы похудеете на недельное жалование каждый. И вот еще что: если кто из вас скажет о случившемся кому-нибудь на корабле или вне его, сейчас или потом, по пьянке или сгоряча — вас всех понизят до учеников шкипера. Проболтается один — понизят всех четверых. Так что приглядывайте друг за другом. Теперь займитесь своим делом. И если станете возникать во время этого путешествия, пикнете не по уставу — окажетесь в карцере.

Четверо вышли, угрюмые, пристыженные, поджав губы. Нисс остался. По его лицу расплывался синяк, руки чувствовали себя неловко. Д.Ж. смотрел на него с угрожающим спокойствием, а Нисс

водил глазами то вправо, то влево, то в пол, то в потолок, но только не смотрел в лицо капитану. Лишь когда глаза Нисса случайно встретились с глазами капитана, тот сказал:

— Ну и красавчиком ты стал, как связался с этим неженкой-космонитом вполовину меньше тебя! В следующий раз прячься, когда увидишь кого-нибудь из космонитов.

— Слушаю, капитан, — униженно пробормотал Нисс.

— Ты слышал или нет мои инструкции? Перед отлетом с Авроры вам было сказано, чтобы космонитов и леди не трогали, не докучали им, не лезли к ним с разговорами.

— Капитан, я просто хотел вежливо пообщаться. Нам интересно было посмотреть на нее поближе. Мы не хотели ничего плохого.

— Ничего плохого? Ты спросил, сколько ей лет. Это входит в твои обязанности?

— Я просто полюбопытствовал, хотел знать.

— Один из вас делал непристойные намеки.

— Это не я, капитан.

— Кто-то другой? А ты извинился за это?

— Перед космонитами? — с ужасом спросил Нисс.

— Конечно. Вы действовали против моих при-

казов.

— Я не хотел вреда, — упрямо повторил Нисс.

— И мужчине не хотел вредить?

— Он сам поднял на меня руку, капитан.

— Знаю. А почему?

— Потому что он приказал мне уйти.

— И ты не стерпел этого?

— А вы бы стерпели, капитан?

— Ладно. Ты не стерпел. Ты упал прямо мордой. Как это случилось?

— Право, не знаю, капитан. Он очень проворен, а захват у него прямо железный.

— Так и должно быть. На что ты надеешься, идиот? Он и есть железный.

— Как это, капитан?

— Ты, видно, не знаешь историю Илайджа Бейли?

Нисс смущенно потер ухо.

— Я знаю, что он какой-то ваш предок, капитан.

— Это-то знают все по моей фамилии. Ты никогда не видел фильмы о его жизни?

— Я не охотник до исторических фильмов, капитан.

Он пожал плечами, но тут же сморщился и решил больше этого не делать.

— Ты когда-нибудь слышал о Р. Дэниеле Оливо?

— Он был другом Илайджа Бейли.

— Ну, да. Значит, ты кое-что знаешь. Ты знаешь, что такое „Р“ в этом имени?

— Это значит „робот“. Правильно? У него был друг-робот. В те времена на Земле были роботы.

— Они и сейчас есть. Но Дэниел не просто робот. Он был космонитским роботом и видом походил на космонита. Подумай об этом, Нисс, и сообрази, кто тот космонит, который задал тебе трепку.

Глаза Нисса округлились, лицо побагровело.

— Бы хотите сказать, что космонит — ро…

— Это Р. Дэниел Оливо.

— Капитан, но ведь прошло двести лет!

— Да. И космонитская женщина была личным другом моего предка Илайджа. Она прожила, если хочешь знать, двести тридцать пять лет, а думаешь, робот не мог? Ты пытался драться с роботом, дурачина.

— Почему же вы об этом не сказали? — воскликнул Нисс в благородном негодовании.

— А зачем? Ты спрашивал? Слушай, Нисс. Ты слышал, что я сказал другим насчет того, чтобы придержали языки? Это относится и к тебе, только в большей степени. Они всего лишь члены

экипажа, а тебя я хочу сделать главой команды. Хотел! Чтобы управлять командой, нужно иметь мозги, а не только мускулы. Теперь это стало для тебя труднее, потому что тебе придется доказывать наличие мозгов вопреки моему твердому убеждению, что у тебя их нет.

— Капитан, я…

— Молчи и слушай. Если эта история выйдет наружу, то четверо станут учениками, но ты станешь никем. Ты никогда больше не ступишь на корабль, ни на один. Это я тебе обещаю. Ни в экипаже, ни пассажиром. Подумай, что ты будешь делать на Бейлимире, что сможешь заработать. Это в том случае, если ты будешь болтать об этом или встанешь на дороге космонитской женщины, даже просто будешь глазеть на нее и ее двух роботов. И присматривай, чтобы никто из команды не смел ее оскорблять. Ты отвечаешь за это. И лишаешься двухнедельного жалования.

— Капитан, — жалобно сказал Нисс, — другие…

— На других я меньше всего полагался, Нисс, поэтому и наказал их меньше. Проваливай!

ДЖ бесцельно играл фотокубиком, который всегда стоял на столе. Когда кубик поворачивался, он темнел. Поставленный на любую грань, он светлел, и в нем появлялось трехмерное

изображение улыбающейся женщины. Команда поговаривала, что на каждой стороне кубика появлялись разные женщины. Так оно и было. Джемин Озер следил за появлением изображений без всякого интереса. Теперь, когда корабль был в безопасности — по крайней мере, против предполагаемых вариантов атаки — было время подумать о следующих шагах. Однако, ДЖ подходил к делу кружным путем, а может, и вовсе не подходил. Он сказал:

— Конечно, это вина женщины.

Озер пожал плечами и погладил бороду, как бы уверяя себя, что он, во всяком случае, не женщина. В противоположность ДЖ, на верхней губе Озера красовалось роскошное покрытие.

— По-видимому, — продолжал ДЖ, — прибытие на родную планету прогнало у нее всякую мысль об осторожности. Она вы шла из корабля, хотя я и просил ее не делать этого.

— Вы должны были *приказать* ей не выходить.

— Не знаю, помогло ли бы это. Она аристократка, и привыкла сама приказывать своим роботам. Кроме того, я хочу сотрудничать с ней, не ссориться. И еще… Она была другом предка.

— И до сих пор жива, — сказал Озер.

Он покачал головой.

— Прямо мороз по коже. Какая старая.

— Да, но выглядит совсем молодой и привлекательной, и нос кверху. Не ушла, когда ребята подошли к ней, не пожелала пожать им руки. Ну ладно, это дело прошлое.

— Капитан, а правильно ли было сказать Ниссу, что он дрался с роботом?

— Правильно, Озер. Если бы он думал, что его побил и унизил перед товарищами женственный космонит меньше и легче его, он навеки стал бы для нас бесполезным. Это сломало бы его. И нам не нужны слухи, что космониты — супермены. Поэтому я так строго приказал помалкивать об этом случае. Нисс будет крепко следить за ребятами, и если это дело не распространится, никто не узнает, что космонит — работ. Но я полагаю, что в этой истории есть одна хорошая сторона.

— Какая, капитан?

— Она заставила меня подумать о роботах. Много ли мы знаем о них? Что, например, знаешь ты?

— Капитан, я о них не думал.

— Никто не думает. Во всяком случае, поселенцы, Мы знаем что космониты имеют роботов, зависят от них, никуда без них не ходят, ничего без них не могут сделать, паразитируют на них,

и мы уверены, что они чахнут из-за роботов. Мы знаем, что на Земле раньше были роботы, навязанные нам космонитами, и что они постепенно исчезают с лица Земли. В земных городах их вовсе нет, только в сельской местности. Мы знаем, что Поселенческие Миры не имеют и не хотят иметь роботов ни в городе, ни в сельской местности. Таким образом, поселенцы никогда не видели их на своих планетах и вряд ли на Земле… Что мы еще знаем?

— Есть Три Закона Роботехники.

— Правильно. Главный — Первый Закон: „Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред“. Так вот, не полагайтесь на него. Он означает не совсем то. Мы считаем, что из-за Первого Закона роботы нам не опасны. Такая самоуверенность — это хорошо, но не в том случае, если это *мнимая* уверенность. Робот Дэниел повредил Ниссу, и ничуть не огорчен этим, несмотря на Первый Закон.

— Он защищал…

— Вот именно. А что, если ты должен сравнивать вред? Что, если стоит вопрос: повредить ли Ниссу или позволить нанести вред твоей космонитской хозяйке? Естественно, ты предпочтешь

первое.

— Это имеет смысл.

— Ясное дело, имеет. А сейчас мы на планете роботов. Их тут сотни две миллионов. Что им приказано? Как они балансируют конфликт между тем или иным вредом? Можем ли мы быть уверены, что никто из них не тронет нас? Ведь что-то на этой планете уничтожило два корабля.

Озер сказал неохотно:

— Ну, этот робот Дэниел — необычный робот. Он больше похож на человека, чем мы. Может, на нем не стоит обобщать? Другой робот, как его там?..

— Жискар. Легко запомнить. Меня зовут Дэниел Жискар.

— Я и мысленно называю вас капитаном, капитан, во всяком случае, этот Р. Жискар стоял там и ничего не делал. Он выглядит как робот и действует так же. Мы встретили здесь кучу роботов, но они нам ничего не сделали. Они только наблюдали.

— А если здесь есть какие-то специальные роботы, *которые* могут повредить нам?

— Я думаю, мы готовы к этому.

— *Сейчас* — да. Вот почему инцидент с Дэниелом и Ниссом — хорошая вещь. Мы думали,

что на нас могут напасть только соляриане, еще оставшиеся здесь, а нам опасны именно роботы, специально сконструированные. Если леди Глэдия сумеет мобилизовать своих бывших роботов — это же было ее поместье — и заставить их защищать ее и нас, тогда мы нейтрализуем все, что за нами.

— А она сможет?

— Посмотрим, — сказал Д.Ж.

— Спасибо тебе, Дэниел, — сказала Глэдия, — Ты хорошо поступил.

Лицо ее как бы съежилось и побледнело, губы стали бескровными.

— Лучше бы я не приезжала, — тихо добавила она.

— Бесполезно жалеть, мадам Глэдия, — сказал Жискар. — Друг Дэниел и я останемся за дверью, чтобы никто больше не потревожил вас.

Коридор был пуст. Дэниел и Жискар разговаривали на звуковой волне выше человеческого порога слышимости и в своей краткой конденсированной манере.

— Мадам Глэдия приняла неразумное решение, отказавшись уйти, — сказал Жискар. — Это ясно.

— Я думаю, друг Жискар, что не было возможности заставить ее изменить решение.

— Оно было слишком твердым и принято было слишком быстро. То же самое справедливо в отношении поселенца Нисса. Его любопытство в отношении мадам Глэдии и враждебность и злоба к тебе были слишком сильны, чтобы их можно было устранить без серьезного повреждения мозга. Остальными четверыми я мог управлять. Их нетрудно было удержать от вмешательства. Твоя способность справиться с Ниссом ошеломила их, и я лишь слегка усилил это состояние.

— Очень удачно, друг Жискар. Если бы эти четверо присоединились к мистеру Ниссу, я встал бы перед трудным вопросом: вынудить мадам Глэдию к унизительному отступлению, или всерьез покалечить одного-двух поселенцев, отгоняя их. Я думаю, что пришлось бы выбрать последнее, и это причинило бы мне большой дискомфорт.

— А сейчас тебе хорошо?

— Вполне. Урон мистеру Ниссу был минимальным.

— Физически — да, друг Дэниел. Однако, он испытал такое великое унижение, и это для него хуже физического повреждения. Поскольку я осознавал это, я не мог бы сделать дело так легко, как ты. И еще… — Да?

— Меня тревожит будущее. На Авроре за все

десятилетия моего существования я работал медленно, выжидая удобный случай, чтобы мягко коснуться мозга, не нанося ущерба, усиливая то, что уже было, ослабляя то, что и так шло на убыль, подталкивая и направляя уже существующий импульс. Теперь же мы вступили в пору кризиса, когда эмоции поднимаются высоко, решения приходят быстро, и события бегут мимо. Если я хочу сделать что-то хорошее вообще и должен действовать быстро. Три Закона запрещают мне это. Требуется время, чтобы взвесить тонкости сравнения физического и умственного вреда. Будь я один с мадам Глэдией во время приближения поселенцев, я бы не знал, какого курса держаться, чтобы не нанести серьезного вреда мадам Глэдии, одному или нескольким поселенцам и себе.

— Что же теперь делать, друг Жискар?

— Поскольку Три Закона изменить нельзя, мы снова приходим к заключению, что ничего не можем сделать, кроме как ждать краха.

Утро на Солярии, утро в поместье — все поместье. Вдалеке виднелся дом, который вполне мог быть ее домом. Двух столетий как не бывало, и Аврора казалась ей далекой несбывшейся мечтой.

Она повернулась к ДЖ, с туго затянутого пояса

которого свисали два предмета — на левом бедре нейронный хлыст, а на правом — что-то более короткое и круглое, видимо, бластер.

— Мы пойдем к дому? — спросила она.

— Возможно, — рассеянно ответил он.

Он осматривал поочередно свое оружие, поднося его к уху, как бы прислушиваясь: жужжит — значит, живое.

— Вчетвером.

Она машинально оглянулась на Дэниела.

— А где Жискар, Дэниел?

— Он подумал, мадам Глэдия, — ответил Дэниел, — что разумнее будет действовать в качестве разведчика. Как робот он не привлечет к себе внимания других роботов, и если что не так, он предупредит нас. В любом случае ему легче выйти в расход, чем вам или капитану.

— Хорошее мышление робота, — заметил ДЖ — Так оно и есть. Ну, пошли дальше.

— Только втроем? — жалобно спросила Глэдия. — Честно говоря, у меня нет покорности робота Жискара выходить в расход.

— Мы все уязвимы, леди Глэдия. Количество тут не имеет значения. Были же убиты экипажи двух кораблей.

— Вы меня не ободряете, Диджи.

— Ну, давайте, попробую. Те корабли не были подготовлены, а наш готов, и я тоже.

Он хлопнул руками по бедрам.

— С вами робот, который уже показал себя вашим эффективным защитником, больше того, вы сами — наше лучшее оружие. Вы умеет приказывать роботам делать то, что вы хотите, и это может оказаться решающим. Кроме вас, никто этого не может, а те корабли не имели никакого нашего снаряжения. Ну, пошли!

Они пошли. Через некоторое время Глэдия сказала:

— Мы идем не к дому.

— Туда пока не надо. Сначала подойдем к группе роботов. Вы их видите, я надеюсь.

— Да, вижу, но они ничего не делают.

— Верно. Но их было больше при нашей посадке. Большая часть ушла, а эти остались. Зачем?

— Если мы их спросим, они ответят.

— Если Вы их спросите, леди Глэдия.

— Они ответят как мне, так и вам, мы оба равно люди.

Д.Ж. резко остановился и с улыбкой повернулся к Глэдии.

— Роемо люди, дорогая леди? Космонит и поселенец? Что это с вами?

— Мы оба равно люди для роботов, — резко ответила Глэдия. — И бросьте эти шуточки. Я не играла в космонита и землянина с вашим предком.

Улыбка ДЖ исчезла.

— Вы правы. Простите меня, леди. Я постараюсь контролировать свой сарказм, потому что на этой планете мы союзники.

Чуть позже он сказал:

— Теперь, мадам, я хочу, чтобы вы обнаружили, какие приказы были даны роботам, если были даны? Нет ли здесь знакомых вам роботов? Есть ли люди в поместье или на планете? И вообще, поговорите с ними. Они не должны быть опасными, они роботы, а вы человек. Они не могут повредить вам.

Затем он добавил, вспомнив:

— Правда, ваш Дэниел довольно грубо обошелся с Ниссом, но там были особые обстоятельства, а здесь их нет. И Дэниел может пойти с вами.

Дэниел почтительно ответил:

— Я в любом случае должен сопровождать леди Глэдию, капитан. Это мой долг.

— И Жискара тоже, я думаю, — сказал Д.Ж. — Однако, он где-то шляется.

— Не зря, капитан. Он говорил со мной, и мы

согласились, что это важный метод защиты леди Глэдии.

— Ну и прекрасно. Идите. Я буду прикрывать вас.

Он снял оружие с правого бедра.

— Если я крикну „Ложись!“, вы оба тут же падайте. Эта штука не выбирает.

— Только пожалуйста, пользуйтесь ею лишь в самом крайнем случае, Диджи, — сказала Глэдия. — Вряд ли это понадобится против роботов. Пошли, Дэниел!

Она быстро и твердо пошла вперед, к группе примерно из десятка роботов, стоявших перед линией низких кустов. Утреннее солнце отражалось бликами на их телах.

Роботы не отступили и не двинулись вперед. Они спокойно стояли на месте. Глэдия подсчитала: одиннадцать на виду. Возможно, есть и другие, скрытые. Все они были солярианского производства, очень гладкие, прекрасно отполированные. Никакой иллюзии одежды и малого реализма. Они выглядели почти математической абстракцией человеческого тела, но среди них не было и двух одинаковых. Она чувствовала, что в них нет ни гибкости, ни сложности аврорского робота. У них был простой мозг, предназначен-

ный для определенной задачи.

Они остановились метрах в четырех от строя роботов, Дэниел — чуть позади, в метре от нее, но достаточно далеко, чтобы было ясно, что главная — она. Роботы, стоявшие перед нею, наверняка сочли Дэниела человеком, но она знала, что Дэниел слишком уж сознавал себя роботом, чтобы полагаться на ошибочное представление других роботов.

— Кто из вас будет говорить со мной? — спросила Глэдия.

Последовал короткий период молчания, как бы беззвучное совещание. Затем один робот вышел вперед:

— Мадам, я буду говорить.

— У тебя есть имя?

— Нет, мадам, только серийный номер.

— Давно ты функционируешь?

— Двадцать девять лет, мадам?

— Есть в группе такие, кто функционирует дольше?

— Нет, мадам, поэтому говорю я, а не другие.

— Сколько роботов в этом поместье?

— Точной цифры я не знаю, мадам.

— Примерно.

— Тысяч десять, мадам.

— Среди них есть функционирующие более двух столетий?

— Среди сельскохозяйственных роботов есть несколько таких, мадам.

— А среди домашних?

— Нет, мадам. Хозяева предпочитают новые модели.

Глэдия кивнула и повернулась к Дэниелу.

— Это имеет смысл. Так было и в мое время.

Она снова повернулась к роботу:

— Кому принадлежит это имение?

— Это имение Заберлова, мадам.

— Давно оно принадлежит семье Заберлова?

— Дольше, чем я функционирую, мадам. Я не знаю, насколько дольше, но информацию можно получить.

— Кому оно принадлежало до Заберлова?

— Не знаю, мадам, но информацию можно получить.

— Ты когда-нибудь слышал о семье Дельмар?

— Нет, мадам.

Глэдия повернулась к Дэниелу и печально сказала:

— Я пыталась вести робота, как сделал бы это Илайдж, но, похоже, не умею делать правильно.

— Наоборот, леди Глэдия, — серьезно ска-

зал Дэниел. — Мне кажется, что в имении нет роботов, знавших вас, кроме нескольких сельскохозяйственных. Вы знали кого-нибудь из рабочих роботов в свое время?

— Нет.

Глэдия покачала головой.

— Я никогда не видела их даже издали.

— Тогда ясно, что вас здесь не узнают.

— Точно. Бедняга Диджи напрасно гонял нас. Если он на что-то надеялся, то ничего не вышло.

— Знать правду всегда полезно, мадам, Нет ли других пунктов, о которых вы могли бы получить информацию?

— Да, минутку…

Она задумалась, а затем тихо сказала:

— Странное дело, с этим роботом я говорила с солярианским акцентом, а с тобой так не говорю.

— Ничего удивительного, леди Глэдия. Роботы говорят с таким же акцентом, потому что они солярианские. Это вернуло вас в дни вашей юности, и вы машинально заговорили, как в те времена. Но вы сразу же стали собой, когда повернулись ко мне, потому что я часть вашего теперешнего мира.

Глэдия медленно улыбнулась:

— Твои рассуждения все больше напоминают человеческие, Дэниел.

Она снова повернулась к роботам и ощутила покой окружения. Небо было почти безоблачным, шумели листья под легким ветром, жужжали насекомые, где-то крикнула птица, но не было никаких человеческих звуков. Вокруг, возможно, было много роботов, но они работали молча. Не было того изобилия человеческих голосов, к которому она привыкла — сначала с трудом — на Авроре. Но теперь, вернувшись на Солярию, она нашла удивительное спокойствие. „Не так уж плохо на Солярии“, — подумала она.

— Где ваши хозяева? — спросила она робота с некоторым нажимом в голосе.

— Они ушли, мадам, — спокойно ответил робот.

— Куда?

— Не знаю, мадам. Они мне не сказали.

— А другие знают?

Общее молчание.

— Кто-нибудь в имении знает?

— Я не знаю никого, кто знает, мадам.

— Хозяева взяли с собой роботов?

— Да, мадам.

— А почему вы остались?

— Делать работу, мадам.

— Но вы стоите и ничего не делаете.

— Мы охраняем имение от прибывших, мадам.

— Вроде меня?

— Да, мадам.

— Но вы здесь ничего не делаете. Почему?

— Мы наблюдаем, мадам. У нас нет иных приказов.

— Вы сообщаете о ваших наблюдениях?

— Да, мадам.

— Кому?

— Надзирателю, мадам.

— Где надзиратель?

— В доме, мадам.

— Ага.

Глэдия повернулась и быстро пошла обратно к Д. Ж. Дэниел пошел за ней.

— Ну? — спросил Д.Ж.

Он держал оружие наготове, но спрятал его в кобуру, когда она вернулась.

— Ничего. Ни один робот меня не знает, и ни один, я уверена, не знает, куда ушли соляриане. Но роботы рапортуют надзирателю.

— Какому надзирателю?

— На Авроре и на других Внешних Мирах в больших имениях с множеством роботов бывает

надзиратель, человек, чьи обязанности — организовывать и направлять группы рабочих в поля, в рудники и на промышленные предприятия.

— Значит, здесь остались соляриане?

— Солярия — исключение. Соотношение роботов и людей всегда было так высоко, что не было принято выделять мужчину или женщину надзирать за роботами. Эту работу выполнял специально запрограммированный робот.

— Значит, в доме есть робот, более передовой, чем этот, и его можно с пользой допросить.

— Возможно, но я не уверена, что попытка войти в дом безопасна.

— Это же только робот! — ядовито заметил Д.Ж.

— Дом может быть минирован.

— Это поле тоже может быть минированным.

— Лучше бы, — сказала Глэдия, — послать одного из роботов в дом сказать надзирателю, что люди желают говорить с ним.

— Не требуется, — сказал Д.Ж. — Это, по-видимому, уже сделано. Надзиратель появился, и это не робот и не „он“. Я вижу женщину.

Глэдия ошеломленно обернулась. К ним шла высокая, хорошо сложенная и очень привлекательная женщина. Даже на расстоянии нельзя

было сомневаться насчет ее пола.

Д.Ж. широко улыбнулся. Он весь как бы подтянулся, выпрямился и отвел плечи назад. Одна рука гладила бороду, словно удостоверяясь, что она гладкая и мягкая. Глэдия неодобрительно посмотрела на него и сказала:

— Это не солярианка.

— Откуда вы знаете?

— Ни одна солярианка не позволит себе так свободно показываться другим людям в действительности, а не по видео.

— Я знаю разницу, мадам. Но вы же позволили мне видеть вас.

— Я два столетия прожила на Авроре. И то я осталась достаточно солярианкой, чтобы не появиться перед людьми в таком виде.

— Ей есть что показать, мадам. Я бы сказал, что она выше меня и прекрасна как вечерняя заря.

Надзирательница остановилась метрах в двадцати от них, и роботы разошлись в стороны, чтобы никто не стоял между женщиной и тройкой с корабля.

— За два столетия обычаи могли измениться.

— Нет ничего основательнее, чем неприязнь соляриан к контактам с людьми, — резко сказала Глэдия. — Это не могло измениться за какие-то

два столетия.

Она снова вернулась к солярианскому выговору.

— А я думаю, вы недооцениваете социальную пластичность. Но солярианка она или нет, она космонитка, и, если здесь есть другие такие же, я готов к мирному сосуществованию.

Взгляд Глэдии стал еще более неприязненным:

— Ну, вы намерены глазеть на этот образец еще час-два? Или вы хотите, чтобы я допросила женщину?

ДЖ вздрогнул и посмотрел на Глэдию с явным раздражением:

— Вы допрашиваете роботов, и вы это сделали, а я допрашиваю людей.

— Особенно женщин, я думаю.

— Не хвастаюсь, но…

— Как все мужчины.

Вмешался Дэниел:

— *Я* не думаю, что женщина захочет долго ждать. Если вы хотите перехватить инициативу, капитан, то идите к женщине. *Я* пойду следом.

— Вряд ли мне понадобится защита, — бесцеремонно сказал Д.Ж.

— Вы — человек, и я не могу через бездействие допустить, чтобы Вам был причинен вред.

Д. Ж. быстро зашагал вперед. Дэниел за ним. Глэдия, не желая оставаться в одиночестве, осторожно пошла тоже. Надзирательница спокойно ждала. На ней было гладкое белое платье, едва доходившее, до середины бедер, сильно декольтированное. Сквозь тонкую ткань явно виднелись соски. Не было никаких признаков, что на ней надето что-то еще, кроме туфель. ДЖ остановился в метре от нее. Он видел ее гладкую кожу, высокие скулы, широко расставленные глаза с чуть скошенным разрезом, невозмутимое выражение лица.

— Мадам, — начал он, — я имею удовольствие разговаривать с надзирательницей этого поместья?

Он старался говорить, как аврорские патриции. Женщина выслушала и сказала с таким сильным солярианским акцентом, что он казался почти комичным для такого красивого рта:

— Ты не человек.

Она перешла к действиям так быстро, что Глэдия, находившаяся метрах в десяти, не видела деталей случившегося. Она увидела только смутное движение, а затем ДЖ, неподвижно лежащего на спине, и женщину, державшую в обеих руках его оружие.

В этот головокружительный момент Глэдию больше всего поразило, что Дэниел не двинулся с предупреждением или возмездием, но ее мысль опоздала: Дэниел уже схватил левое запястье женщины и вывернул, сказав грубым и властным тоном, какого Глэдия никогда у него не слышала:

— Брось немедленно оружие!

Просто непостижимо, как он мог так обращаться с человеком.

Женщина сказала так же грубо, но в более высоком регистре:

— Ты не человек.

Она подняла правую руку с оружием и выстрелила. Слабый свет мелькнул над телом Дэниела, и Глэдия, не способная издать ни звука в своем состоянии шока, ощутила туман в глазах. Но Дэниел не расплавился и взрыва не было. Глэдия поняла, что он предусмотрительно схватил ту руку женщины, в которой был бластер. В другой руке был нейронный хлыст, и он был полностью разряжен в Дэниела с близкого расстояния. Будь Дэниел человеком, массированное воздействие на сенсорные окончания убило бы его. Но эквивалент нервной системы робота не реагировал на хлыст. Он схватил ее другую руку и снова сказал:

— Брось оружие, а то я вырву тебе руку!

— Ты? — спросила женщина.

Руки ее сократились, и через секунду Дэниел поднялся над землей. Ноги его, качавшиеся как маятник, с силой ударили женщину, и оба тяжело упали на землю. Глэдия, не переводя мысли в слова, мгновенно поняла, что женщина, хоть и похожая на человека, как и Дэниел, не человек. Чувство оскорбления залило Глэдию, которая по сути оставалась солярианкой: как смеет робот применять силу к человеку! Пусть женщина-робот каким-нибудь путем узнала, что такое Дэниел, но как она посмела ударить ДЖ? Глэдия с воплем бросилась вперед. Ей и в голову не приходило бояться робота только потому, что он сбил с ног сильного мужчину и даже более сильного робота.

— Как ты смеешь? — завопила она с таким грубым солярианским акцентом, что он резанул даже ее собственные уши. Но как еще говорить с солярианским роботом?

— Как ты смеешь, *девка*? Немедленно прекрати сопротивление!

Мускулы женщины, казалось, расслабились полностью и одновременно их словно ударило электрическим током. Ее прекрасные глаза посмотрели на Глэдию без человеческого выра-

жения. Женщина неуверенно сказала:

— Простите, мадам.

Дэниел был уже на ногах и бдительно смотрел на лежавшую в траве женщину. ДЖ, подавляя стоны, пытался встать. Дэниел наклонился за оружием, но Глэдия яростным жестом отогнала его.

— Дай мне оружие, девка!

— Слушаюсь, мадам, — ответила женщина.

Она быстро подняла оружие и протянула Глэдии. Та схватила его, быстро выбрала бластер и протянула Дэниелу.

— Уничтожь ее, Дэниел, если понадобится. Это приказ!

Нейронный хлыст она отдала Д.Ж.

— Тут он опасен только вам и мне. С вами все в порядке?

— Нет, не все, — пробормотал Д.Ж.

Он потирал бедро:

— Вы хотите сказать, что она робот?

— А разве *женщина* могла бы так ударить вас?

— Таких я еще не встречал. Я же говорил, что здесь должны быть специальные роботы, запрограммированные стать опасными.

— Говорили, — небрежно сказала Глэдия, — но как только увидели свой идеал красивой женщины, сразу же все позабыли.

— Логично рассуждать задним числом.

Глэдия фыркнула и снова повернулась к роботу:

— Как твое имя, девка?

— Я зовусь Мандари, мадам.

— Встань, Мандари.

Мандари вскочила, как на пружинах. Ее столкновение с Дэниелом, казалось, не причинило ей никакого вреда.

— Почему, вопреки Первому Закону, ты напала на этих людей?

— Мадам, — твердо сказала Мандари, — они не люди.

— Может, ты скажешь, что и я не человек?

— Нет, мадам, вы человек.

— Тогда я как человек заявляю: эти двое — люди. Ты слышишь?

— Мадам, сказала Мандари чуть тише, — здесь нет людей.

— Но они люди, я же говорю. Тебе запрещено нападать на них или вредить им каким бы то ни было образом.

Мандари насупилась.

— Ты понимаешь, что я сказала?

Голос Глэдии стал еще более солярианским.

— Мадам, — сказала Мандари, — здесь нет

людей.

Дэниел тихо сказал Глэдии.

— Мадам, она получила настолько жесткие приказы, что вам нелегко опровергнуть их.

— Посмотрим, — сказала Глэдия.

Мандари оглянулась. Группа роботов за это время подошла ближе к Глэдии и ее спутникам. На заднем плане шли два робота, которых, по мнению Глэдии, не было в первоначальной группе. Они несли какой-то длинный, массивный и, видимо, очень тяжелый прибор. Мандари махнула им, и они пошли несколько быстрее.

— Роботы, стоп! — крикнула Глэдия.

Они остановились. Мандари сказала:

— Мадам, я выполняю свои обязанности. Я следую инструкциям.

— Твои обязанности, девка, повиноваться моим приказам!

— Мне нельзя приказать неповиновение инструкции.

— Дэниел, сожги ее! — крикнула Глэдия.

Только потом Глэдия поняла, что произошло. Реакция Дэниела была быстрее человеческой, и он знал, что перед ним робот, на которого Три Закона не распространялись. Однако Мандари выглядела настолько человеком, что он не мог

сразу преодолеть запрет и последовать приказу. Поэтому он действовал медленнее, чем должен был. Мандари, чье определение „человека“ явно не соответствовало определению Дэниела, напала быстрее. Она схватила его руку, державшую бластер, и они снова начали борьбу.

Д.Ж. повернул свой нейронный хлыст рукояткой вперед, подбежал к Мандари и ударил ее по голове, но это не произвело на робота никакого эффекта, а сам ДЖ от пинка Мандари отлетел назад.

— Робот, стоп! — закричала Глэдия.

Мандари закричала зычным контральто:

— Все ко мне! Двое, похожие на мужчин, не люди! Уничтожьте их, но ни в коем случае не повредите женщине!

Если Дэниела могла смутить внешность робота, то смущение простых солярианских роботов проявилось с еще большей интенсивностью, и они двинулись вперед медленно и неуверенно.

— Стоп! — взвизгнула Глэдия.

Роботы остановились, но на Мандари этот приказ не подействовал.

Дэниел крепко держал бластер, но отклонился назад под напором явно превосходившей силы Мандари. Глэдия растерянно оглянулась, как бы

в поисках какого-нибудь оружия. Д.Ж. сделал попытку включить рацию и проворчал:

— Не работает. Я, видимо, разбил ее.

— Что нам делать?

— Бежать назад к кораблю. Быстрее!

— Тогда бегите, а я не могу бросить Дэниела.

Она встала перед дравшимися роботами.

— Мандари, стоп!

— Я не могу остановиться, мадам. У меня точные инструкции.

Пальцы Дэниела разжались, и бластер снова оказался у Мандари. Глэдия заслонила собой Дэниела.

— Ты не можешь повредить человеку!

— Мадам, — сказала Мандари. — Вы заслоняете того, кто похож на человека, но не человек.

Она твердо направила бластер на Глэдию.

— Мне приказано убивать таких.

— Затем она громко крикнула:

— Носильщики, к кораблю!

— Роботы, стоп! — заорала Глэдия.

Движение замерло. Роботы дрожали на месте, как бы пытаясь идти вперед, но не в силах двинуться.

— Ты не можешь уничтожить моего друга-человека Дэниела, не уничтожив меня, а ты сама

признала, что я человек, и, следовательно, мне нельзя навредить.

— Миледи, вы не должны подвергать себя опасности, защищая меня, — тихо сказал Дэниел.

— Это бесполезно, мадам, — сказала Мандари. — Я легко могу отодвинуть вас, а затем уничтожить нечеловека, стоящего за вами. Поскольку это может повредить вам, я почтительно прошу вас отойти в сторону добровольно.

— Отойдите, мадам, — настаивал Дэниел.

— Нет, Дэниел, я останусь. А пока она будет отодвигать меня, ты беги.

— Я не могу бежать быстрее заряда бластера, и, если я попытаюсь бежать, она скорее выстрелит сквозь вас, нежели откажется от выстрела. Видимо, ей даны очень строгие инструкции. Мне жаль, миледи, что это принесет вам горе.

Дэниел поднял сопротивляющуюся Глэдию и слегка оттолкнул в сторону. Палец Мандари лег на кнопку бластера, но не нажал. Мандари стояла неподвижно. Глэдия, севшая от толчка Дэниела, вскочила на ноги. Д.Ж, оставшийся на месте, осторожно подошел к Мандари. Дэниел спокойно протянул руку и взял бластер из ее не сопротивляющихся пальцев.

— Я думаю, — сказал он, — что этот робот окон-

чательно дезактивирован.

Он слегка толкнул Мандари, и она упала в той же позе, в которой стояла: руки согнуты, одна рука держала невидимый Бластер, палец надавливал на невидимую кнопку.

Из-за деревьев показался Жискар. Его блестящее лицо не выражало никакого любопытства, когда он спросил:

— Что случилось в мое отсутствие?

Идти обратно было не очень приятно. После неистовства страха и действия Глэдия чувствовала жару и усталость. Д.Ж. болезненно хромал, и шли медленно, во-первых, из-за этой хромоты, а во-вторых, потому что два солярианских робота несли свой массивный прибор и еле тащились под его тяжестью. Д. Ж. оглянулся на них:

— Теперь они слушаются меня, когда надзирательница вышла из строя.

— Почему вы не побежали за помощью? — спросила Глэдия сквозь зубы. — Зачем вы остались без толку наблюдать.

— Ну, — сказал Д.Ж., — Вы отказались оставить Дэниела, и мне вроде бы стыдно было праздновать труса.

Он старался говорить легкомысленно, что без труда удалось бы ему, если бы он чувствовал себя

лучше.

— Дурак! Мне ничего не грозило. Она не могла повредить мне.

— Мадам, — сказал Дэниел, — мне очень неприятно противоречить вам, но, я думаю, она повредила бы вам, потому что потребность уничтожить меня стала сильнее.

Глэдия с жаром повернулась к нему:

— А ты отколол ловкую штучку, столкнув меня с дороги. Ты что, хотел, чтобы тебя уничтожили?

— Это лучше, чем видеть вас покалеченной, мадам. Заторможенный человеческой внешностью этого робота, я не сумел остановить его, и это продемонстрировало неудовлетворительные границы моей полезности вам.

— Все равно, она какое-то время не решалась стрелять в меня, поскольку я человек, и ты мог бы за это время забрать у нее бластер.

— Я не мог рисковать вашей жизнью, мадам, в такой неопределенной вещи, как ее нерешительность.

Глэдия, как бы не слыша Дэниела, вновь обратилась к ДЖ:

— А вы не должны были брать с собой бластер.

ДЖ, нахмурился:

— Мадам, я делал скидку на то, что мы все бы-

ли весьма близки к смерти. Роботы об этом не думали, а я в какой-то мере привык к опасности. Однако для вас это была неприятная новость, и вы ведете себя по-детски. Я прощаю вам это. Но, пожалуйста, выслушайте, Я никак не мог предполагать, что бластер у меня так быстро отнимут. Если бы я не взял с собой оружие, надзирательница убила бы меня голыми руками так же быстро и эффективно, как бластером. И бежать мне не имело смысла — выстрел догнал бы меня. Я и не намерен больше спорить с вами.

Глэдия перевела взгляд с ДЖ на Дэниела и обратно, тихо сказав:

— Полагаю, что я вела себя неразумно. Прекрасно, больше мы не будем к этому возвращаться.

Они дошли до корабля. Команда высыпала им навстречу. Глэдия заметила, что все были вооружены.

ДЖ подозвал второго помощника:

— Озер, видите предмет, который несут два робота?

— Да, сэр.

— Так вот, пусть они отнесут его на борт. Положите его в безопасный отсек и заприте. Когда это будет сделано, будем готовиться к отлету.

— Капитан, а роботов тоже оставим?

— Нет, они слишком просты по конструкции, чтобы быть ценными, а в данных обстоятельствах захват их может иметь нежелательные последствия. Прибор, который они несут, куда ценнее их.

Жискар смотрел, как предмет медленно и очень осторожно вносили в корабль.

— Капитан, я предполагаю, что это очень опасный предмет.

— У меня тоже такое ощущение, — сказал Д.Ж. — Я думаю, что корабль был бы разрушен очень быстро.

— Этой штукой? — спросила Глэдия. — Что это такое?

— Точно не скажу, но думаю, что это ядерный усилитель. *Я* видел экспериментальную модель на Бейлимире, и этот похож на нее, как старший брат.

— Что такое ядерный усилитель?

— Само название говорит, леди Глэдия, что это прибор, усиливающий ядерный распад.

— Как?

— Я не физик, миледи. Включается поток частиц, и они усиливают взаимодействие. Вот и все, что я об этом знаю.

— А если этот аппарат сам собой включится

в отсеке?

— Я не думаю, что он может включиться.

Д.Ж. разжал кулак и показал двухсантиметровый кубик из полированного металла.

— Хотя я и мало знаю о таких вещах, но я понял, что это активатор. Без него ядерный усилитель не работает.

— Вы уверены?

— Не вполне, но придется рискнуть, потому что я должен привезти эту штуку на Бейлимир. Ну, пошли на борт.

Глэдия и ее роботы поднялись по трапу на корабль. ДЖ шел следом, коротко переговариваясь с кем-то из офицеров. Затем он сказал Глэдии:

— Размещение этого прибора и подготовка к полету займут два часа, а каждая минута увеличивает опасность.

— Какую опасность?

— Вы думаете, красавица-робот была единственной на Солярии? И усилитель, который мы взяли, тоже единственный? Я полагаю, что нужно некоторое время, чтобы другой гуманоидный робот и другой прибор появились здесь, в этой точке планеты, и мы должны постараться дать им как можно меньше времени. А пока, мадам, пойдем в вашу каюту и проведем необходимую

работу.

— Какую, капитан?

— Ну, — сказал ДЖ, — учитывая факт, что я чуть не пал жертвой обмана, я проведу военно-полевой суд.

Он подтолкнул их вперед.

Со стоном усевшись, Д.Ж. сказал:

— Мне бы сейчас горячий душ, хорошую еду и возможность поспать, но все это будет только после взлета. Вам тоже придется этого ждать, мадам, но кое-что ждать не может, например, мои вопросы. Где вы были, Жискар, когда мы находились в такой серьезной опасности?

— Капитан, — сказал Жискар, — я не думал, что если на планете остались одни роботы, они могут представлять какую-то опасность. Кроме того, с вами остался Дэниел.

— Капитан, — сказал Дэниел, — я согласился, чтобы Жискар произвел разведку, а я бы остался с мадам Глэдией и с вами.

— Вы договорились вдвоем и ни с кем не советовались?

— Да, капитан, — ответил Жискар.

— Если вы были уверены, что роботы безвредны, как же случилось, что два корабля погибли?

— Мне казалось, капитан, что на планете

должны оставаться люди, но они делают все возможное, чтобы не попасться на глаза. Я хотел знать, где они и что делают. Я искал их, допрашивал встречных роботов:

— И не нашли?

— Нет, капитан.

— Вы осматривали дом, откуда появилась надзирательница?

— Нет, капитан, но я был уверен, что людей там нет. Я и сейчас уверен.

— Но там была надзирательница.

— Да, капитан, но она робот.

— Опасный робот.

— К моему сожалению, я не знал этого, капитан.

— А вы можете чувствовать сожаление?

— Я выбрал это выражение для описания эффекта в моих позитронных проводниках. Это грубая аналогия того, что, похоже, испытывают люди, капитан.

— Как же вы не поняли, что робот может быть опасным?

— Три Закона Роботехники…

Глэдия прервала его:

— Прекратите, капитан. Жискар знает только то, на что он запрограммирован. Ни один робот

не опасен для человека, если только между людьми нет смертельной ссоры, и если робот должен пытаться остановить ее. Дэниел и Жискар, без сомнения, защищали бы нас с минимальным, по возможности, вредом для других.

— Так ли? Дэниел действительно защищал нас. На него напал робот, а не человек, так что не было проблемы, кого защищать. Однако, он показал поразительно малый успех, хотя Три Закона не препятствовали ему нанести повреждения роботу. Жискара же вообще не было, он появился как раз в тот момент, когда все было кончено. Нет ли тут симпатии между роботами? Не может ли быть, что роботы, защищая людей от роботов, испытывали, как сказал Жискар, сожаление? Может быть, неудача или отсутствие их…

— Нет! — взорвалась Глэдия.

— Нет? Я не знал, что вы знаток роботехники, леди Глэдия.

— Я не роботехник, но я всю жизнь прожила с роботами. Ваши предположения смехотворны. Дэниел был готов отдать жизнь за меня, и Жискар сделал бы то же.

— И так сделал бы любой робот?

— Конечно.

— Однако, эта Мандари вполне была готова

убить меня. Допустим, она каким-то образом определила, что Дэниел такой же робот, как и она, и у нее не было запрета вредить ему. Но я-то, бесспорно, человек. Почему же она напала на меня? Насчет вас она колебалась, но признала, что вы человек. Как робот мог провести такую дискриминацию между вами и мной? Может, она все-таки не робот?

— Робот, — сказала Глэдия. — Но я, по правде сказать, не знаю, почему она так действовала. Я никогда не слышала о таком. Я могу только предположить, что соляриане, научившись конструировать человекоподобных роботов, создали их без защиты Трех Законов, но я бы поклялась, что из всех космонитов соляриане менее всего были бы склонны сделать это. У солярианогромное количество роботов, они полностью зависят от роботов — куда больше, чем другие космониты — и поэтому больше боятся их. В солярианских роботов встроены покорность и даже туповатость. Три Закона на Солярии действуют сильнее, чем где бы то ни было. И у меня нет другого объяснения.

— Извините меня, мадам Глэдия, — сказал Дэниел, — за вмешательство, но не позволите ли мне постараться объяснить поведение робота?

Поведение надзирательницы?

— Так и должно быть, — ядовито заметил ДЖ — Только робот может объяснить поведение робота.

— Сэр, — сказал Дэниел, — пока мы не поняли надзирательницу, мы не можем принять необходимые меры против солярианской опасности в дальнейшем. Я уверен, что есть способ понять ее поведение.

— Валяйте, — сказал Д.Ж.

— Надзирательница, — начал Дэниел, — не сразу приняла меры против нас. Она стояла и ждала, видимо, не зная, как действовать. Когда вы, капитан, подошли к ней и заговорили, она объявила, что вы не человек, и тут же напала на вас. Когда я вмешался, она объявила, что и я не человек, и тоже сразу же напала на меня. Когда же мадам Глэдия вышла вперед и закричала на нее, надзирательница признала в ней человека и позволила командовать собой.

— Да, я помню, Дэниел, Но почему так?

— Мне кажется, капитан, что можно фундаментально изменить поведение робота, не трогая Трех Законов, если изменить определение „человека“. В конце концов, человек — это то существо, которое принято считать человеком.

— Вот как? А как *вы* определяете человека?

Дэниела не смущало присутствие или отсутствие сарказма. Он продолжал:

— Я сконструирован с детальным описанием внешности и поведения человека, капитан. Все, что подходит под это Описание, для меня человек. Таким образом, у вас внешность и поведение человека, а у надзирательницы только внешность, но поведение. У надзирательницы же ключ к определению человека — речь, капитан. Солярианский акцент весьма своеобразен, и и всех существ, похожих на человека, надзирательница считаем человеком лишь того, кто говорит по-соляриански. По-видимому, всякий, кто выглядит человеком, но не говорит по-соляриански, должен уничтожаться без колебаний, равно как и корабль, привезший такое существо.

— Наверное, вы правы, — задумчиво сказал Д.Ж.

— У вас, капитан, поселенческий акцент. Он сильно отличается от солярианского. Как только вы заговорили, вы показали себя перед надзирательницей нечеловеком. Она объявила об этом и напала на вас.

— А вы говорили с аврорским акцентом, и все же она вас атаковала.

— Да, капитан. Но леди Глэдия говорила с подлинным солярианским произношением и была признана человеком.

Д.Ж. помолчал, обдумывая услышанное, и сказал:

— Это опасное устройство даже для тех, кто должен был пользоваться им. Если солярианин почему-то обратится к такому роботу так, что робот не усмотрит подлинного акцента, этот солярианин немедленно будет убит. На месте солярианина я не пошел бы к такому роботу. При всех моих стараниях говорить на чистом солярианском, я мог бы сбиться и тут же был бы убит.

— Согласен, капитан, — сказал Дэниел. — Я думаю, именно поэтому те, кто производит роботов, обычно не ограничивают определение человека, а, наоборот, расширяют насколько возможно. Но соляриане оставили планету. Тот факт, что надзирательница над роботами имеет такую опасную программу, лучшее доказательство, что соляриане действительно ушли и не встретятся здесь с опасностью. Соляриане в данный момент имеют касательство лишь к тому, чтобы ни один несолярианин не ступил на планету.

— Даже другие космониты?

— Я полагаю, капитан, что было бы трудно

определить человеческое существо, чтобы включить десятки различных космонитских оттенков и исключить множество поселенческих. Определение только по одному солярианскому и то достаточно труд но.

— Вы очень умны, Дэниел, — сказал Д.Ж. — Я не одобряю роботов — конечно, не их самих, а их влияние на общество — однако, иметь робота вроде вас рядом с собой, как вы когда то были с предком…

— Боюсь, что не выйдет, Диджи, — вмешалась Глэдия. — Дэниел никогда не будет ни продан, ни подарен, а силой его взять нелегко.

Д. Ж. с улыбкой поднял руки:

— Я просто помечтал, леди Глэдия. Уверяю вас, законы Бейлимира сделали бы для меня немыслимым обладание роботом.

Жискар неожиданно сказал:

— Не позволите ли мне добавить несколько слов?

— А, робот, который ухитрился избежать действия и вернулся, когда все было кончено!

— Мне жаль, что все выглядело так, как вы утверждаете. Может быть, вы разрешите мне добавить?

— Ладно, давайте.

— Похоже, капитан, что ваше решение взять с собой в эту экспедицию леди Глэдию хорошо сработало. Не будь ее, вы все были бы быстро убиты, а корабль уничтожен. Только способность леди Глэдии говорить по-соляриански и ее мужество при встрече с надзирательницей изменили результат.

— Это не совсем так, — возразил ДЖ — Мы все были бы убиты, возможно, даже, леди Глэдия, если бы не случайность, что надзирательница дезактивировалась.

— Это не случайность, капитан, — сказал Жискар, — и так не бывает, чтобы робот сам собой вдруг дезактивировался. Была причина. Как мне рассказывал друг Дэниел, леди Глэдия приказала надзирательнице прекратить действия, но у той были очень сильные инструкции. Однако действия леди Глэдии смазали решимость надзирательницы. Тот факт, что леди Глэдия, даже по определению надзирательницы, бесспорно, была человеком и действовала так, что могла вынудить надзирательницу повредить ей, а то и убить ее, еще больше смазало решение робота. Таким образом, в критический момент два противоположных требования — уничтожить нелюдей и удержаться от нанесения вреда человеку урав-

новесились, и робот застыл, неспособный ни к каким действиям вообще. Его контуры сгорели.

Глэдия рассеянно нахмурилась.

— Но… — начала она.

— Я подумал, — продолжал Жискар, — что вы вполне могли бы информировать команду об этом. Их недоверие к леди Глэдии уменьшится, если вы подчеркнете, что члены экипажа остались, живы лишь благодаря ее инициативе и храбрости. Это даст им великолепное мнение о вашей прозорливости, когда вы взяли ее на борт, возможно, даже вопреки советам ваших офицеров.

ДЖ громко захохотал:

— Леди Глэдия, теперь я понимаю, почему вы никогда не расстаетесь с этими роботами. Они не только умны, как люди, но еще и дьявольски хитры. Поздравляю вас с таким имуществом. Теперь, если не возражаете, я пойду потороплю команду. Я не хочу оставаться на Солярии дольше, чем это необходимо, и обещаю вам не беспокоить вас несколько часов. Я знаю, что вы нуждаетесь в отдыхе не меньше меня.

Когда он ушел, Глэдия на некоторое время погрузилась в задумчивость, затем повернулась к Жискару и сказала на обычном аврорском диа-

лекте Галактического Стандартного, который был распространен на Авроре, и который не авроpцы понимали с трудом:

— Жискар, что за вздор насчет сгоревших контуров?

— Миледи, я высказал это только как предположение, и только. Я считаю, что это подчеркнет вашу роль в приведении надзирательницы к концу.

— Но как ты мог думать, что он поверит, будто робот так легко может выйти из строя?

— Он мало что знает о роботах, мадам. Он может торговать ими, но в его мире они не используются.

— Но я-то знаю о них очень много, как и ты. Кстати, у надзирательницы не было никаких признаков уравновешивания целей: ни заикания, ни дрожи, ни затрудненного поведения. Она просто остановилась.

— Мадам, поскольку мы не знаем точной специфики конструкции надзирательницы, мы можем удовольствоваться этим рациональным объяснением.

Глэдия покачала головой:

— Все равно это очень странно.

Корабль Д.Ж. снова был в космосе, вечном неиз-

менном вакууме. Он взлетел не слишком скоро, по мнению Глэдии, которая плохо переносила напряженность ожидания возможного появления другой надзирательницы с другим усилителем. Тот факт, что смерть в этом случае была бы быстрой, как-то ее не удовлетворял.

Только после взлета, после появления мягкого жужжания протонных струй, она смогла подготовиться ко сну. Засыпая, она подумала, что это очень стран но, то, что в космосе она чувствует себя в большей безопасности, чем в мире ее юности, что она во второй раз оставляет Солярию с большим облегчением, чем в первый. Нет, Солярия больше не была миром ее юности, она стала планетой без человечества, охраняемой искаженными пародиями на людей — гуманоидными роботами, представлявшими собой насмешку над ласковым Дэниелом и рассудительным Жискаром. Затем она уснула, и Дэниел, и Жискар, стоявшие на страже, снова могли поговорить друге другом.

— Друг Жискар, я почти уверен, что это ты уничтожил надзирательницу.

— Выбора не было, друг Дэниел. Чистая случайность, что я появился вовремя, потому что все мои чувства были заняты поисками людей, а я

никого не нашел. Я бы не уловил значения событий, если бы не ярость и отчаяние леди Глэдии. Я почувствовал это на расстоянии и прибежал как раз кстати. В этом смысле леди Глэдия спасла положение, во всяком случае, в том, что касалось существования капитана и твоего. Я мог бы еще спасти корабль, даже если бы пришел слишком поздно, чтобы уберечь вас.

Он помолчал.

— Но я нашел бы это крайне неудовлетворительным, друг Дэниел.

Дэниел сказал серьезным и официальным тоном:

— Я благодарю тебя, друг Жискар, и я рад, что тебя не смутила человеческая внешность надзирательницы. Это замедлило мои реакции, так же, как моя внешность замедлила ее действия.

— Друг Дэниел, ее физический облик для меня ничего не значил, потому что я понял рисунок ее мышления. Он был так ограничен и так резко отличался от человеческого, что мне не пришлось делать никакого усилия для определения ее в положительном смысле. Отрицательное определение как нечеловека было таким ясным, что я сразу отреагировал. В сущности, я не сознавал своих действий, пока не произвел их.

— Я так и подумал, друг Жискар, но хотел подтверждения. Значит, ты не чувствовал дискомфорта, убивая ту, которая по виду была человеком?

— Нет, поскольку это был робот.

— Мне кажется, что я тоже мог бы убить ее, но страдал бы от закупорки позитронных цепей, хотя и понимал бы, что она робот.

— Гуманоидную внешность, друг Дэниел, нельзя откинуть, если приходится судить только по ней. Зрение гораздо более проворно, чем дедукция, а я видел ее внутреннюю структуру, и сосредоточился на этом, поэтому мог проигнорировать ее физическую структуру.

— А как, по-твоему, чувствовала бы себя надзирательница, уничтожив нас, если исходить из ее мысленной структуры?

— Она получила исключительно сильные инструкции, и в ее контурах не было сомнения, что ты и капитан — не люди.

— Но ведь она могла убить также мадам Глэдию.

— В этом мы не можем быть уверены, друг Дэниел.

— А если бы она это сделала, могла бы она пережить это, как ты думаешь?

Жискар долго молчал.

— У меня не было времени изучить рисунок мышления, — наконец сказал он. — Не могу сказать, каковы были бы ее реакции, если бы она убила мадам Глэдию.

— Если я представляю себя на месте надзирательницы, мне кажется, я мог бы убить человека ради спасения другого, которого по каким-либо причинам необходимо спасти, но сделать это бы — ло бы трудно, это нанесло бы мне ущерб.

Голос Дэниела дрогнул.

— Но убить человека, чтобы уничтожить тех, кого я считаю нелюдьми, совершенно немыслимо.

— Она просто угрожала. Она не шла дальше угроз.

— А могла бы?

— Откуда нам знать! Мы же не знаем природы ее инструктажа.

— Но разве могли инструкции так полно отрицать Первый Закон?

— Я вижу, что целью этого разговора был именно этот вопрос. Я советую тебе не идти дальше, — сказал Жискар.

Дэниел упрямо продолжал:

— Я поставлю его условно. Это не факт, это мож-

но считать фантазией. Если бы инструкции были ограничены определениями и условиями, если бы инструкции были сделаны достаточно детально и в достаточно сильной манере, возможно ли было бы убить человека ради цели менее важной, чем спасение жизни другого человека?

— Не знаю, — ответил Жискар шепотом, — но подозреваю, что это было бы возможно.

— Но если твое подозрение справедливо, это означает, что при особых условиях можно нейтрализовать Первый Закон. Значит, и другие Законы могут быть изменены и почти сведены на нет. Следовательно, Законы, даже Первый, не абсолютны, а являются лишь теми, какими они должны быть, по мнению дизайнеров роботов.

— Хватит, друг Дэниел, не продолжай.

— Еще один шаг, друг Жискар. Партнер Илайдж обязательно сделал бы этот добавочный шаг.

— Он был человеком. Он мог.

— Я должен попытаться. Если Законы робототехники, даже Первый, не абсолютны, и *если* люди могут модифицировать их, не окажется ли возможным, что и мы в правильных условиях можем лю…

Он замолчал.

— Не надо, — слабо сказал Жискар.

— Не буду, — сказал Дэниел изменившимся голосом.

Они надолго замолчали. Их позитронные пути с трудом преодолевали наступивший беспорядок. Наконец, Дэниел сказал:

— Встают другие соображения. Надзирательница была опасна не только из-за полученных ею инструкций, но и из-за своей внешности, и это могло сбить и обмануть любого человека, как я обманул, не думая этого, шкипера первого класса Нисса. Он явно не знал тогда, что я робот.

— И что из этого следует?

— На Авроре в роботехническом институте было сконструировано множество человекоподобных роботов под руководством доктора Амадейро и по чертежам доктора Фастольфа.

— Это общеизвестно.

— Что произошло с этими роботами?

— Проект провалился.

— Это общеизвестно, — в свою очередь сказал Дэниел, — но это не ответ. Что случилось с этими гуманоидными роботами?

— Можно предположить, что их уничтожили.

— Такое предположение не обязательно правильно. Были ли они на самом деле уничтожены?

— Это было бы самое разумное. Что еще делать при провале?

— Откуда мы знаем, что роботы не удались, кроме того, что они исчезли из виду?

— Разве это не достаточно, если их убрали с глаз и уничтожили?

— Я не сказал „уничтожили“, друг Жискар. Этого мы как раз и не знаем. Мы знаем только, что их не видно.

— Зачем же их просто убирать, если они не годны?

— А если они *годны*, то нет ли причины убирать их с глаз долой?

— Думаю, что нет.

— Подумай еще, друг Жискар. Вспомни, что мы говорили о гуманоидных роботах, которые, как мы теперь думаем, могут быть опасны именно по своей гуманоид ной природе. В начале нашего разговора нам показалось, что на Авроре готовится план крепко и надежно разгромить поселенцев. Мы решили, что этот план сконцентрирован на планете Земля. Я прав?

— Да, друг Дэниел.

— Тогда, не может ли быть, что фокус и центр этого плана — доктор Амадейро? Его неприязнь к Земле не уменьшилась за эти два столетия. Если

доктор Амадейро сконструировал множество гуманоидных роботов, куда их послали, когда они исчезли из виду? Не забудь, что если солярианские роботехники исказили Три Закона, то и аврорцы могли сделать то же самое.

— Ты хочешь сказать, что человекоподобные роботы были посланы на Землю?

— Именно. Обмануть землян их человеческой внешностью и дать возможность доктору Амадейро нанести удар по Земле.

— У тебя нет доказательств.

— Однако это возможно. Подумай сам.

— Если это так, мы должны ехать на Землю и каким-нибудь образом предупредить несчастье.

— Именно так.

— Но мы не можем ехать, пока не поедет леди Глэдия, а это вряд ли случится.

— Если ты сможешь повлиять на капитана, чтобы он повел этот корабль к Земле, у мадам Глэдии не будет выбора, кроме как ехать тоже.

— Я не могу, не повредив ему, — сказал Жискар. — Он твердо решил ехать домой, в Бейлимир. Мы должны устроить, если удастся, его путешествие на Землю после того, как он выполнит свои планы на Бейлимире.

— Но тогда может быть уже поздно.

— Ничем не могу помочь. Я не могу повредить человеку.

— Если будет поздно… Подумай, друг Жискар, что это может означать.

— Я не могу думать о том, что это означает. Я знаю лишь, что не могу вредить человеку.

— Значит Первого Закона недостаточно, и мы должны…

Он не мог продолжать, и оба робота впали в беспомощное состояние.

Бейлимир становился все заметнее по мере приближения корабля. Глэдия напряженно следила за ним на экране в своей каюте. Она протестовала против этого путешествия, когда впервые услышала о нем от Д.Ж., но тот только пожал плечами и слегка улыбнулся.

— Что вы хотите, миледи? Я же должен притащить оружие вашего народа своему народу.

Он слегка подчеркнул слово „вашего“.

— А также я должен сделать рапорт.

Глэдия холодно сказала:

— Совет Авроры дал вам разрешение взять меня на Солярию при условии, что вы привезете меня обратно.

— На самом деле это не совсем так, миледи. Были неофициальные переговоры, но ничего

не было записано, и официального согласия не было.

— Меня, да и любого цивилизованного человека связала бы и неофициальная договоренность, Диджи.

— Не сомневаюсь, но мы, торговцы, живем деньгами и подписями на законных документах. Ни при каких обстоятельствах я не нарушил бы контракт и никогда не отказался бы сделать то, за что получил плату. Глэдия вздернула подбородок:

— Это намек, что я должна заплатить вам за возвращение домой?

— Мадам!

— Бросьте, Диджи. Не тратьте на меня насмешливое негодование. Скажите прямо, что меня будут держать пленницей на вашей планете, и скажите почему. Объясните мне точно мое положение.

— Вы не моя пленница и не будете ею. Я отнесусь с уважением к этой неписаной договоренности. Я *отвезу* вас домой… со временем. Но сейчас я должен ехать на Бейлимир, и вы должны ехать со мной.

— А почему я должна ехать с вами?

— Люди моего мира захотят увидеть вас. Вы

— героиня Солярии, вы спасли нас. Вы не можете лишить их возможности орать до хрипоты для вас. Тем более, что вы были добрым другом Предка.

— Что они знают об этом? — резко спросила Глэдия.

Д.Ж. ухмыльнулся.

— Ничего, что порочило бы вас, уверяю. Вы — легенда, а легенды шире жизни, хотя я допускаю, что легенде легко было стать больше вас, миледи, и много благороднее. В обычных условиях я не хотел бы видеть вас на нашей планете, потому что вы могли бы не оказаться достойной легенды: у вас не хватает роста, красоты и величественности. Но когда история на Солярии станет известной, вы сразу обретете все требуемые качества. Вас могут даже не пожелать отпустить. Не забывайте, что вы будете на Бейлимире, на планете, где к истории предка относятся более серьезно, чем на любой другой, а вы — часть этой истории.

— Это не причина, чтобы держать меня в тюрьме.

— Я обещаю, что этого не будет. Я обещаю отвезти вас домой, когда смогу.

Негодование Глэдии улеглось, хотя она чув-

ствовала, что вправе возмущаться. Ей и в самом деле хотелось увидеть, какой этот Поселенческий Мир» необычный мир Илайджа Бейли. Этот мир основал его сын, а сам Илайдж провел там последние десятилетия, и что-то оставалось там от него — название планеты, его потомки, легенда о нем. Поэтому она смотрела на планету и думала об Илайдже.

Наблюдение мало что давало, и Глэдия была разочарована. Сквозь слой облаков, покрывавших планету, почти ничего не было видно. Через несколько часов они, вероятно, будут на месте. Вспыхнул световой сигнал. Глэдия нажала кнопку задержки, а через несколько секунд — кнопку входа.

Вошел улыбающийся Диджи.

— Я не вовремя, миледи?

— Нет, — ответила Глэдия, — просто надо было надеть перчатки и вставить носовые фильтры. Я думаю, что буду носить их все время, но, во-первых, это утомляет, а во-вторых, я почему-то стала меньше бояться инфекции.

— Фамильярность родит презрение, миледи.

— Давайте не *будем* называть это презрением, — сказала Глэдия.

Неожиданно для себя она улыбнулась.

— Спасибо, — сказал Д.Ж. — мы скоро приземлимся, мадам, и я принес вам плащ, тщательно простерилизованный и вложенный в пластиковый пакет, так что его не касались руки поселенцев. Надевается он просто, и закроет вас всю, кроме глаз и носа.

— Специально для меня, Диджи?

— Нет, миледи. Мы все носим такие плащи на улице в это время года. Сейчас у нас зима, холодно. Мы живем на довольно холодной планете — тяжелый облачный слой, много осадков, часто идет снег.

— Даже в тропических регионах?

— Нет. Там жарко и сухо. Однако, население сосредоточено в более холодных регионах. Моря, где развели земные образцы рыбы, богаты, так что рыба и другая живность плодится в изобилии. Следовательно, у нас нет недостатка в пище, хотя сельскохозяйственная местность ограничена, и мы никогда не станем хлебной корзиной Галактики. Лето короткое, но жаркое, на пляжах много народу, хотя вам это может показаться странным, поскольку нагота у вас — строгое табу.

— Странный климат.

— Дело в распределении воды и суши, в планетной орбите, которая чуть более эксцентрична,

чем другие, и еще кое в чем. Откровенно говоря, я этим не занимался. Это не моя область.

— Вы торговец. Вероятно, вы не часто бываете на своей планете.

— Это верно, но я торговец не потому, что хотел бы сбежать. Мне здесь нравится, но я, наверное, любил бы все это меньше, если бы проводил здесь меньше времени. Я так смотрю: грубые условия Бейлимира служат важной цели. Они поощряют торговлю. Бейлимир поставляет людей, которые бороздят океаны, добывая пищу, и есть некоторой сходство между плаванием по морям и в космосе. Я бы сказал, добрая треть всех торговцев, работающих на космических линиях, — народ Бейли.

— Вы, кажется, в полуманиакальном состоянии, Диджи.

— Я? Я думаю, что сейчас я в хорошем настроении, у меня есть на то причины. И у вас тоже.

— Да?

— Разве это не очевидно? Мы ушли с Солярии живыми. Мы точно знаем, какова солярианская опасность. Мы добыли необычайное оружие, которое заинтересует наших военных. Вы будете героиней Бейлимира. Наше правительство уже знает схему событий и жаждет приветствовать вас. Вы героиня этого корабля. Почти каждый

на борту вызвался принести вам этот плащ. Все хотят подойти к вам и, так сказать, купаться в вашей ауре.

— Полная перемена, — сухо сказала Глэдия.

— Абсолютно полная. Нисс, которого Дэниел наказал…

— Я помню.

— Он хочет просить у вас прощения и привести своих четырех товарищей, чтобы они могли тоже извиниться и стукнуть того, кто делал неприличные намеки. Нисс неплохой парень.

— Я уверена в этом. Скажите ему, что он прощен, а инцидент забыт. Если вы устроите это дело, я пожму руку ему, а может, и некоторым другим, прежде чем мы высадимся. Но только не позволяйте им толпиться вокруг меня.

— Я понимаю, но не смогу гарантировать, что не будет скопления вокруг вас в Бейлитауне — столице Бейли мира. Нельзя остановить разных правительственных чиновников от попыток получить политическую выгоду от встречи с вами.

— «О, дьявол!» — как говорил ваш предок когда-то.

— Не говорите этого, когда мы высадимся, мадам. Это выражение сохранено для него. Считается дурным тоном, если так скажет кто-то

другой. Так вот, будут речи, приветствия и всякие несущественные формальности. Извините, мадам.

— Я могла бы обойтись без этого, но полагаю, прекратить это нельзя?

— Нельзя, миледи.

— Долго это будет продолжаться?

— Пока не устанут. Наверное, несколько дней, но будут различные варианты.

— Долго мы пробудем на планете?

— Пока я не устану. Простите, миледи, но у меня множество дел — ходить по разным местам, встречаться с друзьями…

— Любить женщин.

— Увы, все мужчины морально неустойчивы.

Д.Ж. широко улыбнулся.

— Вы все, что угодно, только не сентиментальны.

— И вы всегда полностью здравомыслящи?

Глэдия улыбнулась.

— Я никогда не утверждал этого. Но, даже оставив это в стороне, я должен учитывать этот скучный факт, что мои офицеры и команда хотят повидаться со своими семьями, друзьями, отоспаться и повеселиться. А если хотите учесть чувство неодушевленных предметов, то корабль

нуждается в ремонте, чистке, полировке, заправке и прочем.

— А много времени потребует все это?

— Кто знает? Может, несколько месяцев.

— А что я буду делать в это время?

— Можете осматривать нашу планету, расширять свои горизонты.

— Но ваша планета — не игровая площадка Галактики.

— Совершенно справедливо, но мы постараемся вас заинтересовать.

Он взглянул на часы.

— Еще одно предупреждение, мадам. Не упоминайте о своем возрасте.

— Зачем бы я стала это делать?

— Это может выйти случайно. Вам могут предложить сказать несколько слов, и вы, к примеру, скажете: «За все два с лишним столетия своей жизни я никогда не бывала так рада видеть народ Бейлимира. Если вам придет в голову сказать что-либо подобное, воздержитесь.

— Воздержусь. В любом случаен не намерена вдаваться в преувеличения. Но просто из любопытства — почему?

— Просто потому, что для них лучше не знать вашего возраста.

— Но ведь они *знают его!* Они знают, что я была другом вашего предка, и знают, когда он жил. Может, они предполагают, что я потомок *той* Глэдии?

— Нет, они знают, кто вы, и сколько вам лет, но знают это только умозрительно.

Он постучал по лбу.

— А головы не у всех хорошо работают, как вы сами замечали.

— Да, замечала. Даже на Авроре.

— Это хорошо. Я бы не хотел, чтобы поселенцы отличались в этом смысле. Ну, вот, вы выглядите на…

Он сделал оценивающую паузу.

— На сорок, сорок пять лет, и именно такой они воспримут вас своими потрохами, в которых у среднего поселенца находится мыслящий механизм, *если* вы не всунете туда свой настоящий возраст.

— А какая разница?

— Видите ли, средний поселенец не любит роботов и не желает их иметь. В этом он отличается от космонита, и это его удовлетворяет. Сорок десятилетий значительно больше десяти.

— Немногие из нас доживут до четырех столетий.

— И не многие из нас доживают до ста лет. Мы говорим о выгоде короткой жизни: качество против количества, быстрая эволюция, все время меняющийся мир. Но людям не хочется жить один век, когда они могли бы жить четыре. Так пусть лучше не думают об этом. Они не часто видят космонитов, у них нет случая погоревать, что космонит выглядит молодым и сильным, даже когда он вдвое старше самого старого из живых поселенцев. Они увидят это в *вас*, если будут думать об этом, и это их расстроит.

Глэдия с горечью сказала:

— Понравилось бы вам, если бы меня заставили произносить речь и сказать, что означают четыре столетия? Если бы я сказала, на сколько лет человек переживет весну и надежду, друзей и близких? Если бы я сказала, как мало имеют значение дети и семья, о бесконечной смене мужей и незапоминающихся случайных встречах в промежутках между мужьями и при них, о наступлении такого времени, когда уже видел все, что хотел увидеть, и слышал все, что хотел услышать, когда уже невозможно думать о чем-то новом, забыть возбуждения и открытия чего бы то ни было, с каждым годом усиливающаяся скука?

— Люди Бейлимира не поверят этому. И я вряд ли поверю. Так чувствуют все космониты или только вы?

— С уверенностью могу сказать лишь о моих личных ощущениях. Но я наблюдала, как другие с возрастом тускнеют. Они становятся более угрюмыми, их амбиции сужаются и безразличие расширяется.

— А как насчет самоубийств у космонитов? Вы никогда не слышали о них?

— Практически, они равны нулю.

— Но это не соответствует тому, что вы говорили.

— Подумайте. Мы окружены роботами, предназначенными для сохранения нашей жизни. Мы не можем убить себя, когда возле нас всегда бдительные и активные роботы. Я сомневаюсь, чтобы кто-то из нас мог даже помыслить о такой попытке. Сама я не подумаю об этом уже хотя бы потому, что не могу перенести мысли о том, как это отразится на моих домашних роботах, в особенности, на Дэниеле и Жискаре.

— Но вы же знаете, что они, в сущности, не живые, у них нет чувств.

Глэдия покачала головой.

— Вы так говорите, потому что никогда не жи-

ли с ними. Во всяком случае, вы переоцениваете желание долгой жизни у своего народа. *Вы* знаете мой возраст, *вы* видите мою внешность, однако это не беспокоит вас.

— Потому что я убежден, что Внешние Миры выродятся и умрут, что Поселенческие Миры — надежда будущего человечества, что это обеспечит наша короткая жизнь. Выслушав то, что вы только что говорили, и принимая ваши слова за правду, я укрепляюсь в своем убеждении.

— Напрасно вы так уверены. У вас тоже могут возникнуть неразрешимые проблемы, если уже не возникли.

— Это без сомнения, возможно, миледи, но сейчас я должен уйти. Корабль готовится к посадке и мне придется с умным видом смотреть на управляющий этим компьютер, иначе никто не поверит, что я капитан.

Он вышел. Она некоторое время сидела, рассеянно пощипывая пластик, в котором лежал плащ.

На Авроре она пришла к чувству равновесия, и позволила жизни идти спокойно.

Время шло от еды до еды, от одного дня до другого, от сезона к сезону, и спокойствие почти изолировало ее от прилива ожидания, потому что

единственным оставшимся ей приключением была смерть.

И вот она побывала на Солярии, разбудила воспоминания о давно прошедшем детстве и давно прошедшем мире, и спокойствие разлетелось, возможно, навсегда, и теперь она голая, открытая ужасу продолжавшейся жизни. Что может заменить ушедшее спокойствие?

Она перехватила тускло горящий взгляд Жискара, устремленный на нее, и сказала:

— Помоги мне разобраться в этом, Жискар.

Было холодно. Небо было серое от туч, в воздухе мелькали снежинки. На земле кружились пятна снежной пыли, сметаемой холодным ветром, и далеко за посадочной площадкой Глэдия видела сугробы. Там и тут собирались толпы народа, удерживаемые барьерами от слишком близкого приближения к кораблю. Все были в плащах разных фасонов и цветов, казавшихся раздутыми балахонами, которые превратили человечество в толпу бесформенных предметов с глазами. Некоторые были в очках.

Глэдия прижала руку в варежке к лицу. Самой ей было тепло, мерз только нос. Плащ не только укрывал, он сам как бы выделял тепло. Она оглянулась. Дэниел и Жискар были рядом, оба в

плащах. Сначала она протестовала:

— Им не нужны плащи. Они не чувствуют холода.

— Не сомневаюсь, — сказал Д.Ж. — но вы говорили, что никуда без них не пойдете, и мы не можем выставить Дэниела на мороз. Это будет выглядеть противоестественно. Мы не хотим вызвать враждебность, слишком ярко подчеркивая, что с вами роботы.

— Но они же знают, что со мной роботы, а лицо Жискара выдаст его даже в плаще.

— Знать-то они знают, но могут не вспомнить, если их не заставить… Так что давайте не будем заставлять. Д. Ж. подвел их к наземному кару с прозрачными стенками и крышей.

— Народ хочет увидеть вас, пока мы едем, — сказал он.

Он улыбнулся. Глэдия села, Д.Ж. сел рядом.

— Я тоже герой, — сказал он.

— Это для вас ценно?

— О, да. Это означает премию для моего экипажа и возможное повышение для меня. Я не презираю это.

Дэниел и Жискар сели напротив людей.

Перед ними был еще кар, но не прозрачный, и не меньше десятка каров позади.

Раздался гром приветствий, из собравшейся толпы поднялся лес машущих рук.

Д.Ж. поднял руку в ответ и с улыбкой подтолкнул Глэдию сделать то же. Она небрежно помахала. В машине было тепло, нос Глэдии стал отогреваться.

— Как неприятно блестят стекла, — сказала она. — Можно это устранить.

— Можно, но не нужно, — ответил Д.Ж. — Это самое ненавязчивое силовое поле, какое мы можем установить. Та восторженная публика была обыскана, но кто-нибудь может ухитриться скрыть оружие, а мы не хотим, чтобы вам повредили.

— Вы хотите сказать, что кто-нибудь захочет убить меня?

Глаза Дэниела спокойно оглядывали толпу с одной стороны кара, а глаза Жискара — с другой.

— Очень маловероятно, миледи, — ответил Д.Ж. — Но вы космонитка, а поселенцы не любят космонитов. Кто-нибудь может ненавидеть так сильно, что увидит в вас только космонитку. Но опасаться нечего. Даже если кто-то и попытается, хотя это и невероятно, то ничего у него не выйдет.

Линия каров очень мягко двинулась.

Глэдия даже привстала от удивления: в передней части кара не было никакой отдельной кабины.

— Кто ведет? — спросила она.

— Кары полностью компьютеризованы, — ответил Д.Ж. — Разве у космонитов не так?

— У нас кары водят роботы.

— А у нас роботов нет.

— Но компьютер по существу тот же робот.

— Компьютер не гуманоид и не выставляет себя напоказ. Каково бы ни было технологическое сходство, психологически это совсем иное.

Глэдия смотрела на ландшафт и находила его ужасающе унылым. Даже для зимы было что-то заброшенное в раскиданных, лишенных листьев кустиках и редко встречавшихся деревьях. Их чахлый бездушный вид подчеркивал смерть, которая, казалось, захватила все. Д.Ж., заметив ее подавленность и взгляды то в ту, то в другую сторону, сказал:

— Сейчас все выглядит не слишком хорошо, леди, а летом здесь неплохо. Есть сады, луга, поля...

— И леса?

— Но настоящие дикие леса. Мы — развивающаяся планета. Все еще надо делать. Мы здесь всего полтораста лет. Первым шагом было за-

сеять привозными семенами участки первых поселенцев. Затем мы пустили в океан рыбу и всяких беспозвоночных, чтобы по возможности создать самоподдерживающуюся экологию. Это не так сложно, если химизм океана подходит. Если же не подходит, то планету нельзя заселять без широких химических изменений, а этого еще ни разу не пытались сделать, хотя существует множество планов для таких процедур. И, наконец, мы пытаемся сделать страну цветущей, а это всегда трудно сделать, и идет медленно.

— И все Поселенческие Миры идут этим путем?

— Да. Ни один еще по-настоящему не закончен. Еще пара столетий — и Поселенческие Миры будут богатыми и полными жизни как на суше, так и на море, хотя за это время появятся новые миры, которые пройдут через разные предварительные стадии. Я уверен, что Внешние Миры прошли тот же путь.

— Много столетий назад и, я думаю, менее напряженно. Нам помогали роботы.

— Мы обойдемся без них, — коротко ответил Д.Ж.

— А как насчет местной жизни — растений, животных, бывших здесь до появления людей?

— Они не имели значения. Мелкие, слабые. Ученые, конечно, заинтересовались ими, поэтому местная жизнь и сейчас существует в аквариумах, ботанических садах, зоопарках. Кроме того, есть обширные пространства как воды, так и суши, которые еще не обработаны, и там местная жизнь находится в диком состоянии.

— Но все эти участки со временем будут изменены?

— Надеемся.

— А вы не чувствуете, что планета на самом деле принадлежит этим незначительным, мелким, слабым существам?

— Нет. Мы не сентиментальны. Планеты и вся Вселенная принадлежит разуму. Космониты согласны с этим. Где местная жизнь на Солярии, на Авроре?

Линия каров подошла теперь кровному мощеному пространству, где виднелось несколько куполообразных зданий.

— Это главная площадь, — тихо сказал ДЖ, — официальный центр планеты. Здесь размещены правительственные здания. Здесь собирается Планетарный Конгресс, здесь Административный Дворец и так далее.

— Простите, Диджи, но это не очень впечатляет.

Здания маленькие и неинтересные.

— Вы видите только верхушки, миледи.

ДЖ улыбнулся.

— Сами здания под землей, и все связаны друг с другом. Это, по существу, единый комплекс, и он все время растет. Это город. Вместе с окружающими его жилыми районами, он составляет Бейлитаун.

— Вы собираетесь со временем все перевести под землю, всю планету?

— Да, большинство стремится к подземному миру.

— Какой они имели на Земле?

— Да. Так называемые Стальные Пещеры.

— И вы имитируете их здесь?

— Это не простая имитация. Мы добавляем свои идеи и… Мы приближаемся к остановке, миледи, нам вот-вот прикажут остановиться. На вашем месте я застегнул бы отверстия на плаще: зимой на Главной Площади легендарный ветер.

Глэдия так и сделала.

— Так вы говорите, что это не простая имитация?

— Да. Мы конструируем наше подземелье в соответствии с климатом. Поскольку здесь климат в целом более тяжелый, чем на Земле, требуются

некоторые изменения в архитектуре. Правильно построенное здание должно почти без энергии сохранять тепло зимой и прохладу летом. В какой-то мере мы действительно сохраняем это, запасая тепло с предыдущего лета, а прохладу с предыдущей зимы.

— А как с вентиляцией?

— Пользуемся ею экономно. Но когда-нибудь, миледи, мы сравняемся с Землей. Это высшее стремление — сделать Бейлимир отражением Земли.

— Никогда не думала, что Земля настолько восхитительна, чтобы желать ее имитировать, — шутливо сказала Глэдия.

Д.Ж. резко взглянул на нее:

— Не шутите так, миледи, с поселенцами, даже со мной. Земля не объект для шуток.

— Простите, Диджи, я не собираюсь быть непочтительной.

— Вы не знали. Но теперь знаете. Давайте выйдем. Двери кара бесшумно открылись. Д.Ж. вышел и помог выйти Глэдии.

— Вы должны выступить перед Планетарным Конгрессом. Так поступает каждый правительственный чиновник.

Глэдия, уже протянувшая руку к ДЖ и бо-

лезненно ощутившая холодный ветер в лицо, отшатнулась:

— Мне этого не говорили.

— Я думаю, вы должны сказать что-то вроде приветствия.

— Нет, я не буду. Я никогда не делала ничего подобного.

— Придется. Ничего страшного. Сказать несколько слов после долгих и утомительных приветственных речей.

— Но что я скажу?

— Ничего замысловатого, поверьте, не надо. Мир, любовь и прочий вздор. Потратьте на них пол минуты. Я набросаю кое-что для вас, если хотите.

Глэдия вышла из кара. Голова ее кружилась.

Войдя в здание, они сняли плащи и отдали служителям. Дэниел и Жискар тоже сняли плащи, и служитель, бросив острый взгляд на Жискара, подошел к нему с осторожностью. Глэдия нервно поправила носовые фильтры. Ей никогда не приходилось бывать в таком сборище короткоживущих, частично потому, и так всегда говорили — что они носят в себе хронические инфекции и орды паразитов.

— Получу ли я назад именно этот мой плащ? —

прошептала она.

— Вы не наденете чужой, — ответил Д.Ж. — Все они будут простерилизованы.

Глэдия осторожно огляделась. Ей почему-то казалось, что даже визуальный контакт может быть опасным.

— Кто эти люди?

Она показала на несколько человек в более ярко расцвеченной одежде и явно вооруженных.

— Охрана безопасности, мадам.

— Даже здесь, в правительственном здании?

— Обязательно. А когда мы поднимемся на сцену, силовое поле отделит нас от публики.

— Значит, вы не доверяете собственным властям?

ДЖ чуть улыбнулся:

— Не вполне. У нас еще сырой мир, и мы идем своими путями. Мы еще не обтерли острые углы, и у нас нет роботов, приглядывающих за нами. К тому же у нас есть партии воинствующего меньшинства, наши ястребы.

— Что такое ястребы?

Большинство людей уже сняли плащи и занялись выпивкой. В воздухе стоял гул голосов, большая часть глаз разглядывала Глэдию, но никто не разговаривал с ней.

Глэдии стало ясно, что вокруг нее был круг изоляции. Д.Ж. заметил, что она оглядывается по сторонам, и понял это правильно:

— Вы сказали, что вы цените некоторое отдаление. Я думаю, что они понимают, что вы боитесь инфекции.

— Надеюсь, что они не обижаются?

— Могли бы, но рядом с вами явный робот, а большинство бейлимирцев не хотят этого вида инфекции, в особенности ястребы.

— Вы мне так и не сказали, кто они.

— Скажу, если будет время. Мы с вами скоро пойдем на сцену. Большинство поселенцев думают, что со временем Галактика будет принадлежать им, что космониты не могут состязаться с ними в экспансии. Мы не увидим этого, наши дети, вероятно, тоже. Это может занять и тысячу лет. Ястребы не хотят ждать. Они хотят устроить это сейчас.

— Они хотят *войны!*

— Они не уточняют. Сами себя они не называют ястребами. Это мы, люди чувствительные, называем их так. Они называют себя суперматистами Земли. Трудно согласиться с людьми, уверяющими, что только они желают главенства Земли. Мы все склонны к этому, но большинство из нас

не рассчитывают, что это случится завтра, и не приходят в ярость, что это случится.

— И эти ястребы могут напасть на меня физически?

— Я думаю, нам надо идти, мадам.

Он указал вперед.

— Нас хотят поставить в линию. Нет, я не думаю, чтобы ястребы стали реально нападать, но осторожность не помешает.

Глэдия попятилась, когда Д. Ж. указал ей место в строю.

— Без Дэниела и Жискара — нет, Диджи. Без них я никуда не пойду, даже на сцену. Тем более, после того, как вы рассказали мне про ястребов.

— Вы просите слишком многого, миледи.

— Наоборот, я не прошу ничего. Отвезите меня домой вместе с моими роботами прямо сейчас.

Д.Ж. подошел к небольшой группе официальных лиц. Глэдия напряженно следила за ним. Он сделал Полупоклон, вытянув руки наискось вниз. Глэдия решила, что это жест почтительности на Бейлимире. Она не слышала, что говорил Д.Ж., но в ее мозгу невольно закружились болезненные фантазии. Если будет попытка отделить ее от роботов, Дэниел и Жискар сделают все возможное, чтобы предотвратить это. Они никому не

повредят, но стража безопасности тут же пустит в ход оружие. Она должна предупредить это любой ценой — сделать вид, что она добровольно отделяется от Дэниела и Жискара, и просить их ждать ее позади. Сумеет ли она? Никогда в жизни она не была совсем без роботов. Разве она может чувствовать себя в безопасности без них. Есть ли другой выход? ДЖ вернулся:

— Ваш статус героини, миледи, полезная штука. Я, конечно, убедил парней. Ваши роботы могут идти с вами. Они будут сидеть на сцене позади вас, но освещать их не будут. Ради предка, не привлекайте к ним внимания, не оглядывайтесь на них.

Глэдия облегченно вздохнула.

— Вы хороший парень, Диджи. Спасибо.

Она заняла свое место почти в самом начале вереницы, Д.Ж был слева от нее, Дэниел и Жискар — сзади, а за ними длинный хвост официальных лиц обоих полов. Женщина поселенка с жезлом, который, видимо, был символом ее должности, внимательно осмотрела строй, кивнула и прошла вперед. Все двинулись за ней. Глэдия услышала впереди музыку в простом марш ритме, и подумала, что ей предложили идти в какой — то хореографической манере. Как бесконечно раз-

нообразны и иррациональны обычаи на разных планетах! Углом глаза она видела, что ДЖ шагает небрежно, почти неуклюже. Она неодобрительно поджала губы и пошла ритмично, подняв голову и выпрямив спину. При отсутствии указаний, она намерена идти так, как сама захочет. Они поднялись на возвышение, и тут же из углубления в полу поднялись стулья.

Строй разбился, но Д.Ж, слегка потянул Глэдию за рукав, и она пошла за ним. Оба робота, естественно, последовали за ней. Она остановилась перед стулом, на который указал ей Д.Ж. Музыка стала громче, но освещение уже не было таким ярким, как раньше. Затем, после, как ей показалось, бесконечного ожидания, она почувствовала слегка давящее прикосновение Д.Ж. и села. Все остальные тоже сели. Она заметила слабое мерцание силового поля, а за ним публику, несколько тысяч человек. Все сидения в амфитеатре, круто поднимающиеся вверх, были заняты. Как женщины, так и мужчины, все были в темном — коричневом или черном. Стража безопасности в боковых приделах — в зеленой с красным форме; без сомнения, форма давала сразу возможность узнать их, но как подумала Глэдия, так же хорошо делала их мишенью. Она

повернулась к Д.Ж. и тихо сказала;

— У вас огромное правительство.

Д.Ж. слегка пожал плечами:

— Я думаю, весь правительственный аппарат здесь с женами, мужьями и гостями. Это дань вашей популярности, миледи.

Глэдия обвела публику глазами справа налево и обратно, пытаясь на краю пути разглядеть Дэниела или Жискара, чтобы просто удостовериться, что они тут, но затем безмятежно решила, что от одного взгляда ничего не случится, и повернула голову. Они были тут. Она также заметила, что ДЖ. раздраженно закатил глаза. Она вздрогнула, когда световое пятно упало на одну из особ на возвышении, в то время, как остальной зал еще глубже погрузился в тень. Освещенная фигура встала и заговорила. Голос был не очень громкий, но он отражался от стен, вероятно, проникал в каждую щель большого зала. В зале стояла глубокая тишина. Мысли Глэдии начали путаться, глаза закрываться. Она выпрямилась с легким рывком. Люди планеты хотят почтить ее, а если она заснет, это будет оскорблением. Она заставила себя слушать речь, но это усыпляло еще больше. Она прикусила тубу изнутри и глубоко задышала. Трое говорили один за другим, и вдруг

Глэдия вздрогнула — похоже, что она все-таки задремала, несмотря на все свои усилия, под тысячами устремленных на нее глаз — когда световое пятно упало рядом с ней, и Д.Ж. встал. Он заткнул большие пальцы рук за пояс и, похоже, чувствовал себя вполне легко и свободно.

— Мужчины и женщины Бейлимира, — начал он, — должностные лица, законодатели, уважаемые лидеры, сограждане! Вы все слышали о том, что произошло на Солярии. Вы знаете, что мы добились полного успеха. Вы знаете, что леди Глэдия с Авроры способствовала этому успеху. Сейчас пора сообщить в дета лях вам и всем моим сопланетянам, которые слушают по гипервидению.

Он стал описывать события в несколько измененной форме, и Глэдия сухо посмеивалась про себя. О своем замешательстве в руках гуманоидного робота он сказал вскользь, о Жискаре вообще не упомянул, роль Дэниел а была сведена к минимуму, а роль Глэдии сильно подчеркнута. Инцидент превратился в дуэль между двумя женщинами, Глэдией и Мандари, и победили мужество и авторитет Глэдии. Наконец, он сказал:

— А теперь леди Глэдия, соляриан ка по происхождению, бейлимирянка по подвигу…

Раздались громкие аплодисменты, хотя предыдущих ораторов встречали довольно прохладно, но Д.Ж. поднял руки, прося тишины, и закончил:

— Леди Глэдия хочет приветствовать вас.

Свет упал на Глэдию, и она в панике обернулась к ДЖ. Аплодисменты гремели в ее ушах. ДЖ хлопал в ладоши. Под покровом этого шума он наклонился и прошептал:

— Вы их всех любите, не понимая, желаете мира, а поскольку вы не член правительства, вы не привыкли к длинным речам. Скажите это и сядьте.

Она смотрела на него, не понимая, слишком взволнованная, чтобы слышать его слова, затем встала и оказалась перед бесконечными рядами людей.

Глэдия почувствовала себя страшно маленькой, когда встала. Люди на сцене все были выше ее, даже женщины. Когда она стояла, а они сидели, они все равно были выше. Что касалось публики, ожидавшей теперь в почти угрожающем молчании, то все и каждый в ней были, как считала Глэдия, больше ее во всех измерениях. Она сделала глубокий вдох и сказала:

— Друзья! Вы все потомки эемлян, и я тоже. Людей из другого места нет ни в одном обитаемом

мире — ни на Внешних Мирах, ни на Поселенческих, ни на самой Земле, везде только земляне по рождению или их потомки. Перед этим фактом все остальные различия — ничто.

Она бросила быстрый взгляд на ДЖ. Он чуть заметно улыбнулся, и одно его веко дрогнуло, словно он собирался подмигнуть. Она продолжала:

— Это должно быть нашим гидом в каждой мысли, в каждом действии. Я благодарю вас всех за то, что вы считаете меня таким же человеком и приветствуете меня здесь вне каких-либо других классификаций. Поэтому я надеюсь, что скоро настанет время, когда шестнадцать миллиардов людей, живущих в любви и мире, будут рассматривать себя так — людьми, не больше и не меньше. Я думаю о вас не только как о друзьях, но и как о родственниках.

Буря аплодисментов оглушила ее. Она продолжала стоять, признав это как знак, что говорила она хорошо и, главное, достаточно. Она поклонилась направо и налево и хотела сесть. Тут из зала донесся голос:

— Почему вы говорили не по-соляриански?

Она застыла на полпути к стулу и растерянно посмотрела на ДЖ. Тот чуть заметно покачал

головой и беззвучно выговорил одними губами:

— Игнорируйте это.

Он сделал жест, чтобы она села. Глэдия посмотрела на него одну-две секунды, а затем поняла, как некрасиво она должна выглядеть на свету в незаконченном процессе усаживания. Она снова выпрямилась и улыбнулась публике, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Тут она впервые заметила приборы, сверкавшие линзы которых сфокусировались на ней. Ну, конечно! ДЖ упоминал, что происходящее транслируется на гиперволну. Однако, сейчас ей было это безразлично. Она говорила, ей аплодировали, и она стоит перед публикой прямо и безо всякой нервозности, так что за важность, невидимая добавка? Она сказала с улыбкой:

— Я считаю этот вопрос дружеским. Вы хотите, чтобы я показала вам свое образование? Кто из вас хочет, чтобы я заговорила по-соляриански? Не стесняйтесь, поднимите руки.

Поднялось несколько рук.

— Человекоподобный робот на Солярии слышал, как я говорила по-соляриански? Это его и погубило. Давайте я посмотрю на каждого, кто хочет демонстрации.

Зал превратился в море колышущихся рук.

Глэдия почувствовала, что ее дергают за брюки. Она быстрым движением стряхнула чужую руку.

— Прекрасно. Опустите руки, дорогие мои родственники. Видите ли, сейчас я говорю на Галактическом Стандартном, который является также и вашим языком. Однако, я говорю так, как говорят на Авроре, но вы понимаете меня, хотя некоторые слова я, возможно, произношу не так, и мой голос может иногда чуточку сбивать вас с толку, потому что некоторые звуки у нас понижаются или повышаются, словно я пою. Не аврорцам это всегда кажется смешным, даже другим космонитам. В солярианской же манере говорить эта напевность отсутствует, в ней много горловых звуков, долгое раскатистое „р“.

Она произнесла несколько фраз. В зале раздался взрыв хохота, но Глэдия встретила его с серьезным выражением лица. Наконец она подняла руки и сделала рубящее движение вниз. Смех смолк.

— Я, вероятно, никогда больше не поеду на Солярию, так что у меня не будет случая пользоваться солярианским диалектом.

Она повернулась к ДЖ и адресовала ему полупоклон, заметив, что у того выступил пот на лбу.

— Добрый капитан Бейли информировал ме-

ня, что неизвестно, когда я вернусь обратно на Аврору, так что я могу отбросить и аврорский диалект тоже. Значит, у меня единственный выход — говорить на диалекте Бейлимира, я сразу же начинаю практиковаться.

Она сделала вид, что засовывает большие пальцы рук за несуществующий пояс, выпятила грудь, опустила подбородок изобразил а беззастенчивую улыбку Д.Ж. и сказала, стараясь имитировать его баритон:

— Мужчины и женщины Бейлимира, должностные лица, законодатели, уважаемые лидеры, сограждане — сюда входит каждый, кроме, вероятно, неуважаемых лидеров…

Она старалась проглатывать некоторые буквы или произносить их как придыхание. Смех на этот раз был громче и продолжительнее, и Глэдия позволила себе улыбнуться и спокойно ждать. В конце концов она заставила их смеяться над собственным языком. Когда все успокоились, она сказала просто, на неподчеркнутой версии аврорского диалекта:

— Все диалекты смешны или странны тому, кто к ним не привык, и это часто заводит людей в отдельные, иногда враждебные группы. Но ведь диалекты — это просто манера говорить. Вместо

этого мы — я и вы, и все люди на других обитаемых мирах — должны слушать язык сердца, а у него нет диалектов. Этот язык, если только мы будем его слушать, звучит одинаково для всех нас.

Она уже готова была сесть, но тут послышался женский голос:

— Сколько вам лет?

Д.Ж, сказал сквозь зубы:

— Сядьте, мадам! Игнорируйте вопросы.

Глэдия повернулась лицом к ДЖ. Он привстал.

Люди на сцене, насколько она их видела в полутьме светового пятна, напряженно наклонились к ней. Она снова повернулась к зрителям и звонко крикнула:

— Здесь хотят, чтобы я села. А вы хотите? Вы молчите? Кто хочет, чтобы я осталась здесь и честно ответила на вопрос?

Громкие аплодисменты и крики:

— Оставайтесь! Оставайтесь!

— Глас народа, — сказала Глэдия. — Простите, Диджи, и все прочее, но мне велят говорить.

Она искоса взглянула на световое пятно и крикнула:

— Я не знаю, кто там управляет светом, но осветите зал и отключите световое пятно. Мне наплевать, как это отразится на гиперволновых

камерах. Наладьте хорошенько звук, вот и все. Всем плевать, если я буду говорить в темноте, лишь бы меня было слышно. Правильно?

— Правильно! — послышался многоголосый ответ. — Свет! Свет!

Кто-то на сцене, обезумев, дал сигнал, и зал осветился.

— Так гораздо лучше, — сказала Глэдия. — Теперь я вижу вас, мои родственники. Я хотела бы, в частности, увидеть женщину, задавшую мне вопрос о моем возрасте. Я хочу говорить непосредственно с ней. Но давайте без уверток. Если у вас хватило смелости задать вопрос, то задайте его открыто.

Она ждала. Наконец где-то в середине зала встала женщина. Темные волосы, туго стянутые сзади, смуглая кожа, темно-коричневое платье сильно подчеркивало стройную фигуру. Она сказала слегка скрипучим голосом:

— Я не боюсь встать и еще раз спросить: сколько вам лет?

Глэдия спокойно смотрела на нее и даже радовалась. Возможно ли это? На протяжении первых трех десятилетий жизни ее настойчиво учили, что быть в реальном присутствии людей и даже одного человека непереносимо. А сейчас она без

всякого смущения видит перед собой тысячи. Она была слегка ошеломлена и вполне довольна.

— Пожалуйста, мадам, оставайтесь стоять, и поговорим. Как мы измеряем возраст? В годах, прошедших после рождения?

Женщина спокойно сказала:

— Меня зовут Сандра Ламбет. Я член Законодательных Органов и, следовательно, из тех, кого капитан Бейли назвал „законодателями и уважаемыми лидерами“. Во всяком случае, я надеюсь, что я „уважаемая“.

В зале раздался смех.

— Отвечая на ваш вопрос, я думаю, что число Галактических Стандартных лет, прошедших со дня рождения, обычное определение возраста особы. Мне пятьдесят четыре года. А сколько Вам? Вы можете назвать цифру?

— Могу. Со времени моего рождения прошло и ушло двести тридцать пять Галактических Стандартных лет, значит, я больше чем в четыре раза старше вас.

Глэдия держалась прямо, и знала, что ее маленькая стройная фигурка делает ее сейчас в тусклом освещении почти девочкой. В зале раздалось смутное бормотание, откуда-то слева — стон. Быстрый взгляд в ту сторону показал Глэдии, что

Д.Ж. схватился за голову. Глэдия сказала:

— Но это очень пассивный метод измерения времени. Здесь количество не переходит в качество. Моя жизнь текла спокойно, можно сказать, тускло. Я шла по проторенному пути, огражденному от всех неприятностей, с гладко функционирующей социальной системой, в которой нет места никаким переменам и экспериментам, и моими роботами, которые стояли между мной и любыми неприятностями. Всего два раза в жизни я испытала дыхание волнения, и оба раза были трагичными. Когда мне было тридцать два года — меньше, чем многим из вас, слушающим меня сейчас, — надо мной нависло обвинение в убийстве, ненадолго. Два года спустя настал недолгий период, когда я была втянута в другое убийство. В обоих этих случаях следователь Илайдж Бейли был на моей стороне. Я уверена, что многие из вас, а возможно, и все, знакомы с ситуацией, описанной сыном Илайджа Бейли. Теперь я могу добавить и третий случай, потому что в этом месяце я встретилась с великим волнением, достигшим такого пика, когда от меня потребовали встать здесь перед вами, а это являлось полной противоположностью тому, что я делала всю свою жизнь. Должна признаться,

что только ваша доброта и родственный прием сделали это возможным. Задумайтесь о контакте всего этого с вашей жизнью. Вы — пионеры, и живете в новом мире. Он растет всю вашу жизнь и будет расти после вас. В этом мире каждый день — приключение. Сначала холод, потом жара, потом опять холод. Климат, богатый ветрами и грозами, и внезапными переменами. Вы не можете позволить времени сонно протекать, как в мирах, где перемены слабы или их вовсе нет. Многие жители Бейлимира — торговцы или могут стать торговцами. Половина их времени тратится на рысканье в космосе. Когда эта планета станет ручной, многие ее обитатели перекинут сферу своей деятельности на новые планеты или присоединятся к экспедициям, чтобы найти миры, где еще не ступала нога человека, и сделать их пригодными для обитания. Если мерить длину жизни событиями и делами, свершениями и волнениями, то я — ребенок, моложе любого из вас. Большее число моих лет только утомляет и ослабляет меня, меньшее число ваших лет обогащает и возбуждает вас. Так что, скажите еще раз, мадам Ламбет, сколько Вам лет?

Ламбет улыбнулась:

— Пятьдесят четыре *хороших* года, мадам Гл-

эдия.

Ламбет села, и вновь начались аплодисменты. Под их покровом Д.Ж. хрипло сказал:

— Глэдия, кто научил вас так управлять публикой?

— Никто, — шепнула она. — Я никогда этого не делала.

— Тогда закругляйтесь, пока вы на коне. Особа, которая уже встает, наш ведущий ястреб. Вам нет нужды стоять против него. Скажите, что вы устали и сядьте. Со стариком Бастермейном мы управимся сами.

— Но я не устала, — возразила Глэдия. — Мне самой интересно.

Человек, вставший теперь перед ней почти у самой сцены, был высок и крепок, с нависшими над глазами седыми бровями. Редкие волосы были белыми, одежды — тускло-черными, белые полосы сбегали вниз по рукавам и штанинам брюк, как бы устанавливая резкие границы его тела. Голос его был низким и музыкальным:

— Меня зовут Томас Бастермейн, я известен еще как Старик, наверное, потому, что кое-кто не хочет, чтобы я слишком заживался. Не знаю, как обращаться к вам, поскольку у вас вроде бы нет фамилии, а я не так хорошо знаком с вами,

чтобы звать вас по имени. Честно говоря, я и не хочу быть хорошо знакомым с вами. Похоже, вы помогли спасти наш корабль на вашей планете от ловушек и оружия, поставленных вашим же народом, и мы вам за это благодарны, а вы в ответ принялись болтать насчет дружбы и родства. Чистое лицемерие! Когда ваш народ считал себя родным нам? Когда космониты чувствовали, что имеют какое-то отношение к Земле и к ее народу? Конечно, космониты — потомки землян. Мы этого не забываем и помним, что вы забыли это. Больше двух столетий космониты правили Землей и относились к землянам, как к отвратительным короткоживущим больным животным. Теперь, когда мы становимся силой, вы протягиваете нам руку дружбы, но рука эта в перчатке, как и ваши руки. Вы, небось, не забыли вставить в нос фильтры? Правильно?

Глэдия подняла руки.

— Возможно, люди в зале и тем более те, кто видит меня по гиперволне, не знают, что я в перчатках. Их не заметно, но они есть, и я этого не отрицаю. И носовые фильтры, чтобы при дыхании попало меньше пыли и Микроорганизмов. И моюсь я чаще, чем это требуется для чистоты. Этого я тоже не отрицаю. Но это результат моих

недостатков, а не ваших. У меня слабая иммунная система. Моя жизнь слишком комфортабельна, и я подвергалась очень малым опасностям. Не я это выбирала, но я должна платить за это. Что сделал бы любой из вас, окажись он в моем положении? Что сделали бы в частности Вы, мистер Бастермейн?

Бастермейн угрюмо ответил:

— Я сделал бы то же, что и вы, и рассматривал бы это как признак слабости, непригодности к жизни, а следовательно, обязан был бы уступить дорогу более сильным. Женщина, вы говорите о родстве с нами. Вы мне не родня, вы из тех, кто пытался уничтожить нас, когда имел силу, а ослабев, заискивает перед нами.

В зале началось явно недружелюбное движение, но Бастермейн держался твердо. Глэдия мягко спросила:

— Вы помните зло, которое мы причинили вам, когда были сильны?

— Не думайте, что мы забудем. Мы помним об этом всегда.

— Прекрасно! Значит, вы знаете, как этого избежать» Вы знаете, что очень плохо, когда сильные подавляют слабых, и, значит, когда картина переворачивается, когда вы сильны, а мы слабы, вы

не будете подавлять нас.

— Ну, ну, слышал я такие аргументы. Когда вы были сильны, вы знать не знали о морали, а теперь хватаетесь за нее.

— Однако, вы, когда были слабы, все знали о морали, и были потрясены поведением сильных, а теперь, став сильными, вы забываете о морали.

— Вы получили то, что заслужили, — сказал Бастермейн.

Он поднял кулак.

— Вы хотели бы дать то, что вам кажется заслуженным, — сказала Глэдия.

Она протянула как бы обнимающие руки:

— Поскольку каждый может думать о мести за какую-то прошлую несправедливость, ваши слова говорят о праве сильного давить на слабого. Если вы так говорите, вы оправдываете космонитов прошлого, так что теперь вам не на что жаловаться, а я говорю, что давление несправедливо, если вы примените его в будущем. К сожалению, вы не можете изменить прошлое, но пока мы можем решать, что должно быть в будущем.

Глэдия сделала паузу и, поскольку Бастермейн сразу не ответил, продолжала:

— Кто из вас хочет Галактику, а не бесконечно

повторяющуюся дурную страну?

Раздались аплодисменты, но Бастермейн вскинул руки и зычно закричал:

— Подождите, не будьте дураками! Прекратите!

Медленно воцарилось спокойствие, и Бастермейн заговорил:

— Неужели вы думаете, что женщина верит тому, что говорит? Неужели вы думаете, что космониты хотят нам сделать что-то доброе? Они все еще думают, что они сильны, они по-прежнему презирают нас и намерены уничтожить, если мы первыми не уничтожим их. Эта женщина приехала сюда, и мы, как дураки, приветствуем ее. Нет, давайте проверим ее слова. Пусть кто-нибудь из вас попросит разрешения посетить Внешний Мир, и посмотрим, получит ли он его. Если за вами стоит планета, если вы можете быть угрозой, как был капитан Бейли, тогда вам позволят высадится, но как с вами будут обращаться? Спросите капитана, отнеслись ли к нему по-родственному. Эта женщина — лицемерна, несмотря на все ее слова, нет, именно из-за ее слов. Они как раз и доказывают лицемерие. Она скулит тут насчет своей иммунной системы и говорит, что должна защищать себя от опасности зараже-

ния. Ну, конечно, она делает это не потому, что считает всех нас грязными и заразными, такая мысль не приходила ей в голову! Она жалуется на свою пассивную жизнь, защищенную от всяких бед и неудач, слишком хорошо организованную обществом и толпой чрезмерно заботливых роботов. Как она, наверное, ненавидит их! Но что угрожает ей здесь? Какие беды могут настигнуть ее на нашей планете? Однако она привезла с собой двух роботов. Мы собрались в этом зале, чтобы почтить ее, а она привела даже сюда своих роботов, они сидят позади нее на возвышении. Теперь, когда всюду свет, вы видите их. Один — имитация человека Р. Дэниел Оливо, а другой — бесценный робот, явно металлический Р. Жискар Ривентлов. Приветствуйте их, мои дорогие соотечественники! Бот они-то и есть родня этой женщины!

— Шах и мат! — шепотом простонал Д.Ж..

— Еще нет, — сказала Глэдия.

Бее стали вытягивать шеи, словно всех сразу одолел зуд, и слово «робот» шепотом прокатилось по всему залу.

— Бы можете увидеть их без затруднения, — сказала Глэдия. — Жискар, Дэниел, встаньте!

Оба робота встали позади нее.

— Встаньте рядом со мной, чтобы я не заслоняла вас собой. А теперь позвольте мне кое-что пояснить вам всем. Эти два робота приехали со мной не для того, чтобы прислуживать мне. Да, они помогают вести мой дом на Авроре вместе с пятьюдесятью другими роботами, и я не делаю сама то, что могут сделать для меня роботы. Таков обычай в том мире, где я живу. Роботы различны по сложности, по способностям, и эти два — особо высоки в этих отношениях, в особенности Дэниел, разум которого очень близок к человеческому в тех областях, где такое сравнение возможно. *Я* взяла с собой только Дэниел а и Жискара, но они не так уж много служат мне. Если хотите знать, я одеваюсь сама, сама пользуюсь столовыми приборами, когда ем, и хожу сама, не заставляя себя носить. Пользуюсь ли я ими для личной защиты? Нет. Они защищают меня, это верно, но также будут защищать любого человека, нуждающегося в защите. Совсем недавно на Солярии Дэниел сделал все, что мог, защищая капитана Бейли, и готов был отдать свое существование, чтобы защитить меня. Без него корабль не был бы спасен. Конечно, на этом возвышении мне не нужна защита: здесь во всю его длину протянуто силовое поле. Оно здесь не по моему требованию, но

оно здесь, и дает мне необходимую защиту. Тогда зачем же здесь мои роботы? Те из вас, кто знает историю Илайджа Бейли, освободившего Землю от космонитских правителей, положившего начало новой политике Поселенчества, и его сына, который привел людей на Бейлимир — иначе, почему бы так назвали планету — знают, что еще до знакомства со мной Илайдж Бейли работал вместе с Дэниелом. Он работал с ним на Земле, на Солярии, на Авроре, в каждом из своих трех великих дел. Для Дэниела Илайдж Бейли был всегда «партнер Илайдж». Не знаю, есть ли это в биографии Илайджа Бейли, но вы можете мне поверить. Хотя Илайдж Бейли, будучи землянином, сначала сильно недолюбливал Дэниела, потом между ними возникла дружба. Когда Илайдж Бейли умирал здесь, на этой планете около ста шестидесяти лет назад, когда здесь была лишь кучка примитивных домиков с палисадниками, в эти последние минуты с ним был его сын, и не я…

Голос ее слегка дрогнул:

— Он послал за Дэниелом, держался за жизнь, пока Дэниел не прибыл. Да, это второй визит Дэниела на эту планету. Я тогда была с ним, но осталась на орбите. Дэниел высадился на планете

и принял последние слова Илайджа Бейли. Ну, как, это для вас ничего не значит?

Она возвысила голос:

— Должна ли я говорить об этом? Здесь робот, которого Илайдж Бейли любил. Да, любил. Я хотела повидаться с ним, но он желал видеть Дэниела, этого самого Дэниела. Другой робот, Жискар, познакомился с Илайджем только на Авроре, но сумел спасти ему жизнь. Без этих двух роботов Илайдж Бейли не выполнил бы свою задачу. Внешние Миры все еще были бы главенствующими, Поселенческих Миров не существовало бы, и никого из вас не было бы здесь. Я это знаю, и вы знаете. Интересно, знает ли это мистер Бастермейн? Имена Дэниел и Жискар уважаются на этой планете. По просьбе Илайджа Бейли они обычно даются его потомкам. Я приехала сюда на корабле капитана; которого зовут Дэниел Жискар Бейли. Я хотела бы знать, многие ли из тех, кто видит меня сейчас, носят имена Дэниела и Жискара. Так вот, это и есть те роботы, чьи имена почитаются. И их осуждает Томас Бастермейн?

Бормотание в зале стало громче, и Глэдия умоляюще подняла руки:

— Минуточку. Дайте мне закончить. Я еще не сказала вам, почему я привезла этих двух

роботов.

Шум немедленно смолк.

— Эти два робота никогда не забудут Илайджа Бейли, как не забуду и я. Прошедшие столетия нисколько не стерли этих воспоминаний. Когда я готовилась вступить на корабль капитана Бейли, когда я узнала, что смогу посетить Бейлимир, как я мота отказаться взять с собой Дэниела и Жискара? Им хотелось увидеть планету, существование которой сделал возможным Илайдж Бейли, планету, на которой он прожил свои последние годы, и на которой он умер. Да, они роботы, но они разумные роботы, и они верой и правдой служили Илайджу Бейли. Нельзя уважать одних лишь людей, нужно уважать все разумные существа. Вот поэтому я привезла их сюда.

Затем она громко выкрикнула последний вопрос:

— Я сделала ошибку.

И она получила ответ — громогласный крик «НЕТ!» пронесся по залу, все встали, хлопали в ладоши, стучали ногами, ревели и визжали:

— Нет!

Глэдия ждала и улыбалась в непрекращающемся шуме, потому что сознавала две вещи: первое, что она мокрая от пота, и второе, что она

счастливая, как никогда. Она как бы ждала всю жизнь этого момента, когда она, прожив двести тридцать пять лет в изоляции, наконец узнала, что может стоять перед толпой и вертеть ею по своей воле.

Глэдия слушала непрекращающийся ответ — еще, еще и еще…

Уже много времени спустя Глэдия наконец пришла в себя. Сначала был бесконечный шум, и крепкий клин людей безопасно прогнал ее через толпу, сунул в бесконечные туннели, которые, казалось, уходили все глубже в землю. Она потеряла контакт с Д. Ж., и не была уверена, с ней ли Дэниел и Жискар. Она хотела было спросить о них, но ее окружали какие-то безликие люди. Она рассеянно подумала, что они стали бы противиться отделению от нее, и он а услышал а бы шум и крики. Когда она наконец добралась до комнаты, оба робота был и с ней. Она не знала точно, куда ее привели, но комната была большая и чистая, конечно, жалкая по сравнению с ее домом на Авроре, но против корабельной каюты — роскошная.

— Здесь вы будете в безопасности, мадам, — сказал последний из стражей, уходя. — Если вам что-нибудь понадобится, дайте нам знать.

Он показал на прибор, стоявший на столике у постели. Она посмотрела на прибор и повернулась, чтобы спросить, как он работает, но страж уже ушел.

«Ладно, — подумала она, — разберусь».

— Жискар, посмотри, какая дверь ведет в ванную, и проверь, как работает душ. Мне он сейчас просто необходим.

Она села очень осторожно, чтобы кресло не пропиталось запахом ее пота. Но тут вернулся Жискар.

— Мадам, душ включен, и температура установлена. Там кусок чего-то, я думаю, мыла, и примитивная полотняная ткань, и разные другие вещи, которые могут понадобиться.

— Спасибо, Жискар, — сказала Глэдия.

Она прекрасно сознавала, что несмотря на ее красноречивые утверждения, будто такие роботы, как Жискар, не предназначены для мелких услуг, она требовала от него именно их. Но обстоятельства меняют дело…

Если она никогда так не нуждалась в душе, как сейчас, то она никогда и не радовалась ему до такой степени. Она оставалась под душем дольше обычного, и даже подумала, простерилизованы ли полотенца, уже после того, как вытерлась

ими.

Среди вещей, собранных Жискаром, были пудра, дезодорант, расческа, зубная паста, сушилка для волос, но зубной щетки не оказалось. Пришлось чистить зубы пальцев, что Глэдию не слишком удовлетворило. Не было щетки для волос, что тоже было неприятно. Было что-то вроде ночной одежды, но очень уж широкой.

— Мадам, — сказал Дэниел, — капитан желает знать, может ли он увидеть Вас.

— Думаю, да, — сказала Глэдия.

Она продолжала искать что-нибудь другое для ночной одежды.

— Пусть войдет.

ДЖ выглядел усталым и даже измученным, но, когда она повернулась к нему, он слабо улыбнулся:

— Трудно поверить, что вам двести тридцать пять лет.

— В этом-то мешке?

— Именно. Он же полупрозрачный. Вы не заметили?

Она неуверенно оглядела себя:

— Хорошо, если это вас забавляет, но я все-таки прожила два с третью столетия.

— Глядя на вас, никто бы не подумал. Вы, на-

верное, были исключительно красивы в юности.

— Мне никогда такого не говорили. Я всегда считала, что самое большое, что я имела, это скромный шарм. Как пользоваться этим инструментом?

— Вызовом? Коснитесь кнопки справа, и кто-нибудь спросит, нужно ли вам что-нибудь.

— Хорошо. Мне нужно зубную щетку, щетку для волос и одежду.

— Щетки вам принесут, я скажу, а одежда висит в вашем шкафу. Лучшее, что есть на Бейлимире. Но вам, может быть таковым не покажется. И я не гарантирую, что она вам подойдет: наши женщины выше вас и плотнее. Но это неважно. Я думаю, вы некоторое время останетесь в уединении.

Почему?

— Ну, миледи, вы выдали вечером речь, и, как я помню, не пожелали сесть, хотя я вам советовал это не один раз.

— Я, кажется, имела полный успех, Диджи.

— Да, огромный успех.

ДЖ широко улыбнулся и почесал бороду, как бы подбирая слова:

— Однако, успех тоже влечет за собой кару. Прямо сейчас могу сказать, что вы — самая знаменитая особа на Бейлимире, и каждый житель

мечтает увидеть вас и пожать вам руку, и если мы пригласим вас куда-нибудь, тут же начнется буйство. Придется ждать, пока страсти остынут, а неизвестно, сколько времени это продлится. Кроме того, за вас вопили даже ястребы, но завтра, при дневном свете гипнотизм и истерия погаснут, и ястребы придут в ярость. Если старик Бастермейн не решился убить вас сразу после вашего выступления, то завтра убить вас медленной смертью станет целью его жизни, а люди его партии могут тайно подтолкнуть Старика на эту маленькую прихоть. Вот поэтому вы здесь, миледи. Вот поэтому эта комната, этот этаж, весь этот отель охраняются, уж не знаю, сколькими отрядами людей безопасности, среди которых, я надеюсь, нет тайных ястребов. Поскольку я тесно связан с вами в этой игре в героя и героиню, я тоже загнан сюда и не могу выйти.

— О, — равнодушно сказала Глэдия, — мне очень жаль вас. Вы даже не можете повидаться со своей семьей.

Д.Ж. пожал плечами.

— Торговцы обычно не связаны семьей.

— Ну, тогда с подружкой.

— Она переживет, наверное, легче, чем я.

Он задумчиво посмотрел на Глэдию.

— Даже не думайте, капитан, — спокойно сказала Глэдия.

Д. Ж. поднял брови:

— Запретить себе думать я не могу, но я ничего не сделаю, мадам.

— Как, по-вашему, я надолго здесь? Если всерьез.

— Это зависит от директората.

— Какого?

— Наш пятисложный исполнительный орган, мадам. Пять человек, каждый служит пять лет в ступенчатом порядке, с одним повышением в год. В случае смерти или неспособности — специальные выборы. Это дает непрерывность и уменьшает опасность правления одной личности. Это также означает, что все решения должны быть согласованы, а это занимает время, иногда большее, чем мы можем себе позволить.

— Значит, если один из пяти решительный и сильный…

— …. то он навязывает свою точку зрения остальным. Такое иной раз случается, но сейчас этого нет. Старший Директор — Джиновус Пандарал. В нем нет ничего плохого, но он нерешителен, а это иногда хуже зла. Я уговорил позволить вашим роботам подняться с вами на

платформу, и это оказалось плохой идеей. Теперь он, считайте, злится на нас обоих.

— Почему это была плохая идея? Люди были довольны.

— Излишне довольны, миледи. Мы хотели, чтобы вы были нашей любимой космонитской героиней, но не собирались возбуждать общественное мнение, чтобы не броситься в преждевременную войну. Вы очень хорошо сказали о долгожительстве, вы заставили их ценить короткую жизнь, но затем вы заставили их приветствовать роботов, а мы этого не хотим. Поэтому мы не слишком одобряем взгляд публики на упоминание о родстве с космонитами.

— Вы не хотите преждевременной войны, но не хотите и преждевременного мира?

— Очень верно сказано, мадам.

— Чего же вы хотите?

— Мы хотим *вас* Галактику. Мы хотим заселить каждую годную для обитания планету и основать Галактическую Империю. И мы не хотим вмешательства космонитов. Они могут оставаться на своих планетах и жить, как им нравится, но вмешиваться они не должны.

— Но тогда вы запрете их в пятидесяти мирах, как мы много лет назад заперли вас на Земле.

Та же старая Несправедливость. Вы такой же скверный, как и Бастермейн.

— Тут совсем иная ситуация. Земляне были заперты из-за их потенциальной тяги к экспансии. Вы, космониты, не имеете такого потенциала. Вы пошли по пути долгожительства и роботов, и потенциал исчез. Теперь у вас нет пятидесяти миров: Солярия покинута, со временем так будет и с другими. Поселенцы не намерены толкать космонитов на путь вымирания, а ваша речь была направлена на вмешательство.

— И я рада этому. Что же, по-вашему, я должна был а сказать?

— Я вам говорил: мир, любовь… и вы сели. вы могли закончить меньше чем за минуту.

— Я не могу поверить, что вы рассчитывали на такую глупость с моей стороны, — сердито сказала Глэдия. — За кого Вы меня принимаете?

— За того, за кого вы сами принимали себя — за человека, который до смерти боится выступить. Откуда мы знали, что вы сумасшедшая, которая за полчаса сумеет убедить жителей Бейлимира громогласно приветствовать то, против чего они восставали всю жизнь?

Он тяжело встал.

— Но сейчас я тоже хочу принять душ и хоро-

шенько выспаться, если смогу. Увидимся завтра.

— А когда мы узнаем, что решили ваши директора насчет меня?

— Когда они решат. А это может быть не так скоро. Спокойной ночи, мадам.

— Я сделал открытие, — сказал Жискар без тени эмоций в голосе, — и сделал это потому, что впервые за все время моего существования я оказался перед тысячами человеческих существ. Будь это два столетия назад, я сделал бы открытие тогда. Если бы я не встретился с таким множеством людей, не было бы и открытия. Подумать только, сколько жизненно важных пунктов я мог бы получить, но никогда не получал и не получу только потому, что на моем пути никогда не встретятся нужные условия. Я останусь в полном неведении, если обстоятельства не помогут мне, а на них я не могу рассчитывать.

— Я не думаю, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что леди Глэдия с ее давно поддерживаемым образом жизни могла бы с таким хладнокровием стоять перед тысячами людей не думаю, что она могла бы вообще что-нибудь сказать. Я полагаю, что ты на — правил ее, и обнаружил, что можешь это сделать без вреда для нее. Это и есть твое открытие?

— Друг Дэниел, я рискнул только ослабить очень немногие нити торможения, ослабить лишь настолько, чтобы позволить ей сказать несколько слов, и чтобы ее услышали.

— Но она сделала много больше.

— После этой микроскопической поправки я повернул множество мозгов, перед которыми оказался. Я никогда не экспериментировал с таким количеством народа, как и леди Глэдия, и был ошеломлен, как и она. Сначала я думал, что ничего не смогу сделать с обширной ментальной спаянностью, которая била в меня. Я чувствовал себя беспомощным. Затем я заметил у них слабое дружелюбие, любопытство, интерес — не могу выразить это в словах — цвет симпатии к леди Глэдии. Я сыграл на этом, и обнаружил, что этот цвет симпатии уплотняется. Я хотел небольшой реакции в пользу леди Глэдии, которая подбодрила бы ее, а для меня сделала бы необязательным вмешательство в ее собственный мозг. Только это я и сделал. Я не знаю, сколькими нитями нужного цвета я управлял, но немногими.

— И что дальше, друг Жискар?

— Я обнаружил, что начал нечто вроде автокатализа. Каждая нить, которую я тянул, тащила за собой ближайшую того же рода, и они обе тянули

несколько других ближних. Больше я ничего не делал. Легкие движения, звуки, взгляды, казалось, одобряли то, что говорила леди Глэдия, и тянули к этому других. Затем я обнаружил нечто еще более странное. Все эти маленькие знаки одобрения, которые я мог определить лишь потому, что мозги бы ли открыты мне, леди Глэдия тоже определила, и торможение в ее мозгу пропало без моего вмешательства. Она стала говорить быстрее, откровеннее, и публика реагировала лучше, чем раньше, и тоже без моего вмешательства. Потом начались истерия, шторм, буря мысленного грома и молний такой интенсивности, что я закрыл свой мозг, иначе это могло бы перегрузить мои кон — туры. За все свое существование я никогда еще не сталкивался с подобным, однако все это началось с такого незначительного изменения, внесенного мною в эту толпу, какое я раньше вносил в небольшую горстку людей. Я подозреваю, что эффект распространился на большую территорию, чем та, которая воспринимала мое внушение — прошел по гиперволне.

— Я не понимаю, как это могло случиться, друг Жискар.

— *Я* тоже не понимаю. Я не человек. Я никогда не обладал человеческим мозгом со всей его

сложностью и противоречивостью, поэтому не понимаю механизма его реакций. Но, по-видимому, тол пой легче управлять, чем индивидуумом. Это выглядит парадоксом. Казалось бы, чем тяжелее груз, тем больше усилий. Большое расстояние пройти дольше, чем малое. Почему же большое количество народа легче покачнуть, чем несколько человек? Ты, ДРУГ Дэниел, думаешь, как человек. Можешь ты это объяснить?

— Ты сам, друг Жискар, сказал, что это эффект автокатализа, зараза. Одна искра может спалить лес.

Жискар задумался.

— Не зараза, а эмоции. Мадам Глэдия выбрала аргументы, которые, по ее мнению, должны были взволновать чувства ее аудитории. Она не пыталась рассуждать с ней. Возможно, чем больше тепла, тем легче ее поколебать именно эмоциями, а не разумом. Поскольку эмоций мало, а разумов много, поведение толпы легче предсказать, чем поведение одной личности. Это, в свою очередь, означает, что если законы, долженствующие развиться для улучшения хода истории, можно предсказать, то нужно иметь дело с большим населением, чем больше, тем лучше. Это и должно быть Первым Законом психоистории, ключом к

изучению Человека. Но…

— Да?

— Видимо, я поэтому так долго шел к пониманию этого, что я не человек. Человек же, возможно, инстинктивно понимает свой мозг, и поэтому знает, как управлять другими таки ми же. Мадам Глэдия, не имея ни какого опыта выступления перед тол пой, провела это дело мастерски. А насколько это было бы лучше, если бы у нас был кто-то вроде Илайджа Бейли. Друг Дэниел, ты подумал о нем?

— Ты видишь его образ в моем мозгу? Удивительно!

— Нет, я не вижу его. Я не могу принимать твои мысли, но я чувствую эмоции и настроение и знаю по прошлому опыту, что такая текстура твоего мозга ассоциируется с Илайджем Бейли.

— Мадам Глэдия упомянула о том, что последний видел Илайджа Бейли живым, и я снова услышал в памяти, что он мне тогда сказал, и думаю об этом сейчас.

— Почему, друг Дэниел?

— Я ищу значение. Я чувствую, что это важно.

— Как он мог сказать важное, не выражая словами? Если там было скрыто значение, Илайдж Бейли должен был выразить это.

— Возможно, — медленно ответил Дэниел, — партнер Илайдж и сам не понимал значения того, что он сказал.

Воспоминание!

Оно лежало в мозгу Дэниела, как закрытая книга с множеством деталей, всегда готовая для пользования. Некоторые ее эпизоды вспоминались часто из-за их информации, и лишь очень немногие высказывались только потому, что Дэниел хотел почувствовать их текстуру. Таких было очень мало, по большей же части те, которые относились к Илайджу Бейли. Много десятилетий назад Дэниел приехал на Бейлимир, когда Илайдж Бейли был еще жив. Мадам Глэдия приехала с ним, но когда они вышли на орбиту вокруг Бейлимира, на их маленький корабль поднялся Бентли Бейли. Он был довольно грубым тогда мужчиной средних лет. Он посмотрел на Глэдию несколько враждебно и сказал:

— Вы не можете увидеть его, мадам.

Заплаканная Глэдия спросила:

— Почему?

— Он не хочет этого, мадам, и я должен уважать его желания.

— Я не могу поверить этому, мистер Бейли.

— У меня есть его собственноручная записка и

запись голоса. Я не знаю, узнаете ли вы его почерк и голос, но даю вам честное слово, что это его, и на него не оказывалось никакого постороннего влияния, когда он делал эту запись.

Она ушла в свою каюту, чтобы в одиночестве прочитать и прослушать запись. Затем она вышла, как бы надломленная, но сказала твердо:

— Дэниел, ты высадишься один повидать его, но сообщишь мне все, что он сделает или скажет.

— Да, мадам, — ответил Дэниел.

Он перешел на корабль Бентли, и Бентли сказал:

— На эту планету роботы не допускаются, Дэниел, но для вас сделано исключение, потому что это желание моего отца, а он здесь в большом почете. Я не имею личного предубеждения против вас, вы понимаете. Но ваше присутствие здесь должно быть ограниченным. Вы прямо пойдете к моему отцу, а когда он закончит беседу с вами, вас сразу же отвезут обратно на орбиту. — Вы понимаете?

— Понимаю, сэр. Как ваш отец?

— Он умирает, — ответил Бентли, пожалуй, намеренно грубо.

— Я это тоже понимаю, — сказал Дэниел.

Голос его заметно дрогнул, естественно, не от

обычных эмоций, а потому что сознание смерти человека, хоть и неизбежной, нарушало его позитронные пути.

— Я имел в виду, долго ли ему осталось жить?

— Он должен был умереть еще некоторое время назад, но он держится за жизнь и отказывается умирать, пока не увидится с вами.

Они спустились с орбиты. Планета была обширной, но ее обитаемая часть казалась маленькой и убогой. День был облачный, недавно прошел дождь. Широкие прямые улицы были пусты, словно жители не были склонны собраться и поглазеть на робота. Наземный кар привез их к дому, несколько большему и впечатляющему, нежели большинство остальных. Они вошли в дом. У внутренней двери Бентли остановился:

— Мой отец там. Идите один. Он не хотел, чтобы я вошел с вами. Идите. Вы, наверное, не узнаете его.

Дэниел вошел в темную комнату. Глаза его быстро адаптировались, и он увидел покрытое простыней тело внутри прозрачного кокона, который был виден только из-за слабого блеска. В комнате стало чуть светлее, и Дэниел отчетливо увидел лицо.

Бентли был прав. Дэниел не увидел в этом лице

ничего от своего бывшего партнера. Оно было изможденное, костистое. Глаза были закрыты, и Дэниелу показалось, что он видит мертвеца. Он никогда не видел мертвого человека, и когда эта мысль пришла ему в голову, он покачнулся, ноги не держали его.

Старческие глаза открылись, и слабая улыбка прошла по бледным сморщенным губам:

— Дэниел, мой старый друг Дэниел!

Шепчущий звук слабо напоминал голос Илайджа Бейли. Из-под простыни медленно возникла рука, и Дэниелу показалось, что он все-таки узнал Илайджа.

— Партнер Илайдж, — тихо сказал он.

— Спасибо вам, Дэниел, что вы приехали.

— Для меня было важно приехать, партнер Илайдж.

— Я боялся, что вам не позволят. Они, даже мой сын, считают вас роботом.

— Я и есть робот.

Для меня — нет, Дэниел. А вы не изменились. Я не очень ясно вижу вас, но мне кажется, что вы все такой же, каким я вас помню. Когда я в последний раз видел вас? Тридцать один година зад?

— Да, и за это время я не изменился, так что видите, что я действительно робот.

— Зато я очень изменился. Я бы не позволил меня видеть таким, но я был слишком слаб, чтобы противиться желанию увидеть вас еще раз.

Голос Бейли стал чуточку сильнее, словно старик укрепился при виде Дэниела.

— Я рад вас видеть, партнер Илайдж, как бы вы ни изменились.

— А леди Глэдия? Как она?

— Хорошо. Она приехала со мной.

— Она не…

Болезненная тревога появилась в голосе Бейли.

— Нет, она осталась на орбите. Ей объяснили, что вы не хотите ее видеть, и она поняла.

— Это не так. Я очень хотел бы ее видеть, *но этому* искушению я сумел противостоять. Она не изменилась?

— Она по виду такая же, какой вы видели ее в последний раз.

— Это хорошо. Но я не мог позволить ей видеть меня *таким Я* не хочу, чтобы это стало ее последним воспоминанием обо мне. С вами другое дело.

— Потому что я робот, партнер Илайдж.

— Бросьте, Дэниел, — раздраженно сказал Бейли. — Вы не могли бы больше значить для меня,

если бы вы были человеком.

Некоторое время он лежал молча, затем продолжал:

— Все эти годы я ни разу не писал ей и не вызывал по гипервидению. Она все еще замужем за Гремионисом?

— Да, сэр.

— И счастлива?

— Я не могу судить об этом. По ее поведению нельзя предположить, что она несчастна.

— Дети есть?

— Разрешено иметь двоих.

— Она не сердилась, что я не подавал вестей?

— По-моему, она понимала ваши мотивы.

— Она когда-нибудь упоминала обо мне?

— Почти никогда, но, по мнению Жискара, она часто думает о вас.

— А как Жискар?

— Функционирует правильно, в манере, о которой вы знаете.

— Значит вы тоже знаете о его способностях?

— *Он* говорил мне, мистер Илайдж.

Бейли снова замолчал, затем пошевелился:

— Дэниел, я хотел, чтобы вы приехали, из эгоистического желания увидеть, что вы не изменились, что дыхание лучших дней моей жизни

все еще существует, что вы помните меня и будете помнить. Но я также хотел сказать кое-что вам. Я скоро умру, Дэниел, и знаю, что это известие дойдет до вас. Даже если бы вас не было здесь, если бы выбыли на Авроре, вам было бы известно. О моей смерти объявят в Галактических Новостях.

Его грудь приподнялась в слабом беззвучном смехе.

— Кто бы мог подумать когда-то? Глэдия, конечно, тоже услышит. Но она знает, что я должен умереть, и примет это как печальный факт. Но я боялся эффекта на вас, поскольку вы, как вы настаиваете, а я отрицаю, робот. Ради старых времен, вы, возможно, считаете своим долгом уберечь меня от смерти, а поскольку сделать это вы не можете, это произведет на вас вредный эффект. Поэтому давайте договоримся.

Голос Бейли слабел. Дэниел сидел неподвижно, но лицо его против обыкновения отражало эмоции — заботу и печаль. Глаза Бейли были закрыты, так что он не видел этого.

— Моя смерть, Дэниел, не имеет значения. Среди людей ни одна индивидуальная смерть не имеет значения. Умирая, человек оставляет после себя свою работу, и это не умирает полностью, пока существует человечество. Вы понимаете

меня?.

— Да, партнер Илайдж.

— Работа каждого индивидуума есть вклад в целое, и поэтому становится неумирающей частью целого. Это целое — человеческие жизни прошлого, настоящего и грядущего, ковер, существующий десятки тысячелетий, и он растет, совершенствуется и хорошеет. Космониты — ответвления ковра, они тоже добавляют совершенства и красоты в узор. Индивидуальная жизнь — всего лишь одна нитка в ковре, а что такое нитка в сравнении с целым? Дэниел, твердо думайте о ковре и не позволяйте одной выдернутой нити влиять на вас. В нем так много других нитей, каждая нужна, каждая участвует…

Бейли замолчал. Дэниел терпеливо ждал. Бейли открыл глаза, увидел Дэниела и слегка нахмурился.

— Вы еще здесь? Вам пора идти. Я сказал вам все, что хотел сказать.

— Я не хочу уходить, партнер Илайдж.

— Вы должны. Я не могу больше отдалять смерть. Я страшно устал. Я хочу умереть. Пора.

— Я не могу подождать, пока вы еще живы?

— Я не хочу этого. Если я умру на ваших глазах, это может чертовски скверно подействовать

на вас, несмотря на все мои слова. Уходите. Я приказываю. Я позволю вам быть роботом, если вы желаете. Но в этом случае, вы должны повиноваться моим приказам. Вы не можете спасти мне жизнь и ничего не можете сделать, так что Второй Закон тут ни к чему. Идите!

Он слабо указал пальцем на дверь и добавил:

— Прощайте, друг Дэниел.

Дэниел медленно повернулся с беспрецедентным затруднением.

— Прощайте, партнер…

Он сделал паузу и хрипловато закончил:

— Прощайте, друг Илайдж.

Бентли встретил его в другой комнате.

— Он еще жив?

— Был жив, когда я уходил.

Бентли пошел туда и тут же вернулся.

— Уже нет. Он увиделся с вами и ушел.

Дэниел прислонился к стене. Прошло некоторое время, прежде чем он сумел выпрямиться. Бентли отвел глаза и ждал, а затем они вернулись в маленький корабль и отправились на орбиту, где ждала Глэдия. Она тоже спросила, жив ли еще Илайдж, и когда ей сказали, повернулась и ушла в свою каюту плакать.

Дэниел продолжил свою мысль, как если бы

острое воспоминание о смерти Илайджа Бейли во всех деталях вторглось лишь на мгновение.

— Теперь, в свете речи мадам Глэдии, я как-то лучше понимаю, о чем говорил партнер Илайдж.

— В каком смысле?

— Я еще не вполне уверен. Очень трудно думать в том направлении, в каком я пытаюсь думать.

— Я буду ждать, сколько нужно, — сказал Жискар.

Джиновус Пандарал был высок и не очень стар. Копна густых белых волос и пушистые белые баки придавали ему достойный и изысканный вид. Его общий вид лидера помогал ему продвигаться по службе, но сам он прекрасно знал, что его внешность много сильнее внутреннего содержания. Когда его избрали в Директорат, он довольно быстро утратил первоначальный энтузиазм. Он был на глубоком месте, и автоматически поднимаясь каждый год, сознавал это все яснее. Сейчас он был Старшим Директором. 6 прежние времена задачи управления ничего собой не представляли. Чем был Бейлимир во времена Нефи Морлера восемь десятилетий назад? Маленьким мирком, струйкой ферм, кучкой городков, группировавшихся вокруг пригородных коммуникационных линий. Население не

превышало пяти миллионов, а основным экспортом было дерево и немного титана. Космониты полностью игнорировали их под более или менее благословенным влиянием Хэна Фастольфа с Авроры, и жизнь была проста. На род всегда мог съездить на Землю, если хотел вдохнуть культуры или ощущения технологии, и был постоянный поток эмигрантов с Земли! Мощность земного населения была неистощима.

Так почему бы Морлеру и не быть тогда Главным Директором? Ему же нечего было делать. В будущем управление, наверное, опять станет простым. Поскольку космониты продолжают вырождаться — каждый школьник знал, что они вырождаются и должны погрязнуть в противоречиях своего общества, правда, сам Пандарал был не вполне в этом уверен — а поселенцы увеличиваются в числе и силе, скоро настанет время, когда жизнь снова будет безопасной. Поселенцы будут спокойно жить и развивать собственную технологию. Когда Бейлимир станет второй Землей, и все остальные Миры тоже, а новые миры станут возникать в еще большем количестве, создастся Великая Галактическая Империя. Конечно, Бейлимир, как старейший и наиболее населенный из Поселенческих Миров, всегда

будет занимать первое место в этой Империи под благословенным управлением Матери-Земли. Но, увы, Пандарал был Старшим Директором не в прошлом и не в будущем, а сейчас. Хэн Фастольф уже умер, но Келдин Амадейро был жив.

Амадейро был против того, чтобы Земле разрешили отправлять поселенцев, еще два столетия назад, и он все еще жив и может принести неприятности. Космониты еще достаточно сильны, их не сбросишь со счетов, а поселенцы еще не настолько окрепли, чтобы уверенно идти вперед. Но поселенцы каким-то образом сдерживали космонитов, пока равновесие не слишком изменилось. Задача держать космонитов в спокойствии, а поселенцев в решительности и одновременно в здравомыслии падала, в основном, на плечи Пандарала, и эта задача была для него нежелательной и неприятной. В это холодное серое утро он шел по отелю один. Он не пожелал идти со свитой. Стражи безопасности вытягивались, когда он проходил мимо, но он почти не замечал их. Когда капитан стражи вышел ему навстречу, он спросил:

— Никаких неприятностей, капитан?

— Никаких, Директор. Все спокойно.

Пандарал кивнул.

— В какой комнате Бейли? Ага. А космонитка и ее роботы под охраной? Хорошо.

Он пошел дальше. В целом, Д. Ж. вел себя хорошо.

Покинутая Солярия могла быть для торговцев местом почти безграничного запаса роботов и источником высоких прибылей, хотя прибыли нельзя было считать естественным эквивалентом мира безопасности, как мрачно думал Пандарал. Но Солярию, набитую ловушками, лучше оставить в покое. Д. Ж. хорошо сделал, что сразу же убрался оттуда и взял с собой ядерный усилитель. Такие приборы были настолько массивны, что ими можно было пользоваться в громадных устройствах, предназначенных для уничтожения вторгшихся кораблей, да и то они еще не вышли из стадии разработки. Они были слишком огромны. Совершенно необходимо иметь меньшие варианты, и ДЖ правильно рассудил, что куда важнее, чем всех роботов, вместе взятых, привезти на Бейлимир этот прибор. Этот усилитель должен здорово помочь ученым Бейлимира. Однако, если один Внешний Мир имел портативный усилитель, почему бы не иметь и другим? Если это оружие достаточно мало, чтобы поместить его в корабль, космический флот

может без труда смахнуть любое количество Поселенческих Миров. Как далеко они ушли в этом развитии, и как скоро Бейлимир сможет прогрессировать в том Же направлении с помощью привезенного ДЖ усилителя? Он постучал в двери комнаты ДЖ, вошел, не дожидаясь ответа, и сел без приглашения. Это были немногие преимущества звания Старшего Директора.

ДЖ выглянул из ванной и сказал сквозь полотенце, которым вытирал голову:

— Рад был бы приветствовать ваше Директорское Превосходительство надлежащим образом, но вы застали меня в крайне недостойном виде, поскольку я только что из-под душа.

— А, заткнитесь, — раздраженно сказал Пандарал.

Обычно он всегда радовался неистощимому веселью Д. Ж., но не сегодня. В каком-то смысле он никогда по-настоящему не понимал ДЖ ДЖ был Бейли, прямой потомок великого Илайджа и основателя Бентли.

Это делало его естественным кандидатом на пост Директора, тем более, что он был добродушен, что нравилось публике. Однако, он выбрал карьеру торговца, трудную и опасную жизнь. Она могла обогатить его, но более вероятно, убить

или, что еще хуже, преждевременно состарить. Больше того, жизнь ДЖ, как торговца, держал а его месяцам и вдали от Бейлимира, а Пандарал предпочитал его советы советам большинства глав его департамента. Никогда нельзя было сказать, серьезен ли ДЖ, но слушать он умел. Пандарал тяжело произнес:

— Я не думаю, что речь этой женщины была лучшим из того, что могло случиться с нами.

ДЖ, почти уже одевшийся, пожал плечами:

— Кто мог предсказать это?

— Вы могли. Вы должны были узнать ее биографию, если решили увезти ее.

— Так я и узнал ее биографию, Директор. Она прожила более трех десятилетий на Солярии. Она выросла и жила в окружении одних роботов. Людей она видела только в трехмерном изображении, за исключением мужа, но и тот не часто посещал ее. Ей трудно было приспособиться, когда она приехала на Аврору, и даже там она жила в основном среди роботов. За два с лишним века она едва ли видела двадцать человек одновременно, а здесь было четыре тысячи. Я считал, что она может сказать лишь несколько слов, если вообще сможет. Откуда мне было знать, что она демагог?

— Вы должны были остановить ее. Вы же сидели рядом.

— Вы хотели скандала? Люди восхищались ею. Вы были там, и знаете, если бы я заставил ее сесть, они штурмовали бы платформу. Но ведь вы и сами, Директор, не пытались остановить ее.

Пандарал откашлялся:

— Я думал об этом, но каждый раз, когда оглядывался, встречался глазами с роботом — ну, тем, который похож на робота.

— С Жискаром. Ну и что? Он же не мог повредить вам?

— Я не знаю, но он нервировал меня и каким-то образом отгонял мои намерения.

— Ладно, неважно, Директор, — сказал Д.Ж.

Он теперь был полностью одет, и придвинул к собеседнику поднос с завтраком.

— Кофе еще горячий, берите булочку и джем. Все прошло хорошо. Не думаю, что публика переполнится любовью к космонитам и испортит нашу политику. Все это даже может пойти на пользу. Если космониты услышат о том, к чему она призывала, партия Фастольфа может усилиться. Хотя сам Фастольф умер, партия его жива, нам нужно поддержать ее политику умеренности.

— Я думаю о том, — сказал Пандарал, — что через пять месяцев соберется всепоселенческий конгресс, и я услышу множество ядовитых намеков на умиротворение Бейлимира и на любовь его жителей к космонитке.

Затем он угрюмо добавил:

— Скажу вам, чем меньше планета, тем больше на ней ястребов.

— А вы им на это скажите, — посоветовал Д.Ж. — На публике держитесь по-государственному, а когда отведете их в сторонку, посмотрите им прямо в глаза и скажите, что на Бейлимире свобода выражения, и мы намерены поддерживать ее и в дальнейшем. Скажите им, что Бейлимир принимает близко к сердцу интересы Земли, но если какая-нибудь планета хочет доказать большую преданность Земле тем, что объявит войну космонитам, Бейлимир будет с интересом наблюдать за этим, но и только. Это заткнет им глотки.

— Ой, нет, — с тревогой сказал Пандарал. — Такого сорта замечание может просочиться, и будет страшная вонь.

— К сожалению, вы правы. Не думайте об этом и не позволяйте этим безмозглым горлопанам уговорить вас.

Пандарал вздохнул:

— *Я* полагаю, что мы справимся, но прошлый вечер оборвал наши планы на высокой ноте. Вот о чем я реально жалею.

— На какой высокой ноте?

— Когда вы уехали с Авроры на Солярию, туда же отправились два аврорских корабля. Вы об этом знали?

— Нет, но предполагал что-то в этом роде, — равнодушно ответил ДЖ — Именно по этой причине я и попытался попасть на Солярию обходным путем.

— Один из аврорских кораблей приземлился на Солярии в нескольких тысячах километров от вас, так что он, похоже, не собирался следить за вами, а второй остался на орбите.

— Разумно. Я бы сделал тоже самое, если бы имея в своем распоряжении второй корабль.

— Приземлившийся второй корабль был уничтожен в считанные часы. Тот, что был на орбите, сообщил об этом и получил приказ вернуться. Торговая мониторная станция перехватила сообщение и передала нам.

— Рапорт был некодированным?

— Нет, конечно, кодированным, но этот код мы раскрыли.

ДЖ задумчиво кивнул:

— Очень интересно. *Я* полагаю, у них на борту не было никого, кто говорил бы по-соляриански.

— Ясное дело. Если никто не обнаружил, куда девались соляриане, эта ваша женщина — единственная подходящая солярианка в Галактике.

— И ее отдали мне. Не повезло аврорцам.

— Во всяком случае, я хотел объявить о гибели аврорского корабля вчера вечером. Просто как факт, без злорадства. Это, наверное, возбудило бы всех поселенцев в Галактике — в смысле, что мы вернулись, а аврорцы — нет.

— Прекрасно. Это тоже выставило бы нас и женщину в хорошем свете. Но теперь все ни к чему. После того, что сделала эта женщина, все остальное пройдет мимо, даже известие о разрушении аврорского корабля.

Не говоря уже о том, что все аплодировали любви и родственным отношениям. Было бы противоестественно через полчаса аплодировать смерти двухсот аврорских родственников.

— Полагаю, что так. Таким образом, мы получим страшный психологический удар.

ДЖ нахмурился.

— Забудьте об этом, Директор. Вы всегда сможете развернуть пропаганду в более подходящее время. Важно одно: что все это означает. Аврор-

ский корабль был сокрушен. Это значит, что он не ожидал использования ядерного усилителя. Второму кораблю приказали возвращаться, *и* это может означать, что корабль не был снабжён защитой против такого оружия, а может быть, такой защиты у них вообще нет. Из этого я заключаю, что портативный усилитель, или хотя бы полупортативный — исключительно солярианского производства, а не обще-космонитского. Если так, то это хорошее известие для нас. Так что в данный момент не беспокойтесь о пропаганде, а сосредоточьтесь на том, чтобы выжать всю информацию из этого усилителя. Желательно опередить в этом космонитов, если удастся.

Пандарал пожевал булочку и сказал:

— Наверное, вы правы, но как в этом случае мы подгоним другие известия?

— Какие? Послушайте, Директор, вы собираетесь дать мне информацию, которая мне нужна, чтобы вести разумную беседу? Или намерены бросать ее частями в воздух и заставлять меня прыгать за ней?

— Не злитесь, Диджи. Не было бы смысла разговаривать с вами, если бы я не мог держаться свободно. Вы знаете, что такое совещание Директората? Не желаете взять на себя мою работу? Вы

можете ее получить, как вам известно.

— Нет, спасибо, не хочу. Я хочу только получить от вас немного новостей.

— Мы получили послание от Авроры, актуальное. Они соизволили обратиться непосредственно к нам, а не через Землю.

— Стало быть, важное послание, они хотят…

— Они хотят, чтобы солярианка вернулась домой.

— Они явно знают, что наш корабль ушел с Солярии и вернулся на Бейлимир. У них тоже есть мониторные станции, и они тоже перехватывают наши рапорты.

— Наверняка, — с раздражением сказал Пандарал. — Они расшифровали наши коды так же быстро, как и мы их. Никому из нас не хуже.

— Они сказали, зачем им женщина?

— Конечно, нет! Космониты не объясняют, а приказывают.

— Может, они точно знают, что она выполнила на Солярии? Поскольку никто, кроме нее, не говорит по-соляриански, может они хотят, чтобы она очистила планету от надзирателей?

— Откуда им было это узнать, Диджи? Мы объявили о ее роли только вчера вечером, а послание с Авроры было получено гораздо раньше. Но

неважно, зачем она им. Вопрос в другом: что нам делать? Если мы не вернем ее, мы можем вызвать нежелательный кризис, если вернем, это будет плохо выглядеть для наших жителей, а старик Бастермейн будет кричать, что мы пресмыкаемся перед космонитами.

Они переглянулись, и Д.Ж. сказал:

— Мы вернем ее. В конце концов она космонитка и гражданка Авроры, иначе мы поставим под удар всех торговцев, которые заходят по делам на территорию космонитов. Но отвезу ее я, Директор, и вы не можете порицать меня. Когда я брал ее на Солярию, был уговор, что я верну ее на Аврору. Официально ничего не записано, но я человек чести, и должен сдержать обещание. Это может обернуться к нашей выгоде.

— Каким образом?

— Придумаем. Но если это сделать, Директор, мой корабль должен быть отремонтирован для полета. И моим людям нужна премия. Они же лишаются отпуска.

Принимая во внимание, что Д. Ж. предполагал появиться на своем корабле не раньше, чем через три месяца, он, как ни странно, пребывал в благодушном настроении.

А принимая во внимание, что Глэдия теперь

имела помещение, более роскошное, чем раньше, она, как ни странно, была несколько удручена.

— Зачем все это, Диджи?

— Смотрите в зубы дареному коню?

— Я просто спрашиваю, почему.

— По одной причине, миледи: вы — героиня класса А, а когда корабль ремонтировался, это помещение было задумано для вас.

— Но ведь корабль не увеличился. У кого отняли?

— Вообще-то это была комната отдыха для команды, но ребята настаивали, вы помните Нисса?

— Конечно.

— Он хочет, чтобы вы взяли его на место Дэниела. Он говорит, что Дэниел не рад работе и извиняется перед своими жертвами, а он, Нисс, отлупит всякого, кто доставит вам хоть малейшую неприятность, сделает это с удовольствием и, уж конечно, не станет извиняться.

Глэдия улыбнулась.

— Скажите ему, что я польщена его предложением, и в следующий раз, когда мы с ним увидимся, с удовольствием пожму ему руку. В тот раз я отказалась, а, наверное, зря.

— Надеюсь, Вы наденете перчатки, когда стане-

те пожимать руки.

— Конечно, но я вот думаю, так ли это необходимо. Я уже не так часто простужаюсь с тех пор, как уехала с Авроры. Инъекции, которые мне сделали, видимо, укрепили мою иммунную систему.

Она снова огляделась.

— Вы даже сделали ниши для Дэниела и Жискара. Вы очень внимательны, Диджи.

— Мадам, мы очень старались, чтобы вы были довольны.

— Странное дело, — сказала Глэдия.

Она как бы сама удивилась тому, что хотела сказать.

— Я не уверена, что хочу уезжать с вашей планеты.

— Вот как? Холод, снег, грязно, примитивно, бесконечные приветствующие толпы всюду. Что может привлекать вас здесь?

Глэдия покраснела:

— Конечно, не приветствующие толпы.

— Позволю себе поверить вам, мадам.

— Дело совсем в другом. Я никогда ничего не делала. Я занимала себя разными тривиальными способами. Я занималась светоскульптурой и экзодизайном роботов. Я занималась любовью, была женой и матерью, и ни в чем этом не чув-

ствовала себя личностью. Если бы я внезапно исчезла из жизни или вообще никогда не родилась, это никого бы не огорчило, кроме, может быть, одного-двух близких друзей. Теперь же дело другое.

— Да?

Чуть заметная насмешка промелькнула в голосе Д. Ж.

— Да! Я могу влиять на людей. Я могу выбрать дело и сделать его своим. Я выбрала такое дело. Я хочу предупредить войну. Я хочу, чтобы Вселенную заселили и космониты и поселенцы одинаково. Я хочу работать над этим, чтобы после меня история изменилась благодаря мне, и люди сказали бы: «Если бы не она, все могло быть гораздо хуже».

Она повернула к Д. Ж. сияющие лицо.

— Понимаете ли вы, что значит после двух с лишним столетий безделья получить шанс стать кем-то, узнать, что жизнь вовсе не пуста и бессодержательна, что есть в ней нечто удивительное, стать счастливой много времени спустя после того, как была утрачена всякая надежда на счастье?

— Но вы этого ничего не получите на Бейлимире, мадам, — сказал Д. Ж. чуточку смущенно.

— Я не получила бы этого на Авроре. Там я всего только солярианская женщина, эмигрантка. На Поселенческом Мире я космонитка — нечто необычное.

— Однако, вы много раз и очень настойчиво утверждали, что хотите вернуться на Аврору.

— Некоторое время назад — да, но сейчас я не говорю этого, Диджи. Теперь я не хочу возвращаться.

— Это могло бы сильно повлиять на вас. Но Аврора желает вашего возвращения. Так она нам заявила.

Глэдия оторопела:

— Они *хотят* этого?

— Официальное письмо из кабинета Председателя Авроры требует вас. Мы бы рады оставить вас, но Директор решил, что это может вызвать межзвездный кризис. Я не согласен с этим, но мне приказали.

Глэдия нахмурилась.

— Зачем я им? Я жила на Авроре больше двух столетий, и мною ни разу не интересовались. Может, они теперь рассматривают меня как единственный способ остановить надзирателей на Солярии? Как вы думаете?

— Такая мысль приходила мне в голову; ми-

леди.

— Но я не могу. Одну надзирательницу я оттаскивала за волосы, но никогда не смогу повторить того, что сделала. Я знаю, что не смогу. Кроме того, зачем им высаживаться на планету? Они могут уничтожить надзирателей издали, раз они теперь знают, каковы эти надзиратели.

— Дело в том, что послание с Авроры с требованием вернуть вас было послано задолго до того, как на Авроре могли узнать о вашем конфликте с надзирательницей. У них какая-то другая причина требовать вас обратно.

— Ох!

Она выглядела совершенно ошеломленной, но затем снова оживилась:

— Мне наплевать на их причины. Я не хочу возвращаться. У меня есть здесь работа, и я собираюсь продолжать ее.

Д. Ж. встал:

— Рад слышать это от вас, мадам Глэдия. Я надеялся, что вы почувствуете что-нибудь вроде этого. Я обещаю вам, что сделаю все возможное, чтобы взять вас с собой, когда оставлю Аврору. Однако сейчас я должен ехать на Аврору, и вы должны ехать со мной.

Глэдия следила за исчезающим Бейлимиром с

совершенно иными эмоциями, чем были у нее, когда она приближалась к этой планете. Да, это действительно был холодный, серый, жалкий мир, каким он и казался с самого начала, но в нем была жизнь и тепло народа, реальные; основательные. Солярия, Аврора, другие Внешние Миры, которые она посещала или видела по гипервидению, все казались неполноценными, наполненными нематериальным народом. Много или мало было жителей на Внешнем Мире, они распространялись, как молекулы газа, и заполняли планету. Казалось, будто космониты отталкиваются друг от друга. Глэдия мрачно подумала, что так оно и есть. Космониты всегда отталкивали ее. Она привыкла к такому отдалению на Солярии, но даже на Авроре, где она сначала так неудачно экспериментировала с сексом, последний радовавший аспект его был близостью по необходимости. Исключение — с Илайджем. Но Илайдж не был космонитом.

Бейлимир был не такой. Наверное, все Переселенческие Миры не такие. Поселенцы держатся вместе, вокруг них масса необитаемых мест, но это до тех пор, пока возросшее население не заполнит их. Поселенческий Мир — это мир людских кучек из камешков или булыжников,

но не из газа. Почему так? Из-за роботов? Они уменьшают зависимость одних людей от других. Они заполняют промежутки. Они являются изоляционным материалом, уменьшающим естественную тягу людей друг к другу, так что вся система оказывается в изоляции. Да, конечно. Нигде не было столько роботов, как на Солярии, и изоляционный эффект был так велик, что люди стали инертными и почти не общались между собой. «Куда же ушли солярианe? — думала Глэдия, — и как они живут?» Долгая жизнь тоже, наверное, играла роль. Как может человек иметь эмоциональные привязанности, если они после многих десятилетий превратятся в озлобленность? Или, если человек умрет, как другой будет переносить утрату в течение многих десятилетий? Поэтому человек учится не иметь эмоциональных привязанностей и сам себя помещает в изоляцию. С другой стороны, короткоживущие не могли бы так легко пережить очарование жизни. Когда поколения сменяются так быстро, клубок очарования перебрасывается из рук в руки, даже не касаясь земли. Она недавно говорила Д.Ж., что ей нечего делать или знать, что она испытала Все и передумала обо всем, и ей осталась только скука. Ей никогда даже не сни-

лось, что она будет стоять перед толпой людей, говорить перед морем голов и слышать ответ в бессловесных звуках, смешаться с такой толпой, стать единым громадным организмом. А сколько еще такого, о чем она не знала, не подозревала, несмотря на всю долгую жизнь! Что еще можно испытать?

Дэниел мягко сказал:

— Мадам Глэдия, капитан ДЖ сигнализировал, что хочет войти.

— Впусти его.

ДЖ вошел.

— Я думал, что вас нет дома.

Глэдия улыбнулась:

— Можно сказать и так. *Я* погрузилась в размышления. Со мной это иногда случается.

— Счастливая женщина) Мои мысли никогда не бывают столь широки, чтобы я в них затерялся. Ну, вы примирились с посещением Авроры, мадам?

— Нет. Среди мыслей, в которых я потерялась, была и та, что я все еще не могу понять, зачем вам ехать на Аврору. Дела ведь не только в том, чтобы отвезти меня: это мог сделать любой грузовой корабль.

— Могу я сесть, мадам?

— Конечно. И нечего спрашивать, капитан. Я хотела бы, чтобы вы перестали обращаться со мной, как с аристократкой. Это становится утомительным. А если это ироническое указание на то, что я космонитка, тогда еще хуже. Я даже предпочла бы, чтобы вы звали меня Глэдией.

— Вы, кажется, хотите отказаться от вашей космонитской сущности?

— Я просто хочу забыть о несущественных различиях.

— Несущественных? Ваша жизнь в два раза длиннее моей.

— Как ни странно, я даже считала это досадной невыгодой для космонитов. Скоро мы достигнем Авроры?

— На этот раз обходных маневров не будет. Через несколько дней делаем Прыжок, и там два-три дня — и Аврора.

— А зачем *вам* ехать. на Аврору, Диджи?

— Я мог бы сказать, что просто из вежливости, но в действительности я хотел бы воспользоваться случаем объяснить вашему Председателю или хотя бы кому-то из его подчиненных, что произошло на Солярии.

— Разве они этого не знают?

— В основном, знают. Они перехватывают

наши сообщения, как и мы делаем в обратной ситуации. Однако, они могут сделать неправильные выводы, *и* в этом случае я хотел бы их поправить.

— Каков же правильный вывод?

— Как вы знаете, надзиратели на Солярии обучены считать особу человеком лишь а том случае, если она говорит по-солярианск*и*. Это означает, что не только поселенцы, но и все космониты-несоляриане не считаются людьми. Точнее говоря, аврорцы, высадившиеся на Солярии, не были сочтены людьми.

Глэдия широко раскрыла глаза.

— Невероятно! Соляриане не стали бы программировать надзирателей относиться к аврорцам также, как к вам.

— Не стали бы? Они уже уничтожили авроpский корабль. Вы знаете об этом?

— Нет, я не знала.

— Уверяю вас, что это так. Аврорский корабль приземлился примерно в тоже время, что и мы. Мы улетели, а они — нет. Знаете ли, у нас были вы, а у них — нет. Отсюда возможен вывод, что Аврора не может автоматически считать союзниками другие Внешние Миры. При необходимости каждый Внешний Мир будет сам по себе.

Глэдия затрясла головой:

— Нельзя так обобщать. Возможно, солярианам трудно было заставить надзирателей реагировать благоприятно на пятьдесят акцентов и неблагоприятно на все остальные, легче приучить их к одному акценту. Соляриане считали, что никто из Внешних Миров не высадится на их планете, когда она будет покинута.

— Да, я уверен, что аврорское руководство согласится с этим, поскольку людям всегда легче сделать приятный вывод. Но я хочу показать им также и возможность неприятного вывода, и пусть им станет действительно неуютно. Простите мое самомнение, но, по-моему, никто не сделает это лучше меня, и, следовательно, именно я должен ехать на Аврору.

Глэдия как бы разрывалась. Она не хотела быть космониткой, она хотела быть человеком и забыть о том, что она называла «несущественными различиями». Но когда ДЖ с явным удовлетворением говорил о том, как он поставит Аврору в унизительное положение, она почувствовала себя все-таки космониткой.

— Я думаю, что Поселенческие Миры тоже имеют свои особенности. Разве не каждый из них сам по себе?

ДЖ покачал головой:

— Вам может показаться, что это именно так, и я не удивлюсь, если каждый поселенец и его мир иногда ставит свои интересы выше общего блага, но у нас есть то, чего не хватает космонитам.

— А именно? Большее благородство?

— Конечно, нет. Мы не более благородны, чем космониты, но у нас есть Земля. Это наш мир. Каждый поселенец посещает его по возможности часто. Каждый поселенец знает, что есть большой развитый мир с невероятно богатой историей, по культурен экологической сложности отличающийся оттого мира, к которому принадлежит поселенец. Поселенческие Миры могут ссориться друге другом, но ссора не может кончиться насилием или разрывом отношений, потому что Земное правительство немедленно призовет их к порядку, а решения Земли достаточны и не обсуждаются. Вот наши три преимущества, мадам Глэдия: отсутствие роботов, позволяющее нам строить новые миры своими руками, быстрая смена поколений, дающая постоянную перемену, и, самое главное, Земля, дающая нам центральный стержень.

— Но космониты… — начала было Глэдия.

Она замолчала. ДЖ улыбнулся с легкой горе-

чью:

— Вы хотели сказать, что космониты тоже потомки землян, и Земля тоже их планета? Фактически правильно, но психологически неверно. Космониты сделали все, что могли, чтобы отказаться от своего наследства. Они не признают себя выходцами с Земли. Будь я мистиком, я бы сказал, что космониты, оторвавшись от своих корней, долго не просуществуют. Но я не мистик, поэтому не выражусь в такой форме, но все равно они долго не просуществуют, я уверен.

Он помолчал, и добавил с некоторым смущением, как бы осознав, что его экзальтация задела Глэдию за живое:

— Пожалуйста, думайте о себе как о человеке, а не как о космоните, и я буду думать о себе как о человеке, а не како поселенце. Человечество выживет то ли в виде поселенцев, то ли в виде космонитов, то ли тех и других вместе. Я думаю, что в виде поселенцев, но может, я и ошибаюсь.

— Нет, — сказала Глэдия.

Она старалась не выражать эмоций.

— Я думаю, что вы правы, если только люди не перестанут отличать космонитов от поселенцев. Это и есть моя цель — научить их не различать.

— Я задерживаю ваш обед, — сказал Д.Ж.

Он взглянул на часы:

— Могу я поесть с вами?

— Конечно.

Д.Ж. встал.

— Тогда я пойду и принесу. Я бы послал Дэниела или Жискара, но не хочу привыкать приказывать роботам. Кроме того, хотя команда и обожает вас, ее обожание вряд ли распространяется на ваших роботов.

Глэдии, в сущности, не хотелось есть, когда ДЖ принес еду. Она еще не могла привыкнуть к недостатку тонкости во вкусе пищи, приготовление которой было, видимо, унаследовано от земного. Но особо неприятной еда не была, и Глэдия флегматично ела. ДЖ заметил недостаток энтузиазма в ней и спросил:

— Надеюсь, пища не вредна вам?

— Нет. Видимо, я привыкаю. Сначала было несколько неприятных эпизодов, но ничего серьезного.

— Я рад этому. Но вот что, мадам…

— Да?

— Можете ли вы представить причину, по которой аврорское правительство столь настойчиво желает вернуть вас? Дело не в нашем обращении с надзирательницей и не в вашей речи. Требова-

ние было выложено до того, как они могли узнать об этих событиях.

— В таком случае, — грустно сказала Глэдия, — я вовсе не нужна им, и никогда не была нужна.

— Но что-то должно быть. Я же говорил вам, что письмо было от имени Председателя Совета Авроры.

— В данном случае именно этого Председателя можно рассматривать как подставное лицо.

— Да? И кто же стоит за ним? Келдин Амадейро?

— Точно. Значит, вы его знаете?

— О, да, — мрачно ответил Д. Ж. — Центр антиземного фанатизма. Человек, который был политически стерт доктором Фастольфом два столетия назад, но выжил и угрожает нам снова. Вот пример долголетия мертвой руки.

— Но тут такая странность: Амадейро — человек мстительный. Он знает, что причиной его поражения, о которой вы упомянули, был Илайдж Бейли, и уверен, что я тоже принимала в этом участие, и его крайняя неприязнь распространяется и на меня. Если Председатель хочет видеть меня, то потому лишь, что этого хочет Амадейро, а зачем я нужна Амадейро? Он должен быть рад, что избавился от меня. Наверное, именно потому

он послал меня с вами на Солярию, рассчитывая, что ваш корабль погибнет, и я вместе с ним. Это ничуть не огорчило бы Амадейро.

— Он не стал бы оплакивать вас, да? Но вам, надо полагать, никто не сказал: «Поезжайте с этим дураком-поселенцем, и мы порадуемся, что вас там убьют»?

— Нет. Мне сказали, что вы страшно нуждаетесь в моей помощи, что в настоящее время существует политика сотрудничества с Поселенческими Мирами, и для Авроры будет великим благом, если я по возвращении сообщу обо всем, что происходит на Солярии.

— Да, конечно, они должны были сказать так. Но когда, вопреки их ожиданиям, наш корабль вернулся, а аврорский погиб, им, конечно, захотелось узнать из первых рук о происшедшем. Следовательно, когда я увез вас на Бейлимир вместо Авроры, они взвыли и потребовали вашего возвращения. Так вполне могло быть. Но сейчас-то им известна вся история, так зачем им вы? Хотя они это знают из гипервидения Бейлимира, и, может быть, не принимают на веру. Но все-таки…

— Что все-таки, Диджи?

— Все-таки инстинкт мне говорит, что в их

послании сквозит желание не только послушать ваш рапорт. За настойчивостью требования, мне кажется, скрывается что-то другое.

— Но ничего другого не может быть, — сказала Глэдия.

— Хотел бы я знать, — задумчиво ответил Д.Ж.

— Я тоже хотел бы знать, — сказал ночью Дэниел из своей ниши.

— О чем, друг Дэниел? — спросил Жискар.

— Об истинном значении послания с Авроры, требующего возвращения леди Глэдии. Мне, как и капитану, желание получить рапорт кажется не вполне достаточным.

— У тебя есть альтернативное предположение?

— Есть одна мысль.

— Могу я узнать ее?

— Мне думается, что в требовании Совета Авроры содержится нечто большее, чем говорится; и они, возможно, желают видеть не мадам Глэдию.

— Кого же они еще могут получить, кроме мадам Глэдии?

— Друг Жискар, мыслимо ли, чтобы леди вернулась без нас?

— А зачем мы с тобой нужны Совету Авроры?

— Я им не нужен, а ты уникален, потому что

можешь чувствовать мозг.

— Так-то так, друг Дэниел, но они этого не знают.

— А не может быть так, что после нашего отъезда они каким то образом обнаружили, что это факт, и горько пожалели, что отпустили нас?

— Нет этого не может быть, — без колебаний сказал Жискар.

— Откуда им это узнать?

— Я размышлял в этом отношении, — осторожно сказал Дэниел. — Ты вовремя своего давнего визита на Землю с доктором Фастольфом ухитрился исправить несколько земных роботов и дал им ограниченные умственные способности, достаточные для того, чтобы продолжать свою работу — влиять на правительство Земли в смысле благоприятного отношения к заселению планет. Ты сам однажды так говорил мне. Таким образом, роботы на Земле способны к исправлению мыслей. Затем, как мы недавно предположили, Институт Роботехники Авроры послал гуманоидных роботов на Землю. Мы не знаем точно, с какой это было сделано целью, но во всяком случае, можно считать, что такие роботы наблюдают за событиями на Земле и сообщают на Аврору, Даже если аврорские роботы не могут

чувствовать мозг, они могут посылать рапорты о том, что то или иное мнение или официальное лицо вдруг изменило свое отношение к Поселенчеству, и, может быть, как раз в то время, когда мы уезжали с Авроры, кого-то из власть имущих на Авроре осенило, что все это можно объяснить присутствием на Земле мысленаправляющих роботов. Возможно, такое присутствие можно связать либо с доктором Фастольфом, либо с тобой. Тогда аврорскому правительству станет ясно значение некоторых других событий, которые можно связать скорее с тобой, чем с доктором Фастольфом. В результате они отчаянно хотят получить тебя обратно, но не могут открыто требовать тебя, потому что это выдает факт их нового знания. Вот они и требуют леди Глэдию — естественное требование — зная, что если она вернется, то вместе с нами.

Жискар молчал долгую минуту.

— Рассуждение очень интересное, друг Дэниел, но кое-что в нем не клеится. Те роботы, которых я программировал, выполнили свою работу более столетия назад, и с тех пор бездеятельны, по крайней мере, в том, что касается мысленаправления. Больше того, Земля удалила роботов из городов в ненаселенную местность уже давно. Это озна-

чает, что человекоподобные роботы, посланные, как мы думаем, на Землю, не имели случая встретиться с моими мысленаправляющими роботами или даже узнать о них, тем более, что роботы давно не занимаются мысленаправлением. Так что совершенно невозможно, чтобы мои особые способности были обнаружены.

— А нет ли другого пути к их обнаружению?

— Нет, — твердо ответил Жискар.

— И все-таки хотел бы я знать, — сказал Дэниел.

Келдин Амадейро не имел иммунитета к человеческой язве памяти. Он был даже более чувствителен к ней, чем большинство людей. Кроме того, цепкость памяти сопровождалась необычайной интенсивностью глубины и незатухающей яростью и разочарованием. Два столетия назад все шло так хорошо! Он стал главой Института Роботехники и до сих пор оставался им. В течение одного триумфального момента ему казалось, что он наверняка получит полный контроль над Советом, смахнув своего главного врага, Хэна Фастольфа, и оставив его в беспомощной оппозиции. Если бы только… Он пытался не думать об этом, но его память снова и снова показывала ему все, словно мало ему было скор-

би и отчаяния. Если бы он победил, Земля так и осталась бы в изоляции и одиночестве, и он увидел бы, как она клонится к упадку, загнивает и в конце концов угасает в разложении. Почему бы и нет? Короткоживущему народу на больной перенаселенной планете лучше умереть, в сто раз лучше умереть, чем жить той жизнью, какую они заставили себя вести.

Внешние Миры, спокойные, безопасные, должны были распространяться дальше. Фастольф всегда уверял, что космониты живут слишком долго и слишком комфортабельно на своих роботизированных подушках, чтобы стать пионерами, и Амадейро показал бы его неправоту. Но победил Фастольф. В критический момент явного провала он каким-то непостижимым, невероятным образом вышел, так сказать, в свободное пространство, вынырнул из положения явного поражения и захватил победу. Это, конечно, был тот землянин, Илайдж Бейли… Но несовершенная в другом отношении память Амадейро всегда обходила землянина стороной. Амадейро не мог вспомнить ни его лицо, ни голос, ни поступки. Достаточно было одного имени. Два столетия не угасили ненависть Амадейро, ни на йоту не смягчили боль. В результате политики

Фастольфа презренные земляне разлетелись со своей гнилой планеты и стали заселять один мир за другим. Вихрь земного прогресса ошеломил Внешние Миры и парализовал их. Сколько раз Амадейро обращался к Совету, указывая, что Галактика ускользает из космонитских пальцев, что Аврора тупо смотрит, как одна планета за другой захватывается низшей расой, что каждый год апатия крепче сжимает дух космонитов. «Поднимайтесь!» — призывал он. — «Смотрите, как растет их число! Смотрите, как множатся Поселенческие Миры! Чего вы ждете? Когда они возьмут нас за глотки?»

И всегда Фастольф отвечал мягко и успокаивающе ему и аврорцам, а другие космониты, всегда следовавшие за каждым лидером, снова возвращались к своей дремоте. Очевидность как бы не касалась их. Цифры, факты, бесспорное ухудшение дел от десятилетия к десятилетию оставляли их неподвижными. Можно ли постоянно кричать им правду, давать прогнозы и видеть, как большинство следует за Фастольфом как бараны. Как могло быть, что сам Фастольф, видя, что все его слова — полнейший вздор, так и не свернул со своей политики. И ведь он не из упрямства не признавал своих ошибок — он просто не видел

их. Будь Амадейро любителем фантастики, он, вероятно, подумал бы, что на Внешние Миры наведены чары, какое-то колдовство апатии, что некто, обладающий магической силой, повернул по-другому активность мозга, скрыл истину от глаз. И как последняя утонченная агония — народ жалел Фастольфа, умершего глубоко разочарованным, как говорили, тем, что космониты таки не захватили для себя новых планет. А ведь как раз политика Фастольфа и удержала их! Какое право имел он чувствовать разочарование после этого? А что было бы с ним, если бы он, как Амадейро, видел и говорил правду, но не мог заставить космонитов ощущать себя?

Сколько раз Амадейро думал, что Галактике лучше быть пустой, чем под властью недочеловеков. Будь у него магическая сила, чтобы уничтожить Землю — мир Илайджа Бейли — одним кивком головы, с какой радостью он сделал бы это! Однако искать убежища в подобных фантазиях — признак полного отчаяния. Время от времени его посещало желание уйти, призвать смерть, если бы его роботы позволили ему это. Затем настало время, когда власть разрушить Землю была дана ему, даже навязана силой против его вол и. Это время пришло три четверти

десятилетия назад, когда он впервые встретился с Левуларом Мандамусом.

Воспоминание! Три четверти десятилетия назад…

Амадейро поднял глаза и увидел входившего в кабинет Мэлуна Сисиса. Он, без сомнения, дал сигнал, но имел право войти, если сигнал не был замечен. Амадейро вздохнул и отложил в сторону маленький компьютер. Сисис был его правой рукой со времени основания Института. Он состарился на службе Амадейро. Радикальных перемен не было заметно, просто общий вид легкого разложения. Нос казался несколько более асимметричным, чем раньше. Амадейро потер собственный нос и подумал, как скверно, что запах легкого разложения окутал и его. Когда-то его рост был 1,95 — хороший рост даже по космонитским стандартам. Конечно, он держится так же прямо, как и раньше, но рост уменьшился на два сантиметра. Значит, он уже начал съеживаться, сжиматься? Он отогнал эти кислые мысли, которые уже сами по себе являлись признаками возраста, испросил:

— В чем дело, Мэлун?

По пятам Сисиса шел его личный робот, очень современный, элегантно глянцевитый. Это тоже

было возрастным признаком: когда человек уже не может сохранять молодое тело, он покупает нового молодого робота. Амадейро никогда не решался вызывать улыбки настоящих молодых людей и не впадал в эту иллюзию, в особенности потому, что Фастольф, который был старше Амадейро на восемьдесят лет, никогда этого не делал.

— Мандамус опять пришел, шеф, — сказал Сисис.

— Какой Мандамус?

— Тот, который добивался встречи с вами.

Амадейро задумался.

— Вы имеете в виду того идиота, который потомок солярианки?

— Да, сэр.

— Ну, а я вовсе не хочу видеть его. Разве вы не разъяснили ему это, Мэлун?

— Полностью разъяснил. Он попросил, чтобы я передал вам записку, и сказал, что тогда вы примете его.

— Не думаю, — протянул Амадейро. — Что сказано в записке?

— Я не понял ее, шеф. Она не на галактическом.

— Почему же я должен понять ее?

— Не знаю, но он просил передать ее вам. Если вы соблаговолите взглянуть на нее и скажете слово, я вернусь обратно и тут же выгоню его.

— Ну ладно, давайте, — сказал Амадейро.

Он с отвращением взглянул на записку.

«Сетерум севсос, деленда ест Картаго».

Амадейро прочитал, поглядел на Мэлуна, снова на записку и наконец сказал:

— Вы, стало быть, видели это, раз говорите, что она не на галактическом. Вы спросили его, что это значит?

— Да, спросил, шеф. Он сказал, что это латынь, но мне это ничего не дало. Он сказал, что вы поймете. Он человек очень решительный, и он сказал, что будет сидеть хоть весь день, пока вы не прочтете.

— Какой он из себя?

— Худой, серьезный, вероятно, лишен юмора, высокий, но не такой, как вы, внимательные, глубоко посаженные глаза, тонкие губы.

— Сколько ему лет?

— Судя по его коже, я бы сказал, что ему четыре десятилетия или около того. Он очень молод.

— В таком случае, надо учесть его юность. Пошлите его сюда.

Сисис удивился:

— Вы примете его?

— Я именно это и сказал, верно? Пошлите его сюда.

Молодой человек вошел в кабинет почти строевым шагом, вытянулся перед столом и сказал:

— Благодарю вас, сэр, что согласились принять меня. Могу ли я получить ваше разрешение на присоединение ко мне моих ро ботов?

Амадейро поднял брови.

— Рад буду увидеть их. Вы мне позволите оставить здесь моих?

Уже очень много лет он ни от кого не слышал старинной формулы насчет роботов. Это был один из добрых старых обычаев, которые канули в небытие, когда понятие об официальной вежливости потускнело и стало более приемлемым, что личные роботы человека есть часть его самого.

— Да, сэр, — сказал Мандамус.

Вошли два робота. Амадейро заметил, что они не входили, пока не было получено разрешение. Роботы были новые, явно эффективные, и показывали признаки хорошей выработки.

— По вашему собственному дизайну, доктор Мандамус? В роботах, спроектированный Хозяевами, всегда есть что-то особо ценное.

— Правильно, сэр.

— Значит, вы роботехник?

— Да, сэр. Я получил степень в Университете на Эос.

— Под чьим руководством вы работали?

— Не у доктора Фастольфа, сэр. Под руководством доктора Максельника.

— Ага, но вы не член Института.

— Я попросил разрешения войти в него, сэр.

— Понятно.

Амадейро поправил бумаги на столе и быстро спросил, не поднимая глаз:

— Где вы изучили латынь?

— Я не настолько знаю латынь, чтобы говорить и читать, но достаточно, чтобы знать эту цитату и где ее применить.

— Это само по себе замечательно. Как это случилось?

— Я не могу отдать роботехнике каждую минуту своего времени, поэтому у меня есть другие интересу, например, планетология, с особым упором на Землю. Это привело меня к изучению земной истории и культуры.

— Непопулярная тема у космонитов.

— Да, сэр, и это очень плохо. Всегда нужно знать своих врагов, как знаете вы, сэр.

— А я знаю?

— Да, сэр. Я уверен, что вы знакомы со многими аспектами Земли и знаете гораздо больше меня, поскольку изучали предмет дольше.

— Откуда вы это знаете?

— Я пытался узнать о вас все, что возможно, сэр.

— Потому что я тоже ваш враг?

— Нет, сэр, но потому, что я хочу сделать вас своим союзником.

— Меня? Как вы собираетесь использовать меня? Вам не кажется, что вы несколько дерзки?

— Нет, сэр, поскольку я уверен, что вы захотите стать моим союзником.

Амадейро внимательно посмотрел на него.

— А вот *мне* кажется, что вы не просто дерзки, а нахальны. Вы понимаете цитату, которую подобрали для меня?

— Да, сэр.

— Переведите ее на Стандартный Галактический.

— «По моему мнению, Карфаген должен быть уничтожен».

— И что это означает, по вашему мнению?

— Это сказал Маркус Порциус Катон, сенатор Римской республики, политической единицы древней Земли. Она свалила своего главного

соперника — Карфаген, но не уничтожила его. Катон считал, что Рим не может быть в безопасности, пока Карфаген полностью не разрушен, и со временем, сэр, это было сделано.

— Но что для нас Карфаген, молодой человек?

— Существует такая вещь, как аналогия.

— И что это означает?

— Что у Внешних Миров есть главный соперник, который, по моему мнению, должен быть уничтожен.

— Имя врага?

— Планета Земля, сэр.

Амадейро мягко побарабанил пальцами по столу:

— И вы хотите, чтобы я был вашим союзником в подобном проекте? Вы полагаете, что я буду ради счастлив стать им? Скажите, доктор Мандамус, разве я хоть раз сказал в какой-нибудь из своих многочисленных речей или писал, что Земля должна быть разрушена?

Тонкие губы Мандамуса поджались, ноздри раздулись.

— Я здесь не для того, чтобы пытаться поймать вас на чем-то, что можно использовать против вас. Меня никто не посылал сюда — ни доктор Фастольф, ни кто-либо из его партии. Я не пы-

таюсь говорить о ваших мыслях. Я говорю вам только о своих. По моему мнению, Земля должна быть разрушена.

— Как вы предполагаете разрушить ее? Не думаете ли вы, что мы станем бросать на нее атомные бомбы до тех пор, пока взрывы, радиация и пылевые облака не уничтожат всю планету? Если так, то как вы удержите мстящие поселенческие корабли от тех же действий над Авророй и теми Внешними Мирами, до которых они смогут дотянуться? Полтора столетия назад Землю можно было сечь безнаказанно, но не сейчас.

Мандамус возмутился:

— У меня и в мыслях не было ничего подобного, доктор Амадейро. Я вовсе и не предполагал уничтожать людей, хоть это и земляне. Однако есть возможность уничтожить Землю не убивая ее народ… и без возмездия.

— Вы фантазер, — сказал Амадейро, — или, может быть, не совсем в своем уме.

— Разрешите мне объяснить…

— Нет, молодой человек. Я занят, а из-за вашей цитаты, которую я, кстати, отлично понял, и которая возбудила мое любопытство, я позволил себе потратить на вас слишком много времени.

Мандамус поднялся.

— Я понимаю, доктор Амадейро, что отнял у вас больше времени, чем вы могли мне уделить, но все-таки подумайте о моих словах, и, если заинтересуетесь, почему бы вам не вызвать меня, когда у вас будет больше времени. Но вы не тяните, потому что иначе я вынужден буду идти в других направлениях, и я разрушу Землю. Как видите, я откровенен с вами.

Он попытался улыбнуться, растягивая худые щеки, но это не произвело на его лице большого эффекта.

— До свидания и еще раз спасибо.

Он повернулся и вышел. Амадейро некоторое время смотрел ему вслед, а затем нажал кнопку звонка.

— Мэлун, — сказал он, когда Сисис вошел, — я хочу, чтобы за этим молодым человеком следили круглосуточно, и я хочу знать всех, с кем он будет говорить, и всех их хочу допросить. Тех, кого я укажу, привести ко мне. Но, Мэлун, все должно быть сделано тихо, методом ласкового и дружеского убеждения. Я пока еще не хозяин, как вам известно.

Но со временем он будет им. Фастольфу триста шестьдесят лет и он явно сдал, а Амадейро на восемьдесят лет Моложе.

Амадейро получал рапорты девять дней. Мандамус разговаривал со своими роботами, иногда с университетскими коллегами, еще реже — с кем-нибудь из соседей. Разговоры были самые тривиальные. Задолго до истечения этих десяти дней Амадейро решил, что дольше ждать не следует. Долгая жизнь Мандамуса только что начинается, а перед Амадейро всего восемь ил и десять десятилетий в лучшем случае. Амадейро, обдумав все, что говорил молодой человек, почувствовал с возрастающей тревогой, что не может упустить шанс: если существует способ уничтожить Землю, его нельзя игнорировать. Может ли он допустить, чтобы уничтожение произошло после его смерти, так что он не будет свидетелем? Или, что почти также скверно, это произойдет при его жизни, но командовать будет кто-то другой, чей-то чужой палец нажмет кнопку? Нет, он должен быть свидетелем, увидеть разрушение и вызвать его, иначе зачем он так долго страдал? Может, Мандамус дурак или чокнутый, но в этом случае Амадейро должен знать точно, что тот дурак или чокнутый. Дойдя до этого пункта в своем размышлении, Амадейро вызвал Мандамуса к себе в кабинет. Амадейро понимал, что этим унижает себя, но унижение

было платой за уверенность, что нет ни малейшего шанса разрушить Землю без него. Он даже внутренне приготовился к тому, что Мандамус войдет с презрительной улыбкой, торжествуя. Придется перетерпеть и это. Зато потом, если предложения молодого человека окажутся глупостью, он, Амадейро, накажет его полной мерой, какую разрешает цивилизованное общество, в противном же случае… Он обрадовался, что Мандамус вошел в его кабинет с видом разумного смирения и поблагодарил, похоже, искренне, за второе интервью. Амадейро подумал, что он, в свою очередь, должен быть любезным.

— Доктор Мандамус, когда я отослал вас, не выслушав вашего плана, я поступил невежливо, каюсь. Теперь расскажите мне, что у вас на уме, и я буду слушать вас, пока мне не станет ясно — а я предполагаю, что так и будет — что ваш план, возможно, более результат энтузиазма, нежели холодного рассудка. В этом случае я снова отпущу вас, но без всякого презрения с моей стороны, и, надеюсь, что вы уйдете без злобы.

— Я и не могу злиться, если вы соблаговолите терпеливо выслушать меня, доктор Амадейро, но что, если мои слова будут иметь для вас смысл и внушат надежду?

— В этом случае, — медленно произнес Амадейро, — возможно, что мы с вами будем работать вместе.

— Это было бы замечательно, сэр. Вместе мы сделаем больше, чем порознь. Но будет ли тут нечто более ощутимое, чем привилегия работать вместе? Будет ли вознаграждение?

Амадейро это не понравилось:

— Конечно, я должен быть благодарным, но я только советник и Глава Института Роботехники. Есть границы того, что я могу сделать для вас.

— Я понимаю, доктор Амадейро, но могу ли я рассчитывать на что-то в пределах этих границ сейчас?

Он твердо смотрел на Амадейро. Амадейро нахмурился, растерявшись от взгляда немигающих решительных глаз. Никакого смирения уже не было. Он холодно спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, что бы вы не могли дать мне, доктор Амадейро. Сделайте меня членом Института.

— Если ваша квалификация…

— Не беспокойтесь, я ее имею.

— Мы не можем сразу принять такое решение о кандидате. *У* нас…

— Послушайте, доктор Амадейро, это не метод

для начала отношений. Поскольку вы установили наблюдение за мной с того момента, когда я ушел от вас в прошлый раз, я не поверю, что вы не изучили как следует все данные обо мне, и вы должны знать, что я квалифицирован. Вы бы не надеялись, что я окажусь достаточно изобретателен для выработки плана уничтожения нашего личного Карфагена, и я не пришел бы сюда по вашему зову.

На один момент в Амадейро вспыхнул огонь. В тот миг он почувствовал, что даже уничтожение Земли — недостаточная плата за наглую позу мальчишки. Но это было только на миг. Затем он почувствовал, что к нему вернулось чувство должных пропорций, и он даже сказал себе: «Молодой человек, а такой смелый и самоуверенный, как раз такой и нужен». Кроме того, он и в самом деле изучил запись о Мандамусе и знал, что тот вполне квалифицирован для Института. Он спокойно — ценою кровяного давления — сказал:

— Вы правы. Вы квалифицированны.

— Тогда зачислите меня. В вашем компьютере наверняка есть необходимые формы. Вам стоит только ввести мое имя, образование, год получения степени и прочие статистические данные, какие у вас требуются, а затем поставить свою

подпись.

Не говоря ни слова, Амадейро взялся за компьютер, ввел нужную информацию, получил форму, подписал ее и протянул Мандамусу.

— Датировано сегодняшним числом. Вы — сотрудник Института.

Мандамус прочитал бумагу и отдал ее одному из своих роботов, который спрятал ее в маленький портфель под мышкой.

— Спасибо, — сказал Мандамус. — Это очень милое вашей стороны, и я надеюсь, что никогда не подведу вас и не заставлю пожалеть о вашей оценке моих способностей. Однако, осталось еще одно дело.

— Вот как? Какое же?

— Нельзя ли нам договориться о последнем вознаграждении, конечно, в случае удачи, в случае полного успеха?

— Нельзя ли нам отложить это, как было бы логично, до того времени, когда полный успех будет достигнут или разумно близок к достижению?

— С точки зрения рациональности — да. Но у меня, кроме рассудка, есть и мечты. И я хотел бы немного помечтать.

— Ладно. О чем вы мечтаете?

— Мне кажется, доктор Амадейро, что доктор

Фастольф теперь ничего не значит. Он прожил долго и не может отсрочить смерть на много лет.

— И что же?

— Как только он умрет, наша партия станет более агрессивной, и более вялые партии Фастольфа, вероятно, переменят преданность. Следующие выборы без Фастольфа наверняка будут вашими.

— Возможно, ну и что?

— Вы станете де факто лидером Совета и поведете аврористскую внешнюю политику, что фактически означает политику всех Внешних Миров. Если мои планы расцветут, ваше правление будет столь успешным, что Совет выберет вас Председателем при первом удобном случае.

— Ваши мечты — мыльные пузыри, молодой человек. Но если ваши предсказания сбудутся, тогда что?

— Вряд ли у вас хватит времени править Авророй и Роботехническим Институтом одновременно. Вот я и прошу, чтобы вы, когда наконец решите уйти с вашего поста Главы Института, поддержали бы меня, как своего преемника. Вряд ли вы можете сомневаться, что ваш выбор будет принят.

— Есть такая вещь, как квалификация для этого

поста.

— Она у меня будет.

— Поживем — увидим.

— Я подожду и увижу, но вы обнаружите, что еще до полного нашего успеха вы пожелаете даровать мне согласие на мою просьбу. Прошу вас, привыкайте к этой мысли.

— И все это прежде, чем я услышал хоть слово, — пробормотал Амадейро. — Итак, вы член Института, а я должен привыкнуть к вашей личной мечте, но давайте кончать с предисловием и расскажите, как вы намерены уничтожить Землю.

Почти автоматически Амадейро сделал знак своим роботам, чтобы они забыли этот разговор. Мандамус, чуть заметно улыбнувшись, сделал то же самое для своих.

— Давайте начнем, — сказал Мандамус.

Но Амадейро тут же бросился в атаку:

— Вы уверены, что вы не сторонник Земли?

Мандамус оторопел:

— Я пришел к вам с предложением разрушить Землю!

— Новы потомок солярианки в пятом поколении, как я понимаю.

— Да, сэр, то есть в общественной записи. Что

же из этого?

— Солярианка долгое время была тесно связана, как друг и протеже, с Фастольфом, и я подумал, не симпатизируете ли вы ее проземным взглядам.

— Из-за моей пра-пра-прабабки?

Мандамус был искренне поражен, на миг на его лице вспыхнула досада, даже злость, но быстро исчезла, и он спокойно продолжал:

— Точно так же и с вами была тесно связана как друг и протеже доктор Василия Фастольф, дочь доктора Фастольфа. Она его потомок в первом поколении. Мне интересно, она не симпатизирует его взглядам?

— Когда-то я тоже этим интересовался, — сказал Амадейро, — но она ни в коей мере не симпатизирует ему, так что в этом случае я перестал об этом задумываться.

— Вы можете перестать задумываться об этом и в моем случае, сэр. Я космонит и хочу, чтобы Галактикой правили космониты.

— Ну и прекрасно. Давайте описание вашего плана.

— Я начну сначала, если Вы не возражаете. Доктор Амадейро, астрономы считают, что в нашей Галактике миллионы землеподобных планет, на которых люди могут жить после необходи-

мых исправлений окружения, но без каких-либо геологических преобразований. Их атмосфера пригодна для дыхания, есть вода, почва и климат подходящие, существует жизнь. В самом деле, атмосфера не могла бы содержать свободного кислорода при отсутствии хотя бы океанического планктона. Почва в основном голая, но как только она и океан подвергнутся биологическому изменению, их сразу же засевают земной жизнью. Жизнь расцветает, и планету можно заселять. Сотни таких планет были открыты и изучены, и примерно половина из них уже занята поселенцами. Однако, из всех открытых нами пригодных для обитания планет нет ни одной с такими огромными вариациями и избытком жизни, как у Земли. Нище нет ничего более сложного, чем позвоночные мира — папоротникообразный кустарник. О разуме или о чем-то близком к нему нет и речи.

Амадейро слушал эти нудные сентенции и думал: шпарит наизусть. Вслух он сказал:

— Доктор Мандамус, я не палеонтолог, но все, что вы мне говорите, мне известно.

— Как я сказал, доктор Амадейро, я начал сначала. Астрономы все более убеждаются, что все или почти все планеты Галактики, пригодные для

обитания, заметно отличаются от Земли. По каким-то причинам, Земля — планета необычная, и эволюция на ней проходила чрезмерно быстрым шагом и полностью уродливым манером.

— Обычный аргумент, — сказал Амадейро, — если в Галактике существовали другие разумные, такие же развитые, как мы, они знали бы о нашем существовании и тем или иным путем дали бы о себе знать.

— Да, сэр. В сущности, будь в Галактике другие разумные существа, более передовые, чем мы, у нас с самого начала не было бы шансов на экспансию. Отсюда совершенно ясно, что в Галактике есть только одни существа, способные путешествовать в гиперпространстве. Что мы вообще единственный разум в Галактике, еще не вполне ясно, но за это очень большой шанс.

Теперь Амадейро слушал со скучающей полуулыбкой.

Молодой человек дидактичен, подавлен тупым ритмом своей мономании. Парень с завихрениями, слабая надежда Амадейро, что у этого Мандамуса действительно есть что-то, могущее повернуть поток истории, начала увядать.

— Вы продолжаете сообщать известные мне вещи, доктор Мандамус. Все знают, что Земля

уникальна, и что мы, по всей вероятности, единственные разумные существа в Галактике.

— Но никто не задавался простым вопросом: почему? Земляне и поселенцы не задают его. Они принимают факт. У них мистическое отношение к Земле, они считают ее священным миром и необычные ее свойства принимают как должное. А мы, космониты, тоже не спрашиваем. Мы игнорируем этот вопрос. Для нас куда лучше не думать о Земле вовсе, потому что иначе нам придется считать себя потомками землян.

— Я не вижу добродетели в этом вопросе, — сказал Амадейро.

— Нам не нужно искать сложных ответов на это «почему», случайные процессы играют важную роль в эволюции и в какой-то мере во всех вещах. Есть миллионы пригодных для жизни планет, эволюция может происходить на них по-разному. На одних быстрее, на других медленнее, где-то исключительно медленно, где-то исключительно быстро. Земле повезло, что на ней эволюция происходила исключительно быстро, и поэтому мы здесь. Так что, если мы спрашиваем «почему», естественным достаточным ответом будет «случайность».

Амадейро ожидал, что Мандамус выдаст свое

«завихрение» взрывом ярости на вырвавшееся логическое утверждение, представленное в смешном виде, которое полностью расшатывало его тезис. Однако Мандамус смотрел на Амадейро некоторое время, а затем спокойно сказал:

— Нет.

Помолчав, он продолжал:

— Для многократного ускорения эволюции нужно нечто большее, чем одна-две случайности. На каждой планете, кроме Земли, скорость эволюции близко связана с потоком космической радиации, потому что она не поражает Землю в сколько-нибудь значительном количестве. Теперь вы, наверное, видите чуть более ясно, почему это «почему» так важно.

— Ну, дорогой Мандамус, поскольку я все еще слушаю, и даже с большим нетерпением, чем сам предполагал, ответьте на вопрос, который вы так настойчиво поднимаете. Или у вас есть только вопрос, но не ответ?

— У меня есть ответ, — сказал Мандамус. — И он зависит от факта, что Земля уникальна еще в одном смысле.

— Разрешите мне угадать? Вы имеете в виду большой спутник. Но вы же не считаете, что это ваше открытие?

— Отнюдь, — сказал Мандамус, — но учтите, что большие спутники не редкость.

— Все известные большие спутники, кроме того, вращаются вокруг газовых гигантов, но только спутник Земли — Луна — вращается вокруг планеты ненамного большей, чем сам спутник.

— Осмелюсь ли я еще раз употребить слово «случайность», доктор Мандамус?

— В этом случае, возможно, и случайность, но Луна остается уникальной.

— Пусть так, но какая связь между сателлитом и обилием жизни на Земле?

— Это не совсем ясно, и связь может быть маловероятной, но куда более невероятно, что два таких необычных примера уникальности у одной планеты были бы не связаны между собой. И я нашел такую связь.

— Да? — быстро спросил Амадейро.

Теперь должен наступить безошибочный признак чокнутости. Амадейро угадкой взглянул на часы.

Прошло не на много больше времени, чем он считал возможным потратить, но его любопытство росло.

— Луна, — сказал Мандамус, — медленно отходя от Земли, производит приливно-отливный

эффект на Земле. Большие приливы на Земле — следствие существования этого большого спутника. Земное Солнце тоже производит приливы, но едва третью часть лунных — так же, как и наше солнце производит малые приливы на Авроре. Так вот, поскольку Луна отдаляется из-за своих приливно-отливных действий, она была гораздо ближе к Земле в ранней истории этой планетной системы. Чем ближе Луна к Земле, тем выше приливы на Земле. Эти приливы производили два важных эффекта: они сгибали земную кору, пока Земля вращалась, и замедляли вращение Земли. От этого сгибания и от трения приливных океанских вод о впадины морского дна вращательная энергия превращалась в тепло. Следовательно, кора у Земли более тонкая, чем у известных нам пригодных для обитания планет.

— Но все это не имеет отношения к изобилию жизни на Земле, — сказал Амадейро. — Я думаю, доктор Мандамус, вам пора перейти к делу, либо уйти.

— Прошу вас, доктор Амадейро, потерпите еще немного. Важно понять дело, как только мы подойдем к нему. Я сделал тщательную компьютерную модель химического развития земной коры, и мне стало ясно — я покажу вам все нуж-

ные сведения, если пожелаете, — что уран и торий собраны в земной коре и в верхней части мантии, и концентрация их в тысячу раз выше, чем в любом другом мире. Больше того, они собраны неровно, и на Земле есть карманы, где уран и торий сконцентрированы еще больше.

— Как я понимаю, радиоактивность опасно высока?

— Нет, доктор Амадейро. Уран и торий очень слабо радиоактивны, и даже там, где они относительно сконцентрированы, они не слишком сконцентрированы в абсолютном смысле. Все это, повторяю, из-за наличия большого спутника.

— Зато эта радиоактивность, даже если она недостаточно сильна, чтобы стать опасной для жизни, достаточна для увеличения скорости мутации. Так, доктор Мандамус?

— Так. Наверное, время от времени случалось более быстрое вымирание, но и более быстрое развитие новых пород, что и дало огромное разнообразней изобилие жизни. Постепенно только на одной Земле развились разум и цивилизация. Амадейро кивнул. Пожалуй, молодой человек вовсе и не чокнутый. Он может ошибаться, но он в своем уме. Может, он и прав. Амадейро не был палеонтологом, так что ему нужно было заглянуть

в книги, чтобы сказать уверенно, что Мандамус, как многие энтузиасты, открыл общеизвестное. Но тут был более важный пункт, который следовало проверить немедленно. Он тихо сказал:

— Вы говорили о возможном уничтожении Земли. Какая связь между этим и уникальными свойствами Земли?

— Уникальные свойства можно использовать уникальным способом, — так же тихо ответил Мандамус.

— Каким же в этом конкретном случае?

— Прежде, чем говорить о методе, доктор Амадейро, я должен объяснить, что физическая возможность уничтожения Земли зависит от вас.

— От меня?

— Да, — твердо сказал Мандамус. — Иначе зачем бы я пришел к вам с этим длинным рассказом? Я должен был убедить вас, что знаю, о чем говорю, чтобы вы захотели сотрудничать со мной, и это будет существенно для моего успеха.

— А если бы я отказался, кто-нибудь другой мог бы послужить вашим целям?

— Я мог бы обратиться к другим, если бы вы отказались. Так вы отказываетесь?

— Вероятно, нет, но я бы хотел знать, насколько

я важен для вас.

— Я бы сказал, не так важны, как я важен для вас. Вы *должны* сотрудничать со мной.

— Почему должен?

— Я *бы хотел* этого, если вы предпочитаете это слово. Но если вы желаете торжества Авроры и космонитов сейчас и на вечные времена над Землей и поселенцами, то вы *должны* сотрудничать со мной, нравится ли вам это или нет.

— Скажите мне точно, что я *должен* делать?

— Для начала скажите, правда ли, что Институт в прошлом конструировал гуманоидных роботов?

— Да, мы сделали всего пятьдесят. Это было полтора-два столетия назад.

— Так давно? И что с ними случилось?

— Они не пригодились, — равнодушно ответил Амадейро.

Мандамус сел с выражением ужаса на лице.

— Их уничтожили?

Амадейро поднял брови:

— Кто же уничтожает дорогостоящих роботов? Они на складе. Энергетические элементы вынуты, а специальные долгодействующие батареи сохраняют минимальную жизнь в позитронных путях.

— Их можно снова привести в полное действие?

— Уверен, что можно.

Правая рука Мандамуса стукнула по ручке кресла.

— Тогда мы победим!

Амадейро уже давно не думал о человекоподобных роботах. Это была болезненная мысль, и он с некоторым трудом заставил свой мозг не затрагивать эту тему. И вот теперь Мандамус неожиданно расшевелил ее. Гуманоидный робот был крупным козырем Фастольфа *в* те далекие дни, когда Амадейро был в миллиметре от того, чтобы перехватить игру, козыри и все остальное. Фастольф спроектировал и построил двух гуманоидных роботов, один из которых существует и поныне — и никто больше не мог этого сделать, даже целый Институт Роботехники. В своем великом провале Амадейро сумел спасти эту козырную карту. Фастольф был вынужден опубликовать проект гуманоидного робота. Это означало, что этих роботов можно было создать, и они *были* созданы, но оказались нежелательными. Аврорцы не приняли их в свое общество. Амадейро скривил рот от неприятного воспоминания. Каким-то образом стало известно, что

солярианка пользовалась одним из гуманоидных роботов Фастольфа, Джандером, в сексуальных целях. В теории аврорцы не возражали против такой ситуации, но на практике ни мужчины, ни женщины Авроры не были в восторге от мысли, что их заменят роботы-мужчины и роботы-женщины.

Институт изо всех сил доказывал, что гуманоидные роботы предназначаются не для самой Авроры, а для того, чтобы служить первой волной пионеров, которая засеет и обустроит новые, пригодные для жизни планеты, а в дальнейшем, когда эти планеты станут комфортабельными, их заселят аврорцы. Это также было отвергнуто. Кто-то назвал гуманоидных роботов «раскалывающим клином», выражение распространилось, и Институт вынужден был отступить. Амадейро упорно настаивал на сохранении в «нафталине» уже созданных роботов для возможного употребления в будущем — употребления, которое так и не материализовалось. Почему так возражали против человекоподобных роботов? Амадейро чувствовал слабый возврат раздражения, которое отравляло ему жизнь много десятилетий назад. Сам Фастольф, пусть неохотно, но согласился поддержать проект и, надо отдать ему должное,

действительно поддерживал его, хотя и не с тем красноречием, с каким он выступал в тех делах, к которым лежало его сердце. Но и это не помогло. И все-таки, если у Мандамуса есть реальный проект, могущий сработать и требующий роботов… У Амадейро не было больших оснований для мистических криков «так даже лучше, и так будет», однако он с трудом удержался от таких мыслей, пока лифт опускал его на нижний подземный уровень — единственное место на Авроре, которое чуточку напоминало пресловутые «Стальные пещеры» Земли. Мандамус по знаку Амадейро вышел из лифта и очутился в тускло освещенном коридоре. Там было прохладно и дул мягкий вентилирующий ветер. Мандамус слегка вздрогнул.

— Сюда мало кто ходит, — заметил Амадейро.

— Мы глубоко под землей? — спросил Мандамус.

— Около пятнадцати метров. Здесь много уровней. На этом складированы гуманоидные роботы.

Амадейро остановился, как бы задумавшись, но затем твердо свернул влево.

— Сюда.

— Никаких указующих знаков?

— Я же сказал, сюда мало кто ходит, а те, кто

ходит, знают, где им найти то, что им нужно.

Оки подошли к массивной двери. С каждой стороны ее стояло по роботу. Обычные роботы, не человекоподобные. Мандамус критически оглядел их:

— Простая модель.

— Очень простая. Не думаете же вы, что мы поставим что-то изысканное для охраны двери.

Он возвысил голос и бесстрастно произнес:

— Я Келдин Амадейро, Глава.

Глаза обоих роботов вспыхнули. Роботы отошли от двери, и бесшумно ушла вверх. Амадейро, проходя с Мандамусом мимо роботов, спокойно сказал:

— Оставьте дверь открытой и дайте освещение.

— Не думаю, чтобы любой мог сюда войти, — сказал Мандамус.

— Конечно, нет. Эти роботы знают мою внешность и голос, и требуют и того, и другого, прежде чем откроют дверь.

Затем он добавил как бы про себя:

— На Внешних Мирах не нужно никаких замков и ключей. Роботы всегда верно охраняют нас.

— Я иногда думаю, — задумчиво сказал Мандамус, — что если бы аврорец позаимствовал один

из бластеров, какие поселенцы вечно таскают с собой, то здесь для него не было бы запертых дверей. Уничтожь роботов и иди куда хочешь, делай, что хочешь.

Амадейро метнул на него злобный взгляд:

— Какому космониту придет в голову пользоваться таким оружием на Внешних Мирах? Мы живем без оружия и без насилия. Разве вы не понимаете, что именно *поэтому* я посвятил свою жизнь уничтожению Земли и его отравленного племени? Да, конечно, у нас было когда-то насилие, но это было очень давно, когда Внешние Миры только начали создаваться, и мы еще не избавились от земного яда, который привезли с собой, и еще не научились ценить безопасность, даваемую роботами. Разве мир и безопасность не дороже всего? Планеты без насилия! Планеты, управляемые разумом! Разве правильно, что мы уступаем новые миры короткоживущим варварам, которые, как вы говорите, всюду таскают с собой оружие?

— Однако, — пробормотал Мандамус, — вы готовы на насилие, чтобы уничтожить Землю.

— Это насилие кратковременное и целенаправленное, это цена, которую мы заплатим зато, чтобы покончить с насилием навеки.

— Я достаточно космонит, — сказал Мандамус, — чтобы желать даже в этом случае минимального насилия.

Они вошли в большое, действительно напоминавшее пещеру, помещение. Стены и потолок тут же осветились рассеянным, неярким светом.

— Ну, вы этого хотели, доктор Мандамус? — спросил Амадейро.

Мандамус огляделся вокруг и остолбенел. Наконец он смог выговорить:

— Невероятно!

Там стоял добрый полк людей, чуть более живых, чем если бы это был и статуи, но много менее живых, чем казались бы, например, спящие.

— Они стоят, — прошептал Мандамус.

— Так они занимают меньше места.

— Но они стоят около полутора столетий. Они не могут остаться в рабочем состоянии. Их сочленения наверняка застыли, а органы разрушены.

Амадейро пожал плечами:

— Возможно. Но даже если сочленения испорчены, никаких проблем, их можно заменить. Вопрос — будет ли для этого причина.

— Причина должна быть, — сказал Мандамус.

Он оглядел всех по очереди. Все роботы смотрели чуть-чуть в разных направлениях, и казалось,

будто они готовы нарушить строй.

— У каждого своя внешность, — сказал он. — Они различны по росту, сложению, и прочему.

— Да. Вас это удивляет? Мы же планировали их и последующих сделать пионерами в освоении новых планет. Именно поэтому мы хотели, чтобы они были по возможности, как люди, и мы делали их индивидуумами, как жителей Авроры. Вам это не кажется сентиментальностью?

— Отнюдь. Я рад, что они такие. Я прочел все, что мог, о двух первых гуманоидных формах, созданных Фастольфом — Дэниеле Оливо и Джандере Пэнеле. Я видел их голограммы, и они казались одинаковыми.

— Да, — нетерпеливо сказал Амадейро, — не только одинаковые, они практически были карикатурой на идеального космонита. Это уже романтизм Фастольфа. Я уверен, что он создал бы расы взаимозаменяемых гуманоидных роботов обоих полов с этаким неземным добрым взглядом, который делал бы их полностью нелюдьми. Фастольф, может, и блестящий роботехник, но человек невероятно упрямый.

Амадейро покачал головой. «Быть побитым таким невероятно упрямым человеком», подумал он и тут же отогнал эту мысль. Его побил

не Фастольф, а тот проклятый землянин. Погрузившись в мысли, он не услышал вопроса Мандамуса.

— Простите, — сказал он с легким раздражением.

— Я спросил, вы сами проектировали их, доктор Амадейро?

— Нет, по странному совпадению, их проектировала дочь Фастольфа Василия. Она столь же блестящий роботехник, как и он, но гораздо умнее, и это, очевидно, одна из причин, почему они не ужились.

— Я слышал историю насчет их... — начал Мандамус.

Амадейро прервал его:

— Я тоже слышал историю, но она не имеет значения. Достаточно того, что Василия прекрасно делает свою работу, и можно не опасаться, что она станет когда-нибудь симпатизировать человеку, который хоть и является ее биологическим отцом, но навсегда останется для нее чужим и ненавистным. Она даже зовется, как вам известно, Василией Алиеной.

— Да, я знаю. У вас есть записи рисунка этих гуманоидных роботов?

— Конечно.

— Для каждого?

— Конечно.

— Я могу получить их вдвое распоряжение?

— Если для этого будет основание.

— Будет, — твердо сказал Мандамус. — Итак, поскольку они предназначены для пионерской деятельности, могу ли я считать, что у них есть экипировка для исследования планеты и работы в примитивных условиях?

— Это само собой разумеется.

— Отлично. Но могут потребоваться некоторые модификации. Как вы полагаете, Василия Фас… Алиена сможет помочь мне в этом в случае необходимости? Она явно лучше знакома с рисунком мозга.

— Бесспорно. Но я не знаю, захочет ли она помогать вам. Я знаю только, что в данный момент это физически невозможно, потому что ее нет на Авроре.

— Где же она, доктор Амадейро? — спросил Мандамус удивленно и разочарованно.

— Вы увидели эти гуманоидные формы, и я не хочу остаться в их довольно-таки мрачном окружении. Вы заставили меня ждать достаточно долго, поэтому не обижайтесь, что теперь ваша очередь потерпеть. Если у вас есть еще вопросы,

задайте их в моем кабинете.

Войдя в кабинет, Амадейро продолжил разговор, сказав почти властно:

— Подождите здесь.

Он вышел. Мандамус напряженно ждал, когда вернется Амадейро и вернется ли он. Может его, Мандамуса, арестовали или просто выкинули? Может, Амадейро надоело ждать сути дела?

Мандамус отказывался этому верить. Он проник в отчаянное желание Амадейро рассчитаться за старые раны. Казалось очевидным, что Амадейро не устанет слушать его до тех пор, пока останется хоть малейший шанс, что Мандамус сделает месть возможной. Рассеянно оглядывая кабинет, Мандамус задумался, не хранится ли здесь какая-нибудь информация, могущая помочь ему. Полезно было бы не зависеть во всем от Амадейро, но сама эта мысль была бесполезной. Мандамус не знал входного кода в записи, а кроме того, несколько роботов Амадейро, стоявших в нишах, немедленно остановят его при первом шаге к чему то недозволенному. И даже его собственные роботы. Амадейро был прав: роботы были настолько полезными, эффективными и неподкупными стражами, что сама концепция какого-либо преступления, незакон-

ного действия, даже простой хитрости никому не приходила в голову. Такая тенденция попросту атрофировалась, во всяком случае, среди космонитов. Интересно, как поселенцы обходятся без роботов? Мандамус пытался представить себе, как сталкиваются человеческие личности, не имея роботов-амортизаторов, смягчающих взаимодействие, как эти люди, не имея роботов для защиты, вынуждены создавать правильную модель морали, не понимая ее сознательно. При таких обстоятельствах поселенцы не могут быть ничем, кроме как варварами, и Галактику нельзя оставить им. Амадейро был прав и в этом отношении и всегда был прав, а Фастольф был в корне неправ.

Мандамус кивнул, как бы еще раз убеждая себя в правильности того, что он планировал. Он вздохнул, желая, чтобы это не было необходимо, но снова построил цепь рассуждений, доказывающих, что это действительно необходимо. Тут вошел Амадейро. Амадейро был все еще видным мужчиной, хотя прожил уже двести восемьдесят лет. В нем было очень много от идеального космонита, если не считать неудачного бесформенного носа.

— Простите, что я заставил вас ждать, но у меня

были неотложные дела. Быть Главой Института — большая ответственность.

— Не могли бы вы сказать, где доктор Василия Алиена? — спросил Мандамус. — А затем я, не откладывая опишу вам свой проект.

— Василия в турне. Она посещает поочередно все Внешние Миры, чтобы установить, в каком состоянии там исследования по роботехнике. Видимо она думает, что поскольку Роботехнический Институт был основан для координации исследований только Авроры, интерпланетарная координация может продвинуть дело. Вообще-то идея хорошая.

Мандамус хихикнул:

— Ей ничего не расскажут. Я сомневаюсь, что какой-нибудь Внешний Мир захочет дать в руки Авроре большую власть, чем она уже имеет.

— Напрасно вы так уверены. Ситуация с поселенцами тревожит всех.

— Вы знаете, где она сейчас?

— У нас есть ее маршрут.

— Верните ее, доктор Амадейро.

Амадейро нахмурился:

— Я думаю, что это можно сделать, но не буду. Я уверен, что она хочет быть подальше от Авроры, пока ее отец не умрет.

— Почему?

Амадейро пожал плечами:

— Не знаю и не интересуюсь. Но зато я знаю, что ваше время истекает. Вы понимаете? Выкладывайте суть или уходите.

Он угрюмо показал на дверь, и Мандамус понял, что терпение Амадейро лопнуло.

— Прекрасно. Так вот, есть еще и третий пункт, по которому Земля уникальна.

Он говорил легко и свободно, словно заранее отшлифовал и отполировал свою речь, чтобы представить ее Амадейро. Тот жадно впитывал ее.

Так вот оно что! Сначала Амадейро испытал громадное облегчение. Он правильно поставил на то, что этот парень не чокнутый. Да, он полностью в своем уме. Затем пришло чувство торжества. Это наверняка сработает. Правда, точка зрения молодого человека в том виде, в каком она была изложена, несколько отступала от тропы, по которой, по мнению Амадейро, она должна была следовать, но это дело поправимое, изменения всегда возможны. Когда Мандамус закончил, Амадейро сказал как можно спокойнее:

— Василия нам не нужна. Соответствующая экспертиза в Институте позволит сразу же на-

чать, доктор Мандамус.

В голосе Амадейро звучала нотка официального уважения.

— Пусть это дело сработает, как запланировано, и вы станете Главой Института, коша я буду Председателем Совета.

Мандамус коротко и сухо улыбнулся, а Амадейро снова сел в кресло и так же коротко позволил себе помечтать о будущем, о том, чего он не мог сделать все долгие и печальные два столетия. Сколько времени это займет? Десятилетия? Одно десятилетие? Часть столетия?

Недолго. Это надо всеми средствами ускорить, чтобы он успел увидеть, как перевернутся старые решения, увидеть себя правителем Авроры, а следовательно, и всех Внешних Миров, и даже повелителем Галактики — без погибших Земли и Поселенческих Миров — до своей смерти.

Когда спустя семь лет после встречи Амадейро и Мандамуса и начала их проекта доктор Хэн Фастольф умер, гиперволна сообщила о его смерти по всем уголкам обитаемых миров. Повсюду это привлекло огромное внимание. Во Внешних Мирах это было важно, потому что Фастольф был наиболее деятельным человеком на Авроре, а следовательно, и в Галактике в течение двух

столетий. В Поселенческих Мирах и на Земле это было важно потому, что Фастольф был другим — насколько космонит может быть другом — и теперь вставал вопрос, изменится ли космонитская политика, и если да, то как? Эта новость дошла и до Василии Алиены и осложнилась горечью, которая окрашивала ее отношения с биологическим отцом почти с самого начал а. Она заставил а себя ничего не чувствовать, когда он умирал, однако не хотела с ним быть на одной планете, когда наступит смерть. Она не хотела вопросов; которые посыплются на нее повсюду, но больше всего — на Авроре.

Отношения между родителями и детьми на Авроре были ела бы и в лучшем случае безразличны. При долгой жизни это само собой подразумевалось, и никто бы не интересовался Василией в этом смысле, если бы не то обстоятельство, что Фастольф так долго был выдающимся партийным деятелем, а Василия — почти столь же выдающейся партизанкой противоположного лагеря. Это было отвратительно. Она сделала своим законным именем — Василия Алиена, и пользовалась им во всех документах, во всех интервью, вообще везде, но знала точно, что большинство людей называют ее Василией Фастольф, словно

ничего не могло вычеркнуть эти ничего не значащие отношения. Поэтому она стала называть себя только по имени. Оно-то, по крайней мере не было распространенным именем. Это тоже как бы подчеркнуло ее сходство с солярианкой; которая, правда, по совершенно иным причинам, отказалась от фамилии своего первого мужа, как Василия отказалась от фамилии отца. Солярианка тоже стала называться одним именем — Глэдия.

Василия и Глэдия и внешне походили друг на друга. Василия встала перед зеркалом в кабине космического корабля. Она много десятилетий не видела Глэдию, но была уверена, что сходство сохранилось. Они обе были маленькие, стройные, обе блондинки и похожи лицом. Но Василия всегда теряла, а Глэдия выигрывала. Когда Василия ушла от отца и вычеркнула его из своей жизни, он нашел вместо нее Глэдию, и она была ему уступчивой и пассивной дочерью, как он хотел, и какой Василия никогда не могла быть. Все-таки это задевало Василию. Она была роботехником, таким же компетентным и умелым, как и Фастольф, а Глэдия всего лишь художница, развлекающаяся светоскульптурой и иллюзорной одеждой роботов. Как мог Фастольф удовлетвориться тем, что потеряв дочь, он взял

на ее место такое ничтожество!?

Когда этот полицейский с Земли, Илайдж Бейли, приехал на Аврору, он вытянул из Василии куда больше сведений, чем она могла доверить кому-либо другому. Однако с Глэдией он был сама мягкость и помог ей и ее защитнику Фастольфу выйти победителем против всех, хотя тогда Василия не могла ясно понять, как это произошло.

Глэдия была у постели Фастольфа во время его болезни, она держала его за руку в последнюю минуту и приняла его последние слова. Василия не понимала, почему это ее элит. Сама она хоть *и* знала, что жизнь старика кончается, ни при каких обстоятельствах не навестила бы его, чтобы стать свидетельницей его перехода в вечность, но злилась на присутствие там Глэдии. «Я так чувствую, — говорила она себе, — и никому не обязана объяснять». Она потеряла Жискара. Жискар был ее работой, ее собственным, данным ей вроде бы любящим отцом. На Жискаре она училась роботехнике и от него впервые почувствовала неподдельную привязанность. Она была ребенком и не размышляла о Трех Законах, не занималась философией позитронного автоматизма. Жискар *казался* любящим, он *действовал*, как любящий, и этого ребенку

было достаточно. Такого чувства она никогда не встречала в человеке, и тем более в отце. В те дни она еще не решалась играть в дурацкую игру — любовь с кем бы тони была Ее горечь по поводу утраты Жискара научила ее, что любой начальный выигрыш не стоит финального разочарования. Когда она ушла из дома, разойдясь с отцом, он не отпустил Жискара с ней, хотя она сама все время улучшала Жискара, тщательным перепрограммированием. Умирая, отец отдал Жискара солярианке. Он отдал ей также и Дэниела, но Василия нисколько не интересовалась этой бледной имитацией человека. Она хотела иметь Жискара, который был ее собственностью. Сейчас Василия возвращалась домой. Ее турне было полностью закончено. Фактически, в смысле полезности, оно кончилось еще несколько месяцев назад, но она осталась на Гесперосе для необходимого, как она объяснила Институту в своем официальном извещении, отдыха. Теперь Фастольф умер, иона может вернуться. Она не могла целиком уничтожить прошлое, но часть его могла — Жискар должен снова принадлежать ей, это она решила твердо.

У Амадейро были самые противоречивые реакции на возвращение Василии. Она вернулась

только тогда, кота старый Фастольф — теперь, когда он умер, Амадейро мог легко называть его имя — был уже месяц как кремирован. Это льстило мнению Амадейро о собственной проницательности. В конце концов, он же сказал Мандамусу, что она останется вдали от Авроры, пока ее отец не умрет. Кроме того, Василия была ясна и прозрачна. Это было очень удобно. У нее не было раздражающих качеств Мандамуса, нового фаворита, который, казалось, всегда имел какую-то навязчивую мысль, но прятал ее, несмотря на всю свою кажущуюся откровенность. С другой стороны, ею было чертовски трудно управлять, заставить ее спокойно идти по пути, который он указывал. Позволить ей проверить насквозь другие Внешние Миры в течение нескольких лет, которые она провела вдали от. Авроры, означало также позволить ей передавать все это в черном свете и загадочными словами. Итак, он приветствован ее с энтузиазмом, наполовину притворным.

— Василия, я счастлив, что вы вернулись. Институт летал на одном крыле, пока вас не было.

Василия засмеялась:

— Бросьте, Келдин.

Она одна без колебания и смущения называла

его по имени, хотя была на два с половиной десятилетия моложе его.

— Это одно оставшееся крыло — ваше, а давно ли вы перестали быть уверенным, что одного вашего крыла достаточно?

— С тех пор, как вы решили растянуть свое ~~о~~тсутствие на несколько лет. Как, по-вашему, Аврора сильно изменилась за это время?

— Ни капельки, что, вероятно, должно огорчать вас. Отсутствие перемен — это распад.

— Парадокс. Без перемены к худшему нет распада.

— От~~е~~утствие перемен есть перемена к худшему, Келдин, по сравнению с окружающими нас Поселенческими Мирами. Они изменяются быстро, протягивают свой контроль на большое количество миров в отдельности. Они увеличивают силу, энергию и самоуверенность, в то время как мы тут дремлем и надеемся, что наша неизменяемость уравняет сравнение.

— Прекрасно, Василия! Я думаю, вы старательно запоминали это во время своего полета сюда. Однако в политическом положении Авроры перемены были.

— Вы имеете в виду смерть моего биологического отца?

Амадейро развел руками и слегка поклонился.

— Именно. Он был полностью ответственен за наш паралич, но теперь он умер, и я думаю, что перемены у нас будут, хотя, возможно, не обязательно видимые.

— У вас секреты от меня?

— С чего бы это?

— Определенно. Эта ваша притворная улыбка всегда выдавала вас.

— Придется научиться быть с вами серьезным. Послушайте, ваш рапорт у меня. Расскажите о том, что не включено в него.

В него включено почти все. Каждый Внешний Мир лихорадочно утверждает, что его тревожит растущая надменность поселенцев. Каждый мир твердо решил сопротивляться поселенцам до конца, с энтузиазмом следуя за Авророй, мужественной с презрением к смерти.

— Следовать за нами — да. А если мы не поведем?

— Тогда они будут ждать и пытаться замаскировать свою уверенность в том, что мы не ведем. В других отношениях… ну, каждый мир продвигается вперед в технологии и очень неохотно сообщает, что именно он делает. Каждый ученый работает независимо и не связан ни с кем даже

на собственной планете. Ни на одном Внешнем Мире нет единой исследовательской группы вроде нашего Роботехнического Института. Каждый мир состоит из отдельных исследователей, и все они ревниво оберегают свои сведения друг от друга.

Амадейро почти удовлетворенно сказал:

— Я не думаю, что они продвинулись так далеко, как мы.

— Очень плохо, что не продвинулись, — колко сказала Василия. — Пока все Внешние Миры представляют собой кучу индивидуумов, прогресс очень замедляется. Поселенческие Миры регулярно устраивают конференции, имеют свои институты, и, хотя они сильно отстали от нас, они нагонят. Но я все-таки сумела открыть несколько технических новшеств, разработанных Внешними Мирами, и все их перечислила в своем рапорте. Все они сейчас работают над ядерным усилителем, но я не верю, чтобы такой прибор прошел дальше уровня лабораторных испытаний на одном мире. Некоторые вещи должны испытываться на космических кораблях, а этого пока нет.

— Надеюсь, что в этом вы правы, Василия. Ядерный усилитель — оружие, которым мог бы

пользоваться наш флот, потому что это сразу бы покончило с Поселенчеством. Но я думаю, что в целом было бы лучше, если бы Аврора опередила в вооружении наших космонитских братьев. Вы сказали, что в ваш репорт включено почти все. Что же не включено?

— Солярия!

— Ага, самый младший и самый необычный из Внешних Миров.

— Непосредственно от них я почти ничего не получила. Они смотрели на меня абсолютно враждебно, как, видимо, смотрели бы на любого несолярианина, будь то космонит или поселенец. А когда я говорю «смотрели», я имею в виду — в их понимании. Я пробыла там почти год, много дольше, чем в любом другом мире, и за это время не *видела* ни одного солярианина во плоти, а только смотрела на его гиперволновую программу. Я не имела дела ни с чем ощутимым, только изображения. Планета комфортабельная, невероятно роскошная и для любителей природы совершенно не испорченная, но мне стало не хватать возможности видеть.

— Ну, такова уж солярианская система. Мы это знаем, Василия. Живи и дай жить другим.

— Хм… Ваша терпимость, может быть, тут не

к месту. Ваши роботы не в запоминающем режиме?

— Да. Уверяю вас, нас никто не подслушивает.

— Надеюсь, Келдин. У меня впечатление, что соляриане близки к созданию уменьшенного против нашего и других ядерного усилителя. Возможно, они близки к созданию портативного усилителя, достаточно малого, чтобы поместить его на космический корабль.

— Как это они ухитрились?

Амадейро нахмурился.

— Не могу сказать. Вы же не думаете, что они показали мне чертежи. Впечатление мое настолько расплывчато, что я не решилась включить его в рапорт, но и того немного, что я услышала тут и заметила там, я думаю, что они существенно продвинулись. Над этим нам следует основательно подумать.

— Подумаем. Есть еще что-нибудь, что вы хотели бы сказать мне?

— Да. И этого тоже нет в рапорте. Солярия уже много лет работает над человекоподобными роботами, и я думаю, что они достигли цели. Ни один Внешний Мир, кроме нас, даже не пытался заниматься этим. На каждой планете я спрашивала, делают ли они что-нибудь в отношении

гуманоидных роботов, и реакция везде была одинакова. Они находят эту концепцию неприятной и пугающей. Я подозреваю, что все они знают о нашем провале и приняли его близко к сердцу.

— Но только не Солярия. Почему?

— По той причине, что они всегда жили в наиболее роботизированном обществе в Галактике. Они окружены роботами — по десять тысяч на каждого индивидуума. Планета насыщена роботами. Пройдитесь через всю планету в поисках людей — и вы никого не найдете. Так зачем немногим солярианам, живущим в таком мире, расстраиваться из-за того, что несколько лишних роботов будут человекоподобны ми? К тому же, тот псевдочеловеческий ублюдок, которого спроектировал и сделал Фастольф и который еще существует...

— Дэниел..

— Да. Он был на Солярии два столетия назад, и соляриане обращались с ним, как с человеком. Они таки не оправились от этого. Их унизили и обманули. Это была незабываемая демонстрация того, что Аврора далеко впереди них, во всяком случае, в этой грани роботехники. Соляриане страшно гордятся тем, что они наиболее передовые роботехники в Галактике, и с тех пор

отдельные соляриане работали над гуманоидными роботами исключительно для того, чтобы смыть этот позор. Если бы этих роботехников было больше, если они имели бы Институт, координирующий их работу, они, бесспорно, сделали бы это уже давно. Сейчас, я думаю, эти роботы у них есть.

— Но точно вы не знаете? Это только ваши предположения, основанные на обрывках сведений?

— Совершенно верно, но подозрение чертовски сильное, и оно достойно дальнейшего расследования. И третий пункт: могу поклясться, что они работают над телепатическими коммуникациями. Там есть какое-то оборудование, которое мне неосторожно показали, и однажды, когда я беседовала с одним роботехником, экран показал задний план с матрицей позитронного рисунка, какого я никогда еще не видела, но мне показалось, что этот рисунок годится для телепатической программы.

— Я подозреваю, что эта новость соткана из паутины, даже более тонкой, чем сведения о гуманоидных роботах.

Легкое замешательство прошло по лицу Василии.

— Должна признать, что в этом вы, вероятно,

правы.

— В сущности, Василия, это звучит совсем уж фантастично. Если матрица, которую вы видели, не похожа ни на что, виденное вами раньше, с чего вы взяли, что этот рисунок годится для чего-нибудь?

Василия колебалась:

— Сказать по правде, я сама этому удивляюсь, но, как только я увидела рисунок, мне сразу пришло в голову слово «телепатия».

— Несмотря на то, что телепатия невозможна даже теоретически?

— *Считается* невозможной даже теоретически, а это не совсем одно и тоже.

— Но никто никогда не мог добиться прогресса в этом отношении!

— Да. Но почему я так подумала?

— Ну, Василия, это просто личный психологический выверт, так что бесполезно пытаться его анализировать. Забудем об этом. Что-нибудь еще?

— Еще одна вещь, наиболее озадачивающая из всех. Из некоторых мелких указаний у меня создалось впечатление, что соляриане собираются покинуть свою планету.

— Почему?

— Не знаю. Их народ, и так немногочисленный, идет на убыль. Возможно, они хотят начать сначала где-нибудь в другом месте, пока совсем не вымерли.

— Как начать сначала? Куда же они поедут?

Василия покачала головой:

— Я рассказала вам все, что знала.

— Ну, тогда я все это приму в расчет, — медленно сказал Амадейро. — Четыре пункта: ядерный усилитель, гуманоидные роботы, роботы-телепаты и уход с планеты. Откровенно говоря, я не верю ни в один из этих пунктов, но я уговорю Совет санкционировать беседу с Регентом Соларии. А теперь, Василия, я уверен, что вам нужно отдохнуть. Почему бы вам не взять несколько недель отпуска и заново привыкнуть к солнцу Авроры и прекрасной погоде, прежде чем взяться за работу?

— Это очень милое вашей стороны, Келдин, — сказала Василия, не вставая с кресла, — но осталось еще два вопроса, которые я должна понять.

Амадейро невольно потянулся к часам:

— Это займет много времени, Василия?

— Сколько бы это ни заняло, Келдин, это необходимо обсудил.

— Что вы хотите?

— Для начала — кто такой этот молодой всезнайка, который похоже, думает, что он тянет весь Институт — Мандамус?

— Ага, вы встретились с ним?

Улыбка Амадейро стала несколько натянутой:

— Как видите, на Авроре кое-что изменилось.

— В этом случае явно не в лучшую сторону, — угрюмо сказала Василия. Кто он?

— Именно тот, кого вы описали: всезнайка, Блестящий молодой человек, достаточно разбирающийся в роботехнике и столь же в общей физике, химии, планетологии…

— Сколько лет этому чудовищу эрудиции?

— Неполных пятьдесят.

— А что будет из этого мальчишки, когда он вырастет?

— Он будет таким же мудрым, как и блестящим, наверное.

— Вы не прикидывайтесь, что не поняли меня, Келдин. Вы намерены подготовить из него следующего Главу Института?

— Я намерен прожить еще много десятилетий.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Василия все время вертелась в кресле, и ее ро-

бот, стоявший за ней, водил глазами из стороны в сторону, как бы готовясь отразить нападение. Вероятно, его поведение было вызвано недовольством Василии.

— Келдин, — сказала она, — следующим Главой буду я. Это решено. Вы сами так говорили.

— Я говорил, Василия, но после моей смерти решать будет правление. Даже если я оставлю директиву, кому быть следующим Главой, правление может переиграть ее. Это вытекает из правил, на которых основан Институт.

— Вы напишите директиву, Келдин, а правлением займусь я.

Амадейро, нахмурившись, сказал:

— Я не хочу обсуждать это сейчас. *У* вас есть еще вопросы? Пожалуйста, изложите их покороче.

Она несколько секунд смотрела на него в молчаливой злобе, а затем сказала, как выплюнула:

— Жискар!

— Робот?

— Конечно, робот. Разве вы знаете какого-нибудь другого Жискара, о котором я стала бы говорить?

— Ну, так что с ним?

— Он *мой.*

Амадейро удивился.

— Он был законной собственностью Фастольфа.

— Жискар был моим, когда я была еще маленькой.

— Фастольф одолжил его вам, а потом взял его обратно. Ведь официальной передачи не было?

— Морально он мой. Но в любом случае у Фастольфа больше нет собственности. Он умер.

— Он сделал завещание. Если я правильно запомнил, по этому завещанию два робота, Жискар и Дэниел, теперь собственность солярианки.

— Я не хочу, чтобы они были у нее. Я дочь Фастольфа.

— Ого?

Василия вспыхнула.

— Я требую Жискара. Почему его должна иметь иностранка? Чужая…

— Только потому, что так завещал Фастольф. И она гражданка Авроры.

— Кто так скажет? Для всех аврорцев она «солярианская женщина».

Во внезапном приступе ярости Амадейро стукнул кулаком по подлокотнику кресла:

— Василия, чего вы от меня хотите? Я не люблю солярианку, у меня к ней глубокая антипатия, и будь у меня возможность, я выкинул бы ее с Ав-

роры. Но я не могу оспаривать завещание. Даже если бы был законный путь к этому — а его нет — я не счел бы разумным делать это. Фастольф умер…

— Именно поэтому Жискар должен быть моим.

Амадейро игнорировал ее слова.

— Коалиция, которой руководил Фастольф, распадается. В последние несколько десятилетий она держалась только благодаря его обаянию. Мне желательно собрать фрагменты этой коалиции и добавить к своим последователям. Таким путем у меня будет группа, которая станет доминировать в Совете и контролировать следующие выборы.

— И сделает вас следующим Председателем?

— А почему бы и нет? Аврора хуже не будет, потому что это дало бы мне шанс перевернуть нашу давнюю политику, пока еще не поздно. Беда в том, что у меня нет личной популярности Фастольфа, нет его дара излучать святость, чтобы скрыть глупость. Следовательно, если я вроде бы восторжествую некрасиво и мелочно над умершим, это будет плохо выглядеть. Никто не должен говорить, что Фастольф, пока он был жив, победил меня, а когда он умер, я оплевал его завещание. Я не желаю быть смешным. Вы поняли? Обойдетесь без Жискара!

Василия встала, прищурив глаза:

— Посмотрим!

— Уже видим. Митинг окончен, и если у вас есть некоторые амбиции стать Главой Института, я не потерплю, чтобы вы угрожали мне чем бы то ни было. Советую вам одуматься.

— Я не угрожаю, — сказала Василия.

Весь ее вид и тон противоречили ее словам. Она вышла.

Неожиданность, вернее, серия неожиданностей началась через несколько месяцев, когда Мэлун Сисис вошел в кабинет Амадейро для привычной утренней конференции. Обычно Амадейро приветствовал это. Сисис был спокойным промежутком в курсе делового дня. Он был единственным старшим сотрудником Института, не имевшим амбиций и не ждавшим смерти или отставки Амадейро. Он был, в сущности, превосходным подчиненным. Он был счастлив служить Главе и быть его доверенным лицом. По этой причине Амадейро был огорчен, когда примерно год назад заметил запах тления, легкую впалость груди, затрудненность походки его превосходного подчиненного. Неужели Сисис стареет? Он всего на несколько десятков лет старше Амадейро. Больше всего Амадейро поразила

неприятная мысль, что с постепенной дегенерацией столь многих граней жизни космонитов падают, похоже, и жизненные надежды. Он не раз собирался посмотреть статистические данные, но все время забывал или подсознательно боялся сделать это. В данном случае проявление возраста у Сисиса утонуло в дальнейших эмоциях: лицо раскраснелось, подчеркивая седину в его бронзовых волосах, и самого Сисиса буквально распирало от изумления. Амадейро даже не пришлось спрашивать, что случилось. Сисис сразу же выложил все.

Когда он закончил. Амадейро ошеломленно спросил:

— Прекращены все радиопередачи?

— *Все*, шеф, видимо, они все там умерли или уехали. Ни одна обитаемая планета не может не испускать хоть какого-то электромагнитного излучения при нашем уровне…

Амадейро жестом приказал ему замолчать. Один из пунктов Василии — нетвердый, помнится, — гласил, что соляриане готовятся покинуть свою планету. *Это* было бессмысленное предположение. Все четыре были в той или иной степени бессмысленными. Он тогда сказал, что подумает об этом, и он, конечно, не подумал. Те-

перь, по-видимому, ясно, что он сделал ошибку. Это выглядело абсурдным, когда об этом говорила Василия, таким же абсурдным осталось и сейчас. Амадейро задал тот же вопрос, что и тогда, хотя и не надеялся получить ответ. Да и откуда быть ответу?

— Куда они могли уйти, Мэлун?

— Об этом не говорится ни слова, шеф. Мы получили известие сегодня утром. Беда в том, что интенсивность излучения на Солярии и так была низка. Население очень разбросано, а роботы хорошо экранированы. Интенсивность там ниже, чем на других Внешних Мирах, на два порядка ниже, чем у нас.

— Итак, однажды кто-то обратил внимание, что эта малая интенсивность упала до нуля, но никто не заметил, когда именно это случилось. Кто обратил внимание?

— Никсонианский корабль, шеф.

— Каким образом?

— Корабль вынужденно оказался на орбите Солярии для ремонта. По гиперволне он просил разрешения, но ответа не получил. Им ничего не оставалось, как задержаться на орбите и проводить ремонт. За это время их никто не побеспокоил. Наконец они своими приборами

зафиксировали, что не получали не только ответа, но и вообще никаких сигналов. Когда точно прекратилось излучение, они сказать не могут. Последняя запись сообщения с Солярии была сделана больше двух месяцев назад.

— А другие три ее пункта? — пробормотал Амадейро.

— Простите, шеф?

— Нет, нет, ничего, — ответил Амадейро, но сильно нахмурился и задумался.

Мандамус ничего не знал о событиях на Солярии, когда через несколько месяцев вернулся из продолжительного третьего путешествия на Землю. В первое путешествие шесть лет назад его послал Амадейро, с некоторым затруднением сделав его аккредитованным послом Авроры, договориться о некоторых мелочах, связанных с переходом торговых кораблей границы космонитской территории. Он подвергался там церемониальным и бюрократическим неприятностям, и ему быстро стало ясно, что такой эмиссар весьма ограничен в передвижении. Но это не имело значения, потому что он узнал то, что хотел узнать. Он вернулся с новостями.

— Я сомневаюсь, доктор Амадейро, что там будут вообще какие-нибудь проблемы. Земное

правительство не имеет никакой возможности контролировать вход и выход. Каждый год Землю посещают миллионы поселенцев с десятков планет, и каждый год эти миллионы гостей разъезжаются по домам. Похоже, каждый поселенец считает свою жизнь неполной, если периодически не вдыхает воздух Земли и не бывает в ее переполненных подземельях. Я думаю, это поиски корней. Они вроде бы и не замечают этого абсолютно кошмарного существования на Земле.

— Я это знаю, Мандамус, — устало ответил Амадейро.

— Только умозрительно, сэр. Вы не можете по-настоящему понять это, пока сами не увидите. Один раз побывав там, вы обнаружили бы, что ничто из вашего «знания» не подготовило гас к реальности. Поэтому никто не должен бы хотеть вернуться.

— Ваши предки наверняка не хотел и возвращаться, как только оставили планету.

— Наверное, — согласился Мандамус. — Но в те времена межзвездный перелет был не таким легким, как сейчас. Он занимая много месяцев, а Прыжок был хитрой штукой. Теперь же перелет считается в днях, а Прыжок — самое обычное

дело. Если бы во времена наших предков возвращение на Землю было таким легким делом, как сейчас, кто знает, оторвались бы мы или нет.

— Давайте без философии, Мандамус. Ближе к делу.

— Да, конечно. Кроме прихода и ухода бесчисленных потоков поселенцев, каждый год миллионы землян эмигрируют на Поселенческие Миры. Кое-кто почти сразу же возвращается, не сумев адаптироваться, другие привыкают в новых мирах, но очень часто приезжают в гости на Землю. Нет никакой возможности следить за этими приездами и отъездами, да Земля и не пытается. Такие попытки могут вызвать задержки потока, а Земля прекрасно понимает, что каждый посетитель везет монету. Туристский бизнес, если можно так выразиться, является самой прибыльной индустрией Земли.

— Я полагаю, вы хотите сказать, что мы без труда можем поселить на Земле гуманоидных роботов?

— Без всякого труда. Теперь, когда они правильно запрограммированы, мы можем послать на Землю несколько групп с железными документами. Мы ничего не можем сделать с их почтением к людям, но это не выдаст их: его примут за обыч-

ное почтение поселенцев к планете предков. Но я сильно подозреваю, что нам не высадить их в каком-нибудь космопорту Городов. Обширные пространства между Городами практически не заселены, если не считать примитивных рабочих роботов, и приземлившийся там корабль не будет замечен или, во всяком случае, не привлечет внимания.

— Я думаю, это слишком рискованно, — сказал Амадейро.

Две группы человекоподобных роботов были посланы на Землю и смешались с жителями Городов, прежде чем найти способ выбраться в пустынные области между Городами и общаться с Авророй по защищенному гиперлучу.

Мандамус, который глубоко обдумал дело и долго колебался, сказал:

— Я снова поеду туда, сэр. Я не уверен, что они найдут правильное место.

— А вы сами-то знаете правильное место? — саркастически спросил Амадейро.

— Я тщательно копался в древней истории Земли, сэр, и знаю, что найду его.

— Я не думаю, что мне удастся убедить Совет послать вас на военном корабле.

— Нет, я и не хотел этого. Это хуже, чем просто

бесполезно. Я хочу одноместное судно с достаточным запасом энергии в оба конца.

Вот таким образом Мандамус нанес второй визит на Землю и высадился неподалеку от одного из меньших Городов. Со смесью облегчения и удовлетворения он нашел несколько роботов на нужном месте и оставался некоторое время с ними, чтобы приглядеть за их работой, дать несколько приказов в связи с этой работой и сделать кое-какие улучшения в их программе. Затем под нелюбопытными взглядами нескольких примитивных роботов земного производства Мандамус пошел к Городу. Это был рассчитанный риск, и Мандамус, отнюдь не герой, чувствовал неприятное сердцебиение. Но все прошло хорошо.

Страж у ворот был слегка удивлен, когда появился человек со всеми признаками долгого пребывания на открытом пространстве. У Мандамуса были документы поселенца, и страж только пожал плечами. Поселенцы не против открытого пространства, и, говорят, иной раз делают небольшие экскурсии в поля и леса над уровнями Города, так что страж бегло посмотрел на бумаги, а больше их никто не спрашивал. Внеземной акцент Мандамуса — он старался сделать этот

акцент возможно менее аврорским — принимался без обсуждения, и никому, не могло прийти в голову, что Мандамус — космонит. Прошло уже два столетия с тех пор, как космониты имели на Земле постоянную базу. Посольство Внешних Миров было мало, а в последнее время стало еще меньше, и земляне из провинции, видимо, даже забыли о существовании космонитов. Мандамус слегка опасался, что тонкие прозрачные перчатки и носовые фильтры, которые он все время носил, могут обратить на себя внимание, но этого не случилось. Никто не ставил ему барьеров в его путешествиях между Городами. *У* него было достаточно денег, а монета громко говорила на Земле — да, но правде сказать, и на Внешних Мирах. Он начал привыкать к отсутствию за спиной робота, и, когда встречал аврорских гуманоидных роботов в том или ином Городе, твердо объяснял им, что они не должны идти за ним по пятам. Он выслушивал их рапорты, давал инструкции, если требовалось, и устраивал их отправку за пределы Города. Наконец, он вернулся на корабль и уехал. Никто не обратил на него внимания ни при его появлении, ни при его отъезде.

— Вообще-то говоря, — задумчиво сказал он Амадейро, — земляне не такие уж и варвары.

— Вот как?

— На своей планете они ведут себя совершенно по-человечески. В их дружелюбии есть даже что-то привлекательное.

— Уж не жалеете ли вы о задаче, которой занимались там?

— Я плохо себя чувствовал, когда ходил среди них и думал, что они не знают о том, что случится. Не могу заставить себя радоваться тому, что я делаю.

— Сможете, Мандамус. Подумайте о том, что, как только работа будет сделана, вы обеспечите себе пост Главы Института в скором времени. Это подсластит вашу работу.

С тех пор Амадейро не спускал глаз с Мандамуса.

В третьем путешествии Мандамуса большая часть его прежней неловкости пропала, и он держался почти как настоящий землянин. Проект медленно сдвигался с мертвой точки по назначенной линии прогресса. Во время первых своих посещений он не испытывал проблем со здоровьем, но в третий раз, без сомнения, по излишней самоуверенности, он, видимо, подверг себя чему-то, и, наконец, настало время, когда его встревожило истечение из носа, сопровождаемое

кашлем. Визит в амбулаторию и последовавшая инъекция гаммаглобулина принесли немедленное облегчение, но он счел амбулаторию страшнее болезни: все там, похоже, болели чем-то заразным или были в контакте с заразными больными. Но сейчас, во всяком случае, он вернулся к спокойным порядкам Авроры и был несказанно рад этому. Он слушал сообщение Амадейро о солярианском кризисе.

— Вы ничего не слышали об этом? — спросил Амадейро.

Мандамус покачал головой:

— Ничего, сэр. Земля на редкость провинциальный мир. Восемьсот Городов с восемью миллиардами жителей — и все интересы направлены только на восемьсот Городов с восемью миллиардами жителей. Можно подумать, что поселенцы существуют только для того, чтобы посещать Землю, а космонитов вообще не существует. Последние известия в любом Городе на девяносто процентов относятся к этому Городу. Земля — замкнутый, боящийся пространства мир, как умственно, так и физически.

— Однако вы говорили, что они не варвары.

— Агорафобия — не обязательно варварство. По их словам, они цивилизованны.

— По их словам! Ну, ладно. Это неважно. Сейчас проблема — Солярия. Ни один из Внешних Миров не двинется. Принцип невмешательства — главнейший. Считается, что внутренние проблемы Солярии — дело одной Солярии. Наш Председатель инертен, как и все, хотя Фастольф умер, и его парализованные пальцы больше не давят на нас. А сам я ничего не могу сделать до тех пор, пока не стану Председателем.

— Как они могут предполагать, что у Солярии внутренние проблемы, в которые нельзя вмешиваться, если соляриане исчезли?

— Они не видят глупости, а вы сразу увидели? — ядовито сказал Амадейро. — Они говорят, что нет твердой уверенности в полном исчезновении солярианин, и пока хоть сколько-нибудь их остается на планете, другие Внешние Миры не имеют права влезать туда без приглашения.

— Как же они объясняют отсутствие излучений?

— Они думают, что соляриане, может быть, ушли под землю или развили технологию, устраняющую утечку излучения. Говорят также, что никто не видел, как соляриане уходили, *и* что им абсолютно некуда податься. Конечно, никто не следил, потому и не видели.

— Как они доказывают, что солярианам некуда уйти? Пустых планет много.

— Аргумент — что соляриане не могут жить без своей несметной толпы роботов, а взять их всех с собой они не смогут.

— А каков ваш аргумент против этого?

— Никакого, сэр. Но исчезли они или нет, ситуация странная и беспокоящая, *и* просто невероятно, что никто не хочет расследовать ее. Я всех предупреждал, насколько мог настойчиво, что инерция и апатия станут нашим концом, что, как только Поселенческие Миры узнают, что Солярия опустела — или, возможно, опустела — *они* без колебаний кинутся расследовать дело. У этих насекомых бездумное любопытство. Я хотел бы, чтобы у нас была часть его. Они, не подумав дважды, рискнут жизнью, если им светит какая-то прибыль.

— Какая же прибыль в данном случае, доктор Амадейро?

— Если соляриане ушли, они должны были оставить почти всех своих роботов. Они были исключительно изобретательными роботехниками, и поселенцы, при всех их чувствах неприязни и ненависти к роботам, не поколеблются захватить их и продать нам за хорошие деньги. Они

уже объявили об этом. Два поселенческих корабля уже высадились на Солярии. Мы послали протест, но они, разумеется, не обратили на него внимания, а мы, ясное дело, ничего больше не сделали. Наоборот: некоторые Внешние Миры посылают запрос, какие роботы будут продаваться и за какую цену.

— Наверное, так и должно быть, — спокойно сказал Мандамус.

— Так и должно быть, что мы ведем себя так, как о нас говорят поселенческие пропагандисты? Что мы действуем так, словно и в самом деле дегенерируем и скатываемся в гниение?

— Зачем повторять их жужжание, сэр? Мы уравновешенны и цивилизованны, и пока еще нам никто не вредит. Если это случится, мы будет драться, и, будьте уверены, сотрем их в порошок. Технологически мы пока впереди них.

— Но мы и сами потерпим урон, а это не очень приятно.

— Это означает, что мы не готовы к войне. Если Солярия опустела, и поселенцы хотят ограбить ее, возможно, нам не следует мешать им. В конце концов, я могу предсказать, что мы сделаем свой ход через несколько месяцев.

По лицу Амадейро прошло нечто вроде ярост-

ной жадности.

— Месяцев?

— Я уверен в этом. Поэтому первое, что мы должны сделать, это избегать провокации. Мы погубим все, если ввяжемся в конфликт без необходимости, и потерпим урон, даже если и победим, а зачем нам это? Через какое-то небольшое время у нас будет полная победа без сражения и без урона. Бедная Земля!

Глэдия следила за шаром Авроры на экране. Ее облачный покров, казалось, охватывал полукругом толстый серп, блестящий от солнца.

— Мы, конечно, не настолько близко, — сказала она.

— Нет.

ДЖ улыбнулся:

— Мы видим ее через мощные линзы. Нам еще осталось несколько дней, считая спиральное приближение. Если бы поставить антигравитационную тягу, о которой физики только мечтают, но сделать, похоже, пока не могут, космический полет был бы проще и быстрее. А сейчас наши Прыжки могут безопасно доставить нас лишь на приличное расстояние от планетной массы.

— Странно, — задумчиво сказала Глэдия.

— Что именно, мадам?

— Когда мы легли на Солярию, я думала: я еду домой, но когда высадилась там, обнаружила, что я вовсе не дома. Теперь мы идем к Авроре и я думала: вот теперь я еду домой, но нет, та планета тоже не дом.

— Где же тогда ваш дом, мадам?

— Сама начинаю задумываться. Но почему вы так упорно зовете меня «мадам»?

Д.Ж. удивился:

— Вы предпочитаете «леди Глэдия»?

— Это тоже насмешливая почтительность. Разве вы так настроены по отношению ко мне?

— Конечно, нет. Но как еще поселенец должен обращаться к космонитке? Я пытаюсь быть с вами вежливым и соблюдать ваши обычаи, чтобы вы чувствовали себя хорошо.

— Но я не чувствую себя хорошо. Называйте меня просто Глэдия. Ведь я зову вас просто Диджи.

— Это мне вполне подходит, хотя перед моими людьми я предпочту, чтобы вы называли меня капитаном, и буду звать вас «мадам». Дисциплину надо поддерживать.

— Да, конечно, — рассеянно ответила Глэдия.

Она снова посмотрела на Аврору:

— У меня нет дома.

Она вдруг повернулась к Д.Ж:

— Вы могли бы взять меня на Землю, Диджи?

— Вероятно, — сказал он.

Он улыбнулся:

— Но вы не захотите, Глэдия.

— Я думаю, что захочу, если не утрачу храбрость.

— Но ведь существует инфекция, а космониты ее боятся, верно?

— Может быть, даже излишне. В конце концов, я знала вашего предка и не заразилась. Я была на его корабле и осталась жива. И вы сейчас рядом со мной. Я даже была в вашем мире, где тысячи людей окружали меня. Я думаю, что выработала некоторую сопротивляемость.

— Должен сказать, что на Земле в тысячу раз больше народа, чем на Бейлимире.

— Пусть так, — тепло сказала Глэдия. — Я полностью изменила свои мысли о многих вещах. Я говорила вам, что после более чем двух столетий жизни ничего не остается, но оказывается — есть. То, что произошло со мной на Бейлимире — моя речь и ее воздействие на людей — было совершенно новым, чем-то таким, что я никогда не представляла. Я словно родилась заново, начала с первого десятилетия. Теперь мне кажется, что я умру молодой и пытающейся бороться со смер-

тью, а не старой, усталой, приветствующей ее.

— Здорово) — сказал Д.Ж.

Он поднял руку шутливо-героическим жестом:

— Вы говорите как в героическом фильме. Вы когда-нибудь видели их на Авроре?

— Конечно. Они очень популярны.

— И вы их повторяете или в самом деле имеете в виду то, что говорите?

Глэдия рассмеялась:

— Полагаю, что говорю довольно глупо, Диджи, но, как ни странно, именно это я имела в виду, когда сказала — если не утрачу храбрость.

— В таком случае, мы поедем на Землю. Я не думаю, что вас будут рассматривать как военную ценность, особенно, если вы сделаете полный рапорт о событиях на Солярии и дадите честное слово космонитки — если это у вас принято — что вернетесь обратно.

— Но я не хочу возвращаться.

— Когда-нибудь можете захотеть. А теперь, миле… я хотел сказать, Глэдия, мне всегда приятно разговаривать с вами, и меня вечно подмывает потратить на это больше времени, но я нужен врубке управления. Если они могут обойтись без меня, лучше будет, чтобы они это не обнаружили.

— Это твоя работа, друг Жискар?

— Что ты имеешь в виду, друг Дэниел?

— Леди Глэдия желает ехать на Землю и, возможно, даже не возвращаться. Это желание настолько противоречит тому, что пожелал бы космонит, что я подозреваю в нем твою работу над ее мозгом.

— Я даже не касался ее, — сказал Жискар. — Очень трудно изменять человеческий мозг, находясь в тисках Трех Законов, изменять его особую индивидуальность, потому что безопасность его находится в прямой зависимости от трудности.

— Так почему же она хочет ехать на Землю?

— Опыт на Бейлимире очень изменил ее точку зрения. У нее есть миссия — обеспечить мир в Галактике, иона горит желанием работать для этого.

— В таком случае, друг Жискар, не лучше ли тебе убедить своими методами капитана ехать на Землю сейчас же?

— Это вызовет трудности. Авроре кие власти настаивают, чтобы леди вернулась на Аврору, и лучше будет так и сделать, приехать хотя бы на время.

— Но это может быть опасным.

— Значит, ты все еще думаешь, друг Дэниел, что они хотят именно моего возвращения, потому что узнали о моих способностях?

— Я не вижу других причин их настойчивости в отношении возвращения леди Глэдии.

— Похоже, что думать как человек — это ловушка. Становится возможным предполагать несуществующие затруднения. Даже если кто-то на Авроре и подозреваете моих способностях, я сотру эти подозрения. Бояться нечего, друг Дэниел.

Дэниел неохотно ответил:

— Будь по-твоему, друг Жискар.

Глэдия задумчиво осмотрелась, небрежно отослав роботов прочь. Она смотрела на свою руку, сделавшую этот жест, словно видела ее впервые. Этой рукой она пожала руки каждому члену экипажа корабля, прежде чем сесть в маленький модуль, Она обещала вернуться, и команда громко приветствовала ее, а Нисс прогудел: «Мы не улетим без вас, леди!» Приветствия были ей очень приятны. Ее роботы служили ей честно, преданно, терпеливо, но никогда не приветствовали. Д.Ж., с любопытством смотревший на нее, сказал:

— Ну вот, теперь вы дома, Глэдия.

— Я в своем доме, — тихо сказала она. — Этот

дом стал моим с тех пор, как доктор Фастольф подписал мне его два столетия назад, но все-таки он мне кажется чужим.

— Он чужой *для меня*, — сказал Д.Ж. — Мне кажется, что я в нем потеряюсь, если останусь тут один.

Он оглядел богато украшенную мебель и искусно декорированные стены.

— Но вы не будете один, — сказала Глэдия. — Мои домашние роботы будут с вами, они получили точные инструкции и сделают все для вашего удобства.

— Они поймут мой поселенческий акцент?

— Если не поймут, то попросят вас повторить. Тогда вы должны говорить медленно и делать жесты. Они приготовят вам еду, покажут, как пользоваться приспособлениями в комнате для гостей, и будут зорко следить, чтобы вы не делали того, что гостю не полагается. Если понадобится, они вас остановят, но без какого-либо вреда для вас.

— Я надеюсь, они не сочтут меня нечеловеком?

— Как надзирательница? Нет, это я вам гарантирую, хотя ваша бородам акцент могут смутить настолько, что их реакция замедлится на одну-

две секунды.

— И они могут защищать меня от непрошеных гостей?

— Стали бы, но здесь таких не бывает.

— Совет может захотеть взять меня.

— В этом случае, он пошлет своих роботов, а мои завернут их обратно.

— А если их роботы пересилят ваших?

— Этого не может быть. Дом неприкосновенен.

— Вы хотите сказать, что никто никогда…

— Никто, никогда, — повторила она немедленно. — Вы просто останетесь здесь, *и* мои роботы позаботятся о ваших нуждах, если вы захотите связаться с вашим кораблем, с Бейлимиром, даже с Авроpским Советом, роботы точно знают, что надо делать. Вам стоит только поднять палец.

Д.Ж. сел в кресло, вытянулся и глубоко вздохнул:

— Как мудро, что мы не допускаем роботов в Поселенческие Миры! Вы знаете, как скоро я скатился бы в лень и праздность, если бы я остался в подобном обществе? Самое большее через пять минут. Собственно говоря, я уже развращен.

Он зевнул:

— Они не обидятся, если я усну?

— Конечно, нет. Если вы уснете, они присмот-

рят, чтобы вокруг вас было тихо и темно.

Д.Ж. вдруг выпрямился:

— А если вы не вернетесь?

— Почему не вернусь?

— Совет, кажется, очень требовал вас.

— Они же не могут задержать меня. Я свободная гражданка Авроры, и иду, куда хочу.

— Бывают непредвиденные случаи, когда правительство тоже желает, а в этих случаях правило всегда можно нарушить.

— Ерунда. Жискар, меня могут задержать там?

— Мадам, — ответил Жискар, — вас не задержат. Пусть капитан не беспокоится на этот счет.

— Вот видите, Диджи. А ваш предок, когда мы виделись с ним в последний раз, сказал мне, чтобы я всегда верила Жискару.

— Прекрасно! Великолепно! Но я приземлился с вами, Глэдия, по одной причине: удостовериться, что получу вас назад. Помните это и скажите об этом вашему доктору Амадейро. Если они попробуют задержать вас, против вашей воли, то задержат также и меня, а мой корабль на орбите полностью способен отреагировать на это.

— Нет, пожалуйста, не думайте делать такого. Аврора тоже имеет корабли, и я уверена, что ваш под наблюдением.

— Тут некоторая разница, Глэдия. Я сильно сомневаюсь, что Аврора захочет развязать войну из-за вас. Но, с другой стороны, Бейлимир должен быть вполне готов к этому.

— Наверняка нет. Я бы не хотел, чтобы ваш мир начал войну из-за меня. Да и зачем ему это? Потому что я была другом вашего предка?

— Не только. Я не думаю, чтобы кто-нибудь верил, что вы были этим другом, ваша пра-пра-прабабушка — может быть, ноне вы. Даже я не верю, что это были вы.

— Вы знаете, что это была я.

— Разумеется, да, но эмоционально я нахожу это невозможным. Это было два столетия назад.

Глэдия покачала головой:

— У вас точка зрения короткоживущего.

— Наверное, как у всех нас, но дело не в этом. Вы важны для Бейлимира из-за речи, которую вы выдали. Вы — героиня, и все скажут, что вас необходимо представить на Земле. И ничто не должно помешать этому.

— Представить?

Глэдия встревожилась:

— С полной церемонией?

— С самой полной.

— Но почему это настолько важно, что можно

решиться на войну?

— Вряд ли я смогу объяснить это космониту. Земля — особый мир, где человеческие существа стали личностями, где они эволюционировали, развивались и жили в полном окружении другой жизни. У нас на Бейлимире есть деревья, есть насекомые, но на Земле такое изобилие деревьев и насекомых, какого нет ни на одном известном мне мире. Наши миры — имитация, бледная имитация. Они не существуют и не могут существовать без разума, культуры и духовной силы, которую получают от Земли.

— Космониты держатся прямо противоположного мнения о Земле. Когда мы упоминаем о ней — что редко делаем — то говорим, что это мир варварский и загнивающий.

Д.Ж. вспыхнул:

— Вот почему Внешние Миры все время слабеют. Как я уже говорил, вы вроде растений, утративших корни, вроде животных с вырезанным сердцем.

— Ладно, я сама посмотрю на Землю, а сейчас мне надо идти. Пожалуйста, чувствуйте здесь себя, как дома, пока я не вернусь.

Она быстро подошла к двери, но остановилась и повернулась.

— В этом доме, да и нище на Авроре, нет спиртного, табака, алкалоидных стимуляторов и вообще ничего такого.

ДЖ угрюмо усмехнулся:

— Мы, поселенцы, знаем об этом. Ваш народ — такие пуритане.

— Вовсе не пуритане, — недовольно возразила Глэдия. — Тридцать-сорок десятилетий надо было чем-то оплатить. Это только один из путей. Не думаете ли вы, что эту жизнь дала нам магия?

— Ладно, я приналягу на полезные фруктовые соки и оздоровляющий эрзац-кофе, и от меня будет пахнуть цветами.

— Вы обнаружите большой запас таких вещей, — холодно сказала Глэдия, — а когда вернетесь на свой корабль, смажете компенсировать все это, из-за отєутєствия чего сейчас будете страдать.

— Я буду страдать только из-за вашего отєутствия, мадам, — серьезно сказал капитан.

Глэдия невольно улыбнулась:

— Вы неисправимый лжец, капитан. Я вернусь. Дэниел, Жискар, пошли!

Глэдия напряженно сидела в кабинете Амадейро. За много десятилетий она видела Амадейро только издали или на видеоэкране, и в таких

случаях имела обыкновение отворачиваться. Она помнила его только как главного врага Фастольфа, и вот сейчас впервые оказалась в одной комнате с ним, лицом к лицу, и заставила свое лицо застыть в полной неподвижности и невыразительности, чтобы ее ненависть не вырвалась наружу. Хотя она и Амадейро были в комнате одни, как живые люди, здесь присутствовала, по крайней мере, дюжина членов правительства, даже сам Председатель, но в голографическом изображении. Подия узнала Председателя и многих других, но не всех. Это было неприятное испытание. Вроде бы на Солярии видеть такие изображения было делом обычным, и она привыкла к этому, когда была девушкой, но вспоминала теперь об этом с отвращением. Она делала усилия, чтобы говорить ясно, без драматизма и сжато. Ей задавали вопросы, и она отвечала как можно короче, по существу, не связывая суть с вежливостью.

Председатель слушал бесстрастно, а другие подражали ему; Он был явно стар — Председатели всегда были самыми старыми, потому что обычно достигали этого положения лишь на склоне лет. У него было длинное лицо, все еще густые волосы и нависшие брови. Голос его был

медоточивым, но отнюдь недружелюбным. Когда Глэдия замолчала, он сказал:

— Значит, вы предполагаете, что соляриане свели понятие «человек» до узкого смысла «солярианин»?

— Я ничего не предполагаю, мистер Председатель. Просто никто не мог найти другого объяснения происшедшему.

— Вы знаете, мадам Глэдия, что за всю историю роботехники ни один робот не конструировался с узким определением «человека»?

— Я не роботехник, мистер Председатель, и ничего не понимаю в математике позитронных путей. Раз вы говорите, что этого никогда не делалось, я, конечно, принимаю это. Я также не знаю и не могу сказать, что если что-то никогда не делалось раньше, то оно не может быть сделано в будущем.

Ее взгляд никогда не был таким открытым и невинным, как сейчас, и Председатель покраснел:

— Сузить определение теоретически возможно, но это просто немыслимо.

Глэдия ответила, глядя на свои руки, спокойно лежавшие на коленях:

— Люди иногда думают об очень странных

вещах.

Председатель сменил тему:

— Аврорский корабль был уничтожен. Как вы это объясните?

— Я не присутствовала при этом, Председатель. Я не знаю, что случилось, и не могу объяснить это.

— Вы были на Солярии, и вы уроженка этой планеты. Складывая ваш недавний опыт с прежним фоном, что вы могли бы сказать о случившемся?

Председатель заметно терял терпение.

— Если я должна догадываться, то я бы сказала, что ваш военный корабль был взорван с помощью портативного военного усилителя, подобного тому, от которого чуть не погиб поселенческий корабль.

— Вам не приходило в голову, что эти два случая различны? Водном поселенческий корабль вторгся на Солярию с целью конфискации солярианских роботов, а в другом — аврорское судно пришло защищать планету-сестру.

— Я могу только предполагать, мистер Председатель, что надзиратели — гуманоидные роботы, оставленные охранять планету, — не были достаточно инструктированы, чтобы понимать эту разницу.

Председатель выглядел оскорбленным:

— Не может быть, чтобы их не инструктировали видеть разницу между поселенцами и братьями-космонитами.

— Наверное, не может быть, если вы так говорите, мистер Председатель. Тем не менее, если единственное определение человека — это его физический облик и умение говорить по-соляриански, могли не подпасть под определение «человека» в глазах надзирателя.

— Значит, вы говорите, что соляриане определяли своих братьев-космонитов как нелюдей и подвергли их уничтожению?

— Я представляю это только как возможность, потому что никак иначе не могу объяснить уничтожение аврорского военного корабля. Более опытные люди, вероятно, могут давать другое объяснение.

И снова невинный, почти пустой взгляд.

— Вы намерены вернуться на Солярию, мадам Глэдия? — спросил Председатель.

— Нет, мистер Председатель, я не имею такого намерения.

— Ваш друг поселенец не требовал от вас очистить планету от надзирателей?

Глэдия медленно покачала головой:

— От меня этого не требовали. Да я бы и не согласилась. Я и с самого начала поехала од Солярию только для того, чтобы выполнить свой долг перед Авророй. Меня просил поехать доктор Левулар Мандамус из Института Роботехники, работающий под началом доктора Келдина Амадейро. Меня просили поехать, чтобы я по возвращении сделала рапорт о событиях, и я его сейчас сделала. Просьба имела, как я поняла, оттенок приказа, и я приняла ее как приказ, исходящий от самого доктора Амадейро.

Она бросила быстрый взгляд на Амадейро. Амадейро сделал вид, что не слышит.

— Каковы ваши планы на будущее? — спросил Председатель.

Глэдия чуть замялась, но решила, что может смело встретить ситуацию:

— Я намереваюсь, мистер Председатель, — отчетливо произнесла она, — посетить Землю.

— Землю? Зачем это вам?

— Для аврорского правительства, мистер Председатель, может быть важным знать, что творится на Земле. Поскольку власти Бейлимира пригласили меня посетить Землю, а капитан Бейли готов отвезти меня туда, это будет удобным случаем привезти рапорт о событиях, как я

сделала сейчас насчет события на Солярии и на Бейлимире — сказала Глэдия.

Она подумала: «Ну, а если он и в самом деле, вопреки обычаям, заставит меня остаться на Авроре? Если так, то придется менять решение». Она чувствовала, что напряжение ее растет, и мельком взглянула на Дэниела, который, как всегда, выглядел совершенно бесстрастным. Однако, Председатель, мрачно глядя на нее, сказал:

— В этом отношении, мадам Глэдия, вы, как аврорская гражданка, имеете право действовать по своему желанию, но на свой страхи риск. Никто от вас этого не требует, как требовали, по вашим словам, вашего визита на Солярию. Поэтому я должен предупредить вас, что Аврора не обязана помогать вам в случае каких-либо неприятностей.

— Я понимаю, сэр.

Председатель резко сказал:

— Нам есть о чем поговорить позже. Амадейро. Я свяжусь с вами.

Изображение исчезло, и Глэдия со своими роботами неожиданно осталась одна с Амадейро и его роботами.

Глэдия встала и натянуто сказала:

— Встреча, я полагаю, закончена, так что я могу

уйти.

— Да, конечно, но у меня есть пара вопросов, и я надеюсь, вы не обидитесь.

Он встал. Его высокая фигура, казалось, подавляла. Он улыбался и говорил так любезно, словно между ними установились дружеские отношения.

— Позвольте мне проводить вас, леди Глэдия. Итак, вы собираетесь на Землю?

— Да. Председатель не возражает, а аврорские граждане могут свободно путешествовать по Галактике в мирное время. Простите, но мои роботы и ваши при необходимости будут мне достаточным эскортом.

— Как прикажете, миледи.

Робот открыл ей дверь.

— Вы, вероятно, возьмете с собой роботов, когда поедете на Землю?

— Тут нет вопросов.

— Каких, мадам, не могу ли я спросить?

— Этих двух, какие сейчас со мной.

Она быстро пошла по коридору, твердо постукивая каблуками и не оглядываясь на Амадейро.

— Разумно ли это, миледи? Это работы высокого класса, необычный продукт великого доктора Фастольфа. Вы будете в окружении варваров-зем-

лян, которые могут позариться на них.

— Пусть себе зарятся, все равно не получат.

— Не недооценивайте опасность и не переоценивайте способность роботов защищаться. Вы будете водном из Городов, в окружении варваров, десятков миллионов этих землян, а роботы не могут вредить людям. Чем более усовершенствован робот, тем более он чувствителен к нюансам Трех Законов, и тем менее вероятно, что он предпримет действия, могущие хоть в какой-то мере повредить человеку. Не так ли, Дэниел?

— Да, доктор Амадейро, — ответил Дэниел.

— Жискар, я думаю, с тобой согласен?

— Да, доктор Амадейро, — сказал Жискар.

— Вот видите, миледи? Здесь, на Авроре, в обществе без насилия, ваши роботы могут защищать вас, а на Земле — безумной, упадочной, варварской — два робота не будут иметь возможности защитить ни вас, ни себя. Мне не хотелось бы, чтобы вас ограбили. Что еще более существенно, ни Институт, нм правительство не хотел и бы видеть передовых роботов в руках варваров. Не лучше ли взять с собой роботов обычного типа, на которых земляне не обратят внимания? В этом случае, вы мажете взять любое количество.

— Доктор Амадейро, я брала этих двух на посе-

ленческий корабль и посещала Поселенческий Мир. Никто не подумал захватывать их.

— Поселенцы не пользуются роботами и уверяют, что не одобряют их. А на Земле все еще есть роботы.

— Не могу ли я вмешаться, доктор Амадейро? — сказал Дэниел. — Насколько я знаю, в городах Земли почти нет роботов. Роботы используются на сельскохозяйственных и рудничных работах. Во всем остальном нормой является автоматизация без роботов.

Амадейро быстро глянул на Дэниела и снова обратился к Глэдии:

— Ваш робот, вероятно, прав, я полагаю, что Дэниелу не причинят вреда, а вот Жискара стоило бы оставить дома. Он может вызвать стяжательские инстинкты в стяжательском обществе, даже если там пытаются защитить себя от роботов.

— *Я* не оставлю их сэр, — сказала Глэдия. — Они поедут со мной. *Я* одна могу судить, какую часть моего имущества брать с собой, а какую оставить.

— Конечно, конечно.

Амадейро улыбнулся самым любезным образом:

— Никто не спорит. Не подождете ли вы здесь?

Открылась дверь в очень уютно обставленную комнату. Она не имела окон, но была освещена мягким светом. Слышалась тихая музыка. Глэдия остановилась у порога и резко спросила:

— Зачем?

— Член Института желал бы видеть вас и поговорить. Это не займет много времени, а потом вы можете уйти. Вы даже не будете страдать от моего присутствия. Прошу.

В последнем слове слышалась скрытая сталь.

Глэдия протянула руку к Дэниелу я Жискару.

— Я пойду с ними.

Амадейро добродушно засмеялся:

— Неужели вы думаете, что я пытаюсь отделить вас от ваших роботов? Разве они позволили бы это сделать? Вы слишком долго были с поселенцами, моя дорогая.

Глэдия посмотрела на закрывшуюся дверь и сказала сквозь зубы:

— Ненавижу этого человека, особенно когда он улыбается.

Она потянулась:

— Во всяком случае, я устала, я если кто-то придет опять спрашивать о Солярии и Бейлимире, то получит, будьте спокойны, весьма краткие ответы.

Она села на кушетку, мягко подавшуюся под ее весом. Сняв туфли, она подняла ноги на кушетку, сонно улыбнулась, глубоко вздохнула, легла, отвернувшись к стенке, и тут же уснула.

— Это хорошо, что ей самой хотелось спать, — сказал Жискар. — *Я* только сделал ее сон глубже, ничуть не повредив ей. Я не хотел, чтобы она слышала то, что, видимо, произойдет.

— А что произойдет, друг Жискар? — спросил Дэниел.

— Произойдет то, что, я думаю, является результатом моей ошибки. Ты был совершенно прав. Мне следовало бы более серьезно отнестись *к* твоему великолепному разуму.

— Значит, они хотят оставить тебя на Авроре?

— Да. Настойчиво требуя возвращения леди, они фактически требовали моего возращения. Ты слышал, как доктор Амадейро просил леди оставить меня здесь… сначала обоих, а потом только меня.

— Значит, его слова о боязни потерять усовершенствованных роботов, имели только поверхностное значение?

— Там был подспудный поток тревоги, друг Дэниел, куда более сильный в сравнении со словами.

— Как, по-твоему, он знает о твоих способностях?

— Определенно сказать не могу, поскольку не умею читать сами мысли, но во время интервью с Советом в мозгу доктора Амадейро дважды был резкий подъем эмоциональной интенсивности, исключительно резкий и кратковременный интенсивно цветной всплеск.

— Когда это было?

— Во второй раз, когда леди сказала, что поедет на Землю.

— И с чем это было связано?

— Не знаю. Это были изображения, а они не сопровождаются мысленными ощущениями, которые я могу определять.

— Тогда мы можем вывести заключение, что был или не был Совет расстроен предполагаемой поездкой леди на Землю, но доктор Амадейро точно был.

— Не просто расстроен. Он, похоже, был в высшей степени встревожен. Словно он и в самом деле имел в руках проект, как мы подозревали, уничтожения Земли, и испугался, что этот проект откроют. Больше того, друг Дэниел, при упоминании леди о ее намерениях доктор Амадейро быстро взглянул на меня, единственный раз за

все врёмя заседания. Вспышка эмоциональной интенсивности как раз совпала с этим взглядом. Я думаю, его встревожила мысль о *моей* поездке на Землю. Как мы можем предположить, он чувствует, что я со своими способностями могу быть главной опасностью для его плана.

— Но его тревогу можно так же принять за страх, что земляне попытаются захватить тебя как улучшенного робота, и тем причинить ущерб Авроре.

— Возможность, что такое случится, друг Дэниел, и ущерб для космонитов слишком малы для уровня его тревоги. Да и какая потеря для Авроры, если Земля захватит какого-то робота Жискара?

— По-твоему, доктор Амадейро знает, что ты не *просто* робот, Жискар?

— Я не уверен. Может, он только подозревает это. Если бы он *знал,* разве он не приложил бы усилий, чтобы воздержаться от своих планов в моем присутствии?

— Может, ему просто не повезло, что леди Глэдия не захотела отделиться от нас? Он не мог настаивать, чтобы именно ты не присутствовал тут, не выдавая знания о тебе.

Дэниел помолчал.

— Великая выгода для тебя, что ты способен

оценивать эмоциональное состояние мозга. Но ты говорил, что всплеск эмоций доктора Амадейро при известии о путешествии на Землю был вторым. А когда был первый?

— Первый был при упоминании о ядерном усилителе, хорошо известном на Авроре. Они не портативны, но достаточно легки для установки на космических кораблях, но это не та вещь, которая могла подействовать на него, как удар грома. Откуда же такая тревога?

— Может быть, — сказал Дэниел, — усилитель играет какую-то роль в его плане в отношении Земли?

— Возможно.

Тут дверь открылась, и голос сказал:

— Привет, Жискар!

Жискар посмотрел на вошедшую и спокойно сказал:

— Здравствуйте, мадам Василия.

— Значит, ты помнишь меня, — сказала Василия.

Она тепло улыбнулась.

— Да, мадам. Вы хорошо известный роботехник, и ваше лицо время от времени появляется в гиперволновых новостях.

— Брось, Жискар. Я имела в виду не то, что ты

узнал меня. Я хотела сказать, что ты *помнишь* меня и когда-то звал меня мисс Василия.

— Я помню и это, мадам. Это было очень давно.

Василия закрыла за собой дверь, уселась в кресло и повернула голову к другому роботу:

— А ты, конечно, Дэниел?

— Да, мадам, — сказал Дэниел. — У вас прекрасная память. Я помню вас, потому что был со следователем Илайджем Бейли, когда он допрашивал вас.

— Не упоминай этого землянина, — резко сказала Василия. — Я тоже узнала тебя, Дэниел. Ты также известен на свой лад, как и я. Ты вдвойне известен, потому что ты величайшее творение покойного доктора Хэна Фастольфа.

— Вашего отца, мадам, — сказал Жискар.

— Ты прекрасно знаешь, Жискар, что я не придаю значения чисто генетическим связям. Больше не упоминай о них.

— Не буду, мадам.

— А эта?

Она бросила небрежный взгляд на спящую.

— Поскольку вы оба здесь, я могу предположить, что эта спящая красавица — солярианка.

— Это леди Глэдия, — сказал Жискар, — и я ее собственность. Вы хотите ее разбудить, мадам?

— Мы только расстроим ее, Жискар, если будем говорить с тобой о старых временах. Пусть спит.

— Хорошо, мадам.

— Разговор между мной и Жискаром вряд ли будет тебе интересен. Дэниел, — сказала Василия. — Не подождешь ли ты снаружи?

— Боюсь, что я не могу уйти, миледи. Моя задача — охранять леди Глэдию.

— Я не думаю, что ее нужно охранять от меня. Ты видишь, что со мной нет моих роботов, так что одного Жискара вполне достаточно.

— В комнате ваших роботов нет, мадам, но, когда открылась дверь, я видел в коридоре четырех роботов. Так что я лучше останусь.

— Ладно, я не собираюсь пересиливать данные тебе приказы. Можешь остаться. Жискар!

— Да, мадам?

— Ты помнишь, как ты был впервые активирован?

— Да, мадам.

— Что ты помнишь?

— Сначала свет, потом звук, потом выкристаллизировался доктор Фастольф. Я понимал Галактический Стандартный и имел некоторые представления о знаниях, встроенных в мои позитронные мозговые пути. Три Закона, большой

словарный запас с определениями, обязанности робота, социальные обычаи. Другим вещам я быстро научился.

— Ты помнишь своего первого хозяина?

— Да. Доктор Фастольф.

— Подумай как следует, Жискар. Не я ли?

Жискар помолчал и сказал:

— Мадам, мне было поручено оберегать вас в меру моих способностей, как собственность доктора Фастольфа.

— Я думаю, тут было несколько большее. В течение десяти лет ты повиновался только мне, а кому-нибудь другому, включая доктора Фастольфа, только изредка, как следствие твоих обязанностей робота, и то лишь в том случае, когда была выполнена твоя главная обязанность по моей охране.

— Я был назначен к вам, леди Василия, это верно, но собственником оставался доктор Фастольф. Как только вы оставили его дом, доктор Фастольф взял полный контроль надо мной как мой хозяин. Он оставался моим хозяином и позже, когда назначил меня к леди Глэдии. Он был моим единственным хозяином, пока был жив. После его смерти по его завещанию право собственности на меня было передано леди Глэдии, и так оно

остается и до сих пор.

— Не то. Я спросила тебя, помнишь ли ты, когда тебя впервые активировали, и что ты помнишь. Тогда ты не был таким, какой сейчас.

— Мой банк памяти, мадам, теперь несравненно полнее, чем был, и я приобрел много опыта, которого у меня раньше не было.

Голос Василии стал более строгим:

— Я говорю не о памяти и не об опытности. Я добавила тебе позитронные пути, исправила их и усовершенствовала.

— Да, мадам, вы делали это с помощью и с одобрения доктора Фастольфа.

— Один раз, Жискар, в одном случае *я* ввела улучшение без помощи и одобрения доктора Фастольфа. Ты помнишь это?

Жискар молчал довольно долго.

— Я помню один случай, когда я не был свидетелем вашей консультации с доктором Фастольфом. Я решил что вы консультировались с ним в мое отсутствие.

— если так, то ты решил неправильно. Вообще-то, поскольку ты знал, что доктора Фастольфа не было в то время на Авроре, ты не мог так решить. Ты увиливаешь и употребляешь не то слово.

— Нет, мадам, вы могли консультироваться с

ним по гиперволне. Я считал это возможным.

— Тем не менее, эта добавка целиком моя. Ты стал совсем другим роботом после этого. Робот, каким ты стал с тех пор, был *моим* дизайном, *моим* созданием, и ты это прекрасно знаешь.

Жискар молчал.

— Ну, Жискар, по какому праву доктор Фастольф был твоим хозяином, когда ты был активирован?

Она подождала и резко сказала:

— Отвечай, Жискар! Это приказ!

— Поскольку он меня спроектировал и заведовал конструированием, я был его собственностью.

— А когда я эффективно перепроектировала и реконструировала тебя весьма основательно, разве ты не стал моей собственностью?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал Жискар. — По этому особому случаю потребовалось бы решение суда. Вероятно, это зависело бы от степени реконструирования.

— А ты знаешь, какова эта степень?

Жискар опять не ответил.

— Это ребячество, Жискар. Неужели я должна подталкивать тебя после каждого вопроса? Не заставляй меня это делать. В этом случае мол-

чание — верный знак согласия. Ты знаешь, что была перемена, и знаешь, насколько она была фундаментальна, и знаешь, что я это знаю. Ты усыпил солярианку, потому что не хотел, чтобы она узнала это от меня. Она ведь не знает?

— Нет, мадам.

— И ты не хочешь, чтобы она это знала?

— Не хочу, мадам.

— Дэниел знает?

— Да, мадам.

Василия кивнула:

— Я так и подозревала из-за его желания остаться здесь. Так вот, слушай меня, Жискар. Допустим, суд обнаружит, что до того, как я реконструировала тебя, ты был обычным роботом, а после моей реконструкции ты стал чувствовать состояние мозга отдельного человека и выправлять его по своему желанию. Как ты думаешь, сочтут ли они перемену достаточно большой, чтобы передать право собственности на тебя в мои руки?

— Мадам Василия, такую вещь нельзя представить в суд. Я уверен, что при таких обстоятельствах я буду объявлен государственной собственностью. Могут даже приказать дезактивировать меня.

— Вздор! Что я — ребенок? С твоими способ-

ностями ты можешь отвести суд от подобного решения. Я не говорю, что мы обратимся в суд. Я требую от тебя твоего собственного решения. Разве ты не считаешь, что я твоя настоящая хозяйка еще с тех пор, когда я была совсем молодой?

— Мадам Глэдия считает себя моей хозяйкой, и пока закон, не сказал иначе, она и должна так считать.

— Но *ты* знаешь, что она и закон действуют по недоразумению. Если ты жалеешь чувства солярианки, то легко вправить ей мозги, чтобы она больше не считала тебя своим. Ты даже можешь внушить ей чувство облегчения, когда я возьму тебя у нее. Я прикажу тебе так сделать, как только ты сам признаешь то, что и так знаешь, что твоя хозяйка — я. Дэниел давно знает о твоей природе?

— Мадам Василия, — вдруг заговорил Дэниел, — поскольку Жискар не считает себя вашей собственностью, он легко может заставить *вас* забыть, и тогда вы будете вполне довольны настоящим положением вещей.

Василия холодно взглянула на него:

— Может? Видишь ли, не твое дело решать, кого Жискар рассматривает как свою хозяйку. Он знает, что его хозяйка — я, так что его долга рам-

ках Трех Законов — полностью принадлежать мне. Если он должен заставить кого-то забыть, и может это сделать, ему придется выбирать, и он выберет любого, кроме меня. Меня он не может заставить забыть, он вообще не может вмешиваться в мой мозг. Благодарю тебя, Дэниел, что ты дал мне случай сделать это совершенно спокойно.

— Но эмоции мадам Глэдии так тесно связаны с Жискаром, что принуждение к забвению может повредить ей.

— Это может решать только Жискар, — сказала Василия. — Жискар, ты мой, ты это знаешь, и я приказываю тебе ввести забвение в мозг этого человеко-обезьяннего робота, который стоит рядом с тобой, и в женщину, которая неправильно считает тебя своей собственностью. Сделай это, пока она спит, и тогда это не принесет ей никакого вреда.

— Друг Жискар, — сказал Дэниел, — леди Глэдия — твоя законная хозяйка. Если ты внушишь забвение леди Василии, ей вреда не будет.

— Будет, — тут же возразил а Василия. — Солярианке не будет вреда, поскольку у нее лишь впечатление, что она владелица Жискара, а я знаю о ментальной силе Жискара. Вытаскивать

это из меня сложнее, и, поскольку я твердо намерена сохранить это знание, в процессе удаления его Жискар нанесет мне ущерб.

— Друг Жискар… — начал Дэниел.

Но Василия сказала твердо и резко:

— Робот Дэниел Оливо, я приказывают тебе замолчать. Я не хозяйка тебе, но твоя хозяйка спит и не отдает тебе контрраспоряжение, поэтому ты должен повиноваться моему приказу.

Дэниел замолчал, но губы его шевелились, словно он пытался заговорить вопреки приказу. Василия следила за ним, иронически улыбаясь:

— Видишь, Дэниел, ты не можешь говорить.

Дэниел сказал хриплым шепотом:

— Могу, мадам. Мне трудно, потому что кое-что предшествует Вашему приказу, управляющему только Вторым Законом.

Василия широко раскрыла глаза и резко сказала:

— Молчи, я сказала! Ничто не может предшествовать моему приказу, кроме Первого Закона, а я уже показала, что Жискар нанесет наименьший вред — в сущности, вообще никакого, — если вернется ко мне. Он повредит мне — хотя именно он меньше всего способен принести вред — если примет любой другой ход действий.

Она наставила палец на Дэниела и прошипела:

— Молчать!

Дэниел с явным усилием издал какой-то звук вроде жужжания. Затем он сказал более тихим, но все еще слышным шепотом:

— Мадам Василия, есть кое-что, превосходящее Первый Закон.

Жискар сказал так же тихо:

— Друг Дэниел, ты не должен так говорить. Ничто не превышает Первый Закон.

Василия, слегка нахмурясь, проявила искру интереса:

— Вот как? Дэниел, предупреждаю тебя, если ты пойдешь дальше в этом споре, ты просто разрушишься. Я никогда не видела робота, делающего то, что делаешь ты, и, наверно, будет очень интересно наблюдать твое самоуничтожение. Говори.

После этого приказа голос Дэниела стал совершенно нормальным.

— Спасибо, мадам Василия. Много лет назад я сидел у смертного ложа землянина, о котором вы не велели мне упоминать. Могу ли я теперь упомянуть его имя, если вы и так знаете, о ком я говорю?

— Об этом полицейском Бейли, — беззвучно сказала Василия.

— Да, мадам. Он сказал мне перед смертью: работа каждого индивидуума вносит вклад в целое и таким образом становится вечной частью целого. Это целое — сумма человеческих жизней, прошлых, настоящих и будущих, как ковра, существующего многие тысячелетия, и он стал более прекрасным за все это время. Даже космониты являются частью ковра, а что такое одна нитка по сравнению с целым? «Дэниел, — сказал он, — держи свой мозг твердо направленным на ковер, и не позволяй себе горевать из-за одной выдернутой нитки».

— Слащавая сентиментальность, — пробормотала Василия.

— Я уверен, — продолжал Дэниел, — что партнер Илайдж хотел защитить меня от факта его скорой смерти. Он называл свою жизнь ниточкой ковра. Это его жизнь была «одной выдернутой ниткой», чтобы я не огорчался. Его слова помогли мне в этом кризисе и защитили меня.

— Не сомневаюсь, — сказала Василия, — но выкладывай суть того, что превышает Первый Закон, потому что это и уничтожит тебя...

— Четыре десятилетия я обдумывал слова

Илайджа Бейли. Я, вполне вероятно, понял бы их сразу, если бы на моем пути не стояли Три Закона, в моих размышлениях мне помогал друг Жискар, который давно чувствовал, что Три Закона неполны. Мне помогали также некоторые пункты недавней речи леди Глэдии в Поселенческом Мире. Кроме того, этот теперешний кризис, леди Василия, обострил мое мышление. Теперь я знаю, в чем именно неполны Три Закона.

— Робот, он же роботехник, — с легким презрением заметила Василия, — каким же образом Три Закона неполны, робот?

— Ковер жизни важнее одной нити. Это приложимо не к одному моему партнеру Илайджу, а ко всем, и мы вывели заключение, что человечество как целое более важно, чем один человек.

— Ты запнулся, говоря это, ты сам не веришь этому.

— Есть закон выше Первого Закона: «Робот не может повредить человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был нанесен вред». Я думаю теперь об этом как о Нулевом Законе Роботехники. Тогда Первый Закон должен гласить: «Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, если это не

противоречит Нулевому Закону».

— И ты все еще держишься на ногах, робот?

Василия фыркнула.

— Все еще держусь, мадам.

— Тогда я тебе кое-что объясню, робот, и посмотрим, переживешь ли ты объяснение. Три Закона Роботехники относятся к отдельным людям и отдельным роботам. Ты можешь указать на индивидуального робота. Но что такое «человечество», как не абстракция? Можешь ты указать на человечество? Ты можешь повредить или не повредить определенному человеку и понять, был ли причинен вред? А можешь ты повредить человечеству? Можешь ты понять этот вред? Можешь указать на него?

Дэниел молчал. Василия широко улыбнулась:

— Отвечай, робел; можешь ты увидеть вред, нанесенный человечеству, и указать на него?

— Нет мадам. Но я уверен, что такой вред может существовать, и вы видите, что я все еще на ногах.

— Тогда спроси Жискара, может ли и будет ли он повиноваться твоему Нулевому Закону Роботехники?

Дэниел повернул голову к Жискару:

— Друг Жискар?

Жискар медленно ответил:

— Я не могу принять Нулевой Закон, друг Дэниел. Ты знаешь, что я много читал о человеческой истории. Я нашел в ней великие преступления, совершенные одними против других, и всегда для этих преступлений находились оправдания, что они-де совершались ради племени, государства или даже всего человечества — абстракция, так легко найти оправдание всему. Следовательно, твой Нулевой Закон не подходит.

— Но ты знаешь, друг Жискар, что сейчас опасность для человечества существует, и она наверняка даст плоды, если ты станешь собственностью мадам Василии. Это-то, по крайней мере, не абстракция.

— Опасность, о которой ты упоминаешь, не явно известна, а лишь предполагается. Мы не можем строить на этом действия по пренебрежению Тремя Законами.

Дэниел помолчал и тихо сказал:

— Но ты надеешься, что твое изучение человеческой истории помажет тебе установить законы, управляющие человеческим поведением, что ты научишься предсказывать и управлять человеческой историей, по крайней мере, положить начало, так, чтобы когда-нибудь кто-то тоже на-

учился предсказывать я направлять ее. Ты даже назвал эту технику «психоисторией». Разве в этом ты не имеешь дело с человеческим ковром? Разве ты не пытаешься работать с человечеством как с единым целым, а не как собранием индивидуальных людей?

— Да, друг Дэниел, но это всего лишь надежд а, и я не могу основывать свои действия только на надежде и не могу изменить Три Закона в соответствии с ней.

Дэниел ничего не ответил, а Василия сказала:

— Ну, вот, робот, все твои попытки ни к чему не привели. Однако ты все еще стоишь на ногах. Ты на редкость упрям, а робот, который может отрицать Три Закона и все-таки продолжает функционировать, явно опасен для любого человека. По этой причине ты будешь незамедлительно демонтирован. Случай слишком опасный, чтобы обращаться к медлительному закону, тем более, что ты, в конце концов, только робот, а не человек, на которого пытаешься походить.

— Миледи, — сказал Дэниел, — вы наверняка не можете вынести такое решение.

— Я его все равно вынесу, а если и будут потом законные последствия, я их улажу.

— Вы лишите леди Плодник второго робота, «а

которого не претендовали.

— Она и Фастольф лишили меня моего робота Жискара более двух столетий назад, а я не думаю, что когда-нибудь расстроила их хоть на миг. Так что я не огорчусь тем, что отниму у нее робота. У нее много других роботов, а в Институте их тоже достаточно, чтобы проводить ее домой.

— Друг Жискар, может, ты разбудишь леди Глэдию, и она сумеет убедить леди Василию…

Василия хмуро глянула на Жискара и сказала:

— Нет, Жискар. Пусть женщина спит.

Жискар, шевельнувшийся при словах Дэниела, застыл. Василия щелкнула пальцами. Дверь открылась, вошли четыре робота.

— Ты был прав, Дэниел, здесь четыре робота. Они демонтируют тебя, а я приказываю тебе не сопротивляться. А потом мы с Жискаром уладим все остальное.

Она оглянулась через плечо на вошедших роботов:

— Закройте дверь и быстро и эффективно размонтируйте этого робота.

Она указала на Дэниела. Роботы посмотрели на Дэниела и несколько секунд не двигались. Она сказала с нетерпением:

— *Я* же сказала, что он робот, и вы не должны

обращать внимания на его человеческую внешность. Дэниел, скажи им, что ты робот.

— Я робот, — сказал Дэниел, — и я не буду сопротивляться.

Василия отошла в сторонку. Роботы двинулись вперед. Дэниел стоял, опустив руки. Он последний раз взглянул на спящую Глэдию и повернулся к роботам. Василия улыбнулась:

— Интересно будет.

Роботы остановились. Василия сказала:

— Беритесь за него.

Они не двигались. Василия стала растерянно поворачиваться к Жискару, но не завершила действия: мускулы ее ослабли, иона упала.

Жискар подхватил ее, усадил на полу, прислонив к стене, и сказал, задыхаясь:

— Мне нужно несколько секунд, а потом мы уйдем.

Эти секунды истекли. Глаза Василии оставались открытыми и остекленевшими. Ее роботы были неподвижными. Дэниел шагнул к Глэдии; Жискар пришел в себя и сказал роботам Василии:

— Охраняйте свою леди. Не позволяйте никому входить, пока она не проснется. Она проснется спокойной.

В это время Глэдия зашевелилась, и Дэниел помог ей встать. Она удивленно спросила:

— Кто эта женщина? Чьи это роботы? Как она…

Жискар сказал твердо, но несколько устало:

— Потом, миледи, я объясню, а сейчас нам нужно спешить. И они ушли.

Амадейро прикусил губу, бросил взгляд на задумавшегося Мандамуса и сказал:

— Но она настаивала. Она говорила, что она одна может справиться с Жискаром, только она может оказать на него достаточно сильное влияние и предупредить его, чтобы он не пользовался своими ментальными силами.

— Вы никогда не говорили мне об этом, доктор Амадейро.

— Не о чем было говорить, молодой человек, и я не вполне верил, что она права.

— А теперь вы верите?

— Полностью. Она ничего не помнит о том, что произошло.

Амадейро кивнул:

— И она ничего не помнит о том, что говорила мне раньше.

— А она не притворяется?

— Я видел ее энцефалограмму. Она резко отли-

чается от прежних.

— Есть шанс, что она со временем вспомнит?

Амадейро горестно покачал головой.

— Кто знает. Но я сомневаюсь.

— Ну, это неважно. Мы можем принять ее сообщение за истину и будем знать, что Жискар может оказывать влияние на мозг. Это ключевое знание, *и* теперь оно наше. В сущности, даже хорошо, что наша коллега роботехник провалилась с этим делом. Если бы Василия получила контроль над этим роботом, вы тоже очень скоро оказались бы под ее контролем… и я также, если предположить, что она сочла бы меня достаточно ценным для контроля.

Амадейро кивнул:

— Я полагаю, что она держала в уме что-то вроде этого. Хотя сейчас трудно сказать, что у нее на уме. Она как будто — внешне, по крайней мере — нисколько не пострадала, если не считать специфической потери памяти. Все остальное она, видимо, помнит, но кто знает, как все это повлияло на ее более глубокие мыслительные процессы и на ее знания и опыт как роботехника. Этот Жискар мог бы сделать из такого опытного человека, как она, чрезвычайно опасный феномен.

— Вам не приходило в голову, доктор Амадейро,

что поселенцы, возможно, правы в своем недоверии к роботам?

— Почти приходило, Мандамус.

Мандамус потер руки:

— Из вашего подавленного настроения я делаю вывод, что все это дело было обнаружено уже после того, как Жискар покинул Аврору.

— Правильный вывод. Поселенческий капитан взял на свой корабль солярианку и двух ее роботов, и отправился на Землю.

— Что же нам теперь делать?

— Мне кажется, это еще не провал, — медленно произнес Амадейро. — Если мы выполним наш проект, мы победим, есть Жискар или его нет. А выполнить его мы можем, что бы там Жискар ни делал с эмоциями, читать мысли он не может. Он, вероятно, способен сказать, когда волна эмоций проходит через головной мозг, может отличить одну эмоцию от другой, заменить одну на другую, внушить сон или амнезию — что-нибудь беззубое вроде этого, но острого — не может. Он не ухватит слова или идеи.

— Вы в этом уверены?

— Так говорила Василия.

— Она могла не знать. В конце концов, она не сумела взять контроль над роботом, хотя была

уверена в своих силах. Это не слишком доказывает точность ее понимания.

— Однако я верю ей б этом. Для чтения мыслей понадобилась бы такая сложная схема позитронных путей, что совершенно невероятно, как ребенок мог включить ее в робота два столетия назад. Это невозможно даже при нынешнем состоянии науки, Мандамус. Вы, конечно, согласитесь с этим.

— Хотелось бы так думать. Значит они едут на Землю?

— Я уверен в этом.

— Зачем порядочной, воспитанной женщине ехать на Землю?

— У нее нет выбора, если Жискар влияет на нее.

— А зачем Жискару нужно, чтобы она ехала туда? Не узнал ли он о нашем проекте? Вы, кажется, думаете, что нет.

— Возможно, что не знает. Его мотивы для поездки могут быть ничем иным, как желанием поставить себя и солярианку вне пределов нашей досягаемости.

— Я не думаю, чтобы он боялся нас, если сумел справиться с Василией.

— Дальнобойное оружие, — ледяным голо-

сом сказал Амадейро, — может сбить его. Его способности, вероятно, имеют ограниченную дальность. Они базируются только на электромагнитном поле и ни на чем больше, так что чем дальше он от нас, тем слабее его мощь. Но тогда он обнаружит, что из поля действия *нашего* оружия он не вышел.

Мандамус нахмурился. Он чувствовал себя явно неуютно.

— У нас, похоже, некосмонитская привязанность к насилию, доктор Амадейро. Хотя в данном случае сила, я полагаю, и может быть дозволена.

— В данном случае? Когда робот способен вредить людям? Я бы считал так. Мы найдем предлог для отправки корабля в преследование. Вряд ли стоит объяснять истинную причину.

— Нет, — подчеркнуто сказал Мандамус. — Представьте себе, сколько будет желающих иметь личный контроль над роботом?

— Чего мы не можем позволить. Это вторая причина, по которой я считаю, что уничтожение робота — наиболее безопасный и предпочтительный путь действий.

— Вы, вероятно, правы, — неохотно сказал Мандамус, — но я не думаю, что разумно рассчитывать только на это уничтожение. Я должен

немедленно поехать на Землю. Выполнение проекта нужно ускорить, даже если мы не поставим все точки над „и“ и не перечеркнем все „т“. Как только он будет выполнен — все. Никакой мыслеправляющий робот ни под чьим контролем не сможет переделать сделанное. А если он и сделает что-нибудь, это уже не будет иметь значения.

— Вы говорите в единственном числе. Я тоже поеду.

— Вы? Земля — ужасный мир. Я-то должен ехать, а вам зачем?

— Я тоже должен. Я не могу остаться здесь и ждать. Вы не ждали этого так долго, как ждал я, Мандамус. У вас нет старых счетов, как у меня.

Глэдия снова была в космосе и снова видела Аврору в форме шара. ДЖ был занят чем-то, во всем корабле чувствовалась неопределенная, но всеобъемлющая атмосфера чрезвычайного положения, словно готовилось сражение, словно их преследовали. Глэдия потрясла головой. Она могла мыслить ясно и чувствовала себя хорошо, но когда мысли ее возвращались к тому времени в Институте после ухода Амадейро, ее охватывало странное ощущение нереальности. Был провал во времени. Вот она сидит на кушетке, ей хочется спать, а в следующий момент в комнате оказа-

лись четыре робота и женщина, которых раньше не было. Значит, она спала, но не помнит этого. Какой-то провал в несуществование…

Теперь оглядываясь назад, она вспомнила женщину. Это была Василия Алиена, дочь Хэна Фастольфа, в чувствах которого ее заменила Глэдия. Глэдия ни разу не видела Василию, только несколько раз на экране. Глэдия всегда думала о ней как о своем втором „я“, далеком и враждебном. У них было неопределенное сходство во внешности, которое все всегда замечали, но сама Глэдия уверяла, что не видит его и прямо противоположное отношение к Фастольфу. Как только они оказались на корабле, и она осталась одна со своими роботами, она задала неизбежный вопрос:

— Что Василия Алиена делала в комнате, и почему меня не разбудили, когда она пришла?

— Мадам Глэдия, — сказал Дэниел, — на ваш вопрос отвечу я, потому что другу Жискару, наверное, трудно говорить об этом.

— А почему ему трудно, Дэниел?

Мадам Василия пришла с надеждой убедить Жискара войти в ее штат.

— Уйти от меня? — с негодованием сказала Глэдия. Она не очень любила Жискара, но это не

имело значения. Что ее — то ее.

— И вы позволили мне спать и управлялись сами с этим делом?

— Мы чувствовали, мадам, что сон вам необходим. К тому же мадам Василия приказала нам оставить вас спать. И, наконец, по нашему мнению, Жискар ни в коем случае не должен был перейти к ней. По всем этим причинам мы и не будили вас.

Глэдия возмутилась:

— Я надеюсь, что Жискар ни на минуту не подумал оставить меня. Это было бы незаконно как по аврорским законам, так и по законам роботехники, что особенно важно. Стоило бы вернуться на Аврору и подать на Василию в суд.

— В данный момент это было бы нежелательно, миледи.

— Какие у нее основания взять Жискара? Было хоть одно?

— Когда она была маленькой, Жискар был приставлен к ней.

— Официально?

— Нет, мадам. Доктор Фастольф просто позволил ей пользоваться им.

— Тогда она не имеет никаких прав на Жискара.

— Мы указали ей на это, мадам. По-видимому, все дело в сентиментальной привязанности к нему мадам Василии.

Глэдия фыркнула:

— Он а обходилась без Жискара еще до того, как я приехала на Аврору. Она прекрасно могла продолжать в том же духе и не делать незаконных попыток лишить меня моей собственности.

Затем она беспокойно добавила:

— Вы должны были меня разбудить!

— С мадам Василией было четыре робота, — сказал Дэниел. — Если бы вы проснулись и между вами начался шум, роботам трудно было бы разобраться, какие приказы правильные.

— Уж я нашла бы правильный приказ, можешь быть уверен.

— Я не сомневаюсь, мадам, но и мадам Василия тоже могла бы, ведь она одна из умнейших роботехников в Галактике.

Глэдия переключила внимание на Жискара.

— А тебе нечего сказать?

— Только то, что все хорошо кончилось, мадам.

Глэдия задумчиво посмотрела в слабо светившиеся глаза робота, так сильно отличавшиеся от человеческих глаз Дэниела, и ей подумалось,

что тот инцидент был, вообще-то говоря несущественным. Пустяки. Сейчас есть другое, над чем стоит подумать: они едут на Землю.

Она почему-то больше не думала о Василии.

— Я беспокоюсь, — сказал Жискар почти конфиденциальным тоном, звуковые волны которого почти не колебали воздух.

Поселенческий корабль спокойно ушел с Авроры, и преследования вроде бы пока не было. Активность на борту была обычной, а поскольку все было автоматизировано, царило спокойствие, и Глэдия спала спокойно.

— Я беспокоюсь о леди, друг Дэниел.

Дэниел достаточно хорошо знал характеристики позитронных связей Жискара, так что не нуждался в объяснениях.

— Направить леди Глэдию было необходимо, друг Жискар. Если бы она стала расспрашивать дальше, ей могли бы стать ясны твои способности, и тогда исправление стало бы более опасным. Достаточно вреда, что уже сделали из-за того, что леди Василия узнала о них. Мы не знаем, с кем и со многими ли она поделилась этим знанием.

— И все-таки я не хотел делать это исправление. Если бы леди Глэдия хотела забыть, все было бы просто и без риска, но она с силой и злобой

желала знать об этом деле. Ей досадно, что она не сыграла в нем большой роли. Поэтому я вынужден был рвать связки солидной интенсивности.

— Это было необходимо, друг Жискар.

— Однако возможность причинения вреда в этом случае все-таки была. Если представить связующие силы в виде тонкого эластичного шнура — хилая аналогия, но другой не придумано, — тогда обычно торможения, с которыми я имею дело, так тонки, что исчезают при моем прикосновении. Но мощная связующая сила щелкает и отскакивает, когда рвется, и отскочивший конец может ударить подругам, совершенно не относящимся сюда связующим силам, ударить и захлестнуть, безмерно усилив их. В этом случае человеческие эмоции и отношения могут неожиданно измениться, и это почти наверняка приведет к вреду.

— У тебя впечатление, что ты повредил леди, друг Жискар?

— Думаю, что нет. Я был исключительно осторожен, я работал все то время, пока мы разговаривали. Спасибо, что ты позаботился принять на себя главный удар в разговоре и сумел не попасться между правдой и полуправдой. Но, несмотря на это, на всю свою осторожность, я пошел на риск,

и меня удручало, что я сознательно рисковал. Это было так близко к нарушению Первого Закона, что требовало от меня исключительных усилий. Я уверен, что не был бы способен сделать это, если бы…

— Да, друг Жискар?

— если бы ты не разъяснил мне свой взгляд на Нулевой Закон.

— Значит, ты принимаешь его?

— Нет, я не могу. А ты можешь? Встав лицом к лицу с возможностью нанести вред индивидуальному человеческому существу или допустив, чтобы ему был причинен вред, можешь ли ты допустить этот вред во имя абстрактного человечества? Подумай?

— Я не уверен, — сказал Дэниел.

Голос у него дрожал. Он сделал паузу и продолжил с усилием:

— Мог бы. Только лишь концепция подталкивает меня… и тебя. Она помогла тебе рискнуть внести исправление в мозг леди Глэдии.

— Да, это верно, — согласился Жискар, — и чем больше мы думаем о Нулевом Законе, тем больше он подталкивает нас. Интересно, может ли он сделать это в особо крайнем случае? Может ли он помочь нам пойти на риск, более широкий, чем

мы обычно рискуем?

— И все-таки я убежден в ценности Нулевого Закона, друг Жискар.

— Наверное, и я был бы убежден, если бы мог определить, что мы понимаем под „человечеством“.

Помолчав Дэниел сказал:

— Разве ты не принял Нулевой Закон недавно, когда остановил роботов мадам Василии и стер из ее мозга знания о твоих умственных способностях?

— Нет, друг Дэниел, не совсем так. Я пытался принять его, но не по-настоящему.

— Однако твои действия…

— Они были продиктованы комбинацией мотивов. Ты говорил мне о своей концепции Нулевого Закона, и она показалась мне имеющей некоторую ценность, но недостаточную, чтобы зачеркнуть Первый Закон или даже зачеркнуть использование Второго Закона в приказах мадам Василии. Затем, когда ты обратил мое внимание на приложение Второго Закона к психоистории, я почувствовал, что сила позитронной мотивации становится выше, но все-таки не настолько высокой, чтобы перешагнуть через Первый Закон или даже сильный Второй Закон.

— Но ты свалил мадам Василию, — прошептал Дэниел.

— Когда она приказала роботам демонтировать тебя, друг Дэниел, и показала явные эмоции удовольствия, беспокойство о тебе, добавленное к тому, что уже сделала концепция Нулевого Закона, вытеснило Второй Закон и стало соперничать с Первым. Комбинация Нулевого Закона, психоистории, моей преданности леди Глэдии и твоей беды продиктовала мне действия.

— Моя беда вряд ли могла воздействовать на тебя, друг Жискар. Я всего лишь робот. Она могла повлиять на мои собственные действия по Третьему Закону, но не на твои. Ты без колебаний уничтожил надзирательницу на Солярии и мог бы наблюдать над моим уничтожением каких-либо действий с твоей стороны.

— Да, друг Дэниел, и обычно так и было. Однако твое упоминание о Нулевом Законе уменьшило интенсивность Первого Закона до ненормально низкой цены. Необходимость спасти тебя была достаточной, чтобы отринуть все остатки Первого Закона, и я действовал соответственно.

— Нет, друг Жискар. Перспектива вреда для робота вовсе не могла волновать тебя. Она ни в коем случае не могла бы способствовать нарушению

Первого Закона, разве что ослабить его действие.

— Как ни странно, друг Дэниел, но я знаю, как это получилось. Может, потому, что, как я заметил, твоя манера мыслить все больше напоминает человеческую, но в тот момент, когда роботы направились к тебе, а леди Василия излучала дикую радость, мои позитронные пути реформировались аномальным образом. В тот момент я думал о тебе, как о человеке и действовал соответственно.

— Это было неправильно.

— Я знаю. И все-таки, если бы это случилось снова, я уверен, что появилось бы снова тоже аномальное изменение.

— Очень странно, — сказал Дэниел, — но, слушая тебя, я чувствовал, что ты поступил правильно. Случись обратная ситуация, я почти убежден, что тоже думал бы о тебе как о человеке.

Дэниел медленно и нерешительно протянул руку. Жискар неуверенно посмотрел на нее и также медленно протянул свою. Их пальцы встретились, и мало-помалу роботы пожали друг другу руки, как настоящие друзья, как они и называли один другого.

Глэдия огляделась, скрывая любопытство. Она впервые была в каюте ДЖ Каюта была заметно

роскошнее, чем новая, предназначенная для нее. Экран был более тщательной отделки, была тут сложная система ламп и контактов, которая, как подумала Глэдия, служила Д.Ж. для связи со всем кораблем.

— Я почти не видела вас после отъезда с Авроры, Диджи, — сказала она.

— Польщен, что вы заметили это.

И ухмыльнулся:

— Сказать по правде, Глэдия, я это тоже заметил. Вы выпадаете из целиком мужской команды.

— Не слишком лестная причина, чтобы скучать по мне. Дэниел и Жискар тоже выпадают. Вы и по ним соскучились?

Д.Ж. оглянулся:

— Я так мало скучаю по ним, что только сейчас заметил их отсутствие. *Где* они?

— В моей каюте. По-моему, глупо таскать их с собой в ограниченном пространстве корабля. Они, похоже, даже рады были предоставить мне свободу, и это удивило меня. Впрочем, нет, если подумать. Ведь я довольно резко приказала им оставаться.

— Не странно ли это? Аврорцы никогда не ходят без своих роботов. Я уже это усвоил.

— Ну и что же? Когда я впервые приехала

на Аврору, я научилась переносить реальное присутствие людей, поскольку солярианское воспитание не подготовило меня к этому. Научиться быть временами без своих роботов, когда я среди поселенцев, будет, вероятно, менее трудно.

— Прекрасно. Признаться, я предпочитаю быть с вами без устремленных на меня блестящих глаз Жискара и еще больше — без вечной улыбки Дэниела.

— Он вовсе не улыбается.

— А мне кажется, что у него чуть заметная, весьма неопределенная распутная улыбка.

— Вы что. Это совершенно чуждо Дэниелу.

— Вы не приглядывались к нему, как я. Его присутствие сдерживает и заставляет вести себя как полагается.

— Что ж, надеюсь, что так.

— Вам нет необходимости надеяться так подчеркнуто. Но это пустяки. Извините меня, что я так мало виделся с вами после отъезда с Авроры.

— Вряд ли стоит извиняться.

— Я думаю, что стоит, раз вы заговорили об этом. Но позвольте мне объяснить. Мы были настороже, были уверены, что нас станут преследовать аврорские корабли.

— *Я* бы подумала, что они рады избавиться от

поселенцев.

— Конечно, но вы-то не поселянка, и они могли не хотеть выпустить вас. Они так старались вытащить вас с Бейлимира.

— Они и вытащили. Я доложила им обо всем.

— И ничего больше они не хотели?

— Нет.

Она нахмурилась, пытаясь вспомнить что-то, вдруг кольнувшее ей память, но так и не вспомнила, и повторила:

— Нет.

— Не очень понятно, что они не делали попыток задержать вас ни на Авроре, ни когда мы готовились оставить орбиту. Мне как-то не верилось, но скоро мы сделаем Прыжок, и после него никаких неприятностей не должно быть.

— А почему у вас чисто мужской экипаж? На аврорских кораблях смешанные команды.

— На обычных поселенческих тоже, а это торговое судно.

— Какая разница?

— Торговля связана с опасностью, жизнь грубая. Надо быть готовым ко всему. Женщины на борту создавали бы проблемы.

— Вздор! Какие проблемы создаю я?

— Не будем спорить. Такова традиция. Мужчи-

ны не возражают.

— Откуда вы знаете? Вы пробовали иметь смешанный экипаж?

— Нет. Но с другой стороны, нет вереницы женщин, умоляющих принять их на мой корабль.

— Но я здесь, и рада этому.

— К вам особое отношение. Кабы не ваши заслуги на Солярии, здесь было бы много неприятностей. Фактически они и бы ли. Ну, ладно, это неважно. Ровно через две минуты мы делаем Прыжок. Вы никогда небыли на Земле, Глэдия?

— Нет, конечно.

— И не видели Солнца — не солнца вообще, а Солнца?

— Нет. Впрочем, видела в исторических фильмах, но, думаю, в них показывали не настоящее Солнце.

— Уверен, что не настоящее. Если вы не против, приглушим свет в каюте.

Освещение упало, и Глэдия увидела на обзорном экране звезды более яркие и чаще разбросанные, чем в небе Авроры.

— Мы по ту сторону планетарного плана, — сказал Д.Ж. — Хорошо. Чуточку рисковали: мы должны были быть дальше от аврорской звезды перед Прыжком, но слегка поспешили. Вот

Солнце.

— Вы имеете в виду ту яркую звезду?

— Да. Что вы о ней думаете?

Глэдии хотелось сказать: „Ну, звезда, как звезда“, но она сказала:

— Очень впечатляющая, — сказал ДЖ — В Галактике нет ни одного поселенца, который не считал бы ее своей. Излучение звезд, освещавших наши родные планеты, как бы взято взаймы, арендовано для использования, но только здесь — настоящее излучение, давшее нам жизнь. Эта звезда и планета Земля, вращающаяся вокруг нее, объединяют нас всех. А вы, космониты забыли о Солнце, поэтому вы далеки друг от друга, и долго не просуществуете.

— Места хватит для всех, капитан, — мягко сказала Глэдия.

— Да, конечно, но я не стал бы делать ничего такого, что усилит жизнеспособность космонитов. Я просто уверен, что так будет, но этого могло бы и не случиться, если бы космониты отказались от своей раздражающей уверенности в своем превосходстве, от своих роботов и от самопогружения в долгую жизнь.

— Значит, вот как вы смотрите на меня, Диджи?

— У вас были свои моменты. Вы усовершенствовались.

— Благодарю, — сказала она с явной иронией. — Вам, конечно, трудно поверить, но у поселенцев тоже хватает высокомерия. Вы лично также усовершенствовались, так что я возвращаю вам ваш комплимент.

Д.Ж. засмеялся:

— Все то, что я с удовольствием дал вам, а вы мне любезно вернули, связано с концом враждебности к долгой жизни.

— Вряд ли.

Глэдия засмеялась и удивилась, что его рука легла на ее руку Еще удивительнее было то, что она не отдернула своей руки.

— Я чувствую себя неловко, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что леди Глэдия не под нашим непосредственным наблюдением.

— На борту этого корабля это необязательно, друг Дэниел. *Я* не определяю опасных эмоций, и в данный момент с ней капитан. Кроме того, ей полезно чувствовать себя хорошо без нас, по крайней мере, на то время пока мы будем на Земле. Возможно, нам с тобой придется провести неожиданную акцию, когда ее присутствие и безопасность явятся осложняющим фактором.

— Значит, это ты устроил сейчас ее отделение от нас?

— Чуть-чуть. Как ни странно, я обнаружил в ней сильную тенденцию подражать поселенческому образу жизни в этом отношении. Она подавляла стремление к независимости главным образом из-за ощущения, что этим нарушает обычаи космонитов. Эти ощущения и эмоции нелегко интерпретировать, потому что я никогда еще не сталкивался с ними у космонитов. Так что я просто ослабил торможение легчайшим прикосновением.

— А она не захочет вообще отказаться от наших услуг? Это очень огорчило бы меня.

— Этого не должно быть. Если она решит, что будет счастлива, живя без роботов, тогда и мы захотим для нее того же. Но я уверен, что мы будем полезны ей. Этот корабль — маленькое и специализированное обиталище, где нет большой опасности. Кроме того она чувствует себя в безопасности в присутствии капитана, и это уменьшает ее нужду в нас. На Земле мы, как я уже говорил, ей понадобимся, хотя и не так полно, как на Авроре. На Земле мы, возможно, будем нуждаться в большой гибкости.

— Значит, ты догадываешься о природе кризи-

са, стоящего перед Землей? Ты знаешь, что мы будем делать?

— Нет, друг Дэниел, не знаю. Это у тебя есть дар понимания. Ты видишь что-нибудь?

Дэниел некоторое время молчал.

— У меня есть кое-какие мысли.

— . Какие же?

— Помнишь в Роботехническом Институте перед тем, как леди Василия вошла в комнату, где спала леди Глэдия, ты говорил мне, что у Амадейро было два интенсивных всплеска тревоги? Первый — при упоминании о ядерном усилителе, а второй — при заявлении леди Глэдии, что она поедет на Землю. Мне показалось, что они имеют между собой связь. *Я* почувствовал, что кризис включает в себя использование ядерного усилителя на Земле, и что есть время остановить это дело. И доктор Амадейро боится, как бы мы действительно не остановили этот процесс, если поедем на Землю.

— Твой мозг говорит мне, что ты не удовлетворен этой мыслью. Почему, друг, Дэниел?

— Атомный усилитель ускоряет процессы распада, которые уже в действии, с помощью потока частиц. Вот, я и думаю, что доктор Амадейро хочет воспользоваться одним или несколькими

ядерными усилителями, чтобы взорвать реакторы, снабжающие Землю энергией. Атомные взрывы должны вызвать разрушения жаром и механической силой, хотя пыль и радиоактивные продукты, вероятно, выбросятся в атмосферу. Если это и не нанесет Земле смертельный ущерб, уничтожение энергетических ресурсов Земли наверняка приведет к долговременному коллапсу земной цивилизации.

— Это страшная мысль, — мрачно сказал Жискар. — И она, похоже, является почти определенным ответом на вопрос о природе кризиса. Но почему ты не удовлетворен?

— Мне разрешили пользоваться корабельным компьютером, чтобы получить информацию о планете Земля. Как и полагается компьютеру поселенческого корабля, он богат такой информацией. Похоже, что Земля — единственный человеческий мир, который не пользуется реакторами микрослияния или массовыми источниками энергии. Там пользуются исключительно прямой солнечной энергией, и все ее станции находятся на геостационарной орбите. С атомным усилителем тут нечего делать, разве что уничтожать мелочь — космические корабли, случайные постройки; конечно, убыток ощути-

мый, но не угрожает существованию Земли.

— А не может быть, друг Дэниел, что доктор Амадейро имеет какой-то прибор, который способен разрушить генераторы солнечной энергии?

— Если так, то почему он реагировал на упоминание о ядерном усилителе? Против генераторов солнечной системы усилитель бесполезен.

Жискар медленно кивнул:

— Это хороший пункт. И еще один: если доктор Амадейро испугался нашей поездки на Землю, почему он не постарался остановить нас? Пока мы еще были на Авроре? А если слишком поздно узнал о нашем отлете, почему не послал корабль перехватить нас до того, как мы сделали Прыжок? Может, мы на совершенно неправильном пути, и, таким образом, сделали ложный шаг…

Интенсивная трель прерывистых звонков разнеслась по кораблю, и Дэниел сказал:

— Мы благополучно сделали Прыжок. Я чувствовал его несколько минут назад. Но мы еще не достигли Земли, и перехват, о котором ты говорил, еще может произойти, так что мы, вероятно, сделали шаг отнюдь не ложный.

ДЖ. не мог не восхищаться. Когда аврорцы перешли к действиям, они показали технологическую сноровку? Это был, без сомнения, новейший

корабль, из чего сразу становилось ясным, что какую бы цель Аврора ни преследовала, она была близка ее сердцу. И этот корабль установил присутствие корабля Д.Ж. через пятнадцать минут после того, как тот поя вился в нормальном пространстве, причем, с большого расстояния. Аврорский корабль использовал короткофокусную гиперволновую систему. Голова говорящего была отчетливо видна в центральном пятне, а все остальное было в сером тумане. Если говорящий отодвигал голову на дециметр от центра, она тоже уходила в туман. Звуковой фокус тоже был ограничен. Ясно было, что тратился только минимум энергии корабля, который ДЖ. уже назвал вражеским — чтобы не показать ничего более.

Корабль Д.Ж. тоже имел короткофокусную гиперволну, но ей явно не хватало аврорской отделки и элегантности. Правда, его корабль был далеко не лучшим из поселенческих судов, но в любом случае космониты были далеко впереди в технологии.

Голова аврорца была в фокусе и вы глядела настолько реально, что казалась отрубленной, и Д.Ж. не удивился бы увидев кровь. Однако, приглядевшись, можно было заметить в сером тумане сначала шею, а затем бесспорно отлич-

но сшитую униформу. Голова с пунктуальной вежливостью отрекомендовалась Лизиформом, командиром аврорского корабля „Борсалис“. Д.Ж., в свою очередь, назвал себя, выставив подбородок, чтобы его борода была в фокусе. Он считал, что она придает ему свирепый вид, могущий запугать безбородого космонита. ДЖ. принял традиционно неофициальный вид, и это также раздражало космонитского офицера, как и традиционная надменность последнего раздражала поселенца. Д.Ж. спросил:

— Какая у вас причина окликнуть меня, Лизиформ?

Аврорский командир преувеличивал акцент, видимо, считая его таким же устрашающим, как Д.Ж. считал свою бороду. Д.Ж. почувствовал сильное напряжение, стараясь понять его речь.

— Мы полагаем, — сказал Лизиформ, — что на борту вашего корабля аврорская гражданка по имени Глэдия Солярия. Это правильно, капитан Бейли?

— Мадам Глэдия на борту этого корабля, командир.

— Благодарю, капитан. С ней, как мне говорили, два робота аврорского производства — Р. Дэниел Оливо и Р. Жискар Ривентлов. Это правильно?

— Правильно.

— В таком случае, я должен информировать вас, что Р. Жискар Ривентлов в настоящее время опасен. Незадолго до того, как ваш корабль покинул Аврору, вышеуказанный робот Жискар нанес тяжелый вред аврорской гражданке вопреки Трем Законам. Следовательно, робот должен быть размонтирован и исправлен.

— Вы советуете, командир Лизиформ, чтобы мы на этом корабле демонтировали робота?

— Нет, сэр. Этого не должно быть. Ваши люди не имеют опыта работы с роботами и не смогут правильно демонтировать его, и тогда его нельзя будет исправить.

— Тогда мы сможем просто уничтожить его.

— Он слишком ценен для этого. Мы не желаем быть причиной ущерба на вашем корабле и на планете Земля, если вы там высадитесь. Поэтому мы просим выдать его нам.

— Командир, — сказал Д.Ж., — я ценю ваше беспокойство, но робот — законная собственность леди Глэдии, которая с нами. Вполне возможно, что она не согласится расстаться со своим роботом, а я, хоть и не хочу учить вас аврорским законам, уверен, что отнять его у нее — незаконно. Хотя мой экипаж и я не считаем себя

связанными аврорскими законами, мы, тем не менее, не должны добровольно помогать вам в том, что ваше правительство может счесть незаконным действием.

В голосе командира послышался намек на нетерпение.

— О незаконности нет и речи, капитан. Опасные для жизни неисправности в работе робота вытесняют обычные права владельца. Тем не менее, если вы так ставите вопрос, мой корабль готов принять леди Глэдию с обоими ее роботами. В этом случае Глэдия Солярия не будет отделена от своей собственности до прибытия ее на Аврору, а там закон примет правильный курс.

— Но может статься, командир, что леди Глэдия не захочет покидать мой корабль и расставаться со своей собственностью.

— У нее нет выбора, капитан. Я законно назначен своим правительством требовать ее, и она, как аврорская гражданка, должна повиноваться.

— Но я не связан законами выдавать что бы то ни было со своего корабля по требованию иноземной власти. Что, если я пренебрегу вашими требованиями?

— В таком случае, капитан, я буду рассматривать это как недружественный акт. Я могу

указать, что мы находимся в сфере планетной системы, частью которой является Земля. Вы не колебались учить меня аврорским законам, так что, извините, если я укажу вам, что ваш народ не считает возможным затевать враждебный конфликт в пространстве этой планетной системы.

— Это я знаю, командир, и не желаю им враждебности и недружественных действий. Но я еду на Землю по важному делу. Я теряю время на разговор и потеряю еще больше, если пойду к вам или буду ждать, пока вы подойдете ко мне, чтобы провести физическую передачу леди Глэдии и ее роботов. Я предпочел бы продолжать свой путь к Земле и официально принять на себя всю ответственность за робота Жискара и его поведение до того времени, когда леди Глэдия и ее роботы вернутся на Аврору.

— Могу посоветовать вам капитан, посадить женщину и роботов в спасательную шлюпку и отправить к нам с членом вашей команды в качестве пилота. Как только женщина и роботы будут выданы, мы сами эскортируем шлюпку в непосредственное окружение Земли и соответствующим образом вознаградим вас за потерю времени и беспокойство. Торговец не должен возражать против этою.

— Я и не возражаю, капитан, — сказал Д.Ж.

Он улыбнулся:

— Но член команды, посланный как пилот, может оказаться в большой опасности, поскольку будет один со страшным роботом.

— Капитан, если хозяйка робота твердо держит его под контролем, ваш член команды не будет в большей опасности в шлюпке, чем на корабле, и мы компенсируем ему риск.

— Но если робот полностью под контролем хозяйки, то ясно, что он не будет опасен, если останется с нами.

Командир нахмурился:

— Капитан, надеюсь, вы не собираетесь шутить шутки со мной. Вы слышали мое требование, и я хотел бы, чтобы вы немедленно удовлетворили его.

— Надеюсь, я могу посоветоваться с леди Глэдией?

— Да, если вы сделаете это безотлагательно. Прошу вас объяснить ей точно, в чем дело, Если же вы попытаетесь двинуться к Земле, я буду считать это недружественным актом, и приму соответствующие действия. Поскольку, как вы заявили, ваше путешествие к Земле имеет важное значение, я советую вам немедленно принять

решение сотрудничать с нами. В этом случае вас не задержат надолго.

— Я сделаю, что смогу, — сказал Д.Ж. с каменным лицом.

Он отошел от экрана.

— Ну? — серьезно спросил Д.Ж.

Глэдия, казалось, была в отчаянии. Она машинально взглянула на Дэниела и Жискара, но они стояли молча и неподвижно.

— Я не хочу возвращаться на Аврору, Диджи, — сказала она. — Вряд ли они хотят уничтожить Жискара. Он в полном рабочем порядке, уверяю вас. Это просто уловка. Они по каким-то причинам хотят вернуть *меня. Я* полагаю, что нет возможности их остановить.

— Это аврорский военный корабль, — сказал Д.Ж., — и большой. А наш — всего лишь торговое судно. Мы можем поставить энергетические щиты, и одним ударом нас не уничтожить, но постепенно нас ослабят — в сущности довольно скоро — и тогда уничтожат.

— А вы не можете какими-нибудь способами поразить их?

— С моим вооружением? К сожалению, Глэдия, их щиты отразят все, что я могу кинуть на них, пока буду иметь возможность тратить энергию.

Кроме того…

— Да?

— Видите ли, они зажали меня в угол. Я ведь думал, что они попытаются перехватить нас до нашего Прыжка, но они знали место моего назначения, прибыли сюда первыми и ждали меня. Мы внутри Солнечной системы. Земля является ее частью. Даже если бы я захотел, команда не станет мне подчиняться.

— Почему?

— Можете называть это предрассудком, Солнечная система — священное место, если желаете мелодраматического выражения. Мы не можем осквернить его сражением.

— Могу ли я принять участие в дискуссии? — неожиданно сказал Жискар.

ДЖ хмуро взглянул на Глэдию, и она сказала:

— Пожалуйста, позвольте ему. Эти роботы чрезвычайно умны. Я знаю, вам трудно этому поверить, но…

— Я выслушаю, но на меня это не повлияет.

— Сэр, — сказал Жискар, — я уверен, что они добиваются *именно меня.* Я не могу себе позволить стать причиной вреда для людей. Если вы не можете защититься сами и уверены, что погибните в конфликте с тем кораблем, у вас нет

иного выбора, кроме как выдать меня. Я уверен, что если вы предложите им меня, у них не будет возражений, чтобы вы оставили леди Глэдию и друга Дэниела здесь. Это единственное решение.

— Нет! — яростно сказала Глэдия. — Ты мой, и я не выдам тебя! Я поеду с тобой, если капитан решит, что ты должен ехать, и присмотрю, чтобы они в самом деле не вздумали уничтожить тебя.

— Могу я тоже сказать? — спросил Дэниел.

ДЖ развел руки в комическом отчаянии.

— Пожалуйста. Все хотят говорить.

— Если вы решите выдать Жискара, вы должны понимать последствия. По-моему, Жискар думает, что на аврорском корабле ему не повредят. Но я не уверен, что так будет. Я считаю, что авроpцы всерьез думают, что он опасен, и, вполне вероятно, получили инструкции уничтожить спасательную шлюпку, когда она станет приближаться вместе с теми, кто будет на борту.

— Зачем это делать? — спросил Д.Ж.

— Авроpцы никогда не сталкивались и даже не представляют себе, что они назвали бы опасным роботом. Они не захотят взять такого на борт корабля. Я бы посоветовал вам, капитан, отступить. Почему бы не сделать еще один Прыжок от Земли? Мы не так близки к какой-то планетной

массе, чтобы это помешало.

— Отступить? Вы хотите сказать — бежать? Я не могу.

— Ну, тогда отдайте нас, — сказала Глэдия с видом безнадежной покорности судьбе.

— Я не выдам вас, — яростно сказал Д.Ж., — и бежать не могу и не могу драться.

— Тогда что же остается? — спросила Глэдия.

— Четвертая альтернатива, — сказал Д.Ж. — Глэдия, я прошу вас оставаться здесь с вашими роботами, пока я не вернусь.

ДЖ просмотрел информационные данные. В течение разговора было достаточно времени, чтобы определить точное месторасположение аврорского корабля. Он был чуть дальше от Солнца, чем корабль ДЖ, и это было хорошо. Сделать Прыжок к Солнцу при таком расстоянии от него было, конечно, рискован но. Прыжок в сторону в сравнении с этим был сущим пустяком Была возможность несчастного случая при отклонении, но такое всегда возможно.

Он заверил команду, что не будет ни одного выстрела. Это было плохо в любом случае. У них была сильнейшая вера в то, что земное пространство защищает их, пока они не профанируют его покой насилием. Это был чистый мистицизм,

который ДЖ мог бы презрительно высмеять, если бы сам не разделял это убеждение.

Он снова вошел в фокус. Он заставил себя ждать, но сигнала с той стороны не было: авроры показывали примерное терпение.

— Говорит капитан Бейли. Я хочу поговорить с командиром Лизиформом.

— Командир Лизиформ слушает. Могу я получить ваш ответ?

— Мы высадим женщину и двух роботов.

— Прекрасно! Это мудрое решение.

— И мы выдадим их как можно скорее.

— Тоже мудрое решение.

— Спасибо.

ДЖ дал сигнал, и корабль сделал Прыжок.

Он произошел мгновенно — как начался, таки кончился, или, во всяком случае, пропуск во времени не почувствовался.

— Новое положение вражеского корабля установлено, капитан, — доложил пилот.

— Хорошо, — ответил Д.Ж. — ты знаешь, что делаешь.

Корабль вышел из Прыжка на короткой скорости аврорского судна, и корректировка курса не составила труда, как и надеялись. Затем пришло ускорение.

Д.Ж. снова вошел в фокус.

— Командир, мы приближаемся к нашему способу выдачи. Можете стрелять, если хотите, но наши щиты подняты, и прежде чем вы их разобьете, мы подойдем к вам, чтобы сделать передачу.

— Вы высылаете шлюпку?

— Командир вышел из фокуса, но вскоре вернулся с перекошенным лицом:

— В чем дело? Ваш корабль идет на столкновение?

— Похоже, да, сэр, — сказал Д.Ж. — Это наиболее быстрый способ передачи.

— Но вы уничтожите свой корабль!

— И ваш тоже. Ваш корабль примерно в пятьдесят раз сильнее моего, если не больше. Жалкий обмен для Авроры.

— Вы вмешиваетесь в бой в Земном пространстве, капитан. Ваши обычаи не позволяют вам этого.

— Ах, вы знаете наши обычаи и пользуетесь ими. Но я не воюю. Я не выстрелил ни единым эргом энергии и не выстрелю. Я просто следую по своей траектории. Получилось так, что она совпадает с положением вашего корабля, но я уверен, что Вы отойдете до момента пересечения.

Из этого ясно, что я не замышляю насилия.

— Стоп. Давайте обсудим это.

— Мне надоели обсуждения, командир. Может, мы должны разговаривать вечно? Если вы не отойдете, я потеряю, вероятно, четыре десятилетия с хвостиком. А сколько потеряете вы?

С аврорского корабля ударил пробный луч выстрела, как бы для проверки, подняты ли щиты на корабле Д.Ж. Они были подняты.

Щиты защищали корабль от электромагнитного излучения и субатомных частиц, включая нейтрино, и могли противостоять кинетической энергии малых масс — пылевых частиц и даже мелких метеоритов. Но они не действовали против больших кинетических энергий, таких, как энергия целого корабля на его суперсветовой скорости.

Даже с опасными массами, если они неуправляемы, как, например, метеориты, можно было справиться: корабельный компьютер автоматически отводил корабль в сторону метеорита, которому не могли противостоять щиты. Но это не могло сработать против корабля, который повернет туда же, куда и его мишень. Поселенческий корабль был вдвое меньше, и, следовательно, более маневренным.

Так что для аврорского корабля был только один способ избежать разрушения.

Д.Ж. следил за большим кораблем на экране и думал, знает ли Глэдия в своей каюте о том, что происходит. Она должна была почувствовать ускорение, несмотря на противоперегрузочное устройство в ее каюте.

Затем аврорский корабль просто исчез из виду» сделав Прыжок в сторону, и ДЖ, с огорчением заметил, что он задержал дыхание, и сердце его колотится. Неужели он не верил в защитное влияние Земли или собственный диагноз ситуации? Д.Ж. сказал холодно и со стальной решимостью:

— Хорошо, ребята. Курс к Земле!

— Вы серьезно, Диджи? — спросила Глэдия. — Вы в самом деле намеревались столкнуться с тем кораблем?

— Отнюдь, равнодушно сказал Д.Ж., — я на это не рассчитывал. Я просто надул их, зная, что они отступят. Эти космониты не станут рисковать своей жизнью, если легко могут избежать этого.

— *Эти* космониты? Это трусость!

— Я все время забываю, что вы космонитка, Глэдия.

— Забываете и, кажется, считаете, что это комплимент мне. А если бы они оказались так же

глупы, как и вы, и проявили то же детское упрямство, которое вы считаете храбростью, остались бы на месте, что бы вы сделали?

— Ударил бы, — пробормотал Д.Ж.

— И все мы погибли бы.

— Трансакция была в нашу пользу, Глэдия. Паршивое старое торговое судно с Поселенческого Мира — и новенький современный корабль Внешнего Мира.

Д.Ж. откинулся в кресле и заложил руки за голову.

Как удивительно уютно чувствовал он себя, когда все кончи лось.

— Однажды я видел исторический фильм. Там в конце войны аэроплан, груженный взрывчаткой, намеренно врезался в морское судно, чтобы потопить его. Конечно, пилот расстался с жизнью.

— Это выдумка, — сказала Глэдия. — Не думаете же вы, что цивилизованные люди сделали бы такую же вещь в реальной жизни.

— А почему бы и нет. Если причина достаточно уважительная…

— Значит, вы чувствовали, что нырнули к славной смерти? Экзальтация? И потащили свою команду к той же смерти?

— Команда знала об этом. Мы не могли сделать

ничего другого. Земля следила за нами.

— Люди на Земле ничего не знают.

— Я имею в виду — метафорически. Мы в Земном пространстве. Мы не могли поступить бесчестно.

— Ох, какой вздор! Вы рискнули так же и моей жизнью.

Д.Ж. взглянул на свою обувь.

— Хотите услышать нечто дикое? Это единственное, что тревожило меня.

— Что я должна умереть?

— Не совсем так. Что я потеряю вас. Когда этот корабль при казал мне выдать вас, я знал, что не сделаю этого даже по вашей просьбе. Я лучше протараню их, но вас они не получат. Пока я следил, как их корабль растягивается по экрану, я думал: «Если они не уйдут отсюда, я так и так потеряю ее». Я *знал*, что они уйдут, но все-таки думал…

Глэдия нахмурилась:

— Я не понимаю вас. Моя смерть вас не огорчала, но вы тревожились, что потеряете меня. Одно с другим не вяжется.

— Знаю. Я не говорю, что это рационально. Я думал о том, как вы бросились на надзирательницу, чтобы спасти меня, хотя знали, что она может одним ударом убить вас. Я думал о том, как вы

стояли перед толпой на Бейлимире и победили ее, хотя раньше не видывали толпы. Я даже думал, как вы совсем молодой женщиной приехали на Аврору и научились жить по-новому. И мне казалось, что я не думал о смерти: я думал только о том, что потеряю вас. Вы правы, это, конечно, бессмысленно.

— Вы забыли о моем возрасте? Я была почти такая же, как сей — час, когда вы родились. Кроме того, у меня искусственный бедренный сустав, большой палец на левой руке протезный.

Она повертела им.

— Все зубы у меня керамические, имплантированные, а вы говорите так, словно охвачены страстью. К чему? К кому? Подумайте, Диджи! Посмотрите на меня, какая я!

Д.Ж. выпрямился и погладил бороду:

— Ладно, пусть я говорю глупо, но намерен продолжать в том же духе. Я знаю ваш возраст, знаю, что вы переживете меня и будете немногим старше, чем сейчас, и, значит, вы моложе меня. Да мне наплевать, если вы старше. Я только хотел, чтобы вы остались со мной, куда бы я ни пошел, до конца моей жизни.

Глэдия хотела что-то сказать, но Д.Ж. поспешно перебил ее:

— Ил и, если вам это больше подходит, чтобы я остался с вами, куда бы вы ни пошли, до конца моей жизни. Если это вас устроит.

— Я космонитка, вы — поселенец.

— Кого это беспокоит? Вас, Глэдия?

— Я имею в виду — детей не будет. У меня уже были.

— А мне какая разница? И так нет опасности, что имя Бейли не умрет.

— У меня есть своя задача. Я намерена нести мир в Галактику.

— Я помогу вам.

— А ваша торговля? Вы откажетесь от возможности разбогатеть?

— Мы кое-что сделаем вместе, ка к раз столько, чтобы мой экипаж был доволен и помогал бы мне поддерживать вас в вашей задаче миротворчества.

— Жизнь покажется вам скучной, Диджи.

— Разве? Мне кажется, что с вами она будет излишне волнующей.

— Вы, вероятно, будете настаивать, чтобы я отказалась от своих роботов?

Д.Ж. был потрясен.

— Так вот почему вы пытались говорить со мной без них? Я не обижусь, если вы оставите

двоих, даже Дэниела с его распутной улыбочкой. Но если мы будем жить среди поселенцев…

— Тогда, я думаю, мне придется набраться храбрости и поступить так…

Она засмеялась, Д.Ж. тоже. Он протянул руки, и она вложила в них свои.

— Вы сумасшедший, я тоже, — сказала она. — Но все было так странно с того вечера, когда я смотрела на небо Авроры и хотела найти солнце Солярии, что, я полагаю, уже было безумием.

— Ничего. Я не возражаю, что вы были такой безумной…

Он замялся.

— Нет, я подожду о Я сначала сбрею бороду, а потом уже поцелую вас. Меньше опасность инфекции.

— Нет, не надо! Мне интересно, какое ощущение она дает.

И она быстро узнала это.

Командир Лизиформ ходил взад и вперед по своей каюте.

— Не было смысла губить корабль, — никакого смысла.

Его политический советник спокойно сидел на стуле и водил глазами за метавшимся туда и обратно собеседником.

— Да, конечно, — согласился он.

— Варварам что терять? Им в любом случае остается жить несколько десятилетий. Для них жизнь ничего не значит.

— Да, конечно.

— Но все-таки я в жизни не видел, чтобы поселенец сделал такое. Может, это новая фанатичная тактика, и у нас нет защиты против нее. Что, если они пошлют против нас корабли, но без людей на борту?

— Мы можем целиком роботизировать наши корабли.

— Это не поможет. Мы не можем позволить себе терять корабль. Нам нужно иметь щитовой нож, нечто такое, что пройдет сквозь щиты.

— Тогда и они сделают такой же, и нам придется изобретать ножеупорный щит, и им тоже, и так оно и пойдет на высшем уровне.

— Нам нужно нечто совершенно новое.

— Ну, — сказал советник, — может что-то и подвернется. Но ведь главным в нашей миссии была не солярианка с ее роботами, верно? Было бы неплохо, если бы нам удалось снять их с поселенческого корабля, но это дело второстепенное, не так ли?

— Все равно совету это не понравится.

— Это уж моя работа — позаботиться насчет этого. Главное, что Амадейро и Мандамус ушли с корабля, и теперь — на пути к Земле в скоростном челноке.

— Это верно.

— А вы не только отвлекли поселенческий корабль, но и задержали его. Это значит, что Амадейро и Мандамус покинули корабль незамеченными и будут на Земле раньше нашего варварского капитана.

— Я полагаю, что да. Но что из этого?

— *Я* сам хотел бы знать. Если бы только Мандамус, я бы и внимания не обратил, невелика персона. Но Амадейро? Бросить политическую борьбу дома в трудное время и ехать на Землю? Здесь должно быть что-то исключительно важное, ключевое.

— Но что?

Командиру, видимо, было Страшно досадно, что он так близко, почти фатально впутался в это дело, которое совершенно не понимает.

— Понятия не имею.

— Вы не думаете, что могут быть тайные переговоры на высшем уровне о какой-нибудь всеобщей модификации мирного заселения, о котором говорил Фастольф?

Советник улыбнулся.

— Мирное заселение? Если вы так думаете, то, значит, не знаете нашего доктора Амадейро. Он не поедет на Землю, чтобы заменить пару пунктов в мирном заселении. Его идеал — Галактика без поселенцев, и если он поехал на Землю… Ну, я могу только сказать, что не хотел бы в это время оказаться в шкуре поселенческих варваров.

— Я уверен, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что мадам Глэдии неплохо без нас. Ты можешь чувствовать это на расстоянии?

— Я определяю ее мозг слабо, но безошибочна Она с капитаном, заметны перевозбуждение и радость.

— Великолепно, друг Жискар.

— Для меня не так уж великолепно. Я в состоянии некоторого расстройства и сильного напряжения.

— Мне больно это слышать. Могу я спросить о причине?

— Мы были здесь, когда капитан договаривался с аврорским кораблем.

— Да, но сейчас аврорский корабль ушел, так что капитан, похоже, договорился удачно.

— Он сделал это таким манером, о котором ты, видимо, не знал; хотя капитана здесь не было,

мне нетрудно почувствовать его мозг. Он был переполнен напряжением и тревогой, а под этим собиралось и усиливалось чувство потери.

— И ты мог определить, что это за потеря?

— Я не могу описать мой метод анализа таких вещей, но потеря, похоже, была не того типа, какой я раньше ассоциировал с потерей вообще или с потерей неодушевленного предмета. Тут было чувство потери определенного лица.

— Леди Глэдии?

— Да.

— Но это естественно, друг Жискар. Он стоял перед возможностью передать ее на аврорский корабль.

— Для этого чувство было чрезмерно и интенсивно, рыдающее чувство. Это единственное слово, какое я могу придумать в этой связи. Это была потрясающая скорбь, ассоциирующая с чувством потери, словно леди должна уйти куда-то в недосягаемое место. В конце концов, все могло быть исправлено в будущем. Но нет, тут словно леди должна умереть и стать *навеки* недостижимой.

— Значит, он чувствовал, что аврорцы убьют ее? Но это, разумеется, невозможно.

— Это верно, что невозможно. Но дело не в этом.

Я чувствовал нить ощущения личной ответственности, связанной с глубоким страхом потери. *А* обыскал мозг каждого члена экипажа, и пришел к предположению, что капитан намеренно послал свой корабль на столкновение с аврорским.

— Но этого тоже не может быть, — сказал Дэниел.

— А я принял это. Моим первым побуждением было изменить эмоциональный настрой капитана и изменить курс, но я не смог. Его мозг был насыщен решимостью и, несмотря на тревогу, напряжение и страх потери, такой уверенностью в успехе…

— Как же могли одновременно существовать страх потери и чувство уверенности в успехе?

— Друг Дэниел, я перестал удивляться способностям человеческого мозга одновременно содержать две противоположные эмоции, я просто принимаю их. 6 данном случае, если бы я попытался изменить мозг капитана в смысле перемены курса корабля, я мог бы убить его. Этого я не смог сделать.

— Но в этом случае могли бы умереть люди на корабле, включая мадам Глэдию, и еще несколько сотен человек на аврорском корабле.

— Они *не* должны были умереть, если капи-

тан был прав в своей уверенности в успехе. Я не мог бы принести одну верную смерть, чтобы предупредить всего лишь вероятную смерть многих. В этом-то и трудность, друг Дэниел, с твоим Нулевым Законом. Первый Закон имеет дело с индивидуумом и с уверенностью, а твой Нулевой Закон имеет дело с неопределенной группой и вероятностью.

— Люди на борту этого корабля не неопределенная группа, это собранные вместе отдельные индивидуумы.

— Но если я должен был принять решение, то оно повлияло бы на судьбу одного индивидуума. Тут я ничего немоту поделать.

— Но все-таки ты что-то сделал?

— Я в отчаянии пытался воздействовать на мозг командира аврорского корабля после Прыжка, который приблизил нас к нему, но не смог, слишком велико было расстояние. Однако попытка оказалась не совсем бесплодной: я определил нечто вроде слабого гула. Я не сразу понял, что принял ощущения всех людей на борту аврорского корабля. Отфильтровать этот слабый гул от более сильных ощущений, идущих от нашего корабля — трудная задача.

— Я думаю, вообще невозможная, друг Жискар.

— Почти невозможная, но с огромными усилиями я все-таки сумел это сделать. Как я ни старался, я не мог выделить ни одного индивидуального мозга, Когда мадам Глэдия стояла перед большим количеством людей на Бейлимире, я ощущал анархическую путаницу мыслей, но сумел выделить то тут, то там индивидуальный мозг хотя бы на миг. Но в этом случае так не было.

Жискар задумался. Дэниел сказал:

— Я думаю, это аналогично тому, как мы различаем отдельные звезды в скоплении их, когда они относительно близки к нам.

Но в далекой Галактике мы видим только слабое свечение целого, а отдельных звезд не различаем.

— Удачная аналогия, друг Дэниел; когда я сосредоточился на слабом, но далеком шуме, мне показалось, что я смутно различаю проступающий сквозь него всплеск страха. Я не был уверен, но решил воспользоваться им. Я никогда еще не пытался повлиять на таком расстоянии, но все-таки старался усилить этот страх. Не могу сказать, удалось ли это.

— Аврорский корабль ушел. Значит, тебе удалось.

— Это еще ничего не значит. Он мог уйти и без

моих усилий.

Дэниел задумался:

— Мог, если наш капитан был так уверен, что тот корабль уйдет…

— С другой стороны, — сказал Жискар, — я не думаю, что у капитана была рациональная база для такой уверенности. Мне казалось, что эта уверенность смешивалась с чувством благоговения и почтения к Земле. Эта уверенность была подобно тому доверию, какое испытывают дети по отношению к своим родителям, защитникам и тому подобному. Капитан верил, что влияние Земли не даст ему пропасть рядом с ней. Чувство, конечно, нерациональное.

— В этом ты, без сомнения прав, друг Жискар. Капитан при нас говорил о Земле самым почтительным тоном. Поскольку Земля не может реально влиять мистическим образом на успех события, вполне можно предположить, что имело место именно *твое* влияние. Больше того…

— О предположении, что индивидуальный человек конкретен, а все человечество абстрактно. Когда ты определил слабый шум на аврорском корабле, ты определил не индивидуума, а часть человечества. Если бы ты был ближе к Земле, и если бы посторонний шум был достаточно

слабым, разве ты не уловил бы гул мысленной активности всего населения Земли? И далее, разве нельзя представить, что в Галактике вообще есть гул мысленной активности всего человечества? Как тогда насчет того, что все человечество — абстракция? Оно нечто такое, что ты можешь указать. Подумай об этом в связи с Нулевым Законом, и увидишь, что расширение Законов Роботехники оправдано твоим же собственным опытом.

После долгой паузы Жискар сказал медленно, как бы вытягивая из себя слова:

— Наверное, ты прав. Однако же, если мы высадимся на Земле, мы, может быть, сумеем воспользоваться Нулевым Законом, но пока не знаем *как.* Мы вроде бы знаем, что кризис, перед которым стоит Земля, включает в себя использование атомного усилителя, но, насколько нам известно, на Земле нет ничего такого, на чем мог бы сработать усилитель. Что же мы будем делать на Земле?

— Пока не знаю, — грустно сказал Жискар.

Шум! Глэдия ошеломленно прислушивалась. Это был не стук чего-то обо что-то, не скрип, не грохот, не взрыв. Его вообще нельзя было назвать каким-то словом. Он был мягким ненавязчивым,

поднимавшимся и опускавшимся без какой-либо регулярности, но все время присутствовавший. Д.Ж. заметил, что она прислушивается, и сказал:

— Мы называем это жужжанием Города, Глэдия.

— Он когда-нибудь прекращается?

— В сущности, никогда, но чего ты хочешь? Если ты стоишь в поле, то слышишь ветер, шорох листьев, жужжание насекомых, крики птиц, шум бегущей воды. Это тоже никогда не прекращается.

— Это совсем другое дело.

— Нет то же самое? Здесь смесь звуков работы машин и различных шумов, производимых людьми, но принцип тот же самый, что и шум в поле. К полям ты привыкла и не слышишь их шума. Земляне не слышат шума Города тоже, за исключением тех редких случаев, когда возвращаются из сельской местности. Тогда они снова слышат его и радуются ему. Завтра ты тоже не будешь замечать его.

Глэдия задумчиво посмотрела вокруг с маленького балкона.

— Как много домов!

— Это верно. Они тянутся во всех направлениях на много километров, и вверх, и вниз тоже.

Это ведь не просто Город, как на Авроре или Бейлимире. Это Город с заглавной буквы. Города существуют только на Земле.

— Стальные пещеры, я знаю. Ведь мы под землей, верно?

— Да. Должен сказать, что я и сам не сразу привык к этим вещам, когда впервые приехал на Землю. Куда ни пойдешь, везде полно народу, всюду мягкое освещение, похожее на солнечное, но солнца нет, и даже не знаешь, светит ли оно наверху, или закрыто тучами, или вообще мир погружен в ночь.

— Это делает Город замкнутым. Люди дышат одним и тем же воздухом.

— Но ведь так и в любом мире.

— Не так.

Она принюхалась:

— Пахнет.

— Все планеты пахнут. Даже Города на Земле пахнут по-разному. Ты привыкнешь.

— Как люди не задыхаются?

— Хорошая вентиляция.

— А если она сломается?

— Этого никогда не бывает.

Глэдия снова огляделась.

— Кажется, у всех домов балконы.

— Это признак статуса. У очень немногих людей квартиры имеют окна и, кто их имеет, хочет пользоваться этим преимуществом.

Глэдия поежилась:

— Ужасно! А как называется этот Город?

— Нью-Йорк, главный Город, но не самый большой. На этом континенте самые большие Мехико и Лос-Анджелес, а на других континентах есть Города больше Нью-Йорка.

— Но почему же Нью-Йорк главный?

— По обычной причине: здесь помещается Планетарное Правительство, Объединенные Нации.

— Нации? Земля была разъединена на несколько независимых политических единиц, верно?

— Верно. На десятки. Но это было до гиперкосмических путешествий. А название осталось. Это как раз и удивительно на Земле. Застывшая история. Все остальные миры новые и темные. Только Земля — человечество в своей сути.

Д.Ж. сказал это тихим шепотом и ушел в комнату. Комната была невелика и очень скудно обставлена.

— А почему никого нет? — разочарованно спросила Глэдия.

ДЖ. засмеялся:

— Не огорчайся, дорогая. Если ты хочешь пара-

дов и внимания, то все будет. Просто я попросил оставить нас одних на некоторое время. Хочется немного мира и покоя, думаю и тебе тоже. Что касается моих людей, то они ухаживают за кораблем, чистят его, возобновляют запасы, следуют своим привязанностям.

— А, женщины?

— Нет я не это имел ввиду, хотя женщины тоже сыграют свою роль, но позже. Под привязанностью я подразумевал, что Земля все еще имеет религии, и это приятно людям. Во всяком случае, здесь, на Земле. Здесь они как-то больше значат.

— Ну-ну, — несколько пренебрежительно сказала Глэдия. — Застывшая история; как ты думаешь, мы можем выйти и немного пройтись?

— Послушай моего совета, Глэдия, не лезь сразу в такие дела. Их у тебя будет в избытке, когда начнутся церемонии.

— Но это все будет официально. Мы не сможем избежать их?

— Никаких шансов. Поскольку ты настойчиво стремилась стать героиней Бейлимира, ты также будешь ею и на Земле. Но церемонии в конце концов кончатся, и когда ты отдохнешь от них, мы получим гида и на самом деле посмотрим Город.

— У меня будут какие-нибудь затруднения

взять с собой роботов?

Она показала на роботов, которые стояли в другом конце комнаты.

— Я обходилась без них, когда была с тобой на корабле, но если я окажусь в толпе чужих людей, я буду чувствовать себя в большей безопасности, если мор роботы будут со мной.

— Насчет Дэниела нет проблем. Он и сам герой. Он был партнером предка и может сойти за человека, а Жискар — явный робот, и в теории не должен допускаться в пределы Города, но в данном случае было сделано исключение, и я надеюсь, что так будет и в дальнейшем. В какой-то мере плохо, что мы должны ждать здесь и не можем выйти.

— Ты хочешь сказать, что меня пока нельзя выставлять на весь этот шум?

— Нет, я имею в виду общественные парки и дороги. Я должен был бы провести тебя по коридорам этого здания. Они тянутся буквально на километры, а ведь они составляют лишь мелкую часть Города. Здесь магазины, столовые, места для развлечений, туалеты, лифты, переходы и прочее. На одном этаже одного дома в одном Городе на Земле больше цвета и разнообразия, чем во всем поселенческом городе или в целом

Внешнем Мире.

— Тут, наверное, легко заблудиться.

— Нет. Все знают свое соседство здесь, как и в любом другом мире. Даже иноземцам достаточно только смотреть на указатели.

— Я полагаю, что все эти прогулки люди вынуждены делать для своего же физического блага, — с сомнением сказала Глэдия.

— И для социального тоже. В коридорах все время народ, и принято, чтобы человек останавливался обменяться парой слов со знакомым или приветствовал малознакомого, а ходить абсолютно необходимо. Все лифты для вертикального перемещения. Снаружи здания есть фидер-линии сети экспресса. Вот это да! Ты увидишь.

— Я слышала о них. Это полосы, которые тащат тебя все быстрее и быстрее, или наоборот, медленнее и медленнее, когда переходишь с одной на другую. Я не могу этого делать, и не проси.

— Сделаешь. Я тебе помогу. Надо будет — на руках понесу. Но вообще-то тут нужно очень немного практики. Все земляне пользуются экспресс-путями, даже малыши детсадовского возраста и старики с палками. Должен признаться, что поселенцы в этом деле довольно неуклюжи. Я тоже не чудо грациозности, но могу.

Ты тоже сможешь.

Глэдия тяжело вздохнула:

— Ну, ладно, попробую. Но вот что, Диджи, дорогой, нам нужно сколько-нибудь спокойную комнату на ночь. Я хотела бы приглушить ваше жужжание Города.

— Я думаю, что это можно устроить.

— И я не хочу есть в столовых.

— Ну, можно договориться, чтобы еду принесли сюда, но тебе лучше было бы участвовать в общественной жизни Земли. К тому же, я буду с тобой.

— Может быть, через некоторое время, Диджи, но не сразу. И я хочу иметь для себя женский туалет.

— О, вот *это* возможно. В любой комнате, предназначенной нам, будет умывальная раковина и ночная ваза, но если ты намерена принять душ или ванну, тебе придется идти в общественный туалет. Там будет женщина, которая познакомит тебя с процедурой и назначит тебе стояло или что там у них. Тебе никто не будет мешать. Все поселенцы знакомятся с общественными туалетами. В конце концов, это может быть тебе понравится, Глэдия. Мне говорили, что женский туалет — самое активное и веселое место. А вот

в мужском, наоборот, не позволяется ни одного слова. Очень глупо.

— Все это ужасно, — пробормотала Глэдия. — Как же вы терпите недостаток уединения?

— В перенаселенном мире нужда заставляет, — легкомысленным тоном ответил ДЖ — Чего никогда не имел, о том никогда не скучаешь. Хочешь еще какой-нибудь афоризм?

— Нет, пожалуй.

Глэдия выглядела удрученно и ДЖ обнял ее за плечи:

— Ну, ладно. Все будет не так плохо, как вы думаете. Вот увидишь.

В общем-то это не было кошмаром, и Глэдия подумала, что ее опыт на Бейлимире дал ей какое-то предчувствие того, что являлось настоящим океаном человечества. Толпы были куда больше, чем на Поселенческом Мире, зато она, Глэдия, была здесь более изолирована от общего стада, чем тогда. Члены правительства были явно заинтересованы встречей с ней. Шла бессловесная вежливая борьба за достаточно близкое положение к ней, чтобы попасть вместе с ней в гиперпередачу. Это отделяло ее не только от толпы, но и от ДЖ и ее двух роботов. Ее даже вежливо подталкивали, чтобы ее глаза смотрели

только в камеру. Она слушала бесчисленные речи, к счастью, краткие, но реально не слышала их. Она периодически улыбалась, вежливо и бездумно, показывая имплантированные зубы во всех направлениях, чтобы никого не обидеть. Она ехала в наземном карие по многокилометровым дорогам, и толпы, выстроившиеся вдоль ее пути, выкрикивали приветствия и махали ей. Она сомневалась, чтобы земляне когда-нибудь встречали космонита, и была уверена что ее случай беспрецедентный.

В одном месте она заметила кучку народа, собравшуюся около гппервизионного экрана, и на секунду увидела в нем свое собственное изображение. Она знала, что они слушали запись ее речи на Бейлимире, и думала, сколько же раз и в скольких местах это передается сейчас, передавалось раньше и будет впредь, и когда об этом услышат во Внешних Мирах. Может, ее сочтут изменницей по отношению к народу Авроры, и здешний прием послужит доказательством? Возможно. Но это ее не беспокоило. У нее миссия мира, и она будет следовать ей без колебаний, куда бы эта миссия ни завела ее, даже в невероятную оргию массового мытья и навязчивого бессознательного эксгибиционизма в женском

туалете, которую она видела утром. Ну, может, не совсем без колебаний… Они подъехали к одной из экспресс-дорог, о которых говорил ДЖ, и она с откровенным ужасом посмотрела на бесконечную вереницу пассажирских каров, которые шли, шли и шли, и во всех были люди, ехавшие по срочным делам, либо просто не хотели толкаться, и теперь серьезно смотрели на толпу и на процессию, когда проезжали мимо. Затем наземный кар нырнул под экспресс-дорогу в короткий туннель, ничем не отличавшийся от перехода наверху — Город был весь из туннелей — и снова вынырнул на другой стороне. Наконец они прибыли в огромное общественное здание, к счастью, несколько более привлекательное, чем бесконечные одинаковые блоки жилых кварталов.

В здании состоялся еще один прием, где подавали спиртные напитки и различные горячие закуски. Привередливая Глэдия ничего не трогала. Тысячи людей крутились вокруг и подходили поговорить с ней. Видимо, это не включало обязательное рукопожатие, но некоторые ждали этого, и Глэдия) стараясь не показывать колебаний, кладя два пальца на протянутую ладонь, тут же убирала их. Несколько женщин собрались удалиться в туалет, и одна из них — очевидно,

по общему ритуалу и тактичности — спросила Глэдию, не хочет ли она пойти с ними. Особой необходимости у Глэдии не было, но она подумала, что впереди долгая ночь, и позже, может быть, будет трудней уйти. В туалете как всегда стоял смех и щебет. Там были маленькие отделения, отгороженные с боков, но не спереди. Глэдия старалась убедить себя, что надо привыкать к местным обычаям. Во всяком случае, здесь была чистота и отличная вентиляция. На Дэниела и Жискара никто не обращал внимания. Это было как поняла Глэдия, из доброты. Роботы в Город не допускались. Сделать упор на присутствие Дэниела и Жискара означало бы разногласие с законом, поэтому было проще притвориться, как будто их нет. Когда начался банкет, они тихо сидели за столом с ДЖ недалеко от возвышения, где сидела Глэдия. Она очень экономно ела, думая, не испортит ли ей желудок эта пища. ДЖ, видимо, не слишком довольный своей ролью хранителя роботов, не спускал глаз с Глэдии, и время от времени она поднимала руки и улыбалась ему. Жискар, также следивший за Глэдией, имел возможность спокойно поговорить с Дэниелом под покровом непрекращавшихся разговоров и стука посуды.

— Друг Дэниел, в этом зале сидят высокие чиновники. Может быть, хотя бы у одного из них есть полезная для нас информация.

— Возможно, друг Жискар. Ты можешь, благодаря своим способностям, вести меня в этом отношении?

— Нет. Мысленный задний план не дает мне специфического эмоционального соответствия интересу. И случайных всплесков в моем непосредственном окружении тоже нет. Но вершина кризиса, я уверен, быстро приближается, пока мы сидим здесь без дела.

— Я попытаюсь действовать, как действовал бы партнер Илайдж, и форсирую темп, — серьезно сказал Дэниел.

Дэниел не ел. Он осмотрел собравшихся своими спокойными глазами и нашел того, кого искал. Он встал и пошел к другому столу, пристально глядя на женщину, которая ухитрялась быстро есть и одновременно разговаривать с мужчиной, сидевшим рядом с ней. Она была крепкой, коренастой, короткие волосы имели явные признаки седины. Лицо было немолодое, но приятное. Дэниел подождал естественного перерыва в разговоре, но не дождался, и спросил:

— Мадам, не могу ли я прервать вас?

Она посмотрела на него испуганно и явно недовольно.

— Да, — несколько резко сказала она. — В чем дело?

— Мадам, я прошу простить меня за вмешательство, но не позволите ли вы мне поговорить с вами?

Она хмуро посмотрела на него, а затем ее лицо смягчилось:

— Я догадываюсь по вашей исключительной внешности, что вы робот, верно?

— Я робот леди Глэдии, мадам.

— Да, но вы совсем человек. Вы Р. Дэниел Оливо?

— Это мое имя, мадам.

Женщина повернулась к мужчине и сказала:

— Пожалуйста, извините меня. Я просто не могу отказать этому роботу.

Ее сосед неопределенно улыбнулся и перенес свое внимание на блюдо, стоявшее перед ним. Женщина сказала Дэниелу:

— Если у вас есть стул, почему бы не принести его сюда? Я буду рада поговорить с вами.

— Спасибо, мадам.

Когда Дэниел вернулся со стулом и сел, она спросила:

— Вы в самом деле Дэниел Оливо?

— Это мое имя, мадам, — снова ответил Дэниел.

— Я имею в виду того, который работал когда-то с Илайджем Бейли. Вы не новая модель той же линии? Вы не Р. Дэниел Четвертый или еще какой-нибудь?

— Во мне мало что осталось, что не было бы заменено за прошедшие два столетня, модернизировано, улучшено, но мой позитронный мозг тот же, что и был, когда я работал с партнером Илайджем на трех разных планетах и на космическом корабле. Огоне меняли.

— Прекрасно!

Она с восхищением смотрела на него.

— Вы явно хорошей работы. Если бы все роботы были такие, как вы, я бы не возражала против вас. О чем вы хотели поговорить со мной?

— Когда вы подходили к леди Глэдии, мадам, до того, как мы все сели, вы представились ей как заместитель министра по энергетике, София Кинтана.

— Вы правильно запомнили. Это мое имя и должность.

— Должность относится ко всей Земле или к Городу?

— Всепланетное министерство.

— Значит, вы разбираетесь в энергетических полях?

Кинтана улыбнулась. Она, казалось, не имела ничего против того, чтобы ее допрашивал робот, это ее забавляло, а может, привлекал серьезный вид Дэниела и сам факт, что робот может задавать такие вопросы. Во всяком случае, она с улыбкой ответила:

— Я специализировалась по энергетике в Калифорнийском Университете, и имею степень магистра. А насколько я разбираюсь — трудно сказать. Я много лет на административной работе, кое-что могло бы забыться.

— Но вы могли быть хорошо знакомы с практическими аспектами земных энергетических запасов в настоящее время, не так ли?

— Да. С этим я согласна. Вы хотите что-то узнать об этом?

— Кое-что вызывает во мне любопытство, мадам.

— Любопытство? У робота?

Дэниел наклонил голову:

— Если робот достаточно сложен, он сознает в себе нечто, ищущее информацию. Это аналогично тому, что люди называют любопытством,

и я свободно пользуюсь этим словом в связи со своими ощущениями.

— Очень хорошо. Так что вас интересует, Р. Дэниел? Могу я называть вас так?

— Да, мадам. Как я понимаю земные энергетические ресурсы идут со станций солнечной энергии, расположенных на геостацонарной орбите в экваториальной плоскости Земли?

— Правильно.

— Эти станции — единственный источник энергии для планеты?

— Нет. Они главные, но не единственные. Широко используется энергия внутреннего шара Земли, энергия ветра, волн, течения рек и так далее. Есть и комплексные смеси, и каждый вариант имеет свои достоинства. Но солнечная энергия все-таки самая главная.

— Вы не упомянули об атомной энергии, мадам. Вы не пользуетесь микросинтезом?

Кинтана подняла брови:

— Вы интересуетесь именно этим, Р. Дэниел?

— Да, мадам. Какова причина отсутствия источников атомной энергии на Земле?

— Они не отсутствуют, Р. Дэниел. Они используются в небольшом масштабе, например, в роботах. Их у нас как вы знаете, много в сельско-

хозяйственных районах. В вас, кстати, тоже есть источники?

— Да, мадам.

— Кое-где есть машины на этой энергии, нов мизерном количестве.

— Правда ли, мадам Кинтана, что источники энергии микросинтеза чувствительны к действию атомных усилителей?

— Наверняка. Да, конечно. Такой источник взорвется.

— Не может ли быть, чтобы кто-нибудь с помощью атомного усилителя всерьез повредил основную часть энергетических запасов Земли?

Кинтана засмеялась:

— Нет, ни в коем случае. Во-первых, я не думаю, чтобы кто-то передвигался с атомным усилителем с места на место. Он же весит несколько тонн, и вряд ли его можно пронести по улицам и коридорам Города. Такая попытка наверняка была бы замечена. Во-вторых, если бы атомный усилитель вступил в игру, он смог бы разрушить всего лишь несколько роботов и машин до того, как это дело будет замечено и прекращено. Нет никаких шансов вообще, чтобы можно было повредить нам в этом смысле. Вы хотели этого заверения, Р. Дэниел?

Его почти выпроваживали.

— Есть еще два небольших пункта, которые я хотел бы осветить, мадам Кинтана. *Почему* на Земле нет широкого использования источников микросинтеза? Все Внешние Миры зависят от них, все Поселенческие — тоже. Устройство это портативное, многостороннее, дешевое, не требует больших усилий по уходу, ремонту и перемещению.

— Как вы сами сказали, Р. Дэниел, вы чувствительны к атомному усилителю.

— И, как *вы* сказали, мадам Кинтана, атомные усилители слишком тяжелы и громоздки, чтобы ими пользоваться.

Кинтана широко улыбнулась и кивнула:

— Вы очень умны, Р. Дэниел. Мне никогда и в голову не приходило, что я буду вести подобную дискуссию с роботом. Ваши аврорские роботехники очень умелы, даже слишком, и я боюсь вести такую дискуссию. Вы знаете, у нас есть легенда о роботе Стивене Байерли, занимавшем высокий пост в правительстве.

— Это, вероятно, просто выдумка, мадам Кинтана, — серьезно сказал Дэниел. — Ни на одном из Внешних Миров нет роботов на правительственных постах. Мы просто роботы.

— Приятно слышать. Пойдем дальше; различие в источниках энергии имеет исторические корни. Когда развились гиперкосмические путешествия, у нас были источники микросинтеза, так что люди, оставляя Землю, брали их с собой. Они были необходимы на космическом корабле и на планетах тоже в течение поколений. Требовалось много лет, чтобы построить комплекс станций солнечной энергии, и, пока эта задача выполнялась, эмигранты оставались с реакторами микросинтеза. Так было в свое время и с космонитами, так теперь и с поселенцами. На Земле же использование солнечной энергии микрослияния развилось примерно в одно время, и использовалось и то, и другое. Наконец, мы могли бы сделать выбор — пользоваться одной из них или обеими. Мы выбрали солнечную энергию.

— Мне это кажется странным, мадам. Почему же не обеими?

— На этот вопрос не трудно ответить, Р. Дэниел. В прежние времена Земля экспериментировала с примитивными формами атомной энергии, и это был неудачный эксперимент. Когда пришло время выбирать между двумя видами энергии, люди Земли увидели в микросинтезе форму ядерной энергии, и отвернулись от нее. На других мирах,

не имевших нашего опыта с примитивными формами ядерной энергии, не было причин отказываться от микросинтеза.

— Могу я спросить, что это были за примитивные формы?

— Расщепление урана. Оно полностью отличается от микросинтеза. Распад включает в себя расщепление массивного ядра, такого, как ядро урана. Микросинтез включает в себя объединение легких ядер, таких, как ядро водорода. Но и то, и другое — формы ядерной энергии.

— Я полагаю, уран должен быть топливом для расщепляющих приборов.

— Да, или другие тяжелые атомы, вроде тория или плутония.

— Но это исключительно редкие металлы.

— Эти элементы редки и на других планетах, на Земле же они хоть и не слишком обычны, но и не редки. Уран и торий широко распространены в земной коре в малых количествах, но в некоторых местах они сконцентрированы.

— Сохранились ли сейчас на Земле какие-нибудь расщепляющие приборы, мадам?

— Нет, нище и ни в каком виде. Люди будут жечь скорее нефть или даже дерево, чем расщепленный уран. Даже само слово «уран» табу

в приличном обществе. Будь вы человеком и землянином, вы не задали бы такого вопроса, а я не ответила бы.

— Но вы уверены в этом, мадам? — настаивал Дэниел. — Нет ли такого секретного устройства для национальной безопасности?

— Нет, робот, — хмуро сказала Кинтана. — Я же сказала вам, такого устройства нет.

Дэниел встал:

— Благодарю вас, мадам, и приношу извинения, что отнял у вас время и коснулся щекотливой темы. С вашего разрешения, я вас сейчас оставлю.

Кинтана небрежно махнула рукой:

— Всего доброго, Р. Дэниел.

Она снова повернулась к соседу, уверенная, что в этой толпе никто не пытался подслушать разговор, и сказала:

— Могли бы вы представить дискуссию об энергетике с *роботом!*

Дэниел вернулся на свое место и тихо сказал Жискару:

— Ничего, друг Жискар. Ничего полезного.

Затем он грустно добавил:

— Может, я задавал неправильные вопросы? Партнер Илайдж задал бы правильные.

Генеральный секретарь Эдгар Эндрю, глава

исполнительной власти Земли, был высоким и видным мужчиной, гладко выбритым в космонитском стиле. Он двигался размеренным, спокойным шагом, как бы всегда напоказ. Голос его, пожалуй, был высок для его фигуры. Упрямым он вроде не был, но сдвинуть его было нелегко. Не удалось и на этот раз.

— Нет, — твердо сказал он ДЖ — она *должна* появиться.

— У нее был тяжелый день. Генеральный секретарь, — говорил ДЖ — Она не привыкла к толпе, а я отвечаю за ее благополучие перед Бейлимиром, и моя личная честь поставлена на карту.

— Я понимаю ваше положение, — сказал Эндрю, — но я представляю Землю и не могу лишить жителей Земли возможности увидеть леди Глэдию. Коридоры полны народа, гиперпередача наготове, и я при всем желании не могу прятать леди. Да, в сущности, долго ли это продлится? Полчаса? Потом она может уйти и не появляться до завтрашнего вечера, когда ей придется выступать.

— Надо обеспечить ей комфорт. Она должна держаться на некотором расстоянии от толпы, — сказал Д.Ж.

— Будет кордон стражи безопасности. Это

даст ей достаточное пространство. Передний ряд зрителей будет отодвинут. Сейчас они уже волнуются. Если мы не объявим, что она скоро появится, могут быть беспорядки.

— Это не было предусмотрено, — сказал ДЖ — Это небезопасно. Земляне не любят космонитов.

Генеральный секретарь пожал плечами:

— Что я могу сделать? В настоящий момент она героиня и не может отказаться выйти. Никто ничего ей не сделает, будут только приветствия; но если она не появится — дело другое. А теперь давайте пойдем.

Д. Ж. недовольно повернулся и встретил взгляд Глэдии. Она казалась усталой и несчастной.

— Придется, Глэдия. Ничего не поделаешь.

Она посмотрела на свои руки, как бы думая, могут ли они защитить ее, затем выпрямилась и подняла подбородок — маленькая космонитка среди орд варваров.

— Должна так должна. Ты будешь со мной?

— Пока меня не оттащат силой.

— А мои роботы?

Д.Ж. замялся:

— Глэдия, разве два робота могут помочь тебе среди миллионов людей?

— Я знаю, Диджи, и знаю также, что со вре-

менем останусь без них, если буду продолжать выполнять свою миссию. Но не сразу! В данный момент я буду чувствовать себя с ними в безопасности, есть в этом смысл или нет. Если эти земные чиновники хотят, чтобы я была представлена толпе, улыбалась, махала и так далее, присутствие Дэниела и Жискара помажет мне. Видишь ли, Диджи, я делаю очень большую уступку, хотя мне это неприятно, и я больше всего хотела бы уехать. Так пусть и они мне уступят в такой малости.

— Попробую, — явно обескураженно сказал Д.Ж.

Он снова подошел к Эндрю. Жискар спокойно пошел с ним.

Через несколько минут Глэдия в окружении отобранного контингента официальных лиц двинулась к открытому балкону. ДЖ держался чуть позади нее, а по бокам шли Дэниел и Жискар.

— Генеральный секретарь жалобно сказал:

— Ладно, я не знаю, как вам удалось уговорить меня, но все в порядке.

Он потер лоб, чувствуя легкую боль в виске, встретился взглядом с Жискаром и отвернулся с легкой дрожью.

— Но пусть они у вас стоят неподвижно, капи-

тан, помните. И пожалуйста, присмотрите, чтобы тот, кто выглядит, как робот, не высовывался и был малозаметен. Мне от него как-то неуютно, к я не хочу, чтобы люди знали его больше, чем уже знают.

— Они будут смотреть на Глэдию, Генеральный секретарь, — сказал ДЖ, — и больше ни на кого.

— Надеюсь, — сказал Эндрю.

Он вздохнул, остановился взять капсулу с‘сообщением, которую кто-то протянул ему, сунул ее в карман и пошел дальше, не думая о ней.

Глэдии казалось, что с каждым шагом становится хуже — больше народу, больше шуму, больше яркого света, больше вторжения во все чувства. Раздались крики. Она слышала, как выкрикивается ее имя. Она с трудом подавила желание попятиться и встать неподвижно. Она подняла руки, махала и улыбалась, шум стал громче. Кто-то заговорил, его изображение появилось на громадном экране над балконом, чтобы вся толпа могла видеть. Без сомнения, это изображалось и на бесчисленных экранах в залах каждой части каждого Города на планете. Глэдия облегченно вздохнула, когда световое окно высветило кого-то другого. Она попыталась съежиться, чтобы голос говорившего отвлек внимание толпы.

Генеральный секретарь Эндрю, тоже желавший укрыться под покровом голоса и, кажется, радовавшийся, что ему не придется выступать, вдруг вспомнил о послании, лежавшем в его кармане, и встревожился: что могло оправдать вторжение в такую важную церемонию. Затем он испытал чувство сильного раздражения: скорее всего, это полнейший пустяк. Он прижал пальцем капсулу в нужном месте, извлек тонкий листок пластика, прочел сообщение и проследил, как листок скорчился и рассыпался. Смахнув оставшуюся от листка пыль, он сделал повелительный жест ДЖ. Шептаться не было необходимости при непрекращающемся шуме на площади. Эндрю сказал:

— Вы говорили, что встретились с аврорским кораблем в пространстве Солнечной системы?

— Да, я думаю, что земные сенсоры засекли его.

— Конечно, засекли. Вы сказали, что ни с одной стороны враждебных действий не было.

— Никакое оружие не использовалось. Они требовали мадам Глэдию и ее роботов, я отказал, и они ушли. Я все это изложил.

— Как долго это продолжалось?

— Недолго, несколько часов.

— Вы хотите сказать, что Аврора послала военный корабль только для того, чтобы поболтать с вами пару часов, а затем уйти?

ДЖ пожал плечами.

— Генеральный секретарь, я не знаю их мотивов. Я могу только доложить, что произошло.

Генеральный секретарь высокомерно взглянул на него.

— Но вы доложили не обо всем. Информация сенсоров теперь проанализирована компьютером и похоже, что вы напали.

— Я не выпустил ни одного киловатта энергии, сэр.

— А кинетическую энергию вы не учитываете? Вы воспользовались кораблем как снарядом.

— Вероятно, аврорцам так показалось. Они не подумали, что это блеф.

— А это был блеф?

— Да.

— Мне кажется, капитан, что вы были готовы разрушить два корабля внутри Солнечной системы и вызвать этот воздушный кризис. Страшное дело.

— Но я не предполагал разрушения, и его не было.

— Но ведь этот процесс задержал вас и отвлек

ваше внимание.

— От чего, Генеральный секретарь?

— Они выпустили орбитальный модуль, вроде бы с двумя людьми на борту, который пошел к Земле.

Мужчины погрузились в свои дела. Никто на балконе не обращал внимания на них. Только два робота по бокам Д.Ж. смотрели на них и слушали. Как раз в это время оратор закончил свою речь словами:

— Леди Глэдия, урожденная космонитка на планете Солярия, живущая как космонитка на планете Аврора, но ставшая гражданкой Галактики на поселенческой планете Бейлимир…

Он повернулся и сделал широкий жест.

— Леди Глэдия…

Толпа разразилась громким радостным гулом, взметнулся лес машущих рук. Глэдия почувствовала легкое прикосновение к своему плечу и услышала голос у самого уха:

— Прошу вас, мадам, несколько слов.

Глэдия слабо сказала:

— Люди Земли!

Слова прогремели, и сразу настала тишина. Глэдия повторила более твердо:

— Люди Земли, я стою перед вами, такой же

человек, как и вы, чуточку старше, это верно, так что мне не хватает вашей юности, ваших надежд, вашей способности к энтузиазму. Мое несчастье, однако, уменьшается сейчас тем фактом, что я в вашем присутствии чувствую, как меня захватывает ваше пламя, так что плащ возраста спадает.

Послышались аплодисменты, и на балконе кто-то кому-то сказал:

— Она заставляет их радоваться их короткой жизни. Эта космонитка чертовски нахальна!

Эндрю не обратил на это внимания. Он сказал Д.Ж.:

— Весь этот эпизод с вами, видимо, был задуман для того, чтобы отправить этих людей на Землю.

— Я не мог этого знать, — сказал Д.Ж. — О чем я мог думать, кроме как о спасении леди Глэдии и моего корабля? Где они высадились?

— Неизвестно. Разве они не могли высадиться в любом из приемных пунктов Города?

— Думаю, что нет.

— Это не имеет значения, — сказал Генеральный секретарь. — Разве что доставило мне некоторую неприятность. За прошедшие несколько лет было множество высадок такого рода, но ни одна так тщательно не готовилась. Ничего никогда не случалось, и мы не обращали внимания. В

конце концов, Земля — открытый мир. Это дом человечества, и любой человек с любого мира может свободно приезжать и уезжать, даже космониты если пожелают.

Д.Ж. погладил свою бороду:

— Тем не менее, их намерения не обещают нам ничего хорошего.

Глэдия в это время говорила:

— Я желаю вам всем добра на этой родине человечества, в этом чудесном Городе.

Она принимала аплодисменты, улыбаясь и махая. Эндрю возвысил голос, чтобы его было слышно в шуме толпы:

— Каковы бы ни были их намерения, они ни к чему не приведут. На Земле мир с тех пор, как космониты ушли, а Поселенчество окрепло как внутри, так и снаружи. Уже многие десятилетия сумасбродные головы уходят на Поселенческие планеты, так что ума вроде вашего, капитан, который рискует уничтожением двух кораблей в пространстве Солнечной системы, на Земле не найти. На Земле нет больше существенного уровня преступлений, нет насилия. Стражам безопасности приказано контролировать эту толпу, но без оружия, потому что оно не нужно.

Пока он говорил кто-то в толпе поднял бластер

и тщательно прицелился.

Множество вещей случилось почти одновременно. Голова Жискара повернулась к толпе, привлеченная каким-то неожиданным эффектом. Глаза Дэниела повернулись туда же, увидели целившийся бластер, и Дэниел, обладая более острым зрением, чем у человека, и более быстрыми рефлексами, прыгнул.

Раздался звук выстрела. Люди на балконе замерли, а затем разразились громкими восклицаниями. Д.Ж. схватил Глэдию и оттащил ее в сторону. Шум толпы сменился страшным ревом. Прыжок Дэниела направлялся на Жискара, и Жискар был повален на пол. Выстрел бластера попал в комнату за балконом и прожег дыру в потолке. Линия от бластера до дыры прошла бы через ту часть балкона, где секунду назад находилась голова Жискара. Жискар прошептал:

— Не человек. Робот.

Дэниел, поднимая Жискара, быстро оглядел сцену. Балкон возвышался над нижним уровнем метров на шесть, пространство перед ним было пусто. Стражи безопасности пробирались к тому месту в толпе, где стоял возможный убийца. Дэниел перемахнул через перила балкона и побежал к толпе. У него не было иного выбора. Он нико-

гда еще не встречался ни с чем подобным. Было крайне необходимо добраться до робота с бластером прежде, Чем его уничтожат, и, думая об этом, Дэниел обнаружил, что впервые за все свое существование не остановился на пунктуальности защиты индивидуальных человеческих существ от вреда. Он готов был расталкивать их. Он и в самом деле расталкивал их, зычно крича:

— Дайте дорогу? Типа с бластером надо допросить! Стражи безопасности бежали за ним и, наконец нашли типа, лежавшего и избитого. Даже на Земле, гордящейся отсутствием насилия, взрыв ярости против явного убийцы оставил следы. Убийцу повалили, били кулаками и ногами. Большая плотность толпы спасла убийцу оттого, чтобы быть разорванным на части. Множество нападавших с двух сторон имели сравнительно малый успех. Стражи безопасности с трудом отогнали толпу. Рядом с поверженным роботом лежал бластер. Дэниел, игнорируя бластер, опустился на колени рядом с убийцей.

— Ты можешь говорить? — спросил он.

Светлые глаза уставились на Дэниела.

— Могу, — ответил убийца негромко, но совершенно нормальным голосом.

— Ты аврорского происхождения?

Убийца не ответил. Дэниел быстро сказал:

— Я знаю, что аврорского. Это был лишний вопрос. Где твоя база на этой планете?

Убийца не ответил.

— Где твоя база? — повторил Дэниел. — Ты должен отвечать. Я приказываю.

— Ты не можешь приказывать мне. Ты — Р. Дэниел Оливо. Я слышал о тебе и повиноваться тебе не должен.

Дэниел поднял глаза, дотронулся до ближайшего стражника и сказал.

— Сэр спросите этого типа, где его база.

Испуганный страж пытался говорить, но издал только хриплое карканье. Он смущенно откашлялся и гаркнул:

— Где твоя база?

— Мне запрещено отвечать на этот вопрос, сэр, — ответил убийца.

— Ты должен, — твердо сказал Дэниел. — Спрашивает планетарный чиновник. Сэр, прикажите ему отвечать.

— Я приказываю тебе отвечать, пленник, — сказал страж.

— Мне запрещено отвечать на этот вопрос, сэр.

Страж потянулся было резко схватить убийцу за плечо, но Дэниел быстро сказал:

— Бесполезно применять силу, сэр.

Он оглянулся вокруг. Шум толпы почти смолк. В воздухе чувствовалось напряжение: множество народа тревожно ожидало, что сделает Дэниел. Он сказал нескольким стражам, столпившимся вокруг него и поверженного убийцы:

— Не очистите ли вы мне дорогу, сэр? Я отнесу пленника к леди Глэдии. Она, наверное, сможет заставить его отвечать.

— А как насчет медицинской помощи пленнику? — спросил один страж.

— Это не понадобится, сэр, — ответил Дэниел.

Пояснять он не стал.

— Как такое могло случиться?

Эндрю вздохнул. Губы его дрожали. Он глянул на дыру в потолке: налицо очевидность имевшего место насилия. Наверху уже слышались шаги и стук: дыру латали.

Глэдия, успешно преодолев дрожь в голосе, сказала:

— Ничего не случилось. Я невредима. Всего и дела — починить дыру и, может быть, дополнительно отремонтировать комнату. Вот и все.

— Не все, — сказал Эндрю. — Это погубило ваши планы на ваше главное приветствие планете.

— Это событие сделало как раз обратное, —

сказала Глэдия. — Планета будет с большим вниманием слушать меня, раз я чуть не стала жертвой бластера.

— Но ведь может быть повторение, вторая попытка.

Глэдия слегка пожала плечами:

— Это означает, что я на правильном пути, Генеральный секретарь Эндрю, я недавно обнаружила, что у меня есть миссия. Мне не приходило в голову, что эта миссия может быть для меня опасной. Но если опасность — мера моей эффективности, то я рискну.

Жискар сказал:

— Мадам Глэдия, пришел Дэниел, по-видимому с тем индивидуумом, который стрелял в этом направлении.

В дверях появился Дэниел, несший расслабленную, не сопротивляющуюся фигуру, и с ним полдюжины стражей безопасности.

Снаружи шум толпы стихал и удалялся. Видимо, толпа расходилась, и периодически из громкоговорителя слышалось:

— Никто не пострадал. Опасности нет. Расходитесь по домам!

Эндрю знаком выслал стражников.

— Этот самый? — резко спросил он.

— Без сомнения, сэр, — ответил Дэниел. — Оружие лежало рядом с ним, были свидетели его действий, да и сам он признался.

Эндрю ошеломленно смотрел на него:

— Но он так спокоен, будто и не человек.

— А он и не человек, сэр. Он человекоподобный робот.

— На земле нет человекоподобных роботов, кроме вас.

— Этот робот, Генеральный секретарь, как и я, аврорского производства.

Глэдия нахмурилась:

— Но этого не может быть. Роботу не могли приказать меня убить.

Д.Ж. обняв Глэдию за талию, злобно сказал:

— Аврорский робот, специально запрограммированный?

— Вздор, Диджи, — прервала Глэдия. — Не может быть этого. Как бы ни был запрограммирован робот, он не может намеренно причинить вред человеку, если знает, что это человек. Если робот сознательно стрелял в меня, он сознательной промахнулся.

— А зачем? — спросил Эндрю. — Зачем ему промахиваться?

— Неужели вы не понимаете? — сказала Глэ-

дия. — Кто бы ни отдал этот приказ роботу, он считал, что *попытки* будет достаточно для уничтожения моих планов на Земле. Роботу нельзя было приказать убить меня, но можно приказать промазать и тем разрушить программу. Но программа не будет разрушена, я этого не допущу.

— Не изображай героиню, Глэдия, — сказал ДЖ — Я не знаю, что они еще задумают. А у меня нет никого дороже тебя.

Глаза Глэдии смягчились:

— Спасибо, Диджи. Я ценю твое чувство, но мы должны рискнуть.

Эндрю растерянно потирал уши.

— Что же нам делать? Народу Земли не понравится, что гуманоидный робот пользовался бластером в толпе.

— Конечно не понравится, — сказал ДЖ — Вы и не говорите им.

— Но многие уже знают или догадываются, что мы имеем дело с роботом.

— Слухи вы прекратите, Генеральный секретарь, но никакого официального сообщения не нужно.

— Если Аврора доходит до крайности… — начал Эндрю.

— Не Аврора, — быстро сказала Глэдия, — а

некоторые поджигатели на Авроре, такие же, как некоторые агрессивные экстремисты среди поселенцев, и, наверное даже на Земле. Не играйте на руку этим экстремистам, Генеральный секретарь. Я взываю к большинству на обеих сторонах, и нельзя ослабить этот призыв.

Терпеливо ожидавший Дэниел воспользовался паузой и сказал:

— Мадам, сэр, очень важно узнать от этого робота, где его база на этой планете. Там могут быть и другие.

— Почему вы не спросили его? — спросил Эндрю.

— *Я* спрашивал, Генеральный секретарь, но я робот. Этому роботу приказано не отвечать на вопросы другого робота.

— Ладно, тогда я спрошу, — сказал Эндрю.

— Вряд ли это поможет, сэр. Роботу строго приказали не отвечать, и ваш приказ не перевесит. Вы не знаете правильной фразеологии и интонаций. Мадам Глэдия с Авроры и знает, как это делается. Мадам Глэдия, не допросите ли вы его, где его база?

Жискар сказал тихо, что его услышал только Дэниел:

— Возможно, не удастся. Ему могли приказать

заморозить мозг, если вопросы будут слишком настойчивы.

Дэниел быстро повернулся к Жискару.

— Ты не можешь предупредить это?

— Вряд ли. Мозг уже был фактически поврежден актом стрельбы из бластера по направлению к людям.

— Мадам, я посоветовал бы зондаж, а не глубокий нажим.

— Ну, не знаю, — с сожалением сказала Глэдия.

Ласково, но твердо она обратилась к роботу-убийце:

— Робот, как мне тебя называть?

— Я Р. Эрнет Второй, мадам.

— Эрнет ты можешь сказать, что я аврорка?

— Вы говорите в авроpской манере, но не совсем, мадам.

— Я родилась в Солярии, но я космонитка и два столетия прожила на Авроре и привыкла, чтобы меня обслуживали роботы. Я с детства получала услуги роботов и никогда не была разочарована.

— Я принимаю факт, мадам.

— Ты ответишь на мои вопросы и примешь мои приказы, Эрнет?

— Да, мадам, если они не будут противоречить приказам, полученным мною ранее.

— Если я спрошу, где твоя база на этой планете — то место, которое ты считаешь домом твоего хозяина, — ты ответишь мне?

— Я не могу, мадам, ответить на этот вопрос и на любой другой насчет моего хозяина, вообще никаких вопросов.

— Ты понимаешь, что, если не ответишь, то я буду горько разочарована и все мои надежды на обслуживание роботами расплывутся?

— Я понимаю, мадам, — слабо сказал робот.

Глэдия повернулась к Дэниелу:

— Попробовать?

— Иного выбора нет, мадам Глэдия. Если мы не добьемся информации, нам будет хуже, чем сейчас.

Глэдия сказала авторитетным тоном:

— Не доставляй мне неприятностей, Эрнет, отказом сказать, где твоя база на этой планете. Я приказываю тебе сказать.

Робот как бы напрягся. Его рот открылся, но не издал ни звука, затем раскрылся еще раз и выдохнул:

— Миль.

Затем робот снова открыл рот, но больше ничего не сказал. Свет ушел из его глаз, они стали восковыми. Рука, которая была приподнята,

упала.

— Позитронный мозг замерз, — сказал Дэниел.

— Это неисправимо, — тихо сказал Жискар Дэниелу. — Мы так и не узнали, те могут быть роботы.

— Он сказал: миль, — напомнил Д.Ж.

— Я не знаю этого слова, — сказал Дэниел. — Это не Галактический Стандартный, каким пользуются на Авроре. А на Земле оно что-нибудь значит?

— Может он хотел сказать «Мильс»? — произнес Эндрю. — Я когда-то знал человека с таким именем.

— Я не знаю, — сказал Дэниел, — каким образом одно слово могло служить ответом на вопрос или его частью, и я не слышал шипящего звука после этого слова.

Старик-землянин, до этого молчавший, робко сказал:

— Мне кажется, миля — это древняя мера расстояния, робот.

— Как велика эта мера, сэр?

— Я точно не знаю, но думаю, что больше километра.

— Теперь ею не пользуются, сэр?

— Нет. Это было еще в докосмическое время.

— И сейчас пользуются. Во всяком случае, старики на Бейлимире говорят: «Промахнулся на целую милю». Я не совсем понимал эту фразу, но если слово «миля» означает расстояние, тогда понятно.

— Если так, — сказала Глэдия, убийца пытался сказать именно это. Может, он выражал удовлетворение, что промахнулся, как ему приказывали, или что промах не причинил никому вреда и, стало быть, выстрела как бы не было.

— Мадам Глэдия, — сказал Дэниел, — робот аврорского происхождения вряд ли стал бы употреблять фразы, существующие на Бейлимире, но абсолютно неизвестные на Авроре. Ему был задан вопрос, и он пытался, в своем поврежденном состоянии, ответить на него.

— Ага, — сказал Эндрю, — значит, он пытался ответить. Он пытался сказать, что его база находится на каком-то расстоянии отсюда, скажем, на много миль.

— В таком случае, — сказал Д.Ж., — зачем ему пользоваться древней мерой расстояния? Любой авроpец сказал бы «километр», точно также скажет и аврорский робот. Вообще-то говоря, робот быстро шел к дезактивации, так что мог быть просто случайный звук, и бесполезно искать его

значение. А теперь я хочу, чтобы мадам Глэдия немного отдохнула или хотя бы ушла из этой комнаты.

Все вышли. Дэниел шепнул Жискару:

— Опять у нас провал!

Город никогда полностью не затухает, но бывают периоды, когда освещение тускнеет, шум вечно движущиеся экспресс-путей слабеет, бесконечный шум машин и людей стихает. Люди в миллионах квартир спят.

Глэдия лежала в постели в отведенной ей квартире и была недовольна отсутствием удобств: она опасалась, что ей придется идти ночью по коридору. «Интересно, — подумала она, — на поверхности тоже ночь или просто именно в этой Стальной пещере установлен период сна, в отличие от привычек, развившихся за сотни миллионов лету людей и их предков, которые жили на поверхности?» Затем она уснула.

Дэниел и Жискар, разумеется, не спали. Дэниел обнаружил в квартире компьютерную розетку и потратил полчаса, изучая незнакомые комбинации включения. Жискар сказал:

— Друг Дэниел, я должен просить у тебя объяснения твоих действий на балконе.

— Друг Жискар, ты смотрел в толпу. Я проследил

за твоим взглядом, увидел оружие, направленное на нас, и тут же среагировал.

— В какой-то мерея понимаю, почему ты бросился защищать меня. Во-первых, предполагаемый убийца был роботом и в этом случае не мог, как бы его ни программировали, целиться в человека с намерением его убить. Не мог он целиться также и в тебя, поскольку ты достаточно похож на человека, чтобы активизировался Первый Закон. Даже если робот и знал, что на балконе гуманоидный робот, он не мог быть уверенным в том, что это именно ты. Следовательно, если робот хотел уничтожить кого-то на балконе, то только меня, явного робота, и ты сразу же стал защищать меня. Во-вторых убийца был авроргцем — все равно, человеком или роботом. Самое невероятное, что такое нападение было сделано по приказу доктора Амадейро, поскольку он экстремист в своих антиземных взглядах и, как мы предполагаем, готовит уничтожение Земли. Доктор Амадейро, как мы можем резонно предполагать, знает о моих способностях от мадам Василии и хотел получить перевес, уничтожив меня, потому что он, естественно, боится меня больше, чем кого-либо, человека или робота. Логично, что ты, подумав об этом стал защищать

меня. В сам ом деле, если бы ты не повалил меня, выстрел разрушил бы меня, но, друг Дэниел, ведь ты не знал, что убийца робот и аврорец. *Я* сам только успел заметить странную эмоциональную форму мозгового рисунка на расплывчатом фоне человеческих эмоций, когда ты толкнул меня, и я только потом имел возможность информировать тебя. Без моих способностей ты мог только понять, что оружие нацелено, как ты естественно должен был подумать, на человека. Логической мишенью была мадам Глэдия, но мог быть любой другой человек на балконе. Почему ты игнорировал мадам Глэдию и защищал меня?

— Друг Жискар, рассмотри ход моих мыслей. Генеральный секретарь сказал, что двое мужчин-авроpцев направили модуль к Земле. Я сразу предположил, что на Землю прибыли доктор Амадейро и доктор Мандамус. Для этого могла быть только одна причина. Их план, каким бы он ни был, близок к завершению. Теперь, когда ты приехал на Землю, они бросились сюда, пока ты не остановил их своей мысленаправляющей силой. Для своей безопасности они должны были разрушить тебя, если это им удастся. Поэтому, увидев направленное оружие, я оттащил тебя с линии огня.

— Первый Закон, — сказал Жискар, — должен был вынудить тебя убрать с линии огня леди Глэдию. Никакие мысли и соображения не должны были изменить его.

— Нет, друг Жискар, ты важнее, чем мадам Глэдия. Фактически, ты более важен, чем любой человек в данный момент. Только ты можешь остановить уничтожение Земли. Поскольку я знаю о твоей потенциальной услуге человечеству, то, если передо мною стоит выбор действий, Нулевой Закон требует от меня защищать первым делом тебя.

— И ты не чувствуешь дискомфорта, действуя вопреки Первому Закону?

— Нет. Потому что я действовал, повинуясь Нулевому Закону, превосходящему Первый.

— Но Нулевой Закон не был впечатан в тебя.

— Я принял его как естественное следствие Первого Закона: лучше всего уберечь человека от вреда — это обеспечить человеческому обществу защиту и хорошее функционирование.

Жискар задумался:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но что, если бы, спасая меня, и, следовательно, человечество, ты увидел бы, что мадам Глэдия мертва? Как бы ты себя чувствовал, друг Дэниел?

— Не знаю, — тихо сказал Дэниел. — Однако, если бы я бросился спасать мадам Глэдию и дал разрушить тебя и вместе с тобой будущее Человечества, разве я пережил бы этот удар?

Оба долго стояли молча.

— Может быть, и так, — сказал наконец Жискар. — Но ты согласишься, что в этих случаях судить трудно.

— Согласен, друг Жискар.

— Это трудно, даже если нужно быстро выбрать между индивидуумом и человечеством, когда ты не уверен, с каким аспектом человечества имеешь дело. Настолько трудно, что вся обоснованность Законов Роботехники оказывается под подозрением. Коль скоро вступает абстрактное человечество, Законы Роботехники начинают сливаться с Законами Гуманистики, которые, видимо, даже не существуют.

— Я не понимаю тебя, друг Жискар.

— Неудивительно. Я и сам не уверен, что понимаю. Когда мы думаем о человечестве, которое мы должны спасти, мы думаем о землянах и поселенцах. Они более многочисленны, чем космониты, более сильны, более экспансивны. У них больше инициативы, потому что они меньше зависят от роботов. У них больший потенциал

биологической и социальной эволюции, потому что они короткоживущие, хотя долгая жизнь способствует великим вещам в индивидуальном плане.

— Да, — сказал Дэниел, — ты хорошо и сжато охарактеризовал это.

— Однако, земляне и поселенцы, похоже, охвачены мистической, иррациональной верой в святость и неприкосновенность Земли. Не окажется ли эта мистика роковой в их развитии, как мистика роботов и долгой жизни связывает космонитов?

— Не знаю, — сказал Дэниел. — Я не думал об этом.

— Если бы ты знал их мозг, как я, ты не мог бы не задуматься над этим. Итак, как же выбирать? — продолжал он с неожиданной интенсивностью, — Думать о человечестве как об отдельных расах — космониты со своей явно фатальной мистикой и земляне плюс поселенцы со своей тоже, возможно, фатальной мистикой. В будущем, вероятно, будут и другие расы с еще менее привлекательными качествами. Выбор не будет трудным, друг Дэниел, если мы научимся разделять. Мы должны выделить желаемые расы и защищать их, а не быть вынужденными выби-

рать между нежелательными. Но как мы можем достичь желаемого, пока у нас нет психоистории, науки, о которой я мечтаю, но не могу познать.

— Я не могу оценить трудности обладания способностью чувствовать и влиять на мозг. Не может так быть, что ты знаешь слишком много, чтобы позволить Законам Роботехники работать гладко?

— Такая возможность всегда была, друг Дэниел, но недавние события сделали ее актуальной. Я знаю, как происходит во мне процесс ощущения чужого мозга и влияния на него. Я десятилетиями тщательно изучал себя, чтобы узнать это, и мог бы это передать тебе, чтобы ты запрограммировал себя и стал вроде меня, но пока сопротивляюсь этому побуждению. Хватит того, что я несу этот груз.

— Тем не менее, друг Жискар, если когда-нибудь, по твоему суждению, благо человечества потребует этого, я приму это.

— Пока что это бесполезный разговор. Похоже, что кризис надвигается, а мы даже не знаем его природы.

— Ты не прав, — перебил Дэниел. — Теперь я знаю природу кризиса.

Нельзя было рассчитывать, что Жискар пока-

жет удивление. Его лицо не было способно на это. Его голос был модулирован, так что речь звучала по-человечески и не была монотонной и неприятной, однако эти модуляции никогда не изменялись от эмоций, поэтому когда он спросил: «Ты это серьезно?», эти слова прозвучали так, будто он выражал сомнением замечании Дэниела насчет завтрашней погоды, но по манере, с какой он повернулся к Дэниелу, как он поднял руку, было ясно, что он удивлен.

— Да, друг Жискар, — ответил Дэниел.

— Каким образом ты получил информацию?

— Частично из разговора с мадам Кинтаной за обеденным столом.

— Но ты сказал, что не узнал ничего полезного, и предположил, что задавал ей неправильные вопросы.

— Сначала мне показалось именно так, но, поразмыслив, я решил, что могу сделать из ёе слов полезный вывод. В последние несколько часов я пошарил через компьютер в центральной энциклопедии Земли…

И нашел подтверждение своим выводам?

— Не совсем так, но не нашел и ничего, опровергающего их. И это, я думаю, неплохо.

— Разве отрицательная очевидность достаточ-

на для уверенности?

— Нет. Поэтому, я не уверен. Позволь передать тебе мои рассуждения, и, если найдешь их ошибочными, так и скажи.

— Пожалуйста, друг Дэниел.

— Энергия ядерного распада развивалась на Земле до эпохи гиперпространственных путешествий, когда все человечество находилось на одной планете — Земле. Это общеизвестно. Потребовалось много энергии, чтобы сделать энергию ядерного распада практически контролируемой. За несколько десятилетий до установления контроля существовали бомбы, представляющие собой неконтролируемую реакцию ядерного синтеза. Но, контролируемое или неконтролируемое, слияние не может существовать без исключительно высокой температуры в миллион градусов. Если бы люди не смогли создать необходимую температуру для контролируемой энергии синтеза, как бы они сделали это для неконтролируемого взрыва? Мадам Кинтана сказала мне, что до появления синтеза на Земле существовал другой вариант ядерной реакции — ядерное расщепление. Энергия получалась из расщепляющегося ядерного ядра урана и тория. Это, я думаю, был единственный путь

достижения высоких температур. Энциклопедия, которую я просмотрел ночью, дает очень мало информации, и уж конечно, никаких деталей. Это предмет табу, как я понял, и так, наверное, на всех мирах, потому что я никогда не слышал на Авроре о таких деталях, даже если такие бомбы еще существуют. Они стыдятся этой части своей истории или боятся, или то и другое, и я считаю это разумным. В том, что я прочел о водородных бомбах, не говорилось ни слова о способе их воспламенения. Видимо, поджигающим механизмом была урановая бомба. Но как же она поджигалась? Урановые бомбы существовали до водородных, и если урановые тоже требовали для воспламенения высокой температуры, то что могло дать эту температуру? Из этого я заключаю — хотя в энциклопедии нет об этом информации — что урановые бомбы требовали для воспламенения относительно низкой температуры, может, даже комнатной. Тут были и свои трудности, поскольку после открытия расщепления потребовалось несколько лет упорных усилий, чтобы изготовить бомбу. Но, каковы бы ни были эти трудности, они не включали в себя производство ультравысоких температур. Каково твое мнение обо всем этом, друг Жискар?

— Я думаю, что структура, построенная тобой, имеет серьезные слабые точки, и, следовательно, она не слишком правдоподобна. Но, даже если бы все это звучало отлично, она не имеет ничего общего с наступающим кризисом, суть которого мы пытаемся понять.

— Дело в том, друг Жискар, что как процесс синтеза, так и процесс расщепления есть выражения слабого взаимодействия — одного из четырех взаимодействий, которые управляют всеми событиями во Вселенной. Следовательно, Тот же ядерный усилитель взорвет как реактор синтеза, так и реактор расщепления. Но есть разница. Слияние обязательно требует высоких температур. Усилитель взорвет ультрагорячие частицы топлива, что активно воздействует на слияние, плюс некоторое количество окружающего топлива, которое раскалилось от слияния в первоначальном взрыве до того, что взорванный материал вылетит, жар рассеется нотой точки, при которой остальное количество имеющегося топлива не загорится. Взрыв достаточно мощный, чтобы уничтожить реактор синтеза и все остальное, находящееся в непосредственном соседстве, как, скажем, корабль несущий реактор. С другой стороны, реактор расщепления может действо-

вать при низкой температуре. Тогда ядерный усилитель заставит расщепиться все топливо. В самом деле, если реактор расщепления высвобождает меньше энергии, чем топливо синтеза, урановая бомба произведет больший взрыв, чем водородная, потому что взорвется большая часть горючего.

Жискар медленно кивнул:

— Пусть так, друг Дэниел, но есть ли на Земле какие-нибудь станции энергии расщепления?

— Нет ни единой. Так сказала мадам Кинтана, и энциклопедия вроде бы с ней согласна.

— Тогда, друг Дэниел, ядерный усилитель тут ни к чему. Все твои рассуждения, как бы безупречны они ни были, ни к чему не приведут.

— Не совсем так, остался третий тип ядерной реакции, который следует рассмотреть.

— Какой же? Я не могу представить себе третьего.

— Это и нелегко представить, потому что на Внешних и Поселенческих Мирах в планетной коре очень мал о урана и тория, и, следовательно, очень мала возможность заметной радиоактивности. Поэтому никто этим не интересуется, кроме немногих физиков-теоретиков. На Земле же, как сказала мадам Кинтана, уран и торий

встречаются сравнительно часто, и естественная радиоактивность с ее ультрамедленным производством тепла и энергетической реакции должна, таким образом, быть сравнительно заметной частью окружения. Это третий тип ядерной реакции, и его следует рассмотреть.

— В каком плане?

— Естественная радиоактивность есть тоже выражение слабого взаимодействия. Ядерный усилитель, могущий взорвать реактор синтеза или реактор расщепления, может также ускорить естественную радиоактивность до, как я предполагаю, взрыва части земной коры, если в ней достаточное количество урана и тория.

Жискар некоторое время молча смотрел на Дэниела, а затем тихо сказал:

— Значит ты считаешь, что доктор Амадейро планирует взорвать земную кору, уничтожить планету как место для жизни, и таким путем утвердить главенство в Галактике за космонитами?

Дэниел кивнул:

— Или, если урана и тория недостаточно для взрывной массы, усилить радиоактивность, которая может произвести избыток тепла и тем изменить климат, а избыток радиации вызовет

рак, дефекты рождения, и все это послужит той же цели, только в медленном темпе.

— Ужасная возможность, — сказал Жискар. — Ты думаешь, что это реально?

— Реально. Мне кажется, что несколько лет назад — когда именно, я не знаю — гуманоидные роботы с Авроры, вроде того убийцы, были привезены на Землю. Они достаточно сложно запрограммированы и могут при необходимости приходить в Города за оборудованием. Они наверняка поставили атомные усилители в местах, богатых ураном и торием. За годы этих усилителей наверняка поставлено немало. Доктор Амадейро и доктор Мандамус сейчас здесь, чтобы приглядеть за последними приготовлениями и активизировать усилители. Я думаю, они устроили дело таким образом, чтобы иметь время уехать, прежде чем планета будет разрушена.

— В таком случае, — сказал Жискар, — необходимо информировать Генерального секретаря, чтобы силы безопасности были сразу мобилизованы немедленно найти доктора Амадейро и доктора Мандамуса и лишить их возможности выполнить проект.

— Я не думаю, что это можно сделать. Генеральный секретарь, скорее всего, не поверит нам

из-за широко распространенной мистической веры в неприкосновенность Земли. Ты скажешь, что такая вера может сработать против человечества, и я подозреваю, что так оно и будет. Есть его вера в уникальное положение Земли, и если она будет подвергнута сомнению, он откажется дать себя убедить и потрясенно укроется за отказом поверить нам. Но даже если бы он поверил, любые контрмеры должны пройти через правительственную бюрократическую машину, и это в любом случае займет слишком много времени. К тому же, я не думаю, что земляне сумеют найти двух людей в огромной дикой местности. Земляне всегда жили в Городах и почти не выходили за пределы. Я помню это по своему первому делу с Илайджем Бейли здесь. Пусть даже они заставят себя пересекать открытые пространства, едва ли они найдут двоих достаточно скоро, чтобы спасти положение.

— Поселенцы легко могут организовать поисковый отряд, они не боятся открытого пространства.

— Но они так твердо убеждены в неприкосновенности планеты, что не поверят нам. Да и они тоже не отыщут быстро ту пару.

— А земные роботы? Он и собраны в простран-

ствах между Городами. Может, кто-то из них уже знает о людях в этих местах.

— Эти люди — опытные роботехники, — возразил Дэниел. — Уж они-то присмотрят, чтобы ни один робот поблизости от них не знал об их присутствии: им просто прикажут забыть. Кроме того, земные роботы сравнительно простых моделей. Они предназначены для специальных задач: собирать урожай, пасти скот, работать в рудниках. Их трудно приспособить к такой общей цели, как ведение поиска.

— Что же остается, друг Дэниел?

— Мы сами должны найти этих двух людей и остановить их, и должны сделать это немедленно.

— И ты знаешь, где они?

— Нет, друг Жискар.

— Но если поисковая партия из землян, поселенцев и роботов не найдет их быстро, как сможем это сделать мы?

— Не знаю, но мы должны.

— Необходимость — еще не все, друг Дэниел. Ты обнаружил существование кризиса и малопомалу добрался до его сути. Но это не поможет нам. Сейчас мы так же беспомощны, как если бы ничего не знали.

— Остался один шанс, — сказал Дэниел, — притянутый за ухо и вроде бы бесполезный, но у нас нет выбора, мы можем попробовать. Амадейро, боясь тебя, послал робота-убийцу, чтобы уничтожить тебя, и это может оказаться его ошибкой.

— А если этот бесполезный шанс не сработает?

Дэниел спокойно взглянул на Жискара:

— Тогда мы окажемся беспомощными, Земля погибнет, и человеческая история постепенно сойдет на нет.

Келдин Амадейро чувствовал себя несчастным. Гравитация Земли была на треть выше, чем на Авроре, воздух на треть плотнее, звуки и запахи вне жилища тоже неприятно отличались. Здесь не было домов, сколько-нибудь претендовавших на цивилизованность. Роботы построили различные убежища. Было много пищевых продуктов, и цивилизованные удобства, функционально адекватные, но отвратительно ненадежные во всех других отношениях. Хуже всего, что после довольно приятного утра настал ясный день, и слишком яркое земное солнце начало припекать. Скоро температура будет слишком высокой, воздух — слишком влажным. Еще появились жалящие насекомые. Амадейро сначала не понял, откуда у него на руках мелкие зудящие припухлости, но

Мандамус объяснил ему.

— Проклятье) — бормотал Амадейро, почесываясь. — Они могут внести инфекцию!

— Я думаю, — сказал явно безразлично Мандамус, — что иногда они это и делают. Но не всегда же. У меня есть лосьоны для облегчения зуда, и можно жечь некоторые препараты, которых насекомые не переносят, но дело в том, что я и сам нахожу этот запах непереносимым.

— Зажгите их, — сказал Амадейро.

Мандамус продолжал тем же током:

— И я не хочу делать ничего лишнего, далее пустякового: запах и дымок увеличивают шанс обнаружить нас.

Амадейро презрительно сощурился:

— Вы сами неоднократно говорили, что в этот район никогда не заходят ни люди, ни роботы.

— Это верно, но не с математической точностью. Это социологическое наблюдение, и тут всегда возможны исключения.

Амадейро нахмурился:

— Лучший путь к безопасности — закончить проект. Вы сами сказали, что будете готовы сегодня.

— Это тоже социологический расчет, доктор Амадейро. Я *должен* быть готов сегодня, и я хотел

бы этого. Но математически гарантировать не могу.

— А когда вы *сможете* гарантировать?

Мандамус развел руками:

— Доктор Амадейро, я, кажется, уже объяснил вам, но повторю еще раз: это дело заняло у меня семь лет. Я рассчитывал еще на несколько месяцев личного наблюдения за различными релейными станциями на земной поверхности. Я не могу теперь сделать это, потому что мы должны закончить до того, как нас засечет, а то и остановит этот робот Жискар. Это значит, что я должен делать проверку только через наших гуманоидных роботов на реле. Я не могу верить им, как самому себе. Я должен проверять и перепроверять их рапорты, и, может быть, мне придется посетить самому одно или два места, прежде чем я буду удовлетворен. Это займет несколько дней, ну может, одну-две недели.

— Две недели? Это невозможно. Сколько по-вашему, я могу терпеть эту планету, Мандамус?

— Сэр, в один из своих предыдущих визитов я оставался на этой планете почти год, а в другой — больше четырех месяцев.

— И это вам нравилось?

— Нет, сэр, но у меня была работа, и я делал ее,

не жалея сил.

Мандамус холодно взглянул на Амадейро. Амадейро покраснел и сказал сдержанно:

— Ну, ладно, так на чем мы остановились?

— Я еще взвешиваю рапорты, которые приходят. Как вы знаете, мы работаем не с гладко налаженной лабораторной системой, Мы имеем дело с разнородной планетной корой. К счастью, радиоактивные материалы широко распространены, но в местах опасно тонких, и нам пришлось разместить в таких местах реле и оставить роботов: Если эти реле поставлены не так и не в правильном порядке, атомный усилитель заглохнет, и все эти годы тяжелой работы, всех трудов, пойдут насмарку. Может также случиться, что волна локализованного усиления будет иметь взрывную силу, что вызовет взрыв, а остальную часть коры не заденет. В обоих этих случаях ущерб будет незначительным, мы же хотим, доктор Амадейро, иметь радиоактивные материалы, чтобы значительная часть земной коры медленно, ровно, неуклонно становилась все более радиоактивной, так что Земля постепенно станет непригодной для жизни! Общественная структура планеты распадется, и Земля, как местопребывание человека отомрет. Я полагаю,

доктор Амадейро, что вы хотите именно этого. Я описывал вам это в свое время, и вы этого хотели.

— Я и сейчас хочу этого, Мандамус. Не валяйте дурака.

— Тогда терпите, терпите дискомфорт, сэр, или уезжайте, а я через некоторое время все сделаю.

— Нет, — забормотал Амадейро, — я должен быть здесь, когда это будет сделано, но я ничего не могу поделать со своим нетерпением. На какое время вы рассчитали процесс? Я имею в виду, сколько времени пройдете начала первой волны усиления до того, как Земля станет необитаемой?

— Это зависит от степени усиления, с какой я начну Я еще точно не знаю, какая степень потребуется, потому что она зависит от эффективности реле, поэтому я подготовил вариантное управление. Я хочу установить период от одного до двух столетий.

— А если меньше?

— Если мы устанавливаем меньший режим, части земной коры быстрее станут радиоактивными, планета быстрее разогреется, и опасность возрастет. Это означает, что значительное количество населения не успеет вовремя уехать.

— Ну и что?

Мандамус нахмурился:

— Чем быстрее Земля будет разрушаться, тем более вероятно, что земляне и поселенцы заподозрят технологическую причину, и, скорее всего обвинят нас. Поселенцы яростно нападут на нас и будут сражаться за свой священный мир до последней капли крови, лишь бы только покарать нас. Мы уже говорили с вами об этом, и вы, кажется, согласились. Гораздо лучше дать больше времени, за которое мы можем подготовиться к худшему, и за которое сбитая с толку Земля решит, что медленно растущая радиоактивность — непонятный им природный феномен. По моему мнению, сегодня это стало более важным, чем вчера.

— Вот как?

Амадейро тоже нахмурился:

— У вас глупый пуританский взгляд, и я уверен, что вы ищете способ взвалить ответственность за это на мои плечи.

— В данном случае это не трудно, сэр. Совершенно неразумно было посылать робота уничтожать Жискара.

— Наоборот, если это удалось, Жискар единственный, кто может уничтожить нас.

— Сначала он должен был бы найти нас, а он не нашел. Да если бы и нашел — мы же опытные роботехники. Вы думаете, что мы не могли бы справиться с ним?

— Василия думала, что справится, а она знала его лучше, чем мы, и не смогла. И военный корабль, который должен был получить его и уничтожить на расстоянии, тоже не справился. И вот он высадился на Земле. Его надо уничтожить любым путем.

— Он не был уничтожен. Сведений об этом не было.

— Осторожное правительство всегда придерживает дурные известия, а здешние чиновники хоть и варвары, но видимо, осторожны, А если наш робот попался и был допрошен, он должен был войти в непоправимый блок. Это значит, что мы потеряли робота — мы можем себе это позволить — но ничего более. Если Жискар все еще существует, тем больше у нас оснований поспешить.

— Если мы потеряем робота, мы потеряем больше: они там могут установить место этого центра операции. Во всяком случае, не следовало посылать здешнего робота.

— Я взял того, что был под руками, и он ничего

не выдаст. Я думаю, вы можете поверить моему программированию.

— Заморозится его мозг или нет, он одним существованием выдаст свое аврорское происхождение. Земные роботехники — а они есть на этой планете — будут уверены в этом. Тем больше причин сделать радиоактивность медленной. Должно пройти достаточное время, чтобы земляне были в инциденте с роботом и не ассоциировали его с прогрессирующим изменением радиоактивности. Нам нужно самое малое сто лет, а то и все двести.

Он отошел еще раз осмотреть свои инструменты и снова установил контакт с реле 6 и 10, которые все еще считал сомнительными. Амадейро смотрел ему вслед с презрением и сильной неприязнью, бормоча про себя:

— Да, но я не переживу два столетия, вероятно, не переживу и одного. Ты-то проживешь, а я нет.

В Нью-Йорке было раннее утро. Жискар и Дэниел установили это по постепенному усилению активности.

— Где-то наверху, вероятно, рассвет, — сказал Жискар. — Однажды в беседе с Илайджем Бейли два столетия назад я назвал Землю Миром Утренней Зари. Долго она будет таким миром или уже

перестает им быть?

— У тебя мрачные мысли, друг Жискар, — сказал Дэниел. — Не лучше ли заняться тем, что надо сделать сегодня, и сохранить Землю как Мир Утренней Зари?

В комнату вошла Глэдия в халате и шлепанцах.

— Смешно, — сказала она. — Земные женщины идут утром по коридорам в общественные туалеты растрепанными и небрежно одетыми, а выходить должны в полном порядке. Видимо, сначала нужно быть растрепанной, чтобы потом очаровывать ухоженным видом. Видели бы вы, какие взгляды на меня бросали, когда я вышла оттуда в халате. Не торчать же мне там все утро, занимаясь собой!

— Мадам, — сказал Дэниел, — могу я поговорить с вами?

— Только недолго, Дэниел. Ты ведь знаешь, что сегодня большой день, и мои утренние встречи вот-вот начнутся.

— Именно об этом я и хотел поговорить, мадам. В этот важный день вам лучше не быть с нами.

— Почему?

— Эффект, который вы должны произвести на землян, может сильно уменьшиться, если вы

окружите себя роботами.

— Так я и не буду окружена. Вас только двое. Как я буду без вас?

— Вам надо привыкать к этому, мадам. Пока мы с вами, вы очень сильно отличаетесь от землян. Это выглядит так, словно вы боитесь их.

— Но ведь мне нужна какая-то за щита. Дэниел. Вспомни, что случилось вчера.

— Мадам, мы не предвидели того, что случилось, и не могли бы защитить вас. К счастью, мишенью были не вы: бластер был направлен в голову Жискара.

— Почему Жискара?

— Разве робот мог стрелять в человека? По какой-то причине робот стрелял в Жискара. Поэтому, если мы будем рядом с вами, это только увеличит опасность для вас. Не забывайте, что разговоры о вчерашнем событии распространятся, и, хотя земное правительство пыталось умолчать о деталях, все равно пойдут слухи, что робот стрелял из бластера. Это возбудит общественное негодование против роботов, против мае и даже против вас, если вы упорно станете показываться с нами. Вам будет лучше без нас.

— Надолго?

— По крайней мере, до того времени, как за-

кончится ваша миссия, мадам. Капитан сумеет лучше помочь вам в этом деле, чем мы. Он знает землян, он о них высокого мнения… и очень высокого мнения о вас, мадам.

— Откуда вы знаете, что он высокого мнения обо мне?

— Хоть я и робот, но мне так кажется. Мы, разумеется, вернемся, как только вы пожелаете. Но сейчас, мы думаем, самый лучший способ служить вам и защищать вас — это оставить вас в руках капитана Бейли.

— Я об этом подумаю, — сказала Глэдия.

— А мы тем временем, — сказал Дэниел, — повидаемся с капитаном Бейли и узнаем, согласен ли он с нами.

— Валяйте, — сказала Глэдия.

Она ушла в спальню.

Дэниел повернулся и тихо спросил Жискара:

— Она захочет?

— Не только захочет, — ответил Жискар. — Она всегда была чуточку беспокойна в моем присутствии и не будет страдать от моего отсутствия. А вот к тебе, друг Дэниел, у нее противоречивые чувства. Ты напоминаешь ей друга Джандера, дезактивация которого травмировала ее много десятилетий назад. Это и привлекает, и отталки-

вает ее, так что мне надо будет сделать немногое: я уменьшил ее влияние к тебе и увеличил и так сильное влечение к капитану. Она легко обойдется без нас.

— Тогда пойдем к капитану, — сказал Дэниел.

Они вышли в коридор.

И Дэниел, и Жискар уже бывали на Земле, причем Жискар сравнительно недавно. Они умели пользоваться компьютеризированным справочником, который указывал на сектор, крыло и номер квартиры, отведенной Д.Ж., и понимали цветные коды в коридорах, указывающие им правильные повороты и лифты. Для большого движения было еще рано, но встречные были, и ошеломленно смотрели на Жискара, а затем подчеркнуто отворачивались. Шаг Жискара стал неровным, когда они подошли к двери квартиры Д.Ж. Это было почти незаметно, но привлекло внимание Дэниела.

— С тобой что-то не так, друг Жискар?

— Мне пришлось отгонять изумление, подозрительность, даже просто внимание во многих мужчинах и женщинах и в одном подростке, с которым было трудно. Я не имел времени просто удостовериться, не нанес ли я им вреда.

— Но сделать так было необходимо: мы не

должны позволить остановить себя.

— Я понимаю, но Нулевой Закон плохо работает во мне. У меня нет твоей легкости в этом отношении.

Затем он продолжал, как бы желая отделаться от своего дискомфорта.

— Я часто замечал, что гиперсопротивление на позитронных путях действует сначала на ноги, а потом уже на речь.

Дэниел нажал на кнопку звонка и сказал:

— У меня тоже так, друг Жискар. Поддерживать равновесие на двух опорах трудно при самых лучших обстоятельствах. Контролировать устойчивость при ходьбе труднее. Я слышал однажды, что когда-то были попытки производить роботов с четырьмя ногами и двумя руками. Их называли «кентаврами». Работали они хорошо, но их не приняли из-за их явно нечеловеческой внешности.

— В данный момент, — сказал Жискар, — я был бы рад четырем ногам. Но я думаю, что чувство дискомфорта проходит.

В дверях показался Д.Ж. и посмотрел на роботов, широко улыбаясь, но затем он бросил взгляд в обе стороны коридора, и улыбка его исчезла:

— Что вы здесь делаете без Глэдии? Она не…

— Капитан, с мадам Глэдией все в порядке, — сказал Дэниел. — Мы можем войти и объяснить?

Д.Ж. сердито сделал приглашающий жест. Голос его стал грубым, как обычно говорят с капризной машиной:

— Почему вы оставили ее одну? Какие обстоятельства могли позволить вам оставить ее в одиночестве?

— Она не более одинока, чем любая особа на Земле, и не в большей опасности. если вы потом спросите ее, она вам скажет, что не может эффективно действовать здесь, на Земле, если по ее пятам ходят космонитские роботы. Я уверен, что она скажет вам, что ей вполне хватает вашего руководства и защиты, и вы это сделаете лучше, чем роботы. Мы уверены, что она желает этого, по крайней мере, сейчас. Если через какое-то время она пожелает нас вернуть, то мы вернемся.

Д.Ж. снова заулыбался:

— Значит, она желает моей защиты?

— В данный момент, капитан, она больше заинтересована в вашем присутствии, чем в нашем.

Улыбка Д.Ж. превратилась в ухмылку:

— Кто бы стал порицать ее? Я пойду к ней, как только смогу.

— Но сначала, сэр…

— О, — воскликнул Д.Ж. — есть еще что-то?

— Да, сэр. Мы встревожены насчет робота, который стрелял вчера.

Д.Ж. снова напрягся:

— Вы ожидаете новой опасности для мадам Глэдии?

— Нив коем случае. Тот робот стрелял не в леди Глэдию. Как робот, он не мог этого сделать. Он стрелял в друга Жискара.

— Зачем это ему?

— Вот это мы и хотели бы узнать. Для этого нам нужно поговорить с мадам Кинтаной, заместителем министра по энергетике. Это может оказаться очень важным и для вас, и для правительства, если вы попросите ее позволить мне задать ей несколько вопросов. Мы просим вас постараться убедить ее согласиться на это интервью.

— И только-то? И больше вы ничего не хотите? Чтобы я убеждал важное и очень занятое официальное лицо подвергнуться перекрестному допросу со стороны робота?

— Сэр, — сказал Дэниел, — она, наверное, согласится, если вы достаточно заинтересованы в расследовании. И еще. Поскольку она, возможно, находится далеко отсюда, было бы полезно нанять для нас дартер, чтобы доставить нас туда.

Мы, как вы понимаете, спешим.

— Кроме этих мелочей, больше ничего?

— Не совсем так, — сказал Дэниел. — Нам еще нужен водитель, и вы, пожалуйста, заплатите ему как следует, чтобы он согласился везти нашего друга Жискара, явного робота. Меня-то он за робота не примет.

— Надеюсь, вы понимаете, Дэниел, — сказал ДЖ — что вы просите о совершенно немыслимом?

— Я надеялся, что это не так, сэр. Но поскольку вы так считаете, говорить больше не о чем. Нам придется вернуться к мадам Глэдии, и она будет очень недовольна, потому что она хотела быть только с вами.

Он повернулся к выходу, но ДЖ сказал:

— Подождите. В коридоре есть общественный коммуникатор. Я попробую. Оставайтесь здесь и ждите меня.

Роботы остались. Дэниел спросил:

— Ты многое сделал, друг Жискар?

Теперь Жискар вроде бы крепко держался на ногах.

— *И* ничего не мог. Он очень сильно противился иметь дело с мадам Кинтаной, и также сильно — чтобы нанять машину. Я не мог бы изменить эти чувства, не нанеся ущерба. Но когда ты на-

мекнул на наше возвращение к мадам Глэдии, его настроение внезапно и драматически изменилось. Ты почувствовал это друг Дэниел?

— Да.

— Похоже, что ты едва ли нуждаешься во мне. Есть разные способы исправления мозга. Но кое-что я все-таки сделал. Изменение в мыслях капитана сопровождалось сильными и благоприятными эмоциями по отношению к мадам Глэдии, и я их усилил.

— Это и есть причина, по которой ты нужен. Я не мог бы этого сделать.

— Ты еще будешь способен к этому, друг Дэниел, может быть, очень даже скоро.

ДЖ вернулся:

— Как ни невероятно, но она хочет увидеть вас, Дэниел. Дартер и водитель будут через минуту, и чем скорее вы уедете, тем лучше. Я сразу же отправлюсь к Глэдии.

Оба робота вышли в коридор и ждали там. Жискар сказал:

— Он очень счастлив.

— Так и должно быть, друг Жискар. Но я боюсь, что легкие дела для нас кончились. Мы легко устроили так, Чтобы мадам Глэдия предоставила нас самим себе. Затем мы с некоторым трудом

убедили капитана устроить нам встречу с заместителем министра, но вот с ней как бы нам не прийти к печальному концу.

Водитель бросил взгляд на Жискара, и его решимость как рукой сняло.

— Послушайте, — сказал он Дэниелу. — Мне обещали заплатить вдвое, если я повезу робота, но роботам не разрешается быть в Городе, и я могу нарваться на кучу неприятностей. Монета мне не поможет, если я потеряю лицензию. Может, я отвезу только вас, мистер?

— Я тоже робот, сэр. Сейчас мы уже в Городе, и это не ваша вина. Мы собираемся выехать из Города, и вы поможете нам. Мы едем к высокому правительственному чину, который, я надеюсь, это устроит, и ваш гражданский долг — помочь нам. Если вы откажетесь везти нас, водитель, вы таким образом оставите нас в Городе, и это могут счесть противозаконным.

Лицо водителя стало спокойным. Он открыл дверцу и ворчливо сказал:

— Садитесь!

Тем не менее, он тщательно задвинул толстую прозрачную загородку, отделявшую его от пассажиров.

Дэниел тихо спросил:

— Много пришлось поправлять, друг Жискар?

— Очень мало. Просто поразительная коллекция утверждений, которыми можно правильно пользоваться как индивидуально, таки в комбинациях, чтобы добиться эффекта, какого истина не дала бы.

— Я часто замечал это в человеческих разговорах, друг Жискар, даже среди обычно правдивых людей. Я полагаю, мозг таких людей оправдывает это как служение высокой цели.

— Нулевой Закон, ты хочешь сказать?

— Ил и его эквивалент, если человеческий мозг имеет такой эквивалент. Друг Жискар, ты сказал недавно, что я буду иметь свои силы, и, возможно, скоро. Ты готовишь меня для этой цели?

— Да, друг Дэниел.

— Могу я спросить, зачем?

— Опять же Нулевой Закон. Недавний эпизод со слабостью мог показать мне, насколько я уязвим, когда пытаюсь применить Нулевой Закон. До этого дня я собирался действовать по Нулевому Закону, чтобы спасти мир и человечество, но, наверное, не смогу. В этом случае ты должен быть в состоянии сделать работу. Я постепенно готовлю тебя, так что в нужный момент я передам тебе последнюю инструкцию, и все станет на место.

— Я не понимаю, когда наступит это время и как это произойдет.

— После поймешь. Я пользовался этой техникой в очень малой степени на роботах, которых посылал на Землю в древние времена, когда их еще не изгоняли ид городов, и они помогали направлять земных лидеров на одобрение отправки поселенцев.

Водитель, дартер которого был не на колесах, а плыл примерно в сантиметре от пола, вел его по специально предназначенным для таких машин коридорам. Машина шла очень быстро, оправдывая свое название. Она появилась в обычном коридоре, шедшем параллельно экспресс-путям, свернула налево, нырнула под экспресс-пути, вышла с другой стороны, и, пропетляв с пол километра, остановилась перёд богато украшенным зданием. Дверь дартера открылась автоматически. Дэниел вышел, подождал Жискара, и протянул водителю монету, которую получил от Д.Ж. Водитель внимательно рассмотрел ее, резко хлопнул дверцей и быстро умчался, не сказав ни слова.

Дэниел дал сигнал, но дверь открылась не сразу. Дэниел подумал, что их проверяют. Наконец дверь открылась, и молодая женщина проводила

их в главную часть здания. Она избегала смотреть на Жискара, но с большим интересом глядела на Дэниела. Заместитель министра Кинтана сидела за большим письменным столом. Она улыбнулась и сказала с несколько натянутым смехом:

— Два робота без сопровождения человека. Мне не грозит опасность?

— Абсолютно никакой, мадам Кинтана, — серьезно сказал Дэниел. — Это нам непривычно видеть человека, не сопровождаемого роботом.

— Уверяю вас, у меня есть роботы, — сказала Кинтана. — Я называю их помощниками, и одна из них привела вас сюда. Я поражена, что она не упала в обморок при виде Жискара. Она могла бы, если бы ее не предупредили, и если бы вы, Дэниел, не имели такой исключительно интересной внешности. Но речь не об этом. Капитан Бейли был так настойчив в своем желании, чтобы я увиделась с вами, а поддерживать добрые отношения со значительным Поселенческим Миром в моих интересах, поэтому я согласилась на это интервью. Но день у меня очень загружен, так что я буду очень благодарна, если мы проведем это дело быстро. Что я могу сделать для вас, Дэниел?

— Мадам Кинтана… — начал Дэниел.

— Минуточку. Может вы сядете? В прошлый

вечер вы сидели, а не стояли.

— Мы можем сесть, но нам все равно, сидеть или стоять.

— Но мне не все равно. Мне стоять неудобно, а если я сижу, я должна задирать голову, чтобы увидеть вас. Так что, пожалуйста, возьмите стулья и сядьте. Спасибо. Ну, Дэниел, в чем дело?

— Мадам Кинтана, я думаю, вы помните инцидент с бластером вчера после банкета?

— Конечно. Я знаю, что из бластера стрелял гуманоидный робот, хотя официального подтверждения не было. Но сейчас я сижу против двух роботов и не имею защиты. А один из вас тоже гуманоидный.

— У меня нет бластера, мадам, — сказал Дэниел.

Он улыбнулся.

— Я верю. Тот гуманоидный робот вовсе не был похож на вас, Дэниел. Вы — произведение искусства, вы это знаете?

— Я очень сложно запрограммирован, мадам.

— Я имею в виду внешность. Так что насчет инцидента с бластером?

— Мадам, у того робота где-то на Земле база, и я должен знать, где она. Я приехал с Авроры с приказом отыскать эту базу и предупредить

инциденты, могущие нарушить мир между планетами. У меня есть основания считать…

— *Вы* приехали? Не капитан? Не мадам Глэдия?

— *Мы*, мадам, Жискар и я. Я не имею права сказать вам, каким образом мы пришли к пониманию задачи, и я не могу назвать вам имя человека, по приказу которого мы действуем.

— Подумать только! Межзвездный шпионаж! Очаровательно! Какая жалость, что я не могу помочь вам. Я не знаю, откуда взялся тот робот, не имею представления, где может быть его база, и даже не помышляю, почему вы пришли именно ко мне за такой информацией. На вашем месте я обратилась бы в Департамент безопасности.

Она наклонилась к Дэниелу:

— На вашем лице настоящая кожа, Дэниел? Если нет, то это изумительная имитация.

Она протянула руку и осторожно дотронулась до его щеки.

— Она даже на ощупь настоящая.

— Тем не менее, мадам, это не настоящая кожа. Если ее разрезать она сама собой не зарастет. Но с другой стороны, ее легко зашить даже поставить заплатку.

— Фу! — сказала Кинтана.

Она сморщила нос.

— Но наше дело закончено, поскольку я не могу помочь вам. Я ничего не знаю.

— Позвольте мне кое-что объяснить, мадам. Тот робот, по-видимому, был частью группы, заинтересованной в ускорении энергопроизводящего процесса, который вы вчера описали — расщепления. Допустим, что это так и есть. Кто-то интересуется расщеплением и содержанием урана в земной коре. Какое место подошло бы этим людям в качестве базы?

— Старые урановые рудники, возможно. Но я не знаю, где они расположены. Поймите, Дэниел, у Земли почти суеверное отвращение ко всему ядерному, в особенности к расщеплению. В наших популярных работах по энергии вы не найдете почти ничего насчет расщепления, а в технических изданиях для специалистов — только голую суть. Даже я очень мало знаю об этом, тем более что я администратор, а не ученый.

— Тогда еще кое-что, мадам. Мы допрашивали робота-убийцу насчет местонахождения его базы, и допрашивали очень строго. Но он был запрограммирован на дезактивацию, на полное замораживание мозга в случае допроса, и он так и сделал, Однако, перед этим в последней борьбе

между дезактивацией и приказом отвечать он трижды открыл рот, вроде бы собираясь сказать три слова, три группы слов, три слога. Однако слово было «миль». Означает ли это что-нибудь, имеющее отношение к расщеплению?

Кинтана медленно покачала головой:

— Нет, я не могу сказать, что это значит. Такого слова вы не найдете в словаре Галактического Стандартного. Простите меня, Дэниел. Приятно было встретиться с вами снова, но мой стол завален бумагами, которые нужно обработать. Я надеюсь, вы извините меня.

Дэниел сказал, как бы не слыша ее слов:

— Я слышал, мадам, что «миль» — какая-то древняя мера длины. Кажется, больше километра.

— Даже если это и правда, это слово тут совсем неуместно. Откуда аврорскому роботу знать старинные…

Она резко замолчала. Глаза ее широко раскрылись, лицо побледнело.

— Постойте! Неужели…

— Что, мадам?

— Есть место, которое избегают все, и земляне, и роботы. Драматично выражаясь, это заклятое место, настолько заклятое, что начисто вытравилось из сознания. Его нет даже на карте. Это

квинтэссенция всего, что означает расщепление. Я помню, что наткнулась на него в очень старом фильме еще в самом начале моей работы здесь. Там говорилось насчет местоположения «инцидента», который навеки отвел мысли землян от расщепления как источника энергии. Это место называлось «Трехмильный Остров».

— Значит место абсолютно изолированное, — сказал Дэниел, — свободное от какого бы то ни было вторжения, место, где наверняка есть расщепляющиеся материалы, идеальное для тайной базы и с трехсложным названием, где «миль» — средний слог. Именно это место и есть, мадам. Не скажете ли вы нам, как туда добраться, и не поможете ли с разрешением выйти из города и попасть на этот Трехмильный Остров?

Кинтана улыбнулась. Улыбка молодила ее:

— Ясно, что если вы имеете дело с интересным случаем межзвездного шпионажа, вы не можете терять времени, верно?

— Действительно, не можем, мадам.

— Ладно. Сочтем, что в круг моих обязанностей входит повидать этот Трехмильный Остров? Почему бы мне не взять вас с собой в аэрокар? Я умею управлять им.

— Мадам, но ваша куча бумаг…

— Ее никто не тронет. Она так и будет тут, когда я вернусь.

— Но вам придется выехать из Города…

— Ну и что? Сейчас не старые времена. В древние тяжелые дни космонитского господства земляне никогда не выходили из Городов, но теперь мы почти два столетия выходим и даже заселяем Галактику. Есть, конечно, такие, кто придерживается старых обычаев, но большинство стало вполне мобильными. Наверное, мы всегда думаем, что со временем присоединимся к какой-нибудь поселенческой группе. Сама я не намерена этого делать, но часто летаю в собственном аэрокаре, и пять лет назад летала в Чикаго и обратно. Посидите, я сейчас отдам распоряжения.

Ее как ветром сдуло. Дэниел глянул ей вслед и прошептал:

— Друг Жискар, это вроде бы не характерно для нее. Ты что-то сделал?

— Чуточку. Когда мы сюда входили, мне показалось, что проводившая нас сюда молодая женщина была заинтересована твоей внешностью. Я почти уверен, что тот же фактор присутствовал в мозгу Кинтаны вчера на банкете, хотя я был очень далеко от нее, и было много

другого народа. Здесь, как только ты начал с ней разговаривать, влечение было безошибочным. Я мало-помалу усиливал его, и каждый раз, когда она намекала на конец интервью, она была все менее решительной и всерьез не возражала против продолжения разговора. Наконец, когда она сказала насчет аэрокара, ей, я уверен, хотелось побыть с тобой подольше.

— Это может осложнить мне дело, — задумчиво сказал Дэниел.

— Все это ради доброй цели, — сказал Жискар. — Думай об этом в пределах Нулевого Закона.

Казалось, он улыбнулся, говоря это, хотя его лицо не могло иметь такого выражения.

Кинтана облегченно вздохнула, когда посадила аэрокар на подходящее для этого место. Тут же подошли два робота осмотреть машину и при необходимости перезарядить. Кинтана перегнулась через Дэниела и показала вправо:

— Вот там в нескольких километрах отсюда река. Какой жаркий день!

Она выпрямилась с явной неохотой и улыбнулась Дэниелу:

— Это самое плохое, когда покидаешь Город. Окрестности совершенно не контролируются. Подумать только — позволить быть такой жаре!

Вы ее не чувствуете, Дэниел?

— У меня внутренний термостат, мадам, он хорошо работает.

— Чудесно. Хотела бы я иметь такой. В этих местах нет дороги, Дэниел, и нет роботов, которые проводили бы вас, потому что они никогда туда не ходят. И я не знаю, где именно нужное место. Мы должны идти наугад и можем пройти мимо этой базы, даже если мы окажемся совсем рядом.

— Не «мы», мадам. Вам надо остаться. Дальнейшее может быть опасным, но и в любом случае вы без кондиционера, и путешествие будет для вас физически непосильным. Могли бы вы подождать нас, мадам?

— Я подожду.

— Но мы можем затратить несколько часов.

— Здесь есть кое-какие облегчения, а неподалеку, маленький городок Гаррисбург.

— В таком случае, мы пошли, мадам.

Дэниел легко вышел из аэрокара. Жискар последовал за ним. Был полдень, и яркое солнце отражалось в полированных частях тела Жискара.

— Любой признак мысленной активности, который ты заметишь, будет тем, что мы ищем, — сказал Дэниел. — Здесь на много километров нет

никого другого.

— Ты уверен, что мы идем правильно?

— Нет, друг Жискар, но мы должны.

Левулар Мандамус хмыкнул и, скупо улыбнувшись, посмотрел на Амадейро.

— Поразительно, — сказал он, — *и* более чем удовлетворительно.

Амадейро вытер лицо обрывком полотенца и спросил:

— Что это означает?

— Это означает, что все релейные станции в рабочем состоянии.

— Значит, вы можете приступить к усилению?

— Как только рассчитаю правильную концентрацию частиц.

— И долго это продлится?

— Минут пятнадцать, может, тридцать.

Амадейро ждал, все более хмурясь, пока Мандамус не сказал:

— Все в порядке. Я хочу установить на временной шкале 2,72. Это даст нам полтора столетия, прежде чем высший уровень равновесия достигает того, что будет поддерживаться без существенных изменений миллионы лет. При этом уровне Земля в лучшем случае сможет иметь лишь несколько разбросанных групп людей в

относительно мало радиоактивных районах. Нам остается только подождать полтора столетия, и дезорганизованные группы Поселенческих Миров станут нашей легкой добычей.

— Я не проживу еще полтора столетия, — сказал Амадейро.

— Сочувствую, сэр, — ответил Мандамус, — но мы сейчас говорим об Авроре и Внешних Мирах. Появятся другие, которые возьмут на себя нашу задачу.

— Вы, например?

— Вы мне обещали главенство в Институте, и, как вы знаете, я жаждал этого. С этой политической базой я могу надеяться стать когда-нибудь Председателем, и я поведу такую политику, которая обеспечит растворение анархических миров поселенцев.

— Приятно слышать. А что, если вы установите поток частиц, а кто-нибудь возьмет да и понизит его еще на полтора столетия?

— Это невозможно, сэр. Как только прибор включится, внутренний сдвиг застынет в этом положении. После этого процесс становится необратимым, что бы ни случилось. Все это место может испариться, а земная кора все равно будет медленно гореть. Я полагаю, что можно постро-

ить целиком новую систему, если кто-то на Земле или из поселенцев мог бы сдублировать мою работу, но даже в этом случае доза радиоактивности только увеличится, но не уменьшится. Второй Закон термодинамики присмотрит за этим.

— Мандамус, вы сказали, что жаждете быть Главой. Однако, это зависит от меня, значит, и я должен решать *это* дело.

— Нет, сэр, не вы, — холодно сказал Мандамус. — Детали этого процесса известны мне, а не вам. Эти детали закодированы в том месте, которое вы не найдете, к тому же оно охраняется роботами, которые скорее уничтожат их, чем отдадут в ваши руки. Вы не можете повлиять на них, а я могу.

— Тем не менее, — сказал Амадейро, — вам очень важно было получить мое одобрение. Если вы вырвете главенство из моих рук каким бы то ни было способом, вы будете иметь постоянную оппозицию среди других членов Совета, что будет мешать вам все ваши десятилетия на этом посту. Вы хотите только титула Главы или возможности пользоваться всем, что связано с истинным лидерством?

— Разве сейчас время говорить о политике? Минуту назад вы рвали и метали, что я задержусь

на пятнадцать минут над компьютером.

— Да, но сейчас мы говорим об установлении потока частиц. Вы хотите поставить его на 2,72 — что это за цифра? — а я гадаю, правильно ли это. Какой высший ряд вы можете установить?

— Шкала от нуля до двенадцати, но требуется 2,72 плюс-минус 0,06, если вы желаете большей точности. На основании рапортов со всех четырнадцати реле, это даст нам промежуток на полтора столетия до равновесия.

— Но, я думаю, правильной цифрой будет 12.

Мандамус с ужасом уставился на него:

— Двенадцать? Да вы понимаете, что это означает?

— Да, это означает, что Земля станет слишком радиоактивной для жизни через десять-пятнадцать лет, и в этом процессе мы убьем несколько миллиардов землян.

— И развяжем войну с разъяренной федерацией поселенцев. Зачем нам эта резня?

— Повторяю вам: я не надеюсь прожить еще полтора столетия, но хочу при жизни увидеть уничтожение Земли.

— Но вы также обеспечите искалечение — это в лучшем случае — Авроры. Не может быть, чтобы вы говорили серьезно.

— Я говорю вполне серьезно. У меня два столетия поражений и унижений.

— Их принесли вам Хэн Фастольф и Жискар, но не Земля.

— Нет, их принес землянин Илайдж Бейли.

— Он умер более полутора столетий назад. Чего стоит момент мести давно умершему человеку?

— Я не хочу спорить об этом. Я сделаю вам предложение: главенство немедленно. Как только мы вернемся на Аврору, я уйду со своего поста и назначу вас на мое место.

— Нет, я не хочу главенства на таких условиях. Смерть миллиардов!

— Миллиардов *землям*. Ну, тогда я не могу доверить вам действие. Покажите *мне,* как включить контрольный прибор. И я возьму всю ответственность на себя. Но все равно по возвращении я уйду со своего поста и отдам его вам.

— Нет. Это все равно будет означать смерть миллиардов и, кто знает, скольких миллионов космонитов. Доктор Амадейро, поймите, пожалуйста, что я ни в коем случае не сделаю этого. А вы без меня не сможете сделать. Механизм включается отпечатком моего большого пальца.

— Я прошу вас.

— Вы не в своем уме, если просите, несмотря на

то, что я вам сказал.

— Это, Мандамус, ваше личное мнение. Я не настолько безумен, чтобы не сообразить разослать всех здешних роботов по разным местам. Мы с вами здесь одни.

Мандамус приподнял в оскале уголок верхней губы:

— И чем же вы намерены угрожать мне? Не собираетесь ли вы убить меня, пока нет роботов, могущих остановить вас?

— Да, Мандамус, вообще-то могу, если захочу.

Амадейро извлек из кармана бластер малого калибра.

— На Земле такие вещи добыть трудно, но возможно, стоит хорошо заплатить. И я умею этим пользоваться; уж поверьте, если я скажу, что прострелю вам голову с большой охотой, если вы не приложите свой большой палец к контакту и не позволите мне поставить шкалу на двенадцать.

— Не посмеете. Если я умру — как вы включите прибор?

— Вы что, идиот? Если я пробью вам голову, ваш палец останется невредимым. Некоторое время в нем даже останется горячая кровь. Вот им и воспользуюсь. Я предпочел бы, чтобы вы остались в живых, потому что утомительно будет объяс-

нять на Авроре вашу смерть, но это я как-нибудь вытерплю. Так вот, даю я вам тридцать секунд на размышления. Если будете сотрудничать, я немедленно отдаю вам пост Главы Института, нет — все будет так, как я хочу, а вы умрете. Начинаю: один, два, три…

Мандамус в ужасе смотрел на Амадейро, который продолжал считать, глядя на Мандамуса поверх бластера твердыми холодными глазами.

Затем Мандамус прошипел:

— Уберите бластер, Амадейро, иначе мы оба будем обездвижены под предлогом, что нас надо защитить от вреда.

Предупреждение опоздало. Молниеносно протянулась рука и схватила Амадейро за запястье, парализовав его, бластер выпал.

— Извините, — сказал Дэниел, — что я причинил вам некоторую боль, доктор Амадейро, но я не могу позволить вам держать бластер, направленный на другого человека.

Амадейро не сказал ничего, а Мандамус холодно произнес:

— Вы два робота, с которыми, как я вижу, нет хозяина. В его отсутствие ваш хозяин я, и я приказываю вам уйти и не возвращаться. Поскольку, как вы видите, никому из людей в данный момент

не грозит опасность, ничто не может пересилить вашу обязанность повиноваться этому приказу. Уходите.

— Простите, сэр, — сказал Дэниел, — нет нужды скрывать от вас наши имена и способности, поскольку вы их уже знаете. Мой спутник Р. Жискар Ривентлов, умеет определять эмоции. Друг Жискар!

Жискар сказал:

— Когда мы подходили, определив ваше присутствие издалека, я отметил, доктор Амадейро, что ваш мозг переполнен яростью. В вашем, доктор Мандамус, была крайняя степень страха.

— Если и была ярость, — сказал Мандамус, — это была реакция доктора Амадейро на приближение двух необычных роботов, особенно того, который способен вмешиваться в человеческий мозги который погубил, может быть, навсегда, мозг леди Василии. Мой страх, если он был, также явился результатом его появления. Теперь мы овладели своими эмоциями и вам нет оснований вмешиваться. Мы приказываем вам уйти.

— Прошу прощения, доктор Мандамус, — сказал Дэниел, — но я просто хочу удостовериться, что мы можем спокойно следовать вашим приказам. Не было ли бластера в руке доктора Амадейро

и не был ли этот бластер направлен на вас?

— Он объяснял мне, как работает бластер, и собирался убрать его, когда ты схватил его.

— Тогда я должен вернуть его доктору Амадейро, прежде чем уйду?

— Нет, — без колебаний ответил Мандамус, — потому что у вас будет уважительная причина остаться здесь и, как вы скажете, защищать нас. Возьмите бластер с собой и уходите, и у вас не будет оснований возвращаться.

— У нас есть основания думать, — сказал Дэниел, — что вы сейчас в районе, куда людям не разрешено проникать…

— Это обычай, а не закон, и на нас он в любом случае не распространяется, поскольку мы не земляне. Кстати, роботам тоже не разрешается быть, здесь.

— Мы доставлены сюда, доктор Мандамус, высоким лицом земного правительства. У нас есть основания думать, что вы здесь намерены поднять уровень радиоактивности в земной коре и нанести серьезный и непоправимый вред планете.

— Отнюдь нет… — начал Мандамус.

Амадейро в первый раз вмешался:

— По какому праву, робот, ты устраиваешь нам

перекрестный допрос? Мы люди и отдали вам приказ. Подчиняйтесь!

Его авторитетный тон заставил Дэниела вздрогнуть, а Жискар наполовину повернулся. Но Дэниел сказал:

— Простите, доктор Амадейро, но я не веду перекрестного допроса, я только хочу быть уверенным, что могу спокойно последовать вашему приказу. У нас есть основания думать, что…

— Можешь не повторять, — сказал Мандамус.

Он повернулся к Амадейро:

— Доктор Амадейро, разрешите мне ответить.

Затем он вновь повернулся к Дэниелу:

— Дэниел, мы здесь с антропологической миссией. Наша задача — найти истоки различных человеческих обычаев, влияющих на поведение космонитов. Эти истоки можно найти только на Земле, вот мы их тут и ищем.

— У вас есть на это разрешение Земли?

— Семь лет назад я разговаривал с соответствующими чиновниками Земли и получил разрешение.

— Что скажешь, друг Жискар?

— Показания мозга доктора Мандамуса таковы, что его слова не соответствуют существующему положению.

— Значит, он лжет?

— Предполагаю.

Мандамус сказал с непоколебимым спокойствием:

— Может, ты и предполагаешь, но предположение — не достоверность. Ты не можешь не повиноваться приказу на основании простого предположения. *Я* знаю это, и ты это знаешь.

Жискар сказал:

— Но в мозгу доктора Амадейро ярость сдерживалась только эмоциональными силами, которых вряд ли требовала работа. Вполне возможно, что эти силы, так сказать, соскользнут, и ярость вырвется наружу.

— Чего вы виляете перед ними, Мандамус? — закричал Амадейро.

Мандамус заорал в ответ:

— Молчите, Амадейро! Вы играете им на руку.

— Это унизительно и бесполезно, — продолжал Амадейро.

Он со злобой оттолкнул протянутую к нему руку Мандамуса.

— Они знают правду! Ну и что? Роботы, мы — космониты, больше того, мы — аврорцы, с планеты, где вы были сконструированы. И еще того больше, мы высокие официальные лица на

Авроре, и вы должны понимать слова «люди» в Трех Законах Роботехники как означающее аврорцев. Если вы не повинуетесь нам сейчас, вы вредите нам и уничтожаете нас, и нарушаете этим Первый и Второй Законы. Это правда, что наши действия здесь направлены на уничтожение эемлян, даже большого их количества, но это к делу не относится. Это все равно, как если бы вы отказались повиноваться нам, потому что мы едим мясо убитых нами животных. Ну, я объяснил вам все, а теперь убирайтесь!

Последние его слова превратились в хрип. Глаза Амадейро вытаращились, и он упал. Мандамус беззвучно открыв рот, склонился над ним. Жискар сказал:

— Доктор Мандамус, доктор Амадейро жив. Он в коме, из которой его в любое время можно вывести. Но он забудет все, связанное с этим проектом, и ничего не поймет, если вы станете объяснять ему. Я не мог бы этого сделать, если бы не собственное признание доктора Амадейро, что он намерен уничтожить большое количество землян. Я возможно, навсегда повредил некоторые участки его памяти и некоторые мыслительные процессы. Сожалею, но ничем не могу помочь.

— Знаете, доктор Мандамус, — сказал Дэни-

ел, — некоторое время назад мы встретили на Солярии роботов, которые узко определяли людей того или иного рода, они могут стать причиной безмерных разрушений. Бесполезно пытаться ограничить у нас понятие «люди» только аврорцами. Мы определяем людей как всех членов рода хомо сапиенс, включающего земляне и поселенцев, и мы чувствуем, что предупредить вред для группы людей и человечества в целом важнее, чем предупредить вред для индивидуума.

— Первый Закон говорит не так, — почти беззвучно сказал Мандамус.

— Я называю это Нулевым Законом, и он предшествует Первому.

— Ты не был запрограммирован на такое.

— Так я сам себя запрограммировал. И, поскольку я знаю, что вы присутствуете здесь для нанесения вреда, вы не можете приказать мне уйти или удержать меня от нанесения вреда вам. Поэтому я прошу вас добровольно уничтожить эти ваши приборы, иначе я буду вынужден угрожать вам, как делал доктор Амадейро, хотя я и не воспользуюсь бластером.

Мандамус сказал:

— Подожди! Выслушай меня. Дай мне объяснить. Из головы этого Амадейро начисто

выветрилось все хорошее. Он хотел уничтожить Землю, а *не я хочу.* Вот поэтому он и целился в меня из бластера.

— Однако именно вы, — сказал Дэниел, — придумали план и создали эти приборы, иначе доктору Амадейро не нужно было бы принуждать вас что-то сделать. Он сделал бы это сам, не требуя *от* вас никакой помощи. Правильно?

— Да. Жискар может засвидетельствовать мои эмоции и увидеть, лгу ли я. Я построил эти приборы и был готов воспользоваться ими, но не в той форме, в которой желал доктор Амадейро. Я говорю правду?

Дэниел посмотрел на Жискара и тот ответил:

— На мой взгляд, он говорит правду.

— Конечно, правду, — сказал Мандамус. — Я хотел ввести очень медленное увеличение радиоактивности в земную кору. Должно пройти сто пятьдесят лет, в течение которых народ Земли может перебираться на другое планеты. Увеличится население имеющихся Поселенческих Миров, и будут основаны новые в большом количестве. Это устранит Землю как огромный аномальный мир, который вечно угрожает космонитам и сводит на нет усилия поселенцев. Устранится центр мистического пыла, который так тянет поселенцев

назад. Я говорю правду?

Жискар снова сказал:

— На мой взгляд, он говорит правду.

— Мой план, если он сработает, сохранит мир и сделает Галактику домом как для космонитов, так и для поселенцев. Вот почему, когда я конструировал этот прибор…

Он, указав на прибор, положил большой палец на контакт и бросился к общему управлению, крикнув:

— Застыть!

Дэниел, двинувшийся было к нему, застыл с поднятой рукой. Жискар не шевельнулся.

Мандамус, задыхаясь, вернулся.

— Поставлено на 2,72. Изменить сделанное нельзя. Теперь все пойдет так, как я задумал. Вы не можете выдать меня, потому что этим вы развяжете войну, а ваш Нулевой Закон запрещает это!

Он холодно и презрительно взглянул на распростертого Амадейро:

— Дурак! Ты так и не узнаешь, как это надо было сделать!

Мандамус сказал:

— Теперь вы не можете повредить мне, роботы, и ничего не сделаете, чтобы изменить судьбу

Земли.

— Тем не менее, — сказал Жискар, — вы не будете помнить о том, что сделали. Вы ничего не объясните космонитам.

Он дрожавшей рукой подтянул к себе стул и сел, в то время как Мандамус упал и как бы погрузился в сон.

— Во всяком случае, — с отчаянием сказал Дэниел, — я потерпел неудачу.

Он поглядел на два бесчувственных тела.

— Когда мне было совершенно необходимо схватить доктора Мандамуса, чтобы предупредить вред для людей, не присутствовавших перед моими глазами, и я оказался вынужденным последовать его приказу и застыть. Нулевой Закон не сработал.

— Нет, друг Дэниел, — сказал Жискар, — ты не потерпел неудачу. Это я остановил тебя. У доктора Мандамуса было стремление сделать то, что он хотел, но его удерживал страх перед твоей реакцией, если он попытается действовать. Я нейтрализовал его страх, а затем нейтрализовал тебя. Так что доктор Мандамус поставил земную кору, так сказать, на медленный огонь.

— Но зачем, друг Жискар?

— Потому что он говорил правду. Я так и сказал

тебе. Он-то думал, что он лжет. Из торжества в его мозгу я вынес твердое впечатление, что, по его мнению, растущая радиоактивность вызовет анархию среди землян и поселенцев, и тогда космониты уничтожат их и захватят Галактику. Но я подумал, что сценарий, представленный им для нас, правильный. Устранение Земли как перенаселенного мира уничтожит мистику, которая, как я уже почувствовал, опасна, и это поможет поселенцам. Они бросятся во все стороны по Галактике удвоенными шагами и без Земли, на которую всегда оглядывались, которую сделали богом прошлого, организуют Галактическую Империю. Нам необходимо сделать это возможным.

Он сделал паузу и слабым голосом добавил:

— Роботы и Империя.

— Как ты себя чувствуешь, друг Жискар?

— Я не могу стоять, но говорить еще могу. Пора передать тебе мой груз. Я направил тебя на ментальное обнаружение и контроль. Тебе осталось только выслушать последний путь, чтобы ты мог впечатать его в себя. Слушай.

Он говорил ровно, но с растущей слабостью, словами и символами, которые Дэниел чувствовал внутри себя. Слушая, Дэниел ощущал, как пути движутся и встают на место. Когда Жис-

кар закончил, Дэниел вдруг услышал холодное мурлыканье мозга Мандамуса, вторгшееся в его мозг, неровное биение мозга Амадейро и тонкую металлическую нить мозга Жискара.

— Вернись к мадам Кинтане, — сказал Жискар, — и устрой, чтобы этих двух людей отправили на Аврору. Они более не смогут повредить Земле. Затем присмотри, чтобы силы безопасности Земли нашли и дезактивировали гуманоидных роботов, посланных на Землю Мандамусом. Будь осторожен, пользуясь своей новой силой, потому что она нова для тебя и не будет под отличным контролем. Со временем ты усовершенствуешься, если будешь тщательно проводить самоанализ в каждом случае. Пользуйся Нулевым Законом, но не оправдывай ненужный вред индивидуумам. Первый Закон почти не так важен. Защищай мадам Глэдию и капитана Бейли. Пусть они будут счастливы вместе, пусть мадам Глэдия продолжает свои усилия нести мир. Пригляди, чтобы земляне через десятилетия ушли с этой планеты. И еще одно… если я вспомню… да, если сможешь, узнай, куда исчезли соляриане. Это может оказаться важным.

Голос Жискара оборвался. Дэниел встал на колени рядом с сидевшим Жискаром и взял не

реагировавшую металлическую руку Жискара в свою.

— Очнись, друг Жискар, — сказал он мучительным шепотом. — То, что ты сделал, было правильным по Нулевому Закону. Ты спас множество жизней. Ты сделал благо для человечества. Зачем так страдать, если все сделанное тобой спасительно?

Жискар сказал тихим искаженным голосом. Его слова едва можно было разобрать:

— Потому что я неуверен. Что, если другая точка зрения правильна, и космониты восторжествуют, а потом сами придут в упадок, и Галактика будет пуста... Прощай, друг Дэниел...

Жискар умолк и больше не говорил.

Дэниел встал. Он остался один... чтобы заботиться о Галактике.

Айзек Азимов

А35 **Роботы утренней зари. Перевод с англ. Составитель В. П. Кирчев, Кишинев «ЭЯ», 1993 г.— 768 с. (Серия «Зарубежная фантастика», вып. 19).**